

**БИБЛИОТЕКА
ЛИТЕРАТУРЫ
ДРЕВНЕЙ
РУСИ**

ТОМ
10
XVI век

Санкт-Петербург
"НАУКА"
2000

ББК 84Р1
Б 59

Под редакцией

Д. С. Лихачева, Л. А. Дмитриева,
А. А. Алексеева, Н. В. Поньрко

ТП-99-И-218
ISBN 5-02-028406-8 (Т. 10)
ISBN 5-02-028307-Х

© Издательство «Наука», 2000

ЛИТЕРАТУРА «ГОСУДАРСТВЕННОГО УСТРОЕНИЯ»

Литература — духовный организатор мира культуры. Она противостоит хаосу антикультуры, изначальной дисгармонии мира. Ее организующая роль тем сильнее, чем обширнее страна, чем больше в ней региональных, социальных, внутрифеодальных различий, бытовых особенностей — социальных и местных. Литература — огромное органическое целое, носящее активный, действенный характер. Именно потому в такой большой и пестрой стране, как феодальная Россия, литература играла в культурной жизни особенно важную, связующую роль. Она создавала идеалы поведения, идеалы личности, идеалы быта и государственного устройства.

Эти идеалы носили собирательную, объединительную функцию, и нужда в них проявлялась тем острее, чем больше развивалось объединение государственное.

Середина XVI века была эпохой величайшего государственного торжества на Руси, исконно русские земли были собраны воедино, присоединено Казанское царство, присоединено Астраханское царство, Волга стала целиком русской. Был открыт путь на Восток, в Сибирь и Среднюю Азию. Предстояло открыть ворота на Запад через Ливонию. Государство стало единым под властью одного сильного монарха вместо десятков слабых князей. Россия в глазах официозных идеологов русской государственности была близка к выполнению своей официальной исторической миссии: стать новым Римом. Миссия эта была своеобразным государственным мифом. Преодолеть для достижения идеала мифа Третьего Рима осталось совсем малое. «Стоглав» и книгопечатание, «Домострой» и «Степенная книга», казалось, упразднят культурные различия в государстве. «Четьи-Минеи» соберут всю читающуюся литературу, даже расположат ее для чтения по дням года. Чтение войдет в годовой цикл: каждому месяцу года, каждому дню месяца — свое, предназначенное. Сама история вот-вот закончится, ибо в мире полной политической и

культурной упорядоченности не останется места для событий, случайностей, различий. А в непогрешимости монарха сомневаться не приходилось, ибо к монарху-то, согласно официальному мифу, все и сводится. Воля государя укрепляет все. Он над церковью и над государством. Он над людьми и над всеми их думами.

В эпоху образования единого русского централизованного государства литература становится не просто изображением действительности, но изображением неких идеалов, господствовавших в жизни, глашатаем жизненных ценностей, строителем идеального единого распорядка и уклада жизни.

Если в предшествующую эпоху создавалось то, что должно было стать идеалом, то в середине XVI века идеал был создан, и создана была почва для его, казалось бы, быстрого осуществления: русская территория была собрана, самостоятельность отдельных княжеств уничтожена, земли и церковь объединены.

Литература середины XVI века занята «устройством жизни». С одной стороны, продолжается присоединение к Русскому государству новых областей. Однако с другой стороны, эти новые области сами вносят разлад в быт, обычаи, искусство, письменность, даже в церковное устройство. Вожделенное единство ускользает, особенно в связи с присоединением нерусских областей — Казанского и Астраханского царств. Необходимость удержать и укрепить прочность быта, прочность и единство культуры возрастает все в большей мере.

Академик А. С. Орлов называл эпоху, начинающуюся с середины XVI века, — эпохой «обобщающих предприятий». «Стоглав» крепит единство и устойчивость церкви, «Домострой» вводит быт в регламентированные и идеализированные формы, «Степенная книга» и «Лицевой летописный свод» создают стройную концепцию русской истории: как бы целеустремленную к тому, чтобы стать опорой вселенского православия. Эта последняя концепция стала осуществляться в литературе уже в предшествующую пору, когда возникла идея Москвы как «Третьего Рима» — третьего и последнего; мирового царства, предназначенного провидением выполнить мировую роль, дать завершающее торжество православию и православному государству. В эпоху же, о которой идет речь, расширяется «Легенда о Белом Клобуке» — знаке не запятнанного ересями православия, который достаиваются носить наследники Первого Рима и Царьграда — новгородские митрополиты, многие из которых переходили затем из Новгорода на Москву.

Итак, в 50—60-х годах проводятся многочисленные реформы, направленные на укрепление централизованного государства, на унификацию всей культурной, политической, экономической жизни страны. Унификация эта — подведение всей страны под некие нормы, создавшиеся в представлениях правящего класса отчасти под влиянием широкой полемики, разгоревшейся в

литературе в предшествующий период. Хотя сама полемика в этот предшествующий период велась довольно широко и различные точки зрения были в ней представлены с относительной свободой, — результаты полемики свелись к тому, что монархическая власть сочла оправданным свое вмешательство во все стороны жизни своих подданных, и создававшиеся произведения, в большинстве своем огромные и пышные, приобрели характер предписаний и установлений, официальных историй и поучений к созданию единообразия во всех сторонах жизни: «Стоглав», «Домострой», «Чин венчания на царство», «Великие Четы-Миней», «Казанская история».

Во всем порядок и строгость. При этом вот на что следует обратить внимание. Предполагается единый быт всех слоев общества, единый круг чтения для всех, единое законодательство — как и единая денежная система. У одних побогаче, у других победнее, но в целом одинаковая. «Домострой» предлагает общие нормы семейной жизни для всех классов и сословий. Различие, которое допускается, — только в числе, количестве, богатстве. Двор одинаковый у крестьянина, купца, боярина — никаких отличий по существу. Все хозяйство ведется одинаково. «Великие Четы-Миней» предполагают общее чтение для всех. Тут и сложнейшие богословско-философские сочинения Дионисия Ареопагита и сравнительно простые жития русских святых. Разумеется, если не понимаешь, то можно и не читать, но если понимаешь, — то читать следует то, что предлагается, и в надлежащие дни года. Совершается словно возвращение к годовому кругу жизни, которое оставалось еще действенным в земледельческом и церковном обиходе. Изменения крупного исторического плана не предусматривались. Оставалось только славить историю, приведшую к утверждению Москвы как центра человечества, и настоящее, которое можно улучшать в частностях, но нельзя изменять в целом. Происходит возвращение к монументализму, характерному для литературы и искусства Киевской Руси, но только утверждающемуся на другой основе. Перед первым монументализмом открывался мир во всем его величии и грандиозности. Перед вторым монументализмом он закрывался и застывал как достигнутый идеал. Первый живил, второй мертвил. У первого было все впереди, у второго — позади. Этот второй монументализм отличался особым консерватизмом, сочетанием веры в совсем близкое достижение идеала и полного отказа от творческого отношения к современной авторам действительности.

Идеал, доведенный до деталей, требует церемониальности. Эта любовь к церемониальности во всем чувствуется в XVI веке и во всем приобретает свои формы. Может вызвать недоумение: какое отношение могут иметь к литературе чин свадебный, чин венчания на царство? На самом деле в этих на первый взгляд сухих указаниях есть такая сила любви к церемониальности, которая поднимает их до уровня своеобразной поэзии. Это документы художественного творчества — творчества в области житейской, бытовой, но тем не

мене не совсем обычной, ибо нельзя думать, что свадьбы справлялись всегда и всюду именно по одному чину. Скорее всего, это художественный идеал, свод рекомендаций, следовать которым надлежало лишь посылно.

Стиль, который следует признать господствующим в XVI веке, — это стиль церемониального монументализма, он может быть назван также стилем второго монументализма, учитывая, что первый монументализм — это стиль XI—XIII веков.

Господствующий в XVI веке стиль характеризуется не только пышностью традиционных форм, но и особым отношением к миру, стремящимся все подчинить определенным идеалам поведения и мироустройства. Стиль этот в известной мере деспотичен, ибо он не только *обнаруживает* в мире определенные стороны, особенности, но и *навязывает* эти особенности миру, исходя в основном из нужд феодального государства, впервые осуществившего на определенном уровне свое единство на огромной территории. Вместе с тем литература все больше обращается к действительности. Само по себе это обращение может быть различным: к большей ее изобразительности и наглядности, к светскому осмыслению, к документированности или к мелочевидению, к вниманию к подробностям событий, к строгой выдержанности последовательности рассказа, к жизненной наблюдательности, к связности рассказа как к некоему своеобразному повторению жизненного процесса и т. д.

«Повесть о болезни и смерти Василия III» стремится изобразить подробности событий. Эти подробности выстраиваются в некую цельную картину болезни, беспокойных передвижений, метушегося поведения, предсмертных распоряжений великого князя. Это одна из многих в русской литературе картин смерти, для своего времени замечательная, но привлекающая внимание по преимуществу деталями и самим нарастанием событий приближающейся кончины.

Автор выражает свое отношение к событиям, жалеет великого князя, а по поводу прощания умирающего с женой замечает: «Жалосно же бѣ тогда видѣти, слез, рыдание исполнено в то время».

Некоторые подробности очень оживляют повествование. Таким, например, оказывается рассказ о том, как в спешке выронили чернеческую мантию, которую несли для пострижения в опочивальню к великому князю, и пришлось положить на него только переманатку и ряску. Реалистическая деталь вырастает из нарушения церемониала. Это значительно и в известной мере символично: отдельные элементы реалистичности противостоят церемониалу — все равно, жизненному или литературному.

И вместе с тем повесть о смерти Василия III — это не простая фактография. «Повесть» хотя и описывает реальные события, действительно происшедшие, — памятные, известные, но она незаметно придает всему характер «действия». Перед нами смерть великого князя, а не рядового

человека. Эта смерть могла бы быть и «чином кончины» — чем-то вроде чина свадебного или венчания на царство. Автор повести видит не только факты, но и величие фактов, их постепенность и степенность. Умереть внезапно, без покаяния, без прощания с близкими, без осознания самим умирающим значительности происходящего с ним, — считалось в Древней Руси величайшим несчастьем. Описывая нарастание болезни, медленное движение к концу, автор повести о смерти Василия III делал кончину достойной великого князя, подчинял ее некоторому «идеалу смертного конца».

Вместе с тем церемониальное обряжение событий уже не удовлетворяет читателей, и писатели начинают вносить в свое повествование разнообразные детали, делающие изображаемое легко представимым. Повествование благодаря этому разрастается, усложняется и приобретает отдельные черты реалистичности.

Стремление к соединению истории в единую причинно-следственную связь, к стилистическому объединению рассказа, к связанному повествованию было настолько волевым, что выражалось даже в грандиозной попытке к иллюстрированию истории в единой манере в многотомном «Лицевом летописном своде» XVI века. Единые приемы миниатюрных изображений должны были подчеркнуть единство истории. Если раньше в летописном повествовании прерывистость повествования, скачки от одного эпизода к другому, переходы повествования из одного княжества в другое должны были изобразить незначительность того, что совершается в этом мире в противоположность единственно значительному — вечности, то теперь наступила пора, когда подчеркивалось обратное — значительность всего того, что совершается в этом мире, целенаправленность мировой истории, устремляющейся к вечности. Раньше все земное было незначительно, а значительным считалось лишь то, что свидетельствовало о вечности. Теперь выявилось обратное — земное стало значительным, как содержащее в себе вечное, божественную волю, вечное же находило себе выражение в мелочах и случайностях исторического процесса.

Если раньше прошлое представлялось как некая россыпь событий, а исторические сочинения (и в первую очередь летописи) излагали историю фрагментарно, то теперь, в XVI веке (а отчасти и раньше), историю стремились превращать в связанное и сюжетное повествование. Это вызывало необходимость в ее делении на историю княжеств, городов, стран, отдельных князей. Жизнь человека также стала иметь свою «судьбу», целенаправленность. Появилась потребность в создании истории как цепи биографий и биографии соединять в историю страны («Степенная книга»), излагать историю княжений или царств.

В последующее время — в начале XVII века, в годы Смуты, поняли, что в истории есть борьба — соединение судьбы и воли людей, появились

представления о роли народа, народных масс, восстаний, земских соборов и пр. Появилось и представление о двойственности природы человека, о совмещении в нем злых и добрых черт. Пока же, в середине XVI века, это движение к новому историческому сознанию совершалось в относительно простом художественном пространстве.

Середина XVI века была ознаменована в русской истории присоединением Казани, а в истории литературы — в основном созданием такого эпохального произведения, как «Казанская история». «Казанская история» не только самый значительный памятник середины XVI века по своим художественным достоинствам и достоинствам исторического источника, не знающего себе равных по количеству сведений, сообщаемых им о присоединенном Казанском царстве, но и памятник, вобравший в себя многие новые черты литературы.

В истории литературы мы можем наблюдать периоды, которые проходят как бы под сенью одного какого-либо автора или одного какого-либо произведения. Так, например, «Повесть временных лет» осветила собой целую эпоху. Возникла она в начале XII века, но разошлась по произведениям всей Руси и жила в списках, переработках, цитатах — пять веков по крайней мере.

Конечно, «Казанская история» не может сравниться с «Повестью временных лет», но в ней самой жила литература предшествующих четырех с половиной веков в цитатах, заимствованных формулах, а главное — в идеях. При этом «Казанская история» «заглянула в будущее»: она ярко представила все те прогрессивные особенности литературы, которые разовьются в литературе второй половины XVI и XVII веков.

Что же это за особенности? Во-первых, развивается личностное, авторское начало в произведении. Автор сообщает о себе биографические данные, что раньше делалось исключительно редко и скупо. Во-вторых, происходит усложнение рассказа и усложнение авторского отношения к описываемому. Эти усложнения частично объясняются необычной судьбой автора «Казанской истории», но в целом они становятся в какой-то мере характерными для русской литературы и знаменуют собой широкое и более свободное видение мира.

Какие же события в жизни автора «Казанской истории» способствовали появлению в ней новых черт, характерных для литературы его эпохи?

Автор был пленником в Казани, принял магометанство и почетное положение при дворе казанского хана Сап-Кирея. Он пишет: «И взять мя к себѣ царь с любовию служити во дворѣ свой, и сотвори мя пред лицомъ своимъ стояти. И удержану ми бывшу тамо у него двадесять лѣтъ в пленении. Во взятие же казанское изыдохъ ис Казани на имя царя и великаго князя. Онъ же мя ко христовѣ вѣре обрати и ко святей церкви приобщи, и мало земли удѣла даде ми, яко да живѣ буду, служа ему».

Двадцатилетнее пребывание в Казани не только в приближении ко двору, но и «при бесѣде со мною и мудръствующих честнѣйших казанцев», дало ему знание истории Казанского царства, осведомленность во всех дворцовых делах и интригах, в бытовой обстановке, хорошую ориентировку в расположении Казани и окрестных мест.

Заметно различие в осведомленности автора. То, что происходит в Казани, он знает в большинстве случаев как свидетель или долголетний житель Казани. То же, что происходит в Москве, он по большей части сочиняет по литературному этикету своего времени.

Автор давно интересовался историей Казани. Еще находясь на воле, на Руси, он расспрашивал «искуснейших (то есть наиболее осведомленных. — Д. Л.) людей, рускиих сыновъ», но одни «глаголаху тако, инии же инако, ни един же вѣдая истинны». Только попав в плен и служа при дворе у «царя казанского», автор получил возможность удовлетворить свою любознательность и не только, по-видимому, на основании устных источников. Его сведения отличаются относительной точностью — насколько эта точность вообще была возможна при состоянии исторических знаний в XVI веке.¹

Наконец соучастие в казанской жизни и дружеские связи с казанцами позволили ему судить о них более объективно, чем судили обычно русские книжники о врагах Руси. Он и сочувствует казанцам по-человечески, и восхищается красотой города, и с полной лирической самоотдачей передает или даже сочиняет от себя слова плача о Казани казанской царицы Сююмбеки. Этот плач приурочен автором к тому моменту, когда Сююмбеку выводили из Свияжска, чтобы отправить в Москву, и перед ней открылся потрясающий по красоте вид на Казань. Плач в виду Казани должен был производить особенно сильное впечатление на тех читателей, которые знали этот открывающийся обзор.

Автор «Казанской истории» все время колеблется между сочувствием казанцам и необходимостью признавать их врагами Русского государства. Иногда он прибегает даже к житийным шаблонам в отношении Казани и казанцев. Вот характерный пример. Подобно тому как в житиях основателей монастырей воспевается красота места, выбранного святым для монастыря, так и в «Казанской истории» говорится о поисках подходящего места для строительства города царем Саином Болгарским: «И поискавъ царь Саинъ, по мѣстомъ преходя, и обрѣте мѣсто на Волге, на самой украине Руския земли, на сей странѣ Камы рѣки, концемъ прилежащи х Болгарстей земли, а другимъ концемъ к Вятке и къ Перми, зело пренарочито: и скотопажно, и пчелисто, и всякими земляными сѣмяны родимо, и овощами преизобилно,

¹ См. рецензию на издание «Казанской истории» Г. Н. Моисеевой 1954 г.: Сафагалиев М. Г. — Вопросы истории, 1955, № 7, с. 148—151.

и звѣристо, и рыбно, и всякого угодия житейского полно — яко не обрѣтися другому такому мѣсту по всей нашей Руской земли нигдѣже точному красотою и крѣпостию, и угодием человеческим, и не вѣм же, аще будетъ как и в чужих земляхъ».

Освобождение Василия III из казанского плена казанским царем Мамотьяком за большой выкуп автор комментирует как благое деяние казанского царя: «Милуетъ бо и варваринъ, видя державнаго злостражуща».

Автор восхищается Казанью и казанцами: «Град же Казань зѣло крепок, велми, и стоит на мѣсте высоце...» Казанцы же «умѣние велико имущи ратоватися во бранѣх. И не побѣждени бываху ни от кних же, и мало таковых людей мужественных и злых во всей вселѣнной обрѣташеся». Подчеркнутое слово могло бы и отсутствовать, оно этикетно, но без него вся характеристика могла бы быть обращена к русским, а не к их врагам. Автор ссылается затем и на собственные к Шигалею чувства — «жалость бо ми душевная и сладкая любви его ко мнѣ глаголати о немъ и до смерти моя понужает». Воздав хвалу казанскому царю Шигалею, автор пишет: «Да никтоже мя осудит от вас о семь, яко единовѣрных своих похуляюща и поганых же варваръ похваляющи: таков бо есть, яко и вси знают его и дивятся мужеству его, и похваляют».

В одной и той же фразе автор «Казанской истории» называет Казань и «презлым царством сарацынским» и «предивной Казанью» — без единой оговорки.

Знание истории Казани, событий последних лет, топографии города и его окрестностей оказалось тем более ценно, что автор «Казанской истории» был весьма образован и в русской литературе. В его произведении ясно ощутимы реминисценции из «Слова о Законе и Благодати», «Повести временных лет», «Жития Александра Невского», «Слова о погибели Русской земли», «Повести о разорении Рязани Батыем», «Сказания о Мамаевом побоище» и мн. др. Его военная терминология и отдельные образы близки с теми, что знакомы нам по «Слову о полку Игореве». Здесь и сравнения с пардусами, и отдельные выражения, близкие тем, что встречаются только в «Слове» («под меч подклонити», «наместить дебри, и блата, и езера, и реки... костми», «чаша, сетованием растворяема» и пр.).

Характерно и следующее. Автор «Казанской истории» определяет и тех, кому назначено его произведение, и характер своего исторического произведения. Адресаты его — это «братья наша, воини» и «простые» читатели. «История» обращена откровенно и прямо прежде всего не к служителям церкви, а к светскому читателю. Он надеется, что читатели его «от скорби своя пременятся», то есть, очевидно, перестанут сожалеть о потерях своих родных и друзей, положивших головы свои за присоединение Казани. Произведение же свое он определяет как «сладкую повесть». Что значит «сладкая»? Означает это прежде всего то, что повесть эту «сладко читать» — она интересна, и она

литературно хорошо написана. Это не самооценка, это только определение характера повествования, к которому он стремился. «Казанская история» — сюжетна и украшена, — украшена прежде всего введением драматических ситуаций, блестяще переданными или сочиненными длинными речами действующих лиц (в этих речах прежде всего сказалась вымышленность, авторское воображение).

То обстоятельство, что автор «Казанской истории» воздаст должное казанцам, их мужеству, любви к своему городу, уму и сообразительности (хотя в конечном счете они в основном ошибаются, не идя на добровольное подчинение Москве), лишь усугубляет драматизм повествования.

Значительность события присоединения Казанского царства к России определялась значительностью самой предшествующей истории Казани. Это не просто присоединение к России стратегически важного пункта: это слияние историй! И с этой точки зрения, чем многозначительнее была история Казани, тем более пышным и важным оказывалось и само присоединение. Церемониальное по своей сути литературное произведение, «Казанская история» сама становилась частью гораздо большей церемонии — церемонии присоединения Казанского царства. Она была так же важна в этой церемонии, как и построение в честь взятия Казани церкви Василия Блаженного. И если последняя своей нарочитой и необычной пестротой как бы подражала Востоку, выражала своей архитектурой представление Москвы о «стиле Востока», то «пестрая» в своем отношении к казанцам и Казани «Казанская история» выражала противоречивые чувства автора: радость от присоединения Казани и уважение к ее истории, как бы признание ее исторической самостоятельности.

Другой памятник, который чрезвычайно характерен для середины XVI века, — это «Домострой». Перед нами унификация, идеализация и поэтизация быта, доведенные до предела возможного. Это не просто сборник по большей части мелких практических советов — как солить рыжики, или наказывать слуг и детей, или как класть чистую посуду, ложки и плоски, — обязательно «опрокинуто ниц». Нет, это и более широкие рекомендации — как устроить свой дом так, чтобы в него было «как в рай войти» (§ 38). В «Домострое» перед читателем разворачивается грандиозная картина семейного идеального быта и идеального поведения хозяев и слуг.

В отличие от своего предшественника — «Измарагда», возносившего идеал человека до требований, которые могли относиться только к святому, «Домострой» рассказывает и о поварне, о об укладах, и о хранении запасов: о делах и быте, вполне светских и жизненно мелких.

Идеал «Домостроя» — это идеал чистоты, порядка, бережливости, почти скупости, и вместе с тем гостеприимства, взаимного уважения, а одновременно и семейной строгости — запасливости и нищелюбия. И это

в целом идеал трудовой жизни. И слуги и сама «государыня» (госпожа) должны не сидеть без дела — даже когда «мужь ли придет, гостья ли обычная» — «всегда бы над рукоделиемъ сидѣла сама». Иное дело — гость «необычный», то есть знатный, — тут уж сами обязанности хозяйки становились трудом, и подчас тяжелым.

Упорядоченность быта оказывалась почти обрядовой, даже приготовление пищи — почти церковным таинством, послушание — почти монастырским, любовь к родному дому и хозяйствование в нем — настоящим религиозным служением.

Степенность во всем! Нарушения домашнего обряда — почти церковный грех. Случаи недорода, дороговизны смягчены вовремя сделанными домашними запасами. Домашняя жизнь не замкнута своим двором, ибо предусмотрена помощь соседям и соседская помощь. В «Домострое» пишется и о том, как давать в долг, как сохранить ношенное, чтобы отдавать сиротам — особенно детям. Важное место в «Домострое» занимали статьи: «Какъ всякое платье кроити и остатки и обрески беречи» или «какъ платья всякое жене носить и устроить». Старые вещи надо беречь, хранить их чисто и «поплачено», то есть в заплатанном виде, — «ино сироткам пригодца». Осуждается в «Домострое» злоупотребление правом неволи (не само право неволи в его разных видах, — а лишь та бесчеловечность, которая может быть с ним связана). Этому посвящена особая статья — «Аще кто слугъ держит без строя». Нельзя, чтобы служанка, «у неволи заплакав», стала «лгать, и красть, и блудить», а «мужик» «и рѣзбивать, и красть, и в корѣчме пити, и всякое зло чинити». В быту без слез не обойдешься, но «у неволи заплакать», видимо, считалось особенно тяжелым.

Указывал «Домострой» и как наказывать, а после наказания непременно пожалеть и простить, чтобы наказываемый не затаил в душе обиды. А побить его следует «не перед людьми», а тайно, чтобы не оскорбить особенно. «А по всяку вину по уху ни по видѣню (то есть по глазам. — Д. Л.) не бити, ни под серцо кулаком, ни пинком, ни посохомъ не колотить, никакимъ железнымъ или дѣревянымъ не бить» (§ 38).

Если помнить об общей грубости семейных нравов, то нельзя не признать, что «Домострой» стремился к смягчению этих нравов, — стремился умно, давая тонкие, психологически обоснованные советы, прибегая к примерам и формулируя советы просто, а иногда и пословично (конец § 38).

Идеал — это, конечно, не реальность. Но идеал — великий и бесценный регулятор жизни. А если этот регулятор доведен до дома, до семейной жизни, входит во все мелочи быта, личного поведения в семье и в доме и во всем требует «знать меру», — то идеал, им проповедуемый, становится уже почти реальностью. Перед нами своеобразная «поваренная книга» русского быта.

В художественном же отношении «Домострой» рисует быт русских людей XVI века в различных мелочах, ибо, рассказывая о том, какой должна была быть жизнь, он давал понять и о том, в чем заключались ее нарушения, очевидно не такие уж редкие.

Спрашивается — жизнь каких классов населения пытается регламентировать «Домострой»? Конечно, в первую очередь — имущих, зажиточных и даже весьма зажиточных. Двор, который описывается и устраивается в «Домострое», — это двор и боярский, и купеческий, и, может быть, даже еще выше — княжеский. Но «Домострой» обращен и к тем, «у кого сель нет» (§ 42).

Привлекает к себе внимание и указание по крестьянству: как кормить корову, как ее доить, «а самой руки умыти чисто», вымыть вымя у коровы, и «потиралцем чистымъ вытереть, и в чистомъ мѣсте издоить, и во всяком бережении» корову сохранить (§ 42). То же пишется и о «лошадках» (оцените это ласкательное слово!), и о коровках, и о кобылках, и о телятах, и о ягнятах, и о курах, и о гусях, и свиньях, и утках.

Заботой о неимущих людях проникнуты и советы «Домостроя»: как добыть запас, чтобы он не был «втридорога, а не милой кусь». «Милый кус» — это тот товар, что действительно надобен и по вкусу (§ 43).

Древняя Русь знала разграничения между классами не в характере быта, как это стало в послепетровской Руси, а главным образом в степени накопленных богатств, в наличии слуг и величине хозяйства. Поэтому кое в чем идеал, нарисованный «Домостроем», мог быть и идеалом крестьянства, хотя и успевшего сильно обнищать при централизованной власти.

Как бы чувствуя недостаток духовности в «Домострое» (а этот недостаток и сделал его в XIX веке символом ретроградности в жизни), составители заканчивают его наставлением для души. Автор «Домостроя» понимал, что жизнь не может ограничиваться заботой о материальных и бытовых благах, о доме и о хозяйстве, а потому присоединил к своему сочинению наставление благовещенского попа Сильвестра возлюбленному его сыну Анфиму. Наставление это служит как бы духовной параллелью к остальному сугубо материалистическому тексту «Домостроя» и, возможно, составлено одним и тем же автором: уж слишком много — и в основной части «Домостроя», и в его заключении — общих тем и выражений. Сильвестр нет-нет да сбивается на хозяйственные темы «Домостроя», хотя и пытается перевести их в план «духовности».

Литература в середине века живет в полной мере произведениями, созданными и в предшествующие века. Эти произведения изменяются, дополняются, редактируются, приспособляясь к требованиям эпохи. Одним из таких произведений, жившим в течение нескольких столетий, был «Измарагд», созданный, по-видимому, еще в XIV—XV веках. «Измарагд» — первое систематичес-

кое наставление «как жить», но наставление по преимуществу духовное. Он расширялся, дополнялся, и одно из его наиболее интересных «расширений» относится как раз к рассматриваемому времени. «Домострой» оказался уже «Измарагда» как духовного наставления, зато гораздо шире в своих бытовых рекомендациях. И это очень типично. Жизнь должна была быть регламентирована во всех своих мелочах и бытовых подробностях. Даже опечатки и разночтения в рукописных книгах были опасны в культурной жизни, и вслед за попытками исправления текста священных книг, к которым был в предшествующий период привлечен афонский ученый — Максим Грек, теперь в целях предотвращения каких-либо расхождений в тексте учреждается книгопечатание.

*

История литературы не ограничивается литературой. В литературе есть сторона, обращенная к истории, так же как в истории — одна из сторон, обращенная к литературе.

В истории к литературе обращено ожидание будущего; в литературе же к будущему обращено ее лицо, — даже когда она говорит о прошлом. Литература — выразитель настоящего, своей современности, современность же всегда глядит в будущее. В литературе действительны не только традиции, но и настороженный взгляд вперед. И это должно учитываться в литературоведении, в обобщениях, посвященных той или иной эпохе литературы.

Характеризованная нами эпоха, кульминацией которой было начало царствования Ивана Грозного, была полна столь напряженного ожидания окончательного разрешения всех проблем, что она не могла не кончиться в условиях феодализма трагическими последствиями. Там, где нет еще научного предвидения, а господствует мифологическое мышление, создающее свой миф будущего, попытка овладеть мифом, претворить его в жизнь не может не разочаровывать трагически. В мифологическом мировоззрении есть всегдашнее стремление остановить время, достичь идеального покоя и вечности. Но развитие неостановимо, в нем нет покоя и есть жертвы.

Чтобы понять середину XVI века, мы должны заглянуть и в близкое будущее этого движения к мифологическому идеалу, к той мифической модели, по которой должна была течь вся русская жизнь в эпоху безграничной феодальной монархии и безграничной «одинокой» власти единых представлений о жизни.

Мнимая близость идеала к осуществлению, конкретная подробность этого идеала, выраженная во внешних и внутренних успехах, создавали нетерпение и нетерпимость, и обе они вместе в конце концов привели к деспотизму, который тем более оказывался жестоким, чем меньше его понимали подвластные люди — современники, а впоследствии историки. Грозный, полный надежд в начале своего царствования, стал затем свирепеть от бессилия, как можно

скорее и полнее провести в жизнь идеал и от непонимания того — почему это ему не удастся, хотя все казалось ему таким ясным и необходимо понятным. Его подданные тем более были раздражающе пассивны, чем больше они не понимали того, чего от них хотят. *Единство* власти, сосредоточенной в руках одного «всесильного» монарха, оборачивалось *одиночеством* власти и связанным с этим одиночеством своеволием. Грозный же в конце концов не столько желал осуществления идеала, — он его во второй половине царствования почти и забыл, — сколько стремился осуществить свою полную власть над подданными — всеми: холопами и боярами, крестьянами и дворянами. Он обманчиво видел причину своих неудач в недостатке повиновения. Пассивность раздражала его больше, чем любое открытое восстание. Карающий меч Грозного каждый раз увязал в тине несопротивления, не встречая препятствий, которые могли бы оправдать силу его размаха. Грозный ломал то, что было мягко; он рвал то, что было несопротивляющимся; он с силой гнул то, что на самом деле гнулось легко. И при этом он постоянно считал, что неудача происходит от недостатка примененной силы. Он убирал советников и все более начинал страдать от одиночества безграничной власти. Было от чего стать неуравновешенным и сходить с ума.

Жестокость и нетерпимость власти вызваны были не только личными и случайными свойствами Ивана Грозного, как часто думают. Эта жестокость лежала в социальном порядке вещей: эпоха подошла к воплощению полной средневековой унификации, — подошла, но не могла ее до конца осуществить. Монархическая же унификация казалась крайне необходимой после мучительных столетий политических разладов и феодальной культурной раздробленности. Оставшееся для достижения идеала малое, казалось, уже не имело реальных сил для сопротивления. Но вот в этом-то и крылась ошибка. Сопротивление монарху, всякое проявление хотя бы небольшого произвола злило, вызывало жестокое подавление и вместо идеала усиливало деспотизм, а вместе с деспотизмом — произвол, дробление еще худшее, чем раньше, отделение и бегство из центра на окраины — на Север в леса и на Юг в степи, на Восток, — что привело к освоению Сибири, на Запад — для продления в Польско-Литовском государстве той культурной работы, которая оказывалась невозможной в центре. Иван Федоров продолжает печатать книги в Остроге и Львове, Андрей Курбский — охранять и насаждать православие в Польско-Литовском государстве и полемизировать с Грозным, упрекая его за жестокость по крупным и мелким поводам.

Мелочи в конце концов стали мстить за себя и превратились в крупнейшие препятствия на пути к мифологическому идеалу всеединства, к которому стремился не один Грозный.

Д. С. Лихачев

БИБЛИОТЕКА
ЛИТЕРАТУРЫ
ДРЕВНЕЙ
РУСИ

XVI век

ПОВЕСТЬ О БОЛЕЗНИ И СМЕРТИ ВАСИЛИЯ III

ЛѢТА 7041-ГО. СКАЗАНИЕ О ВЕЛИКОМЪ КНЯЗЕ
ВАСИЛЬЕ ИВАНОВИЧЕ ВСЕА РУСИ, КАКО ЪЗДИЛ
ВО СВОЮ ОТЧИНУ НА ВОЛОК НА ЛАМЪСКИЙ* НА ОСЕНЬ
ТЪШИТИСЯ, И КАК БОЛѢЗНЬ ЕМУ ТАМО СТАЛАСЯ,
И МНИШЕСКИЙ ОБРАЗ ПРИЯЛ, И СЫНА СВОЕГО
ВЕЛИКОГО КНЯЗЯ ИВАНА ВАСИЛЬЕВИЧА НА ЦАРСТВО
БЛАГОСЛОВИЛЪ, И О ПРЕСТАВЛЕНИИ,
И О ПОГРЕБЕНИИ ЕГО

Князь велики Василѣй Иванович всеа Руси начать мыслити ѣхати во свою вотчину на Волок на Ламѣский на осень тѣшится. И прииде к великому князю вѣсть с Поля* мѣсяца августа въ 12 день, за три дни до Оспожина дни,* что к Рязани идуть безбожнии татарове кримские, царь Сап-Кирѣй да Исламъ царевич* со многими людьми. Князь же велики Василѣй Иванович воскорѣ посла по братию свою, по князя Юрья Ивановича* и по князя Андрѣя Ивановича,* а братия же его приѣхавше вѣскорѣ к нему.

Тогда же князь велики посла воевод своих с Москвы на Коломну, на Берег, на Оку:* князя Дмитрея Федоровича Бѣльсого,* да князя Василья Васильевича Шюйского,* да Михаила Семеновича Воронцова,* да Ивана Васильевича Ляцкого,* а князя Семѣна Федоровича Бельсого,* да князя Ивана Федоровича Овчину-Телепнева,* да князя Дмитрея Федоровича Палецкого* наперед тое вѣсти князь же великий послал в Мещеру.* И тогда князь велики за ними гонца послал, и повѣле имъ возвратитися вскоре на Коломну же с людьми; а тогда бысть на Коломнѣ намѣстникъ и воевода князь Иван Бѣлской Федорович.*

И снидошася воеводы многие на Коломну, а с ними люди многие, дворяня великого князя и дѣти боярские;* а безбожнии татарове приидоша на Рязань мѣсяца августа в 15 день, в пяток, на Оспожинъ день, и посадки на Рязани пожгоша, и ко граду приступаху, но града не взяша. У Рязани тогда бысть воевода князь Ондрѣй Дмитриевич Ростовский, и с нимъ дети боярские, рязанцы. А безбожнии татарове жгуще и в плен вѣдуще, и волости воююще.

Князь же великий Василей Иванович розосла грамоты и гонцы по всемъ градомъ, и повелѣ людямъ ити къ собѣ, а инымъ людям на Берег к воеводамъ, а самъ князь велики з братиею своею со княземъ Юрьем и со княземъ Андрѣемъ Ивановичемъ, и с воеводами поиде с Москвы *противу* безбожныхъ татар, в пяток, на Оспожин день, и пришедше ста во своемъ селѣ Коломенскомъ.*

ПОВЕСТЬ О БОЛЕЗНИ И СМЕРТИ ВАСИЛИЯ III

В ГОД 7041(1533)-й. СКАЗАНИЕ О ВЕЛИКОМ КНЯЗЕ ВСЕЯ РУСИ ВАСИЛИИ ИВАНОВИЧЕ, О ТОМ, КАК ОН ЕЗДИЛ ОСЕНЬЮ В СВОЮ ВОТЧИНУ НА ВОЛОК ЛАМСКИЙ ОХОТИТЬСЯ, И КАК ЗАБОЛЕЛ ОН ТАМ, И МОНАШЕСКИЙ САН ПРИНЯЛ, И СЫНА СВОЕГО ВЕЛИКОГО КНЯЗЯ ИВАНА ВАСИЛЬЕВИЧА НА ЦАРСТВО БЛАГОСЛОВИЛ, И О ПРЕСТАВЛЕНИИ ЕГО, И О ПОГРЕБЕНИИ

Князь великий всея Руси Василий Иванович собрался ехать осенью в свою вотчину на Волок Ламский охотиться. И пришла к великому князю весть с Поля 12 августа, за три дня до Госпожина дня, что к Рязани идут безбожные татары крымские, царь Сап-Гирей и царевич Ислам с большим войском. Князь великий Василий Иванович сразу же послал за братьями своими — за князем Юрием Ивановичем и князем Андреем Ивановичем, и братья его быстро приехали к нему.

В то же самое время князь великий послал воевод своих из Москвы в Коломну, на Берг, к Оке: князя Дмитрия Федоровича Бельского, и князя Василия Васильевича Шуйского, и Михаила Семеновича Воронцова, и Ивана Васильевича Ляцкого; а князя Семена Федоровича Бельского, и князя Ивана Федоровича Овчину-Телепнева, и князя Дмитрия Федоровича Палецкого князь великий еще до получения этой вести послал в Мещеру. И теперь князь великий послал гонца за ними и приказал им сразу же возвратиться в Коломну вместе с войском; а наместником и воеводой в Коломне тогда был князь Иван Федорович Бельский.

И сошлись многие воеводы в Коломну, и с ними пришло много войска — дворян великого князя и детей боярских; а безбожные татары пришли на Рязань 15 августа, в пятницу, на Госпожин день, и посады у Рязани сожгли, и на приступ города шли, но города не взяли. В Рязани тогда был воевода князь Андрей Дмитриевич Ростовский и с ним дети боярские — рязанцы. А безбожные татары жгли все, и в плен уводили, и все волости вокруг города разорjali.

Князь великий Василий Иванович разослал по всем городам грамоты и гонцов и приказал одним людям идти к нему, а другим — на Берг, к воеводам, а сам князь великий с братьями своими, с князем Юрием и князем Андреем Ивановичем, и с воеводами выступил в пятницу, на Госпожин день, из Москвы против безбожных татар и, придя, остановился в своем селе Коломенском.

Воеводы же великого князя з Берегу послаша за реку по люди воеводу князя Дмитрия Федоровича Палецкого, а с нимъ дворяне великого князя и дети боярские. И пришед князь Дмитрей Палецкой к Николе къ Зараскому на *Осетръ*,* и приде к нему вѣсть, что люди крымские оттуды версть з десять, в Безубове селѣ. И ту на них приде князь Дмитрѣй, и потопташа их, и многи же избиша, а иных живых изымаша и к великому князю отослаша.

И тогда же бысть послѣ Оспожина дни, въ 24 день августа, в среду, бысть на небеси в солнце знамение,* яко восходящу солнцу на *1-мъ часу дни, и бысть вверху солнца аки срѣзано по-малу, и нача в солнце гибели прибывати от перваго часа и до третьяго часа дни, и бысть на солнцѣ яко до трети изгибе, аки *ускуй*,* и исполнися солнце на пятомъ часу дни* яко первое бысть; на небеси же бысть свѣтлость, не бысть ни облака. Людие же поразсудив, и глаголаху в себе, яко быти во царствѣ премѣненію некоему. Лѣто бысть тогда сухо, и курение, дымы хожаху.

Тогда же воеводы великого князя з Берегу послаша за реку князя Ивана Федоровича Телепнева-Овчину воеводу, а с нимъ дворян великого князя и детей боярских; князь же Иоанъ доеде сторожей татарских, и *потопташе* ихъ, и поби. Татарове же побегоша и намчаша наших людей на многие люди; и ту князя Ивана с нашими людьми розгромили. И татарове же поидоша вонъ из земли вскорѣ, чаяху за собою многих людей. Воеводы же великого князя за ними ходили, но не дошли их и возвратишася.

Князь же великий Василей Иванович всея Руси поиде к Москве ис Коломенского, и бысть на Москвѣ, а братію свою, князя Юрѣя и князя Ондрѣя, отпустил по *их* отчинамъ, по удѣломъ. А самъ князь велики нача мыслити ѣхати къ живоначалнѣй Троици и преподобному чудотворцу Сергию игумену.

Поиде князь велики Василѣй Иванович всеа Руси с великою княгинею и с своими детьми,* со княземъ Иваномъ Васильевичемъ и со княземъ Юрьемъ Васильевичемъ, къ живоначалнѣй Троице и ко преподобному чудотворцу Сергию* помолитися на память чудотворца Сергия; и туто князь велики молился, и празновал чудотворцову память, и молебная свершив.

И от Троицы князь велики поедет с великою княгинею и з детми во свою вотчину, на *Волок* на Ламский, тешитися. Поѣдет же князь велики к Волоку на свое село на Озерецкое* и ту начатъ не мощи. И явися у него мала болячка на левой странѣ, на стегнѣ, на згибе, близъ нужного мѣста, з булавочную голову; верху же у нея нѣсть, ни гною в ней нѣсть, а сама багрова. И оттоле приде князь великий въ Нохабное* село; из Нахабного же поиде нужно, обдержимъ болѣзнию, в Покровское, в Фуниково, и ту празнова Покрову святѣй Богородици; и оттуду поедет во свое село Покровское, пребысть туто два дни, во третій жо день приде на Волок нужно, в недѣлю послѣ

Воеводы же великого князя с Берега послали за реку за людьми воеводу князя Дмитрия Федоровича Палецкого, а с ним дворян великого князя и детей боярских. И пришел князь Дмитрий Палецкий к Николе Заразскому на Осетр, и получил он известие, что крымские татары от того места верстах в десяти, в селе Беззубове. И тут выступил против них князь Дмитрий и победил их; и многих татар убили, а часть — живыми захватили и к великому князю отослали.

И тогда же, после Госпожина дня, 24 августа, в среду, было на небе знамение на солнце: когда солнце только начало подниматься, в первом часу дня, верх его был как будто немного срезан, и затем стало солнце убывать, от первого часа дня до третьего, и уменьшилось солнце до трети, стало как ладья, и только к пятому часу дня солнце прибыло и стало таким, каким было вначале; на небе же было светло, не было ни облака. Люди, размышляя о виденном, говорили себе, что будет изменение какое-то в государстве. Лето тогда было сухим, и в разных местах курился дым от пожаров.

Тогда же воеводы великого князя с Берега послали за реку князя Ивана Федоровича Телепнева-Овчину, воеводу, а с ним дворян великого князя и детей боярских; князь же Иоанн доехал до передовых разъездов татарских, и одолел их, и перебил. Татары же побежали и, увлекая за собой наших людей, столкнули их с многочисленным войском; и тут князя Ивана с нашими людьми разгромили. А татары без промедления прочь пошли из Русской земли, ожидая за собой большой погони. Воеводы же великого князя преследовали их, но не догнали и назад вернулись.

Князь же великий всея Руси Василий Иванович поехал к Москве из Коломенского и был в Москве, а братьев своих — князя Юрия и князя Андрея — отпустил в их вотчины, в уделы. А сам князь великий задумал ехать в монастырь живоначальной Троицы и к преподобному чудотворцу Сергию-игумену.

Поехал князь великий всея Руси Василий Иванович с великою княгиней и со своими детьми, с князем Иваном Васильевичем и с князем Юрием Васильевичем, к живоначальной Троице и к преподобному чудотворцу Сергию помолиться в день памяти чудотворца Сергия; и тут князь великий молился, и праздновал память чудотворца, и молебны слушал.

И от Троицы князь великий поехал с великою княгиней и с детьми в свою вотчину, на Волок Ламский, охотиться. Поехал же князь великий к Волоку в свое село Озерецкое и тут начал недомогать. Появилась у него маленькая болячка на левой стороне, на бедре, на сгибе, около нужного места, размером с булавочную головку; корки на ней нет, ни гною в ней нет, а сама багровая. И оттуда приехал князь великий в село Нахабное; из Нахабного же поехал с трудом, страдая от боли, в Покровское-Фуниково, и тут праздновал праздник Покрова святой Богородицы; и оттуда поехал в свое село Покровское, находился там два дня, на третий же день с трудом приехал на Волок; это было в

Покрова.* И того же дни бысть пиръ на великого князя у *Иоанна* у Юрьевича у Шигоны, у дворецкаго тверскаго и волоцкого.*

Наутрия же в понедѣльникъ князь велики с великою нужею доиде до мыльни, за столомъ седе въ постельных хоромех великою нужею.

Наутрия же того во вторникъ бысть погодие велико тѣшится государю, и послаша по ловчихъ своих, по Федора по Михайлова сына Нагово, да по Бориса по Васильева сына Дятлова, да по Бобрища по Пушкина, и не унявся, хотя тѣшится. И поѣде во свое село в Колпь, болѣзнию яко обдержимъ скорбяще; до села же того ѣдучи, мало бысть потѣхи. В Колпь же приѣха и сядяще за столомъ нужею, посла по брата своего, по князя Ондрѣя Ивановича, на потѣху къ себе; князь же Андрѣй приѣха к нему вскоре. Тогда же князь великою нужею выѣха со князем Андрѣемъ Ивановичемъ на поле съ собаками, и поѣздиша мало, токмо 2 версты от села, и возвратишася в Колпь. И сядящу ему за столомъ з братомъ своимъ, со княземъ Андрѣемъ Ивановичемъ, изнемогаючи, и оттоле стола у него не бысть, но вкушаше мало на постели.

Князь же велики Василѣй Ивановичъ нача к болѣзни своей призывать князя Михаила *Лвовича* Глинского* и докторов своих, Николая Люева* и Фефила,* исперва же повѣле к болячке прикладывать муку пшеничную с медом прѣснымъ* и лукъ печен, и от того болячка нача рдѣтися; он же нача болѣ прикладывать; и учинися на *болячку* яко прыщъ малъ, и появился в ней мало гною. Живе же князь велики в Колпѣ две недѣли.

Восхоте же князь велики ѣхати на Волокъ, но не можаше ѣхати на кони, и понесоша его на носилах дѣти боярские пѣши и *княжата* на себе. И приѣха князь велики на Волокъ.

А из болячки же мало гною иссякаючи, веру же у нея нѣсть, рана же у нее аки утѣкнуто, а не прибудеть, а не убываетъ. И повелѣ же князь велики прикладывать масть к болячке, и нача из болячки итти гною помалу и поелику болши, яко до полу таза и по тазу. И бысть же князь велики в скорби и в болѣзни велице; тогда же в грудех ему бысть тягость велика. И того ради *взяша* горшки тридневныя и сѣмянники,* и с тово принесе ему на низ, а болѣзнь ему тяшка. И от того мѣста порушися ему ества, не нача ѣсти.

Тогда посла стряпчего своего Якова *Мансурова* и дияка своего введеного Григорья Никитина сына Меньшого Путятина* к Москве тайно, по духовные грамоты дѣда своего и отца своего; а на Москве не повелѣ того сказать ни митрополиту, ни бояромъ. Яков же Мансуровъ и Меньшой Путятин приѣхаша с Москвы воскоре и привезоша духовные дѣда его и отца его великого князя *Иоанна** тайно, от всех людей и от великие княгини крыющесея, и от братьи своея, от князя Юрья и от князя Ондрѣя, и отъ *бояр* своих, и от князя Михаила

воскресенье после Покрова. И в тот же день был пир в честь великого князя у Ивана Юрьевича Шигоны, дворецкого тверского и волоцкого.

Утром же, в понедельник, князь великий с большим трудом дошел до бани, с большим трудом за столом сидел в спальных покоях.

Утром же, во вторник, была погода хорошая для государевой охоты, и послал он за ловчими своими: за Федором Михайловичем, сыном Нагова, да за Борисом Васильевичем, сыном Дятлова, да за Бобрищем-Пушкиным, и хотел охотиться, несмотря ни на что. И поехал в село свое Колпь, страдая от боли, его охватившей; по дороге в это село охотились мало. Когда же приехал в Колпь, то, хотя и сидел за столом с трудом, послал за братом своим, за князем Андреем Ивановичем, звать его на охоту к себе; князь же Андрей скоро приехал к нему. Тогда князь великий с большим трудом выехал с князем Андреем Ивановичем на поле, с собаками; и поездили немного, отъехали только две версты от села, и вернулись в Колпь. И когда сидел он за столом с братом своим, с князем Андреем Ивановичем, совсем не стало у него сил; и с тех пор стол ему не накрывали, но ел он понемногу в постели.

И распорядился великий князь Василий Иванович позвать для лечения болезни своей князя Михаила Львовича Глинского и своих докторов — Николая Люева и Фефила, а для начала велел прикладывать к болячке муку пшеничную с пресным медом и печеный лук, и от этого болячка начала краснеть; он же еще больше начал прикладывать, и появился на болячке как будто небольшой прыщ, и появилось в ней немного гною. Жил князь великий в Колпи две недели.

Захотел князь великий ехать на Волок, но не мог ехать на коне, и понесли его на носилках пешком дети боярские и княжата. И приехал князь великий на Волок.

А из болячки гною мало сочилось, корки на ней не было, рана же была такой, как будто в нее что-то воткнуто: и не увеличивается она и не уменьшается. И велел князь великий прикладывать мазь к болячке, и начал из болячки идти гной, сначала немного, а потом больше: до полутаза и по целому тазу. И был князь в великой скорби и болезни тяжелой, тогда же и грудь ему сильно сдавило. И для облегчения использовали горшки трехдневные и семяники, и от этого все опустилось вниз, а болезнь его была тяжелой. И с этого момента не принимал великий князь пищу, перестал он есть.

Тогда послал он тайно к Москве стряпчего своего Якова Мансурова и дьяка своего введенного Григория Никитина сына Меньшого Путятина, за духовными грамотами деда своего и отца и запретил говорить об этом в Москве и митрополиту и боярам. Яков же Мансуров и Меньшой Путятин скоро вернулись из Москвы и втайне привезли духовные грамоты деда его и отца его, великого князя Иоанна; скрывал это великий князь от всех людей: и от великой княгини, и от братьев своих, от князя Юрия и от князя Андрея, и от бояр своих,

Лвовича Глинского. До Москвы же князь велики доѣде, а то у него не вѣдал никто, разве *Шигоны* и Меньшого Путятина.

Бысть же от пятницы в ноши противу Дмитреевы субботы* знамение: с небеси спадоша множество звѣздъ, яко велие градовые или дождевыя тучи проливахуся на землю; и виде то знамение с небеси множество людей на Москвѣ и на Волоце, и всея земли Руские области.

И тогда же в субботу противу Дмитреева дни, на 6-мъ часу ноши,* *повѣле* к собѣ принести тайно Меньшому Путятину духовные грамоты, и пусти в думу къ собѣ и духовнымъ грамотам дворецкого своего тверскаго Ивана Юрьевича Шигону и дьяка своего Меньшого Путятина. И нача мыслити князь велики, кого пустити в ту думу и приказати свой государевъ приказ. А бояр тогда бысть на Волоце с великимъ княземъ: князь Дмитрей Федорович Белской, да князь Иван Васильевич Шуйской,* да князь Михайло Лвович Глинской, и дворецкие его — князь Иван Иванович Кубенской да князь Иван Юрьевич Шигона.*

Тогда же приде к великому князю братъ его, князь Юрьи Иванович; князь же велики таяше от него болѣзнь свою. И мало у него пребысть, и отпусти его во свою вотчину, во Дмитров; он же не хотяше ѣхати, князь же велики отпусти его.

Тогда же пред чудотворцовою памятью Варлама Хутынского,* в ноши в той, много у него выде из болячки гною, яко болѣ таза выде из него гною, стержень болѣ полуторы пяди, но и еще не весь стержень выде из нее. Князь же великий о томъ возвеселися, чая болѣзни своя обলেখчания, и тогда посла к Москвѣ по гетмана своего по Яна. Ян же вскоре прииде и нача *прикладывати* к болячкѣ масть обычную; от Яновы же масти мало отокъ поляже.

Тогда же князь велики посла к Москвѣ по старца своего, по Мисаила по Сукина;* болѣзнь же его тяшка бысть, и посла по боярина своего, по Михайла по Юрьевича.* Старецъ же его Мисайло и боярин его Михайло Юрьевич вскорѣ к нему приѣхаша. И нача мыслити князь велики з бояры, а тогда бысть у него бояр: князь Дмитрѣй Федорович Бѣлской и князь Иван Васильевич Шуйской, и Михайло Юрьевич, да князь Михайло Лвович Глинской, и дворецкие его: князь Иван Иванович Кубенской, Иван Юрьевич Шигона, и дьяки его: Григорѣй Меньшой Путятин и Елизар Цыплятев, Афонасѣй Курицын, Третьякъ Раковъ. И учаль мыслити князь велики, какъ ему ѣхати к Москвѣ; и приговорил князь велики и з бояры ѣхати ему с Волока в Осифов монастырь ко Пречистыя молитися.

Тогда же князь велики поѣде с Волока в Осифов монастырь к Пречистые молитися, взя же заговейно* во своемъ селе на Буе-городи, а братъ его князь Ондрѣй Иванович с ним же.

Наутрия же приѣде в Осифов монастырь к Пречистые молитися, Иосифа игумена гробу поклонитися.* И сретоша великого князя игумен з братиею и съ

и от князя Михаила Львовича Глинского. Так и до Москвы князь великий доехал, и не знал об этом никто, кроме Шигоны и Меньшого Путятина.

В ночь же с пятницы на Дмитриевскую субботу было знамение: с неба падало множество звезд, как будто из больших туч град или дождь пролился на землю; и видело это небесное знамение множество людей и в Москве, и на Волоке, и по всей Русской земле.

И тогда же в субботу, накануне Дмитриева дня, в шестом часу ночи, повелел Меньшому Путятину тайно принести духовные грамоты и допустил в думу к себе для совета о духовных грамотах дворецкого своего тверского Ивана Юрьевича Шигону и дьяка своего Меньшого Путятина. И начал думать великий князь, кого допустить в эту думу и кому приказать свой государев приказ. А бояре тогда были с великим князем на Волоке такие: князь Дмитрий Федорович Бельский, князь Иван Васильевич Шуйский, князь Михаил Львович Глинский, и дворецкие его — князь Иван Иванович Кубенский и князь Иван Юрьевич Шигона.

Тогда же пришел к великому князю брат его, князь Юрий Иванович; князь же великий скрывал от него свою болезнь. И недолго побыл у него, и отправил его великий князь в его вотчину, в Дмитров; он не хотел уезжать, но князь великий отправил его.

Тогда же, накануне дня памяти чудотворца Варлаама Хутынского, ночью, у великого князя много вышло гною из болячки — больше таза, и стержень вышел из нее — размером больше чем полторы пяди, но вышел стержень еще не весь. Князь великий повеселел, надеясь на облегчение своей болезни, и послал в Москву за гетманом своим Яном. Ян скоро приехал и начал прикладывать к болячке обычную мазь; от Яновой мази опухоль немного уменьшилась.

Потом князь великий послал в Москву за старцем своим, за Мисаилом Сукиным (болезнь его была тяжелой), и послал за боярином своим, за Михаилом Юрьевичем. Старец же его Мисаил и боярин его Михаил Юрьевич быстро к нему приехали. И начал держать совет великий князь с боярами; а тогда у него были бояре: князь Дмитрий Федорович Бельский, князь Иван Васильевич Шуйский, Михаил Юрьевич, князь Михаил Львович Глинский, и дворецкие его: князь Иван Иванович Кубенский, Иван Юрьевич Шигона, и дьяки его: Григорий Меньшой Путятин, Елизар Цыплятев, Афанасий Курицын, Третьяк Раков. И начал думать князь великий, как ему ехать к Москве; и решил князь великий с боярами: ехать ему из Волока в Иосифов монастырь к Пречистой молиться.

И тогда поехал князь великий из Волока в Иосифов монастырь к Пречистой молиться, заговенье начал в своем селе, на Бугороде, и брат его Андрей Иванович был с ним.

Рано утром приехал в Иосифов монастырь к Пречистой молиться, Иосифа-игумена гробу поклониться. И встретили великого князя в воротах

священники, и весь клирос церковный во вратах монастыря, со образы и с кандилы.

Князь же велики, егда приѣде ис Колпи на Волок, и с Волока в Осифов монастырь, в каптанѣ,* и не исхожаше от постели ни мало, пребываше на постѣли; обращашу его со страны на страну, понеже изнеможеть от зельныя болѣзни, и брашна мало вкушаше. И егда же поѣде с Волока в Осифов монастырь, и бысть у него в каптанѣ князь Дмитрѣй Иванович Шкурлятев* да князь Дмитрей Федорович Палецкой,* того ради, что обращашу его ѣдучи.

Егда же приеде в Осифов монастырь, и какъ его встрѣтил игумен з братею, и тогда великого князя взяша двои под руки, князь Дмитрѣй Шкурлятев да князь Дмитрѣй Палецкой, и поидоша ко храму Пречистые. И егда во церкви дьякон начать октенью творити* за государя великого князя, и не можаху во слезах проглаголати, а игумен и братия горце плачуще и просяще милости Господа Бога и Пречистые его матере; великая же княгиня и с дѣтьми туто же стояху, плакахуся горце у Пречистые Богородици о государеве здравии; бояре же и вси людие плачуще и моляще Бога о государе.

Князь же велики выде из церкви и возлег на одрѣ, не можаше бо сидѣти, от зельныя болѣзни изнемогша. И начаша божественую литургию. Князь же велики на одрѣ лежаше в паперти церковной.

По отпущении же божественыя литургия несоша великого князя в кѣлию; игумен же моли государя, чтобы вкусил брашна; князь же велики нужею вкуси брашна. Тогда князь велики посла брата своего князя Одрѣя Ивановича з бояры своими во трапезу състи. И начева князь велики в Осифовѣ манастырѣ.

Наутрия же князь велики поѣде к Москве, а брата своего князя Андрѣя отпустил въ его удѣл; а великого князя повезоша в каптанѣ; а у великого князя сидѣли князь Дмитрей Шкурлятев да князь Дмитрѣй Пальцкой; станы же великого князя часты.

И нача ѣдучи думати з бояры, чтобы ему въехати во град Москву не явно, понеже бо тогда на Москвѣ многие людие иноземцы и послы.

И приде князь велики на Введение Пречистые* во свое село в Воробьево,* и бысть в Воробьеве два дня, от болѣзни зельнѣй стражуща и изнемогающа.

Тогда же приѣде к великому князю отець его Данил в Воробьево, митрополитъ*, посетити его, а с нимъ владыка Васьян Коломенской,* и Дософѣй, владыка Крутицкой,* и архимандриты, и бояря великого князя, которые были на Москвѣ: князь Иван Васильевич Шуйской, Михайло Семѣнович Воронцов и казначей Петрѣ Иванович Головин,* и иные многие дѣти боярские, которые с великим княземъ не были на Волоце. Много же тогда бысть во всех людех слез и рыдания, видяще такова государя в немощи лежаща. Князь же велики повеле на Москвѣ на реце мостъ мостити под Воробьевым, против

монастыря с иконами и кадилами игумен с братией, и со священниками, и со всем клиросом церковным.

Князь же великий из Колпи на Волок, а из Волока в Иосифов монастырь ехал в повозке и совсем не вставал с постели, все время лежал; и поворачивали его с одной стороны на другую, ибо обессилел он от тяжелой болезни, да и ел мало. И когда ехал из Волока в Иосифов монастырь, с ним вместе в повозке ехали князь Дмитрий Иванович Шкурлятев и князь Дмитрий Федорович Палецкий, чтобы переворачивать его во время пути.

Когда же приехал в Иосифов монастырь и встретил его игумен с братею, тогда великого князя взяли под руки двое — князь Дмитрий Шкурлятев и князь Дмитрий Палецкий, и пошли к храму Пречистой. И когда в церкви дьякон начал ектенью творить за государя великого князя — не могли от слез говорить; игумен и братия горько плакали и милости просили у Господа Бога и Пречистой его матери; великая же княгиня с детьми тут же стояла, и плакали они горько, моля Пречистую Богородицу о государевом здоровье; бояре же и все люди плакали и молили Бога о государе.

Князь же великий вышел из церкви и лег на одр: не мог он сидеть, обессилев от тяжелой болезни. И начали божественную литургию. Князь же великий на одре лежал на паперти церковной.

По окончании божественной литургии отнесли великого князя в келью; игумен уговаривал государя отведать угощения: князь же великий через силу отведал чуть-чуть. Затем князь великий послал брата своего, князя Андрея Ивановича, и своих бояр сесть за трапезу. И ночевал князь великий в Иосифове монастыре.

Утром же князь великий поехал в Москву, а брата своего, князя Андрея, отпустил в его удел; и повезли великого князя в повозке; сидел у великого князя князь Дмитрий Шкурлятев и князь Дмитрий Палецкий; остановки же великого князя были частыми.

И начал в пути совещаться с боярами о том, что надо ему въехать в город Москву незаметно, так как было тогда в Москве много иноземцев и послов.

И приехал князь великий в свое село Воробьево на праздник Введения Пречистой, и был в Воробьеве два дня, тяжко страдая от болезни и теряя последние силы.

Тогда приехал к великому князю в Воробьево навестить его отец его — Даниил-митрополит, а с ним владыка Вассиан Коломенский и Дософей, владыка Крутицкий, и архимандриты, и бояре великого князя, которые были в Москве: князь Иван Васильевич Шуйский, Михаил Семенович Воронцов, казначей Петр Иванович Головин, и многие другие дети боярские, которые не были с великим князем на Волоке. Все люди плакали и рыдали, видя великого государя, лежащего в немощи. Князь же великий повелел на Москве-реке у Воробьева, напротив Нового монастыря, мост мостить, ибо река тогда еще не крепко стала.

Нового монастыря,* понеже бо тогда река еще некрѣпко стала. И просекаху лед, столбы бияху, и мостъ намостиша. А тогда бысть городовою прикащикъ* Дмитрѣй Волинской да Олексѣй Хозниковъ и иные.

На утрий же день, в недѣлю, поѣде князь велики во славный град Москву. Как приѣде на мостъ, на новой, мошанный, тогда же у великого князя у каптаны в оглоблех впряженныи 4 санники вороны, и как санники на мостъ восхожаху, тогда мостъ обломися, каптану же великого князя дѣти боярские удержажу, а у санников гужи обрѣзаху. И оттуду же князь велики возвратися и покручинися на городцкихъ прикащиков, а опалы на них не положил. Поѣде князь велики на пором под Дорогомиловым, и введе во славный свой градъ Москву в ворота Боровицкие,* и внесоша его во постельные хоромы. Того же дни приѣде к великому князю братъ его князь Ондрѣй Иванович.

И нача князь велики думати з бояры, а тогда бысть у него бояр: князь Василѣй Васильевич Шуйской, Михайло Юрьевич, Михайло Семенович Воронцов, и казначѣй Петръ Иванович Головинъ, и дворѣцкой его тверский Иван Юрьевич Шигона, и дьякъ его Меншой Путятин, Федор Мишюрин. Призва къ собѣ и начать князь велики говорити о своемъ сыну, о князе Иване, и о своемъ великомъ княжении, и о своей духовной грамотѣ, понеже сынъ его млад, токмо трех лѣтъ, на четвертой, и како строитися царству послѣ его.

И тогда князь велики приказа писати духовную свою грамоту дьяку своему Григорью Никитину Меншому Путятину, и у него велѣл быти в товарищех дьяку же своему Федору Мишюрину. Тогда же князь велики прибави къ собѣ в думу к духовной грамоте бояр своихъ: князя Ивана Васильевича Шуйского, да князя Михайла Васильевича Тучкова,* да князя Михайла Львовича Глинского, прибавил потому, поговоря з бояры, что ему в родствѣ по жене его, по великой княгине Елене. И тогда же приеде к великому князю братъ его князь Юрѣй Иванович вскорѣ на Москву.

И нача же с тѣми бояры думати князь велики и приказывать о своемъ сыну великом князе Иване, и о великой княгине Елене, и о своемъ сыну князи Юрѣй Васильевичѣ, и о своей духовной грамотѣ.

И нача же думати со отцемъ своимъ митрополитомъ Даниломъ, и со владыкою коломенскимъ Васяномъ, и старцомъ своимъ Мисаиломъ Сукинымъ, и со отцемъ своимъ духовнымъ Алексѣемъ протопопомъ, чтобы ему во иноческій образ облещися, понеже бо давно мысль его предлежаше в чернечество. И еще же бѣ на Волоце, князь велики приказал старцу своему Мисаилу Сукину да отцу своему духовному Алексѣю: «Чтобы есте того не учинили, старец Мисаило, протопопъ Алексѣй, что вамъ мене в беломъ платьи положити. Хоти бы яз и здоров былъ, но мысль моя и желание сердечно предлежитъ в чернечество». А на Волоце же князь великий старцу своему Мисаилу повелѣ собѣ платие приготовить чернечское. Еще же ему на пути ѣдучи к Москвѣ, и призва къ себе дворецкого своего тверскаго Ивана Юрьевича Шигону да дьяка своего Меньшого

И продолбили лед, и вбили столбы, и мост намостили. А городовыми приказчиками тогда были Дмитрий Волынский и Алексей Хозников, и другие.

И утром, на другой день, в воскресенье, поехал князь великий в славный город Москву. Как въехал он на мост, вновь наведенный (тогда у великого князя в повозке в оглоблях были впряжены четыре коня вороных), и как кони на мост вступили, тогда мост обломился, повозку же великого князя дети боярские удержали, а гужи у коней обрезали. И вернулся оттуда князь великий, досадуя на городских приказчиков, но опалы на них не положил. Поехал князь великий на паром под Дорогомилowo и въехал в славный свой город Москву через Боровицкие ворота, и внесли его в спальные покои. В тот же день приехал к великому князю брат его князь Андрей Иванович.

И стал князь великий держать совет с боярами, а бояре у него тогда были: князь Василий Васильевич Шуйский, Михаил Юрьевич, Михаил Семенович Воронцов, казначей Петр Иванович Головин, и дворецкий его тверской Иван Юрьевич Шигона, и дьяк его Меньшой Путятин, и Федор Мишурин. И призвал их к себе великий князь и стал говорить о своем сыне, о князе Иване, и о своем великом княжении, и о своей духовной грамоте, и о том, как управлять царством после него, ибо сын его мал, только трех лет, на четвертый пошло.

И тогда князь великий приказал писать духовную свою грамоту дьяку своему Григорию Никитичу Меньшому Путятину, а в товарищах у него велел быть дьяку своему Федору Мишурину. Тогда же князь великий добавил к себе в думу для совета о духовной грамоте своих бояр — князя Ивана Васильевича Шуйского и князя Михаила Васильевича Тучкова; и князя Михаила Львовича Глинского прибавил, поговоря с боярами, потому что он в родстве с ним через жену свою, великую княгиню Елену. И тогда же вскоре приехал в Москву к великому князю брат его князь Юрий Иванович.

И начал с этими боярами совещаться князь великий и наказы давать: и о сыне своем великом князе Иване, и о великой княгине Елене, и о своем сыне князе Юрии Васильевиче, и о своей духовной грамоте.

И начал совещаться великий князь с отцом своим, митрополитом Даниилом, и с владыкою коломенским Вассианом, и со старцем своим Мисаилом Сукиным, и с отцом своим духовным Алексеем-протопопом о том, чтобы принять ему иноческий сан, ибо давно уже думал он о монашестве. И, когда еще был на Волоке, князь великий приказал старцу своему Мисаилу Сукину и отцу своему духовному Алексею: «Смотрите, старец Мисаил и протопоп Алексей, чтобы не случилось так, что вам меня в мирском платье придется в гроб положить. Даже если бы я был здоров, то и тогда сокровенное мое помышление и желание — постричься в иноки». И на Волоке уже князь великий велел старцу своему Мисаилу приготовить для него платье монашеское. Когда же он ехал к Москве, то по дороге призвал к себе дворецкого своего

Путятина, и нача имъ мысль приказывати о чернечествѣ его, не положили бы в бѣлом платин.

И повелѣ князь велики тайно служити у Благовещения* в приделѣ в Васильи в Великомѣ* благовѣщенскому попу Григорью, а на обѣдни *туто* были владыка коломенский Васьян, да Мисайло Сукин, да протопоп Алексѣй, и нес к великому князю дары* владыка коломенский Васиян да Мисайло Сукинъ.

В среду же князь великий, противу четвергу, тайно масломъ свящался, а *туто* бысть владыка коломенский Васиянъ, да Мисайло Сукин, да протопоп Алексѣй, да поп Григорѣй благовѣщенской, а не вѣдал того ниhto.

И против недѣли перед Николиным днемъ, в нощи, явственно свящался масломъ и повѣле служити в недѣлю у Рожества святыя Богородици* отцу своему духовному Алѣксѣю протопопу да благовѣщенскому попу Григорью; и нес к великому князю дары Алексѣй протопопъ, а попъ Григорѣй — дору.* Дивно же есть: сѣй дотолѣ не можаше обратитися со страны, на ней же лежаше, но обращаху его, и повѣле собе сказати, какъ дары понесутъ, а собѣ повелѣ принести крѣсла к постели; и воста самъ, мало же его приня Михайло Юрьевич, съде князь велики в кресле, и принес к нему протопоп Алексѣй святыя дары. Он же воста самъ на ноги своя и примѣ честныя дары честно и прослѣзися, *дору* же и пречистыя хлебъ мало вземъ, и укропу же, и кутьи, и просфиры мало вкуси, и возлеже на постѣлю.

И призва отца своего Данила митрополита и братию свою, князя Юрья Ивановича и князя Ондрѣя Ивановича, и бояръ своих всех, бѣ бо тогда мнози бояре съѣхашася и-своих отчин, слышав государеву немощь. Князь же вѣлики Василѣй Иванович нача говорити отцу своему Данилу митрополиту и *братии* своей, князю Юрью и князю Андрѣю, и бояромъ всѣмъ: «Приказываю своего сына Иоанна Богу и Пречистые Богородицы, святымъ чюдотворцамъ, и тебе, отцу своему Данилу митрополиту всѣя Руси, даю ему свое государство, которым мене благословил отець мой, князь Иван Васильевич всеа Руси. Вы бы, моя братия, князь Юрьи, князь Ондрѣй, стояли крѣпко во своемъ слове, на чом есмя крестъ цѣловали, и крѣпости промѣжи нами, и вы бы, братия моя, о земскомъ строении, о ратных дѣлах против недругов сына моего и своих стояли вопче, чтобы была православных хрестиян рука высока над бесерменскими и латынскими. А вы бы, бояре и боярские дѣти, и *княжата*, стояли вопче с моимъ сыномъ и моею братиею противъ недругов, а служили бы есте моему сыну, как есте мнѣ служили прямо».

Тогда же отпусти от себя митрополита и братию свою, а оставил у себе бояр своих всех: князя Дмитрѣя Федоровича Бѣлского з братиею,* и Шюйских князей, Горбатых и Поплевиных, и князя Михаила Львовича Глинского, и нача говорити своимъ бояромъ: «Вѣдаете и сами, кое от вѣликого князя Володимера

тверского Ивана Юрьевича Шигону и дьяка своего Меньшого Путятину, и начал им свой завет наказывать — о пострижении его, чтобы не положили его в гроб в мирском платье.

И велел князь великий тайно служить в церкви Благовещенья, в приделе Василия Великого, благовещенскому попу Григорию; а на обедне тут были: владыко коломенский Вассиан, и Мисаил Сукин, и протопоп Алексей, и несли к великому князю дары владыка коломенский Вассиан и Мисаил Сукин.

В среду же, перед четвергом, князь великий тайно маслом освящался, и были тут владыка коломенский Вассиан, и Мисаил Сукин, и протопоп Алексей, и благовещенский поп Григорий; и не знал об этом никто.

И накануне воскресенья перед Николиным днем, ночью, освящался маслом, уже не скрываясь, и велел служить в воскресенье в церкви Рождества святой Богородицы отцу своему духовному Алексею-протопопу и благовещенскому попу Григорию; и нес Алексей-протопоп великому князю святые дары, а поп Григорий — дору. Вот как удивительно: до этого времени он не мог сам повернуться с той стороны, на которой лежал, но переворачивали его; а теперь велел, чтобы сказали ему, когда дары понесут, и себе велел принести кресло к постели; и поднялся сам князь великий (слегка поддержал его Михаил Юрьевич), сел в кресло, и принес к нему протопоп Алексей святые дары. Он же встал сам на ноги свои, и принял честные дары с честью, и прослезился; дору же и священного хлеба взял немного, и сладкой воды, и кутьи, и просфиры немного отведал, и лег в постель.

И призвал отца своего Даниила-митрополита, и братьев своих, князя Юрия Ивановича и князя Андрея Ивановича, и бояр своих всех (ведь тогда многие бояре съехались в Москву из своих вотчин, услышав о болезни государя). И стал говорить князь великий Василий Иванович отцу своему Даниилу-митрополиту и братьям своим, князю Юрию и князю Андрею, и всем боярам: «Вверяю сына своего Иоанна Богу и Пречистой Богородице, святым чудотворцам и тебе, отцу моему Даниилу, митрополиту всея Руси; даю ему свое государство, которым благословил меня отец мой, князь всея Руси Иван Васильевич. Вы, мои братья, князь Юрий, князь Андрей, крепко держите свое слово, соблюдать которое вы клятвенно крест целовали, и договоры наши храните; и вы, братья моя, в государственных делах, в военных походах против недругов сына моего и своих держитесь вместе, чтобы простиралась власть православных христиан над басурманами и латинянами. А вы, бояре и боярские дети и княжата, стойте вместе с моим сыном и братьями моими против недругов и служите сыну моему так преданно, как и мне служили».

Затем отпустил великий князь от себя митрополита и братьев своих, и оставил у себя всех своих бояр: князя Дмитрия Федоровича Бельского с братьями, и Шуйских князей, Горбатых и Поплевиных, и князя Михаила Львовича Глинского, и стал говорить им: «Знаете вы и сами, что от великого

Киевского ведетца наше государьство Владимирское и Новгородское и Московское. Мы вамъ государи прироженныя, а вы наши извечные бояре. И вы, брате, постойте крѣпко, чтобъ мой сынъ учинился на государьстве государь и чтобъ была в землѣ правда. Да приказываю вамъ своих сестричичев, князя Дмитрия Феодоровича Бѣлского с братиею и князя Михаила Лвовича Глинского, занеже князь Михайло по женѣ моей мнѣ племя, чтобы есте были вопчѣ, дѣла бы есте дѣлали заодин. А вы бы, мои сестричичи, князь Дмитрѣй з братьею,* о ратных дѣлах и о земскомъ строение стояли заодин, а сыну бы есте моему служили прямо. А ты бѣ, князь Михайло Глинской, за моего сына князя Иванна, и за мою великую княгиню Елѣну, и за моего сына князя Юрья кровь свою пролиал и тѣло свое на раздробление дал».

Князь же велики велми скорбаше и изнемогоше, болѣзни же своей не чюяше, а раны у него не прибываше, но токмо духъ от нея тяжекъ, идущую же из нея нежид смертный.

И призва тогда князя Михайла Глинского, да Михайла Юрьевича, и докторов своих Николая Люева да Фефила, чтобъ прикладывати к болячкѣ масть или бы нѣчто пустити в рану, чтобы от нѣя духу не было. И нача ему говорити боярин его, Михайло Юрьевич, тѣшачи государя: «Государь князь великий, чтобъ водка нарядити и в рану пушати и выжимати, ино, государь, видечи такова тя государя истомна, чтобы, государь, спустити з *день* или з два, что было, государь, хотя мало болѣзни твоей облегчание, ино бы тогда вотка пустити». Князь же великий призва Николая и нача ему говорити: «Брате Миколае, пришел еси из своая земля ко мнѣ, а видел еси мое велико жалованье к собѣ. Мощно ли тобѣ, чтобъ обলেখение было болѣзни моей?» И глагола Миколай: «Государь, князь велики! Яз, государь, был во своей земли, слышав твое государево великое жалование и ласку, и я, государь, оставил отца и мать и землю свою и приѣхал до тебя, государя, и видѣл, государь, твое государево великое жалование до собя, и хлѣбъ, и соль. А мощно ли мнѣ мертваго жива сотворити, занеже, государь, мнѣ Богомъ не быти!»* Князь же великий обратися и нача говорити дѣтемъ боярскимъ и стряпчимъ своимъ: «Братие, Николай надо мною познал, что яз не вашъ». Стряпчие же и дети боярские при немъ заплакаху горко, помалу его для, а вышел вон — горко плакаху и рыдаху, и быша яко мертви, видяще государя при конце.

И противу недѣли тоя нощи, коли причастися пречестныхъ тайнъ, и утѣшися мало, и нача, аки во сновидѣнии, пѣти: «Алилуиа, алилуиа, а слава тебѣ, Боже!» И потомъ, пробудився, начатъ говорити: «Како Господеви годѣ, тако и бысть; буди имя Господне благословено отнынѣ и до вѣка!»

И приказа же князь великий со вторника к средѣ декабря въ 3 день, пред Николинымъ днемъ, и повѣле отцу своему духовному Алексѣю протопопу

князя Владимира Киевского происходит наше государство Владимирское, Новгородское и Московское. Мы вам государи прирожденные, а вы наши извечные бояре. И вы, братья, стойте на том крепко, чтобы мой сын стал государем в своем государстве, и чтобы торжествовала в Русской земле правда. Да уверяю вам своих родственников — князя Дмитрия Федоровича Бельского с братьями и князя Михаила Львовича Глинского (ведь князь Михаил по жене моей мне родственник), чтобы были вы все вместе, все дела делали бы заодно. А вы, мои родственники, князь Дмитрий с братьями, в военных походах и в государственных делах стояли бы заодно и сыну моему преданно бы служили. А ты, князь Михаил Глинский, за моего сына князя Ивана, и за мою великую княгиню Елену, и за моего сына князя Юрия кровь свою пролил бы и тело бы свое на раздробление дал».

Князь великий очень страдал от болезни и так изнемог, что и боль чувствовать перестал; рана его не увеличивалась, но только запах от нее шел тяжелый, сочилась из нее жидкость, как из мертвого.

И призвал он тогда князя Михаила Глинского и Михаила Юрьевича, и докторов своих Николая Люева и Фефила, чтобы начали прикладывать к болячке мазь или чтобы пустили лекарство в рану, чтобы запаха от нее не было. И стал советовать ему боярин его Михаил Юрьевич, утешая государя: «Государь князь великий! Хорошо бы настой приготовить и в рану пускать и рану промывать, а то, государь, тяжело тебя видеть таким измученным; хорошо бы, государь, попускать так день или два, чтобы было, государь, хоть небольшое облегчение твоей болезни; надо бы настой пустить». Князь же великий призвал Николая и стал ему говорить: «Брат Николай! Ты пришел из своей земли служить мне и видел мое великое тебе пожалованье. Можешь ли ты облегчить болезнь мою?» И ответил Николай: «Государь князь великий! Я, государь, был в своей земле, слышал про твое, великого государя, пожалованье и ласку, и я, государь, оставил отца и мать и землю свою, и приехал к тебе, государю, служить, и видел, государь, твое государево великое пожалованье мне, и хлеб, и соль. Но разве можно мне мертвого сделать живым? Ведь я не Бог!» Князь великий повернулся и сказал детям боярским и своим слугам: «Братия, Николай понял, что я уже не ваш». Слуги и дети боярские заплакали горько, при нем — сдерживаясь, так как оберегали его, а выйдя вон, горько плакали и рыдали и сами были как мертвые, видя государя при смерти.

И вечером накануне воскресенья, после того как причастился он святых тайн и успокоился немного, начал великий князь молиться, а сам был как будто в забытьи: «Аллилуйя, аллилуйя, слава тебе, Боже!» А потом — очнувшись — начал говорить: «Как Господу угодно, так и совершается; да будет имя Господне благословенно отныне и до скончания века!»

И приказал князь великий в ночь со вторника на среду перед Николиным днем, 3 декабря, отцу своему духовному Алексею-протопопу держать

собѣ держати служебныя дары у Благовѣщенія. И тогда же прииде игумен троицкый Асафъ,* и рече ему князь велики: «Помолися, отче, о земскомъ строении и о сыне моемъ Иване, и о моемъ согрешении; дал Богъ и великий чудотворецъ Сергий мнѣ вашимъ молѣниемъ и прошениемъ сына Ивана, и аз крестил его у чудотворца, и дал есми его чудотворцу, и на *раку* чудотворцову положил его, и вамъ, отче, своего сына на руки дал,* и вы молитесь Бога и Пречистую его мать и великих чудотворцов о Иванне, о сыне, и о моей жене, горчице; да чтоб еси, игумен, прочь не ѣздил, ни из города вон не выезжал!».

В среду же прииде к нему отецъ его духовный Алексѣй протопоп и принес к нему святые дары. Князь же великий не можаше с постеля востати, но под плечи подняху его, и причастися святыхъ тайн, и по причащении мало звару вкуси. Призва къ собѣ бояр своих: князя Василья и князя Ивана Васильевичи Шюйских, и Михайла Воронцова, Михайла Тучкова, князя Михайла Глинского, Шигону, Петра Головина, дьяков своих: Меньшово Путятина, Федора Мишурина, и быша у него тогда бояря от третьяго часа и до седмого;* и приказавъ имъ о своемъ сыну великомъ князе Иване Васильевичи, и о устроенье земскомъ, како бы правити послѣ его государства. И поидоша от него бояре, а у него оста Михайло Юрьев, да князь Михайло Глинской, да Шигона, и быша у него до самыя нощи. И приказав о своей великой княгине Елѣне, како ей без него быти и какъ к ней бояромъ ходити, и о всѣмъ имъ *приказа*, как без него царству строитися.

И тогда приидоша к нему братия его, князь Юрьи и князь Андрѣй, и начаша его притужати, чтобъ нѣчто мало вкусил. Князь же вѣлики вкуси единыя миндальныя каши мало, токѣмо ко устомъ принесе; и поидоша от него братия. И повѣле къ собѣ воротить брата своего князя Ондрѣя. Тогда же бысть у него Михайло Юрьев, князь Михайло Глинской, Шигона, нача имъ говорити князь велики: «Вижу самъ, что животь мой къ смерти приближаетца; хочю послати по сына своего Ивана, и хочю его благословити крестомъ Петра чудотворца; и хочю послати по жену свою, по великую княгиню Елѣну, и хочю проститися с нею». О сѣй же рѣчи возвратися князь велики: «Не хочю послати по сына своего великого князя Ивана, понеже сынъ мой мал, аз лежю в великой своей немощи, и нѣчто бы от меня не дрогнул сынъ мой». Князь же Андрѣй и бояре начаша говорити великому князю и притужати: «Государь князь великий! Пошли по сына своего по князя Ивана, благослови его. И пошли, государь, по вѣликую княгиню».

Тогда же князь велики посла по великую княгиню брата своего князя Ондрѣя да князя Михайла Глинского, а наперѣд великия княгини повелѣл принести сына своего князя Ивана, плача для великие княгини, а сам на себя *постави* крестъ Петра чудотворца.* А тогда бысть у него Михайло Юрьев, да Шигона, да стряпчих его бысть в то время: Иванъ Иванович Челядинъ, да шюрин

наготове святые дары в церкви Благовещенья. И тогда же пришел игумен троицкий Иоасаф, и сказал ему князь великий: «Помолись, отче, об устройстве государственных дел, и о сыне моем Иване, и о моих грехах; дал мне Бог и великий чудотворец Сергей — вашими молитвами и просьбами — сына Ивана, и я крестил его в монастыре у чудотворца, и вручил его чудотворцу, и на раку чудотворца положил его, и вам, отче, своего сына на руки дал, и вы молитесь Бога и Пречистую его мать и великих чудотворцев об Иване-сыне и о моей жене-горюше; да чтобы ты, игумен, прочь не вздумал уехать и из города вон не выезжал!»

В среду пришел к нему отец его духовный Алексей-протопоп и принес к нему святые дары. Князь великий не мог с постели подняться, но за плечи приподняли его, и причастился он святых тайн, и после причастия немного взвару выпил. Призвал к себе бояр своих — князя Василья и князя Ивана Васильевича Шуйских, Михаила Воронцова, Михаила Тучкова, князя Михаила Глинского, Шигону, Петра Головина, дьяков своих — Меньшого Путятина, Федора Мишурина, — и были у него тогда бояре с третьего часа до седьмого; и дал им наказ о своем сыне, великом князе Иване Васильевиче, и об устройении дел государственных, о том, как править после его царствования. И ушли от него бояре, а у него остались Михаил Юрьев, князь Михаил Глинский и Шигона и были у него до самой ночи. И дал им наказ о своей великой княгине Елене, как ей без него жить и как боярам к ней ходить, и обо всем им наказал, как без него царству быть.

И затем пришли к нему братья его, князь Юрий и князь Андрей, и начали его уговаривать, чтобы хоть немного поел. Князь же великий одной миндальной каши отведал чуть-чуть, только к устам поднес; и ушли от него братья. И велел он вернуть к себе брата своего князя Андрея. А тогда были у него Михаил Юрьев, князь Михаил Глинский, Шигона, и начал им говорить князь великий: «Вижу сам, что смерть моя приближается, хочу послать за сыном своим Иваном: хочу благословить его крестом Петра-чудотворца; и хочу послать за женой своей великой княгиней Еленой: хочу проститься с нею». И вновь заговорил об этом великий князь: «Не хочу посылать за сыном своим, великим князем Иваном: мал мой сын, а я лежу в великой немощи, как бы не напугался сын мой, увидев меня». Князь Андрей и бояре начали говорить великому князю, уговаривать его: «Государь князь великий! Пошли за сыном своим, князем Иваном, благослови его. И пошли, государь, за великой княгиней».

Тогда князь великий послал за великой княгиней брата своего князя Андрея и князя Михаила Глинского, а сына своего князя Ивана велел принести до прихода великой княгини, опасаясь ее плача; а сам на груди держал крест Петра-чудотворца. Тогда были у него Михаил Юрьев и Шигона, и стряпчие его были в то время: Иван Иванович Челядин и шурин его князь Юрий Глинский.

его князь Юрьи Глинской. И принесоша к великому князю сына его на руках, князя Иванна, шюрин его, князь Иван Глинской, а за нимъ придѣ баба его Огрофѣна,* Васильева жена Ондрѣевича. Князь же великий снемъ съ собою крестъ Петра чудотворца, и приложил ко кресту сына своего, и благословилъ его крестомъ, и рече ему: «Буди на тебе милость Божия и Пречистыя Богородици, и благословение Петра чудотворца, какъ благословилъ Петръ чудотворецъ прародителя нашего великого князя Ивана Даниловича, и доннынѣ; и буди на тебѣ благословение Петра чудотворца и на твоихъ детехъ и на внучатехъ, отъ рода в род; и буди на тебѣ мое грѣшное благословение, и на твоихъ детехъ и внучатехъ, отъ рода в род». И приказа же тогда князь велики Огрофѣне: «Чтобъ еси, Огрофѣна, отъ сына моего отъ Ивана пяди не отступала!» И отпусти сына своего великого князя Иванна.

Тогда же приде к нему великая княгиня Елѣна, едва же державу ея брать его князь Ондрѣй Иванович, а зъ другую сторону боярыни Елѣна, Иванова жена Ондрѣевича Челядина.* Биюще же ся вѣликая княгини, и плачеша горко, слезы же ея непрестанно текущи отъ очию ея, яко источникъ вѣлий зело. Много же бысть слезъ, плача и рыдания во всехъ людехъ. Князь же велики тѣши ея, глаголаше ей: «Жено, престани, не плачися! Болѣзнь ми есть лехче, не болитъ ми ничто, благодарю Бога», понеже бо князь велики не чюяше собою. И на малъ часъ унявъ ея князь велики, и предста отъ слезъ великая княгини. И начатъ говорити великая княгини: «Государь князь велики! На кого меня оставляеши, и кому, государь, дѣти приказываеши?» Князь же велики отвѣщавъ, рече: «Благословилъ есмь сына своего Ивана государствомъ — великимъ княжениемъ, а тебѣ есмь написалъ въ духовной своей грамотѣ, какъ въ прежнихъ духовныхъ грамотехъ отецъ нашихъ и прародителѣй, по достоянню, какъ прежнимъ великимъ княгинямъ». И нача великая княгини бити челомъ о сыне, о князе Юрьи, чтобъ его благословилъ. И посла князь велики по сыну, по князи Юрья, и принесоша князя Юрья, ещо бо князь Юрьи малъ бѣ, единого году. И благословилъ его князь велики, и дасть ему крестъ *Паисиской*,* и приказа отнести тотъ крестъ по преставлении своемъ боярину своему Михайлу Юрьевичу, а во отчине тако же отвѣчалъ: «Приказалъ есмь въ духовной грамотѣ, написалъ по достоянню». Тогда же великая княгини не хотяше итти отъ него, но отсла ея князь велики,* и простися с нею князь велики, и отдасть ей послѣднее свое целованье. Жалосно же бѣ тогда видѣти, слезъ, рыдание исполнено в то время!

И тогда князь велики посла по владыку по Васьяна и по старца по Мисаила по Сукина, и повелѣ ему платие принести чернеческое, и в то время попыта игумена кириловского, на то, понеже мысль его была прежде того постричися у Пречистой в Кирилове монастыре.* И сказаща ему, что игумена кириловского на Москвѣ нѣтъ. И тогда посла по игумена по троицкого по Ясафа; Мисайло же пришедъ к нему и принесъ платие черное.

И принесли к великому князю сына его, князя Ивана, принес на руках шурин его князь Иван Глинский, а за ним пришла и няня его Аграфена, жена Василия Андреевича. Князь же великий снял с себя крест Петра-чудотворца, и приложил ко кресту сына своего, и благословил его крестом, и сказал ему: «Пусть будет на тебе милость Божия и Пречистой Богородицы и благословение Петра-чудотворца, которым он благословил прародителя нашего, великого князя Ивана Даниловича, и донныне пребывает благословение это, и пусть будет благословение Петра-чудотворца на тебе, на твоих детях и на внучатах, из рода в род, и пусть будет на тебе мое, грешного, благословение, и на твоих детях, и внучатах, из рода в род». И приказал затем князь великий Аграфене: «Чтобы ты, Аграфена, от сына моего Ивана ни на пядь не отходила!» И отпустил сына своего, великого князя Ивана.

Затем пришла к нему великая княгиня Елена, едва удерживали ее брат его, князь Андрей Иванович, а с другой стороны — боярыня Елена, жена Ивана Андреевича Челядина. Великая княгиня билась и горько плакала, а слезы так и текли из ее глаз непрестанно, как из многоводного источника. Много тогда было слез, все люди плакали и рыдали. Князь же великий утешал ее, говоря ей: «Жена, перестань, не плачь! Мне легче стало, не болит у меня ничего, благодарю Бога», ведь князь великий уже не чувствовал себя. И на короткое время успокоил ее князь великий, и перестала плакать великая княгиня. И стала говорить великая княгиня: «Государь князь великий! На кого ты меня оставляешь и кому, государь, детей поручаешь?» Князь же великий — отвечая — сказал: «Я благословил сына своего Ивана государством — великим княжением, и тебе написал в своей духовной грамоте так, как писалось в прежних духовных грамотах отцов наших и прародителей, по достоянию, как и прежним великим княгиням». И стала великая княгиня бить челом о сыне — о князе Юрии, чтобы его великий князь благословил. И послал великий князь за сыном — князем Юрием, и принесли князя Юрия, еще ведь мал был князь Юрий, был ему один год. И благословил его князь великий, и дал ему крест Паисиевский, и приказал боярину своему Михаилу Юрьевичу передать тот крест сыну после смерти своей, а о наследстве ему также сказал: «Завещал ему в духовной грамоте, написал по достоянию». Великая княгиня не хотела уходить от него, но князь великий отослал ее; и простился с ней князь великий, и поцеловал ее в последний раз. Жалостно это было видеть, слез и рыдания было полно это время!

И затем князь великий послал за владыкой Вассианом и за старцем Мисаилом Сукиным, и велел ему принести платье монашеское, и тогда же спросил про игумена кирилловского, ибо прежде еще думал он постричься в иноки у Пречистой в Кириллове монастыре. И сказали ему, что игумена кирилловского нет в Москве. И тогда послал он за игуменом троицким за Иоасафом; Мисаил же пришел к нему и принес платье черное.

Приде же к нему Данил митрополить, и братъ его князь Юрьи, и князь Андрѣй, и бояре всѣ, и дѣти боярские. И нача ему говорити митрополить и владыка Васиян, чтобъ князь велики послал по Пречистые образ болший, чудотворѣнные Владимирские,* еже Лука еуаггелисть написа, и по Николу, чудотворца Гостуньского.* Князь же велики посла по Пречистые образ и по Николу, и принесоша Пречистые образ и Николу чудотворца вскорѣ. И призва къ себе дворецкого своего тверского Ивана Юрьевича Шигону, и посла его ко отцу своему духовному Алексѣю протопопу, и повѣле ему принести къ собѣ дары изъ церкви запасные, и повелѣ его бы пытати, во обычай ему то дело, егда же разлучается душа от тѣла. Протопоп же отвеща, егда мало того бывало. И повелѣ ему внити в комнату з дароношениемъ, и повѣле ему стати противу себя, и повѣле стряпчему своему Федору Кучецкому стати с протопопомъ порядку, занеже бо Федець видѣ, когда преставление его отца, великого князя Ивана.

И тогда повелѣ дьяку своему *крестовому** Данилку пѣти канон* великия мученици Екатерины и канун на исход души, и отходную повелѣ собѣ говорити. И какъ начал канон пѣти, и забывся мало и прочхнувся отъ сна, и нача говорити, какъ началъ канунъ пѣти, аки видѣние виде: «Государыни великая Екатерина, пора царствовать!» И возбудився, аки от сна, и примъ образ великомученици, и любезно приложися к нѣй и коснуся рукою правою образу ея, понеже бо в тѣ поры рука ему болна сущи. Тогда же принесоша к нему мощи великомученици Екатерины, и приложися к мощемъ, и рукою своею правою, и лежа на одре своемъ; и призва к собѣ боярина своего Михайла Семеновича Воронцова и поцеловався с нимъ, и прости его.

И отъ того часа время долго полежав. И приде к нему отецъ его духовный Алексѣй *протопоп*, хотя ему дары дати, он же уняв его, и рече ему: «Видиши самъ, что лежю болен, а в разуме своемъ. И егда станет душа от тела разлучатися, тогда ми и дары дай. Смотри же мя разумно и береги!»

И мало время пождав, призва к собѣ брата своего, князя Юрья Ивановича, и рече ему: «Помниши ли, брате, коли отца нашего, великого князя Ивана, не стало назавтрее Дмитреева дни, в понедельник, понеже бо немощь его томила день и ночь? А мнѣ, брате, такоже смертный час, конецъ приближается».

И пождав мал час, призва отца своего Данила митрополита, и владыку коломенского Васияна, и братию свою, и боярь всех, и рече ему: «Видите мене сами изнемогша и к концу приближшуся, а желание мое давно бысть постричися. Постригите мене!» Тогда же отецъ его Данил митрополить и бояре его, Михайло Юрьевич, похвалиши ему дѣло то, что добра жалает. И ста ему встречу братъ его, князь Одрѣй Иванович, и Михайло Семенович

Пришел к нему Даниил-митрополит, и брат его князь Юрий, и князь Андрей, и бояре все, и дети боярские. И начали ему говорить митрополит и владыка Вассиан, чтобы князь великий послал за большим чудотворным образом Пречистой Богородицы Владимирской, написанным евангелистом Лукой, и за образом Николы, чудотворца Гостунского. Князь великий послал за образом Пречистой и за образом Николы, и принесли быстро иконы Пречистой и Николы-чудотворца. И призвал к себе дворецкого своего тверского Ивана Юрьевича Шигону, и послал его к отцу своему духовному Алексею-протопопу, и велел принести к себе запасные дары из церкви, и велел его расспрашивать о том (ведь это дело для него обычное), в какой момент разлучается душа с телом. Протопоп же ответил, что мало ему приходилось при этом бывать. И велел ему войти в комнату со святыми дарами, и велел ему встать напротив, и велел встать с протопопом рядом стряпчему своему Федору Кучецкому, потому что Федец видел преставление отца его, великого князя Ивана.

И затем велел дьяку своему крестовому Данилке петь канон великомученице Екатерине и канон на исход души, и велел отходную себе читать. А когда начал дьяк петь канон, великий князь забылся немного, а затем очнулся от сна и стал говорить, в то время как дьяк начал канон петь, как будто видение увидел: «Государыня великая Екатерина, пора царствовать!» И проснулся, как ото сна, и, приняв икону великомученицы, с любовью приложился к ней, и коснулся иконы правой рукой, так как в то время рука его болела. Затем принесли к нему мощи великомученицы Екатерины, и приложился он к мощам, и коснулся их своею правою рукою, и лежал он на одре своем; и призвал к себе боярина своего Михаила Семеновича Воронцова, и поцеловался с ним, и простил его.

И после этого долго лежал. И подошел к нему отец его духовный Алексей-протопоп, собираясь дать ему уже святые дары, он же остановил его, и сказал: «Видишь сам, что хотя я лежу в немощи, но я еще в полном разуме. Когда станет душа с телом разлучаться, тогда мне и дары дай. Следи же за мной внимательно и стереги меня!»

И, немного подождав, подозвал к себе брата своего, князя Юрия Ивановича, и сказал ему: «Помнишь ли, брат, как отца нашего, великого князя Ивана, не стало на другой день после Дмитриева дня, в понедельник? А немощь его томила и день и ночь. Вот, брат, и мой смертный час настал, конец приближается».

И, подождав немного, позвал отца своего Даниила-митрополита, и владыку коломенского Вассиана, и братьев своих, и бояр всех и сказал митрополиту: «Видите сами, что силы уже оставляют меня и кончина моя близка; а давно было у меня желание постричься в иноки. Постригите меня!» Тогда отец его Даниил-митрополит и боярин его Михаил Юрьевич одобрили его желание, сказав, что хорошего он хочет. Но стали возражать ему брат его, князь Андрей

Воронцов, и Шигона, глаголаху: «Князь велики Владимир Киевский умре не в черньцех, не сподоби ли ся праведного покоя? И иные великие князи не в черньцех преставилися, не с праведными ли обрели покой?» И бысть промежи ими пря велика.

Князь же велики призвав къ собѣ отца своего Данила митрополита, и рече ему: «Исповѣдах есми, отче, тобѣ всю свою тайну, еже желаю чернечства; чего так ми долежати? Но сподоби мя облещися во мнишеский чин, постриги мя!» И мало пождавъ, и рече ему: «Так ли ми, господине митрополить, лежати?» И нача креститися и говорити: «Алиллуия, алиллуия, слава тебѣ, Божѣ!» И нача говорити, из-ыкосов* словеса выбираючи, а иные словѣса тихо в собѣ глаголати. И крестящеся, рече: «Радуйся, Утроба Божественного Воплощения!» И потомъ начать глаголати: «Ублажаемъ тя, преподобноотче Сергие, и чтемъ святую память твою, наставниче инокомъ и *собесѣднице* ангеломъ!»

И потомъ, конецъ его приближашеся, не нача языкомъ изглаголати, но просяще пострижения, и емлюще простыню, и начать целовати ея. И тогда рука его правая не начать подниматися, и подносяше ея боярин его Михайло Юрьевич; он же не престаше творя на лица своемъ крестное знамение и зряще горѣ направо, на образ Пречистые Богородици, еже пред нимъ на престене стоить.

Тогда же Данил митрополить посла по старца Мисаила, повѣле принести платьє чернечское в комнату, а патрахиль* бѣ и постризание у митрополита с нимъ, а отрицание же бѣ еще тогда исповѣдал князь великий митрополиту, когда дары взял, в недѣлю, пред Николиным днем, и приказал митрополиту тогда: «Аще ли не дадутъ мене постричи, но на мертвого мене положи платие чернечское, бѣ бо издавна желание мое».

И прииде же старецъ Мисайло с платием, а князь велики приближашеся къ концу. Митрополить же взем патрахиль и подасть чрез великого князя игумену троецкому Иасафу. Князь же Андрѣй Иванович и боярин Михайло Семенович Воронцов не хотѣша дати вѣликого князя постричи. И глагола Данил митрополить князю Андрѣю: «Азь тебя не *благословляю*, ни в сѣй век, ни в будущий, а того тебѣ у мене не отняти, занеже сосуд сребрян добро, а позлащен — того лучши».

Князь велики отхожаше, но спѣшаху стричи его: Данил митрополить положи на игумена на троецкого патрахиль,* а самъ постриже его и положи на него перѣманатку* и ряску,* а манатии* не бысть, занеже бо спѣшачи несучи выронили; и вземъ съ собя кѣларь* троецкий Серапивон Курцов манатию, и положиша на него, и скиму ангельскую,* и Евангелие на груди положиша. И стоящи же близъ его Шигона. И как положили Евангелие на грудех, и видѣ Шигона духъ его отшедшъ, аки дымець мал. Бѣ же в те поры плачь и рыдание во всех, и зельное *стенание* от великих людѣй, от простыхъ паче же, и во всей земли.

Иванович, и Михаил Семенович Воронцов, и Шигона, и говорили они: «Князь великий Владимир Киевский умер, не будучи иноком, а разве он не сподобился праведного покоя? И другие великие князья не иноками преставились, а разве они не с праведными обрели покой?» И был между ними спор большой.

Князь же великий позвал к себе отца своего Даниила-митрополита и сказал ему: «Я открыл тебе, отче, сокровенное свое желание: хочу чернецом стать; зачем мне так — напрасно — лежать? Благослови меня облечься в монашеский сан, постриги меня!» И, немного подождав, сказал ему: «Неужели мне так, государь митрополит, лежать?» И стал креститься и говорить: «Аллилуйя, аллилуйя, слава тебе, Боже!» И стал молиться, выбирая слова из йкосов, а иные слова тихо — про себя — говорил. И, крестясь, сказал: «Радуйся, Утроба Божественного Воплощения!» И потом стал говорить: «Хвалим тебя, преподобный отец Сергей, и чтим святую память твою, наставник инокам и собеседник ангелам!»

И потом — конец его приближался — перестал он языком владеть, но пострижения просил и, простыню захватывая, целовал ее. А затем рука его правая перестала подыматься, и подносил ее боярин его Михаил Юрьевич; он же непрестанно осенял лицо крестным знамением и смотрел вверх, направо, на образ Пречистой Богородицы, который перед ним на пристенке стоит.

Тогда Даниил-митрополит послал за старцем Мисаилом, велел принести платье монашеское в комнату, а патрахиль и все необходимое для пострижения у митрополита было с собой; отречение же князь великий еще тогда исповедал митрополиту, когда святые дары принимал, в воскресенье, перед Николиным днем; и приказал он митрополиту тогда: «Если не дадут тебе меня постричь, то хотя бы мертвого меня одень в платье монашеское, ведь это издавна было моим желанием».

И пришел старец Мисаил с платьем, а князь великий был уже при смерти. Митрополит взял патрахиль и подал — через постель великого князя — игумену троицкому Иоасафу. Князь же Андрей Иванович и боярин Михаил Сергеевич Воронцов не хотели дать постричь великого князя. И сказал Даниил-митрополит князю Андрею: «Я тебя не благословлю ни в этой жизни, ни в будущей, но князя великого тебе у меня не отнять: серебряный сосуд хорош, а позолоченный — и того лучше!»

Князь великий отходил, и спешили постричь его: Даниил-митрополит положил на троицкого игумена патрахиль, а сам постриг великого князя и возложил на него переманатку и ряску, а манатки не было: ее, в спешке неся, выронили; и снял с себя троицкий келарь Серапион Курцов манатию, и положили ее на великого князя, а также и схиму ангельского чина, и Евангелие на грудь возложили. И стоял около него Шигона. И как только положили Евангелие на грудь, увидел Шигона, что дух его отошел, как слабый дымок. Все люди тогда плакали и рыдали, горько плакали бояре, а простые люди еще больше, и вся земля.

И просветися лице его аки свѣтъ, и бысть бѣл, аки снег. По преставлении же его от раны духа не бысть, и исполнися храмъ той и благоухание.

Престави же ся князь велики Василѣй Иванович всеа Руси, во иноческомъ чину наречен бысть Варлам, в лѣто 7041, мѣсяца декабря въ 3 день, съсереды на четверг, в 12 нощи, противу Варварина дни.*

И тоя же нощи облекоша его во всю чернечскую одежду; Данил жо митрополить вземъ самъ бумагу хлопчатую, и воды мало воспустити на нее, и оттрѣ его от пояса.

Тогда бысть плачь и рыдание неутѣшно во всех людех. Данил жо митрополить и бояре унимаху людей и от плача, но не слышати бѣ во мноземъ кричании, что другъ ко другу глаголаху. Еще же бѣ великая княгини тогда не вѣдала преставлѣнннн великого князя, бояря же унимаху людей от плача того ради, чтоб не слышати вѣликнн княгини, ни в хоромех.

Тогда же Данил митрополить вземъ братию вѣликого князя, Юрья и князь Ондрѣя Ивановичев, в переднюю избу, приведе их ко крестному целованию на томъ, что имъ служити великому князю Ивану Васильевичю всѣя Руси и его матере вѣликой княгине Елѣне, а жити имъ на своих удѣлех, а стояти имъ в правду, на чемъ цѣловали крестъ вѣликому князю Василью Ивановичю всеа Руси и крѣпости промежу ими с великим княземъ Васильемъ; а государства имъ под великимъ княземъ не хотѣти, ни людей имъ от великого князя к собѣ не отзывать, а противу недругов великого князя и своих, латынства и бесерменства, стояти имъ прямо, воопчи, заодин.

И бояр, и боярских детей, и княжатъ на томъ же приведе ко крестному целованию, что имъ хотѣти добра великому князю Ивану Васильевичю всѣя Руси и его матере великой княгине Елѣне, и всѣй земли хотѣти имъ добра в правду, и от недругов великого князя и всѣя земли, от бесерменства и от латынства, стояти вопче, заодинъ, а иного государя мимо вѣликого князя не искати.

Тогда же Данил митрополить з братиею великого князя и з бояры поиде к великой княгине тѣшити ея. Вѣликая же княгини видѣ митрополита и бояр, къ собѣ грядущи, и бысть яко мертва, и лежа часа з два, и едва очютнися. Тѣша же ю митрополить, и братия великого князя, и бояре, и поидоша от вѣликия княгини всѣ.

А у великого князя остана игумень троицкый Иасафъ да старецъ его Мисайло Сукин; и начаша его нарежати, и браду его чесати, якоже подобаеъ быти по чернеческому чину, и положиша под него *постелю черну тафтяну, и принесоша подъ него* от Михайлова Чюда* одрѣ, и положиша тѣло его на одре.

И егда же преставися князь великий, тогда начаша его нарежати старцы осифовские, а великого князя стряпчих* отслаша. И тогда начаша у него пѣти

И просветлело лицо великого князя и как будто озарилось светом, и стал он белым, как снег. После преставления его и от раны запаха не стало, и наполнилась горница благоухания.

Преставился князь великий Василий Иванович всея Руси, нареченный в монашестве Варлаамом, в год 7041 (1533), месяца декабря в третий день, со среды на четверг, в двенадцать часов ночи, накануне Варваринаго дня.

И в эту же ночь одели на него всю чернеческую одежду; Даниил-митрополит сам взял бумагу хлопчатую и, немного смочив ее, обмыл его до пояса.

Все люди тогда плакали и рыдали неутешно. Даниил-митрополит и бояре унимали людей от плача, но в этом крике не слышно было, что друг другу говорили. Еще тогда великая княгиня не знала о преставлении великого князя, и бояре унимали людей от плача, чтобы не было слышно ни у великой княгини, ни в других покоях.

Тогда же Даниил-митрополит взял в переднюю горницу братьев великого князя Юрия и князя Андрея Ивановичей и привел их к крестному целованию в том, чтобы им служить великому князю всея Руси Ивану Васильевичу и его матери, великой княгине Елене, и жить им в своих уделах, и держать клятву честно, выполняя то, в чем целовали крест великому князю всея Руси Василию Ивановичу и в чем договоры были у них с великим князем Василием; а государства, находящегося под властью великого князя, им не добиваться, и людей от великого князя им к себе не отзывать, а против недругов великого князя и своих, против латинства и басурманства, стоять им, как обещали, сообща, всем вместе.

И бояр, и детей боярских, и княжат в том же привел он к крестному целованию, чтобы хотели они добра великому князю всея Руси Ивану Васильевичу и его матери, великой княгине Елене, и чтобы всей Русской земле хотели они добра честно, и против недругов великого князя и всей земли, против басурманства и против латинства, стояли все вместе, заодин, и другого государя себе — кроме великого князя — не искали.

После этого Даниил-митрополит с братьями великого князя и с боярами пошел к великой княгине утешать ее. Великая же княгиня, увидев митрополита и бояр, идущих к ней, упала, как мертвая, и лежала так часа два, и едва пришла в себя. Утешал же ее митрополит, и братья великого князя, и бояре, и ушли все от великой княгини.

А около великого князя остался игумен троицкий Иоасаф и старец великого князя Мисаил Сукин; и начали они великого князя обрывать, и бороду ему расчесывать, как это подобает согласно монашескому чину, и положили его на черную тафтяную постель, и принесли для него одр из Михайлова Чудова монастыря, и положили тело его на погребальном одре.

И когда преставился великий князь, его начали обрывать старцы носифовские, а слуг великого князя отослали. Затем начали у его тела дьяки

заутреннюю и его дьяки крестовые с протопопомъ, и часы,* и каноны, и погребанию канонъ, и вся отпѣша, якоже бѣ при живомъ. И тогда поиде к нему народ много прощатися, и боярские дѣти, и княжата, и гости, стряпчие погребные,* и всѣ людие, которые не быша у него; и бысть плачь и рыдание во всех людех велне.

Наутрия же, в четвергъ, на 1-мъ часу дни, Данил митрополит повелѣ звонити в большой колокол.

Бояринъ жо его Михайло Юрьевичъ, поговоря с митрополитомъ и з братьею вѣликого князя, и з бояры, и повѣле во Архангилѣ ископати гроб подлѣ отца его, великого князя Ивана Васильевича, противу *дверей* Семіона Лѣтопрототца.* И поговоря с митрополитомъ, Михайло Юрьевичъ послаша по *постельничиво* Русина Иванова, сына Семѣнова, снемъ с него мѣру, и повелѣ ему гроб привести камен.

Тогда же приде Данил митрополитъ и с нимъ владыка Васиян Коломенский и Дософѣй Крутицкой, а иные же владыкы быша тогда во своих областях, понеже не поспеша; архимандриты же тогда быша: *чюдовский* Иона, симановский — Филофѣи, андроновский — Зосима, игумень троицкый, игумен осифовский, игумены московские всѣ, протопопы московские и всѣ священники. Тогда же пришедше братъ его, князь Юрь и князь Андрѣй Ивановичи, и бояре всѣ, и весь народ, плачуще и рыдающе горко, и повелѣ тогда диякомъ его любимымъ, пѣвчимъ большой станицы,* стати во дверех у комнаты, и начаша пети «Святый Боже», болшую.

Тогда взяша тѣло великого князя, инока Варлама, старцы троецкие и осифовские, и понесоша его *на головах*, и *вынесоша его* в преднюю избу. И бысть слез и рыдания множество в людех, которые его не видѣша. И понесоша его на крилцо, и за нимъ грядуща со свѣщами и с кандилы, поюще «Святый Боже». И какъ понесоша его на площадь, ино бысть слез и рыдания от народа, якоже и звону в колоколы не слышать, якоже земли востонати. Великую же княгиню Елѣну несоща ея изъ ее хоромъ в санях на собѣ дѣти боярские на лѣствицу, а с нею шли бояре: князь Василѣй Васильевичъ Шуйской, Михайло Семеновичъ Воронцов, князь Михайло Лвовичъ Глинской, князь Иван Федоровичъ Овчина; боярыня же тогда бысть с великою княгинею князя Федора Мстиславского княгиня Анастасия, племянница великого князя, да князь Иванова Даниловича Пѣнково княгини Марья, да боярыня Ивана Ондрѣевича жена Челядина Олѣна, да Василя Ондрѣевича жена Огрофѣна, да Михайла Юрьевича жена Феодосия, да Василя Ивановича жена Огрофѣна, да князь Васильева жена Лвовича Глинского княгини Анна.*

его крестовые с протопопом петь заутреню, и часы, и каноны, и погребальный канон, и все спели так, как это было при живом. И тогда пошло прощаться с ним много народа — и боярские дети, и княжата, и купцы, и слуги, ведающие погребением, и все те люди, которые не были еще у него; и были плач и рыдание великие.

Утром же в четверг, в первом часу дня, Даниил-митрополит велел звонить в большой колокол.

Боярин великого князя Михаил Юрьевич, посоветовавшись с митрополитом, и с братьями великого князя, и с боярами, велел в Архангельском соборе могилу выкопать возле могилы отца его, великого князя Ивана Васильевича, около дверей Симеона Летопроводца. И, поговоря с митрополитом, Михаил Юрьевич послал за постельничим Русином Ивановым, сыном Семеновым, и, когда сняли мерку с великого князя, приказал ему гроб привезти каменный.

Тогда же пришел Даниил-митрополит, и с ним были владыка Вассиан Коломенский и Дософей Крутицкий, а другие владыки были еще в своих епархиях, ибо не успели приехать; архимандриты же тогда были: чудовский — Иона, симоновский — Филофей, андроновский — Зосима, игумен троицкий, игумен иосифовский, игумены московские все, протопопы московские и все священники. Тогда же пришли братья великого князя, князь Юрий и князь Андрей Ивановичи, и бояре все, и весь народ, плача и рыдая горько, и велели тогда дьякам его любимым, певчим большой станицы, стать в дверях комнаты, и начали они петь «Святой Боже», большую молитву.

Потом взяли тело великого князя — инока Варлаама — старцы троицкие и иосифовские, и понесли его, держа на головах, и вынесли его в переднюю горницу. И люди, которые его еще не видели, сильно плакали и рыдали. И понесли его на крыльцо, и шли за ним со свечами и с кадилами, и пели «Святой Боже». И когда вынесли его на площадь, как будто земля застонала: от слез и рыданий народа не было слышно звону колокольного. Великую же княгиню Елену несли из ее покоев на лестницу — в санях, на себе — дети боярские, а с нею шли бояре: князь Василий Васильевич Шуйский, Михаил Семенович Воронцов, князь Михаил Львович Глинский, князь Иван Федорович Овчина; боярыни же тогда были с великою княгинею: жена князя Федора Мстиславского княгиня Анастасия, племянница великого князя, жена князя Ивана Даниловича Пенкова княгиня Марья, боярыня Алена, жена Ивана Андреевича Челядина, жена Василия Андреевича Аграфена, жена Михаила Юрьевича Феодосия, жена Василия Ивановича Аграфена, жена князя Василия Львовича Глинского княгиня Анна.

ХОЖДЕНИЕ НА ВОСТОК ГОСТЯ ВАСИЛИЯ ПОЗНЯКОВА С ТОВАРИЩИ*

Лѣта 7067-го* государь царь и великий князь Иван Васильевич всеа Русии при благоверной царицы и великой княгини Анастасии, и при царевичехъ Иванне и Феодоре,* и при святейшемъ папе и патриархе Макарии, митрополите* всеа Русии, и при архиепископе новгородскомъ Пимине* посылал во Царьгородъ,* и во Иерусалим, и во Египеть,* и в Синайскую гору* новгородского архидьякона Генадия,* да гостя Василия Познякава, да Дорофея Смольнича, да Кузьму Салтанова, псковитина.* И Генадий нѣдошед Иерусалима в Цареграде прѣставися. А Василей Пазнякавъ с товарищи во святемъ граде Иерусалимѣ, и во Египте, и в Синайской горе, и в Раифе* были, и что тамо видели, то сущее и написали. И опять пришли во царствующий градъ Москву.

А приходъ ихъ — первое, пришли во Египеть к папе* и патриарху Иакиму александрийскому* и начаша ему о государи цари и великого князя здравии сказывати: «Благоверный и христоробивый царь и великий князь Иван Васильевич всеа Русии здравствуетъ, отче». Также и о благоверной царицы и великой княгини Анастасии и о царевичехъ — о Иваньнѣ и о царевиче Феодоре. Воспроси же насъ о митрополите. Мы же о митрополите рѣкохомъ ему: «Макарей, митрополить великого града Москвы и всеа Русии, велел тобѣ, святейшему папе и патриарху Иакиму, челом ударити». И поклонихомся до земля. Онъ же рекъ намъ: «Какъ Богъ милуетъ брата нашего Макария, митрополита всеа Русии, и како церковь Христову пасеть и словесное стадо?» — Мы же отвещахомъ ему: «Молитвами вашими здравствуетъ о Христе и церковь Христову хранить целу и нѣпорочну». И вземъ у насъ пречестный образ и шубу.* И благослови насъ своимъ благословением, и вели к собѣ кресло принести и насъ, возле себя велел поставити кресло, понеже в полате его лавокъ нѣтъ, а срѣда наслана ковраы шолковыми. Самъ же сяде и намъ велель сестьи возле себя. И емъ насъ за руку и велел толмачю говорити*: «Подобаѣт де намъ спрашивати васъ про вашу веру православную и о Божиихъ церквахъ стоячи. И

ХОЖДЕНИЕ НА ВОСТОК ГОСТЯ ВАСИЛИЯ ПОЗНЯКОВА С ТОВАРИЩИ

В 7067 (1559)-м году государь царь и великий князь Иван Васильевич всея Руси при благоверной царице и великой княгине Анастасии, и при царевичах Иване и Феодоре, и при святейшем папе и патриархе Макарии, митрополите всея Руси, и при архиепископе новгородском Пимене послал в Царьград, Иерусалим, Египет и в Синайскую гору новгородского архидиакона Геннадия и купца Василия Позняка, да Дорофея Смолянина, да Кузьму Салтанова, псковитянина. Геннадий, не достигнув Иерусалима, умер в Царьграде. А Василий Позняков с товарищами побывали в святом граде Иерусалиме, и в Египте, и в Синайской горе, и в Раифе, и что там видели, то бывшее и описали. И вернулись в царствующий град Москву.

А путешествие их таково: сначала пришли в Египет к папе и патриарху александрийскому Иоакиму и стали ему говорить о здравии государя царя и великого князя: «Благоверный и христоролюбивый царь и великий князь Иван Васильевич всея Руси здравствует, отче». Также и о благоверной царице и великой княгине Анастасии, и о царевичах — об Иване и Феодоре. Он же спросил нас о митрополите. И мы о митрополите ему сказали: «Макарий, митрополит великого града Москвы и всея Руси, велел тебе, святейшему папе и патриарху Иоакиму, челом ударить». И мы поклонились до земли. Он же сказал нам: «Как Бог милует брата нашего Макария, митрополита всея Руси, и как он церковь Христову пасет и словесное стадо?» Мы же отвечали ему: «Здравствует вашими молитвами о Христе и церковь Христову хранит целой и непорочной». Он взял у нас Пречестной образ и шубу. И благословил нас своим благословением, и велел принести кресло, и для нас возле себя велел поставить кресло, потому что в палате его лавок нет, а середина застлана шелковыми коврами. Сам же он сел и нам велел сесть возле себя. И взял нас за руку и велел переводчику говорить: «Нам подобает, де, спрашивать вас про вашу веру православную и о Божьих церквах стоя. И вы, де, меня не осудите в том, оттого

вы де на мѣня нѣ позазрите в томъ, занеже нѣмошен есмъ вельми, 19 дней лежал есьми на одре своемъ, а ныне, мню, Богъ мя от одра воздвиг вашего ради пришествия». Мы же ему поклонихомся до земли и рекохом ему: «Вашими святыми молитвами миръ стоитъ». И нача насъ вопрошати о строении нашего царства. Мы же ему вси истинну поведяхомъ, и како нашему государю покоришася многие царства иноверныхъ,* и государь велелъ в техъ царствахъ святыя церкви устроити и православию. И онъ возревъ на образъ, прѣкрестися и посмотревъ печати царьскыя и восприси насъ: «Благоверный, де, царь на сей печати на конѣ?»* Мы же рекохомъ ему: «На кони, государь». Он же воставъ с кресла и поклонися до земли Прѣчистыя образу, ото очию же его слезы вельми течаху. И глаголюще: «Укрѣпи, Господи, православнаго царя!». Мы же зряще на Пречестныя ѣго образъ, не могохомъ удеръжати от слез. И глаголюще к намъ: «В нашихъ, де, в греческихъ книгахъ пишеть, яко востанеть царь от восточныя страны православной и покорить ему Богъ многие царства.* И будетъ имя его славно от востока и до запада, якоже и древняго царя Олександра Макидонскаго.* И сядеть на престоле града царствующаго, да и мы же избавлени будемъ его рукою от безбожныхъ турковъ». И повеле сести и вопрошаше насъ: «Како ѱ вашей стране во святыхъ церквахъ совершаетца божественное пение?»* И како крестьянѣ живутъ? И како церкви стоятъ?»

Мы же ему вся исповедяхомъ: «Есть, государь, у нашего государя в Московскомъ царствѣ святыхъ церквей безчисленно много, а пение в нихъ божественное по вся дни нѣ во едино врѣмя, но вся часы. Есть, господине, церкви ружьныя,* что поють в нихъ на первомъ часу утреннюю божественную литургию, а в ьныхъ утрѣнную с полунощи, а литургию на третьемъ часу дни, а в ьныхъ утрѣнную пред зарею, а литургию на четвертомъ часу дни и на пятомъ, а вечернюю потому же и рано и поздно». Он же отвеща намъ: «Богъ да благословитъ и укрѣпитъ вашего государя царя и царевичей, и ихъ царства; миромъ оградить давшего вамъ такуюю благодать славити себя на земли безпрестанно. Ангелы бо его на небесехъ славятъ непрестанно, а вы на земли».

И еще насъ вопрошаетъ: «Есть ли в вашей земли, в государствѣ царствѣ иноверныхъ — жидове, и бусормане, и ерѣтицы, и ковти, и арьмены,* и протчая ихъ проклятая вера — ересь? Живут ли домами своими?» Мы же рекохомъ: «Никако, владыко. У нашего государя в царствѣ жилища имъ нетъ. Жидомъ государь и торговать нѣ велить* впускать во свою землю». Он же воставъ со престола, сотвори молитву и поклонися до земли и рече: «Богъ да проститъ царя, государя и великаго князя Ивана Васильевича всеа Руси и его царевичѣвъ Иванна и Феодора, что отогнали прѣбеззаконныхъ жидовъ, аки волковъ, от стада Христова». И рече к намъ: «Мы, братие, нарицаемъся крестьянѣ. А от нихъ велие нужды терпимъ имени ради Христова». И нача плакати вельми. Мы же зряще на него, пречестный образъ, нѣ могохомъ удеръжати от слезъ и молихомъ его со слезами, дабы намъ на пользу изрекъ

что я весьма немощен, девятнадцать дней лежал на постели своей, а ныне, думаю, Бог меня поднял с постели ради вашего прибытия». Мы же ему поклонились до земли и сказали ему: «Вашими святыми молитвами мир стоит». И стал он нас расспрашивать о строении нашего царства. Мы же ему поведали всю правду, и как нашему государю покорились многие царства иноверных, а государь велел в тех царствах устроить святые церкви и православие. А он воззрел на образ, перекрестился и, осмотрев печати царские, спросил нас: «Это благоверный, де, царь на сей печати на коне?» Мы же ему сказали: «На коне, государь». Он же встал с кресла и поклонился до земли образу Пречистой, а из глаз его обильно текли слезы. И сказал он: «Укрепи, Господи, православного царя!» Мы тоже, глядя на образ Пречистой, не могли удержаться от слез. И сказал он нам: «В наших, де, греческих книгах написано, что поднимется царь из восточной страны православной и подчинит ему Бог многие царства. И будет имя его славно от востока и до запада, как и древнего царя Александра Македонского. И сядет он на престоле града царствующего, а мы избавлены будем с его помощью от безбожных турок». Он велел нам сесть и стал нас спрашивать: «Как в вашей стране в святых церквах совершается божественная служба? И как живут христиане? И как церкви стоят?»

Мы же ему обо всем рассказали: «Есть, государь, у нашего государя в Московском царстве святых церквей бесчисленное множество, а служба в них божественная ведется повседневно не одновременно, а в разные часы. Есть, господин, церкви ружные, в которых служат в первом часу утреннюю божественную литургию, а в иных заутреню с полуночи, а литургию в третьем часу дня, а в иных заутреню перед зарей, а литургию на четвертом часу дня и на пятом, а вечернюю так же — и рано и поздно». Он же ответил нам: «Бог да благословит и укрепит вашего государя царя и царевичей и их царства; миром оградит давшего вам такую благодать — славить себя на земле непрестанно. Ангелы его славят непрестанно на небесах, а вы на земле».

И еще он нас спрашивает: «Есть ли в вашей земле — в государстве-царстве — иноверные: евреи, и бусурманы, и еретики, и копты, и армяне, и прочая их проклятая вера — ересь? Живут ли домами своими?» Мы же говорили ему: «Нет, владыко. У нашего государя в царстве жилья им нет. Не велит евреям государь ни торговать, ни впускать их в свою землю». Он же, встав с престола, сотворил молитву, поклонился до земли и сказал: «Бог да простит царя, государя и великого князя Ивана Васильевича всея Руси и его царевичей Ивана и Феодора, которые отогнали беззаконных евреев, как волков, от стада Христова». И говорил нам: «Мы, братия, называемся христианами. А от них терпим великие трудности ради имени Христова». И начал он сильно плакать. Мы же, глядя на его пречестной лик, не могли удержаться от слез и молили его слезно, чтобы он перечислил свои христианские нужды нам на пользу. Он же, посидев

свои крестьянские нужи. Онъ же посьдевь мало и нача намъ сказывати толмачомъ Моисеомъ Савина монастыря.*

Был де во Египте царь греческий, имя ему Гавриль,* а нъверием турчанинъ; а на крестьянъ золь добре, злѣе нынешнихъ турковъ. А у него былъ братъ жидовин, хитръ добръ. Дивно же исповедати о преславномъ папе олександрійскомъ Иахимъ и о его терьпении.*

Той же врачъ-жидовин восхоте во Египте всехъ християнъ погубити. И пришед ко царю египетцкому Гаврилу: «Живуть, царю, у тебя во Египте крестьяне и не достоинъ им на твоей земли жити, зане погани суть и неправая ихъ вера. Вели имъ свою турскую веру деръжати или нашу жидовскую». И рече ему царь: «Яз бы ихъ до вечера потуръчил; да есть у нихъ старецъ патриархъ, а называютъ его свята. И яз того боюсь». И рече ему жидовин: «Нѣ бойся ты, царю, того старца, да ими его в мою руку. И язъ ему дам таково зелие — пол-лошки выпить, — и онъ в полчаса живъ нѣ будетъ». Царь же рече ему: «Аще того старца предашь смерти, то всехъ крестиянъ потурчю». И повеле царь патриарху быти у себя.

Патриархъ же приде предъ царя, и рече ему врачъ жидовин: «Старче, остави свою веру и возьми турскую веру или нашу жидовскую прямую веру, а ваша не премая крестьянская вера».

Патриархъ же отвеща ко царю: «Царю, мы ваши веры турски и жидовские веры не хулим. А наша православная християнская прямая вера, добрая». Жидовин же рече к патриарху: «То правда ли, в вашихъ книгахъ написано, аще кто и смертно что изопиеть, не вредитъ их?»* Патриархъ же рече: «Истинна есть, правда». Речъ же жидовинъ: «А коли то правда написано, можеш ли у меня смертно зелие испить за свою веру?» Патриархъ же рече: «Готовъ есмь за Христа моего умерети и за православную веру. Сесьчасъ давай что хочѣши». Жидовинъ же ко царю рече: «Дай ми, царю, до семова же дни сроку». А прение у нихъ было предъ царемъ в воскресение. Царь повеле патриарху в таково же день быти предъ собою.

Патриархъ же, рече, пришед в домъ свой, и созва всехъ християнъ. И сказа имъ вся, что у нихъ прение было предъ царемъ со врачомъ жидовином о верѣ крестьянстей и что ему пити съмертно зелие от его рукъ. И рече имъ патриархъ: «Отцы и братия, помолитѣся Господу Богу и пречистые его Матери, да сохраненъ бы был от пребезаконного жида; да аще и смерть вкушу за православную веру и иду преже васъ к Богу, к небесному царю и умолю о васъ небеснаго царя, и все примете сугубыя венцы от руки Господня. И аще и муки примете, и будете новые страдальцы в нынешнемъ роде. А не мозите, братие, отступити от православныя веры и прѣмените скорьбу мою на радость».

Они же падоша на нозе его, со слезами глаголюще: «Владыко, нѣ остави насъ, дабы и мы ту смертную чашу пили, которую ты имешъ пити. Не мни, владыко, яко бы намъ отверщися истинные веры; аще ты смерти прѣданъ

немного, стал нам рассказывать с помощью переводчика Моисея, старца Саввина монастыря.

Был, де, в Египте царь мамелюкский, имя ему Гаврила, а неверием чистый турок; на христиан был особенно зол, злее нынешних турок. У него был брат иудей, очень умный. Удивительное же рассказывается о преславном папе александрийском Иоакиме и о его терпении.

Этот врач-иудей захотел погубить всех христиан в Египте. Он пришел к египетскому царю Гавриле: «Живут, царь, у тебя в Египте христиане, а не следует им на твоей земле жить, потому что они язычники, а вера их неправая. Вели им держаться своей турецкой веры или нашей иудейской». И сказал ему царь: «Я бы их до вечера отуречил, да есть у них старец патриарх, и называют его святым. И я его боюсь». И сказал ему иудей: «Не бойся ты, царь, этого старца, отдай его мне в руки. И я ему дам такого зелья — пол-ложки выпьет, и через полчаса он жив не будет». Царь же ему ответил: «Если ты того старца предашь смерти, то я всех христиан отуречу». И приказал царь патриарху быть у себя.

Патриарх же пришел к царю, и сказал ему врач-иудей: «Старче, оставь свою веру и прими турецкую веру или нашу иудейскую правую веру, а ваша христианская вера неправая».

Патриарх же отвечал царю: «Царь, мы ваши веры — турецкую и иудейскую — не хулим. А наша православная христианская вера правая, добрая». Иудей же сказал патриарху: «Это правда ли, что в ваших книгах написано, если кто и смертельное зелье выпьет, то не повредит оно им?» Патриарх же ответил: «Истинная правда». Иудей же сказал: «А если это вправду написано, можешь ли мое смертельное зелье выпить за свою веру?» Патриарх ответил: «Я готов умереть за Христа моего и за православную веру. Сразу давай что хочешь». Иудей же сказал царю: «Дай мне, царь, неделю сроку». А спор у них был перед царем в воскресенье. Царь приказал патриарху через неделю быть у него. Патриарх, придя к себе домой, созвал всех христиан. Он сказал им все — что у них был спор перед царем с врачом-иудеем о христианской вере и что ему предстоит выпить смертельное зелье из его рук. И сказал им патриарх: «Отцы и братия, помолитесь Господу Богу и пречистой его Матери, чтобы сохранили меня от беззаконного иудея; если же я умру за православную веру, то предстану раньше вас перед Богом и небесным царем и умолю о вас небесного царя, и вы все сугубые примете венцы из рук Господних. А если и муки примете, то станете новыми страдальцами в нынешнем роде. Но не думайте, братие, отступить от православной веры и смените скорбь мою на радость».

Они же пали к ногам его, говоря со слезами: «Владыко, не оставь нас, сделай так, чтобы и мы ту смертную чашу пили, которую тебе дадут пить. Не думай, владыко, что мы отречемся от истинной веры; если ты умрешь, ни один

будеши, то ни единый от нас не изыдетъ с царьскаго двора не вкусивъ смерти». И пришед в дома своя, затворишася на всю неделю, нѣ схождаху из домовъ своих, молишася Богу со слезами.

Патриархъ же в посте прѣбываше всю неделю и мало сна вкушаше. И егда прииде день Воскресение Христово и поиде патриархъ к заутрени к чудотворцу Николы* и ста на своемъ на обычном месте и скорьбаше о томъ, како ему пити зелие отравное и вельми смутися. И на девятой пѣсни* стоя о посохе, и въздрѣма мало *виде* черес сонъ — из олтора исходящу жену в белых ризах и с нею два уноши. Жена же приидѣ к месту к патриарху и речѣ ему: «Старче, дерзай, не бойся, аз есмь с тобою». В онъ же возревъ и виде священника прѣд собою с кандиломъ стояща. Он же прииде ко иконы Пречистыя Богородицы и падъ поклонися до земля со слезами, прослави Бога. И в той часъ отойде от него скорьбъ и прииде ему на сердце радость великая. И отпѣвъ утреннюю и служаше сам божественную литургию и причастися божественных тайнъ. И мнози крестиянѣ, мужи и жены, взяша от святыя руки его святое комканье, готовящесь с патриархом на смертный часъ. Патриархъ же благослови ихъ своими руками и прослезися пред ними, моля их, дабы не отвергылися истиннаго Бога. Они же со слезами и съ великим воплем целоваху его и обещахъ ему едину смертную чашу с нимъ пити и кровь свою за Христа пролити.

Патриархъ же радости исполнися и иде пред царя во всей своей святительской одѣжи* на смертной часъ. Християне же с нимъ идоша, мужи, и жены, и младенцы. А ходу от церкви святого Николы до царьскаго двора три версты. Много же народу вослед ихъ идоша: турки, арапи, латыни, ковти, маруни, ариянѣ, несторияне, яковити, *тетродити*, всяких веръ люди,* — хотяше видети того, что над крестияны будетъ. Патриархъ же со християны приде пред царя в полату. В полате же многие люди — паши и соньчаки* и тотъ окаянный жидовин. Кубокъ стояще на окнѣ, полон отравного зелия. Патриархъ же вшед в полату и сотвори три поклоны на востокъ и глагола царю: «Вели подати повеленная тобою. Готовъ есмь за Христа моего чашу смертную пити». Царь же рече ему: «Старче, не с нами тебе прение было о вере. И не мы тебе даемъ ту чашу пити». Жидовинъ же вземъ кубокъ принесѣ к патриарху, полонъ зелия отравного и верху купѣка исполнено пеною. И рече к патриарху: «Возьми сию чашу, испей. Аще будетъ вера ваша правая, и ты будешь целъ и невреженъ. И аще неправая, и ты смерти вкусиши».

Святейший жѣ патриархъ прим чашу и прослезися в той часъ и сотвори молитву; и назнаменовъ крестом чашу и дунувъ на нѣе, и абие отступи пена и явися в чаши вино красное. Християне же на царскомъ дворѣ кричаше со слѣзами: «Владыко, помилуй родъ християнскъ!» И нача звати: «Господи, помилуй!» И испивъ чашу до дна, и показася ему вино слаткое, хорошее. И бысть цел и невреженъ. И рече патриархъ царю: «Вели ми мало воды дати». Царь же повеле ему дати воды. Лице же его просвятися, яко солнце. Все же

из нас не уйдет с царского двора, не вкусив смерти». И, придя к себе домой, затворились они на всю неделю и не выходили из домов своих, молясь Богу со слезами.

Патриарх же в посте пребывал всю неделю и бодрствовал. И когда настал день Воскресения Христова, патриарх пошел к заутрене в храм чудотворца Николая, и встал на своем обычном месте, и скорбел о том, что ему пить зелье отравное, и был в смятении великом. Во время девятой песни он стоял, опершись о посох, и, слегка задремав, увидел во сне, как из алтаря вышла жена в белых ризах и с нею двое юношей. Жена подошла к патриарху и сказала ему: «Старче, дерзай, не бойся, я с тобою». Он же взгляделся и увидел перед собою священника, стоящего с кадилом. Тогда он подошел к иконе Пречистой Богородицы и поклонился до земли со слезами, славя Бога. И сразу оставила его скорбь, и пришла ему на сердце радость великая. И, отстояв заутреню, он отслужил сам божественную литургию и причастился божественных тайн. И многие христиане, мужчины и женщины, причащались из его рук и готовились вместе с патриархом к смертному часу. Патриарх же благословил их своими руками и прослезился перед ними, умоляя их, чтобы они не отрекались от истинного Бога. Они же со слезами и с великим плачем целовали его и обещали вместе с ним испить смертную чашу и кровь свою за Христа пролить.

Патриарх же радости исполнился и предстал перед царем на смертный час во всей своей святительской одежде. Христиане же пошли с ним, мужчины, и женщины, и младенцы. А расстояние от церкви святого Николы до царского двора три версты. Много же народу пошло вслед за ними: турки, арабы, латыняне, копты, марониты, ариане, несториане, яковиты, тетродиты и всяких вер люди, которые хотели видеть, что будет с христианами. Патриарх же с христианами пришел к царю в палату. В палате было много людей — паши и санджаки и тот окаянный иудей. А кубок стоял на окне, полный отравного зелья. Патриарх вошел в палату, поклонился троекратно на восток и сказал царю: «Вели подать повеленное тобою. Я готов за Христа моего выпить чашу смертную». Царь же сказал ему: «Старче, не с нами у тебя было прение о вере. И не мы тебе даем ту чашу пить». Иудей же, взяв кубок, полный зелья отравного, пенящегося вёрхом, принес патриарху. И сказал он патриарху: «Возьми эту чашу и выпей. Если будет вера ваша правая, то ты будешь цел и невредим. А если неправая, то ты смерть вкусишь».

Святейший же патриарх взял чашу, и прослезился в тот час, и сотворил молитву; и, перекрестив чашу, дунул на нее, и тотчас пропала пена, и появилось в чаше красное вино. Христиане же на царском дворе вопили со слезами: «Владыко, помилуй род христианский!» И стали взывать: «Господи, помилуй!» И выпил патриарх чашу до дна, и показалось ему вино сладким, хорошим. И был он цел и невредим. И сказал патриарх царю: «Вели мне подать немного воды. Царь приказал ему дать воды. Лицо же его осветилось — как солнце.

начаша дивитися о красоте лица его. И принѣсоша ему воду. И вольяша воду в кубокъ и пополоскавъ принес к жидовину и рече ему: «Яз от твоея от добрыя веры пил смертное зелие, а ты от моея от недобрыя веры испей воду». Жидовин же не хотяше пити. Патриархъ же рече: «Царю, дай ми судъ праведень со жидовиномъ. Мы от его руки пили зелие, что он за неделю делал. А яз пред тобою воду влил, а не зелие». А туто много народу стояшу, и все народи кликнуша на одного жидовина. И царь ему повѣлъ пити. И испивъ воды тое мало, и абие нача тело его пухнути. Он же побѣже ис полаты в домъ свой. Царь же посла за ним яныченина* видети, что над ним будетъ. И за полгода прииде ко царю яныченин и сказа: «Царю, окоянный жидовин зле животь свой испроверже: и розсядеса утроба его и излияся». Царь же рече: «Старче, проси у мене что хощеши, а на мѣня гнева не деръжи. Не яз тебѣ то зелие давал; хто тебе давал, тотъ и погибѣ». Патриархъ же рече: «Дай мнѣ, царю, тех християнъ, которые во Египте живутъ, чтобъ яз ихъ ведал и судиль и приставы бы по них твои не ходили, чтобъ имъ продажи не было».

Царь же отдасть ему крестиян и грамоту ему дал. Онъ же поиде от царя. Християнъ же понѣсоша ѣго на рукахъ своих и прославиша Бога и сотвориша трапезу великую и честьну страннымъ и убогим. И турки же от того часа начаша чтити и боятися его вельми. Святейший же патрiархъ прииде в кѣлюю свою и испадоша ему зубы от лютаго того зелия, единъ по единому, без болезни. Старецъ же ему по вся дни печажу пресноки,* махой хлеб белой, темъ его кормятъ. И после того злаго зелия во Египте бысть патриархомъ 16 летъ.

И прииде царь Сулиманъ турский ко Египту с войскомъ из Царяграда и взя Египетъ лѣта 7022-го* и того царя Гаврила взялъ и велелъ его обесити* в железныхъ воротех по конецъ большого торгу в царскомъ плати.

А слышахомъ о святемъ патриархе, что он на патриаршестве 85 летъ, а постриженикъ онъ Синайского монастыря. А в монастырѣ был 12 летъ, а во Иерусалимѣ у Гроба Господня служил три лета.*

Дивно же намъ поведана святой патриархъ о церкве святого Николы, что во Египте. Тотъ же царь чертиской Гаврил прѣбеззаконный повелѣ у патриарха церковь отняти и прѣтворити в баню сѣбе. Патриархъ же нача скорьбѣти и помолися в церкви святого Николы со християны. И в ту же ночь явился царю святой Никола и взя его за горло рукою и стиснувъ и глагола ему: «Почто еси велел в моемъ дому баню сотворити? Аще ли не велиши дому моего отдати християномъ, то в другую ночь прииду погублю тя». И в тот часъ посла царь к людемъ своим и нѣ велѣ тое церкви крянути, и отдаша ю патрiарху. Патриархъ же служить в той церкви и до ныне.

И повеле намъ патриархъ ехати со собою в Старой Египетъ.* А до Старого Египта 3 версты. И приидохомъ в Старой Египетъ с патриархомъ. И в

Все стали дивиться красоте лица его. И принесли ему воду. А он влил воду в кубок и, взболтав ее, принес иудею и сказал ему: «Я от твоей доброй веры пил смертное зелье, а ты от моей от недоброй веры испей воду». Но иудей не хотел пить. Тогда патриарх сказал: «О царь, рассуди меня с иудеем. Я из его рук пил зелье, которое он делал всю неделю. А я перед тобою воду влил — не зелье». Тут же стояло много народу, и все они закричали на иудея. И царь ему приказал пить. И выпил он воды той немного, и вот стало тело его пухнуть. Он побежал из палаты в дом свой. А царь послал за ним янычара посмотреть, что с ним будет. И через полчаса пришел к царю янычар и сказал: «Царь, окаянный иудей мучительно умер: лопнула его утроба и выпала». А царь сказал: «Старец, проси у меня что хочешь, но не гневайся на меня. Не я тебе то зелье давал; а кто его тебе давал, тот и погиб». Патриарх же ответил: «Дай мне, царь, тех христиан, которые в Египте живут, чтоб я ими ведал и их судил, и чтобы за ними стражники твои не ходили и не продавали их».

Царь отдал ему христиан и грамоту ему отдал. И вот он пошел от царя. Христиане понесли его на своих руках, славя Бога, и устроили богатую и честную трапезу для странников и убогих. А турки с тех пор стали его почитать и очень бояться. Когда же святейший патриарх пришел в свою келью, у него от того лютого зелья выпали зубы один за другим, без боли. Старец же пек ему повседневно опресноки и мягкий белый хлеб, тем его и кормили. И после того злого зелья он был в Египте патриархом 16 лет.

Но вот к Египту пришел с войском царь Сулейман турецкий из Царьграда и захватил Египет в 7022 (1514)-м году, и того царя Гаврилу захватил, и приказал его повесить в царском одеянии на железных воротах в конце большого торгова.

А мы слышали о святом патриархе, что он был на патриаршестве семьдесят пять лет и что он постриженник Синайского монастыря. В этом монастыре он был двенадцать лет, а в Иерусалиме у Гроба Господня служил три года.

Удивительное же нам поведал святой патриарх о церкви святого Николы, что в Египте. Тот же царь мамелюкский Гаврила беззаконный приказал отнять у патриарха церковь и переделать ее в баню для себя. Патриарх стал горевать и помолился с христианами в церкви святого Николы. В ту же ночь явился царю святой Никола и, взяв его рукой за горло, стиснул и сказал ему: «Почему ты приказал в моем доме баню устроить? Если ты не велишь мой дом отдать христианам, тогда в следующую ночь приду и погублю тебя». И тотчас послал царь к людям своим и не велел трогать ту церковь, и отдал ее патриарху. И патриарх служит в той церкви и донныне.

А нам приказал патриарх ехать с ним в Каир. А до Каира три версты. И пришли мы в Каир с патриархом. В Каире большая церковь святого страс-

Старомъ Египтѣ большая церковь святыи страстотерпецъ Георгий, монастырь девичь. А в церкви на левой руки написанъ образъ Георгий* чудотворецъ, за решеткою за мѣденою. Многа же знаменія и исцеленія бывають от того образа; и исцеляше не токмо христьянъ, но и туркомъ, и арапомъ, и латыномъ. Другая же церковь пречистыя Богородица. А иные были церкви в Старом Египте христьянские: святыхъ мученикъ Сергия и Вакха, да Успение пречистей Богородицы, да святыя мученицы Варвары.* А нынѣ тѣми церквами владеють ерѣтики ковити. А в церквахъ у нихъ образы и олтарь есть. А крещения у нихъ нетъ, обрѣзаютьца по старому закону. А Старой Египетъ нынѣ пусть, живутъ в нѣмъ немного старыхъ египтянъ, цыгановъ; а турки и христьянъ не живутъ. А городъ былъ камен, да развалялся, только едины врата стоятъ целы; в те врата въехала Богородица* со Христомъ и со Иосифомъ из Ерусалима.

И быхомъ в Старом Египте 4 дни с патриархомъ. И оттолъ поидохомъ в монастырь святого Арьсения, что царския дети училъ грамоте, Аркадия и Онурия,* а до того монастыря 7 верстъ. Стоитъ монастырь на горе высокой на каменной, и в той горе есть пещеры каменные, где старцы живутъ отшельники. Монастырь былъ добре красен, кельи мурованы. А нынѣ пусть ото араповъ.

И оттолъ пришед во Египетъ. И служилъ патриархъ божественную литургию самъ у святого Николы со всемъ соборомъ. И после отпуску* не велел ни единому человеку изыти вонъ. И седъ у царскихъ дверехъ по правую сторону, лицомъ к людямъ, во всемъ сану. И нача имъ сказывати, что идетъ в Синай за государя царя Бога молити. Людие же все поклонишася ему до земли и молиша его: «Владыко, нѣ остави насъ, прииди к намъ из Синайскаго горы, не останися тамо». Он же дася слово свое.

И поидохомъ с нимъ в Синайскую гору в субботу о Дмитръеве дни.* И наяхомъ верьблюды до Синайскаго горы, а найму дали по золотому с человека. А по два человека на верьблуде, по сторонамъ, и кормъ свой и воду в мешькахъ коженыхъ на верьблудахъ положиша, болѣ десяти пудовъ тягини; а хлеба сухово по гентарю на человека. А гентарь* тянетъ три пуда. А ходу до Синайскаго горы 12 дней, а всего от Египта до Синайскаго горы пустынею. А пустыни у нихъ* не наши: въ ихъ пустыняхъ нетъ ни лесу, ни травы, ни людей, ни воды. И идохомъ пустынею три дни, не видехомъ ничего, только един песокъ да камень. На чѣтвертой и день увидехомъ Черьмное море, — то место, гдѣ Моисей провел израильтеския люди,* 600 000 сквозе Черьмное море, а фараона погрузи в мори со всеми вои его. Верьхъ же воды чьрезъ все морѣ 12 дорогъ знать по морю. Море же бѣ сине, а дороги белы по морю лежатъ, издали видетъ. А какъ к морю приидешь, ино море по обычаю стоитъ лазорево. Арапи же верьблюды корьмятъ сухимъ бобомъ, а воды имъ не даша три дни.

Дивно же исповедати о прѣходе сыновъ израилевыхъ сквозе Черьмное морѣ. Егда повеле ангель Господень израильтянъ из Египта извести, Моисей

терпца Георгия, девичий монастырь. А в церкви с левой стороны, за решеткой за медной, написан образ Георгия чудотворца. Много же знамений и исцелений бывает от этого образа; а исцеляет не только христиан, но и турок, и арабов, и латынян. А другая церковь Пречистой Богородицы. И еще были церкви в Каире христианские: святых мучеников Сергия и Вакха, да Успения Пречистой Богородицы, да святой мученицы Варвары. А ныне теми церквами владеют еретики — копты. И в церквах у них иконы и алтарь есть. А крещения у них нет, обрезаются по старому закону. А Каир ныне пуст, живет в нем немного старых египтян, цыган; а турки и христиане не живут. А город был каменный, да развалился, только одни ворота стоят целые; в те ворота въехала из Иерусалима Богородица с Христом и с Иосифом.

В Каире мы пробыли с патриархом четыре дня. И оттуда пошли в монастырь святого Арсения, который учил грамоте царских детей Аркадия и Онория; а до того монастыря семь верст. Монастырь стоит на высокой каменной горе, а в той горе каменные пещеры, в которых живут старцы-отшельники. Монастырь был очень красив, кельи облицованы камнем. А ныне он опустошен арабами.

И оттуда пришли в Египет. И божественную литургию у святого Николы со всем собором служил сам патриарх. И после отпуска он не велел ни одному человеку выходить вон. И сел у царских дверей справа, лицом к людям, в полном облачении. И стал им говорить, что идет в Синай молить Бога за государя царя. Люди же все поклонились ему до земли и стали его умолять: «Владыко, не оставь нас, приди к нам с Синайской горы, не останься там». Он же дал свое слово.

И мы пошли с ним на Синайскую гору в субботу на Дмитриев день. И наняли мы верблюдов до Синайской горы, а за наем дали по золотому с человека. А на верблюде по два человека по сторонам, и корм свой, и воду в мешках кожаных на верблюдов погрузили, более десяти пудов весу, а хлеба сухого по гентарю на человека. А гентарь тянет три пуда. А ходу до Синайской горы двенадцать дней, и вся дорога от Египта до Синайской горы идет пустыней. А пустыни у них не наши: в их пустынях нет ни лесу, ни травы, ни людей, ни воды. И шли мы пустынею три дня, не видели ничего, только один песок да камни. На четвертый день увидели мы Красное море — то место, где Моисей провел шестьсот тысяч израильтян сквозь Красное море, а фараона утопил в пучине со всеми воинами его. На поверхности же воды через все море видно двенадцать дорог морских. Море то все синее, а дороги те белые на воде лежат — издали видно. А как подойдешь к морю, море то, как обычно, все лазоревое. Арабы кормят верблюдов сухими бобами, а воды им не дают по три дня.

Удивительное же рассказывают о переходе сынов израилевых через Красное море. Когда ангел Господень велел вывести израильтян из Египта,

же *взем* израильтянъ иде за Ниль реку; в день их покрываше облакъ, а в ношь столпъ огнень светяше имъ и пред ними иде. Они же идоше день и ношь и не почая. О томъ пророкъ Давидъ написа*: «Не бѣ в коленах ихъ боляй».* И придоша к морю Черьмному и возропташа на Моисея, глаголюще: «Почто еси вывел насъ в пустыню из Египта?»* Гробов ли намъ во Египте нѣ было? Или бы мы работали на египтянъ? А нынѣ где можемъ укрытися от сильныя руки фараоноvy? Почто еси насъ привелъ к морю?» Моисей же рече к нимъ: «Умолкнитѣ, а не ропчитѣ; которой Богъ велелъ васъ из Египта извести, той и сохранить васъ». Ту же воскрай моря гора есть висока. Моисей же вшедъ на гору помолитися, и показа ему ангелъ дрѣво и от того дрѣва повеле ему урезати жезлъ и тѣм жезломъ ударити поперегъ моря. И раступитца море, и пройдутъ сынове израилеви сквозе морѣ. А фараон прииде воследъ их. И прославитца Богъ израилевъ о фараоне и о воехъ его.

Моисей же сошедъ з горы и повеле имъ разделитися 12-м коленомъ. И пришед к морю и удари жезломъ поперегъ моря и рече: «Во имя Господа Бога Саваофа да раступитца море, да пройдутъ сынове израилеvy посуху». И абие роступися морѣ. И удари Моисей дванадесять кратъ по морю, и бысть 12 дорог, и поидоша сыновѣ израилеvy, коеждо колено своею дорогою, а фараон прииде созади ихъ и гнаша. И выидоша сынове израилеви на брегъ моря, а фараон посрѣди моря. Моисей же простеръ руку и удари жезломъ в длину моря: «Во имя Господа Бога Саваофа да соступитца вода!» И абие соступися вода. Моисей же на мори начертавъ прообразова крестъ Господень; фараон же потопе в мори со всеми своими вои, а люди фараоноvy обратишася рыбою; а в техъ рыб главы человеческии, а тулова у них нетъ, токмо едина глава; а зубы и носъ челоувечи, а гдѣ были уши, тутъ перье; а где потылица, тутъ сталъ хвостъ; а нѣ едятъ ихъ нихто. И кони и оружие обратишася рыбами; а на коньских рыбахъ шерсть конская, а кожа на нихъ толста на палец.* А ловятъ их, да кожи снимають, а тело мечють. А в кожахъ орапе подшвы поднучи делаютъ и с шерстью, а воды нѣ терпятъ, а в сушу на годъ стануть. А гдѣ вышли сынове израилеvy из моря, и от того места кабы версть 5, 12 источниковъ.* В томъ мѣсте сыновѣ израилеvy возропташа на Моисея, что воды нетъ, пити имъ нѣчево. Моисей же повеле им стати коиждо своимъ коленомъ, они же сташа кабы на дву верстах. Моисей же пришед в станы их и удари жезломъ и воскипе вода — 12 источьниковъ. Дивно же о техъ источьникѣхъ. Гора бысть велика песчана; песокъ великъ, до полуноги погружаетца в песку. И на той горе те источьники кипятъ кверьху, а протекши сажени з двѣ, да опять понырли в землю. И тутъ есми себѣ воды *взяли*. И идохомъ три дни и въздохомъ на великую гору. И на той горѣ сыновѣ израилеvy возроптали опять на Моисея. Моисей же удари жезломъ в гору и потече из горы река.* О той реки пророкъ написа: «Дастъ имъ Богъ в безводныхъ реки».* И оттоле идохомъ три дни и обретохомъ на дороге камень

Моисей с ними пошел за реку Нил; днем их закрывали облака, а ночью им светил огненный столп, и шел он перед ними. Они же шли день и ночь без сна. О том пророк Давид написал: «И не было в коленях их болящего». И пришли они к Красному морю и возроптали на Моисея, говоря: «Зачем ты привел нас из Египта в пустыню? Разве не было гробов для нас в Египте? Не лучше было бы, если бы мы работали на египтян? А теперь где мы можем укрыться от сильной руки фараоновой? Зачем ты привел нас к морю?» Моисей же сказал им: «Смолкните и не ропщите: Бог повелел вас вывести из Египта, Он и спасет вас». Тут же на берегу моря есть высокая гора. Моисей поднялся на гору помолиться, и показал ему ангел дерево, и из того дерева велел вырезать жезл, и тем жезлом ударить поперек моря. И расступится море, и пройдут сыны израилены сквозь море. А фараон придет следом. И прославится Бог израилен через фараона и воинов его.

Моисей же спустился с горы и повелел им разделиться на двенадцать колен. И пришел к морю, и ударил жезлом поперек моря, и сказал: «Во имя Господа Бога Саваофа да расступится море, да пройдут сыны израилены посуху». И вот расступилось море. И ударил Моисей двенадцать раз по морю, и стало двенадцать дорог, и пошли сыны израилены каждое колено своей дорогой, а фараон пришел вслед и погнался за ними. И вышли сыны израилены на берег моря, а фараон был посреди моря. Моисей же простер руку и ударил жезлом в длину моря: «Во имя Господа Бога Саваофа да сомкнется вода!» И тотчас сомкнулась вода. Моисей начертал на море прообраз креста Господня; фараон же утонул в море со всеми своими воинами, а люди фараоновы обратились в рыб; у тех рыб головы человеческие, а туловища у них нет, только одна голова; зубы и нос человечесьи, а где были уши, тут перья; а где затылок, тут стал хвост; и не ест их никто. И кони и оружие обратились рыбами; на конских рыбах шерсть конская, и кожа у них толщиной в палец. А когда их ловят, то кожу снимают, а тело бросают. Из кожи арабы делают подошвы с мехом, а воды не выносят, а в сухое время на год хватает. А где вышли сыны израилены из моря, то от того места в пяти верстах двенадцать источников. В том месте сыны израилены возроптали на Моисея за то, что воды нет и пить им нечего. Моисей же повелел им встать каждому своим коленом, и они встали почти на двух верстах. Пришел Моисей в станы их и ударил жезлом, и закипела вода — двенадцать источников. Удивительное (говорят) об этих источниках. Гора высокая была из песка: песку много — по колено погружается нога в песок. И на этой горе те источники кипят, брызгая вверх, а протекши сажени с две, опять уходят в землю. И тут мы себе воды набрали. Потом шли еще три дня и поднялись на высокую гору. На этой горе сыны израилены опять возроптали на Моисея. Моисей же ударил жезлом в гору, и потекла из горы река. Об этой реке пророк написал: «Даст им Бог в безводных (местах) реки».

великъ, что Моисей ис того камня источи 12 источникъ. И нынѣ знать, отколе вода шъла.

И приидомъ к пречестному монастырю Синайские горы. Игумень же синайской з братнею вышъли со кресты за полверсты от монастыря стрѣтоша их и патриарху и вынесли крестъ на блюдѣ серебрянъ. Патриархъ же темъ крестомъ благослови игумена и всю братию. К намъ же пришед игумен и целоваху насъ обнимая и захлипаяся слезами, глаголюще: «Благодаримъ Бога сподобившего насъ видети православного царя посланьники». Потом же начаша насъ братия обнимати и целовати с великою любовию и со слезы испущаху от радости. Не могушъ удержатися от слезъ. И потом внидоша во церковь. Мы же яко в рай внидохомъ: церковь Прѣображение Господа Бога* и Спаса нашѣго Иисуса Христа велми чюдна, вымощена мраморомъ белым да синим; да камѣние рѣзано надробно, да крашено розными красками, а мощена узоры, что камчатými.* Мы же поклонихомся святымъ образомъ и поидомъ на правую сторону олтаря. Тутю же противъ престола на стѣны стоятъ мощи святыя мученицы Екатѣрины.* Гробница здѣлана от мрамору белого, узоры жѣ хороши резаны на гробницы, длина ей яко сажень. Мы же помолився святыя Екатерины и покрыхомъ те мощи покровомъ царя государя и великого князя Ивана Васильевича всеа Русии. А покровъ с нами посланъ, бархатъ на золотѣ.* В той же церкви за олтаремъ приделъ над Нѣопалимою купиною, гдѣ Моисей видел Богородицу со младенцом во огни стоящу, нѣопалиму.* В тотъ приделъ в Нѣопалимую купину входъ из надворья, а двери, на нихъ резаны 12 празниковъ.* А ходять люди в ту церковь в великой чистотѣ, ризы измывъ или в новых ризах. А пришедъ ко церковным дверѣмъ сапоги или попучи снимають долобъ; да ноги вымывъ, да босы входять или в суконныхъ чюлках.* И внидохомъ мы грѣшнии помолитися и видехомъ то мѣсто покрыто камнем мраморным, камень в полсажени на четыре углы. Над темъ камѣнемъ престоль* стоит и служба божественная совершаетца. В немъ же вдѣланы два камѣни велики, что опалила Нѣопалимая купина. И тѣ камѣни целовал патриархъ, а блиско к нимъ не приходиль, ставъ одалъ, излегъ по земли, какъ бы мочно достать целовать, а мы грѣшнии цѣловали. А над Купиною горять 3 кандила нѣугасимыхъ. А на правой сторонѣ написано на полотнѣ Моисѣево деяние.* И вышед ис того придѣла прямо в стѣне заделаны мощи святыхъ отецъ избвенныхъ в Синаи и в Раифе.* А в большой церкви 12 столповъ иссечены от дикого камѣни, а поникадилъ 50.* А всехъ церквѣй и придѣлов в Синайскомъ монастырѣ 25. А монастырь стоитъ промежъ дву горъ, а кѣлей в немъ 300, все каменные, и ограда каменная, а на вратех градныхъ две пушки лежать. А братья 90 братов, потому мало, что имъ великое насилие от безбожныхъ орапов. А тех араповъ дал имъ благочѣстивый царь Устиян* на монастырь 400 человекъ. А нынѣ добръ ихъ много, а живутъ около монастыря по пустынямъ; и приходять

И оттуда шли три дня и нашли на дороге большой камень: из того камня Моисей вывел двенадцать источников. И теперь видно, откуда шла вода.

И вот пришли мы к пречестному монастырю Синайской горы. Игумен же синайский с братиею вышли с крестами за полверсты от монастыря, они встретили нас, а патриарх вынесли серебряный крест на блюде. Патриарх же тем крестом благословил игумена и всю братию. Игумен подошел к нам и целовал нас, обнимая и захлебываясь слезами и говоря: «Мы благодарим Бога, сподобившего нас видеть посланников православного царя». Потом стали нас обнимать и целовать братья с великою любовью, проливая слезы от радости. Не могли они удержаться от слез. Потом вошли в церковь. Мы будто в рай вошли: церковь Преображения Господа Бога и Спаса нашего Иисуса Христа весьма красива, вымощена мрамором, белым и синим; резьба по камню мелкая, расцветена разными красками и устлана узорами будто камчатными. Мы же поклонились святым иконам и пошли вправо от алтаря. И тут против престола около стены стоят мощи святой мученицы Екатерины. Гробница сделана из белого мрамора, на гробнице же резаны искусные узоры; в длину она около сажени. И мы, помолившись святой Екатерине, покрыли те мощи покровом царя государя и великого князя всея Руси Ивана Васильевича. А покров с нами был послан, бархатный с золотым шитьем. В той же церкви за алтарем придел над Неопалимою Купиною, где Моисей видел Богородицу с младенцем, стоящую в огне и не опаляемую. В этот придел — в Неопалимую Купину — вход со двора, а на дверях вырезаны двенадцать праздников. А ходят люди в ту церковь в великой чистоте, в выстиранной или в новой одежде. А придя к церковным дверям, сапоги или башмаки снимают, да ноги вымыв, входят босиком или в суконных чулках. И мы, грешные, вошли помолиться и увидели то место, покрытое квадратной мраморной плитой в полсажени. Над той плитой поставлен престол и совершается божественная служба. В нее вделаны два больших камня, которые опалила Неопалимая Купина. Эти камни патриарх целовал, близко к ним не подходил, а, став поодаль, лег на землю, <так>, чтобы можно было достать и поцеловать; и мы, грешные, целовали. А над Купиною горят три лампы неугасимые. Справа написано на полотне Моисеево деяние. При выходе из того придела прямо в стене замурованы мощи святых отцов, избивенных в Синае и в Раифе. А в большой церкви двенадцать столпов, высеченных из дикого камня, а паникадил пятьдесят. Всех же церквей и приделов в Синайском монастыре двадцать пять. Монастырь стоит между двух гор; келий в нем триста, все каменные, и ограда каменная; на воротах оградь стоят две пушки. А братья девяносто человек, потому так мало, что они терпят великое насилие от безбожных арабов. Тех арабов в количестве четырехсот человек прислал сюда в монастырь благочестивый царь Юстиниан. А теперь их стало очень много, и живут около монастыря по пустыням; приходят в монастырь по двести человек каждый день, и все берут с монастыря оброк:

в монастырь по 200 человекъ на всякъ день, и емлютъ всё с монастыря оброкъ: муку пшеничную, и соль, и масло, и лукъ. А коли имъ старцы корму не дадутъ, и они старцов камѣниемъ бьютъ за монастыремъ. Видели есмь великое насилие от техъ арапов старцомъ синайским, како могутъ терпеть от нихъ! И видѣли есми многихъ старцовъ к Богу подвижны. Среди монастыря кладенець, а под темъ кладенцомъ дрѣво шипокъ, что Моисей насадил. Ис того кладенца весь монастырь питаетца. А на левой сторонѣ против кладенца стоитъ церковь Василей Късарийский,* а нынѣ турки в нѣй собѣ учинили мечить.

И бывъ в монастырь 4 дни. И поидохомъ с патриархомъ на самый святой верьхъ Синайские горы. А пошли отпевъ обедню рано, а там на святой верьхъ к ноче взыдохомъ, ход бо нужен вельми — все на гору по камению. И видѣли на дороге воду, что синайской старецъ молитвою извелъ из горы каменные. И та вода и нынѣ идѣтъ по каменнымъ трубамъ, напоеть виноградъ монастырьской. И оттоле пошѣдъ стоят 3 церкви: церковь святой Илья пророк, тутъ он и постился 40 дней, а пищу ему вранове приношаху,* да церковь Елисей пророкъ, да церковь святая мученица Марина.* И оттоле пошедъ под святымъ верьхомъ лежитъ камень великъ зело; коли Илья пророкъ пошолъ на святой верьх, и ангель тѣмъ камениемъ заложил дорогу, и от того камѣни вельми тяжекъ восходъ на святой верьх, — гора пришла станьма. И учинѣна лествица камѣнная. И ту патриарха старецъ синайской Малахия на собѣ вознесъ за плечьми, а самъ нѣ могъ взйти. И взыдохом на святой верьхъ. И тута стоитъ церковь Прѣображение Господне. И в той церкви возле олтаря лежитъ камень великъ. Егда Богъ сниде к Моисею на святой верьхъ, и ста Моисей при томъ камени, и камень Моисея погрузи в себя и покры главу его. И под темъ камѣнемъ глагола Моисей з Богомъ и законъ принял от Бога — скрижали каменны, написанны перстом Божиим. Туто же есми видѣли темницу каменну, гдѣ Моисей постился 40 дней.* Ту же и арапская мѣчитъ на святомъ верьху. И пребыхомъ ту день да ночь. Гора же та вельми высока, облака небесная ходять по воздуху ниже горы и трутца по горы. А ветъръ на горѣ великъ вельми и студъ велика добре.

И поидохомъ з горы, и прѣбыхомъ на дороге ночь у монастыря, гдѣ Илья постился. А на святомъ верьху патриархъ и игумен синайской соборомъ служили божественую литургию. И пребыхомъ в Синайскомъ монастыре 3 дни и поидохомъ на гору святая мученицы Екатерины. И мало отшедъ от монастыря лежать два камени по-розну; на них же Моисей на столпе змию медяну возносилъ.* То и жилище было сыномъ израильтяном. И мало пошѣд видѣхомъ тотъ горнѣ, где израильтяне главу тельчию слиали,* межи дву каменевъ изсечень. И приидохомъ в сад монастырьской, и в саду две церквы: 40 мученикъ, да преподобного отца нашего Антония Великого.* Садъ вельми хорошъ и великъ и мѣного в нѣм винограду всякого.

муку пшеничную, и соль, и масло, и лук. А если им старцы корму не дадут, тогда они старцев побивают камнями за монастырем. Мы видели великое насилие от тех арабов над старцами синайскими, как только могут терпеть от них! И видели мы много старцев-подвижников. Посреди монастыря колодец, а около того колодца растет шиповник, который посадил Моисей. Этот колодец питает водою весь монастырь. На левой стороне против колодца стоит церковь Василия Кесарийского, а ныне турки в ней устроили себе мечеть.

И были мы в монастыре четыре дня. И пошли с патриархом на самую святую вершину Синайской горы. Вышли мы, отслужив раннюю обедню, а туда, на святую вершину, к ночи взошли: очень труден подъем — все время в гору по камням. По пути мы видели источник, который синайский старец вывел из каменной горы молитвою. Эта вода и ныне идет по каменным трубам, орошает монастырский сад. По дороге от этого места стоят три церкви: церковь святого Ильи пророка, тут он и постился сорок дней, а пищу ему вóроны приносили, да церковь Елисея пророка, да церковь святой мученицы Марины. А по дороге от этого места, не доходя святой вершины, находится большая скала; когда Илья пророк поднялся на святую вершину, ангел той скалой заложил дорогу, и из-за этой скалы весьма тяжек подъем на святую вершину — гора пошла круто вверх. И устроена каменная лестница. Тут патриарха поднял на своих плечах старец синайский Малахия: сам патриарх не мог подняться. И вот мы поднялись на святую вершину. Тут стоит церковь Преображения Господня. В той церкви возле алтаря лежит большой камень. Когда Бог сошел к Моисею на святую вершину, Моисей встал около этого камня, и камень закрыл собой Моисея с головой. И, стоя за тем камнем, говорил Моисей с Богом и принял от Бога закон — каменные скрижали, написанные рукой Божьей. Тут же мы видели каменную пещеру, где Моисей постился сорок дней. Тут же и арабская мечеть на святой вершине. И пробыли мы тут день да ночь. Гора же та очень высока, облака небесные ходят по воздуху ниже горы и трутся о горы. А ветер на горе очень сильный и стужа лютая.

И пошли мы с горы, и пробыли по дороге ночь в монастыре, где Илья постился. А на святой вершине патриарх и игумен синайский собором отслужили божественную литургию. В Синайском монастыре мы пробыли три дня и пошли на гору святой мученицы Екатерины. Если немного отойти от монастыря, тут лежат два камня порознь; на них Моисей водрузил на столпе медного змия. Тут и жилище было сынам израилевым. Пройдя еще немного, мы увидели тот горн, высеченный из двух камней, в котором израильтяне отливали голову тельца. Пришли мы в сад монастырский, а в монастыре две церкви: Сорока мучеников и преподобного отца нашего Антония Великого. Сад большой и очень хороший, и много в нем всяких плодов.

По одну сторону Синайская гора, а по другую сторону гора святые мученицы Екатерины. Ту жъ прѣбыхомъ ночь, наутрия же рано за три часу до света с фонари поидохомъ святые мученицы Екатерины. И трудно же ити вельми, горы же все каменны. И взыдохомъ на гору о полудни. А ходу от Синайские горы до Екатеринины горы 5 поприщъ. И видѣхомъ на верьху горы мѣсто, где лѣжать мощи святые мученицы Екатерины 300 лет, и то место звать, гдѣ 2 ангела стерегли тѣло ея. Ту же помолихомся святому мѣсту. И оттолѣ поидохомъ з горы и зашли в другой садъ монастырьской. И в томъ саду церковь святых апостоль Петра и Павла, и кельи стоять, и старцы живутъ. И приидохомъ в монастырь Синайской на праздникъ святых мученицы Екатерины.* И после всеношного патриархъ, отпечатав гробницу с мощьми, и целоваху мощи святые самъ патриархъ и мы, грешнии и нѣдостойнии, целовахомъ главу святые Екатерины. Мощи же ея святые наги, собраны в гробницу и покрыты бумагою хлопчатую,* да сверьху решеткою железною наложены. Благоухание же исходитъ благовонно от мошей святых и от бумаги той. И ту бумагу даваше патриархъ християномъ на по честь, а мошей святыхъ никому нѣ дають, понеже не велела святая своих мошей никому крянути. И сотвориша праздникъ честѣнь. Наутрии жъ поидохомъ где постился Иванъ Лествичьникъ 40 лет,* и на пути видѣхомъ темницу Синайския горы, где Иванъ Лествичьникъ приходил и виделъ падших кающихся со слезами нежѣли нѣ падшихъ. От темницы же приидохомъ на мѣсто Иванны Лествичьника и видѣхомъ жилищѣ его под каменем — мало и темно; и то место от монастыря кабы версты с четыре. И оттуду видѣлъ святой Иванъ на святомъ верьху лествицу до небеси и по ней восходящихъ иноковъ, и приемлетъ их самъ Господь Исусъ Христось за руку. И всего прѣбыхомъ в Синайскомъ монастыри 20 дней. И видѣхомъ в Синайскомъ монастыре птицы рябы, кабы наши куры. И те птицы посла Богъ с небеси израильтяномъ, коли онѣ жили в Синайской пустыни 40 лет. О томъ пророкъ Давидъ написа: «Птица пернаты падоша посреде стана их окрестъ жилищъ их; ядоша и насытишася зело».* А мяса нетъ сладчае техъ птицъ.

И в останюшной день патриархъ показа намъ мощи: животворящее дрѣво,* — цветомъ недобре, черно, кабы серо; немного его, с невеликой черень. Потом показа намъ три кости ручьных мошей святыхъ безребреникъ Козмы и Домьяна,* да святого апостола Луки* мышька, да часть камени, которой был привалень ко Гробу Господню.* И иныхъ мошей, да не вѣмъ которого святого, подпись загладилась. А монастырь Синайской межи дву горъ каменныхъ, не видеть его за полверьсты ниотколево. Ис Синайского монастыря седши на верьблюды, с патриархомъ и идохомъ к Раифе и Божию помощью доидохомъ в три дни до Раифе. Дорога же добре нужна промежъ горъ каменныхъ, кромѣ верблюдовъ никако мочно пронти; и по той дороги источьниковъ водныхъ добре много. И приидохомъ в Раифу на память святого пророка Наума.* В Раифе же гречанъ

Синайская гора — по одну сторону, а по другую сторону — гора святой мученицы Екатерины. Тут мы пробыли ночь; утром рано, за три часа до рассвета, мы пошли с фонарями к святой мученице Екатерине. И трудно очень идти, горы все каменные. На гору мы поднялись к полудню. А ходу от Синайской горы до Екатериной горы пять поприщ. На верху горы мы видели место, где триста лет лежат мощи святой мученицы Екатерины, и на том месте были, где два ангела стерегли ее тело. И тут мы помолились святому месту. И оттуда мы пошли с горы и зашли в другой сад монастырский. В том монастыре церковь святых апостолов Петра и Павла, и кельи стоят, и старцы живут. В Синайский монастырь мы пришли на праздник святой мученицы Екатерины. И после всеобщей патриарх, распечатав гробницу с мощами, сам целовал святые мощи, и мы, грешные и недостойные, целовали голову святой Екатерины. Святые же ее мощи, нагие, собраны в гробнице и покрыты тканью хлопчатую, да сверх их решетка железная наложена. От мощей святых и от ткани той благоухание исходит благовонное. И частицы той ткани патриарх давал христианам для почитания, а частицы мощей святой никому не дают, потому что не велела святая свои мощи никому трогать. И так отметили честной праздник. Утром мы пошли туда, где постился Иоанн Лествичник сорок лет, а на пути видели пещеру на Синайской горе, куда приходил Иоанн Лествичник и видел больше грешников, кающихся со слезами, чем безгрешных. От пещеры мы пошли на место Иоанна Лествичника и видели его жилище под скалой — тесное и темное; это место от монастыря около четырех верст. Оттуда и видел святой Иоанн на святой вершине лестницу до небес и по ней восходящих иноков, и как их берет сам Господь Иисус Христос за руку. А всего пробыли мы в Синайском монастыре двадцать дней. И видели в Синайском монастыре птиц рябых, вроде наших кур. Тех птиц Бог послал с небес израильтянам, когда они жили в Синайской пустыне сорок лет. О том написал пророк Давид: «Птицы пернатые упали на стан их, около жилищ их, и они ели и насытились». И нет мяса вкуснее тех птиц.

И в конце дня патриарх показал нам мощи: животворящее древо — цветом некрасивое, темное, как бы серое; немного его, с небольшой черенок. Потом он показал нам три кости рук от мощей святых бессеребренников Козьмы и Дамиана, да часть руки святого апостола Луки, да осколок от камня, который был привален к Гробу Господню. И иные мощи, но не знаем, какого святого, — подпись стерлась. Монастырь Синайский между двух гор каменных, и его не видно за полверсты ниоткуда. Из Синайского монастыря, сев на верблюдов, мы направились с патриархом к Раифе и с Божьей помощью дошли за три дня до Раифы. Дорога очень трудная, между каменных гор, кроме как на верблюдах, никак не возможно пройти; по той дороге водных источников очень много. Мы пришли в Раифу в день памяти святого пророка Наума. В Раифе грехов нет,

нетъ, живутъ сирьянѣ, — вера православная, християнская. В Раифе же кораблемъ пристанище индийскимъ. От Раифе до Иньдии 3 месяца моремъ. Раифа же городъ каменъной невеликъ, а турокъ в немъ нетъ, все християнѣ живутъ, одинъ соньчакъ да 10 енычанъ.

Корабли в Раифѣ на Черномъ мори деланы без железного гвоздя, шиты веревками, а мазаны серою горячею, потому что в мори много камни магниту, и горы все магнить камень, — ино железо к себе привлечетъ.* Видѣхом же — гости индиянѣнѣ корабли привѣзъли, два вола индийскихъ, оба черныхъ, а промежъ рогъ у нихъ сядетъ человек, а в длину рогъ пяти пядѣй,* около рога три пяды. Да церковь же в Раифе Успение Пречистой Богородицы, а стоитъ на монастырскомъ дворѣ Синайского монастыря. И в той церкви лежатъ мощи святые мученицы Марины вельми чудны. И поклонихомся святымъ мощемъ и поидохомъ на мѣсто, где Моисей насади 70 финиковъ и ту ему Богъ дарова 12 источниковъ тѣкущихъ из горъ каменныхъ, вода же в нихъ горячая течетъ. А повыше техъ источниковъ течетъ источникъ, имя ему Мерра, вода в немъ холодна, толко горька добре.* А от техъ финиковъ, от корени расплодися великой садъ. А от Раифы до Моисеовыхъ источниковъ и финиковъ 2 версты, а до монастыря Ивана Роифенского* 3 версты; а монастырь разбитъ до основания от поганыхъ турковъ.

И поидохомъ из Раифы во Египеть. От Раифы до Египта идохомъ 10 дней, и на дороге хотели насъ разбити беззаконны арапи пустыньницы, на стану на ночлеге. Богъ же, не хотя оскорьбити святого патриарха и дать имъ страхъ: всю ночь стояху возле насъ, а не смели напасти. И утрѣ отоидохом от нихъ без пакости.

А съ же есть сказание и места поклонная святого и богоследимаго града Иерусалима, гдѣ ходилъ Господь нашъ Иисусъ Христосъ пречистыма своимъ стопами со своими ученики и апостолы, то мы, грешнии, извѣстно пишемъ вѣрующимъ во истиннаго Бога Господа нашего Иисуса Христа, колко есть мествъ поклонныхъ во святымъ граде Иерусалиме и окрестныхъ местех.

Град убо Иерусалимъ стоитъ на востокъ на Сионѣ горѣ,* кругомъ его 3 версты. Внутри града стоитъ великая церковь, гдѣ Гробъ Господень, — Воскресение Христово, — каменная, в длину 120 сажень, а поперег пятьдесятъ сажень. А Гробъ Господень от мрамора белого. Длина Гроба Господня 9 пядей, а поперег пять пядей. А стоитъ Гробъ Господень среди великия церкви, не покрытъ верхъ церкви, — разбитъ от поганыхъ турковъ. А над самимъ Гробомъ Господнимъ стоитъ малая церковь каменная, надвое перѣделана, а круг тое малые церкви и внутри обито цками мраморными узорчатymi. А Гроб Господень стоитъ в той церквѣ направо к стѣны примурован, а покрытъ цкою мраморною. А тотъ гроб сотворила царица Елена.* А под темъ Гробомъ Гробъ, гдѣ Господь нашъ Иисусъ Христосъ положенъ бысть со Иосифомъ и с Никодимомъ,* из него

живут сирийцы — вера православная, христианская. В Раифе находится пристань для индийских кораблей. От Раифы до Индии три месяца морского пути. Раифа — каменный город, небольшой, турок в нем нет, только христиане живут, один санджак, да десять янычаров.

Корабли в Раифе на Красном море сделаны без железных гвоздей, скреплены веревками и обмазаны горячей серой, потому что в море много камня магнита, и все горы из магнитного камня — железо к себе притягивают. Мы видели, как индийские купцы на кораблях привезли двух индийских волов, оба черные; а между рогами у них — сядет человек; в длину рог пяти пядей, а в обхват рог трех пядей. В Раифе церковь Успения Пречистой Богородицы, а стоит на монастырском подворье Синайского монастыря. В той церкви лежат мощи святой мученицы Марины, весьма чудесные. Мы поклонились святым мощам и пошли туда, где Моисей посадил семьдесят фиников и где Бог даровал ему двенадцать источников, текущих из каменных гор; вода в них горячая течет. А повыше тех источников течет источник, его название Мерра, — в нем вода холодная, только очень горькая. А от тех фиников, от корней, расплодился большой сад. От Раифы до Моисеевых источников и фиников две версты, а до монастыря Ивана Раифского три версты; монастырь этот разрушен до основания погаными турками.

Из Раифы мы пошли в Египет. От Раифы до Египта мы шли десять дней, и по дороге, во время стоянки на ночлеге, на нас хотели напасть беззаконные арабы-пустынники. Бог, не желая оскорбить святого патриарха, внушил им страх: всю ночь простояли возле нас, а напасть не посмели. Утром мы отошли от них без помех.

А вот сказание и перечень поклонных мест святого и Богом соблюдаемого города Иерусалима, где ходил Господь наш Иисус Христос пречистыми своими стопами со своими учениками и апостолами; об этом мы, грешные, пишем для сведения верующим во истинного Бога Господа нашего Иисуса Христа, сколько имеется поклонных мест в святом городе Иерусалиме и в окрестных местах.

Город Иерусалим стоит на восток, на горе Сион, окружность его три версты. Внутри города стоит большая церковь, где Гроб Господень, — Воскресения Христова, — каменная, в длину сто двадцать сажень, а в ширину — пятьдесят сажень. А Гроб Господень из белого мрамора. Длина Гроба Господня девять пядей, а в ширину пять пядей. Стоит Гроб Господень посреди большой церкви, верх церкви не покрыт — разбит погаными турками. Над самым Гробом Господним стоит малая церковь каменная, разделенная надвое, а снаружи и внутри малая церковь облицована мраморными узорчатыми плитами. А Гроб Господень стоит в той церкви направо, примурован к стене; он покрыт мраморною плитою. Этот Гроб сделала царица Елена. Под тем Гробом еще Гроб, где Господь наш Иисус Христос был положен Иосифом и Никодимом; из него же

же воста и намъ дарова животь вечный. И к тому Гробу не входимо никому, и входъ под землю закладенъ камѣнемъ. А предъ враты святого Гроба в придѣле лежитъ камень, что ангель отвалилъ* от дверей Гроба, и над нимъ стоитъ 4 кандила; и того камня немного оставлено, а то розобранъ на мощи. А внутрь над самимъ святымъ гробомъ горитъ 43 кандила, день и ночь. А в те кандила масло наливаетъ казначей гроба Господня, имя ему Галеил; а дають ему на масло христьянѣ православные, ото иныхъ странъ присалають. А около малые церкви Гроба Господня 6 кандиль. А над враты церковными едино. А прѣдъ малою церковью Гроба Господня стоитъ престоль болгарский* и над нимъ кандило горитъ день и ночь. А за темъ престоломъ стоитъ церковь греческая, покрыта, длина тое церкви 10 сажень, поперегъ 5 сажень; а посерединѣ тое церкви пупъ всей земли* покровень камениемъ. А в левую страну тое церкви стоитъ темница, где седелъ Господь нашъ Исусъ Христосъ* отъ прѣбеззаконныхъ иудей, нашего ради спасения. И тамо горять 4 кандила день и ночь. А позади греческия церкви ископано в землю лесница глыбока, 30 ступеней. И тамо стоитъ церковь царь Костяньтинъ и мати его Елѣна, и тамо горять 3 кандила. И позади тое церкви еще ископано в землю лествицу 7 ступеней. Тамо обрете царица Елена крестъ Христовъ. Над темъ мѣстомъ 7 кандиль крестьянскихъ, да едино латынское кандило.* И в томъ месте ветръ великъ ходитъ. А позади греческой церкви олтари придѣль, а в немъ стоитъ столпъ отъ мрамора белого, за него же привязанъ былъ Господь нашъ Исусъ Христосъ отъ прѣбеззаконныхъ иудей нашего ради спасения. А того столпа другая часть во Цареградѣ в церквѣ Успения пречистой Богородицы. А третья часть его в Римѣ* в великой церкви святого апостола Петра.

А одесную страну грѣческия церкви гора святая Гольгофа, гдѣ распяша прѣбеззаконнии иудѣи Господа Бога нашего Исуса Христа; и егда приидеть единъ отъ воинъ и копиемъ ребра ему прободетъ, и абие изыде кровь и вода. И укануша кровь на гору на Гольгофу, и ту розсядеса гора каменная отъ крове той, истече кровь Господа Бога нашего Исуса Христа на Одамову главу; в той бо горѣ Гольгофе глава Адамова сокровенна, и нынѣ то место зоветца Лобное.* И на той святой горѣ стоятъ 30 кандиль, а горять день и ночь бѣзпрестанно.

И повелениемъ благовернаго и христолубиваго царя государя и великого князя Ивана Васильевича всеа Русии поставили есми кандило неугасимое и приказали то кандило беречи и наливать масломъ игумѣну иверскому да казначею Галеилу. А гору ту святую Гольгофу деръжатъ Иверская земля, православные христьянѣ, вера греческая, а языкъ у нихъ свой.* А служить на святой Гольгофе иверской игумень со крестьяны, а престоль на святой Гольгофѣ Роспятие Господа Бога нашего Исуса Христа. А восходъ на святую гору Гольгофу лесница 13 ступеней. А сошедъ с лесницы налево под горою стоитъ церковь невелика, а в ней гробъ Мельхиседекъ.* И в той церкви видетъ расселину отъ верха святые Гольгофы, что отъ кровь Господа нашего Исуса Христа

он воскрес и нам даровал вечную жизнь. К тому Гробу нельзя подойти никому, и вход в него под землю заложен камнями. А перед вратами святого Гроба в приделе лежит камень, который отвалил ангел от дверей Гроба, и над ним стоят четыре лампы; и от того камня немного осталось — разобран на мощи. А внутри над самым святым Гробом горят сорок три лампы, день и ночь. А в те лампы масло наливает казначей Гроба Господня по имени Галеил; а дают ему на масло православные христиане и из разных стран присылают. Около малой церкви Гроба Господня шесть лампад. А над церковными вратами одна лампада. Перед малой церковью Гроба Господня стоит престол болгарский, и над ним лампада горит день и ночь. А за тем престолом стоит церковь греческая, покрытая, длина той церкви десять сажень, ширина — пять сажень, а посреди той церкви пуп всей земли, покрыт камнем. А налево от той церкви стоит темница, куда посажен был беззаконнейшими иудеями Господь наш Иисус Христос, нашего ради спасения. И там горят четыре лампы день и ночь. А позади греческой церкви выкопана в земле глубокая лестница, в тридцать ступеней. И там стоит церковь во имя царя Константина и матери его Елены, в ней горят три лампы. А позади той церкви еще одна лестница выкопана в земле, в семь ступеней. Там обрела царица Елена крест Христов. Над тем местом семь лампад христианских, да одна лампада латинская. И в том месте ветер сильный дует. А за алтарем греческой церкви придел, в нем стоит столб из белого мрамора, к нему был привязан Господь наш Иисус Христос беззаконнейшими иудеями нашего ради спасения. А другая часть того столба в Царьграде в церкви Успения пречистой Богородицы. А третья часть его в Риме в великой церкви святого апостола Петра.

А справа от греческой церкви гора святая Голгофа, где распяли беззаконнейшие иудеи Господа Бога нашего Иисуса Христа, и когда, подойдя, один из воинов вонзил копье ему в ребра, то сразу выступила кровь и вода. И пролилась кровь на гору на Голгофу, и тут треснула каменная гора от той крови, и омочила кровь Господа Бога нашего Иисуса Христа Адамову голову; в той горе Голгофе была погребена голова Адама, а ныне то место зовется Лобным. И на той святой горе стоит тридцать лампад, а горят день и ночь беспрестанно.

И повелением благоверного и христолюбивого царя государя и великого князя всея Руси Ивана Васильевича мы поставили неугасимую лампаду и приказали игумену иверскому да казначею Галеилу ту лампаду беречь и наливать масло. А горой той святой Голгофой владеет Иверская земля, православные христиане, греческой веры, а язык у них свой. А служит на святой Голгофе иверский игумен с христианами, а престол на святой Голгофе во имя Распятия Господа Бога нашего Иисуса Христа. А подъем на святую гору Голгофу по лестнице в тринадцать ступеней. При спуске с лестницы налево под горою стоит небольшая церковь, а в ней гроб Мельхиседека. В той церкви видна расселина от вершины святой Голгофы, что от крови Господа нашего

разседя, и то знать и до сего дни. А где на святой Гольгофе крестъ стоялъ, и ту гора пробита с полсажени, и то место серебромъ обложено. А где уканула кровь Господа нашего Исуса Христа на гору, и ту розселина с полсажѣни широка, а глубины никто же можетъ ведати, и то место серебромъ обложено. А противъ дверей церковных, кабы сажень шесть, снятие со креста Господа нашего Исуса Христа; на томъ мѣсте положи его и обви плащеницею.* И то место покрыто цкою мраморною, и тут горять 8 каньдил, день и ночь, от всякихъ верь. И с того камня положиша тело Исусово во гроб, иже бѣ изсеченъ ис камня.

А церковь великая и престоль греческой и основание царя Костяньтина и матери его Елѣны, огорожена кругомъ на 4 стены, а столповъ в ней 300 от мрамора, а держатъ церковь великую патриархъ со християны Герман,* и престоль старой. Гдѣ патриархъ служить, и тут еретики не входятъ. А по обѣ стороны великие церкви стоятъ престолы еретически, дѣланы к стенам. А ерѣтики суть называютца крестьянѣ: латыни, хабѣжъ, ковти, армени, несториянѣ, ариянѣ, яковити, тетрадити, маруни и протчая ихъ прокѣлятая ересь. А престолы еретическихъ 8. А в великие церквы двои врата, едины замурованы погаными турки, а другіе отворяютца, и тѣ запечатаны стоятъ от турковъ. И у тѣхъ вратъ стоитъ 8 столповъ мраморныхъ, 5 белыхъ, а 3 аспидныхъ темнозелены; у тѣхъ вратъ приделано в церковной стѣнѣ место высоко и позлащено. Ту царица Елѣна жидов судила.

И в день суботный, великие суботы поутру, пришел патриархъ и мы, грешнии, с нимъ, ко вратомъ великие церкви. Туто же много народу стоящу, пришедшу от дальнихъ стран на поклонѣние Гробу Христову. Патриархъ же сядѣ прѣд церквою, тут же и мы, грешнии и мытѣницы, и янычанѣ сидятъ. И пришед турки и отпечадаютъ врата церковная, и *иде* патриархъ со крестияны в церковь. А крестьяне суть: греки, сирьяне, сербы, ивиры, русь, арнапиты,* волохи. А емлютъ поганые турки со всякого крестьянина по 4 золотыхъ угорскихъ,* тоже и в церковь пустятъ. И мы грѣшнии дахомъ по 4 золотыхъ с человека. А которому дати нечего, тово и в церковь нѣ пустятъ. А с латыней, фрязовъ* и съ еритиковъ по 10 золотыхъ, а золотой по двадцати алтынѣ, развее с черноризцовъ мыта не емлютъ.

В той же суботной день придуть много крестиянъ от многихъ земель, не имущимъ им, что дати поганымъ туркомъ, — странныи и убогии. И они пришед ко вратомъ великия церкви, а на вратехъ учинены оконца невелики. И они в оконца зряще в церковь и плакахуся горцѣ, дабы вошли внутрь церкви видети Гробъ Христа Бога нашего и Святого Духа сошествіе с небеси на Гробъ Господень. Вшедшу же патриарху во церковь, и мы с нимъ внидохомъ и прииде ко Гробу Господню, и помолихся у святого Гроба престола Воскресения Христа. И приидохомъ гдѣ лежитъ камень, что ангель его отвали от Гроба Господня. А над нимъ стоятъ образы. И мы, недостойнии, помолився и целова-

Иисуса Христа расступилась, и видно ее и донныне. А где на святой Голгофе крест стоял, тут гора пробита на полусажень, и то место серебром обложено. А где пролилась кровь Господа нашего Иисуса Христа на гору, и тут расселина с полсажени, широкая, а глубины ее никто не может знать, и это место серебром обложено. А против церковных дверей, около шести саженей, сняли со креста Господа нашего Иисуса Христа; на том месте его положили и обвили плащаницею. И то место покрыто плитою мраморною, и тут горят восемь лампад, день и ночь, от разных вер. И с этого камня положили тело Иисусово в гроб, который был высечен из камня.

А церковь большая и престол греческий, основана царем Константином и матерью его Еленой, она огорожена четырьмя стенами; а столбов в ней триста, из мрамора, а владеет церковью великою патриарх Герман с христианами, и престол древний. И туда, где патриарх служит, еретики не входят. А по обе стороны великой церкви стоят престолы еретические, приделанные к стенам. А еретики, называющиеся христианами, суть: латиняне, абиссинцы, копты, армяне, несториане, ариане, яковиты, тетродиты, марониты и прочие их проклятые ереси. А престолов еретических восемь. В великой церкви двое врат, одни замурованы погаными турками, а другие отворяются, и стоят запечатанные турками. И у тех врат стоит восемь столбов мраморных, пять белых, а три аспидных темно-зеленых; у врат приделано к церковной стене место высокое и позолоченное. Тут царица Елена иудеев судила.

И в день великой субботы поутру пришел патриарх и мы, грешные, с ним к вратам великой церкви. Тут же много стояло народу, пришедшего из дальних стран на поклонение Гробу Христову. Патриарх же остановился перед церковью, тут же и мы, грешные, с мытниками и янычарами стояли. И пришли турки и распечатали церковные врата, и вошли патриарх с христианами в церковь. А христиане это: греки, сирийцы, сербы, иверы, русь, арнаниты, валахи. А взимают поганые турки со всякого христианина по четыре золотых угорских, и тогда и в церковь впускают. И мы, грешные, дали по четыре золотых с человека. А которому дать нечего, того и в церковь не впустят. А с латинян, фрягов и с еретиков по десять золотых, а золотой по двадцати алтын; только с монахов податей не берут.

В тот субботний день приходит много христиан из многих земель, странников и убогих, не имеющих что дать поганым туркам. И они подходят к вратам великой церкви, а на вратах небольшие оконца. И вот они смотрят в оконца в церковь и с горьким плачем просят, чтобы их пустили внутрь церкви увидеть Гроб Христа, Бога нашего, и сошествие Святого Духа с небес на Гроб Господень. И когда вошел в церковь патриарх, и мы с ним вошли и приблизились к Гробу Господню, и помолились у святого Гроба и престола Воскресения Христова. И пришли мы туда, где лежит камень, который ангел отвалил от Гроба Господня. А над ним стоят иконы. И мы, недостойные, помолившись,

хомъ тотъ камень. И внидохомъ внутрь придѣла ко Гробу Господню. Тутю же радости и трѣпета исполнихомся, како узрехомъ живоносный Гробъ избавитѣля нашего. И начахомъ дивитися человеколюбию Божию, како насъ грешныхъ допусти до святого града Иерусалима и видѣти и целовати Гроб своего человеколюбия, понеже бо многие скорьби на пути бывають от беззаконныхъ турковъ и от араповъ, на мори и на суше.

В ту же Великую субботу изоутра внидутъ погании турцы спагли и санчаки* и янычане в церковь ко гробу Господню и погасятъ все кандила во всей церкви и по приделомъ и над самимъ Гробомъ Господнимъ, ни единого не оставятъ. Обычай же у патриарха, что и в домахъ своихъ в Великой четвергъ погашають огонь. И сходитъ огонь с небеси на Гробъ Господень, и от того огня взимають в дома своя и держатъ тотъ огонь во весь годъ. А дѣла при немъ никакова не делаютъ, разве Богу молятца до Воскресения Христова. И церковь малую запечатають своею печатю и стража поставятъ у дьверѣй гробницы. А патриарху со крестяны дадутъ старую трапезу.* Патриархъ же со крестяны идетъ во свою церковь к Воскресению Христову и тамо Бога молятъ со слезами, а жьдутъ знаменія Божия с небеси.

И за два часы до вечера придетъ солнце в великую церковь, в непокровенное мѣсто. И станетъ лучъ от солнца на кресте, что внутрь церкви, — крест на гробницѣ, над Гробомъ Господнимъ. И узревъ патриархъ то божественное знамя — лучъ — и нача во своей церкви со крестяны вечерню пети; и не прочитая парѣменъ* возьмъ евангелие и крестъ и хоругвь* и свеща безо огня, и поиде патриархъ в сторонние двери от старыя трапезы ко Гробу Господню. И за нимъ идутъ иноки и християнъ, и за ними идетъ игумѣнъ венецкой Внифантей;* а живеть на Сионѣ горѣ со фрязы, и за нимъ армянской игумень с армянъ, и затемъ идутъ ковти, и хабешы, и маруны, и нѣсторяне и протчая ихъ проклятая ересь, со своими попы. И пришедъ патриархъ со крестяны ко Гробу Господню и обыдоша трижды около гробницы, молящеся Богу со слѣзами. Инокъ, инокинямъ и всемъ християномъ плачущеся и вопиющимъ горце к Богу: «Господи, сподоби насъ видети благодать своего человеколюбия и нѣ остави насъ, сирыхъ». Патриархъ же, ходя около Гроба Господня, пояшѣ стихеру: «Днесъ ады стоня вопиеть».* Намъ же всемъ плачущимся, не могохомъ удержатися от слез. И приидѣ патриархъ ко дверемъ гробницы и повеле туркамъ гробницу отпечатати. Патриархъ же отверзе двери гробницы, и все люди узреша благодать Божию, сошедшу с небеси на Гроб Господень во образе огненнѣ: огню ходящу по Гробу Господню, по цки мраморной, всякими цветы, что молния с небеси. А кандиламъ всемъ стоящимъ верьху Гроба безо огня. И видѣвшѣ вси людие таковое человеколюбие Божие и радовашеся радостю великою зело и многие слезы испущаху от радости. А латынской игумень Внифантей восхотѣ преже нашего патриарха внити во гробницу. И Синайского монастыря старецъ священникъ Иосифъ, да Малахія, да с Савина монастыря старецъ Моисей

целовали тот камень. И вошли внутрь придела ко Гробу Господню. Тут мы радости и трепета исполнились, когда увидели живоносный Гроб избавителя нашего. И стали мы дивиться Божию человеколюбию, как он нас, грешных, допустил до святого града Иерусалима, чтобы видеть и целовать гроб Божия человеколюбия, а ведь многие неприятности бывают на пути от незаконных турок и арабов, на море и на суше.

В ту же Великую субботу с утра приходят поганые турки с погаными санджаками и янычарами в церковь ко Гробу Господню и гасят все лампы в церкви, и в ее приделах, и над самим Гробом Господним, ни одной не оставят. Обычай же у патриарха, чтобы и в домах своих в Великий четверг гасили огонь. И сходит огонь с небес на Гроб Господень, и от этого огня берут в свои дома и держат тот огонь весь год. Но дела при нем никакого не делают, только Богу молятся — до праздника Воскресения Христова. Турки же малую церковь запечатывают своей печатью и стражу ставят у дверей гробницы. Патриарху же с христианами предоставляют престол в старой трапезной. Патриарх с христианами идет в свою церковь Воскресения Христова, и там они Богу молятся со слезами и ждут Божьего знаменья с небес.

И за два часа до вечера через открытое место солнце осветило великую церковь. И упал солнечный луч на крест, что внутри церкви, — крест на гробнице, над Гробом Господним. И увидев то божественное знамение — луч, — патриарх начал в своей церкви вечерню петь с христианами и, не прочитав паремии, взял Евангелие, крест и хоругвь и свечу без огня, и пошел патриарх в боковые двери от престола старой трапезной ко Гробу Господню. А за ним пошли иноки и христиане, а за ними — игумен венецианский Внифантий, который живет на горе Сионе с фрягами, а за ним армянский игумен с армянами, а затем пошли копты, и абиссинцы, и марониты, и несториане, и остальные проклятые еретики со своими попами. Патриарх с христианами пришел ко Гробу Господню, и обошли они гробницу трижды, молясь Богу со слезами. Иноки, инокини и все христиане плакали горько и зывали к Богу: «Господи, сподоби нас видеть благодать твоего человеколюбия и не оставь нас, сирых». Патриарх же, обходя вокруг Гроба Господня, пел стихиру: «Днесь ад стена вопиет». Мы же все плакали, не могли удержаться от слез. И патриарх подошел к дверям гробницы и велел туркам распечатать ее. Затем он отворил двери гробницы, и все люди увидели Божию благодать, сошедшую с небес на Гроб Господень в огненном образе, — по Гробу Господню, по мраморной доске, ходил огонь всех цветов, подобный молнии небесной. А лампы все над гробом были без огня. Как увидели все люди такое Божие человеколюбие, они возрадовались радостью великою, и многие плакали от радости. А латинский игумен Внифантий захотел прежде нашего патриарха войти в гробницу. Но старец Синайского монастыря, священник Иосиф, и Малахия, и старец Моисей из Саввина

ухватиша его и нѣ даша ему внити прежь во гробницу. Патриархъ же нашъ Германъ* вниде единъ в гробницу имуще во обоихъ рукахъ свещи многие и приступль ко Гробу Господню и держаше свещи в рукахъ воскрай Гроба Господня. И снидѣ огонь со Гроба Господня, яко молния, на патриаршеския руки и свещи, что в рукахъ его, предъ всеми людьми. И насъ, грешныхъ, сподобилъ Господь Богъ видети: в той часъ христьянское кандило на гробѣ загореся посреде всехъ кандиль, а ото иныхъ ни едино кандило не загореся. Патриархъ же изыде из гробницы имуща во обоихъ рукахъ свеща горящая, великие пуки свечъ, изнесъ огонь на врата гробницы. И посторонь ста патриархъ на высококомъ месте, а народъ окрестъ его стояшѣ, и от его рукъ взимаше христьянъ огонь и зажигаютъ по всей великой церкви и по святымъ мѣстамъ свещи и кандила. И тотъ огонь панесоша и по домоу по своимъ; и держати его в домохъ своихъ во весь годъ. А которые свещи патриархъ изнесе со огнемъ от Гроба Господня, и тотъ огонь в патриаршескихъ рукахъ не жжетъ человеческихъ рукъ. А какъ возьмутъ христьянъ из рукъ его свещи, и в христьянскихъ рукахъ станеть какъ и протчии огни, — все от него горитъ. А латыни и все еретики, игумены ихъ и попы взимаютъ огонь на Гробѣ Господни от христьянского кандила, и свои зажигаютъ кандила. И абие поидѣ патриархъ со крестяны по святымъ мѣстамъ со слезами Богу молящеся и потомъ в свою церковь к Воскресению Христову. И потомъ начьнутъ честь паремьи и потомъ начаша по ряду петь божественную литургию* во второмъ часу ноши. И отпев божественную литургию и сяде патриархъ со крестяны, вкуси мало хлеба и вина. И мы же, грешнии, вкусиша мало хлеба и вина. И потомъ начаша чести апостолская Деяния.* Церковь великая деломъ мудра добре и вся утворена мусиею и подписана златомъ.* А Гробъ Господень не покровѣн, а цка мраморъная.

Дивно же то видехомъ в ту ношь — в церкви еретиковъ бесящихся, — великое ихъ неистовство. Арменове ходять, единъ большой ихъ попъ прѣдъ ихъ владыкою, а звонитъ в колоколѣцъ. А дьяконъ ходитъ предъ темъ же ихъ владыкою с кандиломъ назадъ пяты и кадитъ его. А орияне же, тако хабежи ходять кругъ Гроба Господня, и есть у нихъ 4 бубны велики, и ходяшѣ кругъ Гроба и бияше по темъ бубнамъ и скакаше и плесаше аки скомороси,* а иные назадъ пяты идяше и скакаше. И дивихомся человеколюбию Божию, како терпитъ, не могий бо человекъ и на торжищи таковаго беззакония видети, се же видехомъ во церкви около Гроба Господня бесящихся.

И абие предъ зарею облечеся патриархъ во святительскую одѣжу и исполни всю церковь воня благоухания — змирно и темьянъ. Патриархъ же возьмъ крестъ и возгласи велегласно: «Христосъ воскрес!». И вся по ряду поюще утреннюю. И по всемъ церквамъ и по приделомъ начнутъ утреннюю и по времѣни и литургию. И празнують неделю въсю радуещеся духовнѣ, а нѣ телеснѣ, не пьянствомъ.* А в церковь поганинъ турки опять запрутъ, замкнутъ и запечатають. Патриархъ же оставляетъ внутри великие церкви

монастыря схватили его и не дали ему раньше войти в гробницу. Наш же патриарх Герман вошел в гробницу один со многими свечами в обеих руках и приблизился ко Гробу Господню, держа свечи в руках подле самого Гроба Господня. И сошел огонь с Гроба Господня, как молния, на руки патриарха и на свечи, что в руках его, перед всеми людьми. И нас, грешных, удостоил Господь Бог видеть: в это же время христианская лампада на Гробе загорелась посреди всех лампад, а из других ни одна лампада не загорелась. Патриарх же вышел из гробницы, неся в обеих руках горящие свечи, целые пучки свеч, вынес огонь ко вратам гробницы. И встал патриарх вблизи на высоком месте, а вокруг него стоял народ, и из его рук брали христиане огонь и зажигали свечи и лампы по всей великой церкви и по святым местам. И разнесли тот огонь по своим домам; и поддерживают его в домах своих весь год. Огонь от горящих свечей, которые патриарх вынес от Гроба Господня в патриаршеских руках, не жжет человеческих рук. А когда христиане возьмут из его, патриарха, рук свечи, то уже в руках христиан огонь станет, как и всякий огонь, — все от него горит. А латыняне и все еретики, игумены их и попы берут огонь на Гробе Господнем от христианской лампы и свои зажигают лампы. И сразу пошел патриарх с христианами по святым местам, со слезами молясь Богу, и потом в свою церковь Воскресения Христова. После этого начинают читать паремии, а затем петь по порядку божественную литургию, во втором часу ночи. Отпев божественную литургию, сел патриарх с христианами и вкусил немного хлеба и вина. И мы, грешные, вкусили немного хлеба и вина. А потом начали читать апостольские Деяния. Великая церковь построена очень искусно и вся украшена мозаикой и расписана золотом. А Гроб Господень не покрыт, на нем доска мраморная.

Удивительное же мы видели в ту ночь: беснующихся в церкви еретиков, — великое их неистовство. Ходят армяне: один главный их поп, пред их владыкою, звонит в колокольчик. А дьякон ходит пред их владыкою, пятясь назад, с кадиллом, и кадит владыку. А ариане, как и абиссинцы, ходят вокруг Гроба Господня, и есть у них четыре бубна больших, и ходят вокруг Гроба, и бьют в те бубны, и скачут, и пляшут, как скоморохи, а иные пятятся и скачут. И мы дивились человеколюбию Божию, как он терпит, — нельзя человеку и на торжище видеть такого беззакония, а мы видели беснующихся в церкви около Гроба Господня.

И сразу перед самым рассветом облачился патриарх в святительскую одежду, и исполнилась вся церковь благовоением смиренны и финиамы. Взял патриарх крест и возгласил велегласно: «Христос воскрес!» — И всю по порядку пропел заутреню. И по всем церквам и по приделам начинают заутреню петь, а по времени и литургию. И празднуют всю неделю, радуясь духовно, а не телесно, не пьянством. А церковь поганые турки опять запрут, замкнут и запечатают. Патриарх же оставляет внутри великой церкви черного священ-

священника чернаго, да дьякона, да понамаря, да не останеть старая трапеза без божественнаго пения. А пищу имъ приносятъ от патриарха и подаютъ в церковь в оконце, что на дверех церковных. А тутъ у церкви за стеною приделана патрешская кѣлья, и в той кельи те люди и пребываютъ неисходимо. А на дѣсной странѣ не исходя из церкви стоитъ колокольница велика и высока, на четырехъ столпѣхъ каменных. Под тою колокольницею стоятъ три церкви: одна Воскресение Христово, а другая — Иякова, брата Господня,* а третья — святыхъ мученикъ 40, иже в Сѣвастии. И к темъ церквамъ приделанъ домъ патриаршеской. К божественному пению патриархъ приходитъ к тем же церквамъ. На той же стране стоитъ темница на осужение повинным. В той темницы сидель великий пророкъ Иванъ Предотеча* от пребеззаконного царя Ирода.

А от великие церкви на восточную страну пошед мало стоитъ церковь вельми чюдъна, по-еврейски зоветца Еро, а по руски Святая Святыхъ.* Егда созданъ святой градъ Иерусалимъ повелениемъ иудейского царя Салима и совокупиша церковно ей имя царскимъ именемъ и нарекоша граду тому имя Ерусалимъ. А ту церковь Соломан со иудей* созидал повелениемъ ангеловомъ 45 летъ. И егда прииде Господь Иисусъ Христосъ во святой градъ Иерусалимъ и рече имъ на сонмищи пред тою церковью о церкви тела его: «Разорю церковь сию и трѣми деньми созижду ю».* Иудеи же не разумѣша, что рече имъ Господь нашъ, бе бо не дано имъ разумети свышѣ. И рѣша к себѣ иудѣи: «Какъ можетъ разорить сию церковь трети деньми и создати ю, а мы ею создахомъ 45 летъ?». В той же церкви *заклан* был пророкъ Захария* межъ церковью и олтаремъ. В той же церкви праведный Семионъ приять на руку Христа и глагола: «Нынѣ отпускаеши раба своего, Владыко, по глаголу твоему, с миромъ, яко видеста очи мои спасение твое, еже еси уготовал пред лицемъ всѣхъ людей твоихъ светъ во откровение языкомъ и славу людей твоихъ и Израиля».*

От той же церкви близъ на восточную страну, к горе Елѣонъстей,* стоятъ врата великие железные старого града Иерусалима затворена, не входитъ в нихъ никто. В те врата въехал Господь нашъ Иисусъ Христосъ от Вифанія* на жребцы и осли з горы Елеонъския. Дети еврейския резаху ветвие от дресвъ и постилаху по пути от техъ вратъ и до церкви, пояху пред нимъ: «Благословенъ грядый во имя Господнѣ, осанна в вышнихъ,* царь Иизраилевъ!». И приеха Господь нашъ к той церкви на жребцы и осли. Пред тою церковью лежитъ пред враты камень дикой широкъ, на четырь углы. И на тотъ камень възѣха Господь нашъ и позна камень Создателя своего, и ста камень под жребцомъ мякокъ, аки воскъ.* И вообразишася стопы жребцовы в тотъ камень до полуперста, знать и до сего дни. Ис тое же церкви Господь нашъ Иисусъ Христосъ изгна торжники,* продающе овца, и голуби, и птицы, и столы опровержѣ и пенязи розсыпа и рече имъ: «Не творите дому купленнаго, домъ молитве, домъ Отца моего». В ту же церковь введена бысть пресвятая Богородица трею летъ суши.*

ника, да дьякона, да пономаря, чтобы не оставался престол старой трапезной без божественного пения. А пищу им приносят от патриарха и подают в церковь в оконце, что в дверях церковных. А у церкви тут за стеной приделана патриаршеская келья, и в этой-то келье те люди и пребывают безвыходно. А на правой стороне при выходе из церкви стоит колокольня, большая и высокая, на четырех столбах каменных. Под той же колокольней стоят три церкви: одна — Воскресения Христова, другая — Иакова, брата Господня, а третья — святых Сорока мучеников севастиийских. И к тем церквам приделан патриаршеский дом. Патриарх приходит в те церкви к божественному пению. На той же стороне стоит темница для заключения повинных. В той темнице сидел великий пророк Иоанн Предтеча, заключенный беззаконнейшим царем Иродом.

А если пройти немного от великой церкви на восток, тут стоит церковь дивная, по-еврейски зовется Еро, а по-русски Святая Святых. Когда был создан святой город Иерусалим по повелению иудейского царя Салима, то соединили церковное имя с именем царским и нарекли тот град Иерусалим. А ту церковь строил с иудеями Соломон по ангельскому повелению сорок пять лет. И когда пришел Господь Иисус Христос в святой град Иерусалим, то сказал им на сбирище перед той церковью о храме тела своего: «Я разрушу эту церковь, а через три дня заново построю ее». Иудеи же не поняли, что говорил им Господь наш, — не дано было свыше им понять это. И думали про себя иудеи: «Как он может разрушить эту церковь, а потом за три дня заново построить ее, когда мы ее строили сорок пять лет?» В этой церкви был заколот пророк Захария, между церковью и алтарем. В той же церкви праведный Симеон принял в свои руки Христа и сказал: «Ныне отпускаеши раба своего, Владыко, по глаголу твоему, с миром, так как видят очи мои спасение твое, которое ты уготовал перед лицом всех твоих людей, в назидание народам и во славу людей твоих и Израиля».

Поблизости от той же церкви на восток, у горы Елеонской, стоят затворенные высокие железные врата старого города Иерусалима, не входит в них никто. В те врата въехал из Вифании с Елеонской горы Господь наш Иисус Христос на молодом осле. Еврейские дети срезали древесные ветви и расстлали по пути от ворот и до церкви, распевая перед ним: «Благословен грядущий во имя Господне, осанна в вышних, царь Израилев». И приехал Господь наш к той церкви на молодом осле. Перед этой церковью лежит у врат камень дикий широкий, четвероугольный. Господь наш въехал на тот камень, и ощутил камень Создателя своего, и стал под копытами осла мягким, как воск. И отпечатались следы осла на том камне на полпальца, видны и доныне. Из той же церкви Господь наш Иисус Христос изгнал торгующих, продававших овец, и голубей и птиц, опрокинул их столы и рассыпал монеты, и говорил им: «Не обращайтесь в дом купли дом молитвы, дом Отца моего». В эту церковь была введена пресвятая Богородица, когда ей было три года. Перед этой церковью

Пред тою же церквю прѣд враты стоитъ церковь невелика, а в нѣй стоитъ мерило праведное, сотворѣно мудрымъ Соломономъ, кабы скалвы,* две чаши висять великии железныя, черны, а не ржавеють, на железныхъ чепехъ. А варки добръ от единой свечи ставитца на земли.* Церковь же Святая Святыхъ создания Соломонова розбиена до основания царемъ Титомъ римскимъ.* Одно осталось мерило праведное не врежено ничемъ. А ныне на том месте погании турки учинили свою мечить, а крестьянѣ тамо не входятъ, разве кто дастъ поминокъ янычанамъ; и они его пустять втаи, да видить мерило праведное. О той же церкви пророкъ Давидъ глаголетъ: «Боже, придоша языцы в достояние твое, оскверниша церковь святую твою».*

А о левую страну тое церкви, под гору, домъ святыхъ праведныхъ богоотецъ Иакима и Анны;* и в томъ дому церковь во имя ихъ. А живутъ в томъ дому турки, а христианѣ приходятъ помолитися, а поганые турки емлютъ с нихъ поминки, тоже и в церковь пустять. В томъ дому стоитъ древо дафанъ, на немъ же виде святая Анна гнездо птиче,* и молитву под ним творяше. И то дрѣво стоитъ цело и до сего дни. Близъ тово места ровъ Еремия пророка,* коли в кал ввержен бысть возлѣ градскую стену. А от дому святыхъ праведныхъ Иакима и Анны пошед мало на гору, домъ Пилатовъ,* в немъ же судили прѣбѣззаконнии иудеи Господа нашего Иисуса Христа, судию всѣго мира. В томъ дому и донынѣ судъ, саньчакъ судит градскихъ людей. И пошед от того дому мало, на другой стране улицы, под гору, домъ Аннинъ и Кайяфинъ,* а засыпаны землею. Коли Господа нашего Иисуса Христа распяли прѣбѣззаконнии иудѣи, и по распятии повелеша крестъ Христовъ и разбойничеи сохранить в гору, и вразумеша, что будетъ взыскание крестомъ и помыслиша своимъ злосердиемъ, хотеша утаити божество, но нѣ возмогоша. И повелеша на ту гору всему граду землю и соръ сыпати, и засыпаша ту гору землею. И Божиею волю приидѣ царица Елена от Царяграда во Иерусалимъ на взыскание честнаго креста и, пришед, известно уведа о крестѣ Господни. И повеле ту гору очищати и ту землю сыпати на домъ Аннин и Каияфин, и тою землею засыпаша дома ихъ.

А от западныхъ страны града у градскихъ великихъ вратъ, в кои входятъ от Египта и от Лиды,* дом Давида пророка и царя, возлѣ градскую стѣну; а вокругъ дому ровъ копанъ, какъ кругъ града и вымурован; а чрезъ ровъ камень веденъ, а на мост из дому врата великие, какъ градские, а в тѣхъ вратѣхъ пушки лежать и сторожи. А христианѣ в тотъ домъ не пушаютъ, и стоятъ у того двора турки и янычаре. А величествомъ дому того, аки лукомъ, вержениемъ стрелы, 2 поперег; а хоромъ в немъ нѣтъ, разве одна полата; из нея же видѣ Давидъ Вирсавию во ограде мыющеся.* А тотъ град от дому Давидова вержениемъ от лука стрелы; и донынѣ стоитъ цель и недвижимъ, а у полаты здѣланы два окна, а в ней одно окно в предѣле полаты. И нас, грешныхъ, сподобил Богъ быти в томъ дому и в полатѣ. О томъ дому рече Божественное Писание: «В дому Давидове страхъ великъ, ту бо престоломъ поставленнымъ судятся всяка плѣмена земная и

у врат стоит небольшая церковка, а в ней мерило праведное, созданное мудрым царем Соломоном, будто весы: висят две большие черные железные чаши, на железных цепях, и не ржавеют. (...). Церковь же Святая Святых, созданная Соломоном, разбита до основания императором римским Титом. Одно осталось мерило праведное, не поврежденное ничем. А ныне на том месте поганые турки устроили свою мечеть, и христиане туда не входят, разве кто даст подарок янычарам, и они его пустят тайком, чтобы посмотрел мерило праведное. О той же церкви пророк Давид говорит: «Боже, пришли язычники в наследие твое, осквернили святой храм твой».

А слева от той церкви, под горой, дом святых праведных родителей Богородицы Иоакима и Анны; а в том доме церковь во имя их. А живут в том доме турки, а христиане приходят помолиться, и поганые турки берут с них подарки и тогда пускают в церковь. В том доме стоит дерево лавровое, на нем святая Анна видела птичье гнездо и молилась под ним. И то дерево стоит цело и до сего дня. Близ того места ров пророка Иеремии, куда он в грязь ввержен был возле городской стены. А от дома святых праведных Иоакима и Анны пройдя немного в гору, дом Пилата, в нем судили беззаконнейшие иудеи Господа нашего Иисуса Христа, судию всего мира. В этом доме и поныне суд, санджак судит горожан. И, пройдя от того дома немного, на другой стороне улицы, под гору, находится дом Анны и дом Каиафы, засыпанный землею. Когда Господа нашего Иисуса Христа распяли беззаконнейшие иудеи, то после распятия велели спрятать в горе крест Христа и крест разбойника, — предвидели, что будут розыски этих крестов и задумали по своему зломышлению утаить святыню, но не смогли. Тогда велели на ту гору всем в городе землю и мусор сыпать, и засыпали ту гору землею. По воле Божией пришла из Царьграда царица Елена в Иерусалим на поиски честного креста и, придя, разузнала все о кресте Господнем. И приказала она ту гору расчистить, а землю ту насыпать на дом Анны и Каиафы, так засыпали их дома той землей.

А с западной стороны города у больших городских ворот, в которые входят из Египта и из Лидды, возле городской стены стоит дом пророка и царя Давида, а вокруг дома ров, как вокруг города, выкопан и облицован камнем; а через ров проложен каменный мост, а на мост из дома выходят большие ворота, как городские, а у тех ворот пушки стоят и стража выставлена. А христиан в тот дом не пускают, и стоят у того двора турки и янычары. А величиной тот дом, если мерить стрелой, пущенной из лука, — поперек две стрелы; а покоев в нем нет, только одна палата; из нее-то и видел Давид Вирсавию, омывающуюся в саду. А тот сад находится от дома Давида на расстоянии одной пущенной стрелы; и до сих пор он стоит цел и невредим; у палаты два окна, одно в приделе. И нас, грешных, удостоил Бог посетить тот дом и ту палату. О том доме гласит Священное Писание: «В доме Давидове страх велик, тут судятся все племена

языцы». * А нынѣ в томъ дому несть страха. Нам же воспросившим о томъ дому и Божественномъ Писании патриарха иерусалимскаго Софрония. * Патриархъ же намъ отвѣща: «Егда будетъ пришествие Сына Человеческаго судити живымъ и мертвымъ, тогда в томъ дому все Божественное Писание совершится». От того дому есть поток сух, под градскую стѣну, под домъ Давидов пошел. А имя тому потоку Удоль Плачевна, * тужду хоцетъ течи огненная рѣка в день Страшного Суда.

О горѣ Сионѣ

На полуденную страну нынѣшняго града за стеною, а внутри нынѣ стараго града, стоитъ гора Сионская, велика. Святой Сион, мати церквамъ, Божие жилище. На той же горѣ былъ домъ — монастырь Виноцейскаго царя. А живѣтъ в нем игумень и мнихи, а держать ту церковь виноцеенъ; а нынѣ ту церковь держать турки.

На той же горѣ былъ домъ Зеведеовъ, отца Иванны Богослова. В томъ дому тайную вечерю сотвори Иисусъ со ученики своими и нозѣ имъ умы, а окаяннаго Иуды * не презрѣ. В томъ же дому Иванны Богослова возляже * на перси Христу. В том же дому Иванны Богослова жила по распятии Господа нашего Иисуса Христа мати пречистая Богородица. Егда Иисусъ Христосъ стоя на крестѣ, глагола матери своей: «Жено, се сын твой», и потом глагола ученику: «Се мати твоя», * от того часа поят в той домъ.

На той же горѣ прииде Иисусъ Христосъ по воскресении своем ко ученикомъ, * дверем затворенным, и ребра своя показа и Фому увѣривъ. * На той же горѣ в том же дому бысть сшествие Святого Духа * на святыхъ ученики и апостолы. На той же горѣ собращася апостолы на преставление Божия Матери. На той же горѣ гробъ святого первомученика Стефанна. * На том же Сионѣ есть пещера, гдѣ царь Давидъ псалтырь сложил, от того мѣста верженемъ камня, на том же Сионѣ, — гдѣ отсека аггель Господень руцѣ жидовину, * прикоснувшись ко гробу пречистыя Богородица. А от великия церкви святого Сиона на лѣвую стѣрану вержениемъ от лука стрѣлы Галилѣя Малая. * Тамо первое явися Христосъ, по воскресении своем воста из мертвых. И та вся святая мѣста на Сионской горѣ.

О монастырехъ

Внутрь святого града Иерусалима *семнадцать* монастырей стоитъ * и донынѣ. А пѣние в нихъ божественное совершается не во всѣхъ, многие пусты стоятъ от поганыхъ турковъ. Первый монастырь пречистыя Богородицы честнаго ея Одегитрия. * Второй монастырь святого Иванны Предотечи. Третий монастырь святого великомученика Георгия. Четвертый монастырь святого великомученика Димитрия. * Пятый монастырь святого архистратига Михаила, * в томъ монастыре живутъ старцы Савина монастыря. И в томъ монастыре трапеза была каменна велика и высока, погани же турки разбиша верхъ у тое трапезы и

земные и народы». А теперь в том доме нет страха. Мы спросили об этом доме и о Священном Писании патриарха иерусалимского Софрония. И патриарх нам ответил: «Когда будет пришествие Сына Человеческого и суд над живыми и мертвыми, тогда в том доме все Священное Писание подтвердится». Близко от этого дома пересохший поток, проходивший у городской стены и у самого дома Давидова. Название этого потока Юдоль Плачевная, тут будет течь в день Страшного Суда огненная река.

О горе Сионе

С южной стороны нынешнего города за стеною, внутри старого города, стоит высокая гора Сионская. Святой Сион — мать церквам, Божие жилище. На этой горе был дом — монастырь венецианского государя. А живут в нем игумен и монахи; содержали эту церковь венецианцы, а теперь этой церковью владеют турки.

На этой же горе был дом Зеведеев — отца Иоанна Богослова. В этом доме Иисус Христос сотворил тайную вечерю со своими учениками, и омыл им ноги, и окаянного Иуду не презрел. В том же доме Иоанн Богослов возлег на грудь Христа. В том же доме Иоанна Богослова по распятии Господа нашего Иисуса Христа жила мать пречистая Богородица. Когда Иисус Христос висел на кресте, сказал он своей матери: «Жена, это сын твой», а потом сказал ученику: «Это мать твоя», — с этого времени приняли ее в тот дом.

На этой же горе явился Иисус Христос по воскресении своем ученикам, в то время как двери были закрыты, и показал свои ребра и Фому уверил. На этой же горе в том же доме было сошествие Святого Духа на святых учеников и апостолов. На той же горе собрались апостолы на преставление Божией матери. На той же горе гроб святого первомученика Стефана. На том же Сионе есть пещера, где царь Давид Псалтырь сложил, от этого места, на расстоянии брошенного камня, на том же Сионе, — отсек ангел Господень руки иудею, прикоснувшемуся ко гробу Пречистой Богородицы. А налево от великой церкви святого Сиона, на расстоянии пущенной из лука стрелы, Малая Галилея. Там впервые явился Христос по воскресении своем, восстав из мертвых. И те все святые места на Сионской горе.

О монастырях

Внутри святого города Иерусалима семнадцать монастырей, стоят и до сих пор. А служба в них божественная совершается не во всех: многие опустошены погаными турками. Первый монастырь Пречистой Богородицы, честной ее Одигитрии. Второй монастырь святого Иоанна Предтечи. Третий монастырь святого великомученика Георгия. Четвертый монастырь святого великомученика Димитрия. Пятый монастырь святого архистратига Михаила, в том монастыре живут старцы Саввина монастыря. В том монастыре была трапезная каменная, большая и высокая, а поганые турки у этой трапезной разбили верх, и много

много лѣтъ стояше без верьха. Старцы же Савина монастыря, Моисѣй да Кестодий, придоша в Московское царство* ко царю и великому князю Ивану Васильевичу всеа Руси и ко святейшему митрополиту Макарию и молиша царя, дабы имъ что дал, убогимъ, на соружение трапезы. Царь же и митрополить не презре моления их и повелѣ дати имъ на соружение трапезы их. Они же приемше от православного царя милостыню и отоидоша радуясь во Царьград. И вдаша турецкому царю злата много, дабы имъ повелел, убогимъ, у трапезы верхъ здѣлати. Он же злата ради повелел имъ у трапезы верхъ здѣлати. И дал имъ грамоту к санчаку. Санчакъ же повелѣ имъ у трапезы верхъ здѣлати. Они же великъ труд подъяша своима рукама здѣлаша верхъ у трапезы. Санчакъ же прииде, да видит трапезу их и дьявольскимъ навожениемъ разъярися яростию великою на старцовъ. И повелѣ имъ верхъ у трапезы разбить опять. Они же, убогие, плакахуся горце и придоша к великому архистратигу Михаилу со слезами и сотвориша пѣние всеношное во храмѣ его.

В ту же ночь прииде к санчаку во храмину, гдѣ он почиваетъ со женою своею, человекъ незнаемъ, и взя его от ложа и поиде с нимъ. Стражие же и людие его санчаковы не видѣша того человека во дворъ входяща и из двора исходяща с ним. И наутрие обрѣтоша санчака пред враты мертва лежаща и избодена мечемъ. И испыташа извѣстно, како изыде санчакъ из двора в ночи, а не веде его никто же. И нападе на них страхъ, и рѣша в собѣ: «Онѣе калугеры за трапезу пришед убиша его. Да идемъ х калугеромъ и аще обрящемъ у них оружия что желѣзно, то побиемъ мниховъ всѣх». И придоша в монастырь святого архистратига Михаила и обретоша калугеровъ во церкви стояща молящесь, и искаше у них оружия и не обрѣтоша ничто же и не сотвориша калугеромъ зла. И Божию милостию не смеяше ко трапезе прикоснуться, стоитъ цела и донынѣ.

Шестый монастырь святыхъ великомученицы Екатерины. Седьмый монастырь святыхъ Анны, матере святые Богородицы. Восмыи монастырь преподобнаго отца нашего Еуфимия Великого.* Девятый монастырь святыхъ великомученицы Феклы. Десятый монастырь святого отца Харитона.* 11 монастырь Воскресения. Вторыйнадесять монастырь святыхъ мученикъ, иже в Севастии. Третьинадесять монастырь святого Иякова брата Господня по плоти.

Стена старого града Иерусалима, округ было шесть поприщъ, разбита вся до основания, а кругъ нынѣшняго града Иерусалима — три поприща. На полуношную страну стоит монастырь Воздвижение Честнаго Креста,* на нем же Христось распятыся. А от того монастыря на полуношную страну пять версть, тамо есть гора, а в ней пещера, коли бежала Елисаветѣ, жена Захариина, со Предтечею, ото Ирода царя.* А в той пещере источникъ, от того источника питалася Елисаветѣ; сотворенъ Божиимъ повелѣниемъ, не копан никимъ. Да восточнымъ граднымъ угломъ того же града Иерусалима стоятъ два дрѣва смоковыхъ, а стоятъ и до сего дни зелены. А сказывали, под темъ дрѣвамъ спали два пророка.*

лет она стояла без верха. Старцы же Саввина монастыря, Моисей и Кестодий, пришли в Московское царство к царю и великому князю всея Руси Ивану Васильевичу и к святейшему митрополиту Макарию и молили царя, чтобы он дал им, убогим, (помощь) на сооружение трапезной. Царь же и митрополит не отвергли их моления и приказали дать им средства на сооружение их трапезной. Они приняли милостыню от православного царя и удалились в радости в Царьград. Отдали они турецкому царю много золота, чтобы повелел для них, убогих, у трапезной починить верх. И он, за золото, повелел им у трапезной верх сделать. И дал он им грамоту к санджаку. Санджак же приказал им у трапезной верх починить. Они же, большой труд приложив, своими руками починили верх у трапезной. Пришел санджак, и увидел их трапезную, и дьявольским наваждением распалился великой яростью на старцев. И повелел он им верх у трапезной опять разбить. Они же, убогие, заплакали горько, пришли к великому архистратигу Михаилу, со слезами, и отпели всенощную в его храме.

В ту же ночь неизвестный человек пришел к санджаку в палату, где он почивал с женой своей, и, подняв его с постели, пошел с ним. А сторожа и люди санджаковы не видели того человека, ни когда он входил во двор, ни когда он выходил с санджаком. И наутро нашли санджака, лежащего у ворот, мертвого, убитого мечом. И узнали доподлинно, как вышел санджак со двора ночью, а никто его при этом не видел. И напал на них страх, стали думать: «Это монахи пришли и убили его за трапезную. Пойдем-ка к монахам и, если найдем у них оружие или что-нибудь железное, тогда убьем всех монахов». Пришли они в монастырь святого архистратига Михаила, нашли монахов, молившихся в церкви, искали у них оружие, но не нашли ничего и не причинили монахам никакого зла. Так, Божией милостью, не посмели к трапезной прикоснуться, и она стоит цела и поныне.

Шестой монастырь святой великомученицы Екатерины. Седьмой монастырь святой Анны, матери святой Богородицы. Восьмой монастырь преподобного отца нашего Евфимия Великого. Девятый монастырь святой великомученицы Феклы. Десятый монастырь святого отца Харитона. Одиннадцатый монастырь Воскресения. Двенадцатый монастырь святых мучеников севастийских. Тринадцатый монастырь святого Иакова, брата Господня по плоти.

Стена старого города Иерусалима в окружности шесть поприщ, разбита вся до основания, а вокруг нынешнего города Иерусалима (стена) — три поприща. На северной стороне стоит монастырь Воздвижения Честного Креста, на нем был распят Христос. А от того монастыря на север, в пяти верстах, есть гора, а в ней пещера, куда бежала от Ирода царя Елизавета, жена Захарии, с Предтечею. А в той пещере источник, из него питалась Елизавета; он был сотворен Божьим повелением, а никем не выкопан. Да у восточного угла того же города Иерусалима стоят два дерева смоковницы, они стоят и до сего дня зеленые. Говорили, что под теми деревьями спали два пророка.

О селѣ Скудельниче *

От града же поприще на западную страну над Удолию Плачевною на горе стоит село Скудельниче в погрѣбие страннымъ,* что откуплено кровию Господа нашего Исуса Христа. О томъ бо глаголетъ Писание: «Егда преда Июда Господа нашего Исуса Христа пребеззаконнымъ иудѣемъ на тридесятихъ сребреницех, и тогда Господь нашъ Иисусъ Христосъ вольную страсть подъят нашего ради спасения от беззаконныхъ иудѣй. Тогда завеса церковная раздрася надвое,* и солнце померче, и камене распадется. И нападе страх на беззаконнаго Июду и рече в себе Июда: «Согрѣших, продахъ кровь неповиную». И шедъ в церковь поверже сребряники и шедъ удавился. Пребеззаконнии же иудѣи рѣша: «К собе недостоитъ намъ техъ сребрениковъ положить в корнаву, смирѣчь в казну, но понеже цена крове есть». И купиша ими село Скудельниче в погребѣние страннымъ. А которые правоверные християне приходят от всѣхъ странъ, от востока и до запада поклонитися гробу Господа нашего Исуса Христа и святымъ мѣстомъ; и которому пришельцу иныхъ странъ лучитца отоити к Господу, и тѣхъ християнъ кладутъ в томъ сѣле Скудельниче. Аще ли будетъ инокъ в которомъ монастыре пришелець со иныхъ страны, а лучитца отоити к Богу, и ис того монастыря приносятъ в то же село. А ерусалимца в томъ селѣ не положить никого. В томъ селѣ ископанъ погребъ каменной в горѣ, кабы пещера, и дверцы малы ученены. И в томъ погребѣ предѣлана кабы закрома два, а кладутся християне в томъ погребѣ без гробовъ на земли. И егда положить християнина праведнаго или грѣшнаго, и лежит то тѣло его 40 дней цело и мякко, а смрада от него нетъ. И егда исполнится 40 дней, то об одну ночь тѣло его земля будетъ, а кости наги станут. И пришед тотъ человекъ, которой в томъ селѣ живетъ, землю ту зберѣтъ лопатою во единъ закрома, а въ другой закрома кости.* А кости целы и до сего дни; а земля аки голуба. И егда кто от православныхъ придет помолитися и не велятъ никому ис того села мощи имати ничто же. Аще который человекъ возьметъ втай от мощей тѣхъ и егда придетъ в корабль на морѣ, тогда корабль на море ити не можетъ. И учнуть турки обыскивати християнъ и аще что найдутъ от тѣхъ костей, и ввергуть того в морѣ совсем, а корабль его поидеть своимъ путемъ. И того ради не взимають то того села ничто же, понеже не повѣлено бѣ.

А от Ерусалима до того села поприще едино, а от Скудельнича села близъ того иже Удоль Плачевная течеть на полуденную страну, тотъ стоитъ домъ пустьъ святого праведнаго Иева,* и до сего дни, да кладезь его же, каменъ, предѣланъ надвое. А воды в немъ нетъ нынѣ. И пошла та Удоль под лавру святого Савы Освещеннаго и в Содомское морѣ.* И тою Удолию, сказываютъ, хоцеть течи рѣка огня в день Страшнаго Суда. Да на томъ же потокѣ Силуямля купель, гдѣ слепецъ умывся и прозрѣ, а Силуямля купель под горою под каменною. А вход к ней — учинена лѣствица каменна велика, какъ в походной погребѣ, а ступеней 50, а по конецъ лѣствицы самая купель Силуямля, аки

О селе Скудельничем

На запад от города, в одном поприще, над Юдолью Плачевною, на горе стоит село Скудельниче, где погребают странников, что было откуплено кровью Господа нашего Иисуса Христа. О том же глаголет Писание: «Когда предал Иуда Господа нашего Иисуса Христа беззаконнейшим иудеям за тридцать сребреников, тогда Господь наш Иисус Христос добровольно мучение принял ради нашего спасения от беззаконных иудеев. Тогда завеса церковная разорвалась на две части, и солнце померкло, и камни распались. И напал страх на беззаконного Иуду, и сказал он себе: «Согрешил я, продал кровь невинную». Пришел он в церковь, бросил сребреники, пошел и удавился. Беззаконнейшие же иудеи сказали себе: «Нельзя нам эти сребреники класть в казну, так как это цена крови». Вот и купили на них село Скудельниче для погребения странников. И правоверные христиане приходят из всех стран с востока до запада, чтобы поклониться гробу Господа нашего Иисуса Христа и святым местам; и если какому-либо пришельцу из чужих стран случается отойти к Богу, того христианина хоронят в этом селе Скудельничем. Или если будет в каком-либо монастыре пришлый монах из чужой страны и отойдет к Богу, тогда его из того монастыря приносят в это же село. А иерусалимца никакого в этом селе не похоронят. В этом селе в каменной горе выкопан погреб, вроде пещеры, и приделаны малые дверцы. В погребе этом находятся две как бы кладовые, и кладут христиан в погребе без гробов на землю. Когда положат христианина праведного или грешного, то лежит тело его 40 дней целое и мягкое, и смрада от него нет. А когда исполнится 40 дней, то за одну ночь тело его превратится в землю, а кости обнажатся. Приходит тогда человек, который живет в этом селе, соберет ту землю на лопату и помещает в одну кладовую, а кости — в другую кладовую. Кости целы и донныне; а земля словно голубая. Когда кто из православных придет помолиться, то не велят никому брать никаких мощей из того села. Если же какой-нибудь человек возьмет потихоньку часть тех мощей, то когда он сядет на корабль в море, тогда этот корабль по морю не может плыть. И начнут турки обыскивать христиан, и если найдут у кого что-то из тех костей, того выбросят в море, а корабль пойдет своим путем. Поэтому и не берут ничего из того села, поскольку не позволено это.

А от Иерусалима до того села одно поприще; а от Скудельничего села близ того места, где Юдоль Плачевная течет на юг, до сего дня стоит пустой дом святого Иова праведного, да колодец его же, каменный, разделенный надвое. А воды в нем теперь нет. А Юдоль эта пролегает подле лавры святого Саввы Освященного к Мертвому морю. И тою Юдолью, говорят, будет течь река огненная в день страшного Суда. Да на том же потоке купель Силоамская, где слепой умылся и прозрел, а купель Силоамская под горою под каменною. А для входа в нее устроена большая каменная лестница, как в походный погреб, ступеней в пятьдесят, а в конце лестницы сама купель

кладязь, в груди человеку глубина. И приходятъ многие люди, одержими всякими недуги различными и погружаются в той купѣли и здрави бывають.* А идетъ ис тое купели вода сквозе каменную гору разсѣлиною каменною. А за горою ручей воды великъ, а на томъ ручью платье моють. А от града Иерусалима до купели поприще едино. Мы же воспросихомъ: «От коей купели, откуда есть?» И повѣдаша намъ людие: «Егда возврати Господь от Вавилона пленение сыновъ иизраилевъ и плен Сион, прииде Иеремѣя пророкъ, весь плѣнь с нимъ онъ на тот потокъ, и жаден бысть Иеремѣя и весь плѣнь. И помолися Иеремѣя Богу и дасть ему Господь в той купели воду».* А рекъ и кладезей во Иерусалиме не бысть, бѣ бо мѣсто безводно, токмо едина купель Силуямля. А воду ис той купели арапи возяють во град Иерусалимъ на верьблюдахъ, да продають. А которые люди убогие, и тѣ питаются дождевою водою. А дождь во Иерусалиме приходитъ с Семена дни* септеврия месяца и до Рожества Христова, а зимою и лѣтомъ дождя не бываетъ. А егда падеть дождь на храмѣхъ ихъ, а храмины у нихъ учинены плоские верьхи, и со всѣхъ храминъ в коемждо дому приведены застрѣхи в кладязь. А кладязи высѣчены в каменной земли, а земля каменна. И в тѣхъ кладязяхъ стоить вода во весь год, а вода не портится. А вода у нихъ бѣла дождевая, а не желта.

А вышелъ из града во врата и мало пошед от воротъ, что к селу Гепсимании, и в полугорѣ лежитъ камень. На томъ камени изсядеса на камени потоки тое крови, знать и до сего дни, на память православию; а емлють тое крови и с каменемъ на мощи християне для благословения.

О селѣ Гепсимании*

На том же потокѣ мало повыше града, какъ мочно из лука стрелити, по конецъ Удоли Плачевныя село Гепсимании и святыхъ преподобныхъ Богоотецъ Иакима и Анны, иже нарицается Богородичен дом. А в томъ селѣ церковь стоить равна со землею, камена, во имя святыхъ праведныхъ Богоотецъ Иакима и Анны, а входъ внутрь в церковь издолу учинена лѣствица, стоить гробъ святыхъ преподобныхъ Богоотецъ Иакима и Анны. А внутрь церкви посреди стоить пределецъ невеликъ каменной, а в немъ гробъ святыя Богородица изсѣченъ от камени мрамора бѣлого, а над гробомъ три кадила горять день и ношь. А входять в тотъ пределѣць и поклоняются святому гробу и цѣлуютъ человекъ по пяти и по шести. А от того мѣста, гдѣ служба совершается, 5 сажень, и над тѣмъ престоломъ у верху церковнаго окно велико кругло. И про то окно сказывал намъ патрiархъ иерусалимской Софроние, что тѣмъ окномъ, по Господню велению, взято тѣло Богородицыно из гроба,* идѣже Богъ вестъ. И вышелъ из церкви на правой рукѣ близъ церкви пещера велика, подписана была вся, а над дверьми написан Спасов образ.* В той пещере предал Июда Христа пребеззаконнымъ иудѣемъ. И оттолѣ пойдомъ на другую страну Удоли Плачевныя а на Елеонскую гору; прямо от тое

Силоамская, как колодец, глубиной по грудь человеку. И приходят многие люди, одержимые всякими разными недугами, и погружаются в ту купель, и становятся здоровыми. Из той купели вода идет сквозь каменную гору расселиною каменною. А за горою большой ручей, в том ручье стирают одежду. А от града Иерусалима до купели одно поприще. Мы спросили: «Почему здесь купель, откуда она?» И поведали нам люди: «Когда Господь возвратил из Вавилона плененных сынов израилевых и сынов из Сиона, пришел Иеремия пророк и все же плененные с ним на тот поток, и изнывали от жажды Иеремия и все пленники. Помолился Иеремия Богу, и дал ему Господь воду в той купели». А рек и колодцев в Иерусалиме нет, место это безводное, только одна купель Силоамская. И воду из этой купели арабы возят в город Иерусалим на верблюдах да продают. А убогие люди пьют дождевую воду. А дождь в Иерусалиме идет с Семенова дня в сентябре месяце и до Рождества Христова, а зимою и летом дождя не бывает. Собирают воду во время дождя: дома у них построены с плоскими крышами и со всех строений в каждом доме проведены желобы в колодец. Колодцы же высечены в каменной почве — и почва каменная. В тех колодцах вода стоит весь год и не портится. И вода у них дождевая белая, а не желтая.

При выходе из города на малом расстоянии от ворот, ведущих к селу Гефсимании, на середине горы лежит камень. До сего дня из того камня выступает кровь, в память православия; ту кровь с кусочками камня собирают христиане как мощи для благословения.

О селе Гефсимании

На том же потоке, немного выше города, на расстоянии выстрела из лука, в конце Юдоли Плачевной, находятся село Гефсимания и (дом) святых праведных родителей Богородицы Иоакима и Анны, который называется Богородичный дом. В том селе стоит церковь каменная, наравне с землею, во имя святых праведных родителей Богородицы Иоакима и Анны, а вход внутрь церкви снизу, по лестнице, там стоит гроб святых преподобных родителей Богородицы Иоакима и Анны. Внутри, в середине церкви, стоит небольшой придел каменный, а в нем гроб святой Богородицы, высеченный из камня — белого мрамора, а над гробом три лампы горят день и ночь. Входят в тот придел, и поклоняются святому гробу, и целуют его человек по пять и по шесть. А от того места в пяти сажнях — где служба совершается, а над тем престолом у верха церковного — большое круглое окно. Про это окно говорил нам патриарх иерусалимский Софроний, что через него, по Господню повелению, взято было тело Богородицы из гроба, Бог знает куда. По выходе из церкви справа, около церкви, большая пещера, вся была расписана, над дверьми написан Спасов образ. В этой пещере Иуда предал Христа беззаконным иудеям. А оттуда мы пошли в другую сторону от Юдоли Плачевной на Елеонскую гору;

пещеры вержением камня стоит дръво зелѣно и до сего дни, а имя ему маслина. Тамо Христось творяше молитву в тайнѣ.* На том же потокѣ есть доль, на том долу творяше *Христос* молитву, якоже рече Божественное Писание:* «Во Удоли Плачевне на мѣсте, идѣже положи и бо благословение, дасть законъ дая». И паки Христось в ту же пещеру прииде ко учеником своим и обретѣ их спяща; и пришед, рече имъ: «Понеже общаете со мною умрети, и нынѣ не возмогосте единого часа побдѣти со мною. Единъ бо от вас спешить и бдить, — хошет мя предати беззаконным иудѣемъ». И отоиде от них в другое мѣсто помолитися, — на доль, идѣже есть Удоль Плачевна. И помолився, паки прииде в ту же пещеру, ко ученикомъ своимъ. И обрѣте их спяща и рече имъ: «Спите, протчее, и почивайте, духъ бо бодръ, плоть же немощна».

И оттолѣ мало идохомъ на Елеонскую гору, туто же лежитъ камень, с него же Христос на жребя всяде.* Оттоле поидохом на верхъ святыхъ горы Елеонския. От Гепсимания до верху горы Елеонския якобы полторы версты, а от Иерусалима верста едина. На самом на святомъ верху есть мѣсто, гдѣ Христось стоял со ученики своими. И вопросиша его ученицы о кончинѣ вѣка сего. Он же рече: «Не может того вѣдати ни Сынъ, ни ктоже, токмо Отець един».*

На том верху стоит великая церковъ Вознесение Христово пуста, от беззаконныхъ турокъ запечатлѣнна. В той церкви учинена малая церковъ, в малой же церкви пред царскими дверми лежитъ камень. С того камня вознесеса Христось пред ученики своими на небеса;* и на томъ камени вообразишася стопы Христовы, и нынѣ лежит одна стопа Христова, знать и донынѣ. Мы же, грешнии, целовахом ее.

От святого же града Иерусалима до реки Иордана поприщъ,* идѣже крестися Господь наш Исусъ Христось от Предтечи Иоанна. И ту на берегу великая церковъ Богоявление Христа Бога нашего* стоит пуста. От тое же церкви яко полверсты стоит монастырь Иванна Предотечи на том мѣсте, идѣже крещаше Иоаннъ Предтеча неверныя иудѣя. И в том манастыри игумен и братия. И на праздник в навечерии святыхъ Богоявлений приходит игумень и священницы ис того монастыря в церковъ святыхъ Богоявлений и служат святую службу вечернюю, и всенощное, и утреню, и божественную литургию и паки отходят во свой монастырь. Тамо же монастырь преподобнаго и святого отца Герасима, ему же левъ поработа,* зело красенъ.

Рѣка же Иордан течет между гор, быстра вельми, идет и с каменiem, а впала въ Содомское море; вода же видѣти якобы желтовата; мы же пихом ту святую воду иорданъскую.

Много же во Иерусалиме и иных святых мѣсть поклонных и в предѣлах его, их же и невозможно писанию предати множества ради и гонения от безбожныхъ турков. Тамо же и Вифанія, идѣже Господь Лазаря воскреси.*

прямо у той пещеры на расстоянии брошенного камня стоит дерево, зеленое и до сего дня, а называется маслина. Там Христос совершал молитву втайне. У того же потока есть долина, в этой долине совершал Христос молитву, как гласит Священное Писание: «В Юдоли Плачевной, на месте, где Бог положил благословение и дал закон». И снова Христос пришел в эту пещеру к ученикам своим, и нашел их спящими, и сказал им: «Вы обещали умереть со мною, а вот не можете и часу пободрствовать со мною. Один из вас спешит и бодрствует, — хочет меня предать беззаконным иудеям». И ушел он от них в другое место, чтобы помолиться, — в долину, где находится Юдоль Плачевная. А помолвившись, он опять пришел в ту же пещеру к ученикам своим. И нашел их спящими и сказал им: «Спите и так далее, и почивайте, дух ведь бодр, а плоть немощна».

Пройдя немного оттуда, мы попали на Елеонскую гору; тут лежит камень, с него Христос сел на осла. Оттуда мы пошли на вершину святой горы Елеонской. От Гефсимании до вершины Елеонской горы почти полторы версты, а от Иерусалима одна верста. На самой святой вершине место, где Христос стоял со своими учениками. И спросили его ученики о конце света. Он ответил: «Не может того знать ни Сын, ни кто другой, только один Отец».

На той вершине стоит большая церковь Вознесения Христова, пустая и запечатанная беззаконнейшими турками. В этой церкви устроен малый храм, а в малом храме перед царскими воротами лежит камень. С этого камня Христос вознесся на небо на глазах своих учеников; на камне этом отпечатались стопы Христа, и теперь лежит одна стопа Христова, видна и по сей день. Мы же, грешные, целовали ее.

От святого города Иерусалима до реки Иордана ... поприщ, здесь крестил Господа нашего Иисуса Христа Иоанн Предтеча. И тут на берегу большая церковь Богоявления Христа Бога нашего стоит пустая. С полверсты от этой церкви стоит монастырь Иоанна Предтечи, на том месте, где Иоанн Предтеча крестил неверных иудеев. В этом монастыре есть игумен и монахи. На праздник к вечерней службе игумен и священник этого монастыря приходят в церковь святого Богоявления и служат святую вечернюю службу, и всенощную, и заутреню, и обедню и снова уходят в свой монастырь. Там же весьма красивый монастырь преподобного и святого отца Герасима, которому служил лев.

Река Иордан протекает между гор, в быстром течении несет камни и впадает в Мертвое море; вода ее на вид будто желтовата; мы эту святую воду иорданскую пили.

Много в Иерусалиме и других святых мест поклонных; невозможно все их описать из-за большого количества и притеснения со стороны безбожных турок. Там же и Вифания, где Господь воскресил Лазаря. Там же и Кана

Тамо же и Кана Галилѣйская, идеже Господь нашъ Исусъ Христосъ на браку бысть и воду в вино претвори.* Тамо же и Вифсаида, от нея же святии апостоли Петръ Верховный и брат его Андрей Первозванный.* Тамо же и море Тивирядское, на нем же явися Исусъ по воскресении ученикомъ своим. И егда пред ними яде, якоже во Евангелии писано, и даша ему рыбы печены часть и от пчел сот, и взем пред ними яст.* Тамо же, отъ Иерусалима 15 стадий, село Еммаусъ; к немуже идушу Господу путемъ и бесѣдующу, с Лукою и Клеопою о страстех своих.* И иных святых мѣст тамо много, имже несть числа.

Галилейская, где Господь наш Иисус Христос был на свадьбе и воду в вино превратил. Там же и Вифсаида, из нее родом святые апостолы Петр Верховный и брат его Андрей Первозванный. Там же и озеро Тивериадское, на нем же явился Иисус ученикам своим по воскресении. И когда он ел перед ними, как написано в Евангелии, они подали ему часть печеной рыбы и сотового меда, и, взяв это, он ел перед ними. Там же, в пятнадцати стадиях от Иерусалима, село Эммаус; к которому шел Господь и дорбогой беседовал с Лукой и Клеопой о распятии своем. И других святых мест там много, нет им числа.

ПОВЕСТЬ О СПОРЕ ЖИЗНИ И СМЕРТИ

ПРЪНИЕ ЖИВОТУ С СМЕРТИЮ

Нѣкий человекъ воинъ удалецъ ѣздяше по полю чистому и по роздолию высокому. И прииде к нему смерть, и бѣ видѣние ея страшно, яко лев ревый, всячески страшна от человеческого устройства. Носящи же с собою оружия *всякия: мечь, ножи, пилы, рожны, серпы, оскорды и уды, иныя же незнаемая*, и ими же кознодѣйствует различными образы.

Сию же видивши смиренная ми душа устрашися велми. И азъ рекох ей: «Кто ты еси, лютый звѣрь? Образ твой страшенъ велми: подобие у тебя человеческое, а хождение звѣриное».

Рече ему смерть: «Пришла есми к тобѣ, хочу тя взяти».

Рече же человекъ той: «Да аз не хочу, а тебя не боюся».

Рече же ему смерть: «О человеце, о чем мя не боишися? Цари и князи, и воеводы, и святители меня боятся. Азъ есмь славна на земли, а ты меня не хочещи боятися».

Рече же ей человекъ той: «Да азъ есмь воинъ удалецъ, в ратномъ дѣле многия полки побиваю, а единъ от человекъ никто же может со мною побитися, ни противу стати на мя. А ты ко мнѣ едина пришла, а *оружия и* запасу с собою много носиши. Видишися мнѣ ты не удала, толко еси *страшна*: образъ твой страшит мя, уды моя во мнѣ трепещут на тебя смотря. Отиди от мене прочь, доколе ты не потну мечем моимъ».

Рече же ему смерть: «Аз есмь не силна, ни хороша, ни красна, толке сильных и красных побираю. Да скажу ти, человеце, послушай мене. От Адама и до сего дни сколке было богатырей удалых, а никтоже со мною не смѣлъ побитися, а и хоче ми ся того, хто бы со мною побил. Да еще скажу ти, послушай мене: от Адама и до сего дни сколке было людей, царей и князей, и владыкъ, женъ и девиць, то всѣх азъ побрала. Самсон сильный, не богатырь ли был, не сильнее ли тебе был? Тако говорил: „Аще бы было колце в землю вдѣлано и яз бы всѣмъ свѣтомъ поворотил”. Да аз и того взяла. Александръ, царь макидонский,* удал и храбръ *был*, и всему подсолнечному на земли царь и государь

ПОВЕСТЬ О СПОРЕ ЖИЗНИ И СМЕРТИ

СПОР ЖИЗНИ СО СМЕРТЬЮ

Некий человек, удалой воин, ездил по полю чистому, по раздолью широкому. И пришла к нему смерть, и был вид ее страшен, как у рыкающего льва, ужасен он для человеческой природы. Носит смерть с собой всякие орудия: меч, ножи, пилы, рожны, серпы, топоры и другие неведомые предметы, которыми по-разному вершит свои злодеяния.

Увидав ее, смиренная моя душа сильно устрашилась. И я спросил смерть: «Кто ты, лютый зверь? Очень уж страшен облик твой: вид у тебя человеческий, а поведение звериное».

Ответила ему смерть: «Пришла к тебе, хочу тебя взять».

Говорит тогда человек тот: «Да я не хочу, а тебя не боюсь».

Смерть же ему в ответ: «О человеце, почему меня не боишься? Цари и князья, и воеводы, и священнослужители меня боятся. Я славлюсь по всей земле, а ты меня не страшишься».

Говорит ей человек тот: «Ведь я удалой воин, в ратном деле многочисленными полками побеждаю, а в одиночку ни один человек не может со мною сразиться, ни выйти против меня. А ты ко мне одна пришла и всяких орудий с собой много носишь. Нет в тебе удали, только страшна: облик твой пугает меня, и все во мне трепещет, когда смотрю на тебя. Уходи от меня прочь, пока не пронзил тебя мечом своим».

Тогда говорит ему смерть: «Я ни сильна, ни хороша, ни пригожа, а вот сильных и пригожих забираю. Вот что скажу я тебе, человеце, послушай меня. От Адама и до сегодняшнего дня сколь много было богатырей удалых, а ведь никто не осмелился со мной сразиться, да и не знаю я никого, кто бы со мной сразиться мог. Да еще скажу тебе, послушай меня: от Адама и до сегодняшнего дня сколь много было людей, царей и князей, и священнослужителей, женщин и девиц, — всех их я забрала. Самсон сильный, не богатырь ли был, не сильнее ли тебя был? Так говорил он: „Если бы было кольцо в землю вделано, то я бы весь мир повернул“. А я и его взяла. Александр, царь македонский, удал и храбр

был, да и того яз взяла, аки единого от убогих. А царь Давидъ,* в пророцех пророкъ был, — да и того яз взяла. О человеце, не мудрее ты царя Соломона* — царь Соломонъ *хитр и мудр* был, да и той со мною не смѣл поговорити, и того яз взяла. Акирь Премудрый во Алевитцкомъ царствии,* не было такового мудреца ни под солнцем, да и тот со мною не смѣлъ поговорити, и азъ и того взяла. Да вѣдомо тебѣ, человеце, азъ есмь смерть, не посулица, богатства не збираю, а красна портища не ношу, а земныя славы не хошу, занеже есмь немилостива — издѣтска не навадилася милovati; и азъ не милую, не нарвлю ни часу, какъ пришел, такъ и возму».

И рече человекъ той: «Госпоже моя смерть, яви на мнѣ любление свое».

И рече ему смерть: «Никако же, человеце, занеже до всѣхъ любовь моя равна: какова до царя, такова и до князя, и до святителя, и до богата, и до нища. О человеце, аще бы яз збирала богатство, столке бы было у меня богатства всего много и несказанно! Занеже, человеце, азъ хожу аки тать в нощи, не сказываюся *никому*, занеже, человеце, слышах во Евангелии глаголетъ Господь: „Блюдитесь вы, не вѣдает бо ни единъ вас, коли тать придетъ в домъ его, аще бо вѣдал, крѣпко бы стерегль и не дал бы подкопывати храма своего.“* Тако и ты, человеце, *разумей*: берегися смерти на всяк час, доколе аз не пришла по тебя. А нынѣ, человеце, нѣсть ти помощи, занеже, человеце, — „В чем ты застану, в том ты и сужу“,*/— глаголетъ Господь».

Рече же человекъ той: «Госпоже моя смерть! Дай же ми, госпоже, да покаюся шедъ во град».

Рече же смерть: «Никакоже, человеце, не пушу ты, занеже мнози тако глаголют, человецы такоже. Егда азъ приступлю к ним, и они глаголютъ: „Господи, отпусти мнѣ, да покаюся“, — и азъ полегчаю, чтобы покался, и он, отшед, да то же творит, а меня забудет, чае себѣ ни во что же. Уже, человеце, живот твой коротается, конецъ близокъ есть, а солнце твое зашло есть».

Тогда же начя человекъ той рыдати, захлипяся плакати и многи жалостныя словеса изглаголати. И рече: «Госпоже моя смерть! Дай же, госпоже, да шед приуготовлю погребалная: срачицу и саванъ и ина, яже на потребу тѣлу своему».

Рече же смерть: «Никакоже, человеце, не отпущу ты».

И начя человекъ рыдати и стенати, от сердца убиватися, глаголя: «Ох, ох! Смерть злодѣю, кто ты можешь убежати? Увы, увy мнѣ, не готов есмь, горе мнѣ грѣшному, пришел немилостивый злодѣй по меня! По правдѣ дано имя ей смерть, о немилосердию твоему, злодѣю!»

Она же, смерть, приступив к нему, *подсече ему ноги косою* и, взя серпъ, и захвати за шею его и взят малый оскордецъ и начат отсекасти нозы, потом и руцы. И инымъ оружиемъ вся составы моя и инымъ иная, инако соузы моя

был и всему подсолнечному миру царем и государем стал, а я и его взяла, как одного из убогих. А царь Давид, среди пророков пророк, — а я и его взяла. О человеке, не мудрее ты царя Соломона — царь Соломон разумным и мудрым был, да и тот со мной не смел поспорить, и его я взяла. Акир Премудрый в Алевитском царстве, не было под солнцем другого такого мудреца, да и тот со мной не смел поспорить, а я и его взяла. Да знаешь ли ты, человеке, что я, смерть, — не взяточница, богатства не коплю, а нарядных одежд не ношу, а земной славы не ищу, потому что немилостива — с детства не приучилась милывать: и я не милую, не делаю отсрочки ни на минуту, а как приду, так и возьму».

И говорит человек тот: «Госпожа моя смерть, будь благосклонна ко мне».

И говорит ему смерть: «Невозможно это, человеке, потому что ко всем моя благосклонность одинакова: какова к царю, такова и к князю, и к священнослужителю, и к богатому, и к бедному. О человеке, если бы я собирала богатства, то столько набралось бы у меня богатства всего мира, что и сказать нельзя! Потому так, человеке, что хожу я, аки тать в ночи, никого не предупреждаю, ибо, человеке, слышала, что говорит Господь в Евангелии: „Остерегайтесь, ни один из вас не знает, когда тать придет в дом его; если бы знал, крепко бы стерег и не дал бы проникнуть в дом свой“. Так и ты, человеке, знай: берегись смерти каждый час, пока я не пришла за тобой. А теперь, человеке, неоткуда ждать тебе помощи, потому что, человеке, — „В чем тебя застану, в том и сужу“, — говорит Господь».

Сказал тогда человек тот: «Госпожа моя смерть! Разреши мне, госпожа, пойти в город и покаяться».

Ответила ему смерть: «Нет, человеке, не пушу тебя, потому что многие люди так же говорят. Когда я прихожу к ним, то они говорят: „Господи, отпусти меня, чтобы покаяться“, — и я отпускаю, чтобы покаяться, и он, освободившись, поступает по-прежнему, а про меня забывает, думает, что с ним ничего не случится. Уже, человеке, жизнь твоя пресекается, близок конец твой, а солнце твое зашло».

Тогда человек этот начал рыдать, плакать взахлеб и много жалобных слов произнес. И говорит он: «Госпожа моя смерть! Разреши, госпожа, пойду и приготовлю сорочку и саван и все другое необходимое для погребения тела моего».

Говорит ему смерть: «Нет, человеке, не отпускаю тебя».

И начал человек рыдать и стенать в сердечной тоске, так говоря: «Ох, ох, ох! Смерть-злодейка, кто тебя может избежать? Увы, увy мне, не готов я, о горе мне, грешному, пришел за мной неумолимый злодей! По праву дано ей имя смерть, о, немилосердная злодейка!»

Смерть же, подступив к нему, подсекла ему ноги косою и, взяв серп, схватила его за шею, взяла маленький топор и начала отсекать ноги, а потом и руки. И иными орудиями стала дробить все части тела моего, одними одни,

телесныя и члѣны тѣла моего, и жилы оклячѣша, истерза два десят ногтей моихъ. И абие не реку, но омертвѣ все тѣло мое, ни двинутися не могох никако же от страха, всѣми оружии кознодѣйствует надо мною. Таже возьмъ теслу и сечет главу мою. И по сем налия в чашу, не вѣм что в ней, не разумѣю никагоже, дасть ми пити — мнѣ же не хотящу. Тако же, братие, столь бѣ горко в той час и тошно, не мочно и сказати беды тоя великия.

И отторже ми душу и скоро искочи из мене, ис тѣла, яко птица от тенета. И абие краснии они уноши взяша *душу мою* на руку свою и держаста, а възрѣх воспать и видѣх тѣло мое лежаще бездушью и недвижимо, якоже кто совлекъ с себя ризу свою и поверже ю, и стоя зря на ню. Тако же аз видѣлъ тѣло свое велми гнусно, яко стерво смрадость от него злая. Якоже кто ис себе выпустит кал да гнушается его и бежит от него, тако же человеческое естество мертво и ненавидѣмо всѣми. Аминь.

а другими другие члены тела моего, и окоченели жилы мои, и вырвала она двадцать ногтей моих. И отняла язык, и омертвело все тело мое, не мог никак пошевелинуться от страха перед всеми орудиями, которыми терзала она меня. Потом взяла она топор острый и отрубила голову мою. После этого налила чего-то в чашу, а чего — не знаю и не ведаю, и дала мне пить против моего желания. Так ведь, братья, столь было горько и тошно в это время, что и описать нельзя беду эту великую.

И исторгнула мою душу, и стремительно вылетела душа из меня, из тела моего, как птица из тенет. И тотчас прекрасные юноши взяли душу мою на руки свои и держали ее, а я оглянулся назад и увидел тело мое, лежащее бездушно и неподвижно, как если бы кто-нибудь снял с себя одежду свою и бросил ее и стоял бы и смотрел на нее. Так и я видел тело свое очень гнусным, от которого, как от трупа, исходил ужасный смрад. Так же как кто-нибудь испустил из себя нечистоты и, гнушаясь их, отбежал прочь, так и мертвая человеческая плоть омерзительна. Аминь.

ИЗ «ИЗМАРАГДА»

СЛОВО ИОАНА ЗЛАТОУСТАГО,* КАКО НЕ ЛЪНИТИСЯ КНИГИ ЧЕСТИ

Мнози непочитанием божественных писаний с праваго пути съвратишася и, заблудивше, погибоша. Инии же и книги почитающе, но съвершена не имяху разума, съ праваго пути совратишася, Богу попустившу, величия ради ихъ, зане разумъ приемше, а правды не творят самохотием.

Мужъ бо книженъ, а пьянчив не может *направитися* на истинну спасения. Аще кто не умѣя книгъ мудруеть, таковый подобенъ оплоту без подпоръ стоящу: аще будетъ вѣтръ, то падется. Тако и мудруя, а не книжник, аще не на грѣховный пахнетъ вѣтръ, падет, не имый подпора словесъ книжных, и *мудростей* книги. Аще то ся обое мнить в человекѣ, то яко очи обѣ в тѣлѣ свершено имуще глядят. Птицам бо того ради крилѣ данѣ, да сътей челоувѣческих избѣжать, а челоувѣком книги — яже всю неприязнену лесь обнажают. Мнози бо суть козни лукаваго дьявола, имиже уловляет челоувѣки: ового бо гнѣвом надывает, а иного завистию устрѣляетъ, иного же на татбу и обидѣти учят, а иных на позоры и на игры, и на плясание потычют, а иного на пьянство и на блуд ласкають, а иныя на гордость остряют и скупости учят, а иного на кощуны, и на плескание, и на пѣсни, и на гусли поучають, а иных лѣнностью *окрадают*, да къ церкви быша не приходили.

Многи бо съблажняют, хотя нас Бога отлучити и царства *небеснаго* чужа сотворити. Богъ челоувѣкомъ открь святыми книгами вся соблажнення лукаваго дьявола, да не прелстить боящихся его. И на дьявола дарова честный крестъ, а на съти его — святяя книги, ихже послушающе и сотворяюще реченная получим жизнь вѣчную и со святыми веселие о Христе Иусе Господѣ *нашемъ*.

ИЗ «ИЗМАРАГДА»

СЛОВО ИОАННА ЗЛАТОУСТА, КАК, НЕ ЛЕНЯСЬ, ЧИТАТЬ КНИГИ (ГЛАВА 4)

Многие из-за того, что не читают божественных писаний, с пути истинного совратились и, заблудшие, погибли. Другие же, и читая книги, но не обладая умом совершенным, с пути истинного совратились; допустил это Бог за гордыню их, ибо, разумом обладая, по своеволию своему не творят дел праведных.

Если муж книжник, но пьяница, то не может он обрести путь к истинному спасению. А если кто, смысла книг не понимая, мудрствует, то такой подобен стене, без опор стоящей: если подует ветер, то рухнет. Так и тот, кто мудрствует, а не книжник, — если подует на него ветер греховный, то падет, не имея опоры в словах книжных и в мудрости книжной. Если же и то и другое видится в человеке, то это — словно два глаза в теле, глядящие зорко. Птицам для того даны крылья, чтобы избежать силков, расставляемых людьми, а людям — книги, чтобы обнажить перед ними весь обман дьявольский. Много ведь козней творит коварный дьявол, чтобы совратить человека: одного гневом наполняет, а другого поражает стрелой зависти, иного толкает на воровство и на обиды другим, а иных созывает на зрелища, и на игры, и на пляски, а иных влечет к пьянству и блуду, а в иных спесь обостряет и скупости их учит, а иного — на вздорные рассказы и на пение под хлопанье в ладоши толкают и к гуслиам влекут, а иных ленью опутывают, чтобы не ходили в церковь.

Многих соблазняют, стремясь нас от Бога отлучить и отвратить нас от царства небесного. Бог святыми книгами открыл людям все соблазны коварного дьявола, чтобы не прельстил тот боящихся Бога. И против дьявола даровал нам честной крест, а против сетей его — святыя книги, слушая которые и творя сказанное в них, обретем мы жизнь вечную и со святыми ликовать во Христе Иисусе, Господе нашем.

СЛОВО СВЯТАГО НИФОНТА* О РУСАЛИЯХЪ*

Иногда бысть идушу блаженному Нифонту въ церковь святяя Богородица на утреню, и видѣ мимо церковь идуща дѣмона, иже бѣсом бысть князь, и с нимъ 12 бѣсовъ. И слышавше церковное пѣние и ужасошася, и исполнишася ярости, и поносиша князю своему, глаголюще: «Видиши ли, како ти ся славить Исус от рабѣ своих! Се убо пѣние слышаще токмо ужасъ прият нас. Горе намъ, оканным, яко сила и крѣпость наша погибе. Доколе царь нашъ с нами бѣ, крѣпцѣ побѣжахомъ християны, но егда жиды вооруже на Исуса, и распяша ѱ, оттоле бысть сокрушенна сила наша. Исус бо, связавъ его, во огненѣ глубинѣ повелѣтъ утвердити.* Оттолѣ сила царя нашего сокрушися и наша надежа попрана бысть». Се бѣси князю своему *поносяще*. Он же рече к нимъ: «О семъ ли вы печаль имѣете, иже славимъ Исус во церкви *Мариинѣ*? *Худо* о семъ скорбите. В мал час минуется, а нас *многи славят* мирскими пѣсньми и плясании. А нынѣ мало пождите, узрите, иже славити начнутъ нас, а о Исусе не брещи».

Бысть же по обѣднѣ, поиде чловѣкъ, скача съ сопѣлми, и по немъ много народ, овии поуще, и *плещуще*, а инии пляшуще. И се окаяннии бѣси видѣвше возрадовашеся радостию великою и начаша и ти лстити — овии на игры и на плясание, инья на пѣсни. И се богатъ муж зряше ис полаты, и того наустити бѣсъ, и велѣтъ пред собою играти и плясати. И возмъ сребряницу, дасть ю сопѣлнику. Онъ же во чпагъ вложи ю. Бѣси же, иземше ю, и послаша ко отцу своему сотонѣ в бездну ити. И ркуще посланному бѣсу: «Шед, рци отцу нашему, тамо связанному Исусомъ Назаряниномъ: Се ти даръ послал Алазионъ князь. Буди ти в честь, отче, мы твои раби, и многи соблазнихом крестияны, вороги наша». Сеи рекшу, даша диаволу сребро и мѣдь, иже игры дѣля *сопѣлнику* даяху. Симъ лукавии бѣси величухася.

Дошед же посланный бѣсъ, вниде во адово жилище, принесе пагубныя дары сотонѣ. *Он же*, примъ, велми обвеселися, рече: «Всегда от кумирслужения жертву приемлю, но не могут мя *такъ* обвеселити, якоже сии, от крестиян приносимая». Си изрекъ сотана, паки *возврати* посланному бѣсу, иже бѣ принеслъ, и рече ему: «Шед, и понужайте крестьян на игры и на плясания и на иная, иже ми в любви суть». И скоро вниде бѣсъ к пославшимъ его и повѣда имъ сотонино речение, и паки сребро и мѣдь во *чпагъ* вложи Оптиолу сопѣлнику. И тако отидоша прелщати инѣх чловѣкъ.

Сии вся Нифонтъ блаженный душевными очима видѣ, и плакаше о прелести християнстей, учаще многих игры оставляти, на позоры их не ходити, яко бо труба собираетъ вои, тако книги чтомы аггелы Божиа собирають, а сопѣли и гусли збирают около себе студныя бѣсы, любяи же сопѣли и гусли сотонѣ

СЛОВО СВЯТОГО НИФОНТА О РУСАЛИЯХ (ГЛАВА 33)

Однажды шел блаженный Нифонт в церковь святой Богородицы на заутреню и увидел идущего мимо церкви демона, князя бесам, и с ним двенадцать бесов. И они, услышав церковное пение, пришли в ужас и в ярость и стали поносить князя своего, говоря ему: «Видишь ли, как славим Иисус рабами своими! Когда слышим мы пение это, лишь ужас охватывает нас. Горе нам, окаянным, ибо сила и крепость наша погибли. Пока царь наш был с нами, успешно одолевали мы христиан, но когда поднялись евреи против Христа и распяли его, с тех пор сокрушена сила наша. Иисус ведь, связав его, в огненной преисподне повелел его заточить. С той поры сила царя нашего сокрушилась и надежда наша растоптана». Так бесы укоряли князя своего. Он же сказал им: «О том ли вы печалитесь, что славим Иисуса в церкви Марииной? Напрасно об этом скорбите. Очень скоро все переменится, а нас многие станут славить мирскими песнями и плясками. И теперь подождите немного, увидите, что славить начнут нас, а о Иисусе и не вспомнят».

И после обедни случилось так, что пошел человек, приплясывая под звуки сопели, и за ним — множество народа: одни пели и в ладоши били, а другие плясали. И, увидев это, окаянные бесы обрадовались радостью великой и начали прельщать тех — кого на игры и на пляски, а кого — на песни. А некий муж богатый смотрел из палат своих, и подучил его бес — велел перед собой играть и плясать. И, достав серебряную монету, дал ее музыканту. Тот же положил ее в суму. А бесы, вытащив ее, послали к отцу своему сатане в бездну. И сказали посланному бесу: «Иди и скажи отцу нашему, связанному там Иисусом Назарянином: „Этот дар послал тебе Алазион-князь. Будет он тебе в знак чести, отец, мы — рабы твои и многих соблазнили христиан, врагов наших”». И сказав так, вручили бесу серебро и медь, полученные музыкантом за игру. И возгордились этим коварные бесы.

Дойдя до адского жилища, вошел туда посланный бес и принес пагубные дары сатане. Тот же, взяв, очень обрадовался и сказал: «Всегда получаю я жертву от поклоняющихся идолам, но не могут они меня так порадовать, как эти (дары) — принесенные от христиан». Так изрек сатана и вернул посланному к нему бесу все, что тот принес ему, и сказал: «Иди, и призывайте христиан к играм, и к пляскам, и к иному, мною любимому». И поспешил бес к пославшим его, и поведал им слова сатаны, и серебро и медь снова вложил в суму Оптиолу-музыканту. Бесы же отправились искушать и других людей.

Все это блаженный Нифонт видел очами сердца своего, и сетовал о заблуждениях христиан, и многих наставлял, чтобы сторонились игр и не ходили смотреть на них, ибо как труба собирает воинов, так чтение книг ангелов Божьих собирает, а сопели и гусли собирают вокруг себя бесстыдных

честь творить, иже чтят и дарятъ — то бѣсу даютъ лукавому. Аще кто не останеть творения сего проклятаго, с невѣрными осудится и кумирслужебники. Богу нашему слава!

СЛОВО ОТ ПАТЕРИКА, ЯКО НЕ ДОСТОИТ ОТИТТИ ОТ ЦЕРКВИ, ЕГДА ПОЮТЬ

Иже древле бысть се, повѣдая нам нѣкто от вѣрных. Бѣ муж етерь *богобоязливъ*, и той сына имѣ единого. И бысть во странѣ той гладъ крѣпокъ. Оскудѣ богобоязливый муж и рече сынови своему: «Чадо, видиши ли, яко осиротѣхомъ: не имам, что ясти. Хочещи ли, да тя продамъ, да и ты будещи живъ, и твоя родителя гладомъ не умревѣ». И глагола ему сынъ: «Твори, отче, еже хочещи». Отецъ же, поймъ, веде ко единому от вельможъ и взятъ цѣну на сынъ своемъ. И рече ему: «Чадо мое! Си заповѣдаю ти: егда ти будетъ служба во святѣй церкви, не мози отити, доколѣ кончають». То рекъ, отиде в домъ свой. Отрокъ же послушливый свершаше отца своего повелѣние.

И минувшу лѣту, видѣ госпожу свою творящу блуд съ слугою. И никому сего не повѣда, но моляше Бога, да има грѣх оставит. Госпожа же его исполнишися гнѣва, срама не терпящи, глаголя к мужеву своему: «Сий новокупленный рабъ нѣсть добръ: о главѣ бо твоей мыслить. Да лѣпо его убити, *неже* онъ — тебе, моего живота». Сии блудная лъстивая жена мужу своему глаголаше. Онъ же, лукавая ея слышавъ словеса, и ятъ вѣру, и осуди праведнаго умрети, а онъ не вѣдаяше. И совѣщася со епархомъ:* егоже ти с убрисомъ пошлю, того постѣци главу, и даси ю, кто ти по немъ приидеть. А не нарече именемъ ни единого слуги. И пришед в домъ, посла ѱ, праведна, и давъ ему убрис. Он же, не вѣдаяше, на смерть идяй. Бысть же ему идущу мимо церковь, слыша божественую пѣснь поему. Воспомянувъ отца своего наказание, ста во церкви и жды совершения службы.

Госпожа же его, гнѣвомъ одержима, ускори послати виноватаго к мечнику. Той же иде и видѣ друга си въ церкви стояща. Той рече ему: «Камо идещи?» *Посланный же рече*: «К мечнику реченно ми итти». И той глагола: «И азъ к тому же есмь посланъ с симъ убрисомъ. Неси ты, да не оба ся трудива». Он же убрисъ возьмъ, иде. *И* в той чяс усѣкну мечникъ главу виноватаго и въ убрис обвить ю.

Свершенъ же бывши божественей службѣ во церкви, прииде *праведный* онъ отрок к мечнику. Онъ же, главу возьмъ, дастъ ю, рек: «Неси господину своему». Госпожа же и господинъ удивистася, яко посланный на смерть прииде

бесов, а любящий сопели и гусли сатану славит, а кто чтит и одаривает музыкантов — тот беса коварного одаривает. Если кто не оставит деяний этих проклятых, то осужден будет с иноверцами и с идолопоклонниками. Богу нашему слава!

СЛОВО ИЗ ПАТЕРИКА, КАК НЕ СЛЕДУЕТ ПОКИДАТЬ ЦЕРКОВЬ, КОГДА ТАМ ПОЮТ (ГЛАВА 38)

О том, что случилось в древности, поведал нам некто из благоверных. Был некий муж богобоязненный, и имел он единственного сына. А в стране той был сильный голод. Обнищал богобоязненный муж и сказал сыну своему: «Чадо, видишь, как обеднели: нечего у меня есть. Если хочешь, продам я тебя, и ты будешь жив, и родители твои не умрут от голода». И сказал ему сын: «Делай, отец, как хочешь». Отец же, взяв с собой сына, отвел его к одному из вельмож и получил деньги за сына своего. И сказал ему: «Чадо мое! Вот что завещаю тебе: когда идет служба в святой церкви, не посмей покинуть ее, пока не окончится». Сказав так, возвратился в дом свой. Послушный же отрок следовал завету отца своего.

По прошествии года увидел он как-то госпожу свою блудящей со слугою. Никому о том не поведал, но молил Бога, чтобы простил тем грех их. Однако госпожу его охватил гнев, и она, не в силах перенести позор свой, сказала мужу своему: «Этот новокупленный раб не надежен, ибо замышляет убить тебя. Так лучше его убить, чем он убьет тебя — жизнь мою». Так говорила коварная и блудливая жена своему мужу. Он же, лживые ее слова услышав, поверил им и приговорил праведного к смерти, а тот и не догадывался. И договорился с епархом: кого пришлю к тебе с полотенцем, тому отруби голову и отдай ее тому, кто придет к тебе вслед за ним. А имени не назвал ни одного из слуг. И, вернувшись домой, послал его, праведника, вручив ему полотенце. Он же, ничего не зная, пошел на смерть. И случилось ему проходить мимо церкви, и услышал пение божественной песни. Вспомнил он о завете отца своего, стал в церкви, ожидая окончания службы.

Госпожа же его, распаляемая гневом, поспешила послать к палачу виноватого. Тот же пошел и увидел друга своего, стоящего в церкви. Спросил тот этого: «Куда идешь?» Посланный же сказал: «Велено мне к палачу идти». И другой сказал: «И я к тому же послан с полотенцем этим. Отнеси ты, что мы будем оба трудиться». Тот же, взяв полотенце, пошел. И в тот же час отрубил палач голову виноватого и завернул ее в полотенце.

Когда же окончилась божественная служба в церкви, пришел к палачу и праведный тот отрок. Палач же, взяв голову, отдал ему и сказал: «Отнеси к господину своему». Госпожа же и господин удивились, что вернулся живым

живъ, а иже по главу иде, той умре. И воспросиша ѱ. Отрокъ же повѣдаша пред всѣми: «Аз не ослушахся отца своего заповѣди, стахъ во церкви до свершения службы. Поиде другъ мой скоро, и да ему убрис. Сей умре злѣ, аз же приидох живъ». И вси прославиша Бога, яко соблюденъ бысть отрокъ от смерти, створивъ заповѣдь отчю, а виноватый злѣ умре.

Се же, братие и сестры, слышаше, не мозѣте исходити из церкви преже конца пѣнию, паче же в час литургия, да избавлени будете бѣдъ, добръ поживете. Богу нашему *слава!*

СЛОВО ОТ ПРИТЧИ И О НАКАЗАНИИ ДѢТЕЙ РОДИТЕЛЕМЪ

Благослови, отче!

Человѣци, внимлите извѣсто о глаголемыхъ: «Кажите измлада дѣти своя». Глаголетъ бо Божиа премудрость: «Любяи сына своего жезла на нь не щадить. Накажай его во уности, да на старость упокоит тя. Аще ли измала не накажеш, то, ожесточавъ, не повинит ти ся». Глаголетъ же в 4-х Царствних* сице: «Ерей бѣ нѣкто именемъ Илия, смиренъ и кротокъ велми. Имяше два сына, еюже не казняше, аще и злое творяста, ни на страх Божий учае, но волю има бѣ далъ. Она же в буести, в ненаказании все зло творяста. И рече Богъ ко Илии: „Понеже не наказа сыну своею, да оба сына твоя умрета от меча. И ты сам и весь домъ твой злѣ погибнуть сыну дѣля твоею”».*

Слышите, братие: «Аще богоугодно поживете, но иже дѣтей страху Божию не наказал, за то погibe». Да аще в Ветсѣмъ законѣ то бысть, а мы что приемемъ, в Новѣм законѣ будуще? Аще кто не накажет дѣтей — Златословесный бо глаголетъ: «Аще кто дѣтей своих не учить воли Божии, то лютесть есть разбойника осудится: убийца бо тѣло умертвить, а родители, аще не учать, то душу губять». Но вы, убо, братие и сестры, наказайте измлада дѣти своя на закон Божий, да страхъ Божий вкоренится в них. Аще ли не послушают твои дѣти, то не пощади ѱ. Якоже мудрость Божиа глаголетъ: «6 ранъ или 12 сыну или дщери. Аще ли зла вина, то 20 ранъ плетю». Наказайте убо дѣти своа Бога бояться, а злыхъ нравъ остати, да помощь души вашей будет. Не оставляй наказая дѣти си. Аще бо жезломъ бьеша — не умрет, но паче здравие будетъ. Душю его спасеша, аще накажеша. Дщери ли имаши — положи на них грозу, да соблюдеша я от телесных, не срамит ти ся лице, аще бес порока дщерь свою отдаси, и срѣдѣ сбора похвалишися о ней. Любяй же сына своего, учащай ему раны, и да напоследѣи о немъ возвеселишися, и среди знаемых похвалу примеша. Воспитаи дѣтище в наказании, да обрящеша славу и благословение от Бога. Не дай же во уности воли дѣтишу, но казни, дондеже растеть. Егда, ожесточавъ,

посланный на смерть, а пошедший за головой его — умер. И расспросили его. Отрок же рассказал перед всеми: «Я не ослушался завета отца своего, простоял в церкви до окончания службы. Друг мой поспешил, и я отдал ему полотенце. Он погиб страшной смертью, а я вернулся живым». И все прославили Бога, что спасся отрок от смерти, соблюдая заповедь отца, а виновный умер страшной смертью.

Об этом, братья и сестры, услышав, не покидайте церкви прежде окончания службы, а особенно во время литургии, и будете избавлены от бед и благополучно проживете. Богу нашему слава!

СЛОВО ИЗ ПРИТЧИ И О ВОСПИТАНИИ ДЕТЕЙ РОДИТЕЛЯМИ (ГЛАВА 53)

Благослови, отче!

Люди, внимательно вслушайтесь в сказанное: «Наказывайте смолоду детей своих». Вещает премудрость Божья: «Любящий сына своего палки для него не пожалеет. Наказывай его в юности, чтобы он принес тебе покой в старости. Если же смолоду не накажешь, то ожесточится и не покорится». Рассказывается же в книгах Четырех царств такое: «Был некий иерей по имени Илья, смиренный и очень кроткий. И было у него два сына, которых не наказывал он, когда и зло творили, не учил их страху Божьему, но давал им во всем волю. Они же, в буйстве и не ведая наказания, всегда зло творили. И сказал Бог Илье: „Раз не воспитал ты сыновей своих, то оба сына твоих от меча погибнут. И ты сам, и весь дом твой страшно пострадаете из-за сыновей твоих”».

Послушайте, братья: «Хотя бы и богоугодно вы жили, но если кто из вас не наставлял детей своих в страхе Божьем, то за это пострадает». Да если и в Ветхом завете это было, то что же нам следует принять, в Новом завете живущим? Если кто не наказывает своих детей, то (как говорит об этом Златоуст): «Если кто детей своих не учит покоряться воле Божьей, то осужден будет суровее, чем разбойник: убийца ведь тело умертвляет, а родители, не воспитывающие детей, душу губят». Но вы, братья и сестры, наставляйте смолоду детей своих в законе Божьем, чтобы страх Божий укоренился в них. Если же не слушаются тебя твои дети, то не щади их. Как вещает божественная премудрость: «Шесть ударов или двенадцать — сыну или дочери. Если же велика провинность, то двадцать ударов плетью». Учите же детей своих Бога бояться, а дурных обычаев избегать, и будет это в помощь душе вашей. Не оставляйте детей без наказания. Если и палкой побьешь — не умрет, но еще здоровее будет. Душу его спасешь, если накажешь. Имеешь ли ты дочерей — держи их в страхе, чтобы оградить их от плотского, не будет посрамлено лицо твое, если выдашь дочь свою замуж непорочной, и перед всеми похвалишься ею. Если же любишь сына своего, бей его часто, и тогда впоследствии порадует он тебя и хвалы удостоишься

не повинит ти ся и будет ти от него досада люта, и болѣзнь души, и скорбь не мала, и тщета домови, и погибель имѣнию, и укорь от сусед, посмѣх пред враги, и пред властели платеж, и зла досада.

Того ради, братие и сестры, наказайте дѣти своя не словомъ, но и раню. Да нынѣ не примете про нихъ от людей срама, а в будущий вѣкъ муки с ними.

СЛОВО ИОАННА ЗЛАТОУСТАГО О НЕ ВСТАЮЩИХ НА УТРЕННЮЮ

Иже в лѣности кто в житии сем пребываетъ, той не спасется. Аще бо ся облениши на утренюю встати, не дай же ясти тѣлу своему день той до вечера. Писано бо есть: «Праздный да не ясть».* Яко бо кто крадетъ — вину на ся имат. Тако вину причитаеть Богъ не встающему на заутренюю к церкви, развѣ недуга ради и труда велика дѣля, обаче и от недужнаго и труднаго истязаетъ Богъ (...) молитвы и службы духовныя. Да никто извѣта иматъ, яко в миру живый с женою и з дѣтми, и печаль о дому имѣя, не глаголите: «Не могу Богу угодити». Видим бо много угодники Божиа в миру и заповѣди его творяще. Давидъ не бѣ ли богатъ, или не царь ли, се Богу глаголаше: «Седмижды днемъ хвалихъ тя и паки полунощи всташъ исповѣдатися тебѣ». Да аще царь сый седмижды днемъ пѣлъ Бога, и полунощи встал и моляся Богу, а толико имый печаль, мы же како будем помиловани живуще в *лготѣ*. а лѣнимся к церкви на утренюю и на литоргию и на вечерню.

Что твориши, о человекѣ, бесчинно и скарѣдо живый, час молитвенный пропивая, нравъ поганых любя, тѣх бо есть веселие еже упиватися, а християном егда обѣдати, тогда и пити. А ты весь день сѣдиши, губя питием, и ни телесных могий орудий творити, ни душевных, но вся на питие предавая, и душу и тѣло губяй. Реченно бо в законъ ясти и пити и в подобно время, а не в пьянство. Мнози же пиюще весь день губят, аки безсловеснии скоти и звѣри, не чающе суда, ни Бога вѣдуще. И ти смѣют ны ся, яко и мы несмыслено сего не творим, а человекѣ сии насыти, егда не имут покоя пиюще, лиют яко во утель сосуд, донелѣже возбѣснѣют от пьянства.

Двѣ бо пьянству различии. Едино же мнози хвалятъ глаголюще: той пьяница, иже упивася спитъ, яко мертвецъ. И яко болван валяется, и много осквернитъся и, домочився, смердит. И лежит в годъ заутренний, не мога ни главы возвести, рыгая, смердя от многа пития, разслабле свое тѣло мокро. И до горла, яко мѣх, налився. Чим отдѣленъ от поганых таковой? Видите, коль

от всех знающих тебя. Воспитай чадо свое в строгости и обретешь почет и благословение от Бога. Не дай в юности воли чаду, но наказывай его, пока растет. Иначе, огрубев, не станет слушать тебя и будут тебе от него огорчения великие, и мука душевная, и скорбь немалая, и дома разорение, и богатства утрата, и укоры соседей, и позор перед недругами, и штрафы властелинам, и горькая обида.

Поэтому, братья и сестры, наказывайте детей своих не только словом, но и побоями. Тогда и ныне не будете ими посрамлены перед людьми и в будущий век не примете мук с ними.

СЛОВО ИОАННА ЗЛАТОУСТА О ТЕХ, КТО НЕ ВСТАЕТ НА ЗАУТРЕНЮ (ГЛАВА 71)

Кто в жизни своей в лености пребывает, тот не спасется. Если поленишься встать к заутрене, то лиши тело свое еды в тот день до вечера. Написано же: «Праздний да не ест». Если же кто крадет — тот вину на себя берет. Так же вину возлагает Бог на тех, кто не встает к заутрене в церкви, если только не помешала тому болезнь или горе великое, но и от больного и от несчастного ждет Бог молитвы и служения душевного. Да никто пусть не осудит живущего в миру, с женой и с детьми, и в заботах о доме; не говорите: «Не могу Богу угодить». Видим мы многих угодников Божьих и в миру заповеди его творящих. Разве не был Давид богат, не царь ли он был, но так Богу говорил: «Семь раз на день славил тебя и снова, встав в полночи, исповедался тебе». Так, если бывший царем семь раз на день воспевал Бога и, в полночи встав, молился Богу, а столько горя перенес, то как же мы будем прощены, живущие в довольстве, если ленимся в церковь идти к заутрене, и на литургию, и на вечерню.

Что творишь ты, человек, беспутно и мерзко живущий, пропивающий час молитвы, любящий обычай неверных, ибо для тех веселье в пьянстве, а христианам следует — когда обедаешь, тогда и пить. А ты весь день сидишь, губя себя пьянством, и не способен к делам физическим и душевным, все в пьянстве растратив и душу и тело губя. Сказано ведь в законе: есть и пить следует в положенное время, а не пьянствовать. Многие же, пьянствуя, весь день губят, словно они — бессловесные скоты и звери, которые не думают о возмездии и Бога не знают. И не смеются ли они над нами: и мы, мол, несмысленные, того не творим, что делают эти люди ненасытные, покоя не знающие пьяницы, что льют в себя, словно в бездонный сосуд, пока не взбесятся от пьянства.

Два различных вида есть пьянства. И многие хвалят один из них, говоря: (уж лучше) тот пьяница, который, упившись, спит, словно мертвец. И словно идол валяется, и весь в грязи, и обмочится, и воняет. И лежит в час заутрени не в силах и головы поднять, рыгая, воняя от чрез меру выпитого, обмякший и потный. И до горла, точно мех, налит. Чем отличается от иноверцев такой?

зло есть пьянство. Аще бо кто в том умрет, с погаными осудится. А деряживый пьяница, иже биется и сварится, и лаеть говъющим, и боголюбцем поносит и укоряет. И аще властель есть — лютьѣ: вся бо повинуты хочет своей пагубе, бояся говъющих укора, их ненавидит, ему подобныя любить, иже потаквы творят ему, блазняще ѱ. Аще в сих пребывающа смерть приметъ и с кумиро-служебники осудятся.

СЛОВО БЛАЖЕННАГО ЕВСЕВИА АРХИЕПИСКОПА О УТОПАЮЩИХ

В лѣтъ во единъ от дний челоувѣкъ, превозяся рѣку, утопе. Да овии глаголаху: «По дѣлом восприял есть», а инии вѣщаху: «Смерть прииде ему». О семъ царь Александръ воспроси блаженнаго Евсѣвѣна епископа.

К нему же Евсѣвей рече: «Ни единъ же от сихъ обрѣте истинны. Аще бы кто же по дѣлом принималъ, то весь бы миръ злѣ погиблъ, но диаволь не сердцевидецъ, но *назиратель* и уховолок и смотритель челоувѣчи смерти. И тако погубити ловить, да сѣтию его напишется смерть. Егда бо диаволь увѣсть смерть челоувѣку, възбыстрит, ли сваръ, или гнѣвъ приводя, ли ярость, да от мала ударения челоувѣкъ умрет. Или понудити его в день весны преити рѣку, или во ину напасть чрез подобу ввержетъ его и своєю сѣтию устроить ему смерть.

Но разумѣй и вижь, како без милости нѣкия челоувѣки бьютъ и оружиемъ сѣкутъ, но не умирають, и паки же случится: нѣкто, мало ударень, смерти вскорѣ предастъ. И сему подобно есть, аще в зимный чяс кто и в лютый мразъ из дому изыдетъ и на пути от мраза умрет — самоволною смертию умираютъ таковии. Аще ли кто в тихо изыдетъ из дому, и на пути приметъ бѣду, и мѣста не будетъ, гдѣ съкрытися, то таковыи мученическою смертию умирают. И паки: аще кто придетъ на реку и обрящеть ю волнами мутиму, не преходящу чрезъ ю никому же, той же надѣяся своєю дерзостию преити и, вшед в напасть, скоро умрет, то о таковѣм и приноса в церковь не достоинъ принести: сам бо убийца себѣ есть. Аще кто, разбой лютый услышавъ на нѣкоемъ распутии, и поидеть, яко мужаяся, тѣмъ путемъ, аще убьютъ ѱ, то убийца же себе есть. И аще кто в вязнемъ бою убит или удавится, своєю волею умирають тии, ни погребати таковых не достоинъ, ни приноса в церковь от них, рече, не приносити: сами бо губили ся суть. Аще же кого изнезапы бѣда приметъ, или утонеть, или убьют, или на кого невидѣние прилучится, то мученическою смертию умирають таковии».

Видите, какое зло пьянство. Если кто пьяницей умрет, тот с иноверцами осужден будет. А бывает драчливый пьяница: дерется он, и сквернословит, и оскорбляет трезвенников, и боголюбцев поносит и укоряет. А если он властелин — того хуже: всех хочет подчинить своему пороку, боясь от трезвенников укора, их же ненавидит, а себе подобных любит, кто потакает ему и совращает его. Если так поступающий смерть примет, то осужден будет с идолопоклонниками.

СЛОВО БЛАЖЕННОГО ЕВСЕВИЯ-АРХИЕПИСКОПА ОБ УТОПАЮЩИХ (ГЛАВА 82)

Как-то летом человек утонул, переплывая реку. И одни говорили: «По делам своим получил», а другие говорили: «Смерть пришла к нему». Об этом царь Александр спросил блаженного епископа Евсевия.

И сказал ему Евсевий: «И те и другие далеки от истины. Если бы каждый по делам своим получал, то весь мир погиб бы в муках, но дьявол не может читать в сердцах, а лишь подсматривает, и подслушивает, и высматривает смерть человека. И так стремится погубить, чтобы в сетях его погиб человек. Когда узнает дьявол, что суждена смерть человеку, то поспешит поссорить его или гнев в нем разбудить или ярость, чтобы и от легкого удара умер человек. Или убедит его в весенний день переправляться через реку, или свергнет его в иную беду, и своими уловками приведет его к смерти.

Но задумайся и посмотри, как иных людей без жалости бьют и оружием ранят, но не умирают они, а бывает, случится, что кто-либо и от слабого удара тут же умрет. И подобно этому: если кто зимой и в лютый мороз выйдет из дому и по дороге умрет, замерзнув, — то по своей вине умирают таковые. Если же кто выйдет из дому в тихую погоду, и в пути застигнет его ненастье, и не будет места, где спрятаться, то таковые умирают мученической смертью. И еще: если кто придет к реке и увидит на реке мутные волны, и никто через нее не переправляется, а он, понадеявшись на себя, вздумает дерзнуть ее перейти и, попав в беду, скоро погибнет, то за такого не следует и даров в церковь приносить — сам он себе убийца. Если кто, услышав о страшном разбое на распутье дорог, все же пойдет как смельчак той дорогой, то, если убьют его, сам себе он убийца. А если кто в (...) драке будет убит или повесится, то такие по своей воле умирают; ни погребать их не следует, ни даров в церковь за них не нужно приносить — сами себя погубили. Если же с кем внезапная беда случится: или утонет, или убьют его, или ослепнет кто, — то таковые умирают как мученики».

СЛОВО СВЯТЫХ ОТЕЦЪ О ТЯЗИОТЪ

Иже в Картигании бысть в лѣто патрекиа* Никиты тязиотъ нѣкто в претории бѣ. Многъ же бяше во градъ моръ на люди. Сей же, покаявся о злобахъ своихъ, изыде из града в село с женою, и ту в чистотѣ пребывати ему. Завидяй же диаволь спасению всѣхъ, соблазнивъ его любодѣяннемъ с женою ратая своего. И по малыхъ днехъ змия его уяде, и умре. Монастырь же одинаго бѣ поприща от села того, во нь же везе жена мужа своего умерша, и погребоша в третій часъ дне.

И яко начаша пѣти, 9 часъ, слышавше вопль, глаголющъ: «Помилуйте мя! Изведите мя отсель!» Они же, ужасни быша и, шедъ, раскопаша мѣсто то, изведши, и вопрошахутъ его, хотя увѣдѣти бывшее. Онъ же ничтоже могій глаголати, точию плакаше, захлипаяся. И ведоша его ко игумену, но не можаше тязиотъ глаголати по три дни, едва в четвертый день нача глаголати со слезами:

«Азъ, отцы и братья, егда умирахъ и видѣхъ страшныя *мурины* пришедша, и велми ужасе ми ся душа. И потомъ два уноши доброзрачны узрѣхъ и красны зѣло, яже душу мою приемше, и восхожахомъ отъ земля, и доидохомъ мытарствъ, яже на воздухъ истязаху мимоидущая душа: ови лжа, иныя клеветы, зависть и осужение, гнѣвъ, гордость, пианства и грабленна, скупости и прочая грѣхи. Каждо *ихъ* своя иматъ испытанна на воздухъ. И доидохомъ мытарства* блуднаго, еже у вратъ небесныхъ. И ту удержаша мя, вся блудства моя изношаху, иже есмь сотворилъ отъ рода отъ 12 лѣтъ. И глаголаста аггела: „Покаялся о всѣхъ, отдалъ ему Богъ есть”. Они же рекоша: „По покаянии на селѣ с женою ратая своего соблудилъ есть”. Отидоша аггела, оставлеши мя, имше мя бѣси, биюще лють, и сведоша на землю. И разсѣдшися земля, во преисподняя темницы адовы ведоша мя, идѣже грѣшнихъ души заключени в земли тмы вѣчныя, якоже Иевъ рече:* Идѣже свѣта нѣсть чловѣкомъ, но вѣчная болѣзнь, и бесконечная мука, и печаль беспрестани, и плачь, неисповѣдимая туга всегда. „О горе!” — глаголють и лють вопиютъ. Нѣсть мощно бѣды тоя исповѣдати. От сердца стонутъ, и нѣсть кто помилуя ихъ, плачются и молятся, но нѣсть помогающаго имъ. С ними же и азъ быхъ в тѣхъ же затворенъ мѣстехъ и плачяся пребыхъ до 9 часа. И видѣхъ два она аггела пришедша, и азъ прилѣжно молихся имъ, дабы мя извели, и обѣты от сердца положихъ покаяться. Они же рекоста ми: „О чловѣче! Уже ти есть вотще молба”. Мнѣ же велми плачущуюся умилно, и глагола единъ ко другому: „Поручиши ли ся за нь?”. Онъ же рече: «Велми ся поручю: от сердца бо кается». Тогда аггела оба изведоста мя на землю во гробъ к тѣлу моему. И гнушахся в тѣло мое внидти, бѣ бо яко калъ черно, и велми смрадя. И рекоста ми аггела: „Не мощно инако покаяться, аще не тѣломъ, имѣже еси согрѣшилъ”. Азъ же моляхся, дабы ми в тѣло не внидти. Они же глаголаста ми: „Вниди, чловѣче,

СЛОВО СВЯТЫХ ОТЦОВ О ВОИНЕ (ГЛАВА 131)

Был в Картигании во времена патрикия Никиты некий воин в военном лагере. В городе том был страшный мор. И тот воин, покаявшись в грехах своих, покинул город и ушел с женою в село, и тут зажил безгрешно. Дьявол же, не терпящий спасения каждого, совратил того на прелюбодеяние с женою его крестьянина. И через несколько дней укусила его змея, и он умер. Был в одной версте от того места монастырь, туда и отвезла жена умершего своего мужа, и погребли его в третьем часу дня.

И когда начали отпевать, на девятый час услышали вопль: «Помилуйте меня! Выведите меня отсюда!» Пришли все в ужас, и пошли, и раскопали могилу, вывели того и стали расспрашивать, желая узнать, что с ним было. Он же ничего не мог сказать, только плакал и всхлипывал. И отвели его к игумену, но не мог воин еще три дня говорить и едва на четвертый день поведал со слезами:

«Я, отцы и братья, когда умирал, то увидел страшных бесов, подошедших ко мне, и ужас охватил мою душу. И потом увидел двух юношей, прекрасных видом и лицом, которые душу мою взяли, и вознеслись мы от земли, и достигли мытарств, где в воздухе вопрошают проносящиеся мимо души: одних — о лжи, других — о клевете, зависти, укорах, гневе, гордости, пьянстве, воровстве, скупости и о прочих грехах. Каждый из них был испытываем в воздухе. И достигли мы мытарства блудного, что у врат небесных. И тут задержали меня, обо всех блудодеяниях моих вспоминая, какие совершил я в течение жизни начиная с двенадцати лет. И сказали ангелы: „Покаялся он обо всем, и простил его Бог“. Они же сказали: „После покаяния соблудил в селе с женою крестьянина своего“. Отошли ангелы, оставив меня, а бесы, схватив и жестоко избивая, свели на землю. И расступилась земля, в преисподнюю, в темницу адскую, ввели меня, где души грешные заключены в земле тьмы вечной, как говорил Иов: „Где света нет людям, но вечные страдания, и бесконечные муки, и печаль непрестанная, и плач, невыразимая туга всегда“. „О горе!“ — зывают и отчаянно вопят. Невозможно о страданиях тех рассказать. Из глубины сердца стонут, но нет никого, кто помиловал бы их, плачут и молятся, но нет никого, кто бы им помог. С ними и я был заключен в тех же местах и, плача, находился там до девятого часа. И увидел, что пришли два ангела, и стал я истово молиться им, чтобы меня вывели оттуда, и дал обет сердечный покаяться. Они же отвечали мне: „О человек! Уже напрасны мольбы твои“. Я же плакал горько и искренне, и сказал один другому: „Поручишься ли за него?“ Он же ответил: „Охотно поручусь: от сердца ведь кается“. Тогда ангелы привели меня на землю, в гроб, к телу моему. И с отвращением не решался я в тело свое войти, было оно как грязь черно и издавало сильный

в тѣло. Аще ли — то ведевѣ ты паки таможе. Вниди убо, да иным будеши на успѣх твоимъ покаяниемъ”. Тогда видѣх ся, яко усты внидох, и начах звати: „Помилуйте мя!”. И тако изведоста мя».

И глагола ему игумен: «Прими ясти, брате!». Тязиот же не вкуси ничтоже, но преходяше от мѣста на мѣсто, каися, и плача велми, и глаголаше людем со слезами: «О братие! Горе грѣшником будет! Люто же отнудь сквернящему тѣло свое блудомъ». И пребывъ 40 дний и отиде к Богу праведень.

Се же Фаласѣй игумень и чернцы его видѣша и нам на ползу написаша, и послушающим на успѣх о Христѣ Исусѣ, Господѣ нашем.

смад. И сказали мне ангелы: „Нельзя иначе покаяться, как не в теле, которым согрешил”. Я же умолял их, чтобы мне в тело не входить. Они же сказали мне: „Войди человек в тело. Если же нет — то отведем тебя туда же. Войди же — да иным дашь пример своим покаянием”. И тогда увидел я, что вошел через рот, и начал взывать: „Помилуйте меня!” И так вывели меня».

И сказал ему игумен: «Возьми поешь, брат!» Воин же не взял еды ни крошки, но, переходя с места на место, каялся и плакал горько и говорил людям со слезами: «О братья! Горе грешников ждет. Беда же великая будет тем, кто оскверняет тело свое блудом». И, прожив сорок дней, отошел к Богу праведником.

Это Таласий-игумен и монахи все видели и нам на пользу написали и слушающим на благо о Христе Иисусе, Господе нашем.

ДОМОСТРОЙ

КНИГА ГЛАГОЛЕМАЯ ДОМОСТРОЙ, ИМѢТЬ В СЕБѢ
ВЕЩИ ПОЛЕЗНЫ, ПОУЧЕНИЕ И НАКАЗАНИЕ ВСЯКОМУ
ХРИСТИЯНИНУ — МУЖУ, И ЖЕНѢ, И ЧАДОМ,
И РАБОМ, И РАБЫНЯМ

1. НАКАЗАНИЕ ОТ ОТЦА К СЫНУ

Благословляю азъ, грѣшный имярекъ, и поучаю, и наказую, и вразумляю сына своего имярекъ, и его жену, и ихъ чадъ, и домочадцовъ быти во всякомъ христянскомъ законѣ и во всякой чистой совести и правде, с вѣрою творяще волю Божию и храняще заповеди его, себе утвержающе во всякомъ страѣ Божии и в законномъ жительствѣ, и жену поучающе, тако же и домочадцов своихъ наказующе, не нужею, ни ранами, ни роботою тяжкою, имѣюще яко дѣти во всякомъ покои сыты и одѣны и в тепломъ храмѣ, и во всякомъ устрои. И вдаю вамъ, христянскому жительству, писание се на память и вразумление вамъ и чадом вашимъ. Аще сего моего писания не внемлете и *наказанія* не послушаете и по тому не учнете жити и не тако творити, яко же есть писано, сами себѣ отвѣтъ дадите въ день Страшнаго суда, и азъ вашимъ винамъ и грѣху не причастенъ, кромѣ моя душа: аз о семъ о всякомъ благочинии благославлялъ и плакалъ, и молилъ, и поучалъ, и писание предлагалъ вамъ, и, аще воспримете сие мое худое учение и грубое наказание, и сие *писание со всею чистотою душевною, прося у Бога помощи и разума, поелико возможно, какъ Богъ вразумит, и начнете дѣлом творити вся се* — *будет на вас милость Божия и пречистые Богородицы, и великих чюдотворцов, и нашего благословления отнынѣ и до вѣка, и дом вашъ, и чада ваши, и стяжаніе ваше и обилие, что вам Богъ подоровал от своих трудов* — *да будет благословенно и исполнено всяких благъ во вѣки. Аминь.*

ДОМОСТРОЙ

КНИГА, НАЗЫВАЕМАЯ ДОМОСТРОЕМ,
КОТОРАЯ СОДЕРЖИТ В СЕБЕ ПОЛЕЗНЫЕ СВЕДЕНИЯ,
ПОУЧЕНИЕ И НАСТАВЛЕНИЕ ВСЯКОМУ
ХРИСТИАНИНУ — И МУЖУ, И ЖЕНЕ, И ДЕТЯМ,
И СЛУГАМ, И СЛУЖАНКАМ

1. НАСТАВЛЕНИЕ ОТЦА СЫНУ

Благославляю я, грешник имярек, и поучаю, и наставляю, и вразумляю сына своего имярек, и его жену, и их детей, и домочадцев: следовать всем христианским законам и жить с чистой совестью и в правде, с верой творя волю Божию и соблюдая заповеди его, и себя утверждая в страхе Божьем, в праведном житии, и жену поучая, также и домочадцев своих наставляя, не насильем, не побоями, не тяжелой работой, а как детей, чтобы были всегда упокоены, сыты и одеты, и в теплом доме, и всегда в порядке. И отдаю вам, живущим по-христиански, писание это на память и на вразумление вам и детям вашим. Если этого моего писания не примете и наставления не слушаете и по нему не станете жить и поступать так, как здесь написано, то сами за себя ответ дадите в день Страшного суда, я к вашим проступкам и греху не причастен, то вина не моя: я ведь благословлял на благочинную жизнь, и плакал, и молил, и поучал, и писание предлагал вам; если же это мое простое поучение и слабое наставление в этом писании примете вы со всею чистотою душевной, прося у Бога помощи и разума, насколько возможно, насколько Бог вразумит, станет не все то исполнять делом, — будет на вас милость Божья, и пречистой Богородицы, и великих чудотворцев, и наше благословение отныне и до скончания века, и дом ваш, и чада ваши, и имяние ваше, и богатство, какие вам Бог даровал от ваших трудов, — да будут благословенны и исполнены всяческих благ во веки веков. Аминь.

2. КАКО ХРИСТИЯНОМ ВЪРОВАТИ ВО СВЯТУЮ ТРОИЦУ*
И ПРЕЧИСТУЮ БОГОРОДИЦУ И КРЕСТУ ХРИСТОВУ,
И СВЯТЫМ НЕБЕСНЫМ БЕСПЛОТНЫМ СИЛАМ, И ВСЪМ СВЯТЫМ,
И ЧЕСТНЫМ И СВЯТЫМ МОЩЕМ И ПОКЛОНЯТИСЬ ИМ

Подобает убо всякому християнину вѣдати,* како по Бозѣ жити в православной вѣре християнстей: первое убо от всея души вѣровати во Отца и Сына и Святаго Духа — в нераздѣльную Троицу, и воплощению Господа нашего Исуса Христа, сына Божия, вѣруй и рождшую его мать Богородицу нарицай, кресту же христову с вѣрою покланяйся, яко на том всѣм человекомъ спасение содѣла Господь. И понеж иконе же Христове и пречистой матери его и святым небеснымъ бесплотным силам и всѣмъ святымъ честь воздай, яко сам любов.

3. КАКО ТАЙНАМЪ БОЖИИМЪ ПРИЧАЩАТИСЬ
И ВЪРОВАТИ ВОСКРЕСЕНИЮ МЕРТВЫХЪ,
И СТРАШНАГО СУДА ЧАЯТИ И КАСАТИСЯ
ВСЯКОЙ СВЯТЫНИ

Тайнамъ Божиимъ вѣруй, тѣлу его, крови вѣруй причащатися и со страхомъ, на очищение и освящение души же и тѣлу и во оставление грѣхомъ и в жизнь вѣчную, вѣруй воскресению мертвымъ и жизни будущаго вѣка, помяни Страшный судъ, и воздаяние по дѣломъ будетъ намъ. Аще когда приочистив себе духовно, в чистой совѣсти с молитвою и с молениемъ цѣловати животворящий крестъ и святыи честныи образы чудотворные многоцѣлбная мощи; по молении прекрестяся поцеловати, духъ в себѣ удержавъ, а губъ не разѣваючи. А благоволить Богъ кому причаститися божественныхъ Христовыхъ тайнъ, ино лжицею от иерея принимати во уста опасно, губами не сверкати, руцѣ имети к персемъ согбени крестаобразно, а дора и просфира* и всякая святая вкушати бережно, крохи на землю не уронити, а зубами просфиры не кусати, яко же прочии, хлѣбъ уломываючи, невелики кусочки класти в рот, ести губами и ртомъ, не чавкати, со опасениемъ ести; а просфиры с вологою не ести, токмо воды прихлебывати или укрупу с виномъ служенымъ или без вина, а иного ничего не примешати. Преже всякия ествы свершати просфира в церкви или в дому, а и с кутьею никако же просфиры не ести, ни с кануномъ,* и на кутью просфиры не класти; аще с кѣмъ о Христвѣ цѣлование сотворити, такоже духъ в себѣ удержавъ поцѣловатися, а губами не плюскати; поразсуди: человеческия немощи, нечювьственаго духа гнушаемъ чесночного, хмелного, болного и всякого смрада, коль мерско Господеви нашъ смрадъ, и обоняние — сего ради со опасениемъ творити.

2. КАК ХРИСТИАНАМ ВЕРОВАТЬ ВО СВЯТУЮ ТРОИЦУ, И ПРЕЧИСТУЮ БОГОРОДИЦУ, И В КРЕСТ ХРИСТОВ, И СВЯТЫМ НЕБЕСНЫМ БЕСПЛОТНЫМ СИЛАМ, И ВСЕМ СВЯТЫМ, И ЧЕСТНЫМ И СВЯТЫМ МОЩАМ, И КАК ПОКЛОНЯТЬСЯ ИМ

Каждому христианину следует знать, как по-божески жить в православной вере христианской: прежде всего всею душой верить в Отца и Сына и Святого Духа — в нераздельную Троицу, в воплощение Господа нашего Иисуса Христа, сына Божия, веруй, называй Богородицей мать, его родившую, и кресту Христову с верою поклоняйся, ибо этим всем принес Господь людям спасение. И всегда иконе Христа, и его пречистой матери, и святым небесным бесплотным силам, и всем святым честь воздай, ибо сам он — любовь.

3. КАК ТАЙНАМ БОЖИИМ ПРИЧАЩАТЬСЯ, И ВЕРОВАТЬ В ВОСКРЕСЕНИЕ ИЗ МЕРТВЫХ, И СТРАШНОГО СУДА ОЖИДАТЬ, И ПРИКАСАТЬСЯ КО ВСЯКОЙ СВЯТЫНЕ

В Таинства Божии веруй, веруй в причащение Телом и Кровью его, причащайся с трепетом для очищения и освящения души и тела, ради оставления грехов, и в жизнь вечную веруй, веруй в воскресение из мертвых и в загробную жизнь, поминай Страшный суд, и воздаяние по нашим делам будет нам. И когда приготовишь себя духовно, с чистой совестью, и с молитвою, и с мольбой целуй животворящий крест, и святые честные иконы чудотворные, и многоцелебные мощи; а после молитвы, перекрестясь, целуй их, воздух в себе удержав и рта не разевая. А коли благоволит Господь причаститься божественных Христовых тайн, то ложечкой от священника принимай в уста осторожно: губами не чмокать, а руки сложить у груди крестом, а дору и просвиру и всё священное вкушать бережно и крошки на землю не ронять, просвиру зубами не кусать, как иные — хлеб, отламывая, маленькие кусочки класть в рот, жевать губами и ртом, не чавкать — с осторожностью есть; и просвиры с приправой не есть, только воды прихлебнуть или теплой воды с вином церковным или без вина, и ничего не примешивать. Прежде всяких кушаний готовить просвиры в церкви или в доме, никогда просвиры не есть ни с кутьей, ни с кануном, и на кутью просвиры не класть; и если с кем во Христе целованье творишь, то целуйся, также воздух в себе задержав, губами не чмокая; сам подумай: человеческой немощи, едва заметного запаха гнушаемся чесночного, смрада от хмельного, больного и прочего, так как же мерзко Господу обоняние нашего смрада — вот почему с осторожностью совершай все это.

4. КАКО ЛЮБИТИ БОГА ОТ ВСЕЯ ДУША, ТАКО ЖЕ БРАТА СВОЕГО, И СТРАХ БОЖИЙ ИМѢТИ И ПАМЯТЬ СМЕРТНУЮ

Посем же возлюбиши Господа Бога твоего от всея душа своя и от всея крѣпости своя, и подвижни вся твоя дѣла и обычая, и нравы угодная творити по заповѣди его, паки же искреняго си возлюби, всякаго человека, по образу Божию созданна, рекше всякаго христианина; страх Божий всегда имѣй в сердца своемъ и память смертную — всегда волю Божию творити, и по заповѣдемъ его ходи. Рече Господь: «В чемъ ты застану, в томъ и сужу»* — ино достоинъ всякому христианину готову быти в добрыхъ дѣлахъ, в чистоте и в покаянии, и во всякомъ исповѣдании, всегда чающе часа смертнаго.

5. КАКО СВАТИТЕЛЬСКИЙ ЧИНЪ ПОЧИТАТИ, ТАКО ЖЕ И СВАЩЕННИЧЕСКИЙ ЧИНЪ И МНИШЕСКИЙ

По святительскому чину всегда прибѣгай и должную честь имъ воздавай, и благословения и духовнаго поучения от него требуй от них, и припадай к ногамъ их, и во всемъ повинуйся имъ по бозѣ; свашченническому чину и мнишескому вѣлию вѣру и любовь, и повинование, и всякое покорение пред ними имѣй, и духовную ползу от нихъ внимай: тѣ убо суть слуги и молебники небеснаго царя, имѣють дерзновение у Господа просити добрыхъ и полезныхъ душамъ нашимъ и оставление грѣховъ и жизни вѣчныя.

6. КАКО ПОСЕЩАТИ В МОНАСТЫРЕХ И В БОЛНИЦАХ, И В ТЕМНИЦАХ, И ВСЯКАГО СКОРБИ

В монастыри и в больницы, и в пустыни, и в темницы заключенныхъ посѣщай и милостыню по силѣ всякихъ потребныхъ подавай, елико требуютъ, и види бѣду ихъ и скорбь, и всяку нужу, елико возможно, помогай имъ, и всякаго скорбна и бѣдна, и нужна, и нища не презри, введи в домъ свой, напои, накорми, согрѣй, одежи всею любовью и чистою совѣстью: тѣми милостива Бога сотвориши и свободу получиши; а родителемъ своимъ преставльшимся память твори, к церквамъ Божиимъ приношение и в дому по нихъ кормлю твори, нищимъ милостыню, и самъ от Бога помяновень будеши.

4. КАК ЛЮБИТЬ БОГА ВСЕЮ ДУШОЮ, И БЛИЗКИХ СВОИХ, И СТРАХ БОЖИЙ ИМЕТЬ, И ПОМНИТЬ О СМЕРТНОМ ЧАСЕ

И потому возлюби Господа Бога твоего всею душою своею и со всей твердостью духа своего, и стремись все свои дела и привычки и нравы соразмерять с заповедями его, еще же ближнего своего возлюби, всякого человека, по образу Божию созданного, то есть всякого христианина; страх Божий всегда имей в сердце своем и помни о смерти, (чтобы) всегда волю Божию творить, и по заповедям его ходи. Сказал Господь: «На чем тебя застану, по тому и сужу», — так что следует всякому христианину готовым быть и волю Божью всегда соблюдать, по заповедям Его живи — жить добрыми делами, в чистоте и покаянии, всегда исповедоваться, постоянно ожидая часа смертного.

5. КАК СВЯТИТЕЛЕЙ ПОЧИТАТЬ, ТАКЖЕ И СВЯЩЕННИКОВ И МОНАХОВ

К священникам всегда приходи и подобающе им честь воздавай, и благословения и духовного наставления проси у них, и припадай к ногам их, и во всем божественном повинуйся им; к священникам и монахам имей доверие, и любовь, и повиновение и во всем покоряйся им, духовную пользу душе своей получая, ибо они суть слуги и молещики небесного царя, дано им право у Господа просить о добром и полезном для душ наших, и о прощении грехов, и о жизни вечной.

6. КАК ПОСЕЩАТЬ В МОНАСТЫРЯХ, И В БОЛЬНИЦАХ, И В ТЕМНИЦАХ, И ВСЯКОГО В СКОРБИ

В монастыре, и в больнице, и в затворничестве, и в темнице заключенных посещай и милостыню, что просят, по силе своей возможности подавай, и взглядишь в беду их и скорбь, и в нужды их, и, насколько возможно, им помогай, и всех, кто в скорби и бедности, и нуждающегося, и нищего не презирай, введи в дом свой, напои, накорми, согрей, приветь с любовью и с чистою совестью: и этим милость Бога заслужишь и прощение грехов получишь; также и родителей своих покойных поминай приношением в церковь Божию, и дома поминки устраивай, а нищим раздай милостыню, тогда и сам будешь помянут Богом.

7. КАКО ЦАРЯ И КНЯЗЯ ЧТИТИ И ПОВИНОВАТИСЯ ВО ВСЕМЪ И ВСЯКОМУ *ВЛАСТЕЛЮ* ПОКАРЯТИСЯ, И ПРАВДОЮ СЛУЖИТИ ИМЪ ВО ВСЕМЪ, КЪ БОЛЬШИМЪ И К МЕНШИМЪ, И СКОРБНЫМЪ И МАЛОМОЩНЫМ, КО ВСЯКОМУ ЧЕЛОВЕКУ, КАКОВУ БЫТИ, И СЕБЪ О СЕМЪ ВНИМАТИ

Царя бойся и служи ему вѣроу, и всегда о немъ Бога моли, и ложно отнюдь не глаголи пред нимъ, но с покорениемъ истинну отвѣщай ему, яко самому Богу, и во всем повинуйся ему; аще земному царю правдою служиши и боишия его, тако научишия и небеснаго царя боятися: сей временень, а небесный вѣченъ, и судия нелицѣмерень, воздасть комуждо по дѣломъ его. Тако же и княземъ покаряйтея и должную ему честь воздавай, яко от него посланомъ во отмщение злодѣем. В похвалу же добродѣемъ князю своему прийте всѣмъ сердцемъ, и властелемъ своимъ; ни помыслите на ня зла. Глаголетъ бо Павелъ апостолъ: «Вся владычества от Бога учинена суть*», да аще кто противитя властелемъ, то Божию повелѣнию противитца, а царю и князю, и всякому велможе и клеветоу, и лукавствомъ; погубит Господь вся глаголющая лжу, а шепотники и клеветники от народа прокляти суть. Старейшимъ себѣ честь воздавай и поклонение твори, среднихъ яко братию почитай, маломощных и скорбныхъ любовию привечай, юнейшихъ яко чада люби — всякому созданию Божию не лихъ буди.* Славы земныя ни в чемъ не желай, вѣчныхъ благъ проси у Бога, всякую скорбь и тесноту з благодарениемъ терпи, обидимъ — не мсти, хулимъ — моли, зла за зло не воздавай, согрѣшающая не осужай, вспомани своя грѣхи, о тѣхъ крѣпко пѣкися, злыхъ мужей совѣту отвращайся, буди ревнитель правожительствующимъ, и тѣхъ дѣлания напишуй в сердцахъ своемъ, и самъ тако ж твори.

8. КАКО ДОМЪ СВОЙ УКРАСИТИ СВЯТЫМИ ОБРАЗЫ, ДОМЪ ЧИСТЪ ИМѢТИ

В дому своемъ всякому христианину во всякой храмине святыя и честныя образы, написаны на иконахъ, по существу ставити на стенах, устрой благолѣпно со всякимъ украшениемъ, и со светилники, въ нихъ же свѣщи пред святыми образы возжигаются на всякомъ славословии божи, и по пѣнии погашают, завѣсоу закрываются всякия ради чистоты и от пыли, благочиния ради и брежения; а всегда чистымъ крылышкомъ омѣтати, и мяхкою губою вытирати их, и храмъ тотъ чистъ держати всѣгда. А к святымъ образомъ касатися достойнымъ в чистой совести и на словословии божи, и на святомъ пѣнии, и молитвѣ свѣчи вжигати, и кадити благовоннымъ ладономъ и фимянномъ, а образы святыя поставляются, иже в начале по чину, свято почитаеми суть имяны прежереченными, в молитвахъ и во бденихъ, и в поклонехъ, и во всякомъ

7. КАК ЦАРЯ И КНЯЗЯ ЧТИТЬ И ПОВИНОВАТЬСЯ
ИМ ВО ВСЕМ, И ВСЯКОМУ ВЛАСТИТЕЛЮ ПОКОРЯТЬСЯ,
И ПРАВДОЮ СЛУЖИТЬ ИМ ВО ВСЕМ, И БОЛЬШИМ
И МАЛЫМ, И СКОРБНЫМ И НЕМОЩНЫМ, ВСЯКОМУ ЧЕЛОВЕКУ,
КТО БЫ ОН НИ БЫЛ, И СЕБЕ САМОМУ ВДУМАТЬСЯ В ЭТО

Царя бойся и служи ему с верою, и всегда о нем Бога моли, и тем паче не лги ему, но кротко правду ему говори, как самому Богу, и во всем повинуйся ему; если земному царю с правдою служишь и боишься его, научись и небесного царя бояться: этот временный, а небесный вечен и, судья нелицеприятный, каждому воздаст по делам его. Также и князьям покоряйтесь и должную им честь воздавайте, ибо князь послан Богом карать злодеев. С похвалой благодетелям примите всем сердцем своего князя и властителей своих; не помыслите на них зла. Говорит же апостол Павел: «Вся власть от Бога», так что кто противится властителям, царю и князю и всякому вельможе, и клеветою и лукавством вредит, тот Божию повелению противится; погубит Господь всех изрекающих ложь, а сплетники и клеветники прокляты и людьми. Тем, кто старше тебя, честь воздавай и кланяйся, средних как братьев почитай, немощных и скорбных утешь любовью, а младших как детей возлюби — никакому созданию Божию не будь лиходеем. Славы земной ни в чем не желай, вечного блаженства проси у Бога, всякую скорбь и притеснение с благодарностью претерпи, если обидят — не мсти, если хулят — молись, не воздавай злом за зло, согрешающих не осуждай, вспомни и о своих грехах, позаботься прежде всего о них, отвергни советы злых людей, равняйся на живущих по правде, их деяния запиши в сердце своем и сам поступай так же.

8. КАК ДОМ СВОЙ УКРАСИТЬ СВЯТЫМИ ОБРАЗАМИ
И В ЧИСТОТЕ СОДЕРЖАТЬ

Каждый христианин должен в доме своем, во всех комнатах, развесить по старшинству святыя образа, красиво их обрядив, и поставить светильники, в которых перед святыми образами зажигаются во время молебствия свечи, а после службы гасятся, (иконы) закрываются занавеской чистоты ради и от пыли, ради строгого порядка и для сохранности; и всегда их следует обметать чистым крылышком и мягкой губкою их протирать, а киот всегда содержать в чистоте. А к святым образам прикасаться лишь с чистой совестью, во время священного пения и молитвы свечи возжигать и кадить благовонным ладаном и фимиамом; а образа святых расставляются по старшинству, сначала — особенно почитаемые, как уже сказано; при молитвах, и в бдении, и поклонами, и во всяком славословии Богу следует

славословии Божии всегда почитати их со слезами и съ рыданиемъ, и сокрушенымъ сердцемъ исповѣдаяся, просяще отпущения грѣхомъ.

9. КАКО К ЦЕРКВАМЪ БОЖИИМ И В МОНАСТЫРИ С ПРИНОШЕНИЕМЪ ПРИХОДИТИ

А к церквамъ Божиимъ всегда с вѣрою приходити, с приношениемъ: с свечью и с просфирою, с фимияномъ и с ладономъ, с канономъ и с кутьею, и с милостынею, и за здравие, и за упокой, и к празникомъ; и по монастыремъ тако с милостынею и с приношениемъ приходити, егда принесеши даръ свой ко олтарю, воспоминай еуаγγελское слово: «Егда нѣчто имать братъ твой на тя,* остави ту даръ свой пред олтаремъ, и шедъ смирися з братомъ своимъ прежде», тогда принеси даръ свой к Богу от праведнаго своего имѣния: от неправды неприятна милостыня к сильнымъ. Речено бысть: «Лучше не грабити, неже милостыня даяти».* От неправды отдай обидимому — приятнее милостыни, а к Богу приятна милостыня от праведнаго стяжания и от добрыхъ дѣлъ.

10. КАКО СВЯЩЕННИКОВЪ И ИНОКОВ В ДОМЪ СВОЙ ПРИЗЫВАТИ МОЛИТИСЯ

А в которые любо празники по обещанию *своему* да призываютъ священнический чин в домъ свой, елико по силе, и молебная совершают о всякомъ прощении и молятъ за царя и великаго князя имярек, всея Руси самодержца, и за его царицу и великую княгиню имярек и за ихъ благородныхъ чада, и за братью его и за боляре, и за все христоролюбиво воинство, иже побѣду на враги и о плененыхъ свободѣ, и о всемъ священническомъ и иноческомъ ящомъ*... А от стола или от трапезы ества и питие тайно износити или высылати не по повелению настоящаго и безъ благословения святотатство суть и самочиние, таковыхъ всячески бесчествуютъ. Егда званъ будеши кимъ на бракъ,* не сѣди на преднемъ мѣсте, егда кто честнѣе тебѣ будетъ, званыхъ имъ; и пришедь, иже тебѣ злавый, *иного* речеть, ты даждь сему мѣсто, и тогда начнеши со студомъ послѣднее мѣсто держати; но егда званъ будеши, шедъ сяди на послѣднемъ мѣсте, да егда придетъ злавый ты и речеть ти: «Друже, посяди выше!» — тогда будетъ ти слава превозлежащими с тобою, яко всякъ возносяйся смирится, а смиряйся вознесѣтся.* Егда на трапѣзе предпоставятъ ти многообразныя яди и пития, егда кто честнѣе тебѣ будетъ званыхъ, не начни вкушати преже ничто же; аще ты начальственъ будеши, предпоставленую ядь разсужая начинай. У некихъ боголюбцевъ изобилно бываетъ вкушение и питие и излишнее цѣло снимаютъ, и вперед инымъ на потребу пригожается. И аще кто нечювственъ и не искусенъ, и не ученъ, и невѣжда не рассуждая всякаго брашна в пресыщения начинаетъ и небрегомо

всегда воздавать им честь со слезами и с плачем и, с опечаленным сердцем исповедываясь, просить отпущения грехов.

9. КАК В ЦЕРКВИ БОЖИИ И В МОНАСТЫРИ С ПРИНОШЕНИЕМ ПРИХОДИТЬ

А в церкви Божии всегда с верою приходить и с приношением: со свечой и с просвирой, с фимиамом и с ладаном, с кануном и с кутьею, и с милостыней — и за здравие, и за упокой, и к праздникам также; и по монастырям ходить также с милостыней и с приношением, и когда принесешь дар свой к алтарю, вспомни евангельское слово: «Если что-то имеет против тебя брат твой, оставь тогда дар твой пред алтарем и пойдь помирись прежде с братом своим», и только тогда принеси свой дар Богу от праведного своего добра: от бесчестного неприемлемо воздаяние. Сказано же: «Лучше не грабить, чем давать милостыню». Добытое неправедно отдай обиженному — это приемлемей милостыни, а Богу приятна милостыня от праведной прибыли и от добрых дел.

10. КАК СВЯЩЕННИКОВ И ИНОКОВ В СВОЙ ДОМ ПРИГЛАШАТЬ МОЛИТЬСЯ

Иногда же — в праздники или по обету — призывайте священников в дом свой, сколько сможете, и совершайте службы со всякими мольбами, и молитесь за царя и великого князя имярек, всей Руси самодержца, и за царицу и великую княгиню имярек, и за их благородных чад, и за братьев его и за бояр, и за все христоролюбивое воинство, и о победе над врагами, и об освобождении плененных, и обо всех священниках и иноках... А от стола или от трапезы еду и питье тайно выносить или высылать без разрешения и без благословения — святотатство и самовольство, и таких людей всячески осуждают. Когда позовут тебя на пир, не садись на почетном месте, вдруг из числа приглашенных кто-то будет тебя почетнее; и придет тебя пригласивший и скажет: «Дай ему место», — и тогда придется тебе со стыдом перейти на последнее место; но если тебя пригласят, войдя, сядь на последнем месте, и когда придет пригласивший тебя и скажет тебе: «Друг, садись выше!» — тогда будет тебе почет от остальных гостей, ибо всякий возносящийся смирится, а смиренный вознесется. Когда поставят перед тобою многообразные яства и пития и если кто-то знатнее тебя будет из приглашенных, не начинай есть раньше его; если же ты почетный гость, то поднесенную пищу первым есть начинай. У некоторых боголюбцев в изобилие бывает еда и питье, и все, что останется нетронутым, убирают, потом еще кому-то сгодится. Если же кто-то, бесчувственный и неискушенный неучен и невежда, не рассуждая, все блюда подряд пригубливает, уже насытятся и

творить, будет и самъ поруганъ и посмѣян, и обещестень от Бога и от человекъ.

11. КАКО КОРМИТИ ПРИХОДЯЩИХ В ДОМУ З БЛАГОДАРЕНИЕМЪ

Егда трапѣзу предпоставляеши, вначале священници Отца и Сына и Святаго Духа прославляют, потомъ Девицу Богородицу; и егда ядоху з благодарениемъ и с молчаниемъ или з духовною бесѣдою, тогда аггели невидимо предстоятъ и написууютъ дѣла добрая, и ества и питие в сладость бывает; аще начнетъ предпоставленую еству и питие похулят, тогда мотыло обращается сии вкушаютъ; и аще скаредныя речи и блудныя срамословие, и смѣхотворение, и всякое глумление или гусли и плесание и плескание, и скокание, и всякие игры и пѣсни бѣсовские, — тогда якоже дымъ отгонитъ пчелы, такоже и отыдутъ аггелы Божии от тоя трапѣзы и смрадныя бесѣды, и возрадуются бѣси и приидут, волю свою уллучивъ, и вся угодная творится имъ: да такоже бесчинствуютъ и зерню, и шахматы, и всякими играми бѣсовскими тѣшатся, даръ Божий еству и питие, и всякие овощи в поругание помѣщут, и проливают, другъ друга шибают и обливаютъ, всячески поругаются дару Божию, а дияволи записууютъ дѣла их, приносятъ къ сотанѣ и вкупѣ радуются погибели християньския. И та вся дѣла предстанут в день Страшнаго суда. О горе *дѣющимъ* таковая! Егда жидове съдоша ясти в пустыни и пити* и, объядшася и опившеся, и восташа играти и блуд творити, и тогда пожре земля их двадесят тысящ и три тысящи. О устрашитесь, людие, творите волю Божию, якоже есть в Законе писано, а от сего злаго бесчиния соблюди, Господи, всякаго християнина. Ести бы и пити в славу Божию, а не объядатися, ни упиватися, ни пустошных творити и, аще пред кого поставляеши еству или питие и всякое брашно или пред тебя поставятъ всякаго брашна, не подобает похулити, глаголати: «гнило» или «кисло», или «прѣсно», или «солono», или «горко», или «затхлося», или «сыро», или «переварено», или какую ни буди хулу возлогати, но подобаетъ даръ Божий всякое брашно похваляти и со благодарениемъ вкушати, ино Богъ обоняет воню благоухания, и в сладость претворити. И аще которая ества или питие непотребно, ино о томъ наказывати домочадцовъ, кто то дѣлалъ, штобы впередъ таково не было.

12. КАКО МУЖУ З ЖЕНОЮ И З ДОМОЧАТЦЫ В ДОМУ СВОЕМЪ МОЛИТИСЬ

По вся дни в вечере мужъ ж женою и з дѣтьми, и з домочадцы, кто умѣтъ грамоте — отпѣти вечерня, павечерница, полунощница с молчаннемъ и со вниманиемъ, и с кроткостояниемъ, и с молитвою, и с поклоны, пѣти внятно

не заботясь о сохранении блюд, будет такой обруган и обсмеян и обещещен Богом и людьми.

11. КАК КОРМИТЬ ПРИХОДЯЩИХ В ДОМ ЧИННО

Перед началом трапезы прежде всего священники Отца и Сына и Святого Духа восславляют, потом Деву Богородицу; едят с благоговением и в молчании или ведя духовную беседу, и тогда им ангелы невидимо предстоят и записывают дела добрые, и еда и питье в сладость бывают; если же вначале выставленную еду и питье похулят, тогда словно в отбросы превращается то, что и сами едят; а если при этом бесстыдные речи и непристойное срамословие, и смех, и всяческие забавы или игра на гусях, и пляски, и хлопанье в ладоши, и прыжки, и всякие игры и песни бесовские, — тогда, как дым отгоняет пчел, так отойдут и ангелы Божьи от этой трапезы и непристойной беседы; и возрадутся бесы и налетят, увидев свой час, и тогда творится все, что им хочется: бесчинствуют игрою в кости и в шахматы и всякими играми бесовскими тешатся, дар Божий — еду, и питье, и всякие плоды — на посмешище выбросят и прольют, друг друга бьют и обливают, всячески надругаясь над даром Божьим, а бесы записывают деяния их, приносят к сатане и вместе радуются гибели христиан. И все те деяния предстанут в день Страшного суда. О горе творящим такое! Когда иудеи сели в пустыне поесть и попить и, объевшись и упившись, начали веселиться и блуд творить, тогда земля поглотила их двадцать три тысячи. О, уstraшитесь, люди, и творите волю Божью так, как в Законе писано, а от такого злого бесчинства сохрани, Господи, всякого христианина. И есть бы вам и пить во славу Божию, а не объедаться и не упиваться, пустых разговоров не вести, и, если перед кем-то ставишь еду и питье и всякие яства или же перед тобою поставят какие яства, не подобает хулить их и говорить: «гнилое», или «кислое», или «пресное», или «соленое», или «горькое», или «протухло», или «сырое», или «переварено», или какое-нибудь еще порицание высказывать, но подобает дар Божий — всякую пищу — расхваливать и с благодарностью есть, и тогда Бог пошлет благоухание и превратит горечь в сладость. Если же такая еда или питье не годятся, наставлять домочадцев, того, кто готовил, чтоб наперед подобного не было.

12. КАК МУЖУ С ЖЕНОЮ И С ДОМОЧАДЦАМИ ДОМА У СЕБЯ МОЛИТЬСЯ

Всякий день вечером муж с женою, и с детьми, и с домочадцами, кто знает грамоту, — отпеть вечерню, павечерницу, полунощницу в тишине, и со вниманием, со смиреннем, и с молитвою, и с поклонами петь внятно и

и единогласно, после правила отнюдь ни пити ни ести. Всегда всяму тому наукъ. А ложася спати, всякому християнину по три поклона въ землю положить, а в полунощи всегда тайно вставъ, со слезами прилежно к Богу молитися, елико вмѣстимо, о своемъ согрѣшени, а *утре* воставая такоже, и комуждо по силе и по желанию, а непразнымъ женамъ кланятися до пояса, всякому християнину молитися о своемъ согрѣшени и пущения грѣхомъ, и о царскомъ, и о царицине, и о чадахъ ихъ здравии, и о братии его, и о болярехъ его, и о христоролюбивомъ воинствѣ о помощи на враги, и о плѣнныхъ свободѣ, и о святительскомъ и священническомъ чину, и о болящихъ, и в темницахъ заключенныхъ, и за вся християне; женѣ молитися о своемъ согрѣшени и о мужи, и о чадахъ, и о домочадцахъ, и о сродникахъ, и о отцѣхъ духовныхъ, а мужу такоже. А *утре* вставъ, Богу молитись и отпѣти заутреня и часы,* а в неделю и в праздникъ молебен с молитвою и молчаниемъ, и с кротъкостояниемъ и единогласно пѣти и со вниманиемъ слушати и святымъ кажение. А гдѣ некому пѣти, ино молитися доволно вечере и *утре*, а мужемъ отнюд не погрѣшити по вся дни церковнаго пѣния вечерни, заутрени, обѣдни.

13. КАКО В ЦЕРКВИ МУЖУ И ЖЕНЕ МОЛИТСЯ, ЧИСТОТА ХРАНИТИ И ВСЯКОГО ЗЛА НЕ ТВОРИТИ

А в церкви стояти на всякомъ пѣнии со страхомъ и с молчаниемъ молитися. А дома всегда павечерница и полунощница, и часы пѣти. А кто прибавит правила своего ради спасения, ино то на его воли, ино боле мзда от Бога. А женамъ ходити к церкви Божии какъ вмѣстимо на произволение по совѣту с мужемъ, а в цѣркви ни с кѣмъ не бѣседовати, с молчаниемъ и послуша стояти, никуда не обзираяся, ни на стену не прикланятися, ни к столпу, ни с посохомъ не стояти, ни с ноги на ногу не преступати, руцѣ согбѣни к персемъ крестообразно, твердо и непоколебимо молитися со страхом и трепѣтомъ, и со въздыханиемъ, и со слезами, и до отпѣния из церкви не исходити, а приити к началу. А неделя и празники Господския и среду, и пятокъ, и святой постъ, и Богородичень в чистотѣ пребывати, а от объядения и пиянства, и от пустошныхъ бесѣд и смѣхотворения неподобнаго всѣгда беречися, и от татбы, и от блуда, и лжи, и клеветы, и зависти, и всякаго неправеднаго собрания, и ростовъ, и корчмы, и мыта, и *перевозовъ*, и *мостовщикъ*, и всякаго лукавства не любити и не гнѣватися ни на кого. Ранного пития и ядения и позного послѣ пѣния отнюд не творити, есть бы и пить в славу Божию, и в подобно время; малымъ дѣтемъ и работнымъ по разсужению мужа и жены кормити их. Или не вѣсте, яко неправедницы царствия Божия не наслѣдят,* якоже апостоль Павелъ рече: «Аще некий братъ именуемъ или блудникъ, или лихоимецъ, или идолослужитель, или ругатель, или пьяница, или хищник — с таковыми ни ясти, ни пити». И паки рече: «Ни идолослужители, ни прелюбодѣй, ни сквернителя, ни

согласно, а после службы отнюдь ни пить, ни есть. Всегда всему свое правило. Ложась спать, каждый христианин по три земных поклона кладет, но и в полночь, тайком встав, со слезами прилежно Богу молится, сколько сможет, о своих согрешениях, а утром, поднимаясь, также; и каждый делает так, по силе и по желанию, а беременным женщинам — кланяться только поясным поклоном; всякому христианину следует молиться о своем согрешении для отпущения грехов, и о здравии царя, царицы и чад их, и братьев его, и бояр его, и о помощи христолюбивому воинству, об освобождении плененных, и о святителях, и о священниках, и о болящих, и о заключенных в темницы, и за всех христиан; жене же молиться о своих согрешениях и за мужа, и за детей, и за домочадцев, и за родичей, и за духовных отцов; и мужу также. А утром, поднявшись, Богу молиться, отпеть заутреню и часы, а в воскресенье и в праздник молебен с молитвою и в тишине, со смирением, петь согласно, и со вниманием слушать, и образам покадить. А если некому петь, то довольно молиться вечером и утром, а мужьям не пропускать ни дня церковного пения в вечерню, заутреню, обедню.

13. КАК В ЦЕРКВИ МУЖУ И ЖЕНЕ МОЛИТЬСЯ, ЧИСТОТУ ХРАНИТЬ И НИКАКОГО ЗЛА НЕ ТВОРИТЬ

А в церкви стоять на службе со страхом и в тишине молиться. Дома же всегда павечерницу, и полунощницу, и часы петь. А кто увеличит службу ради своего спасения, то в его воле, потому что и больше награда от Бога. А женам ходить в церковь Божию часто, насколько возможно, по собственному желанию и советуясь с мужем, а в церкви ни с кем не беседовать, стоять в молчании, слушать, не оглядываясь, ни к стене не прислоняться, ни к столбу, и с посохом не стоять, и с ноги на ногу не переступать; руки сложив на груди крестом, крепко и неустанно молиться со страхом и трепетом и со вздохами, и со слезами; и не выходить до конца службы из церкви, придти же к самому началу. По воскресеньям же, и в праздники Господни, и в среду, и в пятницу, и в святой пост, и в Богородицын день — пребывать в чистоте, а объедания, и пьянства, и пустых бесед, и смеха непристойного всегда остерегаться и отказываться от воровства, и от блуда, от лжи и клеветы, от зависти и всякого несправедливого побора: от ростовщичества, от наживы вином, от взятки, от платы за проезд через твой мост и от всякого иного обмана, ни на кого не гневаясь. От ранних питья и еды и от поздних после церковной службы воздержитесь, если же пить, то только во славу Божию и в положенное время; малых детей и работников кормить по усмотрению мужа и жены. Или не ведаете, что несправедные в царство Божие не войдут, как апостол Павел сказал: «Если же какой-то человек известен как блудник, или лихоимец, или идолослужитель, или насмешник, или пьяница, или грабитель, — с такими ни есть, ни пить». И

малакия, ни мужеложницы, ни лихоимцы, ни татие, ни пьяницы, ни досадители, ни хищницы царствия Божия не наследят», но достоинъ от всякаго зла блюстися всякому християнину.

14. КАКО ЧТИТИ ДѢТЕМЪ ОТЦОВЪ СВОИХЪ ДУХОВНЫХЪ И ПОВИНОВАТИСЯ ИМЪ

Подобаеть вѣдати се, како чтити *дѣтемъ* отцевъ своихъ духовныхъ, изыскати отца духовнаго добра, боголюбива и благоразумна, и разсудителна, а не потаковъника пьяницу, ни сребролюбива, ни гнѣвлива. Такова подобаеть чтити и повиноватися ему во всѣмъ и каятися пред нимъ со слезами, исповѣдати грѣхи своя не стыдно и безсрамно, и заповѣди его хранити. А призывати его к себѣ в домъ часто и извѣщатися всегда во всякой совести,* и наказание его с любовью примати, и послушати его во всѣмъ и чтити его. И бейте челомъ пред нимъ ниско: онъ учитель нашъ и наставникъ, и имѣйте его со страхом и любовью к нему приходити и приношение ему давайте от своихъ трудовъ по силе; и совѣтовати с нимъ часто о житии полезномъ, и востязатися от грѣховъ своихъ, и како учити и любити мужу жена своя и чада, а жене мужа своего слушати и спрашиватися по вся дни. А извѣщатися о грѣсехъ своихъ всегда пред отцемъ духовнымъ и обнажати грѣхи своя вся, и покарятися пред нимъ во всѣмъ: тии бо бдят о душахъ нашихъ, и отвѣтъ дадутъ о нас в день Страшнаго суда. А не поносити их, ни осужати, ни укоряти, а о комъ учнуть печаловатися, ино его слушати, и виноватаго пожаловати, по вине смотря, с нимъ же разсудя.

15. КАКО ДѢТЕЙ СВОИХЪ ВОСПИТАТИ* ВО ВСЯКОМЪ НАКАЗАНИИ И СТРАСѢ БОЖИИ

А пошлетъ Богъ у кого дѣти — сынове или дщери, ино имѣти попечение отцу и матери о чадехъ своихъ, снабдити их и воспитати в добре наказании, и учити страху Божию и вѣжству, и всякому благочинию, и, по времѣни и дѣтемъ смотря и по возрасту, учити рукодѣлию матери дщери, а отцу сынове, кто чево достоинъ, каковъ кому просугъ Богъ дастъ; любити ихъ и беречи, и страхомъ спасати, уча и *наказуя* и, разсужая, раны возлогати. Наказуй дѣти во юности* — покоить ты на старость твою. И хранити и блюсти о чистотѣ телесней и от всякаго грѣха отцемъ чадъ своихъ, якоже зѣницу ока и яко своя душа. Аще что дѣти согрѣшаютъ отцовымъ и матернимъ небрежениемъ, имъ о тѣхъ грѣсехъ отвѣтъ дати в день Страшнаго суда. А дѣти, аще не бегомы будутъ в ненаказании отцовъ и матерей, аще что согрѣшаютъ или что сотворят, и отцемъ и матеремъ з дѣтми от Бога грѣх, и отъ людей укоръ и посмѣхъ, а дому тщета, а

еще сказал: «Ни идолослужители, ни прелюбодеи, ни осквернители, ни малаккии, ни мужеложники, ни лихоимцы, ни воры, ни пьяницы, ни строптивцы, ни разбойники в царство Божие не войдут», — потому и нужно христианину от всякого зла охранять себя.

14. КАК ПОЧИТАТЬ ОТЦОВ СВОИХ ДУХОВНЫХ И ПОВИНОВАТЬСЯ ИМ

Следует знать, как почитать отца своего духовного. Приискать отца духовного доброго, и благоразумного, и рассудительного, а не потаковщика пьяницу, не сребролюбца, не гневливого. Следует такого почитать и повиноваться ему во всем и каяться перед ним со слезами, исповедуя грехи свои без стыда и без срама, и наставления его соблюдать. Призывать же его в дом к себе часто и исповедоваться всегда по всей совести, и поучение его с признательностью принимать, и слушаться его во всем, и почитать его. И бейте челом ему низко: он учитель наш и наставник, и старайтесь приходить к нему со страхом и признательностью, и давайте ему приношения от своих трудов по возможности; и советуйтесь с ним почаще о правильном житье, чтоб удержаться от грехов, и мужу как поучать и любить жену свою и детей, а жене — слушаться мужа своего, советуюсь с ним всякий день. А исповедоваться в грехах своих всегда перед духовным своим отцом, и открывать все свои грехи, и покоряться ему во всем: ибо они заботятся о наших душах и дадут ответ за нас в день Страшного суда. И не поносить их, не осуждать, не укорять, а если станут о ком просить, этого выслушать, да и виновного наказать, по вине смотря, с ним же все обсудив.

15. КАК ДЕТЕЙ СВОИХ ВОСПИТАТЬ В ПОУЧЕНИИ И СТРАХЕ БОЖЬЕМ

А пошлет Бог кому детей — сыновей или дочерей, то заботиться о чадах своих отцу и матери, обеспечить их и воспитать в добром поучении; учить страху Божию и вежливости, и всякому порядку, а затем, по детям смотря и по возрасту, их учить рукоделию — мать дочерей и мастерству — отец сыновей, кто в чем способен, какие кому Бог возможности даст; любить их и беречь, но и страхом спасать, наказывая и поучая, а когда и побить. Наказывая детей в юности — упокоят тебя в старости твоей. И беречь и блюсти чистоту телесную и от всякого греха отцам чад своих как зеницу ока и как свою душу. Если же дети согрешают по отцовскому или материнскому небрежению, о таких грехах им ответ держать в день Страшного суда. Так что если дети, лишенные поучений отцов и матерей, в чем согрешат или зло сотворят, то отцам и матерям от Бога грех, а от людей укоризна и насмешка, дому же убыток, а себе самим

себѣ скорбѣ и убытокъ, а отъ судьей продажа и соромота. Аще у богобоязливыхъ родителей и у разумныхъ и благоразсудныхъ чада воспитани в страсть Божию, и в добре *наказании*, и в благоразсудномъ учении всякому разуму и вѣштву, и промыслу, и рукодѣлю, — и тѣ чада с родители своими бывають отъ Бога помиловани, а отъ освященнаго чину благословены, а отъ добрыхъ людей хвалими, а в совершене возрастѣ добрые люди с *радостію* и зъ благодарениемъ женять сыновъ своихъ по своей вѣрстѣ, по суду Божию, а дщери за ихъ дѣти замужь выдають. А аще отъ таковыхъ которое чадо Богъ возметъ в покаянии и съ причастиемъ, то отъ родителю безсквѣрная жертва к Богу приносится, и в вѣчныя кровы вселяются, а имѣють дерзновение у Бога милости просити и оставления грѣховъ и о родителехъ своихъ.

16. КАКО ЧАДЪ ВОСПИТАТИ, С НАДѢЛКОМЪ ЗАМУЖЬ ВЫДАТИ

А у кого дочь родится, ино разсудны люди от всякаго приплода на дочь откладывают: на ее имя или животинку растятъ с приплодомъ, а у полотень, и у вусчинъ, и у ширинокъ, и у вубрусовъ, и рубашекъ по вся годы ей в пришенной сундукъ кладуть и платье, и саженье, и монисто, и святость, и суды оловяные и меденые, и деревяные; прибавливати непомношку всегда, а не вдруг, себе не в досаду, и всево будетъ полно. Ино дочери растутъ, а страху Божию и вѣштву учатся, а приданое с ними вдругъ прибывает, и какъ замужь зговорять — ино всѣ готово. А толко ранее хто о дѣтехъ не смышляеть, да какъ замужь давать, и въ ту пору всѣ покупать, ино скорая женитва видома работа; а по судбамъ Божиимъ толко та дочь преставится, ино ее надѣлкомъ поминают по ей души сорокоустъ и милостыню ис того дают. А толко иные дочери есть, тако ж о них промышляти.

17. КАКО ДѢТИ УЧИТИ И СТРАХОМЪ СПАСАТИ

Казни сына своего отъ юности его и покоить ты на старость твою и дасть красоту души твоей; и не ослабляи, бия младенца; аще бо жезломъ биеши его, не умереть, но здравие будетъ, ты бо бия его по телу, а душу его избавляеши от смерти. Дщерь ли имаши, положи на них грозу свою, соблюдеши я отъ телесныхъ; да не посрамиши лица своего, да в послушании ходит, да не свою волю примеши и в неразумии прокудит дѣвство свое, и сотворится знаемъ твоимъ в посмѣхъ, и посрамят ты пред множествомъ народа. Аще бо отдаси дщерь свою бес порока, то яко велико дѣло совершиши и посреди собора похвалишися, при концы не постонеши на ню. Любя же сына своего, учащай ему раны, да последи о немъ возвеселишися, казни сына своего измлада и порадуешися о немъ в мужествѣ, и посреди злыхъ похвалишися, и зависть примуть враги твоя. Воспитай дѣтище с прещениемъ, и

скорбь и ущерб, от судей же пеня и позор. Если же у богобоязненных родителей, рассудительных и разумных, дети воспитаны в страхе Божьем и в добром наставлении и научены всякому разуму, и вежливости, и промыслу, и рукоделию, — такие дети с родителями своими будут Богом помилованы, священниками благословлены и добрыми людьми восхвалены, а вырастут — добрые люди с радостью и благодарностью женят сыновей своих на их ровне по Божьей милости или своих дочерей за детей их выдадут замуж. Если же из таких-то какое дитя и возьмет Бог после покаяния и с причащением, тем самым родители приносят Богу непорочную жертву, и как вселятся такие дети в чертоги вечные, то получают у Бога право просить милости и прощения грехов и для своих родителей.

16. КАК ДОЧЕРЕЙ ВОСПИТАТЬ И С ПРИДАНЫМ ЗАМУЖ ВЫДАТЬ

А у кого дочь родится, тогда рассудительные люди от всякой прибыли на дочь откладывают: на ее имя или животинку растят с приплодом или из полотен, и из холстов, и из кусков ткани, и из убрусов, и из рубашек все эти годы ей в особый сундук кладут и платье, и уборы, и мониста, и утварь церковную, и посуду оловянную, и медную, и деревянную; добавлять всегда понемножку, а не все вдруг, себе не в убыток, и всего будет полно. Так дочери растут, страху Божью и знаниям учатся, а приданое их понемногу прибывает, только лишь замуж сговорят — тут все и готово. А кто заранее о детях не раздумывает, то как замуж отдавать, тотчас же и покупать все, так что скорая свадьба вся на виду; а коли по Божьему желанию дочь та преставится, то ее приданым поминают душу ее в сорокоуст, и милостыню из него же дают. А если другие дочери есть, таким же образом и о них заботятся.

17. КАК ДЕТЕЙ УЧИТЬ И СТРАХОМ СПАСАТЬ

Наказывай сына своего в юности его, и упокоит тебя в старости твоей и придаст красоты душе твоей; и не жалея бей ребенка: если прутом посечешь его, не умрет, но здоровее будет, ибо ты, казня его тело, душу его избавляешь от смерти. Если дочери у тебя, направь на них свою строгость, тем сохранишь их от бед телесных: и ты не посрамишь лица своего, коли в послушании ходит, и не твоя вина, если по глупости нарушит она девство свое и станет известно знакомым твоим, и тогда посрамят тебя перед людьми. Ибо если отдашь дочь свою беспорочной, будто великое дело совершишь и в любом обществе похвалишься, никогда не посетуешь на нее. Любя же сына своего, учащай ему раны, и потом не нахвалишься им; наказывай сына своего с юности и порадуетесь на него потом в зрелости, и среди недоброжелателей сможешь им похвалиться, и позавидуют тебе враги твои. Воспитай дитя в запретах и найдешь в нем покой

обращеши о немъ покой и благословение; не смѣйся к нему, игры творя:* в мале бо ся ослабиши — в велицѣ поболиши, скорбя, и после же яко оскомины твориши души твоей. И не дажъ ему власти во юности, но сокруши ему ребра, донележе растеть, и, ожесточавъ, не повинет ти ся и будет ти досаждение и болезнь души, и тщета домови, погибель имению и укоризна отъ сусѣдъ, и посмѣхъ предъ враги, предъ властью платежъ и досада зла.

18. КАКО ДѢТЕМЪ ОТЦА И МАТИ ЛЮБИТИ И БЕРЕЧИ* И ПОВИНОВАТИСЯ ИМЪ И ПОКОИТИ ИХ ВО ВСЕМЪ

Чада, послушайте заповѣди Господни, любите отца своего и мать свою, и послушайте их, и повинуйтесь имъ по Бозѣ во всемъ, и старость ихъ чтите, и немощь ихъ и скорбь всякую от всея душа понесите на своей выи, и благо вамъ будетъ, и долголѣтны будете на земли, симъ очистите грѣхи своя и от Бога помилованы будете, и прославитея от человекъ, и домъ его будетъ благословѣнъ в вѣки, и наследит сыны сыновъ твоих, и досътигнѣтъ старости маститы, во всякомъ благодѣньствѣ дни своя препровожают. Аще ли кто злословитъ или оскорбляетъ *родителя* своя или кленеть, или лаеть, сий пред Богомъ грѣшенъ, отъ народа проклятъ; аще кто бьетъ отца и мать — отъ церкви и отъ всякия святыни да отлучится, и лютою смертию и градскою казнью да умрет,* писано бо есть: «Отча клятва иссушит, а матерня искоренитъ». Сынъ или дщерь, не послушьливы отцу или матери, в пагубу имъ будѣтъ, и не поживуть дней своихъ, иже прогнѣваютъ отца и досажаютъ матери. Мнится не согрѣшая к Богу, и есть поганого горѣ, и обѣщникъ есть нечестивымъ, о них же пророкъ Исаия рече: «Возмется нечестивый, да не видит славы Господня».* Сихъ нечестивыи именована, иже бесчествуютъ родителя своя и паки насмехающагося отцу и укаряюща старость матерню, да съключють ихъ врановѣ и снѣдят орли! Честь же творяй отцу и матери, и повинующеся имъ по Бозѣ во всемъ, возвеселитися имуть о чадахъ своихъ, и в день печали избавит ихъ Господь Богъ, и молитву ихъ услышит, егоже просятъ, подасть имъ вся благая; покойя мать свою волю Божию творит и угрожайя отцу во благихъ поживет. Вы же, чада, дѣломъ и словомъ угрожайте родителемъ своимъ во всякомъ блазѣ совѣте, да благословени будете отъ нихъ: отчее благословение домъ утвердит, и матерня молитва отъ напасти избавит. Аще ли оскудѣютъ разумомъ в старости отецъ или мать, не бесчествуйте ихъ, не укаряйте, да от своихъ чадъ почтени будете, не забывайте труда матерня и отцова, яже о васъ болезноваша и печални быша, покойте старость ихъ и о нихъ белезнуйте, якоже они о вас. Не глаголи много: «Сотворихъ имъ добра одѣяниемъ и пищею, и всякими потребами», но ни си свободи, симъ не можеша бо ея родити и тако ея болети, яко она о тебѣ; тем же со страхомъ раболѣпно служити имъ, да и сами отъ Бога мзду примете и жизнь вѣчную наслѣдите, яко свершители заповѣди его.

и благословение; не улыбайся ему, играя: в малом послабишь — в большом пострадаешь, скорбя, и в будущем будто занозы вгонишь в душу свою. И не дай ему воли в юности, но сокруши ему ребра, пока он растет, но, ожесточась, не повинится перед тобою, не станет тебе досадой, и болезнью души, и разорением дома, и погибелью имущества, и укоризной соседей, и насмешкой врагов, и пеней властей, и злою досадою.

18. КАК ДЕТЯМ ОТЦА И МАТЬ ЛЮБИТЬ, И БЕРЕЧЬ, И ПОВИновАТЬСЯ ИМ, И УТЕШАТЬ ИХ ВО ВСЕМ

Чада, вслушайтесь в заповеди Господни, любите отца своего и мать свою, и слушайте их, и повинуйтесь им в Боге во всем, и старость их чтите, и немощь их и всякую скорбь от всей души на себе понесите, и благо вам будет, и долго пребудете на земле, за то простятся грехи ваши, и Бог вас помилует, и прославят вас люди, и род ваш благословится навеки, и наследуют сыны сынам вашим, и достигнете старости маститой, в благоденствии дни свои проводя. Если же кто осуждает, или оскорбляет своих родителей, или клянет их, или ругает, тот перед Богом грешен и проклят людьми; того, кто бьет отца и мать, — пусть отлучат от церкви и от всех святынь и пусть умрет он лютою смертью от гражданской казни, ибо написано: «Отцовское проклятье иссушит, а материнское искоренит». Сын или дочь, непослушные отцу или матери, сами себя погубят, не доживут до конца дней своих, если прогневают отца или досадят матери. Кажется он себе праведным перед Богом, но он хуже язычника, сообщник нечестивых, о которых пророк Исая сказал: «Погибнет нечестивый и пусть не увидит славы Господней». Он назвал нечестивыми тех, кто бесчестит родителей своих и еще насмеяется над отцом и укоряет старость матери, пусть же склюют их вороны и сожрут орлы! Честь же воздающим отцу и матери и повинующимся им в Боге, станут они во всем утешением родителей, и в день печали избавит их Господь Бог, молитву их услышит, и все, что попросят, подаст им благое; упокоющий мать свою волю Божью творит и угождающий отцу в благости проживет. Вы же дети, делом и словом угождайте родителям своим во всяком добром замысле, и вас они благословят: отчее благословение дом укрепит, а материнская молитва от напасти избавит. Если же оскудеют разумом в старости отец или мать, не бесчестите их, не укоряйте, и тогда почтут вас и ваши дети; не забывайте труда отца и матери, которые о вас заботились и печалились о вас, покойте старость их и о них заботьтесь, как и они о вас. Не говори много: «Оказал им добро одеждой и пищей и всем необходимым», — этим ты еще не избавлен от них, ибо не сможешь их породить и заботиться так, как они о тебе; вот почему со страхом служи им раболепно, тогда и сами от Бога примете дар и вечную жизнь получите, как исполняющие заповеди его.

19. КАКО ВСЯКОМУ ЧЕЛОВѢКУ РУКОДѢЛЬНИЧАТИ И ВСЯКОЕ ДѢЛО ДѢЛАТИ БЛАГОСЛОВЯСЯ

В домовитомъ обиходѣ и вездѣ всякому человеку, государю или государыни, или сыну или дщѣри, или служке мужеска полу и женьска, и стару и малу всякое дѣло начати или рукодѣльничати: или ести, или пити, или ества варити, или печи што и всякие приспехи дѣлати, и всякое рукоделие, и всякое мастерство, и, устройвъ себя, очистивъ от всякия скверны и руки умывъ чисто, преже святымъ поклонятися трижды въ землю, а по нужи или до пояса, кто умѣеть достойно проговорити да, благославясь у настоящего, да молитву Иисову проговоря да перекрестясь, молвя: «Господи благослови, отче», — тоже начати всякое дѣло, ино тому Божия милость поспѣшесътвуетъ, аггели невидимо помогают, а бѣси отбѣгнут, и то дѣло Богу в честь, а души на пользу. И ести, и пити зъ благодарениемъ, ино сладко, а што впрокъ здѣлано, ино мило, а дѣлати с молитвою и з доброю бѣседою, или с молчаниемъ, а дѣлаючи што ни быть, начнется слово празное или хулное, или с роптаниемъ, или смѣхи, или кощуны, или скверныя и блудныя речи — от такова дѣла и от таковыя бѣсѣды Божия милость отступитъ, аггели отидуть скорбни, и возрадуются нечестивии дѣмони, видя волю свою содѣвающу безумнии християне; и приступя ту лукавии, влагающе в мысль всякую злобу и всякую вражду и ненависть, и подвизают помыслы на блудъ и на гнѣвъ и на всякие кощуны и сквернословие,* и на всякое зло ино, — то уже дѣло, ества или питие не споро, и всякое мастерство и всякое рукодѣлие не о Бозѣ свершается, Богу на гнѣвъ, а людемъ не благословенное не ꙗко потребно и не мило, и не прочно, а ества и питие не укусна и не сладка, только врагу и его слугамъ угодно и сладко, и радостно. А кѣто въ естве и в питии, и во всякомъ рукодѣлии не чисто стряпает, и во всякомъ мастерствѣ што украдетъ или прилжет, или божитца на криве: не толко здѣлано или не в толке стало, а онъ лжетъ, — и тѣ всѣ дѣла не угодны Богу, бѣси напишуютъ, и в томъ во всѣмъ человеку истязану быти в день Страшнаго суда.

20. ПОХВАЛА ЖЕНАМЪ*

Аще даруетъ Богъ жену добру, дражайши естъ камени многоцѣннаго, таковая от добры корысти не лишится, дѣлаетъ мужу своему все благожитие. Обрѣтши волну и ленъ, сотвори благопотребно рукама своима, бысть яко корабль куплю дѣючи: издалече збираетъ в себѣ богатество и востает из нощи, и дасть брашно дому и дѣло рабынямъ, от плода руку своею насадит тяжание много; препоясавъше крѣпко чресла своя, утвердит мышца своя на дѣло и чада своя поучаетъ, тако же и рабъ, и не угасаетъ свѣтилникъ ея всю ноць: руцѣ свои простирает на полезная, лакти же своя утверждает на вретено, милость же

19. КАК ВСЯКОМУ ЧЕЛОВЕКУ РУКОДЕЛЬНИЧАТЬ И ВСЯКОЕ ДЕЛО ДЕЛАТЬ, БЛАГОСЛОВЯСЬ

В домовитом хозяйстве и всюду всякому человеку, хозяину и хозяйке, или сыну и дочери, или слуге — мужчине или женщине, и старому и малому всякое дело начать или рукодельничать: или есть, или пить, или еду готовить, или печь что, и разные припасы делать, и всякое рукоделье исполнять, и всякое ремесло, и, приготовясь, очистясь от всякой скверны и руки вымыв чисто, прежде всего — святым образам поклониться трижды в землю, а в болезни — только до пояса, а кто может правильно молитву сказать, тот, благословясь у старшего и молитву Иисусову проговоря да, перекрестясь, молвит: «Господи, благослови, отче!» — с тем и начать всякое дело, ибо ему Божья милость сопутствует, ангелы невидимо помогают, а бесы исчезнут, и дело такое Богу в почет, а душе на пользу. А есть и пить с благодарностью будет сладко; что впрок сделано, то мило, делать же с молитвой и с доброй беседой или в молчании, а если во время дела какого раздастся слово праздное, или непристойное, или с ропотом, или со смехом, или с кощунством, или скверные и блудливые речи, — от такого дела и от такой беседы Божья милость отступит, ангелы отойдут в скорби, и возрадуются нечестивые бесы, видя, что волю их исполняют безумные христиане; и приступят тут лукавые, влагая в помысл всякую злобу и всякую вражду и ненависть, и подвигают мысли на блуд, и на гнев, и на всякое кощунство, и сквернословие, и на всякое прочее зло, — и вот уже дело, еда или питье не спорятся, и всякое ремесло и любое рукоделие не с Богом свершается, а Богу во гнев, ибо и людям неблагословенное не нужно и не мило, да и непрочно оно, а еда и питье не вкусны и не сладки, и только дьяволу да слугам его все то и удобно, и сладко, и радостно. А кто в еде и питии и в каком рукоделье нечисто совершает и в ремесле каком украдет что или соврет, или божится ложно: не настолько сделано или не в столько стало, а он врет, — так и такие дела не угодны Богу, и тогда их запишут на себя бесы, и за это все взыщется с человека в день Страшного суда.

20. ПОХВАЛА ЖЕНАМ

Если дарует Бог жену добрую, получше то камня драгоценного; такая по корысти добра не лишит, всегда хорошую жизнь устроит своему мужу. Собрав шерсть и лен, сделай что нужно руками своими, будь как корабль торговый: издалека вбирает в себя богатства и возникает из ночи; и даст она пищу дому и дело служанкам, от плодов своих рук увеличит достояние намного; препоясав туго чресла свои, руки свои утвердит на дело и чад своих поучает, как и рабов, и не угаснет светильник ее всю ночь: руки свои протягивает к прялке, а персты ее берутся за веретено, милость обращает на убогого и плоды

простирает убогу, плод же подаетъ нищим, — не печется о дому мужь ея: многоразлична одѣяния преукрашена сотвори мужу своему и сѣбе, и чадомъ, и домочадцемъ своимъ. Всегда же мужь бысть в сонмищи с вельможи и сядетъ знаемымъ вельми честенъ бысть, и благоразумно бесѣдова разумѣть, яко добро дѣлати, никто же без труда вѣнчанъ будетъ. Жены ради добры блаженъ мужь, и число днии его сугубо, жена добра веселит мужа своего и лѣта его исполнит миромъ, жена добра часть блага в части боящихся Господа да будет, жена бо мужа своего честнѣ творяще: первие Божию заповѣдь сохранивъ, благословена будет, а второе отъ человекъ хвалима есть. Жена добра и страдолюбива и молчалива венець есть мужеву своему, обрѣте мужь жену свою добру износить благая из дому своего: блаженъ есть таковыя жены мужь, и лѣта своя исполняют во блазѣ мирѣ; о добрѣ жене хвала мужу и честь.

21. НАКАЗЪ МУЖУ И ЖЕНѢ, И ЛЮДЕМ, И ДѢТЕМЪ, КАКО ЛѢПО БЫТИ ИМЪ

Да самому себѣ государю и жену, и дѣтей, и домочадцов своихъ учити не красти, не блясти, не солгати, не оклеветати, не завидѣти, не обидети, не клепати, чюжаго не прѣтися, не осужатися, не бражничати, не просмѣивати, не помнити зла, не гнѣватися ни на кого, к большимъ быти послушны и покорну, к средѣнимъ любовну, к меншим и убогимъ привѣтну и милостиву, со всякимъ управа без волокиты, ноипаче наимита наимомъ не изобидѣти, а всякая обида со благодарениемъ терпѣти Бога ради: и понось, и укоризна, аще по дѣломъ поносятъ и укаряють, сие с любовию примати, и от такового безумия отвращатися, а противъ не мстити. Аще в чемъ не повиненъ, за сие от Бога мзду примеши. А домочатцѣвъ своихъ учи страху Божию и всякой добродѣтели, и самъ тая же твори, вкупѣ от Бога обрящете милость. Аще ли небрежениемъ и нерадѣниемъ самъ или жена мужнимъ ненаказанием согрѣшит или что злое сотворить, и вси домочадцы, мужи и жены, и дѣти господаревымъ ненаказаниемъ каковъ грѣх или что зло сотворят, или брань, или татбу, или блудъ, всѣ вкупѣ по дѣломъ своимъ примуть: зло сотворшии — муку вѣчную, а добро сотворшии, Богоу угодно поживше, — жизнь вѣчную наследят в царствии небеснемъ.

22. КАКОВЫ ЛЮДИ ДЕРЖАТЬ* И КАКЪ О НИХ ПРОМЫШЛЯТИ ВО ВСЯКОМЪ УЧЕНИИ И В БОЖЕСТВЕННЫХЪ ЗАПОВЕДѢЙ, И В ДОМОВНОМЪ СТРОЕНИИ

А людей у себя добрыхъ дворовыхъ держати, чтобы были рукоделны, кто чему достоинъ и какому руководлиу ученъ, не воръ бы, не бражникъ, не зерыщикъ, не тать, не разбойникъ, не блудникъ, не чародѣй, не корчмитъ, не оманщикъ;

трудов подает нищим, — не беспокоится о доме муж ее; самые разные одежды расшитые сделает мужу своему, и себе, и детям, и домочадцам своим. И потому всегда ее муж соберется с вельможами и сядет, всеми друзьями почтен, и, мудро беседуя, знает, как делать добро, ибо никто без труда не увенчан. Если доброй женою муж благословен, число дней его жизни удвоится, хорошая жена радуется мужу своего и наполнит миром лета его; хорошая жена да будет благою наградой тем, кто боится Бога, ибо жена делает мужа своего добродетельней: во-первых, исполнив Божию заповедь, благословится Богом, а во-вторых, славится и людьми. Жена добрая, и трудолюбивая, и молчаливая — венец своему мужу, коли обрел муж жену свою добрую — только хорошее выносит из дома своего; благословен муж такой жены, и года свои проживут они в добром мире; за хорошую жену похвала мужу и честь.

21. НАКАЗ МУЖУ, И ЖЕНЕ, И РАБОТНИКАМ, И ДЕТЯМ, КАК ПОДОБАЕТ ИМ ЖИТЬ

И тебе самому, господину, жену, и детей, и домочадцев своих учить не красть, не блудить, не лгать, не клеветать, не завидовать, не обижать, не наушничать, на чужое не посягать, не осуждать, не бражничать, не высмеивать, не помнить зла, ни на кого не гневаться, к старшим быть послушными да покорными, к средним — дружелюбными, к младшим и убогим — приветливыми и милостивыми, всякое дело править без волокиты и особенно не обижать в оплате работника, всякую же обиду с благодарностью претерпеть ради Бога: и поношение, и укоризну, если поделом поносят и укоряют, с любовью принимать и подобного безрассудства избегать, а в ответ не мстить. Если же ни в чем не повинен, за это от Бога награду получишь. А домочадцев своих учи страху Божию и всякой добродетели, и сам то же делай, и вместе от Бога получите милость. Если же небрежением и нерадением сам или жена, наставлением мужа обделенная, согрешит или что нехорошее сотворит, и все домочадцы, мужчины и женщины, и дети, хозяйского наставления не имея, грех какой или зло совершат: или ругань, или воровство, или блуд, — все вместе по делам своим примут; зло сотворившие — муку вечную, а добро сотворившие, угодно Богу прожившие, — жизнь вечную получают в царствии небесном.

22. КАКИХ ЛЮДЕЙ ДЕРЖАТЬ И КАК НАСТАВЛЯТЬ ИХ ВО ВСЯКОМ УЧЕНИИ, И В БОЖЕСТВЕННЫХ ЗАПОВЕДЯХ, И В ДОМАШНЕЙ РАБОТЕ

А людей дворовых у себя держать хороших, чтобы знали ремесло, кто какого достоин и какому ремеслу учен, не был бы ни вор, ни бражник, ни игрок, ни грабитель, ни разбойник, ни блудник, ни колдун, ни мошенник, ни обман-

всякой бы человекъ у доброго государя наученъ страху Божию и вѣжству, и смиренью, и всякимъ добродѣтелемъ, доброму промыслу, не солгалъ, ни розбилъ, никово бы не обидель, сыт бы был государевымъ жалованьемъ да одѣнъ, или своимъ рукодѣлиемъ; а чемъ государь пожалует: платьемъ или лошедь и всякимъ нарядцомъ, или пашенькою, или кокою торговлею, а и сам что замыслить своими трудами, — ино лучшее платенко верхнее и нижнее, и рубашка, и сапогъ блюсти по праздникомъ и при добрыхъ людехъ в ведро, а всегда было бы чистенко и не изваляно, и не изгрязнено, и не излито, и не измочено, и не измято. А которой человекъ глуп и грубъ и невѣжда, и небреженъ, а и есть у него *платенко*, государско жалованье или своими трудами здѣлано, да беречи не умѣет, ино государю или кому приказано у такихъ нечювьсьтвениковъ платье берегутъ у себя лучшее, дадутъ, коли во время надѣтъ да, опять снемше, у себя блюдутъ. А всемъ дворовымъ людямъ наказъ: всегда што дѣлаютъ в ветшаномъ платьѣ, а какъ предъ государемъ и при людехъ — въ чистомъ во всеневномъ платейцы, а в празники и при добрыхъ людехъ или с государемъ или съ государынею где быти, ино в лучшемъ платьѣ; а беречи от грязи и от дождя, и от снегу, и пришед да снявъ платейце, высушить да вымять, и вытеретьъ, и выпяхать хорошенько, укласть и упрятать гдѣ то живетъ, — ино и себѣ мило, и от людей чесно, и государю споро, и слушкамъ прочно, и всегда вновь. А люди бѣ были во чти и в грозѣ, и во всякомъ дозорѣ, промежъ бы себя не кралися, чужево бы отнюдь не хотѣли никоими дѣлы, а государского бы берегли все за одинъ, а государю бы и государыни не лгали и не клеветали ни на кого ни в чемъ, а государи бы темъ не потакали, обыскивали бы прямо ставя с очей на очи, дурному бы не попускали, а доброго бы жаловали, ино всякъ добру ревнуетъ и государское жалованья хочетъ выслужить правдою и прямою своею службою, и государскимъ наказомъ и добрымъ наукомъ вѣкъ живеть и душу спасеть, и государю служитъ, и Богу угодитъ. Да наипаче указывати, которымъ вмѣстѣ к церкви Божии всегда ходити и по праздникомъ или во дворе пѣтя слушати, и особъ наедине молитися, чистота *телесная* хранити от всякаго блуда, и пьянства, и лакомства, и от безвременного пития и ествы, и объядения, и пьянства воздержатися, и отцовъ бы духовныхъ и з женами своими имѣти, и на покаяния приходили, а женатые с своими женами законно бы жили по духовнаго отца *наказанию*, от женъ бы своихъ не блудили, а жены от мужей; да чему самъ от государя наученъ, тово бы и жены наказывали, всякому страху Божию и вѣжству, и государыни бы слушали и повиновалася во всемъ, и своими трудами и рукодѣльемъ выслуживала, а не крала бы и не лгала, и не бляла, и не бражничала, и з дурными речми к государыни не приходила, и волхвовъ, и с кореньемъ, и з зельемъ, кто тѣмъ промышляетъ, с тѣми бы отнюдь не зналася и государемъ бы про такихъ людей не сказывали, то бо суть слуги бѣсовския. Служили бы государемъ своимъ вѣрою и правдою, и добрыми дѣлы, и праведными трудами, а государи бы и государыни людей своихъ, мужей и женъ, и роятъ,

щик; всякий бы человек у хорошего хозяина научен был страху Божию, и знанию, и смирению, и всем добродетелям, доброй заботе, не солгал, не разбил, никого бы не обидел, сыт бы был да одет господским пожалованием или своим ремеслом; а чем господин пожалует: платьем, или лошадью и всяким снаряжением, или пашенкой, или какою торговлею, да и сам что получит своими трудами, — из этого лучшее платье верхнее и нижнее, и рубашку, и сапоги носить по праздникам и при добрых людях в хорошую погоду, а всегда бы было чистенько и не измято, и не загрязнено, и не облито, и не намочено, и не разорвано. А какой человек глуп, и груб, и невежда, и не бережлив, и есть у него платьишко, господина пожалование или своими трудами добытое, да беречь не умеет, тогда господину или кому он прикажет таковых нерадивых платье беречь у себя, что получше, да давать им на время, когда нужно, и, снова сняв, у себя же хранить. И всем дворовым людям приказ: всегда работать в старой одежде, а как перед господином и на люди — в чистом повседневном платье, а в праздники и при добрых людях, или с господином, или с госпожою куда идти, то в лучшем платье; и беречь его от грязи, и от дождя, и от снега, а воротясь и сняв платьице, высушить да вытряхнуть и вытереть и обмести хорошенько, уложить и спрятать, где что находится, — так и себе мило, и от людей честь, и господину прибыль, и служкам надолго, и всегда как новое. А люди бы были в уважении и в страхе и всегда под присмотром, меж собою бы не воровались, чужого бы никогда не желали ни в каком виде, а господское бы хранили все заодно, и господину бы и госпоже не лгали и не клеветали ни на кого ни в чем, да и господа бы таким не потакали, проводили дознание прямо, деля очную ставку, дурному бы не попускали, а доброго жаловали, чтоб каждый был склонен к добру и господское жалованье хотел бы выслужить правдой и верной службой, и господским приказом и доброй наукой век проживет и душу спасет; и господину служит, и Богу угождает. Но пуще всего следить, кому надлежит в церковь Божью ходить и всегда и по праздникам или в доме молебны слушать и особо молиться наедине; чистоту телесную хранить от всякого блуда, и пьянства, и чревоугодия, и от неурочных питья и еды, и от обжорства, и от пьянства воздерживаться да иметь бы им вместе с женами одних духовных отцов, к которым на исповедь бы приходили; женатые же со своими женами законно бы жили по поучению духовного отца, на стороне от жен своих не блудили, а жены — от мужей; чему и сам господином научен, тому бы и жен учили, всякому страху Божию и уважению, и чтоб госпожу свою слушались, и чтобы повиновались ей во всем, а своими трудами да ремеслом заслужили милость ее, да ни одна не краля бы, и не лгала, и не блудила, и не бражничала, и с дурными речами к госпоже не ходила бы, и с волхвами, и с теми, что промышляют кореньем и зельем, отнюдь бы не зналась и господам про таких людей не сказывала бы, ибо то слуги бесовские. Служили бы господам своим верой и правдой, и добрыми делами, и праведными трудами, а

и всяких слугъ жаловали, и кормили, и поили, и одѣвали, и въ тепле бы жили и во всякомъ покои, и в благоденствѣ всегда, и государи бы себя и свою душу и домъ свой добре строятъ, и домочадцовъ безо всякия скорби, тоже нищих и странных и убогих вдовицъ и сиротъ покоити достойно от своих праведных трудовъ и к церквамъ Божиимъ и церковникомъ, и в монастыри пронести милостыня, и к себѣ в дома своя призывать, ино то и Богу приятно, и души полезно; а отнюдь бы не вмещалось в домъ ни от насилия, ни от грабления, ни от всякого мшелоимства, ни от посулу, ни от поклепу, ни от резоимства, ни от ябедничества, ни от крива суда, — аще от сего зла Богъ соблюдеть, тотъ домъ будетъ благословенъ отнынѣ и до века.

23. КАКО ВРАЧЕВАТИСЯ ХРИСТИЯНОМЪ ОТ БОЛЕЗНИ И ОТ ВСЯКИХ СКОРБЬ

Аще Богъ пошлет на кого болезнь или какую скорбь, ино врачеватися Божиею милостию, да слезами, да молитвою, да постомъ, да милостынею к нищимъ, да истиннымъ покаянием, да благодарение и прощение, и милосердие, и нелицѣмѣрная любовь ко всякому, да отцовъ духовныхъ подвизати на моление Богу, и молебны пѣти, и вода святити с честныхъ крестовъ и со святыхъ мощей и с чудотворныхъ образовъ, и масломъ свящатися, да и по чудотворнымъ, по святымъ мѣстомъ обещеватися и, приходяще, молитися со всякою чистою совѣстью, тѣмъ цѣлба всякимъ различнымъ недугомъ от Бога получитьи, да и от всякихъ грѣховъ удалитися, и впередъ никакова зла не творити; а отцовъ духовныхъ заповѣди хранити и епитемьи исправляти, тѣмъ очиститися от грѣха, и душевная и телесная болезнь исцелити, и Бога милостива сотворити. И всякому христианину целити себѣ от всякихъ различныхъ недуговъ душевныхъ и телесныхъ, и душетлѣнныхъ и болезненныхъ страстей, жити по заповедемъ Господнимъ и по отеческому преданию, и по християнскому закону, якоже в начале писано книги сея от первыя главы вся пятнадцать главъ и прочая главы книги сея такоже, 25 главъ, внимати и достоинъ творити, ино и Богу угодит, и душу спасет, и грѣха избудеть, и здравие получить душевное и телесное, и вѣчныхъ благъ наследникъ будетъ. А кто безстрашенъ и бесчиненъ, страху Божию не имѣеть и воли Божии не творит, и закону християнского и отеческаго предания не хранит, о церкви Божии и о церковномъ пѣнии, и о келейномъ правиле, и о молитве, и о всякомъ славословии Божии не радить, есть и пьетъ безъ воздержания, и во объядение и в пьянство, и не в подобно время, и законного жительства не хранит, недѣли, и среды, и пятка, и праздниковъ, и Великого поста, и Богородична, безъ воздержания блудитъ и не в подобно врѣмя, и чрезъ естество и чрезъ законъ, или от жены блудятъ, или содомскій грѣхъ содѣваютъ, и всяко скаредие творятъ и всякие богомѣрские дѣла:* блудъ, нечистоту, сквернословие и срамословие, пѣсни бѣсовские,

господа бы и госпожи людей своих, мужчин и женщин, и ребят, и всех слуг, жаловали и кормили, и поили, и одевали, и в тепле бы держали и покое, всегда в благополучии, а господа, себя и свою душу и дом свой хорошо устроив, и домочадцев избавили бы от всякой скорби, также нищих и странников, и убогих вдовиц и сирот снабдили бы подобающе от праведных своих трудов, и в церкви Божии, и церковникам, и в монастыри приносили бы милостыню, и к себе в дома свои звали, ибо то и Богу приятно и душе полезно; но отнюдь не входило бы в дом ничего от насилия, ни из грабежа, ни из какой корысти, ни из взятки, ни из навета, ни из ростовщичества, ни из клеветы, ни из несправедного суда, — если от этого зла Бог охранит, будет тот дом благословен отныне и вовеки.

23. КАК ВРАЧЕВАТЬСЯ ХРИСТИАНАМ ОТ БОЛЕЗНИ И ОТ ВСЯКИХ СТРАДАНИЙ

Если Бог найдет на кого болезнь или какое страдание, врачеваться ему Божьею милостью да слезами, да молитвою, да постом, да милостынею нищим, да истовым покаянием, да благодарностью и прощением, и милосердием, и неліцеприятною любовью ко всякому, да и отцов духовных поднять на моление Богу, и петь молитвы, и воду святить с честных крестов, и со святых мощей, и с чудотворных образов, и освящаться маслом, да и по святым чудотворным местам по обету ходя, молиться со всею чистою совестью, и тем исцеление самым разным недугам от Бога получить, да и от всяких грехов уклоняться и впредь никакого зла не творить; а наказы духовных отцов соблюдать и епитимьи править, и тем очиститься от греха, и душевные и телесные болезни исцелить, и от Бога милости испросить. И каждому христианину исцелять себя от самых разных недугов душевных и телесных, от душетленных и болезненных страданий, жить по заповедям Господним, и по отеческому преданию, и по христианскому закону, как и в начале книги этой написано, с первой главы первые пятнадцать глав и все остальные главы книги также, двадцать пять глав, вдуматься в них и все соблюдать, — значит, и Богу он угодит, и душу спасет, и грех избудет, и здоровье получит душевное и телесное, и станет наследником вечных благ. Кто же нагл и бесчинен, и страха Божьего не имеет, и воли Божьей не творит, а закона христианского и отеческого предания не соблюдает, о церкви Божьей, и о церковном пении, и о келейном правиле, и о молитве, и о восхвалении Бога не думает, ест и пьет без удержу, до объедения и до пьянства, и в неурочное время, и правил общежития не соблюдает, воскресенья и среды, и пятницы, и праздников, и Великого поста, и Богородицына дня, без воздержанья блудит и в неурочное время, нарушая природу и закон, или те, что от жены блудят или совершают содомский грех и всякую мерзость творят и всякие богоотвратные дела: блуд, распутство, сквернословие и срамословие, песни бесовские, игру на бубнах, трубах, сопелках, — все угодное бесам, всякую

бубны, трубы, сопѣли, — всяко бѣсовское угодие и всякое бесчиние, и бесстрашие, к сему ж чарование и волхвование, и наузы,* звездочетье, рафли, алнамахи, чернокнижье, *воронограй*, шестокрыль, стрелки громныя, топорки, усовники, дна камене, кости волшебныя и иныя всякия козныи бѣсовския. Или кто чародѣйствомъ и зелиемъ, и корениемъ, и травами на смерть или на потворство окормляетъ, или бѣсовскими славами и мечтаньми, и кудесом чаруетъ на всякое зло или на прелюбодѣйство, или кто кленется именемъ Божиимъ во лжу или клевететь на друга, туто ж прочти и 24 главу. В тѣхъ во всѣхъ дѣлахъ и в обычєехъ и нравехъ востаєтъ в чловецєхъ гордость, ненависть, злопомнение, гнѣвъ, вражда, обида, лжа, татьба, клятѣва, срамословие и сквернословие, и чарование, и волхвование, смѣх, кошуны, объядение, пьянство безвременное и рано и поздно и всякая злая дѣла, и всякий блудъ, и всякая нечистота. И благий чловеколюбєць Богъ не терпя в чловецєхъ такихъ злыхъ нравовъ и обычаєвъ и всякихъ неподобныхъ дѣлъ, якоже чадолубивый отецъ скорбьми спасаетъ,* и ко спасению приводит, показуя, и наказуетъ за премногия грѣхи наша, смерти же скорыя не предасть, не хошетъ смерти грѣшници, но ожидаетъ покаяния, еже обратитися и живу быти ему; аще не обратятся и не каются от злыхъ дѣлъ, наводитъ грѣхъ ради нашихъ, овогда глад, ово морь, ово пожарь, ово потопъ, ово пленение, и о посечение от поганыхъ и градомъ разорение, и церквамъ Божиимъ и всякой святыни потребление и всякому стяжаню расхищение, овогда от царска гнѣва разграбление имѣнню и самому казнь без милости и поносная смерть, и от разбойникъ и от татєй окрадение и от судєй продажа и мучение, ово бездождие, ово безвременные дожди и нестройные лѣта, и зима неугодна, и лютые мразы, и земли бесплодие, и всякому животному — скоту и зверемъ, и птицамъ, и рыбам: и всякому обилию скудость, родителемъ и женѣ, и чадомъ нужными и напрасными, и съкорыми смертьми лишение от многоразличныхъ нужныхъ и тяжкихъ недуговъ страдания и злєскончание. И о всехъ сихъ настоящихъ бѣдахъ не уцеломудримся и не накажемся, и в покаяние и в чювьство, и в страхъ не внидемъ, видя таково праведного гнѣва Божия наказание за премногия грѣхи наши? И паки Господь наказуя ны и обращая к покаянню, якоже и долготерпѣливаго Иова искушая,* посылая различныя скорби и болѣзньи, и тяжкия недуги, от духовъ лукавыхъ мучение, тѣлу согнїтие, *костемъ ломота*, отокъ и опухоль на все уды, проходомъ обоимъ закладъ и камень во удахъ, и глухота, и слѣпота, и *нѣмота*, в утробѣ терзание, и блевание злое, и на низъ во оба прохода кровь и гной, и сухотная, и кашель, и главоболєние, и зубная болєзнь, и камчюгъ, и френѣчюги,* и расслабление, и трясение, и всякие тяжкия различныя недуги — наказание гнѣва Божия. И сия вся своя грѣхи презрѣхомъ и в покаяние не внидохомъ, ничто же не уцѣломудри, ни устраши и не накажемся, о семъ видя Божие наказание на себѣ и болєзни тяжкия, оставя Бога, создавшаго ны, и милости и прощение грѣховъ от него не требуя, еже злѣ содѣяхомъ и приступихомъ к нечистымъ

непристойность, наглость, а к ним еще чародейство и волхование, и колдовство, звездочетье, чернокнижье, чтение отреченных книг, альманахов, гадальных книг, шестокрыла, веру в громовые стрелы и топорки, в усовье, и в матку, в камни и кости волшебные и прочие всякие козни бесовские. Если же кто чародейством, и зельем, и кореньями, и травами до смерти или до колдовства окормит, или бесовскими словами, и наваждением, и наговором наведет на всякое зло или на прелюбодеяние, или если кто-то клянется именем Божиим ложно или клеветает на другого, — тут же прочти и двадцать четвертую главу. При всех тех делах и обычаях и нравах рождаются в людях гордость, ненависть, злопамятство, гнев, вражда, обида, ложь, воровство, проклятие, срамословие и сквернословие, и чародейство, и волхование, насмешка, кошунство, объедание, пьянство безмерное и чуть свет и запоздно, и всякие злые дела, и всякий блуд, и всякое распутство. И благой человеколюбец Бог, не терпя в людях таковых злых нравов и обычаев и всяких неподобных дел, как чадолюбивый отец в страданиях спасает и приводит к спасению, наставляя, и наказывает за многочисленные наши грехи, но скорой смерти не предает, не желает смерти грешника, а ожидает покаяния, чтобы мог исправиться и жить во блаженстве; если же не исправятся и не покаются в злых делах, наводит Бог по нашим грехам когда голод, когда мор, а то и пожар, а то и потоп, а то и пленение и смерть от язычников, а городам разорение, и Божиим церквам и всякой святыне уничтожение, и всему имуществу расхищение; иногда и по царскому гневу наступает разорение имущества, и казнь самому без милости, и позорная смерть, а от разбойников и воров покража, и от судей мзда и грабеж; то бездожде, то бесконечные дожди и неблагоприятные лета, зима непригодная, и лютые морозы, бесплодие земли и всякой живности — скотине, и зверю, и птицам, и рыбам, и всяким хлебам скудость; утрата родителей, и жены, и детей от тяжелых и быстрых и внезапных смертей после тяжелых и горьких страданий в недугах и злая кончина. Неужели во всех этих бедах, нам угрожающих, мы не исправимся и не научимся и в раскаяние и в сознание не придем, не устрашась, видя такое наказание праведного гнева Божия за многие наши грехи? И снова Господь, наставляя нас и направляя к раскаянию, точно долготерпеливого Иова искушая, посылает различные страдания: и болезни, и тяжкие недуги, духов лукавых мучение, огнивание тела, костям ломоту, отек и опухоль на все члены, обоим проходам запор и камень в почках, и глухоту, и слепоту, и немоту, боли в желудке и страшную рвоту, и вниз на оба прохода кровь и гной, и чахотку, и кашель, и боль в голове, и зубную боль, и подагру, и чирьи, и слабость, и дрожь, и всякие прочие тяжкие недуги, — все наказание по Божьему гневу. И мы все эти свои грехи презрели и не покаялись, и ничто нас не может ни исправить, ни утратить, ни научить; видя в этом Божью кару себе и болезни тяжкие за то, что оставили Бога, создавшего нас, и милости и прощения грехов от него не требуя, какое же зло мы сотворили, что обратились

бѣсомъ, от них же отрекохомся во святомъ крещении и всѣхъ дѣлъ их, и призываемъ к себѣ чародѣевъ и кудесниковъ, и волхвовъ, и всяких мечетниковъ и зелейниковъ, и с кореньемъ, от нихже чаемъ душетлѣнныя и временныя помощи и уготоваемъ себя дияволу во дно адово во вѣки мучитися. О безумнии человеци! Оле неразумия вашего, не разсуждаем своихъ грѣховъ, за што ны Богъ наказуеть, и не каемся о них, и не престаемъ от злобъ и от всяких неподобныхъ дѣлъ, не помышляемъ вѣчнаго, но желаемъ тлѣннаго и временнаго. Престаните от злобъ и от всяких душетленныхъ дѣлъ и очистимъ себѣ истиннымъ покаяниемъ, яко милостивъ Господь помилуеть от грѣхъ и подасть телесемъ здравие и душамъ спасение и вѣчныхъ благъ не лишит, аще кто потрудится в семъ вѣцѣ царства ради небеснаго. Писано бо есть во святомъ Апостоле: «Многими скорбми подобаеть намъ внити в царство небесное»;* во святомъ Еуаγγελии речено бысть: «Уский и прискорбный путь* вводяй в живот, а широкий и пространый, вводяй в пагубу», и паки рече Господь: «Нужно есть царство небесное,* и нужницы восхищаютъ е».

24. О НЕПРАВЕДНОМЪ ЖИТИИ

А кто не по Бозѣ живет, не по християнскому житию чинит всякую неправду и насилие, и обиду силно отоиметь, возмя не заплатит, волокитую уморить, а молода человека во всемъ изобидит, а на сусестьве кто не добръ или в селѣ на своих християнъ или на приказе, или на власти дани тяжкия, и всякие уроки незаконныя накладывает, или чужую ниву попахаль, или лѣсъ посякъ, или землю переораль, или лугъ перекошилъ, или ловлю рыбную переловилъ, или борти или перевесье и всякую ловлю, и всякое угодые неправдою и насилиемъ сотворит или ограбит, или покрадет, или розобьетъ, или кого чимъ поклепет, или кого чимъ подкинет, или чимъ ополичнить, или напрасно кого продасть, или в работу неповинных лукавствомъ или насилиемъ охолопит, или непрямо судить или *неправедно* обыскиваетъ или накривъ послушествуетъ, или кающимся немилостивъ, или лошадь или всякую животину и всякое стяжание и села или винограды, или дворы и всякое угодие силою отимет, или дешево в неволю купит, или ябедничествомъ вытяжет или корчемнымъ прикупомъ, или лихвы, и всякимъ лукавымъ ухищрениемъ, и неправеднымъ собраниемъ или росты и насыпы и мыта, всякия неподобныя дѣла: блудъ, нечистоту, сквернословие и срамословие, клятвопреступление, и ярость, и гнѣвъ, и злопамятство, — самъ государь или государыня творят или дѣти их или люди их, или крестьяне их, а они, государи, о томъ не возбраняют и не обороняют, и управы не дадут — прямо и всѣ вкупѣ будутъ во адѣ, а здѣ прокляти, ино во всѣхъ тѣхъ плодах не благословеных, а от Бога не помилованъ, а от народа проклят, а обидимии Богу вопиют; а своей души на погибель, а дому тщета, и все проклятое, а не благословеное; и носити, и ясти, и пити — то все стяжание и плоди не

к нечистым бесам, от которых уже отреклись при святом крещении, как и от дел их, и вот призываем к себе чародеев и кудесников, и волхвов, и всяких колдунов и знахарей с их корешками, от которых ждем душетленной и временной помощи, и этим готовим себя дьяволу в адову пропасть мучиться в веки. О безумные люди! Увы неразумию вашему, не осознаем мы своих грехов, за которые Бог нас наказывает, и не каемся в них, не избегаем пороков и всяких непотребных дел, не помышляем о вечном, но мечтаем о тленном и временном. Оставьте пороки и всякие душетленные дела, очистим себя искренним раскаянием, и милостивый Господь помилует нас в грехах и даст телам нашим здоровье и душам спасенье, и вечных благ не лишит того, кто трудится в этом мире царства ради небесного. Писано в святом Апостоле: «Многими страданиями предстоит нам войти в царство небесное»; в святом Евангелии сказано: «Узкий и скорбный путь, вводящий в жизнь вечную, но широкий и просторный, вводящий в пагубу», и еще сказал Господь: «Трудно достичь царства небесного, и только те, что приложат усилие, получают его».

24. О НЕПРАВЕДНОЙ ЖИЗНИ

А кто не по-божьи живет, не по-христиански, чинит всякую неправду и насилие, и обиду наносит большую, и долгов не платит, томит волокитой, а незнатного человека во всем избидит, и кто по-соседски не добр или в селе на своих крестьян, или в приказе сидя при власти накладывает тяжкие дани и разные незаконные налоги, или чужую ниву распахал, или лес посек, или землю перепахал, или луг перекошил, или переловил всю рыбу в чужом садке, или борти, или перевесище и всякие ловчие уголья неправдою и насилием захватит и ограбит, или покрадет, или уничтожит, или кого в чем ложно обвинит, или кого в чем подведет, или в чем обманет, или ни за что кого-то предаст, или в рабство неповинных лукавством или насилием охолопит, или нечестно судит, или неправедно производит розыск, или ложно свидетельствует, или к раскаявшимся немилостив, или лошадь, и всякое животное, и всякое имущество, и села или сады, или дворы и всякие уголья силою отнимет, или задешево в неволю купит, или сутяжничеством оттягает или мошенничеством, или процентами, и разным лукавым ухищрением, и неправедно скопленным на процентах, поборах или мздах, и во всяких непотребных делах: в блуде, в распутстве, в сквернословии и срамословии, и клятвопреступлении, в ярости, и гневе, в злопамятстве, — сам господин или госпожа их творят, или дети их, или люди их, или крестьяне их, а они, господа, не возбраняют им то и не хранят их от бед и никакой управы не находят на них, — обязательно все вместе будут в аду, а на земле прокляты, ибо во всех тех делах недостойных хозяин такой Богом не прощен и народом проклят, а обиженные им вопиют к Богу; а своей душе на погибель, и дому запустение, и все проклято, а не благословлено: и таскать, и есть, и пить — то все прибыли и

Божии, но бесовские; низходятъ во адъ живы душа их, тако творящих, а от нихъ всякого обилия и плодовъ от таковых неприятна Богу милостыня ни при животе, ни по сьмерти, аще хочете вѣчныя муки избыти, отдай неправедное обидимому и кайся вперед тако не твориши со всеми своими, еже есть писано: «Скорь Господь на милость свою, истинно кающихся приемлетъ, и великимъ грѣхомъ свободу даруетъ».

25. О ПРАВЕДНОМЪ ЖИТИИ, АЩЕ КТО ПО БОЗѢ ЖИВЕТ
И ПО ЗАПОВѢДЕМЪ ГОСПОДНИМЪ, И ПО ОТЧЕСКОМУ ПРЕДАНИЮ,
И ПО ХРИСТИЯНЬСКОМУ ЗАКОНУ, АЩЕ ЛИ ВЛАСТЕЛИНЪ СУДИТ
ПРАВЕДНО И НЕЛИЦѢМѢРНО ВСѢМЪ РАВНО —
БОГАТУ И УБОГУ, И БЛИЖНЕМУ, И ДАЛНЕМУ,
ДОВОЛНИ БУДУТЪ УРОКИ ПРАВЕДНЫМИ, И ТВОРИТИ

Аще ли в селех также и во граде и на сосѣдствѣ хто добръ и у своихъ християнъ или на власти, или на приказе праведныя уроки в подобно время емлет, не силою и не граблением, и не мучениемъ, а коли что не радилося, а заплатити нечим, и онъ нарочит, а у сусѣда или у своево християнина чево не достало на сѣмена или лошади или коровы нѣтъ, или государьские дани нечимъ заплатити, ино ево ссудити и подмочи, а у самого мало, ино заняти, а о нихъ болезновати от всея душа, а ото всякаго обидящаго беречи их в правдѣ, а сомому и людемъ твоимъ отнюд никою ни в чемъ не обидѣти: ни в пашне, ни в земле, ни в домашнемъ ни в какомъ запасе, ни в животине, и всякаго неправеднаго стяжания не желати, благословленными плоды и праведнымъ стяжаниемъ жити подобаетъ всякому християнину. И видя Богъ ваша добрая дѣла и такову милость, и нелицемѣрую любовь ко всем, и правду во всемъ, и подасть Богъ богатую милость, и гобину плодомъ, и всякаго изобилия умножит, и милостыня та от праведныхъ трудовъ и Богу приятна, и молитву ихъ Богъ услышит, и от грѣховъ свободит и жизнь вѣчную даруетъ.

26. КАКО ЖИТИ ЧЕЛОВѢКУ, СМѢТЯ СВОЙ ЖИВОТ

А во своемъ во всякомъ обиходе: и в лавочномъ, и во всякомъ товаре, и в казнѣ, и в полатахъ, или в дворовомъ во всякомъ запасе или в деревенскомъ или в рукодельи, и в приходе и в росходе, и в займехъ, и в долгахъ всегда себѣ смечать, и потому живешь и обиходъ держишь, по приходу и росходу.

доходы не от Бога, но от бесов; нисходят в ад живые души поступающих так, и милостыня от таковых ни зерном, ни плодом не желанна Богу ни в жизни их, ни после смерти; если хочешь от вечной муки избавиться, отдай неправдой захваченное обиженному и впредь обещаешь не поступать так со всеми своими, как и написано: «Скор Господь на милость свою, истинно раскаявшихся принимает и даже страшные грехи прощает».

25. О ПРАВЕДНОМ ЖИТИИ, ЕСЛИ КТО ПО-БОЖЕСКИ ЖИВЕТ, И ПО ЗАПОВЕДЯМ ГОСПОДНИМ, И ПО ОТЕЧЕСКОМУ ПРЕДАНИЮ, И ПО ХРИСТИАНСКОМУ ЗАКОНУ И ЕСЛИ ГОСПОДИН СУДИТ СПРАВЕДЛИВО И НЕЛИЦЕПРИЯТНО ВСЕХ ОДИНАКОВО — БОГАТОГО И БЕДНОГО, БЛИЖНЕГО И ДАЛЬНЕГО, ТО УДОВЛЕТВОРЕННЫ БУДУТ СБОРАМИ СПРАВЕДЛИВЫМИ, И ТАК ПОСТУПАТЬ

Если же в селах, а также и в городах и по соседству кто добр, то у своих крестьян или в силу власти, или в приказе сидя, законные сборы в нужное время взимает не силою, и не грабежом, и не мучением; а коль чего не родилось и заплатит нечем, так он немного послабит; а у соседа или у своего крестьянина чего не достало на семена, лошади или коровы нет или господскую подать не с чего сдать, то ему ссудит и помочь, а коль и у самого мало, то занять, но о таких позаботиться от души и от всякого обидчика уберечь их в правде, да самому тебе и людям твоим отнюдь никого и ни в чем не обидеть: ни в пашне, ни в земле, ни в домашнем, ни в ином припасе, ни в животине, никакого неправедного богатства не желать, законными доходами и праведным богатством жить подобает всякому христианину. И, видя ваши добрые дела, и такую милость, и нелицеприятную любовь ко всем, и правду во всем, пошлет вам Бог щедрую милость и урожай плодам и всякий достаток умножит; милостыня же от праведных трудов и Богу приятна, и Бог молитву вашу услышит, грехи простит и жизнь вечную дарует.

26. КАК ЖИТЬ ЧЕЛОВЕКУ, РАЗМЕТИВ СВОЮ ЖИЗНЬ

А во всяком своем хозяйстве: и в лавочном, и в любом товаре, и в казне, и в домах, или в дворовом всяком припасе, деревенском ли, или ремесленном, — и в приходе и в расходе, и в займах и в долгах всегда все себе отмечать, тогда и проживешь и имущество сохранишь, по приходу и расход.

27. АЩЕ КТО НЕ РАЗСУДЯ СЕБЯ ЖИВЕТ

Всякому человеку: богату и убогу, велику и малу — разсудити себя и смѣтити по промыслу и по добытку, и по своему имѣнию, а приказному человеку смѣтя собя по государьскому жалованью и по доходу, и по помѣстью, и таковъ дворъ себе держати, и всякое стяжание, и всякой запасъ, по тому и люди держати, и всякой обиходъ, по промыслу и по добытку по тому и ести, и пити, и носити, и людей одѣвати, и с людьми сходитися з добрыми. Аще кто не разсудя собя и не смѣтя своего житя и промысла, и добытка, и учнетъ на люди глядя жити не по силе и занимаю, или неправеднымъ имѣниемъ, и та честь будет с великимъ бесчестиемъ и со укориною, и с поношениемъ, в злое время никто ему не поможет, а от Бога грѣхъ, а от людей посмѣхъ, ино надобѣ всякому человеку тщеславия бѣгати и похвалы, и неправеднаго собрания, жити по силе и по промыслу, и по смѣте, и по добытку своею правою силою. Ино то житие благоприятно и богоугодно, и от людей похвално, и себѣ, и дѣтемъ своимъ прочно.

28. АЩЕ КТО СЛУГЪ ДЕРЖИТ БЕЗ СТРОЯ

А толко людей держат у собя не по силе и не по добыткамъ, а не удоволити его ествою и питиемъ, и одежею, или которой не рукоделень и собою не умѣет промыслити, ино той слуги, мужику или женки или девки, у неволи заплакав, и лгать и красть, и блясть, а мужикомъ и розбивать и красть, и в корѣчме пити, и всякое зло чинити, — и тому безумному государю и государыне от Бога грѣхъ, а от людей посмѣхъ, и не сусѣдство со всякимъ, а от сусѣдей продажа и тщета дому, и самъ оскудеет за скудость ума.

29. ПОУЧАТИ МУЖУ СВОЯ ЖЕНА, КАКЪ БОГУ УГОДИТИ И МУЖУ СВОЕМУ УНОРОВИТИ, И КАКО ДОМЪ СВОЙ ДОБРЕ СТРОИТИ, И ВСЯ ДОМАШНЯЯ ПОРЯДНЯ И РУКОДЕЛЬЕ ВСЯКОЕ ЗНАТЬ, И СЛУГЪ УЧИТЬ И САМОЙ ДѢЛАТЬ

Подобаеть поучити мужемъ женъ своихъ с любовью и благоразсуднымъ наказаниемъ, жены мужей своихъ вопрошают о всякомъ благочинии, како душа спасти, Богу и мужу угодити, и домъ свой добре строити, и во всемъ ему покарятися; и что мужъ накажетъ, то с любовью приимати и *творити* по его наказанию: пѣрвие, имѣти страх Божий и телесная чистота, яко же впереди указано бысть. Воставъ от ложа своего, предпочистивъ себѣ и молебная совершивъ, женамъ и дѣвкамъ дѣло указати дневное, всякому рукодѣлюю что работы:

27. ЕСЛИ КТО ЖИВЕТ, НИЧЕГО НЕ РАССЧИТАВ

Всякому человеку: богатому и бедному, большому и малому — все рассчитать и разметить, исходя из ремесла и из доходов, а также и по имуществу; приказному же человеку все рассчитать, учтя государево жалованье и по доходу, и по поместью, и такой уж двор при себе держать и все имущество и всякий припас; по тому же расчету и людей держать и все хозяйство, по ремеслу своему и прибыли — и есть, и пить, и одежду носить, и людей одевать, и с людьми сходиться с нужными. Если же кто, не рассчитав своего и не разметив житья своего и ремесла и прибыли, начнет, на людей глядя, жить не по средствам, занимая или беря незаконным путем, та честь его обернется великим бесчестьем со стыдом и позором, и в лихое время никто ему не поможет, да и от Бога грех, а от людей насмешка; надобно каждому человеку избегать тщеславия, и гордыни, и греховных встреч, жить по силе своей и по возможности, и по расчету, и на прибыль от законных средств. Ибо такое житье удобно, и Богу угодно, и похвально среди людей, а себе и детям своим надежно.

28. ЕСЛИ КТО СЛУГ СОДЕРЖИТ БЕЗ ПРИСМОТРА

Если же людей держат у себя не по средствам и не по прибылям, а потому и не могут удовлетворить их едою, и питьем, и одеждой, или таких, что ремесла не знают и сами не могут пропитаться, приходится такому слуге, мужику, или женке, или девке поневоле, горюя, и лгать, и красть, и блудить, а мужикам и грабить, и красть, и в корчме пить, и всякое зло чинить, — так тем неразумным господину и госпоже от Бога грех, а от людей насмешка и жизнь без соседства, ибо соседи растащут и разорят весь дом — и сам оскудеет за бедность ума своего.

29. УЧИТЬ МУЖУ СВОЮ ЖЕНУ, КАК БОГУ УГОДИТЬ, И К МУЖУ СВОЕМУ ПРИНОРОВИТЬСЯ, И КАК СВОЙ ДОМ ЛУЧШЕ УСТРОИТЬ, И ВСЯКИЙ ДОМАШНИЙ ПОРЯДОК И РУКОДЕЛЬЕ ВСЯКОЕ ЗНАТЬ, И СЛУГ УЧИТЬ И САМОЙ ТРУДИТЬСЯ

Следует мужьям поучать жен своих с любовью и примерным наставлением; жены мужей своих вопрошают о строгом порядке, о том, как душу спасти, Богу и мужу угодить и дом свой хорошо устроить, и во всем покоряться мужу; а что муж накажет, с тем охотно соглашаться и исполнять по его наставлению; и прежде всего иметь страх Божий и пребывать в телесной чистоте, как уже впереди указано было. Поднявшись с постели, умывшись и помолясь, женкам и девкам работу указать на день, каждой — свое: кому дневную пищу варить,

дневная ества варити, и которой хлѣбы печи ситные и решетные, и сама бы знала, как мука сѣяти, какъ квашня притворити и замѣсити, и хлѣбы валяти и печи, и квасны и бухоны, и выпеклися, а колачи и пироги тако же, и колко муки возмутъ, и колько испекуть, и колко чево родится ис четверти или из осмины, или из решота, и колко высековъ, и колко испекуть, — мѣра знати во всемъ. А еству мясную и рыбную, и всякие пироги и всякие блины, и всякие каши и кисели, и всякие приспѣхи печи и варити, — все бы сама государыня умѣла, ино умѣть и слугъ научити, и все сама знает. А коли хлѣбы пекутъ, тогда и платья моютъ, ино с *одного* сѣтрепня и дровамъ не убыточно, и дозирати, какъ красные рубашки моют и лучшее пѣлатья, и колко мыла идетъ и золы, и на колке рубашекъ, и хорошо бы вымыти и выпарити, и начисто выполоскати и иссушити, и искатати и скатерти, и убрусы, и ширинки, и утиралники, такоже и всему счетъ самой знати, и отдати, и взяти все сполна, и бело и чисто, а ветчано вѣжливо бы поплачено, ино сироткамъ пригодитца. А коли хлебы пекутъ, ино того же тѣста вѣлети отнати и пироговъ начинити, а коли пшеничное пекутъ и семье из межѣситки* вѣлѣти пироговъ здѣлати, в скоромные дни скоромною начинкою, * какая лучитса, а в посные дни с кашею или з горохомъ, или с сокомъ, или рѣпа, или грибы, или рыжики, или капуста, — что Богъ лучит, ино семье потешенье. И всякую бы еству, и мясную и рыбную, и всякой приспѣх, скоромной и посной, жена сама бы знала и умѣла здѣлатъ, и слушку научить: то государыни домовная и домоводицы добрые. И то бы знала же: пивной, медовой и винной, и бражьной, квасной и уксусной, и кислаштяной, и всякой обиходъ как дѣлают, и поваренной и хлѣбной, и в чемъ что родится, и колко ис чево будет. Коли все знаетъ, доброго мужа наказаниемъ и грозою и своимъ добрымъ разумомъ, ино все будетъ споро и всево будет много. А которая женьщина или дѣвка рукодѣльна, и той дѣла указати: рубашка дѣлати или убрусъ брати, или ткати, или золотное или шелковое пѣличное дѣло, и которая чему учена — того всего досмотрити и дозрети. И всякой мастери самой прядено, а тафта, и камка, и золото, и серебро отвѣсити и отмѣрити, и смѣтити, и указати, сколько чего надобно и сколько чего дасть, и прикроити, и примѣрити, самой все свое рукоделие знати, а малых дѣвокъ учити, которая чево пригоже; а мужнимъ женкамъ, которые черное дѣло дѣлают, избу топятъ и хлѣбы пякутъ, и платья моют, — тѣмъ лень дают на себя и на мужа, и на дѣти прѣсти, а одинокая жоночка или дѣвка на государя лень прѣдетъ, а изгребии и пачеси на себя или какъ пригоже. А все бы вѣдала сама государыня, которой дѣло какое дасть, колко чево дасть и колко чево возмѣтъ, и сколько чево здѣлаетъ кто днем, много ли мало, и сколько ис чево выйдетъ, — то бы сама все знала, и в счете бы было все. А сама бы государыня отнюдъ никако же, никоторыми дѣлы, опрично немощи, без дѣла не была, ино и слушкамъ, на нее смотря, повадно дѣлати. Муж ли придет, гостя ли обычная придетъ, — всегда бы над рукоделиемъ сидѣла сама: то ей честь и слава и мужу похвала; а николи же бы слуги

а кому хлебы печь ситные и решетные, — да и сама бы хозяйка знала, как муку сеять, как квашню затворить и замесить и хлебы скатать и испечь: и кислые, и пышные, и выпеченные, а также калачи и пироги; да знала бы, сколько муки возьмут, и сколько испекут, и сколько чего получится из четверти, или из осьмины, или из решета, и сколько высевок отойдет, и сколько испекут, — меру знать во всем. А еду мясную и рыбную, и всякие пироги и всякие блины, и всякие каши и кисели, и всякие блюда печь и варить, — все бы сама хозяйка умела, чтобы и всех слуг научить тому, что сама все знает. Когда же хлебы пекут, тогда и одежду стирают, так в общей работе и дровам не убыточно, но нужно приглядывать, как нарядные рубашки стирают и лучшую одежду, и сколько мыла идет и золы, и на сколько рубашек, да хорошо бы постирать, прокипятить и начисто выполоскать и высушить и разгладить и скатерти, и убрusy, и платки, и полотенца; также и счет всему самой знать, отдать и взять все сполна, и бело и чисто, а ветхое осторожно бы залатать, все сироткам сгодится. А когда хлебы пекут, того же теста велеть отложить и пироги начинить; и если пшеничный пекут, то из обсевков велеть пирогов наделать, в скоромные дни со скоромной начинкой, какая случится, а в постные дни с кашей, или с горохом, или со сладким, или репу, или грибы, или рыжики, или капусту, — что Бог подаст, все семье в утеху. И всякую бы еду, и мясную, и рыбную, и всякое блюдо, скоромное или постное, жена сама бы знала да умела и приготовить и службу научить: такая хозяйка домовитая и умелая. И это знала бы также: как делают пивной, и медовый, и винный, и бражный, квасной, и уксусный, и кислощанный, и всякий припас поварской и хлебный, и в чем что готовить, и сколько из чего получится. Если все это знает благодаря строгости и наставлениям хорошего мужа и своим способностям также, то все будет споро и всего будет вдоволь. А которая женка или девка рукодельна, так той указать дело: рубашку сшить, или вышить убрус, или выткать, или шить на пальцах золотом и шелками — какую чему научили, и все то и доглядеть и заметить: И каждой бы мастерице сама хозяйка отвесила и отмерила пряжи, и тафты, и камки, золотой и серебряной нити, и рассчитать, и указать, сколько чего надобно и сколько чего дать, и выкроить и примерить, самой знать всякое рукоделие и малых девок учить, какая к чему пригодна; а замужним женкам, которые черную работу делают, избу топят, и хлебы пекут, и белье стирают, — тем лен дают прясть, на себя да на мужа и на детей; одинокая женка или девка на хозяина лен прядет, а изгреби и очёсы на себя или как придется. Да и ведала бы сама хозяйка, которой какое дело дать, сколько чего дать, и сколько чего взять, и сколько чего кто сделает за день, много ли, мало, и сколько из чего получится, — все то сама бы знала, и было бы все у нее на счету. А сама бы хозяйка ни в коем случае никогда, разве что занедужит, без дела не находилась, так что и служкам, на нее глядя, повадно было трудиться. Муж ли придет, простая ли гостья — всегда б и сама над рукодельем сидела: за то ей честь и

государыни не будили, государыня бы слугъ будила, а, ложася бы спать, всегда от рукодѣлия молебная совершивъ.

30. ДОБРЫЕ ЖЕНЫ РУКОДѢЛНЫЕ ПЛОДЫ И БЕРЕЖЕНЬЕ ВСЕМУ, И ЧТО СКРОИТ, И ОСТАТКИ И ОБРЕСКИ БЕРЕЧИ

А добрая домовитая жена благоразумнымъ своимъ помысломъ и мужнимъ наказаниемъ, и добрымъ подвигомъ своихъ трудовъ с слушками полотень и усчинъ, и хольстовъ надѣлано да на што пригоже: ино окрашено на летники и на кавтаны, и на сарафаны, и то у ней на домашней обиходъ перекроено и перешито, а будетъ слишкомъ за обиходомъ надѣлано полотень или усчинъ, или хольстовъ, или скатертей, или убрусовъ, или ширинокъ, или иного чего, ино и продасть, ино што надобе купить, ино того у мужа не просить. А рубашки красные мужьские и женьские, и порты, — то все самой дати при себе кроити, и всякие остатки и обрѣськи камчатые и тафтяные,* и дарагне и дешевые, и золотное, и шелковое, и бѣлое, и красное, и пухъ, и *оторочки*, и спорьки, и новые и ветшаное, — все бы было прибрано мѣлкое в мешечках, а остатки сверчено и связано, а все розбрано по числу и упрятано, и какъ чево подѣлать вѣтшана или у новаго не достало, а то все есть в запасе, в торгу того не ищешь: даль Богъ, у доброго промысла, у совершеннаго разума все сялучило дома.

31. КАКЪ ВСЯКОЕ ПЛАТЬЕ КРОИТИ И ОСТАТКИ И ОБРЕСКИ БЕРЕЧИ

В домовитомъ обиходѣ коли лучится какое платья кроити себѣ или жене, или дѣтемъ, или людемъ: камчато или тафтяно, или изуфрено, или кушачно, или зенденинное, или сукняное, или армячное, или сермяжное, или кожи как не краити, или сагадакъ, или на седло* или омѣтюкъ, или сумы, или сапаги, или шуба, или кафтанъ, или терликъ,* или однорятка, или кортель,* или лѣтникъ и каптуръ,* или шапка, или нагавицы,* или какое платно ни буди, — и самъ государь или государыня смотри и смечаетъ остатки, и обрески живутъ, и тѣ остатки и обрески ко всему пригожаютца в домовитомъ дѣле: поплатить ветчаново товож портища или к новому прибавить, или какое ни буди починить, а остатокъ или обрезаокъ какъ выручить, а въ торгу устанешь прибираючи в *лицо тѣмъ видомъ* в три *дороги* купиш, а иногда и не приберешь. А коли лучится какое платно кроити молоду человеку, сыну или дщери, или молодой невѣске, лѣтникъ или кортель, или шуба с поволокою, или опашень зуфрянъ* или камчат, или объяръ, или отласъ или бархатъ, или терликъ, или кафтанъ, — и што ни буди доброе и, кроячи, да загибати, вершка по два и по три на подоле и по краемъ, и по швомъ, и по рукавомъ, и какъ вырастетъ годы два или три

слава, а мужу похвала; никогда бы слуги хозяйку не будили, но сама хозяйка будила слуг и, спать ложась после трудов, всегда бы молилась.

30. ХОРОШИЕ ЖЕНЫ МАСТЕРИЦЫ — ДОХОД И СБЕРЕЖЕНЬЕ ВСЕМУ; А С ТОГО, ЧТО СКРОИТ, ОСТАТКИ И ОБРЕЗКИ СОХРАНЯТЬ

А хорошая домовитая жена понятливостью своей, и наставлением мужа, и похвальным к труду стремлением вместе со слугами холстов, и полотен, и тканей наготовит на все, что нужно: то окрашено на летники, и на кафтаны, и на сарафаны, а иное у нее для домашней носки перекроено и перешито; а если больше потребного наделают — полотен, холстов и тканей или скатертей, полотенец, простыней или иного чего, то и продаст, а что нужно, купит, и потому у мужа денег не просит. А рубашки нарядные, мужские и женские, и штаны — то все самой велеть при себе кроить, и все остатки и обрезки — камчатые, и тафтяные, и дорогие, и дешевые, и золотное, и шелковое, и белое, и крашеное, и пух, и оторочки, и выпоротки, и новое, и ветхое, — все бы было прибрано мелкое в мешочки, а остатки сложены и связаны и все разобрано по размеру и припрятано, и как потребуется сделать что из ветхого или нового не хватило, — а то все и есть в запасе, и на рынке того не ищешь: дал Бог, у доброго разума, у заботливой хозяйки все и дома нашлось.

31. КАК ВСЯКОЕ ПЛАТЬЕ КРОИТЬ И ОСТАТКИ И ОБРЕЗКИ ХРАНИТЬ

Если случится платье какое кроить в домовитом хозяйстве — себе, или жене, или детям, или работникам: камчатое, или тафтяное, или шерстяное, или златотканое, или хлопчатое, или суконное, или из серпанки, или сермяжное или кожи какие кроить на сагайдак, или на седло, или на шлею, или на сумки, или на сапоги, или шубу, или кафтан, или терлик, или однорядку, или кортель, или летник и каптур, или шапку, или нагавицы, или какое иное платье, — и сам господин или госпожа смотрят и подбирают остатки, а обрезки хранят, и те остатки и обрезки ко всему пригодятся в домовитом деле: заплату наставить на обветшавшей одежде, или новую удлинить, или какую из них починить; а если на рынке искать остаток или обрезок, так намаешься, подбирая по цвету и виду, да втридорога купишь, а иногда и не сыщешь. И если придется какую одежду кроить для молодых, сыну или дочери или молодой невестке, летник, или кортель, или шубу с верхом, или опашень шерстяной или камчатый, или шелковый с золотом, или атласный, или бархатный, или терлик, или кафтан, — и что-нибудь доброе, то, кроя, следует загигать вершка по два и по три на подоле и по краям, возле швов и по рукавам; а как вырастет он года через два,

или в четыре, и, распоровъ то платно и загнутое отправит, опять платно хорошо станет; кое платья не всегда носить, то такъ краити.

32. ВСЯКАЯ ПОРЯДНЯ ДОМАШНЯЯ ДЕРЖАТИ

А всякому рукодѣлю и у мужа, и у жены, всякая бы порядня и снасть была в подвории: и плотницкая, и портново мастера, и железная, и сапожная, и у жены бы всякому ей рукодѣлю и домовитому обиходу всякая бы была порядня своя, и держано бы то бережно, гдѣ что пригоже: ино что себѣ ни зделалъ, и никто ничево не слыхалъ, в чюжини дворъ не идешь, ни пошто свое без слова. А поваренная порядня и хлѣбная, а все бы было у себя сполна: и мѣдяное, и оловяное, и железное, и деревяное — каково ся лучить, а лучится у кого кокая ссуда взять или свое дать: саженье или мониста,* или *сѣкрута* женна, судно серебряное или мѣдяно, или оловяное, или какое платно, и како ни буди запасъ пересмотрити и нового и ветшаного, гдѣ измято или избито, или утло, или што гдѣ изваляно или подралося, и которая на чемъ ни буди притча, или што не цѣло, — и все то исчести и смѣтити и записати, и хто емлет, и хто даетъ — объма то бы было вѣдомо. А что вѣсовое — то бы извешено, и всякой ссуды бы цѣна поставлена: по грѣхомъ какова притча станецца, ино на объ стороны хлопотовъ и остуды нѣтъ, ино тому платежь. А всякая ссуда имати и давати в честь и беречи паче своего, и отнести на срокъ, чтобы сами государи того не просили и по то не посылали: ино и впредь дадут, и дружба впрокъ. А толко чюжаго не беречи или не срокъ не отнести или испортивъ отдать, ино остуда въ вѣкъ и убытокъ в томъ, и продажа живеть, и впредь ни хто ни в чемъ не вѣрять.

33. ПО ВСЯ ГОСУДАРЫНИ ДНИ ДАЗИРАТИ У СЛУГЪ ВСЕГО И ДОМАШНЕЙ ПОРЯДНИ И РУКОДѢЛЯ, И О САМОЙ ЕЙ И О ВСЯКОМЪ БЕРЕЖЕНИИ И СТРОЕНИИ

А по вся дни государыня у слугъ дазираетъ, которые пекутъ и варять, и всякие приспѣхи дѣлають, и которые всякое рукодѣлие дѣлають; и которая служька хорошо дѣлает по приказу: или есть варить или хлѣбы печет, или колачи, или пироги, или какне-нибудь приспѣхи, или какое рукодѣлие здѣлает хорошо, — и за то слушка примолвити и пожаловати, и есть подати, и по преже писанному какъ дворовымъ людемъ от государя бережение и, по службе смотря, а хто худо и не по приказу здѣлает или не слушает, или ленитца, или испортить што, или нечисто стряпает, или крадет, — ино по преже писаному наказанию учити, какъ от государя слугамъ живет; впереди о томъ наказании писано, как кого пожаловати или наказати, или научити. А в горнице и в комнате, и в сенех, и на крыльце, и на лѣснице всегда бы было чисто, и рано, и позно, а столъ и

или три, или четыре, распоров ту одежду, загнутое выправить, опять одежда впору будет; и какая одежда не на каждый день, также кроить ее.

32. ВСЯКИЙ ПОРЯДОК ДОМАШНИЙ СОДЕРЖАТЬ

А для всякого рукоделья и у мужа и у жены всякое бы орудие да утварь были на подворье: и плотницкое, и портновское, и кузнечное, и сапожное, а у жены для всякого ее рукоделья и домашнего обихода всегда бы порядок был свой, и держалось бы все то бережно, где что нужно: и что себе ни сделал — никто ничего не слышал, в чужой двор не идешь, берешь свое без лишнего слова. А поварская утварь и хлебопекарная вся бы была у самого сполна: и медное, и оловянное, и железное, и деревянное, — какое найдется. Если же и придется у кого в долг взять или свое дать: украшения или мониста или женскую одежду, сосуд серебряный, или медный, или оловянный или какое платье, — и как запасы пересмотреть, и новое все и ветхое: где измято, или побито, или дыряво, или что где измазано или продралось, и какой-то в чем-нибудь не порядок или что не цело, — и все то пересчитать, и отметить, и записать — и кто берет, и кто дает — обоим то было бы ведомо. А что можно взвесить — то бы взвешено было, и всякому долгу определили бы цену: по нашим грехам какой не порядок случится, так с обеих сторон ни хлопот, ни раздоров нет, ибо цена известна. А всякий заем и брать и давать честно, хранить сильней своего и возратить в срок, чтобы сами хозяева о том не просили и за вещами не посылали: тогда и впредь дадут, и дружба навек. А если чужого не сохранять, или в срок не вернуть, или испортил, то обида навек и убыток в том и пени бывают, да и впредь никто и ни в чем не поверит.

33. КАЖДЫЙ ДЕНЬ ГОСПОЖЕ НАДЗИРАТЬ НАД СЛУГАМИ ЗА ДОМАШНИМ ХОЗЯЙСТВОМ И РУКОДЕЛИЕМ И О ВСЯКОМ СОХРАНЕНИИ И ПОРЯДКЕ

Каждый день госпожа надзирает за слугами, которые пекут и варят и все блюда готовят и которые делают всякое рукоделие; а которая служанка хорошо делает по наказу: или есть варит, или хлебы печет, или калачи, или пироги, или какие-нибудь блюда готовит, или работу какую хорошо исполнит, — и за то служанку похвалить да пожаловать и есть подать; заботиться, как уже писано прежде, господину о дворовых людях, по службе смотря. Если же кто плохо и не по наказу исполняет, или не слушается, или испортит что, или нечисто стряпает, или крадет, — также по прежде писанному наставлению поучить, как от господина слугам и положено; выше наставление писано о том, как кого пожаловать, или наказать, или поучить. А в горнице, и в комнате, и в сенях, и на крыльце, и на лестнице всегда бы было чисто, и с утра, и запоздно,

суды всякие всегда чисто мыти, и скатерть чиста. А сама бы государыня всегда была устоина во всякомъ обиходе, таковой бо у нее служки были вѣжливы по преже писаному, а с слугами бы государыня пустошных речей ни пересмешныхъ отнюд не говорила, ни торговки, ни безделные женки, ни волхвы никако не приходили. А постеля и платья по грядкамъ и в сундукѣхъ, и в коробьях, и убрusy и рубашки, и ширинки — все бы было хорошенко и чистенько и беленко, уверчено и укладяно и не перемято, и не сполщено. А саженье и мониста и лучшее *платья* всегда бы было в сундукѣхъ и в коробьях за замкомъ, а ключи бы держала в малам ларцѣ, а всѣ бы вѣдала сама.

34. ПО ВСЯ ДНИ ЖЕНЕ С МУЖЕМЪ О ВСЕМЪ СПРАШИВАТИСЯ И СОВѢТОВАТИ О ВСЕМЪ: И КАК В ЛЮДИ ХОДИТИ, И К СЕБЕ ПРИЗЫВАТИ, И З ГОСТЬЯМИ ЧТО БЕСѢДАВАТИ

А по вся бы дни у мужа жена бы спрашивалась и *совѣтовалась* о всякомъ обиходе и воспоминала, что надобет; а в гости ходити и к себѣ звати, ссылатца, с кемъ велить мужъ, а гости коли лучится или самой гдѣ быти, за столомъ сѣсти — лучшее платье переменить, отнюдъ *берегися* от пьяного пития: пьяный мужъ дурно, а жена пьяна в миру не пригоже; а з гостьями бесѣдовати о рукодѣльи и о домашнемъ строении, как порядня вести и какое рукодѣлейцо здѣти; чего не знаетъ, и того у добрыхъ женъ спрашиватися вѣжливо и ласково, и, кто что укажетъ, на томъ ниско челомъ бити; или у себя в подворье у которой гости услышитъ добрую пословицу, какъ добрые жены живутъ и какъ порядню ведутъ, и какъ домъ строят, и какъ дѣти и служокъ учать, и какъ мужей своихъ слушают, и какъ с ними спрашиваются, и какъ повинуются имъ во всемъ, — и то в себѣ вѣнмати, а чево доброво не знаетъ, ино спрашиватца вѣжливо, а дурныхъ и пересмѣшныхъ и блудныхъ речей не слушати и не бесѣдовати о томъ; или в гостяхъ увидит добрую порядню или въ естве, или в питье, или в какихъ приспѣсахъ, или какое рукодѣлье необычно, или кокая домашняя порядня гдѣ хороша, или которая добрая жена и смышленная, и умная, и в речехъ и в бесѣде, и во всякомъ обиходѣ, или гдѣ слушки умны и вѣжливы, и порядливы, и рукодѣльны, и ко всякому добру смышлены, — и всего того добра примечати и вѣнмати, чево не знает или чево не умѣетъ, и о томъ спрашиватися вѣжливо и ласково, и о томъ бити челомъ, и, пришедъ на подворья, то все мужу сказать на упокой; с такими то з добрыми женами пригоже сходитися ни ествы ни пития для, добрыя ради бесѣды и науку для, да вѣнмати то в прокъ себѣ, а не пересмехатися и ни о комъ не переговаривати. И спросятъ о чемъ, про кого, иногда и учнутъ *пытати*, ино отвѣщати: «Не вѣдаю азъ ничего того и не слыхалъ, и не знаю, и сама о ненадобномъ не спрашиваю, ни о княиняхъ, ни о боярыняхъ, ни о сусѣдах не пересужаю».

а стол и посуду всякую всегда мыть чисто, и скатерть чиста. А сама хозяйка всегда была бы готова ко всякому делу, также и служки ее были бы послушны, как сказано выше, и со слугами бы госпожа пустошных речей пересмешных никогда не говорила, и к ней бы никогда не приходили ни торговки, ни бездельные женки, ни волхвы. А постели и одежда, полотенца, рубашки и простыни по полкам, и в сундуках, и в коробьях — все было бы хорошенько, и чистенько, и беленько, завернуто и уложено, и не перемято, и не замарано. А украшения и мониста и лучшее платье всегда бы было в сундуках и в коробах под замком, а ключи бы хозяйка держала в малом ларце и ведала всем бы сама.

34. КАЖДЫЙ ДЕНЬ ЖЕНЕ МУЖА ОБО ВСЕМ СПРАШИВАТЬ И СОВЕТОВАТЬСЯ ОБО ВСЕМ: И КАК НА ЛЮДИ ВЫХОДИТЬ, И К СЕБЕ ПРИГЛАШАТЬ, И О ЧЕМ ГОВОРИТЬ С ГОСТЯМИ

А всякий бы день у мужа жена спрашивалась и советовалась обо всем хозяйстве и напоминала, что надобно; а в гости ходить и к себе звать, и пересылаться, с кем разрешит муж, а коли гостя зайдет или сама где будет, сесть за столом — лучшее платье одеть и беречься всегда хмельного питья: пьяный муж дурно, а жена пьяная в миру не пригожа; а с гостями беседовать о рукоделии и о домашнем устройстве, как хозяйство вести и какими делами заниматься; а чего не знает, то у добрых жен спрашивать вежливо и приветливо, и кто что укажет, на том низко челом бить; или у себя на подворье от какой-нибудь гостии услышит полезный рассказ, как хорошие жены живут и как хозяйство ведут, и как дом устраивают, как детей и служек учат, и как мужей своих слушаются, и как с ними советуются, и как повинуются им во всем, — и то все для себя запоминать, а чего полезного не знает, о том спрашивать вежливо, а дурных и пересмешных и блудливых речей не слушать и не говорить о том; или если в гостях увидит удачный порядок, или в еде, или в питье, или в каких приправах, или какое рукоделье необычное, или какой домашний порядок где хорош, или какая добрая жена и смышленная и умная, и в речах, и в беседе, и во всяком обхождении, или где служки умны, и вежливы, и пристойны, и рукодельны, и во всяком деле смышлены, — и все то хорошее примечать и всему внимать; чего не знаешь и чего не умеешь, о том расспрашивать вежливо и приветливо, и за науку благодарить, и, придя домой, обо всем рассказать мужу перед сном; с такими-то хорошими женами пригоже встречаться не ради еды и питья, но ради доброй беседы и ради науки, чтобы запоминать для себя все это впрок, а не пересмешничать и попусту не болтать. Если же спросят о чем про кого, иногда и с пристрастием, то отвечать: «Не ведаю я ничего такого, и не слыхала, и не знаю, и сама о ненужном не спрашиваю, ни о княгинях, ни о боярынях, ни о соседях не сплетничаю».

35. СЛУГЪ НАКАЗЫВАТИ,
КАКЪ В ЛЮДИ ПОСЫЛАТЬ С ЧИМЪ

А слугъ своихъ заповѣдывати о людехъ не переговаривати, и гдѣ в людехъ были, и что видели недобро — тово дома не сказывали бы; а что дома дѣется, того бы в людехъ не сказывали: о чемъ послано, то и паметуй, а о иномъ о чемъ учнуть спрашивати, того не отвечевай и не вѣдай, и не знай того. Борзее отдѣлавшись да домой ходи и дѣло кажи, а иныхъ вестей не приноси, што не приказано, ино промежь государей никакой ссоры не будетъ и неподобные речи и блудные. То бы отнюд не было, то доброму мужу похвала и жене, толко у нихъ таковы служки вѣжливы. А пошлешь куды слушку или сына, и што накажешъ говорити или што здѣлати или што купить, и ты вороти да спроси ему, что ты ему наказаль, что ему говорити или что ему здѣлатъ, или что ему купити, и толко по твоему наказу тебѣ все изговорит, ино добро. А пошлешъ с слугою к кому еству или питье или что ни буди, да воротивъ спроси его куды несеть: толко такъ скажетъ, какъ наказано — то добро. А посылати питие вполне, а еству цѣлу, ино солгать не умеетъ, а товаръ посылай смѣтивъ или смѣрявъ, а деньги счетши, а што вѣсовое — свѣсивъ, а всево лучши запечатавъ, ино *безгрѣшно*. Да о томъ наказывати, что послано без государя отдать ли, или домовъ отнести. И о тѣхъ всѣхъ людехъ не догадается государь или государыня сына или слуги воротить да спросит, куды и с чимъ послали и что наказали, и умная слушка вѣжливая самъ воротся да вѣжливенко сойма колпакъ, у государя или у государыни спросивъ, о всемъ переговорит, что наказано — толко по тому, ино добро. А куды пошлютъ в добрые люди, у воротъ легонко поколотить, а по двору идешь и *какъ* спросит, какимъ дѣлом идешь, ино того не сказывати, а отвѣчать: «Не к тебѣ азъ посланъ, к кому азъ посланъ, с темъ то и говорить». А у сѣней или у избы или у кѣльи* и ноги грязные отерти, носъ высмарькати и да выкашляться, да искусно молитва сотворити, а толко аминя не отдадутъ* — ино и в другое, и в третие молитва сотворити, поболши перваго, а отвѣта не отдадут, ино легонко потолкаться, и какъ впусьят, ино в ту пору носа не копать перстомъ, ни кашлять, ни сморкать, вѣжливенко стоять и на сторону не смотреть, да что наказано, то исправить, а о иномъ ни о чемъ не бесѣдовать да борзее к себе поити да тотъ отвѣтъ государю сказать, о чемъ послан. А гдѣ лучится быти у кого в подворье или в кѣльи при государи или без государя, никакой вещи, ни доброй ни худой, ни дорогой ни дешево не ворошити, ни *смотрети* бес прощения, ни с мѣста на мѣсто не переложити, и, с собою возмя, ничего не вынести без благословения; а ествы и пития також не покушати, чево не велено: то святотатѣство и лакомѣство, кто на то дерзаетъ без благословения и без веления. Тому ни в чемъ не верити, а заочи его никуды не пошлют, по еуаггелию: «В мале бе вѣренъ,* надо многими тя поставлю». А что куды

35. КАК СЛУГ НАСТАВЛЯТЬ, КОГДА С ЧЕМ-НИБУДЬ ПОСЫЛАЕШЬ НА ЛЮДИ

А слугам своим наказывать с людьми не сговариваться, и когда на людях были и что нехорошее видели — того дома не передавали бы; а что дома делается, того бы на людях не сказывали: с чем послан, о том и помни, а о чем ином станут спрашивать, не отвечай и не ведай и не знай того. Поскорей разделавшись, иди-ка домой и о деле расскажи, а посторонних вестей не касайся, о каких не наказано, тогда между господами никакой ссоры не будет и недостойных речей и обманных. И если так будет, то доброму мужу похвала и жене, что у них такие умелые служки. Если пошлешь куда служку или сына и что накажешь сказать, или что сделать, или что купить, так ты вороти его да переспроси, что ты ему наказал, что ему говорить, или что ему сделать, или что ему купить, и если верно по твоему наказу все тебе повторит, хорошо. Если пошлешь со слугою к кому яства или питье или что-нибудь, то, также вернув с дороги, спроси его, куда несет: коли скажет так, как наказано, то хорошо. Посылать же питье полным, а яства целыми, тогда слуга обмануть не сумеет, а товар посылай — рассчитав и смерив, а деньги сосчитав, и все, что можно взвесить, взвесив, и, лучше всего, запечатав, — тогда безопасно. Да наставлять и о том, что делать с присланным, если хозяина дома нет, — отдать ли, или домой вернуть. И если тех всех людей не догадается господин или госпожа, сына или слугу, вернуть с дороги да переспросить, куда и с чем посланы и что наказано, то умный и знающий служка сам вернется да, вежливоенько шапку сняв, у господина или госпожи разрешения испросив, все повторит, что приказано, — и если так, то хорошо. Там же, куда пошлют к добрым людям, у ворот слегка постучаться и, как по двору идешь да спросят, по какому делу, лучше того не сказывать, а отвечать: «Не к тебе я послан, к кому я послан, с тем о том и говорить». А у сеней или у избы или у кельи ноги грязные вытереть, нос высморкать, да и прокашляться, да умело молитву сотворить, а коли аминя не отдадут — то и в другой и в третий раз молитву сотворить, подлиннее первой, и если ответа опять не дадут, то легонько постучаться и, как впустят, тогда уже в носу пальцем не ковырять, не кашлять, не сморкаться, вежливоенько стоять и по сторонам не оглядываться и все, что наказано, выполнить, а об ином ни о чем не беседовать да поскорее к себе вернуться и тот ответ, с каким послан, передать господину. А придется быть у кого в подворье или в келье, с господином или без господина, никакой вещи, ни хорошей, ни плохой, ни дорогой, ни дешевой, не трогать, не глядеть на них без разрешения, с места на место не перекладывать и ничего не выносить без дозволения, с собой прихватив; яства же и питья также не пробовать, какого не велено: но святотатство и чревоугодие, если кто-то на это дерзнет без благословения и без разрешения. Тому, кто так делает, — ни в чем нельзя верить, да и одного его никому не пошлют, ибо в Евангелии сказано: «В малом был верен, над

послано покрыто или повязано или запечатано или заверчено — того не дъвигнути и не посматривати, ествы или пития, что послано, того не покушивати: какво послано, таково и отнести, толко туто осмотрити, какъ дают — цѣло ли и вполне ли посылають, чтобы там невѣрки не было, куды то нести.

36. ЖЕНАМЪ НАКАЗЪ О ПЬЯНЬСТВѢ
И О ПЬЯНОМЪ ПИТИИ И СЛУГАМЪ ТАКО ЖЕ,
И О ПОТАЙ НЕ ДЕРЖАТИ НИЧЕВО НИГДѢ,
И СЛУГЪ ЛЖИ И КЛЕВЕТЫ НЕ СЛУШАТИ БЕЗЪ ИСПРАВЫ;
КАКЪ ИХЪ НАКАЗЫВАТИ ГРОЗОЮ И ЖЕНУ ТАКО ЖЕ,
И КАКЪ В ГОСТЕХ БЫТИ И ДОМА СЕБЯ УСТРОИВАТИ ВО ВСЕМЪ

А у жены бы отнюд никако же никоторыми дѣлы пьяное питье не было, ни вино, ни мед, ни пиво, ни гостиньцы, питье бы было в погребѣ да на леднике, пила бы безхмелную брагу и квась и дома, и в людехъ. Аще придуть отколе жены о здоровьи спросить, тѣмъ пития пьяного не давать, а свои женки и дѣвки не пили же бы в людех и дома допьяна; а жене втаи мужа своего не ести и не пити, и похоронакъ на еству и на питье потай мужа своего не держати, а у подруг и у племяни потай мужа своего питья и *ествы* и здѣлки и поминковъ всяких не просить и самой не давать, а у себя чюжево не держать без мужня вѣдома, о всем совѣтовати с мужемъ, а не с холопомъ и не с робою. Отнюдъ беречися от всякаго зла, а рабъ своих и рабынь ложьными словесы не обговаривати мужу своему и насердки не держати, а кто что избродить, и то мужу сказати прямо бес прибавки, а мужу и жене отнюдъ оговору не слушати никаково и не вѣровати безъ обыску без прямого, а жене к мужу безлепиць домашних не доносити; чего сама не возможет управити, а которое дурное дѣло, то мужу сказати въ правду, а в чемъ которая женка или дѣвка не слушает, и слово и наказание неиметь ее, или какову пакость учинит, о томъ о всемъ с мужемъ переговорити, какво кому наказание учинити. А гости коли лучатся, и их потчивати питиемъ как пригожа, а самой пьяново пития хмелново не пити, а питье и *еству* и всякой обиходъ приносит одинъ человекъ сверстной, кому приказано, а мужескъ поль туто и рана и поздно отнюдъ никако же никакими дѣлы не былъ бы, кромѣ того, кому приказано сверстному человеку что принести или о чемъ спроситца, или о чемъ ему приказати, и всего на немъ пытати, и безчиния, и невѣжества, — а иному никому тута дѣла нѣт. А завтракати мужу и женѣ отнюдъ не пригоже кромѣ немощи, ести и пити в подобно время.

многими тебя поставлю». Если же что-то послано куда накрытым, или увязанным, или запечатанным, или завернутым, — того не трогать и не разглядывать, яств и питья, что посланы, не пробовать: как послано, так и снести, и только дома осмотреть, когда выдают, — цело ли и полным ли посылают, чтобы не было недоверия там, куда это несут.

36. ЖЕНАМ НАКАЗ О ПЬЯНСТВЕ И О ХМЕЛЬНОМ ПИТЬЕ,
И СЛУГАМ ТАКЖЕ, И О ТОМ, ЧТОБЫ ТАЙКОМ НЕ ДЕРЖАТЬ
НИЧЕГО НИГДЕ, А КЛЕВЕТЕ И ОБМАНУ СЛУГ БЕЗ ПРОВЕРКИ
НЕ ВЕРИТЬ; КАК ИХ СТРОГОСТЬЮ НАСТАВЛЯТЬ,
ДА И ЖЕНУ ТАКЖЕ, И КАК В ГОСТЯХ НАХОДИТЬСЯ
И ДОМА СЕБЯ ВЕСТИ ВО ВСЕМ ПРАВИЛЬНО

А у жены никак никогда и никоим образом хмельного питья бы не было, ни вина, ни меда, ни пива, ни угощений; питье находилось бы в погребе на леднике, а жена пила бы бесхмельную брагу и квас и дома и на людях. Если придут откуда женщины справиться о здоровье, им тоже хмельного питья не давать, да и свои женки и девки не пили бы в людях и дома же допьяна; а жене тайком от мужа не есть и не пить и захоронков еды и питья втайне от мужа своего не держать, у подруг и у родни тайком от мужа питья и еды и поделок и подарков разных не просить и самой не давать и ничего чужого у себя не держать без ведома мужа, во всем советоваться с мужем, а не с холопом и не с рабою. Крепко беречься всякого зла, а ложные речи рабов своих и рабынь не пересказывать мужу и зла не держать, а кто натворит что, об этом прямо и без прибавлений мужу сказать; а мужу и жене никаких наговоров не слушать и не верить без прямого следствия над виновным и жене мужу сплетен домашних не передавать; с чем сама не может управиться — если дурное дело, то мужу сказать всю правду, если же какая женка или девка не слушается, ни слово, ни наставление не действуют на нее или пакость какую учинит, — все то с мужем решить, какое кому наказание назначить. А когда окажутся гости, потчевать их питьем как пригоже, самой же хмельного питья пьянящего не пить, а питье и яства и всякое угощение приносит тогда один человек, выделенный для этого дела, а мужчин никаких тут ни рано, ни поздно никогда и ни в коем случае не было бы, кроме того человека, которому приказано принести что, или что-то спросить у него, или что-то ему приказать; и во всем с него спрашивать, и за беспорядок, и за ошибки, — никому же иному тут дела нет. А врозь завтракать мужу и жене никак не годится, разве уж если кто болен; есть же и пить в нужное время.

37. КАКЪ ПЛАТЬЯ ВСЯКОЕ ЖЕНЕ НОСИТИ И УСЪТРОИТИ

А платье и рубашки, и убрусы на себе носи бережно по вся дни, не изваляти, не изсуслати, не измяти и не излити, на рудне и на мокрѣ не класти; все то снимаючи с себя, класти бережно и беречи того накрѣпко, и слугѣ учти всякому тому наукѣ, а самаму государю и государыни, и дѣтемъ, и слугамъ в чемъ дѣлать, то платье ветшано, а остряпавши дѣло, ино переменить платно чисто вседневное и сапогъ. А в праздникъ и в ведро и при людехъ или к церкви ити, или в гости, ино лучшее платье надѣти, из утра бережно ходити, и от грязи, и от дождя, и от снега беречися, и питьемъ не улити, и ествою и саламъ не извалять, и не иссуслать, на руде и на мокрѣ не сѣсти; от праздника или от церкви, или из гостей пришед, лучшее платье с себя снемъ, пересмотритъ и высушитъ, и вымять и выпахать, и вычиститъ, да хорошенько укласти да упрятать. А и ветшаное и вседневное всякое *платно*, и верхнее и нижнее, и бѣлое, и сапаги, — все измыто всегда бы было, а ветшаное исплачено и исшито, ино людемъ посмотрити пригоже и себѣ мило и прибылно, и сиротины дать, ино спасеня; платье всякое и рубашка, и убрусы, и ширинки, и всякой нарядъ и, складши и свертевь хорошенько, положить гдѣ ни буди в сундукъ или въ коробью.

38. КАКЪ ИЗБНАЯ ПАРЯДНЯ УСТРОИТИ ХОРОШО И ЧИСТО

Столъ и блюда, и ставцы, и лошки, и всякие суды и ковши, и братены, воды согрѣвъ, из утра перемяти и вытерѣти, и высушитъ, а после обѣда также и вечере; а ведра и ночвы, и квашни, и корыта, и сита, и решета, и горшки, и кукшины, и корчаги також всегда вымыты и выскрестъ, и вытерѣти, и высушитъ, и положить в чистомъ мѣсте, гдѣ будет пригоже быти. Всегда бы всякие суды и всякая порядня вымыто и чисто бы было, а по лавке и по двору, и по хоромамъ суды не волочилися бы, а ставцы и блюда, и братены, и ковши, и лошки по лавке не валялися бы, гдѣ устроено быти в чистомъ мѣстѣ лежало бы опрокинуто ницъ; а в какомъ судне што ества или питие, и то бы покрыто было чистоты ради, и всякие суды съ ествою или с питиемъ, или с водою, или квашня растворити, всегда бы покрыто было, а в ызбе и повязано от тороканавъ и от всякия нечистоты. Изба и стены, и лавки, и скамьи, и полъ, и окна, и двѣри, и в сенехъ, и на крылцы вымыть и вытерѣти, и вымести, и выскрестъ, всегда бы было чисто, и лесницы, и нижнее крылце, — все бы то было измыто и выскребено, и вытерто, и сметено, да перед нижнимъ крыльцомъ сѣна положить грязные ноги отирать, ино лѣсница не угрязнится, а у сѣней *перед* дверьми рогошка или войлокъ ветшаной положить или потирало ноги грязные отирать, чтобы мосту не грязнить в грязное погодье; у нижнего крылца сѣно или солома переменить, а у дверей

37. КАК ВСЯКУЮ ОДЕЖДУ ЖЕНЕ НОСИТЬ И СОХРАНИТЬ

А платья и рубашки и платки на себе носи бережно всякий день, не выпачкать, не замазать, не измять и не залить, на кровавое и на мокрое не класть; все то, снимая с себя, класть бережно, и беречь это крепко, и слуг научить всякому такому знанию; у самого господина и у госпожи, у детей и слуг рабочее платье должно быть ношеным; закончив же дело, можно переменить одежду на чистую каждодневную и сапоги тоже. А в праздник и в хорошую погоду, да на людях, или в церковь идти, или в гости — нужно нарядную одежду надеть, с утра осторожно ходить и от грязи, и от дождя, и от снега беречься, питьем не залить, едой и салом не запачкать и не замазать, на кровь и на мокрое не сесть; с праздника, или из церкви, или из гостей воротясь, нарядное платье с себя сняв, оглядеть его, и высушить, и выгладить, и вымести, и вычистить да хорошенько уложить и упрятать. А и ветхое, и каждодневное всякое платье, и верхнее, и нижнее, и белое, и сапоги — все было бы всегда вымыто, а ветхое заплатано и зашито, так что и людям посмотреть приятно, и себе хорошо и прибыль, и сиротине дать во спасенье; платье всякое, и рубашки, и платки, и простыни, и всякий наряд, сложив и свернув хорошенько, положить где-нибудь в сундук или в короб.

38. КАК ПОРЯДОК В ИЗБЕ НАВЕСТИ ХОРОШО И ЧИСТО

Стол, и блюда, и поставцы, и ложки, и всякие сосуды, и ковши, и братины, воды согрев, с утра перемыть и вытереть и высушить, и после обеда также, и вечером; а ведра и ночвы, и квашни и корыта, и сита и решета, и горшки и кувшины, и корчаги также вымыть всегда, и выскресть, и вытереть, и высушить, и положить в чистом месте, где будет удобно хранить. Всегда бы все сосуды и посуда вымыты и чисты были, а на лавке, и по двору, и по комнатам посуда не валялась бы, ставцы, и блюда, и братины, и ковши, и ложки на лавке не валялись бы, но там, где положено, в чистом месте лежали бы, опрокинуты вниз; а в какой посуде что лежит из еды или питья, так то покрыто было бы чистоты ради и вся посуда с едой или с питьем или с водою; если квашню творить, всегда было бы покрыто, а в избе и завязано от тараканов и от всякой нечисти. Избу, и стены, и лавки, и скамьи, и пол, и окна, и двери, и в сенях, и на крыльце — все вымыть и вытереть, и вымести и выскрести, и всегда бы было чисто; и лестницы, и нижнее крыльцо — все было бы вымыто, и выскоблено, и вытерто, и выметено, а перед нижним крыльцом положить сена, чтобы грязные ноги вытирать, тогда и лестница не загрязнится; и в сенях перед дверями рогожку или ветхий войлок положить или тряпку — вытирать грязные ноги, чтобы в плохую погоду полов не пачкать; у нижнего крыльца сено или солому переменять, а у дверей рогожку

рогозинка или войлокъ переменити или потирало чистое положить, а грязное прополоскать и высушить, и опять туто же под ноги пригодится. Ино то у добрых людей, у порядливой жены всегда домъ чистъ и устроень, — все по чину и упрятано, гдѣ что *пригоже*, и причищено, и приметено всегда: в устрой как в рай воити. Всего того и всякой порядни жена смотрила и учила слугъ и дѣтей добромъ и лихомъ: не имет слов, ино ударить; и увидит мужъ, что не порядливо у жены и у слугъ или не по тому о всемъ, что в сей памяти писано, ино бы умѣлъ свою жену наказывати всякимъ разсужениемъ и учити; аще внимают — и по тому все творити и любити, и жаловати, аще жена по тому научению и наказанию не живетъ, и такъ того всего не творит и сама того не знаетъ, и слугъ не учит, ино достоинъ мужу жена своя наказывати, и ползовати страхом наедине и, понаказав, и пожаловати, и примолвити, и любовью наказывати, и разсужати, а мужу на жену не гневаться, а жене на мужа, всегда жити в любви и в чистосердии. И слуги, и дѣти, тако же посмотри по вине и по дѣлу, наказати и раны возлогати да казавъ пожалоти, а государыни за слугъ печаловаться по разсужению, ино служкамъ надежно. А толко жены или сына, или дщери слово или наказание не иметъ, не слушаетъ и не внимаютъ, и не боитца, и не творит того, как мужъ или отецъ, или мати учить, ино плетью постегать, по вине смотря, а побить не перед людьми, наедине поучити, да примолвьити, и пожаловати, а никако же не гнѣваться ни женѣ на мужа, ни мужу на жену. А по всяку вину по уху ни по видѣнью не бити, ни *под серцо* кулаком, ни пинком, ни посохомъ не *колотить*, никакимъ железнымъ или дѣревянымъ не бити; хто с сердца или с кручины такъ бьетъ, многи притчи от того бывают: слепота и глухота, и руку и ногу вывихнуть, и персть, и главоболие, и зубная болезнь, а у беременных женъ и дѣтемъ повреждение бываетъ во утробѣ. А плетью с наказаниемъ бережно бити; и разумно, и болно, и страшно, и здорова, а толко великая вина и кручинавата дѣло, и за великое, и за страшное ослушание и небрежение, ино сойма рубашка плеткою вежливенко побить, за руки держа, по винѣ смотря, да поучивъ примовити: «А гнѣвъ бы не былъ, а люди бы того не вѣдали и не слышали, жалоба бы о томъ не была». А по людцкой ссорѣ или по оговору без обыску без прямого брань и побои, и гнѣвъ никако же бы не было, како было наношение или рѣчи недобрые, или своя примѣта — того наедине пытати добромъ: истиннѣ покается — безо всякаго лукавства милостивно наказати да и пожаловати, по вине смотря; а толко не виновато дѣло, ино оговорщикомъ не попущати, ино бы вперед вражда не была, а толко по вине и по обыску по прямому; а не каецца о грѣхѣ своем и о винѣ, то уже наказание жестоко надобет, штобы былъ виноватой в винѣ, а правой в правдѣ: поклонны главы мечъ не сечет, а покорно слово кость ломит.

или войлок переменять или тряпку чистую положить, а загрязненное прополоскать и высушить и снова туда же под ноги сгодится. Вот потому-то у добрых людей, у хозяйственной жены дом всегда чист и устроен, — все как следует и припрятано, где что нужно, и вычищено, и подметено всегда: в такой порядок как в рай войти. За всем тем и за любым обиходом жена бы следила сама да учила слуг и детей и добром и лихом: а не понимает слова, так того и поколотить; а увидит муж, что у жены непорядок и у слуг, или не так все, как в этой книге изложено, умел бы свою жену наставлять да учить полезным советом; если она понимает — тогда уж так все и делать, и любить ее, и хвалить, но если жена науке такой и наставлению не следует, и того всего не исполняет, и сама ничего из того не знает, и слуг не учит, должен муж жену свою наставлять-вразумлять один на один и в трепете, а поучив — простить, и попенять, и пожурить любовно да вразумить, но при том ни мужу на жену не сердиться, ни жене на мужа — всегда жить в любви и в согласии. А слуг и детей, также смотря по вине и по делу, наказать и посечь, а наказав, пожаловать; госпоже же слуг защищать в разбирательстве, тогда и служкам уверенней. Но если слову жены, или сына, или дочери не внимает, и наставление отвергает, и не послушается, и не боится их, и не делает того, чему муж, или отец, или мать учат, тогда плетью постегать, по вине смотря, а побить не перед людьми, наедине проучить, да приговаривать, и попенять, и простить, но никогда не гневаться ни жене на мужа, ни мужу на жену. И за любую вину ни по уху, ни по глазам не бить, ни под сердце кулаком, ни пинком, ни посохом не колотить, ничем железным или деревянным не бить; кто в сердцах или с кручины так бьет, многие беды от того бывают: слепота и глухота, и руку и ногу вывихнут и палец, могут быть и головные боли, и выпадение зубов, а у беременных женщин и повреждение младенцам бывает в утробе. Плетью же в наказании осторожно бить: и разумно и больно, и страшно и здорово, но лишь за большую вину, под сердитую руку, за великое и за страшное ослушание и нерадение, а в прочих случаях, рубашку задрав, плеткой тихонько побить, за руки держа и по вине смотря, да поучить, приговаривая: «А и гнев бы не был, и люди б того не ведали и не слышали, жалобы бы о том не было». Да никогда бы не были брань и побои и гнев на ссору слуг или их наговор без справедливого следствия, и если были оскорбления или нехорошие речи или свои подозрения, — виновного наедине допросить по-хорошему: покается искренне, без всякого лукавства — милостиво наказать да простить, по вине смотря; но если оговоренный не виноват, оговорщиков уж не прощать, чтобы и впредь распрей не было, да и судить лишь по вине и по справедливому розыску; если же виновный не признается в грехе своем и в вине, тут же наказание должно быть жестокое, чтобы был виноватый в своей вине, а правый в правоте: повинную голову меч не сечет, а покорное слово кость ломит.

39. АЩЕ МУЖЪ САМЪ НЕ УЧИТЬ, ИНО СУД ОТ БОГА ПРИИМЕТ,
АЩЕ САМЪ ТВОРИТЬ И ЖЕНУ И ДОМОЧАТЦОВЪ УЧИТЬ
МИЛОСТЬ ОТ БОГА ПРИИМЪТЬ

Аще мужь самъ того не творить, что в сей памяти писано, и жены не учит и домъ свой не по Бозѣ строитъ, и о своей души не радит, и людей своихъ по сему писанию не учитъ, и он самъ погубленъ в семь вѣщъ и в будущемъ, и домъ свой погубит. Аще ли добрый муж о своемъ спасении радит и жену наказуетъ, тако же и домочадцовъ своихъ всякому страху Божию учить и законному християнскому жительству, яко же есть писано, и онъ вкупѣ со всеми в благоденствѣ по Бозѣ жизнь свою препроводит и милость Божию получить.

40. САМОМУ ГОСУДАРЮ ИЛИ КОМУ ПРИКАЖЕТЪ ГОДОВОЙ ЗАПАСЪ
И ВСЯКОЙ ТОВАРЪ КУПИТИ

Приказному человеку, дворецкому или ключнику, или купчине на комъ вѣра положена, или самому государю всегда в торгу смотрити всякого запаса к домашнему обиходу: или хлѣбнаго всякаго жита и всякаго обилия, хмелю и масла и мясново, и рыбново, и свѣжево, и просолу, или товары какие привозные или лѣсовой запасъ, и всяко товаръ, со всехъ земель идетъ, коли чему навозъ или коли чево мѣного у приезжихъ людей и у християнъ — в те поры и закупить на весь годъ, ино у рубля четверти не дадасть, а у десети рублевъ по тому же, а у закупщика дороже купити, двои денги дати, да не любое купишь, коли чево нет, а надобѣтъ. А которой товаръ или запасъ не портитца вдаль, а коли дѣшево, ино и с лишкомъ купить, свою нужу исполнить на свой обиходъ, а лишнее в пору продасть, коли дорого: иногда свой обиходъ прибылью пролезет, такъ то ведетца в добрыхъ людех, и у доброго государя домовитаго и благоразсуднаго своимъ дозоромъ и добрымъ наукомъ. А купить у кого что-нибудь много или мало у приезжево ли гостя, или у крестьянина, или у здешнево человека, торгуй полюбовна, а денги плати вѣрчъ, а над темъ по человеку смотря и по купле, и почестку учинишь хлѣбомъ да солью и питьемъ — въ томъ убытка нет: дружба да впередъ познать, всегда мимо тебя товару доброго не продасть и лишнево не возметь, и худово не дасть; а за добрую послугу или торговлю самую государю такова гостя или торгового человека или приезжего пригоже почтити: напоити, накормити, добрымъ словомъ привечат и ласковымъ приветомъ, и в такой доброй дружбе во всемъ прибытокъ живет великой. А посмотри по торговле и по человеку, что чево достоин, подаришь его чемъ, то у тебя сугубо будет; а кто тѣмъ путемъ живетъ, первое — от Бога грѣха нет, а от людей остуды, а от гостѣй похвала во всехъ землях, а в дому все благословеное, а не с клятвою, и носити и пити и ести и милостыня довати ис того, ино Богу приятно, а души на пользу.

39. ЕСЛИ МУЖ САМ НЕ ПОУЧАЕТ, ТО НАКАЖЕТ ЕГО БОГ, ЕСЛИ ЖЕ И САМ ТАК ПОСТУПАЕТ И ЖЕНУ И ДОМОЧАДЦЕВ УЧИТ, МИЛОСТЬ ОТ БОГА ПРИМЕТ

Если же муж и сам не делает того, что в этой книге написано, и жены не учит, и дом свой не по-Божьи ведет, и о своей душе не радеет, и людей своих этим правилам не учит, — и сам он погиб в этом веке и в будущем, и дом свой погубит. Если же добрый муж радеет о своем спасении и жену наставляет, да притом и домочадцев своих всякому страху Божию учит и правильному христианскому житью так, как написано здесь, то он со всеми вместе в благодати с Богом жизнь свою проживет и милость Божию получит.

40. САМОМУ ГОСПОДИНУ ИЛИ КОМУ ОН ПРИКАЖЕТ ПРИПАСЫ НА ГОД И ВСЯКИЙ ТОВАР КУПИТЬ

Приказчику, дворецкому, или ключнику, или купцу, кто из них облечен доверием, или самому господину на рынке всегда присматривать всякий припас к домашнему обиходу: или хлебное всякое жито и любое зерно, хмель и масло, и мясное, и рыбное, и свежее, и малосольное, или товары какие привезут — запас леса и всякий товар, что со всех сторон идет; когда навезут всего или когда много чего у приезжих людей, у христиан, — в те поры и закупить на весь год, все с рубля четвертак недодашь и с десяти рублей также, а у перекупщика купишь дороже, вдвое заплатишь, да еще и не всякое купишь, если чего-то нет, а надобно. А какой товар или припас не портится со временем, да если еще он дешев, тогда и лишнего можно купить, чтобы в своем хозяйстве обеспечить все нужды; лишнее же продать, когда товар вздорожает, и тогда запасы твои обернутся прибылью, как и водится то у добрых людей и у хорошего хозяина, домовитого и смышленного в своей предусмотрительности и в сноровке. А понадобится купить у кого-нибудь много или мало, у приезжего ли купца, или у крестьянина, или у здешнего человека, сговорись полюбовно, а деньги плати из рук в руки, а затем, по человеку смотря и по покупке, почти его хлебом да солью и питьем — в том убытка нет: дружба да знакомство на будущее, и никогда он тебя хорошим товаром не обнесет и лишнего не возьмет, а плохого не даст; за добрую же услугу или покупку и самому господину такого купца, или торгового человека, или приезжего хорошо бы почтить: напоить, накормить, добрым словом приветить и ласковым обращением, от такой ведь дружбы и прибыль во всем растет великая. А там, смотря по торговле и по человеку, чего они стоят, чем и одаришь его, так у тебя же будет вдвойне; а кто таким образом живет, прежде всего от Бога греха нет и от людей нареканий, а от купцов похвала во всех землях и в доме благословенное, а не проклятое все, что носить и есть и из чего милостыню подавать, все то Богу приятно, а душе на пользу.

41. СЕБѢ НА ОБИХОД КУПИТИ ВСЯКОЙ ТОВАРЬ ЗАМОРСКОЙ И ИЗ ДАЛНЫХЪ ЗЕМЕЛЬ

А бобръ у гостя цѣлой купишь или два, или три, или колько хочешь, да и здѣлать дашь: дома на все пригодится, и у рубля полтина збудется; а тафты косякъ или сукна поставъ, или розных поставцовъ, или шелку цвѣтного, литра или болши золота и серебра по тому же, или бѣлки, или всякому запасу, коли чему навозъ, по своему обиходу смотря и по *промыслу*, и по рукодѣлю, и по своей семьи, и по мостерицамъ, и по рукоделникомъ, и по своему прожитку, такъ и покупать, и запасать, коли чево много и дешево, ино и споро, и прибылно. Да толко лучитца мастерокъ свой портной и сапожной и плотникъ, ино во всякомъ запасе и в остатках, и в обресках прибыль будет или к новому портищу остатки пригодятца, или ветчаново починить, а ты тово не прикупаешь. А лѣсъ и дрова, и бочьки, и мѣрники, *и скалы, и дубник, и лубья, и липнягъ, и доски, и драницы, и желобы, коли тому навозъ в зимѣ на возех, а лѣте на плотех и в лодьяхъ, на год запасешь: у всего не додашь, а у рубля четверть збудется. А у прасола коли занадобитца не любое купишь, а денегъ слишкомъ дашь, а всякой таварь запасъ, коли ему навозъ, всякому товару, а дешево: хоти не надобе, а в ту пору купи — и свою нужу исполнишь, а чево запасено слишкомъ, на томъ денги будут съ прибылью.

42. О ТОМ ЖЕ: КОЛИ ЧТО КУПИТЬ, У КОГО СЕЛѢ НЕТ, И ВСЯКОЙ ДОМАШНЕЙ ОБИХОДѢ, И ЛѢТЕ, И ЗИМѢ, И КАК ЗАПАСАТИ В ГОД И ДОМА ЖИВОТИНА ВОДИТИ ВСЯКАЯ, И ЕСТВА, И ПИТИЕ ДЕРЖАТИ ВСЕГДЫ

Годовой обиходъ домовитому человеку, мужу и жене, и у ково помѣстья и пашни, сѣлъ и вочины нѣтъ, ино купити годовой запасъ: хлѣбъ и всякое жита, зимѣ на возѣхъ, а полтевое мяса тако же, и рыбу всякую, свѣжую или *иную*, осетрину на провѣсъ, и бочесную в годъ, и семжину, и икру сиговую и черную, и которая рыба в лето ставити, и капуста, — и тѣ суды зимѣ в лед засекати, и питье запасное глубоко, и покрывъ лубомъ засыпать, и коли надобе лѣте и тогда свѣже и готово. А в лете мясо ести покупати домовитому человеку: купити боранца, а дома облупити а овчинки, а бораней потрохъ прибыль в столе, потешенье у порядливой жены или у доброго товара; много промыслу: из рудины ушное нарядит, почки начинить, лапатки изжарит, ношки, ячки начинит, печень иссѣкъши с лукомъ, перепонкою обертѣвъ, изжарит на сковородѣ, легкое, молочкомъ с мукою съ ячки приболтав, нальет, а кишечьки ячки нальетъ, боранью голову можжокъ с потрошкомъ уху нарядит, а рубецъ кашкою начинит, почечные части сварить

41. СЕБЕ НА ОБИХОД КУПИТЬ ВСЯКИЙ ТОВАР ЗАМОРСКИЙ И ИЗ ДАЛЬНИХ ЗЕМЕЛЬ

А если бобра у купца купишь, или два, или три, или сколько хочешь, то и шить отдашь: дома на все пригодится, а с рубля полтина останется; а тафты кусок, или сукна постав, или разных ставцев, или шелку цветного, литр или более золота и серебра точно так же, или белки, или всякого иного запаса, если чего завоз, по своему хозяйству судя, и по ремеслу, и по рукоделью, и по своей семье, и по мастерицам, и по рукодельницам, и по своему состоянию, — все то и покупать и запасать, когда чего много и дешево, тогда и удачно и прибыльно. Если же окажется у тебя портной свой, или сапожник, или плотник, то от всяких запасов и остатков и обрезков прибыль будет, да и к новой одежде остатки сгодятся или ветхую починить, так тебе того прикупать не нужно. А лес, и дрова, и бочки, и мерники, и котлы, и дубовые клепки, и лубье, и липу, и доски, и дранка, и желоба, коли им привоз зимой на возах, а летом на плотях и на лодках, на целый год запасешь: у всего недодашь, и на рубле четвертак сбережешь. А у торговца мясом, как потребуется, не всякое купишь, но денег дашь наперед; и всякий товар запасать, только когда завоз, это дешево: хоть и ненадобно, но тогда и купи — и нужду свою покроешь, а будет запас с избытком, на том и деньги — с прибылью.

42. О ТОМ ЖЕ: КОГДА ЧТО КУПИТЬ ТОМУ, У КОГО ДЕРЕВЕНЬ НЕТ, И ВСЯКИЕ ДОМАШНИЕ ПРИПАСЫ И ЛЕТОМ И ЗИМОЙ, И КАК ЗАПАСАТЬ НА ГОД, И КАК ДОМА ЖИВОТИНУ ВСЯКУЮ РАЗВОДИТЬ, И ЕДУ И ПИТЬЕ ДЕРЖАТЬ ВСЕГДА

Домовитому человеку, мужу и жене, у которых поместья, и пашни, и деревень; и вотчины нет, купить годовой запас: хлеб и всякое жито зимой на возах, а также мороженое мясо, и рыбу всякую, свежую или иную, осетрину копченую или в бочках на целый год, и семжину, икру сиговую и черную, и рыбу, которую летом доставили, и капусту, — и все то в посуде зимой льдом завалить, а запасы напитков поглубже, лубом покрыв, засыпать, и когда они летом понадобятся, все свежо и готово. Летом же мясо покупать домовитому человеку для еды: купить баранчика и дома освежевать на овчинку, а бараний потрох — добавка к столу, утеха для хозяйственной жены или для хорошего повара; много промыслит: из потрошков похлебку снарядит, почки сготовит, лопатки и ножки прожарит, печень яйцом заправит, насажши с луком, и пленкою обернув, изжарит на сковороде; легкое разболтав с молочком в муке и с яичками, нальет, а кишочки яичками зальет, мозжок из бараньей головы с потрошком в отваре сготовит, а рубец начинит кашкой, почки сварит или,

или, начинивъ, ижжарить, — и такъ дѣлати, ино из одново борана много прохладу. А студень на леду держати хорошо, что останетца. В лѣте мяса покупать на обиход — под расход в пятницу, в понедельникъ, в среду — на всю недѣлю купить: не додасть у гривны алтына, просолено на леду въ два или в три дни или недѣлю не испортится. А с Съменя дни купи яловицу или колко надобет не вдруг изгодою, коли подешевле, а ты тогда больши купишь. Мясо соли в годъ и на провъсь, а потрохомъ семья сыта во всю осѣнь. А на коже да на сале половину возьмешь денегъ, а про себя сало перетопишь, на год с вологою, потрохи, голова, уши, губы, скороньи и мозгъ, кишки, осердье, окоренье, ноги, печень, почки жонки передѣлають да кашею сальною ошвариною начинят, а каша бы овсяная или грѣчневая и ячная, и иною какою хочешь. А не переядть потроховъ осенью, ино в рожественной мясоед пригодитца, а рубцы и губы, и уши, и ноги коровьи на студень во весь год пригодитца, коли не дѣлай квашенину, — всегда прохлад. А свиньи доморощенные в осень бити по тому же полти в годъ осолити, а голова и сало, и ноги, и жолудь, и кишки, и потрохъ, и спина в осень и в зиму пригодитца у промышленово мужа и у промышленной жены, у доброй порядни во всемъ спорыня, а всегда прохлад и себе, и семье, и гостем. А не убыточно: по што в торг, и ты в клѣт. А гуси и утки и куры кто дома водить, и толко у воды, ино скормит лѣте ничемъ, а на годъ з запасомъ з даровымъ, да кто про себя коровы держитъ дойные, лѣте кормъ на поле, а дома всякого корму много у добрые порядни, и лѣте и зимъ: гуца пивная и бражная, и киселная, и квасная, и кислыхъ штей* и отрубей овсяныхъ, и высевки оръжаные и пшенишные и ячные, и заспу дѣлаючи и толокно, и в осень капусту солят, и свеклу ставят, и рѣпу и морковъ запасают, и у всего того хряпье и листьѣ и коренье и обрѣсковъ и крохъ, и в скатерти и в столе и в вѣке въ хлебномъ и по полицамъ и по чюланомъ, и по залавкам крохи и остатки и объеди, и домовитая добрая государыня или ключникъ доброй все то обирает и по судомъ ставит, и темъ животину: лошади страдные и коровы, и гуси, и утки, и свины, и куры, и собаки кормит; себѣ не убытокъ, а приплоду и прохладу много, всегда в столе прибыль, и себѣ, и гостю. Толко дома родитца: куры и яйца, и забѣла и сыры, и всякое молоко, — ино по вся дни праздникъ и прохлад, а не в торгу куплено; всякие пирои и всякие каши и всякие блины и трубицы, и кисели, и всякие молока, — коли чево похотѣлося, а все дома готова, а сама жена все умѣеть здѣлать и слугъ научит рядити. От токих домочатцовъ богатѣют мужи. А толко у промышленного человека у домовитого, и у доброй жены Богъ пошлет приплоду поболши у свиней или у гусѣй или у куравъ и у вутокъ или у коровъ молока и сметаны, масла и сыравъ, и яиць: сами всегда ядятъ воложно да и людей кормят и милостыню даютъ от праведных трудов, а от благословенных плодовъ. А излишнее упродадутъ, ино на иную потребу *пригодитца* благословенная денешка, и на милостыню Богу

начинив чем, поджарит, — и если так делать, от одного барана много пользы будет. Студень же, какой останется, на льду держать хорошо. Летом мясо покупать по расходу — в пятницу, в понедельник, в среду, и на всю неделю купить сразу: недодашь с гривны алтына, а просоленное и на льду оно за два дня, или за три, или за неделю не испортится. А с Семенова дня купи яловую телку или что нужно, но не сразу, а выждав, когда подешевле станет, тогда ты и больше купишь. Мясо про запас засоли и провяль, а потрохом семья всю осень сыта. На коже да на сале половину денег вернешь, еще и для себя сала натопишь, запасешься жиром, а потроха, голову, уши, губы, височные кости и мозг, кишки, осердье, копыта, ноги, печень, почки женки обработают да кашею жирною со шкварками начинят, а каша была бы овсяная или гречневая да ячневая и всякая, какую захочешь. Если же не доедят потрохов осенью, пригодятся в рождественский мясоед, а рубцы, и губы, и уши, и ноги коровьи во весь год сгодятся на студень; когда ни делай студень — всегда удовольствие. А свиней, выращенных дома, забивать в осень и туши также про запас засолить, а голова и сало, и ноги, и желудок, кишки, потроха и спинка пригодятся заботливому хозяину и заботливой хозяйке осенью и зимой, в добром хозяйстве во всем изобилие и всегда на радость и себе, и семье, и гостям. Да и не убыточно: кто на рынок, а ты в клеть. Кто же дома разводит гусей, и уток, и кур, их только у воды держать, ибо кормить летом незачем, а потом живи год с припасом даровым; а кто для себя дойных коров держит, летом им корм в поле, да и дома у доброй хозяйки всякого корма много и летом и зимой: гуща пивная, и бражная, и кисельная, и квасная, и с кислых щей, и с отрубей овсяных, и высевки ржаные, и пшеничные, и ячневые, с них и похлебку делают и толченку, а осенью, как капусту солят и свеклу ставят, репу и морковь запасают, так со всего того много хряпы и листьев и кореньев; а обрезков и крошек со скатерти и со стола и из лукошка хлебного, а поискать, так и по полкам, и по чуланам, и по залавкам и крошки, и остатки, и объедки, — и все это хорошая хозяйка или ключник добрый собирают и по ведрам раскладывают и тем скотину кормят: лошадей рабочих, и коров, и гусей, и уток, и свиней, и кур, и собак; себе не убыток, а приплоду и радости много, всегда на столе прибыль и себе, и гостю. Только дома и водятся куры, и яйца, и сметана, и сыры, и всякое молоко, — так что в любой день праздник и удовольствие, не на рынке куплено; разные пироги, и любые каши, и всякие блины, и рулеты, и кисели, и разное молоко, — чего только захотелось, все уже дома готово, и сама жена все умеет сделать, и слуг научит управляться. От таких домочадцев богатеют мужи. И глядишь, заботливому хозяину домовитому и доброй жене его Бог пошлет приплоду побольше у свиней, у гусей, у кур, у уток или у коров молока, и сметаны больше, масла, и сыров, и яиц: сами всегда едят жирно, да и людей кормят, и милостыню подают от праведных трудов и от благословенных плодов. А будут излишки — продадут, и на другие нужды сгодится благословенная денежка, и на милосты-

приятно. А у молода человека или у вдовы только запаса такого нетъ, чемъ *живота* кормит, что в сей главе писано, а коровка дойная есть или в деревни у молода человека не одна есть, ино кормит: сѣна изрѣти да мукою посыпати овсяною или иная какая мякинка лучится, да кипяткомъ облить или елычемъ* облить да передъ собою покормить, да и издоить. А самой руки умыти чисто, и платно ветчаное чисто же надѣть и воды теплой принести, потиралце на плечи принести и вымя и соски вымыть у коровы, и потиралцемъ чистымъ вытереть, и в чистомъ мѣсте издоить, и во всякомъ *бережении*, и на мяккѣ держать и кормъ класть, какой лучился; а лошадки и кобылы по вся дни таким ж кормомъ християнину вызбе перед собою покормить, ино будетъ плодовито и служиво, и то имъ за овса мѣсто. А телята и ягнята молоды, и куры, и гуси, и свиньи, и утки тако же перед собою корми, какой кормъ, которой животине пригодитца.

43. А ТОЛКО МУЖЪ ПРИПАСЕТЪ В ГОД ВСЯКОГО ЗАПАСУ, И ПОСТНОГО, И ТОМУ УСТРОЙ

А толко у мужа в год все припасено: и ржи, и пшеницы, и овса, и гречи, и толокна, и всякие запасы и ячмени, солоду, гороху и коноплю; и въ постъ всякие ествы перемѣняяся, по вся дни дѣлают *самъ* и жена с слугами; и семья сыта и прохладна, и гостя употчиваютъ безъ убытка. А которой ествы будетъ похочетъ постной, и то и дѣлаетъ масло конопляное, и заспа все дома, и мука, и всякие пироги, и всякие блины дѣлаетъ и сочни, и трубицы, и всякие каши, и лапши гороховые, и цыженой горохъ, и зобонецъ, и кундумцы* и *варенье* и соковые *каши*, ествы — пироги з блинцы и з грибы, и с рыжики, и з груздями, и с макамъ, и с кашею, и с репою, и с капустою, и с чимъ Богъ послалъ, или орѣшки в соку и коровайцы. А у доброго человека и у порядливой жены толко пасено в пору, коли рыбу свѣжую купячи, иную солит, иную вялит, иную подвариваетъ, иную сушит мелкую, иную и в муку толчет, в пост во шти подсыпает, коли пригоже, ино в постные дни про гость и про себя, коли свѣжей рыбѣ не быть; ино преже в столе рѣтка, хрѣнь, капуста, росоль ставленой и иные земленые плоды, што Богъ послалъ: и икры, и вялая рыба, и прutowая* и подвариваная, и уха пластовые и щипаные, и подвариваные, и всякие потрохи, и хохолковые,* и из немецких селдей, и из вандышевъ, и в росоле, и в пирозехъ, и в кашахъ, и яглы,* и всякой снѣтъ — всякихъ ествъ постныхъ у доброй порядни много. А все Богъ послалъ домо, ничего в торгу не купишь. А брусничная вода и вишни в патоке, и малиновой морсь и всяки сласти, и яблока, и груши в квасу и в патоке, и постелы, и левашники* себѣ и про гость и за немощь всегда есть, толко в пору припасено. А нужному и болному и родителнице, и заежнему человеку дать, ино велия мзда от Бога. А которой рыбы нетъ в запасъ или запасъ придержался и бочка самому не изойдетъ купити, прибавъ товарища

ню, Богу приятную. Только у бедного хозяина или у вдовы нет такого запаса, которым скотину кормить, как в этой главе писано; а если коровка дойная есть в деревне у бедного, и есть не одна, тогда кормить так: сена набросать, мукою пересыпав овсяной, или мякиной какой иной, какая случится, да кипятком обварить или рассолом заправить, да прежде чем сам поешь, накормить и выдоить. А самой хозяйке руки вымыть начисто, и одежду старую чистую надеть, и теплой воды принести, с полотенцем на плечах, вымя и соски у коровы вымыть, а полотенцем чистым протереть и в чистом месте выдоить со всей осторожностью, и корову на подстилке держать, и корм класть, какой нашелся; а лошадок и кобылиц каждый день тем же кормом в хлеву христианину раньше себя накормить, и будет тогда плодovита скотина и работяща, ибо все то им вместо овса. И телят, и ягнят молодых, и кур, и гусей, и свиней, и уток также раньше себя корми таким кормом, какой животине сгодится.

43. А СТОЛЬ МНОГО МУЖ ЗАПАСЕТ В НУЖНОЕ ВРЕМЯ ВСЯКОГО ПРИПАСУ, (В ТОМ ЧИСЛЕ И) ПОСТНОГО И КАК ЕГО СОХРАНИТЬ

А столь много у мужа и вовремя все припасено: и рожь, и пшеница, и овес, и греча, и толокно, и всякие припасы, и ячмень, и солод, горох, и конопля; и в пост всякие яства, сменяясь, каждый день готовят сам и жена со слугами; и семья сыта и довольна, и гостя накормят без убытка. А если пожелает хозяин какой-то постной еды, пусть готовит масло конопляное, и крупа вся дома, и мука, и всякие пироги, и разные блины печет, и сочни, и рулеты, и всякие каши, и лапшу гороховую, и цеженный горох, и похлебки, и кундумцы вареные, и сладкие каши и яства — пироги с блинцами и с грибами, и с рыжиками, и с груздями, и с маком, и с кашей, и с репой, и с капустой, и с чем Бог послал, или орешки в сахаре, или сдобные пироги. А у хорошего хозяина и у хозяйственной жены все припасено вовремя; так, рыбу свежую купив, иную солит, иную вялит, иную проваривает, иную мелкую сушит, какую и в муку истолчет и в постные ши подсыпает, если нравится, а то и в постные дни готовит для гостей и для себя, раз уж свежей рыбы нет; а еще на столе редька, хрен, капуста, крепкий рассол и разные овощи, какие Бог послал, и икра, и рыба вяленая, и сушеная, и вареная, и уха из вяленой, и копченой, и вареной рыбы и всяких потрохов, и сущика, и из немецких сельдей, и из снетков, а еще и в рассоле, и в пирогах, и в каше, и в овощах — и всякой снеди, всякой постной еды у доброй хозяйки много. И все то Бог послал в дом, ничего такого на рынке не купишь. А брусничная вода, и вишни в патоке, и малиновый морс, и всякие сладости, и яблоки, и груши в квасу и в патоке, и пастилы, и левашники — и для себя, и для гостя, и больному всегда есть, если вовремя припасены. Если же страдающему, и больному, и роженице, и заезжему человеку что даст хозяйка, великая за то награда от Бога. А которой рыбы нет в запасе или запас издержался, а бочки одному не одолеть купить,

или два — бочку осетрины или белужины или селдей или какой ни буди рыбы, или осетрины купить вмѣсте или икру всякую: у рубля пяти алтынъ не додашь. А не будетъ в запасе чево, а гостя для и про себя что понадобится купить, и того в торгу не добудешь, а и добудешь не в пору — и ты *втридорога*, а не милой кусь.

44. О ЗАПАСНОЙ ПРИБЫЛИ ВПЕРЕДЬ

А у доброго человека и у доброй жены у порядливой и у смышленыхъ и у разумныхъ и у благоразсудныхъ и у благобоязливыхъ людей и у годового у всякого запасу, и у рухляди, и у питья, и у ествы, и у хлебново, и у воложново, и у мясново, и у полтявого, и у рыбного, и у ветчины, и у солонины, и у вялого, и у ветреного, и у просолу, и сухари, и мука, и толокно, и иной запасъ, и макъ, и пшено, и горохъ, и масло, и конопли, и соль, и солодъ, и хмель, и мыло, и зола, и всякой запасъ, чему мочно *впередь* быти в бережении и не згноено — у всякого бы году во всякомъ обиходе и в запасе сходилося. Выном году чево не родилося или дорого, ино темъ запасомъ как даромъ проживет, а нужного и болново, и недостаточново ссудит и подможетъ, кому какъ пригоже. А коли чево изобилно запасено в дешевую пору, ино в дороговлю и продасть, ино сам ель и пиль даромъ, а денги опять дома: доброго человека и доброй жены николи ни в чем меженина не имет. А старой запас держать на много лѣт, кои не портятся.

45. ОГОРОДЪ И САДЪ КАК ВОДИТЬ

А у которого человека огородецъ есть, и, кто пашеть огородъ, сам ли государь дозирует или государыня, или кому приказано, первое городба перекрепити, чтобы в огород собаки ни свиньи, ни куромъ, ни гусемъ, ни уткамъ и всякой *животинѣ* взойти не *имуть* ни с чюжево двора, ни с своего, ино яблонямъ и всякому плоду пакости нет, а с суседа остуды — толко от тебя твердо твоей животине к нимъ не умѣть, а ихъ к тебѣ. А дворъ бы былъ потому же везде бы крѣпко гороженъ или тыненъ, а ворота всегда приперты, а к ночи замъкнуты, а собаки бы сторожливы, а слуги бы стерегли же, а сам государь или государыня послушиваютъ ночи. А огородъ всегда бы былъ замкнутъ, да кому приказано, тот бы его всегда берегъ и день и ночь, и в немъ всегда дозираль. Да какъ гряды копати весие и навоз класти, а навозъ зимъ запасати, и к садиломъ на дыни варовые гряды готовить, и всякие семѣна водить у себя и, посадивъ или посѣевъ всякие сѣмена и всякое обилие, в пору поливати и укрывати, и от морозу всегда беречи, и яблони подчишати и суша *выбирати*, и почки разсаживати, и пѣнки и почки прививати, и гряды всякое обилие полоти, и капуста от червья и от блохи беречи и обирати, и

возьми товарища или двух — бочку осетрины, или белужины, или сельдей, или какой-нибудь рыбы, или осетрины купить вместе, или икры какой: тогда с рубля пяти алтын недодашь. Если не будет чего в запасе, а для гостя или себе понадобится что купить, того на рынке не сыщешь, да если и достанешь не впору — и тебе втридорога, и радости нет.

44. О ПРИБЫЛИ ОТ ЗАПАСЕННОГО ВПРОК

А у доброго хозяина и у доброй жены хозяйственной, у смысленных и разумных, у рассудительных и богобоязненных людей годового всякого припасу и пожитков каждый бы год во всяком хозяйстве собиралось: питья, и яства, и хлебные, и жирные, и мясные, и рыбные, и вяленые, и сушеные, и малосольные, и ветчина, и солонина, и сухари, и мука, и толокно, и иной запас, и мак, и пшено, и горох, и масло, и конопля, и соль, и солод, и хмель, и мыло, и зола, и всякий запас, какой можно впрок запасать и при хранении не сгноить. Если в каком году не уродилось что или дорого, тогда тем запасом хозяин проживет как даром, да еще несчастному да больному да бедному ссудит чего и поможет, кому как удастся. А чего в дешевую пору припасено в изобилии, при дороговизне можно и продать, так что выходит — и сам ел да пил даром, и деньги опять дома: доброго хозяина и его хорошей жены никогда и ни в чем недостаток не прихватит. Старый же запас можно держать по многу лет, если он не портится.

45. КАК ОГОРОД И САД РАЗВОДИТЬ

А у которого человека и огородик есть, то за тем, кто работает в нем, либо сам господин доглядывает, либо госпожа или тот, кому поручено; прежде всего — укрепить ограду, чтобы в огород ни собаки, ни свиньи, ни куры, ни гуси, ни утки, никакая скотина не могла зайти ни с чужого двора, ни со своего, тогда яблоням и всяким растениям урона нет, да и от соседей никаких упреков — всегда твоей скотине ход перекрыт от тебя, а их скотине — к тебе. Также и двор бы был везде огорожен крепко и тыном заделан и ворота всегда закрыты, а к ночи и заперты, да собак держать сторожевых, и слуги бы охраняли, да и сам господин или госпожа послушивают в ночи. Огород же всегда бы был заперт, а кому поручено, тот бы всегда охранял его, сторожил днем и ночью. Когда же по весне гряды копать и навоз возить, так навоз зимой запасти, а для посадки дынь парниковые грядки готовить да всякие семена заводить у себя, и посадив и посеяв разные семена и всякие зерна, вовремя их поливать и укрывать, сберегая всегда от мороза, а яблони обрезать, выбирая сушняк, черенки нарезать и делать прививку к стволам, и гряды с посевами пропальвать, и капусту от червя и от блох охранять, и обирать их, и отряхивать; а возле тына вокруг всего огорода,

оттрясывати, а возле тына около всего огорода борщу сеет,* гдѣ кропива растет, и с весны его варит про себя много, и тово в торгу не купит, и нужному дастъ Бога ради, а толко у молода человека ино и продасть, на иную вологу. А какъ насадитъ капусты и свеклы и поспеет, листьѣ капустное варит, и какъ учнетъ витися въ клубъ, и толко часта, ино изретка секучи варити, а листьѣ, обламываючи, животина кормить. А в ту пору и до осѣни борщъ рѣжучи сушит, ино всегда пригодится — и в год, и в даль; и капусту все лѣто варит и свеклу, а в осень копусту солити, а свеколной росоль ставит, а огурцы солит, а лѣтомъ прохлаждаетца: есть дыни, стручье, морковь, огурцы и всякой овощъ, а, Богъ послалъ, поболши чево *природилося*, ино и упродаст. А садъ развадити про себя, ино прививка от дрѣва до древа по три сажени и болши, ино яблони растутъ велики, обилью и всякимъ овощемъ не помѣшаетъ ростеть, а какъ будетъ густо от вѣтъя по деревнемъ, не растетъ ништо, ино борщу насѣяти, ино всегда плод. А падушокъ яблочных и што поспѣло, огурцы и дыни, и всякой овощъ, в пору бы обирати, што про себя съестъ или поблюсть, или в год что поставитъ, или что осолить, или в квасы ставить яблока и груши, или в патоку и ягодный, и вишневой морсъ, а в дешевую пору и грибы сушить, и грузди, и рыжики солить, и всякой овощъ в годъ ставити, или чеву упродати, — то бы все было убережено, а семѣна бы всякие у себя водить, ино велика прибыль: в торгу тово не купишь, а будетъ слишкомъ, и ты и продашь.

46. КАКЪ ЧЕЛОВЕКУ ЗАПАСНОЕ ПИТИЕ ДЕРЖАТЬ ПРО СЕБЯ И ПРО ГОСТЬ, И КАКЪ УСТРОИТИ ТО ПРИ ЛЮДЕХЪ

А коли одинакой человекъ, а не богатой и запасистой, держит про гость пивцо в запасе, переварки на марте сваривъ ячной и подсытивъ, а обычное пивцо есть же, а медку разсытитъ к празднику и вдаль поблюдет, в леду, засѣчено, медокъ и мартовское пивцо. Аще коли праздникъ или именины, или свадьба, или родины, или крестины, или по родителех память, или лучится гость зневестъ любо приежей любо званой, или избранной человекъ, или игумень честной, и одново часу из одной бочки в пять оловениковъ меду нацѣдят или, по людемъ смотря, в бочечки малые, да запасного мушкатцу в мешечке, а гвоздики в другомъ мешечке деръжит, а в третьемъ мешечке всяких благовонных зелей, в печи подваривъ, в оловеники покласти или в бочечки, в горячее вино, а вишневого морсу и малинового два оловяника, а в ѣной патоки готовой, ино в одночасье шесть медовъ про гость да два вина, да вишневого морсу, и в переварку в оловеничекъ поддасть, ино дѣва пива; и кто з запасомъ живеть, и у порядливой жены ества запасная же, ино всегда гостя не соромъ, хотя пиръ — *ино* нужново чеву прикупить, ано даль Богъ — всего дома много.

где крапива растет, насеять борща и с весны варить его для себя понемногу: такого на рынке не купишь, а тут всегда есть, и с нуждающимися поделиться Бога ради, а если у бедного человека разрастется, то и продаст, обменяв на другую заправку. А коли насадит он капусты и свеклы, и те созреют, то листья капустные может сварить, а станет капуста свиваться в кочан, да еще и густо, то, постепенно лист отсекая, тоже варить; листьями же, их обламывая, кормить скотину. В ту же пору до самой осени, борщ нарезая, сушить, он всегда пригодится — и в этот год, и позднее; и капусту в течение всего лета варить, и свеклу, по осени же капусту солить, а свекольный рассол готовит и солит огурцы, а летом наслаждается: ест дыни, горошек, морковь, огурцы и всякий овощ, а коли Бог послал и больше чего уродилось, то еще и продаст. А сад заложить самому, чтобы расстояние от дерева до дерева было в три сажени, а то и больше, тогда яблони растут большими, зерновым и овощам не мешают, а как разрастутся густо на деревьях ветви, уже ничто на земле не растет, насея тогда борщу, все-таки всегда какой-то урожай. А падалицу с яблонь и то, что поспело из огурцов и дынь и всяких овощей, вовремя бы обирать, что съесть самому или сберечь, а что и в запас оставить или что засолить, яблоки же и груши замочить или залить их патокой, ягодным или вишневым морсом; а в дешевую пору и грибы сушить, грузди и рыжики солить, и всякий овощ на хранение ставить, а то и продать что, — и все бы то было сохранено; а семена хорошо бы всякие у себя заводить, ибо от них прибыль велика: чего на рынке не купишь, а у тебя излишек, ты и продашь.

46. КАК ХОЗЯИНУ ЗАПАСЫ НАПИТКОВ ДЕРЖАТЬ ДЛЯ СЕБЯ И ДЛЯ ГОСТЯ И КАК ПРИГОТОВИТЬ ИХ ДЛЯ ПОСТОРОННИХ

А коли один живет человек и не богат, но запаслив, держит для гостя пивцо в запасе, в марте сварив переварки ячневой да подсытив, да и обычное пивцо у него тоже есть; а медку разварить к празднику и впрок сохранять во льду, засечь в нем медок и мартовское пивцо. Если же настанут праздник, или именины, или свадьба, или родины, или крестины, или по родителям память, или случится гость неожиданный, или приезжий, или званый, или важный гость, или игумен честной, тотчас же из бочки одной в пять оловянных чаш меду нацедят или, смотря по гостям, в бочонки малые; запасы муската в мешочке держит, а гвоздику в другом мешочке, а в третьем мешочке всякие благовонные травы; и, все то в печи заварив, в оловянные чаши разлить или в бочонки, в вино горячее, добавив вишневого морсу и малинового — чаши две, а одну — готовой патоки; так одним махом и выйдет шесть медов для гостей, да вина два, да вишневого морсу, да два пива, — и все из чана, где варит, по чашам разольет; и кто так с запасом живет, и у хозяйственной жены в запасе еда и никогда перед гостем не стыдно, а если придется устраивать пир, не нужно ничего прикупать, глядишь, дал Бог — всего и дома много.

47. ТОМУ ЖЕ ПИВОВАРЕННОЙ НАКАЗЪ, КАКЪ ПИВО ВАРИТЬ И КАКА МЕДЪ СЫТИТИ И ВИНО КУРИТИ

А в пивоварнюю поварню на пиво и на брагу и на кислые шти солоду и муки, и хмелю отдать — то бы было все в письмѣ и смѣрено и счѣте. А коли пиво затирают ячное или овсяное, или оржаное, или хмель парить, и у квашенья и у сливанья дозирати самому — все бы было бережно и чисто, и не раскрадено, и не испрокужено, и за посмѣхъ не выпить. А коли пиво варят, ино отваривъ пиво, и силенъ толко солод — ино бочку и болши другово пива нарядят, а после всякого пива водою на гушу поливают, воды взогрѣвъ вѣдръ с тритцать и с сорокъ на ячную гушу, и пятьдесят и шестьдесят взогрѣвъ, взлити и болши, по вари смотря. И тотъ исътокъ приквасит, добре хорошо семье пити; а ис первого последу приквасивъ, на кислые шти пригодится. А уксусъ ставити из доброго сусла, и в береженье и в тепле держати, и в чистоте приходити к нему. А хмелины пивные копити на винную брагу и в перепускъ, и бережно держати, а на то ветшанные суды пригожаются, толко бы было в запасе да и перекреплены. А мед сытити самому, а какъ кишеть, хоромина та запечатати, самому толко назирати; и хто бы тутъ не ходиль, а сливати самому же, а на сливанье бы не пили же. А вино курити самому, неотступно же быти, или кто вѣренъ — прямо тому приказати, и у перепуска по тому же, да смечать, по сколку ис котла араки* первой и другой и последу уточат. А у перепуску по тому же смечать, колко ис котла укурит первого и среднего и последу. И на погребѣ, и на ледникѣ, и в сушило, и в житницы без собя никакова не пускати, вездѣ самому отдавати и отмѣрити, и отвѣсити; и сколко кому чево дасть, то все записати.

48. У ПОВАРОВЪ И У ХЛѢБНИКОВ И ВЕЗДЕ ВСЯКОЙ ПОРЯДНИ КЛЮЧНИКУ ДОЗИРАТЬ

А у поваровъ бы и у хлѣбниковъ и у всяких приспѣшниковъ была бы вся порядня: и котлы, и сковороды, и горьшки, и мѣдные и железные, и таганы, и решотки, и чюмичи, и корцы, — все бы было чисто и цѣло и извары,* все бы было в счѣте и в писмѣ, а мѣдяное и оловяное в вѣсу. А по вся дни у ключника то бы было пересмотрено, чтоб было все по числу и перекрѣплено и вымыто, и в суши, и на мѣсте лежало замкнуто, а бочки и всякие суды перемыты и перекрѣплены, и лежало бы в суше и замкнуто.

49. МУЖУ З ЖЕНОЮ СОВѢТОВАТИ КАКЪ КЛЮЧНИКУ ПРИКАЗАТИ О СТОЛОВОМЪ ОБИХОДЕ, О ПОВАРНЕ И О ХЛѢБНѢ

По вся дни и по вся вечера, исправя си долгъ душевный, и во утрии встати по звону и после пѣния мужу з женою совѣтовати о устроении

47. ЕМУ ЖЕ НАСТАВЛЕНИЕ, КАК ПИВО ВАРИТЬ, КАК МЕД СЫТИТЬ И ВИНО КУРИТЬ

А в пивоварню выдать на пиво и на брагу и на кислые щи солоду, муки и хмелью — и все то было б записано, и смеряно, и сосчитано. А когда затирают пиво ячневое, или овсяное, или ржаное и парят хмель, то при заквашивании и при сливе присматривать самому — все бы было сохранено и чисто, и не раскрадено, и не испорчено, и с насмешкой не выпито. А когда пиво варят и, уже сварив его, видят, что солод крепок еще, — то бочку, а то и больше вторично пива сготовят, а гущу водой заливают после всякого пива, воды согрев ведер с тридцать или сорок, а если гуща ячневая, то и пятьдесят, и шестьдесят залить и даже больше, смотря по готовности. И эти смывки, заквасив как следует, семье хорошо пить; а то, что заквасишь из первых остатков, сгодится на кислые щи. Укус же готовить из хорошего сусла и держать его бережно и в тепле, подходить к нему в чистом. А хмелины пивные собирать на винную брагу и вино курить да бережно сохранять, для того годятся и старые сосуды, только бы были в наличии да починены. А мед сытить самому, да как двинется он, посудину ту запечатать, а самому только наблюдать; и кто бы тут ни был, сливай все же сам, да при этом тоже не пили бы. Самому и вино курить и быть при том неотступно, а если кому доверяешь — строго тому наказать, как и всем на винокурне также, да замечать, по скольку выгонят из котла араки в первый, во второй и в последний раз. А в перегонке также смекать, сколько выкурят из котла сначала, потом и после всего. Да и на погреб, и в ледник, и в сушилки, и в житницы без себя никого не пускать, везде все самому передавать, отмерять и отвешивать; и сколько кому чего даст, то все записать.

48. КАК КЛЮЧНИКУ НАБЛЮДАТЬ ЗА ПОВАРАМИ, И ЗА ХЛЕБНИКАМИ, И ВСЮДУ ЗА ВСЯКИМ ПОРЯДКОМ

У поваров бы и у хлебников и у всех помощников было бы все в порядке: и котлы, и сковороды, и горшки, и медные и железные, и таганы, и решетки, и ковши, и корцы, и извары, — все бы было чисто и цело, все бы было в счете и в письме, а медное и оловянное взвешено. И всякий бы день ключником то было просмотрено, чтобы было все и по числу, и починено, и вымыто, и высушено, и на месте лежало закрытое, а бочки и всякие сосуды перемыты и зачинены и лежали бы сухими и закрытыми.

49. КАК МУЖУ С ЖЕНОЮ СОВЕТОВАТЬСЯ, ЧТО КЛЮЧНИКУ НАКАЗАТЬ О СТОЛОВОМ ОБИХОДЕ, О КУХНЕ И О ПЕКАРНЕ

Каждый день и каждый вечер, исправив духовные обязанности, и утром, встав по колокольному звону и после молитвы, мужу с женою советоваться о

домовномъ, на ком что положено и каму которое дѣло приказано вѣдати, и тому наказати, что коли устроити ести и пити про гости или про себя, или ключник по государеву приказу прикажет что купити на обиходъ и, купивъ что принесуть, то смети и правды смотрити; а повару отдасть то, что варити, и хлѣбнику, и на приспѣхи на всякие, по тому же отдасть. А всегда бы то было в памяти, что государю сказати. А в поварню ества мясная и рыбная и печь и варити отдавати в число, колко государь велит, и на колко блюдо, да испечено и съварено, но у повара взяти в число же. А на столъ всякая ества ставити по государеву наказу по гостемъ смотря, а хлѣбной приспѣхъ по тому же дати в число и взяти в число же, и всякой ествы, что у стола останетца и цѣло, и едено, и ухъ и приспѣху всякого, а цѣлую еству перебрати, а початое о себѣ и мясное и рыбное, и покласти в суды в чистые и в твердые и покрыть, и в леду застѣчь; а початая ества и всякие остатки давати на обиход, как по пригожу а цѣлое блюсти про государя и государыню и про гость; а питье в столъ давати по приказу, по гостемъ смотря и безъ гостей, а государыне брага или квасъ. А суды бы всякие столовые и поваренные всегда после стола в горячей воде перемыть и переполоскать и перетереть и высушить и, всѣ собравъ, счести и устроити з замкомъ, гдѣ что живеть и у ково што на рукахъ. А столовые суды: оловяники и *братины*, и ковши, и судки столовые — всегда беречи, и уксусницы, перешницы, росолники, солоницы, лошки, блюда, ставцы, скатерти и фаты, всегда бы было чисто, и готово на столъ. И столъ бы былъ чист, и скамьи, и лавки, и избы, и образы на стѣне уставлены, а изба метена и устроена. А уксусъ и огуречной росоль и лимонной, и сливной, — все бы цѣжено в ситце, и огурцы, и лимоны, и сливы также бы очищено и перебрано, и на столе бы было чисто и вкусно. А рыба прутовая и всякая вялая, и всякая студень, посная или мясная, и икра, и капуста — очищено, и по блюдомъ раскладено, до стола изготовлено. А питье бы всякое чисто, в ситце бы цѣжено. А ключники бы и повары, и хлѣбники, и всякие стряпчие сами бы къ столу при людехъ устроилися чистенко, а руки бы были мыты чисто во всяко стряпни. А всякие суды и всякая порядня у ключника и у всѣхъ стряпчихъ, все бы было мыто и чисто и бережно и у государыни и у ее слугъ по тому же. А ества и питие на столъ понести осмотря, чтобъ то судно было чисто, в чемъ несешь, и ества или питие чисто же бес пороха и бес пригаринны: осмотря ставитъ, а поставя еству или питие, да тут ни кашлять, ни сморкать, отшедь на сторону, вычистить носъ или выкашляться, ино не скаредно и вѣжливо.

50. КЛЮЧНИКУ ПРИКАЗЪ, КАКЪ ПИРЪ ЛУЧИТСЯ

А коли пиръ болшой, ино всюды самому дозирати и в поварне и в хлѣбне, а за столом ества отдавати приставити добра человека, а у поставца,

домашнем хозяйстве, а на ком какая обязанность и кому какое дело велено вести, так тем наказать, когда и что из еды и питья приготовить для гостей и для себя; а то и ключник по хозяйскому слову прикажет что-то купить на расход, и когда то, купив, принесут, так отмерить и тщательно оглядеть; повару же то отослать, что нужно варить, и пекарю, и для всяких заготовок также товар отослать. И всегда бы ключник держал в памяти то, что нужно сказать господину. А в поварню яства мясные и рыбные отдавать по счету, печь и варить, как господин повелит, на столько блюд пусть испекут и сварят, и готовое у повара взять по счету же. На стол же всякие яства ставить по хозяйскому приказу, смотря по гостям, а хлебный припас и всякой еды также дать по счету и взять по счету же, а если что от стола из похлебок и готовки всякой останется нетронутым и недоеденным, то нетронутые блюда перебрать, а начатые — отдельно, и мясные и рыбные, и положить все в чистую и прочную посуду, и накрыть, и обложить льдом; а начатые блюда и разные остатки отдавать на подъедание, как что сгодится, нетронутое же сохранять для господина и госпожи и для гостя; а напитки к столу давать по наказу, судя по гостям или без гостей, а госпоже только брага да квас. И всю бы посуду столовую и кухонную всегда после стола в горячей воде перемыть и прополоскать, и перетереть и высушить, и, всю собрав, пересчитать и спрятать под замок, туда, что где находится и что у кого на руках. А столовую посуду — всегда беречь: и чаши, и братины, и ковши, и судки столовые, и укусницы, перечницы, рассольницы, солонки, ложки, блюда, ставцы, скатерти и покрывала, — все всегда бы чисто было и готово на стол. И стол бы был чист, и скамьи, и лавки, и комнаты, и образа на стене развешены, а изба выметена и прибрана. А укус, рассол огуречный и лимонный и сливовый, были бы отцежены через сита, огурцы же, лимоны и слива также были бы очищены и перебраны и на столе было бы чисто и опрятно. А рыба сушеная и другая вяленая, и всякий студень, постный и мясной, и икра, и капуста — очищены и по блюдам разложены, до еды уже приготовлены. А напитки бы все были чистые, через сита процежены. А ключники бы, и повара, и пекари, и все стряпухи, выходя к столу на люди, сами изрядились бы чистенько, да и руки бы вымыли чисто перед каждой стряпней. А всякая посуда и все снасти у ключника и у всех на кухне были бы вымыты, и вычищены, и в сохранности, а у хозяйки и у ее слуг также. Еду же и напитки на стол нести, оглядев, чтобы посуда, в которой несешь, была чиста и еда или напитки также чисты, без мусора и без пригарины: поставить, осмотрев, а поставив еду или напитки, тут уж не кашлять, не сморкаться, но, отойдя в сторонку, вычистить нос да прокашляться, ибо то не постыдно и вежливо.

50. КЛЮЧНИКУ НАКАЗ НА СЛУЧАЙ ПИРА

Если же пир большой, то всюду самому наблюдать, и на кухне и в пекарне, а блюда раздавать за столом — поставить умелого человека, да у

у питья и у судовъ бережной же доброй человекъ надобе. А в столь питье подавати по государеву наказу, кому што велено, а на сторону никому не давати без веления. И как пиръ минет, и весь запасъ серебряной и оловяной, и всякие суды смотрити и счести, и поваренной, и хлѣбной, и ества перебрати и питие созрити, початое дополнявати. А в пиръ на дворе брежень же человекъ надобе, всего бы смотрилъ и берегъ, и домашние всякие порядни: не окрали бы чево. И гостя пьяново беречи, чтобы не истерялъ чево, и брань бы не была. А как столь отойдет, ино суды смѣтити всякие и перемыти велети, и всякая ества перебрати, мясная или рыбная, и студень, и уши, и устроити по преже писанному. А коево дни пиръ, тово вѣчера или порану самому государю пересѣмотрити, все ли по здорову, и смѣтити и перепытати у ключника подлинно, колько чево съедено и испито, и кому что отдано, и кому что послано, и всякой бы расход во всякомъ обиходѣ былъ в вѣдомѣ, и суды бы всякие были в счете, и умѣлъ бы государю сказати про все прямо, куды што розошлося и куда что дано, и сколко чево розошлося; и толко даль Богъ — все по здорову и не истеряно, и не испорчено и ништо, ино государю ключника пригоже почтити и иныхъ служекъ по тому же: и поваров, и хлѣбниковъ, которые *ббрежно* стряпали, а не пили, ино всѣхъ прохладит, и накормит, и напоитъ.

51. НАКАЗЪ ОТ ГОСУДАРЯ КЛЮЧНИКУ, КАКЪ ЕСТВА ПОСТНАЯ И МЯСНАЯ ВАРИТЬ И КОРМИТЬ СЕМЬЯ В МЯСОЕДЪ И В ПОСТЪ

Да и то бы было от государя в наказе ключнику, в мясоед какая ества отдавати въ поварню про государя и про домашней обиходъ и про гость, а в постные дни по тому же. И о питьи потому же наказъ надобет от государя ключнику, какое питье носити про государя и государыне и про семью, и про гость, — и то все чинити и дѣлати и отдавати по государеву наказу, а о всякомъ обиходе ключнику государя по вся утра спрашиватися о ествѣ и о питье, и о всякомъ обиходе, как государь накажет, такъ и творити. Государю съ женою о томъ о всякомъ обиходе в домашнемъ советовати и ключнику наказывати, какъ челядь кормити по вся дни: хлѣбъ решетной,* шти да каша с ветчиною житкая, а игда густая с саломъ, переменяя часто, мяса как лучится дадут к объѣду, а в неделю и в празники иногда пироги, а иногда кисель, а иногда блины или иная какая ества; а у вужины шти да молоко или каша, а в посные дни шти да каша житкая, иногда с сокомъ, иногда сущь,* иногда рѣпня, а у вужины иногда шти капуста, толокно, иногда росоль, иногда ботьвинье, по недѣлямъ, по празникомъ к обеду пироги какие или гуща, или яглы, или селедавая каша и что богъ лучить. А у вужину копушта, росоль, ботьвинья, толокно. А у женъ у челяденных и у дѣвокъ и у робят по тому же, а *страдамы* людемъ та же да прибавка

поставца, у напитков и у посуды нужен бережливый да хороший служитель. А к столу подавать напитки по хозяйскому наставлению, кому что велено, на сторону же никому не давать без разрешения. А как кончится пир, то всю утварь, серебряную и оловянную, и всякую посуду осмотреть и пересчитать, и кухонную и столовую, да блюда перебрать и напитки пересмотреть и початые доливать. Во время же пира надежный человек и на дворе нужен, за всем наблюдал бы и сохранял домашние всякие вещи: не покрали бы чего. И гостя пьяного охранять, чтобы не растерял чего и ругани бы не было. А как стол отойдет, всю посуду пересчитать и велеть перемыть, и всякие блюда перебрать, мясные и рыбные, и студень, и похлебки, и прибрать, как прежде написано. В день же пира под вечер, а то и пораньше самому господину просмотреть, все ли в порядке, и пересчитать, и распытать у ключника доподлинно, сколько чего съедено и выпито, и кому что отдано, и кому что послано, так что всякий расход во всяком деле был бы известен, и посуда бы вся была на счету, и мог бы ключник господину рассказать все точно, куда что разошлось, и кому что дано, и сколько чего разошлось; и если даст Бог — все в порядке, и не истрачено, и не испорчено, и ничего себе, то господину наградить надо ключника и остальных служек также: и поваров, и пекарей, которые с заботой готовили, а не пили, — всех тогда удовлетворить, и накормить, и напоить.

51. НАКАЗ ГОСПОДИНА КЛЮЧНИКУ, КАК ГОТОВИТЬ БЛЮДА ПОСТНЫЕ И МЯСНЫЕ, ВАРИТЬ И СЕМЬЮ КОРМИТЬ В МЯСОЕД И В ПОСТ

Да и то бы наказывал господин ключнику, какую еду в мясоед отпускать на кухню для хозяина и для домашнего употребления и для гостей, а какую — в постные дни. О напитках также нужен хозяйский наказ ключнику, какие напитки подносить господину и какие — госпоже, и семье, и гостям, — и все то готовить и делать и выдавать по хозяйскому распоряжению, а во всяком деле ключнику у господина каждое утро спрашивать о блюдах и напитках и обо всех домашних делах; как господин накажет, так и делать. Господину же с женою о всяких делах домашних советоваться и ключнику наказывать, как челядь кормить каждый день, переменяя чаще: хлеб решетной, щи да каша с ветчиной жидкая, а иногда и крутая с салом, и мясо, если будет к обеду, в воскресенье и в праздники иногда пироги, иногда и кисель, а иногда блины или иная какая еда; на ужин щи да молоко или каша, а в постные дни щи да жидкая каша, иногда и сладкая, когда и сущик, когда печеная репа, да в ужин иногда и капустные щи, толокно, а то и рассольник или ботвинья, по воскресеньям да праздникам к обеду какие-нибудь пироги, или густые каши, или овощи, или селедочная каша и что Бог пошлет. Да на ужин еще капуста, рассольник, ботвинья, толокно. А женкам, челяди, и девкам, и ребятишкам то же, да и

остатковъ столовыхъ государевыхъ и гостиныхъ, а лутчие люди, которые торгуютъ, тѣхъ государь в столѣ у себя сажаетъ; а коли гости ядятъ, и они стряпаютъ, а после стола едятъ ествы с прибавкою, и столовыхъ остатковъ. А у государыни мастерицамъ и швеямъ по тому же, сама за столомъ ихъ кормитъ и подаетъ имъ от сѣбя. А челяди питие — истокъ пивной, а в неделю и в праздники брага, а торговымъ всегда брага; а питьемъ всякимъ государь жалуетъ или прикажетъ, а в прохлад и самимъ пивца дадутъ.

Наказ от государя повару и ключнику или от государыни, варит на семью челяди или нишимъ скоромную и постную еству: капусту или натину, или крошиво — иссѣчено мѣлко, и вымыть хорошо, и уварить, и упарити горазно, в скоромные дни мяса или ветчина, или сальца ветчинного положить, забельки поддать да припарить, а в постъ сочкомъ залить или иной какой навары прибавить да упарить; хорошо или заспицы подсыпать да с солью и с кислы штями приварить, а кашку всякую по тому же уварить и упарить хорошо с саломъ или с масломъ, или селедовую, или с сокомъ, и всякую семенную еству хорошенъко устряпати, и хлѣбы семенные тако ж мѣсити и уквасити, и вывалять хорошо и выпечь, и пирошки семѣинные по тому же. И всякую еству хорошенъко и чисътенъко устряпать, какъ своя душа любит, и всякой семенной ествы государыня или дворецкой самъ кушаетъ, и толко не хорошо сварено или испечено, и о томъ бранит на повара или на хлѣбника, или на женки, которые то стряпаютъ, а дворецкой того не брежетъ, ино на него бранит, а государыня того не брежет, ино мужу на нее бранити; какъ своя душа любит, такъ служокъ и нищихъ кормити, ино то Богу в честь, а себѣ во спасение. Да государю или государыне всегда зирати и спрашивати слугъ и маломощныхъ и убогихъ о всякой нуже и о ествѣ и о питии, и о одежи, и о всякой потребѣ, и о всякой скудости, и о недостатки, и о *всякомъ обиходѣ*, и о всѣхъ тѣхъ нуждахъ, о нихъ Бога ради промышляти, и попечение имѣти, елико вмѣстимо, сколько Богъ поможе, от всѣя душа, яко же о своихъ чадехъ и яко же о присныхъ, аще кто не радит о семь и не болезнуеть о сихъ, да будет анафема; а кто сие с любовью от всея душа и брежет и хранит, велику милость от Бога обрящет и грѣхомъ свободу получит и жизнь вѣчную наслѣдитъ.

52. В ЖИТНИЦАХЪ И В ЗАКРОМЪХЪ О БЕРЕЖЕНЬИ

А в житницахъ бы у ключника былъ бы всякой запасъ и всякое жита, солод и рожь, и овесь, пшеница, не згноено и не накапала бы, и не навьяло, не проточено от мышей, и не слеглося, и не затхло бы; а что в бочкахъ или в коробахъ мука и всякой запасъ, и горох, и конопли, и грѣча, и толокно, и сухари, и ржаные и пшеничные, — то бы было все покрыто, и судно твердо, и не намокло бы, и не знило, и не затхлося. А всему бы тому была мѣра и счет, сколько чево ис села или ис торгу привезуть, и записати, а что

рабочим людям также, но с прибавлением остатков со стола господского и с гостевого, а лучших людей, которые торгуют, тех господин за столом с собой сажает; те же, кто подает, когда гости едят, вдобавок после стола доедают блюда из столовых остатков. А госпожа мастерицам и швеям также, сама за столом их кормит и подает им от своего; пить же челяди пиво из отжимок, а в воскресенье и в праздники брагу, приказчикам же всегда брага, разными же напитками господин пожалует или почтит, а для удовольствия и пивца дадут.

Наказ господина или госпожи повару и ключнику, как варить для семей челяди и для нищих скоромную и постную пищу: капусту или ботву или крошево — мелко нарезать, и вымыть хорошо, и разварить, и по сильнее пропарить, в скоромные дни положить мяса, или ветчины, или сальца ветчинного, сметанки поддать да еще припарить, в пост же соком залить или иной какой приварки добавить да снова упарить; хорошо также крупки подсыпать да с солью или с кислыми щаами переварить, а кашку разную также уварить и упарить хорошенько с салом, или с маслом, или с сельдью, или с соком, и всякую снедь для таких семей готовить, и хлебы для них месить и заквасить, и скатать хорошо и выпечь, и пирожки для них также. Всю пищу готовить хорошенько и чистенько, как для себя, и от всякого блюда такого госпожа или дворецкий откушает сам, и если нехорошо сварено или выпечено, бранит за то повара или пекаря или женщин, которые готовили, а если и дворецкий за тем не следит, то бранят и его, если же и госпожа за тем не следит, то бранит ее муж; служек и нищих кормить, как себя, ибо то Богу в честь, а себе во спасение. Господину же и госпоже следить всегда и спрашивать слуг, и немощных, и убогих о всякой нужде их и о еде, и о питье, и об одежде, и обо всем необходимом, о всякой их скудости и недостатке, и о делах их, и о всех тех нуждах, в которых можно помочь ради Бога, насколько удастся, насколько Бог пособит, и от всей души, как о детях своих, как о близких; если же кто не радует о том и не сочувствует таковым, да будет ему анафема; кто же это с любовью от всей души и блюдет и хранит, великую милость от Бога получит и грехам прощение и вечную жизнь найдет.

52. О ХРАНЕНИИ В ЖИТНИЦАХ И В ЗАКРОМАХ

А в житницах у ключника был бы всякий запас и разное жито, солод и рожь, и овес, и пшеница, не сгнившее, и не подмоченное, и не высохшее, не испорченное мышами, не слеглось бы, не стало затхлым; а какая в бочках или в коробах мука и прочий припас, и горох, и конопля, и греча, и толокно, и сухари ржаные и пшеничные, — то все было бы закрыто в посуде крепкой, и не намокло бы, и не сгнило, и не стало затхлым. И была бы всему тому мера и счет: сколько чего из деревни или с рынка привезут — записать, и что

вѣсовое — то взвѣсити, и колко коли отдаст чево на расход или взаимы и на всякой обиход, ли кому государь велит что дати — то все записати же, и сколько чево здѣлают, то бы было вѣдомо ж; и хлѣбы, и колачи, и пиво, и вино, и брага, и квасъ, и кислые шти, и уксусъ, и высевъки, и отруби, и гуща всякая, и дрожъжи, и хмелины, — то бы было все у ключника в мѣре и *записано*, а хмѣль и медъ, и масло, и соль вѣшено.

53. В СУШИЛЕ ТАКО ЖЕ СМОТРИТИ

А в сушиле мясо полтевое и солонина вѣтрена, полотки и языки, и прутвая рыба, и пласти, и всякая рыба вялая и вѣтрена, и в рогожах и в крошнях* и вандыши и хохольки, чтобы было все в счете и в писмѣ, сколько чево куплено и вывешено, провялено и положено; и *держано* бы то брежно и не згноено и не измочено, и не измято, убережено бы от всякие пакосъти, и всегда замъкнуто.

54. В ПОГРЕБЕ И НА ЛЕДНИКЕ ВСЕГО БЕРЕЧИ

А в погребе и на ледниках и на погрѣбихъ хлѣбы и колачи, сыры, яйца, забѣла и лукъ, чеснокъ и мясо всякое, свѣжее и солонина, и рыба свѣжая и просольная, и мѣдъ пресной, и ества вареная мясная и рыбная, студенью и всяй запасъ естомой, и огурцы, и капуста соленая и свежая, и рѣпа, и всякие овощи, и рыжики, и икра, и росолы ставленныя, и морсъ, и квасы яблочныя, и воды брусничныя, и вина флязские и горючие, и меды всякие, и пива сыченныя и простые и брага, и всяго того запасу ключнику вѣдати. И столко чево на погрѣбце поставлено, и на леднике и на погрѣбе, — и все бы то сочтено и перемечено, што вполне, что не вполне, и перемечено, и записано, и сколько чево куды отдасть по приказу государеву, и сколько чево разоидетца, — то бы было все в счете, было бы што подарю сказать и отчетъ во всемъ дати. А все бы то было чисто и в покрыте и не затхлося и не заплеснело, и прокисло. А вина фряские и сыченая перевара, и всякое лутчее питье в опришенномъ погребе за замкомъ держать, а самъ бы тамо ходиль.

55. А В КЛЕТЕХ И В ПОДКЛЕТЕХ И В ОНБАРЕХ УСТРОИТИ ВСЯКАЯ ПОРЯДНЯ КЛЮЧНИКУ ПО ГОСУДАРЕВУ НАКАЗУ

А в клетехъ и в подклетехъ и в онъбарехъ устроити по государеву наказу ключнику всякая порядня: платье ветчаное, и дорожное, и служне, и полсти, и епаньчи, и кепеняки,* и шляпы, и рукавицы, и медведна, и ковры, и попоны, и войлоки, и седла, и саадаки, и с луки и с стрелами, и сабли, и топорки, и рогатины, и пищали, и узды, и оброты, и морхи, лысины, и похви,

весовое — взвесить, и сколько когда ключник выдаст чего на расход или взаймы и на разное дело или кому господин повелит что выдать, — и это все записать, и сколько нового чего сделают, — и все бы то было известно; и хлебы, и калачи, и пиво, и вино, и брага, и квас, и кислые щи, и уксус, и высевки, и отруби, и всякая гуща, и дрожжи, и хмель, — то было бы все у ключника и вымерено и записано, а хмель, и мед, и масло, и соль взвешены.

53. ТАК ЖЕ ПРИСМАТРИВАТЬ И В СУШИЛЬНЕ

А в сушильне мясо и солонина вяленые, тушки и языки, и прутовая рыба распластанная, и прочая рыба, вяленая и сушеная, а в рогожах и в корзинах снетки и хохолки; чтобы было все на счету и записано, сколько чего куплено и свешено, провялено и разложено; сохранялось бы то бережно, и не сгнило, и не намокло, и не измялось — сохранено бы от всякой пакости и всегда под замком.

54. В ПОГРЕБЕ И НА ЛЕДНИКЕ ВСЕ ХРАНИТЬ

А в погребе, и на ледниках, и в кладовых хлебы и калачи, сыры и яйца, сметана и лук, чеснок и всякое мясо, свежее и солонина, и рыба свежая и соленая, и мед пресный, и еда вареная, мясная и рыбная, студень и всякий припас съестной, и огурцы, и капуста, соленая и свежая, и репа, и всякие овощи, и рыжики, и икра, и рассолы готовые, и морс, и квасы яблочные, и воды брусничные, и вина сухие и крепкие, и меды всякие, и пива на меду и простые, и брага, — весь тот запас ведать ключнику. А сколько чего в кладовой поставлено, и на леднике, и в погребе, — все то было бы сосчитано и перемечено, что целиком, а что не полностью, и пересчитано, и записано, и сколько чего и куда отдаст ключник по приказу господскому, и сколько чего разойдется, — и то было бы все в счете, было бы что господину сказать и отчет во всем дать. Да было бы то все и чисто, и накрыто, и не задохнулось, и не заплесневело, и не прокисло. И вина сухие и медовые взвары и прочие лучшие напитки в особом погребе под замком держать и самому за ними следить.

55. КЛЮЧНИКУ ПО ХОЗЯЙСКОМУ НАКАЗУ В КЛЕТЯХ И В ПОДКЛЕТЯХ И В АМБАРАХ СОДЕРЖАТЬ ВСЕ В ПОРЯДКЕ

А в клетях и в подклетях и в амбарах ключнику содержать по хозяйскому наказу в порядке: платье старое, и дорожное, и рабочее, и полсти, и епанчи, и кебеняки, и шляпы, и рукавицы, и медведна, и ковры, и попоны, и войлоки, и седла, и саадаки с луками и со стрелами, и сабли, и топорики, и рогатины, и пищали, и узды, и оброты, морхи, лысины и пахвы, и остроги,

и остроги, и плети, и кнутье, и вожжи моржовые, ременные, и шлеи, и хомуты, и дуги, и оглобли, и миндери, и мѣхи дымчатые, и сумы, и мѣхи холщовые, и припоны, и шатры, и пологи, и лень, и посконь, и веревки, и ужища, и мыло, и зола, и ветшаной всякой запасъ и обрѣски, ветшаное и новое, и пѣлатяные и коженые, и железные обломки всякие, и гвоздье, и чеши, и замки, и топоры, и заступы, и всякой желѣзной запас, и всякая рухледь, — и все то разобрати, что пригоже — в коробьяхъ положить или в бочках, иное по грядкамъ, иное по спицамъ, иное в коробех, гдѣ что пригоже, то туто и строити, в сусе и в покрыте, от мышей и от мокра, и от снегу беречи, и от всякия пакости, и все бы было в счете и в писмѣ, сколько чево нового и сколько ветчаного; а что попортилося, то починивати, а всегда бы было готово, всякой запасъ, какъ попытают. А в ынех подклѣтѣх или в подсѣнье или в онбаре устроити сани, дровни, телѣги, колеса, одры страдные, дуги, хомуты, оглобли, рогожи, посконные вожжи, лыка и мочала, веревки лычные, оброты, тяжи, шлеи, попоны, иной дворовой запас коньской, гдѣ что пригоже поставити или положить или повѣсити. А лутчие сани, возъ, коптана, калымага укрыть на подкладках, все бы было брежно в сусе з замкомъ; а в ыномъ онбаре бочки и мѣрники, и цѣпники, высытки, корыта, жолобы, извары, корцы, сита, решота, фляги и всякая порядня поваренная и погребная; которые бочки и всякое судно попортилося или обручи огнили или свалились, и то велѣти окрѣпити или уторы передѣлати или дѣна поправить и обручи новые наколотити, все бы то было готово и выпарено, и вымыто, и высушено, чтобы ни гнилью, ни плѣснью и затѣхолью не пахнуло; дрожжи бы ни хмелины не засушены, ни загнилися. Какъ которое судно понадобится, ино бы было готово, а дубник в запасе держати, что починити или здѣлати, а вѣтчаная бочка, извара и выситокъ, донце дощечки бочечные и вѣчка всякое судно, — все бы было припрятано, а все то ся пригожаетъ на худую потребу, и ты доброво не портишь.

56. В СѢННИЦАХЪ СѢНО И В КОНЮШНЯХ ЛОШАДИ, И НА ДВОРѢ И ДРОВЯНОЙ ЗАПАС УСТРОИТИ И ВСЯКАЯ ЖИВОТИНА

А в сѣнницахъ бы было сѣно устроено и не разрыто, и не разволочено по лѣснице и по крыльцу, и по двору не растаскано, и всегда бы было обрано и подметено, и в ногахъ и в грязи не затоптано, и не накапало бы, и не навѣяло, и не гнило, замкнуто. А солома по тому же бы была в кровле и прикладено, и обрано, и очищено, и не разволочено бы и подметено, а в конюшне бы дозирати, по вся дни сѣна бы класти въ ясли какъ лошедемъ съести, и в ноги бы не рыли, а соломка под лошади слати и подгрѣбати, по вся дни перетрясывати. А на воду бы лошади водити брежно, робята бы на них не гоняли, и вываляти, и вычесати, и на дворе из жолоба овсомъ передь

и плети, и кнутье, и вожжи моржовой кожи и ременные, и шлеи, и хомуты, и дуги, и оглобли, и перины, и мешки меховые, и сумки, и мешки холщовые, и занавеси, и шатры, и пологи, и лен, и посконь, и веревки, и канаты, и мыло, и золу, и разное старье, и обрезки, ветхие и новые, матерчатые и кожаные, и железные обломки всякие, и гвозди, и цепи, и замки, и топоры, и заступы, и всякий железный припас, и всякую рухлядь, — и все то разобрать, что пригодно, — по коробам разложить да по бочкам, а иное по полкам, кое-что по крюкам, а то по коробам; куда что удобно, там и пристроить, сухим и завернутым от мышей и от сырости, и от снега беречь и от всякой пакости, и все бы было на счету и записано, сколько чего тут нового и сколько ветхого; а что попортилось, то починить, чтобы всегда был готов любой припас, который затребуют. А в других подклетьях, или под сенями, или в амбаре расставить сани, дровни, телеги, колеса, рабочие повозки, дуги, хомуты, оглобли, рогожи, посконные вожжи, лыка и мочала, веревки лычные, оброти, тяжи, шлеи, попоны, другой запас дворовой для коней, где что удобно поставить, положить или повесить. А лучшие сани, возы, каптаны, колымаги укрыть на подставках, чтобы сберечь их в сухости и под замком; в другом же амбаре бочки, и мерные коробки, и бадьи, и чаны для сычения, и корыта, желоба, извары и корцы, сита, решета, фляги и всякая снасть поварская и для хранения снеди; если какие бочки и иные сосуды попортились или обручи в них подгнили или свалились, велеть закрепить их, или уторы переделать, или днище поправить и обручи новые наколотить; все бы то было готово, и выпарено, и вымыто, и высушено, чтобы ни гнилью, ни плесенью, ни затхлостью не несло; дрожжи и хмель не пересохли бы и не загнили. И лишь только какой понадобится сосуд, всегда бы готов был, а для этого дубовые доски в запасе держать, вдруг придется что починить или наладить, а ветхие бочки, извары и чаны, дощечки от бочек и донца лукошек и прочих посуды надо припрятать — все то сгодится для мелкого дела, и ты хороших вещей не попортишь.

56. НА СЕНОВАЛАХ СЕНО И В КОНЮШНЯХ ЛОШАДЕЙ, А НА ДВОРЕ ЗАПАС ДРОВ ПРИСТРОИТЬ И ВСЯКУЮ СКОТИНУ

А на сеновалах бы сено было разложено, и не разбросано, и не раскидано по лестнице и по крыльцу, и по двору не растаскано и всегда бы прибрано было, подметено, и под ногами в грязи не затоптано, и не подмочено, и не заплесневело, и не погнило, всегда под замком. А солома также была бы под кровлей разложена, и обрана, и очищена, и не разбросана, и замечена, да в конюшне доглядывать бы каждый день: в ясли сено класть, сколько съесть лошадям, чтоб не кидали под ноги, и соломку стлать под лошадей и ее подгребать, всякий день перетряхивая. А на водопой лошадей водить осторожно, детишки бы на них не гонялись, а дать лошадям навалиться вдоволь, и

собою кормити, и попонами терти, и покрыти, а лете подкупывати и холодити; а коровамъ и гусем, и уткамъ, и курамъ, и свиньямъ, и сабакамъ кормъ давати и в хлѣвы солома слати и подгрѣбати, и поити — вода ставити, а животине и собакамъ, и куром на то свои суды держати, а чистых судовъ не поганити. А по всѣмъ службамъ ходити вечера и в ночи и утре, в фонаре бы была свеча с огнемъ, а в конюшне и у сѣна и у соломы однолично из фонаря огня не вымати всякия притчи. А бревна бы и дрова и доски, и драницы, и усѣчки, и урупки дощаные и бревенные и всякие устроити в стороне, гдѣ пригоже, а не на дороге; а бревна и доски и драницы на подъякладках, а толко под кровлю и тово лутче, чтобы в сухе не навяло и не замокло, дрова толко сухи, ино топитца хорошо — и служке приступита и взять и понестъ, ино хорошо и не угрязнено.

57. В ПОВАРНЯХ И В ХЛѢБНЯХ, И В ДѢЛОВЫХ ИЗБАХЪ УСТРОИТИ ДѢЛАННОЕ

А в повареныхъ избахъ и в поварнехъ, и в хлебнех гуша и дробина, и отруби всякие, и кобустное коренье и хряпье, и листьѣ свеколное и рѣпное, плюсеньѣ и бражная гуша и винная ис котловъ, и кисельные *ожимки*, и в поварьне от мяса и от рыбы что очищают, и кислых штей, и опара, — всего тово не метати, все то обрати и в ветчаные суды класти, которые ни в поварьне, ни на погребѣ не пригодятся, да ставити то в опричьней хоромине, и тѣмъ страдные лошади кормити или чем подмѣшиваючи невѣиницы или овсяной муки или сѣно рѣзаное или чево иного, а иное коровамъ давати и свиньямъ и гусемъ, и уткамъ, и курамъ, собакамъ, что какъ пригоже: и мукою посыпают и помывки судовые и горшечные и котелные и всякие ествы, и пригарины, — все животине копят, животины тѣмъ сыта бываетъ; а и в дѣревни животине такой кормъ ссылают же.

58. НА ПОГРЕБѢХЪ И НА ЛѢДНИКЕХЪ, И В ЖИТНИЦАХЪ, И В СУШИЛЕХ, И В ОНБАРЕХЪ, В КОНЮШНЯХ ЧАСТО ГОСУДАРЮ СМОТРИТИ

А на погрѣбехъ и на ледникех, и в житницах, и в сушилах, и в клѣтах, и в онбарех, и в конюшнях по вся дни вечера в кой любо день пересмотрити самому государю всякого питья и ествы и всякого обиходу, и всякого запасу, и всякой рухледи, и в конюшнѣ, и хлѣбне, и в поварнѣ, и в чьемъ приказе: или у ключника, или у повара, или у хлѣбника, или у конюха — всего песмотрити самому, по тому чину устроено, какъ в сѣй памяти писано, и перепытати, колко чево есть и всѣму ли есть мѣра и счетъ, и писмо. Да все то смѣтити и згадати

вычесать их, и на дворе из колоды овсом перед собой накормить, и попонами растереть, и накрыть, а летом еще искупать да остудить; коровам же, и гусям, и уткам, и курам, и свиньям, и собакам корм давать, и солому стлать, и подгрести ее, и поить — воду ставить, а для скотины, и для собак, и для кур держать для того особые миски и чистой посуды не поганить. И по всем службам ходить и вечером, и ночью, и под утро, а в фонаре бы была зажженная свеча, но не в конюшне и около сена или соломы, из фонаря огня ни в коем случае не вынимать, чтобы не было какой-нибудь случайности. А бревна бы, и дрова, и доски, и дранку, и обрезки, и обрубки досок и бревен и все разложить в стороне, где удобно, а не на дороге, доски же, и бревна, и дранку — на подкладках, да если еще под крышей, то это и лучше, чтобы в сухости не зацвело и не подмокло, и если дрова сухие, тогда хорошо топятся — и службе только придти и взять и снести, все хорошо и не запачкано.

57. В ПОВАРНЯХ И В ПЕКАРНЯХ И В ХОЗЯЙСТВЕННЫХ СЛУЖБАХ ПРИСТРОИТЬ СГОТОВЛЕННОЕ

А в кухнях и в поварнях собирается гуща и барда, и отруби всякие, и капустные кочерыжки, и хряпа, листья свекольные и от репы, отбросы, и бражная и винная гуща из котлов, и кисельные отжимки, а на кухне и то, что счищают с мяса и с рыбы, и кислые щи, и опара, — так всего того не бросать, собирать и в старую посуду класть, такую, что ни на кухне, ни на погребе больше не пригодится, да ставить все это в особую кладовую и тем рабочих лошадей кормить, чего-нибудь примешивая, невяный хлеб, или овсяную муку, или сено нарезанное, или чего иного сюда подмешать, а иное коровам давать, и свиньям, и гусям, и уткам, и курам, и собакам, кому что сгодится: и мукой присыпают, и обмывками посудными и горшечными и котловыми после всякой пищи, и пригарины, — все собирают скотине, скотина тем и сыта бывает; да и в деревне скотине такой же корм выдают.

58. ЗА ПОГРЕБАМИ, И ЗА ЛЕДНИКАМИ, И В ЖИТНИЦАХ, И В СУШИЛЬНЯХ, И В АМБАРАХ, И В КОНЮШНЯХ ГОСПОДИНУ ЧАЩЕ ПРИСМАТРИВАТЬ

А в погребах, и на ледниках, и в житницах, и в сушильнях, и в клетях, и в амбарах, и в конюшнях каждый день по вечерам в любую погоду самому господину проверить все питье, и еду, и порядок, и всякий припас, и товар, и пожитки, и в конюшне, и в пекарне, и в кухне, и в любом владенье; и у ключника, и у повара, и у пекаря, и у конюха — все осмотреть самому, хорошо ли устроено, так ли, как записано в этой книге, и расспросить, сколько чего есть и всему ли есть мера и счет и записи. Да все то приметить и самому размыслить: и сколько

самому: и сколько чего сделано, и сколько чего разошлось, и кому что отдано, — и все бы то умели сказать именно; иново вечера ключника, иново вѣчера хлебника, иново вечера пивовара и конюха смотрити и смѣтити во всемъ, а ключнику туто же быти. И толко вездѣ стройно по наказу все зблюдено, и счетъ сойдется, и устроено хорошо, и счетъ отдасть подлинно и памятно и прямо — ино того за его службу жаловати; а кто небреженьемъ или истерялъ или испортилъ, или солгалъ, или покралъ — ино посмотри по винѣ наказывати и пѣня чинити. А государю или государыне, или ключнику, или ключницѣ по вся дни, из утра вставъ, всего преже по всему двору у всѣхъ хоромовъ замковъ пересмотрити, а гдѣ есть печати — ино печатей, и по здорову — ино добро, а гдѣ худо замкнуто или замокъ испорченъ, или не замкнуто или печать испорчена, или худо запечатано — и в ту хоромину влезши, всего пересмотрити: толко тати были — ино знать, или свои крали, или небреженьемъ худо замкнуто, и о томъ, по винѣ смотря, и бранить и наказывать, и обыскивати, гдѣ хто начевалъ и што какъ дѣялося, и по тому управа чинити. А в вечере по тому же вездѣ переходити и пересмотрити, и перенюхать, гдѣ огня бы не уронили на погребѣ и на лѣднике, и в вечере и утре смотрити гвоздѣ, крѣпко ли прибито, не поттекаетъ ли уторами и ладами, и дномъ, гдѣ не каплетъ ли и везде ли чисто и в росолѣ, и не заплесневело, и не згнилося, и покрыто, и перечищено, и перебрано. Толко все по здорову в такомъ береженье — ино добро, а што не по тому — ино по винѣ смотря, наказывать. А в поварняхъ и в хлѣбняхъ, и во всякихъ хоромахъ, и в конюшняхъ у всякой животины, и в сѣнникѣхъ, у мастеровъ и у мастерицъ, и у вучениковъ, и у торговцовъ, и у всякихъ своихъ прикащиковъ всегда всево пересматривати и пытати: толко все по наказу — ино добро, а не по тому — ино наказание, по винѣ смотря, по преже писанному; а за доброе устроение и бережение любити и жаловати, всячески доброму бы была честь, а худому гроза.

59. С СЛУГАМИ ГОСУДАРЮ СМѢТЯСЯ ВО ВСЕМЪ ПО ТОМУ ИХ ЖАЛОВАТИ

А которой служка в *которомъ* приказе бережень и по наказу живеть и в службе чисто ходит без хитрости, за посмѣхъ не отдасть и сам не украдет, а вездѣ ества и питие и всякая потреба: покрыто и не згнило, и не поплесневело, и прокисло, и вездѣ подметено и вытерто и не намочено, и не налито, и не нагрязнено, и не насорѣно, и суды всякие чисты, перемыты, и устроено хорошо, и ества, остатки всякие, перебрано цѣло, — и впередъ блюсти про государя и про гость, а початое в расходъ давати и в столъ, кому что достойно и какъ ему велено от государя. И во всякой службе кто добро и бережно и бесхитросно служит и по приказу чинит, и того пожаловати и добрымъ словомъ привечати, и ести и пити подати, и нужна его всякая

чего сделано, и сколько чего разошлось, и кому что отдано, — и все бы они то умели сказать подробно и точно; в один вечер ключника, в другой вечер пекаря, в иной вечер пивовара и конюха доглядеть и заметить себе все, а ключнику тут же быть. И если точно везде по наказу устроено все, и счет сойдется, и налажено хорошо, и отчет каждый даст честно, с понятием и точно, — такого за службу его пожаловать; а кто небреженьем все растерял, или попортил, или солгал, или выкрал, то, смотря по вине, наказать и пропавшее получить с виновного. Господину и госпоже или ключнику или ключнице каждый день, утром встав, прежде всего по всему двору у всех помещений замки оглядеть, и где были печати — там и печать, и если все хорошо — то добро, а где плохо замкнуто, или замок попорчен, или вовсе не замкнуто, а то и печать нарушена или нехорошо запечатана, — тогда, в то помещение войдя, все просмотреть: если воры там были — сразу заметно, если свои покрали или плохо по небреженью заперли, за то, по вине смотря, и бранить, и наказывать, да разузнать, кто где ночевал и что как делалось, и потом уже суд чинить. И вечером также везде походить, и все оглядеть, и перенюхать, как бы огня не уронили в погребе или на леднике, также вечером и по утрам осмотреть все гвозди, крепко ли вбиты, не протекает ли в бочках уторами и щелями и донцем, не каплет ли где и везде ли чисто и в рассоле ли, не заплесневело ли и не сгнило, и закрыто ли, и перечищено, и перебрано ли. И если в порядке все при таком хранении, то хорошо, а что не так — смотря по вине и наказывать. А в поварнях и в пекарнях, и во всех помещениях, и в конюшнях у всякой скотины, и на сеновалах, у мастеров и у мастериц, и у учеников, и у торговцев, и у всех своих приказчиков всегда все просматривать и распытывать; если все по наказу — то хорошо, а не так — тогда наказать, по вине смотря, как выше описано; за хорошее устройство и хранение любить и жаловать, всегда к хорошему работнику было бы уважение, а к плохому — строгость.

59. СЛУГ ГОСПОДИНУ, СПРАВЯСЬ ОБО ВСЕМ, ПО ДОСТОИНСТВУ ЖАЛОВАТЬ

А какой служка бережлив и строго по наказу действует и в службе верно ходит без хитрости; на посмеяние не выдает и сам не украдет, а везде еда и питье и все, что нужно, покрыто и не сгнило, и не заплесневело, и не прокисло, и всегда подметено и вытерто, и не замочено, и не залито, и не запачкано, и не замусорено, и посуда вся чиста и перемыта и хорошо уложена, а остатки пищи все перебраны и целы, — пусть и впредь так хранит для господина и для гостей, а початое выдает на расход и на стол, каждому что поручено и как ему велено хозяином. Во всяком деле кто хорошо, бережливо и бесхитростно служит, по наказу все исполняет, того пожаловать и привечать его добрым словом, едой и питьем одарить и всякую просьбу его исполнить, а

исполнити, а чево безхитростно или недогаткою, или неразумиєм не гораздо здѣлалъ или попортилъ што — и в томъ словомъ наказати передо всѣми: все бы того береглися, и вины отдати; а в другие и в третие проступит или леницца — и ино, по винѣ и по дѣлу смотря, по разсужению наказати и побити: доброму бы была честь, а худому наказание — и всему тому наукъ. А государыня жонокъ и дѣвакъ в своемъ обиходѣ тако же сзирает и смечаетъ, и наказуетъ такоже, какъ здѣ писано.

60. О ТОРГОВЫХ И О ЛАВОЧНЫХЪ ЛЮДЕХ, ПО ТОМУ ЖЕ СЧЕТЪ С НИМИ ЧАСТО ДЕРЖАТИ

А которые в лавкахъ торгуютъ и на домовной обиходѣ покупаютъ всякую потребу и на всякой запасъ, ино с теми в вечере и на упокои на всякую неделю самому государю надобет смечатися с ними и в приходѣ, и в росходе, и в купле, и в продаже: с темъ вечеръ, а с ынымъ иной вечеръ. А кто бережень и памятенъ и радить о своемъ дѣле, и все в счете живетъ у него, и хитрости в немъ нетъ никоторые, и прибыточекъ от него есть, — и того примолвити и пожаловати ествою и питиємъ, и мужа его пополнити во всемъ, а за добро — промыслъ, на выимокъ своимъ платьемъ пожаловати. А кто безхитросно что учинит или ленивъ, или позно в лавку ходить или спать долго, или кто с товаромъ не ходитъ к гостем, или какое его небрежение и нерадѣние — ино его наказывали и бранити и, по вине смотря, такова ему и пѣня учинити; а за добрую службу — тѣхъ у себя за столъ сажати и от себя подавати и жаловати, и во всемъ их беречи. А во всякой службе и в домашнемъ обиходѣ и въ торговле кто ленивъ и сонълив, и крадливъ, и упьянчивъ, и наказание и побои неимуть — и тово от дѣла отставити и по немъ работати. А кто глупъ и грубъ, и крадливъ, и ленивъ, и ни во что не пригодится, и наказание ни ударъ немет — ино *накормивъ* да зъ двора спустить: и иные, на такава дурака глядя, не испортятся!

61. КАКЪ ДВОРЪ СТРОИТИ ИЛИ ЛАВКА, ИЛИ ДЕРѢВНЯ, ИЛИ АНЪБАРЪ

Всякаму человеку домовитому доброму, у кого, Богъ послалъ, свое подворейце или деревеньку, или лавочку в торгу, или онбаръ, или дома каменные, или варницы, или мѣлницы — ино бы было по преже писаному всякой запасъ купленъ в пору, коли дешево, да вездѣ на дворѣ всегда у себя смотрити, — или ключникъ, или кому приказано: или тынъ попортился, или городба в поле или в огородѣ, или ворота, или замки попортились, или которой хоромины кровля гнила или обетшала, или жолобы засорилися, — все то смывати и мести, и жолобы вычищати и перекрывать и перекрепливати, кое поветшало или по-

чего без умысла, или недогадкой, или неразумением неловко натворил, или испортил что — и в том только словом поучить его перед всеми: и все бы того остерегались, ему же вину простить; но если в другой и в третий раз натворит чего или заленится — тогда, по вине и по делу смотря, поразмыслив, поучить и побить: была бы хорошему честь, плохому же — наказание, и всем тем наука. Так же и госпожа за женками и девками в своем хозяйстве доглядывает, и замечает, и наказывает так же, как здесь написано.

60. О ТОРГОВЦАХ И ЛАВОЧНИКАХ, А ТАКЖЕ О ТОМ, КАК ЧАСТО РАССЧИТЫВАТЬСЯ С НИМИ

А которые слуги в лавках торгуют и покупают для домашнего хозяйства все нужное и всякие припасы, с теми по вечерам и на покое во всякое воскресенье самому господину следует рассчитывать и в приходе и в расходе, и в купле и в продаже: с тем вечером, а с другим и в иной вечер. А кто бережлив, и с понятием, и радеет о своем деле, и если все у него находится в полном порядке, и хитрости в нем нет никакой, а прибыток есть от него, — так того похвалить и одарить едой и питьем, и все его нужды исполнить, за добрую службу — забота, а иногда и одеждой своей пожаловать. А кто без умысла что натворит, или ленив, или опаздывает в лавку и долго спит, или кто за товаром не ходит к купцам, или иначе как небрежен и нерадив, — такого поучать и бранить и, по вине смотря, еще и штраф наложить; а за добрую службу за стол свой сажать, и от себя подавать, и жаловать, и от всего охранять их. А во всякой службе, и в домашнем хозяйстве, и в торговле, если кто ленив, и сонлив, и вороват, и пьянчужка, от поучений и битья не исправится, — такого от дела отставить и все за него переделать. А кто глуп, и груб, и вороват, и ленив, и ни на что не годится, ни поучений, ни ударов не воспринимает, — того, накормив, со двора прогнать: тогда и другие, на такого дурака глядя, не испортятся!

61. КАК ДВОР УСТРАИВАТЬ, ИЛИ ЛАВКУ, ИЛИ ДЕРЕВНЮ, ИЛИ АМБАР

У всякого человека домовитого, доброго, у кого, Бог послал, свое подворейце, или деревенька, или лавочка на торгу, или амбар, или каменные дома, или варницы, или мельницы — были бы, как выше описано, закуплены все припасы вовремя, когда они дешевы, да везде во дворе их присматривали бы ключник или кому поручено: если тын попортился, или ограда в поле и в огороде, или ворота, или замки попортились, или у какого строения кровля сгнила или обветшала, или желоба засорились, — все то промывать и вымести, а желоба вычищать и перекрывать и закреплять, а что обветшало, или полома-

ломилося, или прокапало, или вѣтрамъ подрало, или в ызбѣ, или в которыхъ хоромехъ столъ, лавка или скамья, или печь попортилася, или на погребѣ, или на лѣднике, или в мыльне, или мостъ, — и гдѣ што ни будь попортилося: или порядня домовитая какая ни буди дворовая, или какая или поваренная, или конюшенная, или погребная, или всякое платно и сапогъ, — все бы было ветшаное поплачено, а порченное покреплено, а все бы было и твердо и крѣпко, и не згнило, и не накапало, и не нагрязнено, и не намочено, и в кровли, и в суши, и тому подворью и всякому обиходу домовному старости обетшания нѣтъ, всегда живет вновь. А печи всегда посматривают внутри и на печи и по сторонамъ, и щели замазывают глиною, а подъ новымъ кирпичемъ поплатить, гдѣ выломалось; а на печи всегда бы было сметено, ино николи притчи от огня не сътрах, и спать на ней хорошо, или чево посушить; и у всякой бы печи над челомъ былъ искреникъ глинянъ или железенъ, и хоти и низокъ потолокъ, ино не страхъ огня. А всегда бы были всякие хоромы чисто метены и сухи, и не нагрязнены, и не засорены. А на дворе и перед воротаы всегда после снегу згребено и свожено и сметено, а посьле дождя грязь пригребена и ненадобное пристроено, и не насорено и не заволочено, а в сушу приметено, — ино всегда в *подворье* чисто и сухо и не нагрязнено. А метлы и лопаты и всякой запасъ и всякая порядня по двору бы не валялась, все бы было прибрано и припрятано, а на дворе и в огородѣ колодызъ бы былъ, а нѣтъ колодезя — ино бы вода всегда была, а лѣте и по хоромомъ вода бы стояла, пожарные *ради* притчи. А коли избу или мылню топить, а вода бы напередъ принесена, пожарные ради притчи.

62. КАКЪ ДВОРОВОЕ ТЯГЛО ПЛОТИТЬ* ИЛИ С ЛАВКИ ПОЗЕМ ИЛИ З ДЕРЕВНИ ПОДАТЬ, И ДОЛЖНИКОМЪ ДОЛГЪ ВСЯКОЙ ПЛАТИТЬ

А всякому человеку с своего подворья или с лавки поземъ, и з деревни и со всякого угодыя дани и пошлины и всякого оброку, и всяких даней, и всякихъ государскихъ податей на себе не задерживати, копити не вдругъ, а платити ранее до сроку: и ты без работы живешь, и от сроку и от поруки денекъ не даешь, и поминковъ не носишь, и самъ не таскаешься. А кто на срокъ всякихъ оброковъ и всякихъ тяглей не платит, а от того откупается, и двѣ дани будетъ — ино уже вдвое будетъ платить. И такъ нерассудные люди живутъ в работе, и на правежи, и в долгу до коньца обнищает; а кто живет в расплатѣ и в управе, и всякихъ податей за собою не клачиваетъ, и долгу на себе безлѣпичново не водит, и тот человекъ всегда без работы живѣтъ и свободенъ, и при животе добро, и по смерти детемъ поминокъ и надѣлокъ: дворъ со всѣмъ запасомъ или лавка с товаромъ, или деревня со всяким животомъ, толко ни в кабаках, ни в записехъ, ни в порукахъ, ни в какихъ тяглыхъ, ни в какихъ податехъ не зорощено. А лучится кому денегъ занять

лось, или протекает, или ветром содрано, а не то в избе или в каких-то строениях стол, лавка, или скамья, или печь поломалась, или в погребе, или на леднике, или в бане, или полы и где-нибудь что-то испортилось: или снасть какая домашняя дворовая или поварская или конюшенная, или погреб, или какое платье и сапоги, — все бы то было ветхое починено, а порченное поправлено, а все было бы и крепко, и цело, и не прогнило, и не залито, и не запачкано, и не размочено, и прикрыто, и в сухости, так что тому подворью и всему обиходу домашнему старости и обветшания нет, всегда стоит как новое. Печи же всегда осматривают внутри и поверху и по сторонам, а щели замазывают глиной, а под в печи залатать новым кирпичом, где выломался; а на печи всегда бы было выметено, чтоб ничего от огня не случилось, тогда и спать на ней хорошо или что высушить; и у всякой бы печи над челом был навес от искр, глиняный или железный, так что даже и низкий потолок, да огня не боится. Все комнаты всегда бы были чисто выметены, и сухи, и не запачканы, и не замусорены. На дворе и перед воротами после снегопада всегда все сгребено и сметено и свезено, да и после дождя грязь подчищена, и ненужное убрано, и не намусорено и не разбросано, а в сушь и выметено, — так что всегда в подворье чисто и сухо и не выпачкано. А метлы, и лопаты, и всякий припас, и всякая снасть по двору не валялась бы, все было бы прибрано и припрятано, а на дворе и в огороде был бы колодец, а нет колодца, — тогда вода бы была всегда, а летом и по комнатам вода бы стояла, не случилось бы вдруг пожара. Когда же избу или баню топить, вода заранее была бы припасена, на случай пожара.

62. КАК ПОДВОРНОЕ ТЯГЛО ПЛАТИТЬ, ИЛИ С ЛАВКИ ПОЗЕМ, ИЛИ С ДЕРЕВНИ ПОДАТЬ, И КАК ДОЛЖНИКАМ ВСЯКИЙ ДОЛГ ПЛАТИТЬ

А всякому человеку со своего подворья или с лавки позем, а с деревни и со всех угодий дани и пошлины и всякий оброк и всякие дани и разные государственные подати на себе не задерживать, не собирать в одно время сразу, а платить раньше срока: тогда ты и независим будешь, и за просрочку да за поручительство денег не платишь, и взятки не носишь, и сам не таскаешься. А кто в срок всяких оброков и всяких повинностей не платит и того избегает, две дани ему набежит — вот уж и вдвое ему платить. И так неразумные люди попадают в рабство, а в судах и в долгах до конца обнищают; кто же расплачивается, и управляется в срок, и всяких податей за собой не накапливает, и долгу за кем бессмысленного не водится, так тот человек всегда свободен живет, независимо, и в жизни ловко и после смерти детям оставит на поминки с наделом: двор со всяким припасом, или лавку с товаром, или деревню со всякой живностью, и никаких кабал, ни записей, ни порук, никаких повинностей, никаких податей — ни в чем не запутался. А случится кому денег

бескобально или в кобалу, или закълать, или без росту — ино бы на срокъ платить, ино и впередь добрые люди вѣрят; а хто на срокъ не платитъ или росту напередь не уплачиваетъ, ино с убыткомъ и со студомъ платежь, и *въпередь* никто не вѣритъ.

63. УКАЗЪ КЛЮЧНИКУ, КАКЪ ДЕРЖАТЬ НА ПОГРЕБЕ
ВСЯКОЙ ЗАПАСЪ ПРОСОЛНОЙ И В БОЧКАХЪ, И В КАДЕХЪ,
И В МЪРНИКЕХЪ, И ВО ТЧАНЕХЪ, И В ВЕДЕРЦАХЪ МЯСО, РЫБА,
КОПУСТА, ОГУРЦЫ, СЛИВЫ, ЛИМОНЫ, ИКРА, РЫЖИКИ, ГРУЗЬДИ

Все бы то стояло, непчатые и початые сосуды, в росоле да пригнетено дощечкою, да и каменемъ тяжелымъ, а огурцы и сливы, и лимоны в росоле же бы были, а огурцы решеточкою ж пригнетены подъ камешкомъ легонько, а плеснь всегда счищать и росоломъ дополняти. А которой росоль пахнетъ затхолы, и его сливать да свѣжимъ дополняти, россоливъ. Да толко которой просоль не в росоле стоитъ, ино верхней рядъ зниеть, а не в береженье ино испортится: а то все в лѣте все засекати, а мясо по времени вывѣшивать, а и в рыбѣ только духъ появится, ино перемывъ вывѣшивать же. А которая рыба всякая и мясо солено на провѣсь, и вывешивати под весну, и *какъ* выветрело, и есть поспѣло, ино от стропа збирати да переносити в сушило, да что пригоже, вѣшати, а иное в стопу класти; а рыба прutowая в рогожи вертеть, а пласти по полице класти, а подпариваная в крошню, чтобы вѣтръ проходилъ: которая какъ пригоже, такъ держати. А о всемъ о томъ, какъ беречи, в начале писано. А в житницах и в закромахъ, и в сушилах всякаго обилия пересматривати; притчею которою накапало или навяло, или сыро, или затлося, или поплесневело, или слеглося, ино то, рассыпавъ, на сонцѣ пересушивати или в печехъ, а что попортилося, ино то напередь ести и в заимъ давати и милостыню и нужнымъ, а толко много, ино упродасть: а которой свѣжей, сухой, в береженье стоитъ, ино то вдаль блюсти. А питье всякое, и меды, и пива, и морсы, и вишни в патокъ, и яблока, и груши в патоке и в квасу, и брусничная вода по тому же, кои бочки в леду засѣчены, и тѣ *держати* вполне, а которое питье стоитъ не вполне, ино дополняти и в леду засѣкати; а толко которое питье тронулося, окисло или поплесневело, ино то по малымъ судомъ растачивати, да то борзо изведет, а которое свѣжее — вдаль блюсти и вполне держати. И яблока, и груши, и вишни, и ягоды, — то бы было в росоле, а плѣснь счищать и, подсытивъ, доливать и что какъ пригоже; а на лѣдникъ полное питье и еству к леду засѣкши держати, ино не портитца. А платье всякое и таварь, которое в полатахъ и в клѣтехъ, и в *онбарехъ*, и в лавкахъ, и в сундуках, и в бочкахъ, и в коробьях, и верхнее и нижнее, и новое и ветчаное, дорогое и дешевое, и усчины и полотна, — того всего лѣте пересматривати розвѣшивать, и пересушивати, и перетрясы-

занять бескабально, или в кабалу, или под заклад, или без процентов, — тогда оплатить бы в срок, и впредь добрые люди поверят; кто же в срок не платит или проценты заранее не оплачивает, тому наступит выплата с убытком и с позором, и впредь никто ему не поверит.

**63. НАКАЗ КЛЮЧНИКУ, КАК В ПОГРЕБЕ ХРАНИТЬ
ВСЯКИЕ ПРИПАСЫ СОЛЕННЫЕ И В БОЧКАХ, И В КАДКАХ,
И В МЕРНИКАХ, И В ЧАНАХ, И В ВЕДЕРКАХ МЯСО, РЫБУ,
КАПУСТУ, ОГУРЦЫ, СЛИВЫ, ЛИМОНЫ, ИКРУ, РЫЖИКИ, ГРУЗДИ**

Все бы те непочатые и початые сосуды стояли с рассолом да пригнетены дощечкою и камнем тяжелым, а огурцы, и сливы, и лимоны также в рассоле бы были, огурцы же под решеточкой придавлены легонько камешком, и плесень всегда счищать и доливать рассолом. Какой же рассол запахнет затхлостью, его сливать да свежим дополнять, подсолив. Ведь если что из засоленного не в рассоле стоит, то верхний ряд сгниет, а если еще в небрежение — то и испортится; а летом все это еще и льдом обложить, а сушеное мясо на время вывешивать; да и рыбу, лишь только запах появится, также, промыв, вывешивать. А если рыба любая и мясо соленое вялены, вывешивать их по весне, и как только обветрилось, значит, поспело, тогда со стропил собирать переносить в сушильню и что хорошее, то развесить, а прочее в кучу класть; а рыбу пруттовую завернуть в рогожи, вяленую разложить по полкам, а пареную в корзины, но чтобы ветер обдувал: какую как нужно, так и хранить. А о том, как хранить, было уже написано. В житницах, и в закромах, и в сушильнях все запасы такие просматривать: по какой-то причине подмочило, или заплесневело, или сырое, или затхлое, или заплесневело, или слеглось, тогда, разложив все, на солнце пересушить или в печах, а что испортилось, то раньше съесть или взаимы давать и милостыню и нуждающимся, если же слишком много, то и продать; все же, что свежо, сухое и хорошо сохранилось, хранить и дальше. А напитки всякие: и меда, и пива, и морсы, и вишни в патоке, яблоки и груши в патоке и в квасу, и брусничная вода также, — если в бочках обложены льдом, так полными сохранить, а какие напитки стоят неполными, дополнить их до краев и в лед поставить; если же какое питье тронулось, скисло или заплесневело, так его по малым сосудам разливать и быстро пускать в дело, а какое посвежей — дальше хранить и держать полным. А яблоки, и груши, и вишни, и ягоды — все бы были в рассоле, а плесень счищать и, подсластив, доливать, что как нужно; да и на леднике питье и еду только полным, льдом обложив, хранить, тогда не испортится. А платье всякое и товар, какие в дому, и в клетях, и в амбарах, и в лавках, и в сундуках, и в бочках, и в коробах, и верхнее, и нижнее, и новое, и ветхое, дорогое и дешевое, и холсты, и полотна, — летом все то просматривать, и развешивать, и пересушивать, и перетрясать, а какое

вати, а которое попортилося, того починить, и нового, и ветчаного, и опять по старому хорошо укъладывати, и держать то в суше и в покрыте, и за замкомъ. А сѣно толко накапало или навьяло, или сыро, или слеглося, или затхлося, ино его в вѣдреной день в солнечной и на вѣтръ выносить ис сѣнницы да просушить и перетрясть, да и опять в сенницу скласть; а в стогу толко слеглося или затхлося, по тому же розослатъ и перетрясть, и просушить, и опять хорошенько сметать, да толко таково ино продасть или лошедми кармить, да то изводит кое попортилося, а много — ино продасть, а кое доброе, ино дале блюсть, и в суше покласть и сѣнницы укрыти.

64. ПОСЛАНИЕ И НАКАЗАНИЕ ОТО ОТЦА К СЫНУ

Благословение от благовѣщенскаго попа Селивестра возлюбленному моему единородно сыну Анфиму. Милое мое чадо дорогое! Послушай отца своего назание, рождышаго тя и воспитавшаго в добре наказании и в заповедехъ Господнихъ, и състраху Божию и божественому писанию изучену, и всякому закону християнскому, и промыслу доброму, во всякихъ торговлехъ и во всякихъ товарехъ наказану; и святительское благословение на себѣ имѣешь, и царское государево жалование и государыни царицы, и братии его, и всехъ боярь, и з добрыми людьми водишися, и со многими иноземцы великая торговля и дружба есть все еси доброе получилъ и умѣи еси совершити о Бозѣ. Якоже начато при нашемъ попечении, и по насъ тако же бы Богъ соблюлъ по тому жити. И законному браку сочтахъ тебѣ у добру родителю благодарную дочь, и благословилъ есми тебя всякою святынею и честными кресты, и святыми образы, и благословеннымъ стяжаньемъ, яко же, мню, от праведныхъ трудовъ, а в невѣдании Богъ правитель. И нынѣ убо, сыну Анфимъ, предаю тебѣ и поручаю, и оставляю создатели нашему доброму, блюстителю Иисусу Христу и его матери, пречистыя Богородица, и заступнице нашей, помощнице, и всемъ святымъ, яко же рече Писание: «Подщися дѣти оставити наказаны в заповедехъ Господнихъ — лучше неправеднаго богатства: аще и в праведнемъ убожестве, неже бы въ неправеднемъ богатствѣ». И ты, чадо, блюдися неправеднаго имѣния, а твори добрая дѣла, имѣй, чада, великую вѣру к Богу, всѣ упование возлогай на Господа: никѣто же, надѣяся на Христа, не погибнетъ! Прибѣгай всегда с вѣрою ко святымъ Божиимъ церквамъ, заутрени не просыпай, обѣдни не прогуливай, вечерни не погреси и не пропивай павечерница и полунощница и часы в дому своемъ всегда по вся дни пѣти: то всякому християнину Божии долгъ. Аще возможно, по времени прибавишь правила, на твоёмъ произволении, болшую милость от Бога обрящещи, а в церкви Божии и дому на правиле и на всяком молении и самъ, и жену, и детей, и домочатцовъ стояти, со страхомъ Богови молититися и со вниманиемъ слушати, отнюдь в те поры ни о чемъ не бесѣдовати, ни обзиратися, разве ли кия нужда, а говорити правило келейное

попортилось, то починить, и новое и ветхое снова по-прежнему укладывать и сохранять все в сухости и закрытым и под замком. Сено же, если оно намокло, или заплесневело, или отсырело, или слеглось, или затхлое, его в погожий день солнечный на воздух выносить из сеновала, да просушить, да перетрясти, а там и снова на сеновал сложить; если же в стогу сено слеглось или запрело, также раскидать, и перетрясти, и просушить, и снова хорошенько сложить, можно его и продать и лошадей кормить; да раньше пусть то потребит, какое попорчено, а если такого много — то продаст, какое же сено доброе, то хранить дальше, сложить в сухом месте и сеновалы укрыть.

64. ПОСЛАНИЕ И НАСТАВЛЕНИЕ ОТ ОТЦА К СЫНУ

Благословение от благовещенского попа Сильвестра возлюбленному моему и единственному сыну Анфиму. Милое мое чадо дорогое! Послушай наставление отца твоего, родившего тебя и воспитавшего в добром поучении и в заповедях Божьих, и страху Божьему и божественному писанию научившего, и всякому закону христианскому, и заботам добрым, во всяких торговых и во всех товарах всему научившего; и святительское благословение на себе несешь, и царское государя пожалование и государыни царицы, и братьев его, и всех бояр, и с добрыми людьми водишься, и со многими иноземцами в большой торговле и в дружбе состоишь: все блага получил, так умей и делать по-Божески. Все это начато нашим попечением, но и после нас сохранил бы тебя Бог так же жить. И законным браком сочетал с тобой от добрых родителей благодарную дочь, и благословил я тебя всякой святыней, и честными крестами, и святыми образами, и благословенным именем, которые все, я уверен, достались праведными трудами, и подтвердит это Бог направляющий. Но теперь, сын Анфим, передаю тебя и препоручаю и оставляю создателю нашему доброму, хранителю Иисусу Христу и его матери, пречистой Богородице и заступнице нашей, помощнице, и всем святым, как сказано в Писании: «Позаботиться детей оставить наставленными в заповедях Господних — и это лучше неправедного богатства: краше быть в праведном убожестве, нежели в неправедном богатстве». И ты, чадо, тоже берегись неправедного богатства и твори добрые дела, имей, чадо, великую веру в Бога, все надежды возлагай на Господа: ибо никто, уповая на Христа, не погибнет! Всегда с верою обращай к святым Божиим церквам, заутрени не просыпай, обедни не прогуливай, вечерни не пропусти и не пропивай вечерней и ночной молитвы, и службы в доме твоём всегда бы и всякий день велись: для каждого христианина это долг перед Богом. Если сможешь, со временем по своему желанию увеличишь службу и тем большую милость от Бога получишь; а в церкви Божьей и дома во время службы и во всяком молении и самому, и жене, и детям, и домочадцам стоять, со страхом Богу молиться и со вниманием слушать и никогда в то время ни о чем не

и церковное единогласно, чисто, а не вдвое; священнический чинъ и иноческий почитай: тѣ бо суть Божии слуги, тѣми очищаемся от грѣховъ, тѣ имѣют дерзновение молитися Господу о грѣсѣхъ нашихъ и Бога милостива сотворять. Повинуйся, чадо, отцу духовному и всякому священническому чину во всякомъ духовномъ наказании, а жена тако же; в домъ свой их призывай молитися о здравии за царя и государя и за царицу и чада ихъ, и за братию его, и за съвещеннический чинъ и мнишеский, и за вся християне. И о своемъ согрѣшеніи и о своихъ домочадцевъ молебная совершай; и воду бы святили з животворящаго креста и со святыхъ мощей, и с *чудотворныхъ* образовъ. Аще болезни ради за здрави и масломъ свѣщаютъ и в церквахъ Божіихъ — тако же твори: приходи с милостынею и с приношениемъ за здравіе и по родителехъ преставшихся память твори со всякою чистотою, и самъ воспоминавєнь будещи от Бога. Церковников и нищих, и маломожныхъ, и бѣдных, и скорбныхъ, и странныхъ пришелцовъ призывай в домъ свой и по силе накорми и напои и согрѣй, и милостыню давай от своихъ праведныхъ трудовъ и в дому и в торгу и на пути тою бо очищаются грѣси: тѣ бо ходатаи Богу о грѣсѣхъ нашихъ. Имей, чада, истинную правду и любовь нелицемѣрную ко всемъ, не осужай никого ни в чемъ, свои грѣхи рассужай, како избыти ихъ; чево самъ не любишь, того и другу не твори, и храни чистоту телесную паче всего, да наступи на совесть свою, яко же на лютаго врага и возненавиди, яко же милаго душетленнаго дѣруга; хмелново питія, Господа ради, отвѣрзи от себѣ, пиянство в семъ убо недуге, и вся злая ражаются обычаи от него. Аще от сего сохранить тя Господь, вся благая и полезная от Бога получиши, и от человекъ чєстьєнь будещи, и души своей просвѣтъ сотвориши на вся добрая дѣла. Воспомяни, чада, апостольское слово: «Не прельщайтесь — ни пьяница, ни блудникъ, ни прелюбодѣй,* ни содомленинъ, ни тать, ни разбойникъ, ни клеветникъ, ни хищникъ царствія Божія не наследятъ!» Аще которою страстию побѣдился еси, чадо, или в которое грѣхопадение впал, о сѣмъ прибѣгни к Богу с теплою вѣрою и ко отцу духовному з горкими слезами и плачися о грѣсєхъ своихъ, и кайся истиннѣ, еже таковая не творити, и заповѣдъ отца духовнаго храни и епитемью держи: милостивъ Господь праведныхъ любить, грѣшныхъ милуетъ, всехъ зовет ко спасению, и паки храни и блюди себе в християнскомъ жити праведномъ законе, удержи языкъ свои от зла и устне свои, еже не глаголати лъсти, храни себе ото лжа и от похвалы, и от клеветы, и самъ ни в чемъ не величайся: уничижи себѣ паче всехъ человекъ — узриши славу Божию. И всякого, чадо, не презри, во всякой нужи памятуй, чадо, како мы жихомъ вѣкъ, никто же изыдѣ от дому нашего тошь или скорбєнь, по силе вся потребная всякому человекъу Бога ради давано и скорбново словомъ ползовано. Аще кому в чемъ возможно, и мы помогали Бога ради, и ссужали всячески, а намъ невидимо Христосъ изобилно посылалъ милость свою, всякихъ благихъ. А не помыслихомъ никогда на зло никому, развєе недоразумія, а без лукавства. Чадо, люби мнишеский чинъ, и

беседовать, не оглядываться, разве что очень нужно; службу келейную или церковную вести согласно и чисто, а не вразной; священников и монахов почитай: они ведь слуги Божии, трудами их очищаемся от грехов, они имеют власть молиться Господу о наших грехах и склоняют Бога к милости. Повинуйся, чадо, и жена твоя также отцу духовному и любому священнику во всяком духовном наставлении; в дом свой приглашай их помолиться о здравии царя-государя и царицы, и детей их, и братьев его, и за священников, и за монахов, и за всех христиан. И о своих согрешениях и о согрешениях своих домочадцев молебны совершай; и воду бы святили с животворящего креста и со святых мощей и с чудотворных образов. Во здравие елеем освящают больного в церквах Божьих — так же и ты поступай: приходи с милостыней и с дарами во здравие, и преставившихся родичей поминай во всей чистоте, и сам будешь помянут Богом. Церковников, и нищих, и маломощных, и бедных, и страдающих, и странников приглашай в дом свой и, как можешь, накорми, напои, и согрей, и милостыню давай от праведных своих трудов, ибо и в дому, и на рынке, и в пути очищаются тем все грехи: ведь они заступники перед Богом за наши грехи. Имей, чадо, верную правду и любовь нелицеприятную ко всем, не осуждай никого ни в чем, о своих грехах поразмысли, как их избыть; чего сам не любишь, того и другому не делай, и сохраняй чистоту телесную пуще всего да наступи на совесть свою, как на лютого врага, и возненавидь, как милого и погибельного друга; от хмельного питья, Господа ради, откажись, ибо пьянство — болезнь, и все плохие поступки им порождаются. Если от этого сохранит тебя Господь, все благое и нужное от Бога получишь, и будешь почтен и людьми, и душе своей путь отворишь на всякие добрые дела. Вспомни, чадо, апостольское слово: «Не надейтесь — ни пьяница, ни блудник, ни прелюбодей, ни содомлянин, ни вор, ни разбойник, ни клеветник, ни убийца царства Божьего не наследует!» И если какая страсть тебя покорила, чадо, или в грех какой впал, с тем обратись к Богу в искренней вере и к отцу духовному с горькими слезами, и оплачь грехи свои, и кайся по правде, что больше не станешь такого творить, поучение же отца духовного соблюдай и епитимью исполни: милостивый Господь праведных любит, грешных милует, всех призывает к спасенью; и больше всего сбереги и сохрани себя в праведном христианском законе, удержи язык от злого и уста свои, чтобы не извергали лжи, храни себя от обмана, от похвальбы и от клеветы и сам ни в чем не заносись: унизь себя пуще всех людей — сподобишься славы Божьей. Никого же, чадо, не презирай и во всякой нужде помни, как мы прожили век, никто не вышел из дома нашего голоден или печален, как могли, все нужное каждому человеку Бога ради давали и печального словом вылечивали. Кому как можно, мы помогали Бога ради и ссужали, как могли, и Христос нам невидимо в обилии посылал свою милость, всякие блага. И не помыслили мы никогда никому во зло, разве что по недомыслию, но без лукавства. Чадо, почитай монахов, и странники в доме

страннии пришельцы всегда бы в дому твоємъ питались, и в монастыри с милостынею и с кормлею приходи и в темницахъ и убогихъ и больныхъ посѣщай и милостыню по силе давай. А домочадцовъ своихъ одевай и корми довольно, а жену свою люби и в законе живи по заповѣди Господни: в неделю и в среду, и в пяток, и в праздники Господни и Великий постъ в чистоте пребывайте, в посте и молитве, и в покаянии и во всякихъ добродѣтеляхъ, законное жительство в славу Богу и в жизнь вѣчную, а любодѣемъ и прелюбодеемъ судить Богъ. Да самъ, чадо, что твориши, того жену учи, всякому страху Божию и всякому вежеству и промыслу, и рукодѣлю, и всякому рукодѣлю и домашнему обиходу, и всякой порядне: умѣла бы сама и печи, и варити, и всякую домашнюю порядню умѣла, и всякое женское рукоделье знала — коли сама все знаетъ и умѣет, ино умѣеть и дѣтей и слугъ всему научити и наряжати, и наказати во всемъ. И сама бы хмельново питья отнюд не любила, и дѣти и слуги у ней того не любили же, а всегда бы жена без рукодѣлия сама ни на часъ не была, разве немощи, а слуги у ней тако же. А в гостехъ будет или у ней гости, отнюд бы сама пьяна не была, а з гостями бѣседа бы была о рукодѣли и о домашней порядне, и о законномъ християнскомъ житии, а не пересмѣивайся и не переговаривала бы ни о комъ ничево; в гостехъ и в дому пѣсней бесовскихъ и всякого срамслова и блядивыхъ речей и блудныхъ пословицъ сама и слуги не говорила и не творила бы, того ни у кого бы не слушала, и вольхвовъ, и кудесниковъ, и всякого чарования не знала бы и в дома не пушала ни мужиковъ, ни женокъ. Аще не внимает сего, всячески наказуй страхомъ и спасая, а не гневайся на жену, а жена на тебѣ. Наказуй наедине, да наказавъ примолви и жалуй и люби ея, тако же и дѣтей и домочадцовъ своихъ учи страху Божию и всякимъ добрымъ дѣломъ, понеже тебѣ о нихъ отвѣтъ дати въ день Страшнаго суда. Аще по нашему наказанию и по сему писанию учнете жити, велию благодать от Бога обрящете и жизнь вѣчную наслѣдите и з домочадцы своими.

Да держися, чадо, добрыхъ людей во всякихъ чинехъ, и ревнуй добрымъ дѣломъ, внимай словеса добрые и твори я. Почитай часто божественное писание и влагай въ сердце себѣ на ползу. Видѣль еси, чадо, како в житии семъ жихом во всякомъ благоговении и сътрастѣ Божии и в простотѣ сердца и церковномъ прилежании со сътрахомъ, и божественнымъ писаниемъ ползующися всегда, и како были Божиею милостию от всѣхъ почитаемъ и всеми любимъ и всякому и в потребныхъ уноровилъ и рукоделиемъ и службою и покорениемъ, а не гордынею, ни прекословиемъ не осужахъ никого, не просмѣиваль, ни укариваль никого, ни браниваль ни с кѣмъ, и пришла от кого обида, и мы Бога ради терпѣли и на себя вину полагали, и тѣмъ враги други быша. И аще которою виною душевною или телесною согрѣшихъ пред Богомъ и предо всѣми человеки, и вскорь о томъ плакахся к Богу грѣха своего, и у отца своего духовнаго каяхся со слезами и умилне прощения прося, и заповеди его духовныя с любовию храняхъ, яко же повелить ми. И аще кто мя въ моемъ прегрѣшении или въ

твоим всегда бы кормились, также и в монастыри с милостыней и с кормом приходи, и заключенных в темницах, и убогих, и больных посещай, и милостыню посильно давай. И домочадцев своих одевай и корми в достатке, и жену свою люби, и в законе живи по заповеди Господней: в воскресенье, и в среду, и в пятницу, и по праздникам Господним, и в Великий пост любви избегайте, живя добродетельно в посте, и в молитве, и в покаянии; жизнь по закону — во славу Бога и ради вечного царства, а любодеев и прелюбодеев осудит Бог. Что сам, чадо, делаешь, тому и жену учи, всякому страху Божию, разному знанию, и ремеслу, и рукоделью, всяким делам, и домашнему обиходу, и всем порядкам: сама бы умела и печь, и варить, и любое дело домашнее знала, и всякое женское рукоделье умела, — когда сама все знает и умеет, сможет и детей и слуг всему научить, ко всему пристроить и наставить во всем. И сама бы хмельного питья никогда не любила, и дети и слуги у нее того не любили бы тоже, и никогда бы жена без рукоделья ни сама ни на час не оставалась, разве что заболает, и слуги ее также. Если же в гости пойдет или к ней гости, никогда бы сама пьяна не была, а с гостями беседовала о рукоделье, и о домашнем хозяйстве, и о праведном христианском житии, а не насмешничала бы и не болтала ни с кем ничего; в гостях и дома песен бесовских, и всякого сквернословия, и блудливых речей, и грубых слов сама бы не произносила и того ни от кого бы не слушала и слуги ее также; и волхвов, и кудесников, и всяких заговоров не знала бы и в дом не пускала ни мужиков-колдунов, ни женок. Если же не понимает этого, сурово ее накажи, страхом спасая, но не гневайся на жену, а жена — на тебя. Поучай наедине, да, поучив, успокой, и пожалей, и приласкай ее, также и детей и домочадцев своих учи страху Божию и всяким добрым делам, ибо тебе ведь ответ за них дать в день Страшного суда. Если станете жить по нашему поучению и по этому написанию, великую благодать от Бога получите и вечной жизни удостоитесь с домочадцами своими.

А еще держись, чадо, добрых людей всех чинов и званий и добрым делам подражай, внимай хорошим словам и исполни их. Почаще читай божественное писание и вложи его в сердце свое на пользу себе. Видел и сам, чадо, как в жизни этой жили мы во всяком благоговении и в страхе Божьем, и в простоте сердца, и в страхе и уважении к церкви, пользуясь всегда божественным писанием, и как были по Божьей милости всеми мы почитаемы и всеми любимы, всякому в нужном угодил я и делом, и служением, и покорством, а не гордыней, порочающим словом не осуждал никого, не насмехался, не укорял никого, не бранился ни с кем, а пришла от кого обида — мы Бога ради терпели и винули себя, и потому становились враги друзьями. А если какую виною душевной или телесной согрешил я пред Богом и перед людьми, тотчас о том я винулся пред Богом за грех свой и отцу своему духовному каялся, со слезами и с сокрушением прося прощения, духовные его наставления с признательностью хранил, что бы он ни повелел. И если кто в моем прегрешении или в

каковъ невежествѣ обличить, или кто духовне накажетъ или кто в посмѣхъ поноситъ мя и укоряетъ, — вся сия с любовью приимах и себѣ внимах, аще по дѣлом о всемъ о семь каяхся и от таковых дѣлъ удаляхся Богу поспешествующу ми. Аще что и не повинно и не по делу молва или поношение, или посмѣхъ каковъ или укоризна, или ударение, — во всемъ в томъ винихся и не оправдахся пред человеки, Богъ сие праведнымъ своимъ милосердиемъ исправит. Воспоминахъ Еуаггельское слово: «Любите враги ваша,* добро творите ненавидящимъ васъ, благословите кленущая вы, молитесь за творящая вамъ пакости, изгонящая вы, биющему тя в ланиту обрати ему и другую и от взимающаго ти ризу и срачицу не возбрани, и всякому просящему у тебе дай, от взимающаго твое не истязуй, аще кто тя пойметъ поприще едино — иди с нимъ и двѣ», и паки еще воспоминая причастную молитву: «Господи, даждь ми милость ненавидящимъ мя и враждующимъ ми и поношающимъ ми, также и оклеветающимъ мя, да никто же никако же от нихъ мене ради, нечистаго и грѣшнаго, зло нѣкако постражетъ ни в нынѣшнемъ, ни в будущемъ вѣце, но очисти ихъ милостию своею и покрый ихъ благодатию своею, благий!» Тѣмъ всегда утешал себѣ, не погрѣшихъ никогда же церковнаго пѣнія от юности своя и до сего вѣремени, кромѣ немощи; ни нища, ни странна, ни убога, ни скорбна, ни печална никогда же презрѣхъ, кроме невидения, и в темницы болна и пыленена, и из работы должна, и во всякихъ нуждах по силе окупихъ, и гладных по силе кормих, работныхъ своихъ всѣхъ свободихъ и надѣлихъ и, ины окупихъ из работы и на свободу попушахъ, и всѣ тѣ роботые наши свободны, и добрыми домами живутъ, яко же видиши, и молят за ны Бога и доброхотают намъ всегда. А кто забылъ насъ — Богъ его проститъ во всемъ. А нынѣ домочадцы наши всѣ свободны живутъ у нас по своей воли, видель еси, чадо мое, многихъ пустошныхъ, сиротъ и работныхъ, и убогихъ, мужеска полу и женьска, и в Новѣгородѣ и здѣ, на Москвѣ, вскормихъ и вспоих до совершенна возраста, изучихъ, хто чево достоинъ, многихъ грамотъ и писати и пѣти, иныхъ иконного писма, инѣхъ книжного рукодѣлия, овѣхъ серебряново *мастерства*, и иныхъ всякихъ многихъ рукодѣлей, а иныхъ всякими многими торговли изучихъ торговать. А мати твоя многие девицы и вдовы пусътошныя и убогие воспитала в добре наказании, изучила рукодѣлию и всякому домашнему обиходу и, надѣливъ, замужъ давала, а мужеский полъ поженили у добрыхъ людей, и всѣ тѣ, далъ Бог, свободны, своими добрымъ домами живутъ, многи во свещенническомъ и во дьяконскомъ чину, и в дьяцѣхъ, и в подьячихъ, и во всякихъ чинехъ: кто чево дородился и в чемъ кому благоволилъ Богъ быти — овии рукодѣльничаютъ всякими промыслы, а многия торгуютъ в лавках, мнози и гоздѣбы дѣют в различныхъ земляхъ всяки торговлями. А Божиею милостию во всѣхъ тѣхъ нашихъ скормленикехъ и послуживцехъ ни соромота, ни убытокъ, никакая продажа от людей, ни людемъ от насъ, ни тяжа ни с кемъ не бывала: во всемъ Богъ соблюлъ по ся мѣста. А от кого намъ, от своихъ скормлениковъ, досада и убытъки многи и велики бывали,

каком невежестве меня уличит, или кто духовно наставит, или кто с насмешкой поносит меня и укоряет, — так все благодарно я принимал, если то было правдой, и каялся в том, и от дел таких удалялся, с помощью Божией. Если в чем и не повинен и не справедлива молва и брань, или насмешка какая, или укоризна, или удары, — все равно я во всем винился, не оправдываясь перед людьми, и праведным своим милосердием Бог восстановит правду. Вспоминал я слова Евангелия: «Любите врагов ваших, делайте добро ненавидящим вас, благословите клянущих вас, молитесь за творящих вам пакости, вас изгоняющих, ударяющему тебя по щеке подставь и вторую щеку, и не препятствуй отнимающему у тебя платье твое и сорочку, и каждому, просящему у тебя, подай, у отнимающего твое не востребуй, а если кто попросит тебя пройти один переход, — пройди с ним два», и припоминая при том и молитву у причастия: «Господи мой, дай ты милость ненавидящим меня, и враждующим со мною, и поносящим меня, также и клеветующим на меня, пусть никто никогда из них из-за меня, нечистого и грешного, от зла не пострадает ни в нынешнем, ни в будущем веке, но очисти их милостью своею и покрой их благодатью своею, всеблагий!» И тем всегда утешал я себя, что не погрешил никогда против церковной службы от юных лет и до сего времени, разве что был болен, ни нищего, ни убогого, ни странника, ни скорбного, ни печального никогда не презрел я, разве когда по неведению, и из темниц больных и пленных, и должников из рабства, и во всякой нужде людей по силе своей выкупал я, и голодных, как мог, кормил, рабов своих всех освободил я и наделил их, а иных из рабства выкупил и на свободу пустил я, и все те наши рабы свободны, богатыми домами живут, как ты видишь, и молят за нас Бога, и всегда нам содействуют. А кто и забыл нас — Бог его простит во всем. А теперь домочадцы наши все свободны у нас живут в своей воле, видел ты сам, чадо мое, многих ничтожных сирот, и рабов, и убогих, мужского полу и женского, и в Новгороде, и здесь, в Москве, вскормил и вспоил я до зрелости, обучил, кто чему достоин, многих и грамоте, и писать, и петь, которых иконному письму, а каких и книжному искусству, тех серебряному делу и прочим всем многим ремеслам, а кого разной торговлей обучил заниматься. А мать твоя воспитала в добром наставлении многих девиц и вдов, ничтожных и убогих, обучила рукоделию и разному домашнему обиходу и, наделив приданым, выдала замуж, а мужчин поженили у добрых людей, — и все те, дал Бог, свободны, живут состоятельно, многие в священническом и дьяконском чине, и в дьяках, и в подьячих, и во всяких чинах: кто во что уродился и в чем кому благоволил Бог быть, — те занимаются разными ремеслами, а многие торгуют в лавках, многие и в купечестве в различных землях ведут торговлю. И Божьей милостью у всех тех наших вскормленников и иждивенцев ни позор, ни убыток, ни денежной пени от людей, ни людям от нас, ни тяжб ни с кем не бывало: во всем Бог сберег до сих пор. А от кого нам, от наших вскормленников, досада и убытки многие и

ино то все на сѣбѣ понесено, никто того не слыхаль, а намъ то Бог исполнилъ. И ты, чадо, тому же ревнуй и тако твори: на сѣбѣ всякую обиду понеси и претерпи, Богъ сугубо исполнить. Не познахъ другия жены, разве матери твоя; еже с нею общахове, то и сотворих. О Бозѣ, соверши, Христе, христьянски сконьчати животь свой в заповедехъ твоихъ! Живи, чадо, по христьянскому закону во всякихъ обычаехъ без лукавства и безо всякия хитрости ко всемъ, а не всякому духу вѣруй, доброму ревнуй, лукавыхъ и законопреступныхъ во всякихъ обычаехъ отнюдъ не люби. А законной бракъ со всякимъ опасениемъ храни до коньчины живота своего, чистоту телесную храни, кромѣ жены своей не знай никого, и пьянственаго недуга также *берегися*: в дву сихъ главизнахъ вся злая сводятся, до ада преисподняго: и домъ пусть — имению тщета, и от Бога не помилованъ будетъ, и от людей безчестенъ и посмѣянъ, и укоренъ, и от родителю проклятъ. Аще, чадо, тебя от сего зла Господь сохранит, законъ сохраниши по заповеди Господни, и от хмелного питья воздержиси, и во всякихъ добродѣтеляхъ поживеши, яко же есть богобоязливии люди, и ты от Бога помилованъ будеши, а от людей честенъ. И исполнит Господь домъ твой всякою благодатию. И еще воспомянути: гостей приезжихъ у себя корми, а на сусѣдстве и з знаемыми любовно живи, о хлебѣ и о соли и о доброй здѣлке и о всякой ссудѣ. А поедешь куды в гости — поминки не дороги, вози за любовь, а в пути от стола есть подавай домовнымъ государемъ и приходящимъ, и ихъ с собою сажай за столъ и питейца также подавай. А маломожнымъ милостыню давай. Аще сия твориши, то везде тебя ждуть и стречаютъ, а в путь провожаютъ — от всякого лиха берегутъ: на стану не покрадутъ, а на дороге не розобьютъ, того ради кормятъ добраго до добро, а лихова от лиха, тот ся на добро обратит, во всемъ в томъ убытка нетъ в добрыхъ людехъ. Хлѣбъ соль — заемное дѣло, а поминьки также, а дружба въ вѣкъ, а слава добрая. А на дороге и в пиру и в торговле отнюдъ самъ брани не зачни, а кто излает — терпи Бога ради, а от брани уклонися: добродѣтель злобу преодолеваетъ. Господь бо гордымъ противится,* смирена Богъ любит, а покоренному Богъ благодать даетъ. Аще людемъ твоимъ лучитца с кѣмъ брань гдѣ ни будь, и ты на своихъ брани, а кручиновато дѣло — и ты и ударь, хоти и твой правъ: тѣмъ брань утолиши, также убытокъ и вражда не будетъ. Да еще недруга напоити и накормити хлѣбомъ да солью, ино вместо вражды дружба. Воспомянай, сыну, великое Божие милосердие к намъ и заступление от юности и до сего времени. На поруку не давалъ никого, ни меня не давивалъ никто во всякихъ вещехъ, и на судѣ не бывалъ ни с кемъ, ни искивалъ, ни отвечивалъ. А видѣлъ еси сам, в рукодѣяхъ и во многихъ бо всякихъ вѣщехъ мастеровъ всякихъ было много: иконники, книжные писцы, *серебряные* мастера, кузнецы и плотники и каменщики, и всякие и кирпичики, и *стеньщики*, и всякие рукодѣльники; денги имъ даваны на рукодѣлье напередъ по рублю и по два, и по три, и по пѣти, и по десяти, и болши; а многи были чмуты и бражники, и со всѣми

большие бывали, так то все мы сами снесли, никто о том и не слыхивал, а нас за то Бог наградил. И ты, чадо, тому же подражай и так поступай: всякую обиду в себе пронеси и перетерпи, и Бог вдвойне наградит. Не познал я другой жены, кроме матери твоей; как дал ей слово, так и исполнил. О Боже, Христе, удостой закончить жизнь свою по-христиански в заповедях твоих! Живи, чадо, по христианскому закону во всех делах без лукавства и без всякой хитрости во всем, да не всякому духу верь, доброму подражай, лукавых и закон преступающих во всяких делах отнюдь не привечай. Законный же брак со всей осторожностью соблюдай до конца своей жизни, чистоту телесную сохрани, кроме жены своей, не знай никого и также пьянственного недуга берегись: в тех двух причинах все зло заводится вплоть до преисподнего ада: и дом пуст — богатству разорение, и Богом не будет помилован, и людьми обесчещен, высмеян и унижен, родителями же проклят. Если, чадо, тебя от такого зла Господь сохранит, закон соблюдаешь по заповеди Господней, и от хмельного питья воздержишься, и добродетельно проживешь, как все богобоязненные люди, тогда ты помилован будешь Богом и почтен людьми. И наполнит Господь дом твой всякою благодатью. И еще напомнить: гостей приезжих у себя корми, а с соседями и со знакомыми пребывай в дружбе, и в хлебе, и в соли, и в доброй сделке, и во всяком займе. А поедешь куда в гости — подарки недорого, вези за дружбу; а в пути от стола своего есть давай хозяину этого дома и приходящим, и их с собою сажай за стол, и питье им также подавай. А маломощным милостыню подавай. И если так поступаешь, то везде тебя ждут и встречают, а в путь провожают — от всякого лиха берегут: на стоянке не обкрадут, а на дороге не убьют, потому-то и кормят доброго ради добра, а лихого от лиха, но если и это на добро во всем обратится, в том убытка нет добрым людям. Хлеб-соль — взаимное дело, да и подарки также, а дружба навек, да и слава добрая. А ни в пути, ни в пиру, ни в торговле сам никогда браниться не начинай, и кто излает — стерпи Бога ради, но уклонись от брани: добродетель побеждает злонравие, злобу преодолевает, ибо Господь гордым противится, смиренных любит, а покорному дает благодать. Если же людям твоим случится с кем переругаться, так ты своих побрани, а крутое дело — так ты и ударь, хотя бы прав был твой: тем брань успокоишь, да к тому же убытка и вражды не будет. Да еще вот недруга напоить и накормить хлебом да солью, глядишь, вместо вражды и дружба. Вспоминай, сынок, великое милосердие Божие к нам и заступничество с юности и до сего времени. На поруки не брал никого, но и меня не брал никто ни в каких делах, и на суде не бывал ни с кем, ни в истцах, ни в ответчиках. А видел ты сам, в ремеслах во многих разных дел мастеров много бывало всяких: иконники, переписчики книг, серебряные мастера, кузнецы, и плотники, и каменщики разные, и кирпичники, и строители крепостей, и всякие мастера; деньги даны им на ремесло наперед по рублю, и по два, и по три, и по пяти, и по десяти, и больше; хоть многие

тѣми мастера в сорокъ лѣтъ, даль Богъ, разлезенося без остуды и бес пристава и безо всякия кручины, все то мирено хлѣбомъ да солью, да питье, да подачею и всякою добродѣтелью, да своимъ терпениемъ. А самъ у кого што купливалъ, ино ему от мене милая розласка, без волокиды платежъ, да еще хлѣбъ да соль сверхъ, ино дружба в вѣкъ, ино всегда мимо мене не продасть и худого товару не дастъ, и у всего не доимет. А кому што продаывалъ, все в любовь, а не в оманъ; не полюбит хто моего товару, и азъ назадъ возму, а денги отдам. А у купли и о продажи ни с кемъ брань и тяжба не бывала, ино добрые люди во всѣмъ вѣрили, и здѣ, и иноземцы — никому ни в чемъ не сълыгивано, не манено, ни пересрочено, ни в рукодѣльи, ни в торговли, ни кабалы, ни записи на себя ни в чемъ не даывалъ, а ложь никому ни в чемъ не бывала. А видель еси самъ, какие великие сплетѣки со многими людьми были, да все, даль Богъ, безъ вражды коньчалося. А ведаешъ и самъ, что не богатствомъ жито з добрыми людьми, правдою да ласкою, да любовию, а не гордостію, и безо всякия лжи. Чадо мое любимое, Анфимъ, еже тя поучахъ и всячески наказывахъ о всякомъ добродѣтельномъ и богодухновенномъ житии, и грубое сие писание худаго моего учения предахъ ти, молю тя, чадо, Господа ради и пречистой Богородицы и великихъ чудотворцевъ, почитай себѣ с любовію и со вниманиемъ и напиши на сердца своемъ и, прося у Бога милости и помощи, и разума, и крѣпости, и вся предиреченная с любовію и дѣломъ, тако же по сему писанию и жену поучай и наказуй, такоже и детей своихъ и домочадцовъ всехъ учи страху Божию и добродѣтельному житию. И аще самъ вся сия твориши, и жену и детей, и рабъ, и рабынь, и всехъ ближнихъ своихъ и знаемыхъ научиши, и домъ свой добре устройши, вся благая от Бога *обрящеши*, и жизнь вѣчную наслѣдиши со всеми одержимыми тобою. Аще, сыну, моего моления и поучения не внемлещи, и по сему писанию не учнеши жити, яко же и прочии добрые люди и боязливий мужие, и отца духовнаго заповеди не учнешъ хранити и от богодухновенныхъ мужей не пользуешися поучениемъ и почитаниемъ святаго Писания и християньскаго праведнаго закона не храниши, и о домочатцѣхъ своихъ не радиши, и язъ твоему грѣху не причастень, самъ о себѣ и о домочатцехъ своихъ и о жене отвѣтъ даси в день Страшнаго суда. Аще, чадо мое, возлюбленное, и малые сия *заповеди* худаго моего учения сохраниши, и по нашему пути поидеши, и словесъ моихъ послушаеши, и дѣломъ твориши начнеши, и будеши сынъ свѣту и наслѣдникъ небесному царствию, и будетъ на тебѣ милость Божия и пречистыя Богородицы и заступницы нашея, и великихъ чудотворцевъ Николы, Петра,* Алексѣя и Сергия, и Никона, и Кирила и Варлама, и Александра, и всѣхъ святыхъ, и родительская молитва, и мое вѣчное на тебѣ благословение отнынѣ и до вѣка, и благословляю тебя, чада своего, и прощаю в сѣмъ и в будущемъ и буди

были мошенниками и бражниками, но со всеми теми мастерами за сорок лет, дал Бог, обошлись без клеветы, и без судебного пристава, и без всякой кручины, все, что было, улажено хлебом, да солью, да питьем, да подарком и всякою добродетелью, да терпеньем своим. Если же сам у кого что купливал, так ему от меня любезное обхождение, без волокиты платеж, да еще и хлеб-соль сверх того, так что и дружба навек, и никогда мимо меня не продаст, и худого товару не даст, и за все меньше возьмет. Кому же что продавал, все честно, а не в обман; кому не понравится мой товар, я назад возьму, а деньги отдам. Ни в купле, ни в продаже ни с кем ни тяжба, ни брань не бывали, так что добрые люди во всем мне верили, и здешние, и иноземцы — никому ни в чем не солгано, не обмануто, не просрочено; ни в ремесле, ни в торговле ни кабалы, ни записи на себя ни на чем я не давал, и лжи ни в чем не бывало. Видел и сам ты, какие большие ссоры со многими были людьми, да все, дал Бог, без вражды кончалось. А ведаешь и сам, что не богатством жили мы с добрыми людьми, — правдой, да лаской, да любовью, а не гордостью, и без всякой лжи. Чадо мое любимое, Анфим, а в том, что тебя наставлял я и всяким путем поучал добродетельному и богополезному житию и что неумелое это писание худого моего поучения тебе передал, так молю тебя, чадо, Господа ради и пречистой Богородицы и великих чудотворцев, прочти ты его с любовью и со вниманием и запиши его в сердце своем и, прося у Бога милости, и помощи, и разума, и крепости, и всего, уже именованного, по этому же написанию с любовью и делом, так и жену поучай и наставляй и детей своих и домочадцев всех учи страху Божию и добродетельному житию. А если и сам так поступаешь, и научишь жену и детей, и рабов и рабынь, и всех ближних своих и знакомых, и дом свой хорошо устроишь, благодать у Бога найдешь и вечную жизнь получишь со всеми, кто тебя окружает. Но если, сынок, моего моления и наставления не примешь, и по этому писанию жить не станешь, подобно другим добрым людям и богобоязненным мужам, и заповеди отца духовного не станешь соблюдать, и не воспользуешься поучением богодухновенных мужей и чтением Святого Писания, и христианскому праведному закону не последуешь, и о домочадцах своих не порадеешь, то я твоему греху не причастен, сам о себе, и о домочадцах своих, и о жене дашь ответ в день Страшного суда. Если, чадо мое возлюбленное, и малые заповеди простого моего наставления соблюдешь и нашим путем пойдешь, и в слова мои вслушаешься и делом их оправдаешь, то будешь сын света и наследник небесного царства, и снизойдет на тебя милость Божия и пречистой Богородицы и заступницы нашей, и великих чудотворцев Николая, Петра, Алексия и Сергия, и Никона, и Кирилла, и Варлаама, и Александра, и всех святых, и молитва родителей, и мое вечное тебе благословение отныне и во веки веков, и благословляю тебя, чадо мое, и прощаю в сем веке и в будущем, пусть будет на тебе милость

на тебѣ милость Божия, и на женѣ твоей и на чадехъ твоихъ, и на всѣхъ вашихъ добротавъ отнынѣ и до вѣка.

Чадо мое единородное и любимое, Анфимъ, произволилъ Богъ и благочестивый и православный царь государь, велѣлъ послужити тебѣ в своей царской казнѣ у таможенныхъ дѣлъ, и нынѣ молю тя, чадо, и со слезами глаголю: «Господи ради памятуй царское наказание, прося у Бога помощи и разума от всея душа и от всего помышления, служи вѣрою да правдою безо всякия хитрости и безо всякаго лукавства во всемъ государскомъ; другу не дружи, недругу не мсти, и волокида бы людемъ ни въ чемъ не была, всякого отдѣлай с любовью без брани; а не поспѣется, и ты добрым словомъ отвѣщай и, присрочивъ, не изволоча отпусти; а въ торговли прямую розлаську чини, душевредная бы твоя служба не была государю ни в чемъ, а самъ благословленнымъ государскимъ урокомъ сыт буди, и все бы у тебя государское было всегда въ счете и в смѣте, и в писмѣ, и приходъ, и расходъ, и к казначеемъ буди послушенъ, а с товарищами совѣтенъ, а к подьячимъ и мастеромъ и к сторожемъ грозенъ и любовенъ, и ко всякимъ людемъ приветенъ; а побѣдныхъ и скорбныхъ, и нужных, и полонениковъ отнюдь без волокиды управъ и от себя по силе накорми и напои, и милостыню дай, по чловѣку смотря; а случится судъ, всякаму чловеку, богату и убогу, другу и недругу, аще свое дѣло истинно и праведно, без волокиды и безо всякия хитрости соверши, по Еуаггельскому словеси: «Не на лица судите, сынове чловечестии,* но праведенъ судъ судите: имъ же судите судомъ, судится вамъ, и в ню же мѣру мѣрите, возмѣрится».

Слава свѣршителю Богу нынѣ и в вѣкъ вѣка, аминь.

Божия, и на жене твоей, и на детях твоих, и на всех твоих доброжелателях отныне и во веки веков.

Чадо мое единственное и любимое, Анфим, соизволил Бог — и благочестивый православный царь-государь велел послужить тебе в своей царской казне у таможенных дел, и теперь говорю тебе, чадо, и со слезами молю: «Господа ради помни царское наставление, прося у Бога помощи и смысла от всей души и от всего помышления, служи верою и правдою без всякой хитрости и без всякого лукавства в любом государственном деле; с другом не дружи, недругу не мсти, и волокита бы людям ни в чем не была, всякого обслужи с любовью и без брани; а не удастся дело, так ты добрым словом ответствуй, а срок пропустив, без проволочки отправь; а в торговле поступай обходительно, душевредной служба твоя не была бы государю ни в чем, сам же сыт будь благословенным царским жалованьем, и все хозяйское у тебя было б всегда на счету и на заметке, в записи и приход и расход, казначеям будь послушен, а с товарищами согласен, с подьячими, и мастерами, и сторожами будь строг, и дружелюбен, и с любым человеком приветлив, а бедных и скорбных, и нуждающихся, и пленных всегда без волокиты разбери, и от себя по возможности накорми и напои, и милостыню дай, по человеку смотря; а случится суд, всякому человеку, богатому и убогому, другу и недругу, если дело его истинно и праведно, без волокиты и без всякой хитрости его заверши, по словам Евангелия: «Не по лицам судите, сыны человеческие, но праведный суд судите: каким судите судом, таким и судится вам, и какую мерою мерится, такой и воздастся».

Слава свершителю Богу ныне и во веки веков, аминь.

ЧИН СВАДЕБНЫЙ

ЧИНЬ СВАДЕБНОЙ

Какъ бывает зговоръ, приѣдет жених с своими свойственными к тестю на двор в чистом платье, а с ним бывает отец или брат старѣйший, наперед жениха ходит один, а иные по нем. И встрѣча бывает у коня и на крылцѣ и в сѣнях, встречает тесть, и садятся по чину за столом: которые приѣдутъ с женихом — в лавке, а тутошние — в скамье. И тесть понесет вина красные в кубках, а в тѣ поры начнет говорити хто приѣхаль съ женихом, отец или старѣйший брат, назвав благочинно тестя именем: «Время нам начати дѣло говорити, о чем съхались». И тесть велитъ священнику достойно говорити, и воспоминает праотець Авраама и Сарру, Иокима и Анну, и царя Константина и Елену.* И благословивъ ту священник крестом, начнутъ говорити и писати записи зарядные, и рядную договорився, в сколки за ряд и сколко приданого, и приложив руки, и свершив записи, говорит священникъ: «О тебе радуется...»* И взявъ кои же свою запись, и емлют по сосуду меду, и меж себя здороваются и записи разнимают.

А дары в тѣ поры держать: тесть дарит зятя, первое благословение — образ, кубокъ или ковшъ, бархат, камка, сорокъ соболей. А являет дары кому поволить тесть, и потомъ цѣлуются, и чаши пьют, и всѣ здороваютъ: первое — жениху, а после тестю. Да идут в другие хоромы к тещи, а съ нею боярыни, и теща спрашивает отца женихова о здоровье, и цѣлуется с ширинкою, да и с женихом, и со всѣми по тому же, да и боярыни.

А невѣста тут не бывает, а в средних обычаех и невѣсты бывают туто, стоят подлѣ матерей, а не целуется. И выходят вскорѣ и пируют прохладно, а стола не бывает.

А на завтрѣ или по времени, какъ изволят, приѣзжает к тещи мати женихова и смотрит невѣсты, и тут ея дарят камками и соболми, а она дастъ невѣсте один перстень да на завтрѣе пришлет крестъ или панагию* да овощи с боярынею. И тое боярыню дарят обышной убрूसъ да волосникъ.*

ЧИН СВАДЕБНЫЙ

ЧИН СВАДЕБНЫЙ

Когда происходит сговор, приедет жених со своими родственниками к тестю во двор в нарядной одежде, а с ним бывает отец или брат старший, и этот первым входит один, а остальные после. Встреча же происходит у коня, или на крыльце, или в сенях, встречает тесть, а затем садятся по чинам за стол: какие приехали с женихом — на лавке, а здешние — на скамье. И когда тесть поднесет вина лучшие в кубках, станет тогда говорить тот, кто приехал с женихом, отец или старший брат, назвав, по приличию, тестя полным именем: «Время нам начать дело говорить, зачем съехались». И тесть велит священнику «Достоинно...» говорить, и тот вспоминает праотцев Авраама и Сарру, Иоакима и Анну, и царя Константина и Елену. И как благословит тут священник крестом, станут говорить и писать записи договорные и рядную грамоту, условясь, и сколько за договор и сколько приданого, а как подпишут и закончат записи, скажет священник: «О тебе радуется...» И, сделав свои записи, все берут по чаше меду и друг за друга пьют и грамоты разбирают.

И тогда же дары держат: тесть одаривает зятя первым благословением — образом, кубком или ковшом, бархатом, камкой, сороком соболей. А подносит дары тот, кому тесть повелел, и потом целуются и чаши пьют во здравие: сначала — жениха, а потом и тестя. Да пройдут и в другие комнаты к теще и к ее боярыням, и теща спрашивает отца женихова о здоровье и целуется через платок с ним и с женихом, да и со всеми так же, и боярыни тоже.

А невесты тут не должно быть, у простых же в обычае и невесте быть тут; стоят они подле матерей, но не целуются, и вскоре удаляются. И пируют все с удовольствием, но стола — не бывает.

А назавтра или по некотором времени, как договорятся, приезжает к теще мать жениха и смотрит невесту, и тут ее одаривают камкою и соболями, а она даст невесте один перстень да назавтра пришлет с боярыней крест или панагию да фруктов. И ту боярыню одаривают обычным платком и волосником.

А как приговорят день быти сводбѣ, накануне роспишут, и пошлет женихъ к тестю роспись, кто во отцово мѣсто и в материно, и хто съдячих боярь и боярын, и хто тысяцкой и поѣжжан, и друшка, и сваха. А тесть пошлет к жениху, кто съдячих боярь и боярын, и друшка и сваха, и кто которые стороны, тѣ тут и съѣжжаются, прибирают наряды, лошади, а невѣсту положат за завѣсом на постелки.

А как приспѣет день, то съѣдутся на обѣ стороны, гдѣ кто учинен к столу. А столы бывають порознь, боярыни — себѣ, а жених и невѣста не вкушают. У жениха говорятъ каноны,* а у невѣсты также. И как время приспѣет, пошлют от тестя к жениху старишего слугу сказати, что друшка и сваха ѣдутъ с постелею: «Велите указати сенникъ и к которому мѣсту приѣхати» — а по обычному потклѣтъ. И ему укажут, и онъ, осмотривъ, х которому мѣсту приѣхати, и то скажет.

И друшка поѣдет в золотѣ, а перед нимъ человекъ 5 или 6 на конях в золотѣ, да у коня около его человекъ с 10 в чистом платьѣ пѣших. А за друшкою повезут постелею, в санях в налцевских и лѣтом, зголовьем к облуку, покрыто одѣяломъ. А в санях два санника сивых, а около саней люди боярские в чистом платьѣ, а за облуком постелничей станет человекъ старѣйшей в золотѣ, держит образъ.

А за постелею поѣдет сваха в нарядѣ, а нарядъ бы был лѣтник желтъ, шубка червчата, в убрусѣ и в бобровом ожерельѣ.* Будет зимою — ино в каптыре,* в санях в налцевских же сядет одна.

И как приѣдут ко двору, и конные люди с лошадей сойдут долой, и пойдут перед друшкою на дворъ по два в золотѣ, а друшка приѣдетъ на дворъ на лошади и не доѣхавъ лѣстницы, с лошади сойдет и дождется постели. Какъ с постелью приѣдут к лѣснице, и друшка женихов встрѣтит и людям жениховым велит взяти постелею. И они, многими людьми приступя къ санем, тѣх людей отеснять и возмут постелею из саней на коврѣ и понесут на головах.

А боярские боярыни стрѣтят сваху у саней в лѣтниках да в шубках, сваха с тѣми поидетъ за постелею послѣ образа. А на нижнем крыльце стрѣчает сваха женихова, а за нею боярыни ж боярские в шубках же. И пойдут друшки оба перед постелею, а свахи обѣ за постелею и, вшед в сенник, священникъ кропит по углом и гдѣ быти постели. А изготовят 3 девят сноповъ ржаных, поставят их стойма и на то коверъ и постелею, и одѣялом покроют. А въ головах поставят образ, а в четырех углех на стрѣлках по паре соболей да по калачику крупичатому, да поставецъ, на немъ 12 кружек с розным питиемъ, с меды и с квасы, да ковшъ один, да чарка одна ж, чтобы была бес полки и бес конца, или братина круглая без носка. Да туто ж устроить стол, покрыти фатою, гдѣ быти свѣчам и короваям в головах, да столчик малой повыше того, да 2 блюда под крест, что будет на женихѣ, да под манистом, что будет на невѣсте, да 2 мисы, одна под колпак или под шапку, а другая

А как только назначат день свадьбы, накануне гостей распишут и пошлет жених к тестю список всех, кто посаженные отец и мать, и кто приглашенные бояре и боярыни, и кто тысяцкий, и поезжане, и дружка, и сваха. Да и тесть пошлет к жениху сказать, кто приглашенные бояре и боярыни, и дружка, и сваха; и с обеих сторон тут съезжаются, перебирают наряды, лошадей, а невесту положат за занавеской на постели.

И как настанет день, то съедутся в оба дома все, кто где назначен к столу. И столы дают отдельно, боярыни — себе, а жених с невестой не едят. У жениха ведут службу и у невесты также. И как время настанет, пошлют от тестя к жениху старшего слугу сказать, что дружка и сваха едут с постелью: «Велите показать сенцы и куда приезжать», — и обычно в подклеть. И ему укажут, и он, осмотрев то место, куда приезжать, о том скажет.

А дружка поедет в золоте, и перед ним человек пять или шесть на конях в золоте, да у коня около него человек с десять в нарядном платье и пеших. А за дружкой повезут постель в санях с передком, а летом — изголовьем к облучку, накрытое одеялом. А в санях две лошади сивые, а около саней боярские слуги в нарядном платье, на облучке же станет постельничий из старших в золоте, держит образá.

А за постелью следом поедет сваха в наряде, а наряд бы был: желтый летник, шубка красная, а еще в платке и в бобровом оплечье. И будет дело зимой — так в меховой шапке, и в санях с передком же сядет она одна.

И как только приедут во двор, и конные слуги с лошадой сойдут наземь и пойдут поперед дружки во двор по двое в золоте, дружка же въедет во двор на лошади, но, не доехав до лестницы, с лошади сойдет и дождетса саней с постелью. Как с постелью подъедут к лестнице, то женихов дружка встретит ее и слугам жениха повелит ее взять, и те, толпою к саням подступя, приезжих слуг оттеснят, и вынут постель из саней на ковре, и понесут на головах.

А здешние боярыни встретят сваху у самых саней в летниках да в шубках, и сваха с ними пойдет за постелью сразу же вслед за образом. А на нижнем крыльце встречает ее женихова сваха, а за нею боярыни здешние в шубках же. И пойдут оба дружки впереди постели, а свахи обе за постелью; как войдут в сенцы, священник окропит по углам и то место, где быть постели. А приготовят тридевять снопов ржаных, поставят их стоймя, а на них ковер и постель и сверху одеялом накроют. В головах же поставят образ, а по четырем углам на прутьях по паре соболей, да по калачику крупитчатому, да поставец, а на нем двенадцать кружек с разным питьем, с медом и с квасом, да ковш один, да чарку одну же, чтобы была она гладкая и без выступов, или братину круглую без носка. И тут же накрыть и стол, застелив фатою, в головах, там, где быть свечам и караваям, да маленький столик повыше него, да два блюда под крест, что будет на женихе, да под монисто, что будет на невесте, да две

под кичу.* А в ногахъ устроиши стол, гдѣ быти платью, да в одномъ углу устроиши завѣсъ, а за завѣсомъ пуховичекъ на ковръ да зголовейцо, кумган* воды теплой болшей 2 таза, лоханъ болшая, двѣ простыни. Да туто жъ изготавити 2 чехла, мужской и женской, рукомойникъ, лоханка, полотенцо, 2 шубы нагольные.* И изготавя то все, друшки и свахи напередъ вышлютъ всѣхъ, и сами выйдутъ, а сеникъ замкнутъ и запечатаютъ друшки оба своими печатми. А оставятъ тутъ передъ сеникомъ постелничихъ двухъ старѣйшихъ человекъ в золотномъ платьѣ,* и сами друшки и свахи пойдутъ; и быти у нихъ, у постелничихъ, безъ скатерти.

И друшка и сваха невѣстина поѣдутъ къ тестю на дворъ, а провожаютъ ихъ друшку друшка до коня, а сваха сваху до нижнего крыльца, а боярские боярыни до саней. А в хоромы друшка и сваха приѣзжие не ходятъ и седачие бояря и боярыни ихъ не встречаютъ, ни провожаютъ. А в кою пору устраиваютъ постелю и люди, которые будутъ с постелею и с друшкою и свахою потчиваютъ на дворѣ, устройвъ столы и скамьи.

А какъ друшка и сваха, проводивъ постелю, приѣдутъ къ жениху, и у жениха в хоромехъ стол болшей и скатерть и судки, и хлѣбъ и колачи одни до послѣднихъ сѣдячихъ, и сядетъ отецъ по конецъ стола, а тысецкой в углу, а в болшемъ мѣсте женихъ, и подлѣ его мати, и под нею седачие боярыни: на всѣхъ лѣтники желтые и шубки червчаты, в убрусѣ с ожерельи бобровыми, а в зимѣ в каптурѣхъ. А противъ боярынъ в скамье бояре сѣдячие, а в кривомъ столѣ и в лавкѣ и в скамье поѣзжанѣ в золотѣ; свѣщникъ опоясанъ, фѣрези спущены,* кафтанъ золотной или цвѣтной, шапка горлатная,* черезъ плечо кошеликъ бархатенъ или камчатъ, или кушакъ какъ свѣча держати, а свѣча — пудъ с четвертью; два коровайника, также фѣрези спущены черезъ плечо, по 2 кушака, коровай* обшитъ бархатомъ или камкою на носилахъ, носила обшиты бархатомъ или камкою, покрыты короваи наволочкою или кушакъ золотной. И туто жъ поставецъ полной, другой в сѣняхъ. А лошади держати готовы в нарядахъ, чѣпли гремячие подъ золотными покровцы. А какъ изготавясь пошлютъ друшку, и онъ, поклонився на 4 стороны, приходитъ къ свекру, и онъ с нимъ приказываетъ челобитие къ свату от себя, и тысецкой имярекъ и бояре и весь поѣздъ и друшка поѣдетъ. А передъ нимъ такъ же бы человекъ пятъ или шесть на коняхъ верхомъ в золотѣ, и у коня в цвѣтномъ людей не мало.

И приѣдетъ на дворъ, а люди с лошадей сойдутъ за ворота, и идутъ на дворъ передъ нимъ пѣши. И у нихъ также изготавятъ стол болшей по тому жъ у задние стѣны, скатерть, сутки; тесть по конецъ стола, а теща в лавкѣ, а под нею седачие боярыни, а противъ ихъ в скамье седачие бояре.* Да устроиши мѣсто* среди избы противъ дверей, оболочено 2 зголовейца нарядныхъ, новобрачному и новобрачной, столъ, на столѣ двѣ скатерти, судки, колачъ, перепечка, на столѣ на мисѣ коровай, на другой сыръ; по конецъ стола тысецкому мѣсто, а подлѣ

миски, одна для колпака или для шляпы, а другая для кики. А в ногах накрыть стол, на котором быть платью, да в одном углу закрыть занавеской, а за ней пуховичок на ковре да изголовье, большой кумган теплой воды, два таза, большая лохань да две обычные. Тут же приготовить и два халата, мужской и женский, рукомойник, лохань, полотенце, две шубы нагольные. И, все то приготова, дружки и свахи сначала всех отошлют, затем и сами выйдут, а сенцы запрут и запечатают дружки оба своими печатями. И оставят тут перед сенцами постельничих двух из старших слуг в золотном платье, и сами дружки и свахи уйдут; и быть им, постельничим без еды.

И дружка и сваха невесты поедут к тестю во двор, а провожают их — дружка дружку до коня, а сваха сваху до нижнего крыльца, а здешние боярыни до саней. А в комнаты дружка и сваха приезжие не заходят и приглашенные бояре и боярыни их не встречают и не провожают. А во время, когда готовят постель, людей, что приедут с постелью и с дружкой и со свахой, потчуют во дворе, накрыв столы и поставив скамейки.

А как дружка и сваха жениха, наладив постель, вернуться к жениху, в комнатах у того уже стол большой, и скатерть, и посуда, и хлеб, и калачи одни и те же для всех, до самого последнего гостя; и сядет отец на конце стола, а тысяцкий в углу, а на почетном месте жених и рядом с ним мать, а за нею званые боярыни: на всех летники желтые и шубки красные, в платках с оплечьями бровными, а зимой в меховых шапках. А напротив боярынь на скамье бояре званые, а за боковым столом на лавке и на скамье поезжане в золоте; свечник подпоясан, ферязи спущены, кафтан золотной или цветастый, шапка горлатная, через плечо кошелек бархатный или камчатый или кушак, которым свечу держать, а сама свеча — пуд с четвертью; два каравайника, также ферязи спущены, через плечо, по два кушака, каравай обложен бархатом или камкой на подносах, подносы обшиты бархатом или камкою, накрыты караваи наволочкой или золотным кушаком. Тут же поставец полный, а другой в сенях. А лошадей держать готовыми в упряжи, цепи гремучие под золотными покрывалами. И как только приготовятся, отсылают дружку, и он, поклонясь на четыре стороны, подойдет к свекру, тот посылает с ним челобитье от себя к свату, да и тысяцкий имярек, и бояре, и весь поезд, и дружка поедут. А перед ним бы также человек пять или шесть на конях верхом и в золоте, да и рядом с конем пеших в нарядных одеждах людей немало.

А приедет на двор, так люди его с лошадой сойдут за воротами и идут во двор перед ним пеши. И здесь также приготова большой стол, и также у задней стены, скатерть, посуда; тесть на конце стола, а теща на лавке, а за нею званые боярыни, а напротив них на скамье званые бояре. Да наладить место посреди избы напротив дверей, разложить две подушки нарядные, для новобрачного и новобрачной, да стол, и на столе две скатерти, посуда, калач, пироги, на столе же на блюде каравай, а на другом сыр; у другого конца место

невѣсты двум свахам мѣста, противъ скамья, против новобрачно и новобрачные, два или четыре поѣжжан, а против свах друшки, а по конецъ за судками мѣсто попу. А у мѣста и за мѣстом боярыни боярские: одна держит на блюдѣ кику, другая — покровъ на блюдѣ, третья на блюде ж волосник, подубрусник* и иное, четвертая — осыпало на блюде, хмел 3 девят,* лоскутковъ собольих 3 девят, лоскутков розныхъ цвѣтов камки и тафты 3 девят, пѣнязей серебряныхъ золоченыхъ малых.*

А поѣжжаном досталным стол кривой, а поставецъ полной, свѣщник опоясан, ферези спущены, шапка горлатная или рысья, кошелик бархатен или камчат, в чем свѣчу держат, а свѣча — пуд без четверти, да 2 коровайника, так же опоясаны, ферези спущены, по 2 кушака через плечо, а коровай обшит камкою или тафтою и покрыт наволочкою или кушаком золотным. А в сѣнях поставецъ ж, а на дворѣ столы без скатертей и скамьи и на полы с пивом и с медомъ, а на столѣх погребцы с вином.

А как друшка жениховъ приѣдет, и люди встрѣчают у ворот, и среди двора а у лѣсницы, а на крыльце друшку стрѣтит друшка ж. А какъ войдет в ызбу и кланяется образом на 4 стороны, и говорит тестю: «А государь имярекъ велѣл челом ударити» — свекор поминаетъ имени и правит челобитие. Потом от бояръ тестю и бояром, потом теще от свекрови и от боярын, и боярыням от свекрови и от боярын, по имяном, потом «тысецкой имярекъ и весь поѣздъ велѣли челом ударити тестю и бояром». И говорит: «Тысецкой имярекъ велѣлъ говорити: „Женихъ имярекъ готовъ ѣхати к мѣсту”». И тесть говорит: «Какъ будетъ время, и мы пришлем друшку, и онъ поѣдетъ».

А приѣхав друшка к новобрачному, и они отпустят сваху в саяхъ налцовскихъ в наряде желтомъ, и какъ сваха приѣдет, и у саней стрѣчаютъ боярыни боярские, и на крыльце сваха, и какъ войдет в ызбу, и боярыни из за стола выходят и целуются, и идут с нею всѣ, гдѣ невѣста занавѣсомъ наряжена. А на невѣсте бы вѣнецъ, лѣтникъ желтъ, шубка червчатая. И сваха с нею целуется и говорит: «Время, государыни, тебѣ иди к мѣсту». И мати еѣ тутъ благословит и положит на неѣ манисто или панагѣю и цѣлуеъ, и она всхлипаеъ. А в тѣ поры поютъ пѣсни. И какъ по времени иди к мѣсту, поидет напередъ мати, а за нею новобрачная, с правые стороны поведет сваха большая приѣжжая, а с лѣвую другая, а за ними боярыни, и пришедъ кланяются невѣста с свахами на четыре стороны.

А тесть и теща и боярыни пойдут за столъ по своимъ мѣстом, а священникъ говорит «Достойно» и благословит крестом одну невѣсту, и кропит водою мѣсто. А друшка в тѣ поры отцу и матери говорит: «Имярекъ, благослови дочку свою на мѣсто». И отецъ и мати говорят: «Богъ благословит!» И в тѣ поры вжигают свѣчи предъ образом, а тотъ священникъ изготовивъ к обручанью двѣ свѣчи витые вдвое, и изготовя пошлют друшку к

тысяцкого, а рядом с невестой места для двух свах, напротив новобрачного и новобрачной на скамье два или четыре из поезжан, а против свах дружки, а в самом конце за мисками место попу. А около места и за местом здешние боярыни: одна держит на блюде кичу, другая — покрывало на блюде, третья также на блюде волосник, подубрусник и прочее, четвертая — то, чем осыпать новобрачных, на блюде: тридевять хмелю, лоскутков собольих тридевять, лоскутков разного цвета, камки и тафты тридевять, монеток серебряных позолоченых мелких.

А остальным поезжанам стол боковой, но и он заполнен; свечник опоясан, ферязи спущены, шапка горлатная или рысья, кошелек для свечей бархатный или камчатый, а свеча — пуд без четверти; да два каравайника, также опоясаны, ферязи спущены, по два кушака через плечо, а сам каравай лежит на камке или тафте и накрыт наволочкой или золотным кушаком. Да и в сенях накрыто, а на дворе столы без скатертей, заставлены штофами с вином, и скамейки, на которых пиво наполовину с медом.

А как приедет женихов дружка, встречают его слуги у ворот, и посреди двора, и у лестницы, а на крыльце дружку встретит другой дружка. А как войдет в избу, и поклонится всем на четыре стороны, и скажет тестю: «А государь имярек велел челом ударити», — поминает имя свекра и челом бьет. Потом же от бояр — тестю и боярам, потом теще от свекрови и от боярынь, и боярыням от свекрови и от боярынь, по именам называя, потом «тысяцкий имярек и весь поезд велели челом бить тестю и боярам». А потом говорит: «Тысяцкий имярек велел передать: „Жених имярек готов ехать к месту”». И тесть отвечает: «Как настанет время, и мы пошлем дружку, и он поедет».

И приедет дружка к новобрачному, и от него пошлют сваху в сенях с передком в наряде желтом, а как сваха приедет, встречают ее у саней боярыни здешние, а на крыльце сваха, а как в избу войдет, боярыни из-за стола встают и с ней целуются и идут с нею все туда, где невеста за занавеской готовится. А на невесте бы был венец, летник желтый, шубка красная. И сваха с нею целуется и говорит: «Время, государыня, тебе идти к свадебному месту». Тут и мать ее благословит и возложит на нее монисто или панагию и поцелует, а она станет плакать. И в это время поют песни. И как по времени нужно идти к месту, пойдет первой мать, а за ней новобрачная, с правой стороны поведет ее сваха старшая, приезжая, а с левой другая, своя, а за ними боярыни, и, войдя, кланяются невеста со свахами на все четыре стороны.

А тесть и теща и боярыни сядут за стол на свои места, и священник говорит «Достойно...», и благословляет крестом одну невесту, и кропит святою водой свадебное место. А дружка тем временем отцу и матери ее говорит: «Имярек, благослови дочь свою на свадебное место». И отец и мать говорят: «Бог благословит!» И тогда возжигают свечи перед образом, а священник готовит к обручению две свечи, свитые вместе, и как будет готов, посылают

жениху, и он приѣхав на дворъ такъ ж, как и с постелею приѣжжал, и встрѣчают его.

А как войдет и кланяется на 4 стороны и править челобитье от тестя к свекру и бояром от боярь, и свекрове от тещи, и боярыням от боярын, и тысецкому, да говорит тысецкому: «Имярекъ велѣлъ говорити (имянемъ назвавъ тестя) — время жениху ѣхати к своему доброму дѣлу», — и, изговоря, ѣдет к себѣ.

И как отѣдет, друшка и тысецкой с поѣжжаны вставъ учнут кланяться и говорити тысецкой отцу имярекъ и матери имярекъ: «И изволили естя сына своего сочетати законному браку, и вам бы его благословити ѣхати к мѣсту». И отецъ и мати выйдут с ним из за стола и кланяются на 4 стороны образом, и говорят сыну своему: «Богъ тебя благословит и помилуетъ, и подасть ти подружие благозаконно во здравии и благоденствии» — и благословить его крестъ с мощми на гойтанѣ, и положить на него своими руками, а мати положит перстень на руку. И пойдут ис хоромъ, первое — друшка, поѣжжанѣ по 2 в ряд, которые помоложе — тѣ наперед, а которые почестнѣе — тѣ опослѣ.

А опосле всѣх пойдет новобрачной, а у него с правые стороны тысецкой. И садятся на лошади наперед поѣжжанѣ, покамѣста новобрачной на аргамакъ* сядет, а они в тѣ поры по двору на аргамакѣхъ и на конехъ прыгають, и поѣдут з двора также по 2 в ряд, а из за ворот перед ними поѣдут люди их, которые в золотѣ. А у них бы было по человѣку у стремени, свѣшники да коровайники, потом священникъ со крестом, а мало поотделясь перед поѣжжаны друшка, около его люди, потом поѣжжанѣ по 2, а за ними люди с покровцами и с попонами и простые, сколько хто за собою возмет, кой ж около своего. А перед новобрачным и перед тысецким 2 конюшие идут в золотѣ с батошки с малыми, а за ними идут с покровцы конскими. А около новобрачного и тысецкого идут люди в цвѣтном платьѣ, и на дворъ приѣдут тѣм же обычаем и вверх пойдут.

Туту благословляетъ священникъ крестом, а встрѣчаетъ от тестя один друшка, идет перед новобрачным и перед тысецким, а тесть и сѣдячие бояре не встрѣчают, и, в хоромы пришедъ, станут по обѣ стороны. А тысецкой с новобрачным пришед, учнет кланяться образом на 4 стороны, а друшка новобрачново соймет в тѣ поры отрока, которой сѣдит с невѣстою на новобрачного мѣсте, а говорит дворкою: «Аргамак тобѣ в Ордѣ, а золотые в Угрѣ».* И священникъ благословит новобрачново одново на мѣсто, а тысецкой сядетъ и поѣжжанѣ по мѣстом, и священникъ приѣжжий и тутошной велют мѣстные свѣчи зажигати. А поставят свѣшника новобрачново противъ новобрачного, а невѣстина противъ еѣ, а коровайники вмѣсте свои носила, и потом научнут обручати, и по обручанье жених невѣсту целуетъ. И потом свахи, ставъ обѣ не выходя из мѣсть, кланяются образом на 4 стороны, и говорят

дружка за женихом, а он приезжает на двор так же, как и за постелью приезжал, и тут уже его встречают.

А как только войдет дружка, и поклонится на четыре стороны, и бьет челом: от тестя к свекру, и боярам от бояр, и свекрови от тещи, и боярыням от боярынь, и тысяцкому, да и говорит тысяцкому: «Имярек велел передать (именем назвав тестя) — время жениху ехать к доброму своему делу», — и, так сказав, возвращается к себе.

И лишь он уедет, дружка и тысяцкий с поезжанами, поднявшись, станут кланяться, и говорит тысяцкий отцу имярек и матери имярек: «Хотели вы сына своего сочетать законным браком, так вам бы благословить его да ехать к месту». И отец и мать выйдут с сыном своим из-за стола, и поклонятся на все четыре стороны, и скажут сыну своему: «Бог тебя благословит и помилует и даст тебе жену законную во здравии и в благоденствии», — и благословит его отец крестом с мощами на шнурке, и возложит на него собственноручно, а мать наденет перстень на палец. И пойдут из комнат, первым — дружка, поезжане по двое в ряд, которые помоложе — те впереди, а которые познатней — те после.

А позже всех выйдет новобрачный, а справа от него — тысяцкий. И сядутся на лошадей — сначала поезжане, и пока новобрачный на аргамака сядет, они тем временем по двору на аргамаках и на конях скачут, и поедут вон со двора также по двое в ряд, а за воротами перед ними поедут их слуги, все в золоте. И было бы у них у всех у стремени по слуге, затем свечники и каравайники, потом священник с крестом, а чуть-чуть поотстав, перед поезжанами — дружка, а рядом с ним слуги, потом поезжане по двое, а за ними слуги кто с покрывалами и с попонами, кто просто так, — скольких кто из поезжан с собой возьмет, каждый слуга около своего. А перед новобрачным и перед тысяцким двое конюших идут в золоте с маленькими батожками, а за ними идут с конскими попонами. А возле новобрачного и тысяцкого слуги идут в нарядной одежде; и как во двор въедут, тем же порядком и наверх пойдут.

Тут благословляет священник крестом, а встречает их от тестя один дружка, идет он перед новобрачным и перед тысяцким, а тесть и званые бояре их не встречают, но, в комнаты войдя, станут по обе стороны. А тысяцкий с новобрачным, войдя, станет кланяться ликом на четыре стороны, а дружка новобрачного снимет тем временем мальчика, что сидит с невестой на месте новобрачного, и говорит скороговоркою: «Армак тебе в Орде, а золотые на Угре». Священник благословит одного новобрачного на свадебное место, и тысяцкий сядет и поезжане по своим местам, а священники, местный и приезжий, повелят возжигать свечи у свадебного места. И поставят свечника от новобрачного против новобрачного, а свечника от невесты — напротив ее, а каравайники вместе составят свои подносы, и тут начнут обручать, и после обручения жених невесту целует. И потом свахи, встав обе и не сходя с мест,

тестю и тещи: «Имярекъ, благословите дѣтем своимъ, новобрачному и новобрачной, голову чесати»,* и потом закроют, и сваха головы чешет и косу расплетает, и кикю кладет.

А друшка в тѣ поры болшей кроит короваи и сыры съ 4 углов краики, положить на одно блюдо да укрухи рѣжетъ и сыры колупляетъ, кладет по блюдам. И на первое блюдо положит ширинку, гдѣ крайчики, поднесет новобрачному имярекъ и молвить: «Новобрачная имярекъ, челом бьет — короваи и сыръ и ширинка». И онъ возьметъ одну ширинку и положит еѣ у себя, потому тысецкому и поѣжжаном по росписъ, а ширинки по ярлыком — всякому на блюдѣ укруг короваи да глыбка сыра да ширинка. Да и тут тестю и теще и сидячим бояром и боярынямъ всѣм по блюду. Да посылают с людьми отрадными къ свекру и свекрови и к сидячим бояром и боярынямъ такъ ж на блюдах, всѣмъ по укруху короваи и сыра и по ширинкѣ. И которые свойственные у новобрачно и у новобрачные, хотя их тут и нѣтъ, а короваи им и сыръ и ширинки посылают. А как тысецкой и поѣжжания короваи примут, и в тѣ поры станет тесть и подносит тысецкому и поѣжжаном вино, а иным велит поднести сидячим бояром, а людей боярских тут в хоромех и в сѣнях и на крыльцѣ и на дворѣ потчивают и дают ширинки, кому буде тесть прикажет.

А какъ новобрачную покروют и вѣнецъ на блюдѣ понесутъ в другіе хоромы, и в тѣ поры сваха болшая осыпаетъ, а тысецкой встанет, и новобрачно подымет, а священник учнет говорити: «Все упование мое...» — а друшка благословляется у тестя да и у тещи: «Благословите дѣтем своимъ итти к венчанью», и новобрачной поклонився и тестю и тещи челом по обычаю, и возьмет невѣсту свою сам за руку и поидеть с нею, а поѣжжания перед ним по прежнему.

Поѣжжания по тому ж садятся на лошади, наперед новобрачной на аргамакъ, а новобрачная в сани сядет одна к облуку, а свахи обѣ противъ еѣ, а боярских боярын к венчанью не емлют. А как венчаются, на подножие положити пара соболей, рознявъ, под новобрачно соболя, а под новобрачную другой. А скляница бы была без руковеди, ис которые пивъ розбити, а ниц еѣ не опрометывати, и испустити ея из рук, и достал розбити ногою. И от венчанья ѣхати к тестю на то ж мѣсто.

И тут встрѣчают у коня и на крыльцѣ бояре сидячие, и сам тесть встѣтит в сѣнях, и цѣлуется тесть с новобрачным. А новобрачной от венчанья идет и держит невѣсту свою за руку, а ево поддерживает тысецкой, а еѣ свахи. И как итти в сѣни, и тутъ осыпаетъ их теща, а как придут в хоромы, и поклонився сядут по своимъ мѣстам, и тесть понесет новобрачному вино, и красныя вина понесут, и он кушаетъ наперед крайчики и сыръ.

И понесут в столы наперед лебедь, поставят перед новобрачно, и онъ принявъ наложит руку да велит обрѣзывать. И ставят в стол лебед и посылают

кланяются на четыре стороны и говорят тестю и теще: «Имярек, благословите детям своим, новобрачному и новобрачной, голову расчесать», и потом их закроют, а сваха головы расчесывает, и косу расплетает, и кичу накладывает.

А в это время старший дружка режет караваи и сыры с четырех сторон по ломтям, кладет на одно блюдо да ломти разрежет и сыры поломает, разложит по блюдам. И на первое блюдо, где горбушки, положит платок, поднесет новобрачному имярек и молвит: «Новобрачная имярек челом бьет — караваем и сыром и платком». И тот возьмет один лишь платок и положит его себе; также и тысяцкому и поезжанам по росписи, а платки по договорным грамотам — всякому на блюде ломоть каравай да кусок сыра да платок. Да тут и тестю, и теще, и приглашенным боярам и боярыням всем по блюду. Да посылают с людьми скорыми к свекру, и к свекрови, и к приглашенным боярам и боярыням также на блюдах всем по ломтю каравай и сыра и по платку. И какие свойственники есть у новобрачного и у новобрачной, хотя их и нет тут, но караваи и сыр и платки им посылают. А как тысяцкий и поезжане каравай примут, тогда поднимется тесть и поднесет тысяцкому и поезжанам вино, а прочим званым велит подносить, да и слуг боярских тут в комнатах, и в сенях, и на крыльце, и во дворе потчуют и дарят платки, кому только тесть укажет.

А как новобрачную накроют и венец на блюде понесут в другие комнаты, в то время старшая сваха молодых осыпает, а тысяцкий встанет и новобрачного поднимет, а священник станет говорить: «Все упование мое...», — а дружка просит благословения у тестя и у тещи: «Благословите детей своих идти к венчанию», и новобрачный, поклонившись тестю и теще по обычаю, возьмет невесту свою сам за руку и пойдет с нею, а поезжане перед ними в прежнем порядке.

Поезжане в том же порядке садятся на лошадей, сначала новобрачный на аргамака, а новобрачная сядет одна к облучку в сани, а обе свахи напротив нее, здешних же боярынь к венчанью не берут. А когда венчаются, под ноги бросить пару соболей, отдельно — под новобрачного соболя, а под новобрачную — другого. А чаша при этом была бы без ручек, из которой выпив, затем разбить, вниз ее не швырять, а просто выпустить из рук и осколки разбить ногою. И после венчания ехать к тестю на то же место.

И тут встречают у коня и на крыльце бояре приглашенные, и сам тесть встретит в сенях, и целуется тесть с новобрачным. А новобрачный от венчанья идет и держит невесту свою за руку, и его поддерживает тысяцкий, а ее свахи. И как входят в сени, тут осыпает их теща, а как войдут в комнаты и, поклонясь, сядут по своим местам, тесть поднесет новобрачному вино, и лучшие вина понесут, но тот отпробует сначала только горбушку и сыр.

И прежде всего понесут на столы лебедя, поставят перед новобрачным, и он, приняв, наложит руку да велит разрезать. И ставят на стол лебедя и

к тестю и к тещи и к сидячим бояром и боярыням, по блюду раскладывая по косткам, да по кубку романѣи,* и подают птицы.

Из за третьиѣ ѣствы станет новобрачной, а с ним тысяцкой да дружка одинъ, и учнет звати, а говорити учнет друшка тестю: «Имярекъ, новобрачной челом бьетъ, чтобы пожаловал завтра у него пирувал» — тещу тако ж, сидячих бояръ и боярын по именом всѣх. А в кою пору друшка говорит, а новобрачной кланяется в шапкъ нагольной. И позвавъ друшка в тѣ поры сойметъ скатерть верхнюю и блюдо, на чем крайчики и сыръ и свертевь отдасть людемъ своим, а велит отнести в сѣнник.

А поѣжжаны пойдуть ис хором и учнут садится на лошади, а тесть взявъ дочь свою и пришедь к дверем, назвавъ благочинно имянем зятя своего: «Судбами божими дочь моя приняла вѣнецъ с тобою, имярекъ, и тебѣ бы жаловати еѣ любити законным бракомъ, как жили отци и отцове отец наших». И онъ тестя поцелует в плечо да пойдет с новобрачною и сядут на лошади по прежнему обычаю, а новобрачная в санях со свахами, и поѣдут к себѣ по прежнему.

И как приѣдут на дворъ и идут в сенникъ, а по простому в потклѣт, и тут ихъ осыпает свекры, а идти по послану. А пришед новобрачному и новобрачной сѣсти на постели. И тысяцкой пришедь новобрачную вскроет, а молвит им: «Дай Господи вам здорово опочивати», а свѣчи и короваи поставят на уготованныхъ мѣстехъ, и колпакъ и кичу поставят на мѣсто.

И в тѣ поры станут говорити вечерню, новобрачной снимает наряд, а с новобрачной снимають за завѣсою. Да и пойдет тысяцкой и с поѣжжаны со всѣми к свекру в хоромы, а в сѣнникъ с новобрачным останутся 2 друшки да 2 свахи, да постелничей и которым ближним людем боярским и боярыням велят, тѣ с них снимають платьѣ. Новобрачной на зипунокъ положит шубу нагольную, а новобрачная в телогрѣи, да в шапках в горлатных, и дружекъ и свах отпустят, а оставят, кому розути, да потом промышляет.

А тысяцкой и поѣжжаны и друшка и сваха болшиѣ пойдут в хоромы к тестю и тут сказав, что: «Богъ сподобил дѣти ваши имярекъ, у вѣнчанья бывъ, легли опочивати здорово, и тут прохлажаются». А друшка и сваха другие поѣдут к тестю и скажут, что доѣхали и легли опочивати здорово. А постелничей два сѣдят у дверей безотступно, а какъ новобрачному время полежавъ и провѣдавъ, и онъ кликнетъ постелничево и велитъ позвати ближнюю боярню, и сам бывъ за завѣсомъ и обдався водою, положит на себя чехол да шубу нагольную. Да пойдет новобрачная с боярынею или и з двема, и там обздадет еѣ, и сорочки обѣ смочат в тазѣх. А новобрачная по тому ж на себя положит чехол и шубу нагольную да велит позвати къ себѣ друшку, а сам сядет на болшей постели, а новобрачная за завѣсом на пуховичкѣ.

посылают тестю, и теще, и приглашенным боярам и боярыням, по блюду раскладывая по кусочкам, да по кубку романеи, и подают птицу.

После третьего блюда встанет новобрачный, а с ним тысяцкий да один дружка, и станет звать, но говорить будет дружка тестю: «Имярек, новобрачный челом бьет, чтобы пожаловал завтра к нему пировать», — тещу приглашает также, званых бояр и боярынь по именам всех. А в то время как дружка говорит, новобрачный кланяется в шапке нагольной. И, пригласив, дружка затем снимает скатерть верхнюю и блюдо возьмет, на котором горбушки и сыр, и, завернув, отдаст слугам своим, и велит снести в сенцы.

А поезжане выйдут из комнат и станут садиться на лошадей; тесть же, взяв дочь свою и подойдя к дверям, назовет с почтением по имени зятя своего: «Судьбами Божьими дочь моя приняла венец с тобою, имярек, и тебе бы жаловать ее и любить в законном браке, как жили отцы и отцы отцов наших». И тот тестя поцелует в плечо, и пойдет с новобрачной, и сядут на лошадей в прежнем порядке, а новобрачная в санях со свахами, и поедут к себе, как прежде.

А как вернуться на двор, сразу идут в сенцы, а проще сказать — в подклеть, и тут их осыпает свекровь, идти же им надо по посланному. И как только войдут, новобрачному и новобрачной сесть на постели. И тысяцкий, войдя, с новобрачной покрывало снимет и молвит обоим: «Дай Господи вам в добром здоровье опочивать», — а свечи и каравай поставят на приготовленных местах, и колпак и кичу положат на место.

И в это время станут служить вечерню, новобрачный снимает наряд, с новобрачной же все снимают за занавеской. А тысяцкий с поезжанами со всеми пойдет к свекру в комнаты, а в сенцах с новобрачными останутся двое дружек, да две свахи, да постельничий; и каким ближним людям боярским и боярыням повелят, те и снимают с них платье. Новобрачный на зипунок наденет шубу нагольную, а новобрачная в телогрее, да оба в шапках горлатных; потом они дружек и свах отпустят, оставив только тех, кто разует, а потом исполняет дело.

А тысяцкий, и поезжане, и дружка, и сваха старшая войдут в комнаты к свекру и тут скажут: «Бог сподобил: дети ваши, имярек, после венчанья легли почивать поздорову, и вот услаждаются». А другие дружка и сваха поедут к тестю и скажут, что молодые доехали и легли почивать поздорову. А два постельничих у дверей сидят неотступно, и как настанет новобрачному время, полежав и познав, он кликнет постельничего и велит позвать ближнюю боярыню, а сам, зайдя за занавеску и омывсь водой, набросит на себя халат да шубу нагольную. А затем выйдет и новобрачная с боярынею или с двумя, и там обмоют ее, и обе сорочки замочат в тазах. И новобрачная также набросит на себя халат и шубу нагольную да велит позвать к себе дружку, а сам новобрачный сядет на большой постели, новобрачная же за занавескою на пуховичке.

И друшка придет, и онъ пошлетъ ко отцу и к матери, а скажет, что дал Богъ здорово. И они пошлют сваху и потом придет тысецкой да ближней кто сердоболь къ новобрачному, а к новобрачной придет свекры и свойственные боярыни, и принесут кушанье на руках, студен крошенная птичья с сливами и с лимонами и с огурцы. И новобрачно кормит тысецкой, а новобрачную свекры с боярынями за завѣсою. А дружку в тѣ поры пошлют к тестю и к теще, и друшка приѣхавъ говорит, назвавъ имянем: «Велѣл вам говорити новобрачной имярекъ: Божиим милосердием и вашим родительским жалованьемъ и бережением мы, дал Богъ, здорово, и на том на вашем жалованье челом бью!» И з друшкою тутъ целуются тесть, подарит чарочку или ковшикъ, а теща ширинку. И в тѣ поры в обѣих дворахъ бываетъ веселие и прохлад.

А как обручати и вѣнчати, и вечерня в сѣнникѣ говорити, и на завтрѣе какъ выйdet новобрачной из мылни, молитва и заутреня, и молебен и часы говорити, то священниково дѣйство по уставу и по изволенію «Могущему вмѣстимая вмѣшати». А какъ свекры и друшка и сваха из сѣнника выйдут, а жених с невѣстою что хотят, то дѣлают. А у сѣника и под крыльцом привязывают жеребцов и кобылицъ, и жеребцы в тѣ поры, смотря на кобылы, ржутъ.

И потом поѣздъ и седячие бояре и боярыни и друшки и свахи с обѣих сторонъ розѣжжаются по себѣ, а свойственные по совѣту и ночуют, и свѣчи во всю ночь горят. А к утру велят держати мылни.

А на завтрѣе друшки и свахи на обѣ половины съѣдутся, и от тестя пошлет друшка меньшей к болшему друшке людей с мыленными суды и с простыни, а судов котель мѣденик съ кровлею, 2 таза, 2 простыни на полки, 2 простыни на воды. И прикажет, как двинется новобрачной, чтобы ему вѣсть учинил, друшке друшка. И как новобрачному встати, призовет постелничево и велит к себѣ быти друшке, а мовниковъ велит послати в мылню. И как будет готово, и друшка придет, и он вставе в башмаки и шубу нагольную на себя да шапку подскорную пойдет закрывся рукавом. А новобрачная лежит на постели, покрывся одѣялом, и тотчасъ к ней войдет сваха да боярские боярыни и еѣ учнут подымати. А в тѣ поры сурна заговорит и трубки, и накрачи заиграют, и новобрачную поднявъ, положить на неѣ лѣтник бѣл, шубку золотную обышную, шапку горлатную, и идет, накапками закрывся, в хоромы. А ей изготовятъ за навѣсом постелку, и она ляжет.

А друшка пошлет к тестю на дворъ, а велит сказати друшке ж, что новобрачной пошел в мылню, и новобрачная двинулася. И сваха другая к новобрачной поѣдет, а тесть друшку отпустит к новобрачному с мыленными дарами, и друшка поѣдет в золотѣ тѣм же обычаем, а за ним в санях под полстѣю мыленные дары в коробьяхъ.

А приѣхав к мылнѣ, разбирает и даетъ людям держати на руках сорочка, порты, поясъ с мошною, в мошне золотые, нижней поясъ, нагавицы

Когда же дружка придет, пошлют его к отцу и к матери сказать, что, дал Бог, все в порядке. И те пошлют сваху, а потом придет и тысяцкий или кто-то из ближних родственников к новобрачному, а к новобрачной придет свекровь и боярыни родственницы и поднесут на руках кушанья: студень крошенный из птицы со сливами и с лимонами и с огурцами. Новобрачного кормит тысяцкий, а новобрачную за занавескою свекровь с боярынями. А дружку тем временем пошлют к тестю и к теще, и тот, приехав, говорит, назвав полным именем: «Велел вам сказать новобрачный имярек: Божиим милосердием и вашим родительским пожалованием и сохранением мы, дал Бог, справились, и на том на вашем пожалованье челом бью!» И с дружкой тут поцелуется тесть, подарит чарочку или ковшик, а теща платок. И с этого времени на обоих дворах наступает веселье и праздник.

А вот когда обручать, и венчать, и вечерню в сенцах служить, да и назавтра, как выйдет новобрачная из бани, молитву, и заутреню, и молебен, и службу вести, — то все дело священника, по уставу и по желанию «Могущему вместимся вмещати». И когда свекровь, и дружка, и сваха из сенцев выйдут, жених с невестой что хотят, то и делают. А у сенцев и под крыльцом привязывают жеребцов и кобылиц, и жеребцы в ту пору, глядя на кобыл, ржут.

А потом поезжане, и званые бояре и боярыни, и дружки, и свахи с обеих сторон разъезжаются по своим домам, а родственники по разрешению тут и ночуют, а свечи всю ночь горят. К утру же велят затопить бани.

Назавтра же дружки и свахи съедутся на свои половины, и от тестя пошлет дружка младший к старшему дружке слуг с банною утварью да с простою, а из утвари медный котел с крышкою, два таза, два обычных ковша на полки, два простых для воды. И накажет: как проснется новобрачный, чтобы сказал ему, дружка дружке. Настанет пора новобрачному вставать, призовет он постельничего и велит дружке быть у него, а банщиков велит послать в баню. А как будет все готово и дружка придет, то он, надев башмаки да набросив на себя нагольную шубу и шапку пуховую, пойдет, закрывшись рукавом. Новобрачная же лежит в постели, накрывшись одеялом, но тут же войдет к ней сваха да здешние боярыни и станут ее поднимать. А в это время сурна заговорит, и трубы заиграют, и бубны загремят; тогда, новобрачную подняв, набросят на нее белый летник, шубку золоченую обычную, шапку горлатную, и пойдет она, фатами укрывшись, в комнаты. А ей приготовят за занавеской постельку, и она ляжет.

А дружка пошлет к тестю во двор и велит сказать дружке же, что новобрачный пошел в баню и новобрачная ушла. Тут и другая сваха к новобрачной поедет, а тесть дружку отпустит к новобрачному с банными дарами, и дружка в золоте поедет тем же порядком, а следом за ним в санях под полстью банные дары в коробах.

Приехав к бане, дружка разбирает и дает слугам держать на руках сорочку, порты, пояс с кошельком, а в кошельке золотые, подпояску, нижнее

и четыги;* башмаки, зипун, шуба нагольная, шапка черевья.* А наперед подадут в мылнѣ чехол, башмаки. И к мылнѣ съѣжжаются поѣжжания, тысецкой съ товарищи, и тут устроены поставци с питиемъ, хто изволить, пьют и людем подают, а накрачи играют, и мовниковъ дарятъ ширинками. А из мылни новобрачной в сѣнник идет и тут поопочинет. А новобрачные в мылню не водят, тут еѣ умывают, и как будет время, положат на нее кикю и наряд да идут свахи с нею в сенникъ, а новобрачной в тѣ поры выйдет со всѣми в свои хоромы, нарядятся в золото. И по обручанью посадят на постелю, и свахи положат на неѣ покровъ, и новобрачной со всѣм поѣздом в наряде придет в сенник и сядет подле невѣсту, а тысяцкой и поѣжжания сядут по чину. И входитъ ту свекоръ съ бояры с сидячими и сына своего целует и здоровает ему женивса, да невѣстку свою вскроет и здоровает за мужем, и всѣ здоровают. И тут сыну своему и снохѣ своей на вскрыванье явит благословение свое, образы или кресты и понагѣи, села вотчинные. И приносят тут куря и кашу, и князь молодой кушает. И пойдут новобрачной со отцом и с поѣжжаны в хоромы, а новобрачная с свахами в другие хоромы к свекрови, роскрыта, и свекры и боярыни тут целуются и здоровают и благословляют кресты или понагѣи, перстни, и в тѣ поры готовят взвары.

И как время будет, сойдутся в болшие хоромы, а на столѣ изготовлены овощи, на скатерти, без судков, без хлѣба. И платьѣ золотное сложат, будет лѣтом — положат охабни, а зимою шубы нагольные, а боярыни — лѣтники бѣлые да шубки червчатые, в спусках, а зимою в каптурах. И сядут свекоръ с свекровью по конецъ стола, а новобрачных посадят в большом мѣсте, а там свахи да сидячие боярыни, а въ скамье тысецкой да сидячие бояре, а поѣжжаны в кривом столѣ. Да понесут взвары, а от тестя приѣдет друшка с дары и подносит на блюдах, свекру сорочку да порты, а говорить, назвав имянемъ: «Новобрачная имярекѣ челом бѣет», и онѣ приметъ, а новобрачная поклонится, а в тѣ поры всѣ стоят. А свекрове камка, а боярыням по тафтѣ, также подносит на блюдах, и говорит, а новобрачная кланяется. А в обычных мѣстех свекрове тафта или дѣроги,* а боярыням сидячим по сорочке да по убрису да по волоснику, а тысецкому и сидячим всѣм бояром по сорочкѣ да по портамъ, а поѣжжаном не живет. И кушавъ овощи, принесут дары, и сына благословляет отецъ и мати образы и платьемъ дѣланные золотные, и шубою, и суды и лошади подводят в нарядех, и жалует его людами и вотчинами, а мати по тому же благословляет. И потомъ сноху жалуют саженьемъ и платьемъ и судами. И тысецкой и сидячие бояре новобрачно и новобрачную подарят, кто чем изволить.

И пойдут в свои хоромы, а велят готовити лошади и, как время дойдет, нарядятся в золотное платьѣ и поѣдут на дворъ к тестю тѣм же обычаем, как к мѣсту ѣхали: священникъ наперед со крестом, да поѣжжания, да тысецкой с

белье и чetyги, башмаки, зипун, шубу нагольную, шапку кожаную. А прежде подадут в баню халат и башмаки. И съезжаются к бане поезжане, тысяцкий с товарищами, и приготовлены тут поставцы с питьем, кто пожелает — пьет, и слугам подают, и бубны бьют, а банщиков одаривают платками. Из бани же новобрачный в сенцы идет и тут отдохнет немного. А новобрачную в баню не водят, моют ее тут, и как настанет время, наложат на нее кичу и наряд, да и идут свахи с нею в сенцы, а новобрачный тем временем выйдет со всеми своими в свои комнаты, и нарядятся они в золото. И по правилу обручения посадят новобрачную на постель, и свахи накроют ее покрывалом, а новобрачный со всеми поезжанами в полном наряде придет в сенцы и сядет подле невесты, а тысяцкий и поезжане рассядутся по чину. И входит тут свекор с боярами с приглашенными, и сына своего целует, и здоровья желает ему в женитьбе, да невестку свою откроет и здоровья желает в замужестве, и все поздравляют. Тут же сыну своему да снохе своей даст свое благословление, образá, или кресты, или панагии, или села вотчинные. И приносят тут петуха и кашу, и князь молодой откушает. И пойдут новобрачный с отцом и с поезжанами в комнаты, а новобрачная со свахами в другие комнаты к свекрови, уже не покрытая, и свекровь и боярыни тут целуют, и поздравляют, и благословляют крестами или панагиями и перстнями, а в то время готовят напитки.

И как время настанет, сойдутся все в большой комнате, а на столе уже приготовлены фрукты, на скатерти, без посуды и хлеба. И платье золоченое сложат, если летом — сложат охабни, а зимою — шубы нагольные, и боярыни — летники белые да шубки красные, в спусках сидят, а зимою в каптурах. И сядут свекор со свекровью в конце стола, а новобрачных посадят на почетное место, там же и свахи да приглашенные боярыни, а на скамье тысяцкий да званые бояре, а поезжане за боковым столом. Да понесут напитки, а от тестя придет дружка с дарами и подносит их на блюдах, свекру сорочку да порты да приговорит, назвав по имени: «Новобрачная имярек челом бьет», — и тот примет, а новобрачная поклонится, и в это время все стоят. А свекрови камка, а боярыням по тафте, служка также подносит на блюдах и говорит, а новобрачная кланяется. А на обычных свадьбах свекрови тафта или дбóрги, а боярыням приглашенным по сорочке, да по платку, да по волоснику, а тысяцкому и приглашенным всем боярам по сорочке да по портам, а поезжанам ничего не дается. А как откушают фруктов, принесут дары, и сына благословляет отец и мать образами, и платьем златотканым, и шубою, и сосудами, и лошадей подводят в нарядах, и жалует его людьми и вотчинами, и мать это все благословляет. А потом и сноху одаривают украшениями, и платьем, и посудой. И тысяцкий и званые бояре новобрачного и новобрачную одарят, кто чем пожелает.

А вернуться в свои комнаты, и велют приготовить лошадей, и как время настанет, нарядятся в золотное платье и отправятся на двор к тестю в том же порядке, что и на свадьбу ехали: священник впереди с крестом, да поезжане,

новобрачным; и как на дворъ въѣдутъ и у тестя накрачѣи и трубники играют, и тут у тестя бываетъ стрѣча: люди на дворѣ и у коня, и на крыльцѣ. А стречаютъ свойственные, и тесть встрѣтитъ в сѣнях и целуются с новобрачным и с тысяцким и с поѣжжаны, а у тестя в хоромехъ за столом в болшем мѣсте теща да седячие боярыни.

А на столѣ скатерть без судковъ и овощи. И встрѣтитъ тесть с седячими, войдетъ в хоромы наперед, и станут по своим мѣстом, а новобрачной войдет с тысяцкимъ, перед ними один друшка их да другой, тутошной, а поѣжжаны идут за новобрачным. И теща из за стола мало выйдет и спрашиваетъ зятя о здоровье и цѣлуется с ним с ширинкою, и боярыни сѣдячие, выходя с новобрачным, цѣлуются всѣ с ширинками. А с тысяцким и с поѣжжаны цѣлуется теща с ширинками, а боярыни иные и без ширинок. И садятся боярыни в лавках по чину, подлѣ тещи сядет зять, а въ углу тысяцкой, по конецъ стола тесть, в скамье седячие бояре, а поѣжжанѣ в кривом столѣ по тому ж.

За овощи тесть понесетъ вина и понесутъ взвары, и кушаютъ овощи, и сняв овощи, переменяютъ платьѣ, и понесутъ завтракъ — полной стол. А боярыни в том платьѣ и сѣдят: лѣтники бѣлые да шубки червчатые в спусках.

И какъ учнут издавати и новобрачной станет из за стола, а с ним тысяцкой, а друшка станет звати тестя и тещу и седячих боярѣ и боярынѣ, назвавъ именем: «Новобрачной челом бьет, чтобы тѣбѣ пожаловати сегодни — у новобрачново за столом быти и пировати», да вышед в сѣни опять положатъ золотное платьѣ и поѣдутъ к себѣ тѣмже обычаем.

И приѣхавъ к себѣ, мало попочинут, а в тѣ поры готовятъ стол. А как время приспѣет, новобрачную нарядят в болшей наряд и пошлют друшку звати тестя и тещу и седячих боярѣ и боярын к столу.

И тесть поѣдет в нарядѣ в золотѣ, а с ним седячие бояре по тому ж в золотѣ, по 2 в ряд, а за ними люди около коней пѣшие. А теща поѣдет в санех по тому ж, и боярыни — в золотных лѣтниках и в спусках по одной в санях.

И приѣдут к свекру на дворѣ бояре к лѣсницы, а боярыни к другой, и тутъ встрѣчаютъ боярѣ бояре, а боярын боярыни, на крыльце, и в сѣнях по достоянию. И гдѣ быти столу, тут на столѣ овощи.

Наперед придут боярыни, а сядет в болшем мѣсте теща, под нею новобрачная да свахи, да боярыни и приѣжжие, а под ними тутошные, а ниже всѣх сядет свекры. А тесть сядет по конецъ стола, подле ево свекорѣ, а в скамье седячие бояре приѣжжие, а под ними тутошные. А новобрачной присѣдает подлѣ отца, а тысяцкой и поѣжжанѣ в кривом столѣ.

А как повмѣстятся, свекорѣ выходит, да и приѣжжие бояре, и кланяются свекрови и тутошним боярыням, и спрашиваютъ ихъ о здоровье, и целуются, и потом переменяютъ платьѣ, вышед в сѣни. И садятся за стол, подносятъ вина и

да тысяцкий с новобрачным; и как во двор въедут, у тестя бубны и трубы заиграют, и тут у тестя начинается встреча: слуги на дворе, и у коня, и на крыльце. И встречают свойственники, а тесть встретит в сенях и целуются с новобрачным, и с тысяцким, и с поезжанами, а у тестя в комнатах за столами на почетном месте теща уже и приглашенные боярыни.

А на столе скатерть без посуды и фрукты. И встретит тесть с приглашенными, войдет в комнаты первым, и станут все по своим местам, а тут новобрачный войдет с тысяцким, перед ними один дружка их да другой, здешний, а поезжане идут за новобрачным. А теща из-за стола чуть выйдет, и спрашивает зятя о здоровье, и целуется с ним через платок, и боярыни приглашенные, подходя к новобрачному, целуются все через платок. И с тысяцким и с поезжанами также целуется теща через платок, а боярыни некоторые и без платка. И садятся боярыни на лавку по чину: возле тещи сядет зять, а в самом углу тысяцкий, в конце стола тесть, на скамье приглашенные бояре, а поезжане за боковым столом, как и прежде.

За фруктами тесть подаст вина, и принесут напитки, и едят фрукты, а как уберут фрукты, все переоденутся, и тогда внесут завтрак — полный стол. А боярыни в том же платье и сидят: летники белые да шубки красные в спусках.

И как перестанут подавать, новобрачный встанет из-за стола, а с ним и тысяцкий, и дружка станут звать тестя, и тещу, и посаженных бояр и боярынь, называя по имени: «Новобрачный челом бьет, чтобы пожаловал ты сегодня — у новобрачного за столом быть и пировать», да, выйдя в сени, снова наденут золотное платье и поедут к себе тем же порядком.

Приехав к себе, немного отдохнут, а в то время готовят стол. И как время настанет, новобрачную нарядят в главный наряд и пошлют дружку, чтобы позвал тестя, и тещу, и приглашенных бояр и боярынь к столу.

И тесть поедет в золотном наряде, и с ним приглашенные бояре также в золоте, по двое в ряд, а с ними и слуги возле коней пеши. И теща поедет в санях точно так же, и боярыни — в золотных летниках и в спусках, по одной в каждых сенях.

И подъедут к свекру на двор бояре к лестнице, а боярыни к другой, и тут встречают бояр бояре, а боярынь боярыни, на крыльце или в сенях, по знатности. А где будет стол, тут на столе и фрукты.

Раньше придут боярыни, и сядет на главное место теща, за нею новобрачная да свахи, затем и боярыни приезжие и только за ними — здешние, а ниже всех сядет свекровь. Тесть же сядет на конце стола, подле него свекор, а на скамье приглашенные бояре приезжие, а под ними здешние бояре званые. Новобрачный же присядет возле отца, а тысяцкий и поезжане за боковым столом.

И как разместятся, свекор выходит, да и приезжие бояре, и кланяются свекрови и здешним боярыням, и спрашивают их о здоровье, и целуются, а затем переменяют платье, выйдя в сени. А как сядут они за стол, подносят им

овощи и взвары кушают, и потом овощи снимают и понесут ѣсти. А новобрачной вставая потчивает ко отцу и к тестю и к тещи, подносит в кубках питье, вина и меду красные. И как столъ учнут здавати, и тесть встанет, а друшка другой учнет говорити свекру, назвавъ тестя именем: «Бьет челом, чтобы тебѣ пожаловати завтра у него у стола быти и пировати». И новобрачново, и съдячих боярь, и свекровь, и боярын по имяном друшка зоветъ, а тесть кланяется, а новобрачной тестя и приѣжжих боярь потчивает.

И как время дойдет, принесут дары: кубок двойчатой или с кровлею, бархат или камка, и наложив сосуды меду, учнет говорити свекоръ тестю: «Дай, господи, намъ здорово быти съ дѣтми своими!», назовет сына и сноху именем — «с дѣтками своими много лѣтъ!» А друшка болшей в тѣ поры станет сказывати, назвавъ тестя именем: «Челом бьет зять твой имярекъ, — кубокъ двойчат золочен, бархат таков цвѣтом, сорокъ соболей!» Да теще дары также являет друшка: братина или стопа, камка, сорокъ соболей, назвавъ именем: «Зять челом бьетъ, дары велят принять».

А боярыни пойдут с новобрачною к себѣ в хоромы, и по времени, как ѣхати, положат на себя наряды. И тесть, и теща, и приѣжжие бояре поѣдут к себѣ тѣм же обычаемъ, а провожаютъ их до лошадей, а боярын боярыни до саней — и прохлажаются на своихъ дворех, на обѣ половины бываетъ веселие. А друшки и свахи дожидаются, как пойдут новобрачной и новобрачная в сѣнник и, положив их, розѣжжаются по себѣ.

А на завтрѣ готовят мылну, и друшка от тестя приѣжжает с мыленными дары, полегче тѣх; сорочка, порты, поясъ, полотенце и что будет иное пришет. А как изъ мылни учнет выходить, и тысецкой и поѣжжания приѣдут и нарядяс в сенникъ, пойдет новобрачной со всѣм поѣздом в хоромы отцу челом ударити и матери, а у них изготовлены овощи по тому ж обычаю.

За столом мати, новобрачная и свахи, и седячие боярыни, и бояре в скамье, и садятся по чину, и кушают овощи и взвары. А в тѣ поры приѣдет друшка от тестя и зовет отца и мать, и новобрачново с новобрачною, и седячих боярь и боярын, и его потчивая отпускают, и сами завтрокаютъ, переменявъ платье.

А у тестя изготовят столы по чину и овощи, и как время дойдет, пошлют друшку же звати к столу, и *отець* поѣдет у сына по правую руку, а тысецкой по лѣвую, а поѣжжания перед ними по прежнему в наряде, а седячие бояре за ними такъ же в наряде. А мати в санехъ в наряде, а против еѣ новобрачная, да боярыни седячие и свахи в санех по одной. А свахи садятся противу седячих боярын, которые ѣдут в первых.

А приѣхавъ, входят в хоромы, и встрѣча бывает имъ по чину: тесть стрѣчает свата и зятя, а теща стрѣчает сватью и дочь. И входят за овощи и целуются приѣжжие бояре с тутошными боярынями, и понесут вина и взвары, и кушают овощи. И как время дойдет, боярыни пойдут в свои хоромы,

вина, и фрукты, и напитки, но потом уберут фрукты и разнесут еду. А новобрачный, поднявшись, потчует отца и тестя и теще подносит в кубках питье, вина и лучшие меду. И как кончат к столу подавать, тесть встанет, а дружка второй начнет говорить свекру, назвав его полным именем: «Бьет тебе челом, чтобы пожаловал ты завтра у него за столом быть и пировать». И новобрачного, и званых бояр, и свекровь, и боярынь по именам дружка называет, а тесть кланяется, и новобрачный тестя и приезжих бояр потчует.

И как наступит время, принесут дары: кубок двойной или с крышкой, бархат или камка, и, налив в сосуды меду, станет говорить свекор тестю: «Дай, Господи, хорошо нам жить с детьми своими!», назовет сына и сноху по именам — «с детками своими много лет!». А дружка старший в то время начнет говорить, назвав тестя по имени: «Челом бьет зять твой имярек!» — кубком двойным, золоченым, бархатом такого же цвета да сороком соболей, и теще дары также объявляет дружка: братина или стопка, камка, сорок соболей, называя по имени: «Зять челом бьет, дары велит принять».

А боярыни пойдут с новобрачной к себе в комнаты и в то время, как ехать, нарядятся. И тесть, и теща, и приезжие бояре поедут к себе тем же порядком, а провожают их до лошадей, а боярынь боярыни до саней — и услаждаются по своим дворам, на обеих половинах наступает веселье. Дружки же и свахи дожидаются, как пройдут новобрачный и новобрачная в сенцы, и, положив их, разъезжаются по домам.

А назавтра готовят баню, и дружка от тестя приезжает с банными дарами, поменее прошлых: сорочка, порты, пояс, полотенце, — и что-нибудь еще пришлет. А как из бани станет выходить, то тысяцкий и поезжане приедут, и, одевшись в сенцах, пойдет новобрачный со всеми поезжанами в комнаты отцу и матери челом ударить, а у тех приготовлены фрукты в том же виде.

А за столом мать, новобрачная, и свахи, и званые боярыни, и бояре на скамье — все садятся по чину, и едят фрукты, и пьют напитки. А в то время приедет дружка от тестя и зовет отца и мать, и новобрачного с новобрачною, и приглашенных бояр и боярынь, и, его попотчевав, отпускают, а сами, передевшись, завтракают.

А у тестя приготовят столы по чину и фрукты, и, как время наступит, пошлют дружку звать к столу, и тогда отец поедет по правую руку от сына, а тысяцкий по левую, поезжане же перед ними по-прежнему в наряде, да и приглашенные бояре за ними также нарядно. А мать в санях и наряжена, а напротив нее новобрачная, а боярыни приглашенные и свахи в санях по одной. А свахи садятся напротив приглашенных боярынь, которые едут первыми.

И, приехав, входят в комнаты, и встреча бывает им всем по чину: тесть встречает свата и зятя, а теща встречает сватью и дочь. И входят все в комнату с фруктами на столах, и целуются приезжие бояре со здешними боярынями, и понесут вина и напитки, и едят фрукты. И как время наступит, боярыни пойдут

а они тутю послѣ овощей и учнут роздѣлыватися в приданом, и рядные подписывают. А будет в чем споръ, и они откладывают до иново дни. Да потом садятся за стол порознь: бояре себѣ, а боярыни в других хоромех. А после стола тестъ благословляет зятя образы и дары: кубки и бархаты, и камки, и соболи, и лошади в нарядах, и доспѣхи, и — здороваает. Чаши пьют с сватомъ и с тысяцким, и после стола на поѣздѣ положат на собя нарядное платье да пойдут отец да новобрачной и тысяцкой и старишие бояре къ боярыням в хоромы, а с ними тестъ — благословляет дочь свою образы, платьем, суды, перстни, вотчину, приданные люди. Потом теща зятя благословляет образы, платье, суды, да дочь свою благословляетъ и жалует сажаньем и платьем.

И потом поѣдут к себѣ, тѣм же обычаем в нарядах, а в ыные дни съѣжжаются и пируют по произволу.

в свои комнаты, и тут-то после фруктов начнут разбираться в приданом и рядные подписывают. А возникнет в чем спор, откладывают до другого дня. Потом же садятся за стол порознь: бояре особо, а боярыни в других комнатах. И после застолья тесть благословляет зятя образами и дарами: кубками и бархатом, и камками, и соболями, и лошадьми в нарядах, и доспехах, — поздравляет. Чаши пьют со сватом и с тысяцким, а после застолья у поезда наденут на себя нарядное платье, и пойдут отец, да новобрачный, да тысяцкий и старшие бояре к боярыням в комнаты, а с ними и тесть — благословляет дочь свою образáми, платьем, сосудами, перстнями, именьем, придаными слугами. Потом теща благословляет зятя образáми, платьем, сосудами да дочь свою благословляет и одаривает украшениями и платьем.

И потом поедут к себе тем же порядком и в нарядах, а в остальные дни съезжаются и пируют, как пожелают.

ОБ УМСТВОВАНИЯХ КОСОГО (ИЗ «МНОГОСЛОВНОГО ПОСЛАНИЯ»)

СКАЗАНИЕ «МНОГОСЛОВНОМУ ПОСЛАНИЮ»

Предлежащему сему многословному посланию вина есть сиа.

Раби нѣции въ градѣ Москвѣ, украдше от стяжания господий своихъ, бѣжаша въ предѣлы Белозерскиа.* Убояша же ся мукъ от господий своихъ, внидоша в монастыря и постригошася. Потомъ съвокупишася на Новоозерѣ Федосей, нарицаемый Косой, и Игнатей, и Васианъ, ученики Артемиевы,* и инии с ними. Тии мниси развратишася въ ересь, нарицаемую безбожную, отвергошася Христовы вѣры, и вселися в них дух лукавый, начаша своей ереси учити и иныа. Бысть же от святаго собора, иже в Москве,* взыскание от безбожной сей ереси. Тогда начальницы ереси тоа разбѣгошася от Новоозера:* Игнатей на Двину, Косой и Васианъ съ прочими — в Литву. Бѣжаше же в Литву, проидоша Псковъ, и Торопецъ, и Лука Великиа,* вездѣ сѣюще свою злую ересь. Присташа же в мѣстѣ, нарицаемемъ озеро Усочортъ, имена своа преименоваша, да не увѣдани будутъ, и многиа съвратиша от православной вѣры во свою прелесть, не токмо не боящаяся Бога и грѣхлюбныа, но и богобоязливыхъ смиренныхъ людей.

Учачу же, прельщающе люди простыа нравомъ: преже хулити монастыри, оклеветающе ихъ, яко села имяху, таже попы и епископы укаряху, глаголюще: «Живут попы и епископы не по Евангелию, ложнии училии, имѣнниа збирають, ядятъ и пють много, и по Евангелию не учат, учат человеческая преданиа». Себе же еретицы они глаголють — истину паче всѣхъ познали, и живутъ по Евангелию, и разум имѣють больши святыхъ отецъ. Та же святыхъ отецъ хулятъ и неистинными учителя ихъ нарицають, себе именуютъ истинными учителями. Потом хулятъ святыа церкви, нарицающе ихъ кумирницею, крестъ Христовъ и иконы святыа кумиры нарицаху, святыхъ мученикъ и всѣхъ святыхъ мощи еллинскими мертвецы именоваху, и почитающихъ святая и Божественая вся погибшими и заблужшими именуютъ, и послѣдующихъ человеческимъ преданиемъ. Ясти же и пити повелеваютъ без воздержаниа, мяса и вся по вси дни

ОБ УМСТВОВАНИЯХ КОСОГО (ИЗ «МНОГОСЛОВНОГО ПОСЛАНИЯ»)

ПОЯСНЕНИЕ К «МНОГОСЛОВНОМУ ПОСЛАНИЮ»

Причина написания этого многословного послания такова.

Некие рабы в городе Москве, украв кое-что из имущества своих господ, бежали в Белозерские земли. Боясь, что будут наказаны своими господами, они укрылись в монастырях и постриглись в монахи. Потом встретились на Новоозере Феодосий, по прозвищу Косой, и Игнатий, и Вассиан, ученики Артемия, и другие с ними. Эти монахи впали в ересь, которую можно назвать безбожной, отступили от Христовой веры, и вселился в них злой дух, начали они учить своей ереси и других людей. Розыск об этой безбожной ереси был произведен священным собором, собравшимся в Москве. Тогда зачинатели той ереси разбежались из Новоозера: Игнатий — на Двину, Косой и Вассиан с прочими — в Литву. По дороге в Литву они прошли Псков, и Торопец, и Великие Луки, везде сея свою злую ересь. Укрывшись же в месте, называемом озеро Усочорт, они переменяли свои имена, чтобы их не узнали, и многих совратили от православной веры в свое лжеучение, не только не боясь Бога и склоняясь к греху, но и не стыдясь богобоязненных благочестивых людей.

Учили же они, прельщая простодушных людей, так: прежде всего хулить монастыри, обвиняя их в том, что они имеют села, затем укоряли попов и епископов, говоря: «Живут попы и епископы не по Евангелию, они — ложные учителя, накапливают имущество, много едят и пьют и по Евангелию не учат — учат человеческим измышлением». А о себе эти еретики говорят, что они лучше всех узнали истину, и живут по Евангелию, и имеют больше мудрости, чем святые отцы. И святых отцов хулят и называют их неистинными учителями, себя же именуют истинными учителями. Потом хулят святые церкви, называя их кумирницами, крест Христов и святые иконы называют кумирами, мощи святых мучеников и всех святых именуют эллинскими мертвецами, а почитающих все святое и Божественное зовут погибшими и заблудшими, последователями человеческих измышлений. Есть же и пить учат они без умеренности,

и ноши ясти, святости и освящения никоея же не нарицати, ни мнѣти ничто же свято ниже освященно. Такоже и молитвы творити не повелевають, ни покланятися Богу, ни поститися, такоже и нечистым не нарицати ничто же, и скверна никакова не мнѣти ни в чесомъ же. И по блудъ не омыватися повелѣвають, мнѣти же вся чиста. И вси вѣры въ всѣхъ земляхъ однакы мнѣти. Книги святыхъ отецъ и правила церковная ложнымъ писаниемъ именують, токмо едины книги повелѣвають Ветхиа прочитати, и Евангелие, и Апостоль,* и Великаго Василиа Постническую книгу,* и Златоустовъ Маргаритъ* токмо. Сиа же книги едины прочитати сего ради повелеваху, понеже из нихъ строки избирающе и по развращенному своему разуму ложно толкующе сиа, прельщаютъ не разумѣющихъ Писаниа въ свою пагубную ересь. Прочая же книги святыхъ отецъ и мучениа святыхъ и жития и учения, не повелевають прочитати. Учатъ же и не вѣровати въ святыхъ благодати Божии быти, и чюдеса от нихъ ложны именующе, и пророчества не Святымъ Духомъ бывающа, и Богородицу просту жену быти глаголють.

Сицевая учаще еретицы они, видяху нѣкоихъ богобоязливыхъ простыхъ людей учимыхъ от нихъ, о такомъ нечестивомъ учении ихъ сумнящихся, еретици же они увѣряюще себе имъ, оболговаху етера калугера,* глаголюще: «И калогерь онъ вѣдаетъ истину, но молчить и истину таять». Богобоязливии же людие тии в колебании велицѣмъ о благочестии от учения еретиковъ онѣхъ бояхуся прогнѣвати Бога невѣданиемъ благочестиа, тѣмъ же писаша къ оному калогеру, о немъ же клевету слышаша от еретикъ, моляще его и заклинающе именемъ Господнимъ сказати имъ истину благочестиа, а не умолчати, ни утаити. Повѣдаша же ему вся нечестивая тая учения и въпрошаху его о семъ, аще полезно учать ихъ Косого чадь.

Слышавъ же калогерь людемъ Божиимъ великую сию погибель от еретиковъ онѣхъ, зило поболѣ душею и много плакавъ о прелести антихристовѣ, еже на христианы, понудився абие, написа Послание сие многословное, въскорѣ и неукрашено,* токмо православно, къ колеблемымъ людемъ о благочестии от еретикъ (...)

(...) ЧЕРНОРИЗЦА ПОСЛАНИЕ МНОГОСЛОВНОЕ*
К ВОПРОСИВШИМЪ О ИЗВѢСТИИ БЛАГОЧЕСТИА НА ЗЛОМУДРИЕ
КОСОГО И ИЖЕ С НИМЪ

(...) Писасте ми в грамотѣ вашей, глаголющи: «Понеже крещени бысте въ имя Отца и Сына и Святаго Духа и бысте христианы, общаестеся и исповѣдасте вѣровати и благочествовати, яко же дрѣжитъ святая апостольская съборная церкви Христова. Тако и мудръствовасте въ благочестии по общанию своему къ Богу и исповѣданію и донынѣ, якоже отцы ваши,

мясо и все остальное — во все дни и ночи, ничего не называть святым и священным, и не усматривать ни в чем ни святости, ни освящения. Также и творить молитв не велят, ни класть поклонов, ни поститься, также ничего не называть нечистым и ни в чем не видеть скверны. И после соития омыться не повелевают, считая, что все на свете чисто. И все веры во всех землях почитают одинаковыми. Книги святых отцов и церковные правила именуют ложным писанием, повелевают читать одни лишь книги Ветхого завета, и Евангелие, и Апостол, и Постническую книгу Василия Великого, а у Златоуста только Маргарит. Одни лишь эти книги они повелевают читать потому, что из них выбирают отдельные строки и ложно толкуют их согласно своему развращенному разуму, прельщая не понимающих Писания в свою пагубную ересь. Прочие же книги святых отцов и мучения святых и жития и учения святых мучеников не разрешают читать. Учат также не верить в то, что на святых почивает Божия благодать, и чудеса от них именуют ложными и пророчества их — не от Святого Духа, и Богородицу считают простой женщиной.

Уча таким образом, эти еретики увидели, что некоторые из богобоязненных простых людей, наученных ими, усомнились в их нечестивом учении, и стали еретики убеждать их, оболгав некоего монаха и говоря: «И монах этот ведаёт истину, но молчит и истину утаивает». Тогда эти богобоязненные люди, испытывая из-за еретиков великое смущение и не зная, в чем заключается истинное благочестие, боясь прогневать Бога неведением благочестия, написали к тому монаху, о котором слышали клевету от еретиков, моля его и заклиная именем Господним сказать им об истинном благочестии, ничего не умалчивая, не утаивая. Изложили они ему все эти нечестивые учения и спросили его, добру ли учат их люди Косого.

Когда же монах услышал об этом великом бедствии для людей Божиих из-за еретиков, испытал он великую душевную боль, пролил много слез из-за такого прельщения христиан антихристом, сразу же принялся за работу и написал это «Послание многословное» к людям, благочестие которых поколеблено еретиками, написал поспешно и неуклюже, однако согласно православному вероучению. (...)

⟨...⟩ ЧЕРНОРИЗЦА ПОСЛАНИЕ МНОГОСЛОВНОЕ К ПРОСИВШИМ ЕГО ПОДТВЕРДИТЬ ИХ БЛАГОЧЕСТИЕ ПРОТИВ ЗЛОМУДРСТВОВАНИЯ КОСОГО И ТЕХ, КТО С НИМ

⟨...⟩ Писали вы мне в грамоте своей, говоря: «Как христиане, крещенные во имя Отца и Сына и Святого Духа, вы обещали и обязались верить и соблюдать те обряды, каких придерживается святая апостольская соборная церковь Христова. Так вы и мудрствовали в благочестии по своему обещанию Богу и исповеданию и донныне, подобно отцам вашим, изначально принявшим

приемше просвѣщение отъ начала при Владимирѣ.* Нынѣ же пришедше въ вашу страну етери, мнящесе чернечская носяще, и учаху, глаголюще: „Не правѣ быти вѣрѣ въ васъ, и Бога прогнѣваете мнимымъ благочестиемъ вашимъ — в церкви каменная приходите, а того въ Евангелии и Апостолѣ не писано. Писано — апостоли на горницу въсходили, а не в церковь; не бѣяху бо церкви при апостолѣхъ. Едина церкви въ Иерусалимѣ древняя, еаже о разрушении Христосъ рече:* «Не останетъ камень на камени»* и прочее. Не подобаетъ церквамъ нынѣ бывати по разрушении древняя церкви. Нынѣ не церкви сия създаны, но кумириницы суть и златокузницы. Златоустъ бо в словѣ «Оже предста царица» глаголетъ: «Церковь не стѣны, но вѣрныхъ съборы». Той же и въ Маргаритѣхъ глаголетъ: «Не храмъ освящаетъ сходящихся, но сходящися святъ храмъ сътворяють»» (...)

Писано же паки въ грамотѣ вашей, яко тии же пришелцы глаголаша вамъ: «Не подобаетъ почитати иконы Христовы, и матере его, и аггелъ, и мучениковъ, и отцевъ. Богъ заповѣда: „Не сътвориши себѣ, глаголя, всякого подобиа, елико на небеси горѣ и елика на земли долу, елико же в водѣ и елика подъ землею, и не поклонишися имъ, и да не послужиши имъ”.* И въ Псалмѣхъ писано: „Идоли языкъ — сребро, злато — дѣла рукъ человеческъ. Уста имуть и не глаголють, очи имуть и не видятъ, уши имуть и не слышатъ, ноздри имуть и не обоняють, руцѣ имуть и не осяжутъ, нозѣ имуть и не пондуть, и не възгласятъ гортанемъ своимъ”.* И в Премудрости писано: „Нечестиви же суть, и в мертвыхъ упование ихъ, иже именовашу боги дѣла рукъ человеческъхъ — злато, и сребро, ума обрѣтение и подобиа животнымъ”. И помалѣ глаголетъ: „От лѣса древо право отсѣчетъ, по уму его мастерства образуеъ то и уподобитъ то образу челоуѣчу или нѣкоторому отъ животныхъ, помазаючи красками и червленныя цвѣты творяще, украсивъ его всяко, и сътворитъ ему по немъ обитание, и на стѣну възложивъ, желѣзомъ укрѣпитъ и, да не падеть, зря и вѣдя, яко не можетъ помощи себѣ: образъ бо есть, и требѣ есть тому помощь”,* и прочая, яже въ Премудрости писано. И в Послании Иеремиинѣ в Вавилонѣ писано: „Нынѣ же узрите въ Вавилонѣ боги серебряны, и златы, и древяны, на рамѣ несомы, кажуще страхъ странамъ. Не убоитесь, убо да не и вы иноплеменникомъ уподобитесь и страхъ приметъ вы отъ нихъ: видѣвшемъ весь народъ предъ и въслѣдъ ихъ кланяющаяся имъ”. И помалѣ глаголетъ: „Хоруговъ имать, акы челоуекъ, судий странѣ, иже съгрѣшающаго къ нему не убьетъ. Имать же и саблю въ десницы и брадѣвъ, сам же себе отъ рати и отъ разбойникъ не отиметь; от того знаеми суть, яко не суть бози, не убойтєся ихъ убо”. И помалѣ глаголетъ: „Храмы ихъ утвержаютъ жерцы дверми, и ключи, и завѣсами, яко да не от разбойникъ окрадени будутъ, свѣтила жгутъ имъ многа, иже сами себе не могутъ видѣти. По телесемъ ихъ и по главѣ парятъ нетопыре нощнии, ластавица и птица такоже еже. Отъ того увѣсте, яко не суть бози; не убойтєся

крещение при Владимире. Ныне же пришли в вашу землю некие, выдававшие себя за черноризцев, и стали учить, говоря: „Неправая у вас вера, и гневите вы Бога вашим мнимым благочестием — ходите в церкви каменные, а такое в Евангелии и Апостоле не писано. Писано — апостолы в горницу собирались, а не в церковь; ибо не было церкви при апостолах. Единой церковью в Иерусалиме была древняя, о разрушении которой Христос сказал: «Не останется камня на камне», и прочее. Не подобает церквам ныне быть после разрушения древней церкви. Ныне же не церкви созданы, но кумирницы и хранилища золотых украшений. Ибо Златоуст в слове «Когда предстала царица» говорит: «Церковь не стены, но собрание верующих». Он же в Маргаритах говорит: «Не храм освящает собравшихся, но собравшиеся делают храм святым»». (...)

Писано также в грамоте вашей, что те же пришельцы говорили вам: «Не подобает почитать иконы Христа, и его матери, и ангелов, и мучеников, и отцов церкви. Бог заповедал: „Не сотвори себе, — сказал он, — никакого подобия того, что на небе наверху и на земле внизу, и того, что в воде и под землей, и не поклоняйся им и не служи им”. И в Псалмах написано: „Идолы язычников — серебро и золото — дело рук человеческих. Уста имеют и не говорят, очи имеют и не видят, уши имеют и не слышат, ноздри имеют и не обоняют, руки имеют и не осязают, ноги имеют и не ходят, и не возглашают гортанью своей”. И в Премудрости (Соломона) написано: „Нечестивы и уповают на мертвых те, кто именуется богами деяния рук человеческих — золото и серебро, измышления ума и подобия животных”. И немного далее говорит: „Если кто отсечет от дерева подходящий кусок и своим мастерством создаст образ и уподобит его человеку или какому-нибудь из животных, и расписав красками и нарисовав алые цветы, всячески его украсив, найдет ему подобающее место, поместив на стене и укрепив железом, чтобы не упал, видя и зная, что тот образ сам себе помочь не может и потребна ему помощь”, и прочее, как написано в Премудрости. И в Послании Иеремии в Вавилон написано: „Ныне вы увидите в Вавилоне богов серебряных, золотых и деревянных, которых носят на плечах, чтобы пугать чужеземцев. Не бойтесь, дабы и вы не уподобились иноплеменикам, которых охватывает из-за них страх, когда они видят, как кланяется им весь народ”. И немного далее говорит: „Скипетр имеет, как человек, главный судья страны, а согрешающего перед ним не убьет. Также саблю имеет в руке и секиру, а сам себя на войне и от разбойника не защитит; поэтому мы знаем, что они не боги, не бойтесь же их”. И немного далее говорит: „В их храмах устанавливают жрецы двери, которые закрывают ключами и засовами, чтобы разбойники не обворовали храм, зажигают многочисленные светильники, потому что сами по себе идола не видны. Над телами и головами их парят летучие мыши, а также летают ласточки и иные птицы. Поэтому можете узнать, что они — не боги; не бойтесь же их. Если кто не очистит от ржавчины позолоту, которой они украшены, она не

ихъ убо. Злато бо, лежащее на нихъ на красу, аще не оцыстытъ кто ржа, не блеснется; егда бо слияшаясь, не чюша. Отъ всея цѣны куплени суть, в нихже нѣсть духа. Без ногу на раму носить я, являюще своя нечестна челоуѣкомъ”,* и прочая, яже въ Иереминѣ послании писано. И иконы тожъ дѣло рукъ челоуѣческъ: очи имуть и не видять, и прочая, и вапы помазаны и позолочены тако же, якоже и идоли, и украшени тако же. И по Писанию, идоли суть иконы, и въ Евангелии нѣсть писано о иконахъ. Грѣхъ есть почитати иконы». (...)

Паки же писасте ми, яко пришелцы они глаголаша вамъ и сия: «Нѣсть потреби молитвы творити, молитва оно едино, еже от неправды отступити, и яко Богъ сердца чиста токмо истязуетъ, а не молитвы. И въ Евангелии писано: „Духомъ и истинною кланятися”,* а не телеснѣ кланятися, или на землю падати и поклонятися. И октениямъ* насмѣяваются, глаголюще: „Како на врагы молятся, Христос повелѣваетъ любити врагы и молитися о нихъ? Яко вѣсть Богъ, что требуемъ? Почто намъ Бога учити? Не подобаеть просити у Бога, и ради сего да не будемъ учити Бога”. И Охтанкъ,* и мѣсячныя святымъ пѣснопѣнниа, и Уставъ* глаголють та вся растлитыхъ челоуѣкъ умомъ списанна и челоуѣческая преданна. Тако же глаголють: „Кто дни раздѣлилъ на постныя и не на постныя? Дни изначала Богомъ одинакы сътворены, и Господь в Евангелии глагола: «Не могутъ сынове брачнии поститися, донелѣже с ними женихъ есть»”.* И с нами женихъ — Христос, и того ради не подобаеть поститися намъ и заутра ясти достойно, ибо и ученицы Христовы заутра класы стираху и ядыху. Глагола Исус: „Не входящая въ уста сквернить челоуѣка”,* и прочая. Сего ради не подобаеть поститися николиже. И апостоль писа: „Вся чиста чистымъ”.* И Петру въ плащаницы всяко животно показавъ* Богъ, повелѣ ясти. Что убо посты? Что же ли среда и пятокъ? Нѣсть ничтоже. И еже ясти по вся дни мяса ничтоже есть. Глаголетъ бо Златаустъ: „Не рече Христос поститесь, но будите милосерды, яко же и отецъ вашъ небесный милосердъ есть”. И паки той же: „В чесомъ познають вы, яко мои ученицы есте? Въ еже ли мертвыя възкрешати и прокаженныа очищати? Но что аще, рече, любите друг друга”*. (...)

Писасте же ми паки, яко пришелцы они глаголють про вся вѣры, иже суть въ всѣхъ языкохъ, яко вси людие едино суть у Бога: и татарове, и нѣмцы, и прочии языцы. Глаголетъ бо апостоль Петръ: «Въ всякомъ языкѣ бояйся Бога и дѣлаяй правду приять ему есть».* Тѣмже и крещение не нужно людемъ; глаголетъ бо апостоль, яко: «Обрѣзание ничто же есть, и необрѣзание ничто же есть».* Тако же и къ причащению тѣла и крови Христови не подобаеть поститися, или очищатися, или омыватися. Нѣсть бо тѣло Христово или кровь: Христос глаголы предаде, а не тѣло свое, ни кровь свою. И то причастие простой хлѣбъ общей, и ясти его, яко же и общий хлѣбъ, не приуготвляеся. И вся же приносимая въ церковь, свѣщи и прочая, ненави-

заблестит; когда идолов отливали, они этого не чувствовали. За плату они куплены, нет в них души. Лишенных ног носят на плечах, обнаруживая тем перед людьми их нечестие”, и прочее, как написано в Послании Иеремии. И иконы тоже дело рук человеческих: очи имеют и не видят, и прочее, и красками расписаны и позолочены так же, как идолы, и украшены так же. И по Писанию, иконы — идолы, и в Евангелиях ничего не написано об иконах. Грех почитать иконы». (...)

Еще писали вы, что эти пришельцы говорили вам и такое: «Не надо творить молитв, единственная молитва — отступить от неправды, ибо Бог требует только чистых сердец, а не молитвы. И в Евангелии написано: „Свершайте поклонение духом и истиной”, а не телом, кланяясь или падая на землю и творя поклоны. И смеются над ектениями, говоря: „Как же молятся о победе над врагами, когда Христос повелевает любить врагов и молиться за них? Как узнает Бог, что мы от него требуем? Зачем нам Бога учить? Не подобает просить у Бога, поэтому да не будем учить Бога”. И Октоих, и месячные песнопения святым, и Устав — все это они называют сочинениями развращенных людей и человеческими измышлениями. Говорят еще: „Кто разделил дни на постные и не постные? Дни изначально сотворены Богом одинаковыми, и Господь в Евангелии сказал: «Не могут сыны чертога брачные поститься, пока с ними жених»”. И с нами жених — Христос, и поэтому не подобает нам поститься и с утра есть можно, ибо и ученики Христа утром растирали колосья и ели. Сказал Христос: „Не входящее в уста оскверняет человека”, и прочее. Поэтому никогда не следует поститься. А апостол писал: „Для чистых — все чисто”. И Петру на спустившемся с неба полотне показал Бог всех животных и повелел их есть. Что такое посты? Что значит среда и пятница? Нет этого ничего. И ничего нет в том, чтобы есть мясо ежедневно. Ибо говорит Златоуст: „Не поститься велел Христос, но быть милосердным, как милосерден отец ваш небесный”. И снова он же: „Из чего узнают, что вы мои ученики? Из того, что вы мертвых воскрешаете и прокаженных исцеляете? Нет, из того, сказал, что вы любите друг друга”». (...)

Писали вы мне еще, что эти пришельцы говорят про веры, которые есть у всех народов, что все люди для Бога едины: и татары, и немцы, и прочие народы. Ибо говорит апостол Петр: «Во всяком народе боящийся Бога и поступающий по правде приятен ему». Поэтому и крещение не нужно людям, ибо говорит апостол: «И обрезание ничего не значит, и необрезание ничего не значит». Так же и перед причащением телом и кровью Христовой не нужно поститься, или очищаться, или омываться. Это — не тело Христово и не кровь: Христос завещал нам учение, а не тело свое, не кровь свою. А причастие — простой, обычный хлеб, и есть его надлежит, как обычный хлеб, без всяких приготовлений к этому. И все приносимое в церковь — свечи и прочее — Бог

дить Богъ, и то приношение на грѣхъ есть приносящим. Нынѣ приношения Богъ не взыскуюеть. В Ветхомъ таковая быша, нынѣ «Жертва Богу — дух съкрушень»,* по писаному. Таковое приношение, яко жертва идоломъ есть. Чернечество же откуда приаша? Въ Евангелии и въ Апостолѣ не писано, паче же пишетъ Апостолъ: «Духъ же рѣчию глаголетъ, яко в послѣдняя времена отступать нѣции отъ вѣры, внимающе духомъ лестчемъ и учениемъ бѣсовскимъ, в лицемѣрии лжесловесникомъ, изженихъ своею совѣстию, възбраняющихъ женитися, удалятися брашень, яже Богъ сътвори въ снѣдение съ благодарениемъ вѣрнымъ и познавшимъ истину».* Тѣмъ же въ среды, и въ пяткы, и в посты не ясти мяса, и чернечествовати, и не женитися, и блудивши съ женами омыватися, вся та человѣческая преданна. И сего ради подобаеть ясти мяса въ среду, и в пятокъ, и в посты, и не дѣвствовати, и по блудъ не измыватися. «Честенъ бо бракъ, и ложе нескверно»,* и «Вся чиста чистымъ», пишетъ Апостолъ. И Петру въ плащаницы: «Яже Богъ очисти, ты не скверни».* Паче же въ Евангелии пишетъ: «Не входящая въ уста скверняетъ человѣка».* И: «Фарисею слѣпый, очисти прежде внутреняя».* Тѣмъ же вся та человѣческая преданна, съпротивна Евангелию и Апостолу. «Кляхся, рече, и поставихъ съхранити судьбы правды твоя», а не рече «человѣческая преданія». Въ церквахъ же попы учать по книгамъ и по уставомъ ихъ человѣческая преданія, и повелѣвають себе послушати, и земскихъ властей боятися и дани даяти имъ. Не подобаеть же въ христианохъ властемъ быти и воевати, — писано: «Отъ взимающаго твоя не истязуй». Велятъ же попы имѣнна приносить и нишимъ подаяти, а нишиа псы, не подобаеть имъ подаяти, пишетъ бо: «Нѣсть добро отъяти хлѣба чадомъ, и поврѣщи псомъ». И чада мы есмы,* яко познахомъ истину, занеже у насъ разумъ духовный. И аще кто нашъ разумъ имѣеть, то брать духовный и чадо есть, и къ намъ подобаеть приносить имѣнна, яко же пишетъ въ Дѣянихъ: «Яко приношаху имѣнна и полагаху предъ ногама апостолъ».* Тии же вси, иже приходятъ къ церквамъ и внимають человѣческимъ преданиемъ, пси суть и внѣшнии, и заблудиша отъ истины, и не въсиа имъ благовѣствованна, погыбшии суть, и елико добродѣтели ни сътворяють, не могутъ спастися, аще не примуть нашего духовного разума. Никому же такъ не открылася истина, якоже намъ открыся. Не подобаеть же повиноватися властемъ и попомъ, понеже пишетъ: «Не нарицайтеся наставницы: единъ есть вашъ наставникъ — Христос». Тако же не подобаеть рожьшихъ почитати, ни именовати отцевъ: пишетъ бо: «Не нарицайте себѣ отца на земли. Единъ есть отецъ вашъ — Богъ».* И посему мы сынове Божии, яко истину никто же тако позна, яко же мы; не имущии же нашего разума внѣшнии суть и пси. {...}

Паки же писасте ми въ грамотѣ вашей, яко пришелцы они глаголють вамъ: не подобаеть почитати мучений святыхъ мученикъ, понеже съблазнъ въ нихъ людемъ: писано въ мучениихъ, яко укоряху мучителей, еже не

ненавидит, и это приношение во грех приносящим. Ныне Бог не требует приношений. В Ветхом завете были приношения, ныне же: «Жертва Богу — дух сокрушенный», как указано в Писании. А всякое приношение — то же, что жертва идолам. А монашество откуда взяли? В Евангелии и Апостоле об этом ничего не написано, но пишет Апостол: «Дух Святой ясно говорит, что, когда придут последние времена, отступят некие от веры, внимая лживым духам и учениям бесовским, следуя лицемерию лжеучителей, с сожженной совестью запрещающих вступать в брак и употреблять в пищу то, что Бог сотворил, дабы верные и познавшие истину вкушали с благодарностью». А не есть мяса в среду, в пятницу и в пост, и монашествовать, и не жениться, и после соития омыться — все это человеческие измышления. И поэтому подобает есть мясо в среду, и в пятницу, и в посты, и не блюсти воздержания, и после соития не омыться. «Ибо брак да будет честен и ложе непорочно» и «Для чистых все чисто» — пишет Апостол. И Петру было заповедано на спустившемся с неба полотне: «То, что Бог сделал чистым, не оскверняй». Также и в Евангелии написано: «Не входящее в уста оскверняет человека». Также сказано: «Фарисей слепой, очисти прежде то, что внутри». Таким образом, все это — человеческие измышления, противоречащие Евангелию и Апостолу. «Клялся, говорит, и утвердил твое правосудие», а не говорит: «человеческие измышления». В церквах же попы учат человеческим измышлениям по книгам и по их уставам и повелевают себя слушаться, и земных властей бояться, и давать им дани. Но не подобает у христиан властям быть и воевать, — сказано: «От взявшего у тебя не требуй назад». Велят также попы приносить деньги и подавать нищим, а нищие — псы, не следует им подавать, ибо сказано: «Нехорошо отнимать хлеб у детей и бросать псам». А дети — это мы, ибо познали истину, потому что у нас есть разум духовный. И всякий, кто имеет такой же разум, — тот духовный брат и дитя, и нам подобает приносить имущество, как сказано в Деяниях: «Приносили деньги и клали к ногам апостолов». Те же все, кто приходят к церквам и следуют человеческим измышлениям, суть псы и мирские люди, сбившиеся с истинного пути, и не воссияет им истинное учение, они — погибшие, и сколько бы добрых дел ни делали, не могут спастись, если не воспримут нашего образа мыслей. Никому так не открылась истина, как нам открылась. Не подобает также повиноваться властям и попам, потому что сказано: «Не называйтесь наставниками: один есть у вас наставник — Христос». Также не подобает почитать родителей, ни именовать их отцами; ибо сказано: «Отцом не называйте никого на земле. Один отец у вас — Бог». И поэтому мы сыновья Божии, ибо истину никто так не познал, как мы; не имеющие же нашего образа мыслей — мирские люди и псы. (...)

Писали вы мне еще в грамоте вашей, что эти пришельцы говорят вам: не подобает читать о мучениях святых мучеников, потому что от этого люди впадают в соблазн: писано в житиях, что они укоряли мучителей, а это не

подобает. Также не подобает почитати и отечская житиа, понеже яко же и в мучениихъ съблазнъ есть людемъ: писано и пророчества и чюдеса в нихъ. Христос бо глагола, яко «Вси пророцы до Иоанна»,* и сего ради послѣ Предтечева пророчества нѣсть от Бога пророчества; также и послѣ апостоловъ нѣсть чюдесъ, ныне же пророчества и чюдеса ложныя, не подобает бо послѣ Предтеча и апостоловъ пророчеству и чюдесѣмъ бывати. Также не подобает мощей почитати апостольскихъ и мученическихъ и отеческихъ и на молитву призвати ихъ, понеже то челоуѣкослужение есть, и челоуѣкослужение под клятвою есть. Укараетъ же таковыхъ и пророкъ, глагола: «Живии от мертвыхъ помощи зыскують».* Апостоли бо живи чюдеса сътвориша и помогоша людем; умерше же они, и мученикы, и отцы не могутъ помагати ничесо же молящимся имъ: мертвецы бо суть, яко же и вси мертвецы. И в еллинохъ тацьи же мертвецы. И чюдеса отъ мощей ихъ на съблазнъ людем и не святымъ Духомъ бывають. Гдѣ писано — телеса нетлѣнна? Тѣмже, кто почитаеъ мертвыя телеса и на молитву мертвыхъ призываетъ, — челоуѣкослужитель есть и заповѣдемъ преступникъ: презирая государя, рабу молится, оставя Бога, мертвецевъ призываетъ на помощь. Также и памяти празновати не подобает: грѣхъ бо есть великъ. (...)

Паки же писасте ми въ грамотѣ вашей, яко глаголють пришелцы ваши: «Не подобает много почитати рожшую Христа, глагола бо Христос: „Кто суть мати моя и братна моя? Иже сътворитъ волю пославшего мя, сей братъ мой, и сестра, и мати ми есть”.* И посему мати Христова нѣсть честна, но яко же и вси жены, тако же и она. Честна, егда имѣ Христа въ утробѣ, а повнегда родити ей Христа, не имѣеть святости. Ибо чересъ всегда полнъ сребрениць, тогда съблюдаемъ есть, егда же испразнится сребрениць, тогда той же чересъ, яко ничтоже, презираемъ бываетъ: сице и мати Христова повнегда роди, яко и вси жены бысть. И крестъ, емуже поклоняются, древо есть. Кую святость имѣеть? Якоже и всякое древо и яко столбъ, не имать святости. Крестъ есть оно, еже Господь глагола: „Възми крестъ свой и въслѣдъ мене гряди”,* а не сие крестъ, еже руками сътворяють и поклоняются». (...)

Писасте же ми въ грамотѣ вашей, яко пришелцы они именують церковныя попы ложными учителями, глаголюще, яко в Маргаритохъ, писано: «Нынѣ попы не суть священники Божии, но лицемѣрствуются священствомъ». Глаголють же къ попомъ и Господне слово: «Горе вамъ книжницы, фарисеи, лицемѣри».* (...)

Паки же писасте ми в грамотѣ вашей, яко пришелцы они глаголють: «Якоже жидове и мучитилне древле апостоловъ гоняху, тако и насъ нынѣ гонять заблужшии, понеже мы истину знаемъ паче всѣхъ, и того ради насъ гонять. Златаустъ писа, сказуя притчу въ Евангелии о плевелохъ селныхъ»,* яко не подобает убивати еретики. Они же насъ, яко и апостоловъ, гонять, познавшихъ истину, и възбраняют намъ сказывати слово Божие». (...)

подобает делать. Не подобает также почитать и жития святых отцов, потому что от них, как и от мученических житий, люди впадают в соблазн: описываются в них чудеса и пророчества. Ибо говорил Христос: «Все пророки были до Иоанна Предтечи», и поэтому после пророчества Предтечи не бывает пророчества от Бога; также и после апостолов нет чудес; нынешние же пророчества и чудеса ложные, ибо не подобает после Предтечи и апостолов быть пророчеству и чудесам. Также не подобает ни почитать мощи апостолов, мучеников и святых отцов, ни призывать их в молитвах, потому что это человекослужение, а человекослужение предано проклятию. Укоряет таких и пророк, говоря: «Живые обращаются за помощью к мертвым». Ибо апостолы творили чудеса и помогали людям, когда были живы; после смерти же ни они, ни мученики, ни святые отцы ничем не могут помочь тем, кто молится им: мертвецы они такие же, как и всякие мертвецы. И у эллинов были такие же мертвецы. И чудеса от их мощей бывают для искушения людей, а не святым Духом. Где написано, что тела нетленны? Поэтому тот, кто почитает мертвые тела и призывает мертвых к молитве, есть человекослужитель и отступник от заповедей: презирая господина, молится рабу, оставя Бога, призывает на помощь мертвецов. Также и дни поминовения праздновать не подобает: это великий грех. (...)

Также писали вы мне в грамоте вашей, что говорят ваши пришельцы: «Не подобает слишком почитать родившую Христа, ибо сказал Христос: „Кто мать моя и кто братья мои? Тот, кто творит волю пославшего меня, тот мне брат, и сестра, и мать”. И поэтому мать Христова не заслуживает почитания, но так же, как все женщины, так и она. Почиталась, когда Христа в утробе носила, а после того, как родила Христа, не имеет святости. Ибо пока кошель полон серебряников, его оберегают, когда же опустошится, тогда тот же кошель в пренебрежении бывает, ибо он — ничто; так же и мать Христова, когда родила, стала как все женщины. И крест, которому поклоняются, есть дерево. Какую он святость имеет? Как и всякое дерево, как столб, не имеет святости. Крест — это то, о чем Господь сказал: „Возьми крест свой и следуй за мной”, а не тот крест, который сотворяют руками и поклоняются ему». (...)

Писали вы мне в грамоте вашей, что эти пришельцы именуют попов в церкви ложными учителями, говоря, что в Маргаритах написано: «Ныне попы — не священники Божии, но лицемеры во священстве». О попах же говорит и Господнее слово: «Горе вам, книжники, фарисеи, лицемеры». (...)

Писали вы мне еще в грамоте вашей, что эти пришельцы говорят: «Так же, как иудеи и мучители в древние времена подвергали гонению апостолов, так и нас гонят впадшие в заблуждение, потому что мы истину знаем лучше всех, из-за того нас и гонят. Златоуст писал, толкуя евангельскую притчу о плевелах на поле, что не подобает убивать еретиков. Они же нас, познавших истину, гонят, как и апостолов, и возбраняют нам толковать слово Божие». (...)

КАЗАНСКАЯ ИСТОРИЯ

СКАЗАНИЕ ВЪКРАТЦѢ ОТ НАЧАЛА ЦАРСТВА КАЗАНСКАГО И О БРАНѢХЪ, И О ПОБѢДАХЪ ВЕЛИКИХЪ КНЯЗЕЙ МОСКОВСКИХЪ СО ЦАРИ КАЗАНЬСКИМИ, И О ВЗЯТИЕ ЦАРСТВА КАЗАНИ, ЕЖЕ НОВО БЫСТЬ

Красныя убо и новыя повѣсти сея достоинъ намъ радостно послушати, о христоимянитии людие, якоже удивившеся преславному в нашей земли и во дни наша — в лѣта православнаго и благочестиваго и державнаго царя и великаго князя Иоанна Васильевича, Богомъ возлюбленнаго и Богомъ избраннаго, и Богомъ вѣнчаннаго, глаголю же, владимирскаго и московскаго и всеа великия Росии самодержца, ему же дарова Богъ всемирную побѣду и славное одолѣние на презлое царство срацынское,* на предивную Казань, правые ради его вѣры еже во Христа. Но молю вас боголюбне: не позазрите грубости моея. От любве бо Христовѣ пострекаемъ бѣхъ и покусихся невѣдящимъ сего по нас людемъ, в род инъ, писаниемъ изъяснити разумно, мню, маловѣдомыхъ о начале Казанскаго царства: откуда начася исперва и в которыя лѣта, и како быша почасто, и о бывшихъ великихъ побѣдахъ его с великими нашими державными московскими, яко да, прочетше, братия наша воины и от скорби премѣнятся, прости же ту возвеселятся и прославятъ великаго Бога и Спаса нашего Иисуса Христа, и разумѣють все дивная его чудеса и великие милости, еже подаютъ истиннымъ и вѣрнымъ рабомъ своимъ. Начну же сице. Вы же внимайте разумно сладкия сея повѣсти и старыя.

О КАЗАНСКОМЪ ЦАРСТВѢ. ГЛАВА I

Бысть убо из начала Руския земли, якоже повѣдають русь и варвари, все то едина Руская земля, идѣже стоитъ нынѣ градъ Казань, продолжающися в длину до онога Нова града Нижнего на востокъ, по обѣма странама великия реки Волги, вниз до Болгарскихъ рубежовъ, до Камы рѣки, в ширину же простирающеса на полунощие до Вяцкии земли и до Пермския, а на полудень — до половецкихъ предѣл.* Все же бѣ держава и область Киевская и Владимирская. Живяху же за Камою в части земли своя болгарския князи и

КАЗАНСКАЯ ИСТОРИЯ

НОВОЕ СКАЗАНИЕ, ВКРАТЦЕ ПОВЕСТВУЮЩЕЕ О НАЧАЛЕ КАЗАНСКОГО ЦАРСТВА, И О ВОЙНАХ С КАЗАНСКИМИ ЦАРЯМИ ВЕЛИКИХ МОСКОВСКИХ КНЯЗЕЙ, И О ПОБЕДАХ ИХ, И О ВЗЯТИИ КАЗАНСКОГО ЦАРСТВА

Прекрасную и новую повесть эту следует нам выслушать, о христиане, радуясь и дивясь славным делам, совершенным в нашей земле и в дни наши — во времена православного, и благочестивого, и державного царя и великого князя Ивана Васильевича, Богом возлюбленного, и Богом избранного, и Богом венчанного, скажу же, Владимирского, и Московского, и всей Великой России самодержца, которому даровал Бог — за правую веру его во Христа — всемирную победу и славное одоление презлого сарацинского царства — предивной Казани. Но молю вас, бога ради: не осуждайте невежества моего. Ведь я, понуждаемый любовью Христовой, покусился не знаящим всего этого потомкам нашим, иному поколению, изъяснить разумно писанием своим, думаю, малоизвестное о начале Казанского царства: с чего началось и в какие годы, и как было основано, и о бывших больших победах его над великими нашими московскими правителями, чтобы братья наши воины, прочитав его, избавились от скорби, простые же люди развеселились и прославили великого Бога и Спаса нашего Иисуса Христа, и познали все удивительные его чудеса и великие милости, которые подают он истинным и верным своим рабам. Начну же так. Вы же разумно внимайте сладкой и старой сей повести.

О КАЗАНСКОМ ЦАРСТВЕ. ГЛАВА I

От начала Русской земли, как рассказывают русские люди и варвары, там, где стоит теперь город Казань, все то была единая Русская земля, продолжающаяся в длину до Нижнего Новгорода на восток, по обеим сторонам великой реки Волги, вниз же — до болгарских рубежей, до Камы-реки, а в ширину простирающаяся на север до Вятской и Пермской земель, а на юг — до половецких границ. И все это была держава и область Киевская и Владимирская. За Камой же рекой жили в своей земле болгарские князья и варвары,

варвары, владующе поганымъ языкомъ черемискимъ,* не знающимъ Бога, никоего же закона не имущимъ. Обои же бяху служаще и дани дающе рускому царству до Батыя царя.*

О первомъ же начале царства Казанскаго — в кое время или како зачася — не обрѣтохъ в лѣтописцехъ рускихъ, но мало в казанскихъ видѣхъ. Много же и рѣчию вопрошахъ от искуснѣйшихъ людей, рускихъ сыновъ. Глаголаху тако, инии же инако, *ни единъ же вѣдая истинны*.

Грѣхъ же моихъ ради случи ми ся пленену быти варвары и сведену в Казань. И дань бысть в дарѣхъ царю казанскому Сат-Серею.* И взятъ мя к себѣ царь с любовью служити во дворѣ свой, и сотвори мя предъ лицомъ своимъ стояти. И удержану ми бывшу тамо у него двадесять лѣтъ в пленении. Во взятие же Казанское изыдохъ ис Казани на имя царя и великаго князя. Онъ же мя ко христовѣ вѣре обрати и ко святей церкви приобщи, и мало земли удѣла даде ми, яко да живъ буду, служа ему.

Мнѣ же живушу в Казани, часто и прилѣжно от царя вопрошахъ в веселии, и при бесѣде со мною и мудрствующихъ честнѣйшихъ *казанцевъ* — бѣ бо царь по премногу и меня любя, и велможи его паче мѣры брегуще мя — и слышахъ слово изо устъ от царя самого многажды и отъ велмож его о войнѣ Батыеве на Русь и о взятии от него великаго града столнаго Владимира, и о порабощении великихъ князей.

ГЛАВА 2

Рекоста ми сице, яко двадесять лѣтъ мину по Батые царѣ, пленившемъ вашу Рускую землю, и по взятии онога великаго столнаго и славнаго града рускаго Владимира и со всѣми его благими узорочьи, и по убиении великаго князя Георгия Всеволодича Владимирскаго и со двема сыньми его и з братаничи,* и со многими рускими князьми. И приять по немъ в Новѣ граде великое княжение Рускаго царства Владимирскаго Ярославъ Всеволодичъ, от Великаго Нова града пришед со осмью сыньми своими,* владѣвшу ему тамошними людьми время нѣкое, остави же имъ в свое мѣсто княжити болшаго сына своего Александра.* И бѣ той князь Александръ силенъ и славенъ в Руси и во многихъ странахъ.

И егда прииде оттуду великий князь Ярославъ Всеволодичъ и видѣ столный свой великий град Владимиръ погаными взятъ и весь начисто огнемъ попаленъ и хитрѣя его зданія вся разрушишася, и красота его вся погибша, и брата своего, великаго князя Георгия Всеволодича, убита и с первопрестольникомъ тогдашнимъ, иже нареченнымъ митрополитомъ Антониемъ,* и со всѣмъ священническимъ чиномъ, и восплакася в горести своего сердца и рече: «Господи, вседержителю и творче всеа твари, видимыхъ и невидимыхъ, сие ли угодно твоему челоувѣколюбию, да стадо, еже ценою изкупи своею кровию, и сихъ

держа в подчинении поганый черемисский народ, не знающий Бога, не имеющий никаких законов. И те и другие служили Русскому царству и дани давали до Батыя-царя.

Об основании же Казанского царства — в какое время или как возникло оно — не нашел я в летописях русских, но немного видел в казанских. Много же и расспрашивал я искуснейших людей, русских сынов. Одни говорили так, другие иначе, ни один не зная истины.

За грехи мои случилось мне пленену быть иноверцами и сведену в Казань. И отдан я был в дар царю казанскому Сафа-Гирею. И взял меня к себе царь с любовью служить при дворе своем и назначил мне перед лицом его стоять. И был я удержан там, у него в плену, двадцать лет. Во взятие же Казанское вышел из Казани на милость царя и великого князя. Он же меня обратил в Христову веру, и приобщил к святой церкви, и немного земли дал мне в удел, чтобы жил, служа ему.

Живя же в Казани, часто и прилежно расспрашивал я царя, когда он бывал весел, и мудрых честнейших казанцев во время бесед их со мною — ибо царь сильно меня любил и вельможи его сверх меры берегли меня — и слышал много раз из уст самого царя и от его вельмож о походе Батыева на Русь, и о взятии им великого города стольного Владимира, и о порабощении великих князей.

ГЛАВА 2

И рассказали мне о том, что произошло через двадцать лет после того, как царь Батый пленил нашу Русскую землю и взял великий стольный и славный город русский Владимир со всеми его богатствами, и после гибели великого князя Георгия Всеволодовича Владимирского с двумя сыновьями его и с племянниками и со многими русскими князьями. После Георгия Всеволодовича великое княжение Русского царства Владимирского принял Ярослав Всеволодович, находившийся в Новгороде. Пришел он с восемью сыновьями своими из Великого Новгорода, где некоторое время владел тамошними людьми, оставив им вместо себя княжить старшего сына своего Александра. И был тот князь Александр силен и славен на Руси и во многих странах.

И когда пришел оттуда великий князь Ярослав Всеволодович и увидел, что стольный его великий город Владимир взят погаными и весь начисто спален огнем, и прекрасные его здания все разрушились, и красота его вся погибла, и что брат его, великий князь Георгий Всеволодович, убит с первопрестольным тогдашним митрополитом Антонием и со всем священническим чином, то зарыдал он, охваченный горем, и сказал: «Господи, вседержитель и творец всех созданий, видимых и невидимых, это ли угодно твоему человеколюбию, чтобы паству, которую искупил ты ценою своей крови, предал ты кровопийцам, и

предалъ еси кровопийцемъ и сыроядцамъ и поганымъ челоувѣкомъ симъ, звѣринъ нравъ имущимъ и не знающимъ тебе, истиннаго Бога нашего, ни страха твоего никогда же имущимъ? Увы мнѣ, Господи, священники твоя заклаша, имъ же не достоинъ весь миръ, олтари твоя раскопаша, и святая твоя в попрание скверными ногами ихъ быша, и всѣхъ людей твоихъ острия меча поразиша! И остахъ азъ единъ, и ищутъ мене поглотити. Но избави мя, Господи, от рукъ ихъ и спаси души рабъ своихъ, избивенныхъ от безбожныхъ, имени твоего ради, покой со святыми во царствии твоёмъ, и помилуй, ими же всѣи судьбами, и спаси ихъ яко челоувѣколюбецъ». И предаде всѣхъ земному погребению честнѣ.

А самъ живяше во граде Переяславле, иже нынѣ зовется Залѣской, доколѣ обновляше градъ Владимиръ во утѣсненіи и в великомъ неустроеніи и мятежи земли своея. Осиротѣ бо тогда и обнища великая наша Руская земля, и отъяся слава и честь ея, но не вовѣки, и поработися богомерску царю и лукавнѣйшу паче всеа земли, и предана бысть, яко Иерусалимъ в наказание Навходоносору, царю вавилонскому, яко да тѣмъ смирится.*

И от того времени обложися и нача великий князь Ярославъ Всеволодичъ Владимирский царю Батыю во Златую Орду дани давати. И изнеможение видя людей своихъ и конечныя ради погибели земли своея опустѣние, еще же и злобы царева бояся, и властемъ его дары дающе, насилна терпѣти не могуше. По немъ же державнии наши рустии, сынове и внуцы его, много лѣтъ выходы и оброки даваху* царемъ в Золотую Орду, и повинующеся имъ, и приимаху власть от нихъ вси ни по колѣну, ни по роду, но яко хто хоцетъ и какъ которого царь возлюбитъ.

Бысть же злогордая та и великая власть варварская над Рускою землею от Батыева времени по царство тоя Златыя Орды царя Ахмата, сына Зелед-Салтанова,* и по благочестиваго великаго князя Иоанна Васильевича Московскаго, иже взя и поработи под ся Великий Новъ град.*

О ВЗЯТИИ ВЕЛИКАГО НОВА ГРАДА ОТ ВЕЛИКАГО КНЯЗЯ ИОАННА ВАСИЛЬЕВИЧА, И ПОХВАЛА ТОМУ ЖЕ ВЕЛИКОМУ КНЯЗЮ. ГЛАВА 3

Новгородскимъ бо людемъ не хотѣвшимъ его над собою имѣти и великимъ княземъ звати. Изначала же и исперва едино царство и едино государство, едина держава Руская: и поляне, и древяне, и новгородцы, и полочане, и воляннѣ, и подолье — то все едина Русь: единому великому князю служажу, тому же и дани даваху, и повиновахуся киевскому и владимирскому.

Они же, неразумнии, приведоша себѣ, призвавше от Пруския земли, от варягъ, князя и самодержца* и землю свою всю ему предаша, да владѣетъ ими, яко же хоцетъ. И в тыя же горкая Батыева времена отвергошася они ига

сыроядцам, и поганым людям этим, звериный нрав имеющим и не знающим тебя, истинного Бога нашего, и страха перед тобой никогда не имеющим? Увы мне, Господи, священников твоих, которых недостойн весь мир, убили, алтари твои разрушили, и святыни твои попораны скверными ногами их, и всех людей твоих острые мечи поразили! И остался я один, и хотят меня уничтожить. Но избавь меня, Господи, от рук их и спаси души рабов своих, убиенных безбожными, имени твоего ради, упокой со святыми в царствии твоём и помилуй, ибо ведаешь их судьбами, и спаси их как человеколюбец». И предал всех земле с честью.

А сам, пока обновлял город Владимир, жил в городке Переяславле, что ныне зовется Залесским, в притеснении и в великом беспорядке и смятении земли своей. Осиротела тогда и обнищала великая наша Русская земля, и отнята была у нее слава и честь, но не навеки, и была она поработана более всех земель богомерзким и лукавейшим царем, и была отдана ему в наказание, так же как Иерусалим Навуходоносору, царю Вавилонскому, дабы тем смирилась.

И с того времени покорился великий князь Ярослав Всеволодович Владимирский и начал платить дань царю Батыю в Золотую Орду. И, видя изнеможение людей своих и окончательную гибель в запустение пришедшей своей земли, еще и злобы царской боясь и не в силах терпеть насилия, он и вельможам его дары приносил. И после него наши русские князья, сыновья и внуки его, многие годы выходы и оброки платили царям в Золотую Орду, повинувшись им, и все принимали от них власть не по колену, не по роду, но те, кому удастся, и те, кто полюбился царю.

Длилась же злогордая та и великая власть варварская над Русскою землею от Батыева времени до царствования в той Золотой Орде царя Ахмата, сына Зеледсалтанова, и до благочестивого великого князя Ивана Васильевича Московского, который взял и покорил себе Великий Новгород.

О ВЗЯТИИ ВЕЛИКИМ КНЯЗЕМ ИВАНОМ ВАСИЛЬЕВИЧЕМ ВЕЛИКОГО НОВГОРОДА И ПОХВАЛА ТОМУ ЖЕ ВЕЛИКОМУ КНЯЗЮ. ГЛАВА 3

Новгородцы же не хотели подчиняться ему и звать великим князем. Вначале ведь, в первые времена, было единое царство и единое государство, единая держава Русская: и поляне, и древляне, и новгородцы, и полочане, и волыняне, и подолье — все это была единая Русь: служили они одному великому князю киевскому и владимирскому, которому платили дани и повиновались.

Новгородцы же, неразумные, привели себе из Прусской земли, от варягов, князя и самодержца и отдали ему всю свою землю, чтобы владел ими, как хочет. И в те горькие Батыевы времена избежали они рабского ига: видя

работнаго: видяще в державныхъ русскихъ нестроение и мятежь, и отступиша тогда и отдѣлишася от Рускаго царства Владимирскаго. Осташа убо сии новгородцы от Батыя не воеванны и не пленены: и дошед бо онъ за сто версть до Нова града и заступлениемъ премудрости Божии обратися вспять. И того ради ничтоже скорбныхъ и бѣдныхъ от него не прияша, тѣмъ же и возгордѣшася, и восчаяшася, яко силни и богати, не вѣдуще, яко Господь богатит и смиряетъ, и выситъ, и гордымъ противится, и смиренныя милуетъ.

Они же забывше своихъ великихъ князей владимирскихъ, презрѣша и преобидѣша, и ни во что же вмѣниша, и воеватися с ними почали, мало нѣкако худе нѣчто помогающе, сребромъ подаяху ему, во своей воли живуще и сами собою властвующе, и никому же покаряющесе, и паки надѣющесе невѣгласи на богатство свое, а не на Бога. И не вспомянуша апостола, глаголюща: «Братие, Бога бойтесе, а князя почитайте, творяще пред нимъ всегда благо во страсе Господни. Божий бо слуга есть и отмститель злымъ злое воздати тѣмъ же благимъ во благое: не туне бо мечъ носить в рукахъ своихъ, но на противляющияся». Еще же и вѣроу християне и подобиемъ первымъ работы вернаго своего князя християнска быти не восхотѣша, но держащаго латынскую вѣру короля литовскаго держателя себѣ восхотѣша имѣти.* Но аще не бы ускоришь борзо ратию приити на нихъ великий князь Иоаннъ Васильевичъ, Богу его воздвигшу и пославшу за уничижение и ихъ презрѣние к нему, яко Тита, римскаго царя, Еуспасиянова сына, разорити градъ Иерусалимъ* и разсѣяти жида за беззаконие ихъ по всей вселенней. Тако же и сему покори Богъ под работное его иго крѣпкия и жестосердыя люди новгородския тезоименитому своему слуге, благовѣрному и великому князю Иоанну Васильевичу Московскому.

Онъ же, елико бѣ в людехъ тѣхъ крамолниковъ болшихъ, тѣхъ изыскавъ, избравъ и желѣзы тяжкими окова ихъ, и з женами, и по далнимъ своимъ землямъ, и по селомъ расточи, и пресѣлницы на земли чюждей быти ихъ учини. И овѣхъ осуди горкою смертию умрети, не умѣвшихъ жити в воли своей и великимъ началомъ самодержцемъ своимъ гордящихся. И сего ради благовѣрный сей великий князь Иоаннъ Васильевичъ воспрятъ великое дерзновение, поборая по християнствѣй вѣре, и презрѣ, и преобидѣ прещение царя Ахмата Златяя Орды и страхъ и боязнь всѣхъ варваръ в плюновения худыя вмѣнивъ, и скрегчюще вооружися, и мужественъ ста противу неистовства царева и гордаго шатания, пословъ его от него не восхотѣ. И до конца отложи дани и оброки давати, ни сам во Орду приходити к нему поставления ради на великое княжение и своя державы и вотчины у царя в честь просити, дающе дары великия, и власти руския купити.

При семь же царѣ Ахмате божиими судьбами до конца Болшая Орда запустѣ. Изведошася царие от родовъ своихъ образомъ сицевымъ.

среди правителей русских несогласие и вражду, отошли они тогда и отделились от Русского царства Владимирского. Поэтому и остались новгородцы Батыем не завоеваны и не пленены: не дошел он ста верст до Новгорода и, благодаря заступничеству Божьей премудрости, повернул вспять. Поэтому они ни скорби, ни бед от него не испытали, оттого и возгордились и возомнили себя сильными и богатыми, не ведая, что Господь обогащает, и смиряет, и возвышает, и гордых наказывает, и смиренных милует.

Они же, забыв своих великих князей владимирских, пренебрегали ими, наносили им обиды, и ни во что их не ставили, и начали с ними воевать; мало и плохо помогая великому князю, платили ему дань серебром, живя по своей воле, сами собой управляя, никому не покоряясь и больше надеясь на свое богатство, а не на Бога. И не вспомнили они апостола, говорящего: «Братья, Бога бойтесь, а князя почитайте, всегда творя для него добро в страхе Господнем. Ибо он — божий слуга и отмститель, злом воздающий злым, а добрым — благом: не напрасно ведь он держит меч в руках своих, а против тех, кто противится». Хоть и были они христиане по вере и по обличию, но не захотели служить правоверному своему христианскому князю, а захотели иметь своим правителем литовского короля, исповедующего латинскую веру. Но вовремя подоспел с войском великий князь Иван Васильевич, которого Бог призвал и послал наказать их за их презрение к нему и за его унижение, так же как послал римского царя Тита, Веспасианова сына, разорить город Иерусалим и рассеять евреев за беззаконие их по всей вселенной. Также и этому тезоименитому своему слуге, благоверному и великому князю Ивану Васильевичу Московскому, покорил Бог крепких и жестокосердных новгородских людей.

Он же, разыскав и собрав всех главных крамольников, заковал их в тяжелые оковы и вместе с женами разослал по дальним своим землям и селам и заставил их стать переселенцами в чужую землю. Некоторых же осудил горькой смертью умереть, ибо не умели они жить по своей воле и возгордились великой властью над своими правителями. И тогда благоверный этот великий князь Иван Васильевич наполнился великой дерзостью и, борясь за христианскую веру, презрел и попрал угрозы царя Золотой Орды Ахмата, обычный страх перед всеми варварами худым плевкам уподобил, и, негодуя, вооружился, и мужественно встал против неистовства и гордости царевой, не захотев принять от него послов. И окончательно перестал он платить дани и оброки, и приходил к нему в Орду для поставления на великое княжение, и просить у него, как чести, своей державы и вотчины, и, принося великие дары, покупать русское правление.

При этом же царе Ахмате, по божьей воле, окончательно пришла в запустение Большая Орда. Перевелись в ней цари, а случилось это так.

О ПОСЛѢХЪ, ОТ ЦАРЯ ПРИШЕДШИХЪ К ВЕЛИКОМУ КНЯЗЮ
МОСКОВСКОМУ, И О ЯРОСТИ ЦАРЕВЕ НА НЕГО, И О ГРУБОСТИ
ВЕЛИКАГО КНЯЗЯ НА ЦАРЯ. ГЛАВА 4

Царь Ахматъ воспримъ царство Златяя Орды по отце своемъ, Зелети-Салтанъ царь,* и посла к великому князю московскому Иоанну Васильевичю послы своя по старому обычаю отецъ своихъ и з басмою *парсуную* просити дани и оброковъ на прошлая лѣта. Великий же князь ни мало убоися страха царева,* но примъ базму — парсуну лица его,* и плевавъ на ню, и излама ея, и на землю поверже, и потопта ногама своима. И гордыхъ пословъ его избити повелъ всѣхъ, пришедшихъ к нему дерзостно. Единаго же отпусти жива, носяща вѣсть ко царю, глаголя: «Яко же сотворихъ посломъ твоимъ, так же имамъ и тебѣ сотворити, да престанеши, беззаконниче, от злаго начинания своего, жесточати намъ».

Царь же, слышавъ сие, великою яростию воспалився, огнемъ и гнѣвомъ дыша, и прещениемъ аки огнемъ. И рече княземъ своимъ: «Видите ли, что творит раб нашъ! Како смѣетъ противитися державе нашей безумный сий». И собравъ в Велицей Ордѣ всю свою силу срацынскую, не вѣдый никоихъ же врагъ пошества и востания на свою Орду, тѣмъ ни малы стражи в нѣй остави запаса ради и прииде на Русь к рецѣ Угрѣ* в лѣта 6989-е, ноября въ 1 день,* хотя поглотити християнство все и царствующий градъ, преславную Москву, взяти, якоже и царь Тактамышъ лестию взялъ.* Рекъ то: «Аще не возму жива великаго князя московского, и аще не приведу его связана и умучю горкими муками, то чему есть живу быти ми, и царская власть держати ми».

Слышавъ же князь великий неукротимое царево свирѣпство, и собравъ такожде со всею областю рускою, и изыде без страха в лице нечестивому царю Ахмату, к той же рецѣ Угрѣ. И стояста оба об едину рѣку, русь и срацыни. Та бо река многа мѣста обходящи Руския земли с прихода пути поганыхъ варваръ, и могу то рещи — поясъ самыя пречистыя Богородицы, аки твердь очищающи от поганыхъ и защищающи Рускую землю.* Царь же, видѣвъ великаго князя, мнимаго раба своего, в велицей силе противъ его изшедша небоязнено и стояше при рецѣ со оружиемъ, сердце его и главу мечемъ хотяше отсѣщи, и дивляшеся толикому новому дерзновению его. И покушашеся многажды прелѣсти реку ону во многихъ мѣстехъ, и не можаше,* воспрещениемъ от рускаго воинства.

И совѣща князь великий с воеводы своими добро дѣло, иже полза бысть ему великая, и по немъ и дѣтемъ, и внукомъ его в вѣки. И посылаетъ отай царя Златую Орду пленити служиваго своего царя Нурдовлета Городецкаго,* с нимъ же и воеводу — князя Василя Ноздроватаго Звенигородскаго со многою силою, и доколе царь стояше на Руси, не вѣдушу ему сего. Они же, Волгою, в ладияхъ пришед на Орду, и обрѣтоша ю пусту, без людей: токмо в ней женский

О ПОСЛАХ, ПРИШЕДШИХ ОТ ЦАРЯ К ВЕЛИКОМУ КНЯЗЮ
МОСКОВСКОМУ, И О ЯРОСТИ ЦАРЯ, И О ТОМ,
КАК НАГРУБИЛ ЕМУ ВЕЛИКИЙ КНЯЗЬ. ГЛАВА 4

Царь Ахмат, воцарившись в Золотой Орде после смерти своего отца, царя Зелед-Султана, по старому обычаю послал своих послов с царским ярлыком к великому князю московскому Ивану Васильевичу просить дани и оброков за прошлые годы. Великий же князь не испугался царского гнева, но, взяв ярлык с изображением его лица, плюнул на него, сломал, бросил на землю и затоптал ногами своими. И повелел он перебить всех надменных царских послов, дерзко явившихся к нему. Одного же оставил в живых, чтобы он мог передать царю такие слова: «То, что сделал я с твоими послами, сделаю и с тобой, чтобы ты, злодей, перестал творить зло и притеснять нас».

Царь же, услышав это, воспылал великой яростью, дыша, как огнем, гневом и угрозой. И сказал он своим князьям: «Видите, что творит раб наш?! Как смеет этот безумец противиться власти нашей?» И, собрав в Большой Орде всю свою сарацинскую силу, не оставив даже небольшой охраны — ибо не знал он ни о каком предстоящем нападении врагов на его Орду, — пришел он на Русь, к реке Угре, в лето 6989 (1481), ноября в 1 день, желая уничтожить всех христиан и взять царственный город, славную Москву, как взял ее обманом царь Тохтамыш. И говорил он так: «Если не захвачу я живым великого князя московского, и не приведу его связанного, и не замучу горькими муками, то зачем мне жизнь и царская моя власть».

Услышал великий князь о неукротимой свирепости царя, и также собрал воинов со всей Русской земли, и вышел без страха навстречу нечестивому царю Ахмату к той же реке Угре. И стояли оба войска по берегам одной реки — русское и сарацинское. Та ведь река обходит многие места Русской земли, лежащие на пути у проходящих на Русь поганных варваров, и могу сказать, что она, словно пояс самой пречистой Богородицы, как твердыня, очищает от поганных и защищает Русскую землю. Царь же, видя, что великий князь, мнимый его раб, вышел безбоязненно против него с большой силой и стоит, вооружившись, у реки, намереваясь поразить мечом его сердце и отсечь ему голову, подивился таковой новой его дерзости. И много раз пытался царь переправиться через ту реку во многих местах и не мог, так как препятствовало ему русское воинство.

И посовещался великий князь с воеводами своими о добром деле, от которого была ему великая польза, а после него и детям его и внукам на века. И посылает он втайне от царя захватить Золотую Орду, пока царь стоит на Руси, не подозревая об этом, находившегося у него на службе царя Нурдовлета Городецкого и с ним воеводу — князя Василия Ноздреватого Звенигородского с большою силой. Они же, придя Волгою, в ладьях, в Орду, нашли ее пустой,

поль, и старъ и млад. И тако ея поплениша: женъ и дѣтей варварскихъ, и скотъ весь в полонъ взяша, иныхъ же огню и водѣ, и мечю предаша, и конечнѣ хотѣша юртъ Батыевъ разорити.

Уланъ же царя городецкаго и Обляз леств сотвори, глаголя царю своему: «Что твориши, о царю, яко нелѣпо есть тебѣ болшаго сего царства до конца разорити — от него же ты и самъ родися, и мы всѣ. И наша земля то есть и отецъ твоих искони. Се повелѣнная пославшаго ны понемногу исполнихомъ, и доволно есть намъ, и поидемъ, егда како Богъ не попустит намъ». И прибѣгоша вѣстницы ко царю Ахмату, яко Русь Орду его расплениша. И скоро в томъ часѣ царь от рѣки Угры назадъ обратися бѣжати,* никоея пакости земли нашей не учиниша. Да тако же преже реченное великаго князя воинство от Орды отступи.

О КОНЕЧНОМЪ ЗАПУСТѢННІИ ЗЛАТЫЯ ОРДЫ, И О ЦАРѢ ЕЯ, И О ВЕЛИЧЕСТВѢ РУСКІЯ ЗЕМЛИ, И О ЧЕСТИ И КРАСОТѢ ПРЕСЛАВНАГО ГРАДА МОСКВЫ. ГЛАВА 5

И придоша нагаи, иже реченныя мангиты,* по московскомъ воинствѣ. И тии тако же останки ординскія погубиша, и юртъ царевъ разориша, и царицу его побиша. И самому царю Ахмату встрѣчу поидоша, преплывше Волгу. И шедшеся с нимъ на поле чисте внезапно, много бившеся с нимъ, и одолѣвше. И паде ту воинство его. Ту же и самого царя, наѣхавъ, убиша, узрѣвъ его, Ямгурчѣй мурза, и на костехъ его вструбиша. И тако скончашася цари ординскіи, и таковымъ Божиимъ промысломъ погиге царство и власть великія Орды Златыя.

И тогда великая наша Руская земля освободися от ярма и покорения бусурманскаго, и начать обновлятися, яко от зимы и на тихую весну прелагаться. И взыде паки на преднее свое величество и благочестие, и доброту, яко же при велицемъ князи первомъ Владимирѣ православномъ.* Ей же, премудрый царю Христе, даждь расти, яко младенцу, и величатися, и разширятися, и всюдѣ пребывати в муже совершенне, и до славнаго твоего втораго пришествія, и до скончания вѣка сего.

И возсия нынѣ столный и преславный град Москва, яко второй Киевъ, не усрамлю же ся и не буду виновенъ нареши того, — и третий новый великий Римъ, провозсіявший в послѣдняя лѣта, яко великое солнце в велицей нашей Руской земли, во всѣхъ градѣхъ, и во всѣхъ людехъ страны сея, красуюся и просвѣщаяся святыми Божиими церквами, древяными же и каменными, яко видимое небо, красящеся и свѣтящеся, пестрыми звѣздами украшено и православиемъ непозыблемо, Христовою вѣрою утвержено, и не поколебимо от злыхъ еретикъ, возмущающихъ церковь Божию о сихъ.

Сиче и первому слову да имемся, аще Богъ вразумит насъ.

без людей: были в ней только женщины, старики и дети. Так и захватили ее: жен и детей варварских и весь скот в плен взяли, иных же огню, воде и мечу предали и хотели до конца разорить Батыев юрт.

Улан же царя городецкого, Облаз, обольстил своего царя, говоря ему так: «Что творишь ты, о царь, не пристало тебе до конца разорять большое царство это, в котором и сам ты родился, и мы все. Ведь это искони земля наша и предков твоих. Повеление пославшего нас мы понемногу исполнили, и довольно с нас, пойдем отсюда, если Бог не помешает нам». И прибежали вестники к царю Ахмату с известием, что Русь Орду его разорила. И вскоре после этого, в тот же час, царь от реки Угры побежал назад, никакого вреда земле нашей не причинив. Также и прежде упомянутое воинство великого князя из Орды отступило.

ОБ ОКОНЧАТЕЛЬНОМ ЗАПУСТЕНИИ ЗОЛОТОЙ ОРДЫ, И О ЦАРЕ ЕЕ, И О ВЕЛИЧИИ РУССКОЙ ЗЕМЛИ, И О ЧЕСТИ И КРАСОТЕ СЛАВНОГО ГОРОДА МОСКВЫ. ГЛАВА 5

И пришли в Орду вслед за московским воинством ногаи, называемые мангитами. Они-то и погубили то, что осталось от Орды, и юрт царев разорили, и царицу его убили. И пошли они навстречу самому царю Ахмату, переплыв Волгу. И, внезапно сойдясь с ним в чистом поле, долго бились с ним и одолели его. И пало здесь воинство его. Здесь же и самого царя, настигнув, убили — увидел его Ямгурчей-мурза, и на костях его вострубили. Так и кончили свое существование ордынские цари, и таковым Божиим промыслом погибло царство и власть Золотой Орды.

И тогда великая наша Русская земля освободилась от ярма и гнета басурманского и начала обновляться, подобно тому, как зима переходит в тихую весну. И обрела она снова прежнее свое величие и благочестие и богатство, как и при первом великом князе Владимире преславном. Дай же ей, премудрый царь Христос, расти, как младенцу, и прославляться, и расширяться, чтобы повсюду пребывали в ней мужи совершенные, и так — до славного твоего второго пришествия и до скончания века сего.

И воссиял ныне стольный и прославленный город Москва, словно второй Киев, не посрамлюсь же и не провинюсь, если скажу, как третий новый великий Рим, воссиявший в последние годы, как великое солнце, в великой нашей Русской земле, во всех городах и во всех людях страны этой, красуясь и просветляясь святыми Божьими церквами, деревянными и каменными, словно видимое небо, красуясь и светясь, пестрыми звездами и незыблемым православием украшенное, Христовою верою укрепленное и непоколебленное злыми еретиками, возмущающими церковь Божию.

Теперь же вернемся к началу рассказа, если Бог вразумит нас.

О ВЕЛИКОМ КНЯЗЕ ЯРОСЛАВЕ, И О ПОНОВЛЕНИИ РУСКИХ
ГРАДОВ ОТ НЕГО, И О ПОУЧЕНИИ ЕГО ЛЮДЕМ СВОИМЪ,
И О ВОСТАВШЕМ ПАКИ МЯТЕЖЕ НА РУСКУЮ ЗЕМЛЮ ОТ САИНА
ЦАРЯ ОРДИНЬСКАГО. ГЛАВА 6

Великому же князю Ярославу Всеволодичю живушу в смятении людей своих, и проходяшу грады и села своя, и населяше ихъ жители, и поновляше грады стѣнами, разоренныя от Батыя, и посаждаше в нихъ жители. И облегчаваше данми и оброки жителей селскихъ и градскихъ. И утѣшаше людей своихъ не малодушествовати от мимошедшихъ скорбѣхъ великихъ, нанесенныхъ от поганыхъ, и не отчаятися милости Божии и уповати на Господа, всѣми сотворенными своими пекущагося и дающаго пищу на всякъ день скотомъ и птицамъ, и рыбамъ, и гадомъ, ни тѣхъ забываяща, колми же паче рабъ своихъ вѣрныхъ забыти имать, по образу сотворенныхъ: и ни единъ влас главы нашея безъ велѣния его не погибнетъ, неже человекъ или кая земля, или град. Посылаетъ бо Богъ на насъ всякия скорби и бѣды спасения ради нашего и казнитъ насъ иногда нахождениемъ поганыхъ, иногда же моромъ, иногда же голодомъ и пожаромъ. Тѣмъ же Отецъ нашъ небесный за грѣхи наши къ покаянию приводитъ насъ, яко да и прочии оставльшеися людие страха его имѣти накажутся. И аще с радостію сия наказания *от него* приемлемъ, и не похуляюще его, то спасени бываемъ. Силенъ бо есть Господь и паче перваго помиловати насъ, и той насъ избавить отъ врагъ нашихъ и вся совѣты ихъ неправедныя расторгнетъ. И сицевыми словесы многими укрѣпляше народъ, и тако всегда поучаше люди своя великий князь Ярославъ Всеволодичъ, и потребная комуждо имъ подаваше, и всячески утѣшаше ихъ, яко чадъ своихъ любимыхъ, самъ бо тогда такоже не зѣло богатъ, яко же и людие.

Первому бо мятежу обдержашу Рускую землю и еще належашу не утѣшившимся людемъ, и второйъ воздвизашеся паче перваго и болши сторицею сугубо. *По смерти* же царя Батыя, убиту ему бывшую отъ югорскаго короля Владислава* у столнаго града его у Радина, и наста иный царь на царство его, Саинъ именованъ,* первый по Батые царство приемъ. Наши же державнии оплошася и позакоснѣша къ нему ити во Орду и смириться с нимъ. И подняся царь Саинъ ординский ити на Рускую землю с темными своими силами. И поиде, яко и Батый царь, до конца поплентити ю за презрѣние къ нему отъ державныхъ русскихъ.

Державнии же наши идоша въ Болгары къ царю и ту его встрѣтиша и утолиша его великими многими дарми. И остася царь Саинъ плентити Руския земли и восхотѣ близъ ея на кочевии своемъ, гдѣ вспятися на Русь ити, поставити градъ на славу имени своего, и на приѣздъ и на опочивание посломъ его, по дань ходящимъ на Русь на всякое лѣто, и на земскую управу.

О ВЕЛИКОМ КНЯЗЕ ЯРОСЛАВЕ, И ОБ ОБНОВЛЕНИИ
ИМ РУССКИХ ГОРОДОВ, И О ПОУЧЕНИИ ИМ СВОИХ ЛЮДЕЙ,
И О НОВОМ НАБЕГЕ НА РУССКУЮ ЗЕМЛЮ САИНА,
ЦАРЯ ОРДЫНСКОГО. ГЛАВА 6

Великий же князь Ярослав Всеволодович, видя, что люди его жили неустроенно, обходил города и села свои, и населял их жителями, и обновлял стены в городах, разрушенных Батыем, и поселял в них людей. И облегчал он выплату даней и оброков сельским и городским жителям. И утешал людей своих, чтобы не падали они духом от временных этих больших несчастий, принесенных поганями, и не отчаивались дожидаться милости Божьей, и не переставали уповать на Господа, пекущегося о всех созданиях своих и всякий день дающего пищу животным, и птицам, и рыбам, и гадам, никого не забывая; тем более не может он забыть рабов своих верных, по образу его сотворенных, и ни один волос на голове нашей не погибнет без его ведома, тем более человек, или какая-нибудь земля, или город. Ибо ради нашего спасения посылает Бог на нас всякие несчастья и беды и казнит нас — иногда нашествиями поганых, иногда же мором, иногда же голодом и пожаром. Тем самым Отец наш небесный за грехи наши к покаянию нас призывает, чтобы и остальных людей заставить иметь страх перед Богом. И если мы с радостью эти наказания от него принимаем и не хулим его, то бываем спасены. Ибо более в силах Господь, чем прежде, помиловать нас, и избавит он нас от врагов наших, и разрушит все несправедливые их замыслы. Такими словами многими ободрял великий князь Ярослав Всеволодович народ, и так всегда поучал он людей своих, и подавал каждому то, в чем кто нуждался, и всячески утешал их, как любимых своих детей, ибо и сам он тогда был не очень богат, как и люди его.

Когда еще первая беда не ушла с Русской земли и оставались еще не утешившиеся люди, вторая ворвалась больше первой и намного страшней. По смерти царя Батыя, убитого венгерским королем Владиславом у стольного города его Радина, вступил на царство другой царь, Саин по имени, первым принявший царство после Батыя. Наши же правители оплошали и поленились пойти к нему в Орду и заключить с ним мир. И поднялся царь Саин ордынский, чтобы идти на Русскую землю с темными своими силами. И пошел он, как и царь Батый, чтобы окончательно разорить ее за презрение к нему русских правителей.

Тогда пошли правители наши в Болгарскую землю навстречу царю и там встретили его и уголили его многочисленными великими дарами. И оставил царь Саин свое намерение разорить Русскую землю, и пожелал вблизи ее, на кочевье своем, откуда не пошел он на Русь, поставить город во славу имени своего, где бы останавливались и отдыхали его послы, каждый год ходящие на Русь за данью, и для учреждения в нем земской управы.

О ПЕРВОМ НАЧАЛЕ КАЗАНЬСКАГО ЦАРСТВА И О МѢСТНОМЪ УГОДИИ, И О ЗМИИНОМЪ ЖИЛИЩЕ. ГЛАВА 7

И поискавъ царь Саинъ, по мѣстомъ преходя, и обрѣте мѣсто на Волге, на самой украине Руския земли, на сей странѣ Камы рѣки, концемъ прилежащи х Болгарстей земли, а другимъ концемъ к Вятке и къ Перми, зело *пrenaрочито*: и скотопажно, и пчелисто, и всякими земляными сѣмяны родимо, и овощами преизобилно, и звѣристо, и рыбно, и всякого угодия житейскаго полно — яко не обрѣстися другому такому мѣсту по всей нашей Руской земли нигдѣ же точному красотою и крѣпостию, и угодиемъ человеческимъ, и не вѣмъ же, аще будетъ какъ и в чужихъ земляхъ. И велми за то возлюби царь Саинъ.

И глаголють мнози нѣщии: прежде мѣсто то было издавна гнѣздо змиево, всѣмъ жителемъ земли тоя знаемо. Живяху же ту, въ гнездѣ, всякия змии и единъ змий, великъ и страшень, о двоиу главахъ: едину главу змиеву, а другую волову. И единою главою челоуѣки пожираше и звѣри и скоты, а другою главою траву ядыше. *А иныя змии около его лежаше, живяху с нимъ всяцыми образы.* Тѣмъ же и не можаху челоуѣцы близъ мѣста того жити свистанія ради зминна и точанія ради ихъ, но аще и недалече кому путь лежаше, инымъ путемъ обхожаше, аможе идяху.

Царь же Саинъ по многи дни зряше мѣста того, обходяше, и любя, и не домысляшеся, како бы извѣсти змию от гнѣзда его — яко да того ради будетъ градъ великъ и крѣпокъ, и славень вездѣ. И изыскавъся в веси сицевъ волхвъ. «Азъ, — рече — царю, змию уморю и мѣсто очищу». Царь же радъ бысть и обѣща ему нѣчто велико дати, аще тако сотворит. И собра обаянникъ волшвеннемъ и обояниемъ своимъ вся живушья змии от малыхъ и до великихъ в мѣсте томъ к великому змию во едину великую громаду и всѣхъ чертоу очерти, да не излѣзетъ из нея ни едина змиа. И бѣсовскимъ дѣйствомъ всѣхъ умертви. И облече кругъ ихъ сѣномъ и тростиемъ, и древиемъ, и лозиемъ сухимъ многимъ, поливая сѣрою и смолою, и изже я, попали огнемъ. И запалишася вся змии, великия и малыя, яко быти от того велику смраду змиину по всей земли той, проявляючи впредь хотящая быти от окаяннаго царя злое тимѣние проклятыя вѣры его срацынска. Многимъ же от вой его умрети от лютаго смрада того зминна близъ мѣста того стоящимъ, и кони, и велбуды его многи падоша.

И симъ образомъ очистивъ мѣсто царь Саинъ и возгради на мѣсте томъ градъ Казань,* никому же тогда от державныхъ нашихъ смѣюшу ему что сотворити или рещи. *И есть градъ Казань стоитъ и нынѣ всѣми рускими людми видимъ есть и знаемъ, а не знающими слышимъ есть.*

И паки же, яко и прежде, вогнѣздися на змиинномъ точевищи словесень лютый змий — воцарися во граде скверный царь. Нечестія своего великимъ гнѣвомъ воспалашеся и, яко огонь в тростии, разгнѣщаяся, зияя, яко змий,

О ПЕРВОМ НАЧАЛЕ КАЗАНСКОГО ЦАРСТВА, И О МЕСТНЫХ УГОДЬЯХ, И О ЗМЕИНОМ ЖИЛИЩЕ. ГЛАВА 7

И, поискав, переходя с одного места на другое, нашел царь Саин на Волге, на самой окраине Русской земли, на этой стороне Камы-реки прекрасное место, одним концом прилежащее к Болгарской земле, а другим концом — к Вятке и к Перми, богатое пастбищами для скота и пчелами, родящее всевозможные злаки и изобилующее плодами, полное зверей, рыбы и всякого житейского добра, — не найти другого такого места нигде на всей нашей Русской земле по красоте и богатству, с такими же угодьями, и не знаю, найдется ли и в чужих землях. И очень за это полюбил его царь Саин.

И рассказывают многие так: место это, что хорошо известно всем жителям той земли, с давних пор было змеиным гнездом. Жили же здесь, в гнезде, разные змеи, и был среди них один змей, огромный и страшный, с двумя головами: одна голова змеиная, а другая — воловья. Одной головой он пожирал людей, и зверей, и скот, а другою головою ел траву. А иные змеи разного вида лежали возле него и жили вместе с ним. Из-за свиста змеиного и смрада не могли жить вблизи места того люди и, если кому-либо поблизости от него лежал путь, обходили его стороной, идя другой дорогой.

Царь же Саин много дней смотрел на место то, обходил его, любуясь, и не мог придумать, как бы изгнать змея из его гнезда, чтобы поставить здесь город, большой, крепкий и славный. И нашелся в селе один волхв. «Я, — сказал он, — царь, змея уморю и место очищу». Царь же был рад и обещал хорошо наградить его, если он это сделает. И собрал чародей волшебством и чародейством своим всех живущих в месте том змей — от малых до великих — вокруг большого змея в одну громадную кучу и провел вокруг них черту, чтобы не вылезла за нее ни одна змея. И бесовским действием всех умертвил. И обложил их со всех сторон сеном, и тростником, и деревом, и сухим лозняком, поливая все это серой и смолой, и поджег их, и спалил огнем. И загорелись все змеи, большие и малые, так что распространился от этого сильный смрад змеиный по всей той земле, предвещая грядущее зло от окаянного царя — мерзкую тину проклятой его сарацинской веры. Многие же воины его, находившиеся вблизи этого места, от сильного змеиного смрада умерли, и кони и верблюды его многие пали.

И, очистив таким образом место это, поставил царь Саин там город Казань, и никто из правителей наших не посмел ему помешать или возразить. И стоит город Казань и поныне, всеми русскими людьми видимый и знаемый; те же, кто не бывал там, слышаны о нем.

И снова, как и прежде, свил гнездо на змеином токовище том словесный лютый змей — воцарился в городе скверный царь. Воспылал он великим гневом нечестия своего и, разгораясь, как огонь в тростнике, зияя, словно змей,

огненными усты и устрашая, и похищая, яко овчать, смиренныя люди в прилѣ-
жащихъ весехъ в близживущихъ около Казани, изгна от нея Русь туземцы, в три
лѣта землю всю пусту положи. И наведе с Камы рѣки языкъ лють и погань —
болгарскую чернь и со князми, и со старѣйшими ихъ, многу сущу ему и подобну
суровствомъ и обычаемъ злымъ песьимъ главамъ — самоедомъ. И наполни
такими людьми землю ту.

Бысть же черемиса, зовомая остяки. Тое же глаголють ростовскую
чернь, забѣжавшихъ тако от крещения рускаго и вселившихся в Болгарскую
землю и Орду,* да царемъ казаньскимъ обладаютя. Та бо бѣ преже земля
болгаровъ малыхъ за Камою, промежъ великия рѣки Волги и Бѣлыя рѣки
Воложки* до великия Орды Нагайския.* Болшия болгары — на Дунае.*

Тут же был на Каме градъ старый Бряховъ болгарский, нынѣ же градище
пусто. Того же первие взя князь великий Андрѣй Юрьевичъ Владимирский* и
в конечное запустѣние преда, и болгаръ тѣхъ под себя подклони. И бысть Казань
столный градъ вмѣсто Бряхимова.*

И *вскоре* новая Орда, земля многоплодная и семенитая и, все рещи,
медомъ и млекою кипящая, даде во одержание власти и в наслѣдие поганымъ.
И от сего царя Саина преже зачася Казань и словяше юртъ Саиновъ. И любляше
царь и часто самъ, от столнаго своего града Сарая приходя, живяше в нем. И
остави по себѣ на новомъ юрте своего царя от колѣна своего и князи свои с
нимъ.

По томъ же царь Саинъ мнози цари кровопийцы, Руския земли губители,
премѣняющесе царствовали в Казани лѣта многа.

О ПЕРВОМЪ ВЗЯТИИ КАЗАНСТЕМЪ И О ИНѢХЪ ГРАДѢХЪ БОЛГАРСКИХЪ И О ПОВОЕВАНИИ ВЕЛИКІЯ ОРДЫ, НА НИХЪ ЖЕ ХОДИЛЪ КНЯЗЬ ЮРЬЕ ДМИТРИЕВИЧЪ. ГЛАВА 8

В лѣто 6903-е посла князь великий Василей Дмитриевичъ з братомъ
своимъ со княземъ Юрьемъ Дмитриевичемъ* воя многи. И пошедъ к грады
болгарския, по Волге стоящыя; Казань, Болгары, Жукотинъ, Кеременчюк и
Златую Орду повоева* по совѣту крымскаго царя Азигирея.* И вся тѣ грады
до основания раскопа и царя казанскаго и со царицами его въ ярости своей
мечемъ уби, и всѣхъ срацынъ съ женами ихъ пресѣче, и землю варварскую поплени,
и здравъ с побѣдою восвоися возвратися.

И на мало время смирися Казань и укротися, и оскудѣ. И стояше
пуста 40 лѣтъ. Бяше бо умирися крымскій царь Азигирей с великимъ
княземъ Васильемъ Дмитриевичемъ* и воеваше с нимъ соединого и на брата
своего на Селед-Салтана Тактамышевича: онъ полемъ по суху войско свое
посылаше, а князь великий в лодияхъ. А з другую сторону мангиты силнии,

огненными устами, и устрашая, и похищая, как овец, смиренных людей, живущих около Казани в прилежащих к ней деревнях, изгнал из мест тех туземную Русь, в три лета опустошив всю землю. И навел он с Камы-реки народ свирепый и поганый — болгарскую чернь с князьями и старейшинами их, многочисленный и подобный своей суровостью и обычаями злым песым головам — самоедам. И наполнил он такими людьми землю ту.

Есть среди черемисы народ, который зовут остяками. Так называют ростовскую чернь, убежавшую от русского крещения и поселившуюся в Болгарской земле и Орде, чтобы быть под властью казанского царя. Это ведь была прежде земля малых болгар — та, что за Камой, между великой рекой Волгой и рекой Белой Воложкой до великой Ногайской Орды. Большие же болгары живут на Дунае.

Здесь же, на Каме, был старый болгарский город Брягов, ныне же это запустевшее городище. Его впервые взял великий князь Андрей Юрьевич Владимирский и привел его в окончательное запустение, покорив тех болгар. И стала Казань стольным городом вместо Брягова.

И вскоре новая Орда, земля плодородная и изобильная и, можно сказать, медом и молоком кипящая, была отдана во владение и в наследство поганым. Этим царем Саинном и была впервые основана Казань, и стали называть ее юрт Саинов. И любил его царь, и часто сам жил в нем, приходя из стольного своего города Сарая. И оставил он после себя в новом юрте царя от колена своего и при нем своих князей.

После того же царя Саина многие цари-кровопийцы, губители Русской земли, сменяя друг друга, царствовали в Казани многие годы.

О ПЕРВОМ ВЗЯТИИ КАЗАНИ И ИНЫХ БОЛГАРСКИХ ГОРОДОВ, НА КОТОРЫЕ ХОДИЛ КНЯЗЬ ЮРИЙ ДМИТРИЕВИЧ, И О РАЗОРЕНИИ ВЕЛИКОЙ ОРДЫ. ГЛАВА 8

В лето 6903 (1395) отправил великий князь Василий Дмитриевич в поход со своим братом Юрием Дмитриевичем многих воинов. И, пойдя к болгарским городам, стоящим по Волге, разорил тот Казань, Болгары, Жукотин, Кременчуг и Золотую Орду по совету крымского царя Азигирея. И все те города разрушил он до основания, и казанского царя с царицами его убил в ярости мечом, и всех сарацин с женами их порубил, и землю варварскую пленил, а сам благополучно с победою возвратился восвояси.

И на недолгое время смирилась Казань, и укротилась, и оскудела. И стояла она пустой сорок лет. В то время крымский царь Азигирей заключил мир с великим князем Василием Дмитриевичем и ходил с ним в союзе войной на брата своего Зелед-Султана Тохтамышевича: он полем, посуху, войско свое послал, а великий князь — в ладьях. С другой же стороны были воинственные

их же бѣша улусы черныя на велицей рецѣ Яикѣ, иже течет во Хвалимское море прямо бухаров.*

И тако бысть отвсюду изгонение велико Орды оной: первое того да после — от великаго князя Иоанна Васильевича — второе. От тѣх мангитъ до конца запустѣ, якоже преже речеся. И вселишася в Большой Орды нагаи и мангиты из-за Еика пришедше. И донынѣ в тѣх улусѣх кочюють, живуще с великими князи московскими в мирѣ и ничим же их обидяще.

О ИЗГНАНИИ ЦАРЯ ОТ ЗЛАТЫЯ ОРДЫ И О СМИРЕНИИ ЕГО, И О БРАНѢХ С ВЕЛИКИМЪ КНЯЗЕМЪ МОСКОВСКИМЪ. ГЛАВА 9

И в то же во едино время, спустя по умертвии Зелед-Салтана, царя Великия Орды, десять лѣтъ,* а по взятии Казанскомъ от князя Юрья тридесять лѣтъ,* и се, гонимъ, прибѣжа с тоя же восточныя страны и тоя же Болшия Орды Златыя царь, Улус-Ахметъ имя ему,* и в мале дружине своей изгнан и со царицами своими и з дѣтми от великаго Едичея, старого заяицкаго князя, и царства своего лишень и мало от него смерти не приять.* И бѣ день и ночь скитаяся в поле и преходя от мѣста на мѣсто едино лѣто, ища покоя, идѣже вселитися, и не обрѣташе нигдѣ. И ни смѣяше ни х коей странѣ приблизитися и державе, но так между ими по полю сюду и сюду волочася, яко хищникъ и разбойникъ. И приблизися к предѣлом Руския земли, и посла моление свое и смирение к великому князю Василию Васильевичю Московскому* в шестое лѣто царства своего,* не рабомъ, но господиномъ и любимым своимъ братом именуя его, яко да повелитъ ему невозбранно на предѣлах земли своя мало время от труда почити и собратися помалу с розгнанными своими со многими вои и возвратитися вскорѣ, рече, на врага своего, на заяицкаго князя Едичея, согнавшаго со Орды его.

Бяше бо у того князя Едичея девять сыновъ от тритцати женъ его, а у меншаго сына его быти десять тысящъ вой. *Ради* силы своя мангиты силныя прозвашеся. Тѣм и покорятися царю не восхотѣша, но Орду Болшую воевати дерзнуша.

Князь же великий повелѣ и нимало сперва не возбранити царю, еже приблизитися къ земли своей, но и приять его с честию, не яко бѣглеца, но яко царя и господина своего, и дарми его почти, и дружелюбие с ним велие сотвори, яко сынъ ко отцу или яко раб господину своему.

Но конецъ сиче соверши. От него же бо и на великое княжение посажень бысть* и сыномъ названъ, и в десять лѣтъ царства своего не взимаше дани с него и оброковъ, надѣяше бо ся его князь великий паче приятелства себѣ имѣти, яко же бо онъ глаголаше, и любовь вѣрну и дружбу велику. Не размысливъ сего князь великий, яко волкъ и агнецъ вкупѣ не питаются, ни почивают, ни сотворяются, но сердце единому язвленно боязнию, и всяко един

мангиты, черные улусы которых стояли по великой реке Яику, что течет в Хвалисское море через земли бухарцев.

И было великое гонение на ту Орду отовсюду: впервые тогда, а во второй раз — после, от великого князя Ивана Васильевича. От тех мангит она и опустела окончательно, как прежде говорилось. И поселились в Большой Орде ногаи и мангиты, пришедшие из-за Яика. Они и до сих пор в тех улусах кочуют, живя с великими князьями московскими в мире и ничем их не обижая.

О ИЗГНАНИИ ЦАРЯ ИЗ ЗОЛОТОЙ ОРДЫ, И О СМИРЕНИИ ЕГО, И О БИТВАХ ЕГО С ВЕЛИКИМ КНЯЗЕМ МОСКОВСКИМ. ГЛАВА 9

Однажды, по прошествии десяти лет после смерти Зелед-Султана, царя Великой Орды, а после взятия Казани князем Юрием тридцати лет прибежал изгнанный из той же восточной страны царь Большой Золотой Орды, по имени Улу-Ахмет, с небольшой дружиной своей, и с царицами своими, и с детьми, изгнанный великим Едыгеем, старым заяицким князем, и царства своего лишенный, и едва не принявший от него смерть. День и ночь в течение года проводил он, скитаясь в поле, переходя с одного места на другое, подыскивая спокойное место, где бы ему поселиться, и нигде не находил себе его. И не смел он приблизиться ни к одной стране и державе, но так между ними по полю туда и сюда и таскался, словно хищник и разбойник. И приблизился он к границам Русской земли, и послал свое моление со смирением к великому князю Василию Васильевичу Московскому в шестое лето своего царствования, не рабом, но господином и любимым своим братом называя его, чтобы позволил тот ему беспрепятственно отдохнуть недолгое время от похода у границ своей земли, и постепенно собрать разогнанных многочисленных его воинов, и возвратиться вскоре, как он говорил, на врага своего, на заяицкого князя Едыгея, изгнавшего его из Орды.

Было ведь у того князя Едыгея девять сыновей от тридцати его жен, а у младшего его сына было девять тысяч воинов. Из-за их войска мангиты и назывались сильными. Поэтому они не захотели покоряться царю Улу-Ахмету, но дерзнули напасть на Большую Орду.

Великий же князь разрешил царю приблизиться к своей земле, и сперва ни в чем не чинил ему препятствий и даже с честью принял его не как беглеца, но как царя и господина своего, и почтил его дарами, и большую дружбу с ним завел, относясь к нему как сын к отцу или как раб к своему господину.

Но конец был таков. Поскольку великий князь этим царем был посажен на великое княжение и сыном назван и за десять лет царствования своего не взимал с него царь дани и оброка, надеялся великий князь, что будет он ему, как тот сам говорил, ближе товарища, и будет между ними любовь верная и крепкая дружба. Не подумал о том великий князь, что волк и ягненок вместе не питаются, не спят, не живут, ибо сердце у одного из них уязвлено боязнью

от них погибнуть. И обѣщание и клятву взяша между собою царь и князь великий: не обидити друг друга ничим же дондеже царь от земли Руския отступитъ. И даде князь великий царю в качевнице Бѣлевские мѣста.

Царь же, кочюя ту, нача к себѣ собирати войско, хотя отмстити врагу своему. И здѣла себѣ ледный град, из рѣки влача толстый ледъ и снѣгомъ осыпая, и водою поливая, бояся по себѣ еще гонителей своихъ. Сего ради и крѣпость ему велика бысть в нужное время. И отходя, пленяше иныя земли чужие, яко орель отлѣтая от гнѣзда своего далече пишу себѣ искаше.

Князь же великий, слышав се, и убоявся зѣло, и возмущашеся в мысли своей, и мятешеся, мнѣвъ, яко хошет збирати царь войско на него и хошетъ воевати Рускую землю его. Нѣкимъ ближним совѣтникомъ возмутившимъ его, глаголаху ему: «Господине княже, яко егда звѣрь утопаеть, тогда и убити спѣють, егда же ли на брег воспловет, то многихъ уязвитъ и сокрушит, да ли убиен будетъ, или живъ утечетъ».

Онъ же, послушавъ горкаго совѣта ихъ, пославъ к царю пословъ своихъ, глаголющи, да скоро отойдет от земли его, не браняся. Онъ же моляшеся кочевати. Князь же великий и паче с прещением и грозою пославъ к нему второе, и третие. Ни тако послуша, но еще моляшеся почити, не вѣдый на себя от правды великаго князя готовящаяся и вооружившаяся, и мечь брани обошряюща на него. Но смиряясь, глаголаше: «Брате, господине мой, мало ми время помедли, яко в борзе имамъ пойти от земли твоя. Никоего же зла тебѣ никако же сотворю по обѣщаю же нашему с тобою и по любви, но и впредь и до смерти моя, егда мя устроить Богъ и паки състи на царствии моемъ, рад еси с тобою имети дружбу вѣрну и любовь сердечну и незабытну. Еще же и сыномъ моимъ прикажу по себѣ служити тебѣ и наровити *по тебѣ и дѣтем твоим*. И рукописание тебѣ крѣпкое на себе дамъ и на сыны моя, и на внуцы за печатми золотыми, дани и оброки имъ у тебе не имати, ни земли твоя воевати имъ, ни ходити, ни посылати. Или еще нынѣ помыслию кое убо зло, мало или велико, на тебя, яко же мнится ти, преобидя любовь твою, еже сотворил еси ко мнѣ, напитавъ мя, яко просителя нища, да будет ми Богъ мой да и твой убиваяй мя, в него же вѣрую и азъ» .

О ПОСЛАНИИ МОСКОВСКИХЪ ВОЙ НА ЦАРЯ. ГЛАВА 10

Видѣ его князь великий непослушающа, добром и волею своею отступити от земли державныя не хотяща и словесемъ его и вѣры его, и обѣщанию, яко поганымъ, и не ятъ истинны быти, мяя его все лестъ глаголюща ему и лжуща. Забывъ сего слова, яко покорно слово сокрушаетъ кости, и смиренныя сердца и сокрушенныя Богъ не уничтожитъ. И посла на царя брата своего, князя Дмитрея Галецкаго, по реченному Шемяку,* и с нимъ посла войска 20 000

и один из них все равно погибнет. И дали друг другу царь и великий князь клятву, что не будут ничем обижать друг друга до тех пор, пока царь не уйдет из Русской земли. И дал князь великий царю для кочевья Белевские места.

Царь же, кочуя там, начал собирать у себя войско, желая отомстить своему врагу. И построил он себе, еще опасаясь появления своих преследователей, ледяной город, таская из реки толстый лед, осыпая его снегом и поливая водой. Поэтому в трудное время была у него надежная крепость. И, уходя в походы, разорял он чужие земли, словно орел, далеко отлетая от своего гнезда в поисках пищи.

Великий же князь, услышав об этом, сильно испугался, встревожился и пришел в смятение, думая, что царь хочет собрать войско, чтобы идти на него и разорить Русскую землю. Некие ближайшие его советники подстрекали его, говоря: «Князь, господин наш, когда зверь тонет, тогда его и убить спешат, ибо если он на берег выберется, то многих поразит и сокрушит, и неизвестно, — будет ли убит или же живым убежит».

Он же, вняв горькому их совету, послал к царю своих послов сказать, чтобы побыстрее уходил с его земли, не ссорясь с ним. Тот же умолял позволить ему кочевать. Великий же князь во второй и в третий раз посылал к нему послов с запрещением и угрозой. Но и тогда царь не послушал его, но молил дать ему еще отдохнуть, не зная правды, — того, что великий князь вооружается и меч брани острит, готовясь к бою. Но смирялся он и говорил ему так: «Брат, господин мой, помедли немного, ибо скоро собираюсь уйти из земли твоей. Не причину я тебе никакого зла по нашему с тобой договору и по любви и впредь до смерти моей, если Бог поможет мне снова сесть на царстве моем, рад буду иметь с тобой верную дружбу и любовь сердечную и незабвенную. Также и сыновьям моим прикажу после себя служить тебе и подчиняться после тебя детям твоим. И грамоту тебе надежную дам на себя, на сыновей моих и на внуков за печатями золотыми, что они не будут брать с тебя ни даней, ни оброков и не будут ходить в твою землю и разорять ее. И если замышляю я теперь какое-либо зло против тебя, малое или большое, как мнится тебе, пренебрегши любовью, с которой ты отнесся ко мне, накормив меня, словно нищего просителя, пусть мой Бог, да и твой, в которого я верю, убьет меня».

О ПОСЛАНИИ МОСКОВСКИХ ВОИНОВ НА ЦАРЯ. ГЛАВА 10

Видя, что не слушается его царь и не хочет добром и по своей воле уйти из державной его земли, не поверил великий князь, что слова и обещания поганого и вера его искренни, думая, что он лицемерит и лжет. Забыл он слова Писания, что покорное слово сокрушает кости и что смиренные и разбитые сердца Бог не унижит. И послал он на царя своего брата, князя Дмитрия Галицкого, по прозвищу Шемяка, и с ним послал двадцать тысяч вооруженного

вооруженныхъ, и оба князи тверския посла, а с ними по десяти тысящъ войска — и всѣхъ бысть 40 000, да шед, отженуть царя от предѣлъ Руския земли.

Он же, змий царь, видѣвъ великаго князя не повинувшася молению его и смиренію и вои ихъ уже готовы и близко идущихъ к себѣ узрѣ, преже невѣдушу ему ихъ, и посла тако же смирение свое и к брату великаго князя, да не идутъ нань до утра, яко отступити имамъ прочь. Онъ же тцашеся скоро повелѣние брата своего исполнити, надѣющеся на силу свою.

И царь же отложи чаяние от челоуѣка смертна милости просити, и возведе очи своя зверинныя на небо, моляся. И къ церкви рустей притече, прилучися ему стояти при пути в нѣкоем селѣ. И паде при дверѣхъ храма у порога на земли, не смѣя влѣсти вонь, вопияше и плача с многими слезами, глаголя: «Боже руский, слышахъ о тебѣ, яко милостив еси и праведенъ и не на лица челоуеческия зриши, но правды в сердцахъ испытаети. Видѣю нынѣ скорбь и бѣду мою, но помози ми и буди намъ истинный судия, правосуде межъ мною и великимъ княземъ, и обличи вину коегождо насъ. Ищеть бо онъ неповинно убити мя, яко подобно время обрѣтъ и ищеть неправедно погубити мя. Обѣщаниемъ нашимъ и клятву с нимъ солгалъ и преступилъ, и великое брежение мое и прежнюю мою любовь к нему, аки любезному сыну, забывъ, видя мя нынѣ в велицей напасти и бѣдѣ утѣсняема зелно и погибающа отвсюду. И не свѣдаю бо себе аз ни в чемъ же преступивша ему или солгавша».

И плакався много и стонавъ, воставъ от земли от ницания своего мерскаго и собрався с вои своими, и затворися во граде леденомъ. И се борзо внезапно нападоша на нихъ руския люди. Онъ же мало бився оттуду и видѣвъ, яко спѣтеся ему дѣло, и тогда отвори врата градныя, и всяде на конь свой, и взя оружие свое в руку свою, и поскрежета зубы своими, яко дивий вепрь, и грозно возсвиста, яко страшный змий великий, ожесточися сердцемъ своимъ и воскипѣ злобою своею. Мало смиряшеся преже и повиновашеся, и братомъ и господиномъ зовяше великаго князя, и се на брань, яко левъ, рыкая и, яко змий, страшно огнемъ дыша от великия горести противъ многихъ воеводъ великаго князя напусти с немногими своими вои. Развѣе три тысящи всѣхъ людей и тысяща изъ тѣхъ же вооруженныхъ не содрогнувся, ни побѣжа от московскихъ людей и воевъ, но отчаявшеся живота своего и болше надѣяся на Бога и на правду свою, неже на грубость и на малое имѣние свое ратное.

И егда ступившимся обоимъ воемъ, увы мнѣ что реку, и одолѣваетъ великаго князя. И побилъ всѣхъ в лѣта 6906-м году декабрия въ 5 день. Но осташася токмо на побоищи томъ от 40-хъ тысящъ вой братъ великаго князя и пять воеводъ с нимъ с немногими вои, бѣгаючи по дебремъ и по стремнинамъ,

войска, и обоих князей тверских послал, а с ними по десяти тысяч войска — и всех воинов было сорок тысяч, чтобы они, пойдя на царя, отогнали его от границ Русской земли.

Он же, царь-змей, видя, что великий князь не внял молению его и смирению, и увидев уже готовых к бою русских воинов, близко подошедших к нему, о приходе которых он не знал, послал и к брату великого князя со смиренной просьбой, чтобы тот не шел на него до утра, ибо собирается он отступить прочь. Тот же хотел побыстрее исполнить повеление брата своего, надеясь на свою силу.

И расстался царь с надеждой просить у смертного человека милости и, молясь, обратил глаза свои звериные к небу. И когда случилось ему остановиться по пути в некоем селе, пришел он к русской церкви. И упал он на землю перед дверями храма, у порога, не смея войти внутрь, стеная, и обливаясь слезами, и говоря так: «О, русский Бог! Слышал я о тебе, что милостив ты и праведен и не на лица человеческие смотришь, но отыскиваешь правду в сердцах. Увидь ныне скорбь и беду мою, и помоги, и будь нам справедливым судьей, свершив правосудие между мною и великим князем, и укажи вину каждого из нас. Ведь намерен он безвинно убить меня, выбрав удобное время, и хочет несправедливо погубить меня, видя, что сильно притесняю я ныне многими напастьми и бедами и погибаю. Нарушил он обещание наше и преступил клятву, которую дали мы друг другу, и забыл он большую заботу мою о нем и прежнюю любовь к нему, как к любезному сыну. И не знаю я ничего, в чем бы помешал ему или обманул».

И поднялся он с громким плачем и стенаниями с земли после мерзкой своей молитвы, и собрал воинов своих, и заперся с ними в ледяном городе. И вот вскоре напали на них внезапно русские люди. Он же недолго бился с ними оттуда, а когда увидел, что пришло время, отворил городские ворота, и сел на своего коня, и взял в руки оружие, и заскрежетал зубами, словно дикий вепрь, и, грозно засвистав, словно огромный страшный змей, ожесточился сердцем своим, и воскипел злобою. Если прежде смирялся он несколько перед великим князем, и повиновался ему, и звал его братом своим и господином, то теперь вышел он на бой против многих воевод великого князя с немногими своими воинами, рыкая, словно лев, и, словно змей, страшно дыша огнем от великой горести. И хотя было у него всего три тысячи людей, из которых только тысяча была вооружена, не дрогнул он и не побежал от московских воинов, отчаявшись остаться живым и больше надеясь на Бога и на свою правоту, нежели на силу и на своих немногочисленных ратников.

И когда сошлись оба войска, — увыв мне, что говорю! — начал царь одолевать великого князя. И побил он всех русских в лето 6906 (1398), декабря в пятый день. И остались на побоище том от сорока тысяч воинов только брат великого князя и с ним пять воевод с немногими воинами, разбежавшиеся по

и по чашем леснымъ. И мало не взяша самѣх живыхъ, но избави ихъ Господь от него.

Покорение бо и смирение пренеможе и побѣди великаго князя нашего свирѣпое сердце, яко да клятву не преступаетъ, аще и к поганымъ сотворяють. О блаженное смирение и покорение! Яко не токмо спомогает Богъ христианомъ, но и поганымъ способствуетъ.

О ВТОРОМ НАЧАЛЕ КАЗАНСКОМЪ. О ПРИХОЖЕНИИ КАЗАНСКОГО ЦАРЯ НА РУСКІЯ ГРАДЫ И О СМЕРТИ ЕГО И О ВЗЯТИИ ВЕЛИКАГО КНЯЗЯ ВАСИЛИЯ. ГЛАВА 11

Поганый же онъ царь Улусъ-Ахметъ побѣди московския люди и воя и обонмав ихъ, и обогатися добрѣ. И повоева, и поплени руския земли предѣлы, и наполнися всякого добра от избытка своего, и вознесся сердцемъ, и возгордѣся умомъ. И к тому далече ни в кою же Орду не восхотѣ от предѣлъ рускихъ отйти, но преиде тамо от мѣста того побоища подале на другую страну Руския земли украины, бояся великаго князя, да не паки тайно пошлетъ войска своего болши первых, граду же его леденуму растаявшу от солнца и крѣпости себѣ никоея имущу. «Аще на сонныхъ, — рече, — ношью нападуть или коею же иною кознию, и то погибну самъ аз и сущии со мною».

И шед полемъ округъ и перелѣз Волгу, и засяде Казань пустую, Саиновъ юртъ.* Мало было во граде живущих. И собирающися срацыне и черемиса, которые по улусомъ казанскимъ нѣкако живяху, и ради ему бывше. И со оставшимися от плѣна худыя болгаре казанцы и молиша его заступника быти бѣдам, иже от насилиа и воевания рускаго, и помощника, и царству строителя, да не до конца запустѣют. И повинущася ему.

Царь же вселися в жилищах ихъ. И постави себѣ древяный градъ крѣпокъ на новом мѣсте, крѣпчае старого, недалече от старыя Казани, разоренныя от московския рати. И начаша ко царю збиратися много варвар от различныхъ странъ: от Златыя Орды, и от Астрахани, и от Азова, и от Крыма.

И нача изнемогати во время то великая Орда Златая, и уселятися, и укрѣплятися нача в тоя мѣсто Казань — новая Орда, запустѣвший Саинов юртъ. И кровию рускою беспрестани кипяше. И преиде царьская слава и честь велия Болшия Орды старыя премудрыя ордамъ всѣмъ на преокаянную младую дщерь Казань. И паки же возрасте царство и оживе, яко древо измерзшее от зимы солнцу обогрѣвшу и веснѣ. От злого древа, реку же, от Златыя Орды, злая вѣтвь произыде — Казань — и горкий плодъ второе изнесе, *зачася* от другаго царя ординьска.

дебрям, и по стремнинам, и по чашам лесным. И едва не взяли их живыми, но Господь избавил их от плена.

Так покорность и смирение пересилили и победили свирепое сердце нашего великого князя, дабы не преступал он клятву, даже если дал ее поганым. О блаженные смирение и покорность! Ибо не только христианам помогает Бог, но и поганым содействует.

О ВТОРОМ ОСНОВАНИИ КАЗАНИ. О ПОХОДЕ КАЗАНСКОГО ЦАРЯ НА РУССКИЕ ГОРОДА, И О СМЕРТИ ЕГО, И О ПЛЕНЕНИИ ВЕЛИКОГО КНЯЗЯ ВАСИЛИЯ. ГЛАВА 11

Поганый же тот царь Улу-Ахмет победил московских людей и, пограбив воинов, сильно разбогател. И повоевал, и разорил он пограничные русские земли, и с избытком наполнил свою казну всяким богатством, и вознесся сердцем, и возгордился умом. И после этого ни в какую Орду не захотел он уходить от русских границ, но, когда его ледяной город растаял от солнца и больше не стало у него никакой крепости, отошел он подальше от места того побоища на другую сторону пограничной Русской земли, опасаясь, как бы великий князь не послал на него нового войска, больше прежнего. «Если на сонных нас, — говорил он, — нападут ночью или придумают какую-нибудь еще хитрость, то погибну и сам я, и мои люди».

И, обойдя поле, переправился он через Волгу и засел в Казани, пустом Саинове юрте. Мало было тогда в городе жителей, и стали собираться сюда сарацины и черемисы, жившие по казанским улусам, и были они рады ему. И вместе с уцелевшими от пленения остатками болгар молили его казанцы быть им заступником и помощником в бедах, которые терпели они от набегов и походов русских, и быть правителем их царства, дабы окончательно они не разорились. И покорились они ему.

Царь же поселился среди них. И построил он себе на новом месте, неподалеку от старой Казани, разоренной московским войском, крепкий деревянный город, крепче прежнего. И начали собираться к царю многие варвары из различных стран: из Золотой Орды, и из Астрахани, и из Азова, и из Крыма.

И начала изнемогать в то время великая Золотая Орда, и вместо нее начала заселяться и укрепляться новая Орда — Казань, опустевший Саинов юрт, беспрестанно кипя русскою кровью. И перешла царская слава и великая честь от старой, мудрейшей среди других орд Большой Орды к преокаянной младшей дочери ее — Казани. И вновь выросло и ожило царство, как будто замерзшее зимой дерево обогрело весеннее солнце. От злого дерева, скажу же — от Золотой Орды, произросла злая ветвь — Казань — и во второй раз дала горький плод, зачатый от второго царя ордынского.

И той царь Улус-Ахметъ великия брани воздвиже и мятежи в Руской земли паче всѣхъ прежнихъ царей казанскихъ, от Саина царя бывшихъ, понеже бо многокозненъ человекъ и огонь дерзостию, великъ телесемъ, силенъ. Отвсюду себѣ собрал воинственную силу и многи грады руския обсади, и всяко имѣ озлобление тяжко наведе. И до самого дойде царствующаго града Москвы и на другое лѣто Белевскаго побоища, июня въ 3 день, и поже около Москвы великия посадки, и христианского народу много посече и в плѣнъ сведе. Града же не взя, и отиде во своя.

И умре в Казани и со юнѣйшимъ своимъ сыномъ съ Ягупомъ: оба ножемъ зарѣзаны от болшаго сына своего Мамотяка. А царствова на Казани 7 лѣтъ.*

И приятъ по немъ царство Казанское сынъ его Мамотякъ, от скорпий змий, и ото льва лютаго лютый звѣрь и кровопийца. Сей же бысть и отца своего злѣе и ярѣе на христианы воевати руския земли, яко и самого великаго князя Василя Васильевича — увы, и всѣмъ тогда скорбь велию наведе! — в тайне изгономъ пришедъ, у Суздаля града изыма и сущия с нимъ воинства побивъ в лѣта 6953 году июля въ 6 день. И в Казань к себѣ сведе великаго князя и державъ его у себе четьрнатцать месяцъ,* не в темнице, но проста, посаждая его с собою с честью ясти на единой трапезѣ и не оскверняше поганымъ ядениемъ и тѣмъ своимъ не кормяше, но все честнымъ брашномъ рускимъ. И взялъ на немъ у велможъ его много злата и сребра. И отпусти его к Москвѣ на царство его. Милуетъ бо и варваринъ, видя державнаго злостражуца.

О ВТОРОМЪ ВЗЯТИИ КАЗАНСКОМЪ И О ПЛЕНЕНИИ АЛЕХАМА ЦАРЯ СО ВСѢМИ ЕГО, И О ПОСАЖЕНИИ НА КАЗАНЬ МАХМЕТ-АМИНЯ ЦАРЯ, И О ПОСѢЧЕНИИ ХРИСТИАНСТЕМЪ В КАЗАНИ. ГЛАВА 12

Сынъ же великаго князя Василя Васильевича — Иоаннъ Васильевичъ* — восприятъ великое княжение московское по смерти отца своего. И шедъ, взя Великий Новъ градъ со мною гордынею и буйствомъ, якоже преди речеся, и Тверь, и Вятку, и Рязань. И вси рустии князи поклонишася ему служити. И единъ владѣя всѣми скипетры рускими, и многи грады полскаго короля отня державы своя, завладѣвшыя княземъ Гедимономъ.* И бысть великая власть державы Руския и оттолъ назвася самодержавный великий князь Московский.

По взятии же Великого Нова града въ девятое лѣто, по тверскомъ во второе лѣто* посла воеводъ своихъ на Казаньское царство* с великимъ воинствомъ за безчестие и срамоту отца своего: князя Данила Холмскаго и князя Александра Оболенскаго со многимъ войскомъ. И срѣте ихъ казанский царь Алахамъ старый* со своими людьми на рекѣ Свяяге. И бывшу у нихъ бою велику,

И тот царь Улу-Ахмет великие войны и беспорядки породил в Русской земле, больше, чем все прежние казанские цари, начиная от Саина, ибо был он человеком очень коварным и пылавшим дерзостью, велик телом и могуч. Собрал он отовсюду военную силу, и осадил многие русские города, и причинил им много всякого зла. И дошел он до самого царствующего города Москвы, и на второй год после Белевского побоища, 3 июня, пожег около Москвы большие посады, и много христианского народа порубил и увел в плен. Города же не взял и ушел восвояси.

И умер он в Казани вместе с младшим своим сыном Ягупом: обоих ножом зарезал старший его сын Мамотяк. А царствовал он в Казани семь лет.

И принял после него царство Казанское сын его Мамотяк — из змеев змей, лютее льва лютого и кровопийца. Злее и яростнее отца своего воевал он с христианами Русской земли, так что и самого великого князя Василия Васильевича — увы! — совершив неожиданное нападение, схватил у города Суздаля и побил бывших с ним воинов в год 6953 (1445), в шестой день июля. Великую скорбь навел он тогда на всех! И отвел он великого князя к себе в Казань, и держал его у себя четырнадцать месяцев, но не в темнице, а с честью сажал его с собою есть за один стол, и не осквернял его поганой пищей, и ничем своим не кормил, но только хорошей русской едой. И взял за него с вельмож его большой выкуп золотом и серебром. И отпустил его в Москву на царство. Ибо и варвар прощает, когда видит правителя в страданиях.

О ВТОРОМ ВЗЯТИИ КАЗАНИ, И О ПЛЕНЕНИИ ЦАРЯ АЛЕХАМА СО ВСЕМИ ПРИБЛИЖЕННЫМИ ЕГО, И О ПОСАЖЕНИИ НА КАЗАНСКОЕ ЦАРСТВО ЦАРЯ МАХМЕТ-АМИНА, И О ПОСЕЧЕНИИ В КАЗАНИ ХРИСТИАН. ГЛАВА 12

Сын же великого князя Василия Васильевича — Иван Васильевич — воспринял великое московское княжение после смерти своего отца. И, пойдя на Великий Новгород, взял его с великой дерзостью и смелостью, о чем говорилось прежде; тогда же захватил он и Тверь, и Вятку, и Рязань. И все русские князья вынуждены были служить ему. И правил он один всеми русскими землями и многие города своей державы, которыми завладел князь Гедимин, отвоевал у польского короля. И утвердил он великую власть над Русской державой, и с того времени стал называть себя великим самодержавным князем московским.

Через девять лет после взятия Великого Новгорода, а после тверского похода через два года послал он на Казанское царство, чтобы отомстить за бесчестие и позор своего отца, воевод своих со многими войнами: князя Данилу Холмского и князя Александра Оболенского с большим войском. И встретил их казанский царь, старый Алехам, со своими людьми на реке Свияге. И когда

и поможе Богъ и пречистая Богородица московскимъ воеводамъ и побиша ту многих казанцовъ, и мало ихъ живыхъ в Казань убъжа. И града затворити и осадити не успеха, и самого царя Алехама жива собою рукама яша. И с нимъ во градъ вшедше и яша мать его и царицу его, и дву братьей его, и к Москвѣ ихъ сведоша.* Досталных же казаньцовъ покориша Московскому царству и повинных учиниша.

И заточи князь великий царя Алехама со царицею его на Вологду, мать же цареву со двѣма царевичи ея заточи на Бѣло озеро. Тамъ же в заточении том умре царь и мати его, и брать царевъ Малендаръ царевич. Другий же царевичь оста живъ: того же изведе ис темницы и крести его, и даде за него дщерь свою.*

И се второе тогда Казань взята бысть от Москвы от начала ея в лѣто 6995-го года, июля въ 9 день, на память священномученика Пагкратия.

И посади на Казани великий князь Иоаннъ Васильевичъ служащаго своего царя Махмет-Аминя Ибѣговича, приѣхавшаго ис Казани к Москвѣ з братомъ своимъ Ибделятифомъ* служити великому князю.* И данъ бысть ему от него в вотчину градъ Кошира, другому же брату иныя грады. Отѣхаста убо тыя царевичи от болшаго брата своего Алехама, царя казаньскаго роскоторавшея о нѣкоей вещи, не стерпѣвше от него обиды многия. Они же подняша великаго князя Казань взяти, да не царствуетъ на Казани брать единъ, смѣяся и досаждая.

И по лѣтехъ же живша и умроста на Москвѣ оба царевича: Авделети въ срацынской вѣре своей, а другой же — изведеный ис темницы и в вѣру Христову крещение восприем и наречень бысть Петръ царевичь,* иже и зять бысть великаго князя.

Той же царь Махмет-Амин сяде на царствѣ и взя сноху свою за себе, брата своего царицу, *Алехамову* жену болшую, по прошению его у великаго князя из заточения ис темницы с Вологды, мужу же ея *Алехаму* царю умершу в заточении, и любя ему бысть велми братня жена.

И нача она помалу, яко огнь разжигати сухия дрова и яко червь точить сладкое древо, и яко прелукавая змия, научаема от вельмож царевых, охавившиися о выи, и шептати во уши царю день и ночь, да отложится от великаго князя и да не словоеть казанский царь раб его во всѣхъ земляхъ, да не срамъ будетъ и уничижение всѣмъ царемъ, и всю русь да побиеть, живущую в Казани, и корень ихъ изведеть изо всего царства своего: «И аще сия сотвориши, и много лѣтъ царствовати имаши на Казани, аще ли сего не сотвориши, вскорѣ бесчестием и поруганием сведень будеши съ царства, якоже и брать твой Алехамъ царь, и умреши тако же в заточении в темницѣ».

И всегдашняя капля дождевая и жестокий камень пробиваетъ вскорѣ, а лщение женское снѣдаетъ премудрыя человеки. И много крѣпился царь, и

произошел между ними решающий бой, помогли Бог и пречистая Богородица московским воеводам, и побили они тогда многих казанцев, и мало их живых в Казань убежало. И не успели казанцы запереться в городе, как живым был схвачен сам царь Алехам. И, войдя с ним в город, схватили русские мать его, и царицу, и двух братьев его и отвели их в Москву. Остальных же казанцев подчинили Московскому царству и сделали данниками.

И заточил великий князь царя Алехам с царицею его в Вологде, мать же царя с двумя царевичами ее заточил на Белом озере. Там, в заточении, и умерли царь, мать его и брат царя — царевич Малендар. Другой же царевич остался жив: великий князь освободил его из темницы, крестил и выдал за него замуж свою дочь.

Так во второй раз от основания ее была взята Москвою Казань в лето 6995 (1487), девятого июля, в день памяти священномученика Панкратия.

И посадил великий князь Иван Васильевич править в Казани служившего ему царя Махмет-Амина Ибеговича, некогда приехавшего в Москву из Казани с братом своим Абделятифом служить великому князю. И был дан ему во владение город Кашира, второму же брату — другие города. Уехали те царевичи от старшего своего брата — казанского царя Алехам, из-за чего-то поссорившись с ним, не стерпев причиненных им многих обид. Они-то и подговорили великого князя взять Казань, дабы брат их не царствовал в Казани один, насмехаясь над ними и досаждая им.

И, пожив некоторое время в Москве, умерли там два царевича: Абделятиф — в сарацинской своей вере, второй же — тот, что освобожден был из темницы и наречен при крещении Петром царевичем, а потом стал зятем великого князя.

Царь же Махмет-Амин начал править в Казани и взял себе в жены, испросив разрешения у великого князя, свою сноху, старшую жену брата своего Алехам, что жила в Вологде в заточении, ибо очень любя ему была братова жена, муж же ее — царь Алехам — умер в заточении.

И начала она понемногу, так же как огонь разжигает сухие дрова или червь точит сладкое дерево, подстрекаемая царскими вельможами, словно лукавая змея, обвинившись вокруг шеи, день и ночь нашептывать на ухо царю, чтобы изменил он великому князю, и перебил всех русских людей, живущих в Казани, и род русский уничтожил во всем царстве своем — да не слывет казанский царь рабом его во всех землях и да не будет позора и унижения всем казанским царям, говоря ему так: «Если совершишь это, много лет будешь царствовать в Казани, если же не сделаешь так, то вскоре с бесчестьем и поруганием лишен будешь царства своего, как и брат твой, царь Алехам, и умрешь, как он, в заточении, в темнице».

Как дождевая капля пробивает вскоре твердый камень, так лесь женская подтачивает мудрых людей. Потому и царь, хоть и долго крепился,

прелстися от злыя жены своея и послуша проклятаго совѣта ея, окаянный. О безумию его! Измени великому князю московскому, нареченному отцу своему, и присѣче купцовъ русскихъ богатыхъ и всю русь, живущую в Казани и во всѣх улусехъ з женами и з дѣтми в лѣта 7013 года на Рождество Иоанна Предтечи.*

На той бо день съѣзжахуся в Казань изо всеа земли Руския богатыя купцы* далния, и торговаху казанцы с русью великими драгими товары, невѣдушимъ рускимъ людем сея бѣды на себя никако же и без опасения всякого живущим, и надѣющимся яко на своего царя, и не бояшася его. И аще бы вѣдали сие, то бы не подклонилися под мечь, мочно было всякому мало попротивитися варваромъ или нѣкако избѣгнути ино.

Вездѣ превзыде вифлиомский плачь: тамо бо младенцы закалаху, отцы же и матери ихъ з болѣзнию души оставахуся, здѣ же состарѣвшися мужи и жены, и юноши младыя, и красныя отроковицы, и младенцы вкупѣ убивахуся.

И взя царь весь драгий товаръ и безчисленное богатство у купцовъ в казну свою и насыпа полну полату злата и сребра рускаго до верху, и подѣла от того себѣ вѣнцы драгия и сосуды, и блюда серебряныя и златыя и весь царьскій нарядъ устроивъ. И от тѣхъ мѣсть не ядыше от котловъ и опаницъ, яко песь ис корыта, но из серебряныхъ сосудовъ и златыхъ с велможями своими на пирѣхъ своихъ ядыше и веселяшеся без числа.

И казанцы много разграбиша по себѣ и обогатѣша, яко к тому не ходити имъ во овчихъ кожахъ ошившихся, но в красныхъ ризахъ и в зеленыхъ, и в багряныхъ одѣявшеся шапствовати пред катунями своими, яко во цвѣтахъ польстивъхъ различно красяхуся, другъ друга краснѣе и пестрѣе.

Бысть же тогда Казань за великимъ княземъ семь на десять лѣтъ.*

О ПРИХОДЕ МАХМЕТЬ-АМИНЯ, ЦАРЯ КАЗАНСКОГО, К НИЖНУМУ НОВУ ГРАДУ, И О ПАДЕНИИ ВОЙСКА ЕГО У ГРАДА, И О СТРАСѢ МОСКОВСКИХЪ ВОЕВОДЪ, И О СМЕРТИ ВЕЛИКАГО КНЯЗЯ ИОАННА. ГЛАВА 13

И еще не удовольися казанскій царь богатствомъ русскихъ людей, взятыхъ в Казани, ниже крови ихъ напися, текущая рѣками, но болшею яростию, свирѣпый, разжегъся. И собрався с казанцы своими, и призвавъ к себѣ на помощь 20 000 нагай к тому, и воюя християнство и убивая, и прииде к Нижнему Нову граду, еже хотѣ взять его, и пожже около града всѣ посады. И стояше у града тридесять дней, по вся дни приступая к нему.

Воевода же бѣ тогда во градѣ Хабар Симскій, и мало бысть во граде с нимъ бойцовъ, токмо народъ градскій — страшливыя люди, не успѣша бо к нему съ Москвы на помощь приити, занеже вскорѣ безвѣстно пришел царь. И

прельщен был все же женой своей и послушал, окаянный, проклятого ее совета. О безумный! Изменил он великому князю московскому, нареченному отцу своему, и перебил богатых русских купцов и всю русь, живущую в Казани и во всех казанских улусах, с женами и с детьми, в лето 7013 (1505) на Рождество Иоанна Предтечи.

В тот день съехались в Казань изо всех дальних мест богатые русские купцы, и торговали казанцы с русью дорогими товарами, ибо не знали русские люди о грозящей им беде и без всякого опасения жили в Казани, надеясь, как на своего, на казанского царя и не боясь его. Если бы знали они о предстоящем, то не склонились бы они под меч — каждый смог бы оказать сопротивление варварам и попытаться избежать смерти.

И поднялся везде вифлеемский плач: там убивали младенцев, отцы же и матери их оставались жить с болью в сердце; здесь же все вместе погибали: старики и старухи, юноши, прекрасные отроковицы и младенцы.

И отобрал царь у купцов в казну свою весь дорогой товар и несметные богатства, и полную палату русского золота и серебра до самого верха насыпал, и изготовил из него себе венцы, и сосуды, и блюда серебряные и золотые, и весь свой царский наряд. И с того времени не ел он больше из котлов и плошек, словно пес из корыта, но из серебряных и золотых сосудов вкушал с вельможами своими, веселясь на бесчисленных своих пирах.

И простые казанцы много богатств набрали себе тогда и разбогатели, после чего перестали они ходить в овечьих шубах, но, одевшись в красивые одежды — и в зеленые, и в красные, — стали они щеголять перед женами своими, всячески красуясь, словно цветы полевые, друг друга красивее и пестрее.

И оставалась тогда Казань под властью великого князя семнадцать лет.

О ПРИХОДЕ КАЗАНСКОГО ЦАРЯ МАХМЕТ-АМИНА К НИЖНЕМУ НОВГОРОДУ, И О ПАДЕНИИ У ГОРОДА ЕГО ВОЙСКА, И О СТРАХЕ МОСКОВСКИХ ВОЕВОД, И О СМЕРТИ ВЕЛИКОГО КНЯЗЯ ИВАНА. ГЛАВА 13

Но не насытился еще царь богатством русских людей, схваченных в Казани, и кровью их, текущей реками, не напился, но еще больше, свирепый, разжегся яростью. И собрал он казанцев своих, и призвал к себе на помощь двадцать тысяч ногаев, и, нападая на христиан и убивая их, подошел он к Нижнему Новгороду, вознамерившись взять его, и пожег около города все посады. И стоял он у города тридцать дней, ежедневно штурмуя городские стены.

Воеводой же тогда был в городе Хабар Симский, и мало было при нем в городе бойцов, только горожане — пугливые люди, так как не успела подойти к нему помощь из Москвы, ибо внезапно и тайно подошел царь к городу. И

мало града не взялъ, аще не бы во граде Богъ прилучилъ огненныя литовския ратобои, рекомыя желныри.

Тии бо быша на бою, когда побилъ литовскую силу на Ведроши храбрый воевода московский князь Данило, прозвищемъ Щеня,* и 12 воеводъ великихъ изыма, с ними же приведены тѣ желныре стрелцы. И тѣхъ заточили в Нижнемъ Великомъ Новѣ городе, в темнице съдаху.

Аще и мало ихъ числомъ бѣ, точию триста человекъ оставшихся живыхъ, изомроша бо мнози, в темницахъ съдыше, но превзыдоша храбростию многочисленныхъ и побилъ многихъ казанцовъ. И многоогненнымъ стреляниемъ своимъ и градъ отъ взятна удержаша, и христьянский народъ отъ меча и отъ плена избавиша. Застрелиша же шурина царева, мурзу нагайского, приведе бо воинство свое в помощь царю. Бѣста бо стояща со царемъ за нѣкою церковию христьянскою, думаяще о взятии града и понужающе воинство свое к приступу. И прилетѣ ядро, и удари его по персемъ, и вниде ему в сердце, и пройде сквозѣ, и ста. И тако исчезе нечестивый. И возмущася нагаи, яко птичия стада вожда своего изгубиша. И бысть брань между ими великая, и почаша съшися с казанцы по своему господине, и много у града паде обоихъ. Царь же едва остави мятежъ воинства своего, и убоявся, и от града отступи, и побѣжа к Казани, и многа зла христьянству учини.

И за сие великое добро свобожени быша от одержания желныри воеводою. И одаривъ ихъ, отпусти. Они же радостни поидоша восвоися, свободишася горкия смертныя темницы.

Московския же воеводы, пришедше, в Муроме стояху готовы, с ними же сто тысящъ войска, посланы великимъ княземъ прихода ради царева, не дати ему воли воевати Руския земли. Они же паче себе брежаху, а не земли своя, великимъ страхомъ объяти бывше, безумнии, и бояхуся, и трепетаху из града изыти. Толику силу имуще, нимало вѣстрѣтиша царя, а со царемъ бѣ толко шездесят тысящъ рати. Казанцы же неподалеку от нихъ хожаху по мѣстомъ, насмѣхающеся имъ, и воеваху, и христьянъ губяху, и великая села огнемъ пожигаху.

Умре же князь великий Иоаннъ Васильевичъ в борзе по измѣне казанской, на другое лѣто, не успѣ за живота своего управитися со царемъ казанскимъ. И приказа по себѣ царство свое Московское сыну своему Василию Ивановичю.*

О ПОСЛАНИИ МОСКОВСКИХЪ ВОЕВОДЪ Х КАЗАНИ И О ПАДЕНИИ ВОЙ У ГРАДА. ГЛАВА 14

Великий же князь Василей Иванович, хотя отомстити измѣну измѣннику — своему рабу, казанскому царю Махметъ-Аминю, и паки у него взяти Казань, и посла в себе мѣсто брата своего князя Дмитрея Углецкаго, Жилку по

если бы, по Божьей воле, не оказалось в городе литовских стрелков, называемых жолнерами, то взял бы он город.

Стрелки эти принимали участие в бою на Ведроши, когда храбрый московский воевода князь Данила, по прозвищу Щеня, побил литовскую силу и взял в плен двенадцать знатных воевод, с которыми и приведены были те жолнеры — стрелки. И были они заточены в великом Нижнем Новгороде в темницу.

Хоть и мало было их числом — всего триста человек, оставшихся в живых, ибо многие из них умерли, пока сидели в темнице, — но превзошли они храбростью многочисленных казанцев и побили многих из них. И своей сильной орудийной стрельбой предотвратили они взятие города и избавили христианский народ от меча и от плена. Они же застрелили и шурина царя, ногайского мурзу, который привел своих воинов на помощь царю. Стоял он вместе с царем, укрывшись за некою христианской церковью, думая о взятии города и понуждая своих воинов идти на штурм. И прилетело ядро, и ударило его в грудь, и поразило его в сердце, и, пройдя его насквозь, остановилось. Так и погиб нечестивый. И пришли ногаи в смятение, словно птичьи стаи, потеряв своего вожака. И началась между ними великая брань, и начали ногаи после смерти своего господина биться с казанцами, и много пало у города тех и других. Царь же едва подавил мятеж воинства своего, и испугался он, и побежал к Казани, и много зла причинил христианам.

И за большую их помощь были освобождены жолнеры воеводою из плена. И, одарив, отпустил он их. Они же, радостные, отправились к себе домой, освободившись из горькой смертной темницы.

Московские же воеводы, посланные великим князем, когда царь пришел на Русь, чтобы не дать ему разорять русские земли, со стотысячным войском стояли в это время наготове в Муроме. Но они больше себя берегли, чем свою землю: в страхе и трепете, безумные, боялись они выйти из города. Имея такую силу, они и не подумали встретить царя, а с царем всего-то и было шестьдесят тысяч войска. Казанцы же неподалеку от них ходили, насмехаясь над ними, грабили и губили христиан и огню предавали большие села.

Вскоре же после измены казанцев, на второй год, умер великий князь Иван Васильевич, не успев при жизни своей справиться с казанским царем. И передал он по наследству царство свое Московское своему сыну Василию Ивановичу.

О ПОСЛАНИИ МОСКОВСКИХ ВОЕВОД К КАЗАНИ И О ГИБЕЛИ ВОИНОВ У ГОРОДА. ГЛАВА 14

Великий же князь Василий Иванович, желая отомстить за измену изменнику — рабу своему, казанскому царю Махмет-Амину, и снова отобрать у него Казань, послал к Казани вместо себя своего брата — князя Дмитрия Углиц-

реклому,* и князей, и воеводъ с нимъ со многими вои рускими х Казани полемъ по суху на конех и Волгою в ладияхъ в лѣто 7016-го года.

И егда пришедшимъ воемъ рускимъ к Казани и первое даде имъ Богъ побѣду на казанцовъ. Потом же — охъ, увы намъ! — разгнѣвася на насъ Господь, и побѣжени быша християне от поганых, и поби ихъ казанский царь, изшедь, обоя войска руская, конная и плавныя, великою лестию нѣкоєю.

На великомъ бо лугу и на Арском поле около града поставляше царь до тысящи шатровъ на праздники своя, и велможы его в них же корчемствовавшѣ, пияше с ними и всякими потѣшенми царьскими веселяшеся, честь *празнику своему* творяше. Также и гражане, мужи з женами и з дѣтми, гуляюще по нихъ, пияху в корчемницахъ царевыхъ, купяше на цену и прохлажахуся. Многу же народу и черемися збирахуся на праздники тѣ с рухлом своимъ из далных улусовъ и торговаху з градскими людьми, продающе и купующе, и мѣняюще.

И в тѣх корчемницахъ пиющим и веселящимся царю и велможамъ, и всему люду казанскому, и не вѣдущим на себя ничего, и внезапно на праздникъ, аки съ небеси, падоша на казанцов предивная руская воинства и всѣх варваръ избиша, иных же плениша, а иные же во градъ за царемъ убѣжаша, инии же в лѣса — и коиждо ихъ како бы избыти. От великия тѣсноты во граде задыхахуся и задавляхуся людие, и аще бы едину три дни руская воинства стояли у града, то бы взяли градъ Казань волею и без нужы.

И осташася на лузѣ стоящи всѣ царевы *шатры, таже и* катарги и велмож его со многимъ ядениемъ и питиемъ и со всяким рухломъ. Вои же рустии от путнаго шествия нужнаго, уже аки взявше Казань, и оставя дѣло Божие, и уклонишася на дѣла диявольская от высокоумия и бѣзумия ихъ, Богу тако извольшу, и начаху ясти без страха и упиватися без воздержания сквернымъ ядениемъ и питием варварским, глумитися и играти, и спати, аки мертвы, до полудне. Царь же из стрѣлницы града зряше с казанцы бесчинство русскихъ воинствъ и безумнаго шатанія ихъ и узна ихъ быти пияныхъ и всѣх от мала и до велика, яко и до самых воеводъ, и помышляше, и времени подобна искаше, когда напасти на них, еже погубити я.

И разгнеवासя Господь на русскихъ вой, отъят от нихъ храбрость и мужество и даде поганымъ храбрость и мужество. Охъ увы! В третій же день пришествія руския силы к Казани во второй часъ дни отвориша врата граду, и выѣхавъ царь зъ двадцетню тысящъ конныхъ, а тритцать тысящъ пѣшихъ — черемисы злыя, да не сотворитъ зла ничто же, но токмо самъ на волю да убѣжитъ и не взятъ будет в плѣнъ, яко же выше рѣхъ. И нападе на полки руския, и смятошася полцы. Изби я и своя вся отпленивъ, всѣм пияным и спящим, и храбрія ихъ сердца бес помощи Божии быша мяхка, яко и женскихъ сердець слабѣйши.

кого, по прозвищу Жилка, с князьями, воеводами и со множеством русских воинов: полем по суше — на конях и Волгою — в ладьях в году 7016 (1508).

И когда пришли русские воины к Казани, то сначала даровал им Бог победу над казанцами. Потом же — ох, увы нам! — разгневался на нас Господь, и побеждены были христиане погаными, и разбил казанский царь, выйдя из города, оба русские войска, конницу и судовую рать, прибегнув к некой хитрости.

На большом лугу и на Арском поле около города царем было поставлено для праздничных увеселений до тысячи шатров, в которых пировали его вельможи и сам он с ними пил и веселил себя различными царскими потехами, отдавая честь празднику. Так же и горожане, мужья с женами своими и с детьми, гуляя после них, пили вино в царских корчемницах, покупая его за деньги и прохладяясь. Много народа и черемисов собиралось на те праздники с товаром своим из дальних улусов, и торговали они с горожанами, продавая, покупая и меняя.

И когда царь, вельможи его и все казанские люди пили и веселились в тех корчемницах, ничего не подозревая, внезапно среди праздника, словно с неба, ринулось на казанцев русское доблестное воинство и всех варваров перебило, некоторые же были взяты в плен, другие же вслед за царем убежали в город, иные же — в леса, — каждый спасался, кто как мог. От большой тесноты люди в городе задыхались и давили друг друга, и если бы еще дня три русское воинство постояло у города, то взяли бы они Казань без боя и без труда.

И остались стоять на лугу все царские шатры и обозы его вельмож с богатой закуской и вином и со всякой одеждой. Русские же воины после трудного похода, возомнив, что они уже взяли Казань, оставили дело Божие и уклонились из-за высокоумия своего и безумия на дела дьявольские, — ибо так было угодно Богу, — начали объедаться без страха и упиваться без удержу скверной едой и вином варварским, веселиться, и забавляться, и спать мертвым сном до полудня. Царь же из бойниц в городских стенах наблюдал вместе с казанцами бесчинства русских воинов и их безумное веселие и когда увидел, что все русские пьяны от мала до велика, в том числе и воеводы, стал думать, как бы выбрать поудобнее время, чтобы напасть на них и всех погубить.

Разгневался тогда Господь на русских воинов, отнял у них храбрость и мужество и отдал их храбрость и мужество поганым. Ох, увы! На третий день после прихода русской силы к Казани во второй час дня отворились городские ворота и выехал царь с двадцатью тысячами всадников и тридцатью тысячами пеших — злых черемис, намереваясь, не причинив зла, лишь вырваться на свободу и убежать, дабы не попасть в плен, как говорил я раньше. И напал он на русские полки, и пришли полки в смятение. И поскольку русские были все пьяны и спали и храбрые их сердца без Божьей помощи размякли и стали слабее женских сердец, перебил он их всех и освободил своих пленников.

И пояде мечь толикое воинство: клас несозрѣлых — юношь и средовѣчных муж, покры земное лице трупием человеческим, и поле Орское и Царевъ лугъ кровию очервленишася. Едва сами воеводы болшия от смерти убѣгнути возмогоша. Инѣх же побиша, а инии на Русь прибѣгоша с великою тщетою, много язвеных имуще. Воевод же тогда великих пять убиша: трех князей ярославских, князя Александра Пѣнкова, да князя Михаила Курбьскаго, Карамыша, з братом его с Романом, да Федора Киселева; Дмитрея Шеина жива на бою взяша, и замучи его царь в Казани зѣло горкими муками.

И от 100 000 ошастася толко русских людей 6000 разгнанных: овѣх убо мечем поразиша, инии же сами в водах истопоша, бѣгающе от страха варварскаго. И Волга утопшими людми загрязе, и езеро Кабан, и обѣ рѣки — Булак и Казанка — наполнишася побитыми тѣлесы христианскими. И тѣче вода по три дни с кровию, и сверхъ *людей* лзя было казанцомъ ходити и ѣздити, аки по мосту. И велик бысть от тѣх мѣсть плач на Руси, паче того, еже бысть плач о прежнихъ побитых в Казани живущия Руси. Понеже бо ту падоша воинския главы избранныя, княжие и боярские, и храбрых воевод и воинъ главы и тѣла, яко же и на Дону от Мамаю.

И тогда много зѣло казанский и велми царь Махмет-Аминь обогатися всяцем узорочьем и безчисленными драгими златом и серебром, и коньми, и доспѣхи, и оружием, и полоном. Или кто может дати число тому, ли смѣтити или счесть, еже царь тогда взял с казанцы своими! И ту учини гору златую.

Но не долсий живот ему протяжеся, и умалишася дние его, и въскорѣ Господь скрати вѣкъ его. И испиваетъ чашю Божия отмщениа.

О ПРОКАЗѢ ЦАРЕВѢ МАХМЕТ-АМИНЕВѢ, И О ПОКАЯНИИ ЕГО, И О ПОСЛАНИИ З ДАРЫ К ВЕЛИКОМУ КНЯЗЮ, И О СМЕРТИ ТОГО ЦАРЯ. ГЛАВА 15

И за сие преступление порази его Богъ язвою неизцелною от главы и до ногу его. Люте боляше три лѣта, на одрѣ лежа, весь кипя гноемъ и червми.

Врачеве же и волхвы не возмогоша от язвы тоя исцелити. Но ниhto к нему в ложницу не вхождаше посетити его: но ни та царица, прелстившая его, ни болшия его рядцы, смрада ради злаго, изходящаго от него. И вси смерти ему чаяху, не токмо тии, вхожаху к нему же и неволею, царица кормити пристави к нему. Но и тии скоро избѣгаху от поту лица его, и ноздри свои заемшии.

И воспомяну царь согрѣшение свое, глагола в себѣ, яко: «Бысть мнѣ неисцелѣнъ недугъ сей за неправду мою и измѣну, и за клятвопреступление, и за напрасное и неповинное многое кровопролитие христианьское, и за великую любовь и честь, бывшую ми на Москвѣ от названнаго отца своего и от великаго

И поглотил меч многочисленное воинство: юношей — колосьев несозревших и мужчин во цвете лет, покрыл лицо земли человеческими трупами, и поле Арское, и Царев луг обагрились кровью. Едва сами большие воеводы смогли избежать смерти. Иных же побили, другие прибежали на Русь с большими потерями, имея много раненых. Великих воевод тогда убили пять: трех князей ярославских — князя Ярослава Пенкова и князя Михаила Курбского Карамыша с братом его Романом да Федора Киселева; Дмитрия же Шеина живым взяли во время боя, и замучил его царь в Казани горчайшими муками.

И от ста тысяч русских людей осталось, разогнанных, только шесть тысяч: одни были мечом поражены, другие сами в воде потонули, убегая в страхе от варваров. И была Волга переполнена утонувшими людьми, и озеро Кабан, и обе реки — Булак и Казанка — наполнились телами убитых христиан. И три дня текла вода с кровью, и можно было казанцам ходить и ездить по трупам, как по мосту. И стоял тогда великий плач на Руси, громче того плача, который был по прежде перебитым в Казани русским людям. Ибо пали здесь избранные воинские головы, княжеские и боярские, и храбрых воевод и воинов головы и тела, так же как и на Дону от Мамаю.

И сильно тогда обогатился казанский царь Махмет-Амин различными сокровищами и бесчисленными дорогими золотыми и серебряными вещами, и лошадьми, и доспехами, и оружием, и пленниками. И кто может назвать число, или перечислить, или подсчитать, сколько всего захватил тогда царь с казанцами своими? И насыпал он из захваченного золотую гору.

Но недолго продлилась его жизнь, и укоротились дни его, и вскоре Господь сократил век его. И испивает он чашу Божьего мщенья.

О ПРОКАЗЕ ЦАРЯ МАХМЕТ-АМИНА, И О ПОКАЯНИИ ЕГО, И О ПОСЛАНИИ С ДАРАМИ К ВЕЛИКОМУ КНЯЗЮ, И О СМЕРТИ ТОГО ЦАРЯ. ГЛАВА 15

И за это преступление поразил его Бог неизлечимой язвой с головы до ног. Тяжело болел он три года, лежал на постели, весь кипя гноем и червями.

Врачи же и волхвы не смогли от болезни той исцелить его. И никто не входил к нему в спальню навестить его из-за смрада, исходящего от него: ни царица, прельстившая его, ни главные его советники. И все желали ему смерти — не только те, кто вынуждены были входить к нему, приставленные царицей кормить его. Но и те убегали вскоре, зажав ноздри от зловонного пота его.

И вспомнил царь о своем согрешении, и рассуждал про себя так: «Послан мне неизлечимый недуг этот за неправду мою и измену, и за нарушение клятвы, и за напрасно и невинно пролитую христианскую кровь. И за ту великую любовь и честь, которую оказал мне в Москве названный отец мой и

князя Иоанна Васильевича. Въскорми бо мя и воспита мя от руки своя, не яко господинъ раба, но яко чадолюбивый отецъ любя чадо свое, или, реку, волчье щеня по злонравію моему. Взяв бо Казань у брата моего великим подвигом и трудом и мнѣ предаде на брежение, злomu сѣмяни варварскому, яко вѣрному чаду своему, аз же, злый раб его, варваръ, солгахъ ему во всем, страшныя ему клятвы преступихъ, от лестных словесъ, оболстившихъ мя, жены моя послушахъ и во благоденства мѣсто злая воздахъ ему! И убиваетъ мя рускій Богъ его ради. О горе мнѣ, окаянному! Погибаю, и все золото и серебро, и царскія вѣнцы, и золототворныя одежды, и многоценныя постели царскія, и красныя мои жены, и предстоящія ми отроки младыя, и добрыя кони, и величание, и честь, и дани многіе, и все мое безчисленное богатство, и вся моя драгая царская узорочья оставляются инѣм по мнѣ! Аз же, поганый, токмо в суете тружахъся без ума, и нѣсть ми нынѣ ползы ни от жены-змии, прелстившия мя, ни от множества силы моя, ни от братства моего — вся бо исчезоша, яко прахъ от вѣтра».

И посла к Москвѣ послы своя* к великому князю Василию Ивановичю. С ними же посла к нему и царскія дары свои: триста коней добрых, на них же самъ яждяше, когда бѣ еще здрав, в сѣдлѣх и в уздахъ золотыхъ, и на коврѣхъ червленыхъ; мечъ и копье свое, и щитъ, и лукъ, и тулъ со стрѣлами, яко да тѣмъ Казань одолѣваетъ; и красный свой шатер драгий, ему же величьи купцы заморстии не возмогоша цены уставити и дивящеся хитрости его, глаголюще, яко: «Нѣсть в нашихъ заморскихъ странахъ, во всѣхъ земляхъ фряскихъ узорочія такова, ни слышено и ни видено ни у коегождо царя или у кроля, токмо тоя земли у царя, гдѣ сотворяють», — с различными узорами красными срацынскими, весь изшитъ золотомъ и серебромъ и усаженъ по мѣстомъ жемчугомъ и каменіемъ драгимъ, и *соха шатерная — морская трость*, двѣ пяди толщина, драгою муснею изписано красно, яко не мочно назрѣтися до сыти никому же. И еще сказати нѣсть лѣтъ, каковъ есть онъ хитростию и ценою; золотомъ и серебромъ не мочно купити его, аще не плѣномъ взять будетъ нѣкакo или такоже в дарѣхъ посланъ; прехитръ бѣ видѣниемъ и премудростию великою устроень. Присланъ бо той шатеръ казанскому царю в дарѣхъ от царя вавилонскаго и кизылбашскаго.

Той же иныя вещи нѣкія драгія присла казанскій царь к великому князю, братомъ и господиномъ зовя его и прощения прося о грѣсе своемъ, еже сотвори ко отцу его и к нему, сводя с себе измѣну и Казань преда ему. «Аз, — рече, — умираю», веля ему прислати на мѣсто свое царя или воеводу, вѣрнаго себѣ, не лестна, да не таково же сотворитъ зло.

И Махметъ-Аминъ житіе свое скончавъ, живъ червьми снаденъ бысть, яко дѣтоубійца Иродъ,* не исцелѣвъ отъ врачей, и отъиде въ вѣчный огонь равно мучитися с нимъ. Тако же и царица та, прелстившая его, борзо по немъ того

великий князь Иван Васильевич — ведь он вскормил меня и воспитал в доме своем не как господин раба, но как чадолюбивый отец любимое свое дитя, я же скажу — волчонка, по злему нраву моему; ведь захватив в кровопролитном и тяжком сражении Казань у брата моего, передал он ее на сохранение мне, злему семени варварскому, как верному сыну своему, а я, злой раб его, варвар, солгал ему во всем, нарушил данные ему страшные клятвы, послушался льстивых слов жены моей, соблазнивших меня, и вместо благодарности заплатил ему злом! И теперь за него убивает меня русский Бог. О, горе мне, окаянному! Погибаю я, и все золото и серебро, и царские венцы, и шитые золотом одежды, и многоценные постели царские, и прекрасные мои жены, и служащие мне молодые отроки, и добрые кони, и слава, и честь, и многие дани, и все мое несметное богатство, и все мои бесценные царские сокровища остаются после меня другим! Я же, поганный, всеу трудился без ума, и нет мне сейчас пользы ни от жены — змеи, прельстившей меня, ни от сильного войска моего, ни от родни моей — ибо все это исчезло, словно прах от ветра».

И послал он в Москву послов своих к великому князю Василию Ивановичу. С ними же послал к нему и царские свои дары: триста добрых коней, на которых сам ездил, когда был еще здоров, в седлах и в золотых уздечках, покрытых красными попонами; меч и копье свое, и щит, и лук, и колчан со стрелами, — чтобы с их помощью одолевал он Казань, и прекрасный свой дорогой шатер, которому богатые заморские купцы не могли установить цены и удивлялись замысловатости его, говоря: «Нет в наших заморских странах, во всех фряжских землях такой драгоценной вещи, не слышали о ней и не видели ни у одного царя или короля, только у царя той земли, где их делают», — с различными прекрасными узорами сарацинскими, весь он расшит золотом и серебром и усыпан жемчугом и дорогими камнями, и столб шатерный, из морского дерева двух пядей в толщину, красиво украшен дорогой мозаикой, так что невозможно никому досыта насмотреться. И невозможно передать словами, как искусно он сделан и сколько он стоит: нельзя купить его ни за золото, ни за серебро, разве только захватить в плен или получить в подарок, — такой он замысловатый с виду и с большим умом изготовленный. Прислан же был тот шатер казанскому царю в дар от царя вавилонского и кизилбашского.

Прислал казанский царь и иные дорогие подарки великому князю, братом и господином величая его и прося прощения за грех свой перед отцом его и перед ним, каясь в своей измене и отдавая ему в руки Казань. «Я, — сказал, — умираю», и велел он ему прислать на свое место царя или воеводу, который был бы ему верен, нелицемерного — дабы не сотворил такое же зло.

И окончил Махмет-Амин свою жизнь, заживо съеденный червями, как детоубийца Ирод, не вылеченный врачами, и отошел, как и тот, мучиться в вечном огне. Вместе с ним и царица та, прельстившая его, вскоре после его

же месяца с печали умре* и от совѣсти своя, бо дома смертнаго зелия вкусивъ. И се Богъ престапающимъ клятву воздает.

О СМирЕНИИ ВЕЛИКАГО КНЯЗЯ С КАЗАНЦЫ И О ПОСЛАНИИ НА ЦАРСТВО В КАЗАНЬ ЦАРЯ ШИГАЛИА. ГЛАВА 16

И умилися великий князь о прощении царя того, и забы зло его все, и прости его во всемъ, и безцѣнныя дары его в великую честь и любовь приять, и противъ послы казанския одари, и смирился с ними в мѣсто всѣхъ казанцовъ. И повѣри паки ложной ихъ клятве и обѣщанию ихъ лестному, вдаде имъ на царство по прошению ихъ служимаго своего царя Шигалея Шахъяревича Касимовскаго,* забывъ бывшее дваши великое побиеение христианское в Казани, не возвратна бо есть вещь и людей сѣченыхъ не воскресити.

Царь же Шигалей вшед в Казань с московскимъ воинствомъ и с воеводою — съ Федоромъ Карповымъ, и со князи, и с мурзы своими и держа царство, три лѣта мирно владѣя Казанью.* И казанцы много жити не любяху въ смиреннии без мятежа с великимъ княземъ и начаша прелщати царя своего Шигалия, веляще ему такоже от великаго князя отступити и измѣннити, яко же выше реченный царь прежний, Махмет-Аминь прокаженный, сотвори. «Да владѣеши ты единъ, — рекоша, — Казанью всею, намъ всѣмъ будеши ты единъ волный царь. Намъ бо нынѣ невѣдущимъ, у коего царя служити и бояться и коему царю покарятися, два царя имущимъ, и не вѣмы, от коего царя чести искати и даровъ восприяти и управление людемъ. Да одинаго лучше возлюбити всѣмъ сердцемъ нелестнѣ, — рекоша, — другаго же возненавидѣти».

Царь же Шигалий никакоже уклонися к лестнымъ словесемъ ихъ, ни послуша ихъ, лукавая глаголющихъ ему, но всѣхъ болшихъ князей и мурзъ в темницу заключи, иныхъ же казни смертней предаде. И возненавидѣша его всѣ казанцы, велможи и простиин.

И втай от него совѣщавшеся, пославше нѣкихъ своихъ в Крымъ ко царю Менди-Гирею,* и оттуду приведоша царя себѣ, испросивше у него сына меньшаго, именемъ Сап-Кирея.* И приидоша с нимъ в Казань многие крымскіе уланове и князи, и мурзы, и посадиша его на царство на Шигалѣево мѣсто.

И востаха казанцы паки на християны с новымъ царемъ Сап-Хиреемъ. И в третие всю русь присѣкоша в Казани, при царе Шигалее в третие лѣто, прибывше служащихъ ему варваръ, 5000 убиша. И царскую его казну всю взяша, злато и серебро, и многоценныя ризы его, и оружие, и кони, и воеводы московскаго домъ разграбиша, и отрокъ его тысячу убиша. Едва же токмо Шихалея и воеводу у казанцовъ упросиша. Царь Сап-Кирей пощади царскаго ради сѣмене и юности ради, и благородства, еже в немъ великаго разума. Бѣ бо царь Шигалей по роду от великихъ царей и от Златыя Орды, от колѣна

смерти, в том же месяце, от печали умерла, ибо, мучимая совестью, выпила дома смертельного зелья. Так воздаст Бог тем, кто нарушает клятву.

О ЗАКЛЮЧЕНИИ ВЕЛИКИМ КНЯЗЕМ МИРА С КАЗАНЦАМИ И О ПОСЛАНИИ НА ЦАРСТВО В КАЗАНЬ ЦАРЯ ШИГАЛЕЯ. ГЛАВА 16

И умилился великий князь оттого, что казанский царь попросил у него прощения, и забыл все его зло, и простил его во всем, и бесценные его дары с великой честью и любовью принял, и сам одарил казанских послов, и помирился через них со всеми казанцами. И поверил он снова ложной их клятве и лицемерному их обещанию, дав на царство по их прошению находившегося у него на службе царя Шигалея Шахъяровича Касимовского, забыв о дважды бывшем великом избииении христиан в Казани, решив, что нельзя возвратить минувшего и погибших людей не воскресить.

Царь же Шигалей, придя в Казань с московским воинством и с воеводою — с Федором Карповым, и с князьями, и с мурзами своими, правил царством, три года мирно владея Казанью. Но казанцы не любили долго жить в мире с великим князем, без мятежа, и начали они прельщать царя своего Шигалея, заставляя его отступить от великого князя и изменить ему, как сделал это упомянутый выше прежний царь — прокаженный Махмет-Амин. «Владей один, — говорили они, — всей Казанью, будешь ты всем нам один вольный царь. Ведь не знаем мы сейчас, какому царю служить, кого бояться и какому царю покоряться, так как два у нас царя, и не знаем мы, у какого царя чести искать и даров просить и власти над людьми. Лучше одного без обмана полюбить всем сердцем, — говорили они, — другого же возненавидеть».

Царь же Шигалей не склонился на лстивые их речи, не послушал лукавых слов, которые говорились ему, но всех знатных князей и мурз заключил в темницу, других же предал смертной казни. И возненавидели его все казанцы, вельможи и простые люди.

И, втайне от него посовещавшись, послали они своих людей в Крым, к царю Мендигирею, и, испросив у него младшего его сына, привели оттуда себе царя, Сахыб-Гирея по имени. И пришли с ним в Казань многие крымские уланы, и князья, и мурзы и посадили его на царство вместо Шигалея.

И снова восстали казанцы против христиан с новым царем Сахыб-Гиреем. И в третий раз посекали всех русских в Казани — при царе Шигалее, на третий год его царствования, перебив всех служащих ему варваров — пять тысяч их было убито. И царскую его казну всю взяли, золото и серебро, и дорогие одежды его, и оружие, и коней, и разграбили дом московского воеводы, и тысячу отроков его убили. Только Шигалея и воеводу у казанцев выпросили. Царь Сахыб-Гирей пощадил Шигалея из-за его царского происхождения, юности и благородства и большого его ума. Был ведь царь Шигалей родом из великих

Тактамышева,* и того ради царь не даде воли казанцем убити его. Испустити его ис Казани токмо с воеводою и с обѣма има отпусти служащаго варвара. И проводиша их в поле чистое нага и во единой ризѣ и на худомъ конѣ.

О ПЕЧАЛИ ВЕЛИКАГО КНЯЗЯ О ХРИСТИАНЕХ,
В КАЗАНИ ПОБИЕННЫХ, И РАДОСТЬ ЕГО О ШИГАЛИЕВЕ ЖИВОТѢ.
ГЛАВА 17

Слышавъ сие князь великий Василей Иванович, и в раскаяние прииде, еже о миру с казанцы, и печалень бысть на многи дни, и никому же его могущу утѣшити от великия печали. И многи слезы къ Богу проливая, и по многи дни хлѣба не вкушаше, ядения и пития, и плакашеся Богу о христианстѣй погибели, еже в Казани. Плакашеся и о царѣ Шигалее, яко той тамо же погibe: зѣло бо любляше его. И мало погодивъ, и се прииде ему вѣсть, сказующе ему жива царя Шигалия, добраго слугу своего вѣрнаго, и близко идуща в поле *чисте нага, яко роженна*, от глада изнемогша и ведуща с собою болши 10 000 рыболовов московских, ловящих рыбу на Волге, под горами Дѣвичьими и до Змиева камени и до Увѣка, за тысячу верстѣ от Казани. Заѣхавше, тамо живяху все лѣто, на Дѣвичьихъ водахъ ловяху рыбу и в осень возвращахуся на Русь, наловившихся и обогатѣвши.

И заслышавше рыболове от царя вѣсть пришедшую про сѣчу в Казани, яко да избѣжать к нему немочая оттуду, да не избиени и они будут от казанцовъ. А самъ же дозидашеся ихъ, стоя на мѣсте нѣкоем. Они же лодии свои и мрежы, и рыбы, и всѣ кормовые свои запасы огню и водѣ предаша, а сами поидоша полемъ, не знающе коиждо очи вѣсть, на себѣ токмо *рыбы* носящи едины. И доидоша до царя, гладом изнемогающимъ, мнози же и умроша. И ради быша царю, и царь имъ, *и плакашеся обои о* погибели своя. И поидоша царь и людие вкупѣ ко странамъ рускимъ, питающеся мертвечиною и ягодою полскою, и травою дивнею.

И посла князь великий предстоящих своихъ со многимъ брашномъ и со многими многоценными ризами и повелѣ в полѣ в рускихъ предѣлахъ съ честію срѣтити его. И приходящу ему близ самыя Москвы, и всѣрѣтиша царя вси полатнии волможи и боляре московския, из града выѣхаша на поле за посадъ, кланяющеся ему до земли.

Тако же и самъ князь великий от радости не може усѣдѣти в полатѣ своей и, скоро ишедъ, встрѣте его на полатныхъ лѣствицахъ честно, не яко раба, но яко брата своего и друга любимаго. И охапистася оба, и плакастася много, яко всѣмъ ту предстоящимъ бояромъ и велможамъ плакаться с ними. И вземъ его за руку и поидоша в полату. И тако утѣшися князь великий о

ханов Золотой Орды, от колена Тохтамышева, поэтому Сахыб-Гирей и не позволил казанцам убить его. Выпустил он его из Казани только с воеводой и с ними отпустил служащего им варвара. И выпроводили их в чистое поле только в одном платье и на плохом коне.

О ПЕЧАЛИ ВЕЛИКОГО КНЯЗЯ О ХРИСТИАНАХ,
ПЕРЕБИТЫХ В КАЗАНИ, И РАДОСТЬ ЕГО О СПАСЕНИИ ШИГАЛЕЯ.
ГЛАВА 17

Услышав обо всем этом, великий князь Василий Иванович раскаялся в том, что заключил мир с казанцами, и много дней пребывал в печали, и никто не мог его утешить в глубокой его печали. И много слез к Богу проливая, не притрагивался он по многу дней ни к хлебу, ни к еде, ни к питию, и плакал он, обращаясь к Богу, о гибели христиан в Казани. Оплакивал он и царя Шигалея, думая, что и он погиб там же, ибо очень любил его. И немного времени спустя пришла к нему весть, что жив Шигалей, верный и надежный слуга его, и близко идет он в чистом поле, нагой, как новорожденный, изнемогший от голода, и ведет с собою больше десяти тысяч рыболовов московских, ловивших рыбу на Волге, под Девичьими горами, до Змиева камня и до Увека, за тысячу верст от Казани. Заехав туда, они живут там все лето, ловят в Девичьих водах рыбу и осенью возвращаются на Русь, наловив рыбы и разбогатеv.

И получили рыболовы от царя Шигалея известие о том, что в Казани перебили русских, и наказ, чтобы они, не медля, бежали со своего места к нему, да не будут и они перебиты казанцами. Сам же он дожидался их, стоя в некоем месте. Они же свои лодки, и сети, и рыбу, и все свои съестные припасы сожгли и утопили в воде, а сами пошли полем, куда глаза глядят, неся на себе только рыбу. И дошли они до царя, изнемогшие от голода, многие же умерли по дороге. И рады они были царю, и царь им, и плакали они вместе о погибели своей. И пошел царь вместе с этими людьми к русским землям, питаясь мертвечиной, и полевой ягодой, и дикой травой.

И послал великий князь своих приближенных с обильной едой и большим количеством дорогой одежды и повелел им в поле на русской границе с честью встретить его. И когда подошел царь к самой Москве, встретили его все палатные вельможи и бояре московские, выехали они из города на поле за посад, кланяясь ему до земли.

Так же и сам великий князь от радости не мог усидеть в своей палате и, поспешно выйдя, встретил его с честью на дворцовой лестнице не как раба, но как брата своего и друга любимого. И обнялись они, и долго плакали, так что заплакали с ними и все присутствовавшие при этом бояре и вельможи. И взял он его за руку, и пошли они в палату. И утешился великий князь, узнав

Шигалиеве здравии и о пришествии его, преста от сѣтования и плача и бысть весель.

И многия царю Шигалею за его вѣрную службу дары воздаде, что к казанцемъ не приложися, ни прелестиша его измѣнити, бывъ у меча и самыя смерти горкия и поглощенъ во адове утробѣ, а родъ его бѣ с ними варварский единъ и языкъ ихъ единъ, и вѣра единая. И за великую похвалу его достоинъ есть царь Шигалей своя воли и царствовать. Онъ же владѣти собою не восхотѣ и рабомъ слыти не отвержеся, но и умрети не отречеся, любве ради к нему державнаго. И невѣрный варваръ паче нашихъ вѣрныхъ сотвори.* И достойно есть намъ чюдитися крѣпкоюю его!

О ПРЕСТАТИИ ВОЕВАНИЯ НА ВРЕМЯ ВЕЛИКАГО КНЯЗЯ
НА КАЗАНЬ. И О БРАНИ, И О СМИРЕНИИ ЕГО
С ПОЛСКИМЪ КОРОЛЕМЪ, И О ВТОРОМЪ ПОСЛАНИИ
МОСКОВСКИХЪ ВОЕВОДЪ НА КАЗАНЬ. ГЛАВА 18

И потом молча долго князь великий, 11 лѣтъ не могый управитися с казанцы,* одолѣваху бо ему зло не силою своею, но лукавствомъ и хитростию своею ратною. И тако силнии от несилныхъ изнемогаша. Великий бо тогда страхъ от нихъ обтече всю нашу Рускую землю, и токмо воеводы московския на краяхъ земли стояху по градомъ, стрежаху прихода казанцевъ, боязнию одержими, не смѣюще на нихъ из градовъ выходить.

Тогда бо бѣ князь великий недосуженъ воеватися с казанцы, но брань великую имяше с полскимъ королемъ, з Жигимонтом,* и воевашеся с нимъ не опочивая двадесять лѣтъ. И одолѣ кроля, и взять его столный градъ Смоленскъ со всѣми его предѣлы и много завладѣ литовския земли его. И едва в миръ его введе с королемъ римскый цысарь, послы своя посылавъ о томъ. И умирився князь великий с королемъ.

И паки же второе собра многочисленное множество войска рускаго, болше перваго, еже посылал з братом своимъ, посла войска своего отмстити казанцемъ и 12 воеводъ своихъ и с ними рати 150 000 в лѣта 7032-го года. Воспомяну же воеводамъ начальнымъ имена: в конной рати полемъ воевода князь Борис Суздальский Горбатой да Иванъ Ляцкий, да Хабар Симский, да Михайло Воронцовъ, да в ладияхъ князь Иванъ Палецкой да Михайло Юрьевичъ.

О грѣховныя споны, о неутанмыя наша бѣды! И тоя рати в ладияхъ на Волге черемиса казанская побила: яртаульный полкъ 5000 и предний полкъ весь — 15 000, и от болшаго полку 10 000 нѣкимъ ухищрениемъ злокозненнымъ. В тѣсникахъ бо рѣки тоя, в мѣстехъ островныхъ запрудиша великимъ древиемъ и камениемъ и доспѣша аки пороги, и ту згустившимся ладиямъ, и друг от друга сокрушася. К тому же и спреди, и ззди черемиса

о здоровье Шигалея и его возвращении, перестал он сетовать и плакать и стал весел.

И многими дарами воздал он царю Шигалею за его верную службу, за то, что не перешел на сторону казанцев, что не смогли они прельстить его на измену, хотя был он под мечом на краю горькой смерти и погружен в адову утробу, и род у него с ними был варварский один, и язык один, и вера одна. И за большие заслуги его удостоен был царь Шигалей права царствовать по своей воле. Он же свободным быть не захотел, и не отказался называться рабом, и не отрекся умереть за любовь к нему державного. Так, неверный варвар поступил лучше наших правоверных. И стоит нам подивиться мудрости его!

О ВРЕМЕННОМ ПРЕКРАЩЕНИИ ВЕЛИКИМ КНЯЗЕМ ВОЙНЫ С КАЗАНЬЮ, И О ВОЙНЕ, И О ПРИМИРЕНИИ ЕГО С ПОЛЬСКИМ КОРОЛЕМ, И О ВТОРОЙ ПОСЫЛКЕ МОСКОВСКИХ ВОЕВОД К КАЗАНИ. ГЛАВА 18

И после этого долго молчал великий князь, одиннадцать лет не мог он справиться с казанцами, ибо одолевали они не силою своей, но лукавством и хитростью воинской. И таким образом сильные от несильных изнемогли. Разлился тогда из-за них великий страх по всей нашей Русской земле, и только воеводы стояли по городам в пограничных землях, подстерегая приход казанцев, одержимые страхом, не смея выходить из городов, чтобы нападать на них.

Тогда ведь было недосуг великому князю воевать с казанцами, ибо вел он большую войну с польским королем, с Сигизмундом, и воевал он с ним без отдыха двадцать лет. И одолел он короля, и взял стольный его город Смоленск со всеми прилежащими к нему селениями, и завладел многими его литовскими землями. И едва помирил его с королем римский цесарь, посылавший для этого к нему своих послов. И заключил великий князь с королем мир.

И во второй раз собрал он многочисленное войско русское больше первого, того, что посылал с братом своим, и послал он свое войско отомстить казанцам — двенадцать воевод своих и с ними сто пятьдесят тысяч войска в год 7032 (1524). Вспомню же главных воевод имена: в коннице полем пошли воеводы князя Борис Суздальский Горбатый, да Иван Ляцкий, да Хабар Симский, да Михайло Воронцов; в судах же — князя Иван Палецкий да Михайло Юрьевич.

О греховные преграды, о неутайные наши беды! И то войско в ладьях на Волге побил с помощью некой злокозненной хитрости казанская черемиса: из ертаульного полка пять тысяч и весь передовой полк — пятнадцать тысяч и десять тысяч из большого полка. Перегородили они реку большими деревьями и камнями в тех узких местах, где выступали островки, и сделали запруду наподобие порогов, и когда скопилось здесь много судов, стали они разбиваться

стужаше имъ стреляниемъ и убиваниемъ, не пропускающе ихъ. И подсыцающе великое древие, изготовляху дубие и осокорне и держажу на ужищехъ, и на лодии пушаху с высокихъ береговъ, юду же минути не мочно. От единого бо древа людей пять и болши погрушася и с людми, и з запасом. И стѣнобитнаго наряду много — пушекъ, великих и малых, погрязе, и людей истопоша: мечущеся от страха сами в воду. После же тое воды вешние того же лѣта весь огненный нарядъ и зеляя, и ядра черемиса извлече, все в Казань допроводиша. И иных вещей много себѣ набраша, а еже в ладияхъ с погруженных утопших мертвещев снимаху великие чересы, насыпаны полны сребра; инии же в песцехъ находяще, разнесеных быстриною рѣчною, и свѣтлых портищъ, и оружия без числа. И Волга явися поганымъ человѣком златоструйный Тигрь,* не трудное богатство из себе издающи: злато и жемчюг, и камень драгое.

Воеводы же преидоша великие поля многими деньми, не вѣдуше бываемая струговым воемъ. И внидоша в землю Казанскую, и приближишася к рецѣ Свияге, на поле, и тако уже ту стояху воеводы казанския своею силою, ждуще руския силы. В нихъ же бѣ первый князь Аталык, а царь ихъ во граде осадися. И бишася по три дни об рѣку ту едины, и от единых побѣждени быша казанцы от воеводъ московскихъ. И побѣгоша ко граду к Казани. Воеводы же гнашася за ними до Волги, биюшеся. Они же вмѣташася в ладии свои и в Волге истопоша, а инии по лѣсомъ разбѣгошася; и утѣкоша немнози в Казань и затворишася со царемъ во граде. И казанцевъ бѣ побитыхъ на томъ бою сорокъ двѣ тысячи.

Воеводам же московским стоящимъ на побоищи на мѣсте томъ и воюющимъ улусы казанския, и дожидающимся людейныя рати, и дивящимся необычному замедлению ихъ, и се приплыша ту к нимъ обитыя воеводы, замедливше, пробивающеся сквозѣ пороги и тѣсности и мало оставшияся, з гладу изомроша, сказывающе имъ тритцать тысячъ войска своего изгубление. Воеводы же всѣ содрогнушася и ужасошася. И подумавше яко нѣсть лзѣ ко граду приступати без стѣнобитнаго наряду, всему в Волге утопшю.

И повоевавше нагорнюю черемису, и возвратишася обои воеводы вкупѣ, и людейныя с конными, пожгоша ладии свои досталныя. И не постояша у града ни единого же дни, гладныя ради нужды да на них же страхъ нападе. И приидоша к Москвѣ со тщетою войска своего, не с радостию, но с печалию великою. Много же войска от Казани идучи на пути голодомъ изомроша. Инии же чревною болезнию, долго лежавше на Руси, в своей земли помроша, яко не остатися половины живыхъ, ходившихъ войска того.

Князь же великий и о тѣхъ людех, якоже и о первыхъ своихъ избивенныхъ, долго печаленъ бысть. Но нѣсть тоя радости и печали, кая непреходима — *но* вся бо яко цвѣтъ увядаютъ, яко стѣнь мимо грядет.

друг о друга. К тому же и спереди и сзади преследовала их черемиса, стреляя по ним и убивая, не пропуская их дальше. Срубая толстые деревья, изготовляли они бревна дубовые и осокоревые и, привязав к ним веревки, пускали на ладьи с высоких берегов, так что невозможно было от них уклониться. От одного дерева тонуло ладей пять, а то и больше, с людьми и с припасами. И много стенобитного вооружения — пушек, больших и малых, ушло под воду, и людей утонуло — от страха сами они в воду бросались. После же, когда схлынули вешние воды, в том же году, черемисы извлекли все стенобитные орудия, и пушечный порох, и ядра и переправили их в Казань. И много иных вещей они набрали себе, а с мертвых людей, которые утонули вместе с ладьями, снимали они большие чересы, насыпанные доверху серебром; другие же находили в песке богатые одежды и много оружия, разнесенного по берегу речной быстринной. И стала Волга для поганых людей златоструйным Тигром, дающим из своих вод без труда добытое богатство: золото, и жемчуг, и драгоценные камни.

Воеводы же за много дней перешли великое поле, не зная о том, что случилось с воинами, переправлявшимися в судах. И вошли они в Казанскую землю, и приблизились к реке Свияге, и вышли на поле, а там уже стояли казанские воеводы со своею силой, поджидая русскую силу. Возглавлял их князь Аталык, а царь их заперся в городе. И три дня билось сухопутное войско одно с казанцами у той реки, и одними этими московскими воеводами побеждены были казанцы. И побежали они к городу Казани. Воеводы же гнались за ними до Волги, побивая их. Одни же попрыгали в свои ладьи и в Волге утонули, другие же разбежались по лесам, и лишь немногие убежали в Казань и заперлись вместе с царем в городе. И было убито казанцев в том бою сорок две тысячи.

В то время как московские воеводы стояли на месте того побоища и разоряли казанские улусы, дожидаясь судовой рати и удивляясь необычному ее промедлению, приплыли к ним отбившиеся от черемисов воеводы, те немногие, что не умерли с голоду, опоздавшие из-за того, что пробивались сквозь пороги и теснины, и рассказали о гибели их тридцатитысячного войска. Воеводы же все содрогнулись и ужаснулись. И подумали они, что нельзя им брать город приступом без стенобитных орудий, потонувших в Волге.

И, повоевав горную черемису, повернули назад все воеводы: и те, что приплыли в ладьях, и те, что возглавляли конницу, а уцелевшие ладьи сожгли. И не простояли они у города ни одного дня, ибо мучил их голод и напал на них страх. И пришли они в Москву, напрасно погубив войско, не с радостью, но в большой печали. Многие же воины умерли от голода по дороге из Казани. Другие же, долго проболев на Руси, умерли от желудочной болезни в своей земле, так что не осталось в живых и половины того войска, что ходило под Казань.

Великий же князь и об этих людях, так же как и о ранее погибших, долго печалился. Но нет той радости и печали, которые бы не проходили, ибо все увядает, подобно цветам, и все мимо грядет, словно тень.

О ТРЕТЬЕМЪ ПОСЛАНИИ МОСКОВСКИХ ВОЕВОДЪ ЕЖЕ К КАЗАНИ
И О ВЗЯТИИ ОСТРОГА КАЗАНСКАГО ВЕЛИКОГО. ГЛАВА 19

По семь же онъ терпѣ лѣтъ 6 и конечное стиснувъ сердце свое от великия скорби на казанцевъ, и положи на Бога упование свое, яко же отчаявся или гнѣваяся, да или ему поможетъ Богъ или поганым казанцемъ, или всячески его от всего отщетить. И паки собравъ третие великихъ воеводъ своихъ, и посла к Казани со многоратным воинствомъ — конную рать и в ладияхъ, яко и прежде сего дважды посылал.

Воеводам же начальнымъ бѣ имена: князь Иоанъ Бѣльскій,* князь Михайло Глинскій, сынъ Львовъ,* князь Михайло Суздалскій силный, князь Осипъ Дорогобужскій, князь Федор Оболенскій Лопата, князь Иван Оболенскій Овчина,* князь Михайло Кубенскій. И всѣхъ тридесять, оставлю же всѣхъ писати по именовъ, да не продолжу рѣчи.

И слышавъ казанскій царь Сап-Кирий великих воеводъ московскихъ в велицей силе идущих, и посла царь во вся улусы своя казанскія по князей и по мурзъ, веля имъ в Казань збиратися изо отчинъ своихъ и пригатовившись сѣсти в осаде, сказуя имъ необычную силу рускую и тѣмъ не смѣя с ними срѣтитися ни дѣла поставити. И черемису ближнюю повелѣ загнати: повелѣ имъ дѣлати подле Булака острог — около пасаду, по Арскому полю, от Булака же и до Казанки рѣки, и околы его рвы копати по-за острогу, да в немъ сѣдятъ черемиса с прибыльнымъ войском, яко да граду помощь будетъ и посады от запаления огня целы отстоятъ.

Пришло бо тогда в помощь царю и паче же на свою погибель тритцать тысячъ нагай, хотяше обогатитися рускимъ полоном и наймомъ царевымъ. Град бо Казань всего народа своего не можаше в себе вмѣстити, с прибылыми людьми за умаление пространства своего, издѣлану бывшу острогу повелѣнием царевымъ вскорѣ крѣпку и велику с каменнем и з землею, двема же концами ко граду притчену ему быти. И собращася воеводы казанскія и сѣдоша в нем со всею силою своею — с наган и с черемисою, а самъ царь во граде затворися с народом градскимъ и со избранными людьми с немногими.

Воеводы же московскія пришедше к Казани и составляют на казанцовъ брань крѣпкоратную. И стояху лѣто все приступающе ко граду и ко острогу. И в день с русью бяхуся казанцы, и к вечеру брани преставши, русь отхожаше въ станы своя опочивати, а казанцы ношью ядыху и запивахуся до пьяна, и спяху сномъ крѣпким, не бояхуся руси, оставльше токмо стражей на остроге; когда приидеть имъ от Бога свѣтъ ко дни, тогда уснуть крѣпко, единъ токмо стражъ на вратѣхъ.

И в таковое время десять храбрыхъ юношъ русскихъ полковъ свѣщавшеся тайно, любо въ смерть или в животъ, и ко острогу приползоша на чревѣ своемъ, змяямы подобни, и принесоша мѣх пушечного зѣлия, и под стѣну

О ТРЕТЬЕЙ ПОСЫЛКЕ МОСКОВСКИХ ВОЕВОД К КАЗАНИ И О ВЗЯТИИ БОЛЬШОГО КАЗАНСКОГО ОСТРОГА. ГЛАВА 19

После этого терпел он лет шесть, и сжалось смертное его сердце от великой скорби из-за казанцев, и то ли в отчаянии, то ли в гневе возложил он упование на Бога: или ему Бог поможет, или поганым казанцам, или лишит его всех земных благ. И снова, в третий раз, собрав главных своих воевод, послал к Казани закаленное в битвах воинство — конницу и судовую рать, как и до этого дважды посылал.

Главным же воеводам имена: князь Иван Бельский, князь Михайло Глинский, сын Львов, могущественный князь Михайло Суздальский, князь Осип Дорогобужский, князь Федор Оболенский Лопата, князь Иван Оболенский Овчина, князь Михайло Кубенский. А всего — тридцать воевод, но я прекращу перечислять их по именам, чтобы не отклониться от рассказа.

Казанский же царь Сафа-Гирей, услышав, что идут на него знатные московские воеводы с огромной силой, послал во все свои казанские уезды по князьям и мурз, повелевая им собираться в Казань из своих отчин и приготовиться к осаде, сообщив им о необычной силе русских, из-за которой не посмел он выйти к ним навстречу и сразиться с ними. И повелел он согнать из близлежащих мест черемису: повелел им строить подле Булака острог — около посада, на Арском поле, между Булаком и рекой Казанкой, и копать рвы за острогом, чтобы сидели в остроге черемиса с прибывшим войском, — тогда и городу помощь будет, и посады не дадут сжечь огнем.

Тогда же пришли на помощь царю, а вернее, на свою погибель, тридцать тысяч ногаев, хотевших обогатиться русским полоном и платой царицы. Так как город Казань не мог в себя вместить всех своих жителей вместе с прибывшими людьми и стало в нем мало места, по царскому повелению вскоре был построен из земли и камней большой острог, который с двух сторон примыкал к городу. И собрались воеводы казанские, и засели в нем со всей своей силой — с ногаями и с черемисой, а сам царь с городскими жителями и с немногими избранными людьми заперся в городе.

Воеводы же московские подошли к Казани и начали вести с казанцами ожесточенные бои. И стояли они под Казанью целый год, пытаясь взять приступом город и острог. Днем казанцы бились с русскими, а к вечеру, когда сраженье останавливалось, русские уходили в свои станы на отдых, а казанцы ночью ели, и напивались допьяна, и спали крепким сном, не боясь русских, оставляя только дозорных на остроге; когда приходил посылаемый Богом дневной свет, тогда и засыпали они крепко, оставляя только одного стражника у ворот.

Именно в такое время десять храбрых юношей из русских полков, тайно сговорившись либо выжить, либо умереть, приползли, подобно змеям, на животе к острогу, и принесли мех с порохом, и положили его под стену, смазав

положиша, и зажгеше острогъ запалениемъ сильнымъ, помазавше сѣрою и смолою, и загорѣвся, никому же отъ нихъ услышавшу, ни гласу испутившу.

И единъ отъ десяти человекъ, пришедъ, возвѣсти сотнику своему, яко острогъ запалиша. Сотникъ же сказа воеводе. Воевода же, князь Иоанъ Овчина, изготовяся со всѣмъ полкомъ своимъ и повелѣ въ ратныя трубы трубити. И уже заря утреняя предъ солнечнымъ восходомъ, а казанцы уснуша сномъ тяжкимъ, и ударишася объ острогъ съ шумомъ и съ воплемъ великимъ, за ними же и всѣ воеводы, видѣвше острогъ горящъ.

И послышавше казанцы гласъ трубный во всѣхъ рускихъ полкахъ. И придоша со всею силою рускии со всѣхъ странъ, конные и пѣшие, и проломиша вся врата у острога, и сѣцаху казанцевъ — иныхъ спящихъ, иныхъ бѣгающихъ, аки бѣсни, во огонь мѣтающиеся, ни коней своихъ вѣдяху, ни оружия помнящихъ.

И тако взяша руския люди крѣпкий острогъ. И посады ихъ погорѣша, и много люду казанского згорѣ. И бывшихъ въ немъ срацынъ всѣхъ избиша, аки скоть, числомъ 60 000, казанцевъ и нагай, храбрыхъ бойцевъ въ лѣта 7038-го июля въ 16 день. И падоша тѣлеса ихъ по Арскому полю, наги и не погребены.

Тутъ же, наскочивше изъ войска, избодоша копьи силнаго ихъ варвара Аталыка. Спящу ему въ шатрѣ своемъ з женою своею, на дворѣ своемъ упившуся виномъ, и не успѣвшу ему скоро отъ сна воспрянути и возложити на себя пансыря и шлема, ни палицы желѣзныя, ни меча похватити въ руку свою, но тако паде на коня своего въ одной срачицы и безъ пояса, и ни обуся, ни плесницъ имяше и хотяше во градъ убѣжати. И понесе конь его изъ острога на поле, къ рекѣ х Булаку и, аки крилатъ, конь его рѣку прелетѣ, а самъ онъ отъ страха ужасеся и паде съ коня своего, и остаеся на сей странѣ, а на другой сторонѣ бѣгаше конь его. И ту, на брезѣ, убиша Аталыка, похвалнаго воеводу казанского.

Наѣзжалъ онъ, злый, на сто человекъ удалыхъ бойцовъ, и возмущаше всѣми полки рускими и, многихъ убивъ, самъ отѣзжаше; доѣзжая и догоняя когождо, мечемъ своимъ по главамъ разсѣцаше надвое и до сѣдла, не удерживаше бо мечъ его ни шлема, ни пансыря. И стрѣляше версты далѣ въ примѣту, и убиваше птицы и звѣри или человекъ. Величина же его и ширина, аки исполина, очи же его бяху кровавы, аки у звѣря или человекоядца, велики, аки буйвола. И бояше бо ся его всякъ человекъ. Русский воевода или воинъ противъ его выѣхати и съ нимъ драться не смѣяху. Отъ взора его страхъ нашихъ обдержалъ.

Тогда же казанцы убиша дву воеводъ московскихъ добрыхъ, во оружияхъ возрастшихъ: князя Иосифа Дорогобужскаго на зѣздѣ копиемъ прободоша, и ту свалися съ коня своего, и подхватиша его свои отроцы; князя Федора Лопату стѣны градныя стрелою застрѣлиша въ мышку, и отече рука его, аки мѣхъ, и болѣвъ, и умре въ третій день.

стену серую и смолою, и подожгли острог, и загорелся он сильно, а никто внутри не услышал этого и не закричал.

И один из десяти человек, придя, возвестил своему сотнику, что острог подожжен. Сотник же сказал об этом воеводе. Воевода же, князь Иван Овчина, приготовясь со всем полком своим, повелел трубить в ратные трубы. И когда уже занялась утренняя заря перед восходом солнца, а казанцы уснули тяжелым сном, напали они на острог с шумом и громкими воплями, за ними последовали и все остальные воеводы, увидев, что острог горит.

И услышали казанцы звуки труб во всех русских полках. И пришли русские со всех сторон со всей своей силою, конные и пешие, и проломил все ворота у острога, и рубили они казанцев — иных спящих, иных бегающих, словно взбесившихся, бросающихся в огонь, забывших про коней своих и про оружие свое не помнящих.

Вот так и взяли русские люди крепкий острог. И погорели казанские посады, и много люда казанского сгорело. И побили, словно скот, всех находившихся в остроге сарацин, числом шестьдесят тысяч казанцев и ногаев, храбрых бойцов, в год 7038 (1530), июля в 16 день. И лежали тела их по Арскому полю нагие и непогребенные.

Тут же пронзили копьями и могучего варвара Аталыка. Упившись вином, спал он в шатре своем с женою, на дворе своем, и не успел он быстро от сна пробудиться и надеть на себя панцирь и шлем, ни схватить ни палицы железной, ни меча в руку, но так и вскочил на коня своего в одной сорочке, без пояса, босой и без башмаков хотел убежать в город. И понес его конь из острога на поле, к реке Булаку, и, словно крылатый, перелетел конь его реку, а сам он от страха и ужаса упал с коня и остался на этой стороне реки, в то время как конь его бежал по другой. И здесь, на берегу, убили Аталыка, достохвального воеводу казанского.

Наезжал он, злой, на сто человек удалых бойцов, и приводил в смятение все русские полки, и, убив многих, отъезжал; тех же, кого он догонял и настигал, рассекал он мечом своим надвое от головы до седла, ибо не спасал от его меча ни шлем, ни панцирь. И стрелял он в цель более чем за версту, и убивал с этого расстояния и птицу, и зверя, и человека. Ростом же и дородством был он как исполин, глаза у него были налиты кровью, словно у зверя или людоеда, и такие же большие, как у буйвола. И всякий человек боялся его. Русский воевода или простой воин против него выехать и с ним драться не смели. От взгляда его нападал на наших людей страх.

Тогда же казанцы убили двух московских воевод добрых, выросших в сражениях: князя Иосифа Дорогобужского на спуске копьем пронзили, и свалился он со своего коня, и подхвачен был отроками своими; князю же Федору Лопате с городской стены стрелой попали под мышку, и отекала у него рука и стала словно бурдюк, и занемог он и на третий день умер.

Казанский же царь узнав, что граду быти взяту и ему самому, аще во граде съдѣти, и выѣха из града нощию с крымскими татарами, с надежными своими с тремя тысящи. И возмутившимся полком о царѣ. Черемиса же, излѣзши из града и ухватиша *малаго градца гуляя 80 городень* и в них 7 пушекъ.* И бися крѣпко, и сквозѣ полки руския пробися, и с того бою на перемѣнных своихъ конѣхъ в Крым утече удалыхъ и со царицами своими к брату своему Сап-Кирию, царю крымскому, аки из рукъ изыманъ, ушел и язвень ранами многими. И остави Казань пуста, токмо во граде народ казанский: и жены, и дѣти, старии и младии. Бойцевъ двѣнадцеть тысячъ утѣкоша в Крым, черемисы злыя. И бѣ тамо в Крымѣ у брата своего лѣто и *шесть* месяцъ.*

О МИРѢ КАЗАНЦЕВЪ С ВЕЛИКИМЪ КНЯЗЕМЪ
И О ВЗЯТИИ ЦАРЯ С МОСКВЫ, И О УБИЕНИИ ЕГО.
ГЛАВА 20

Воеводы же со оставшими казанцы во граде перемирие учиниша и взяша выходы и оброки на три лѣта впредь к великому князю со всего царства Казанского. И отступиша прочь, не взявше Казани, между себе *в споре* и яко не смѣюще ни единъ остатися во граде на брежение, а градъ стояше три дни отворенъ и пусть без людей.

И намъ мнится, яко силнѣйши есть злато вой бесчисленныхъ: жестокаго бо умяхчеваеть, мяхкосердое ожесточеваеть и слышати глуха творить, и слѣпа видѣти. Самъ прелстися воевода первый и много себѣ злата взя у казанцевъ. И того ради ни самъ остана в Казани, ни иного же понуди. И возвратишася на Русь всѣ со всѣмъ воинствомъ, аще и падоша два воеводы на пути.

Они же с ними вдруг поидоша и казанския послы лстивыя от всего царства своего со многоценными дары великими. И пришедше к Москвѣ казанцы с воеводами московскими, и вдаша в руцѣ многие дары великому князю и полатнымъ бояромъ, и всѣмъ велможамъ его, и коморником, и всѣхъ творяху по себѣ да печалуются великому князю об нихъ. И плакахуся о мимошедшемъ злѣ, вину же на себе возлагающе, и повиновахуся, и смиряхуся, предающе Казань и во очи ему насмѣхавуся. И царя на Казань прошаху — брата Шигалиева меншаго, царевича Геналея,* аще дастъ имъ. Все же *сие* казанцы лщаху и маняху себѣ на мало время, како бы имъ скорби избыти и не до конца бы еще всѣмъ погибнути, донелѣже опочинутся, яко звѣрие в ложахъ своихъ, и паки, возставше заутра, лютейше явятся на ловитву и тацы же будутъ, аки змии суровии, безчисленно немилостиви ко христианомъ, якоже и прежде.

Казанский же царь понял, что если будет он сидеть в городе, то захватят и город и его самого, и ночью выехал из города с тремя тысячами надежных своих крымских татар. И началось из-за отъезда царя смятение в полках. Черемисы же, выйдя из города, захватили восемьдесят городней малого гуляй-города с семью пушками. И крепко бился царь, и пробился сквозь русские полки, и с того боя, сменяя удалых своих коней, с царицами своими бежал в Крым к брату своему Сахыб-Гирею, царю крымскому, весь покрытый ранами, ушел от русских прямо у них из рук. И оставил он Казань пустой: остались в городе только казанцы — женщины и дети, старые и молодые. Бойцов же двенадцать тысяч убежало в Крым, черемисы злой. И пробыл он там, в Крыму, у брата своего год и шесть месяцев.

О ЗАКЛЮЧЕНИИ КАЗАНЦАМИ МИРА С ВЕЛИКИМ КНЯЗЕМ, И О ВЗЯТИИ ИМИ ЦАРЯ ИЗ МОСКВЫ, И ОБ УБИЕНИИ ЕГО. ГЛАВА 20

Воеводы же с оставшимися в городе казанцами заключили перемирие и взяли дани и оброки со всего царства Казанского для великого князя за три года вперед. И отступили они прочь, не взяв Казани, перессорившись друг с другом, ибо ни один не смел остаться на правление в городе, а город стоял три дня отворен и пуст, без людей.

И кажется нам, что золото могущественнее многочисленного войска: ибо оно жестокого смягчает, а мягкосердечного ожесточает, глухого делает слышащим, а слепого зрячим. Сам первый воевода прельстился и много взял себе золота у казанцев. Поэтому ни сам он не остался в Казани, ни другого какого-нибудь воеводу не принудил к этому. И возвратились они все на Русь со всем воинством, только два воеводы умерли по дороге.

Вместе с ними одновременно пошли и льстивые казанские послы от всего царства своего с многочисленными дорогими дарами. И пришли в Москву казанцы с московскими воеводами, и передали многие дары в руки великому князю и придворным боярам, и всем вельможам его, и комнатной прислуге, чтобы те заступились за них перед великим князем. И калялись они в содеянном зле, признавая свою вину, и повиновались ему, и смирялись, передавая ему Казань, а сами смеялись ему в глаза. И попросили они дать им в Казань царя — Шигалеева младшего брата, царевича Геналея. Но все это говорили казанцы лицемерно и выпрашивали себе царя лишь на короткое время, чтобы избежать беды и не до конца всем погибнуть, пока соберутся они с силами, словно звери в норах своих, и тогда снова, встав поутру, еще более свирепыми выйдут они на охоту и будут такими же, как и прежде, жестокими и бесконечно немилостивыми к христианам, словно змеи.

Князь же великий послушав боляръ и велможъ и всѣхъ ближнихъ совѣтниковъ своихъ и лвообразную ярость во овчью кротость предложи, смирился с казанцы, утвердивъ ихъ клятвами многими. И вдаде имъ на царство Геналия, брата царя Шигалиева, царевича суща пятнадцати лѣтъ,* кротка и тиха. И воеводу ему даде на бжежение князя Василья Ярославского Пункова, всячески утѣшая, нѣсть ли казанцы укротятся и умирятся, и в правде поживут с нимъ, и примирити хотя ихъ добромъ себѣ, и присвоити, и в вѣкъ смиритися, яко да все християнство Руския земли в покое и в тишинѣ от нихъ пребудеть.

А на воеводѣ болшихъ, к Казани ходивших, распалився и разгнѣвався. Началнаго же воеводу, Бѣлскаго князя Иоана, едва от смерти упросили Данииль митрополить* и Сергиева монастыря игумень Порфирий. На томъ бо воеводѣ положено вѣдати все ратное дѣло, и за то бысть заключенъ в темницѣ пять лѣтъ, изыманъ, сѣдѣше скованы руцѣ, и нозѣ, и плеча, зло держимъ, ото всего имѣния своего и несытства обнаженъ и ожидаше смерти, когда глава его отсѣчена будетъ, занеже мочно бы ему Казань взяти и самоволениемъ не взя, сребролюбиемъ побѣжденъ. С прочихъ же воеводѣ борзо сниде гнѣвъ его, и быша в первой чести и любви его.

Казанцы же приведоша себѣ царя с Москвы, третяго уже, проминувъше лѣто едино тихо живше с нимъ,* и восташа, и убиша его без вины,* прекраснаго царя Гиналия Шигалияровича, в полатѣ спяща, яко юнца при яслѣхъ или яко звѣря в тенетѣ готова изымана. С нимъ же убиша и воеводу московского, царева воздержателя, и вся войска его. И паки же прияше царя Сап-Кирия* — бѣглеца, убѣгшаго в Крымъ от московскихъ воеводѣ.

О СМЕРТИ ВЕЛИКАГО КНЯЗЯ ВАСИЛЬЯ ИВАНОВИЧА И О ПРИКАЗѢ ЦАРСТВА СЫНУ ЕГО, И О САМОВЛАСТИИ БОЛЯРЪ ЕГО. ГЛАВА 21

И от того времени на долго время великое зло бысть християномъ от казанцевъ. В то же время и преставися великий князь Василей Ивановичъ, нареченный во иноцѣхъ Варлаамъ, в лѣта 7042-го года декабря въ 5 день. Царствова на великомъ княжении лѣтъ 28, много брася с казанцы, весь животь свой преmogая, и до конца своего не може имъ ничтоже сотворити.

И осташася от него два сына, яко от краснопераго орла два златоперыя птенца. Первый же, нами реченный князь великий Иоаннъ Васильевичъ, остася отца своего четырёхъ лѣтъ и трехъ месяць, зѣло благороденъ муж. Отець его всю великую власть Руския державы по смерти своей ему дарова. Другий же сынъ его, Георгий, не таковъ, но простъ сый и несмысленъ,* на все доброе нестроенъ. Той остася трехъ лѣтъ и полтора месяца.

Великий же князь послушал бояр, и вельмож, и всех ближних советников своих и сменил львиную ярость на овечью кротость, заключил мир с казанцами, подтвердив договор многими клятвами. И дал им на царство Геналея, брата царя Шигалея — царевича пятнадцати лет, кроткого и тихого. И для охраны дал ему воеводу — князя Василия Пункова Ярославского, и всячески утешал, надеясь, что казанцы укротятся, и помирятся с ним, и поживут с ним в правде, желая добром примирить их с собой, и покорить, и заключить с ними вечный мир, да пребудут в покое от них и в тишине все христиане Русской земли.

А на больших воевод, ходивших к Казани, распалился он и разгневался. Старшего же воеводу, князя Ивана Бельского, едва спасли от смерти митрополит Даниил и игумен Сергиева монастыря Порфирий. Тому воеводе поручено было ведать всем ратным делом, и мог бы он взять Казань, но, побежденный сребролюбием, самовольно не взял ее. И за это был он схвачен и заключен в темницу на пять лет и сидел, закованный по рукам, и ногам, и плечам, под строгим надзором, лишенный всего своего имущества и награбленных богатств и ожидая смерти, когда отсекут ему голову. А гнев великого князя на других воевод скоро прошел, и снова оказались они у него в великой чести и любви.

Казанцы же привели к себе царя из Москвы, третьего уже, и только год прожили с ним тихо, и восстали, и убили его без вины, прекрасного царя Геналея Шигалияровича, спящего в палате, словно теленка у яслей или зверя, попавшего в сети. Вместе с ним убили и московского воеводу, телохранителя царского, и все его войско. И снова приняли они царя Сафа-Гирея — беглеца, убежавшего в Крым от московских воевод.

О СМЕРТИ ВЕЛИКОГО КНЯЗЯ ВАСИЛИЯ ИВАНОВИЧА, И О ПЕРЕДАЧЕ ИМ ЦАРСТВА СВОЕМУ СЫНУ, И О САМОВЛАСТИИ БОЯР ЕГО. ГЛАВА 21

И с тех пор долгое время много зла терпели христиане от казанцев. В то же время преставился великий князь Василий Иванович, в иноках нареченный Варлаамом, в год 7042 (1533), в пятый день декабря. Царствовал он на великом княжении двадцать восемь лет, много воевал с казанцами, положив на это все силы, но так и не смог ничего с ними сделать до смерти своей.

И остались после него два сына, словно от красноперого орла два златоперых птенца. Первый, упоминавшийся нами великий князь Иван Васильевич, остался после отца своего четырех лет и трех месяцев, весьма благородный муж. Отец его всю великую власть Русской державы даровал ему после своей смерти. Другой же сын его, Георгий, не таков был — прост и не смышлен, и для добрых дел не пригоден. Тот остался трех лет и полутора месяцев.

И, умирая, князь великий повелѣ к себѣ принести в ложницу оба сына своя. И внесоша ихъ, и сѣдящим у него преосвященному митрополиту Данилу всея Руси и отцу его духовному, и всѣм его княземъ и боляромъ. И восклонься от одра своего, сѣдя и стоня, двѣма боляринома поддержимъ сый, и вземъ на руцѣ свои болшаго сына своего и, цѣлуя его, с плачемъ глаголаше, яко: «Сей будетъ вамъ всѣм по мнѣ царь и самодержецъ, и той отиметь слезы христианския и смиритъ языческа яшата, и вся враги своя побѣдитъ». И цѣловав оба дѣтища своя, и отдаде пѣстуномъ, а самъ тихо возлежъ на одрѣ и конечное цѣлование и прощение *дав* великой своей княгине Еленѣ и всѣм княземъ и боляромъ приказнымъ своимъ, и успѣ вѣчнымъ сномъ, не созрѣвъ сѣдинами, ни старости многолѣтны не достиг, остави плачь великъ по себѣ во всей Руской земли до возраста и до воцарения сына его.

И растяху сына его в воли своей оба, без отца и без матери, Богомъ самим брегоми и учими, и наказуеми, и всѣмъ тогда княземъ и велможамъ ихъ, и судиям градским самовластиемъ обиятым и в безстрашии Божии живущимъ, и неправосудящим, но по мздѣ, насилствующе людем и никого же блюющимся, понеже бо великий князь юнъ, и ни страха Божия имущим, и не брегущимъ от сопостать, не пекущися Рускою землею. Тамо и инде языцы погани христианъ воеваху, здѣ же среди земли сами мздами и налоги, и бѣдами великими, и продажами христианъ губяху. Да яко же велможи творяху, тако же и раби ихъ, зряще на господей своихъ. Тогда во градѣхъ и в селѣх неправды умножишася, восхищение и обида, и татбы и разбой, и убийства много, и по всей земли бяху слезы и рыдание, и вопль.

О ВОЦАРЕНИИ ВЕЛИКОГО КНЯЗЯ ИОАННА ВАСИЛЬЕВИЧА,
И О РАЗУМѢ, И О ПРЕМУДРОСТИ, И О ИЗБИЕНИИ ОТ НЕГО
БОЛЯР ЕГО, И О СОГЛЯДАНИИ ЕГО ЗЕМЛИ СВОЕЯ,
И О ЛЮБВИ ЕГО К ВОЕМ СВОИМ,
И О УВѢДАНИИ ЕГО О КАЗАНСКОМЪ ЦАРСТВѢ. ГЛАВА 22

Возрастъшу же великому князю Иоанну и великим разумом прешедшу, и восприемникъ бысть по отцѣ своемъ всея державы Руския великаго царства Московского, и воцарися, и поставися на царство великим поставлением царскимъ в лѣта 7055-го года генваря въ 16 день. И помазанъ бысть святымъ миромъ и вѣнчанъ святыми бармами и вѣнцем Манамаховымъ по древнему закону царскому, яко же и римстии, и гречестии, и прочии православнии царие поставляхуся. И наречеса царь всеа великия Росии.

И самодержецъ великъ показася, и страх его обдержаше вся язычския страны, и бысть велми премудръ и храбръ, и усердъ, и крѣпко силен тѣлом, и легкокъ ногама, аки пардусъ, и подобен по *всему* дѣду своему, великому князю

И велел, умирая, великий князь принести к себе в спальню обоих своих сыновей. И внесли их, когда сидели у него преосвященный митрополит всея Руси, и отец его духовный Даниил, и все его князья и бояре. И приподнялся он со своего ложа, и сел, стеная, поддерживаемый двумя боярами, и взял на руки старшего своего сына, и, целуя его, с плачем проговорил: «Сей будет всем вам после меня царь и самодержец, и высушит он слезы христианские, и смирит язычников, и всех врагов своих победит». И, поцеловав обоих детей своих, отдал их пестунам, а сам опустил на ложе, и дал последнее целование и прощение великой своей княгине Елене и всем своим князьям и приказным боярам, и заснул вечным сном, не дожив до седин, не достигнув глубокой старости, оставив после себя плач великий по всей Русской земле до того времени, пока не вырос и не воцарился сын его.

И росли оба сына его, предоставленные сами себе, без отца и без матери, самим Богом оберегаемые, поучаемые и наставляемые, в то время как все князья, и вельможи их, и городские судьи упивались самовластием и жили, не боясь Бога и не по справедливости судя, но по мзде, творя насилие над людьми и никого не боясь, потому что был великий князь еще юн, и не имели они страха перед Богом, и не берегли от супостатов Русскую землю, и не пеклись о ней. Как в других местах поганые народы нападали на христиан, так здесь, на своей земле, эти сами губили христиан, взимая с них мзду и налоги, причиняя им великие беды. И то, что творили вельможи, то же делали и рабы их, глядя на господ своих. Тогда в городах и в селах умножились несправедливости, хищения и обиды, и воровство, и разбой, и многочисленные убийства, и по всей земле стояли слезы, и рыдания, и плач.

О ВОЦАРЕНИИ ВЕЛИКОГО КНЯЗЯ ИВАНА ВАСИЛЬЕВИЧА,
И О РАЗУМЕ, И О ПРЕМУДРОСТИ ЕГО, И ОБ ИЗБИЕНИИ ИМ
СВОИХ БОЯР, И ОБ ОБЪЕЗДЕ ИМ ЗЕМЛИ СВОЕЙ, И О ЛЮБВИ
ЕГО К СВОИМ ВОИНАМ, И О ТОМ, ЧТО УЗНАЛ ОН
О КАЗАНСКОМ ЦАРСТВЕ. ГЛАВА 22

Когда же вырос великий князь Иван и пришел в великий разум, принял он после смерти отца своего всю власть великого Русского царства Московского, и воцарился, и был поставлен на царство великим поставлением царским в год 7055 (1547), января в 16 день. И был он помазан святым миром и венчан святыми бармами и Мономаховым венцом по древнему царскому обычаю, как и римские, и греческие, и прочие православные цари поставлялись. И нарекся он царем всей великой России.

И показал он себя великим самодержцем, и держал в страхе все языческие страны, и был весьма мудр, и храбр, и усерден, и очень силен телом, и легок ногами, словно гепард, и был он во всем подобен деду своему, великому

Иоанну. Преже бо его никто же от прадѣдъ его словяшеся в Росии царь, и не смѣяше от них никто же поставитися царемъ новымъ и зватися тѣмъ имянемъ, блюдахуся завидѣнныя и востанія на нихъ поганыхъ царей и невѣрныхъ.

Сему же удивишася вси, слышаше, врази его — погании царие и нечестивии крали, и похвалиша его, и прославиша, и послы своя приславше з дары к нему, и назвавше великимъ царемъ и самодержцемъ, ни гордяшеся, ни злословяще его, ни поносяще, ни завидяще ему. О семъ же паче великий салтанъ турский похвалная восписа ему* сице: «Воистину ты еси самодержецъ, царь мудрый и вѣрный, волнѣйший Божий слуга! Удивляетъ бо насъ и ужасаетъ превеликая твоя слава, и огненныя твои горуговъ прогоняютъ бо и попадаютьъ воздвигающихся на тя, иже отнынѣ боятся тебе вси орды наши и на твоя предѣлы наступати не смѣють».

И сѣдъ на велицемъ царствии державы своя благовѣрный царь, самодержецъ Иоаннъ Васильевичъ всеа Русии, и вся мятежники старыя изби, владѣвшихъ царствомъ его неправедно до совершеннаго возраста его. И многи велможи устрашишася и от лихоимания и неправды воспятишася, и праведенъ судъ судити начаша. И правляше с ними добръ царство свое. И кротокъ, и смиренъ быти нача, и праведенъ в судѣ и неуклоненъ, *ко всѣмъ* воинственнымъ людемъ милостивъ и многодаровит, и веселье сердцемъ, и сладокъ рѣчию, и окомъ радостенъ, от зрѣнныя очей своихъ источая веселие всѣмъ печальнымъ, блѣдность не бѣ на лице его.

Всякъ бо человекъ, иже в скорбѣхъ возрасте и в бѣдахъ множественныхъ, всѣмъ искусенъ бывает и можетъ многостражущимъ в напастѣхъ спомогати: и разумъ, и смыслъ великъ в таковыхъ проповѣдается. Тако и державный сей, малъ оставя отца своего и матери, въ юности своей вся собою позна, яко злато в горниль, в бѣдахъ искусися.

И соглядая землю свою всю своимъ очима, всюду ѣздя, и видѣ многи грады и страны руския запустѣвши от поганыхъ: Резанская бо земля и Сиверская крымскимъ мечемъ погублена, и Низовская же земля вся, и Галич, и Устюгъ, и Вятка, и Пермь от казанцевъ запустѣла. И плакашеся всегда предъ Богомъ, и моляшеся, да вразумитъ его Богъ то, иже языкомъ поганымъ воздати, еже христианомъ воздаша. Смѣтивъ ратныхъ людей во всей области своей, любляше ихъ и брежаше старыхъ, яко отцы, срѣдовѣчныя — яко братию, юныхъ же — яко сыны, и всѣхъ почиташе честыми прилѣжными. И от сего самодержца починашеся воемъ его быти трудове и печали велицыи, и брани, и кровопролития. И блещашися копия и мѣдныя щиты, и златыя шлемы, и желѣзныя одѣяния на всѣхъ, и разумъ, яко мочно есть з Божиею помощию и с тѣмъ своимъ воинствомъ брещи земли своя от всѣхъ странъ от плѣнення поганыхъ языкъ.

И еще ново прибави к нимъ — огненныхъ стрелцовъ много, к ратному дѣлу гораздо изученыхъ, и главъ своихъ не шадящихъ в нужное время, и отцевъ и матерей своихъ, и женъ, и дѣтей своихъ забывающихъ, ни смерти боящихся. И ко всякому бою, аки к великой корысти или к мѣдвеной чаше царстѣй, друг

князю Ивану. До него ведь никого из его прадедов не называли в России царем, и не смел никто из них венчаться на царство и зваться тем именем, остерегаясь зависти и нападения на них поганых и неверных царей.

Удивились, услышав об этом, все враги его: поганые цари и нечестивые короли, и похвалили его, и прославили, и прислали к нему своих послов с дарами, и назвали великим царем и самодержцем, не презирая его за это, не злословя о нем, не понося его, не завидуя. Лучше же всех написал ему об этом похвальные слова турецкий султан: «Поистине ты, самодержец, — мудрый и правоверный царь, истинный Божий слуга! Ведь удивляет нас и ужасает великая твоя слава: огненные твои хоругви отгоняют и сжигают поднимающихся на тебя, и отныне боятся тебя все орды наши и к твоим границам подступать не смеют».

И сел царствовать в державе своей благоверный царь Иван Васильевич, самодержец всей России, и перебил он всех старых мятежников, владевших несправедливо царством его до его совершеннолетия. И устрашились многие вельможи, и от лихоимства и обмана отказались, и праведный суд начали чинить. И управлял он с ними в согласии царством своим. И стал он кротким и смиренным, в суде же справедливым и непреклонным, ко всему воинству милостивым и щедрым, и весел сердцем, и сладок речью, и оком радостен, взором очей своих источая веселье всем печальным, и не было бледности на лице его.

Ведь всякий человек, выросший в страданиях и многочисленных бедах, во всем искусен бывает и может помогать страдающим от напастей: большой ум и понимание есть в таких людях. Так и державный этот, ребенком оставшись без отца и матери, все сам познал в юности своей, словно золото в горниле, в бедах закалился.

И, езда повсюду, осмотрев своими глазами всю землю свою, увидел он, что многие города и земли русские запустели от поганых: Рязанская и Северская земли крымским мечом погублены, и Низовская земля вся, и Галич, и Устюг, и Вятка, и Пермь из-за казанцев запустели. И просил он всегда у Бога и молился, чтобы вразумил его Бог, как отплатить поганым народам за то, что сотворили они христианам. Учтя воинов всей своей земли, относился он к ним с любовью и оберегал старых, как отцов, людей средних лет, как братьев, юных же, как сыновей, всем воздавая по их заслугам. И начались при этом самодержце для воинов его ратные труды, и великие печали, и сражения, и кровопролития. И, глядя на блещущие их копья, и медные щиты, и золотые шлемы, и железные латы, понял он, что сможет с Божьей помощью и с тем своим воинством оберегать со всех сторон свою землю от нападения поганых народов.

И присоединил он к ним новых воинов — многочисленные отряды пищальников, хорошо обученных ратному делу, и голов своих не щадящих в трудное время, и забывающих отцов и матерей своих, и жен, и детей, и смерти не боящихся. И устремлялись они на каждый бой, словно за богатой добычей

друга напред течаху. И силно бяхуся, и складываху храбрыя главы своя нелѣстно за вѣру христьянскую и за любовь к ним царскую великую, и дарове, и честь, отлучающе тѣх от любве отцев и матерей ихъ. И забываху *родителей* своихъ, и притѣкаху к нему, аки к чадолюбивому отцу, взимающи потребная неоскудно.

И увѣда царь и великий князь Иоанъ Васильевичъ, яко издавна стоитъ на Руской его земли царство срацынское Казань, по рускому же языку — Котель златое дно, и велика скорбь и бѣда предѣлом рускимъ бывает от него, и как отецъ его и прадѣд воевахуся с ними и конечныя споны не возмогоша сотворити Казани. И многа лѣта преидоша Казани, до трехсотъ лѣтъ — с первого начала Казанского от Саина царя — оттолѣ же обладающе казанстии царие тоя страны много Руския земли отъемше до сего нашего самодержца, о нем же нынѣ намъ слово предлѣжитъ, похваляя доблесть его. *Много бо, иже* и прежде его бывших, и державствующихи московстии праотцы его, великии князи, востающе и ополчающесе на казанцевъ, хотяще взяти змеиное гнѣздо ихъ, градъ Казань, и ихъ изгнати от отечествия своего, Руския державы. И вземше единою Казань, и удержати за собою царства, и укрѣпити его не разумѣша, лукавства *ради* поганых казанцевъ.

Овогда убо мало державнии наши побѣждаху казанцевъ, овогда же сами от нихъ болши сугубо побѣждаеми бываху; и никоего же зла могуще сотворити агаряном, внуком Измаиловымъ,* но сами паче и множае бездѣльны и посрамлены возвращахуся от нихъ. Учени бо суть измаилтяне от начала своего бранем, учатся от младенства сицевым, потому же и сурови, и безстрашни, и усерды намъ бываху, смиренным. От праотець своих благословени быша — от Исавы и от Исмаила прегордаго — питатися оружием своимъ; мы есмя — от кроткаго и смиреннаго изыдохом праотца нашего Иякова, тѣмъ силно не можемъ противитися и много смиряемся пред ними, и яко Ияковъ пред Исавом, и побѣждаемъ ихъ оружием крестным, той бо есть намъ во бранѣхъ побѣда и утверждение на противныя наша.

Онѣ измаилтяне оружиемъ своимъ многимъ преодолѣша земли и понасиловаша великим градом, еже и в нашей странѣ все, обладающе напрасно украиную нашея земли Руския. И вселишася в ней, и расплодишася, и злы быша на ны за умножение беззакония нашего пред Богомъ.

О ПЛѢНЕНИИ КАЗАНЦЕВ НА РУСКУЮ ЗЕМЛЮ И О ОСКВЕРНЕНИИ ОТ НИХ СВЯТЫХ БОЖИИХ ЦЕРКВАХ И НАРУГАНИЕ ХРИСТИЯНОМЪ. ГЛАВА 23

И како могу сказати или исписати напасти тоя грозныя и тучи страшныя руским людем во времена та! Страх бо мя побѣждаетъ, и сердце ми горитъ, и плачь смущаетъ, и сами слезы текутъ изо очию моею! И хто

или к медовой царской чаше, друг друга опережая. И мужественно бились они, и честно слагали храбрые свои головы за христианскую веру и за большую любовь к ним царя, и за дары его, и за почести, из-за которых пренебрегали они любовью отцов своих и матерей. И забывали они родителей своих, и приходили к нему, как к чадолюбивому отцу, всегда получая все необходимое.

И узнал царь и великий князь Иван Васильевич, что издавна стоит на Русской его земле сарацинское царство Казань, а по-русски — Котел золотое дно, и что приносит оно большие несчастья и беды пограничным русским землям, и о том, как отец его и прадед воевали с казанцами и как не смогли они окончательно покорить Казань. И много лет простояла Казань — около трехсот лет — от основания Казани царем Саином, и за это время до нынешнего самодержца нашего, о котором теперь надлежит нам сказать слово, восхваляя доблесть его, много русских земель захватили владевшие той страной казанские цари. Много раз и бывшие до него московские правители, предки его, великие князья, поднимались и ополчались на казанцев, стремясь взять змеиное гнездо их, город Казань, и изгнать их из отечества своего, Русской державы. И однажды взяли они Казань, но не сумели удержать за собою царства и укрепить его из-за лукавства поганых казанцев.

Случалось иногда, что правители наши побеждали казанцев, иногда же терпели от них еще большие поражения и не могли они никакого зла причинить агарянам, внукам Измаила, но более того — возвращались от них посрамленные, ничего не добившись. Ибо изначально владели измаильтяне военным искусством, которому обучаются они с детства, потому они и суровы так, и бесстрашны, и настойчивы бывают в боях с нами, смиренными. Праотцами своими — Исавом и гордым Измаилом — были они благословлены добывать себе пропитание оружием; мы же ведем род от кроткого и смиренного праотца нашего Иакова, поэтому и не можем сильно сопротивляться им и часто смиряемся перед ними, как Иаков перед Исавом, и побеждаем их оружием крестным, ибо оно приносит нам победу над врагами нашими.

Те измаильтяне с помощью своего оружия одолели многие земли и насилие учинили над многими большими городами нашей страны, и захватили неожиданными набегами окраины нашей земли Русской. И поселились они на ней, и расплодились, и причиняли нам зло за умножение наших преступлений перед Богом.

О ПЛЕНЕНИИ КАЗАНЦАМИ РУССКОЙ ЗЕМЛИ, И ОБ ОСКВЕРНЕНИИ ИМИ СВЯТЫХ БОЖИИХ ЦЕРКВЕЙ, И О ПОРУГАНИИ ИМИ ХРИСТИАН. ГЛАВА 23

И как могу я рассказать или описать те грозные напасти и тучи страшные, обрушившиеся в те времена на русских людей! Ибо страх меня побеждает, и сердце мое горит, и плач смущает, и сами слезы текут из очей

убо тогда, о вѣрнии, изрещи можеть бывшиа великия бѣды за многа лѣта от казанцевъ и от поганяя черемисы ихъ православнымъ христианомъ паче Батыя. Онъ бо единою протече Рускую землю, яко молнииа стрѣла или темная главня огненная, попаляя и пожигая, и разрушая, и пленя христианство, мечемъ посѣкая. И оттолъ наложи на державствующихъ нашихъ дани тяжки имати, якоже преже речено. Казанцы же не тако, но всегда из земли нашея не изхождаху, овогда убо с царемъ воююще и плѣняюще, яко пшеницу, пожинають и, аки садовъ, посѣкаютъ русскихъ людей, и кровь ихъ, аки воду, проливаху по удолиямъ, покоя христианомъ и тихости на всякъ часъ не дающе. Никому же от нашихъ князей и воеводъ могущу сопротив имъ стати, ни возбранити от такового ихъ звѣрства и безчеловѣчя, и суровства, и ни сопротивитися имъ, ни воспретити ни мало, и худы и некрѣпцы, и немощны воеводы наши никако возбраняху.

И всѣмъ тогда людемъ печаль велика бысть, живущимъ вскрай варваръ тѣхъ, и у всѣхъ вѣрныхъ людей горки слезы от очю течаху. И болши домовъ своихъ имяху в пустыняхъ и лѣсахъ, и в пещерахъ и горахъ крющесе, живяху з женами своими и дѣтми, варварскаго ради пленения. Инии же оставляюще дома своя пусты и родъ, и племя свое, страну и отечество свое, в немъ же родишася и воспитани быша, и преселение творяху оттуду во глубочайшую Русь, идѣже варвари тии не ходять.

И что много глаголю: от частаго бо ихъ нахождения и пленения мнози рустии гради до основания низложени быша и ото очю человекю не познаваемымъ быти, поразждьшимъ былиемъ и травою. Все же села пусты сотвориша, яко от великия пустоты и лѣсы великими заростоша. Честныя великия монастыри огнемъ пожгоша, святыя церкви стояниемъ своимъ оскверниша, лежаше спяху в нихъ; и блуд надъ плѣненными женами и дѣвицами творяху; и честныя образы святыя сѣкирами раскалающе, и огню всеядцу предаяху, и святыя сосуды служебныя в простыя сосуды претворяху: из нихъ же дома, на пирѣхъ своихъ, ядаху и пияху скверныя и мотыльная своя ядения и питиа; и честныя кресты, серебряныя и золотыя, сокрушаху, и святыя обложеныя иконы обдираху, на серебряныя и на золотныя изливаху, и усерязи, и ожерелия, и маниста женамъ своимъ и дщерямъ изряжаху, и тафии на главы своя украшаху,* и из ризъ священническихъ себе ризы перешиваху; и мнихомъ наругахуся, образъ ангельскій безчестяху: горящее углие за сандалиа ихъ засыпаху и, ужемъ о шии зацепляюще, скакати имъ веляху и плясати, яко звѣремъ на сие изученымъ; и добровидныхъ инокъ и тѣлеса молодыхъ, премѣняюще, совлачаху черныхъ ризъ и в мирскыя портища облачаху, и в варварскыя земли далече, яко простыхъ юношъ, продаяху; и младыя инокини разстризаху и разтлѣваху ихъ, яко простыя девицы, и за себя поимаху; надъ девицами же мирскими предъ очима отецъ и матерей ихъ беззаконие, блудное дѣло, не срамляющесе творяху, тако же и

моих! Да и кто может рассказать, о правоверные, о бывших тогда великих бедах страшнее Батыевых, в течение многих лет причиняемых казанцами и поганой их черемисой православным христианам. Батый ведь всего один раз прошел по Русской земле, словно стрела молнии или темная огненная головня, спалая, и сжигая, и разрушая, и пленяя христиан, посекаяя их мечом. И с тех пор обложил он правителей наших тяжелыми даями, как было сказано прежде. Не так было с казанцами: они из земли нашей не уходили, время от времени с царем своим разоряя ее и захватывая пленных, и пожиная, как пшеницу, и посекаяя, как сады, русских людей, и кровь их, как воду, проливая по долинам, не давая христианам ни на час покоя и тишины. Никто же из князей и воевод наших не мог ни подняться против них, ни помешать их зверствам, бесчеловечности и суровости, ни оказать им сопротивления, ни остановить их, и ни в чем им не препятствовали худые, и некрепкие, и немощные воеводы наши.

И была тогда великая печаль всем людям, жившим на границе с теми варварами, и горькие слезы текли из глаз у всех правоверных людей. Дома же свои они по большей части ставили в безлюдной местности, в лесах, и жили там, в пещерах и горах прячась с женами своими и детьми, боясь попасть в плен к варварам. Иные же, оставив дома свои, и род и племя свое, страну и отечество, где они родились и были воспитаны, переселялись оттуда в глубину Руси, куда не доходили те варвары.

И что тут много говорить: ведь от частых их набегов и завоеваний до основания были разрушены многие русские города и поросли они былием и травой, так что стали неузнаваемы. Опустошили они и все села, так что от всеобщего запустения позаросли они густыми лесами. И жгли они великие честные монастыри, святые же церкви оскверняли присутствием своим, ложась в них спать; и чинили они насилие над пленными женщинами и девицами; и раскалывая секирами честные святые образы, предавали их огню-всеядцу; и святые служебные сосуды в простую посуду превращали: дома, на пирах своих, ели и пили из них скверные и поганые свои яства и напитки; и снимали честные кресты, серебряные и золотые, и обдирая оклады с икон, переливали все это на серебряники и золотые и делали женам и дочерям своим серьги, ожерелья и мониста, а свои головы украшали тафиями и из священнических риз шили себе одежду; и над монахами чинили надругательство, бесчестя образ ангельский: засыпали им в сандалины горячие угли и, обвязав вокруг шеи веревку, заставляли их скакать и плясать, словно прирученных зверей; и стаскивали с молодых красивых иноков черные ризы и облачали их в мирские одежды, а затем продавали их, как простых юношей, в далекие варварские земли; и расстригали молодых инокинь, и насиловали их, как простых девушек, и брали их себе в жены; над мирскими же девицами на глазах у отцов их и матерей, не стыдясь, преступное блудное дело творили, также и над женами на глазах у

над женами пред очима мужей ихъ, еще же и над старыми женами, которыи до 40 лѣтъ и до 50 во вдовствѣ пребываху, мужей своихъ оставше. И нѣсть мочно таковаго беззакония ихъ подробну исчести, понеже бо то аз своима очима видѣх и пишу, свѣдая, горкое повѣданне.

Православнымъ христіяномъ по вся дни казанскими срацныи и черемисою в плѣнъ ведоми бываху, и старым и непотребнымъ очи избодаху, и уши, и носъ, и уста обрѣзоваху, и зубы искореневаху, и ланиту выломляху, и тако помѣтаху конечно дышущих. Инѣм же руце и нозѣ обсѣцаху и, яко бездушное каменіе, по земли валяющесе и по малѣ часѣ умирающе. И инии же человецы усѣкаеми, иных же на желѣзныхъ удицах за ребра и за пазуси, и за ланите пронизающе, иных же на полы пресѣцаху, погубляюще, иных же на вострыя колия около града своего посажаху и позоры дѣяху, смѣх великъ.

О царю Христе, терпѣнна твоего ради! — и сие же, паче их, сихъ реченныхъ, младенецъ незлобивыхъ от пазух матерей своихъ, и смѣющихся, и играющих, и руцѣ свои, яко отцемъ своим, любезно имъ подающе, — тѣх окаяннии кровопийцы за гортани похитивше, задавляху и, за ноги емлюще, о камень и о стѣну разбиваху, и, на копияхъ прободающе, поднимаху.

О жестокия сердца! О каменныя утробы ихъ! О солнце, како не померче и сняти не преста! Како луна не преложися в кровь, и звѣзды, яко листвіе от древес, на землю како не низпадоша! О земле, како стерпѣ таковая и не разверзе устѣ своихъ, и живых не пожре беззаконникъ тѣх, и во адъ не низведе ихъ! Кто тогда, жесток и каменосердеченъ, горце не восплачется, глаголюще: «О горе и увы!», видящу отцевъ и матерей от чадѣ своихъ отлучающихся, аки овцы от агнецъ своих, чада же от родителей своих, аки птенцы от птицѣ отъемлемы, и подружия от подружия своего разставающесе живымъ разставаніемъ, иже много лѣтъ живше вкупѣ и на едином одрѣ возлежащимъ, и играющим, и чада родивше, и воспитавше, и своих чадѣ дѣти видѣвше, и се во единъ часъ напрасно разлучаеми бываху, книждо от себе. А инии же — новобрачнии, яко единъ день или множае два поживше, инии же не тако, но еще законным браком обручившесе и от церкви в домъ свой идушимъ, вѣнчаніе приемшимъ от презвитера своего, и не познавшися горлица с супругомъ своимъ, тако же разлучахуся, женихъ с невѣстою, и друг от друга без вѣсти бываху, яко звѣрми, разхищахуся, невѣдомо ис пустыни пришедшими. А инии же, во благоденствѣ цвѣтуще и богатствомъ кипяще, яко древній Авраамъ, и нищія удовляюще, и странныя упокоивающе, и церковныя нерѣи почитающе, и плѣнныя у варвар откупающе и на волю пушающе, и многими деньми собранное у нихъ богатство в мгновении ока, поганых руками разграбляемо, изгибаше. Они же во единъ часъ назидовахуся, яко рожени, от всего своего лишаеми, и в убожествѣ и нищетѣ горце дни своя препровождаху, туне ходяще, просяще укруха; вчера и ономъ

их мужей, еще же и над старыми женщинами, которые до сорока и до пятидесяти лет во вдовстве пребывали, оставшись без мужей своих. И невозможно подробно перечислить все преступления их, ибо все это я видел своими глазами и знаю то, о чем пишу в горьком этом повествовании.

Православные христиане ежедневно уводились в плен казанскими сарацинами и черемисой, старым же, непригодным для работы, они выкалывали глаза и обрезали уши, нос и губы, и выдергивали зубы, и вырезали щеки, и в таком виде бросали их, еле дышащих. Иным же отрубали они руки и ноги, и валялись те люди как бездушные камни на земле, и спустя недолгое время умирали. Некоторые люди посечены бывали, других же они пронзали железными прутьями меж ребер, и в грудь, и в лицо, иных, убивая, перерубали пополам, иных же сажали на острые колья возле их города и предавали позору, насмехаясь над ними.

О царь Христос, велико твое терпение! Вот что они — хуже, чем с теми, о ком выше шла речь, — делали с младенцами незлобивыми: когда те, смеясь и играя, протягивали к ним любовно руки свои, словно к родным отцам, окаянные те кровопийцы, схватив за горло, душили их, и, взяв за ноги, разбивали о камень и о стену, и, пронзив копьями, поднимали в воздух.

О жестокие сердца! О каменные утробы их! О солнце, как ты не померкло и не перестало сиять! Как луна не претворилась в кровь, и звезды, как листья с деревьев, не попадали на землю! О земля, как стерпела ты все это и не разверзла уст своих, и живыми не поглотила тех преступников, и в ад их не низвергла! Кто не зарыдает горько, будь он даже жестокий человек с каменным сердцем, со словами: «О горе и увы!», видя, что отцы и матери разлучаются со своими детьми, словно овцы со своими ягнятами, дети же от родителей своих, словно птенцы от птиц, отрываются, и расстаются мужья с женами, прожившие вместе много лет, и на одном ложе возлежавшие, и любившие друг друга, и детей родившие и воспитавшие, и увидевшие чад детей своих, — и вот в один час жестоко разлучают их друг с другом. А иные — новобрачные, день или самое большее два прожившие, другие же — едва успевшие законным браком обручиться и идущие из церкви в дом свой, обвенчанные пресвитером своим, так что еще не познала горлица супруга своего — и те также разлучались, жених с невестою, словно зверями похищенные, внезапно пришедшими из пустыни, и ничего больше уже не знали друг о друге. У других же, в благоденствии процветающих и богатством кипящих, подобно древнему Аврааму, и подающих нищим, и странникам дающих приют, и церковных иереев почитающих, и выкупающих пленников у варваров, и на волю их отпускающих, за много дней собранное богатство в мгновение ока погибало, разграбленное руками поганых. И в один час оставались они нагими, как при рождении, лишившись всего своего имущества, и в убожестве и горькой нищете проводили свои дни, понапрасну ходя и прося куска хлеба; еще вчера

дни у них просящим до сытости подаваху, нынѣ же сами от боголюбцевъ снедениа приемляху.

Казанцы же приводяще к себѣ в Казань плененую русь и прелшаху, и принуждаху ихъ, мужескъ полъ и женескъ, в бусорманскую вѣру ихъ прияти. Неразумнии же мнози, увы мнѣ, прелсахуся и приимаху срацынскую вѣру ихъ, а инии же страха ради и мукъ и проданиа бояшеся. Увы! Горѣ таковых: не разумѣю прелести и помрачениа — горѣ варваръ и злѣе черемисы на христианы бываху.

Не хотящих же вѣры ихъ прияти убиваху, а иных, яко столпъ, перевязаных держаху и на торгу продаваху иноземцем купцем, тацѣм же поганым человекомъ, во иныя страны далниа и во грады поганыя невѣрныхъ людей, идѣже слух нашъ не знает, — на чюжую далнюю землю, да тамо вси погибнуть, не могуще оттуду никаможе избыти. Не смѣяху бо казанцы многия руси в Казани, мужска полу и необусорманеных, держати, ни во всей области Казанстей, развѣ женъ и дѣвиц, и младых отрочат, и да не наполнится руси и умножится в Казани, яко израилтян во Египтѣ, и укрѣпятся, и понасилуют самѣми ими. И того ради продаваху ихъ иноязычником, емлюще на них откупъ велик, и тѣм богатяхуся.

И бѣ скорбь велика в Руской земли и велико стѣнание, и рыдание, и вездѣ произходяше плач велегласен и горек, и неутѣшим от языка погана и неправедна, студа и злобы исполненъ, от человекъ, сердца милости не имущих.

МОЛЕНИЕ КЪ БОГУ ЦАРЯ И ВЕЛИКАГО КНЯЗЯ И О ЖАЛОСТИ КРЕСТЬЯНСКАГО НАРОДА, КОИ В ПЛѢНЪ ВЗЯТЫ. ГЛАВА 24

Православный же царь и великий князь Иоан Васильевич всегда, сия реченная слышавъ и зря плач и рыдание, и погибель людей своихъ, лютѣ печалюся о них, яко оружиемъ уязвляшеся и утробою мятяшеся, и сердцемъ боляше, стоняше о православныхъ христиахъ и по вся часы мысляше, како бы что таковая противная воздати казанцем и поганой черемисе ихъ.

И всегда с постом моляшеся Богу день и ночь и мало сна приемляше, Давыдски слезами своими постелю свою омакаше,* глаголя: «Боже, языцы приидоша поганин в достояние твое, дал еси намъ в жребий жити в немъ, и оскверниша церковь святую твою, и положиша тѣлеса раб твоихъ брашно птицамъ небеснымъ, и плоти преподобныхъ твоихъ звѣремъ земнымъ, и пролияша кровь ихъ, яко воду, в нашей земли. И поношение быхомъ соседомъ нашим, и поругание, и насмѣяние сущимъ окрестъ живущихъ насъ. Коими убо, Боже нашъ, казнами не наказа нас: и плененми непрестанными, и великими пожарами, и

просящим у них подавали они досыта, теперь же сами от боголюбцев пропитание принимали.

Казанцы же, приводя к себе в Казань русских пленников, прельщали их и принуждали, мужчин и женщин, принять басурманскую веру. Многие же неразумные — увы мне! — прельщались и принимали сарацинскую веру их: некоторые делали это от страха, боясь мучений и продажи в рабство. Увы! Горе было от таковых: не понимаю, как прельстились они и помрачился их разум, но бывали они христианам горше варваров и злее черемисы.

Тех же, кто не хотел принять их веру, они убивали; других же держали связанными, наподобие столбов, и продавали на рынке иноземным купцам, таким же, как и они сами, поганым людям, в иные дальние страны и поганые города, где жили неверные, о которых мы даже не слышали, в чужую дальнюю землю, дабы все они там погибли, не имея возможности никуда оттуда убежать. Ибо опасались казанцы русских людей, мужского пола и необасурманенных, в большом количестве держать как в самой Казани, так и во всей Казанской области, оставляли только женщин и девушек и молодых отроков, дабы не наполнилась русскими Казань и не умножилось число их, как израильтян в Египте, и не укрепились бы они, и не стали бы сами притеснять казанцев. Потому они и продавали русских иноязычникам, беря за них большую плату, и наживались на этом.

И разлилась по Русской земле великая скорбь, и стон великий, и рыдание, и отовсюду поднимался громкий плач, горький и неутешный, от народа поганого и несправедного, бесстыдством и злобой переполненного, от людей, не имеющих жалости в сердце.

МОЛЕНИЕ К БОГУ ЦАРЯ И ВЕЛИКОГО КНЯЗЯ О ТОМ, ЧТОБЫ СЖАЛИЛСЯ ОН НАД ХРИСТИАНСКИМ НАРОДОМ, В ПЛЕНУ НАХОДЯЩИМСЯ. ГЛАВА 24

Православный же царь и великий князь Иван Васильевич, слыша обо всем этом и видя плач, и рыдание, и гибель людей своих, всегда о них сильно печалился: горела у него утроба, как у раненого, и болело сердце, и стонал он при мысли о православных христианах, и всякий час думал он, как бы отомстить казанцам и поганой черемисе.

И всегда пребывал в посте, день и ночь молился он Богу и мало сну предавался и, орошая слезами своими, как Давид, свою постель, говорил так: «Боже, поганые народы вторглись во владения твои, и осквернили святую твою церковь, и сделали тела твоих рабов пищей для птиц небесных, а плоть преподобных твоих — для зверей земных, и пролили кровь их, словно воду, в нашей земле. И соседям нашим, окрест нас живущим, было от них поношение, и поругание, и насмешие. Какими только, Боже наш, казнями не наказал ты нас: и непрерывным пленением, и великими пожарами, и частым сильным

гладомъ частымъ и великим по всей земли, и мором великим — и ни тако же престахомъ от злб своих. Доколъ, Господи, прогнѣваешися на рабы твоя? Мене же еси, яко добраго пастыря, избрал стаду твоему, и, аз согрѣших, мене погуби преже, а не овцы моя. Да за что погибають сии? — Токмо грѣхов моихъ ради и небрежения, и непопечения о сих! Нынѣ, Господи, прости вся грѣхи моя и не помяни беззаконий моихъ первых, во юности сотворенных мною, и не отврати лица твоего от моления моего, и вонми слезы моя горкия, виждь сокрушение сердца моего и не презри воздыханий моихъ, и призри на стадо свое, еже стяжа десница твоя, и пощади наслѣдие твое, и ущедрн создание свое, Спасе, и услыши стонание раб твоих, и спаси люди гиблющия, за них же на крестѣ своем кровь свою излиал еси. Владыко, пролѣй гнѣвъ твой на языки, не знающия тебе, и на царствія, яже имени твоего не взыскаша, и помози нам, Боже, спасителю нашъ, славы ради имени твоего святаго, и сотвори с нами по милости твоей — изими насъ по чудесем твоимъ и даждь славу имени твоему, Господи, и да постыдятся вси супостаты наши, являющыя злая рабомъ твоим, и да изнемогут от силы своя, и крѣпость ихъ да сокрушится, и да разумѣют, яко ты еси Богъ единъ и славен по всей земли, и да тихо и безмятежно во благо время поживутъ христьянския чада, славяще тебе, великаго Бога и Спаса нашего Иисуса Христа». И о семь пророкъ написа: «Близъ Господь всѣм, призывающимъ его во истину; волю боящихся его сотворитъ и молитву ихъ скоро услышит, и спасеть ихъ».

О ВОСТАВШЕМЪ МЯТЕЖИ В КАЗАНИ И О СОГНАНИИ ЦАРЯ,
И О ВЗЯТИИ С МОСКВЫ ЦАРЯ ШИГАЛЕЯ, И О БѢЖЕНИИ ЕГО,
И СКАЗАНИЕ О УБИЕНИИ КНЯЗЯ ЧЮРЫ.

ГЛАВА 25

И воста в Казани в велможахъ и во всемъ народе смятение велико, воздвигоша бо крамолу вси болшии с мѣншими на царя своего, Сат-Кирея,* и свергоша его с царства своего, и выгнаша ис Казани со царицами его. И мало его не убиша за вину сию, что онъ приемляше своя земли крымскихъ срацынъ, приходящихъ к нему в Казань, и велможами быти устраяше, и богатяше их, и почиташе, и власть велику подаваше имъ, и обиде казанцевъ, и любляше и брежаше ихъ паче казанцевъ.

И побѣжавъ царь Сат-Кирей в Нагаи, и за Яикъ, и присвоися тамо, прибѣжавъ къ заяицкому князю Исупу,* и дщерь у него взя,* красну велми и мудру. С нею же взя и улусы кочевныя, в них же, кочюя, живяше. И бысть ему та пятая жена. И возлюбилъ ю зѣло, паче первыхъ женъ* своихъ болшихъ.

И подня с собою тестя своего, князя Исупа, приведе с нимъ нагайскихъ срацынъ — всю орду заяицкую, и прииде с ними на взятие Казани. И стояше два мѣсяца, приступая, и не взя града. И возвратися в Нагаи и ничтоже успѣвъ,

голодом во всей нашей земле, и мором великим, но и тогда не отказались мы от злых своих дел. Доколе, Господи, будешь гневаться на рабов твоих? И если меня избрал ты добрым пастырем стаду твоему, а я согрешил, то меня и погуби прежде, а не овец моих. За что погибают они! — Только из-за грехов моих, из-за того, что не берег их и не заботился о них! Ныне же, Господи, прости все грехи мои и не помяни первых моих преступлений, совершенных мною в юности, и не отврати лица своего от моего моления, и вними горьким моим слезам, увидь сокрушение сердца моего, и не презри воздыханий моих, и позаботься о стаде своем, которое охраняла десница твоя, и пощади наследие твое, и будь щедрым, Спаситель, к созданию своему, и услышь стоны рабов твоих, и спаси гибнущих людей, за которых пролил ты на кресте кровь свою. Владыка, излей гнев свой на народы, не знающие тебя, и на царства, не признавшие имени твоего, и помоги нам, Боже, Спаситель наш, во славу имени твоего святого, и поступи с нами по милости твоей — чудесами своими спаси нас, Господи, и прославь имя свое, да постыдятся все супостаты наши, причиняющие зло рабам твоим, и потеряют силу свою, и сокрушится твердыня их, чтобы уразумели они, что ты — один Бог славный на всей земле, и чтобы чада христианские могли тихо и безмятежно пожить в добрые времена, славя тебя, великого Бога и Спасителя нашего Иисуса Христа». Об этом и пророк написал: «Близок Господь ко всем, искренне призывающим его; исполнит он волю боящихся его, и быстро услышит молитву их, и спасет их».

О ПОДНЯВШЕМСЯ В КАЗАНИ МЯТЕЖЕ И ИЗГНАНИИ ЦАРЯ,
И О ВЗЯТИИ НА ЦАРСТВО ИЗ МОСКВЫ ЦАРЯ ШИГАЛЕЯ,
И О БЕГСТВЕ ЕГО, И СКАЗАНИЕ ОБ УБИЕНИИ КНЯЗЯ ЧУРЫ.
ГЛАВА 25

И началось в Казани среди вельмож и народа большое смятение: возвели все — и знатные, и простые — крамолу на царя своего Сафа-Гирея, и свергли его с царства, и выгнали из Казани с царицами его. И едва его не убили за то, что принимал он сарацин из Крымской своей земли, приходящих к нему в Казань, и делал их вельможами, и обогащал, и почитал, и наделял их большой властью, и любил их, и берег больше казанцев, казанцев же обижал.

И, побежав к ногаям за Янк, остался там царь Сафа-Гирей у заяицкого князя Юсупа и взял себе в жены его дочь, очень красивую и умную. В приданое же взял за ней кочевые улусы, в которых и жил, кочуя. И была это у него пятая жена. И сильно полюбил он ее, больше своих прежних, старших жен.

И, уговорив тестя своего, князя Юсупа, пришел он с ним захватить Казань, приведя с собой ногайских сарацин — всю орду заяицкую. И стояли они два месяца, штурмуя город, и не взяли его, так как не было у него никаких

токмо землю поплѣнив, нимало имуще у себя стѣнобитнаго наряду. И кто можетъ град таковъ стрѣлами взяти едиными, без пушек, аще не Господь его нѣкакo предасть!

В сие же время злочастное притужаше казанцем царь Шихалей Касимовский всегдашним воеванием земли ихъ. И возтужиша казанцы о частыхъ войнахъ, напавших на нихъ, ово же о царѣ своемъ, не могуще жити долго без царя, яко ядовиты осы без матки своя въ гнѣздѣ или малыя змии без великаго. И не вѣдяху, откуда себѣ царя добыти, не хотяху от казанскихъ царевичев и ни единаго знаемаго ими поставити царем. Ови убо хотяху в Крым послати по царевича, какова любо, овии же за турскаго царя мышляху заложити, да брежетъ их онъ и пришлетъ имъ своего царя, но не хотяху быти никому же повинны, яко державнии; овии же за московскаго царя и великаго князя, и бояхуся мщениа от него о старыхъ своихъ преступленняхъ; овии же и паки того же сосланнаго царя Сап-Кирея, изгнаннаго, призвати хотяху, но и того бояхуся, мало бо его не убивше казанцы, всегда поучаеми бываху на зло и на горшее преуспѣваху.

И смысливше, яко улучно время изыскавше оманути имъ самодержца московскаго, еже заложитися за него и Казань ему предати, и взяти на царство царя Шигалия, и уморити, яко же и брата его, мечи разсѣкоша, да не творит имъ пакости великие всегдашним воеванием. И послаша с лестию послы своя со многими дарми ко царю и великому князю просити царя Шигалия на Казань царемъ и миръ, и любовь имѣти с нимъ. И паче же заручающе на болшую вину, лжуще и маняще, яко же и отцу его лгаху и ругахуся.

Царь же и великий князь не позна гораздо лукавства казанцев, яко юнъ сый, и не послуша старыхъ вѣрныхъ совѣтниковъ своихъ. И возбраняющимъ имъ не нятъ вѣры казанцем, но повѣри и послушавъ лстивыхъ прелатаевъ своихъ злыхъ христианскихъ, наравящихъ казанцем, аще и единовѣрнии ему, еще же паче и воскормивше его. О семъ да никто же ми позазрит, яко лжу на своихъ глаголюща, истину бо вѣщаю: воистину достойни суть таковии вѣчному проклятию!

Онъ же, по лукавому совѣту ихъ, ятъ вѣры имъ и казанцем. И призвавъ к себѣ царя Шихгалей, и понуди его итти на царство в Казань, паче же на смерть, яко да, волею царство смиривъ, привлечетъ под руку державы его. Царь же Шихгалей не смѣ преслушатися самодержца своего, ни рещи ему противъ ничто же, да не разгнѣвается на него. Неволя бо многажды можетъ паче волнаго!

И поиде с казанскими татарами и с послы, великою печалию одержимъ сый, и не просто же, но на вѣре и ротѣ велицей, да не убиен будетъ от нихъ, тако же и они от него разпленени да не будутъ и никоея же ему вины прошлая не мстити имъ; да прежде *идет* к ним не в велицей силе: да не, убо явшеся

стенобитных орудий. И возвратился он к ногаям, ни в чем не преуспев, только пограбив Казанскую землю. И разве может кто-нибудь взять такой город одними стрелами, без пушек, если только не отдаст его ему в руки сам Господь!

В это же злосчастное время досаждал казанцам постоянными набегами на их земли касимовский царь Шигалей. И затужили казанцы из-за частых войн, обрушившихся на них, а также и о царе своем, ибо не могли они долго жить без царя, так же как ядовитые осы в гнезде без матки своей или маленькие змееныши без большой змеи. Но не знали, откуда добыть себе царя, ибо не хотели посадить на царство никого другого из известных им. Одни из них хотели послать за каким-нибудь царевичем в Крым, другие же за турецкого царя намеревались заложиться, чтобы взял он их под охрану и прислал им своего царя, при этом не хотели они никому повиноваться, словно правители; иные стояли за московского царя и великого князя, но боялись мщения его за старые их преступления; иные же хотели снова призвать изгнанного ими царя Сафа-Гирея, но и его боялись, ибо едва не убили его казанцы, всегда подстрекаемые на зло и в горьких делах преуспевающие.

И образовали они, что пришло подходящее время обмануть им московского самодержца: заложиться за него и отдать ему Казань, и взять на царство царя Шигалея, и погубить его, как и его брата, зарубить его мечами, чтобы не причинял он им великих бед постоянными своими войнами. И послали они лицемерно послов своих с многочисленными дарами к царю и великому князю, чтобы просить у него на царство в Казань царя Шигалея, обещая жить с ним в мире и любви, и навлекли они на себя еще большую вину, обманывая его и заманивая, как лгали и насмехались они над отцом его.

Царь же и великий князь по молодости не распознал сразу лукавства казанцев и не послушал старых верных своих советников. И хотя уговаривали они его не доверять казанцам, поверил он им, послушавшись льстивых и злых изменников христианских, которые хотя и были одной с ним веры, более того, — вырастили его, но угождали казанцам. Да не осудит меня никто за то, что лгу на своих, ибо все это правда: воистину достойны такие люди вечного проклятия!

Он же, по лукавому совету их, поверил им и казанцам. И, призвав к себе царя Шигалея, принудил его идти на царство, а вернее, — на смерть, в Казань, чтобы тот, своей волею смилив царство, подчинил его Московской державе. Царь же Шигалей не смел послушаться самодержца своего и в чем-нибудь возразить ему, дабы тот не разгневался на него. Покорностью ведь можно большего достичь, чем своеволием!

И пошел он с казанскими татарами и послами, охваченный большою печалью, но не просто так, а заключив с ними договор о том, что не будет он убит ими, они же не будут им взяты в плен, и что не будет он мстить им за прошлые их провинности; идти же он должен к ним без большого войска, иначе

казанцы плѣнения от царя, и вси во граде затворятся и царя самого, и послов своихъ к ним не пустят в Казань. И симъ лщением омануша его послове. И изыманъ бысть, аки медвѣдь, не крепкотѣнными мрежами звѣринными, но лестию и словесы лукавыми.

И не взяв царь с собою ни силы многие, ни стѣнобитнаго наряду огненаго, ни стрѣльцовъ, но токмо своих варваръ 3000 и два воеводы московских. Единъ посланъ на брежение царю в Казани быти с нимъ — князь Дмитрий Белской, и с тѣм тако же рабовъ и домочадецъ его 1000; другой же воевода — князь Дмитрий *Палецкой*, и тому повелено бѣ до Казани провадити и поставить царя на царство, и возвратитися.

И пришед тамо царь, и вѣстрѣтиша его казанцы, в пансырех и в dospѣсѣхъ одѣяни, *не з дары царьскими, со оружми кровь льюще*. И взяша царя единаго неволею в Казань, без воеводы его, и с ним в число болшихъ его мурзь и князей 100 человекъ. И тѣх емше, в тѣмницах заключиша, а прочих тѣхъ избиша всѣх на поле, на встрѣче царя, не пушая во град.

И видѣв воевода, князь Дмитрий, стряшееся сие зло над царемъ и проводивъ его с плачемъ и со слезами, поклонився царю, и ни единья ноши препочивъ, тако бо ему велено, и возвратися, скоро бѣжа, повѣдая сие самодержцу. Казанцы же отпустиша воеводу к Москвѣ, ни единаго словесе худа рекше ему, а после и каявшеся, что отпустивше его.

А другой же воевода со царем остана, и даша ему двory стояти за городомъ, на посаде. И не брежаху его, да како хошетъ, но токмо ко царю ѣхати не дадаху ему и к Москвѣ возвращаху, да идет от них без боязни и со всѣми своими, неврежен ничим же, а о царѣ да не тужит. Онъ же паче изволи умрети у них со царемъ, неже, оставльше его жива, единъ возвратитися и умрети на Москвѣ.

Глаголю же о нем, яко в том бѣ воеводѣ болшая измѣна казанцемъ, и сего ради они ходяще войною и не воеваху ни сель, ни градовъ его, но около их обхожаху, и ни куряти единаго не взимаху. Посему, знати есть, яко прелагатай бѣ.

И бысть тогда в Казани царь месяцъ единъ в лѣта 7054-го года, не яко царь, но яко плѣнникъ, изыманъ, крѣпко брегомъ — не испущаху его из града гуляти со своими его никаможе. И видѣ себе от казанцев неизбытною бѣдою одержима, и тужаше, и плакаше, и втай небеснаго Бога моляше по вѣре своей, но и русских святыхъ на помощь призываше, и мысляше, како бы *освободитися* от напрасныя смерти.

И в царския мѣсто власти смиряшеся пред ними и повиновашеся, и ни в чем же имъ прерѣковаше, и славны пиры на них творяше по вся дни, и дарове имъ подаваше, не царству же хотяше, но тѣм хотяше нѣкако смерти горкия избыти. Они же царскую его честь и дары со смирением ни во что же вмѣняху,

казанцы, побоявшись царской расправы, затворятся в городе и не пустят к себе в Казань ни самого царя, ни своих послов. И такой хитростью обманули его послы. И поймали, как медведя, но не крепкими охотничьими сетями, а лестью и лукавыми словами.

И не взял царь с собой ни большого войска, ни стенобитных орудий, ни стрельцов, взял только три тысячи своих варваров и двух московских воевод. Один из них — князь Дмитрий Бельский — был послан для охраны царя и должен был остаться с ним в Казани, при нем была тысяча слуг его и домочадцев; другому же воеводе — князю Дмитрию Палецкому — было приказано лишь проводить царя до Казани, поставить его на царство, а затем возвратиться.

И пришел туда царь, и встретили его казанцы одетыми в панцири и доспехи, не с царскими дарами, а с оружием, проливающим кровь. И впустили они царя в Казань против его воли одного, без воеводы, и с ним князей и мурз его сто человек. И, схватив их, заключили в темницах, а всех остальных перебили на поле, когда встречали царя, не пустив их в город.

И, видя страшшее с царем несчастье, проводил его воевода, князь Дмитрий, с плачем и со слезами поклонившись царю, и, не отдохнув ни одной ночи, как было ему велено, возвратился очень скоро в Москву, рассказав обо всем самодержцу. Казанцы же отпустили воеводу в Москву, ни одного худого слова не сказав ему, а после раскаивались, что отпустили его.

Другой же воевода остался с царем, и дали ему дворы для постоя за городом, на посаде. И не сторожили они его, предоставляя жить по своему усмотрению, но только к царю ездить не давали и уговаривали его вернуться в Москву: пусть-де идет от них без страха со всеми своими людьми, ни в чем не понеся ущерба, а о царе-де не тужит. Он же предпочитал умереть у них вместе с царем, нежели, оставив его живого, одному возвратиться и умереть в Москве.

Скажу же о нем, что был тот воевода тайным другом казанцев, поэтому они, ходя войной на Русь, ни сел, ни городов его не разоряли, но обходили их стороной, не взяв с него дани ни одним куренком. Поэтому следует знать, что был он предателем.

И пробыл тогда царь в Казани всего один месяц, в году 7054 (1546), не как царь, но как пленник, схваченный и крепко охраняемый, — никуда не отпускали его гулять из города с приближенными его. И, видя, что ввергнут он казанцами в непоправимую беду, тужил он и плакал, и в тайне молил своего Бога, и русских святых на помощь призывал, и раздумывал, как бы избежать жестокой смерти.

И вместо того чтобы показывать царскую свою власть, смирялся он перед ними, и повиновался им, и ни в чем не прекословил, и каждый день устраивал для них славные пиры, и одаривал их подарками, не на царстве стараясь утвердиться, но желая тем избежать горькой смерти. Они же царскую

но и сосуды его сребренныя и златыя, разставленыя пред ними на столѣх, разграбляху, сердце его раздражающе, зли, даромъ, да что имъ речеть, и они, вскочивше ту, и разсѣкутъ его мечи, аки сыроятцы звѣрие овча или козла разсторгнуть.

Но царская смерть без вѣдома Божия не бывает, ни проста коегождо челоувѣка, вся бо умирает судом его, Божиими дланми соблюдаеми: никто же можетъ от челоувѣкъ убити до реченнаго ему дни.

И вложи Богъ милосердие о царѣ, вѣрнаго ради его страданна за християны, въ сердце болшаго князя — властителя казанскаго Чюры Нарыковича;* власть бо тогда над всѣми велику имѣяше в Казани Чюра. Князь же той, возрѣвъ на царя челоувѣколюбезнѣ и милостивно, пожалѣ о нем сердцемъ и душою своею и припаде ко царю вѣрною приязнию нелѣстною, добру помочь ему дая совѣтомъ своимъ, печаль от него отрѣвая и время, подобно к бѣжаню его, сказуя, избавляя царя от неповинныя смерти, оболгаеть казанцевъ и сказуеть ему и волмож московскихъ, доброхотящихъ Казани, и вѣсти повѣдающе о злѣ, и о добрѣ, подаваше имъ, и дары от того у нихъ великии взиماشе. Царь же даде ему и *грамоты*, вѣры для, ихъ за печатми ихъ.

Казанцы же неотложно, с того дни и сего дни, хотяху царя убити, но побѣждаше смирение его. И пресѣцаше думу Чюра, и день от дне отлучаше. Во един же день праздника нѣкоего срацынскаго — обычай имѣют казанцы праздновати и веселитися, и в корчемницахъ испивати, в той же день зва царь на обѣдъ свой всѣхъ казанскихъ велмож и властей, и судей всѣхъ, пребывающихъ в ратномъ дѣле, и всѣхъ купцевъ великихъ, и добыточныхъ людей, и простыхъ, учрежаше ихъ сам в полатахъ царскихъ учреженемъ великимъ. Протчему же народу градскому повелѣ брашна и пития, и меду, и вина возити, великия сосуды мѣрныя изналивати, и неизчерпаему быти, и поставляти на царевѣ дворѣ и площади, и вездѣ по граду: и по улицамъ, и по переулкамъ, и на распутняхъ, идѣже собираются людие и куплю дѣют, и ходять, и минуютъ, — и давати имъ пити невозбранно до воли ихъ. Также и воеводы царевы вся, приходящыя к нему, накормлеваше и напояваше, и одаряше ихъ, улановой же и князей, и мурзъ. И вси упивахуся до пьяна и развѣзжахуся по домом своимъ. Простыя же люди по улицамъ лежаху, коиждо гдѣ възвалився. И вси царя похваляху, убозии же и нищии Бога о немъ моляху.

И никто же тогда никого же стрежаху, и могль бы царь, аще бы восхотѣл, от великихъ и до малыхъ, и до худыхъ всѣхъ избити во граде. Но или собою не домысляся, или вразумити его нѣкому на сие, но толко своими руками уби нарочитыхъ князей и мурзъ, но и болшихъ волмож пьяныхъ с собою ухвати и умча. Проспалися, в чепѣхъ и во оковахъ ведомы, на пути и плакахуся зло совѣсти своя и недомышляхуся.

его честь и дары, подносимые им со смирением, ни во что не ставили, но, злые, расхищали сосуды его, серебряные и золотые, расставленные перед ними на столах, понапрасну выводя его из себя; если же он что-нибудь говорил им, то они тут же, вскочив, готовы были рассесть его мечами, словно звери-сыроядцы — разорвать овцу или козла.

Но царская смерть без ведома Божия не случается, так же как и смерть любого другого человека, ибо все Божьими руками охраняемы: умирают по суду его, никто не может быть убитым до назначенного ему дня.

И в награду за праведные страдания царя за христиан вложил Бог жалость к нему в сердце знатного князя-правителя Чуры Нарыковича; имел тогда Чура большую власть надо всеми в Казани. И князь этот, посмотрев на царя человеколюбиво и милостиво, пожалел его сердцем своим и душою и привязался к царю преданно и искренне, оказывая ему большую помощь своими советами, отгоняя от него печаль и указывая ему время, подходящее для его побега, и тем избавляя царя от незаслуженной смерти; доносил он ему на казанцев, а также называл и тех московских вельмож, что были казанскими добротами, и, узнавая плохие и хорошие новости, передавал их казанцам, получая за это от них богатые дары. И для верности передал царю грамоты, скрепленные их печатями.

Казанцы же, не медля, со дня на день хотели убить царя, но побеждало их его смирение. И отговаривал их Чура, и день за днем откладывали они убийство. В один же день некоего сарацинского праздника — казанцы имеют обыкновение устраивать праздники, и веселиться, и в корчемницах напиваться — созвал царь на обед к себе всех казанских вельмож, и правителей, и судей всех, и ратных людей, и всех богатых купцов, и зажиточных людей, и простых граждан и разместил их сам в царских палатах по своему царскому усмотрению. Прочему же народу городскому повелел он возить еду, и питье, и мед, и вина, наливать их в большие сосуды и следить, чтобы не кончалось в них вино, и расставить их на царском дворе, и на площади, и по всему городу: и по улицам, и по переулкам, и на перекрестках, где собираются люди на торг, и ходят, и переходят, и давать им беспрепятственно пить, сколько они захотят. Также и всех царских воевод, приходящих к нему, кормил он, и поил, и одаривал — уланов, и князей, и мурз. И упились все допьяна и разъехались по домам своим. Простые же люди лежали прямо по улицам, кто где повалился. И хвалили все царя, убогие же и нищие Бога о нем молили.

И никто тогда никого не стерег, и мог бы царь, если бы захотел, всех перебить в городе от мала и до велика, всех без исключения. Но или сам он до этого не додумался, или некому было его вразумить, только убил он своими руками одних лишь знатнейших князей и мурз, богатых же вельмож, пьяных, с собою захватил и увез. Проснулись они уже в пути, ведомые в цепях и оковах, и зло плакали они от стыда, и не могли понять, как все случилось.

Царю же изготовившуся и воеводе его, и нощи дня того приспѣвши, во граде же всѣмъ людемъ пиянымъ, малу и велику, и проводи царя из Казани до Волги Чюра, испустивъ его и бѣжати изнарови. И рече ему: «Аз, царю, вмѣсто тебе умру и моя глава вмѣсто твоя главы. Ты же, мною избавленъ бывъ от смерти, не забуди мене: егда будеши на Москвѣ, прежде мене станеши пред самодержцемъ, и воспомяни ему о себѣ и о мнѣ вся повѣдай». Сказа Чюра всю свою мысль царю, яко: «И аз готовъ буду за тобою из Казани бѣжати к Москвѣ на имя самодержцево: аще ли не побѣгну, то быти ми убиену от казанцевъ про изпущение твое». И совѣтъ ему даде, яко да дождеть его царь на нѣкоемъ мѣсте знаемъ, день ему нарече, да з женами своими и з дѣтми, и с рабы, и со всѣм имѣниемъ своимъ, не мочавъ нимало, побѣгнетъ за нимъ к рускимъ людемъ и украинамъ.

Разгнѣвася бо Чюра князь на казанцевъ о царѣ Шигалии, что лѣсть сотвориша над царемъ не по совѣту его, и взяша царя на вѣре и ротѣ велицей, и восхотѣша его убити, аки нѣкоего злодѣя или худа челоуѣка, Бога не убоавшеся и брань конечную и кровопролитие зачинающе с московским самодержцемъ на отмщение себѣ и чадомъ своимъ.

И пущень бысть царь из Казани Чюрою, реку Богомъ, здрав побѣгли и воевода его, князь Дмитрей, со всѣми его отроки, невредень ничемъ: воевода же не стрегомъ казанцы, развѣе царя блюдаху крѣпко. И побѣжаху к рускимъ украинамъ, к Василь-городу, в борзоходныхъ стругахъ, токмо з душами своими, яко же *роженны*, да едины главы своя унесуть от напрасныя смерти, всю казну свою в Казани покинувшы, сребреную и златую, и оружейную, и ризную, избывъ от тѣнята, яко птица от пругла на воздухъ излѣтевъ, второе избывъ от рукъ казанцевъ, от страха смертнаго. И забы царь, и не пожда на мѣсте реченнѣмъ друга своего Чюры Нарыковича, избавльшаго его от смерти.

Во утрии же день приѣхаша нѣцыи князи и мурзы надзирати царя и видѣша двор царевъ пустъ стоящъ: ни входящихъ вонь и низходящихъ из него, и не бѣ стражей, ни бѣрежателей, ни слугъ царевыхъ, предстоящихъ ему. И поискавшы царя в ложницахъ его, и не обрѣташе ни во единой храминѣ. И видѣша токмо стрежателей царевыхъ, лежащихъ изсѣченыхъ. Они же рекоша: «Охъ! Охъ! Увы, яко прелщени есмя, *всякъ* посмиется намъ, вѣдомо бо казанцемъ бѣжаніе цареву».

И гнашася за нимъ и вѣдуще, яко не согнати его, и между собою которахуся и пряхуся овъ на того, овъ на иного, и много избиша меж собою неповинныхъ. Гнѣвахуся вси на Чюру, унимаше бо ихъ о убитии царя, и роптаху нань, и зубы скрѣжетаху. Инии же почитаху Чюру за храбрость его и за высокоумие его во всемъ граде.

Чюра же, по времени собрався з женами своими и з дѣтми, — с нимъ же бѣ 500 служащихъ рабъ его, во оружияхъ одѣяны, всѣхъ ратникъ с нимъ 1000 и

Когда же царь и воевода его были готовы к побегу и настала ночь того дня, а горожане все были пьяны от мала до велика, проводил Чура царя из Казани до Волги, выпустив его и уговорив бежать. И сказал ему так: «Я, царь, вместо тебя умру и отдам свою голову вместо твоей. Ты же, избавленный мною от смерти, не забудь меня: когда будешь в Москве и раньше меня предстанешь перед самодержцем, поведай ему о своем спасении и расскажи все обо мне». И открыл Чура царю весь свой замысел: «И я готов бежать вслед за тобой в Москву и перейти на службу к самодержцу: ведь если я не уйду, то убьют меня казанцы за то, что отпустил тебя». И условились они, что дождется его царь в некоем известном им месте в назначенный день, а он с женами своими, и с детьми, и со слугами, и со всем своим скарбом, не медля, побежит вслед за ним к русским людям в пограничные земли.

Ибо разгневался князь Чура на казанцев из-за царя Шигалея за то, что обманули они царя, не послушавшись его совета, и, клятвенно пообещав ему безопасность, захотели убить его, словно какого-нибудь злодея или безвестного человека, не побоявшись Бога и затеяв кровопролитную войну с московским самодержцем, уготовив тем месть себе и своим детям.

И, выпущенный Чурой, я же скажу — Богом, побежал царь из Казани, здоров и невредим, и с ним воевода его, князь Дмитрий, со всеми своими отроками: воеводу ведь казанцы не стерегли, только за царем строго следили. И побежали они к русским границам, к городу Васильеву в быстротечных стругах, ничего не имея за душой, в чем мать родила, чтобы только головы свои унести от жестокой смерти, бросив всю казну свою в Казани: золото, и серебро, и оружие, и одежду, освободясь от пут, словно птица, вырвавшаяся на воздух из сетей, во второй раз уйдя от казанцев, от страха смертного. И забыл царь и не подождал в назначенном месте друга своего Чуру Нарыковича, избавившего его от смерти.

Утром же следующего дня приехали некие князья и мурзы следить за царем и увидели, что двор царев стоит пуст: не было видно ни входящих в него, ни выходящих, ни стражей, ни охранников, ни слуг царских, прислуживающих ему. И, поискав царя в спальнях его, не нашли его ни в одной из комнат. И увидели они только побитых стражников царских. И сказали они: «Ох! Ох! Увы! Обмануты мы, и каждый теперь посмеется над нами, когда узнают казанцы о бегстве царя».

И погнались они за ним, и, поняв, что не смогут его догнать, начали между собою ссориться и браниться, один наскაკивая на другого, и убили многих неповинных. Гневались все на Чуру, ибо унимал он их, когда хотели они убить царя, и роптали на него, и скрежетали зубами. Другие же почитали Чуру за его храбрость и за то, что был он самым умным в городе.

Чура же через некоторое время, собравшись с женами своими и детьми, — было с ним пятьсот вооруженных рабов, служивших ему, всех же

присталых к нему со всѣм богатесвомъ князи з женами и з дѣтми, аки в села своя поѣха прохлajatися ис Казани. И побѣжа к Москвѣ спустя по царѣ Шигалѣи десять дней и догнав мѣста реченнаго, и не обрѣте царя ждуща его. И горко ему бысть в той часѣ.

А казанцы, увѣдавшѣ бѣжаніе Чюры и гнавшесѣ за ним, и догнавшѣ. Онѣ же, обостроживсѣ от нихъ в мѣсте крѣпце, чая отбитисѣ от нихъ. И бившесѣ с ними долго. И убиша своего храбраго воеводу Чюру Нарыковича и с сыном его, и со всѣми отроки его, яко прелэгатай естѣ Казани, доброхота царева. И токмо живѣ женѣ его с рабынями еѣ в Казань возвратиша. И болши сеѣ любви нѣсть ничто же, еже положити душу свою за господина своего или за друга.

О ТРЕТИЕМЪ ВЗЯТИИ ЦАРЯ САП-КИРЕЯ НА ЦАРСТВО
И О СКОРБИ ЕГО, И О СМЕРТИ, И О ЦАРИЦѢ ЕГО,
И О КАЗНИ ВЕЛМОЖ МОСКОВСКИХ,
И О ПОСЛАНИИ ВОЕВОД МОСКОВСКИХ НА КАЗАНЬ. ГЛАВА 26

И по избѣжании царя Шигалѣи ис Казани идоша казанцы в Нагаи, за Яикѣ, и молиша царя Сап-Кирея, да изыдетъ паки третѣе к нимъ на Казань царемъ,* ничтоже боясѣ. Онѣ же радѣ бысть и поиде с ними, прииде с честью в Казань. И встрѣтиша с дары царскими и умиришасѣ с ним. И царствова напослѣдок два лѣта, и злѣокаянную свою душу изверже.*

Словес Божиих суд! Мечъ и копие не уби его, и многажды на ратѣх смертныѣ раны возлагаху нанѣ, нынѣ же, пьянѣ, лице свое и руце умываше и напрасно занесесѣ ногама своима, и главою о умывалничный теремец ударисѣ до мозгу, и о землю весь разразисѣ, и всѣ составы тѣла его разслабишасѣ, и не успѣвшим его предстоящим скоро подхватити. И от того умре того же дни, глагола сие, яко: «Нѣсть ино ничто, но кровь христіянская уби мя». И всѣх лѣтъ царствова на Казани 32 лѣта.

И, умирая, царѣ приказа царство свое меншей царице* своей, начаясѣ нѣчто сынѣ родитсѣ ему от нее, а трем женам раздѣли имѣніе царское и отпустити велѣл во отечествія своя ихъ. Они же поѣхаша: болшая в Сибирь ко отцу своему, а вторая к Астраханскому царю, третѣя жена въ Крымѣ к братни своей, княземъ Ширинскимъ. Четвертая же бѣ руская плѣнница, дочь нѣкоего князя славна. И та по возвращении царя из нагаи в Казань умре в Казани.

И по смерти царевѣ востала бранѣ велика и убійство в велможахъ его, и руганіе злогласно, и крамола губителная: не хотяху бо слушати казанцы и покарятисѣ менший болшимъ, коимъ царство приказано беречи, но вси велики творяхусѣ и вси хотяху владѣти в Казани, и друг друга убивающе.

воинов с ним была тысяча, так как присоединились к нему некоторые князья со всем богатством своим, с женами и детьми, — будто бы в села свои поехал прогуляться из Казани. И побежал он в Москву через десять дней после царя Шигалея, и достиг назначенного места, и не нашел там царя, ждущего его. И горько ему было в тот час.

А казанцы, узнав о бегстве Чуры, погнались за ним и догнали его. Он же отгородился от них в удобном месте, надеясь отбиться, и долго сражался с ними. И убили они храброго своего воеводу Чуру Нарыковича с сыном его и со всеми отроками его как изменника Казани и царского доброхота. И только жена его с рабынями живой возвратилась в Казань. И нет ничего выше той любви, когда отдают душу за господина своего или друга.

О ВЗЯТИИ В ТРЕТИЙ РАЗ НА ЦАРСТВО ЦАРЯ САФА-ГИРЕЯ, И О СКОРБИ ЕГО, И О СМЕРТИ, И О ЦАРИЦЕ ЕГО, И О КАЗНИ МОСКОВСКИХ ВЕЛЬМОЖ, И О ПОСЛАНИИ ВОЕВОД МОСКОВСКИХ НА КАЗАНЬ. ГЛАВА 26

И после бегства царя Шигалея из Казани отправились казанцы к ногаям, за Яик, и молили царя Сафа-Гирея, чтобы, ничего не боясь, пошел он к ним снова в третий раз царем в Казань. Он же был рад, и пошел с ними, и пришел с честью в Казань. И встретили его казанцы с царскими дарами и помирились с ним. И царствовал он напоследок два года и испустил злоокаянную свою душу.

О суд Божий! Не убили его меч и копье и много раз в боях наносили ему смертельные раны, теперь же, пьяный, мыл он руки свои и лицо, и покачнулся на ногах, и разбил голову об умывальник до мозга, и упал на землю, и разбился, и все суставы его расслабились, и прислуживавшие ему не успели подхватить его. И от этого умер он в тот же день, проговорив: «Не что-нибудь, а кровь христианская убила меня». И всего процарствовал он в Казани тридцать два года.

И, умирая, передал царь свое царство младшей своей царице, надеясь, что родится у нее его сын, а имение царское разделил между другими тремя женами и велел отпустить их каждую в свое отечество. И поехали они: старшая — в Сибирь, к отцу своему, вторая — к астраханскому царю, третья жена — в Крым, к братьям своим, князьям Ширинским. Четвертая же была русской пленницей, дочью некоего славного князя. Она после возвращения царя от ногаев в Казань умерла в Казани.

И началась после смерти царя между вельможами его яростная борьба, и убийства, и злая ругань, и крамола губительная, ибо не хотели менее знатные казанцы слушаться и покоряться более знатным, которым приказано было беречь царство, но все главными себя возомнили, и все хотели править в Казани и убивали друг друга.

А инии же крамолницы бѣгаху к Москвѣ ко царю и великому князю служити. Онъ же, не бояся, приемля ихъ и дая имъ потребная неоскудно. И се видяще, инии забываху родъ и племя. К Москвѣ выѣзжаху казанцы до 10 000 на Русь. Божие слово рече во Евангелии: «Аще кое царство станетъ само на ся, то вскорѣ разорится».

Царь же Шигалий из Казани на Коломну прибѣжав, яко ястреб, борзо прелѣтев путную долготу, ту бо стояше того лѣта царь и великий князь с силами своими, мужествуя на крымскаго царя. И втай наедине возвѣсти ему Шигалий о себѣ,* како поглощенъ хотяше от казанцевъ быти и еже рядцы его болшии казанцем дружаху и поноровляху, яко навѣтом ихъ казанцы хотѣша его убити. Показа же ему и грамоты их за печатми ихъ.

Царь же и великий князь възъярися и рыкнувъ, яко лѣвъ, зло и, вправду обыскавъ и испытавъ христьянскихъ губителей и бусорманскихъ понаровниковъ, сослати повелѣ трех своих боляр, великихъ велможъ, леств творящих, главной казни предати. Четвертый же болший и той смертным зелием опився уже после ихъ.* К сим же и иных, вѣдающихъ дѣло сие, но не творящих, тии же бѣжанием смерти избыша и казни, и нѣгдѣ укрывшесе гнѣва его, живше до времени и обославшесе инѣми, и паки прияти быша во свой сань.

Царь же и великий князь о том посмѣянии ему казанцевъ, еже о царѣ Шигалие, болить душею и снѣдается сердцем и недугуетъ злобою. И на другое лѣто по нем посла за сию лестную измѣну казанския земли воевати дву своих воевод преславных: превеликаго воемъ наставника храбраго князя Семюна Микулинскаго, достойно его памяти не забыти, и князя Василья Оболенскаго Сребренаго* — и с ними на лехкѣ рати с копии многочисленных и бойцовъ огненных, и стрелцовъ.

И отпускаше ихъ, говорит имъ слово свое царское с любовью: «Вѣстели, о силнии мои, каков пламень горит в сердцахъ моихъ о Казани и не угаснетъ никогда же?! И вспомните тогда, что благоприяли от отца моего, а от меня же, аще и мало: се еще нынѣ вамъ время предложить любовь показати ко мнѣ потщаниемъ службы, еже неместно, на враги моя, и, аще угодно послужите и печаль мою утѣшите, то многимъ благимъ и паче первыхъ повинна мя вам дарователя имѣйте, о друзи. И се ми надежда моя великих воеводъ и благородныхъ юношъ». И сими словесы дерзостныхъ сотвори, и отпускает Волгою в лодияхъ, заповѣдавъ имъ не приступати к Казани, сам бо мысляше ити, изготовяся, какъ ему время будетъ.

Похвалю же мало время предобраго воеводу и всѣми любимаго князя Симюна. Таковъ бо обычай имѣ: умомъ веселья всегда и свѣтелъ лицом, и радостенъ очима, и тих, и кроток, и не имѣя гнѣва ни на кого же своихъ воин, но на противныя ему ратныя, и силенъ в мужествѣ, и славенъ в побѣдах, и в

А иные же крамольники убежали в Москву служить царю и великому князю. Он же, не боясь, принимал их и давал им необходимое, не скупясь. И, видя это, иные забывали свой род и племя. И выехало казанцев в Москву, на Русь, до десяти тысяч. Слово Божие говорит в Евангелии: «Если какое-либо царство станет само на себя, то вскоре разорится».

Царь же Шигалей из Казани быстро, словно ястреб, перелетев долгий путь, прибежал в Коломну, где стоял в том году царь и великий князь с силами своими, доблестно воюя с крымским царем. И тайно, наедине, рассказал ему Шигалей, как хотели его погубить казанцы и о том, что его, самодержца, ближайшие советники были в сговоре с казанцами и потрафляли им и что по их навету казанцы хотели его убить. Показал он ему и грамоты их, скрепленные их печатями.

Царь же и великий князь разъярился и, рыкнув зло, словно лев, и учинив строгий допрос губителям христиан и басурманским приспешникам, повелел сослать трех своих бояр, знатных вельмож, бывших в заговоре, и предать их смертной казни. Четвертый же знатный сам принял яд уже после их смерти. К этим же прибавил он и иных, которые знали об этом заговоре, но сами в нем не участвовали, но те бегством избежали смерти и казни, и жили до времени в некоем месте, укрывшись от гнева его, и, когда поручились за них другие, снова были утверждены в своем сане.

Царь же и великий князь из-за всего случившегося с царем Шигалеем, из-за этой насмешки над ним казанцев озлобился, и болела у него душа, и ныло сердце. И послал он на следующий год разорить за ту коварную измену казанские земли двух своих прославленных воевод: великого наставника воинов храброго князя Семена Микулинского — да сохранится память о нем! — и князя Василия Оболенского Серебряного и с ними налегке многочисленных воинов, вооруженных копьями, и пищальников, и стрельцов.

И, отпуская их, говорит он им с любовью слово свое царское: «Знаете ли, о сильные мои, какой пламень горит в сердце моем из-за Казани и не угаснет никогда?! Вспомните же все доброе, что получили от отца моего и от меня, пусть даже от меня и мало еще: теперь подошло вам время показать любовь вашу ко мне усердной и преданной службой против врагов моих, и если хорошо послужите и печаль мою утешите, то больше прежнего, о друзья, награжу вас многими дарами. И теперь надеюсь я на первых моих воевод и благородных юношей». И, вдохновив их такими словами, посылает он их Волгою, в ладьях, наказав им не подступать к Казани, ибо сам намеревался, приготовившись, идти туда, когда подоспеет время.

Воздам же коротко хвалу добрейшему воеводе и всеми любимому князю Семену. А был он таков: умом всегда живой и лицом светел, с радостными глазами, тихий и кроткий; не держал он гнева ни на кого из своих воинов, только на вражеских ратников, и был он доблестен и славен победами своими,

скорбѣхъ терпѣливъ, и наученъ мѣтати копием и укрыватися от стреляния, и на обѣ руки стрѣляти в примѣту, и не погрѣшити.

Тот же воевода, князь Семень, з другимъ воеводою уязвляется сердцемъ и вооружается крѣпце, со многими ратными храбрыми шедше, повоеваша много казанския области и кровию наполниша черемиская поля, и землю покрыша варварскими мертвецы, а Казань град мимо идоша неподалеку, толко силу свою показавше казанцем, не приступающе ко граду.

А велми и зѣло мочно бѣ и невеликим трудом Казань тогда взяти, занеже пришли воеводы не с вѣдома в землю Казанскую, а во граде мало людей было: всѣ улановѣ и князи и мурзы разѣхашася по селом своимъ гуляти з женами своими и з дѣтми. И царя во граде нѣтъ: наѣхаша бо его на полѣ, с ловящими птицы и со псы ѣздыше и ловы дѣяше, тѣшася просто в мале дружине своей. И убиша 3000 казанцевъ, бывшихъ с нимъ, и шатры его, и казну ту всю разграбиша, и болшую кормлю хлѣба его взяша, и самого царя мало не взяша, едва убѣжа самъ на возвращение с пятию или з десятию человеки, и град осади.

И видѣвъ, яко прошли уже Казань, и в третий день собрався и посла за ними 20 000 казанцевъ на похвалѣ, мняшеся и похваляся ста тысящъ не бояться руси и, догонячи, переняти пути и воевод московскихъ убити, и повоевати предѣлы руския. Воеводы же, услышавше за собою погоню, и стаща, крѣпце нѣгде укрывшеся. Казанцы же три дни гнашася за ними и утомишася сами и кони ихъ, и падоша почивати, аки мертви, чающе ушедше воевод у нихъ.

Воеводы же изшедше из мѣста своего и поидоша тихо к берегу, гдѣ казанцы спятъ. И послаша ихъ подзирати, и видѣша, что крѣпко спяху всѣ и оружые с себя помѣташа, и стражей нѣтъ, и стада конския далече от нихъ пасуть, и никого же боятся, потому что во своей земли. И вои преже на нихъ шедше и отгнаша коней от нихъ. И вострубиша в трубы ратныя и в сурны, и нападоша на нихъ в полудни, вару сушу и зною велику, и побиша ихъ 17 000, а 2000 взяша в плѣнъ, а тысящу нездравыхъ и язвеных и убѣгших в лѣсы.

И с великимъ полономъ казанскимъ воеводы приидоша к Москвѣ здравы всѣ, и нимало ихъ не паде. И радъ бысть велми царь и великий князь. Повелѣ одарить воеводъ своихъ и все войско изволи, ходившия с ними, царскими дарованьми, яко забыти имъ вся труды своя, еже ходяще подъяху нужнымъ путемъ.

И се бысть первая началная побѣда сего самодержца нашего над злою Казанью. И ни тако же царь с казанцы своими устрашися, ни смирился с московскимъ самодержцемъ, не преста от злого обычая своего, *еже воевати Руския земля*. И в борзе умре: по возвращении же своем *из Нагай* царствова и по той побѣде толко два лѣта.

и терпелив в несчастьях, и хорошо умел метать копьё и укрываться от стрельбы, и мог обеими руками стрелять в цель и не промахнуться.

И загорелись сердца у того воеводы князя Семена и другого воеводы, и хорошо вооружились они, и, подойдя со многими храбрыми воинами, разорили много казанских земель, и наполнили кровью черемисские поля, и покрыли землю мертвыми варварами, а город Казань обошли стороной неподалеку от него, только силу свою показав казанцам, не подступая к городу.

А можно было, и даже очень легко, взять тогда Казань, поскольку пришли воеводы неожиданно в Казанскую землю, а в городе было мало людей: все уланы, и князья, и мурзы разъехались гулять по своим селам с женами и детьми. И царя не было в городе: наехали на него в поле, когда он, развлекаясь, охотился с ловчими птицами и собаками, и была при нем лишь небольшая дружина. И убили они три тысячи казанцев, бывших при нем, и разграбили шатры его и казну, и забрали много хлеба, и самого царя едва не взяли — еле удалось ему убежать назад с пятью или десятью людьми и затвориться в городе.

И когда увидел он, что русские прошли уже мимо Казани, на третий день собрался он и послал за ними двадцать тысяч казанцев, похваляясь при этом, что не испугаются они стотысячного русского войска, и, догнав его, преградят ему путь, и поубивают московских воевод, и пограбят русские земли. Воеводы же, услышав за собою погоню, остановились, надежно укрывшись в некоем месте. Казанцы же три дня гнались за ними, и утомились они и кони их, и попадали они, как мертвые, на отдых, думая, что ушли от них воеводы.

Воеводы же вышли из укрытия своего и пошли тихо к берегу, где спали казанцы. И послали понаблюдать за ними, и увидели посланные, что все крепко спят, снимав с себя оружие, и дозорных нет, и конские стада от них далеко пасутся, и никого не опасаются, потому что находятся на своей земле. И пошли воины сначала к ним и отогнали коней от казанцев. И вострубили они в ратные трубы и в сурны, и напали на них в полдень, в самый жар и зной, и побили их семнадцать тысяч, а две тысячи взяли в плен, и лишь тысяча покалеченных и раненых убежала в леса.

И с большим казанским полоном пришли воеводы в Москву, все здоровые — никто из них не погиб. И рад был очень царь и великий князь. Велел он одарить воевод своих, и всем воинам, ходившим с ними, раздал царские дары, чтобы забыли они все тяготы свои, которые перенесли, пройдя этот тяжелый путь.

То была первая победа этого нашего самодержца над злою Казанью. Но не устрасился царь с казанцами своими, не помирился он с московским самодержцем, не отказался от злого обычая своего разорять русские земли. И вскоре умер он; после возвращения его от ногаев и того поражения своего царствовал он только два года.

В то же лѣто, в не же умре царь казанский, начать царь и великий князь рать свою подвизати, и премѣняя войско свое по вся лѣта, на Казанскую державу. Ненсходимо воинство руское бываше по седмь лѣтъ *ис Казанския области*, донелѣже, смиривъ ю тѣмъ, *одолѣ* и взять.

О ПЕРВОМЪ ХОЖЕНИИ САМОГО ЦАРЯ И ВЕЛИКАГО КНЯЗЯ
Х КАЗАНИ И О ИЗЛЮБЛЕНИИ ЕГО МѢСТА ГРАДНАГО.
ГЛАВА 27

Царь же и великий князь, слышав царя казанскаго Сап-Кирея, злаго воина, лютаго звѣря, кровопийцу, злѣ умерша и в велможахъ его и во всѣхъ казанцехъ возмущение и брань, и самоволие великое, и подвижесе умом и сердцемъ уязвися, и разгорѣся божественою ревностию по християнствѣ. И в третие лѣто царства своего собра вся князи и воеводы, и вся руская воинства многа и поиде самъ х Казани во многихъ тысящахъ в зимнее время в лѣта 7058-го года.

И велика бысть нужда воемъ от стужи зимняя: и от мраза, и от глада мнози изомроша, и конскаго падежу безчислено бысть. Велика тогда зима и мразна, к тому же и весна приспѣ скоро, и дождь велик, и много его идяше месяцъ непрестанно — или Богъ тако сотвори или волхование казанскихъ волхвовъ сие бысть, не вѣмъ, — яко и станам и становищам в войске потонути, и мѣстом сухим не обрѣтися, гдѣ стояти и огнемъ огрѣтися, и ризы своя просушити, и ядения сварити.

И тогда того ради мало стояху у Казани, токмо три месяцы — от 25-го дни декабря месяца и до 25-го дни марта месяца. Приступаху ко граду по вся дни, биуще по стѣнам из великихъ пушекъ. И не преда ему Богъ Казани взяти тогда, яко царя не бѣ на царствѣ, не бы славно было взяти его.

И возвратися на Русь, и Казанскую землю всю почернивъ и опустошивъ, видѣвъ у града напрасное падение людей своихъ. И мимо идущимъ имъ путем по Волге, ледомъ, за 15 верствъ от Казани на рецѣ, зовомѣй Свияге, ей же устье в Волгу течеть, и узрѣ ту меж двѣма рѣкама гору високу и мѣсто пространно и крѣпко велми, и красно, и подобно к поставлению града. И возлюби е въ сердцахъ своемъ, но не яви тогда мысли своея воеводам, ни единому же не рече ничтоже имъ, да не разгнѣваются нань и паче времени не сушу: бѣ бо мѣсто пусто и лѣсъ велик по нему. Подле же обою рѣкъ, Звияги и Волги,* великия луги прилѣжатъ, травы велми и красны. Вдалѣ же от рѣкъ, в гору, села казанския стояху, в них же долняя черемиса живеть — двѣ бо черемисы в Казанской области, языки ихъ три, четвертый же язык — варварский и той владѣяше ими:* едина убо черемиса об сю страну Волги сѣдят, промеж великихъ горъ, по удолиям, и та словеть горняя; другая же черемиса об ону страну Волги

В тот же год, когда умер казанский царь, начал царь и великий князь посылать свою рать на Казанскую державу, каждый год обновляя войско. Семь лет не уходило русское воинство из Казанской земли, до тех пор, пока, смирив ее и одолев, не взял он Казани.

О ПЕРВОМ ПОХОДЕ САМОГО ЦАРЯ И ВЕЛИКОГО КНЯЗЯ НА КАЗАНЬ И О ТОМ, КАК ПРИГЛЯНУЛОСЬ ЕМУ МЕСТО ДЛЯ ПОСТРОЙКИ ГОРОДА. ГЛАВА 27

Царь же и великий князь, услышав, что казанский царь Сафа-Гирей, неистовый воин, лютый зверь и кровопийца, умер злой смертью и что между вельможами его и всеми казанцами начались междоусобицы и борьба, и царит там самоволье, взволновался умом и уязвился сердцем, и разгорелся божественным усердием защитить христианство. И в третий год своего царствования собрал он всех князей, и воевод, и все русское воинство и в зимнее время, в году 7058 (1550), сам пошел к Казани со многими тысячами.

И была для воинов большим бедствием зимняя стужа, и многие поумирали от морозов и от голода, и коней пало бесчисленное множество. Зима тогда была долгой и морозной, к тому же и весна началась рано, и целый месяц непрестанно шли проливные дожди — не знаю, Бог ли так устроил или по волхвованию казанских волхвов это случилось, — так что все воинские станы и лагеря потонули в воде, и не было сухого места, где бы можно было остановиться, и обогреться у огня, и просушить одежду, и сварить еду.

Поэтому в тот раз недолго стояли русские под Казанью, только три месяца — с 25 декабря до 25 марта. Каждый день штурмовали они город, стреляя по стенам из больших пушек. И не дал Бог московскому царю и великому князю взять Казань, ибо не было там в это время царя на царстве и потому не славно было бы взять его.

И возвратился он на Русь, пожегши и опустошив всю Казанскую землю, мстя за жестокую смерть своих людей у города. И когда шли они Волгою назад по льду, в 15 верстах от Казани, на реке, называемой Свягой, устье которой впадает в Волгу, увидел он между двумя реками высокую гору и место, подходящее для постройки города: весьма просторное, крепкое и красивое. И полюбил он его всем сердцем, но не открыл тогда своего замысла воеводам, ни одному из них ничего не сказал, чтобы не разгневались на него: ведь место то было безлюдно и поросло густым лесом, больше же потому, что на это не было тогда времени. По берегам обеих этих рек — Свяги и Волги — простираются луга, богатые травами и красивые. Вдали же от рек, по склону горы, разбросаны казанские села, в которых обитает низовая черемиса, — ведь в Казанских землях проживают две черемисы, объединяющие три народа, четвертый же народ — варвары, которые и владеют ими: первая черемиса по эту сторону

живеть, и та наричется луговая, низоты ради и равности земли тоя. И всѣ тѣ людие земли тоя пашницы и трудники, и злолютыя *ратники*. В той же странѣ луговой есть черемиса кокшаская и ветлуская: живутъ в пустыняхъ лѣсныхъ, ни сѣютъ, ни орутъ, но ловомъ звѣринымъ и рыбнымъ извозомъ питаются и живутъ, аки дикіе.

И пришедъ к Москвѣ царь и великий князь, и распусти войско свое предпочити и не прогнѣвася на ня о неполучении орудіа своего, и хулна слова не рече к нимъ о напрасномъ хоженіи своемъ. И не ослабѣ ото всегдашняго подвига и желанія мыслию о Казани, ни обленися и не преста от моленія своего ко Господу со слезами, не отчаяся надѣжды своея.

О ВИДѢНІИ СНА ЦАРЯ И ВЕЛИКАГО КНЯЗЯ И О ВТОРОМ ПОСЛАНИИ ВОЕВОД ЕГО Х КАЗАНИ, И О ПОСТАВЛЕНІИ СВІЯЖСКОГО ГРАДА.* ГЛАВА 28

И абие видитъ видѣніе нѣкое во снѣ, показующе ему мѣсто, гдѣ *самъ видѣ* и градъ *ту* поставити веляше, яко и древле царю Константину,* на устрашение казанцемъ, яко да побѣгнутъ отъ лица его и да мало нѣкое пособіе и ограда будетъ украинамъ рускимъ, и крепость и покой ратующимъ съ казанцы, да яко дома, во граде своемъ, на Руси, живущимъ и временемъ исходящимъ изъ него и воюють землю Казанскую.

И убудився отъ сна своего, и разумѣ, яко истинно есть видѣніе се, а не лжа. И *призвавъ* к себѣ скоро прежепомянутаго многожды царя Шихгалей изъ отчины земли его — изъ Касимова, яко вѣренъ ему бѣ паче иныхъ царей и князей, и повелѣ ему ити со всѣми его служивыми варвары хъ Казани, яко уже гораздо есть ему знаема Казань и обычай казанскойъ весь вѣдомъ.

Посылаеть с нимъ девять воеводъ своихъ великихъ: первое князя Петра Шуйскаго, второе князя Михайла Глинскаго, третьяго князя Семена Микулинскаго вышереченнаго, четвертаго князя Василья Оболенскаго Серебренаго, пятое брата его, князя Петра Серебренаго, шестое Ивана Челяднина, седмое Данила Романова, осмое Ивана Хабарова, девятое Ивана Шереметева. С ними же и прочихъ воеводъ и многочисленное войско руское, твердооружное и все златомъ испещрено, и хитрецы, и градоздавцы, и дѣлатели. Повелѣ имъ казанскія улусы плѣнити и воевати, и не щадѣти ни женъ, ни дѣтей, ни старыхъ, ни малыхъ, но всѣхъ подъ мечъ клонити и на мѣсте же своемъ любимомъ и паче — Богомъ избранномъ градъ возградити, и всячески неослабно притужати хъ Казани, егда будетъ мочно.

Волги сидит, между высокими горами по долинам, и называется она горной; вторая же черемиса живет по другую сторону Волги и зовется луговой из-за низости и ровности той земли. Жители же земли той все хлебопашцы и труженики, и свирепые ратники. В той же луговой стороне есть черемиса кокшайская и ветлужская; живут они в безлюдных лесных местах, не сеют и не пашут, но питаются охотой и рыбной ловлей и живут, как дикие.

И, придя в Москву, царь и великий князь распустил свое войско на отдых, и не разгневался на воинов за то, что не исполнили они своего дела, и худым словом не попрекнул их за неудавшийся свой поход. И не ослабло всегдашнее его стремление и желание овладеть Казанью; не ленясь, не переставал он со слезами молиться Господу, не теряя надежды своей.

О СНЕ, ПРИВИДЕВШЕМСЯ ЦАРЮ И ВЕЛИКОМУ КНЯЗЮ, И О ПОСЛАНИИ ИМ ВО ВТОРОЙ РАЗ СВОИХ ВОЕВОД К КАЗАНИ, И О СТРОИТЕЛЬСТВЕ ГОРОДА СВЯЖСКА. ГЛАВА 28

И внезапно явилось ему, как некогда царю Константину, видение некое во сне, в котором показано было увиденное им место и повелевалось поставить там город на устрашение казанцам, дабы скрылись они от лица его и были бы для пограничных русских земель от этого города помощь и защита, а для воюющих с казанцами стал бы он надежной крепостью, чтобы могли они жить в нем, как дома, в своем городе на Руси, время от времени выходя оттуда и разоряя Казанскую землю.

Когда же пробудился он ото сна, то понял, что истинно видение это, а не ложно. И вскоре, призвав к себе много раз упоминавшегося прежде царя Шигалея из его отчины — Касимова, поскольку был он предан ему больше других царей и князей, повелел ему идти со всеми служащими ему варварами к Казани, ибо хорошо ему уже знакома была Казань и известны все казанские обычаи.

Посылает с ним царь и великий князь девять старших своих воевод: первым — князя Петра Шуйского, вторым — князя Михаила Глинского, третьим — вышеназванного князя Семена Микулинского, четвертым — князя Василия Оболенского Серебряного, пятым — брата его Петра Серебряного, шестым — Ивана Челяднина, седьмым — Данилу Романова, восьмым — Ивана Хабарова, девятым — Ивана Шереметева. С ними послал он и других воевод, а также многочисленное русское войско, хорошо вооруженное и разукрашенное золотом, и мастеров, и градостроителей, и работников. И повелел он им разорять и захватывать в плен казанские улусы и не щадить ни женщин, ни детей, ни старых, ни малых, но всех склонять под меч, и воздвигнуть на облюбленном им и, более того, Богом избранном месте город, и, когда будет возможно, всячески неослабно докучать Казани.

Царь же Шихгалей Касимовский повелѣние приемъ от царя, самодержца своего, веселымъ сердцемъ и не со гнѣвом, и не *хулением*, ни скорбию. Также и всѣ воеводы великия и все московское воинство радостно поидоша, аки вѣдая на готовое орудие, шествие скоро *творящи* к Казани *плаваньем* в ладиях великою рѣкою Волгою — течение имуще из Руси прямо на востокъ, от нея же за 5 верстъ градъ Казань стоитъ, о лѣвую страну — везуще с собою готовый град древяный* на великих лодиях бѣлоозерскихъ,* того же лѣта новъ и хитръ строениемъ.

И пльвшѣ 30 дней и приидоша в землю Казанскую на рѣку Свягу на мѣсто, указанное имъ, *месяца* мая въ 16 день, в субботу седмую по Пасце.* И сташа ту, не дошедше Казани за 15 верстъ. И видѣша мѣсто угодно и добро велми, возлюбилша е царь и воеводы всѣ, и возрадовашася войска вся. И на утрия, в неделю, распустиша войска вся по улусомъ казанскимъ воевати и плѣнити горние черемисы и нижние. Первому войску, пѣшцем, повелѣша на горѣ той лѣсъ сѣщи и мѣсто чистити на поставление града. И Божимъ повелѣнием и поспѣшением въскорѣ дѣло конецъ прият не во многи дни и, *готовый собравше*, поставиша град велик и красенъ в лѣто 7059-го месяца июня въ 30 день.*

И поставиша в нем церковь соборную пречистыя Богородицы честнаго ея Рождества древяну и 6 инѣх монастырей внутрь града построиша, в них же храмъ преподобнаго Сергия чудотворца.* И всѣ воеводы и боляре, и купцы, и богати, и прости жителие во граде дома свѣтлы поставиша и много житие свое устроиша. И радости, и веселиа наполнишася вси людие и прославиша Бога.

О БЫВШЕМЪ ЗВОНУ НА МѢСТЕ ТОМЪ И О ЧЮДОТВОРНОМЪ ЯВЛЕНИИ СЕРГИЯ ЧЮДОТВОРЦА. ГЛАВА 29

Многа тогда быша изцеления от иконы великаго чудотворца Сергия, якоже у гроба его слѣпии прозрѣша, нѣмнии проглаголаша, хромымъ хожденне дарова, сухимъ простертие, глухимъ слышание; и бѣсы изгоняя, и от плѣна из Казани избавляше, и всяк недуг изцелеваше данною ему от Бога благодатию. Якоже бо царь нѣкий град свой возлюбил, в нем же царствовати хотяше, то всяцѣми вѣщми драгими и видимыми добротами украшаетъ, да тѣмъ славенъ и красенъ будетъ от иноземцевъ далнихъ странныхъ и купцевъ и от всѣхъ человекъ, входящихъ в оный да зряще на нь, дивящеся, и восвоися пришедше, и скажутъ инемъ красоты его, — тако же и блаженный нашъ Сергий чудотворецъ благими своими знаменми и чудесы украсил и прославил новый градъ свой, и от всѣхъ познася по всему, яко хоцетъ жити в нем неотступно и градъ свой, и вся люди своя, живущия в немъ, соблюдати присно от варваръ. И преже намъ всего

Царь же Шигалей Касимовский принял повеление царя, самодержца своего, с веселым сердцем, без гнева, хулы или скорби. И все знатные воеводы, и все московское воинство радостно выступили в поход на Казань, как будто уже предчувствуя победу, быстро совершая переход вплавь, в ладьях, по великой реке Волге — течет она из Руси прямо на восток; в пяти верстах в сторону от нее и стоит город Казань, на левом берегу — везя с собою на больших белозерках готовый деревянный город, заново искусно построенный в том же году.

И плыли они тридцать дней и пришли в землю Казанскую на реку Свягу, на указанное им место месяца мая в шестнадцатый день, в седьмую субботу после Пасхи. И остановились там, не дойдя до Казани пятнадцати верст. И открылось им очень удобное и красивое место, и полюбилось оно царю Шигалею и всем его вельможам, и возрадовались все войска. И наутро, в воскресенье, распустил царь свои войска по казанским улусам — разорять и брать в плен горную и нижнюю черемису. Первому же войску, пехотинцам, повелел он на горе той рубить лес и расчищать место для постройки города. И вскоре Божиим повелением и с его помощью, по прошествии лишь немногих дней, дело подошло к концу, и, собрав готовые части, поставили город, большой и красивый, в году 7059 (1551), месяца июня в тридцатый день.

И поставили в нем деревянную соборную церковь Рождества пречистой Богородицы, и построили внутри города шесть монастырей, в одном из которых — храм преподобного Сергия-чудотворца. И все воеводы, и бояре, и купцы, богатые люди и простые жители поставили себе в городе светлые дома и хорошо устроили свою жизнь. И наполнились все люди радостью и веселием и прославили Бога.

О РАЗДАВАВШЕМСЯ В ТОМ МЕСТЕ ЗВОНЕ И О ЧУДЕСНОМ ЯВЛЕНИИ СЕРГИЯ-ЧУДОТВОРЦА. ГЛАВА 29

Многие тогда свершились исцеления от иконы великого чудотворца Сергия: слепые у гроба его прозревали, немые начинали говорить, хромым он даровал способность ходить, сухоруким — владеть руками, глухим — слух, и бесов он изгонял, и освобождал из казанского плена, и всякий недуг исцелял данной ему от Бога благодатью. Подобно тому как если бы некий царь, полюбив свой город и желая в нем царствовать, стал украшать его всякими дорогими вещами и зримыми красотами, дабы стал он от этого прекрасным и прославили бы его иноземцы из дальних стран, и купцы, и все люди, входящие в него, ибо, увидев его, удивились бы они и, вернувшись в свои земли, рассказали другим о его красоте, — также и блаженный наш Сергий-чудотворец благими своими знаменами и чудесами украсил и прославил новый город свой, отчего всем стало ясно, что хочет он в нем пребывать постоянно и всегда оберегать от

радостный вѣстник и неложный бываетъ, еже до конца исчезновение на враги своя казанцы, и на всю черемису ихъ.

Мѣсто же то таковое, идѣже поставися град: прилѣжаху бо к нему подале от него превысокия горы, и лѣсы *верси* своя покрывающе, и стремнины глубокия, и дебри, и блата; ближе града об едину стѣну езеро мало, имѣюще в себѣ воду сладку и рыбиц всяких малых доволно и на пищу человѣком, из него же круг града течет рѣка Шука, и мало пошед, впаде въ Свиягу рѣку. И на таковѣй сей границе краснѣй промѣж двою рѣкѣ, Волги и Свияги, новый градъ ста.

И первое явися начало Божия помощи молитвѣ ради пречистыя Богородицы и новых всѣх святых чюдотворцев рускихъ: егда бо царю и воеводамъ пришедшимъ и град Свияжский ставити начаша, и в третий день приидоша з дары, обославшеса, старѣйшины, сотники горния черемисы и моляхуса царю и воеводам, еже не воевати ихъ, князем же ихъ и мурзамъ оставиша их имъ и в Казань в осаду бѣжавшимъ и з женами, и з дѣтми. И присяже тогда горния черемиса вся царю и великому князю и приложися половина земли казанския людей. И послаша царь и воеводы во улусы ихъ писарей, описавше ихъ 40 000 луков гораздных стрелцовѣ, кромѣ мала и стара, невозрослого бо юноши и стара мужа, не писаху тѣх луков.

Сказываху же царю и воеводам нашим старейшины — сотники горния черемисы, живущии неподалечю от Свияжскаго града, тужаше и жаляше, иже добръ и гораздо свѣдѣще: «До поставления бо за пять лѣтъ, царю нашему того же лѣта уже умершу и мѣсту тому пусту сушу, и граду Казанску мирну, и всей земли его не силно воевано от вас, слышахомъ ту часто по-русски звонящу церковный звонъ. Нам же во страсть бывшим и недоумѣющим, и чюдящимся, и посылающим нѣкоих юношъ легкихъ многажды доскочити до мѣста того и видѣти, что есть бывающее. И слышахом гласы прекрасно поющих, яко во время церковнаго пѣнія, а поющих не видѣша; одинаго же токмо видѣвше стара каратуна вашего, рекше, калугера, ходяща ту со крестом и на вся страны благословляюще, и кропяще, и *с образом яко любяуща мѣсто* и размѣряюща, идѣже поставитися граду. Мѣсто же то все исполнися благоухания. Много же наши юноши послании изжидаху его, покусившеса, да в Казань сведут на испытание, откуда приходит на мѣсто. Той же от них утѣкаше. Они же и стрѣлы своя из луков своихъ испустѣша, и невидим бываше, и да уязвивше, поне тако изымут его. И стрѣлы же ихъ ни близко к нему приходядаху, ни уязвляху его, но вверхъ идяху и сходящи с *высоты*, и сокрушахуса наполю, падаху на землю. И устрашившеса юноши тѣ, и прочь отбѣгаху. Мы же чюдихомся. И помышляху, дивяшеса в себѣ: „Что се будетъ новое сие знамение над нами?“ И исповѣдахом господиям нашимъ — и князем нашим, и мурзамъ.

варваров город свой и всех людей своих, в нем живущих. И явился он самым первым радостным и правдивым вестником того, что окончательно будут побеждены враги наши казанцы и вся их черемиса.

Место же, где вырос город, было таково: подалее от него подходили к нему высокие горы, вершины которых покрывал лес, простирались глубокие стремнины, непроходимые чащи и болота; вблизи же города, возле одной из стен, находилось небольшое озеро, имеющее вкусную воду и богатое всякой мелкой рыбой, пригодной для питания людей, из него берет начало река Шука, которая сначала обтекает вокруг города, а затем, немного пройдя, впадает в реку Свиягу. На этом прекрасном месте между двух рек, Волги и Свияги, и встал новый город.

И явилось первое знамение Божьей помощи благодаря молитвам пречистой Богородицы и всех новых святых русских чудотворцев: на третий день после того, как пришли царь и воеводы и начали строить Свияжский город, явились к ним с дарами, предупредив заранее через послов, старейшины, сотники горной черемисы, и стали молить царя и воевод, чтобы они не разоряли их, сказав, что князья их и мурзы бросили их, а сами укрылись в Казани вместе с женами своими и детьми. И присягнула тогда вся горная черемиса царю и великому князю, и перешла на его сторону половина жителей Казанской земли. И посланы были царем и воеводами в их улусы писари, которые переписали сорок тысяч умелых стрелков, кроме молодых и старых, — не достигших зрелости юношей и стариков не переписали.

И рассказали, тужа и жалуясь, царю и воеводам нашим старейшины, сотники горной черемисы, живущие неподалеку от Свияжска, то, что было им хорошо и подробно известно: «За пять лет до постройки этого города, когда царь наш уже умер и место это было еще безлюдно, а город Казань пребывал в мире и вы несильно разоряли нашу землю, слышали мы здесь часто звонящий по русскому обычаю церковный звон. И напал на нас страх, недоумевали мы и дивились, и много раз посылали неких быстроногих юношей добраться до места того и посмотреть, отчего это происходит. И слышали они прекрасно поюшие, как во время церковной службы, голоса, а самих поющих не видели; одного только увидели старого каратуна вашего, то есть старца-калугера, ходящего по тому месту с образом и крестом, и благословляющего на все стороны, и кропящего святой водой, как если бы он любовался этим местом и размерял, где поставить город. Место же все то наполнилось благоуханием. Много раз посланные нами юноши, отважившись, поджидали его, чтобы свести в Казань и допросить, откуда он приходит на это место. Он же не давался им в руки. Они и стрелы в него пускали из луков, чтобы, подстрелив, схватить его, но он становился невидим. Стрелы же их не долетали до него и не поражали его, но летели вверх, а опускаясь, переламывались пополам и падали на землю. И, устранившись, юноши те убежали прочь. Мы же удивлялись. И, дивясь, размышляли мы про себя: „Что нам предвещает это знамение?“ И рассказали

Они же, шедше в Казань ко царице нашей и велможамъ казанскимъ, сказаша. И царица же, и велможи такоже дивляхуся и ужасахуся о явлении томъ и об томъ калугере».

О ВОЛХВѢХ, ПРОРИЦАЮЩИХ ВЗЯТИЕ КАЗАНСКОЕ,
И О СЪТОВАНИИ КАЗАНСКИХ СТАРѢЙШИИ, О ГОРДѢНИИ ИХ.
ГЛАВА 30

Многажды бо и от велмож нѣцыи сами в полудни видяху и жены их, и дѣти, играюще, и градние стражне в нощи того же калугера, по стѣнам казанским града ходяща и крестомъ град осѣняюща, и таковою же водою на четыре страны кропяща, но таяху в себѣ, никому же того повѣдаху, да не страх и боязнь преже времени на всѣ люди нападетъ, но тайно друг со другомъ глаголаху, посылаху по хитрѣя своя волхвы, вопрошаху ихъ о том, что сие необычное является.

Волхвы же, яко древле еллинстии, *пророчествоваша о Христове пришествие*, сице и казанстии глаголаху: «О горе нам, яко приближается конецъ нашему житию, и вѣра христианская будетъ здѣ, и Русь имат в борзе царство наше взяти и насъ поработити, и владѣти нами силно не по воли нашей. Вы же, яко хотите — сказуемъ вамъ прямо и не обинующесе — еще тихо пожити вашего отечества и женъ, и чадъ ваших, и родителей, состарѣвшихся пред очима вашима, побиваемых и в плѣн вѣдомых не видѣти, то, собравшесе, от себе пошлите мужы мудры и словесники к московскому самодержцу, могущих умолити его и укротити. *Заранѣ* смиритесе с ним и общайтесе быти подручны ему, не гордящесе, дани ему давайте. Не требует бо дани вашей, ни злата, ни сребра, и не нужно есть ему, но ждетъ смирения вашего и покорения истиннаго. И аще сего не сотворите, якоже глаголахомъ вамъ, но то вскорѣ погибнемъ».

Старѣйшии же наши тужаху и печаляхуся, а инии же, горделивии и злии, смѣяхуся и не внимаху речем волхвовъ, глаголаху: «Мы ли хотимъ быти подручны московскому держателю и его князем и воеводамъ, всегда насъ боящимся имъ! Достоитъ бо и лѣпо есть намъ ими владѣти и дани у нихъ имати, яко и преже, они бо царемъ нашимъ присягали и дани давали, и мы есмь тѣмъ изначала господиа, а онѣ раби наши. И како могутъ или смѣютъ наши раби намъ, господамъ своимъ, противитися, многажды имъ побѣждаемымъ бывшимъ от насъ. Мы бо искони обладаемъ не быхомъ никимъ же, кромѣ царя нашего, но и служимъ ему, волны есмь себѣ: камо хоцемъ, тамо идемъ. И тако живемъ и волею своею служимъ, и в велицей неволи жити не хоцемъ, якоже у него на Москвѣ живутъ люди в великой скорби и терпятъ от него. Мы же того и слышати не хоцемъ, еже глаголете».

мы обо всем господам нашим — князьям нашим и мурзам. Они же, пойдя в Казань, рассказали обо всем царице нашей и казанским вельможам. Царица же и вельможи также удивились и ужаснулись появлению того старца».

О ВОЛХВАХ, ПРЕДРЕКАЮЩИХ ВЗЯТИЕ КАЗАНИ,
О ПЕЧАЛИ КАЗАНСКИХ СТАРЕЙШИН И О ИХ ГОРДОСТИ.
ГЛАВА 30

Много раз в полдень видели того старца и некоторые из вельмож, а также их жены и дети во время своих игр, по ночам его видели городские стражи — ходящим по стенам Казани, и крестом осеняющим город, и кропящим на четыре стороны святой водой, но, опасаясь, как бы не напали прежде времени на народ страх и боязнь, утаивали они ото всех увиденное, никому не рассказывая об этом, но, тайно совещавшись друг с другом, посылали за мудрыми своими волхвами, чтобы расспросить их о том, что означает это необычное видение.

И так же как в давние времена греческие волхвы пророчествовали о пришествии Христа, так теперь казанские говорили: «О, горе нам, ибо приближается конец нашей жизни: утвердится здесь вскоре христианская вера, и возьмут русские наше царство, и поработят нас, и будут крепко владеть нами против нашей воли. Вы же — говорим вам прямо, без обиняков, — если хотите еще тихо пожить в вашем отечестве и не увидеть, как будут убивать и уводить в плен ваших жен, детей и родителей, состарившихся у вас на глазах, то, собравшись, пошлите от себя к московскому самодержцу мудрых и умеющих хорошо говорить людей, которые могли бы умолить его и укротить. Заранее помиритесь с ним и обещайте, не гордясь, служить ему, платите ему дани. Он ведь не дани требует от вас: ни золота, ни серебра ему не нужно, но ждет он смирения вашего и истинной покорности. Если же не сделаете так, как говорим мы, то вскоре все мы погибнем».

Старейшины же наши тужили и печалились, иные же, горделивые и злые, смеялись и не внимали речам волхвов, говоря так: «Нам ли служить московскому правителю и его князьям и воеводам, если они всегда сами нас боялись! Это нам пристало, как и прежде, владеть ими и получать с них дань, ибо они присягали нашим царям и платили им дань, и мы искони господа им, а они — наши рабы. И как могут или смеют рабы наши нам, господам своим, противиться, ведь много раз бывали они побеждаемы нами?! Нами же никто никогда не правил, кроме нашего царя, но и ему мы служили по своей воле: куда хотим, туда и идем. Так и живем, служа по своему желанию, и не хотим жить в неволе, как живут люди у него в Москве, — объаты скорбью и притесняемы им. Не хотим мы и слышать о том, что вы предлагаете».

И многи хулы глаголаше и укоривше волхвовъ и посмѣявшеся имъ, вон изгоняху от себе безчестно и плеваху на лица их; иногда же в темницу всаждаху их, да не возмущают людьми. Они же паче вопияху к народу: «Горе казанскимъ людем, яко в плѣнъ и в расхищение будут войскомъ рускимъ! Горе же и нам, яко волхвованія наша с нами исчезнутъ!» Се тако и збысться, якоже рекоша волхвы наши.

Разумъ и царица от волхвовъ, яко збысться конецъ проречению оныя болшия царицы сибирския, но молчаше, людей укрѣпляюще. Прорече та царица казанское взятие в болѣзни своей, аки неволю в себѣ таяше.

О ЦАРИЦЫНѢ ПРОРОЧЕНИИ И О КАЗАНИ. ГЛАВА 31

При царѣ бо нѣкогда ходившим казанцемъ войною на руския предѣлы: на Галич и на Вологду, и на Чюхлому, и на Кострому, и много крови христьянской пролияша. И взяша тогда, изгоном прискочивши, град Балахну немногими людьми, посланы от болшихъ войска токмо шесть тысящъ, на мясопустной недели, на утреней зарѣ, градским людем изплошившимся и во время то испивающим, якоже обычай христьянский в тыя дни о Бозе веселитися. Варвари же гражданъ, мужей и женъ, и з дѣтми, всѣх под мечь подклониша, не вѣдуше их в плѣнъ *отяхчения ради, единем бо* сребромъ и златомъ, и одеждами златыми, и инѣми таковыми же, и всяцами вещми многоценными угрузишася, бяху же взяли боле *всез* рати своея, наполниша возы, и вьючная бремена тяжка бысть наполнены рухла. А от смиреннѣйших ничтоже взимаху, но вся во огонь вмѣтаху и сожигаху, яко не подобно имъ. И с таким великимъ плѣном в Казань пришедшим.

Царю же с воеводами веселяшуся на пиру своемъ, царице же его болшой — сибирке — на одрѣ слежаси и лютѣ болѣвшей недугом нѣкимъ. А царь веселья прииде к ней в ложницу, радость ей повѣдая рускаго плѣна и богатства неизреченного привезение к ней. Она же мало помолчав и, аки новая Сивилла *Южская* царица,* со въздыханем испушает глас, отвѣща ему: «Не радуйся, царю, сия бо радость и веселие нѣсть на долго время нам будет, но по твоёмъ животѣ и оставшимся в плач и в сѣтование нескончаваемо обратится, и тую неповинную кровь христьянскую своею кровию отолиют, и звѣрие, и пси поѣдят тѣлеса ихъ, и не родившимся и умершимъ тогда отраднѣйши будет, и царне в Казани по тебѣ уже не будут, вѣра бо наша во граде семъ искоренится, и вѣра будетъ святая в немъ, и обладанъ будетъ рускимъ держателем».

Царь же замолчавъ, разгнѣвася на нея и изыде от нея вонъ из ложницы.

И, сильно браня и укоряя волхвов, смеялись над ними, и с позором прогоняли прочь, и плевали им в лицо, а иногда же сажали их в темницу, дабы не возмущали людей. Они же громче прежнего зывали к народу: «Горе казанским людям, ибо будут они разорены и взяты в плен русскими войсками. Горе и нам, ибо с нами исчезнет и волхование наше!» Так все и сбылось, как предсказывали наши волхвы.

Поняла и царица, послушав волхвов, что сбывается конец предсказания старшей сибирской царицы, но умолчала об этом, ободряя людей. Напророчила же та царица во время своей болезни падение Казани — открылось ей это помимо ее воли.

О ПРОРОЧЕСТВЕ ЦАРИЦЫ О КАЗАНИ. ГЛАВА 31

Некогда, еще при царе, ходили казанцы войной на русские земли: на Галич, и на Вологду, и на Чухлому, и на Кострому и пролили много христианской крови. И взял тогда, в воскресенье на мясопустной неделе, небольшой их отряд в шесть тысяч воинов, посланный из большого войска, город Балахну, внезапно напав на него на утренней заре и застав горожан врасплох — пирующими, ибо по христианскому обычаю полагалось в те дни веселиться, прославляя Бога. Варвары же всех горожан — и мужчин, и женщин с детьми — предали мечу, не желая вести их в плен, дабы не обременять себя, нагрузились только серебром, и золотом, и одеждами златоткаными, и другими драгоценностями, и всякими дорогими вещами, которых взяли они больше, чем требовалось для такого войска, наполнив ими повозки; тяжелые тюки с разными пожитками тащили и вьючные животные. Имущество же простых людей они не забирали с собой, но бросали все в огонь и сжигали как ненужное. И с такой огромной добычей вернулись они в Казань.

В то время как царь с воеводами своими веселился на пиру, царица его старшая — сибирячка — лежала в постели, сильно страдая от некоей болезни. И пришел, веселый, к ней в спальню царь, рассказывая ей о радостном событии — привозе для нее русских пленников и несказанного богатства. Она же, немного помолчав, словно новая Сивилла, Южская царица, со вздохом ответила ему: «Не радуйся, царь, ибо недолго будет длиться у нас эта радость и веселье, но после твоей смерти обратятся они для оставшихся плачем и нескончаемой скорбью, и за неповинную эту христианскую кровь заплатят они своей кровью, и поедят тела их звери и псы, и отрадней тогда будет неродившимся и умершим, и не будет уже после тебя царей в Казани, ибо искоренится вера наша в этом городе, и будет в нем святая вера, и будет им владеть русский правитель».

Царь же, разгневавшись на нее, замолчал и вышел вон из спальни.

О БЪСЕ, ТВОРЯЩЕМЪ МЕЧТАНИЕ ПРЕД ЧЕЛОВЕКИ, ЖИВУЩИМИ ВО ГРАДѢ. ГЛАВА 32

К сему же и третье знамение при мнѣ же бысть, еще бы ми тогда живушу в Казани. Нѣ в коем улусе мал градець пустъ, на брезе висоцѣ Камы рѣки стоя, его же русь имѣнуеть бѣсовское городище.* В нем же живяше бѣс, мечты творя от мног лѣтъ. И то бѣ еще старых болгар молбище жертвеное. И схождахуся ту людие мнози со всея земли Казаньскія: варвари, мужы и жены, и черемиса, жруще бѣсу и о полезных себѣ вопрошаху ту сухих волхвовъ. Бѣс же онѣх аки от недуг исцеляше, и всѣх, нерадящих его и минующих, уморяше, не помѣтнувших ему ничтоже, и плавающих рѣкою опроверзаше ладии и потопляше в рецѣ. И от християнъ нѣких погубляше.

И никтоже не смѣяше проѣхати его, не повергше что от рухла своего мало. К вопрошающим отвѣты невидимо отдаеше жрецы своими, приѣзжаху бо к нему жрецы и волхвы. Иному долго лѣтъ жити сказываетъ, и смерть, и здравие, и немощи, и убытки, и на землю их плѣнение и пагубы, и всяку скорбь. И на войну пошедше, жряху ему, совопрошающе его волхвы, аще з добытком или з тщетою возвратятся. Бѣс же вся проявляше имъ, прелщаше, овогда же *и лгаше*.

И посла царица самого сента казанскаго вопрошати, аще одолѣет царь Московский и великий князь Казанью или казанцы ему одолѣють. И до 9-го дни, падше, лѣжаху на земли, молящесе, иереи бѣсовскіи, не встающе от земли, от мѣста, мало ядуше, да не умрут з гладу. И в десятый день, в полудне, едва отозвася имъ глас от бѣса в *мечети*, глаголющъ, всѣмъ людем слышащимъ: «Что стужаете ми, уже бо отнынѣ нѣсть вам надежды на мя, ни помощи малы от мене, отхожду бо от васъ в пустая мѣста и непроходная, прогнанъ Христовою силою, приходитъ бо сюда со славою своею и хоцетъ воцаритися в земли сей и просвѣтитъ ю святымъ крещениемъ».

И по малѣ часѣ явися дым чернъ великъ изнутри *града*, из мечети, на воздух се излетѣ змій огненъ и полѣте на запад. Нам же всѣм зрящим и чюдящимся, и невидимъ бысть очю нашею. И разумѣвше все бывшее, яко ту исчезе живот ихъ.

О ЦАРИЦЫНѢ ВЛАДѢНИИ КАЗАНЬЮ ВСЕЮ И ВЕЛМОЖ С НЕЮ БОЛШИХ, И ПЕЧАЛЬ О ПОСТАВЛЕНИИ ГРАДА СВЯЖСКАГО. ГЛАВА 33

Царя же в то время не бѣ на Казани, яко преже умер бо бѣше душевною смертию и тѣлесною. Оста же царица его млада, и родися царевич от нея, именовъ Мамш-Кирей,* единым лѣтом у сосцу матери своя, ему же по себѣ

О БЕСЕ, СОБЛАЗНЯЮЩЕМ ВИДЕНИЯМИ ЛЮДЕЙ, ЖИВУЩИХ В ГОРОДЕ. ГЛАВА 32

Было при мне, когда жил я в Казани, и третье знамение. В некоем улусе стоял на высоком берегу реки Камы опустевший городок, который русские называют бесовским городищем. В нем обитал бес, с давних лет прельщая людей. Еще при старых болгарях здесь было мольбище языческое. И сходилось сюда много людей со всей Казанской земли: варвары и черемиса, мужчины и женщины, жертвоприношения творя бесу и прося совета у живших там волхвов. Таких людей бес как будто исцелял от болезней, всех же, кто пренебрегал им и обходил стороной, не принося ему никакой жертвы, убивал — у пльвших по реке перевертывал лодки и топил всех в реке. Губил он и некоторых христиан.

И никто не смел проехать мимо, не пожертвовав ему чего-нибудь из своего имущества. Тем, кто его спрашивал, он невидимо отвечал через своих жрецов, ибо приезжали к нему жрецы и волхвы. Предсказывал он и долгую жизнь, и смерть, и здоровье, и болезни, и убытки, и земли их завоевание и разорение, и всякую беду. И когда уходили они на войну, то приносили жертвы ему, вопрошая его с помощью волхвов, с добычей или пустыми возвратятся они домой. Бес же все предсказывал им, соблазняя их, а иногда и обманывал.

И послала царица самого казанского сеита узнать, московский ли царь и великий князь одолеет Казань или казанцы одолеют его. И девять дней лежали, припав к земле, бесовские иереи, молясь и не поднимаясь со своего места, и ели только для того, чтобы не умереть с голода. И на десятый день, в полдень, едва отозвался им бес, и услышали все люди, находившиеся в мечети, его голос: «Зачем досаждаете мне, ведь уже нет вам отныне надежды на меня, ни на помощь мою, ибо ухожу от вас в пустынные и непроходимые места, изгнанный Христовою силой, так как приходит он сюда со славою и хочет воцариться в земле этой и просвятить ее святым крещением».

И вскоре повалил густой черный дым из городка, из мечети, и в изумлении увидели мы все, как вылетел с ним вместе на воздух огненный змей, и полетел на запад, и скрылся из глаз. И поняли все, что случившееся означает: пришел конец их житию.

О ТОМ, КАК ЦАРИЦА СО ЗНАТНЫМИ СВОИМИ ВЕЛЬМОЖАМИ УПРАВЛЯЛА КАЗАНЬЮ, И О ПЕЧАЛИ ЕЕ ИЗ-ЗА ПОСТРОЙКИ СВИЯЖСКОГО ГОРОДА. ГЛАВА 33

Царя же в то время не было в Казани — он еще раньше умер духовной и телесной смертью. После него осталась молодая царица, и родился у нее в тот же год царевич, по имени Мамш-Кирей, которому и завещал царство после

отець его царство приказа. Владяше же царица Сумбек после царя своего пять лѣтъ всѣм Казанским царством, доколѣ возрастетъ сынъ ея, царевич младый, и в царский разумъ придетъ совершенно. И брежаху Казань с нею уланове и князи, и мурзы болшия, и велможи, и приказщики царевы, в них же бѣ первый болше всѣх крымской царевич Кошакъ.* И за едино лѣто до *сего* отстоя Казань и от взятя удержа от самого царя и великаго князя.

Се же все видѣвше царица и всѣ реченныя владѣльцы казанския, и вси прости земскія люди, черемиса нижняя, по рускому языку чернь, что прииде царь Шихгалий Касимовской со множеством рускаго воинства и с великим нарядом огненным, аки смѣяся имъ и играя, и не во многи дни поставиша град посреде земли ихъ, яко на плечах ихъ, да подивятся. И горния страны черемиса и вся своя войска отступивших от нихъ и заложившася за московскаго самодержца, казанцем же ничего же сего в борзе не свѣдавшимъ: ни града поставления, ни черемисы отложения. И многим сказующим сия имъ, и не яша вѣры, гордостию снѣдаеми, чающе малый градецъ поставлень, зовомый «гуляй». Той бо градецъ многожды ходил с воеводами к Казани, сотворень на колѣсах и цѣпми желѣзными утверждень, его же нѣкогда часть отторгоша казанцы и 7 пушек в нем ухватиша.

И егда же великий град Свяжский поставлен бысть, и тогда истину увѣдаша и начаша тужити и тосковати. И возбоися царица и вси велможи казанския, и вси людие устрашишася зѣло, и вниде трепеть, и ужасошася кости ихъ, и вся мозги ихъ, и крѣпость ихъ вся изчезе, и мудрость ихъ и гордѣние поглощено бысть Христовою силою. И рекоша сами к себѣ: «Что сотворихом и что не убудихомся, и како уснухомъ, и како не *устрѣгохомъ*, и како оболсти нас, аки во снѣ, Русь, лукавая Москва?» И думаша много со царицею.

Она бо, яко лютая лвица, неукротимо рыкаше и веляше имъ в Казани осаду крѣпити и вой многих на помощ отвсюду собирати и отколе пойдуть к ним: от Нагай и от Астрахани, и от Азова, и от Крыма, аще не достанет столко своих людей на противление Руси, и давати им царския казны, елико хотят, и царя Касимовского, и воевод русских со всею силою рускою изгнати из земли своя Казанския; и град новый отъяти, и всячески противитися, доколе мочно.

И ни кто же их не послушаше тогда. Аще и царица вѣдаше сама неизбытие свое, но волею предатися не хотяше. Единъ бо ея нѣкто подкрѣпляше и крѣпце с нею стояше за Казань, и противляшася без лѣсти самодержцу московскому и воемъ его, и премогаея с ним пять лѣтъ по наказу царя своего и по смерти его, той бяше саном почтенъ от царя выше всѣх велмож казанских, воеводства ради и мужества на бранѣх, реченный преже,

своей смерти его отец. Владела же царица Сумбека всем Казанским царством после царя своего пять лет, пока подрастал сын ее, молодой царевич, и набирался царского разума. И правили Казанью вместе с нею уланы, и князья, и знатные мурзы, и вельможи, и царские приказчики, первым среди которых был крымский царевич Кошак. И за год до этого отстоял он Казань и не дал взять ее самому царю и великому князю.

И увидела тогда царица, и все упомянутые казанские правители, и все простые земские люди — низовая черемиса, а по-русски чернь, что пришел касимовский царь Шигалей с многочисленным русским воинством и большими стенобитными орудиями и, словно насмехаясь над ними и играючи, всего за несколько дней построил им на удивление город посреди их земли, словно у них на плечах. И когда изменила им черемиса горной стороны со всеми своими войсками и покорила московскому самодержцу, казанцы долгое время ничего об этом не знали: ни о построении города, ни об измене черемисы. И хотя многие говорили им об этом, казанцы, снедаемые гордостью, не верили им, думая, что построен лишь малый городок, называемый «гуляй». Такой ведь городок, поставленный на колеса и скрепленный железными цепями, много раз ходил с воеводами к Казани; некогда часть его была захвачена казанцами вместе с семью пушками.

И только тогда, когда большой город Свияжск был уже построен, узнали они правду и начали тужить и тосковать. И испугались царица и все казанские вельможи, и сильно устрашились все люди, и охватил их трепет, и ужаснулись они до мозга костей, и вся сила их исчезла, и поглощены были Христовою силой мудрость их и высокомерие. И говорили они сами себе: «Что натворили мы и почему не проснулись, и как могли мы уснуть и не устеречь, и как обольстила нас, как во сне, Русь, лукавая Москва?» И долго совещались они с царицею.

А она, словно свирепая львица, неукротимо зарычала и повелела им готовить Казань к осаде и, если не хватит своих людей для того, чтобы оказать русским сопротивление, собирать на помощь многочисленных воинов отовсюду, откуда пойдут к ним: из Ногайской Орды, и из Астрахани, и из Азова, и из Крыма, и платить им из царской казны, сколько они захотят, и изгнать из Казанской своей земли касимовского царя и русских воевод со всею русскою силой, и отнять у них новый город, и сопротивляться им, покуда возможно.

Но никто из них не послушал ее тогда. Царица же, хотя и знала, что она обречена, но по своей воле не хотела сдаваться. И только один человек поддерживал ее и вместе с ней твердо отстаивал Казань и нелицемерно сопротивлялся московскому самодержцу и его войскам, пять лет воюя с ними по наказу своего царя после его смерти, — упоминавшийся прежде, немного выше, царевич Кошак, человек величавый и свирепый, удостоенный царем

мало вышъше, Кошакъ царевич, мужъ величавъ и свирѣпъ. Къ нему же приложишася крымцы и нагаи, и вси приѣзжныи языцы брань составляти съ Русью.

Казанцы же всѣ не хотяху, глаголюще яко: «Мы не мощни есмы нынѣ и несилны противитися рускимъ людемъ, понеже не изучены и несилны». И бысть между всѣхъ прѣя и несогласие во едину мысль. И за сие погибша.

О ЛЮБВИ БЛУДНОЙ СО ЦАРИЦЕЮ КОЩАКА* И О ИЗБѢЖЕНИИ ЕГО ИЗ КАЗАНИ, И О ЯТИИ ЕГО, И О СМЕРТИ ЕГО. ГЛАВА 34

Того же царевича Кошакъ не токмо вси казанстии людие вѣдаху отъ своя жены прелюбы со царицею творяща после царя, но и на Москвѣ слышашеся рѣчь та, и во многихъ ордахъ. Еще же и злѣе того — мысляше съ нею царевича младаго убити и велможъ всѣхъ, обличающихъ его о беззаконии томъ, и царицу поняти за себе, и воцаритися въ Казани. Таково бо женское естество полско ко грѣху! И никий же бо лютый звѣрь убиваетъ щенцы свои, и ни лукавая змиа пожираетъ изчадий своихъ!

Сверстницы же его и велможы възбраняху ему, да престанетъ отъ злодѣянія того, и убийствомъ прещаху ему. Онъ же, яко власть имый надо всѣми, не смотряше ни на кождо ихъ. Любляше бо его царица и зазираше добротъ его, и разжиганми плотскими сердце уязвися къ нему всегда, и не можаше ни мало быти безъ него и не видѣвъ лица его, огненными похотми распалаема.

Кошакъ же царевич, видѣвъ царство всѣ и люди волнуемы, и разумъ неможение свое и неизбытие, и неминующую бѣду свою, и казанцевъ мятущихся всѣхъ и не слушающихъ его ни въ чемъ же. И умысливъ бѣгствомъ сохранити животь свой, начать у казанцевъ проситися изъ Казани ласковыми словесы, яко да отпустятъ въ Крымъ. И отпустиша его честнѣ, куда ему любо, со всѣмъ имѣниемъ его, бѣ бо богатъ злѣо, яко да не мететъ всѣми людьми.

Онъ же, собрався со многими варвары, жившими въ Казани, и взявъ брата своего, и жену свою, и два сына своя,* и вся стяжания своя, и ношью воставъ, побѣжа изъ Казани, не являся, яко побѣже, но яко збирати войска поиде самъ, не вѣруя посланымъ отъ него, вси бо посылаемыя имъ не доходяху тамо, удуже посланы бываху на собрание войска: къ Москвѣ зъ грамотами приѣзжаху и отдаваху самодержцу. Казанцы же, испустивше его, и даша вѣсть ко царю Шихалею, яко да не въздетъ на нихъ вина бѣжания его, не любляху бо его за то казанцы, что онъ, иноземецъ сый, яко царь, силно владѣяше ими.

самого высокого сана среди казанских вельмож за то, что показал себя в боях мужественным воеводой. К нему присоединились крымцы, и ногаи, и другие народы, приехавшие, чтобы воевать с Русью.

Казанцы же не хотели этого, говоря так: «Не в состоянии мы сейчас и не в силах противиться русским людям, поскольку необучены и несильны». И началась между ними распря, и никак не могли они придти к единому мнению. Из-за этого и погибли.

О ГРЕХОВНОЙ ЛЮБВИ ЦАРИЦЫ И КОЩАКА, И О БЕГСТВЕ ЕГО ИЗ КАЗАНИ, И О ПЛЕНЕНИИ ЕГО И СМЕРТИ. ГЛАВА 34

О том, как царевич Кошак втайне от своей жены прелюбодействует с царицей после смерти царя, знали не только казанцы: слышали об этом в Москве и во многих ордах. Но и хуже того — вместе с нею задумал он убить юного царевича и всех вельмож, обличающих его за то беззаконие, потом взять царицу себе в жены и воцариться в Казани. Вот до чего женское естество склонно к греху! Ведь даже дикий зверь не убивает щенков своих, и не пожирает коварная змея своих детенышей!

Близкие же ему люди и вельможи требовали, чтобы прекратил он злодеяние свое, и грозилась его убить. Он же, имея власть надо всеми, ни на кого не обращал внимания. Царица же любила его и любовалась его красотой, и всегда сердце ее было уязвлено плотским влечением к нему, и не могла она даже на малое время оставаться без него, не видя его лица, расплаемая огнем похоти.

Царевич же Кошак, видя, что взбудоражено все царство и все казанцы пришли в смятение и ни в чем не слушаются его, понял, что бессилен он и обречен и что ждет его неминуемая беда. Тогда, задумав бегством сохранить себе жизнь, начал он ласковыми словами уговаривать казанцев, чтобы отпустили они его из Казани в Крым. И отпустили они его честно, куда он хочет, со всем имуществом его — а был он очень богат, — чтобы не возбуждал он смуты среди людей.

Он же, собрав многих варваров, живших в Казани, и взяв с собой брата, жену, и двух своих сыновей, и все нажитые богатства, побежал, поднявшись среди ночи, из Казани, представив все так, будто он не убегает, а отправляется сам набирать войско, не доверяя больше своим посланцам, ибо все, посылавшиеся им, не доходили туда, куда посылали их для найма воинов: вместо этого приезжали они в Москву со своими грамотами и отдавали их самодержцу. Казанцы же, выпустив его, послали весть царю Шигалею, дабы не возложил он на них вину за его бегство, ибо не любили его казанцы за то, что он, будучи иноземцем, правил ими как царь.

Царь же посла за ним в погоню воеводу Ивана Шеремѣтева, 10 000 с ним легких людей. Воевода же догна его в полѣ, бѣжаша меж двою рѣкъ великихъ — Доном и Волгою.* И поби всѣх бѣжаших с нимъ 5000, и взяша много богатства ихъ. Самого же улана Кошкака и з братом его жива взяша, и з женою его, и с малыми двѣма сыны его, и с ним 300 добрых воинъ,* в них же бѣ 7 князей и двѣнатцеть мурзъ. И послаша его к Москвѣ оттуду.

И приведоша его, варвара, во царствующий град Москву безчестна, аки лютаго звѣря, всего желѣзными чепми окована — не хотяща добромъ смиритися, и Богъ неволею предаде его. И вопросиша его повелѣнием самодержца, о аще хошет креститися и служити ему, и то да милость приметъ от него и живъ будет. Онъ же раб его быти хотяше, креститися отрицашеся, *ни мыслию* внимаше, и не восхотѣ благословения, и удалися от него.

И по нѣколицех днех державше его в тѣмницѣ и усѣкоша его не во граде, но на усѣкателномъ мѣсте, со всѣми его варвары. И побиша паличемъ всѣх. А жену его крестиша* со двѣма сынми его в православную вѣру. И взят ю к себѣ христоролюбивая царица жити в полату свою. А два сына Кошкаковы взят к себѣ во двор царь и великий князь и изучи их русской грамотѣ гораздно.

О ДУМѢ ВЕЛМОЖ КАЗАНСКИХ СО ЦАРИЦЕЮ О КАЗАНИ И О МИРУ, ЕЖЕ СО ЦАРЕМЪ ШИХАЛЕЕМ И С ВОЕВОДАМИ. ГЛАВА 35

По избѣжанни из Казани царевича Кошкака собралася ко царице все казанстии великии велможи, глаголюще: «Что имамы сотворити, царице, и что дума твоя с нами еже о нас, и когда утѣшимся от скорби и печалей, нашедшихъ на ны? Уже бо прииде кончина твоему царствованию и нашему владѣнию с тобою, яко же мы сами себѣ дивимся. За великое наше согрѣшение и неправду, бывшую на русских людех, постиже царство наше гнѣвъ Божий, и намъ — плач не утѣшим и до смерти нашея. Вѣси убо и сама уже и видѣла еси, колико побѣждахомъ Руси и погубляхом, с великимъ таким царством много лѣтъ боряхомся, и паче и боле ихъ множается: есть Богъ ихъ с ними всегда, побѣждая нас. И аще убо нынѣ хожем стати супротивъ Руси бранию, яко же ты пушаеши и понуждаеши, руским бо воеводам многим сущим и готовым убо, и великий наряд огненный у себя имущим, и на то пришедших, еже с нами братися, нам же немногими людьми, не собравшимся и не изготовльшимся, — да вѣдаем и сами себѣ, яко побѣжденным намъ быти от них, неже побѣдити их. А храбрый Кошак царевич, его же держахом у себя и в царя мѣсто почитахом его, и покоряхомся ему по цареву приказу,

Царь же послал за ними в погоню воеводу Ивана Шереметева с десятью тысячами легковооруженных людей. Воевода же догнал его в поле, когда бежал он между двумя великими реками — Доном и Волгою. И перебил он всех, бежавших с ним, пять тысяч, и захватил у них много богатства. Самого же улана Кошача, и брата его, и жену, и двух его маленьких сыновей взяли живыми и вместе с ними захватили триста добрых воинов, среди которых было семь князей и двенадцать мурз. И послали его оттуда в Москву.

И привели его, варвара, в царствующий город Москву без чести, как лютого зверя, закованным в железные цепи — не хотел он добром смириться, и вот Бог против его воли отдал его в руки русским. И по повелению самодержца спросили его, хочет ли он креститься и служить ему, ибо тогда он будет помилован и останется жив. Тот же рабом его быть хотел, креститься же отказался, даже мысли об этом не допускал, и не захотел благословения, и удалился от него.

И, продержав его несколько дней в темнице, казнили его вместе со всеми его варварами, но не в городе, а на месте, предназначенном для казней. И побили их всех палицами. А жену его вместе с двумя сыновьями крестили в православную веру. И взяла ее христоробивая царица к себе в палату. А двух сыновей Кошача взял к себе во двор царь и великий князь и хорошо обучил их русской грамоте.

О ДУМЕ КАЗАНСКИХ ВЕЛЬМОЖ И ЦАРИЦЫ О КАЗАНИ И О МИРЕ, ЗАКЛЮЧЕННОМ ИМИ С ЦАРЕМ ШИГАЛЕЕМ И ВОЕВОДАМИ. ГЛАВА 35

После бегства из Казани царевича Кошача собрались к царице все знатные казанские вельможи, говоря так: «Что будем делать, царица, и что думаешь ты вместе с нами о нашей судьбе, и когда утешимся мы от скорби и печалей, на нас нашедших? Ибо пришел уже конец твоему царствованию и нашему с тобой правлению, так что удивляемся мы сами себе. За великое наше согрешение и неправду, творимую над русскими людьми, постиг царство наше гнев Божий, а нас — безутешный плач до самой смерти. Знаешь ведь уже и сама и видела ты, сколько раз побеждали мы и губили Русь и много лет с таким большим царством боролись, но становится оно все больше и больше, ибо всегда с ними Бог их, побеждающий нас. И если мы теперь решим выступить против Руси, как ты нас посылаешь и понуждаешь, в то время как русские воеводы, специально пришедшие, чтобы с нами биться, располагают большим войском и огнестрельным нарядом и готовы к бою, а у нас и людей немного, и к войне мы не приготовились, не собрались с силами — знаем мы, что будем мы ими побеждены, нежели победим. А храбрый царевич Кошак, которого держали мы у себя и почитали, как царя, и которому покорялись по царскому приказу и, как на царя, надеялись

и надѣяхомся на него, аки на царя же, и онъ в горкое се время нужное преже всѣх нас утрашися и оставя нас в печали и в мятежи, и *взяв* вся имѣнія, своя многая и чужая, и храбрых людей, тайно изыде от нас, яко всему царству нашему грубя. И побѣжа с великою корыстию, хотя единъ угонзнути Божиа суда, и от коихъ бѣгаше, бояся изымания ихъ, и к тѣмъ сам прибѣжа, впад в руже, и погибе. Нынѣ же гордѣние наше и высокоумие преложимъ на кротость и смирение и, вся оставльше нелѣпья наши думы, и идемъ ко царю Шихалю с мирением и с молением от лица твоего, яко да не бы помнил нашей вины и наругания, еже когда сотворихом ему, хотяще многожды убити его, егда бо был на Казани, царемъ чтобы ныне былъ и взял бы тебя чесно женою себѣ, не гордяся тобою, но с любовию, не яко горкую плѣнницу, но яко царицу, любимую и прекрасную, *дабы укротилось* сердце его и смирятся воеводы всѣ». И любя бысть рѣчь сиа царицъ и всѣм велможам ея, и всему народу казанскому.

И сими словесы совѣщавшеся, и болша сихъ, и пойдоста от царицы болшиа велможи и улановъ, князи и мурзы казанския во Свияжский град ко царю Шихалю и к воеводам и, пришедше к ним, даша им дары свѣтлы и начаша им тихо глаголати о смиренни от всего сердца их, не лѣстно молити царя Шихалея, яко да изыдет к нимъ на царство, ничтоже сумняся. «Молим тя, — глаголаху, — волный царю, и кланяемся вамъ всѣм, воеводам великим, не погубити нас всѣх до конца, раб своих, но примите смирение наше и покорение: великий град нашъ и вся земля державы нашей пред вами есть и ваша да будет. У нас же на царствѣ нѣсть царя, и того ради меж нами бывает мятеж великий и межусобица, и нестроение земное. Ты же, аще помилуеши нас, царю, и всего зла нашего забудеши, и не воспомянешь древния обиды своя, и не отмстиши нам, и царицу нашу возмеши за себя, то все царство наше и со всѣми нами повинны тебѣ будут и не противны».

Царь же совѣтовав с воеводами и о себѣ ничто же не здѣла, и прият смирение казанцев, и нача у них быти царем на Казани, и царицу хотѣ поняти. И приѣзжаху казанцы на зговор по пятнадцать дней и пиروваху, и веселяхуся у царя и *воевод*. И уложи царь с казанцы меж собою миръ вѣчный. И приѣхаша в Казань велможи, и сказаша царице вся, яко: «Мир со царемъ совершенъ прияша и царство предаша ему, и тебе хочеть поняти».

О ЦАРИЦЫНЕ ОТРАВѢ, ДАННЫЕ НА СМЕРТЬ ЦАРЮ И О ГНѢВЕ ЕГО НА ЦАРИЦУ. ГЛАВА 36

Она же, аки на радости, посла ко царю дары нѣкиа честны, и брашно нѣкое царское и питие смертное устройвъ. Онъ же повелѣ искусити — часть малу дати псу снѣсти, его же излити. Песъ же брашна того

на него! Он в горькое это трудное время утратился раньше нас всех, оставив нас в печали и в смятении и, захватив все свои пожитки, а также и чужое имущество, и храбрых людей, тайно бежал от нас, нанеся обиду всему нашему царству. И побежал он с огромной добычей, желая один избежать Божьего суда, но от кого убегал, боясь быть пойманным, к тем сам и прибежал, попав к ним прямо в руки, и погиб. Ныне же сменим нашу гордость и высокомерие на кротость и смирение и, оставив все нелепые наши замыслы, пойдём к царю Шигалею от твоего лица, чтобы помириться с ним и умолить его, дабы не помнил он нашей вины и надругательства, которое сотворили над ним в прошлом, много раз пытаясь убить его, когда жил он в Казани, и чтобы стал он теперь царем и взял бы тебя честно в жены, не пренебрегая тобой в высокомерии, но с любовью, не как горькую пленницу, а как любимую прекрасную царицу, чтобы укротилось сердце его и смирились все воеводы». И любя была эта речь царице, и всем вельможам ее, и всему казанскому народу.

И, сказав ей все это и больше того, пошли от царицы знатные вельможи и уланы, князья и мурзы казанские в город Свияжск к царю Шигалею и к воеводам, и, придя к ним, вручили им богатые дары, и начали с кротостью говорить им от чистого сердца о смирении своем и нелицемерно умолять царя Шигалея, чтобы шел он к ним на царство, ни в чем не сомневаясь. «Молим тебя, — говорили они, — вольный царь, и кланяемся вам всем, воеводам великим, не погубите окончательно всех нас, рабов ваших, но примите смирение наше и покорность: великий город наш и вся земля нашей державы — перед вами, и да будет она вашей. Нет ведь у нас на царстве царя, и бывают между нами из-за этого большие разногласия, и междоусобицы, и ссоры. Если же ты, царь, помилуешь нас, и забудешь все наше зло, и не вспомнишь старые свои обиды, и не будешь мстить нам, и возьмешь за себя нашу царицу, то все наше царство и все мы покоримся тебе и не будем ни в чем противиться».

Царь же ничего не стал решать сам, но посоветовался с воеводами и тогда принял смирение казанцев, и начал царствовать в Казани, и захотел взять в жены их царицу. И в течение пятнадцати дней приезжали казанцы на сговор, и пиروвали, и веселились с царем и воеводами. И заключил царь с казанцами вечный мир. И приехали в Казань вельможи и рассказали царице обо всем: «Заключили мы с царем полный мир и передали ему царство, и хочет он взять тебя в жены».

ОБ ОТРАВЕ, ПОСЛАННОЙ ЦАРИЦЕЮ НА ПОГИБЕЛЬ ЦАРЮ, И О ЕГО ГНЕВЕ НА ЦАРИЦУ. ГЛАВА 36

И послала она царю, якобы на радостях, некие честные дары, и угощение некое царское, и питье, отравой смертной напитав их. Он же повелел их проверить, — отлив немного, дать отведать псу. Пса же, когда лизнул он

языком лизнув и разторжеся на кусы. В другие же посла к нему срачицу, дѣлав своима рукама. Царь же даде ю носити служащему своему отроку, на смерть осужденому. Отрок же воздѣвъ на себе срачицу и в том часѣ пад на землю, корчаяся, вопия и умре, яко всѣм, ту бывшим и видѣвшим сие, устрашится.

Царь же извѣт сотвори об нѣй казанцем, глаголя, яко: «По вашему научению сотвори сия царица мнѣ». Они же кляхуся, глаголюще, не вѣдуще сего. И даша ему волю, яко хоцетъ с нею. И за сие зло разгнѣвася на них царь и ять царицу, и к Москвѣ ю посла, яко прелютую злодѣицу, и со младымъ лвовищем, сыномъ ея, и со всею царскою казною ихъ.

Казанцы же, извѣдаша извѣстно о ней, и не глаголаста со царемъ вопреки, что *царица* слово свое и клятву свою преступи, но и *подустиша его на ню* и волю ему даша извѣсть царица невозбранно из Казани, яко да не все царство погибнетъ единыя ради жены: «Яко мы составляхомъ и глаголахомъ миръ и любовь и како бы скорѣ скорби и печали минути, она же воздвизаше брань и мятеж. И вправду сего изгнания достойна есть».

О СМЕРТИ СЕИТОВѢ И ВСЕГО РУСКАГО ПЛѢНА ИСПУЩЕНИЕ ИЗ КАЗАНИ. ГЛАВА 37

По царице же сеита своего казанцы, книгам учителя ложнаго закона Махметова, сами руками своими яша и отдаша его царю, приведше, яко худа и непотребна, и возмущающа всѣмъ народомъ, и во единъ совѣтъ не совѣщающася, и царю не покаряющася. И повелѣ царь того же часа главу ему отсѣщи, а богатство его все в казну самодержцу взяти, переписав.

И весь в Казани бывший русской полонь, много избравше за 30 лѣтъ низовския земли, числом более 100 000 мужей и женъ, и отрок, и девиць, на Русь отпустиша. А инии же, застарѣвшиися, прелстишася мнози, и они ошашася, не хотяще паки обратитися ко Христовѣ вѣре и до конца отчаявшася своего спасения, и свѣтъ отвергоша истинныя вѣры и тму возлюбиха.

О ИЗВЕДЕНИИ ЦАРИЦЫ И СЫНА ЕЯ. ГЛАВА 38

Егда же ведомѣи быти царицы из Казани, посла по нѣй царь великаго воеводу московскаго, князя Василья Сребренаго, и 3 000 вооруженных вой с ним, 1000 огненных стрелцовъ. И воевода, вшед во град, и взя царицу и с царевичем ея, яко смирну птицу въ гнѣздѣ со единым малым птенцем, в полатах ея и в пресвѣтлых свѣтлицах, не трепещуще, ни биующеся, со всѣми любимыми

немного того кушанья, разорвало на куски. В другой раз послала она ему сорочку, сшив ее своими руками. Царь же дал ее поносить своему слуге, отроку, осужденному на смерть. Отрок же надел на себя сорочку и тотчас же упал на землю, корчась и вопя, и умер, так что все, бывшие там и видевшие это, испугались.

Царь же учинил о ней допрос казанцам, говоря им так: «По вашему наущению содеяла это со мной царица». Они же клялись ему, говоря, что ничего об этом не знали. И предоставили они ему самому решать, что делать с нею. И за это зло разгневался на них царь и, схватив царицу, отправил ее в Москву, словно лютую злодейку, вместе с молодым львенком, сыном ее, и со всей царской их казной.

Казанцы же, убедившись, что все это правда, не стали перечить царю, поскольку царица нарушила свое слово и клятву, но еще и подталкивали его к этому, позволив ему беспрепятственно вывезти царицу из Казани, дабы не погибло все царство из-за одной женщины, так говоря: «Мы установили и провозгласили мир и любовь, чтобы скорее избегнуть скорби и печали, она же разжигает войну и мятеж. Поэтому действительно она заслужила это изгнание».

О СМЕРТИ СЕИТА И ОБ ОСВОБОЖДЕНИИ В КАЗАНИ ВСЕХ РУССКИХ ПЛЕННИКОВ. ГЛАВА 37

Вслед за царицею казанцы своими руками схватили и отдали царю сеита своего, толкователя книг ложного Магометова закона, приведя его как худого и непотребного, подстрекающего народ, не пожелавшего советоваться с остальными и не покоряющегося царю. И повелел царь в тот же час отрубить ему голову и все его богатство, переписав, забрать в казну самодержцу.

И отпустили на Русь всех находившихся тогда в Казани русских пленников, которых много — более ста тысяч человек: мужчин, женщин, отроков и девиц — было захвачено за тридцать лет на низовской земле. Многие же, состарившиеся в плену и изменившие своей вере, остались, не желая снова обращаться в христианскую веру и окончательно потеряв надежду на свое спасение, и отвергли свет истинной веры, и возлюбили тьму.

О ТОМ, КАК ВЫВОДИЛИ ИЗ КАЗАНИ ЦАРИЦУ И ЕЕ СЫНА. ГЛАВА 38

Когда выводили царицу из Казани, послал за нею царь знатного московского воеводу, князя Василия Серебряного, и с ним три тысячи вооруженных воинов и тысячу пищальников. И, войдя в город, взял воевода царицу с царевичем в покоях ее, пресветлых светлицах, словно смиренную птицу с единственным малым птенцом в гнезде, ни трепещущую, ни бьющуюся, и

рабынями ея и великородными женами и отроковицами, жившими с нею в полатѣ. Не вѣда же царица изымания своего: аще бы вѣдала, то сама бы ся убила.

Вшед же к ней воевода с велможами, одѣян во златую одежду, и став пред нею, и сня златый вѣнец со главы ея, рекъ к ней слово тихо и честно: «Поимана еси, волная царица казанская, великим нашим Богомъ Иисусом Христомъ, им же царствуютъ на земли вси царие, служаще ему, и князи власти содержать до воли его, и богатии величаются, и силнии похваляются и храбрують. Той Господь надо всѣми единъ царь царем, и царству его не будетъ конца. И той и нынѣ отъемлетъ царство твое от тебе и предаетъ тя в руке великому и благочестивому самодержцу всеа Руси, его же повелѣниемъ придохъ аз, раб его, посланъ к тебѣ. Ты же готова буди с нами пойти».

Она же разумѣ переводниковъ толкомъ слово его, и против его слова, воспрянув от высокаго мѣста своего царского, на нем же сѣдѣше, и ста, подержима под руке рабынями ея, и умилно, и с тихости отвѣща рѣчью варварскаго языка своего: «Буди воля Божия и самодержца московскаго». И то слово изрекши, и заразися от рукъ рабынь, поддерживающихъ ю, о свѣтличный мость и возопи великимъ гласомъ плачевнымъ, подвижающе с собою на плач и то бездушное каменье. Тако же и честныя жены и красныя девицы, живушья с нею в полатѣ, яко многия горлицы и загозицы, жалобно плачевныя гласы горкия во весь градъ испущаху, издираху лица своя красныя и власы рвуши, и руке и мыщцы своя кусающе.

И восплакася по ней весь дворъ царевъ: велможи и властели вси, и царския отроцы. И слышашеи плач той стицахуся ко цареву двору, такоже плакахуся и кричаху неутѣшно. И хотяху воеводу жива поглотити, аще бы мочно, и войско бы его каменьемъ побити. Но не даша имъ воли властели ихъ, и биюще ихъ шельгами и батоги, и дреколнемъ, разгоняху их по домамъ.

И похватиша царицу от земли ту стоящи с воеводою ближнии ея велможи, мало не мертву. И едва отлияша ю водою и утѣшаху ю. И умолень бысть той воевода царицею, да еще мало помѣдлитъ царица в Казани. Онъ же царя и воеводъ спросися, даде ей десять дней пребыти в Казани в полатахъ своихъ за крѣпкими стражми, да не убьетъ сама себя, давъ ея брещи велможамъ казанскимъ и самъ, почасту ходя, назираше во царевъ дворъ и в ѳныхъ полатахъ не просто, но брегомо от вой своихъ, да не нѣкакое зло изневѣстно казанцы учинятъ над нимъ лукавствомъ своимъ.

И переписавше цареву казну всю до единого праха и запечатав самодержцевою печатью. И наполни до угружения дванадесять ладей великихъ златомъ и сребромъ и сосуды, сребренными и златыми, и украшенными постелями,

вместе с нею всех любимых ее рабынь, и знатных женщин, и отроковиц, живших с нею во дворце. Не знала царица, что будет схвачена, если бы знала об этом, то убила бы себя сама.

И вот, облаченный в расшитую золотом одежду, вошел к ней воевода с вельможами и, встав перед нею и сняв с ее головы золотой венец, обратился к ней с тихими и почтительными словами: «Пленена ты, вольная казанская царица, великим нашим Богом Иисусом Христом, благодаря которому царствуют на земле, служа ему, все цари, по чьей воле и князья пользуются властью, и богатые прославляются, и сильные похваляются и показывают свою храбрость. Тот Господь — единственный царь над всеми царями, и царству его не будет конца. И тот ныне отбирает царство твое от тебя и передает тебя в руки великому и благочестивому самодержцу всея Руси, повелением которого пришел я, раб его, посланный к тебе. Ты же готова будь идти с нами».

Она же поняла через переводчиков его речь и в ответ на его слова вскочила со своего высокого царского места, на котором восседала, и, встав, поддерживаемая под руки своими рабынями, отвечала ему на своем варварском языке тихо и умильно: «Да будет воля Божья и самодержца московского». И, произнеся эти слова, бросилась она из рук рабынь, поддерживавших ее, на пол своей светлицы и возопила, громко рыдая, заставляя плакать вместе с собой даже бездушные камни. Также и честные жены, и красные девицы, живущие при ней в покоях, словно многочисленные горлицы и кукушки, жалобно горькими рыданиями оглашали весь город, раздирая прекрасные свои лица, вырывая волосы и руки свои кусая.

И зарыдал по ней весь царский двор: и вельможи, и все управляющие, и царские отроки. И стали стекаться к царскому двору услышавшие этот плач, также крича и плача неутешно. И если бы было можно, то заживо хотели бы они растерзать воеводу и войско его побить камнями. Но не позволили им их правители; избивая их плетками, батогами и дубинками, разгоняли они их по домам.

И подняли царицу с земли стоявшие тут с воеводами приближенные ее вельможи чуть живую. И едва удалось отлить ее водой и утешить. И умолила царица того воеводу, чтобы позволил ей ненадолго задержаться в Казани. Он же, посовещавшись с царем и воеводами, разрешил ей еще десять дней пожить в Казани в своих покоях под строгой охраной, чтобы не убила она себя, поручив сторожить ее казанским вельможам, и сам, часто приходя, наблюдал за царским дворцом и другими палатами, не в одиночку, но охраняемый своими воинами, дабы не причинили ему казанцы по своему лукавству какого-нибудь неведомого зла.

И переписал он царскую казну до последней пылинки и запечатал самодержцевой печатью. И наполнил до отказа двенадцать больших ладей золотом, и серебром, и сосудами, серебряными и золотыми, и нарядными

и многоразличными одѣянными царскими, и воинскими всяцами оружии, и высла из Казани преже царицы со инем воеводою в новой градъ. И пославъ за казною ихъ хранителя *казеннаго, скопца царева*, да той сам пред самодержцемъ книги счетныя положить.

По десяти же днех пойде воевода из Казани, за ним поведоша царицу ис полаты ея вослѣд воеводы, несуще ю под руке, а царевича, сына ея, на руках пред нею несяху пѣстуны его. И упросися царица у воеводы проститися у гроба царева. Воевода же отпусти ю за стражми своими, а сам ту же у дверей стояше недалече.

Вшед же царица в мечеть, гдѣ лежаше царь ея умерший, и сверже златую утварь з главы своея, и раздра верхняя ризы своя, и паде на землю у гроба царева, власы своя терзающе и ноготми лице свое деруще, и в перси биюще. И воздвигше умилный глас свой и плакаше, горко вопия, глаголя: «О милый мой господине, царю Сап-Кирею, виждь нынѣ царицу, юже любил еси паче всѣх женъ своих: се ведома бываю въ плѣнъ иноязычными воины, на Русь, с любимым сыном твоим, яко злодеица, не нацарствовавшие с тобою и много лѣтъ не нажившесе! Увы мнѣ, драгий мой животь, почто рано зайде красота твоя от очию моею под темную землю, оставив мя вдовою, а сына своего сиротою и младенца еще? Нынѣ — улы мнѣ! — гдѣ тамо живеши, да иду тамо к тебѣ, да живу с тобою! Почто нынѣ остави нас здѣ? Увы намъ, не вѣси сего! Се бо предаемся в руке ненадѣемым супостатом, московскому царю. Мнѣ же убо единой не могуще противитися силѣ и крѣпости его и не имѣх помогающих мнѣ, и вдахся воли его. Увы мнѣ! Аще от инога царя коего плѣнена бых была — единого языка нашего и вѣры моея, то шла бы тамо не тужаще, но с радостию, без печали. И нынѣ же, улы мнѣ, мой милый царю, послушай горкаго моего плача и отверзи темный свой гроб, и поими мя к себѣ живу, и буди нам гроб твой единъ — тебѣ и мнѣ, царская наша ложница и свѣтлая полата!

Увы мнѣ, господине мой царю, не рече ли тебѣ иногда з болѣзнию души болшая твоя царица, яко добро тогда будет умершим и неродившимся, и се не збыло ли ся тако? Ты же ничего не вѣси нынѣ, нам прииде, живым, горе и болѣзнь. Приними, драгий господине царю, юную и красную царицу свою, и не гнушайся мене, яко нечисты, да не насладятся иновѣрнии красоты моея и да не буду лишена от тебя конечнѣ, и на землю чюжду не иду, и в поругание, и в посмѣх, и во иную вѣру, в незнаемая люди и въ язык чюж! Увы мнѣ, господине, кто тамо ми пришедши, плач мой утѣшит и горкия слезы моя утолит, и скорбь души моея возвеселит? Или кто посѣтитъ мя? Нѣсть никого же. Увы мнѣ, кому тамо печаль мою возвѣщу: сыну ли нашему? — но той еще млечныя пищи требуетъ; или отцу моему? — но той отсель далече есть; казанцем ли? — но онѣ чрез клятву самоволием отдаша мя.

постелями, и различными царскими одеждами, и всяким воинским оружием и выслал их из Казани прежде царицы с другим воеводою в новый город. И вслед за казной послал хранителя казны — царского скопца, дабы сам он положил перед самодержцем учетные книги.

Когда же минуло десять дней, пошел воевода из Казани, вслед же за воеводой под руки повели царицу из палаты ее, а царевича, сына ее, несли перед нею на руках пестуны его. И выпросила царица у воеводы разрешение проститься с гробом царя. Отпустил ее воевода со стражами своими и сам тут же, у дверей, стоял неподалеку.

Царица же, войдя в мечеть, где лежал ее умерший царь, сорвала с головы своей золотой убор, и разодрала верхние свои одежды, и пала на землю возле царского гроба, терзая на себе волосы, раздирая ногтями лицо свое и колотя себя в грудь. И запричитала она жалобно и заплакала, горько рыдая и говоря так: «О милый мой господин, царь Сафа-Гирей, взгляни на царицу, которую любил ты больше всех жен своих: вот ведут меня с любимым сыном твоим в плен, на Русь, иноземные воины как злодейку, ненацарствовавшуюся и много лет не пожившую с тобой! Увы, жизнь моя дорогая, зачем рано зашла красота твоя от глаз моих в темную землю, оставив меня вдовою, а сына твоего, еще младенца, сиротою? Теперь — увы мне! — где ты обитаешь, туда и я пойду, чтобы жить с тобою! Зачем теперь оставил нас здесь? Увы нам, не ведаем того! Отдаемся ведь мы в руки жестоким супостатам, московскому царю. Не могла я одна противиться силе его и крепости, и не было того, кто бы помог мне, потому и подчинилась я воле его. Увы мне! Если бы была я взята в плен другим царем — одного с нами языка и одной веры, то шла бы туда не тужа, но с радостью и без печали. Теперь же — увы мне! — царь мой милый, услышь горький мой плач, и открой темный свой гроб, и возьми меня, живую, к себе, и пусть будет нам гроб твой один на двоих — тебе и мне — царская наша спальня и светлая палата!

Увы мне, господин мой царь, не сказала ли тебе некогда с душевною болью старшая твоя царица, что будет вскоре лучше умершим и неродившимся, и не сбылось ли это? Ты же ни о чем ныне не ведаешь, к нам же, живым, пришли горе и скорбь. Прими, дорогой господин царь, юную и прекрасную свою царицу и не гнушайся меня, как нечистой, да не насладятся иноверцы моей красотой, и не потеряю я тебя окончательно, и в чужую землю на поругание и на смех, в иную веру, к неизвестным людям, в чужой народ не пойду! Увы мне, господин, кто там, придя ко мне, утешит меня в плаче, и горькие слезы мои осушит, и скорбь души моей развеет? Разве кто-нибудь посетит меня? — Нет, никто. Увы мне, кому там печаль свою поведаю: сыну ли нашему? — Но он еще молочной пищи требует; или отцу моему? — но он далеко отсюда; казанцам ли? — но они, преступив клятву, самовольно отдали меня.

Увы мнѣ, милый мой царю Сап-Кирею, не отвѣщаеши ми ничтоже, горкия твоя царица! Не слышиши ли, се при дверех здѣ немилостивыя воины стоят и хотят мя, яко звѣрие дивии серну, восхитити от тебе. Увы мнѣ! Царица твоя бѣх иногда, нынѣ же горкая плѣнница! И госпожа именовался всему царству Казанскому, нынѣ же убогая и худая раба! И за радость и за веселие плач и слезы горкия постигоша мя, и за царскую утѣху сѣтование болѣзненное и скорбныя бѣды обыдоша мя, иже бо плакаться не могу, ни слезы текутъ из очию моею, ослѣпота бо очи мои от безмѣрных и горкихъ слез моихъ, и премолче глас мой от многаго вопля моего».

И ина таковая же многа причиташе царица и *кричаше*, лежащи у гроба, на земли, яко часа два убивающися, яко и самому воеводе приставнику прослезитися, и уланомъ же и мурзамъ и всѣмъ предстоящимъ ту многимъ людемъ плакати и рыдати. Приступиша же к ней царицы отроцы повелѣниемъ приставника со служившими рабынями ея и подняша ю от земли, мертву изполу. И видѣша ту вси людие открыто лице ея, кроваво все от охотнаго драния, и от текущихъ слез ея нѣсть красоты, и от обычныхъ ея велможъ болшихъ, всегда входящихъ к ней, от земскихъ людей никто же нигдѣ видѣ. Ужасе же ся воевода приставник, яко не убреже ея, бѣ бо образомъ царица та зѣло красна и в разумѣ премудра, яко не обрѣстися таковой красной в Казани в женах и в дѣвницах, но и в руских во многих на Москвѣ во дщерях и в женах болярских и княжых.

О УТѢШЕНИИ СЛОВЕС ВОЕВОДЫ КО ЦАРИЦЫ И О ПРОВОЖЕНИИ ЕЯ ОТ НАРОДА КАЗАНСКОГО. ГЛАВА 39

Воевода же приставник пришед близ к ней и болшия велможы казанския и увѣщаваху царицу ласковыми словесы сладкими, да не плачетъ, да не тужить. Глаголаша ей: «Не бойся, госпоже царице, и престани горкаго сего плача, не на безчестие бо, ни казнь и смерть идеши с нами на Русь, но на великую честь к Москвѣ ведем тя, и тамо госпожа многимъ будеши, якоже и здѣ была еси, в Казани. Не отыметъ воли твоя самодержецъ, милость велику покажетъ тебѣ, милосердѣ бо есть ко всѣмъ. И не возпомнитъ зла царя твоего, но паче возлюбитъ тя и дастъ ти на Руси нѣкия грады свои вмѣсто Казани царствовати в нихъ. И не оставитъ тя до конца быти в печали и в тузѣ и скорбь твою и печаль на радость преложить. И есть на Москвѣ много царей юныхъ по твоей верстѣ кромѣ Шихалѣя царя, кому поняти тя, аще восхощеша за другаго мужа посягнути: Шихалей убо царь уже старъ есть, ты бо млада, аки цвѣтъ красный цвѣтешъ или ягода вишня, наполнися сладости. И того ради царь не хошетъ тебе поняти за себя. Но и той есть в воли самодержца: все, якоже что хошетъ, то и сотворитъ о тебѣ. Ты же не печалися о томъ, ни скорби».

Увы мне, милый мой царь Сафа-Гирей, не отвечаешь ты мне ничего, горькой твоей царице! Не слышишь разве, что стоят здесь у дверей немилосердные воины и хотят похитить меня у тебя, словно дикие звери серну? Увы мне! Некогда была я твоей царицей, ныне же — горькая пленница! Звали меня раньше госпожой всего царства Казанского, ныне же я — жалкая и нищая рабыня! И за радость и за веселие обрушились на меня плач и горькие слезы, а за царские мои утехи охватили меня горькие обиды и тяжкие беды, так что и плакать я не могу и слезы уже не текут из глаз моих, ибо ослепли глаза мои от безмерных и горьких слез и пресекся голос мой от долгого рыдания моего».

И долго еще так причитала царица и восклицала, лежа часа два, убиваясь, у гроба на земле, так что и сам приставленный к ней воевода прослезился, также и уланы, и мурзы, и все находившиеся там люди плакали и рыдали. Наконец, по повелению блюстителя ее, подошли к ней царские отроки с прислуживающими ей рабынями и, полумертвую, подняли ее с земли. И увидели тогда все люди открытым лицом ее, изодранное ею до крови, и не было в нем красоты от текущих слез — никто ведь и нигде не видел раньше ее лица: ни знатные вельможи, обычно входившие к ней, ни земские люди. Ужаснулся тогда приставленный к ней воевода, что не уберег ее, ибо была та царица очень хороша лицом и умна, так что не было ей равной в Казани по красоте среди женщин и девиц, да и в Москве среди русских — дочерей и жен боярских и княжеских.

О ТОМ, КАК УТЕШАЛ ВОЕВОДА ЦАРИЦУ И КАК ПРОВОЖАЛ ЕЕ КАЗАНСКИЙ НАРОД. ГЛАВА 39

Окружили царицу воевода-блюститель и знатные казанские вельможи и увещевали ее ласковыми сладкими словами, чтобы не плакала она и не тужила. Говорили они ей: «Не бойся, госпожа царица, и перестань горько плакать, ведь не на бесчестье и не на казнь и смерть идешь с нами на Русь, но на великую честь ведем тебя в Москву, и будешь ты там для многих госпожа, как и здесь была, в Казани. Не отнимает у тебя свободу самодержец, окажет он тебе великую милость, ибо милосерден он ко всем. И не припомнит он тебе зло царя твоего, но еще больше полюбит тебя и даст тебе на Руси какие-нибудь города свои вместо Казани, чтобы ты в них царствовала. И не даст он тебе до конца пребывать в печали и тоске и скорь твою и печаль в радость превратит. Есть в Москве много и царей юных, равных тебе, кроме Шигалея, кто сможет взять тебя в жены, если захочешь еще раз выйти замуж: ведь царь Шигалей уже стар, ты же молода: как цветок прекрасный, цветешь и, как вишневая ягода, наполнилась сладостью. Поэтому и не хочет царь взять тебя в жены. Но и он во власти самодержца; все, что тот захочет, то он с тобой и сделает. Ты же не печалься о том и не скорби».

И проводиша ю честно всѣм народомъ: мужи и жены, и дѣвицы, и малии и велиции, на брег Казани рѣки, плачюще и горко вопиюще по ней, аки по мертвой, вси от мала и до велика. И плакася по ней весь градъ и вся земля неутѣшимо лѣто цѣло, поминающе разумъ ея и премудрость, и велможам честь, и середнимъ и ко обычнымъ милование и дарование, ко всему народу брежение великое.

И приѣхавъ царица в колымазѣ своей на брег к рѣце, и пояша ю под руки ис колымаги ея, не можаше бо востати сама о себѣ от великия печали. И обратился и поклонися казанцемъ всѣм. Народ же казанский припадоша на землю, на колѣняхъ своихъ поклонение свое дающе по своей вѣре. И ведоша ю во уготовленный царский струг, в нем же когда царь на потѣху ѣздяше, борзохождением же подобенъ лѣтанию птичию и утворенъ златом и серебром; и мѣсто царицыно посреде струга — тѣремецъ сткляничной vzdланъ, свѣтел аки фонарь, злаченными дсками покрыт, в нем же царица сѣдѣше, аки свѣща, на всѣ страны видя. С нею же взят воевода от женъ красныхъ и дѣвицъ 30 благородныхъ на утѣху царицы. И положиша ю в теремцѣ на царской постѣле ея, аки болну или пьяну, упившуся непросыпную печалью, аки вином.

Воевода же и велможи казанскія идоша по своимъ стругомъ. Мнози же от граждан, простая чадь, пѣши провожаху царицу, мужи и жены, и дѣти, по объѣма странама Казани рѣки идущемъ имъ и очима зрящимъ вѣслѣдъ ея, доколѣ видѣти, и едва возвращахуся назадъ с плачемъ и с рыданиемъ великимъ. Предъ царицею же, впереди и назади, в боевыхъ струзѣхъ огненныя стрелцы идяху, страхъ великъ дающе казанцемъ, силно биюще ис пищалей.

И проводиша царицу велможи и обычныя казанцы до града Свяжского, и вси возвратишася в Казань, тужаще и плачюще, и пользная впрѣдъ о животѣ своемъ промышляюще.

О ПОВЕДЕНИИ ЦАРИЦИНѢ К МОСКВѢ ИЗ КАЗАНИ И О ПЛАЧЕ ЕЯ ОТ СВЯЖСКОГО ГРАДА ИДУЩИ. ГЛАВА 40

И проводиша царицу от Свяжского града два воеводы с силою до рускаго рубежа, до Василя-города, третій же воевода, приставникъ царицынъ, бояшеся, егда како отдумаютъ казанцы, раскаются, и, сустигши царицу, отымутъ у единого воеводы и его не спустятъ жива: многажды бо извѣрившеся, преступающе клятву.

Царица же казанская, егда поведена бысть к Москвѣ, и горко плакашеся, Волгою ѣдучи, зряше прямо очима на Казань: «Горе тебѣ, граде кровавый! Горе тебѣ, граде унылый! И что еще гордостию возносиши, уже бо спаде вѣнецъ со главы твоея! Яко жена худа и вдова, являешися, осиротѣв, и рабъ еси, а не господинъ. Пройде царская слава и вся скончася! Ты же,

И проводил ее с честью весь народ: мужчины и женщины и девушки, и маленькие и большие, на берег реки Казани, и плакали все от мала до велика, и горько рыдали по ней, словно по мертвой. И плакали по ней неутешно весь город и вся земля целый год, вспоминая разум ее, и мудрость, и почести, которые оказывала она вельможам, и милость ее, и подарки к менее знатным и совсем простым людям, и большую заботу обо всем народе.

Когда же приехала царица в своей повозке на берег реки, под руки высаживали ее из колымаги, ибо сама она не могла подняться из-за сильной печали. И обернулась она и поклонилась всем казанцам. Народ же казанский попадал на землю, на коленях творя поклоны, как подобает по их вере. И повели ее в приготовленный для нее царский струг, в котором царь обычно ездил на потеху, быстроходностью своей подобный птичьему полету и украшенный золотом и серебром; посередине струга было сделано помещение для царицы — стеклянный теремок, светлый, как фонарь, покрытый золочеными досками, в котором, как свеча, сидела царица, видя во все стороны. С нею отправил воевода тридцать благородных и красивых женщин и девиц на утеху царице. И положили ее в теремке на царскую ее постель, словно больную или пьяную, упившуюся, как вином, беспробудною печалью.

Воевода же и казанские вельможи разошлись по своим стругам. А горожане, простые люди — мужчины, женщины, дети — пешком провожали царицу, идя по обоим берегам реки Казани и смотря ей вслед, пока можно было ее видеть, и неохотно возвращались назад с громким плачем и рыданиями. Впереди же царицы и за нею в боевых стругах плыли пищальники, нагоняя на казанцев сильный страх частой пальбой из пищалей.

И проводили царицу вельможи и простые казанцы до Свяжского города, и возвратились все в Казань, тужа и плача, озабоченные своим будущим.

О ТОМ, КАК ВЕЛИ ЦАРИЦУ ИЗ КАЗАНИ В МОСКВУ, И О ПЛАЧЕ ЕЕ ПОСЛЕ ВЫХОДА ИЗ ГОРОДКА СВЯЖСКА. ГЛАВА 40

И проводили царицу от Свяжского городка до русской границы — Василя-города — два воеводы с войском, ибо третий воевода — блюститель царицын, боялся, как бы казанцы не передумали, не раскаялись и, догнав царицу, не отняли ее у одного воеводы; тогда и самого его не отпустили бы они живым: много раз ведь нарушали они договор, преступая клятву.

Царица же казанская, когда повели ее в Москву, горько плакала, едуци по Волге, обратив глаза свои к Казани: «Горе тебе, город кровавый! Горе тебе, город унылый! Что возносишься ты в своей гордыне, когда упал уже венец с твоей головы! Стал ты, осиротев, подобен женщине, бедной и вдовой, и раб ты теперь, а не господин. Прошла царская слава и вся кончилась! И пал ты,

изнемогши, падеся, аки звѣрь, не имущи главы. Срамъ ти есть! Аще бы и вавилонския стѣны имѣлъ еси и римския превысокия столпове, то бы ни тѣ от таковаго царя силнаго устояли еси, и всегда от него воюему тебѣ и обидиму, всякое бо царство царемъ премудрымъ содержится, *а не стенами столповыми, и рати сильныя* воеводами крѣпки бываютъ. И безъ тѣхъ кто тебѣ, царство, не одолѣетъ? Царь твой сильный умре, и воеводы изнемогоша, и вси людие охудѣвшие и ослабѣша, и царства иныя не сташа о тебѣ, не давшие пособия ни мала, и нынѣ всячески побѣжден еси.

И се восплачися со мною, о всекрасный граде, и воспомяни славу свою и праздницы, и торжествия своя, и пиршества, и веселия всегдашняя! Гдѣ нынѣ бывшая в тебѣ иногда царския пиrove и веселия всегдашняя? Гдѣ улановѣй и князей, и мурзъ твоихъ красование и величание? Гдѣ молодыхъ женъ и красныхъ дѣвицъ ликове и пѣсни, и плясания? — Вся та нынѣ изчезоша и погибоша, и в тѣхъ мѣсто быша в тебѣ многонародная стѣнания и воздыханія, и плачевѣ, и рыдания непрестанно. Тогда в тебѣ рѣки медвенныя и потоцы винныя тецаху, нынѣ же в тебѣ людей твоихъ крови проливаются, и слезъ горящихъ источники лиются и не изсякнут. И мечъ руский не отъимется, дондеже вся люди твоя изгубить.

Увы мнѣ, господине, гдѣ возму птицу борзолѣтную и глаголющую языкомъ человеческимъ, да пошлю ко отцу моему и матери, да *возвѣстит* случившаяся чаду ихъ? Суди, Богъ, и мсти во всемъ супостату нашему и злому врагу царю Шихалѣю, и буди вся наша скорбь на немъ и на всѣхъ казанцахъ, что предаша мя ему! И ят мя по воли ихъ, и самодержцу мя оболсти, не хотя мя, плѣнницу, поняти, болшею женою взяти и имѣти, и единъ захотѣ, безъ мене, царствовати з женами своими в Казани, и разгнѣватися на мя сотвори великаго князя и самодержца, и его повелѣниемъ изгоняетъ насъ изъ царства нашего неповинно.

И за что лишаетъ насъ отъ царства нашего и отъ земли нашея и пленуетъ? И болши сего не хотѣла быхъ ничего отъ него, но толко далъ бы мнѣ гдѣ в Казани улусецъ малъ земли, иже бы могла до смерти моей прожити в немъ, или бы мя отпустилъ во *отечествие* свое, в Нагайскую землю, ко отцу моему Исупу, великому князю заяицкому, отъ нея же страны взята есмь за царя казанскаго, да тамо жила бы, у отца моего в дому сидѣла вдовою, аки неугодная раба его, свѣта дневнаго не зря, и плакалася бы сиротства своего и вдовства моего и до смерти моея! Но и того бы ми лучше было, гдѣ царствовахъ с мужемъ моимъ, ту и заточение нужное прияти и горкою смертию умрети, неже к Москвѣ быти ведены в поругание и во всѣхъ нашихъ срацынскихъ ордахъ, отъ царей и князей владомыхъ, и ото всѣхъ людей горкою пленницею слыти».

И хотяше царица сама ся убити, но не можаше, приставника ради крѣпкаго брежения. Ведущи же ю приставницы не можаху утѣшити ея, и до

лишившись сил, словно зверь, не имеющий головы. Позор тебе! Если бы имел ты даже вавилонские стены и высокие римские столбы, все равно не устоял бы ты перед таким могущественным царем, постоянно им разоряемый и обижаемый, ибо всякое царство охраняемо бывает мудрым царем, а не стенами крепкими, так же как сильные войска крепки своими воеводами. А без них кто тебя, царство, не одолеет? Царь твой могущественный умер, и воеводы изнемогли, и все люди обеднели и ослабели, а другие царства за тебя не вступились, даже малой помощи не прислали, вот ныне ты и побеждено.

Плачь же со мной, о прекрасный город, и вспоминай славу свою, и праздники, и торжества свои, и пиршества, и всегдашнее веселие! Где теперь бывшие царские пиры и постоянные увеселения? Где уланов твоих, князей и мурз красование и величание? Где молодых женщин и прекрасных девушек лица, и песни, и пляски? Все это теперь исчезло и погибло, а вместо них слышатся в тебе всенародные стенания, и воздыхания, и плач, и непрестанные рыдания. Тогда в тебе лились медовые реки и винные потоки, ныне же льется кровь твоих людей, и бьют неиссякаемые источники горячих слез. И не остановится меч русский, пока не погубит всех твоих людей.

Увы мне, господин, где возьму я птицу быстролетную и говорящую на человеческом языке, чтобы послать ее к отцу моему и матери, да отнесет им весть о случившемся с их чадом! Осуди же, Бог, и отомсти за все супостату нашему и злomu врагу — царю Шигалею, и пусть отошьется ему и всем казанцам, которые отдали меня ему, вся наша скорбь! Взял он меня по их воле и оболгал меня перед самодержцем, не желая меня, пленницу, взять в жены, старшей женою своею сделать, и захотел один, без меня, царствовать в Казани с женами своими и сделал так, что разгневался на меня великий князь и самодержец и теперь по его повелению без вины изгоняет нас из нашего царства.

И за что лишает он нас нашего царства и земли нашей и в плен ведет? Не хотела бы я ничего большего от него, только дал бы он мне в Казани где-нибудь небольшой улусец земли, чтобы могла я прожить до смерти моей в нем, или отпустил бы он меня в мое отечество, в Ногайскую землю, откуда взята была я в жены казанским царем, к отцу моему Юсупу, великому князю заяицкому, дабы жила я там как неугодившая ему раба, сидела вдовою в доме отца моего, света дневного не видя, и плакала бы о сиротстве моем и вдовстве до самой смерти! И даже лучше было бы мне попасть в тягостное заточение и умереть горькой смертью, но там, где царствовала я с мужем моим, нежели быть ведомой на поругание в Москву и слыть во всех наших сарацинских ордах между правящими в них царями и князьями и всеми людьми горькой пленницей».

И хотела царица убить себя, но не смогла, ибо крепко берег ее блюститель. Сопровождавшие же ее стражники, обещая ей, что получит она

Москвы путем идущи, от великаго умиленнаго и горкаго плача ея, общавающе ей великие дары от царя самодержца прияти.

Приставникъ же воевода, аки орель похищая себѣ сладок ловъ, мчаше царицу, не мочая, день и ночь, и скоро бѣжаху в великих стругахъ до Нижнего Нова града, от того же града по Окѣ рекѣ к Мурому и к Володимиру, из Володимеря же посади ю на царския колымаги, на красныя и позлащенные, яко царице честь творяше.

О БЫВШЕЙ ВѢСТИ У ТУРСКАГО ЦАРЯ О КАЗАНИ, И О ЦАРИЦЫ, И О ПОСЛАНИИ ЕГО К МУРЗАМЪ НАГАЙСКИМЪ. ГЛАВА 41

Скоро же дойде вѣсть о Казани и о царице и до самого нечестиваго царя турскаго салтана во Царьградъ. И воспечалися о том велми турский царь салтанъ, яко все свое злато египетское погубль,* болши всѣх даней земных его, приносимых к нему. И не довѣде, кое пособие дати Казанскому царству, далече бо от него отстоятъ.

Умысли с паши своими посылати в Нагаи послы ко всѣм началным болшимъ мурзамъ со многими дары, глаголя тако: «О силные нагаи и многие, станите и мене послушайте: соединитесь с казанцы во едино сердце в поможение за Казань на московскаго царя и великаго князя и паче же за вѣру древнюю нашу и великую, яко близ его живуще. И не давайтесь во обиду ему, мощно бо есть противитися ему, яко слышу всегда про вас, аще хотите. Зѣло бо воюеть на вѣру нашу и хочет до конца потребити ю. И аз о семъ в велицей печали есмь и боюся, еда помале и вамъ то же будетъ от него, яко же и Казани, и в несогласии живуще меж собою, изгонзнете, и орды ваши запустѣют».

Нагайския же мурзы всѣ отмолвиша ему, рекуще: «Ты, о великий царю салтане, собою пецыся, а не нами: и не царь еси намъ, и земли нашей не строиши, и нами не владѣши, и живеши от нас за моремъ, богатъ еси и силенъ, и всѣм изобилень, и никакаяждо нужда потреб житейскихъ не обдержит тя. Нам же, убогимъ и скуднымъ всѣм, и аще бы потребными нашу землю не наполнял московский царь, то уже бы не могли быти ни единаго дни. Да за сие добро лѣпо есть нам всячески помогати ему на казанцы за их прежнее великое лукавство и неправду, аще и язык нашъ с *ними* единъ, и вѣра едина. Но довлѣет намъ правду имѣти: не токмо же на казанцев помогати ему, но и на тебя самого, царя царемъ, аще востанеши на нь. Или нѣси то слышил, каково зло всегда казанцы сотворяют ему: непрестанно землю его воюют и людей русских губят, многажды преступают клятву и мир, измѣняютъ. А еже рекль еси: нам то же будет от него, что и Казани, не срамъ есть нам покоритися и служити ему, точен бо есть онъ тебѣ во всем: и богатством, и силою. Пишют бо наши книги и

от царя-самодержца дорогие подарки, не могли утешить царицу, которая до самой Москвы громко, жалобно и горько плакала.

Блюстителю же воевода, словно орел, уносящий сладкую добычу, мчал царицу, не медля, день и ночь и вскоре доплыл на больших стругах до Нижнего Новгорода, а из этого города по реке Оке к Мурому и Владимиру, во Владимире же посадил ее на красивые, позолоченные царские повозки, как царице, честь оказывая.

О ВЕСТИ, ПОЛУЧЕННОЙ ТУРЕЦКИМ ЦАРЕМ О КАЗАНИ, И О ЦАРИЦЕ, И О ПОСЛАНИИ ЕГО К НОГАЙСКИМ МУРЗАМ. ГЛАВА 41

Вскоре дошла весть о Казани и о царице и до самого нечестивого турецкого царя-султана в Царьград. И сильно опечалился турецкий султан, что истратил уже все свое египетское золото — самую большую из всех даней, приносимых ему разными землями. И не знал, какую помощь оказать Казанскому царству, ибо находилось оно далеко от него.

И решил он с пашами своими послать послов с многочисленными дарами в Ногайскую Орду ко всем старшим большим мурзам, чтобы сказали они им так: «О могущественные и многочисленные ногаи, станьте и послушайте меня: соединитесь с казанцами в одно сердце на защиту Казани от московского царя и великого князя и более того, — за великую и древнюю нашу веру, ведь поблизости от него живете. И не позволяйте ему обижать себя, ведь можете вы, как я всегда про вас слышу, оказывать ему сопротивление, когда захотите. Сильно воюет он против нашей веры и хочет до конца ее истребить. И сильно печалюсь я об этом и боюсь, что вскоре и вам то же будет от него, что и Казани, и, живя в несогласии друг с другом, погибнете вы, и орды ваши запустеют».

Все же ногайские мурзы ответили ему так: «Ты, о великий царь-султан, о себе пекись, а не о нас: не царь ты нам, и землей нашей не управляешь, и нами не владеешь, и живешь от нас за морем, богатый и сильный, все имея в изобилии, не зная нужды ни в каких житейских потребах. Мы же, убогие, в скудости живущие, если бы не наполнял нашу землю всем необходимым московский царь, то и дня бы уже прожить не могли. За такое добро пристало нам всячески помогать ему против казанцев за их прежнее лицемерие и вероломство, хоть и язык у нас с ними один и вера одна. Но хотим мы поступать по правде: не только против казанцев помогать ему, но и против тебя самого, царя царей, если поднимешься против него. Или не слышал ты, сколько зла казанцы всегда причиняют ему: непрестанно землю его разоряют и губят русских людей, часто нарушают клятву и мир, изменяют ему. А то, что ты сказал: нам будет то же от него, что и Казани, — не позор для нас и покориться ему, и служить, ибо равен он во всем тебе: и богатством, и силою. Пишут ведь

христианския, яко в послѣдняя лѣта соединятся вси языцы и будут во единой вѣре христианской и под тою же державою, да которая же есть вѣра таковая, якоже христианская, святая, еже есть руская, во всѣх наших темных вѣрах, яко пресвѣтлое солнце сияет». И тако мурзы нагайския написавше ему и с тѣм к нему отпустиша пословъ его, взявше у них напрасно многоценныя дары великия.

О ПОШЕСТВИИ В КАЗАНЬ ЦАРЯ ШИГАЛЕЯ ТРЕТИЕ И О ПОСАЖЕНИИ ЕГО НА ЦАРСТВО, И О ИЗБИЕНИИ ОТ НЕГО ВЕЛМОЖЬ КАЗАНСКИХ. ГЛАВА 42

Царь Шихалей посла царицу к Москвѣ, изымавъ ю, вины ради ея, яко хотѣла его отравою окормити, якоже преже рѣх, но Богъ его сохрани от нея; и по царице поѣха в Казань на царство, возьмъ с собою в помощь единого воеводу московского Ивана Хабарова и служивых своих варваръ дватцать тысяч и 5 000 огненных стрелцовъ, да той воевода с нимъ царство строит и его брежет самого. А во граде Свияжскомъ воеводы останахся со всею силою рускою.

Казанцы же с великою честью и радостию поставиша его царя на Казани, царем дважды же и убити его хотяху. Казанцы же град свой предаша великому князю, самодержцу московскому, и сами за него всѣ заложихся и со всею другою половиною болшею земли своея, с нею же и черемиса нижняя казанская, доброволно и без брани, и без пролития крови, на всей воли его, якоже есть любо ему. И служити обѣщашася ему нелестно и дани давати, яко и всѣм бывшимъ своимъ царемъ казанским, и роту написаша по вѣре своей, яко же обычай есть имъ клятися.

Царь же, вшед во град, и съде на царствѣ и жити нача бережно по царскому своему обычаю. И пристави ко всѣм вратом граднымъ стражи своя и воротники — огненныя стрелцы, на всякую ночь *ключа* повелѣ къ воеводѣ своему приносить. Также и двора его стражаху по 1000 огненных стрелцовъ в день, а в нощи по 3000 со оружием. Воеводскаго же двора стражаху по пятисот человекъ в день, а в нощи по 1000. И мало царь на коего казанца окомъ яримъ поглянул или перстомъ показал, они же вскорѣ того, вскочивше, оружием своим разсецаху на кусы.

И не бояхуся казанцев, и в думу к себѣ их не пуцаху. И не слушаше их царь ни в чемъ, и от очию своею изгоняше ихъ, и саны от них отъемляше, и своя власти во князи ихъ поставляше, иже служити хошет, яко вѣрный раб господину своему. Аще и мало царствова на Казани и владѣя казанскими людьми неполное единое лѣто, но многа добра и велику помощь сотвори, служа и помогая самодержцу своему, аще и погань есть. Писано во святых кни-

и наши книги и христианские, что в последние годы соединятся все народы и будут в единой христианской вере и под властью того народа, кто эту веру исповедует, ибо христианская вера, русская вера, среди всех наших темных вер как пресветлое солнце сияет». И, написав так, ногайские мурзы отпустили с этим посланием назад к нему его послов, силой отобрав у них многочисленные богатые дары.

О ТОМ, КАК В ТРЕТИЙ РАЗ ПОШЕЛ В КАЗАНЬ ЦАРЬ ШИГАЛЕЙ, И О ПОСАЖЕНИИ ЕГО НА ЦАРСТВО, И ОБ ИЗБИЕНИИ ИМ КАЗАНСКИХ ВЕЛЬМОЖ. ГЛАВА 42

Царь Шигалей отправил царицу в Москву, лишив ее царства за вину ее, за то, что хотела она окормить его отравой, да уберег его Бог, о чем рассказал я прежде; и после этого с двадцатью тысячами варваров, находившихся у него в услужении, и пятью тысячами пищальников поехал на царство в Казань, захватив себе в помощь одного московского воеводу — Ивана Хабарова, чтобы тот вместе с ним управлял царством и охранял его. А в городе Свияжске остались воеводы со всею русской силой.

Казанцы же с великой честью и радостью посадили его на царство, а до этого дважды хотели его убить, когда был он царем в Казани. И передали казанцы свой город великому князю, московскому самодержцу, и добровольно, без борьбы, без пролития крови вместе со всей низовой казанской черемисой, населявшей другую половину их земли, отдались под его покровительство, в полную его власть, чтобы владел он ими, как ему хочется. И обещали они преданно служить ему и давать дани, как и всем прежним своим казанским царям, и по своему обычаю написали клятву о верности ему.

Царь же, войдя в город и сев на царство, начал жить осторожно — по царскому своему обычаю. И приставил он ко всем городским воротам своих стражей и привратников — пищальников, повелев им каждую ночь приносить ключи своему воеводе. Также и двор его днем охраняла тысяча пищальников, а ночью три тысячи вооруженных воинов. Воеводский же двор днем охраняло пятьсот человек, а по ночам — тысяча. И стоило царю гневно посмотреть на какого-нибудь казанца или пальцем указать на кого-нибудь, они, вскочив, вскоре рассекали того своим оружием на куски.

И не боялись они казанцев и не пускали их на свои совещания. И не слушал их царь ни в чем, и прогонял с глаз долой, и лишал их титулов, и своей властью производил в князья тех, кто хотел ему служить, как верный раб своему господину. Хотя и мало процарствовал он в Казани, всего один неполный год правя казанскими людьми, но много добра сделал он и великую помощь оказал, служа и помогая самодержцу своему, хотя и был поганым. Написано ведь в

гахъ: «Во всякомъ язъце творяи волю Божию и дѣлаяи правду, приятень ему есть».

Казанцы же, видѣвше царя своего столь борзо над ними волю творяща, и вознегодоваша, и почаша думати на него, да како его жива и не убивше избудутъ с царства. Не терпяху от него, видяще многихъ своихъ часто и по вся дни яве и отай задавляемыхъ и разсѣкаемыхъ, яко свиней ножи закалаемыхъ. И глаголаху в себѣ: «Аще надолзѣ сие будетъ намъ от злаго царя нашего, то по единому всѣхъ насъ и до остатка погубитъ, мудрыхъ казанцевъ, аки безумныхъ, и распудитъ, яко волкъ овцы, и придавитъ, яко мышей горностай, и приѣсть, аки куры лисица, и не оставитъ насъ ни единого быти в Казани по научению самодержца своего».

И по мале увѣда царь бываемое се, еже всегда совѣтъ на него творящихъ. Казанцы же, болшии велможи, нощию тайно съѣзжающесе на сонмищи своя и мысляще на него, да како его, условивше, погубятъ или жива с царства згонятъ и царю и великому князю измѣнятъ. И не стерпѣ сему царь надолзе быти злomu совѣту ихъ, смышленому совѣту на него, и паче, и лютейши възъярився на нихъ и уби по изведении царицы числомъ казанцевъ 700: великихъ велмож, и среднихъ, и меншихъ, улановой и князей, и мурзъ, похищая имѣние ихъ к себѣ и коней стада, и велбуды, и овцы, обычныхъ же людей простыхъ до 5000, мятежниковъ казанскихъ, и лукавыя ихъ сонмища, по старой вражде своей на нь притворяя имъ вины, *ими же* царство *строяшесе* без царя и содержашесе, *и мщяя* многия измѣны ихъ ко царю и великому князю и ко отцу его, и к дѣду его, и кровь брата своего, Еналея царя, и много безчестия своего, преже сотворше, и яко младенцемъ играюще. И за сие немилостиво и зло, и неправедно ихъ оскорбляше и озлобляше, и всяческими мѣрами горце ихъ поработи.

Последи же рѣкоша сами казанцы про своихъ побитыхъ, яко: «Аще бы тыя у насъ болшия владѣльцы наши живы были, всяко бо ихъ пригубилъ царь Шихалей, и кои разѣхашася в орды, а инии к Москвѣ, инии в Крым, инии в Нагаи, и не брань бы в нихъ была, и не межусобица, и не измѣнство ко своимъ людемъ, и едино бы мыслие и правду, и любовь меж собою имѣли, и *не поновреление* ко царю, прелстившесе, емлюще дары от него, по мале же и всего своего лишишася, з богатствомъ же своимъ и живота своего гонзнуша, и царство свое погубиша, и при нихъ еще не бы одолѣние было Казани, царь и великий князь взя, пришедъ, аки пустое и худое село вдовичье, слав градъ нашъ Казань. Наши же господне после царя нашего Сап-Кирея, аки вѣдающе кончину свою, восташа сами на себя и почаша ѣстися, аки гладныя овцы, и друг друга разстерзавше и вси при цари Шихалей конечно на пред насъ погибоша. Мы же, после ихъ оставльшесе, напастыми и злыми плѣнени и бѣдами всячески изчезохомъ».

святых книгах: «Любой народности человек, исполняющий волю Божию и живущий по правде, приятен ему».

Казанцы же, увидев, что царь их так быстро взял над ними власть, вознегодовали и начали думать, как бы его живым, не убив, свести с царства. Не могли они терпеть, видя, как по его воле многих из них ежедневно тайно и открыто душат, рассекают мечом и, как свиней, закалывают ножами. И так говорили они между собой: «Если долго будет так обращаться с нами злой наш царь, то по одному до последнего всех нас, мудрых казанцев, погубит, словно несмышленных, и разгонит нас, как волк овец, и предавит нас, как горностай мышей, и приест, как лисица кур, и не оставит ни одного из нас в Казани по наущению самодержца своего».

И вскоре узнал царь о том, что постоянно совещаются о нем. Казанцы же, первые вельможи, тайно, по ночам, съезжаясь на свои сборища, обсуждали, как они, поймав его, погубят или живого сгонят с царства и царю и великому князю изменят. И не потерпел царь, чтобы дальше продолжались коварные эти совещания, на которых замышляли они против него, и еще больше, еще сильнее разъярился на них, и после сведения с царства царицы перебил до семисот казанских вельмож — старших, средних и младших: уланов, князей и мурз, забирая себе их имущество, и конские стада, и верблюдов, и овец, простых же людей перебил, мятежников казанских — до пяти тысяч. И ставил он в вину вельможам, правившим Казанью, когда не было в ней царя, по старой своей вражде с ними, предательские их сборища и мстил за многие их измены царю и великому князю, и отцу, и деду его, и за кровь брата своего, царя Геналея, и за то большое свое бесчестие, которое перенес от них прежде, когда они играли им, как младенцем. И за все это он немилосердно, зло и несправедливо оскорблял их, и озлоблял, и всяческими мерами тяжко их поработил.

Впоследствии сами казанцы так говорили про своих побитых: «Если бы были живы те главные правители наши, которых погубил царь Шигалей, и те, что разъехались по ордам, кто в Москву, кто в Крым, кто к ногаям, и если бы не воевали они друг с другом, и не было бы между ними междоусобиц, и не изменяли бы они своим людям, и было бы между ними единомыслие, правда и любовь, и не потрафляли бы они царю, прельстившись его дарами, а потом постепенно лишившись всего своего имущества, а затем, вместе с богатством, и жизни своей, и если бы не погубили они царства своего, не была бы при них покорена Казань, и не взял бы, придя, царь и великий князь славный город наш Казань, словно пустое и нищее вдовье село. Господа же наши после царя нашего Сафа-Гирея, как будто провидя кончину свою, восстали сами на себя и начали грызться, словно голодные овцы, и растерзали друг друга, и все при царе Шигалее прежде нас окончательно погибли. Мы же, оставшиеся после них, замучены были всяческими напастями и бедами и жестоким пленом».

О ПРЕЛАГАТАЕ КНЯЗЕ ЧАПКУНЪ И О ИЗМѢНЕНИИ О НЕМ
КАЗАНЦЕВЪ. ГЛАВА 43

В то же время бѣ нѣкто на Москвѣ бѣгунъ казанский — князь, именован реченный Чапкунъ. Сей оставль землю и страну, и отечества своего, в нем же родился, идѣже и жителствоваше прежде того, и домъ, и жену свою, и чада своя и вся пометну, еже имяше в Казани, вины ради смертныя, хотяща ему быти по дѣлом его. И прибѣжавъ оттуду к Москвѣ, на Русь, на самодержцево имя, служити ему хотя. Мнози же убо казанцы прибѣгоша к нему, якоже преже рѣкохъ.

Царь же и великий князь прием его с великою любовию и дарми, и почестьми понемалу почти его, и жити ему даде велик домъ на Москвѣ. Но древняя злоба никако же благихъ новых ходатай истиненъ не бывает и нѣсть мочно и лѣзъ просту человеку со змием дружитися и кормити его от руку своею всегда и присвоити к себѣ, и приучити в пазусе носить и не снѣдену быти от него, но вмѣсто его добра главу ему отсѣщи, не дружачися с нимъ, да не, преже уязвився от него и болѣвъ, умрѣши от него злѣ. Тако и от злаго слуги своего, невѣрнаго раба иноязычнаго не мочно есть ухранитися и убрѣщися у него, близко держаще его и думающе с нимъ.

Окаянный же сей варвар поганый жил на Москвѣ, служа самодержцу, пять лѣтъ в велицей чести и любви его, и от всѣх велмож его и князей, и боляр любимъ и почитаем, яко друг и братъ превозлюбленъ, *аще* и варваръ, *но* чловѣкъ честенъ бѣ. *И егда предася* Казань за московского самодержца, тогда казанец онъ, льстець и прелогатай князь Чапкунъ, ста пред самодержцем и падает на колѣну свою, моляся, яко да отпушенъ будет, пронырникъ, в царство свое Казань видѣти сродники своя и род, и друзи, и вся знаемая имъ, живы ли всѣ, и взяти ему *к Москвѣ их* оттуду, подружие свое змиинное, и дѣти своя, и рабы, оставшыя тамо, и имѣнныя забрати. Царь же и великий князь отпусти его, рекъ: «Иди, якоже хочѣши», не вѣдый пронырства лукаваго и лъсти того варвара.

Онъ же поиде, отпушенъ, печать цареву нося и не блюдяся никого же, и прииде в землю свою, в Казань, и свидѣвся с своими, и прелстися, предложися к казанцемъ, лъстивыхъ словес змиинныхъ жены своя послушав, не хотящи бо ей от земли своя и от рода своего на Русь ити с нимъ. И забы онъ самодержца честь и любовь, бывшую ему на Москвѣ и возвратися паки к селу удавления его, крѣпце самъ на ся понят уже, его же избѣжал преже и болѣ неправду и зачатъ беззаконие, и ровъ изры ископай и впадѣся въ яму, и обратися болѣзнь его на главу его и на верхъ его сниде неправда его.

И соединися с велможами казанскими, нача развращати ихъ и смущати всѣми людми, и совѣтъ неблагой с ними съшивати, веля Казань затворити и царя Шихалея убити, якоже и брата его убиша, Еналея царя, и

О ПРЕДАТЕЛЕ КНЯЗЕ ЧАПКУНЕ И О ИЗМЕНЕ ЕГО С КАЗАНЦАМИ. ГЛАВА 43

В то же время жил в Москве некий беглец из Казани — князь по имени Чапкун. Оставил он землю и страну и отечество свое, в котором родился и жил, и дом, и жену свою, и детей своих, бросив все, что имел он в Казани, ибо ждала его там смертная казнь за дела его. И прибежал он оттуда на Русь, в Москву, под покровительство самодержца, желая послужить ему. Многие ведь казанцы прибегали к нему, как я уже говорил.

Царь же и великий князь принял его с большой любовью, и почтил дарами и немалыми почестями, и дал ему для проживания большой дом в Москве. Но застарелая злоба никогда не бывает истинным пособником новых благих дел, и невозможно, и нельзя неискушенному человеку иметь дружбу со змеей, и всегда кормить ее из своей руки, и приручить, и приучить так, чтобы носить ее за пазухой и не быть ею съеденным, но следует даже за добро ее отсечь ей голову, не заводя с ней дружбы, дабы от укуса ее не заболеть и не умереть тяжелой смертью. Также и от злого слуги, неверного иноязычного раба невозможно охранить себя и уберечься, приблизив его к себе и совещаясь с ним.

Окаянный же этот варвар, служа самодержцу, жил в Москве пять лет в великой чести и любви, и все вельможи, и князья, и бояре также любили и почитали его как друга и брата возлюбленного, ибо хотя он и варвар, но человек был честный. Когда же покорилась Казань московскому самодержцу, казанец этот, льстец и изменник князь Чапкун, явился перед самодержцем и упал на колени, умоляя его, чтобы тот отпустил его, коварного, в царство его — Казань — увидеться с родственниками своими, друзьями и знакомыми, чтобы узнать, живы ли они все, и взять их оттуда в Москву, жену свою змеиную и детей своих и рабов, оставшихся там, и имущество свое забрать. Царь же и великий князь отпустил его, сказав: «Иди, если хочешь», не подозревая о хитром коварстве и лицемерии того варвара.

Он же, отпущенный, пошел, имея при себе царскую грамоту и никого не опасаясь, и пришел в землю свою, в Казань, и, увидевшись со своими, прельстился, и перешел на сторону казанцев, послушавшись коварных змеиных речей жены своей, не хотевшей идти с ним на Русь от своей земли и от родни своей. И забыл он почести и любовь самодержца, которыми был он окружен в Москве, и снова возвратился к тому силку, которым должен был быть удушен и которого избежал он прежде, теперь же сам на себя его наложил, и начал он творить еще большее беззаконие и неправду, и, вырыв яму, сам же в нее упал, и обратилась болезнь его на голову его, и вернулась к нему его неправда.

И, объединившись с казанскими вельможами, начал он развращать их и сеять смуту среди всех людей, и недобрые замыслы с ними строить, подговаривая их запереть Казань и убить царя Шигалея, как убили и брата его, царя

отложитися от самодержца московскаго, ни служити ему, ни повиноватися, яко да не болшую бѣду и напасть постражут впредь, якоже и от раба его, царя Шихалея, мучатся злѣ, и по странамъ его расточени да будут и развѣдени, и законъ отеческий и вѣра ихъ срачинская да не погибнетъ, и обычаи старья измѣнятся.

Казанцы же послушаху его с великим усердиемъ, еже отложитися, яко добра хотяща имъ, а о том словесамъ его не внимаху, еже царя убити, да не болшимъ согрѣшат и Бога прогнѣвають и царя и великаго князя раздражат и подвигнут на гнѣвъ, чающе с нимъ вѣчным миромъ смирится.

И сотвориша его над всѣми велможами болѣ всѣхъ князя и воеводу, зане от юности наученъ бѣ ратному дѣлу. И возлюбиша людие вси и послушаху его во всем, глаголюще ему: «Да буди воля твоя над всѣми нами, вся повелѣнная тобою с радостию сотворяем: и се ты свѣси гораздо всякия обычаи московския, недавно бо еси оттуду пришед, и что про нас думает царь и великий князь: миловати ли нас хошет или до конца згубити; и что подобает намъ о себѣ полезная смышляти: противная ли или смиренная. Да како будет лучше, ты всяко вѣси и блюдися, да не в полѣзныхъ мѣсто паки зло сугубо постражем, велик бо нас всѣхъ страх обдержитъ».

Он же рече им: «Ничтоже бойтеся, но токмо зрите на мя, и еже велю, то творите». Помышляет же безвѣрный царемъ быти в Казани, аще Казань отстоит от московскаго царя. *И совѣщав казанцемъ оболстити царя* своего воеводам *московскимъ*, стоящимъ во граде Свияжскомъ, и *возвести* на него измѣну велику,* да тако его могут избыти, аще не хотят его убити, и без него како хотят, так и сотворят.

По воли его и по слову подпадоша казанцы к воеводам, яко вѣрны творящеся и *нелестны*, лстяще и облыгающе царя своего, яко: «Хошет царь измѣну в борзе сотворити, совещал бо ся с нѣкими нашими, и мы вѣмы истинно, аще в борзе не сведете с Казани, и сами будете вмѣсто его брещи нас или дати намъ вмѣсто его иного царя, вѣрнее сего, владѣти нами».

И ложныя свидѣтели многия поставиша на царя, паче же и князя Чапкуна. «Но аще и намъ вѣры не имѣте, — глаголаху, — но и тому свѣдомо извѣстно нашему врагу, а вашему же приятелю. Мы бо того ради возвѣщаем, прежде вамъ боящеся, да не паки на ны от васъ горше будетъ пленение и пагуба. Не хошемъ клятвы нашея с вами преступити, но миръ великъ имѣти хошемъ и жити заедино».

Геналея, и отделиться от московского самодержца, больше не служить ему и не повиноваться, дабы не навлечь на себя в будущем больших бед и напастей, чем те горькие муки, которые терпят они от раба его, царя Шигалея, дабы не расселили их и не развели в будущем по разным его землям и дабы не погибла сарацинская их вера, и закон отеческий и обычаи старые не изменились.

Казанцы же усердно слушали его речи о том, чтобы отделиться, считая, что он хочет им добра, но его словам о том, что надо убить царя, не внимали, чтобы не совершить большего греха, и не прогневить Бога, и царя и великого князя не раздражить, и не вызвать его гнева, надеясь заключить с ним вечный мир.

И сделали они его первым князем и воеводой над всеми вельможами, поскольку с юности своей был он научен ратному делу. И полюбили его все люди и во всем слушались его, говоря ему так: «Да будет воля твоя над всеми нами, будем мы с радостью исполнять все повеления твои, ибо хорошо знаешь ты — поскольку недавно оттуда пришел — всякие московские обычаи и то, что думает с нами сделать царь и великий князь: хочет ли он помиловать нас или окончательно погубить, и то, что выгодней нам, выбрать: сопротивление или смирение. Ведомо тебе, что для нас лучше, но остерегайся, как бы не пришлось нам еще больше пострадать вместо того, чтобы извлечь для себя пользу, ибо пребываем мы в сильном страхе».

Он же ответил: «Ничего не бойтесь, но только смотрите на меня и что вам велю, то и делайте». Сам же, неверный, замышляет стать в Казани царем, если убережет Казань от царя, присланного из Москвы. И посоветовал он казанцам оклеветать царя перед московскими воеводами, стоявшими в Свияжске, и приписать ему великую измену, ибо только так могут они от него избавиться, если не хотят его убивать, а когда его не станет, пусть поступают так, как захотят.

Подчинившись воле его и словам, явились казанцы к воеводам, притворившись преданными и искренними, и стали возводить на царя своего ложь и клевету, говоря так: «Если в скором времени не сведете царя с Казани, не будете сами вместо него управлять нами или не дадите нам вместо него другого царя, знаем мы наверняка, что вскоре совершит царь измену, так как вел он кое с кем из нас переговоры об этом».

И представили они многих ложных свидетелей против царя, и прежде всего князя Чапкуна. «Если нам не верите, — говорили они, — то поверьте нашему врагу, а вашему другу, который тоже знает об этом. Мы ведь, боявшиеся вас раньше, сообщаем вам об этом потому, чтобы не было нам от вас еще большего разорения и беды. Не хотим мы нарушать данной вам клятвы, но хотим иметь с вами прочный мир и жить с вами в согласии».

О ПИСАНИИ ВОЕВОД КО ЦАРЮ И ВЕЛИКОМУ КНЯЗЮ
НА ЦАРЯ ШИГАЛЕЯ И О ШЕСТВИИ ЦАРЯ ИС КАЗАНИ,
И О ПОИМАНИИ КАЗАНЦЕВЪ. ГЛАВА 44

Воеводы же, испытавше горазно многими людми, и пояша вѣры казанцы, возбоявшеся, да не тако же паки будетъ от царя Шихалия, якоже от Махмет-Аминя царя в Казани измѣнство случися. И отписавше о том, и послаша к Москвѣ к самодержцу з борзоходѣцѣм, яко да изведет царя из Казани, нѣкоторым от нихъ пятма или шестѣма повелит быти вмѣсто его.

Царь же и великий князь почет послание воевод своих и послуша ихъ на одинаго многих свидѣтельствыя, и понегодова о том во умѣ своемъ на казанскаго царя Шихалея, дивися, что ново лествъ явися в нем на старость его, нѣсть была во юности его. И отписа к нему з грозою, да оставит царство, выйдет ис Казани с воеводою и со всею силою своею и со всею казною своею, не оставити своего ни мала в Казани, да будет к Москвѣ, да скажет о себѣ всю истину; и аще тако будет помыслил, то казнь примет о дѣле своемъ. А на мѣсто его повелѣ быти в Казани князю Петру Шуйскому со инѣми пятью воеводами и с половиною воинства, въ Свияжскомъ же граде князю Семену со двема воеводами и з другою половиною войска, да тако тѣми воеводами без царя строится Казань доколѣ истинно испытает о царѣ.

Дошедшу же посланию от самодержца с Москвы ко царю Шихалѣю в Казань, и разумѣ, яко оболщенъ есть от казанцевъ и от воевод. И не убоявся ни мало о лестном оглаголении на себя, надѣяся на Бога жива и на безмѣрную правду свою. И не потужи, еже отстати царства, и зва казанцев на пир, лествъ творя, аки не вѣдая лукавства их, еже навадиша на нь, и тѣм оплоши их, и прощаяся с ними и веселяся свѣтло, яко да не увѣдят на себя злобы царевы или да сядут или убьютъ его, или вси разбѣгутся от него.

И пировав с казанцы четыре дни, испущая люди своя ис Казани со стады конскими и со всею казною своею и дожидаяся воевод казанских, да при нем вѣдут в Казань со всею силою своею. И посылаше по них и, не дождався их в пятый день, и сам выѣха из Казани с воеводою, радуясь, избывъ печали казанския, аки младенец на свѣт родився или мертвец изо ада изпущень. А князь Чапкунъ, утаився царя, остася в Казани, да изымав, к Москвѣ сведеть с собою, яко сходника и прелагатая, и погрешит надежды своея вкупѣ же и живот свой погубит.

Царь же, ис Казани пошед, повелѣ себя проводитьи до Свияжскаго града оставшимся немногим улановем болшим и мурзам, которые на него измѣну возвели и в коих была неправда вся, лествъ и мятеж, яко да обѣдают

О ПОСЛАНИИ ВОЕВОД К ЦАРЮ И ВЕЛИКОМУ КНЯЗЮ
ПРОТИВ ЦАРЯ ШИГАЛЕЯ, И О ВЫХОДЕ ЦАРЯ ИЗ КАЗАНИ,
И О ЗАХВАТЕ КАЗАНЦЕВ. ГЛАВА 44

Воеводы же, подробно расспросив многих людей, поверили казанцам, испугавшись, как бы не было и от царя Шигалея измены, какую совершил в Казани царь Махмет-Амин. И написали они о том самодержцу, и отправили со скороходом в Москву послание, чтобы отозвал он царя из Казани и повелел кому-нибудь из них — пятерым или шестерым — занять его место.

Царь же и великий князь прочел послание своих воевод, и прислушался к свидетельствам многих против одного, и вознегодовал мысленно на казанского царя Шигалея, дивясь, что на старости лет завелась в нем измена, которой не было в нем в юности. И написал он ему с угрозой, дабы оставил он царство, вышел из Казани с воеводою, и со всеми своими воинами, и со всей своей казной, ничего не оставив своего в Казани, и пришел бы в Москву, и рассказал бы о себе всю правду: и если действительно замышлял он измену, то примет он за это казнь. А в Казани повелел вместо него быть князю Петру Шуйскому с пятью воеводами и с половиною воинства, дабы те воеводы без царя управляли Казанью, доколе он не узнает правду о царе; в городе же Свияжске — князю Семену с двумя воеводами и с другой половиною войска.

Когда же дошло в Казань до царя Шигалея из Москвы послание самодержца, понял он, что оклеветан казанцами и воеводами. Но не испугался он ничуть хитрой этой клеветы, надеясь на Бога и безмерную свою правду. И не опечалился он о потере царства, а позвал казанцев на пир, чтобы попрощаться с ними, притворившись, будто не знает о лукавом их замысле против него, и этим обманул их, и беззаботно веселился с ними, дабы не догадались они о царской на них злобе и, сев с ним, не убили его или не разбежались от него все.

И пировал он с казанцами четыре дня, отправляя из Казани своих людей с конскими стадами и со всей своей казной и дожидаясь воевод, которые будут править в Казани, чтобы они при нем въехали в Казань со всею силою своею. И посылал он за ними, но, не дождавшись их, на пятый день сам выехал из Казани с воеводой, радуясь, как младенец, только что родившийся на свет, или мертвец, выпущенный из ада, что избыл он казанской печали. А князь Чапкун, спрятавшись от царя, остался в Казани, дабы тот, схватив его, не свел с собою в Москву как лазутчика и изменника, и не расстался бы он со своей надеждой, а вместе с ней и с жизнью.

Царь же, покидая Казань, повелел проводить себя до города Свияжска немногим оставшимся знатным уланам и мурзам, которые оклеветали его и в которых была сосредоточена вся неправда, обман и мятеж, пригласив их еще

у него и пируют еще, и повеселятся вкупъ и с воеводами, яко уже царемъ не видати имъ за живота своего николи же. И сим неразумных прелсти ихъ.

Казанцы же, меж собою смѣящися, провождаху царя, вкупъ же и тужаше, яко не быти у нихъ такому царю добру ни до смерти нашея, счастливу и премудру, и правосудному, ко всѣмъ намъ милостиву и почесливу, и много даровиту, и не нажити нашимъ дѣтемъ и внучатомъ. Также и царь по нихъ мняся, аки тужа въ сердцахъ, прослезящися.

И посла вперед себя к воеводамъ, яко да встретятъ и на пир его зовуща. Воеводы же по словеси царя срѣтивше его за пять версть от града, дающе ему почестъ, яко же лѣпо есть царемъ, и зваху царя и казанцевъ на пир, кииждо ихъ, к себѣ.

И въѣхавшимъ во градъ всѣмъ: царю и воеводамъ, и казанцемъ, и повелъ царь казанцевъ переимати всѣхъ, мятежниковъ и лестцовъ, и клятвoprеступниковъ казанскихъ. И поимаша всѣхъ, и не утече с вѣстію ни единъ в Казань. Всѣхъ же бѣ казанцевъ и со служившими с ними семьсотъ. И болшихъ велможъ девяносто, желѣзы окованныхъ, того же дни на предъ себя къ Москвѣ посла, яко всегда лестъ и мятежъ творяху, да не веселие и радость и смѣяние прибудетъ имъ про царя, яко прелукаваша его, но плачъ неутѣшимый женамъ и дѣтемъ, туга и сѣтование и еже всѣмъ казанцемъ. Служащихъ же и ятыхъ казанцевъ ту, во граде, главне казнѣ предаша.

О ВЕСЕЛЫИ ПИРА ВОЕВОДЪ И О ПОСЛАНИИ ВЪ КАЗАНЬ ОТРОКЪ ИХЪ, И О СѢТОВАНИИ КАЗАНЦЕВЪ ПО ВЕЛМОЖАХЪ СВОИХЪ. ГЛАВА 45

Сами же воеводы тогда со царемъ начаша пировати и веселитися, яко провождающе его и сотворше послѣднюю побѣду надъ казанцы, и яко крѣпце и конечнѣ взяша. Позакоснѣша мало и прозабышася в пьянствѣ, и не поскориша того дне въѣхати въ Казань с силою своею. А царь не премолкая глаголаше имъ, посылаше ихъ в Казань, доколе не свѣдаютъ казанцы велможъ своихъ изыманныхъ. Но одинако продумавшися, не послушавше царя и таково дѣло великое впросте покинувше, послаша бо точию того дни напередъ себя избранныхъ своихъ отрокъ три тысящи с казною своею и с нарядомъ своимъ ратнымъ и со изготовленнымъ на все лѣто з сапасомъ пищнымъ, займати имъ велѣвшимъ великия дома лучшія на стояние себѣ. А сами отложиша в Казань ѣхати до утренняго дни, не мняху измѣны быти во оставшихся казанцехъ, ни въ князе Чапкунѣ, занеже велможи ихъ и воеводы избиены, инии же изведени, и мало остана князей и мурзъ в Казани, но людие среднии, и вси сѣмени злаго того же — воинъ искусенъ и ратникъ изученъ.

пообедать у него, и попить, и повеселиться теперь уже и вместе с воеводами, ибо при жизни своей не увидят они его уже своим царем. И тем прельстил он их, неразумных.

Казанцы же, посмеиваясь про себя, провожали царя, притворно вместе с тем печалась, что не будет у них больше до самой смерти такого доброго царя, счастливого, мудрого и правосудного, милостивого ко всем им, почтительного и щедрого, и что не нажить такого царя ни детям их и ни внучатам. Также и царь, делая вид, что печалится он в душе, прослезился.

И послал он вперед себя гонца к воеводам, чтобы встречали они его и звали на пир. Воеводы же, по слову царя, встретили его за пять верст от города, оказывая ему честь, какую подобает оказывать царям, и позвали царя и каждого из казанцев к себе на пир.

Когда же все въехали в город: и царь, и воеводы, и казанцы, повелел царь схватить всех казанцев — мятежников, изменников и клятвопреступников казанских. И схватили всех, и не убежал ни один из них с вестью в Казань. И было всего казанцев вместе со слугами их семьсот человек. И в тот же день послал царь вперед себя в Москву закованными в железо девяносто больших вельмож, всегда лицемеривших и сеявших смуту, дабы не смеялись они над царем, думая, что обманули его, и были бы им не веселие и радость, но плач неутешный женам их и детям, а всем казанцам — скорбь и печаль. Слуг же и остальных схваченных казанцев здесь, в городе, предали смертной казни.

О ВЕСЕЛОМ ПИРЕ ВОЕВОД, И О ПОСЛАНИИ ИМИ В КАЗАНЬ СВОИХ ОТРОКОВ, И ОБ ОПЛАКИВАНИИ КАЗАНЦАМИ СВОИХ ВЕЛЬМОЖ. ГЛАВА 45

Сами же воеводы начали тогда с царем пировать и веселиться под предлогом проводов его, считая, что одержали уже над казанцами последнюю победу и окончательно покорили их. Немного позамешкались они, и позабылись в пьянстве, и не поспешили в тот же день въехать в Казань со своими силами. А царь не переставая говорил им об этом, посылая их в Казань, пока не узнали казанцы о том, что схвачены их вельможи. Но все они оплошали, не послушав царя и такое великое дело бросив на половине, послали в тот день вперед себя лишь три тысячи избранных своих отроков с казной своею, и боевым своим снаряжением, и с приготовленным на весь год запасом пищи, повелев им занять лучшие большие дома себе на постой. А сами отложили поездку в Казань до следующего утра, решив, что не может быть измены в оставшихся казанцах и князе Чапкуне, поскольку вельможи их и воеводы побиты, другие же отосланы, и мало осталось князей и мурз в Казани, только средние люди. Но все они — от того же злого семени: каждый искусный воин и хорошо обученный боец.

Казанцы же, слышавше бывшая над старѣйшинами своими, яко изыма ни быша, и на всѣхъ страх и ужас велий нападе на нихъ. И сѣтоваху, и тушаху, середнии и меншии по своихъ владѣлцехъ. И восплакашася горко и воскричаша по мужехъ своихъ катуны, и дѣти по отцѣхъ своихъ, просящеся во единыхъ срачицахъ за ними на Русь. «Отпустите нас, — вопияху, — о казанцы, за нашими мужми отпустите! Все наше имѣние возмите у нас и нагихъ отпустите нас, да умремъ с *ними* в темницѣ на Москвѣ, не можемъ бо здѣ быти безъ нихъ ни единого дни. Намъ бо младымъ овдовѣвшимъ и малымъ чадомъ нашимъ осиротѣвшимъ, и дома наши и села великия запустѣютъ и богатство все изгибнетъ». И бысть по нихъ плачъ неутѣшимый по многи дни.

И ужасаху жены тыя оставшихъ сродницъ и племя, и знаемии. И проклинающе царя, и жестока его, и лукава, и немилостива глаголаху, и волхва его нарицаху: «И колко бѣ в рукахъ нашихъ при смерти, и всячески бѣгаше, прелщая нас, нынѣ же до конца все царство наше прелсти и вся премудрыя наши властели и велможи многия едины, аки младенцовъ, изпрелукави: овѣхъ многихъ в Казани изби, а достальныхъ изведе и позоба, яко вепрь дивий сладокъ виноградъ, и яко пшеницу чистую на поли пожа, а нас, яко терние, ногама попралъ, остави. Не вѣсте ли, яко терние остро есть: не подобаетъ ногамъ босымъ ходити по нему, и малъ камень разбиваетъ и великия корабли». И плакаше, и туживше по многи дни.

И поставиша в тѣхъ мѣсто многия князи и воеводы, избравше от родовъ своихъ; надо всѣми же — князя Чапкуна, яко в побѣдахъ искусна. И по совѣту его вскорѣ градъ затвориша. И измѣниша казанцы царю государю и великому князю,* преступиша обѣщание свое и клятву, и солгаша на конечную погибель себѣ.

О СМЕРТИ ОТРОКОВЪ ВОЕВОДЦКИХЪ. ГЛАВА 46

Тѣхъ же воеводцкихъ отроковъ в Казань пустивше и яша всѣхъ. И понудиша ихъ преже ласканиемъ отврещися вѣры христьянска и прияти бусорманская ихъ вѣра, яко да в чести велицей будутъ у нихъ и князи нарекутся, и за едино с ними на Русь воевати учнутъ ходити. Воини же возопиша единымъ гласомъ купно вси: «Не даждь намъ, Боже, отлучитися вѣры христьянска и поспрати святое крещение васъ ради, нечестивыхъ и поганыхъ челоувѣкъ!»

Казанцы же разгнѣвавшеся на нихъ и по многихъ томлениихъ и мучениихъ различныхъ смерти предаша всѣхъ: овѣхъ огнемъ сожгоша, иныхъ же в котлѣхъ свариша, овѣхъ же на коле посадиша, овѣхъ по составомъ разсѣкоша и рѣзаша тѣлеса ихъ, инѣмъ же кожу со главы до пояса содраша, наругающеся, немилостивии кровопийцы. И тако доблии тии юноши-воини стерпѣша.

На казанцев же всех, когда услышали они, что старейшины их схвачены, напал страх и ужас великий. И горевали, и тужили средние и меньшие казанцы по своим хозяевам. И заплакали горько, и зарыдали жены по мужьям своим, а дети по отцам своим, просясь в одних сорочках за ними на Русь. «Отпустите нас, — вопили они, — о казанцы! За нашими мужьями отпустите! Все наше имущество заберите у нас и нагими отпустите нас, да умрем с ними в Москве в темнице, ибо не можем мы здесь оставаться без них ни одного дня. Ведь молодыми овдовели мы, и дети наши осиротевшие еще малы, потому запустеют дома наши и большие села, и погибнет все наше богатство». И много дней стоял по ним безутешный плач.

И навели женщины эти ужас на остальных своих родственников и близких. И, проклиная царя, обзывали его жестоким, лукавым и немилосердным и нарекали его волхвом, говоря так: «Сколько раз был он в наших руках на краю гибели, но всячески избегал ее, обманывал нас, теперь же окончательно прельстил он все наше царство и один перехитрил, словно младенцев, всех мудрых наших правителей и вельмож: многих в Казани перебил, а остальных вывел из нее и пожрал, словно вепрь дикий сладкий виноград, и покосил их, словно чистую пшеницу в поле, а нас, как терн, поправ ногами, оставил. Но разве не известно, что колется терн: не следует ходить по нему босыми ногами, и что маленький камень разбивает и большие корабли?» И плакали они, и тужили много дней.

И поставили они на место прежних князей и воевод многих новых, которых выбрали из числа своих родственников; надо всеми же поставили князя Чапкуна как самого искушенного в победах. И по его совету вскоре заперли они город. И изменили казанцы царю-государю и великому князю, нарушили обещание свое и клятву и совершили обман на окончательную свою погибель.

О СМЕРТИ ВОЕВОДСКИХ ОТРОКОВ. ГЛАВА 46

Тех же воеводских отроков впустили они в Казань и схватили всех. И вначале ласково понуждали их отречься от христианской веры и принять басурманскую их веру, обещая, что будут они у них ходить в великой чести и называться князьями и вместе с ними начнут ходить воевать на Русь. Воины же все в один голос закричали: «Не дай нам Бог отлучиться от христианской веры и погрязнуть святое крещение из-за вас, нечестивых и поганых людей!»

Казанцы же разгневались на них и после многих различных пыток и мучений предали их всех смерти: одних сожгли, других сварили в котлах, других же на колья посадили, иных рассекали на части и резали их тела, иным же немилосердные кровопийцы содрали кожу с головы до пояса, надругавшись над ними. Вот что вытерпели доблестные те юноши-воины.

И умроша за вѣру христьянскую, пострадавшие мученическия страсти от безбожных варварь, положиша храбрыя главы своя за Рускую землю. И вмѣсто земныя чести же и работы князей своих приша с мученики побѣдныя вѣнцы от Христа Бога на небесѣх.

О ПОШЕСТВИИ ВОЕВОД МОСКОВСКИХ Х КАЗАНИ
И ХУЛА И УНИЧИЖЕНИЕ ОТ КАЗАНЦЕВЪ,
И ПЕЧАЛЬ ИМ О КАЗАНИ. ГЛАВА 47

Наутрия же поидоша воеводы из града Свяжского ко граду Казани со всѣми вой своими, надѣющесе по обычаю вѣхати в Казань, якоже имь рѣкоша казанцы, преже избывающе царя своего. И пришедше воеводы ко граду, и смотряху противъ себя изшествия казанцев с честью и з дары в срѣтение. И не изыде противу ихъ ни единъ казанец худъ или слепъ, или хромъ. И объѣхавше около града, и видѣша всѣ врата извнутри твердо затворены и заключены, и казанцевъ по стѣнам града ходящих вооруженых, на брань готовыщихся и битися хотящих, аще учнут московская воинства на градъ налѣгати.

И стояще на граде, глаголаху воеводам: «Отступите от града нашего поздорову прочь, безумныя воеводы московския, другий же град — Свяжский — намъ отдайте, его же чрез правду, насилемъ на чужей земли постависте, и миръ с нами сотворите, и вонъ из нашея земли пойдите, и вспять возвратитесе. Не тружайтесе, без ума взявше царство напрасно и не умѣвше держати его. Уже бо нынѣ не имате обманути нас, якоже прежних властей наших и велможей, аки безумных, прелстисте и чрез клятву их пригубисте. Нынѣ же у нас велможи новыи и воеводы есть и крѣпчайше, и премудрѣйше ихъ бывших. Аще же и самъ на нас придет злый вашъ царь и великий князь, и не убоимся его».

И леть свою с себя снимаху и на воевод на самих налыгаху, яко: «По зависти и без вины взяте от нас добраго царя нашего Шихалея, оболстивше, сведосте его с царства, хотяще быти сами вмѣсто его владѣти нами и поклонение, и честь, и приношение от нас примати. Недостойни есть ни видѣти Казани за невѣрствие ваше, неже жити во царствѣ томъ. Казань бо есть царство волное, и держать царя на Казани по воли своей — брежащаго людей своихъ, а злаго отсылають или убивають. Ни от князей бо, ни от воевод или от простых людей строима бывает Казань, но от царей. И всегда на царское мѣсто подобно есть быти царю, а не вам, руси, московским воеводам, лживым людямъ и нимало в себѣ правды имущим». И много укориша их казанцы, лающе, яко пси.

Воеводы же московския болши себѣ срама добывше, студа и поругания и три часа стоявше у града с войскомъ и развѣе погрозивше казанцемъ и

И умерли они за веру христианскую, приняв мучения от безбожных варваров, сложили они храбрые головы свои за Русскую землю. И вместо земной чести и службы князьям своим снискали они вместе с мучениками победные венцы от Христа Бога на небесах.

О ПОХОДЕ МОСКОВСКИХ ВОЕВОД К КАЗАНИ, И О ТОМ, КАК ХУЛИЛИ И УНИЖАЛИ ИХ КАЗАНЦЫ, И О ПЕЧАЛИ ИХ ИЗ-ЗА КАЗАНИ. ГЛАВА 47

Наутро же пошли воеводы из города Свияжска к городу Казани со всеми своими воинами, рассчитывая, как обещали им казанцы, избавляясь от своего царя, въехать в Казань, согласно установившемуся обычаю. И, подойдя к городу, стали воеводы ждать, когда с дарами выйдут им навстречу казанцы, оказывая им честь. И не вышел навстречу им ни один казанец, хотя бы нищий, или слепой, или хромой. И увидели они, объехав вокруг города, что все ворота плотно закрыты и заперты изнутри и что по городским стенам ходят вооруженные казанцы, готовящиеся к бою и хотящие сражаться, если московское воинство начнет наступать на город.

И говорили они воеводам, стоя на городской стене: «Отступите подобру-поздорову прочь от нашего города, глупые воеводы московские, другой же город — Свияжск, который незаконно, насильно поставили вы на чужой земле, нам отдайте, и мир с нами заключите, и идите вон из нашей земли, и назад возвращайтесь. Не трудитесь теперь, если без ума, случайно взяв царство, не смогли его удержать. Теперь уже не сможете обмануть нас, как обольстили вы, словно несмышленных, прежних наших властителей и вельмож и погубили их, нарушив клятву. Теперь же у нас есть новые вельможи и воеводы, крепче и мудрей прежних. Если же придет на нас даже сам злой ваш царь и великий князь, не испугаемся и его».

И переложили они клевету свою с себя на самих воевод, говоря так: «По зависти своей и без вины забрали вы от нас доброго царя нашего Шигалея, обманув, свели вы его с царства, желая сами вместо него владеть нами и поклонение, и почести, и приношения от нас принимать. Недостойны вы даже видеть Казань за неверность вашу, тем более жить в царстве том. Казань ведь царство вольное, и держат царя в Казани, какой бережет людей своих, а злого отсылают или убивают. Не князьями ведь и не воеводами или простыми людьми управляется Казань, но царями. И всегда на царском месте подобает быть царю, а не вам, русским, московским воеводам, людям лживым и нисколько в себе правды не имеющим». И много оскорбляли их казанцы, лая, словно псы.

Воеводы же московские, ничего не добившись от казанцев, разве что пригрозив им, а больше добыв себе срама, стыда и поругания, три часа простояв

ничтоже имъ dospѣвше, и возвратившеся во град свой без успѣха, не смѣяху, без вѣдана самодержца своего ничто же творити казанцем.

И тужаху и плакахуся, глаголаху: «Что се намъ будет от царя самодержца, яко мы взяхом град Казань, мы же и паки отдахомъ его. И его же многотрудно и много лѣтъ доступахом и, взявше, из рукъ наших и пустихом! Кий сонъ удержа нас? Да како уснухом и како забыхомся от горкаго нашего вчерашняго пира? О, безумия всѣхъ безумнѣйше есть мы! Како явима во очи самодержцу нашему, на дѣло сие пославшему нас? Како же смертныя сея скорби премѣнимся или какое воздание от него приемемъ? Коими же золотыми вѣнцы украси главы наши? И вправду есмы повинны великимъ каземъ смертным от него».

И утоляти начаша царя Шихалея, да не речеть на них самодержцу слова хулна и лестна, яко же они с казанцы лестъ на него возвели невѣдающе, но паче молит о нихъ и печалуется.

О ПОШЕСТВИИ ЦАРЯ ШИХАЛЕЯ К МОСКВЕ, И ПЕЧАЛЬ ЦАРЯ И ВЕЛИКОГО КНЯЗЯ О КАЗАНИ, И О ПРИШЕСТВИИ В КАЗАНЬ ЦАРЯ ЕДИГЕЯ. ГЛАВА 48

Царь же скоро поиде к Москвѣ. И проводиша его все воеводы с великою честью, а сами ту оставшеся, во граде Свяжскомъ, со всею силою своею.

Казанцы же вскорѣ, того же лѣта, пославше и приведоша себѣ на царство царя из Нагайския земли именем Едигея Касаевича,* втай ходивше по него. И приведоша его лѣсами и иными непроходными пути, и да не свѣдавше воеводы московския и устрѣгши, изымут его, стояху бо на всѣхъ путехъ заставы. Онъ же три заставы малыя, побивъ, пройде, перелѣзъ Каму рѣку выше Вятки. Сущю же ему по роду от астраханскихъ царей. И с нимъ прииде в Казань 10 000 варварь,* кочевныхъ самовольныхъ, гуляющихъ в поле.

Бысть же тогда Казань владаема от Москвы семь мѣсяць, строима царемъ Шихалеемъ.

Царь Шихалей прииде к Москвѣ ис Казани и ста пред самодержцемъ. Царь же и великий князь о здравии вопроса его и о воеводахъ, такоже и о всемъ воинствѣ своемъ, преча на него, яко недобре правил царство. Онъ же рече: «Многа лѣтъ ти буди, самодержче славный, со всѣмъ царствомъ твоимъ, и мы есмы, раби твои, здрави всѣ! А еже глаголеши ми, то есть неправда. Не буди то, ни не вѣрь сему — се бо нанесоста на мя врази мои казанцы, избывающе мя, да изведеши мя от нихъ. Нѣсмь бо имѣлъ предагатайства ни мыслию ни въ юности моей, ни въ старости, и се нынѣ готовъ есмь от тебя в казнь и в смерть».

И подробну ему вся исповѣда, еже како строяше и како смиряше казанцевъ, и что по немъ содѣяше казанцы возмущениемъ князя Чапуна. «И

у Казани, возвратились без успеха в свой город, не смея без ведома своего самодержца что-либо предпринять против казанцев.

И тужили и плакали они, говоря: «Что нам будет теперь от царя-самодержца, ведь взяли мы город Казань и сами же снова отдали его? Город, которого с большим трудом и много лет добивались мы, теперь, взяв его, из рук наших упустили? Какой сон удержал нас? Да как уснули и как забылись мы от горького нашего вчерашнего пира? О, мы глупейшие из глупцов! Как являемся мы на глаза самодержцу нашему, пославшему нас на дело это? Как же избавимся мы от смертельной этой скорби и какое примем от него воздаяние? Какими золотыми венцами украсит он головы наши? И вправду заслужили мы у него страшную смертную казнь».

И начали они умолять царя Шигалея, чтобы не сказал он о них самодержцу дурного и несправедливого слова о том, что они с казанцами клевету на него возвели, не зная правды, но умолял бы его и печалился о них.

ОБ УХОДЕ ЦАРЯ ШИГАЛЕЯ В МОСКВУ, И О ПЕЧАЛИ ЦАРЯ И ВЕЛИКОГО КНЯЗЯ О КАЗАНИ, И О ПРИХОДЕ В КАЗАНЬ ЦАРЯ ЕДИГЕРА. ГЛАВА 48

Царь же вскоре пошел к Москве. И проводили его все воеводы с большими почестями, а сами остались здесь, в городе Свияжске, со всем своим войском.

Казанцы же вскоре, в том же году, послали послов и привели себе на царство царя из Ногайской земли, по имени Едигер Касаевич, тайно ходя за ним. И привели его лесами и иными непроходимыми путями, дабы не свести воеводы московские и, подкараулив, не захватили его, ибо на всех путях стояли заставы. Он же, прорвавшись через три небольшие заставы, перебив их, переправился через Каму-реку выше Вятки. По рождению же был он из астраханских царей. И с ним пришли в Казань десять тысяч варваров, вольных кочевников, гуляющих в поле.

Была же тогда Казань, управляемая царем Шигалеем, под властью Москвы семь месяцев.

Царь Шигалей пришел в Москву из Казани и предстал перед самодержцем. Царь же и великий князь спросил его о здоровье и о воеводах, а также и обо всем воинстве своем, упрекая его за то, что нехорошо правил царством. Он же сказал: «Многая лета тебе и царству твоему, славный самодержец, а мы, рабы твои, все здоровы! То же, о чем ты мне говоришь, неправда. Не верь, не было этого — то наговорили на меня враги мои казанцы, избавляясь от меня, чтобы ты отозвал меня от них. Не был я предателем даже в мыслях ни в юности моей, ни в старости и сейчас готов принять от тебя и казнь и смерть».

И рассказал ему обо всем подробно, как правил казанцами и усмирлял их, и что после него учинили казанцы по наущению князя Чапкуна. «И если

аще бы, — рече, — аз мало еще побыл в Казани, то не бы сие случилось. Нынѣ же, самодержце, совѣтую ти: яко да не опечалишися и, аще мя послушаеши, раба своего, и *тогда* сам подвигнися на Казань, и Богу помогающе ти, возмѣши *царьство* честно и славно. Казань бо есть нынѣ безлюдна и пуста: аще и есть люди, то худы и немощны и убоятся самого тебе, и не силны тебѣ будут, господи мой. А воеводами твоими без тебя не взята будетъ Казань. Казанския бо люди худы в ратном дѣле: зѣло свирѣпы и жестоки — и сам ихъ знаешь. Нынѣ же паче премѣниста животь свой на смерть. И вѣдают воевод твоихъ слабыхъ и мяхкосердыхъ, и не повинятся. И живут у тебя князи твои и воеводы в велицей славѣ и богатствѣ, и тѣ во время рати бываютъ некрѣпцы и несилны и подвизаются лестно и нерадиво, друг за друга уклоняющиеся и воспоминающе славу свою и многое имѣние, и красныя жены своя и дѣти». И ина многа изрече ему.

Царь же и великий князь, слышав реченная от царя Шихалея про все дѣло Казанское, яко все добрѣ творяше и к ползѣ велицей и нѣсть неправды в немъ, но и воеводамъ вины в том не учини, не вѣдающе бо сие сотвориша, изказиша бо ихъ казанцы лестию, а князя Чапкуна самъ бѣ отпустил в Казань.

И тяжко си вмѣнивъ о отвержении казанцевъ от него, паче живота своего, и очи свои слез наполни, и глагола слово псаломское: «Суди, Господи, обидящия ми и возбрани борющия ми, и прими оружие свое и щит, и востани в помощь мою, и запрѣти сопротиво гонящихъ мя, и рцы души моей спасение: *твоей* есмь аз».

Царь же и великий князь служимаго ему царя Шихалея дарми великими одаривъ и почестыми царскими почтивъ за великую службу его вѣрную и нелестную, и тѣмъ от печали его утѣшив, и отпусти его честно во свою вотчину ему, в Касимовъ,* наказавъ ему, да паки готовъ будетъ с нимъ часа того к Казани итти, егда к нему вѣсть придетъ от него, каися велми о изведении его.

СОВѢТЪ З БОЛЯРЫ СВОИМИ ЦАРЯ И ВЕЛИКОГО КНЯЗЯ О КАЗАНИ. ГЛАВА 49

И призываетъ к себѣ в полату великую златую братию свою: благовѣрнаго князя Георгия и князя Владимира,* и князя мѣстныхъ и вся великия воеводы, и вся благородныя своя велможи. И посади ихъ по мѣстом и начатъ блажь и мудрѣ совѣтъ с ними творити, хотя самъ в другие двинути на безбожную и поганую Казань, на презлыя и невѣрныя недруги своя — казанския люди и мстити крови христьянския, яко Елезванъ, ефиопскій царь, на омиритского царя Дунаса жидовина,* ревнуя прадѣдом своимъ: великому князю Святославу Игоревичу,* како той многожды Греческую землю плѣни, столь далече ей суши от Руския земли разстояниемъ, и дани великия со Царя-града

бы, — сказал он, — я еще немного побыл в Казани, то не случилось бы этого. Теперь же, самодержец, советую тебе: не печалься и, если хочешь послушать меня, раба своего, то сам иди в Казань и с Божьей помощью возьмешь царство с честью и славой. Казань ведь сейчас безлюдна и пуста: если и есть в ней люди, то бедны, и немощны, и самого тебя испугаются, и не окажут тебе большого сопротивления, господин мой. А воеводами твоими без тебя не будет взята Казань. Казанцы ведь страшны в бою: очень свирепы и жестоки — сам их знаешь. Теперь же тем более поменяют они жизнь свою на смерть. И знают они слабость и мягкосердечие воевод твоих, и не подчиняются им. Живут у тебя князья твои и воеводы в великой славе и богатстве, а во время боя бывают некрепки и несильны и сражаются нечестно и нерадиво, прячась друг за друга и вспоминая славу, и большие богатства, и красивых жен своих, и детей». И многое другое сказал ему.

Царь же и великий князь, услышав рассказанное царем Шигалеем о казанских делах — о том, что все делал он правильно и к большой пользе и что нет в нем обмана, не стал винить в случившемся и воевод, ибо содеяли они это по неведению, поскольку казанцы обманом ввели их в заблуждение, князя же Чапкуна сам он отпустил в Казань.

И сильно тужил он об измене казанцев, больше, чем о жизни своей, и наполнились очи его слезами, и произнес он слово псаломное: «Осуди, Господи, обижающих меня, и помешай воюющим со мной, и возьми оружие свое и щит, и приди мне на помощь, и накажи гонящих меня, и спаси душу мою, ибо твой я».

Царь же и великий князь, дорогими подарками одарив служащего ему царя Шигалея и почтив его царскими почестями за преданную и нелицемерную его службу и тем утешив его в печали, отпустил его с честью в его вотчину — в Касимов, наказав ему, чтобы он был готов, как только придет весть, идти вместе с ним к Казани, сильно раскаиваясь в том, что свел его с царства.

СОВЕЩАНИЕ ЦАРЯ И ВЕЛИКОГО КНЯЗЯ СО СВОИМИ БОЯРАМИ О КАЗАНИ. ГЛАВА 49

И призывает он к себе в большую золотую палату своих братьев: благоверного князя Георгия, и князя Владимира, и всех местных князей, и первых воевод, и всех благородных своих вельмож. И рассадил он их по местам, и начал держать с ними благой и мудрый совет о том, что хочет он сам снова пойти на безбожную и поганую Казань, на злейших и неверных недругов своих — казанцев, как Елезван, эфиопский царь, ходил на омиритского царя Дунаса, жидовина, и отомстить за христианскую кровь, подражая своим прадедам: великому князю Святославу Игоревичу, который много раз покорял Греческую землю, так далеко находящуюся от Русской земли, взимая большие

имая, со благородных грек, побѣдивших древле Трою предивную и прегордаго царя перскаго Скерска,* и той же великий князь по Дунаю стоящихъ 80 градъ болгарскихъ взя.

Поревнова же и сыну его, первому во благочестии возсиявшему — православному и великому князю Владимиру, иже державу свою — Рускую землю — святымъ крещением просвятившему, како взя великий град Корсунь* и инья земли многия з дары, работаху ему, дани дающе. И надо всѣми враги его рука его бѣ высока.

Велми же позавидѣ Владимиру Манамаху,* якоже той подвизася на греческаго царя Константина Монамаха* великим ополчением ратнымъ, не хотѣвшю греческому царю мира поновити и дани давати по уложению прежнихъ бывших его царей с великими князи рускими. — Великий же князь Владимир Манамах, шед во Фракию, повоева начисто, и Халкидонъ мину, и окрестныя области Царя-града греческия всѣ пусты положи. И возвратися на Русь с великою корыстию и со многимъ богатствомъ, плѣнивъ царство Греческое.

Царь же Константинъ бысть о семь в велице недоумѣнии и в печали, и тузѣ и совѣтова с патриархомъ, да пошлетъ в Киевъ, на Русь, к великому князю о миру, дабы от сего престал кровопролития тацех сущих християнъ и вѣрных людей греческих, проливая кровь неповинную, откуда и самъ бысть вѣренъ и всей земли своей спасение изобрете.

Посылает к нему с великим смирением* великия своя премудрыя послы: Ефесскаго митрополита киръ Неофита и два епископа с ним — Митулинскаго и Милитийскаго и стратига Антиохийскаго Иоанна, и *игѣмона* Иерусалимскаго Евстафия и инѣх своихъ с ними благородных *мужей*, яко могущих умолити и укротити ярость и свирѣпство княже.

С ними же посла к нему и честныя великия и безценныя дары: самый свой царский вѣнецъ и багряницу, и скиптръ, и сердоликову крабийцу, из нея же еще великий Августъ, римский кесарь, на вечерах своих пия, веселяшеся, и злата, и сребра, и бисера, и камней драгихъ без числа, и инѣх драгих вещей множество, утоляя гнѣвъ его лвовъ и свѣтлым царем рускимъ называя его, и да *уже* к тому ся не подвижет Греческия земли воевати.

«И сея ради вины великий князь Владимир, прадѣд мой, царь и Монамах наречеса. И мы прияхом царемъ нарицатися, венца ради и порфиры, и скипетра царя Константина Монамаха».

И уложивше между собою мир и любовь в вѣки и паче первыя вся бывшия.

Сия царь и великий князь и з братию своею и князи мѣстными и с великими воеводами премудре и царски думавше и глагола: «Или егда хуждьше есмь дѣда моего, великого князя Иоанна, и отца моего, великого

дани с Царьграда, с благородных греков, победивших в древности предивную Трою и гордого персидского царя Ксеркса; тот же великий князь взял также восемьдесят болгарских городов, стоящих по Дунаю.

Хотел он походить и на сына его, первым просиявшего в благочестии — православного великого князя Владимира, который державу свою — Русскую землю — просвятил святым крещением и взял со всем богатством его великий город Корсунь и многие другие земли, покорил их и стал получать с них дань. И высоко занесена была рука его надо всеми врагами.

Позавидовал он сильно и Владимиру Мономаху, который с большим войском ходил на греческого царя Константина Мономаха, когда не захотел греческий царь возобновить мирное соглашение и выплачивать дань по договору, который бывшие до него цари заключили с великими русскими князьями. Великий же князь Владимир Мономах пошел во Фракию и начисто ее разорил, затем прошел через Халкидонию и опустошил все греческие земли в окрестностях Царьграда. И возвратился он на Русь с богатой добычей и большим богатством, завоевав Греческое царство.

Царь же Константин пребывал из-за этого в большой растерянности, в печали и тоске. И держал он совет с патриархом о том, чтобы послать в Киев, на Русь, к великому князю послов для заключения с ним мира, дабы после этого прекратил он проливать кровь правоверных греков, таких же христиан, как и он сам, ибо проливает он неповинную кровь в стране, откуда началось и его правоверие и откуда пришло спасение для всей его земли.

Посылает он к нему с большим смирением первых своих мудрейших послов: Эфесского митрополита кир Неофита с двумя епископами — Митулинским и Милитийским, стратига Антиохийского Иоанна, Иерусалимского игемона Евстафия и иных своих благородных мужей, которые могли бы умолить его и укротить княжескую ярость и свирепость.

С ними послал он к нему и многочисленные бесценные дары, оказывая ему честь: собственный свой царский венец, багряницу, и скипетр, и сердоликовый кубок, из которого некогда пил сам великий Август, римский кесарь, веселясь на своих пирах, и золота, и серебра, и жемчуга, и камней драгоценных без числа, и иных дорогих вещей множество, утоляя львиный его гнев и светлым русским царем называя, дабы не стал он больше разорять Греческую землю.

«Вот почему великий князь Владимир, прадед мой, стал называться царем и Мономахом. От него и мы приняли титул царя, ибо владеем венцом, порфирой и скипетром царя Константина Мономаха».

И договорились они между собой о вечном мире и любви, и был этот договор крепче всех предыдущих.

Мудро, по-царски, обсудив все это со своими братьями, удельными князьями и первыми воеводами, царь и великий князь сказал так: «Разве хуже я деда моего, великого князя Ивана, и отца моего, великого князя Василия,

князя Василия, недавно предо мною бывших и царствовавших на Москвѣ, и скипетры правящих всея Руския державы? Такжеже бо и они покориша под ся великия грады земли чюжих странъ и многих языкъ незнаемых поработиша, и память себѣ велику и похвалу в роды вѣчныя оставиша. И аз сынъ и внук ихъ вся тыя же грады и земли единъ содержа: коими бо царствоваша они — и аз тѣми же царствую, коими областми владѣша они — и аз тѣми же всеми владѣю, и суть в руках моихъ и мною нынѣ вся строятся, и есмь Божию милостию царь и напрестолникъ ихъ. Тацы же у меня славныя воеводы великия, храбры и силны, и в ратныхъ дѣлахъ зѣло искусны, яковы же были и у них. И хто ми возбраняетъ тако же творити, яко же они потшашася, намъ сотворша многа блага? Тако же и мы хошем, Богу помогающу нам, инѣм по нас сотворити.

Велико бо нынѣ зло постиже от единыхъ казанцевъ паче всѣхъ враг и супостат моихъ. Не вѣмъ, како мошень буду управитися с ними, зѣло бо стужаютъ ми. И слышати бо не могу всегдашняго плача и рыдания людей моихъ, и терпѣти не могу досады и обиды от казанцевъ. И за сия, о князи мои и воеводы, надѣяся аз на премилостиваго вседержителя и человеколюбца Бога, и хошу самъ второе свой подвигъ учинити и ити на казанския срацыны и страдати за православную вѣру нашу и за святыя церкви: не токмо же до крови страдати хошу, но и до послѣдняго ми издыханія.

Сладко бысть всякому человеку умрети за вѣру свою, паче же кому за христианскую святую, нѣсть бо смерть, но вѣчный живот! Не бо вотще страдание прияша апостоли святии и мученици и благочестивии царие и благовѣрнии князи и сродницы наши, и за то прияша не токмо земныя почести, царство же и славу, и храбрование на супротивныя, и многолѣтне славне на земли пожиша, и дарова имъ Богъ за ихъ благочестие и страдание, еже за православие страдаша, по отшествии сего прелестнаго мира в земныхъ мѣсто небесная, а во тлѣнныхъ мѣсто нетлѣнная, и всеконечная радость, и вѣчное веселие, еже быти у Господа Бога своего всегда и со ангелы ему предстояще, со всѣми праведными веселитися в бесконечныя вѣки.

Вы же, братиа моя и благородныя наши велможи, что ми о семъ мыслите и речете?» И преста глаголя, и мало молчанию бывшу.

ОТВѢТЪ КО ЦАРЮ И ВЕЛИКОМУ КНЯЗЮ ОТ ВСѢХЪ ВЕЛМОЖ ЕГО И ВОЕВОД. ГЛАВА 50

И отвѣшаша ему братиа его князь Георгий да князь Владимир и вся благородныя его велможи, яко единѣми усты и единомъ гласомъ с веселиемъ сердца вкупѣ вси: «Держай, не бойся, о великий нашъ самодержче, побѣждай сопостаты своя и славу присовокупляй благородству своему! Не сопротивимся тебѣ, ни вопреки глаголем. Буди воля твоя: ни в чемъ же от тебе отимаемъ и творимъ, еже

которые незадолго до меня царствовали в Москве и правили всей Русской державой? Они ведь тоже подчинили себе великие чужеземные города, и поработили многие неведомые народы, и оставили о себе навечно добрую память, заслужив похвалу у будущих поколений. И я, сын их и внук, один правлю всеми теми же городами и землями, над которыми они царствовали, — над ними царствую и я, какими областями они владели — теми и я владею: находятся они в моих руках, и все они мною управляются, и я по Божьей милости — царь и наместник их. Есть у меня и такие же славные великие воеводы, храбрые и сильные, и искусные в ратном деле, какие были и у них. Кто же возбраняет мне сделать то же, что совершили они, принеся нам много добра? Вот и хотим мы с Божьей помощью совершить то же самое, что и они, для будущих после нас.

Великое ведь зло терпим мы от одних только казанцев, больше, чем от всех других врагов и супостатов моих. Не ведаю, как сможем мы управиться с ними, ибо сильно они досаждают мне. Не могу я больше слышать постоянный плач и рыдания людей моих и терпеть от казанцев притеснения и обиды. И посему, о князи мои и воеводы, хочу я, надеясь на премилостивого вседержителя и человеколюбца Бога, свершить свой подвиг и сам во второй раз идти на казанских сарацинов и пострадать за православную нашу веру и за святые церкви: не только до крови пострадать, но до последнего вздоха.

Любому ведь человеку сладко умереть за свою веру, но особенно — за святую, христианскую, ибо это не смерть, а вечная жизнь! Не напрасно ведь приняли страдание святые апостолы, и мученики, и благочестивые цари, и благоверные князья, и родственники наши: получили они за это не только земные почести, царство, и славу, и победу над врагами, и долгую славную жизнь на земле — даровал им Бог за их благочестие и страдание — страдание за православную веру — по отшествии от этого полного соблазнов мира вместо земных наслаждений — небесные, вместо тленных — нетленные и вечное веселие, и бесконечную радость всегда находиться возле Господа Бога своего и, служа ему вместе с ангелами, веселиться со всеми праведниками бесконечные века.

А что думаете вы об этом, братья мои и благородные наши вельможи, и что ответите мне?» И замолчал он, и воцарилось недолгое молчание.

ОТВЕТ ЦАРЮ И ВЕЛИКОМУ КНЯЗЮ ВСЕХ ЕГО ВЕЛЬМОЖ И ВОЕВОД. ГЛАВА 50

И отвечали ему его братья — князь Георгий и князь Владимир и все благородные его вельможи с веселым сердцем в один голос, словно едиными устами: «Дерзай, не бойся, о великий наш самодержец, побеждай супостатов своих и славу присовокупляй к своему благородству! Не противимся мы тебе и не возражаем. Поступай по своей воле, мы же ни в чем не будем тебе мешать.

хощеши. Много бо слышахом отецъ своихъ, иная же и сами видѣхом своима очима великия обиды тебѣ от казанцевъ и многия измѣны, да вси мы по силе своей, елико поможетъ Богъ, крѣпко имамы страдати и полагати главы наши нелестно за святыя церкви и за все православие державы твоея. И за тебе, великого нашего самодержца, должны есмы умрети и все богатество наше и домы, и жены, и чада своя забыти и ни во что же вмѣнити, а не якоже иногда нерадѣниемъ и лѣностию своею одержими *бяху* тебѣ служихомъ, друг на друга смотривше, и великия наши отчины, данныя прадѣдам нашимъ от прадед твоихъ, сами вкупѣ с казанцы небрежением нашим или неможением в конечное запустѣние предахомъ». Сим же словесемъ реченнымъ бывшимъ от братии его и от всѣхъ благородныхъ велмож и бояр и воевод его.

Сия же слышавъ от нихъ царь князь великий и возлюбилъ зѣло добрый отвѣтъ ихъ и мудрыя глаголы ихъ к нему. «Вопросиши бо Отца твоего, и возвѣститъ тебѣ, и старцы твои повѣдятъ ти». И воставъ с престола своего, и поклонися имъ на всѣ страны до земли, и рече: «Велми угоденъ ми бысть совѣтъ вашъ, любимыи мои думцы, и познахъ, яко будетъ на ползу вамъ и намъ».

О СОБРАНИИ РУСКИХЪ ВОЙ И О РАСМОТРЕНИИ ИХЪ. ГЛАВА 51

И въскорѣ повелѣ всѣмъ княземъ и воеводамъ — благороднымъ, среднимъ же и обычнымъ — готовымъ быти на царскую свою службу со всякимъ запасомъ разнымъ, с конми и со отроки своими, расславъ же листы по все области державы своея, по градомъ, на собрание воинственнаго чина, да скоро собираются в преславный градъ Москву иже вся воинская дѣла творяще люди.

Вборзе же не по многи дни по царскому его повелѣнью множество собралася вой в преименитый градъ, яко от великого собрания силы не бѣ во градѣ мѣста, гдѣ стояти, по улицамъ и по домомъ людскимъ, но ставляху по полю около посадовъ и по лугомъ в шатрѣхъ своихъ.

И по нѣколикихъ днехъ восхотѣ видѣти самъ всего своего войска число. И урядивъ разное украшение ихъ, и преже повелѣ всѣмъ княземъ и воеводамъ во градъ приѣзжати на великую площадь предъ царския своя полаты и красно нарядяся, по нимъ же среднимъ и обычнымъ воемъ. Великия же воеводы и вся благородныя велможи, и вся сильныя же и несильныя приѣзжаху во градъ единъ по единому ихъ на площадь ко царскимъ его полатамъ, показующася ему, изодѣвшася в пресвѣтлая своя одѣяния и со всѣми отроки своими, тако же и добрыя своя кони во утварехъ добрыхъ и красныхъ ведуши и яко достоинъ быти на ратѣхъ воеводамъ.

Царь же князь великий рассмотривъ самъ своя князи и воеводы своя, благородныя велможи до послѣднихъ всѣхъ, на полатныхъ своихъ лѣствицахъ *стоя*, и велми всѣхъ похвали, яко вѣрно служащихъ ему. Такоже и множества воинства

Ведь слышали мы часто от своих отцов, иное же и сами видели своими глазами — великие обиды, нанесенные тебе казанцами, и многие их измены, поэтому все мы в меру своих сил, насколько поможет нам Бог, хотим крепко пострадать и честно сложить свои головы за святые церкви и за всех православных в твоей державе. И за тебя, великого нашего самодержца, должны мы умереть и забыть богатство наше, и дома, и жен, и детей своих, ни во что их не ставя, — не так, как некогда служили тебе, нерадением и леностью своей одержимые, подражая друг другу, и большие наши вотчины, полученные нашими прадедами от твоих прадедов, сами вместе с казанцами по небрежности своей или немощи привели в окончательное запустение». Такие слова были сказаны ему братьями его и всеми благородными вельможами, боярами и воеводами.

И когда выслушал это царь великий князь, очень понравился ему добрый их совет и мудрые слова их, сказанные ему. Ибо сказано: «Вопроси Отца твоего, и возвестит тебе, и старцы твои поведают тебе». И, поднявшись с престола своего, поклонился он им на все стороны до земли и сказал: «Весьма угоден мне совет ваш, любимые мои советники, и понял я, что будет он на пользу вам и мне».

О СОЗЫВЕ РУССКИХ ВОИНОВ И О СМОТРЕ ИХ. ГЛАВА 51

И вскоре повелел он всем князьям и воеводам — знатым, средним и обычным — быть готовыми к царской службе в полном снаряжении, с конями и с отроками своими, разослав по всем областям своей державы, по городам, грамоты о созыве всего воинства, дабы в скором времени собрались в преславный город Москву все военные люди.

И вскоре, по прошествии немногих дней, по царскому повелению собралось в прославленный город множество воинов, так что от великого множества собравшихся не было в городе места для постоя ни на улицах, ни в городских домах, и разместились они по полю около посадов в своих шатрах.

И через несколько дней захотел он сам посмотреть на численность своего войска. И, послав им различные воинские украшения, повелел, красиво нарядившись, съезжаться в город на большую площадь перед своими царскими хоромами — сначала князьям и воеводам, за ними — средним и рядовым воинам. Первые же воеводы и все благородные вельможи, все знатные и незнатные, разодевшись в нарядные свои одежды, один за другим приехали в город на площадь к царским его палатам, показываясь перед ним со всеми своими отроками, ведя и добрых своих коней в красивом и добротном убранстве, как подобает воеводам, отправляющимся на войну.

Царь же великий князь сам осмотрел всех до одного своих князей и воевод, благородных вельмож, стоя на дворцовых своих лестницах, и всех весьма похвалил как верно служащих ему. Так же сильно порадовался он и

своего видѣвъ, из далнихъ своихъ градовъ и земель скоро и незамѣлено собравшихся по словеси его, зѣло порадовася радостію великою. Видѣвъ же инѣхъ нѣкихъ вой своихъ убозѣхъ сухихъ и нужны всѣмъ не имѣюще у себѣ: ни коней воинскихъ, ни оружия такого, ни кормли, и тѣмъ отвори полаты своя оружейныя и ризныя и житницы хлѣбныя и даваше имъ до любве ихъ оружия всякия и свѣтлыя ризы, и кормлю, и добрыя кони с конюшни своея.

И преже всего своего пошествіа, избравъ от всѣхъ ис тѣхъ вой, и отпускает воевод своихъ с тѣми дванадесять с великою силою х Казани мая въ 9 день двѣма рѣкама в лодыяхъ и струзѣхъ — Волгою и Камою. Волгою же рѣкою отпусти с кормлею и со всяким запасом *ратным* всего великаго воинства своего и з болшим стѣннобитнымъ нарядомъ огненнымъ, яко да не будетъ нужды от пищи в воехъ на долго время; Камою же, с верху от Вятки зашедь, воевати полныя мѣста и недвигомыя казанскія.

Кама бо великая рѣка, обходит три земли вкруг: Пермскую землю и Вятскую, и всю Казанскую, — и устьемъ в Волгу падеть ниже Казани за 60 верстъ. По ней же приидоша х Казани московскія воеводы с Устюжны и с Вятки с храбрыми людми и воевавшѣ по Камѣ богатыя улусы казанскія.

По двюю же месяцохъ по преже посланными воеводы, празновавъ царь князь великій пядесятный день по Пасце на шествіе Святаго Духа на святыя ученики его и апостолы, и всю ту неделю Пянтикостную* царски веселяся и с велможамы своими, и предает преславный градъ Москву въ Божіи руке и пречистой Богородицы и оставляет в себе мѣсто на Москвѣ царская строити брата своего — благороднаго князя Георгия, и приказываетъ брещы отцу своему митрополиту Макарию.*

НАКАЗАНИЕ ЦАРЯ И ВЕЛИКОГО КНЯЗЯ КО ЦАРИЦѢ СВОЕЙ АНАСТАСИЕ. ГЛАВА 52

И тогда благочестивый царь и великій князь, миръ и любовное целование царице своей Анастасіи* оставляя, прирекъ ей слово едино: «Азъ тебѣ, о жено, повелѣваю никако же скорбѣти о моемъ шествіи, но пребывати в подвижѣхъ духовныхъ и в постѣ, и в воздержаніи и часто приходити к церквамъ Божимъ, и многи молбы творити за мя и за ся, и милостыню убогимъ давати, и бѣдныхъ милovati, и в царскихъ нашихъ опалахъ разрѣшати, и в тѣмницахъ заключеныя испущати, да сугубу мзду от Господа примеши в будущемъ вѣцѣ». То же слово и брату своему наказа.

Царица же, слышавъ сія от благочестиваго царя, супруга своего любимаго, и нестерпимую скорбію уязвися о отшествіи его, и не може от великаго печали стояти, и хотяше пасти на землю, аще не бы самъ царь супружницу свою рукама своима поддержаль. И на многъ часъ она безгласна

множеству своих воинов, скоро и незамедлительно собравшихся по слову его из дальних своих городов и земель. Увидев же, что некоторые из его воинов плохо снаряжены и не имеют самого необходимого: ни боевых коней, ни оружия, ни провианта, отворил он для них свои палаты, оружейные и ризные, и хлебные амбары и давал им, сколько они захотят, всякого оружия, и дорогой одежды, и припасов, и добрых коней со своей конюшни.

И прежде чем сам он выступил в поход, выбрав воинов из числа собравшихся, отпускает он двенадцать своих воевод с теми воинами, с большою силой, к Казани мая в девятый день двумя реками в ладьях и стругах — Волгою и Камой. Волгою-рекой отпустил он воинов с провиантом и разными припасами для всего многочисленного своего воинства и с большим стенобитным огнестрельным нарядом, дабы не терпели воины долгое время недостатка в пище; Камую же, сверху, от Вятки — разорять богатые некочующие казанские села.

Кама ведь — великая река, протекает она по трем землям: по Пермской земле, по Вятской и по всей Казанской — и устьем впадает в Волгу в шестидесяти верстах ниже Казани. По ней и приплыли к Казани московские воеводы с Устюжны и с Вятки с храбрыми людьми, разорив по Каме богатые казанские улусы.

Через два же месяца после отсылки воевод царь великий князь, отпраздновав пятидесятый день по Пасхе — сошествие Святого Духа на его учеников и апостолов — и повеселясь по-царски со своими вельможами всю ту неделю по Пятидесятнице, вручает преславный город Москву в Божьи руки и пречистой Богородицы и оставляет вместо себя в Москве управлять царством брата своего, благоверного князя Георгия, и приказывает беречь его отцу своему духовному митрополиту Макарию.

НАКАЗ ЦАРЯ И ВЕЛИКОГО КНЯЗЯ ЦАРИЦЕ СВОЕЙ АНАСТАСИИ. ГЛАВА 52

И тогда благочестивый царь и великий князь, благословив и поцеловав с любовью царицу свою Анастасию, промолвил ей слово едино: «Я тебе, о жена, повелеваю не скорбеть о моем уходе, но пребывать в духовных подвигах, посте и воздержании, и часто ходить в церкви Божии, и многие молитвы творить за меня и за себя, и милостыню убогим подавать, и бедных миловать, и от царских наших опал освобождать, и узников из темниц выпускать — дабы приняла ты в будущем веке двойную мзду от Господа». То же самое наказал он и брату своему.

Царица же, услышав это от благочестивого царя, супруга своего любимого, уязвлена была нестерпимою скорбью об уходе его, и не могла она от сильной печали стоять, и упала бы на землю, если бы сам царь не поддержал супругу свою своими руками. И долгое время была она безгласна. И заплакала

бывши. И восплакася горце, и едва мало воздержавшись и возможе от великих слез проглаголати: «Ты убо, о благочестивый мой *господине* царю, заповѣди Божия храниши и тщишися единъ паче всѣх душою свою положити за люди своя. Аз же, свѣте мой драгий, како стерплю на долго время разлучение твое от мене, или хто ми утолитъ мою горкую печаль? Или кая птица во един час прилѣтит и долготу путя того и возвѣстит ми слаткую вѣсть здравия твоего, яко ты с погаными брався и одолѣти возможе?! О всемилостивый Господи, Боже мой, призри на мое смирение и услыши молитву рабы твоея, и вонми рыдания моя и слезы, и даруй ми слышати супруга моего царя преславно побѣдивша враги своя, и сподоби мя здрава его сождати, свѣтла и весела видѣти ко мнѣ пришедша, и радующася, и хвалящася о милости твоей!»

Царь же князь великий, утѣшив царицу свою словесы и наказаннемъ, целование и здравие давъ ей, исходит от нея ис полат своих и входит в церковь пречистыя Богородицы, честнаго ея Благовѣщения, еже стоит на сѣнях близ царских полат его.

Благовѣрная же царица его Анастасиа, проводив до церкви тоя супруга своего царя, и возвратися в полаты своя, аки ластовица во гнѣздо свое, с великою печалию и со многим сѣтованием, аки свѣтлая звѣзда темным облаком, скорбию и тоскою припокрывся в полатъ своей, в ней же живяше. И вся оконцы позакры, и свѣта дневнаго зрѣти не хотя, доколѣ царь с побѣдою возвратится. И в постѣ, и в молении пребываше день и ночь, Бога моля о супрузе своем, нанъ же пошел есть, орудие свое и то непредкновенно да исправится ему, с веселием и радостію да придет к ней во своя, и оба да престанут от печали своея, и сѣтования, и туги.

О МОЛИТВѢ И О МОЛЕНИИ ЦАРЯ И ВЕЛИКАГО КНЯЗЯ. ГЛАВА 53

Царь же великий князь со священники совершивъ молебная и пойде от церкви от Благовѣщения в великую и соборную церковь пречистыя Богородицы честнаго ея Успения и повель ту молебная совершати и самому святѣйшему митрополиту Макарию, правящему тогда митрополию руския церкви московския, мужю в добродѣтелѣх совершену, и всѣм епископом, с нимъ прилучившимся тогда во царствующем градѣ Москвѣ нѣкоих ради духовных винъ, и со всѣми презвитеры, и со дьяконы.

Самъ же христоролюбивый царь из глубины сердца своего крѣпко востонавъ, ко всемогущему Богу и спасителю всѣх пролиавъ слезы, и рече: «Господи Боже, всемогущий царю нѣбесный, крѣпкий и сильный, и непобѣдимый во бранѣх Христе! Помилуй нас пречистыя ти ради матери молбами и не остави нас быти в скорбѣхъ и в печалѣхъ наших до конца! Ты бо еси Богъ нашъ, и мы, грѣшнии раби твои, на тя надѣмся и от тебе всегда милости просим. Посли намъ

она горько и едва смогла из-за сильных слез проговорить: «Ты ведь, о благочестивый мой господин царь, соблюдаешь заповеди Божии и стараешься один больше всех положить душу свою за людей своих. Я же, свет мой дорогой, как стерплю разлуку мою на долгое время с тобою, и кто утешит мою горькую печаль? Разве какая-нибудь птица за один час преодолет долгий этот путь и принесет мне сладкую весть о твоём здоровье, о том, что бился ты с погаными и смог их одолеть?! О всемилостивый Господи Боже мой, увидь мое смирение, и услышь молитву рабы твоей, и вними рыданиям моим и слезам, и даруй мне услышать, что царь, супруг мой, доблестно победил врагов своих, и удостой меня дожидаться его здоровым, увидеть, как придет он ко мне, светлый и веселый, радующийся и восхваляющий милость твою!»

Царь же великий князь, словами утешив царицу и дав ей наказ, поцеловав ее и пожелав ей здоровья, выходит от нее из палат своих и входит в церковь Благовещения пречистой Богородицы, что находится на сенях, близ царских его хором.

Благодарная же царица Анастасия, проводив до той церкви супруга своего царя, возвратилась в палаты свои, словно ласточка в гнездо свое, в большой печали и скорби, словно светлая звезда темным облаком, скорбию и тоской призакрывшись в покоях своих, где жила она. И позакрывала она все оконца, и не захотела видеть дневного света, пока царь не возвратится с победой. И день и ночь пребывала она в посте и в молитвах, моля Бога о супруге своем, чтобы беспрепятственно свершил он то дело, на которое отправился с оружием, и с веселием и радостью вернулся бы к ней домой, и оба они перестали бы печалиться, скорбеть и тужить.

О МОЛИТВЕ И О МОЛЕНИИ ЦАРЯ И ВЕЛИКОГО КНЯЗЯ. ГЛАВА 53

Царь же великий князь, совершив со священниками молебен, пошел из Благовещенской церкви в большую соборную церковь Успения Богородицы и повелел отслужить там молебен самому святейшему митрополиту Макарию, человеку совершенному в добродетелях, управлявшему тогда Московской митрополией русской церкви, и всем епископам, оказавшимся тогда с ним в царствующем городе по каким-то духовным делам, со всеми пресвитерами и дьяконами.

Сам же христолюбивый царь, громко застонав из глубины сердца своего и проливая слезы ко всемогущему Богу и спасителю всех людей, промолвил: «Господи Боже, всемогущий небесный царь, крепкий, сильный и непобедимый в битвах Христос! Помилуй нас ради молитв пречистой твоей матери и не оставь нас до конца пребывать в скорбях и печалях наших. Ибо ты — наш Бог, и мы, грешные твои рабы, на тебя надеемся и всегда у тебя милости просим. Протяни

крѣпкую твою руку свѣше и помилуй нас, убогих, и дай же намъ помощь и силу на всегдашняя враги наши казанцы, и посрами ихъ, обидящих нас и борющихся с нами, и низложи шатания ихъ, и воздаждь имъ по дѣлом ихъ и по лукавству начинания ихъ, силенъ бо еси, Господи, и кто можетъ противитися тебѣ?!»

И по семь падаетъ предо образомъ владычицы нашея Богородицы, юже евангелистъ Лука написа,* сице моляся во умѣ своемъ: «Владычица наша пречистая Богородица, молися сыну своему Христу, Богу нашему, рождшемуся от тебе спасения ради нашего! Воздежи, госпоже, о нас к нему пречистыя свои рuce и не презри нас, грѣшных раб своихъ, молящихся тебѣ с вѣрою, испроси намъ помощь и побѣду на вся враги наши и буди намъ всегда твердая стѣна от лица супостат наших и крѣпкий столпъ, и оружие непобѣдительно, и ополчение крѣпко, и воевода силенъ, и предстатель непобѣдим на противныя наши враги. Помяни, владычице, милосердие свое, еже имаши ко христианскому роду, общница бо еси спасению нашему, и мы есмы вси недостойнии твои раби и тобою избавляемся от всякихъ бѣд и злыхъ напастей. И прослави, госпоже, и возвеличи христианское имя надъ погаными всѣми, и да разумѣютъ и вѣрують, яко есть царь и владыка всѣхъ сынъ твой и Богъ нашъ надо всѣми языки. И ты, Богородица, воистину можещи бо на небеси и на земли творити, елика хочещи, и невозбранно ти есть ничесо же».

Такъ же и к небеснымъ силамъ, и ко всѣмъ святымъ молящися, и к новымъ нашимъ рускимъ чудотворцемъ Петру и Алексѣю, и Ионе,* мощи ихъ лобзая с вѣрою и со многими слезами. И положи завѣтъ з Богомъ в церкви, предъ иконою Спасовою стоя и глаголя: «О владыко царю-человеколюбче, аще нынѣ погубиши враги моя казанцы и предаши градъ Казань, то воздвигну святыя церкви в немъ во славу и похвалу пречистому ти имени. И православие утвердити хочу, яко да воспоется вновь и прославится во вѣки пресвятое и великое имя твое — Отца и Сына и Святаго Духа, бесерменство имамъ потребити и вѣру бо ихъ, и жертву мечемъ до конца искорѣнити».

И скончану же бывшу молебному пѣнию в церкви велицей, пойде из великия церкви пречистые. И близъ ту стоящи церковь великого чиноначалника архистратига Христова Михаила — в томъ же храмѣ лежать умершие родители его и прародителие. И ту молебная же пѣвъ небесному Христову воеводѣ. И у гробовъ родителей своихъ и прародителейъ простився.

С нимъ же вкупѣ ходяще, моляхуся всѣ князи и воеводы и многу милостыню нищимъ даючи. Вдана же бысть тогда и от самодержца милостыня велика по всей земли Руской: и по градомъ, и по селомъ, иерейскому чину и святителемъ, и по всѣмъ монастыремъ — черноризцемъ и пустыннымъ инокомъ, и всѣмъ нищимъ.

же к нам с высоты крепкую твою руку и помилуй нас, убогих, и пошли нам помощь, и дай силу против всегдашних врагов наших казанцев, и посрами их, обижающих нас и борющихся с нами, и разрушь замыслы их, и воздай им по делам их и за лукавство их деяний, ибо силен ты, Господи, и кто может противиться тебе?!»

И после этих слов упал он перед образом владычицы нашей Богородицы, который написан был евангелистом Лукой, мысленно произнося такую молитву: «Владычица наша, пречистая Богородица, молись сыну своему Христу, Богу нашему, рожденному тобой ради нашего спасения! Прости, госпожа, к нему пречистые свои руки, прося о нас, и не оставь нас, грешных рабов своих, молящихся тебе с верою, испроси нам помощь и победу над всеми врагами нашими и будь нам всегда твердой стеной перед лицом супостатов наших, и крепким столпом, и оружием непобедимым, и ополчением крепким, и сильным воеводой, и непобедимым предводителем против наших врагов. Вспомни, владычица, о милосердии своем к христианскому роду, ибо ты — пособница нашему спасению, а мы все — недостойные твои рабы и тобою избавляемся от всяких бед и злых напастей. Прославь же, госпожа, и возвеличь христианское имя над всеми погаными, дабы уразумели и уверовали они, что сын твой и Бог наш — царь и владыка над всеми народами; воистину ведь можешь ты, Богородица, на небе и на земле творить все, что пожелаешь, — ничто тебе невозбранно!»

Молился он и небесным силам, и всем святым, и новым нашим русским чудотворцам Петру, и Алексею, и Ионе, целуя мощи их с верою и со многими слезами. И дал он обет Богу, стоя в церкви перед иконой Спаса, говоря так: «О владыка, царь-человеколюбец, если погубишь ты теперь врагов моих казанцев и предашь мне город Казань, то воздвигну я в нем святые церкви во славу и похвалу пречистому твоему имени. Хочу я утвердить православие, да воспется вновь и прославится на века пресвятое и великое твое имя — Отца и Сына и Святого Духа, басурманство же и веру их — истребить и до конца искоренить мечом их жертвенники».

Когда же окончилось в великой церкви молебное пение, вышел он из великой пречистой церкви. Рядом с ней стояла церковь великого чиноначальника архистратига Христова Михаила — в том храме лежат умершие его родители и прародители. Там он тоже пел молебен небесному Христову воеводе. И простился он с могилами родителей своих и предков.

Молились и все ходившие с ним князья и воеводы, раздавая нищим много милостыни. Разослана была тогда и от самодержца большая милостыня по всей Русской земле: и по городам, и по селам, иереям и святителям, и по всем монастырям — черноризцам и отшельникам и всем нищим.

О БЛАГОСЛОВЕНИИ МИТРОПОЛИТОМЪ ЦАРЯ И ВЕЛИКАГО КНЯЗЯ
И ВСЕ ВОИНСТВО ЕГО И ПРОРЕЧЕНИЕ ЕГО О КАЗАНИ.
ГЛАВА 54

По молитве же своей благовѣрный царь самодержецъ благословляясь от преосвященнаго отца своего Макария митрополита и от прочих епископъ. Святѣйший же митрополит Макарий благословляет самодержца животворящим крестомъ и святою водою покропи, и молитвою вооружи, и конечную побѣду наказав.

И пророчествуеть ему, ко уху глаголя: «О, пресвѣтлый царю и предобрый пастырю, полагай душу свою за словесныя овцы, ихъ же Богъ дарова тебѣ паствити! Имаши *теплѣйшую ревность* по Бозѣ своемъ и дерзаеши неотложно за благочестие страдати. И всемогущий же Богъ молитвами пречистыя своя матери подасть ти нынѣ помощь и конечное одолѣние на супостаты твоя, и на свой престоль Російскаго царства здрав и радостенъ с побѣдою возвратишися со всѣм своим христоролюбивым воинством. И многолѣтень будеши на земли и со царицею своею. А мы, смиреннии, безпрестани должны есмы Бога молити и пречистую Богородицу, и всѣх святыхъ о твоем богохранимом царствѣ».

И отпускаеть его, яко ангель Божий Гедеона на царей мадиамскихъ и яко Самсонъ кроткаго Давида на силнаго исполина Голияда,* и дает ему вмѣсто видимаго оружия невидимое оружие — крестъ Христовъ. Благословляет же крестомъ и вооружает брата его, благороднаго князя Владимера, и всѣх благовѣрныхъ князей и велмож, и великих воевод. Епископи же и попове во дверѣх церковныхъ стояху и благословляху все христоролюбивое воинство, и святою водою кропляху. И благословени быша от святителей вся воя от мала и до велика.

Царь же князь великий приемлет святителское благословение, яко от вышняго десницы Вседержителевы, вкупѣ же с нимъ — храбрство и мужество Александра, царя Макидонскаго. И всѣм святителем мир давь, и всему безчисленому множеству великому народу московскому на четыре страны до земли поклонися, и веля имъ о себѣ во церквах и особ по домом своимъ прилѣжно Бога молить и постъ держати по силе своей з *женами* своими и з дѣтми.

О ПОШЕСТВИИ НА КАЗАНЬ ЦАРЯ И ВЕЛИКАГО КНЯЗЯ
И О ПРИШЕСТВИИ КРЫМСКАГО ЦАРЯ НА РУСКИЯ ПРЕДЕЛЫ,
И О ПРОГНАНИИ ЕГО. ГЛАВА 55

И повелѣвает привести к себѣ великий конь свой, и всѣдает нань, глаголетъ пророческое слово: «Ревнуия поревновах по Господѣ Бозѣ вседержители».

Всѣдают же на своя кони силныя вси князи и воеводы, и храбрые воины. И сѣдше, скоро, яко высокопарныи орлы, полѣтевше из очию безчис-

О БЛАГОСЛОВЕНИИ МИТРОПОЛИТОМ ЦАРЯ И ВЕЛИКОГО КНЯЗЯ
И ВСЕГО ЕГО ВОИНСТВА И О ПРЕДСКАЗАНИИ ЕГО О КАЗАНИ.
ГЛАВА 54

После же молитвы своей благоверный царь-самодержец благословляется отцом своим — преосвященным митрополитом Макарием и прочими епископами. Святейший же митрополит Макарий благословил самодержца животворящим крестом, и кропил его святою водой, и молитвою вооружил, и дал наказ победить.

И говорит он ему на ухо пророчество: «О пресветлый царь и предобрый пастырь, отдавай душу свою за словесных овец своих, которых Бог поручил тебе пасти. Горячо заботишься ты о Боге своем и хочешь, не медля, пострадать за благочестие. И всемогущий Бог молитвами пречистой своей матери подаст тебе ныне помощь и окончательное одоление супостатов твоих: возвратишься ты на свой престол Российского царства с победою, здоров и радостен, со всем своим христолюбивым воинством. И будешь много лет жить на земле с царицею своею. А мы, смиренные, непрестанно должны Бога молить и пречистую Богородицу, и всех святых о твоём Богом хранимом царстве».

И отпускает его, как ангел Божий Гедеона на царей мадиамских и как Самсон кроткого Давида на могучего исполина Голиафа, и дает ему вместо видимого оружия невидимое — крест Христов. Благословляет он крестом и вооружает также и брата его, благородного князя Владимира, и всех благоверных князей, и вельмож, и главных воевод. Епископы же и попы стояли в дверях церкви, и благословляли, и кропили святою водой все христолюбивое воинство. И получили благословение от святителей все воины от мала до велика.

Царь же великий князь принимает святительское благословение, как от десницы небесного Вседержителя, а вместе с ним — храбрость и мужество Александра, царя Македонского. И, отпустив с миром всех святителей, поклонился он до земли на четыре стороны всему бесчисленному множеству великого московского народа и наказал прилежно молить о себе Бога в церквах и, особо, по своим домам и посылно придерживаться поста с женами своими и детьми.

О ВЫХОДЕ НА КАЗАНЬ ЦАРЯ И ВЕЛИКОГО КНЯЗЯ,
И О ПРИХОДЕ К РУССКИМ ГРАНИЦАМ КРЫМСКОГО ЦАРЯ,
И О ИЗГНАНИИ ЕГО. ГЛАВА 55

И повелевает он привести к себе могучего коня своего и, сев на него, произносит пророческие слова: «Ревностный ревнует о Господе Боге вседержителе».

Садятся на своих сильных коней и все князья, и воеводы, и храбрые воины. И, вскочив на коней, вскоре, словно высоко парящие орлы, скрылись с

ленаго множества народа московскаго, борзо идуще и друг друга женуще, и друг друга достизающе: яко на царевъ пиръ позвани царем, радующеся, идяху.

Выѣзжает же царь князь великий из великого своего града столнаго славныя Москвы, лѣта 7060-го месяца в 19 день в первую неделю Петрова поста* въ десятый час дни въ 22-е лѣто от рожения возраста своего. И поиде с Москвы на Коломну. И слыша тамо буюго варвара нечестиваго царя крымскаго Девлет-Кирия пришедша со многими срацныны своими на руския предѣлы, на Тулу,* отай и невѣдомо, яко тать в ноши, и хотя православие поплѣнити.

Яки два лва кровопийца из дубравы искочиста и двѣ огненныя главни, пожигающи и попадающи християнство, аки терние и траву, единомыслено совѣщавшеся на стадо Христово крымский царь с казанским царемъ, яко да каждо ихъ от своих си нападутъ, чаяху бо уже пошедша х Казани московскаго самодержца со всѣми вои рускими. И мнѣвъ себѣ, окаянный, благополучно время изыскавъ исполнити хотѣние свое невозбранно, и нѣкому стати мощно вопреки ему, яко да тѣм смирят и устрашат царя и великого князя того лѣта не воевати на Казань, да соберутся казанцы с крымцы и могут братися с ними. И не попусти имъ Богъ того быти по воли ихъ.

Царь же князь великий, пришед на Коломну, и входитъ в коломенскую церковь соборную пречистыя Богородицы честнаго ея Успения. И повелѣ ту сущему епископу Феодосию со всѣм его соборомъ пѣти молебны. Самъ же приходит ко пречистыя *Богородица* образу, иже была на Дону с преславнымъ и великим княземъ Дмитреемъ,* и тако припадает и молится милосердаго владыку Господа нашего Иисуса Христа и рождышую его Богоматерь со многими слезами и въздыханьми сердечными о пособлении и о помощи, и о побѣдѣ на противныя ему агаряны. И помолився, исходит ис церкви, второе вся благословение от епископа Феодосия и от всего священнаго собора.

И опускает противу царя крымскаго великих воевод своихъ князя Петра Щенятева и князя Ивана Турунтая Пронскаго со иными со многими вои. Они же, шедше, обрѣтоша царя у Тулы града стояща и мало в ту ночь не вземше града, всѣх бо уже градных бойцевъ изби и врата града сломи. Но вечер уже приспѣ, и жены, яко мужи, охрабришася с малыми дѣтцами и врата граду каменнем затвориша.

Царь же очюти пришедших воеводъ московских, и нападе на нь страхъ и трепеть, воставъ и побѣже ношию от града Тулы, и весь наряд свой у града помѣтавше с великим страхом и срамомъ, гоними Божиимъ гнѣвом, и токмо единѣми душами своими и тѣлеса своя носяще, оставльше катарги своя и

глаз бесчисленного множества московского народа; стремительно двигаясь, опережая друг друга и настигая, шли они, радуясь, словно царем позванные на царский пир.

Выезжает же царь великий князь из великого своего стольного города, славной Москвы, в год 7060 (1552) месяца июня в девятнадцатый день, в первую неделю Петрова поста, в десятом часу дня на двадцать втором году своей жизни. И пошел он из Москвы на Коломну. И услышал он там, что тайно, словно вор в ночи, пришел на Русь, к Туле, неистовый варвар — нечестивый царь крымский Давлет-Гирей со многими своими сарацинами, намереваясь пограбить православных.

Словно два льва-кровопийцы, выскочившие из дубравы, или две горящие головни, сжигающие и спаляющие христианство, как терн и траву, порешили единодушно крымский царь с казанским царем, что каждый из них со своей стороны нападет на стадо Христово, ибо надеялись они, что московский самодержец со всеми воинами русскими уже на пути к Казани. И думал окаянный крымский царь, что нашел он благоприятное время, чтобы беспрепятственно исполнить свое желание, ибо некому будет оказать ему сопротивление, и что смирят они тем самым царя и великого князя и устрашат, так что не будет он в этом году брать Казань, а казанцы с крымцами объединятся и смогут сражаться с ним. И не допустил Бог, чтобы было по их желанию.

Царь же великий князь, придя в Коломну, направляется в соборную коломенскую церковь Успения Богородицы. И повелел он находившемуся там епископу Феодосию со всем его собором петь молебны. Сам же подходит к образу пречистой Богородицы, тому, который был на Дону с прославленным великим князем Дмитрием, и припадает к нему, и молит милосердного владыку Господа нашего Иисуса Христа и родившую его Богоматерь со многими слезами и сердечными воздыханиями о пособлении, и о помощи, и о победе над непокорными агарянами. И, помолившись, выходит он из церкви, во второй раз получив благословение — от епископа Феодосия и от всего священного собора.

И посылает он против крымского царя великих своих воевод — князя Петра Щенятева и князя Ивана Пронского Турунтая со многими иными воинами. Они же, отправившись, нашли царя стоящим у города Тулы и едва в ту ночь не взявшим города, ибо перебил он уже всех городских бойцов и проломил городские ворота. Но когда уже приспел вечер, женщины, расхрабравшись, словно мужчины, с малыми детьми заделали городские ворота камнями.

Когда же царь узнал о приходе московских воевод, напал на него страх и трепет, и, свернув лагерь, побежал он ночью в большом испуге от города Тулы, позорно побросав у города все воинское свое снаряжение, гонимый Божьим гневом, едва душу в теле унося, оставив в станах шалаши свои, и

шатры, и велбуды, и колесницы в станѣх, на них же бѣ все стяжание ихъ, сребрено и златое, и ризное, и сосуды. И бѣжаще, исполниша весь путь, мѣтающе различная своя оружия и ризы.

Воеводы же въслѣдъ царя женуше и побѣдиша много силы его, и весь русский плѣн назадъ отплѣниша. Самого же царя прогнаша в поле великое, за Донъ, мало его жива не взяша руками. И мног крымский плѣнъ приведоша во градъ Коломну на увѣрение самодержцу и на показание всему народу. Онъ же прослави Бога о семъ, посрамльшаго лютаго врага его, крымского царя, и возвеселися по седмь дней с веселием великим со всѣми князи и воеводами и воздая побѣдителем почести великия, комуждо по достоянню ихъ. Тѣх же плѣненныхъ крымцевъ повелѣниемъ его живыхъ всѣхъ в рѣку вмѣташа.

О ПОШЕСТВИИ ЦАРЯ И ВЕЛИКОГО КНЯЗЯ С КОЛОМНЫ И О УРЯДСТВѢ ПОЛКОВЪ ЕГО. ГЛАВА 56

Царь же и великий князь не возмается о нечестиваго царя приходе на Русь, ни устрашися от него, ни убояся. И воспять не возвратися от пошествия своего, яко воинъ страшень, но прогнавъ *врага* своего Божиею помощию, и вѣрою Христовою укрѣпляемъ, и надеждою, и подвижанием великим грядяше небоязнено на злыя казанцы, не на силу свою надѣяся великую, но на Бога своего, поминая рекшаго: «Не спасется царь многою силою своею, и исполнѣнъ не спасется множествомъ крѣпости своея».

И прииде с Коломны в славный град Владимир, и препочи в немъ неделю едину, по церквамъ Богу моляся и милостыню нищимъ дая. Из Володимеря же в Муромъ градъ прииде и стояше въ немъ десять дней, собираяся по малу с воинствомъ, ожидая царя Шихалѣя.

По днехъ десятихъ прииде в Муромъ градъ царь Шихалѣй ис предѣла своего, ис Касимова, с нимъ же силы его варваръ 30 000; и два царевячя Астроханския Орды и с нимъ же приидоша ту: Кайбула именемъ, другой же — Дербыш-Алей,* обославшеся царемъ Шигалѣемъ, дающися волею своею в послужение царю великому князю, а с ними татар ихъ дватцать тысящъ. Онъ же радостно прият ихъ и царскими дарованми одаривъ ихъ и мѣстомъ ихъ учини быти под царемъ Шихалѣемъ.

И воздвигнувся из Мурома царь князь великий, собрався со всѣми силами рускими, и изыде на чистое поле великое, и ту благоразумно уряжает полки* и многоискусные воеводы устраяет, и учиняетъ начальники воевъ.

И поставляет воеводъ артоулному полку* надо всѣми благородными юношами: царскаго своего двора князя Дмитрея Никулинскаго и князя Давыда Палетцкаго, и князя Андрея Телятевскаго, поддавъ имъ черкасъ 5000, любоискусныхъ ратоборецъ, и огненныхъ *стрелцовъ* 3000.

шатры, и верблюдов, и колесницы, где была вся их утварь, серебряная и золотая, — одежда и посуда. И бежали они, бросая по пути различное свое оружие и облачение.

Воеводы же гнались за царем, и одержали победу над многими силами его, и вернули всех русских, взятых ими в плен. Самого же царя прогнали в большое поле, за Дон, едва не взяв его живым. И много пленных крымцев привели они в город Коломну, чтобы самодержец уверился в их победе и чтобы показать их всему народу. Он же за это прославил Бога, посрамившего лютого врага его, крымского царя, и в течение семи дней пировал в большом веселье со всеми своими князьями и воеводами, воздавая победителям великие почести — каждому по его заслугам. Пленных же крымцев по его повелению всех живыми побросали в реку.

О ВЫХОДЕ ЦАРЯ И ВЕЛИКОГО КНЯЗЯ ИЗ КОЛОМНЫ И О ПОСТРОЕНИИ ЕГО ПОЛКОВ. ГЛАВА 56

Царь же и великий князь не пришел в смятение из-за прихода на Русь нечестивого царя, не утрастился его и не испугался. И не повернул он назад со своего пути, как пугливый воин, но, с Божьей помощью прогнав врага своего, укрепляемый верою Христовой и надеждой, в высоком порыве бесстрашно шел на злых казанцев, не на силу свою большую надеясь, но на Бога своего, вспоминая сказанное им: «Не спасет царя большое его войско, а исполнина не спасет великая сила его».

И пришел он из Коломны в славный город Владимир и отдыхал в нем одну лишь неделю, молясь по церквам Богу и раздавая милостыню нищим. Из Владимира же пришел он в город Муром и стоял в нем десять дней, собирая понемногу воинство, поджидая царя Шигалея.

Через десять же дней пришел в город Муром царь Шигалей из земли своей, из Касимова, а с ним сила его — тридцать тысяч иноверцев, и два царевича из Астраханской Орды пришли сюда с ним: одного звали Кайбула, другого же Дербыш-Алей, сообщившие через Шигалея царю великому князю, что поступают они по своей воле к нему на службу, а с ними — двадцать тысяч их татар. Он же радостно принял их, одарив царскими дарами, и определил их под начало царя Шигалея.

И, собрав все русские силы, отправился царь великий князь из Мурома, и вышел он в большое чистое поле, и начал там мудро устраивать полки, и искуснейших воевод назначает, и распределяет начальников.

В ертаульном полку ставит он воеводами над всеми благородными юношами: царского своего двора князя Дмитрия Микулинского, и князя Давыда Палецкого, и князя Андрея Телятевского, добавив к ним пять тысяч черкас, искуснейших бойцов, и ружейных стрелков три тысячи.

В преднем же полку начальных воевод устави над своею силою: татарского крымского царевича Тактамыша и царевича шибанского Кудайта, и князя Михайла Воротынского, и князя Василья Оболенскаго Помяса, и князя Богдана Трубецкаго.

В правой руке начальных воеводъ устави: касимовского царя Шигалъя и с ним князя Ивана Мстиславского и князя Юрья Булгакова, и князя Александра Воротынского, и князя Василья Оболенскаго Сребреннаго, князя Андръя Суздальскаго и князя Ивана Куракина.

В матице же велицей начальных воеводъ: самъ благовѣрный царь и с нимъ братъ его — князь Владимир, и князь Иванъ Бѣлской, и князь Александръ Суздальской и, по реклу, Горбатый, и князь Андрѣй Ростовский Красный, и князь Дмитрей Палецкой, и князь Дмитрей Курлятевъ, и князь Семионъ Трубецкой, и князь Федор Куракинъ, и братъ его, князь Петръ Куракинъ же, и князь Юрье Куракинъ, и князь Иван Ногтевъ, и многие князи и боляре.

В лѣвой же руцѣ начальные воеводы: астороханский царевич Кайбула и князь Иванъ Ярославской Пѣнковъ, и князь Иванъ Пронской Турунтай, и князь Юрье Ростовской Темкинъ, и князь Михайло Рѣпнинъ.

Въ сторожевом же полцѣ начальные воеводы: царевичъ Дербыш-Алѣй и князь Петръ Щенятевъ, и князь Андрѣй Курбьской, и князь Юрье Пронской Шемяка, и князь Никита Одоевской.

И с тѣми всѣхъ великихъ воеводъ болѣ 90 — вси князи велици и благородни, и первыи в совѣтахъ царскихъ; под тѣми же иные воеводы, средние и менши. Во всѣхъ же бѣ тогда полцѣхъ руския силы число благородныхъ князей и боляръ, и великихъ воеводъ, и храбрыхъ отроковъ, и крѣпкихъ конникъ, и стрѣлецъ изученыхъ горазно, и силныхъ ратоборецъ, и в твердыи пансыри, и в доспѣхи оболченыхъ — 300 000, и огненныхъ стрелецъ 30 000, в лодьяхъ рати 100 000, и с касимовскимъ царемъ Шигалѣемъ и со царевичи иноязычными силы татарския — служащихъ рускому царству князей и мурзъ, и казаковъ — 60 000; к симъ же и черкасы 10 000, и мордвы 10 000, и нѣмцы, и фряги, и ляховъ* десять же тысячъ; кромѣ обычныхъ вой, конникъ и пѣшцевъ, возящихъ ратнымъ запасы.

И тѣ люди безчислены, якоже о приходе вавилонскаго царя ко Иерусалиму и пророчествова Иеремя: «Отъ яждения бо, — рече, — громовъ колесницъ его и отъ ступания коней и слоновъ его потрясется вся земля».* Сице же и здѣ бысть.

И поиде царь князь великий чистымъ полемъ великимъ х Казани и со многими иноязычными служащими ему: с русью и с татары, и с черкасы, с мордвою и со фряги, и с нѣмцы, и ляхи — в силе велице и тяжце зѣло — тремя пути на колесницахъ и на конѣхъ, четвертымъ же путемъ — рѣками, в лодьяхъ, вода с собою вой ширѣ Казанския земли.

В передовом же полку назначил он главными воеводами над своими воинами: татарского крымского царевича Тохтамыша, и шибанского царевича Кудайта, и князя Михайлу Воротынского, и князя Василия Оболенского Помяса, и князя Богдана Трубецкого.

В правой руке главными воеводами назначил: касимовского царя Шигалея и с ним князя Ивана Мстиславского, и князя Юрия Булгакова, и князя Александра Воротынского, и князя Василия Оболенского Серебряного, князя Андрея Суздальского и князя Ивана Куракина.

В большой же матице главными воеводами были: сам благоверный царь и брат его — князь Владимир, и князь Иван Бельский, и князь Александр Суздальский, по прозвищу Горбатый, и Андрей Ростовский Красный, и князь Дмитрий Палецкий, и князь Дмитрий Курлятев, и князь Семен Трубецкой, и князь Федор Куракин, и брат его князь Петр, тоже Куракин, и князь Юрий Куракин, и князь Иван Ногтев и многие князья и бояре.

В левой же руке главными воеводами были: астраханский царевич Кайбула, и князь Иван Пенков Ярославский, и князь Иван Пронский Турунтай, и князь Юрий Ростовский Темкин, и князь Михайло Репнин.

В сторожевом же полку главные воеводы: царевич Дербыш-Алей, и князь Петр Щенятев, и князь Андрей Курбский, и князь Юрий Пронский Шемяка, и князь Никита Одоевский.

И всех вместе великих воевод было более девяноста, все — знатные и благородные князья, первые на царских советах; им же подчинялись иные воеводы, средние и меньшие. Всего же во всех полках было тогда русской силы — благородных князей, и бояр, и великих воевод, и храбрых отроков, и крепких конников, и хорошо обученных стрелков, и сильных бойцов, облаченных в твердые панцири и доспехи, — триста тысяч, и пищальников — тридцать тысяч; судового войска — сто тысяч; и с касимовским царем Шигалеем, и с царевичами иноязычной татарской силы — служащих русскому царству князей и мурз, и казаков — шестьдесят тысяч; к этим же и черкас — десять тысяч, и мордвы — десять тысяч, и немцев, и фрягов, и ляхов тоже десять тысяч, помимо обычных воинов, конных и пеших, перевозящих снаряжение.

И было тех людей бесчисленное множество, что уподобить можно приходу вавилонского царя к Иерусалиму, о котором пророчествовал Иеремия. «От грохота, — говорит он, —двигающихся колесниц его и топота коней и слонов его потрясается вся земля». Так же и здесь было.

И пошел царь великий князь по большому чистому полю к Казани с русскими и со многими иноязычными воинами, служащими ему: с татарами, и с черкасами, и с мордвой, и с фрягами, с немцами и с ляхами — с огромной и очень грозной силой — тремя путями, на колесницах и на конях, четвертым же путем — реками в ладьях, ведя с собой войско шире Казанской земли.

О ВЕЛИЧЕСТВѢ ПОЛЯ И О НУЖЕ БЕЗВОДНЕ ВОЕМЪ,
И О ПРИШЕСТВИИ ЦАРЯ И ВЕЛИКАГО КНЯЗЯ ВО СВЯЖСКИЙ ГРАД.
ГЛАВА 57

Поле же то великое зѣло велико, конца мало ходячи до дву морь: на востокъ до Хвалимского, а к полудни до Чернаго. На немъ же рустии гради, веси и села мнози стояху древле, и мнози бяху людие живуще в нихъ, имѣюще селение и водворение и за поле Куликово* по Мечю рѣку.* На оной же странѣ рѣки тоя тако же мнози срацыми половцы живяху в вежах своихъ, кочююще в поле том.

Но убо между себе русь и варвари от частых воеваний запусѣша и удалишася от себе, якоже пишут рустии лѣтописцы. Конечнее же от силнаго *Батыя*вѣ плѣнения и от иных по немъ царей все погибе. И бысть поле чисто и нужно. По мѣстом поля того возрасташа дубравы велия, имѣя в себѣ упитѣнны звѣремъ пустынным и всякому скоту полскому многу.

Царь же князь великий преиде часть поля того, прилѣжащую к Казанскимъ улусамъ, пятью недѣлями до новаго Свяжского города. И тяжекъ явился ему путь той и всему воинству его: от конскихъ бо ног взимаему пѣску, и не бѣ видѣти солнца и небеси, и всего войска идущаго. И печаль велика все воинство обдержаше.

Мнози же человецы изомроша от солнечнаго жара и от жажды водныя, исхоша бо вся дѣбри и блата, и малыя рѣки полскія не тѣкоша путемъ своим, но развие мало воды в великихъ рѣкахъ обрѣташеся и во глубокихъ омутѣхъ, но и то и сосудами, и корцы, и котлы, и пригорщами в часъ единый досуха исчерпаху, друг друга бьюще и угнѣтающе, и задавляюще, ни отецъ сына жалующе, ни сынъ отца, ни братъ брата. Инии же росу лизаху и тако жажду свою с нужею утоляху.

И пришед во градъ Свяжский, пребысть в немъ стоя неделю, опочивая и отдыхая от великаго путнаго шествія и от горѣннѣя солнѣчнаго, и от многія тѣплоты лѣтнѣя, сожидаяся со многими вои.

Казанцы же, свѣдавше приходъ самого царя и пожгоша посады своя, и впряташася со вѣсми статки своими во градъ. И собравшимъ же ся воемъ рускимъ до единаго человека ис поля онаго великаго, тако же и прежде посланная рать в лодияхъ вся прииде, цѣла и здрава, прежде его. И мало отдохнувшимъ самѣмъ и конемъ изопочившемъ.

О НЕОБЪЯТНОСТИ СТЕПИ, И О НЕХВАТКЕ ВОДЫ ДЛЯ ВОИНОВ, И О ПРИХОДЕ ЦАРЯ И ВЕЛИКОГО КНЯЗЯ В СВЯЖСК.

ГЛАВА 57

Степь же та — большая-пребольшая: края ее едва не доходят до двух морей — на востоке до Хвалисского, а на юге — до Черного. В давние времена стояло по ней множество русских городов, сел и деревень, и жило в них множество людей, селившихся и обосновавшихся даже за Куликовым полем по Мечу-реке. На другой же стороне той реки жили в вежах своих многочисленные сарацины-половцы, кочующие по тому полю.

Но разорили друг друга частыми войнами русские и варвары и удалились друг от друга, как пишут русские летописцы. Окончательно же все погибло от страшного Батыева нашествия и от иных царей, бывших после него. И была теперь степь пустынная и труднопроходимая. Местами по той степи и разрослись большие дубравы, дававшие пищу диким зверям и разнообразной живности, обитавшей в степи.

Царь же великий князь прошел часть той степи, прилежащую к казанским улусам, до нового Свяжского города за пять недель. И тяжким оказался тот путь для него и всего его воинства: от конских ног поднимался песок, так что не видно было ни солнца, ни неба, ни самого движущегося войска. И охватила все воинство глубокая печаль.

Много же людей поумирало от солнечного жара и от безводья, ибо все овраги и болота пересохли и не текли обычным путем небольшие степные речки, лишь в больших реках и глубоких омутах сохранилось немного воды, но и ту за один час досуха вычерпали: кто сосудами, кто ковшами, кто котлами, а кто и пригоршнями, отталкивая друг друга, побивая и давя, не жалея ни отец сына, ни сын отца, ни брат брата. Другие же лизали росу и таким образом с трудом утоляли жажду.

Придя же в Свяжск, простоял там царь неделю, опочивая и отдыхая от долгого пути, и от солнцепека, и от сильного летнего тепла, поджидая многих воинов.

Казанцы же, узнав о приходе самого царя, пожгли свои посады и укрылись со всем своим имуществом в городе. И собрались все русские воины с того большого поля до единого человека, пришла прежде царя и вся посланная вперед в ладьях рать, цела и невредима. И отдохнули немного и сами они и их кони.

ПОВЕЛѢНІЕ ЦАРЯ И ВЕЛИКАГО КНЯЗЯ ВОЕВОДАМЪ
ПЕРЕВОЗИТИСЯ ВОЛГУ И О БРАНИ С КАЗАНЦЫ НА ВСТРѢЧЕ.
ГЛАВА 58

И тогда пѣвъ молебны многи царь князь великий и повелѣвает артоульному полку перевозитися Волгу в ратоборных лодиях, и на то учиненныя, в пансырѣх и доспѣхех одѣявшимся, за ним же и преднему полку ити — *царевичем с татараы*, крѣпко уготовльшимся. Также и самъ царь князь великий уготовися и в калантырь облекся* предо всѣми, яко гигантъ, и златый шеломъ возложив на главу свою, и препоясая брани своя мечемъ. Также и вси воеводы его и полкочначалницы, и вся вой одѣваются в крѣпкия доспѣхи и утвержаются бронями и шеломы наготово, и приемлют в руке свои копия и щиты, и мечи, и луки, и стрѣлы. И почаша превозитися всѣ полцы великую рѣку Волгу от Свяжска града с нагорныя страны на луговую месяца августа въ 15 день.

И слышав казанскій царь Едегер Касаевичъ воевъ русских перевозящихся рѣку, изыде из Казани на великий лугъ свой, к Волге, стрѣтением со избранными бойцы казанскими, с пятьюдесятью тысящами. И рачинив полки своя по берегу рѣки тоя, и сам ставъ против артаула и предняго полка, и всея болшья матицы, в ней же и сам царь князь великий идяще, хотя пострашити русских вой и берега не дати перевозящимся, яко да воспрѣтит имъ.

И сразишася на три часы от обоихъ полковъ, бьющеся на великом лузѣ Царевѣ, у Гостина острова. И преже воспушают казанцы артаулнаго полка и прочь отбиваютъ от берега. И удержа, и укрѣпи его передовой полкъ, ускоривъ придвинутися ко берегу.

И возопиша царевичи, воеводы предняго полка своего, всей силе варварской, укрѣпляюще и понуждающе ихъ, яко да не слабѣют. И паки бывает брань не худа и мрачна, вооружаются яростию, и великъ шумъ на высоту взимается. И мнози от обою страну падоша, аки цвѣты прекраснии, зане овѣмъ бѣ дѣло стройно братися на суши и на водѣ, и единъ удержаваше сто, а два тысящу; овем же не угодно на водѣ и скробно, и тѣсне в сюдѣ же. Но Богъ есть *помогаей* всѣм, надѣющимся на нь и *Той* может искони воду на сушию преложити.

И по мале часѣ облия казанцевъ округ руское воинство, правая рука и лѣвая, и вспящаются от огненаго стрѣляния, сотрени быша. И побѣжа царь казанскій во град не путем и со всею силою своею, не могуще долго стояти и нимало держати руси, еже не дати берега, видяху изнеможение вой своих, а русских вой храбрѣство и мужество. И превозахуся рустии полцы по седмь дней, не бояхуся казанцевъ.

О ПОВЕЛЕНИИ ЦАРЯ И ВЕЛИКОГО КНЯЗЯ ВОЕВОДАМ
ПЕРЕПРАВЛЯТЬСЯ ЧЕРЕЗ ВОЛГУ И О БИТВЕ С КАЗАНЦАМИ.
ГЛАВА 58

И тогда, отпев много молебнов, повелевает царь великий князь ертаульному полку переправляться через Волгу в боевых ладьях, специально для этого приготовленных, одевшись в панцири и доспехи, за ними же приготовиться идти передовому полку — царевичам с татарами. Также и сам царь великий князь приготовился и в калантырь пред всеми облекся, словно исполин, и золотой шлем возложил на голову свою, и препоясался мечом своим. Также и все воеводы его, и полководцы, и все воины одеваются в крепкие доспехи, и наглухо закрываются бронями и шлемами, и берут в руки копья, и щиты, и мечи, и луки, и стрелы. И начали переправляться все полки через великую реку Волгу от Свияжска с нагорной стороны на луговую месяца августа в пятнадцатый день.

И когда услышал казанский царь Едигер Касаевич, что русские воины переправляются через реку, вышел он навстречу им из Казани на большой свой луг, к Волге, с пятьюдесятью тысячами избранных казанских бойцов. И расставил он полки свои по берегу той реки, а сам встал напротив ертаульного и передового полков и всей большой матицы, в которой шел сам царь великий князь, желая устрашить русских воинов и не дать переправляющимся выйти на берег.

И сошлись оба полка на три часа, сражаясь на большом Царевом лугу, у Гостиной острова. И прежде всего впускают казанцы на берег ертаульный полк и отбивают его прочь от берега. И удержал его, и укрепил передовой полк, поспешив придвинуться к берегу.

И закричали царевичи, воеводы передового полка, всей силе варварской, подбадривая их и понуждая, чтобы не слабели. И вновь начинается брань немалая и мрачная: вооружаются бойцы яростью, и высоко поднимается страшный шум битвы. И многие с обеих сторон падали, словно цветы прекрасные, ибо лишь некоторым удавалось стройно биться и на суше и на воде, так что один удерживал сто, а два — тысячу; другим же тяжело было, и неудобно, и тесно сражаться на воде, в судах. Но помогает Бог всем, надеющимся на него, и может он искони превращать воду в сушу.

И вскоре обтекло казанцев русское воинство, правая рука и левая, и бросились казанцы вспять от ружейной стрельбы, и были стерты русскими. И побежал царь казанский к городу, не разбирая дороги, со всем своим войском, не в состоянии дольше стоять и сдерживать русских, не пуская их на берег, видя изнеможение своих воинов и храбрость и мужество русских бойцов. И целых семь дней переправлялись русские полки, не боясь казанцев.

О ПРИХОДѢ ЦАРЯ И ВЕЛИКОГО КНЯЗЯ Х КАЗАНИ
И О КОЛИЧЕСТВѢ СИЛЫ ЕГО, И О РАСМОТРЕНИИ,
И О КРѢПОСТИ ГРАДА КАЗАНСКАГО. ГЛАВА 59

Самъ же царь князь великий превезеса Волгу августа въ 17 день в веселии сердца своего, по чисту пути пришед. И подступи близ самого града Казани, и ста на Арскомъ поле со всею матицею великою* прямо граду за версту едину,* противу троих вратъ арскихъ. И повелѣ себе одѣлати градцемъ,* да не убиенъ будетъ ис пушки. Полком же раздѣли врата и приступные мѣста, коемуждо ихъ, противу коего мѣста стояти и со излазящими из града с казанцы битися.

И постави правыя руки полкъ царя Шигалѣя противу дву Нагайских вратъ, и передовой полкъ, царевичев с татары, за Булаком, противъ двоих же вратъ Елбугинных и Кѣбековых, а яртоулной полкъ — за Булаком же, против Муралиевых вратъ; а лѣвыя руки полкъ — за рѣкою Казанью, противъ вратъ Водяных; а сторожевой полкъ — за Казанью же рѣкою, противъ Царевых вратъ.*

И облегоша вои руския градъ Казань. И бѣ видѣти многия силы, аки море волнуется около Казани или вешняя великая вода по лугомъ разлилася. Все же вои: избрании оружници и копейщики, и тулоносцы, и доброконники, — и вси на Казань дыхающе дерзостию брани и гнѣвом, аки огнемъ, и блещахуса оболчении оружии на *храбрыхъ оружницѣхъ*, яко пламень, рекъше, аки солнце, зракъ челоуѣкомъ изимающе, и аки звѣзды, на главахъ свѣтяхуса златыя шелома и щиты, и копия в рукахъ зряхуса.

И сущия во граде Казани возмущахуса от страха. И како кто не убоится сицевых полковъ, хотя бы храбры были — казанцы или древния оны исполины, но и тии бы в себѣ почюдилися или усумнилися толику собранию челоуѣчу.

И не хуже Антиоха явленого, егда прииде Иерусалимъ плѣнити.* Но онъ невѣренъ и поганъ и хотя законъ жидовский потребити и церковь Божию осквернити и разорити. Сей же вѣрный на невѣрныя и за беззаконие к нему, и за злодѣяние ихъ *прииде* погубити ихъ.

И наполни всю землю Казанскую воями своими, конники и пѣшцы. И покрышася ратню его поля и горы, и подолиа, и разлѣтѣшася, аки птицы, по всей земли той, и воеваху, и плѣняху, всюду невозбранно ходяще на вся страны около Казани и до конецъ ея. И быша убиения велика челоуѣческая, и кровми пролияся варварская земля и область, блата, и дебри, езера и рѣки намостишася черемскими костями.

Земля бо бѣ Казанская рѣками и езеры, и блаты велми наводнена. За согрѣшения же к Богу казанских людей лѣта того ни едина капля дожда с небеси на землю не паде. От солнечнаго бо жара непроходныя тѣ мѣста —

О ПРИХОДЕ ЦАРЯ И ВЕЛИКОГО КНЯЗЯ К КАЗАНИ,
И О ВЕЛИЧИНЕ ЕГО ВОЙСКА, И О КРЕПОСТИ ГОРОДА КАЗАНИ,
И ОБ ОСМОТРЕ ЕГО. ГЛАВА 59

Сам же царь великий князь переправился через Волгу августа в семнадцатый день, с веселым сердцем пройдя по чистому пути. И подошел он близко к самому городу Казани и стал на Арском поле со всею большою матицей прямо против города, за одну версту напротив трех арских ворот. И повелел он защитить себя оградой, дабы не быть убиту из пушки, и разделил он между полками ворота и места для штурма — кому из них против какого места стоять и с выезжающими из города казанцами биться.

И поставил он полк правой руки во главе с царем Шигалеем напротив двух Ногайских ворот; а передовой полк царевичей с татарами — за Булаком, напротив двух ворот Елбугиных и Кебековых; а ертаульный полк — тоже за Булаком, напротив Муралиевых ворот; а полк левой руки — за рекой Казанью, напротив Водяных ворот; а сторожевой полк — за Казанью же рекой, напротив Царских ворот.

И окружили русские воины город Казань. И напоминало большое их войско море, волнующееся около Казани, или большую вешнюю воду, разлившуюся по лугам. Все же воины: избранные стрелки, и копьеносцы, и тулоносцы, и добрые конники, — все, словно огнем, дышали на Казань боевой дерзостью и гневом, и блистало оружие на храбрых воинах, как пламя, иначе сказать — как солнце, слепя людям глаза, и, словно звезды, сверкали золотые шлемы на головах их и щиты, и видны были копыя в руках.

И от страха пришли в смятение все находившиеся в городе. Да и кто не испугается таких полков, хотя бы и из храбрых людей — будь то казанцы или древние воины-богатыри? Но даже и те бы про себя подивились или пришли бы в изумление, увидев такое скопление людей.

И был он не хуже самого Антиоха, когда пришел тот покорить Иерусалим. Но тот был неверным и поганым и хотел истребить жидовский закон и осквернить и разорить церковь Божию. Этот же — правоверный — на неверных пришел погубить их за беззакония их, чинимые ему, и за злодеяния.

И наполнил он всю Казанскую землю воинами своими, конными и пешими. И покрыли ратники его и поля, и горы, и долины, и разлетелись они, словно птицы, по всей той земле, и разоряли ее, и забирали в плен жителей, беспрепятственно ходя везде, во все стороны от Казани до самых ее окраин. И много было убито людей, и залита была кровью варварская земля, болота же и овраги, озера и реки вымощены были черемисскими костями.

Наводнена ведь Казанская земля многими реками, и озерами, и болотами. За согрешения же казанцев перед Богом ни одна капля дождя не упала в том году с неба на землю. От солнечного жара непроходимые те места —

дебри и блата, и рѣки вся преисхоша. И полцы же рустии по всей земли непроходными тѣми пути безнужно ѣздяху, который любо камо хотяше, и стада скоть пред ихъ гоняху.

Царь же князь великий, *облѣгшии* Казань и объѣхавъ около города, и смотряше стѣнныя высоты и мѣсть приступныхъ. И видѣвъ, дивяся необычной красотѣ стѣнъ и крѣпости градной. Преже бо приходил бѣ в зимнѣе время, того дѣля не разсмотрев града гораздо, каковъ есть.

Прилѣжитъ бо к нему с востока поле, зовомое Арское, велико и красно, по нему же течеть под градъ Казань рѣка. На том же поле изливается езеро, Кабань имянуемо, от града за три версты, и рыбу многу имѣющу в себѣ на пищу человеком, из него же изтѣкает Булакъ рѣка, в Казань рѣку под градомъ втѣкает, грязна велми и топна, а не зѣло глубока. С полудни же града, от Булака и до Волги, красный луг Царевъ на семь верстъ продолжается, травою многою зеленыя и цвѣты красяся.

Град же Казань зѣло крѣпок, велми, и стоитъ на мѣсте высоце промеж двою рѣк, Казани и Булака, и сограждень въ 7 стѣнъ в велицех и толстыхъ древесѣх дубовыхъ. Въ стѣнахъ же сыпано внутрь хрящъ и пѣсок, и мелкое каменье. Толщина же градная от рѣкъ, от Казани и от Булака, трех сажень, и тѣ бо мѣста ратнымъ неприступны. И вода, двема рѣкама быстро со обою страну градъ обтекши, и во едину рѣку у стѣны града слияся, еже есть Казань, *и та рѣка в Волгу поиде*, двѣма устьи, за три версты выше града — по рѣце же той градъ словет Казань. Яко крѣпкими стѣнами, водами вокругъ обведенъ бѣ градъ той, токмо со единыя страны града, с поля Арского, приступъ малъ. И туда стѣна градная была толстотою седмь сажень, и прекопана около ея стремнина велиа глубока.

И от сего казанцы немалу себѣ притяжаша крѣпость и ничесоже бояхуся, аще и вси царства околния, соединшешя, востанутъ и подвигнутся на нихъ, крѣпокъ бо бѣ градъ ихъ. Крѣпчайше же града сами бяху, *умѣние* велико имущи ратоватися во бранѣхъ. И не побѣждени бываху ни от книхъ же, и мало таковыхъ людей мужественыхъ и злыхъ во всей вселѣнней обрѣташешя.

О ПОСЛАНИИ С ЛЮБОВИЮ ЦАРЯ И ВЕЛИКАГО КНЯЗЯ КО ЦАРЮ КАЗАНСКОМУ. ГЛАВА 60

И посылаетъ царь князь великий послы своя ко царю Казанскому во второй день прихода своего, подѣхавъ ко стѣнамъ, глаголати вѣрное слово свое с любовью, и ко всѣмъ казанскимъ своимъ велможамъ — болшимъ же не многимъ живымъ оставльшимся от царя Шигалѣя, и в тѣхъ мѣсто быша новыя — и вкупѣ спроста ко всѣмъ казанскимъ людямъ.

«Помилуй себе, — глаголя, — казанский царю, и убойся мене, видя и плѣнение земли своея, и погубление многихъ людей своихъ, и предай ми ся

овраги, и болота, и реки — все пересохли. И разъезжали беспрепятственно русские полки по всей земле непроходимыми теми путями, кто куда хотел, гоня перед собой стада скота.

Царь же великий князь, окружив Казань и объехав вокруг города, осмотрел высоту стен и места, подходящие для приступа. И, осмотрев все, подивился он необычной красоте стен и крепости города. Прежде ведь приходил он в зимнее время, поэтому и не рассмотрел хорошенько города, каков он есть.

Прилегает к нему с востока поле, называемое Арским, большое и красивое, по которому течет под город Казань-река. На том же поле, за три версты от города, разлилось озеро, именуемое Кабан, имеющее в себе много рыбы на пропитание людям, из которого вытекает река Булак и под городом впадает в реку Казань, весьма грязная и топкая, но не очень глубокая. С юга же от города, между Булаком и Волгою, на семь верст простирается прекрасный луг Царев, зеленея густой травой и цветами красуясь.

Город же Казань очень-очень крепок: стоит он на высоком месте между двух рек, Казани и Булака, и огражден семью стенами из длинных и толстых дубовых бревен. Промежутки же между стенами засыпаны хрящом, и песком, и мелким камнем. Толщина стен со стороны рек Казани и Булака достигает трех саженей, и места эти неприступны. И, быстро двумя реками обтекши город с обеих сторон, сливаются воды у стен города в одну реку — Казань, и та река двумя устьями впадает в Волгу за три версты выше города — по реке той и назван город Казанью. Словно крепкими стенами, окружен был водами город тот, только с одной стороны — со стороны Арского поля, было небольшое место для приступа. Но в том месте городская стена была толщиною в семь саженей, и возле нее был выкопан глубокий ров.

Поэтому и обрели казанцы немалую силу и ничего не боялись, хотя бы и все окрестные царства, соединившись, поднялись и выступили против них, ибо крепок был их город. Но еще крепче, чем город их, были они сами, ибо хорошо владели искусством боя. И никем не были они побеждаемы, и трудно было отыскать таких мужественных и злых людей во всей вселенной!

О ПОСЛАНИИ ЦАРЕМ И ВЕЛИКИМ КНЯЗЕМ С ЛЮБОВИЮ ПОСЛОВ К КАЗАНСКОМУ ЦАРЮ. ГЛАВА 60

И посылает царь великий князь послов своих к казанскому царю на второй день после своего прихода, чтобы, подъехав к стенам, с любовью передали они верное его слово всем казанским его вельможам — знатных-то немного осталось в живых после царя Шигалея, вместо них были новые — и всем жителям Казани.

«Пожалей себя, — говорил он, — казанский царь, устранись меня, видя разорение земли своей и гибель многих своих людей, сдайся мне добро-

самоволно, и служи ми вѣрно, якоже и прочии царие служатъ ми, и буди ми яко братъ и яко вѣренъ друг, а не яко раб и слуга, и царствуя будеши на Казани от мене и до смерти своея.

Такоже и вси людие казанцы, помыслите в себѣ и пощадите живот свой, и предайте ми град вашъ доброволно, по любви и без брани, и без пролития крови вашея же и нашея. И приложитесь к нашему царству, и присягайте нам, яко и преже, ничесоже боящихся от мене, ни страха и муща, и прошу вы всея прежняя ми от вас злобы и напасти великия, еже сотвористе отцу моему и мнѣ по нем. Милость и честь великую от мене примите и от горкия смерти скорыя нынѣ избавитесь, и мнѣ будите любимии друзи и вѣрныя слуги.

И дамъ вам лготу великую по вашей любви жити в воли своей, по вашему обычаю, и закона вашего, и вѣры не отъиму от вас, и от земли вашея вас никуда по моим землям не развѣду, егоже вы боитесь. И токмо оставлю у вас двух или трех воевод моих, а самъ прочь пойду. А сами вы лучше вѣсте, и аще не хотите ми повинутися, ни служити и под моею областью быти, и в моем имени, и вы той град вашъ празденъ оставите и землю свою со всѣми людми своими, и здравы разыдитесь на всѣ четыре части земли, в кою любо страну хотите и з женами своими, и з дѣтми, и со всѣм вашим имѣнием, и без боязни и без страха от мене будете, и не угибнет от вас ни единъ влас главы вашея от вой моихъ.

Во истинней бо правдѣ и на велику ползу вам глаголю, милующи вас и брегущи, не кровопийца бо есмь аз, ни сыроядец, яко же вы есте, погании бусорманы, и не рад кровопролития вашего, но за великую неправду вашу послан Богом, придох оружием показнити васъ. И аще же глаголь моих не послушаете, то Бога моего помощию имам град ваш на щит взяти, вас же всѣх без милости и жены ваша, и дѣти под меч подклонити. И падете же и поперетесь, яко прах, под ногами нашими.

И не мнитесь, яко играюща мя или пострашающа васъ, или яко всеу глаголюща, не имам бо отступити от вас ни до десяти лѣт, не вземше града, его же бо ради самъ придох аз, не верующи моимъ посылаемым мною царемъ и княземъ и воеводамъ».

Не хотяше бо царь князь великий, да пролиется кровь ихъ без ума и без опасения его к нимъ от него, но хотяше самъ преже собою исправить и смирение явити имъ по заповѣди Спасовѣ, яко «Всяк возносяйся, смирится, смиряяи же себе вознесется».

О СТРАСѢ КАЗАНСКОГО ЦАРЯ И ОТВѢТ ЖЕСТОКИЙ КАЗАНЦЕВЪ КО ЦАРЮ И ВЕЛИКОМУ КНЯЗЮ. ГЛАВА 61

Царь же казанский слышав сладостная и грозная словеса московского самодержца и устрашися зѣло, и убоясь, и хотяше отворити град и волею предатися, но не можаше добром умолити и ни страхом грозя препрѣти

вольно, и верно служи мне, как служат мне прочие цари, и будь мне братом и верным другом, а не рабом и слугою, тогда посажен будешь ты мною царствовать в Казани до самой своей смерти.

Также и вы все, казанцы, одумайтесь, и пощадите жизнь свою, и сдайте мне город ваш добровольно, по любви и без боя и без пролития крови — вашей и нашей. Присоединитесь к нашему царству и присягайте нам, как и прежде, без страха, ничего не опасаясь, и прошу вам все прежние злые дела и тяжелые напасти, которые терпел от вас и отец мой, и сам я после него. Получите вы от меня помилование и почести великие, и избавитесь теперь от горькой скорой смерти, и будете мне любимыми друзьями и верными слугами.

И дам я вам за вашу любовь большую льготу — жить по своей воле, по вашему обычаю, и законов и веры вашей не лишу вас, и из земли вашей никуда не разведу вас по моим землям, чего вы боитесь. И только оставлю у вас двух или трех воевод моих, а сам пойду прочь. Вы же сами лучше знаете, как вам быть, и если не захотите повиноваться мне, и служить, и быть под моею властью, под именем моим, тогда оставьте пустым этот город ваш и землю вашу и со всеми людьми невредимыми разойдитесь на все четыре стороны, в какую хотите страну, с женами своими и детьми и со всем вашим имуществом, без боязни и без страха, и не упадет с головы вашей ни один волос от воинов моих.

Говорю вам истинную правду для вашей же пользы, щадя вас и оберегая, ибо не кровопийца я и не сыроядец, как вы, поганые басурмане, и не рад я пролитию вашей крови, но за великую неправду вашу пришел я, посланный Богом, оружием наказать вас. И если не послушаете слов моих, то с помощью Бога моего возьму город ваш на щит, вас же всех, и жен ваших, и детей без пощады склоню под меч. И падете вы и будете, как пыль, попераны нашими ногами.

И не думайте, что шучу я, или стращаю вас, или попусту говорю вам это: не намерен я отступить от вас и до десяти лет, пока не возьму город, ради которого сам пришел я, не доверяя посылаемым мною царям, и князьям, и воеводам».

Не хотел ведь царь великий князь, чтобы кровь их проливалась бессмысленно и без его предупреждения к ним, но хотел сам сначала показать им свое смирение по заповеди Спасовой: «Всякий возносящийся смирится, смиряющийся же вознесется».

О СТРАХЕ КАЗАНСКОГО ЦАРЯ И О ЖЕСТОКОМ ОТВЕТЕ КАЗАНЦЕВ ЦАРЮ И ВЕЛИКОМУ КНЯЗЮ. ГЛАВА 61

Царь же казанский, услышав сладостные и грозные слова московского самодержца, сильно устранился, и испугался, и хотел отворить город и добровольно сдаться, но не смог он умолить и переубедить казанцев ни добром, ни

казанцевъ, не взя бо власти великия над ними, якоже царь Шигалѣй, но яко новъ сый и еще обычая в них не вѣдаша.

И не послушаху казанцы совѣта добраго царева и не внимаху словесем его. Онъ же и вонъ прошашеся из града изытти с пришедшими своими, да волею к самодержцу приѣхавъ и милость от него получит. И не выпустиша его. И во всем болши царя слушаху князя Чапкуна и покоряхуся ему, яко царю.

Пословъ же самодержцевых отбиша от града з бесчестиемъ, лаявше жестокими словесы. И гордостию, и величанием возносящеся, и врежающе и раздражающе сердце его, глаголюще: «Да вѣдая буди, царю московский, тако глаголетъ тебѣ царь и казанцы всѣ: да помремъ вкупѣ до единого и з женами нашими, и з чады здѣ за законы и вѣру, и обычаи отецъ своих во отечествѣ наша земли, в нейже родихомся, и во граде нашем, в немже воспитаномся и нынѣ живемъ, и в нем же царствуютъ царие, кинми владѣют улановѣ и князи, и мурзы. Тебѣ же и тако сущу и богату, и много имущу градовъ и землей. У нас же единъ столный градъ Казань, и той хочещи взяти у нас и, пришед, яко силенъ намъ бывъ.

И не мысли, ни надѣяся, лестию грозя, царства нашего взяти. Уже бо познахомъ лукавствие ваше и не имамы тебѣ никако же волею града нашего предати, и до смерти всѣх нас. И не видѣти бы намъ того, ни слышати, чтобы рускими твоими людми, свинойдцы погаными, населенъ и обладаемъ столный град нашъ Казань, и добрыя наши законы вашими нагами попираемы и посмѣхаемы, и новыи обычаи руския в нем бываемы».

СКАЗАНИЕ ВОЛХВОВ О ЦАРЕВЕ СНѢ И О СЕИТОВЕ И О СТРАСЕ ЦАРЯ И КАЗАНЦЕВЪ, И О ВЫЕЗЖАЮЩИХ ИЗ ГРАДА БИТИСЯ С РУСИЮ. ГЛАВА 62

В первую же ночь, егда х Казани прииде царь и великий князь и град обляже, видѣ сонъ страшень сам про себе казанской царь, легшю ему с печали мало уснути, яко взыде с востока месяцъ мал и тѣмен, худ и мраченъ, и ста над Казанью. Другий же месяцъ, аки от запада взыде, зѣло пресвѣтел и велик велми, и пришед над градъ, ста выше темнаго месяца. Темный же месяцъ пред свѣтлым побѣгованъ и потрясашеся. Великий же месяцъ долго стоявъ и, яко крилатъ, полѣте от мѣста своего и, догнавъ, удари собою темнаго месяца и яко поглотивъ себе и прият, и той в нем просвѣтися. Великий же месяцъ свѣтлый пусти из себе, аки свѣзды, искры огненныя долу с небеси во градъ и сожже вся люди казанския. И паки ста над градом великий месяцъ и боле возросте, и паче перваго сияше неизреченным свѣтом, аки солнце.

страшными угрозами, ибо не приобрел еще над ними большой власти, как царь Шигалей, но был новичком и не знал еще обычаев их.

И не послушали казанцы доброго царского совета и не вняли словам его. Он же просился у них один уйти из города с пришедшими с ним людьми, чтобы, по своей воле приехав к самодержцу, снискать у него прощения. И не выпустили его. И во всем больше царя слушались они князя Чапкуна и подчинялись ему, как царю.

Послов же самодержца с позором прогнали они от города, облаяв их жестокими словами. И, вознесясь в гордости своей и высокомерии, рая и раздражая сердце его, говорили они так: «Узнай же, царь московский, что отвечает тебе царь и все казанцы: лучше умрем мы все до единого с женами нашими и с детьми за законы, и веру, и обычаи отцов своих здесь, в отечестве нашем, в котором родились, и в городе нашем, в котором выросли и живем теперь, и в котором царствуют цари, которыми управляют уланы, и князья, и мурзы! Ты же и так богат и много имеешь городов и земель, а у нас один только стольный город Казань, и тот, придя на нас, хочешь ты у нас отобрать, почувствовав свою силу над нами

Не мечтай же и не надейся, обманывая нас угрозами, что возьмешь царство наше. Уже ведь познали мы лукавство ваше и не хотим ни за что по доброй воле сдать город наш, пока все не умрем. И не видеть бы нам и не слышать того, что русскими твоими людьми, погаными свинойдцами, населен и управляем стольный город наш Казань, и добрые наши законы вашими ногами попораны и осмеяны, и установлены в нем русские обычаи».

О ТОЛКОВАНИИ ВОЛХВАМИ СНОВ ЦАРЯ И СЕИТА, И О СТРАХЕ ЦАРЯ И КАЗАНЦЕВ, И О ВЫЕЗЖАЮЩИХ ИЗ ГОРОДА БИТЬСЯ С РУССКИМИ. ГЛАВА 62

В первую же ночь, когда царь и великий князь пришел к Казани и окружил город, увидел страшный сон сам про себя казанский царь, когда лег он в печали немного поспать: будто бы взошел с востока месяц, мал и темен, тонок и мрачен, и встал над Казанью. Другой же месяц будто бы взошел с запада, очень светлый и огромный, и, подойдя к городу, встал выше темного месяца. Темный же месяц перед светлым задрожал и пустился в бегство. Большой месяц долго стоял, потом, словно крылатый, полетел от своего места, и, догнав, ударил темный месяц, и, как будто проглотив его, принял в себя, и тот в нем засветился. Большой же светлый месяц выпустил из себя с неба вниз, на город, огненные искры, подобные звездам, и сжег всех казанцев. И вновь повис над городом большой месяц, и еще больше вырос он, и ярче прежнего сиял неописуемым светом, словно солнце.

В ту же ночь сеить казанский сонъ же видѣ,* яко стѣкошася мнози стада великия многообразных звѣрей и лють рыкающе: лвовѣ же и пардуси, и медвѣди, и волцы, и рыси. И наполнишася ими лугове и поля вся казанская. Противъ же их истѣкоша из града невеликия стада — единошерстныя звѣри волцы, выюще. И начаша ѣстися и битися, падоша, со многоразличными тѣми звѣрми. И в час единъ вся истекше из града, от лютых тыхъ звѣрей изъядени быша.

Сеить же наутрие прихавъ ко царю и сказа ему сонъ свой, а царь свой сон сеиту повѣда, и дивишася о снѣх своихъ. И созва к себѣ царь вся велможи казанския и премудрыя волхвы и повѣдаша имъ оба сна своя царь же и сеить. Властѣли же казанския всѣ умолкнуша и ни единъ же ихъ отвѣта не даде.

Волхвы же явѣ царю оба сна сказаша и разсудиша предо всѣми велможами: «Темный бо мѣсец, худый, ты еси, царю, а свѣтлый мѣсяць — московский царь князь великий, от него же ты ять будеши и в плѣн сведенъ. А многоразличныя звѣрие толкуются языцы мнози, руская сила, а единошерстни волцы — то есть казанцы единовѣрнии, и стражутъ за едино царство едиными главами своими, и подвизаются нелестно собою за ся. А еже изѣдоша сѣрых пестрыя звѣрие — то одолѣетъ нынѣ русь казанцевъ. И болши сего не вопрошай нас о семъ ничтоже. И аще сего не хоцещи, то увѣщай вскорѣ казанцев чтобы смиритися с нимъ, еже и преже глаголахом *им* много до призыванія твоего к нимъ да и сами бы живи были и царства своего не губить».

Еще же царь и вси велможи ужасахуся и трепетаху и сокрушахуся сердца своими, но обаче мятахуся мыслию и не внимаху реченным ихъ и царю воли не даяху ни в чемъ же, и мудрых своихъ волхвовъ не слушаху, надѣющеся на пошедших своихъ пословъ, что послани звати нагайскихъ срацынъ в поможе-ние имъ.

И бияхуся с русию, выѣзжая по семь дней, не дадаху руси ко граду приступовъ чинити. Рустей же силе велице суще и всегда казанцев прогоняху, биюще: на одинаго бо казанца сто русинов, а на два двѣсте. Ждуще же казанцы к себѣ на помощь нагайския силы и не возмогоша казанцы, еже бы не дати руси ко граду приступити.

О ПОВѢЖЕНИИ ЧЕРЕМИСЫ. ГЛАВА 63

Но злѣ преднихъ, градскихъ, созади выѣзжаху из остроговъ лѣсных и стужаше полкомъ рускимъ черемиса, належаше на станы, возмущающим имъ в нощи и в день убивающе, и от вой хватающе живых, и стада конская отгоняюще. И напущающем на них воемъ руским, они же убѣгаху от нихъ в чащи лесныя и в горския стрѣмнины и стояху в крѣпяхъ тѣхъ, избываху.

В ту же ночь видел сон и казанский сеит: будто бы стекались многочисленные стаи разнообразных зверей, свирепо рычащих: львов, и гепардов, и медведей, и волков, и рысей. И наполнились ими все луга и поля казанские. Навстречу же им выскакивали из города небольшие стада одношерстных зверей — волков воющих. И когда начали они грызться и бороться с различными теми зверями, то все пали. И в один час выбежали все из города, ибо были изъедены лютыми теми зверями.

Сеит же наутро приехал к царю и рассказал ему свой сон, а царь свой сон поведал сеиту, и подивились они о снах своих. И созвал царь к себе всех казанских вельмож и премудрых волхвов, и поведали им царь и сеит оба свои сна. Правители же казанские умолкли все, и ни один из них не дал ответа.

Волхвы же ясно растолковали и объяснили оба сна царю и всем вельможам: «Темный месяц, плохой, — это ты, царь, а светлый месяц — московский царь великий князь, которым будешь ты схвачен и сведен в плен. А различные звери толкуются как многие народы, русская сила, а одношерстные волки — это казанцы единоверные, и расплачиваются они за свое царство своими же головами, и заботятся они воистину сами о себе. А то, что съели серых пестрые звери, означает, что одолеют ныне русские казанцев. И больше ни о чем нас не спрашивай. И если не хочешь ты этого, уговори поскорее казанцев помириться с ним, о чем и прежде мы им много говорили, до призвания твоего сюда, дабы и сами они остались живы и царства своего не погубили».

И хотя царь и все вельможи пришли в ужас, и затрепетали, и сокрушались сердцем, но помутился у них разум, и не вняли они сказанному ими, и ни в чем не дали воли царю, и мудрых своих волхвов не послушали, надеясь на послов своих, отправившихся звать на помощь ногайских сарацин.

И бились они с русскими, выезжая в течение семи дней из города, не позволяя русским делать приступов. Силы же у русских были большие, и всегда они, сражаясь, прогоняли казанцев, ибо на одного казанца приходилось сто русских, а на двух — двести. И пока дожидались казанцы помощи от ногаев, обессилели они и уже не в состоянии были помешать русским штурмовать город.

О ПОБЕДЕ НАД ЧЕРЕМИСОЙ. ГЛАВА 63

Но больше чем горожане, досаждала русским полкам, нападая с тыла, черемиса, выезжавшая из лесных острогов: обрушивались они на станы, ночью приводя русских в смятение, а днем убивая их, и хватая воинов живыми, и угоняя конские стада. Когда же нападали на них русские воины, те убегали от них в лесные чащи и горные ущелья и, прячась в тех недоступных местах, спасались.

И в печали бысть о том царь князь великий и воеводы его всѣ, понеже бо доходити ихъ великою нужею. Но, яко праведенъ вѣрою несумѣнною, на Бога уповая, посла и на тѣхъ воеводъ своихъ: князя Александра Суздальскаго Горбатого да князя Андрѣя Курбскаго со множествомъ вой. Они же идоша три дни со труды жестокими пути до мѣстъ ихъ и обшедше вокругъ дебри и стрѣмнины, и горы прямоходу к полудню и, обшедши, обступиша всюду крѣпи черемиския.

И постиже ихъ ночь. Онѣмъ же не вѣдущемъ сихъ, отъ преднихъ полковъ бѣжавшимъ и намчашася на заднихъ. И побѣдиша ихъ скоро, и остроги ихъ раскопаша и пожгоша, и воеводъ черемисскихъ пять взяша живыхъ и съ ними пятьсотъ добрыхъ черемисиновъ приведоша, и жены ихъ, и дѣти плѣниша, и сами воеводы здравы приидоша. И черемиса преста выѣзжати изъ лѣсовъ.

Оставиша бо тѣхъ казанцы 15000 конниковъ ходити подъ вои рускими, а 10000 на Волзе в судѣхъ. И отъ тѣхъ судовыхъ никоея же пакости бысть рускимъ воемъ, ходящимъ в ладияхъ и воюющимъ села казанскія, стоящія по брегомъ рѣкъ: тии бо токмо покушахуся напасти на запасныя ладии и не можаху, острогомъ бо крѣпкимъ и великимъ вся ладии обведены по берегу Волги, и стрѣжаху ихъ два воеводы со стрѣлцы огненными и со многими вои отъ околныхъ черемисы, паче да не изгономъ нападутъ и смятутся вои. А отъ лодейныхъ черемисы не брѣжахуся, не умѣютъ бо битися съ русью на водѣ.

И по тѣхъ реченныхъ воеводахъ прииде изъ войны князь Симионъ и прочии воеводы, воевавшие землю Казанскую и единомъ пошествиемъ взявшие в десяти днѣхъ тридцать остроговъ великихъ же и малыхъ, в нихъ же збѣгшеся черемиса во время рати и отбывающеся, избываху. И много в нихъ черемисы и зъ женами ихъ и зъ дѣтми избиша и всякого ихъ рухла и скота взяша безъ числа. И не бысть падения воемъ рускимъ ни у единого града, ни у острога, но сами крѣпкия остроги отверзаху и предавахуся, ни лука напрязающе, ни стрѣлы пущающе, ни камене мѣтающе, но развѣ у перваго острога великаго три дни постояша вои, но безъ падения же людскаго.

Той бо острогъ старый, Арескъ зовомъ,* здѣланъ, аки градъ твердъ, и зъ башнями, и зъ бойницами, и людей живетъ в немъ много, и брегутъ велми. И не бѣ възиманъ ни отъ коихъ же ратей никако же. Стоитъ же отъ Казани 60 верстъ в мѣстехъ зѣло крѣпкихъ и в непроходимыхъ дебрехъ, и в болотахъ, и единѣмъ путемъ к нему приити и отыти.

Великий же воевода князь Симионъ видѣ, яко не взяти его просто, понеже много есть в немъ людей, бойцевъ единѣхъ 15000, и прикативъ пушки и пищали к нему, и нача бити. Князи же арскіе и вся черемиса, сѣдящая в немъ, возопиша и врата отверзоша, и руки подаша, Богу бо в сердца ихъ страхъ

И был царь великий князь и все воеводы его из-за этого в печали, ибо очень трудно было добраться до них. Но, уподобившись искренне верующему праведнику и положась на Бога, послал он на них своих воевод: князя Александра Суздальского Горбатого и князя Андрея Курбского со множеством воинов. И пробирались они с большим трудом три дня по плохим дорогам до мест, где обитала черемиса, а затем, двигаясь на юг, обошли кругом овраги те, стремнины и горы и таким образом окружили со всех сторон черемисские укрепления.

И застигла их ночь. Те же, не зная, что окружены, побежали от передовых полков и наскочили на тех, что были позади. И вскоре победили их русские, остроги их разрушили и пожгли, и взяли живыми пятерых черемисских воевод, а с ними привели пятьсот добрых черемисинов и жен их, и детей взяли в плен, сами же воеводы здоровы возвратились назад. И перестала черемиса выезжать из лесов.

Пятнадцать тысяч конников черемисских оставили казанцы для нападения на русских воинов и десять тысяч на Волге, в судах. Но от этой судовой черемисы не было русским воинам, ходившим в ладьях разорять казанские села, стоящие по берегам реки, никаких неприятностей: те лишь пытались нападать на запасные ладьи, но безуспешно, ибо были окружены все ладьи по берегу Волги крепким и большим острогом, и двое воевод с пищальниками и многими воинами охраняли их от окрестной черемисы, опасаясь нового внезапного ее нападения и смятения в рядах своих воинов. А судовой черемисы не остерегались, ибо не умеет она воевать с русскими на воде.

И после тех упомянутых воевод пришел из похода князь Семен с другими воеводами, разорявшими казанские земли и за один поход в течение десяти дней взявшими тридцать острогов, больших и малых, в которые убегала черемиса во время боя и, отсиживаясь там, спасалась. И много в них перебили черемисы с женами их и детьми, и захватили бесчисленное множество всяких пожитков их и скота. И не потерпели поражения воины русские ни у одного города, ни у одного острога: крепкие остроги сами открывались перед ними и сдавались им — ни луков не приходилось натягивать, ни стрел пускать, ни камней метать, разве что у первого большого острога три дня постояли воины, но и здесь без потери людей.

Острог тот старый, называемый Арским, построен словно укрепленный город: и с башнями, и с бойницами, и людей живет в нем много, и хорошо его охраняют. И не был он ни разу взят — ни в одном бою. Стоит же он от Казани в шестидесяти верстах в труднодоступных местах — непроходимых оврагах и болотах, и можно лишь одним путем подойти к нему и вернуться назад.

Главный же воевода, князь Семен, понял, что не взять его без усилий, поскольку много в нем людей — одних бойцов пятнадцать тысяч, и, прикатив к нему пушки и пищали, начал бить по острогу. Князя же арские и вся черемиса, сидящая в нем, возопили и отворили ворота и руки им протянули,

вложившу, и ратию русь ихъ плѣниша. И приведоша князей арскихъ 12 и воевод черемискихъ семь, и земскихъ людей лутчихъ избравше, сотниковъ и старѣйшинъ, триста, и всѣхъ до 5000 человекъ.

Царь же князь великий возрадовася зѣло и благодаряше Бога, и воевод почиташе, и воя своя похваляя. И плѣнныхъ до времени брещи повелѣ, и ко граду приводити многожды, и глаголати царю и казанцем, дабы безъ крови предатися ему. Они же плѣнныхъ своихъ плача и моления не послушаху. И сихъ плѣнениемъ велми прегорко сердца прерѣза казанцевъ, князь же Симионъ в страхъ великъ вложи ихъ.

Также и рускаго плѣна множество приведе, инии же собою убѣгаху изъ всѣхъ казанскихъ улусовъ в станы руския, якоже не брегоми никимъ же. Царь же князь великий повелѣ весь плѣнъ собирати в станы своя и держаше на многи дни в шатрѣхъ своихъ, пищею и одеждами всѣмъ довольно учрежаше, якоже отецъ чадолюбивый чадъ своихъ веселяше. И в Рускую землю в лодьяхъ своихъ отсылаше ихъ до Василя-города и восвояси оттуду ихъ разпушаше.

Нужницы же они видѣша к нимъ таковое милосердие и благоутробие его, яко от плѣнения ихъ свободы и таковой покой и утишие имъ подаде, о семъ миловании его многи слезы и моления ко Господу о немъ всылаху, со слезами глаголюще: «О премилостивый Господи Иисусе Христе, Боже нашъ, услыши насъ, молящихся пресвятому имени твоему! Помилуй, Господи, и спаси, и сохрани раба твоего, христоролюбиваго благовѣрнаго царя нашего и все его христоролюбивое воинство, и даруй ему одолѣние на противныя его, и виждь его благое милосердие, еже к намъ, нищимъ, и ко плѣненнымъ людямъ показа. И ты, Господи, воздай же ему милость свою за насъ, убогихъ и нищихъ, в семъ вѣцѣ и в будущемъ».

О ПЕЧАЛИ КАЗАНЦОВ И О ПОСЛАННЫХЪ ИХЪ ПОСЛѢХЪ, ХОДИВШИХЪ ПО ЛЮДИ В НАГАИ. ГЛАВА 64

Царь же и казанцы, яко увѣдѣвше остроговъ своихъ взятыхъ и многихъ в нихъ побѣжденныхъ и плѣненныхъ и царя и великаго князя великою яростию и лютостию, яко лва в ловитвѣ своей, прещениемъ рыкающе на нихъ и милости своя не хотяше имъ подати за великую ихъ к нему обиду и неправду, и лесть, аще не зѣло крѣпко смирятся с нимъ и вѣрно предадутся ему, и в недоумѣнии бысть царь и казанцы всѣ, зане покоритися ему не хотяху и не смѣяху. Противитися ему не можаху, понеже бѣ мало во градѣ собранія людей, развѣ 40000 оружие носящихъ, силныхъ бойцевъ и всѣхъ до пятидесяти тысячъ с несилными, и яко не имутъ уже оманути его лжами, ни лестию прелстити, понеже бо гораздно познаша лесть ихъ и лукавство и вси искусившася.

И уже смотряху и ожидаху себѣ казанцы конечныя погибели и не надѣющася ни от коея же орды помощи себѣ *прियाи*, дальняго *ради* от нихъ

ибо Бог вложил страх в сердца их. И взяли их в плен русские. И привели они двенадцать арских князей, и семь черемисских воевод, и лучших земских людей, отобрав триста сотников и старейшин; всех же до пяти тысяч человек.

Царь же великий князь очень обрадовался, и возблагодарил Бога, и воздал почести воеводам, и всех своих воинов похвалил. Пленных же до времени повелел беречь и много раз приводить к городу, чтобы они призывали царя и казанцев сдаться ему без пролития крови. Те же плачу и молениям пленных своих не внимали. И прегорько ранило сердца казанцев пленение их, князь же Семен привел их в сильный страх.

Также привел он с собой и многочисленных русских пленников, иные же сами убегали из казанских улусов в русские станы, ибо никто не стерег их. Царь же князь великий повелел всех пленных собирать в свои станы, и держал он их долгое время в шатрах своих, раздавая им пищу и одежду, словно отец чадолюбивый детей своих веселя. И в Русскую землю отослал их в ладьях своих до Василя-города, и оттуда распустил их по своим землям.

Страдальцы же те, видя к себе такое милосердие и расположение его — что освободил он их от плена и такой покой и утешение дал им, много слез и молений к Господу о нем воссылали за эту заботу его, говоря со слезами так: «О премилостивый Господь Иисус Христос, Бог наш, услышь нас, молящихся пресвятому имени твоему! Помилуй, Господь, спаси и сохрани раба твоего, христоролюбивого благоверного царя нашего, и все его христоролюбивое воинство, и даруй ему победу над врагами его, и увидь его благое милосердие, которое проявил он к нам, нищим пленникам. Воздай же ему, Господи, милостью своей за нас, убогих и нищих, в этой жизни и в будущей!»

О ПЕЧАЛИ КАЗАНЦЕВ И ОБ ОТПРАВЛЕННЫХ ИМИ ПОСЛАХ, ХОДИВШИХ ЗА ЛЮДЬМИ К НОГАЯМ. ГЛАВА 64

Царь же и казанцы, узнав, что остроги их взяты и многие, находившиеся в них, побеждены и взяты в плен, а царь и великий князь, словно лев, вышедший на охоту, в сильной ярости свирепо бросается на них, угрожая им и не желая помиловать их за нанесенную ему обиду, за их обман и лицемерие, если по-настоящему не помирятся они с ним и истинно не покорятся ему, — зная все это, пребывали в недоумении, ибо покориться ему не хотели и не осмеливались. Противиться же ему царь и все казанцы не могли, поскольку мало в городе было людей — всего лишь сорок тысяч держащих оружие крепких бойцов, а вместе со слабыми — до пятидесяти тысяч, и еще потому, что уже не могли они обмануть его лживыми словами, ни хитростью прельстить, ибо хорошо узнал он хитрость их и лукавство и во всем был искушен.

И уже предвидели и поджидали казанцы окончательную свою погибель и не надеялись ни из какой орды получить помощь из-за большой дальности от

разстояния землям. И печаль с тоскою тѣмъ наливашеся горкаго пития, и чаша сѣтованія имъ исполняема и растворяема унынием и скорбию, ея же не мощно бѣше како минути или гдѣ уклонитися.

Посылаху бо в Нагаи того лѣта послы своя до прихода руския силы с великими дары к мурзамъ, да возмут наемъ на люди своя, елико хотят, и послют к нимъ на помощь и помогутъ имъ, егда бѣ имъ нужда воемъ.

Началницы же нагайския, мурзы, дары взяша у пословъ, а воевь своихъ не пустиша к нимъ, глаголяще: «Не смѣемъ к вамъ пустити на московского царя вой наших, многожды бо пушавшимъ намъ, и вси у вас от руси умираху, и ни единъ когда от вас возвратися живъ. И Богъ не попускаетъ намъ за истинную любовь к намъ московского самодержца, и нѣсть намъ лѣзъ стати по вас братися с ними, всегда намъ велико добро от него восприемлющим, в мирѣ и любви живущимъ с нимъ, но паче готовимся и спомогати ему на вас, на лукавыхъ и невѣрныхъ челоувѣкъ. Вы бо всегда не по правде своей обидите его, но и клятву свою многожды преступающе, в сосѣдехъ ему живуще. И убози суще, и худы, а такому царю силну и велику хочете одолѣти лукавствомъ вашимъ, а не силою своею, да всякое одолѣние будетъ от него, неже одолѣти ему, *аще* и добромъ не смиритесь с нимъ, предавшеся ему».

Казанския же послы, пришедше из Нагаи, хотѣша во градъ прокрастися сквозѣ руския полки, стражие же изымаша и приведоша в станъ к самодержцу. Онъ же грамоты ихъ прочеть и отпусти ихъ в Казань живыхъ, и не сотвори имъ зла никоего. Они же удивишася незлобию его.

И пришедше, и вдаша грамоты царю и казанцемъ, и рѣчи сказаша имъ нагайскихъ мурзѣ. Сами же собравшеся до трехъ тысячъ с племянемъ своимъ и з женами и з дѣтми, и со служащими имъ и ношию избѣгоша из Казани в руския полки на имя самодержцево. По нимъ же и инни мнози выбѣгаху людие, доколѣ града не затвориша, угадывающе по всему не отстоятися от взятія, и от самодержца милость получиша.

О БОЮ ПРЕСТАВЪШЕМЪ И ВО ОСАДѢ СѢДШИХЪ КАЗАНЦЕВЪ, И О РАЗГНѢВАНІИ ВЕЛИКАГО КНЯЗЯ НА КАЗАНЦЕВЪ. ГЛАВА 65

Казанцы же разумѣвше от пословъ своихъ и от того часа престаша битися с русью, выѣзжая из града, искусиша бо стремление ихъ и храбрѣство, и затворишася во граде, и сѣдоша во осаде, надѣющесе на крѣпость града своего и на многне свои кормовыи запасы.

И пять тысячъ с собою затвориша нудма иноземскихъ купцевъ: бухар и шамах, и турчанъ, и армень, и инѣхъ; не испустиша ихъ из града до прихода силы руския ити во страны своя, турчанъ и армень, вѣдаху тѣхъ огненому бою гораздыхъ и принужаху ихъ битися с русью. Онемъ же не хотящимъ и

них тех земель. И наливалось им горькое питье — печаль с тоскою — и чаша их была наполнена несчастьями, и растворены в ней были уныние и скорбь, и никак невозможно было миновать этой чаши или уклониться от нее.

Посылали они в том году, еще до прихода русской силы, своих послов к ногаям с богатыми дарами для мурз, чтобы те взяли с них любую плату за найм воинов, какую сами захотят, и послали бы их к ним на помощь, и помогли бы им, поскольку была у них нужда в воинах.

Начальники же ногайские, мурзы, дары у послов взяли, а воинов своих к ним не отпустили, говоря так: «Не смеем мы отпустить к вам наших воинов против московского царя, ибо много раз, когда отпускали мы их, все они у вас погибали от русских, и ни один не вернулся от вас живым. Да и Бог не позволяет нам этого сделать за истинную любовь к нам московского самодержца: нельзя нам вместе с вами воевать против него, ибо всегда мы от него много добра получали, живя с ним в мире и любви; более того, собираемся мы помогать ему против вас, лукавых и неверных людей. Вы ведь, живя с ним по соседству, всегда несправедливо обижали его, много раз преступая свою клятву. И убоги вы и бедны, а такого сильного и великого царя хотите одолеть не силой, а хитростью, но будете вы сами побеждены им, нежели одолеете его, если добром не помириться с ним, предавшись ему».

Казанские же послы, придя от ногаев, хотели сквозь русские полки прокрасться в город, но дозорные схватили их и привели в стан к самодержцу. Он же грамоты их прочитал, и отпустил их живыми в Казань, и не причинил им никакого зла. Они же удивились незлобности его.

И, придя в город, передали они грамоты царю и казанцам и пересказали им речи ногайских мурз. Сами же собрались — тысячи три с родственниками своими, с женами, детьми и слугами — и ночью убежали из Казани в русские полки на имя самодержца. После них и многие другие люди убежали из города, пока его не заперли, ибо по всему догадывались, что не отстоять его от взятия, и получили помилование от самодержца.

О ПРЕКРАЩЕНИИ БОЯ, И О ЗАТВОРИВШИХСЯ В ГОРОДЕ КАЗАНЦАХ, И О ГНЕВЕ ВЕЛИКОГО КНЯЗЯ НА КАЗАНЦЕВ. ГЛАВА 65

Казанцы же, выслушав послов своих, все поняли и с того часа перестали выезжать из города и биться с русскими, ибо познали стремительность их и храбрость, и затворились в городе, и сидели осажденные, надеясь на крепость своего города и на большие запасы еды.

И вместе с собой заперли они насильно пять тысяч иноземных купцов: бухарцев, шемаханцев, турок, армян и других; до прихода русских сил не выпустили они их из города, чтобы вернулись те в свои страны, ибо знали, что турки и армяне искусны в огневом бою, и принуждали их биться с русскими.

отрицающимся, аки неумьющим дѣла того. И приковываху их желѣзы к пушкам и со обнаженными мечи стояху над главами ихъ и смертию имъ претяху. И тако их принудиша неволею ис пушек бити по руским полкомъ. Они же лестно худо бняху и не улучаху, аки не умѣюще, и ядра чрез воя препущаху или не допушаху, и едва кого убиваху во взятие казанское. Царь же князь великий за се подаде им милость — живых всѣх отпустив во отечествия ихъ.

И отложиша казанцы надежду свою ото всѣх, и во убитых мѣсто и избѣжавших из града прибираху высокорослыя жены и дѣвицы силния и тѣми число наполняху и множаху, и учаху их копейному бою их и стрелбѣ, и битися со стѣны, и воскладаху на них пансыри и доспѣхи. Они же, яко юноши, бняхуся дерзостно. Но страшливо естество женское и мякко сердце их кровавым ранамъ и нетерпѣливо, аще и варварско.

И начаша казанцы крѣпити град и застѣниша всѣ врата граду каменiemъ и землею, и запрошася со всѣми людьми во градѣ. Пушки же и пищали, и воевод крѣпких изготовиша с приступных мѣстѣ град стрещи, и да вѣдает каждо их воевода свою страну и крѣпцѣ блюдет, и вся да устраяет и готовит, еже довлѣет на ратную потребу, мнящи тако отстоятися, яко и прежде сего избываху многажды.

Царь же князь великий, видѣвъ казанцев непреклонных къ милости его и поносящих ему, и гордящихся, и о смирении его не внимающих, и на брань готовляющихся, и гнѣва многа наполнися, и яростию великою разжеся, и прежде бывшее милосердие свое к нимъ на гнѣвъ претворяет. И осуди во острожѣхъ взятую черемису всю на смерть — до 7000 человекъ: инѣх около града на колья посади, а инѣмъ стремѣглавъ за едину ногу повѣшати, а инѣх за выя, а инѣх же оружиемъ убити на устрашение казанцем, да видѣвше злогоркую ту смерть своих и убоятся, и град здадут ему, и смирятся. Черемиса же умирающи кленяху казанцевъ: «Дабы вамъ по нас та же горкая смерть приняти и женам вашимъ, и дѣтемъ».

И повелѣ царь князь великий ополчитися воемъ и ко граду приступати, и всякия хитрости и замышления бранемъ творити на взятие града: и чинить *грады* приступныя и многия туры великия, и насыпати землю, и болший наряд стѣнобитный готовити. И здѣланным бывшим вскорѣ многимъ туром и всему наряду огненому уготовленну, и повелѣ грады тыя и туры великия, и пушки блиско прикатити ко стѣнамъ граднымъ, а иныя ставити по Казани рѣке, по берегу, и по-за Булаку, и по рвомъ около града, и бити по стенам граднымъ со всѣх странъ из великих пушекъ, ядра имѣющимъ в колѣно человеку и в пояс, и паче же из огненных пищалей болших многих, и из луков тмочисленных стреляти внутрь града день и ночь. И самъ яздыше

Те же не хотели и отказывались, как будто не умели этого делать. И приковывали их железными цепями к пушкам, и стояли возле них, держа над головами у них обнаженные мечи и угрожая им смертью. И таким образом принудили их против их воли бить из пушек по русским полкам. Они же нарочно плохо стреляли и не попадали в цель, как будто не умели стрелять, и ядра у них то перелетали через воинов, то не долетали до них, так что мало кого убивали они во время взятия Казани. За это царь великий князь помиловал их — всех живыми отпустил по своим странам.

И оставили казанцы надежду получить от кого-либо помощь, и на место убитых и сбежавших из города подбирали они рослых женщин и сильных девиц, и пополняли ими свои ряды, и обучали их копейному бою, и стрельбе, и биться со стены, и надевали на них панцири и доспехи. Те же, словно юноши, бились отважно. Но пугливо женское естество, и сердца у них, хоть и варварские, мягкие, не выдерживали вида кровавых ран.

И начали казанцы укреплять город, и заложили все городские ворота камнями и землею, и заперлись со всеми людьми в городе. А в доступных для штурма местах поставили они охранять город надежных воевод с пушками и пищалами, чтобы каждый воевода наблюдал за своей стороной, и крепко ее стерег, и устраивал, и приготавливал все необходимое для ведения боя, и надеялись они таким образом выстоять, как и до этого спасались они много раз.

Царь же великий князь, видя, что казанцы непреклонны к его увещаниям, и поносят его, и гордятся, и не хотят мириться с ним, и готовятся к бою, преисполнился сильным гневом, и разжегся великою яростью, и прежнее свое милосердие к ним обратил в гнев. И осудил он на смерть всю взятую в острогах черемису — до семи тысяч человек: одних около города посадили на колья, других подвесили вниз головой за одну ногу, некоторых — за шею, а иных застрелили на устрашение казанцам, чтобы те, увидев злогорькую смерть своих людей, испугались и сдали ему город и смирились. Черемиса же, умирая, проклинала казанцев: «Чтобы вам после нас принять такую же горькую смерть, и женам вашим, и детям!»

И повелел царь великий князь вооружиться воинам, и подступать к городу, и сооружать разные боевые приспособления и устройства для взятия города: ставить предназначенные для штурма городки и многочисленные большие туры, насыпать их землей и готовить большой стенобитный наряд. И когда вскоре построены были многочисленные туры и приготовлен весь огневой наряд, повелел он городки те, и большие туры, и пушки близко подкатить к городским стенам, а другие расставить по Казани-реке по берегу, и за Булаком, и вдоль рвов около города и бить со всех сторон по городским стенам из больших пушек, ядра у которых были высотой по колено и по пояс человеку, кроме того, стрелять день и ночь из многочисленных больших огненных пищалей и из бесчисленных луков

по полком своим нощию и в день, понуживая и поучевая къ приступу вои, дары имъ и почести обѣщевая.

Стѣнобитнии же бойцы и огненныя же стрелцы со тщаниемъ великим и не лентящая повелѣнная имъ творяху и бияху отвсюду по стѣнамъ безпрестани. Также и вси конники и пѣшцы ополчяхуся и ко граду приступаху по вся дни и брани силнии творяху, еже довлѣетъ ратнымъ творити. И покушяхуся силою взыти на стѣны, и не припушяху ихъ казанцы, но крѣпце боряхуся с конники и с пѣшцы. От пушечнаго стрѣляния не можаху стояти на стѣнахъ, но збѣгаху з града и западываху за стѣны, и напрасно из наряду своего не стреляху, но готовъ зарядень держяху, ждуще ко граду великаго приступа всѣхъ русскихъ вой. И егда приступаху ко граду вои вси руския великимъ приступомъ, конники и пѣшцы, и они тогда вси на стѣны вскакаху и бияхуся з града ис пушекъ своихъ и ис пищалей, и из луковъ стреляху, и колѣемъ изоостреннымъ, и камениемъ бросаху, и смолою, и водою кипящею в котлѣхъ на подскакающия *воины блиско* к стѣне возливаху, и брани силнии творяху, и крѣпцы бываху, смерти не боящеся. И елико можаху, и противляхуся, и отгоняху прочь, и отбиваху от града все московское воинство, и мало ихъ побиваху заступлениемъ же все милостиваго Бога нашего.

И от пушечнаго и от пищалнаго гряновения, и от многооружнаго скрежетания и звяцания, и от плача и рыдания градскихъ людей — и жен, и дѣтей — и от великаго кричания, вопля и свистания, и от обоихъ вой ржания и *топота* конскаго, яко велий громъ, и страшень звукъ далече на русскихъ предѣлахъ за 300 верстъ слышашеся, и не бѣ ту слышати лзѣ что друг со другомъ глаголати. И дымный мракъ зелный восхожаше вверхъ и покрываше град и руския вои вся. И ночь, яко ясный день, просвѣщашеся от огня, и невидима бѣше тма ночная, и день лѣтний, яко темная ночь осенная, бѣваше от дымаго воскресения и мрака.

И 12 великими приступы ко граду приступаху вси вои руския, конники и пѣшцы, и по 40 дней бияху в стѣны града день и ночь, и по вся дни притужающе, и не дающи от труда поспати казанцемъ, и многи козни стѣнобитныя замышляющи, и много трудящеся, ово тако и ово инако, и ни успѣша ничимъ же градъ вредити. Но яко великая гора каменная тверда, стояше градъ и неподвижимо, ни откуда же от силнаго биения пушечнаго ни шатався, ни позыбаяся. И не домышляхуся стѣнобитнии бойцы, что сотворить граду.

Глаголание о казани воеводъ к великому князю и моление его к нимъ. Глава 66

Князи же и воеводы московския, также видѣвше неослабление казанцевъ, и стоснувше многажды. И глаголаху самодержцу, егда на думу к нему в

внутри города. И сам объезжал он ночью и днем полки свои, понуждая воинов к приступу и наставляя их, обещая им дары и почести.

Стенобитные же бойцы и пищальники с большим старанием и не ленись исполняли приказанное им и беспрестанно отовсюду били по стенам. Также и все конные и пешие бойцы вооружались и каждый день приступали к городу и вели яростные бои, что и подобает делать воинам. Пытались они и на стены подняться, но не подпускали их казанцы и крепко бились с конными и с пешими. Из-за пушечной стрельбы не могли они стоять на стенах, но сбежали с городских стен и прятались за ними и попусту из своего наряда не стреляли, но держали его наготове заряженным, дожидаясь большого штурма города всеми русскими воинами. И когда подступали к городу все русские воины для большого штурма, конные и пешие, тогда они все вскакивали на стены, и били с них из своих пушек и из пищалей, и стреляли из луков, и бросали в них заостренные колья и камни, и выливали из котлов кипящую смолу и воду на воинов, близко подсакивавших к стене, и завязывали жестокие бои, и крепко стояли, не боясь смерти. И, сколько могли, сопротивлялись они, и отгоняли прочь, и отбивали от города все московское воинство, но немногих убивали благодаря заступничеству все милостивого нашего Бога.

И от пушечных и пищальных залпов, и от скрежета и бряцания многочисленного оружия, и от плача и рыдания горожан — женщин и детей, — и от громких криков, вопля и свиста, и от ржания и топота коней тех и других воинов далеко слышен был по русским пограничным землям, за триста верст, словно сильный гром, страшный шум, и нельзя было тут ничего расслышать, что друг другу говорили. И дымная пелена от пороха поднималась вверх и покрывала город и всех русских воинов. И ночь, словно ясный день, светлела от огня, и не видно было ночной тьмы, а летний день от дымных воскурений и мрака становился подобен темной осенней ночи.

И двенадцать раз подступали к городу все русские воины, конные и пешие, штурмуя его, и в течение сорока дней били по городским стенам день и ночь, ежедневно досажая казанцам, не давая им поспать после ратного труда, замышляя многочисленные стенобитные козни и много трудясь, иногда так, иногда иначе, но ничем не смогли они повредить городу. И стоял он твердо и непоколебимо, словно большая каменная гора, ни в каком месте от сильной пушечной стрельбы не шатаясь, не колеблясь. И не могли придумать стенобитные бойцы, что сделать с городом.

СЛОВО ВОЕВОД К ВЕЛИКОМУ КНЯЗЮ О КАЗАНИ И ЕГО ПРИЗЫВ К НИМ. ГЛАВА 66

Князья же и воеводы московские также видели, что не слабеют казанцы, и сильно затосковали. И говорили они самодержцу, когда поутру съезжа-

станъ приѣзжаху поутру: «Видим, господи царю, яко уже лѣто переходит и осень и зима приближается, а путь намъ с тобою на Русь итти далекъ есть и тяжекъ, а казанцы нимало дѣлом послабляют, но зѣло крѣпце стоят и паче готовятся, а запас кормовой — твой и нашъ — весь по Волзѣ потонулъ, разбившимся ладиямъ от вѣтра. Да на что ся надѣемъ и откуда брашно возьмем на люди своя? А в Казаньской земли во всей нимало обрѣтают кормовъ посылаемыхъ вои наши, всюду бо пусто, повоевана бѣ. Подобно же есть тебѣ нынѣ послушати нас и оставити во градъ Свияжскомъ немногия воя, а от Казани отступити, и на Русь возвратитися со всѣми силами, зане приходит не время, яко да не со всѣми здѣ напрасно голодомъ изомремъ, а оставших живых казанцы избивут». И немного не отведоша от Казани, смутивше ему сердце, но Богъ укрѣпи его, хотя Казань предати ему.

Онъ же рече имъ: «Да кая похвала намъ будетъ, о великия моя воеводы, ото всѣхъ языкъ, стужающихъ намъ! И почто рано страшливи есте, ничесо же мало скорбная приемши? И что рекут намъ врази наши? И кто не посмѣется намъ, часто приходящим и с такимъ тяжкимъ нарядомъ подни-мающимся, и всегда велико дѣло начинающим и не совершающим, ничтоже добра успѣвающим, но токмо труд великъ себѣ доспѣвающим?! И како несмысленни есте рцете ми: себѣ ли ради единого аз тако труждаюся и сице стражду, не общия ли ради ползы мирския? И не ваша ли есть и моя вся держава Руская земля? И над вами аз, единъ токмо имя царское имѣя и вѣнецъ нося, и багряницу, и безсмертен ли есмь? И не трилукотный ли мене ждет гроб, яко всѣхъ человекъ? Но хошу завѣта моего, Богу попущающу ми, и с вами дерзновению на нас поганыхъ воспретити. Или не помните глаголь своих, когда еще в полатѣ моей на Москвѣ совѣтовах с вами, вы же добре ми рекосте: „Дерзай и не бойся! И царствовати с тобою, и умрети готовимся“? И сердце ми тогда возвеселисте, нынѣ же опечалисте.

А о хлѣбе что пецетесь? Не может ли Богъ кормить нас малыми хлѣбы, яко древле иногда от 5 хлѣбовъ 5000 народа иудѣй напита?* Или не искусиста милости Божия, како иногда сѣмо приходящимъ намъ, и мнози наши людие и кони, ядше и пивше воды здѣшния из рѣкъ сих, умираху, долго болѣзнию болѣвше; нынѣ же Богъ услади воды сия, паче меда и млека, и здравие велико воемъ своимъ подаде и конемъ, паче своя земли. И потому мыслим, яко хоцетъ Богъ предати град в руки наши за грѣхи казанцевъ.

И вѣсте сами болѣ мене: кто вѣнчается без труда? Земледѣлец убо тружается с печалию и со слезами, жнетъ бо веселиемъ и радостию; и купецъ такоже оставляетъ домъ, жену и дѣти и преплаваеетъ моря, и переходит в далния земли, ища богатства, и егда обогатѣет и возвратитися, и вся труды от радости забывает и покой приемля з домашними своими. Да то видяще, потерпим мало еще, и узрите славу Божию. И молюся вам, господие мои, к тому по сий час не

лись к нему в стан на совет: «Видим мы, господин царь, что лето уже подходит к концу и приближаются осень и зима, а путь нам с тобою на Русь далек и тяжок, а казанцы нисколько не ослабели, но еще крепче стоят и снова готовятся к бою, а все съестные припасы — твои и наши — потонули в Волге, когда ветром разбило ладьи. На что же мы надеемся и где возьмем пищу для людей своих? Ведь во всей Казанской земле посылаемые нами воины не находят никакого корма, ибо всюду в ней пусто, разорена она. Следует тебе теперь послушать нас и оставить в городе Свияжске немного воинов, а от Казани отступить и со всеми силами возвратиться на Русь, поскольку подходит неблагоприятное время, дабы все мы здесь понапрасну не умерли с голоду, а оставшихся в живых не перебили казанцы». И едва не отвели они его от Казани, смутив ему сердце, но Бог укрепил его, желая предать ему Казань.

И ответил он им: «Как же похвалят нас, о великие мои воеводы, все народы, досаждающие нам! Почему раньше времени стали вы боязливы, еще совсем мало тягот испытав? И что скажут о нас враги наши? И кто не посмеется над нами, часто приходящими сюда и привозящими такой тяжелый наряд и всегда великое дело начинающими, но не совершающими его, ничего доброго сделать не успевающими, только обременяющими себя тяжким трудом?! Говорите вы мне, словно неразумные: для себя ли одного так тружусь я и так страдаю, не общей ли ради пользы мирской? И разве не ваша это и не моя держава — Русская земля? И я, стоящий над вами, единственный, у кого царское имя, венец и багряница — разве бессмертен я? И разве не ждет меня такой же гроб в три локтя, как всякого человека? Но хочу исполнить я завет свой, ибо Бог помогает мне, и вместе с вами положить конец дерзости поганых. Или не помните вы слов своих, когда еще в палате моей, в Москве, советовался с вами и вы хорошо сказали мне: „Дерзай и не бойся! И царствовать с тобой, и умереть готовимся“? И развеселили вы мне тогда сердце, теперь же опечалили.

А о хлебе что печетесь? Разве не сможет Бог прокормить нас малыми хлебами, как некогда в древние времена пятью хлебами напитал он пять тысяч иудеев? Или не распознали вы милость Божию: вспомните, как раньше, когда приходили мы сюда и многие наши люди и кони, поев и попив здешней воды из этих рек, умирали после долгой болезни; теперь же Бог усладил воды эти, сделав их вкуснее меда и молока, и ниспослал он крепкое здоровье воинам нашим и коням, даже лучшее, чем имели они в своей земле. И потому думаем мы, что за грехи казанцев хочет Бог предать город в наши руки.

И знаете вы лучше меня: кто вознаграждается без труда? Земледелец трудится с печалью и со слезами, зато жнет с веселием и радостью; также и купец оставляет дом, жену и детей, и переплывает моря, и доходит до дальних земель, ища богатства; когда же разбогатеет и возвратится, то все труды от радости забывает, обретая покой с домашними своими. Помня об этом, потерпим же еще немного, и узрете вы славу Божию. И потому молю вас, господа

стужайте ми о семь, да умру с вами здѣ, на чюжей земли, а к Москвѣ с поношением и со студомъ не возвращуся! И лутчи есть намъ единою умрети и пострадати кровию за Христа и похвалны быти в роды или побѣдившимъ великая благая приобрѣсти! И да возьмемъ едино: или сладкую чашу с питием, или пролиемъ — или одолѣемъ, или одолѣни будемъ». И поклонихся имъ до земли.

Они же укрѣпишася молениемъ его и учениемъ и сократиша рѣчи своя, да не паче разгнѣваютъ его.

ПОХВАЛА ЦАРЮ ШИГАЛЕЮ И КНЯЗЮ СИМЕОНУ. ГЛАВА 67

Единъ бо царь Шигалей и князь Симеонъ тии самодержца укрѣпляху, втай, наедине, никакоже потачити воеводам, смущающимъ его и обленевающимъ служити, и не отступити от Казани, не вземше град. Онъ же слушаше, аки отца, Шигалея, а князя Симеона, аки брата.

Бѣ бо царь Шигалей в ратномъ дѣле зѣло прехитръ и храбръ,* яко инъ никто же таковъ во всѣхъ царѣхъ, служащихъ самодержцу, и вѣрнейши всѣхъ царей вездѣ и вѣрныхъ нашихъ князей и воеводъ служаше, и нелестно за християны страдаше весь животъ свой до конца. Да никто же мя осудитъ от васъ о семь, яко единовѣрныхъ своихъ похуляюща и поганыхъ же варваръ похваляюща: таковъ бо есть, яко и вси знаютъ его и дивятся мужеству его, и похваляютъ. Той предлежаше крепчае всѣхъ о Казани по старой враждѣ своей на нь и совѣтоваше самодержцу о взятии града непрестанно.

Такоже и прехвалны и превеликий воевода князь Симеонъ вся превзыдѣ воеводы и полкочалники храбростию и твердостию ума своего, и мудрыхъ ради совѣтовъ его любимъ бѣ царю и великому князю. И всѣмъ показася красота и похвала московскимъ воеводам, старымъ же и новымъ, и всѣмъ рускимъ, доброратенъ воевода, побѣдами многими сияя. И мнози русии вои и противнии ратницы видяху его издалеча, егда на брани в полцѣхъ снемшихся, аки огненна всего яздыща на конѣ своемъ, и мечъ, и копие его, аки пламень, метающися на страны и сецающа на противныхъ, и творяше улицы, и коня его *мнѣти*, аки змяя, крылата, летающа выше знаменъ. Противнии же видѣша се и скоро бѣгаху от него вси, не могуще ни мало стояти противу его, страхомъ одержими, и мняще его быти не человека, но аггела Божия или святыхъ нѣкоего поборника рускаго.

Но, о прегоркая смерти злая, не милующа красоты человека, ни храбра мужа щадяща, ни богата почитающа, ни царя, многими владѣющаго, боящися, но вся равно от жития сего поемлющи и в трилакотнемъ гробѣ темнемъ полагаше, и землею засыпаны. И кто можетъ от пресилния твоея крѣпости избѣжати? И гдѣ тогда красота, храбрость и величания — все мимо иде, аки сонъ.

мои: не требуйте этого от меня сейчас, да умру с вами здесь, на чужой земле, а в Москву с поношением и со стыдом не возвращусь! Лучше нам всем вместе умереть, и пострадать кровью за Христа, и прославиться в будущих поколениях или, победив, великие блага приобрести! Так возьмем же сладкую чашу с питием и либо выпьем ее, либо прольем — или одолеем, или будем побеждены!» И поклонился он им до земли.

Они же укрепились словом его и поучением и прекратили речи свои, дабы еще больше не разгневать его.

ПОХВАЛА ЦАРЮ ШИГАЛЕЮ И КНЯЗЮ СЕМЕНУ. ГЛАВА 67

Только царь Шигалей и князь Семен тайно, когда были с ним наедине, поддерживали самодержца, чтобы он не потрафлял воеводам, смущающим его и лентящимся служить, и не отступал бы от Казани, не взяв города. Он же слушался Шигалея, как отца, а князя Семена, как брата.

Был ведь царь Шигалей в ратном деле весьма искусен и храбр, как никто другой среди всех царей, служащих самодержцу, и вернее всех царей и правоверных наших князей и воевод служил он ему, и нелицемерно страдал он за христиан всю свою жизнь до самого конца. Да не осудит меня никто из вас за то, что единоверцев своих хую, а поганых варваров восхваляю: таков он есть на самом деле, и все знают его, и дивятся мужеству его, и восхваляют. Он больше всех беспокоился о Казани по старой вражде своей с нею и непрестанно советовал самодержцу взять город.

Также и достойный похвалы знатнейший воевода князь Семен превзошел всех воевод и полководцев храбростью и твердостью ума и был любим за мудрые советы царем и великим князем. И отличался он, мужественный воевода, среди всех московских воевод, старых и новых, и всех русских воинов красотой и честью, сияя многими победами. И многие русские воины и вражеские бойцы видели издалека, когда сходились во время боя полки, как скачет он, словно огненный, на своем коне, и меч его и копье, словно пламень, во все стороны обрушиваются на врагов и посекают их, пробивая в них улицы, и конь его, казавшийся змеем крылатым, летает выше знамен. Враги же, видя это, вскоре все убегали от него, не в силах устоять против него, одержимые страхом, думая, что он не человек, а ангел Божий или какой-нибудь святой, защитник русских.

Но — прегорькая, злая смерть, ни красоты человеческой не милующая, ни храброго мужа не щадящая, ни богатого не почитающая, ни царя, над многими властвующего, не боящаяся, но всех равно из этой жизни забирающая и в темный гроб кладущая трехлокотный, засыпаемый землей! И кто может избежать крепкой твоей хватки? И куда девается тогда красота, храбрость и слава — все мимо проходит, словно сон.

Въ 7 же лѣто по взятіи казанскомъ, мужественне воевав на ливонскія нѣмцы, и смертную язву оттуду на вые своей принесе, и скончася на Москвѣ въ 50 же лѣто вѣка своего, не достигъ совершенныя старости, оставив самодержцу печаль велику и всѣмъ воеводам на многи дни, понеже ратникъ бѣ велий и мужественнѣ зѣло.

И проводи его до гроба самодержецъ самъ с плачемъ и со слезами. И положенъ бысть во отечествии своемъ, в Никулине, в новосозданной от него церкви каменной. Яко смерти его ради скрашу же рѣчь, и первіе къснуса: жалобость ми душевная и сладкая любви его ко мнѣ глаголати о немъ и до смерти моя понужает.

О ПОСЛАНЫХЪ ЧЕРНОРИЗЦЕХЪ ИЗЪ ОБИТЕЛИ ЖИВОНАЧАЛНЫЯ ТРОИЦЫ СЕРГІЕВА МОНАСТЫРЯ. ГЛАВА 68

И приидоша в то время в Казань два инока, посланы игуменомъ ко благовѣрному царю, и носяще святую икону, на ней же написанъ образъ живоначалныя Троицы и пресвятыя Богородици со двѣма апостолами — видѣние Сергія чудотворца, и просвиру, и воду святую. Царь князь великій с великою радостію святую икону приемлет и прочая и таковая втайне тайно свѣдѣющему Богу моление от сердца приносит. «Слава тебѣ, — глаголаше, — создателю мой, слава тебѣ, яко в сицѣвыхъ в далнихъ странахъ варварскихъ зашедшаго посещаеши мене, грѣшнаго. На сию бо икону твою взираю, яко на самага Бога, и милости и помощи от тебѣ непрестая прошу и всему воинству моему, твой бо есмь азъ рабъ, и вси людие твои — грѣшнии раби твои. Ущедри, Владыко, и помилуй милостиве, и подай же намъ побѣдительная на враги наши».

И на Пречистыя образъ такоже взирая, глаголаше: «О пресвятая госпоже Богородице, помогай намъ ныне, грѣшнымъ рабомъ твоимъ, и моли владыку Христа, Бога нашего, да подастъ намъ побѣду на противныя. И ты убо, преподобне отче Сергіе, великій Христовъ угодниче, ускори ныне на помощь нашу и помогай молитвами си, яко же иногда прадеду нашему на Дону на поганаго Мамая».

И от того дне, во нь же икона прииде, вся благочестивому царю от Господа радость и побѣда даровашеся. И нача недоставати во градъ пушечнаго зелья до толика, яко ни единою стрелити, и прискорбни бывше казанцы до смерти.

О ПРИШЕДШИХЪ ФРЯЗЕХЪ КО ЦАРЮ И ВЕЛИКОМУ КНЯЗЮ. ГЛАВА 69

И се внезапно тогда посла Богъ ко царю-самодержцу, яко аггела своего ко Иисусу Навину разорити стѣны Иерихонскія,* магнитомъ утвержденныя, тако и здѣ приведено выхитренныя мудрецы фрязи иноземца служити ему.

И в седьмой год после взятия Казани, мужественно сражаясь с ливонскими немцами, принес он оттуда на шею своей смертельную рану и скончался в Москве на пятидесятом году своей жизни, не достигнув настоящей старости, оставив самодержца и всех воевод на много дней в большой печали, поскольку был он искусный и очень мужественный воин.

И проводил его до могилы сам самодержец с плачем и со слезами. И был он погребен на своей родине — в Никулине, в им самим построенной новой каменной церкви. Поведав о смерти его, закончу я рассказ и к началу вернусь, однако печаль душевная и нежная любовь его ко мне понуждают меня говорить о нем до самой моей смерти.

О ЧЕРНОРИЗЦАХ, ПОСЛАННЫХ ИЗ ОБИТЕЛИ ЖИВОНАЧАЛЬНОЙ ТРОИЦЫ СЕРГИЕВА МОНАСТЫРЯ. ГЛАВА 68

И пришли в то время в Казань два инока, посланные игуменом к благоверному царю, и принесли святую икону, на которой написан был образ живоначальной Троицы и пресвятой Богородицы с двумя апостолами — видение Сергия-чудотворца, и просфору, и святую воду. Царь же великий князь с большой радостью принимает святую икону и прочее и мысленно произносит из глубины своего сердца моление к Богу, которому ведомо все тайное. «Слава тебе, — говорил он, — создатель мой, слава тебе за то, что посещаешь меня, грешного, зашедшего в эти дальние варварские страны. Ибо смотрю я на эту твою икону, как будто на самого Бога, и не переставая прошу у тебя милости и помощи себе и всему моему воинству, ведь я — раб твой, как и все люди — грешные твои рабы. Будь же щедрым, Владыка, смилуйся над нами и пошли нам победу над врагами нашими».

А глядя на образ Пречистой, говорил он так: «О пресвятая госпожа Богородица, помогай нам теперь, грешным твоим рабам, и моли владыку Христа, Бога нашего, чтоб послал он нам победу над врагами. И ты, преподобный отец Сергей, великий Христов угодник, поспеши теперь к нам на помощь и помогай молитвами, как когда-то прадеду нашему на Дону против поганого Мамая».

И с того дня, когда прибыла икона, была дарована благочестивому царю от Бога вся радость и победа. И стало не хватать в городе пороха до такой степени, что не могли казанцы выстрелить ни одного раза и смертельно страдали от этого.

О ФРЯГАХ, ПРИШЕДШИХ К ЦАРЮ И ВЕЛИКОМУ КНЯЗЮ. ГЛАВА 69

И внезапно прислал тогда Бог к царю-самодержцу, так же, как когда-то ангела своего к Иисусу Навину разрушить Иерихонские стены, магнитом укрепленные, искуснейших иноземных мастеров-фрягов, чтобы послужить ему.

И повелѣ их царь князь великий поставити пред собою. Фрязи же, ставше пред нимъ и видѣвше лице его, и падше, поклонишася ему до земли. Царь же, видѣвъ их честныи мужи и взоромъ добры, и сказа имъ крѣпость града и непослабление казанцевъ. Они же рѣша ему: «Не печалуйся, господи царю, мы скоро и малыми дни, аще волю подаси нам, от основания низложимъ град, и наше есть дѣло сие, и на то приидохом, еже послужити Богу и тебѣ». Онъ же, слышав сия от фряз, и радости наполнися, и одари их по премногу златомъ и серебромъ, и свѣтлыми портищи. И повелѣваетъ имъ таковая вборзе творити.

Хитрецы же со усердиемъ яшася по сие дѣло. «И мощно быти сим, — глаголаху, — и аще не тако, или гладом выстояти его, то не возмется инако ничимъ же град сей». И преже учиниша стрелцемъ с четырехъ странъ града башни 4 фряскимъ обычаемъ* — с камениемъ и з землю, крѣпки и высоки, с трети бои: с верхнимъ и среднимъ, и нижнимъ, да сѣдѣше в нихъ огненныи стрелцы премѣнныи и оттуду, с высоты, аки с неба, во град стреляху и улучаху, и убиваху многихъ внутри града, ходящихъ и во храминахъ живущихъ: мужей и женъ, и дѣтей, яко не смѣти имъ в день по улицамъ ихъ соватися и ни чрезъ дворъ свой изъ храмины во храмину прескочити по какое убо оружие. И се бысть казанцемъ злѣе всехъ замышлений приступныхъ.

И совершивше башни хитрецы и мосты на рвѣхъ и чрезъ рѣки мудростию великою, и вскоре другому дѣлу болшему касаются, его же преже того никто же на Руси видал.* И почаша нощию тайно копати глубокия рвы подъ Казань-градъ с восточныи страны, подъ глубокою ону стремнину отъ Арского поля, с приѣзда хъ Казани. И не вѣдушимъ казанцемъ дѣла сего. И отъ нашихъ вой никому же не вѣдушу, токмо воеводъ и дѣлателей, иже кои дѣло сие дѣлаху, но и тии укреплены никому же дѣла того повѣдати, измѣнныхъ для нашихъ лестцовъ, да не свѣдавше казанцы, и того устрегутся.

Ис тѣхъ же единъ бѣ нѣкто отъ приставникъ, воинъ полка царева, родомъ Колужска града, именемъ Юрьи Булгаковъ, лютъ сый и неправеденъ, яко и во отечествии своемъ сожитствующимъ ему сосѣдъ насильствоваше и грабляше, и озобляше, и землю у нихъ отводяше, и ко своей земли прилагаше. Его же за злонравие не любляше самодержецъ и многожды смиряше его. Сей же беззаконный за нелюбие то гнѣвашеся на государя своего и царя и хотѣ, аки невѣрный, злое прелатагатайство сотворити. И написавъ грамоту, на стрелѣ и пусти ю в Казань ко царю, яко да градъ и люди своя крѣпитъ и самъ не страшится, сказуя ему мѣста подкопная и отступление отъ града царя и великаго князя вборзѣ, и во всѣхъ воехъ скорбь велику, кормли ради и потопление на Волге. «Да егда, — рече, — царь князь великий отъ Казани отступитъ, азъ же мало проводивъ его, и буду к тебѣ в Казань служити. Ты же буди мя брещи и любя раба твоего».

И повелел царь великий князь привести их к себе. Когда же фряги предстали перед ним и увидели его лицо, то пали перед ним и поклонились ему до земли. Царь же, видя, что они достойные мужи и на вид благообразны, рассказал им о крепости города и о стойкости казанцев. Они же ответили ему: «Не печалься, господин царь, мы быстро, за несколько дней, если дашь нам волю, до основания разрушим город, — ведь это наше ремесло, затем и пришли мы, чтобы послужить Богу и тебе». Он же, услышав это от фрягов, наполнился радостью и щедро одарил их золотом, и серебром, и красивыми одеждами. И повелевает им срочно приступить к делу.

Мастера же с усердием взялись за работу. «Либо таким способом, — говорили они, — либо выдержав его в голоде, только и можно взять этот город». Прежде всего по фряжскому способу возведены были стрелками с четырех сторон города четыре башни из камня и земли, крепкие и высокие, с тремя рядами бойниц: верхним, средним и нижним, дабы сидели в них, сменяя друг друга, стрелки из пушек и пищалей и оттуда, с высоты, словно с неба, стреляли по городу и, прицелившись, многих бы убивали внутри города — мужчин, женщин и детей, ходящих по улицам и сидящих по домам, чтобы не смели они днем метаться по улицам или перебегать по двору из дома в дом по какому-нибудь делу. И было это для казанцев хуже всякого штурма.

Когда же построены были мастерами с большим умением башни и мосты через рвы и реки, взялись они вскоре за другое еще большее дело, которого никто прежде того на Руси не видал. И начали они тайно по ночам копать глубокие рвы под город Казань — с восточной стороны, под крутую стремнину, что находилась со стороны Арского поля, откуда был подъезд к Казани. Казанцы же ничего не знали об этом. И среди наших воинов никто не знал, только воеводы и строители, занимавшиеся этим делом; но и тех уговорили никому о нем не рассказывать, опасаясь двуликих наших изменников, дабы казанцы, проведав от них об этом, не обезопасили бы себя.

Из них же был один некто из числа начальников, воин царского полка родом из города Калуги, по имени Юрий Булгаков, свирепый и несправедливый, который и в отечестве своем притеснял живущих рядом с ним соседей: грабил их, озлоблял, отбирал у них земли и присоединял к своим. За злонравие не любил его самодержец и много раз смирял его. Этот же беззаконный за нелюбовь ту гневаясь на государя своего и царя и захотел, как неверный, совершить злое предательство. И, написав грамоту, пустил ее на стреле к царю в Казань, говоря в ней, чтобы укреплял он город и людей своих, сам же не страшился, сообщив ему места подкопов и уведомив о скором отступлении от города царя и великого князя и о сильных мучениях воинов из-за отсутствия съестных припасов, потонувших в Волге. «Когда же, — писал он, — царь великий князь от Казани отступит, я, немного проводив его, приеду в Казань служить тебе. Ты же будешь беречь и любить меня, раба твоего».

Но что может человек сотворити, аще не Богъ попустит его? Казанцы же паче о семь укрѣпишася, искаху в тѣх мѣстех подкопов и не обрѣтоша, Богу укrywшу.

И вборзѣ хитрецы повелѣнное *ими* дѣло в седмый день стройно и спѣшно скончаша,* изготовиша тайныя рвы в трех мѣстех под градными стѣнами, яко дивитися самодержцу и княземъ, и воеводамъ его новой мудрости той. Бойцы же пушечныя из-за туров не приступающе, но в стѣны града бияху изо всего наряду великаго — ис пушекъ болших и ис пищалей, да не познани будутъ копающися под град.

Казанцы же, старыя и недужныя, не бойцы, и они, аки мыши, в погребѣх своих и по норамъ земным ископающися глубоко, и ту от стрѣляния избываху, и в пещерах тѣх *живы* сокрывшася з женами и з дѣтми, и не являющася, и на свѣт не исходяще из ямъ тѣх на многи дни.

ЧЮДО СВЯТЫХ АПОСТОЛЪ И СВЯТАГО НИКОЛЫ,
КАКО ЯВИШАСЯ НА ВОЗДУСЕ И БЛАГОСЛОВИША ЗЕМЛЮ ОНУ
И ГРАД КАЗАНЬ, ДА ВСЕЛЯТСЯ В НЕМ
ПРАВОСЛАВНИИ ХРИСТИАНЕ. ГЛАВА 70

Пред взятиемъ же града Казани многа чюдеса показа всемилостивый Богъ угодники своими, великими апостолы 12-ми и великим чюдотворцем Николою, и преподобнымъ Сергиемъ.

Некий убо человекъ от болярских людей раненъ велми у града лежаше, за туры, боленъ, язвами изнемогая, и мало от болѣзни в сонъ тонокъ свѣденъ бысть. И видѣ над градомъ сияющий велий свѣтъ и во свѣте томъ на воздусѣ 12 апостолъ стоящих. И се прииде к ним от востока муж свѣтел стар во одежди святительской, великимъ же свѣтомъ сияя. И поклонися пред апостолы, глаголя: «Радуйтесь, ученицы и апостолы Господа нашего Иисуса Христа». И отвещаша ему апостолы: «Радуйся и ты, угодниче Христовъ Николае».

И нача святой Николае молити святых апостолъ: «Ученицы Христо-вы, молитте Спаса Христа и благословите мѣсто сие, и освятится град, и да вселятся в немъ православнии людие и во вѣки поживут». И отвещаша ему апостолы: «Но да вкупѣ с тобою помолимся, угодниче Божий Николае, егда услышит нас Богъ и помилует люди своя». И обратишася на востокъ, и помолишася мало, и глас прииде к нимъ от востока с небесе, глаголя: «Се услыша Господь молитву вашу, и отныне буди благословенъна земля сия и град сей, и да прославится на мѣсте семъ имя мое, Отца и Сына и Святаго Духа». Апостолы же и Николае святой обратившася и благословиша мѣсто оно и град, и невидими быша.

Но что может сделать человек, если Бог воспротивится ему? Казанцы же, ободрившись, искали подкопы в указанных местах и не нашли, ибо укрыл их Бог.

И вскоре, на седьмой день, быстро и хорошо завершили мастера порученное им дело, выкопав в трех местах тайные рвы под городскими стенами, и подивился самодержец с князьями его и воеводами новой той мудрости. Бойцы же, находившиеся при пушках, в это время не выходили из-за туров на штурм города, а били изо всего большого наряда — из пушек и из пищалей — по городским стенам, чтобы не было слышно, как ведется подкоп.

Казанцы же, старые и больные, не бойцы, словно мыши, глубоко зарывшись в погребах своих и земляных норах, прятались там от стрельбы, и в пещерах тех заживо себя хоронили с женами и детьми, по многу дней не появляясь и не выходя на свет из этих ям.

ЧУДО СВЯТЫХ АПОСТОЛОВ И СВЯТОГО НИКОЛЫ: ЯВЛЕНИЕ ИХ НА ВОЗДУХЕ И БЛАГОСЛОВЕНИЕ ИМИ ЭТОЙ ЗЕМЛИ И ГОРОДА КАЗАНИ, ДАБЫ ПОСЕЛИЛИСЬ В НЕМ ПРАВОСЛАВНЫЕ ХРИСТИАНЕ. ГЛАВА 70

Перед взятием же города Казани много чудес показал всемилостивый Бог через своих угодников — двенадцать великих апостолов, и великого чудотворца Николу, и преподобного Сергия.

Некий человек боярского рода, тяжело раненный, лежал за турами недалеко от города больной, изнемогая от ран, и от боли ненадолго забылся в чутком сне. И вот видит он над городом яркое сияние и в том свете стоящих над землей, в воздухе, двенадцать апостолов. И приходит к ним с востока светлый старец в святительской одежде, окруженный ослепительным сиянием. И поклонился он апостолам со словами: «Радуйтесь, ученики и апостолы Господа нашего Иисуса Христа!» И отвечали ему апостолы: «Радуйся и ты, угодник Христов Николай!»

И начал святой Николай умолять святых апостолов: «Ученики Христовы, молитесь спасителя Христа и благословите место это, да освятится город и да вселятся в него православные люди и будут жить века». И отвечали ему апостолы: «Помолимся же вместе с тобой, угодник Божий Николай, тогда услышит нас Бог и помилует людей своих». И обратились они на восток, и немного помолились, и раздался с неба голос с восточной стороны, обращенный к ним: «Господь услышал молитву вашу: будь же отныне благословенна эта земля и город этот и да прославится в месте этом имя мое, Отца и Сына и Святого Духа». Апостолы же и святой Николай повернулись и благословили то место и город и стали невидимы.

Воин же той болный, видѣв и слышав сия вся, и страхом великим одержимъ, и возбнув от видѣннн, и повелѣ к себѣ отца духовнаго призвати. И повѣда ему вся, еже видѣ и слыша, и всѣмъ ту предстоящимъ воином, самъ же причастився святых таин Христа, Бога нашего, и преставися в той час.

ЧЮДО ВТОРОЕ СВЯТАГО НИКОЛЫ. ГЛАВА 71

Инъ же воинъ двора царева великаго князя видѣ во снѣ святаго Николу шведша к нему в шатер его и возбуждающа его от сна, глаголя: «Востани, человеце, и шед, рцы царю своему, ему же ты служиши, да приступает дерзновенно ко граду, всяко сумнѣние отложа, без всякаго страха, не леняся, в праздникъ пресвятыя Богородицы честнаго ея Покрова, Богъ бо предает ему град сей и противныя ему срацыны. Аз бо есмь Николае Мирликийский святитель и возвещаю ти снн».

Той же бояринъ убудився от сна своего и мннше сон зримое, а не истинно видѣние, и мечтание помышляше, и умолча, и никому же того повѣда того дня. Во вторую же ночь и паки тому же христоробивому мужу явися святой Николае и з запрещениемъ рече ему: «Не мни, человекче, яко лож видѣние се, но истинну ти глаголю: востани скоро и повѣждь, яже ти преже возвестих». Онъ же воставъ и текъ, повѣда самому самодержцу.

ЧЮДО 3-Е ПРЕПОДОБНАГО СЕРГІА. ГЛАВА 72

Инии же от воин, благочестивии человекцы, видѣша себѣ во снѣ во градѣ Казани, ту же старца видѣша в ветхих ризах чернеческих ходяща, браду же велию и густу сѣду, невелими же долгу, имущи, град и улицы, и площадь, и храмины самому ему метущу. И нѣщии ту свѣтли юноши предстояще глаголаша ему: «Како святой Сергий самъ снн твориши, повели убо снн иному измести». И рече имъ святой, яко: «Самъ убо аз измету их, заутра бо у мене многия гости будут здѣ: велиции, силнии, богатии и убозии».

По взятнн же града от многих нечестивых казанцевъ извѣстно про святаго увѣдано бысть, како варвари они по многи дни и ночи видяху бо его явѣ по граду ходяща и град крестом осѣняюща, и метуща, яко же и преже написано бысть о нем. И таковая вся благочестивому царю возвѣстиша. Онъ же заповѣда никому же сих чудес повѣдати, дондеже на немъ милость Божия совершится. Самъ же безпрестани втайне Бога моляше: «Ты убо, премилостивый Господи Иисусе Христе, сыне Божий, таковая вся вѣси и нас, раб твоих, помилуй по велицѣй твоей милости».

Больной же тот воин, увидев и услышав все это, охваченный сильным страхом, очнулся от видения и попросил позвать к себе духовного отца. И поведал он ему и всем стоящим вокруг войнам все, что видел и слышал, сам же причастился святых тайн Христа, Бога нашего, и тотчас же преставился.

ВТОРОЕ ЧУДО СВЯТОГО НИКОЛЫ. ГЛАВА 71

Другой же воин из придворных царя и великого князя увидел во сне, что вошел к нему в шатер святой Никола и начал будить его ото сна, говоря: «Вставай, человек, и пойдй скажи царю своему, которому служишь, чтобы в праздник Покрова Богородицы смело, без страха, не ленись, шел он на штурм города, оставив великие сомнения, ибо Бог предает ему этот город и врагов его сарацин. Я — святитель Николай Мирликийский и пришел возвестить тебе об этом».

Боярин же тот пробудился ото сна и подумал, что увиденное им — сон, а не действительность, и посчитал это видением, поэтому в тот день умолчал он о нем и никому об этом не поведал. На вторую же ночь святой Николай опять явился тому христоролюбивому мужу и повелительно сказал ему: «Не думай, человек, что видение это — обман, истину говорю тебе, скорее вставай и поведай то, что возвестил я тебе прежде». Тот же, проснувшись, пошел и все рассказал самому самодержцу.

ЧУДО ТРЕТЬЕ ПРЕПОДОБНОГО СЕРГИЯ. ГЛАВА 72

Другие же воины, благочестивые люди, видели себя во сне в городе Казани, там же видели они старца в ветхой монашеской одежде с большой и густой, но не длинной седой бородой, ходящего и подметающего город, и улицы, и площадь, и дома. И некие находившиеся тут же добрые юноши говорили ему: «Зачем, святой Сергей, ты сам делаешь это? Повелел бы кому-нибудь другому подмести». И ответил им святой: «Лучше сам я вымету все, ибо утром будет здесь у меня много гостей: могущественных, сильных, богатых и бедных».

После же взятия города от многих нечестивых казанцев стало известно о святом, что в течение многих дней и ночей наяву видели его варвары, как ходил он по городу, осеняя его крестом и подметая, о чем уже писалось прежде. И рассказали обо всем этом благочестивому царю. Он же повелел никому не рассказывать об этих чудесах до тех пор, пока не свершится на нем милость Божья. Сам же беспрестанно тайно молил Бога: «Ты ведь, премилостивый Господь Иисус Христос, сын Божий, ведаешь обо всем, помилуй нас, рабов твоих, по великой твоей милости».

О УКРѢПЛЕНИЕ ВОЕМЪ ЦАРЯ И ВЕЛИКАГО КНЯЗЯ И ТОСКОВАНИЕ,
И ПЛАЧЬ КАЗАНСКИХ ЖЕНЪ И ДѢТЕЙ. ГЛАВА 73

И объѣзжаше по вся дни почасту полки своя, моля и наказуя, и укрепляя вся князя и воеводы своя, и воя вся царскимъ словомъ своим, и утѣшая, и дары подавая, яденнемъ и питнемъ, удовляя, да не скорбят о подвиже и милости Божия да не отлучаются.

И бѣ умилен позор видѣти по 3 дни до дне того, в он же день взятися граду, жены убо казанския и красныя девицы, яко на великъ нѣкий праздникъ свой или на женственный пир свѣдяще конецъ свой, и на смерть готовяхуся, жадаючи лутчи умрети, неже долго мучитися и жити злѣ, и от пещер своих излазяще и облащяхуся в тресвѣтлыя своя одѣяния золата, красующися и показующися руским воемъ. И аще бы имъ мощно, птицамъ или звѣремъ метнувшеся со стѣны летѣти и к ним бѣжати, но нѣсть лѣ. И от утра даже и до вечера по 3 дни по стенам града хождуху, плачюще и гласомъ умилнимъ рыдающе, с родомъ своимъ и со знаемыми прощающеся, и видѣннем наслажахуся свѣта сего, сияния конечно зряху. И на великия полки руския и удивляхуся, и ужасахуся, толика видяще множества русских полков и неизбытие, яко же иногда, и ненадежно отстояние свое от них.

И плакахуся материе сыновъ своих, и власы простерши, и перси своя открываючи, и ѣгя сосца показуючи, и вопиючи: «О милая наша чада! Помяните болѣзни наша, еже родяще вас, подъяхомъ и пища млечныя! Устыдитесь и пощадите старость нашу, и свою юность предобрую помилуйте, и престаните от брани сея, и главъ своих не кладите всуе, и с московскимъ царемъ смиритесь».

И вопияху такоже к мужем своим катуны, и горко плакахуся велми красоты и любве женъ и дѣтей своих не забывати, и моляху их повинутися московскому царю и град ему предати, и покоритися воли его, и встрѣтити его, изшедше со младенцы своими на руках держаще, и самым имъ руцѣ свои желѣзы и ужи превязавше, и в рубища раздранная одѣянным; аще и всѣм имъ предведеннымъ быти от земли своя на иную землю его или работа будет тяшкая, или дань ему неискупимая давати, давшеся на душу его, *то да вѣдаетъ* вся он и воля его буди, токмо да не вси вдруг погибнут, но *по них* бы хотя чада их остались на память их имъ.

О ЗЛОБЕ КАЗАНЦЕВЪ И О ПОСЛѢДНЕМ ПОСЛАНИИ К НИМ ЦАРЯ
И ВЕЛИКАГО КНЯЗЯ, И О МИЛОСЕРДИИ ЕГО. ГЛАВА 74

Они же, немилостивии и злии, отрехаху их от себѣ прочь и не послушаху их; ни приклонишася, окаяннии, къ горким слезам родителей своих, и

ОБ ОБОДРЕНИИ ВОИНОВ ЦАРЕМ И ВЕЛИКИМ КНЯЗЕМ И О ТОСКЕ И ПЛАЧЕ КАЗАНСКИХ ЖЕНЩИН И ДЕТЕЙ. ГЛАВА 73

И объезжал он каждый день по многу раз свои полки, давая наказы князьям своим, и воеводам, и всем воинам, укрепляя их царским своим словом и утешая, одаривая и удовлетворяя в еде и питье, умоляя их не тужить о предстоящем великом и трудном деле, дабы не лишились они милости Божьей.

За три же дня до того, когда был взят город, можно было видеть трогательное зрелище: казанские женщины и прекрасные девушки повывлезали из пещер своих и разоделись, словно на какой-то большой свой праздник или на женский пир, в прекрасные свои золотые одеяния, красуясь в них и показываясь перед русскими воинами, ибо поняли они, что близок их конец, и готовились к смерти, желая лучше умереть, чем долго мучиться и жить в страданиях. И если бы могли они, то, как птицы, полетели бы или, как звери, метнулись бы со стен и побежали бы к русским, но это было невозможно. И ходили они с утра до вечера три дня по городским стенам, плача и жалостно рыдая, прощаясь с родственниками своими и знакомыми и наслаждаясь зрелищем этого света, в последний раз любуясь его сиянием. И удивлялись они и ужасались величине русских полков, видя такое их множество и сознавая, что невозможно спастись от них, как бывало в прошлом, и что мало надежды от них отбиться.

И умоляли матери с рыданиями сыновей своих, распустив волосы и груди свои открывая, нагие сосцы свои показывая, причитая так: «О милые наши дети! Вспомните о муках наших, которые перенесли мы, рожая вас, и о молоке, которым вскормили вас! Устыдитесь и пощадите старость нашу, и пожалейте прекрасную свою юность, прекратите войну эту и не кладите понапрасну голов своих, и с царем московским помиритесь».

Также и жены, горько плача, умоляли своих мужей не забывать о красоте и любви жен своих и детей, и подчиниться московскому царю, и сдать ему город, и покориться его воле, и встретить его, выйдя ему навстречу в разодранных одеждах, держа на руках младенцев своих и самим себе цепями и веревками связав руки; пусть даже всем им придется переселиться со своей земли в иную его землю, или предстоит им тяжелое рабство, или придется платить ему неискупаемые дани, но если они сдадутся на его милость, то, может быть, тогда не все они разом погибнут, но хотя бы дети их останутся в живых и будут памятью о них.

О ЗЛОБЕ КАЗАНЦЕВ, И О ПОСЛЕДНЕМ ПОСЛАНИИ К НИМ ЦАРЯ И ВЕЛИКОГО КНЯЗЯ, И О МИЛОСЕРДИИ ЕГО. ГЛАВА 74

Они же, немилостивые и злые, отрывали их от себя и не слушали; и не склонились они, окаянные, перед горькими слезами родителей своих и милых

милых женъ не помиловаша и малых дѣтей своих, но окаменишася сердца их непокорством и ожесточишася желѣзныя выя их несмирениемъ, наполнены бо суть злобы, и лукавства, и всякия неправды. И мнящеся быти мудры, и обьюродѣвша, ослепи бо их злоба и лукавство их. И, яко хотѣша и рекоша, тако и сотвориша, и напрасно вси вдруг исчезнуша за беззаконие свое, яко египтянѣ: онѣх бо море потопи,* сих же оружие пояде. И во своей крови потопишася, и спяти быша, и падоша, и поразишася неисцѣлнею язвою смертною, и отечества своего, и свободы, и славы испадоша, и всякаго благоденства, и господствія лишишася, и быша плѣнницы и раби.

Царь же князь великий видѣвъ женъ и девиць по стѣнамъ града ходящих, и умилостивися о них, и не велѣ стрелцем стреляти их, да поне мало при кончине своей повеселятся. Мнози же от вой русских, жалостивии, прослезишася, зряще сих, и дивящеся немилосердию их при кончине к женам и к чадам своим.

Посылаше же царь князь великий до седмиды х казанцемъ послы своя, самъ ходя с ними* и рече слушая, таяся, аки воинъ, а не царь, в простых же одеждах. Овогда же приѣзжих к нему князей и мурзъ казанскихъ посылаше глаголати к нимъ милосердие свое, да примолвят и увѣщают их всяко, яко своеземцевъ и сродников, глаголюще и рѣчь сию от него: «О непокоривии и жестосердечнии людие казанстии, не видите ли сами всея вашей земли запустѣние и *остроговъ взятія* и в них многих людей, черемисы вашей и племени, и знаемых ваших побиение — от человека и до скота — кромѣ единѣх вас, аки в темницах, сѣдящих во градѣ своемъ. Въм бо, яко храбри есте собою и надѣтеся не на Бога, но на храбрость свою и на крѣпость града своего, и на уготованную свою кормлю многую, но не удержат вас ныне, якоже вижду, ни желѣзныя стѣны, ни огненная сила, и не можете Божия гнѣва ни под землю укрытися, Богу мя пославшу погубити вас многога ради терпѣнія моего от вас. И что Богу противитеся? Азь бо милую и жалю, и тужю о всѣх вас и о родителях ваших старых, и о красных женах, и о дѣтах молодых, вчюже пришед, иноязычникъ сый! Какое же вы, окаяннии беззаконнии человецы, не смилитеся ко утробам вашим? Или кто тако не любит женъ и не слушает родителей своих, якоже и вы? Помилуйте поне малыя своя дѣтца и дщеря красныя, и жены своя любимыя, и тѣх ради *не погубляйте* себѣ напрасно, и крови не проливайте наша же и своя, да живи будете, и честь, и дары от мене великия примете, и в царстей нашей любви всегда будете у нас. И от сего дня к тому не бойтеся гнѣва моего и прещения, и кленуся вам, яко любо есть вамъ, «живъ Господь Богъ мой», яко не имамъ ни едина бо погубити вас: ни мала, ни велика, и не мщю никому же, но паче любити вы учну, стоящих крѣпко за себе. Не срамъ бо есть вамъ покоритися *большим себѣ* — *намъ*. И аще не покорите ми ся часа сего, то уже при концѣ есте и узрите вскоре збывшееся слово мое. И аз буду о семь

жен и малых детей своих не пожалели, но окаменели сердца их в непокорности, и от несмирения перестали сгибаться железные их шеи, ибо полны они были злобы, и лукавства, и всяческой неправды. И, думая, что поступают мудро, повели себя, как юродивые, ибо ослепила их собственная злоба и лукавство. И как захотели они и сказали, так и сделали, и все разом безвозвратно исчезли за беззаконие свое, как египтяне: тех море поглотило, этих же — оружие поело. И потонули они в своей крови, и низвергнуты были, и пали, и поразила их неизлечимая смертельная язва, и потеряли они отечество свое, и свободу, и славу, и лишились они благоденствия и господства, и стали пленниками и рабами.

Царь же великий князь, видя жен и девиц, ходящих по стенам города, смиловившись над ними и не велел стрелкам стрелять по ним, дабы те хоть немного повеселились перед своей кончиной. Многие же из русских воинов, жалостливые, прослезились, глядя на них, и подивились непреклонности казанцев перед смертью к женам своим и детям.

До семи раз посылал царь великий князь к казанцам своих послов, сам тайно ходя с ними не как царь, а как рядовой воин, в простой одежде, и слушая их речи. Иногда же посылал к ним приезжавших к нему казанских князей и мурз возвестить казанцам о его милосердии, дабы уговорили они и увещали их как своих земляков и родственников, и передали бы им такие слова: «О непокорные и жестокосердные люди казанские, разве сами не видите вы запустения всей вашей земли и не знаете, что взяты все ваши остроги со многими находившимися в них людьми и что побита черемиса ваша и ваши родственники и знакомые, — все, от человека до последней скотины, кроме одних вас, сидящих, словно в темнице, в городе своем? Знаю я, что отважны вы и надеетесь не на Бога, а на храбрость свою, и на крепость своего города, и на заготовленные съестные припасы, но не спасут вас на этот раз, как вижу я, ни железные стены, ни огненная сила: не сможете вы скрыться от Божьего гнева даже под землей, ибо меня послал Бог погубить вас за то, что много вытерпел я от вас. Зачем противитесь вы Богу? Я ведь прощаю вас, и жалею, и тужу обо всех вас: и о старых ваших родителях, и о прекрасных женах, и о маленьких детях, — я, чужеземец, пришедший со стороны! Как же вы, окаянные преступники, не сжалитесь над теми, кто породил вас? Разве можно так, как вы, не любить жен своих и не слушать своих родителей? Пощадите же малых своих детей, и дочерей своих прекрасных, и любимых своих жен и ради них понапрасну не губите себя, и не проливайте и своей и нашей крови и тогда останетесь живы и получите от меня и почести, и богатые дары, и жить всегда будете у нас в царской нашей любви. И с этого дня не бойтесь моего гнева и наказания: клянусь вам клятвой, которую признаете вы больше всего — «жив Господь Бог мой!», что не собираюсь ни одного из вас погубить: ни мала, ни велика, и не буду никому мстить, но еще больше начну любить вас, умеющих крепко постоять за себя. Не позорно ведь вам покориться тем, кто сильнее

без вины от Бога моего, а вашъ лживый пророкъ Махметъ не поможетъ вамъ ничѣмъ же нынѣ, в него же вѣруете, злѣ прельстившеся и не познавше истиннаго Бога».

О БЕЗСТРАШИИ И О РОПТАНИИ КАЗАНЦЕВ, И О УКРѢПЛЕНИИ МЕЖ СОБОЮ. ГЛАВА 75

Казанцы же ни тако послушаху, но и *умирающе* грозяху и противу сего воздати ему хотяще. «Аще мало послабиша намъ, или десятижды хочещи слышати от нас, — глаголаху, — ни *даров* твоих хочемъ прняти, ниже прещения твоего страшимся, ни страха твоего боимся. И что прелщаеши нас словесы своими лукавыми? Твори, почто пришел еси! Аще бы мы к тебѣ, собравшеся, тако силно пришли, то всю бы землю твою от конца до конца попленили бы, яко же и нашу ты поплѣнил еси, и грады бы твоя вся до основания разорили, и не бы тебѣ дали тако много вѣщати что или мало помѣдлити».

И укрѣпляхуся меж собою, глаголюще: «Не убоимся, храбрѣя казанцы, страха и прещения московскаго *царя* и многия его силы руския, аки моря, биющагося о камень волнами, и аки великаго лѣса, шумяща напрасно, *великъ имуще* град нашъ, твердъ и велик, ему же стѣны высоки и врата желѣзна, и люди в немъ удалы велми, и запас многъ и доволенъ стати на 10 лѣт во прекормление намъ. И да не будем отметницы добрыя вѣры нашея срацынския и не пошадим пролити крови своея, да ведоми не будемъ во плѣнъ работати иновѣрнымъ на чюжу землю, християном, по роду меншимъ нас и украдшимъ благословение».

О ГНѢВѢ И О ЯРОСТИ ЦАРЯ И ВЕЛИКАГО КНЯЗЯ НА КАЗАНЦЕВ. ГЛАВА 76

И видѣ царь князь великий никакоже покаяющихся ему казанцевъ, к нему же и грозящих еще, и воздвиже пламень ярости своея из глубокаго сердца своего, яко левъ, рыкание страшно испусти. Избирает изо всѣх полковъ юнош сверѣпых и крѣпкооружных полкъ великъ — 100 000 силних бойцевъ, и уготавлиает тѣх, пѣших, к приступу ко граду: овѣх со огненным стрѣляниемъ, овѣх с копыи и с мечи, овѣх с секирами и с мотыки, и с лѣствицы, и з багры, и со многоразличными хитростями градоемными, да преже всѣх полковъ поспѣшит избранный той полкъ и на град злояростне нападет со устремлениемъ. Воеводъ же остави полка того: князя Михайла Глинского, другаго же воеводу князя Александра Воротынскаго — оба же тѣ воеводы храбрыи и силнии.

вас — нам. Если же сейчас не покоритесь мне, то близок уже ваш конец, и вскоре увидите вы, как сбудется слово мое. И не буду я в этом виновен перед Богом моим, ваш же лживый пророк Магомет, в которого вы веруете, обольстившись и не познав истинного Бога, ничем вам теперь не поможет».

О БЕССТРАШИИ КАЗАНЦЕВ, И О РОПОТЕ ИХ, И ОБ ОБОДРЕНИИ ИМИ ДРУГ ДРУГА. ГЛАВА 75

Казанцы же не только не послушали его, но, даже умирая, угрожали ему, желая воздать ему за его слова: «Раз уж ты позволил нам говорить, не хочешь ли десятый раз услышать от нас, — говорили они, — что ни даров твоих не хотим мы принимать, ни угроз твоих не страшимся, ни страха перед тобой не имеем. И что прельщаешь нас лукавыми своими словами? Твори то, ради чего пришел! Если бы мы, собравшись, пришли на тебя с такой силой, то разорили бы всю землю твою от края до края, как ты разорил нашу, и все бы твои города до основания разграбили, и не дали бы тебе так долго говорить или хотя бы немного помедлить».

И ободряли они друг друга, говоря так: «Не побоимся же, храбрые казанцы, угроз московского царя и не испугаемся многочисленного его русского войска, подобного морю, бьющемуся волнами о камень, или сильно шумящему большому лесу, ведь есть у нас великий наш город, большой и крепкий, с высокими стенами и железными воротами, и люди в нем разудалые, и съестных припасов у нас много: хватит, чтобы прокормиться, на десять лет. Не будем же отступниками от доброй нашей сарацинской веры и не пожалеем пролить кровь свою, дабы не повели нас в плен на чужую сторону служить иноверцам — христианам, менее знатным по рождению, чем мы, укравшим у нас благословение».

О ГНЕВЕ И ЯРОСТИ ЦАРЯ И ВЕЛИКОГО КНЯЗЯ НА КАЗАНЦЕВ. ГЛАВА 76

Когда же увидел царь великий князь, что казанцы никак ему не покоряются, но еще и угрожают ему, исторг он из глубины сердца своего пламень ярости и, словно лев, издал грозное рычание. И набирает он из всех полков большой полк отважных и хорошо вооруженных юношей — сто тысяч крепких бойцов — и готовит их пешими идти на приступ города, одних — с огнестрельным оружием, других — с копьями и мечами, третьих — с секирами, и мотыгами, и с лестницами, и с баграми, и с различными приспособлениями для штурма города, дабы сборный тот полк поспешил на приступ до выхода всех остальных полков и, устремившись к городу, с яростью напал на него. Воеводами же поставил он в том полку князя Михаила Глинского и князя Александра Воротынского — оба те воеводы храбрые были и могучие.

И уготовив полкъ той, стояти велѣ и ждати време. Всему же воинству от града отступити повелѣ, яко до поприща единого, и бываемых на готово, стоя, смотрити, и весь снаряд стѣнобитный, пушки и пищали, отдвигнути, и мѣста очистити. И егда учнет Богъ избранному полку помогати, тогда же и тѣмъ полкомъ всѣмъ на то же дѣло поскорити.

И повелѣвает хитрецемъ во глубокия рвы в подкопныя под крѣпкия стены казанския бочки со огненнымъ зелиемъ подкачивать. Бѣ бо тогда день той суботный, праздникъ же владычицы нашея Богородицы, честнаго ея Покрова.* И уже дни суботному мимо шедшу, освитающу же дни преславному Христову Воскресению, в он же всемирная радость, на память святыхъ великомученикъ Киприана и Устины. У себѣ же царь князь великий, рано воставъ заутра, до зари, и в церкви шатерней повелѣ презвитеромъ своимъ и пѣвцемъ заутренняя пѣния сотворяти; по отпѣнии же заутрени в той же час и молѣбная пѣти повелѣ ко Господу нашему Иисусу Христу и ко пречистѣй Богородицѣ, и ко всѣмъ святымъ небеснымъ силамъ и великимъ чудотворцемъ рускимъ, и всѣмъ святымъ, и на солнечномъ восходѣ и литургию служити. Не престанно же самъ о землю пометашеся и главою бияшеся, и в перси своя часто руками ударяше, и захлепашеся, и слезами ся обливашеся.

С нимъ же и вся земля Руская испусти вопль безгласный ко всеилному Богу, исполняема неповинными кровми: «Да не вотще будут труды его и великий подвигъ поднятия его, и да не возвратится второе, самъ пришел и посрамлен от града Казани, и да не будет в послѣдний смѣхъ и во уничижение казанцемъ и всѣмъ окрестнымъ врагомъ его, живущимъ около державы его, и да не будет лишенъ от желанія своего! И отверзи очи свои, Боже, и виждь злобу поганыхъ варварь, и ущедрѣ заклянія рабъ своихъ, и суд издаси на окаянныхъ горекъ, яко же и они воздаша вѣрнымъ людемъ рускимъ!»

И отпѣвшимъ молебная, и литургию презвитеромъ его служившимъ, и покайся онъ у духовнаго отца своего, и причастися пречистаго тѣла и животворящия крови Христа Бога нашего: тако же и вси князи и воеводы, и воины мнози в станѣхъ поновившеся у отцевъ своихъ духовныхъ, причастишася пречистыхъ Христовыхъ тайнъ и приготовишася чисти к подвигу смертному приступити.

МОЛЕНИЕ И УЧЕНИЕ К ВОЕМЪ СВОИМЪ ЦАРЯ И ВЕЛИКАГО КНЯЗЯ. ГЛАВА 77

И тогда благовѣрный царь всѣд на великий конь свой и поѣха по всѣмъ полкомъ своимъ и по станомъ, моля и наказуя воеводъ своихъ и воя вся, с плачемъ горкимъ кланяяся имъ до златаго стремени ноги своея: «Братие и господие мои, князи и воеводы, и вси малии и велиции руская чада, ныне приспѣ намъ время добро показати побѣда на противныхъ нашихъ за непокор-

И, приготовив тот полк, повелел ему стоять и ждать. Всему же воинству повелел отступить от города на одно поприще, и, стоя там в полной готовности, ждать сигнала, и весь стенобитный наряд, пушки, пищали отодвинуть, и очистить место. И когда начнет Бог помогать сборному полку, тогда и всем тем полкам надо будет поспешить на то же дело.

И повелевает он мастерам подкатывать в глубокие подкопные рвы под крепкие казанские стены бочки с порохом. А был тогда день субботний и праздник владычицы нашей Богородицы — честного ее Покрова. И вот уже прошел день субботний, и забрезжил день преславного Христова Воскресения, день всемирной радости и памяти святых великомучеников Киприана и Устины. Царь же великий князь поднялся у себя рано утром, до зари, и повелел пресвитерам своим и певцам в шатровой церкви петь заутреню; тотчас же, как отпели заутреню, повелел петь молебны Господу нашему Иисусу Христу, и пречистой Богородице, и всем святым небесным силам, и великим русским чудотворцам, и всем святым, а на восходе солнца — служить литургию. Сам же непрестанно творил земные поклоны, и бился головой о землю, и часто ударял себя руками в грудь, и рыдал, задыхаясь и всхлипывая, и обливался слезами.

Вместе с ним и вся Русская земля, залитая невинно пролитой кровью, испустила немой вопль ко всеильному Богу: «Да не напрасными будут труды его и великий подвиг похода его, и да не возвратится он во второй раз, сам придя к городу Казани, посрамленным, и да не будут над ним зло насмехаться и унижать его казанцы и все окрестные его враги, живущие около державы его, и не лишится он того, чего желает! Отверзи очи свои, Боже, и увидь злобу поганых варваров, и спаси от заклятия рабов своих, и учини над окаянными суд горький, какой и они учинили над правоверными русскими людьми!»

Когда же отпели молебны и пресвитеры его отслужили литургию, покался он перед духовным своим отцом и причастился пречистым телом и животворящей кровью Христа, Бога нашего; также и все князья, и воеводы, и многие воины в станах очистились у отцов своих духовных, причастились пречистых Христовых тайн и приготовились чистыми приступить к смертному подвигу.

МОЛЕНИЕ И ПОУЧЕНИЕ К ВОИНАМ ЦАРЯ И ВЕЛИКОГО КНЯЗЯ. ГЛАВА 77

И тогда сел благоверный царь на могучего своего коня и поехал по всем своим полкам и по станам, моля и наставляя воевод своих и всех воинов, с горьким плачем кланяясь им до золотого своего стремени: «Братья мои и господа, князья и воеводы, и все большие и малые русские чада, теперь пришло нам доброе время одержать победу над противниками нашими за

ство их и несмирение, и за великую злобу и неправду. Подщитесь, подвижитесь за обиды своя на них на славу мнѣ, себѣ же на похвалу велику, и послужити Богу и намъ всею крѣпостию вашею и постражите за церкви Божия и за все православие наше, и явите мужество свое и на память роду нашему по нас. Да убитыя ныне от казанцев с мученики вѣнцы примут на небесѣх от Христа Бога нашего, и напишутся имена их у нас во вседневныя сенодики вѣчныя, и поминаемы будут по вся дни во святых соборах церковных от митрополит и епископовъ, и поповъ, и диаконовъ на литиях и на понахидах, и на литургиях. Живых же, сохраненных Богомъ и не убитых от поганых, здѣ от мене примут честь и дарове, и похваление велико».

Князи же и воеводы, и всѣ вои, слышавше от самодержца своего умилная словеса его, и восклькнуша великими гласы со слезами, и дерзновени быша вси, и рекоша: «Ради есмь и все готовы, о самодержче великий, всѣм сердцемъ подвижаться вседушно, елико поможет Богъ, и скласти главы наши нелестно за вѣру християнскую и за тебя, царя нашего, умрети, а с срамом с тобою живым во своя не возвратится, великаго ради твоего попечения еже стражеша за вся люди своя, и наших ради частых трудовъ хождениемъ всегдашнимъ х Казани».

О ЗАЖЖЕНИИ ЗЕЛИЯ В РОВѢ И О ВЕСЕЛИИ КАЗАНЦЕВ, И О МОЛБѢ, И О ЖЕРТВѢ ИХ. ГЛАВА 78

Наказа же накрѣпко всѣмъ княземъ и воеводам, и полкочначалником, да готови будут вси часа того к приступу, егда возгласят ратныя трубы, и пѣшцы и с конники в пансырех и в доспѣсах одѣяни, да брежет и учит киждо их полка своего и принуждаетъ к брани, крѣпко и мужественно, и неподвижно стояти.

И объѣхавъ всѣ полки своя, яко от Бога извѣщение примѣ, и повелѣвает хитрецемъ под крѣпкими стѣнами во рвѣх глубоких зажгати сверѣпое зелие огненное. Самъ же, во станъ свой приѣхавъ, и паки на молитву къ Богу обратися со слезами. И стояше весь вооруженъ во златыя броня, в рекомый калантырь, и готовъ на подвигъ, ожидая милости Божия, поющимъ у него беспрестани священником и диаконом молебны.

Казанцы же видѣвше из стрѣльницъ и стѣнъ града своего, яко отступиша тмочисленныя воя руская — бѣ же казанцев на стѣнах града 20 000, иже брань творяху, пременяющися, с вои с рускими — и сказаща царю своему отступление от Казани московскаго царя. И заповѣда царь молбы творити, аки не хотя, новому сеиту казанскому и молвам, и азифом, и дербышем по всему граду Казани, людемъ всѣмъ, мужем и женам со младенцы их, и жертвы приносити скверному Махмету, яко избавльшему град их от таковыя несказанныя силы руския.

непокорство их и несмирение и за сильную их злобу и неправду. Поспешите же, устремитесь на них за свои обиды — мне на славу, себе же на великую похвалу, и, собрав все свои силы, послужите Богу и нам, и пострадайте за церкви Божии и за все православие наше, и явите мужество свое, чтобы оставить по себе память потомкам нашим. Ведь те, кто будет убит теперь казанцами, примут на небесах венцы вместе с мучениками от Христа, Бога нашего, и запишутся имена их у нас во вседневные синодики вечные, и поминаемы будут каждый день в святых соборах церковных митрополитами, и епископами, и попами, и диаконами на литиях, и на панихидах, и на литургиях. Живые же, сохраненные Богом и не убитые погаными, здесь от меня получают и почести, и дары и похвалу великую».

Князя же, и воеводы, и все воины, услышав от самодержца своего кроткие его слова, закричали горько со слезами и, наполнившись отвагой, ответили ему так: «Рады мы и все готовы, о самодержец великий, всем сердцем и всей душой, насколько поможет Бог, постараться и честно сложить головы наши за веру христианскую, умереть за тебя, царя нашего, но не возвращаться вместе с тобою с позором домой, ради многих твоих забот и страданий за всех людей своих, наших ради непрерывных трудов, постоянного хождения на Казань».

О ЗАЖЖЕНИИ ВО РВЕ ПОРОХА, И О ВЕСЕЛИИ КАЗАНЦЕВ, И О МОЛИТВАХ ИХ И ЖЕРТВОПРИНОШЕНИЯХ. ГЛАВА 78

И накрепко наказал он всем князьям, и воеводам, и полководцам, чтобы были они готовы на приступ и все пехотинцы и конники были бы одеты в панцири и доспехи к тому часу, когда заиграют военные трубы, чтобы каждый из них оберегал и понуждал к бою свой полк и учил его стоять крепко, и мужественно, и недвижимо.

И, объехав все полки свои, словно получив знак от Бога, повелевает он мастерам зажигать в глубоких рвах под крепкими стенами свирепое огненное зелье. Сам же, приехав в стан свой, снова со слезами встает на молитву к Богу. И стоял он, закованный с ног до головы в золотую броню, так называемый калантырь, и готовый на подвиг, ожидая милости Божией; священники же и дьяконы беспрестанно пели у него молебны.

Казанцы же, увидев из бойниц и с городских стен, что отступили бесчисленные русские воины — было ведь на стенах города двадцать тысяч казанцев, сражавшихся, сменяя друг друга, с русскими воинами, — сказали царю своему об отступлении от Казани московского царя. И повелел царь, словно бы нехотя, новому казанскому сеиту, и муллам, и азифам, и дервишам, и всем людям в Казани, мужчинам и женщинам с младенцами их, творить молитвы и приносить жертвы скверному Магомету как избавившему их город от таковой несказанной силы русской.

Царь же и велможи казанския жребца и юнца тучныя приводяще закалаху на жертву; простая же чадь, убозии людие, овцы и куры, и птицы приносяще закалаху. И радоватися, и веселитися почаша, лики творяще и прелестныя пѣсни поющи, и плещущи руками, и скачюще, и пляшуще, играючи в гусли свои и в прегубницы ударяючи;* и шумъ и грохотание велико творяще, и поносы, и смѣх, и укоризны велики даущи рускимъ воемъ и погаными свинойдцы называху их.

Царь же казанский весель бысть и невесел, чюяше бо сердце его и по сномъ разсужаше в себѣ, и по всему познаваше взяту быти граду. Мияху бо погании казанцы, яко царь князь великий бездѣленъ вспять возвратися, яко и преже сего за два лѣта. Приходил бѣ к ним не от истинны и не тако силно и грозно наредяся, но яко тогда пострашая им и претя, и грозя, да престанут от злобы своея и да живут в сумежницах по сосѣдству, не обидяще его, и отиде прочь, не учинивъ имъ конечныя бѣды. Невѣдаху бо, безумнии, скончания своего, что имъ уже приспѣ день горкий и час, и приближися к вечеру день конечныя погибели ихъ.

О СТРАСѢ ОГНЯ И О РАЗРУШЕНИИ СТѢН, И О ПОГИБЕЛИ КАЗАНЦЕВЪ. ГЛАВА 79

И егда зажжено бысть огненное зелне в ровѣх, диякону же иа литургии чтущу святое Еуангелие и конец возгласившу: «И будет едино стадо и единъ пастырь», и аки друга вѣрна с тѣмъ воедино дѣло согласистася, и в той час возгремѣ земля, яко велий громъ, и потрясеся мѣсто то все, идѣже стояше град, и позыбахуся стѣны градныя, и в малѣ весь град не паде от основания.

И вышед огонь ис-под градных пещер и совься во едино мѣсто, и возвысися пламень до облака, шумящъ и клокочющи, аки нѣкия великия рѣки силныи прах, яко и рускимъ воемъ и смястися от страха и далече от града бѣжати. И прорви крѣпкия стѣны градныя, прясло едино, а в другомъ же мѣсте — с полпрясла,* в третьемъ же мѣсте сажень здесять; и тайникъ подня,* и понесе на высоту велико древие с людми, яко сѣно и прах вѣтромъ, и относя чрез воя руския, и пометаше в лѣсе и на поле далече, за 10 и за 20 верстѣ, идѣже нѣсть русских людей. И Божиимъ брежением не уби древиемъ тѣмъ великим ни единаго рускаго челоувѣка.

Бывшии же на стѣнахъ погании и поносы, и укоризны дающе руским воемъ, вси безвести погибоша: овѣх древие и дым подави, овѣх же огонь пояде. А иже внутри во градѣ казанцы, мужи и жены, от страха силнаго гряновения омертвѣша и падоша ницъ на землю, чаючи под собою земли погрязнути или

Царь же и вельможи казанские, приводя тучных жеребцов и быков, закалывали их, принося в жертву, простой же народ, бедные люди, овец, и кур, и птицу принося, закалывали. И начали они радоваться и веселиться: разыгрывали представления, пели нечестивые песни, размахивая руками, скакали, плясали, играя на гусях своих и в прегубницы ударяя, поднимая громкий шум и грохот и воссылая ругательства, и насмешки, и укоры русским воинам, называя их погаными свиноядцами.

Царь же казанский весел был и невесел, ибо сердцем предчувствовал недоброе, да и сны свои обдумал наедине и по всему понимал, что город будет взят. Поганые же казанцы решили, что царь великий князь, не исполнив своего дела, возвращается назад, так же как и два года назад. Но тогда приходил он к ним не с такой целью и не с таким сильным и грозным войском, а лишь поугагать их, пригрозить и потребовать, чтобы уняли они злобу свою и зажили по соседству с ним, в смежных землях, не обижая его, и отошел тогда прочь, не учинив над ними расправы. Не ведали ведь, безумные, о конце своем, о том, что приспел уже для них горький день и час и приблизился к вечеру день окончательной их гибели.

О СТРАШНОМ ОГНЕ, И О РАЗРУШЕНИИ СТЕН, И О ПОГИБЕЛИ КАЗАНЦЕВ. ГЛАВА 79

И когда был подожжен порох во рвах, а дьякон, читавший в это время на литургии святое Евангелие, произнес последние слова: «И будет одно стадо и один пастырь», словно соглашаясь с ним, как с верным другом, тотчас же загрохотала земля, подобно сильному грому, и затряслось все то место, где стоял город, и заколебались городские стены, и едва весь город не разрушился до основания.

И вырвался огонь из пещер, вырытых под городом, и свился в единое пламя, и поднялось оно до облака, шумящее и клокочущее, словно некая большая и сильная река, так что и русские воины пришли в смятение от страха и побежали подальше от города. И прорвало крепкие городские стены, одно прясло, а в другом месте — полпрясла, в третьем же месте — саженой десять; и подняло тайник и понесло на высоту, словно ветром сено или пыль, большие бревна с находившимися на них людьми, и стало относить их в сторону над головами русских воинов, и разбросало их далеко в лесу и на поле за десять и за двадцать верст, где не было русских людей. И Божьим ограждением не убило большими теми бревнами ни одного русского человека.

Поганые же, что находились на стенах и угрозы и укоры посылали русским воинам, все безвестно погибли: одних бревна и дым умертвили, других огонь поглотил. А те казанцы, мужчины и женщины, что находились внутри города, от сильного грохота помертвели со страху и попадали на землю, думая,

содомский огонь, с небеси сшедши, попалити их.* И быша, аки камыцы, безгласни, друг на друга зряще, яко изумлени, и ничто же друг ко другу своему провѣщати могуше, и долго лежаще.

И очюньша от страха того, и смутишася, и подвизашася, яко пияни. И вся мудрость их и разное умѣние их поглощено бысть Христовою благодатию. И обратися имъ вмѣсто смѣха плачь, и в веселия мѣсто, и прегубнищъ, и плясания — другъ друга объемлющи, плакати и рыдати неутѣшно.

ОПОЛЧЕНИЕ И ПОБѢДА МОСКОВСКИХ ВОЕВОД НА КАЗАНЦЕВ.

ГЛАВА 80

Видѣвше же се воеводы велика полка, яко прииде имъ уже помощь Божия, и наполнишася духа храбра. И вострубиша воя их в ратныя трубы и в сурны во многия, и удариша в накры,* вѣсть подаючи и прочим полкомъ всѣмъ, да готовятся скоро.

Царь великий князь взем благословение и прощение от духовнаго отца своего, мужа добродѣтелна, Андреа именем, и, аки пардус, ярости наполнися бранныя, и всѣд на избранный свой конь с мечемъ своимъ, и, скача, вопияше воеводам, мечем маша: «Что долго стоите бездѣльны? Се приспѣ время потружатися малъ час и обрѣсти вѣчную славу».

И хотѣ въ ярости дерзнути с воеводами самъ итти к приступу в велицем полцѣ и собою дати храбрости начало всѣм, но удержаше его воеводы нудма и воли ему не даша, да не грѣх кой случится. И отведоша в станъ его и увѣщающе его тихими словесы: «Тебѣ убо, о царю, подобаетъ спасти себе и нас: аще бо мы вси избieni будемъ, а ты будеши здравъ, то будет намъ честь и слава, и похвала во всѣх землях, и останутся у тебе сынове наши и внучата, и сродники, то паки вмѣсто нас будут бес числа служащих ти; аще ли же мы вси спасемся и тебе одинаго, самодержца нашего, изгубим, то коя будетъ намъ слава и похвала, но студ и срамъ, и поношение во языцѣх, и уничижение вѣчно, и останемся, аки овчая стада, в пустынях и в горах блудяще, снѣдаеми от волкъ, не имущи пастыря».

Онъ же, пришед во умъ свой, и от ярости зелния, и позна, яко не добро есть безумное дерзновение, и пусти ко граду вперед великий полкъ пѣших оружниковъ за великими щиты деревянными по 30 человекъ ко всѣмъ вратом; и туры подвигнути ко стѣнамъ граднымъ близко до толика, яко воемъ взыти с них на стѣны проломныя, царевичевъ астороханских с татары; за тѣми же воинство все. И еще полкомъ всемъ не велѣ поспѣшити, да не угнетения ради и стѣснаения у града падение людем будет велие. Самъ же, отѣхавъ з братомъ своимъ, со княземъ Владимиром, и со царем Шигалѣем, и стояше, смотря издалеца бывающаго.

что под ними проваливается земля или содомский огонь сошел с неба, чтобы спалить их. И, безгласные, словно камни, в изумлении смотрели они друг на друга, и ничего не в силах были вымолвить друг другу, и долго лежали так.

И очнулись они от испуга того, и смутились, и были словно пьяные. И вся мудрость их и все, что умели они, поглощено было Христовой благодатью. И обратился смех их в плач, и пришлось им вместо веселья, и прегубниц, и плясок, друг друга обняв, плакать и рыдать неутешно.

ПРИГОТОВЛЕНИЯ К БОЮ И ПОБЕДА МОСКОВСКИХ ВОЕВОД НАД КАЗАНЦАМИ. ГЛАВА 80

Воеводы же большого полка, увидев, что пришла им уже Божья помощь, исполнились храбростью. И вострубили воины их в ратные трубы и во многие сурны и ударили в накры, подавая весть всем прочим полкам, чтобы те быстро готовились.

Царь же великий князь, получив благословение и прощение от духовного отца своего, мужа добродетельного, по имени Андрей, словно гепард, наполнился боевой яростью, и, взяв в руки меч, сел на боевого своего коня, и, скача, кричал воеводам, размахивая мечом: «Что долго стоите без дела? Приспело уже время потрудиться немного и обрести вечную славу!»

И хотел он в ярости дерзнуть сам идти с воеводами на штурм в большом полку и показать всем пример храбрости, но воеводы силой удержали его и не дали ему воли, дабы не случилось какого греха. И отвели его в стан, увещевая тихими словами: «Тебе, о царь, подобает спасти себя и нас: ведь если все мы будем убиты, а ты останешься здоров, то будет нам честь, и слава, и похвала во всех землях, и останутся у тебя сыновья наши, и внучата, и родственники, и снова будет у тебя вместо нас множество слуг; если же мы все спасемся, а тебя одного, самодержца нашего, погубим, то будет нам не слава и похвала, но стыд, и срам, и поношение от других народов, и вечное унижение, и уподобимся мы овечьим стадам, не имеющим пастуха, бродящим по пустынным местам и горам и поедаемым волками».

Он же, придя в себя от сильной ярости, понял, что безумное это дерзновение не ведет к добру, и послал первым к городу, ко всем его воротам, большой полк пеших пищальников, которые укрывались за большими деревянными щитами, по тридцать человек за каждым; и повелел придвинуть туры к городским стенам настолько близко, чтобы воины — астраханские царевичи с татарами — могли перейти с них на проломленные стены; а за ними и все остальное воинство. При этом не велел он спешить одновременно всем полкам, опасаясь, как бы из-за давки и тесноты не пало у города много воинов. Сам же, отъехав, с братом своим, князем Владимиром, и с царем Шигалеем, стоял, наблюдая издали все происходящее.

Воеводы же с пѣшцы ко граду приступльше и единомъ часомъ малотрудне девятеры врата граду изломиша, во град внидоша и путь всюдѣ сотвориша всему рускому воинству. И самодержцево знамя, вознесше, на градѣ поставиша, христьянское побѣдителство на поганыхъ являючи всѣмъ.

И вдругъ с тѣми царевичи поспѣшиста в проломы с полки своими варварскими, и внидоша во град полыми мѣсты в мегновении ока невозбранно, и от бития, и от возгорѣния град отняша, и угасиша силу огненую, казанцы же еще во страсть томъ мятушися и не вѣдающимъ самимъ себѣ, и ума не собравшимъ.

Прочии же воеводы стоящи и времени ожидаючи. И видѣвше огонь угасшѣ и дымъ по аеру вѣтромъ разносимъ, и вой русскихъ уже во градѣ скачющихъ и биющихъ с казанцы, за руки имаяся, и двигнушася от мѣстъ своихъ с полки своими, кииждо стояше гдѣ, с воплемъ крѣпкимъ и приидоша во град на конехъ своихъ, яко грозныя тучи с великимъ громомъ, льющесе со всѣхъ стран, аки сильная вода, во всѣ врата и проломы со обнаженными мечи и с копыи, и другъ друга понуждаючи и вопиючи: «Дерзайте и не бойтесе, о друзи и братия, и поспѣшите на дѣло Божие — се Христосъ невидимо помогаетъ намъ!»

И не удержаша ихъ ни рѣки, ни глубокия рвы, и вся крѣпость Казанская, но яко птица чрезъ ихъ прелетаху и ко граду припадаху и прилипаху. И аще не Господь сохранитъ град, то всуе бдѣть стрегии *его*.

Пѣшцы же лѣствицы тмочисленныя приставляючи ко стѣнамъ и на градъ полѣзоша неудержанно. Ови же, яко птицы или вѣкшицы, прилепляющися, яко ноготми, желѣзными багры, всюде ко стѣнамъ и возлазяху на град, и бияху казанцевъ.

Казанцы же со стѣнъ градныхъ падаху на землю и, смерть свою пред очима своимъ видяще, веселяхуся и лутчи живота смерть вмѣняху, яко нелестно за законъ свой и за отчество и за градъ свой пострадаша. С нѣкихъ же казанцевъ сниде смертный страхъ и охрабришася, и сташа во вратѣхъ града и у полыхъ мѣстѣ, и сняшася с русью и с татарами, смѣсишася съчемъ великимъ с предними же и задними, иже кои во градѣ, и крѣпце сечахуся, яко звѣрие дивии рыкающе.

И страшно бѣ видѣти обоихъ храбрости и мужества: ови влѣсти во градъ хотяху, ови же яко пустити не хотяше. И отчаявшесе живота своего, и сильно бияхуся, и неотступно рекущи в себѣ, яко: «Единого же умрети намъ есть!» И трескотяху копыя и сулицы, и мечи в рукахъ ихъ, и, яко громъ сильнѣ, глас и кричанье обоихъ воинъ гремѣше.

И ту, в Муралѣвыхъ вратехъ, уязвиша казанцы храбраго воеводу князя Симеона Никулинскаго* ранами многими, но не смертными. И по малехъ днехъ исцѣлиша его врачеве здраво и сотвориша, но не во много время, яко преже написахъ о немъ. Брата же его, князя Дмитрия, ис пушки со стѣны убиша.*

Воеводы же с пехотинцами начали штурм, и, в один час без труда проломив девять городских ворот, вошли в город, и повсюду открыли путь для всего русского воинства. И, подняв, водрузили над городом самодержцево знамя, возвещающее всем о победе христиан над погаными.

И внезапно те царевичи поспешили в проломы со своими варварскими полками, и в мгновение ока, в то время как казанцы еще метались в страхе, сами себя не понимая и не обретя разум, беспрепятственно вошли в город сквозь полые места и спасли город от разрушения и пожара, потушив огонь.

Прочие же воеводы стояли и дожидались своего времени. Когда же увидели они, что огонь угас, и дым разносится ветром, и русские воины уже скачут по городу и врукопашную бьются с казанцами, то двинулись они с громкими криками со своих мест, где кто стоял, с полками своими и прискакали на конях своих в город, словно грозовые тучи с сильным громом, вливаясь со всех сторон, словно быстрая вода, во все ворота и проломы с обнаженными мечами и копьями, друг друга ободряя и крича: «Дерзайте и не бойтесь, о друзья и братья, и поспешите на дело Божье — сам Христос невидимо помогает нам!»

И не удержали их ни реки, ни глубокие рвы, ни сама казанская крепость: подобно птицам, перелетали они через них, и припадали, и прилипали к городу. Ибо если не сам Господь решит уберечь город, то напрасно будут охранять его сторожа.

Пехотинцы же приставляли к стенам бесчисленные лестницы и неудержимо лезли на город. Некоторые же, словно птицы или белки, повсюду зацеплялись, как когтями, железными баграми за стены, и влезали на город, и били казанцев.

Казанцы же падали с городских стен на землю и, смерть свою видя перед глазами, радовались и почитали смерть лучше жизни, ибо честно пострадали за обычаи свои, и за отечество, и за город свой. С некоторых же казанцев сошел страх перед смертью, и расхрабрились они, и встали в городских воротах и возле проломов, и схватились с русскими и татарами, смешавшись в яростном бою с передними и задними воинами, уже проникшими в город, и крепко бились, рыча, словно дикие звери.

И страшно было видеть храбрость и мужество тех и других: одни хотели ворваться в город, другие же не захотели пускать их. И, отчаявшись остаться в живых, крепко бились они, неотступно твердя себе: «Все равно нам умирать!» И трещали копья, и сулицы, и мечи в их руках, и гремели, словно сильный гром, голоса и крики и тех и других воинов.

И здесь, в Муралиевых воротах, нанесли казанцы храброму воеводе князю Семену Микулинскому множество ран, но не смертельных. И через несколько дней исцелили его врачи и сделали здоровым, но не на долгое время, как об этом я уже писал прежде. Брата же его, князя Дмитрия, убили из пушки

И похвативше слуги его, отомчаша мертва в шатерь его. И вой его паде с нимъ 3000.

И мало бившеся, и потопташа казанцевъ русь, и погнаша их во улицы града, биюще и секуще, казанцевъ бо не зѣло много и не успѣвающимъ скакати по всѣмъ мѣстамъ града, всюдѣ врат и проломовъ бреши и битися со всѣми не могущимъ, яко уже полонъ град руси, аки мшицы насыпано. Тако, побегающе, бяхуся, инако бо ставляхуся многожды и воздержавашу и их, силних, убивашу несилних, донележе создади русь приспѣвше и побивашу их. И инии же вбѣгаху в дома своя и запирахуся во храминахъ и бяхуся оттоле.

Но не можетъ малъ пламень многъ удержати и противитися величѣй водѣ гашению, но скоро угасает, и ни малая прудина великия рѣки быстрины, сиче же ни казанцы много стояти противу толикаго множества руский вой, и паче же рещи, Божия помощи.

ПЛАЧЬ И УНИЧИЖЕНИЕ К СЕБѢ КАЗАНЦЕВ И УБИЕНИЕ КНЯЗЯ ЧАПКУНА. ГЛАВА 81

И начаша бѣгати казанцы сюду и сюду по улицамъ граднымъ, яко вода вѣтромъ носима, обрываючи с себя пансыри и доспѣхи и мечющи из рукъ своихъ оружия своя, и кличющи, и ревущи сами к себѣ, мужи и жены, отроки и отроковицы, своимъ языкомъ варварскимъ.

«О, люте намъ! — глаголюще, — уже бо время смерти наша приближися днесь! И что сотворимъ? О, горе намъ! Уже постиже нас неизбытный конецъ и вправду погибаемъ, неповинувшеся. О, како изнемогше крѣпцыи наши людие, иже нѣсть было таково ни во всѣхъ земляхъ! О, како падоша силниа казанцы от рускихъ людей, иже ни зрѣти коли можаху преже сего — противитися намъ, и нынѣ видимъ себе, аки прахъ, валяющихся под ногами ихъ, погибающая надежа наша. И днесь мимо иде день добраго жития нашего, и зайде красное солнце от очию нашею, и свѣтъ померче. О горы, покрыйте нас! О земле мати, раздвигни уста своя нынѣ скоро и пожри нас, чадъ своихъ, живыхъ, да не видимъ горкия смерти сея, внезапно со одинаго пришедшиа вдругъ на всѣхъ нас! Бѣжимъ, казанцы, да не умремъ!»

Отвѣщеваху же инии: «Камо прочее бѣжимъ, яко тѣсенъ есть градъ? Или гдѣ есть нынѣ скроемся от злыа руси; приидоша бо они к намъ, гости немилыа, и наливаютъ намъ пити горкую чашю смертную, ея же мы иногда часто почерпахомъ имъ, от нихъ же нынѣ сами тая же горкая пития смертная неволею испиваемъ, и кровь ихъ излияся на насъ и на чада наши».

«И гдѣ есть нынѣ врагъ нашъ и злодѣй, князь сильный Чапкунъ, вмѣсто живота смерть на насъ всеконечную наведе, и в коей полатѣ: или со царемъ нашимъ и с велможамъ казанскими сидитъ, думая о Казани; или еще пьетъ

со стены. И подхватили его слуги, и оттащили мертвого его в шатер. И пало с ним воинов его три тысячи.

И, недолго бившись, потоптали казанцев русские, и погнали их по улицам города, побивая их и посекаяя, ибо было казанцев не очень много, и не успевали они обегать все места города, охранять все ворота и проломы, и не могли они биться со всеми, поскольку город уже был полон русскими, словно мошкой усыпан. Так, перебегая, сражались они, и много раз вступали в бой, и удерживали русских, и, несильные, убивали их, сильных, до тех пор, пока сзади не подоспевали русские и не побивали их. Иные же вбегали в свои дома, и запирались в них, и бились оттуда.

Но не может слабый огонь долго держаться и сопротивляться, когда гасит его большая вода, но скоро угасает; не может и небольшая запруда устоять перед быстринной большой реки, так и казанцы не могли долго сопротивляться такому множеству русских воинов, а точнее сказать — Божьей помощи.

ПЛАЧ И УНИЖЕНИЕ КАЗАНЦЕВ И УБИЕНИЕ КНЯЗЯ ЧАПКУНА. ГЛАВА 81

И начали бегать казанцы — мужчины и женщины, отроки и отроковицы — туда и сюда по городским улицам, словно вода, ветром носимая, срывая с себя панцири и доспехи и бросая свое оружие, крича и вопя сами о себе — варварским своим языком.

«О, горе нам! — кричали они, — ведь приблизился уже смертный наш час! Что будем мы делать? О, горе нам! Уже настиг нас неизбежный конец, и вправду погибаем мы, не покорившись. О, как изнемогли крепкие наши люди — не случилось такого ни в одной земле! О, как побиты были могущественные казанцы русскими людьми, теми, что прежде и помыслить не могли сопротивляться нам! Теперь же видим мы себя, словно пыль, валяющимися под ногами их, а наши надежды — погибающими. И вот уже мимо проходит день доброго жития нашего, и скрылось красное солнце от глаз наших, и свет померк. О горы, накройте нас! О мать-земля, раздвинь теперь поскорее уста свои и поглоти нас, детей твоих, живыми, дабы не увидели мы горькой смерти сей, внезапно вдруг пришедшей ко всем нам одновременно! Бежим, казанцы, дабы не умереть!»

Иные же отвечали: «Куда еще побежим мы, если тесен город? Разве где-нибудь скроемся мы теперь от злых русичей: пришли ведь они к нам, гости немилые, и наливают нам пить горькую чашу смертную, которую некогда мы им часто наливали, от них же теперь сами того же горького питья смертельно испиваем, и кровь их излилась на нас и на детей наших».

«И где теперь, в какой палате, находится враг наш и злодей, могущественный князь Чапкун, который вместо жизни навел на нас окончательную погиль: или сидит с царем нашим и с вельможами казанскими, совещаюсь о

черлено вино и меды сладкия и веселится, приемля дары от царя и почести от другов своих, велмож; или с красными своими женами спит еще долго утра, или храбрѣствует единъ и хочет удержати Казань, безо многих людей *удержати* царство от *погубления*, мняся крѣпко стояти, возмущая народом всѣмъ и велможами всѣми владуя, яко премудрѣ творящесе, и царя не слушаше? Горе намъ, буимъ, послушавшимъ злаго совѣта его! И се исчезаем днесъ вси его ради».

И текше, воини свои ему разсѣкоша его мечи на части, глаголющи: «Умри с нами, безумне и лестче, и душепагубный преллагатаю, и окаянный пагубникъ, и лукавый смущенниче, замутив Казанью всею! Увы и намъ о тебѣ, увы и тебѣ, лживый псе нечистый! Горе намъ! Горе намъ! Лучше было намъ послушати царя своего, отецъ и матерей наших, женъ и дѣтей своих слез и плача не презрити и царя московскаго с веселиемъ и радостию в первый день прихода его встрѣтити, изшедши з женами нашими и з дѣтми, и предатися ему, да токмо живы были вси, и красный свѣтъ видѣли и работали бы ему с великою правдою и вѣрою».

Ови же жалостне рыдающе, на воздух гласъ испущаху.

МОЛЕНИЕ И СМирЕНИЕ КАЗАНЦЕВ. ГЛАВА 82

«Милостив буди намъ, — вопияху, — самодержче московский, и прости нам всего нашего зла и беззакония нашего не помяни! Много бо лукавствоволаху и неправды творяху отцы наши ко твоему отцу и дѣды наши, и прадѣды к дѣдом твоимъ и прадѣдом; тако же и мы нынѣ к тебѣ, и болша их: докуду бо *растяша ты*, и тогда много зла тебѣ сотворяху, плѣнующе и губяще землю твою во свою волю. Со одинаго вси измѣнники и лестцы полаты твоя, всегда норовящеи намъ и емлющим от того у нас дары велики. Потому же и супротивляхомся тебѣ много и лстяхом, и лгахом по их научению, и служити волею своею, и *поработитися* тебѣ не хотѣхом, таку сущу и велику царю, и богату, ему же многи царства и земли подлежахуть, безчисленни дары носяще, и князи самодержавни работают, и волнии царие служат, повинувшесе, паче многих царей славою и силою, и богатством превозходящему, ему же точных во вселенней не обрѣтается.

Мы же нынѣ самоволиемъ слышавше князя Чапкуна, твоего же милосердия не послушавше, и се нынѣ преклоняем выя своя подо оружия вой твоих и погубляемся безвременне, и лишаемся всеу другаго живота нашего, и красного свѣта сего избываемъ, умирающим не по закону нашему, нази ложащесе безчисленно, поругаеми пред очима твоихъ людей, не погребаемы в землю. И что много речемъ, поистиннѣ бо и по правдѣ твоей погибаемъ вси мы от тебе, самодержче великий, за высокоумие и безвѣрие, и за лукавствие, и злобу!

Казани; или еще пьет красное вино и сладкие меды и веселится, принимая дары от царя и почести от друзей своих, вельмож; или долго спит еще поутру со своими красавицами женами; или один проявляет храбрость и хочет с немногими людьми удержать Казань, удержать от гибели царство, намереваясь стоять накрепко, приводя в смятение всех людей и правя всеми вельможами, ибо прикидывался он мудрецом и царя не слушал? Горе нам, безумным, послушавшим злого его совета! И вот теперь все мы пропадаем из-за него».

И, бросившись к нему, свои же воины рассекли его мечами на части, говоря так: «Умри с нами, безумный, и хитрый, и душепагубный изменник, и окаянный губитель, и лукавый смутьян, смутивший всю Казань! Увы и нам из-за тебя, увы и тебе, лживый пес нечистый! Горе нам! Горе нам! Лучше было бы нам послушаться царя своего, не пренебечь слезами и плачем отцов и матерей наших, жен и детей и с веселием и радостью встретить московского царя в первый день его прихода, выйдя с женами нашими и детьми, и предаться ему, и были бы мы тогда все живы и видели красный свет, и служили бы ему с великой правдою и верою».

Другие же, жалобно рыдая, оглашали воздух криками.

МОЛЕНИЕ И СМИРЕНИЕ КАЗАНЦЕВ. ГЛАВА 82

«Будь милостив к нам, — кричали они, — самодержец московский, и прости нам все наше зло и преступления наши не вспоминай! Много ведь лицемерили отцы наши и обманывали твоего отца, и деды наши и прадеды — твоих дедов и прадедов; так же и мы теперь — тебя, даже больше их: ведь пока подрастал ты, много зла причиняли мы тебе, разоряя и губя твою землю по своей воле. Все до одного изменники и твои льстецы придворные, всегда угрожающие нам и за то получающие от нас дорогие дары. Потому мы и сопротивлялись тебе долго, и обманывали, и лгали по их наущению, и не хотели по своей воле служить и покоряться тебе, такому великому и богатому царю, которому подчиняются многие царства и земли, принося бесчисленные дары, которому и самодержавные князья подвластны, и цари вольные, повинуюсь, служат тебе, превосходящему многих царей славою, и силой, и богатством, равного которому не найти во всей вселенной.

Мы же добровольно послушались князя Чапкуна, а твоему милосердию не вняли, и вот теперь склоняем шеи свои под оружие воинов твоих, и безвременно гибнем, и лишаемся всеу другой жизни нашей, и прекрасный свет этот оставляем, умирая не по обычаю нашему — на глазах твоих людей, поруганные, без числа ложась нагими, непогребенными в землю. И что много говорить, ведь воистину по справедливости погибаем все мы от тебя, великий самодержец, за высокомерие, и безверие, и лицемерие, и злобу!

Когда бо ты родися от матери своея, мы о тебѣ сотворихом тогда и погибель свою узнахомъ; и волхви наши преже рожения твоего повѣдаху намъ, яко хошет родитися на Русѣ царь силенъ и возмятетъ многими странами, и царства многия поплѣнит, и смиритъ, и одолѣетъ иноязычными землями, и грады их примет и озлобит, и никто же от царей наших срацынских и королей латинских возможет противитися ему, аще же и постоит, но и побѣжени будут; имать же и наше царство взяти, и нас всѣх погубить огнемъ и мечемъ.

Но злымъ обычаем нашимъ прегордымъ от родства своего одержими есмь и не хотѣхом до смерти наша смиритися с тобою, и не повинутися тебѣ, и слыти неволнии твои раби. Правда твоя и милость великая, и многое терпѣние твое, и великое смирение, еже к нам, и къ Богу твоему вѣра твоя и непрестанная молба преможе и погуби нас. Ныне же, самодержче великий, да буди царствуя по нас и владѣя Казанью мирне и многолѣтне, и во вѣки царствуя».

И плакаху казанцы плачемъ великим, раздираючи в тугах на себѣ ризы своя и объимающе отцы сынов своих, матери же чад своих, проливающе слезы горкия. «Увы, — вопияху, — пагубы различныя нашего от вас! Не молихом ли вас, чад, и не плакахом ли ся: „Помилуйте старости наша со юностию вашею и сосец воздоивших вас устыдитесь!“ И нѣсть вас милующих нас, ни слушающих. И не збыть ли ся сие?»

Слышаху же от русских вой мнози умилныя в рыдании словеса мужей и женъ казанских, знаючи языки их, и покиваху главами своими, плеваху и проклинаху мерская зачатия их змиина и аспидова рожения их.

И донесошася плачеве и жалостныя рѣчи казанцов во уши самодержцевы, и еще, милостивая утроба, сердцемъ своимъ пожалѣ о них: забы злобы их и неправды, и повелѣ воеводамъ, да молвятъ сотником и тысящником, да уймут вой от сѣча. И не бѣ их мощно уняти и ни ярости воинства утолити, быша бо имъ злѣе казанцы, паче огня всеядца и меча обоюдоуостра, и всякия болѣзни и горкия смерти горчайши. И повелѣвающих от брани престати многих своих язвиша до смерти. Рустии же вой состизающе казанцевъ немилостивно мечи своими и секирами разсѣцаху, и копьями и сулицами прободаху всквозь, и рѣзаху, аки свиней, нещадно, и кровь их по улицам града течаше.

И вбѣгаше казанцы в Вышеград, и не успѣша в немъ затворитися, такоже и в царевъ двор, и в полаты его, и бняхуся с русию каменнемъ и дреколием и цками покровными, яко во тмѣ шатающися, и сами убивающися, и живы в руки не дающися взять. Скоро побѣжени бываху казанцы, яко трава, посѣцахуся.

Ведь когда был ты рожден матерью своей, мы о тебе гадали и тогда узнали о своей гибели, волхвы же наши еще до твоего рождения поведали нам, что должен родиться на Руси сильный царь, который смутит многие страны и завоюет многие царства, и смирит и одолеет иноязычные земли, и возьмет и покарает города их, и никто из сарацинских наших царей и латинских королей не сможет воспротивиться ему: если даже и окажет сопротивление, все равно будет побежден; сможет он и наше царство взять и нас всех погубит огнем и мечом.

Но одержимы мы от рождения нашего злостью и гордыней, и не хотели до самой смерти мириться с тобой, и покориться тебе, и слыть покорными твоими рабами. Правда твоя и великая милость к нам, и большое твое терпение, и великое смирение, и вера твоя, и непрестанные молитвы к Богу победили и погубили нас. Теперь же, великий самодержец, царствуй после нас и многие годы мирно владей Казанью, царствуй вечно!»

И плакали казанцы плачем великим, в тоске раздирая на себе одежды свои, и обнимали отцы сыновей своих, матери же — детей своих, проливая горькие слезы. «Увы, — кричали они, — все наши несчастья от вас! Разве не умоляли мы вас, детей, и разве не просили со слезами: „Помилуйте старость нашу и юность вашу и вскормивших вас сосцов устыдитесь!” Но не пожалели вы нас и не послушались. И разве не сбылось это?»

Многие же русские воины, знающие язык их, слышали жалостливые вперемешку с рыданиями слова жен и мужей казанских и, покачав головой, плевались и проклинали мерзкое зачатие их змеиное и аспидово рождение их.

И донеслись рыдания и жалостные речи казанцев до ушей самодержца, и еще раз, милосердный, пожалел он их сердцем своим: забыл злобу их и неправду и повелел воеводам, чтобы приказали они сотникам и тысяцким унять воинов от сечи. И нельзя было ни унять их, ни утолить ярости воинства, ибо были для них казанцы злее огня-всеядца и меча обоюдоострого, и всякой болезни и горше смерти горькой. И многим своим, приказывавшим им прекратить сражение, нанесли они смертельные раны. Безжалостно настигали русские воины казанцев своими мечами и рассекали их секирами, и копьями и сулицами протыкали насквозь, и нещадно резали их, словно свиней, и текла кровь их по улицам города.

И вбежали казанцы в Вышгород и не успели в нем запереться; прибежали они и на царский двор и в царские палаты и бились с русскими камнями, и дубинками, и обшивочными досками, шатаясь, словно в темноте, сами себя убивая и не давая живыми схватить себя. И вскоре побеждены были казанцы — словно трава, посечены.

О ПАДЕНИИ ХРАБРЫХ КАЗАНЦЕВ. ГЛАВА 83

Тѣхъ же досталних 3000 окопившася храбрыхъ казанцевъ* и плакавше, и цѣловавшеся со оставльшими, и молвяще к себѣ: «Выедемъ ис тѣсноты сея на поле и сѣцмеса с русию на мѣстѣ ширецѣ дондеже изомремъ или убѣгше, живот получим».

И всѣдше на кони своя, и прорвашася во врата Царевы за Казань рѣку,* и надѣющеся на крѣпость рукъ своих, и хотяще пробитися сквозѣ русскихъ полки, стрегущия бѣглецевъ, и убѣжати в Нагай Орду. И вскочиша, аки звѣри, во осокъ, и ту ихъ окружи руская сила и вмѣсто согнете, и осыпаша их, аки пчелы, не дадуще ни прозрѣти — стояху бо ту на поле два воеводы противъ Царевыхъ врат — князь Петръ Щенятевъ, другий же князь Иванъ Пронской Турунтай.*

И много сѣкшеся казанцы, и многихъ от вой русскихъ убивше, и сами ту же умроша, храбрыя, похвално на земли своей. Како бо можаху битися казанцы с такими рускими силами многими, яко быти на единого казанца русинов 50!

Рустии же вои быстро, яко орли и ястреби гладни, на нырищи полетаху, и, скачющи, полѣтоваху, яко елени по горамъ, и по стогнамъ града; и рыскаху, яко звѣрие по пустынямъ, сѣмо и овамо, яко лвы рыкаху, восхитити лова — ищущи казанцевъ, в домѣхъ ихъ и во храминахъ, и в погребѣхъ, и въ ямахъ скрывающихся. И гдѣ аще обрѣтаху казанца стара или юношу, или средоличнаго, и ту скорѣ того оружиемъ своимъ смерти предаваху; отроки же токмо младыя и красныя жены, и девицы соблюдоваху: не убиваху повелѣниемъ самодержца, что много моляху мужей своихъ предатися ему.

И бѣ видети, яко высокия горы, громады же великия побитыхъ казанцевъ лежащихъ,* яко внуть града з градными стѣнами сравнитися, и во вратѣхъ же градныхъ и в проломѣхъ; и за градомъ — в ровѣхъ, потоцехъ и в кладязѣхъ, по Казани рѣки и по-за Булаку, по лугомъ, безчисленно мертвыхъ бысть, яко и силному коню не могуще доволство скакати по трупию мертвыхъ казанцевъ, но вседати воину на иныя кони и пременяться.

Рѣки же по всему граду кровию ихъ пролившася, и потоцы горячихъ слезъ протекоша; яко великия лужи дождевныя воды, кровь стояше по нискимъ мѣстомъ; очерленеваше земля, яко и речнымъ водамъ с кровию смеситися, и неможаху людие из рѣкъ по 7 дний пити воды, конемъ же и людемъ в крови до колѣна бродити. И бысть сѣча та великая от утра, перваго часа дни, и до десятаго.*

О ПАДЕНИИ ХРАБРЫХ КАЗАНЦЕВ. ГЛАВА 83

Те же, кто остался в живых, три тысячи храбрых казанцев, собравшихся вместе, плакали и целовались, говоря друг другу: «Выйдем из тесноты этой на поле и будем биться с русскими на широком месте до тех пор, пока не умрем или, убежав, не спасем свою жизнь!»

И сели они на своих коней, и прорвались через Царские ворота за реку Казань, надеясь на крепость своих рук и рассчитывая пробиться сквозь русские полки, подстерегающие беглецов, и убежать в Ногайскую Орду. И забились они, словно звери, в осоку, и здесь окружили их русские воины и, согнав в одно место, облепили их, как пчелы, не давая возможности ничего разглядеть, — стояли ведь тут, на поле против Царских ворот, два воеводы — князь Петр Щенятев и князь Иван Пронский Турунтай.

И долго бились казанцы, и убили много русских воинов, и сами, храбрые, достойно умерли здесь, на своей земле. Да и как могли казанцы биться с такими большими русскими силами, ведь на одного казанца приходилось по пятьдесят русских!

Русские же воины быстро, словно орлы или голодные ястребы, летящие к гнездам своим, полетели к городским башням и, словно олени, скачущие по горам, помчались по улицам города; и рыскали они, как звери по диким местам, туда и сюда, рыча, словно львы, в поисках добычи, разыскивая казанцев, скрывающихся в своих домах, и молельнях, и погребях, и ямах. И если где-то находили они казанца — старика, или юношу, или средних лет человека, тут же вскоре оружием своим смерти его предавали; в живых оставляли только юных отроков и красивых женщин и девушек: не убивали их по повелению самодержца за то, что много умоляли мужей своих покориться ему.

И можно было видеть подобные высоким горам громадные кучи убитых казанцев, лежавших и внутри города, вровень с городскими стенами, и в городских воротах, и в проломах; и за городом — во рвах, ручьях и колодцах, вдоль реки Казани и за Булаком, по лугам — лежало бесчисленное количество мертвых, так что даже сильный конь не мог свободно скакать по трупам мертвых казанцев и воину приходилось сменять коней, пересаживаясь с одного на другого.

И разлились по всему городу реки крови, и протекли потоки горячих слез; словно огромные лужи дождевой воды стояла кровь по низким местам; окровавилась земля, и речная вода смешалась с кровью, так что семь дней не могли люди пить воду из рек; кони же и люди бродили в крови по колена. А длилась та великая битва с утра, с первого часа дня до десятого.

О СЪЧЕ И О ВЗЯТИИ ПЛѢНА И БОГАТЪСТВА КАЗАНЬСКАГО.

ГЛАВА 84

Глаголаша бо нѣцци после пленения казанцы, умѣюще грамотѣ своей варварской, вопрошающим у нихъ в бесѣдѣ руским людем о съче казанской и отвѣшаху имъ, яко: «Много есть бывало в Казани съчей и боевъ великих, а такова съча и бои не бысть никогда же, от когда и почася быти царство Казанское: ни от прадѣд своихъ слышахом, ни писания же наша имѣют сицевыхъ».

Иже и збысться от рускихъ людей всегда о Казани глаголющее слово, яко мечем и на крови зачася Казань, такоже и скончася мечемъ и кровию, якоже и збысться ему нынѣ, преизлихованному *неправдами* преже и злобами всяческими кипящему. Блажень благовѣрный нашъ царь, иже воздасть ему воздаяние его, еже по многу времени воздаша намъ! Блажени вои рустии, до вѣка разбившия скверныя младенцы его о камень!

Вои же рустии, избираючи великорожденных казанцев малыя дѣти, отроки и красныя отроковицы, и жены доброличныя богатыхъ и добродородныхъ мужей, и в *плѣнѣ* взяша многихъ, и овѣхъ себѣ в работу сведоша, овѣхъ же, крестивша, в жены себѣ пояша; отроки же и девицы в сыны и во дщери мѣсто держать паче имуще своихъ дѣтей. Взяха же безчисленная множество злата и сребра, и жемчюгу, и каменья драгаго, и свѣтлыхъ портищъ золотыхъ, и красныхъ поволоокъ драгихъ, и сосудовъ сребрянныхъ и золотыхъ, им же нѣсть числа, и кииждо человекъ, что требоваша и можаше, той взимаше себѣ на требование: силнии воини, меж себѣ биющеся, от несилнихъ отнимаху, раны возлагающе на ся о богатствѣ томъ. — О зависти сребролюбия аде! О даннѣмъ равнѣ всѣмъ богатствѣ от Бога друг друга убиваше!

Мнози же тогда убозии вои, кои взимающе и грабяще, сии в земли скровеная сокровища великая обрѣтающе, обогатѣша и до вѣка своего казанскимъ богатствомъ наполнишася, всякаго узорочья до воли своя, яко сыномъ и внукомъ их, и послѣдному роду ихъ оставя полно того богатства, и к тому не пещися имъ о нужныхъ потребахъ домашнихъ, но веселитися всегда з женами своими и з дѣтми, яко мало дней потрудившеся и на долга времена обогатѣвша.

И все богатство руское, и всякия драгия узорочья и паки воспяты возвратишася рускимъ людемъ, еже издавна казанцы воеваниемъ себѣ собраша.

О ИЗЫМАНИИ КАЗАНСКОГО ЦАРЯ*

И О ПРЕЛАГАТАЕ МОСКОВСКОМЪ. ГЛАВА 85

Нѣкий же юноша воинъ, княжей отрокъ князя Дмитрея Палецкого, оружие наго держа в рукахъ своихъ, кровию варварскою красѣющися, и потече с воины, с *четою* своею, в мерское святилище Махметово, в мечеть цареву,

О БИТВЕ И О ЗАХВАТЕ ПОЛОНА И БОГАТСТВА КАЗАНСКОГО. ГЛАВА 84

Некоторые же казанцы, знающие грамоту свою варварскую, попав в плен, в беседах с русскими людьми, расспрашивавшими их о казанской сече, отвечали им так: «Много бывало в Казани сражений великих и боев, но такого сражения и боя не было никогда с тех пор, как началось Казанское царство: и от прадедов наших не слыхали мы о такой сече, и в книгах наших о том не пишется».

И сбылись слова, которые всегда говорили о Казани русские люди: «Мечом и на крови зачалась Казань, мечом и кровью закончится», что и сбылось теперь с ней, прежде неправдами переполненной и всякими злодействами кипящей. Блажен благоверный наш царь, который воздаст ей за то зло, что долгое время причиняла она нам! Блаженны русские воины, навсегда разбившие скверных младенцев ее о камень!

Русские же воины, выбирая маленьких детей знатных казанцев, и отроков, и прекрасных отроковиц, и пригожих жен богатых и почтенных людей, забирали многих в плен и одних увели с собою в неволю, других же, окрестив, взяли себе в жены, отроков же и девиц растили как сыновей и дочерей — лучше, чем своих собственных детей. Захватили они и бесчисленное множество золота, и серебра, и жемчуга, и драгоценных камней, и нарядных золотых одежд, и прекрасных дорогих паволок, и серебряных и золотых сосудов, которым нет числа; и каждый брал по своему желанию все, что ему требовалось и что мог он взять: сильные воины, дерясь друг с другом, отнимали добычу у несильных, нанося друг другу раны из-за того богатства. О ад зависти сребролюбия! Из-за всем поровну посланного Богом богатства убивали друг друга.

Многие же слабые воины, у которых сильные отбирали добычу, отыскав зарытые в земле богатые клады, разбогатели и запаслись казанским богатством на весь свой век, захватив, сколько хотели, всяких драгоценностей, так что сыновьям, и внукам их, и далеким потомкам осталось много того богатства, и потому могли они не заботиться о насущных домашних нуждах, но всегда веселиться с женами своими и детьми, ибо, мало дней потрудившись, разбогатели они на долгие времена.

И возвратились назад русским людям все те русские богатства и все те драгоценности, которые за много лет награбили у них во время набегов казанцы.

О ВЗЯТИИ В ПЛЕН КАЗАНСКОГО ЦАРЯ И О МОСКОВСКОМ ИЗМЕННИКЕ. ГЛАВА 85

Некий же юноша-воин, дружинник князя Дмитрия Палецкого, держа в руках оружие свое наголо, красное от варварской крови, направился с воинами, со своим отрядом, в мерзкое Магометово святилище, в царскую мечеть, где

идѣже у мерских нечестивых царей казанских скверная и гнилая, и мотылная, и смрадная тѣлеса погребяхуся, чая тамо нѣкое себѣ налѣсти богатство, еже и бысть. И разби оружиемъ своимъ двери мечетныя, и влѣз в ню, и погляда *сюду* и сюду, видѣ по стѣнамъ златотканныя запоны, на царских гробѣхъ — покровы драгия, саженыя жемчугомъ и камениемъ драгимъ; по едину же страну храма того до верха наставленных великих ларцевъ и коробей с рухломъ драгих казанских велмож, по другой же странѣ — женъ красных и дѣвицъ до 1000,* угнетающихся, во одѣянии красномъ и в повояхъ златых,* и среди мечети — самого царя казанскаго в желѣвѣчных и в худых ризах одѣянна не на царскомъ мѣсте златом, но на земли седяща, на коврѣ, сѣтующа и плачуща, и прахомъ главу посыпанну имуща, и скверную молитву по закону своему творяща, и хранящася смертнаго ради страха, да не познанъ будет от руских вой, яко царь есть, и нѣкако *прелукавит* их, и не изыманъ ношию убѣжати чая у них из града; и 12 иерей нечестивых пред нимъ на земли же ницаху и молитву творяху, и около царя 30 князей вооруженных стояху.

Воин же той русинъ остави то все в мечети грабити и тече к дружине *своей* и повѣда имъ о цари, с ними же и поскочи на царя, а иныя на жены устремилася. И хотѣ оружиемъ своимъ поразити всѣх и смерти предати, не вѣдая, что царь есть, убогия ради приправы его, еже на немъ. Сверже бо с себѣ царь драгия ризы познатия дѣля и воинския одежи совлечеса, но не утаится в кале многоцѣнный бисер.

Князи же царевы воскричаша и рускимъ языком рекоша: «Не мозите нас, юннии, никако же убити! О сильный воеводо, да нас дѣля самъ не погибнеши злѣ, ему же служиши, но воземъ, веди нас живых ко царю великому князю, да про нас от него честь примеши: то бо есть царь казанский, его же мало не убил еси, а то есть иереи бахмечи, а мы есмя князи царевы, служимии ему раби». И падоша ему на колѣну свою, повергше оружия своя, держаще на персѣх руцѣ свои, молящеся своимъ языкомъ, дабы их не убил. Бѣ бо крѣпко заповѣдано от самодержца всѣмъ во емъ никому же убити казанскаго царя, но жива взяти, идѣже обрящут его.

Юноша же воинъ преклонився к милосердию и опусти острое кровавое оружие свое на землю, трясыйся злобою убийственною и трепеща весь от радости, яко не лишен бысть онъ за труды своя обогащение прияти от Бога. Повелѣ же другом своимъ убити иеревь бахмичих, и убиша их, царю же ничтоже зла не сотвори, но, яко велико сокровище обрѣт, тихо и честно царя от земля подья и посади его на конь свой, и его князи остави пѣши итти, связанных, у седла, у ногу цареву, а самъ и друзи его пред царем и около царя идяху, оружиемъ своимъ машуще, и разбиваху воя, путь итти царю творяще сквозѣ воя, да никто же приблизится к нему. И многих узави

погребались скверные, и гнилые, и навозные, и смрадные тела мерзких, нечестивых казанских царей, надеясь найти там для себя какую-нибудь богатую добычу, как и случилось. И разбил он оружием свои двери мечети, и вошел в нее, и поглядев по сторонам, увидел на стенах златотканые занавеси, на царских гробах — дорогие покрывала, усаженные жемчугом и драгоценными камнями; по одну сторону этого храма — большие ларцы и короба с имуществом богатых казанских вельмож, наставленные до самого верха, по другую же сторону — до тысячи жмущихся друг к другу прекрасных женщин и девушек в красивых одеждах и в золотых повойниках, а посредине мечети — самого казанского царя, одетого в истерзанные бедные одежды, сидящего не на золотом царском месте, а на земле, на ковре, горюющего, и плачущего, и посыпающего голову свою пеплом, и скверную молитву, по своему обычаю, шепчущего, и прячущегося в смертельном страхе, чтобы не узнали в нем русские воины царя, надеясь тем перехитрить их и, избежав плена, ночью убежать из города; и двенадцать иереев нечестивых расprostерлись перед ним на земле и произносили молитвы, и около царя стояли тридцать вооруженных князей.

Воин же тот русский раздумал грабить мечеть, и пошел к дружине своей, и поведал ей о царе; с ними он и наскочил на царя, часть же воинов устремилась к женщинам. И хотел он оружием своим всех поразить и предать смерти, не ведая, что перед ним царь — из-за нищенской одежды, которая была на нем. Сбросил с себя царь дорогие одежды и совок воинский свой наряд, чтобы не быть узнанным, но не может утаиться в навозе драгоценный жемчуг!

Князья же царицы закричали и сказали по-русски: «Никак не можете вы убить нас, юноши! О сильный воевода, сам не пострадай жестоко из-за нас от того, кому служишь; лучше, взяв нас, веди живыми к царю великому князю и получишь от него за нас почести: ведь тот, кого ты едва не убил — казанский царь, а это — иереи магометанские, а мы — князья царицы, служащие ему рабы». И, побросав оружие свое, упали они перед ним на колени, умоляя его на своем языке, приложив руки к груди, не убивать их. Накрепко ведь наказал самодержец всем своим воинам, чтобы никто не убивал казанского царя, но взяли бы его живым там, где его найдут.

И юноша-воин склонился к милосердию и опустил на землю острое кровавое свое оружие, весь трясаясь от смертельной злобы и трепеща от радости, что не лишил его Бог за его труды возможности обогатиться. И повелел он друзьям своим убить магометанских иереев, и убили их, царю же не причинил он никакого зла, но тихо и уважительно, так, словно нашел драгоценное сокровище, поднял царя с земли и посадил его на своего коня, а князей его повел пешком, связанными, у седла царского, у его ноги; сам же и друзья его шли впереди и около царя, размахивая оружием, и раздвигали воинов, прокладывая царю путь, чтобы никто не мог приблизиться к нему. И многих ранил

юноша той, хотящих силно царя отнати у него, чести ради и корысти от самодержца прияти.

И приведе въ стан к шатру самодержцеву. Онъ же не велѣ его вести на очи к себѣ. «Не подобает бо, — глаголаше, — повинному древних царей обычаю, видѣвше царя, быти в печали и тузѣ, но радостну и веселу, яко царь сый, аще и поганъ, и силою и богатством не таковъ сый, но самоволень бѣ и себѣ служаше, а не иному коему царю, и себе брежаше, и за себе стояше. И паче достоинъ есть похвалѣ таковой, и не муце и казни».

И повелѣ его на конь всадити и водити по всѣмъ рускимъ полком, рек: «Да не имать часа сего видѣти лица моего супостат мой», и, водив его, отдати на брежение великому воеводѣ князю Дмитрею Палецкому Щередѣ, его же отрокъ царя изыма. И наказа воеводѣ словесы утѣшати царя и не печалитися, и блюсти его, и бреши во ослабѣ и в покое велицѣмъ, да точию не убѣжит или самъ себе в тосцѣ не убьет, князи же его, желѣзы прековав, держати. И воина же русина, приведшаго царя, и други его, серебром и златом ис казны своя понемалу одаривъ и свѣтлая портища подавъ имъ, и паки отпусти их на сѣчу казанцевъ. И радостно потече з друзи своими, взявше корысть добычи своя от самодержцевы казны.

И повелѣ царь князь великий приставнику воеводѣ у царя казанского воспросити, аще кто к нему или х казанцемъ от воевод или от вой московских перевѣт держалъ и грамоты посылал. Царь же с словомъ воеводы борзо влагалище свое развергъ, еже при поясе своемъ ношаше, у срачицы, и взял от него грамоту и вдаде воеводѣ онаго злаго воина Юрья Булгакова, самого его руки писание. Воевода же то до самодержца донесе и прочет я пред нимъ. Онъ же разгнѣвася зѣло и повелѣ яти его и пытати его крѣпко, аще того есть грамота и писание? Онъ же никакоже заприся, но исповѣдаше предо всѣми, яко: «Мое есть дѣло сие, и мой грѣх ко мнѣ пришел есть, и по сердцу сотворих есмь за нелюбие твое ко мнѣ».

И предаде его воеводѣ, да промыслит о немъ, яко же хошет. Воевода же отдаде на смертнующ казнь и повелѣ его по хребту секѣроу растесати и руцѣ его по мышцѣ, и нозѣ его по колѣни, а последи главу ему отсѣщи, яко да и прочии, сие видѣвше, лишатся тако творити. И лежа 3 дни непогребень на мѣсте томъ, всѣми зримъ, и прощениемъ воеводы свои ему взяша с мѣста того, и погребень бысть на Руси у родителей своих. Се бо тако случается вездѣ ко иновѣрнымъ перевѣт держащимъ.

юноша тот, тех, кто хотел силой отнять у него царя, чтобы получить от самодержца почести и награду.

И привел он его в стан, к самодержцеву шатру. Тот же не велел вводить его к себе, пред очи свои. «Не подобает ведь, — объяснил он, — тому, кто придерживается обычаев древних царей, увидев царя, пребывать в печали и тоске вместо радости и веселья, а этот царь, хотя и поганый и не такой сильный и богатый, но независимым был и служил себе, а не какому-нибудь иному царю, и сам себя охранял, и сам за себя стоял. И достоин больше таковой похвалы, чем муки и казни».

И, сказав: «Да не увидит сейчас лица моего супостат мой!», повелел посадить его на коня и водить по всем русским полкам и, обойдя их, отдать его под охрану великому воеводе князю Дмитрию Палецкому Щереде, отрок которого взял царя в плен. И наказал воеводе утешить царя, чтобы тот не печалился, и ухаживать за ним, и держать его на свободе и в полном покое, чтобы только не убежал он или сам в тоске себя не убил, князей же его держать закованными в железо. Воина же русского, приведшего царя, и друзей его, немало одарив серебром и золотом из своей казны и раздав им нарядные одежды, отпустил он снова сражаться с казанцами. И радостно пошел тот с друзьями своими, получив богатую добычу из самодержцевой казны.

И повелел царь великий князь воеводе, приставленному к казанскому царю, спросить того, не доносил ли кто-нибудь ему или казанцам из московских воевод или простых воинов и не посылал ли грамот. Царь же по слову воеводы быстро открыл кошелек, который носил на поясе у сорочки, и достал из него грамоту того злого воина Юрия Булгакова, написанную его рукой, и отдал ее воеводе. Воевода же принес ее самодержцу и прочел ему. Тот же сильно разгневался и повелел схватить его и крепко пытаться его: им ли написана грамота? И не стал он нисколько запыряться, но признался перед всеми: «Мое это дело, и мой грех вернулся ко мне, сделал же я это по своей воле за нелюбовь твою ко мне».

И отдал его самодержец воеводе, дабы тот поступил с ним, как захочет. Воевода же предал его смертной казни и повелел сначала разрубить его секирой вдоль хребта, потом отсечь руки до мышек, потом ноги до колен, а напоследок отрубить голову, чтобы другие, увидев это, не совершали подобного. И лежал он у всех на виду три дня непогребенным на месте том, и, упросив воеводу, забрали его оттуда близкие его, и был он похоронен на Руси, у родителей своих. Так ведь везде случается с теми, кто доносит иноверным.

СМѢЧЕНИЕ ВСѢХ В КАЗАНИ ПОБИТЫХ КАЗАНЦЕВ И РУСКИХ ВОЙ, ИЗЧИЩЕНИЕ ГРАДА. ГЛАВА 86

И кончавшейся съчи, и воплю преставшу, и улегшуся мятежю, и повелѣ царь князь великий мудрецемъ гораздым, объѣхавъ, смѣтити и счести, колико есть число побитых казанцевъ и руси. И борзо поѣздивъ, и почте, и смѣти рязанския земли воевода Назарья Глѣбовъ,* мудръ бо бѣ и хитръ ко счету числу — таков, яко единомъ часомъ, не долго мысля или рати число не довѣдовья, по хоженю их и по пути, в мегновении ока познавше. Смѣтивъ, и сказа. «Есть, — рече, — самодержче, болѣ 190000 побитых казанских людей и всѣх мала и велика, стара и млада, мужеска пола и женска, кромѣ плененых, есть же и тѣх число болѣ того». Онъ же покива главою своею и рече: «Воистинну сии людие, буи и не мудри, *крѣпцы быша и силнии*, и самоволни умроша, непокорившися воли моей». Руских же вой сочтоша, побитых от казанских людей во всѣх приступех и на съемных боех, и в загонех 15355 человекъ.

И повелѣ царь князь великий пѣшцемъ чистити град и царевъ двор, и улицы вси, и площади и всѣх побитых казанцевъ трупия вонь из града извлачити и далече внѣ града пометати, на пуссте мѣсте, псомъ и звѣремъ на снѣдение и на раздробление воздушным птицам. Ту же наидоша в трупии томъ и сеита казанскаго, убита, и оного буюго варвара — сходника и преллагатая князя Чапкуна, лежаща нага, по частем разсѣчена и толь скоро согнившя во единъ день, и червми кипяща, и злосмрадие злое издающа на показание протчимъ всѣмъ измѣнникомъ, с лестию и неправдою служащимъ государемъ своимъ — им же да буди вѣчная мука!

ВШЕСТВИЕ В КАЗАНЬ ЦАРЯ И ВЕЛИКОГО КНЯЗЯ И МОЛЕНИЕ ЕГО И БЛАГОДАРЕНИЕ КЪ БОГУ. ГЛАВА 87

И егда исчистиша град, тогда самъ благовѣрный царь князь великий во вторникъ въѣхавъ в столный град Казань в час 3 дня* со всею силою своею, предидушу пред нимъ хоругви его — образу Спасову* и того рождшей пречистой Богородицы, и честному кресту. И приѣхавъ на великую площадь къ цареву двору, и ту сойде с коня своего, дивяся во умъ своемъ и чюдяся, и пад на земли и благодаряше Бога, зря на образ его, еже на хоругви, и на пречистую Богородицу, и на честный крестъ Спасовъ, слезы точа о неначаемых избывшихся ему.

И воставъ от земли и радости и жалости наполнився, рече: «О, коликъ народ людей паде единомъ малым часомъ одинаго ради града сего! И не без ума

СОБИРАНИЕ ВСЕХ УБИТЫХ В КАЗАНИ КАЗАНЦЕВ И РУССКИХ ВОИНОВ, ОЧИЩЕНИЕ ГОРОДА. ГЛАВА 86

Когда же кончилась битва, и смолкли крики, и улеглось волнение, повелел царь великий князь искусным умельцам, объехав город, собрать в одно место и сосчитать, сколько убито казанцев и русских. И, быстро поездив, собрал всех и сосчитал рязанский воевода Назар Глебов, ибо был он умен и искусен в счете — таков, что за один час, недолго размышляя и не узнавая о численности войска, по тому, как движется войско и какой проходит путь, в мгновение ока мог сосчитать его численность. Сосчитал он и доложил: «Побито, — сказал он, — самодержец, более ста девяноста тысяч казанцев, детей и взрослых, старых и молодых, мужчин и женщин, и все это — не считая пленных, тех же число еще больше». Царь же покачал головою и сказал: «Воистину эти люди, дерзкие и неразумные, стойкими были и мужественными и умерли свободными, не покорившись моей воле». Русских же воинов, убитых казанцами во время всех приступов и в стычках во время вылазок, насчитали пятнадцать тысяч триста пятьдесят пять человек.

И повелел царь великий князь пехотинцам вычистить город, и царский двор, и все улицы, и площади и вытащить вон из города трупы всех убитых казанцев, и побросать их далеко за городом, в пустынном месте, на съедение псам и зверям и на расклевание птицам небесным. Среди трупов нашли и убитого казанского сеита, и того наглого варвара, что был лазутчиком и изменником, — князя Чапкуна, который лежал нагой, рассеченный на части и так быстро — за один день! — сгнивший, и червями кипящий, и злосмрадие сильное издающий в назидание всем другим изменникам, с лицемерием и неправдой служащим своим государям, — да будет им вечная мука!

ВХОД В КАЗАНЬ ЦАРЯ И ВЕЛИКОГО КНЯЗЯ И МОЛИТВА ЕГО И БЛАГОДАРЕНИЕ БОГУ. ГЛАВА 87

И когда очистили город, тогда сам благоверный царь великий князь во вторник въехал в стольный город Казань в третьем часу дня со всею своею силою, а впереди него несли его хоругвь — образ Спаса и родившей его пречистой Богородицы и честной крест. И, приехав на большую площадь к царскому двору, сошел он здесь с коня своего, удивляясь про себя и изумляясь, и, упав на землю, благодарил он Бога, глядя на образ его на хоругви, и на пречистую Богородицу, и на честной Спасов крест, проливая слезы о неожиданно сбывшемся.

И, поднявшись с земли и наполнившись радостью и жалостью, воскликнул он: «О, сколько в единый малый час пало людей за один город этот! И не

положиша главы своя казанцы до смерти, яко велика бѣ слава и красота царства сего».

И поиде во царевъ двор, таже и на сѣни и в полаты, и в златоверхия теремы, и походи в них, *красуясь* и веселяся: разруши бо ся красота их и охудѣ ото многого биения пушечнаго. И созрѣ цареву казну всю очима своима самъ, повелѣ преписати ю и печатью своею запечатати, да не угибнет от нея ничтоже. Приставлень бо бѣ к ней воевода со стрелцы огненными брещи ея от расхищения вой.

И повелѣ молебная благодарения презвитером своим и дияконом, и всѣмъ людемъ Богу воздати о всѣх от Бога дарованных ему по желанию его, и воду святити, и со кресты и с литиею окрестъ всего града ходити священником и всѣмъ воемъ повелѣ. И бѣ самъ ходя за кресты, слезяше и глаголаше: «Благодарю тя, Христе Боже мой, яко не предал мя еси в руцѣ врагъ моих до конца в посмѣх и укоризну и не презрѣл еси моления моего, но даровал ми еси, юному, сия вся нынѣ збывшася видѣти очима моима, еже *на* жребий мой и на честь, и на славу мнѣ от прародителей моих убрегль еси, еже они многа лѣта подвизашася о Казани и одолѣти не возмогоша, и ничимъ же охужень есмь от них».

И вси людие «Господи, помилуй» взываху, и вси вопияху: «Десница твоя въ крѣпости прославися, и десная ти рука, Господи, сокруши враги наши, и множествомъ славы твоея стерль еси супротивных. И паки сей день, иже сотвори Господь, возрадуемся и возвеселимся в оны». И много воспѣваючи, и много благодарственныя гласы воспущаху, и, яко велиции громи, до небесъ слышахуся гласи их.

Священницы же святую воду святивше з животворящих крестовъ и святых иконъ, и з чудотворных мощей и святых, и все христолюбивое воинство, и кони их и по всему граду: по улицам и по домоу, и по храминамъ, и всюду ходяще, доволно кропиша. И тако святым обновлениемъ обновиша Казань град.

И разрушенная мѣста и паки повелѣ царь князь великий поровняти и поставити, и крѣпце здати, и болѣ стараго прибавити град, и мѣста расширити на здание каменнаго града. И поча на весну того же лѣта строити каменный град и церкви в немъ на большее утверждение царству.

О ЗАЛОЖЕНИИ ЧЕРЕМИСЫ ДОСТАЛНЫЯ ЗА ЦАРЯ И ВЕЛИКОГО КНЯЗЯ И О ИСПОЛНЕНИИ ОБѢЩАНИЯ ЕГО. ГЛАВА 88

Черемиса же луговая досталная вся, свѣдаше того же дня взятие великаго града своего, изыдоша из остроговъ своих: и старѣйшины их, и сотники, кои были не взяты еще. И собравшеся мнози, приидоша в Казань ко

по глупости своей сложили за него казанцы свои головы: велика была слава и красота царства этого».

И пошел он на царский двор, и в сени, и в палаты, и в златоверхие терема и расхаживал по ним, красуясь и веселясь, ибо разрушилась и исчезла красота их от частой пушечной стрельбы. И, сам своими глазами осмотрев царскую казну, повелел он переписать ее и запечатать своею печатью, дабы ничто из нее не погибло. И приставлен был к ней воевода с пищальниками охранять ее, чтобы воины не растащили.

И повелел он пресвитерам своим, и дьяконам, и всем людям молитвами возблагодарить Бога за все, что даровал ему Бог по желанию его; и повелел освятить воду и ходить вокруг города с крестами и молитвой священникам и всем воинам. И сам, ходя за крестами, проливал слезы и говорил: «Благодарю тебя, Бог мой Христос, за то, что не отдал меня в руки врагов моих на посмеяние и унижение и не презрел моления моего, но даровал мне, юному, видеть своими глазами все сбывшееся теперь, то, что сделал ты моим жребием и на честь и на славу мне уберег от прародителей моих, — ведь они много лет домогались Казани и не смогли одолеть ее, и теперь ничем я не хуже их».

И все люди взывали: «Господи, помилуй!», и все кричали: «Прославилась крепостью десница твоя, и сокрушила, Господь, правая твоя рука врагов наших, и великой своей славой стер ты противника! Так возрадуемся же и возвеселимся мы в день, когда совершил все это Господь!» И долго пели они, и долго воссылали слова благодарности, и, словно сильные громы, поднимались крики их до небес.

Священники же, животворящими крестами, и святыми иконами, и чудотворными и святыми мощами освятив воду, кропили ею все христоролюбивое воинство, и коней их, и весь город, ходя всюду: по улицам, и по домам, и по строениям. И так святым обновлением обновили город Казань.

И повелел царь великий князь разрушенные места разровнять и вновь застроить, и сделать еще крепче, и увеличить крепостную стену по сравнению со старой, и расширить место для возведения каменного города. И весной того же года начали строить каменный город и в нем — церкви для большего укрепления царства.

О ДОБРОВОЛЬНОМ ПОДЧИНЕНИИ ОСТАЛЬНОЙ ЧЕРЕМИСЫ ЦАРЮ И ВЕЛИКОМУ КНЯЗЮ И ОБ ИСПОЛНЕНИИ ЕГО ОБЕЩАНИЯ. ГЛАВА 88

Вся же остальная луговая черемиса, в тот же день узнав о взятии великого своего города, повыходила из острогов своих: и старейшины их и сотники, кто еще не был взят в плен. И когда собралось их много, пришли они

царю самодержцу с великимъ смиреніемъ и покореніемъ и предашася ему вси, и назваша его себѣ новымъ царемъ. Онъ же возлюби их и пожалова, на обѣде своемъ накормивъ их и напоивъ, и дасть сѣмена земныя и кони, и волы на ораніе: инымъ же и одѣяніе дасть, и сребрениць понемногу. Они же радовахуся о милосердіи его. И отпусти их по мѣстом своимъ жити без боязни, наказавъ воеводамъ, да накажут воемъ своимъ не обидѣти их ничимъ же. И преписаша тѣх оставшихся от воевания живых 93 075. И от того дне преста воевати казанскія земли.

И вскорѣ восхотѣ благовѣрный царь обѣщаніе свое исполнити, еже обѣщася пред образомъ Спасовымъ, х Казани пошед: мечети поганыя раскопати и святыя церкви воздвизати на мѣстех их. И повелѣваетъ всѣмъ воеводамъ и воемъ на плечах своих от лѣса древне носити, самъ преже рукама своима древо секирою постѣче и от лѣса на плещу свою принесе.

И во единъ день созда храмъ соборный Благовѣщеніе пресвятыя владычицы нашея Богородицы на мѣсте краснѣ, на площадѣ близ царева двора, предѣла два имущи. И единымъ стояніемъ сотворены церкви же предѣльныя: велицыя страстотерпцы рускія Борис и Глѣб и новоявленныя чудотворцы муромскія князь Петръ и княгини Февронія. Вторую же церковь *постави Воскресеніе Господа нашего Исуса Христа, 3-ю церковь* святых великомученикъ Киприана и Устины, 4 же — за градом, на пожарѣ, противу врат градных, на торговищи, нерукотворенный образ Господа нашего Исуса Христа, пятую же — великаго чудотворца Николы монастырь общежителный учини. Потомъ же многи церкви от христіян во имяна святых воздвигнуты быша в похвалу имяни Христа, Бога нашего.

И наведе же богатых жителей царь князь великій в Казань из области своя, из сель и из градов, и наполни град людми своими, десятирицею старого болѣ. И великимъ богатством Казань воскипѣ, и необычною красотою восня. И забываше всякъ человекъ иноземецъ, *видѣвши* царство то, отца своего и матеръ, и жену, и дѣти, и племя свое, и друзи, и землю свою, и жити в Казани, и не помышляющи воспать во отечестве свое обратитися.

О ПОСТАВЛЕНИИ В КАЗАНИ АРХИЕПИСКОПА И ПОХВАЛА ХРИСТУ БОГУ НАШЕМУ. ГЛАВА 89

Минувшима же по взятіи Казани лѣтома двѣма, и Божиимъ промысломъ, изволеніемъ самодержца и проразсуженіемъ великаго святительскаго собора святиша новаго архиепископа граду Казанскому перваго, Гуриа* именемъ, игумена бывшаго честныя обители Иосифовы, да в новомъ царстве, в Казани, устрояетъ и утверждает, и исправляетъ слово истинныя вѣры, и во скрепление граду, и от измѣнныхъ лстец, и во блюденіе христонменнымъ людемъ, живущимъ во граде и в селех, духовне и всячески да не прелщаются

в Казань к царю-самодержцу с большим смирением и покорностью, и покорились ему все, и назвали его своим новым царем. Он же полюбил их и пожаловал, на обеде своем накормив их и напоив, и раздал им семена, и коней, и волов для вспашки земли; некоторым же и одежду дал, и понемногу серебра. Они же радовались милосердию его. И отпустил их по своим местам, чтобы жили они без страха, наказав воеводам приказать своим воинам ничем их не обижать. И переписали их, оставшихся в живых после войны, девяносто три тысячи семьдесят пять. И с того дня прекратили разорять казанские земли.

И вскоре захотел благоверный царь исполнить свое обещание, которое дал перед образом Спаса, пойдя на Казань, разрушить поганые мечети и воздвигнуть на их месте святые церкви. И повелевает он всем воеводам и воинам на своих плечах носить из леса бревна, прежде же других сам своими руками подсек секирой дерево и принес его на своем плече из леса.

И за один день в красивом месте — на площади возле царского дворца — возвели соборный храм Благовещения пресвятой владычицы нашей Богородицы, имеющий два придела. И одновременно построены были придельные церкви: в честь великих страстотерпцев русских Бориса и Глеба и новоявленных чудотворцев муромских князя Петра и княгини Февронии. Вторую же церковь поставили в честь Воскресения Господа нашего Иисуса Христа; третью церковь — в честь святых великомучеников Киприана и Устины; четвертую же, в честь нерукотворного образа Господа нашего Иисуса Христа, — за городом на пожарище, напротив городских ворот, на рынке; пятым же построили общежительный монастырь великого чудотворца Николы. После этого много было церквей воздвигнуто христианами в честь святых, во славу Христа, Бога нашего.

И привел царь великий князь в Казань богатых жителей из владений своих, из сел и городов, и наполнил город своими людьми в десять раз больше прежнего. И закипела Казань несметными богатствами и засияла необычной красотой. И, увидев то царство, забывал любой иноземец отца своего, и мать, и жену, и детей, и родственников своих, и друзей, и землю свою и оставался жить в Казани, не помышляя возвратиться назад, в отечество свое.

О ПОСТАВЛЕНИИ В КАЗАНИ АРХИЕПИСКОПА И ПОХВАЛА ХРИСТУ, БОГУ НАШЕМУ. ГЛАВА 89

Когда же минуло два года после взятия Казани, Божиим промыслом по желанию самодержца и по решению большого святительского собора впервые для службы в городе Казани поставлен был новый архиепископ — бывший игумен честной Иосифовой обители по имени Гурий, для того чтобы в новом царстве, в Казани, проповедовал он, и утверждал, и насаждал слово истинной веры, а также для очищения города от лстивых изменников и для наблюдения над христианами, живущими в городе и селах, дабы духовно и

людие, сходящися с поганю черемисою, яко русь литовская с ляхи, и да ни женятся, ни посягают с ними, ни ядят, ни пьют у них и ни к себѣ да взывают их. И учини быти царь князь великий казанскаго архиепископа под Ноугородскою архиепископию, третияго в Руси.

Но, о великих тѣх чудес, Христе, кое благодарение о сих мы, грѣшнии, тебѣ принесем? Точию: «Слава неизреченнымъ судбамъ твоимъ, Владыко! Слава человеколюбию и милосердию твоему к намъ! Слава неизреченной ти благодати! Велий еси Господи, и чудна дѣла твоя, и ни едино же есть слово довольно наше к похвалению чудес твоих!» И паки: «Велий Господь наш и велия крѣпость его, и разуму его нѣсть числа! Кто возглаголетъ силы Господни и слышаны сотворит вся хвалы его? Слава единому Богу нашему, творящему дивная и преславная чудеса, еже видѣста очи наши!»

ПОХВАЛА ГРАДУ КАЗАНИ. ГЛАВА 90

О, блаженъ еси нынѣ, градъ прекрасный Казань, и от Бога благословен еси, зѣло радуйся и веселися паче всѣх русских градов! Вся бо Руская земля и градове издавна от благодати Святаго Духа просвѣщение прияша, ты же нынѣ ново православиемъ просветися и Божественными храмы обновися и, яко младенецъ, породися, избѣгъ темныя вѣры суетства, и всяко нечестие потреби, и поганю бахмичю вѣру до конца погуби. Яко солнце красное от темных облакъ произшед, от прелести тоя провосия, всю страну ту лучами благовѣрия просвѣщаеши. И сего ради не унывай, но паче ликоствуй и свѣтло торжествуй, и красуйся! Отъят бо Господь от тебе неправды твоя, бывшая от зачала в тебѣ, избави тя от варварскаго державства и жертвъ служения сквернаго Бахмета. И воцарися Господь посреде тебе, и той сохранит тя, яко сѣницу ока десницею своею покрывает, и заступит тя от враг твоих, и не узриши зла к тому ни от кого же, яко новорожденнаго младенца, и мир Божий на тебѣ до вѣка временных пребудет!

Древле бо ты злобами и неправдами великими наполняешся и кровию многу рускою, и горкими слезами, яко реками, кипяше, и всяцами сквернами и нечистотами преизобиловашся, и тѣх ради многих беззаконей твоих великою славою словяше, яко доходити славѣ твоей и до самаго царя вавилонскаго, и другу ему именоватися, и почитаему быти от него, и любиму, и славиму, от русских людей всегда поношаемъ и проклинаемъ бываше, и к Богу своему со слезами моляхуся, да воздасть ти Господь по дѣломъ твоимъ, еже и восприял еси; нынѣ же от них вмѣсто проклятия благословениемъ веселишися и похвалями ублажаемъ, прославишися и седмерицею паче перваго славнейши сотвориши, не до Вавилона, но от конец до конец земли.

всячески не прельщались люди, сходясь с поганой черемисой, так же как литовская русь с ляхами, и не переженились бы с ними, и не посягали на них, не ели бы и не пили у них, и к себе бы их не приглашали. И определил царь великий князь казанского архиепископа под начало Новгородской архиепископии третьим на Руси.

Но, Христос, какое благодарение можем мы, грешные, принести тебе за великие те чудеса? Разве только: «Слава непостижимым замыслам твоим, Владыка! Слава человеколюбию и милосердию твоему к нам! Слава непостижимой твоей благодати! Велик ты, Господи, и чудны дела твои, и ни одно слово наше не достойно восхваления твоих чудес!» И еще скажем: «Велик Господь наш, и велика сила его, и разуму его нет предела! Кто расскажет о могуществе Господнем и сделает слышимыми все похвалы ему? Слава единому Богу нашему, творящему дивные и преславные чудеса, которые видят глаза наши!»

ПОХВАЛА ГОРОДУ КАЗАНИ. ГЛАВА 90

О прекрасный город Казань, достойный похвалы и Богом благословенный, радуйся и веселись больше всех русских городов! Ведь вся Русская земля и города ее еще в давние времена просветились благодатью Святого Духа, ты же теперь вновь православием просветился, и обновился Божественными храмами, и, словно младенец, народился, избежав обмана темной веры, и истребил всякое нечестие, и окончательно разрушил магометанскую веру. Словно красное солнце, выйдя из-за темных облаков, засиял ты, освободившись от того заблуждения, просвещая всю страну лучами благоверия. Поэтому не унывай, но еще больше ликуй, и светло торжествуй, и красуйся! Ибо освободил тебя Господь от неправды твоей, которая изначально была в тебе — избавил тебя от варварского правления и жертвоприношений скверному Магомету. И воцарился в тебе Господь и теперь сохранит тебя: словно зеницу ока, прикроет он тебя десницею своею, и, как новорожденного младенца, защитит от врагов твоих, и ни от кого не увидишь ты теперь зла, и пребудет в тебе мир Божий на долгие века!

Если в давние времена был ты наполнен злобою и большими неправдами и кипел, словно реками, многою кровью русскою и горькими слезами, и изобилвал всякими сквернами и нечистотами, и далеко прославился теми многочисленными своими преступлениями, так что доходила слава твоя до самого царя вавилонского, и другом ему называли тебя, и был ты им почитаем, и любим, и прославляем, в то время как русские люди всегда поносили тебя, и проклинали, и Богу своему молились со слезами, чтобы воздал тебе Господь по делам твоим, что и случилось; то теперь вместо проклятия получил ты благословение от них и веселишься, и, похвалами их ублажаем, прославился ты и в семь раз известнее стал — не до Вавилона, но от одного конца земли до другого.

Мы же, истиннии християне и не лестнии поборницы вѣре Христовѣ, како не удивимся нынѣ Божию човеколюбию на нас: идѣже царство темное и нечестивое бѣ, и ту царство благочестивое процвѣте, идѣже умножися грѣх, ту преизобиловаше Божия благодать. И кто ся не почюдит, и кто не прославит Бога о семѣ? Токмо еретик и невѣрных иноземцевъ — тии бо суть едины не ради христианскому добру: распыхахуся сердца своими, завистию снедаемы, видяще Христову вѣру расширяющуюся и их вѣру исчезающую силою Христовою, и Рускую землю продолжающуюся и расширяющуюся, и народа людьми умножающуюся.

Иже иногда слышахуся и видяху во граде Казани мѣрзости и запусѣнныя мечети варварския стоящи, нынѣ же на тѣх мѣстех видяхуся церкви Божия христианския, пресвѣтло сияюще; иже иногда злосмрадныя сквары воздух оскверняющи, бѣсомъ требовахуся, нынѣ же кандило и благовонный фимиянѣ в воню благоухания Христу приносятся; иже иногда животная закалахуся, безсловесная скоти и птицы, нынѣ же самый агнецъ Христос за вся вѣрныя закалается, и безкровная и чистая жертва Богу выну о грѣсѣх наших приносятся; иже иногда тимпаны звяцаху, и органы восклицаху, и рожны вопияху,* и сурны возглашаху, и трубы шумяху, вои казанския собирающи, симѣ подобающи имѣ вѣсть, да готови будут на едование плоти и пролити крови крестьянския, ныне же доброгласныя трубы вопияху, рекше, звонения церковная, уши оглашающи, не страх и боязнь подающи, но веселие и умиление вѣрнымъ людем въ сердца влагая и возбужающи от сна, и созывающи богобоязныя мужи и жены на духовный подвиг во церкви Божии, на молбы и моления, и на Божественая славословия.

О ПОСЛАНИИ С ВѢСТИЮ К МОСКВѢ, ИЖЕ МОЛИТИСЯ ГОСПОДУ БОГУ И ИИСУСУ ХРИСТУ, И О РАДОСТИ ЛЮДСТѢЙ. ГЛАВА 91

Православный же царь князь великий посылает тогда скоро со благодарною вѣстиею к Москвѣ наперед себе велика бо воеводу благовѣрнаго боярина, шурина своего, Данила Романовича к брату своему, ко князю Георгию, и ко отцу своему святѣйшему митрополиту Макарию, и ко царице своей Анастасии, и веля имѣ повѣдати царское свое здравие и всѣх князей и великих воевод, и всѣх благочестивых вой его и бывшую ему помощь и великую побѣду над казанцы, и како взя столный град Казань, и самого казанскаго царя изыма. И прииде вѣсть к Москвѣ октября въ 9 день на память святаго апостола Иакова Алфеева.

Благовѣрный же князь Георгий и преосвященный Макарей митрополит, слышавше от царева посла, и скоро потекоша в великую соборную церковь пресвятыя владычицы нашея Богородицы и со всѣми епископы, иже бяху во

Мы же, истинные христиане и нелицемерные поборники Христовой веры, как не подивимся теперь Божьему человеколюбию, нам показанному: там, где было царство темное и нечестивое, процвело царство благочестивое; там, где умножался грех, воцарилась Божья благодать. И кто же не удивится и не прославит за это Бога? Только еретики и неверные иноземцы — они одни не рады христианскому благополучию: разъярились сердца их, снедаемые завистью, когда увидели они, что Христова вера распространяется, а их вера уничтожается Христовою силой и что Русская земля растет и процветает и народ в ней умножается.

Некогда можно было слышать и видеть в Казани в мерзости и запустении стоящие мечети варварские, теперь же на их месте видны церкви Божии христианские, пресветло сияющие; там, где некогда оскверняли воздух зловонные воскурения, приносимые бесам, ныне благовонный фимиам кадилами воссылается ко Христу ароматом благоуханным; там, где некогда животных закалывали, бессловесный скот и птицу, — теперь сам агнец Христос закалывается за всех правоверных, и бескровная и чистая жертва приносится всегда Богу за грехи наши; там, где некогда звенели тимпаны, и взвизгивали органы, и вопили рожки, и сурны оглашали воздух, и шумели трубы, собирая казанских воинов, — так узнавали они, что подобает им быть готовыми на съедение плоти и пролитие крови христианской, теперь гремят, достигая ушей, благозвучные трубы, то есть звоны церковные, внушающие не страх и боязнь, но веселие и умиление влагающие в сердца правоверным людям, пробуждая ото сна и созывая в Божьи церкви богобоязненных мужей и жен на духовный подвиг — на молебны, и моления, и Божественное славословие.

О ПОСЛАНИИ В МОСКВУ С ВЕСТЬЮ, ЧТОБЫ МОЛИЛИСЬ ГОСПОДУ БОГУ ИИСУСУ ХРИСТУ, И О ЛЮДСКОЙ РАДОСТИ. ГЛАВА 91

И вскоре посылает православный царь великий князь впереди себя в Москву с благой вестью знатного воеводу, благоверного боярина, шурина своего Данилу Романовича к брату своему, князю Георгию, и к отцу своему, святейшему митрополиту Макарию, и к царице своей Анастасии, веля поведать им о царском своем здравии и здравии всех князей, и великих воевод, и всех своих благочестивых воинов, и о пришедшей к нему помощи, и о великой победе над казанцами, и о том, как взял он стольный город Казань и взял в плен самого казанского царя. И пришла весть эта в Москву девятого октября, в день поминования святого апостола Иакова Алфеева.

Благоверный же князь Георгий и преосвященный митрополит Макарий, услышав это от царского посла, быстро пошли в большую соборную церковь пресвятой владычицы нашей Богородицы со всеми епископами, которые нахо-

царствующемъ градъ Москвѣ, книждо давно их пришедши от епископия своего и ждуши из Казани возвращения царева, и со всѣми презвитеры своими, и диаконы, и с клирики, повелѣвше на площади во вся тяжкая звонити, также и по всему граду Москвѣ, по всѣмъ церквамъ святымъ звонити и пѣти благодарственныя молбы, пѣти всю неделю.

И начаша молебная совершати преосвященный митрополить со епископы, и у всѣхъ рѣки слез от очию на брады и на перси проливахуся и на землю течаху. Небо и земля, и вся тварь тогда дивящеся вкупе и радующися со человекѣ, славящи и величаючи творца своего, всесилнаго Бога, даровавшему служѣ своему, благочестивому царю, дивную побѣду на варвары. И всей Русей земли — во градѣхъ и в селѣхъ, и во всѣхъ людехъ радость и веселие бысть велико на долго время.

Православнии же християне, иноцы и мирстии, и вси полатнии сановницы с ними — и что убу не глаголаху, и что ли не творяху, побѣдная плещуши, и веселящися, и борзо течение ко святымъ церквамъ *творяще*, и состизающися и другъ со другомъ, сами у себе пытающися, и повѣючи, како ихъ самодержецъ казанцы злыя побѣди и градъ Казань взя с крѣпкими стенами и людми его, отецъ же его и дѣды, и прадѣды, по многа лѣта достапаючи, и никий же от нихъ тако не возможе взяти.

О ВОЗВРАЩЕНИИ К МОСКВѢ ЦАРЯ И ВЕЛИКАГО КНЯЗЯ. ГЛАВА 92

Царь же князь великий пребысть в Казани, взявъ градъ, 15 дней, устроая и увѣряя, и уряжая. И дву великихъ воеводъ в себѣ мѣсто во градѣ намѣстники остави: князя Александра Горбатаго да князя Василья Сребренаго судити людемъ и войская попечения творити; с ними 60 000 вой на все лѣто в соблюдение царству; а в Свияжскомъ градѣ два же воеводы: князя Петра Шуйскаго и боярина, именемъ Бориса Салтыкова, и 40 000 вой, добръ различив.

И тако возвратися ко отчеству своему Руския земли, свѣтлу побѣду поставль надъ супостаты своими. В веселии мнозѣ и в радости велицей глядаше ис Казани в ладияхъ прежде реченную многожды великою рѣкою Волгою к Нижному Нову граду, здрав и неврежень, со всѣми рускими силами, Божиею благодатию хранимъ, с великою славою и со многимъ богатством, и з бесчисленною корыстию, низложивъ сопротивоборцов своих и ведяху с собою жива супостата своего, царя казанскаго, плѣнивъ, и многих с нимъ улановей и мурзы, и князей казанскихъ з женами и з дѣтми безчисленно в плѣнь.

Царя же Шигалея со всею его силою отпусти полем великимъ в вотчину его, в Касимов, тѣм же путем, им же ѣхаль сам Шигалей к Казани. Царевичев же азстороханскихъ — болшаго брата Дербыш-Алея с честию, одарив, и отпус-

дились в это время в царствующем городе Москве, ибо каждый из них давно пришел из своей епископии и ожидал возвращения царя из Казани, и со всеми пресвитерами своими, и дьяконами, и клириками, повелев на площади звонить во все большие колокола, также и по всей Москве по всем святым церквам звонить и петь благодарственные молебны всю неделю.

И начал преосвященный митрополит с епископами совершать молебен, и потекли у всех из глаз на бороды и на грудь реки слез, и стекали на землю. Небо, и земля, и все живое тогда дивилось и радовалось вместе с людьми, славя и величая Творца своего, всемогущего Бога, даровавшего слуге своему, благочестивому царю, дивную победу над варварами. И долгое время было во всей Русской земле, во всех городах и селах, во всех людях великое веселие и радость.

Православные же христиане, иноки и миряне, а с ними и все палатные сановники чего только не говорили и чего только не делали: и победно махали руками, и веселились, и спешили к святым церквам, стремясь обогнать друг друга, и спрашивали друг друга, и рассказывали один другому о том, как самодержец победил злых казанцев и взял город Казань с крепкими его стенами и людьми, в то время как отец его, и деда, и прадеды в течение многих лет осаждали его, но никто из них так и не смог его взять.

О ВОЗВРАЩЕНИИ В МОСКВУ ЦАРЯ И ВЕЛИКОГО КНЯЗЯ.

ГЛАВА 92

Царь же великий князь, взяв город, оставался в Казани пятнадцать дней, все устраивая, проверяя и налаживая. И оставил он вместо себя наместниками в городе вершить суд между людьми и наблюдать за войсками двух знатных своих воевод: князя Александра Горбатого да князя Василия Серебряного и с ними на весь год шестьдесят тысяч воинов для охранения царства; и в Свияжске оставил двух воевод: князя Петра Шуйского и боярина, по имени Борис Салтыков, и сорок тысяч воинов, умело распределив их.

И после этого возвратился он в отечество свое, на Русскую землю, одержав светлую победу над супостатами своими. В большом веселии и с великою радостью шел он из Казани в ладьях многожды упоминавшейся прежде великою рекою Волгой к Нижнему Новгороду, здоров и невредим, со всеми русскими силами, храним Божьей благодатью, с великою славой, и со многим богатством, и с огромной добычей, низложив противников своих и ведя с собою живым взятого в плен супостата своего — казанского царя и с ним бесчисленное множество уланов, и мурз, и князей казанских с женами и детьми.

Царя же Шигалея со всею его силою отпустил он идти через поле в вотчину его в Касимов тем же путем, каким сам Шигалей ехал в Казань. Из двух же астраханских царевичей старшего брата, Дербышалея, одарив, с

тив его во Орду; и по лѣте едином от нагай убиен бысть; меншаго брата, Кайбулу, с собою к Москвѣ взя, да служит ему на Москвѣ, и даде ему вотчину Юрьевъ-градъ Поволский.

Протчая же воя вся идяху за нимъ из Казани к Василю-граду землю Казанскою по нагорней странѣ и по лугувои не проходными пути чрез высокия горы и дебри, и блата, блудяще пѣши по пустынямъ. И мнози з гладу помроша, не доставше пищи у них, и инии же конину и звѣрину, и мертвечину ядоша. И коней без числа паде, яко мало их выведоша на Русь: кииждо бо князь или воевода 1000 и 2000 водяше коней, и у того 10 или 5 остана. И у всѣх такоже, у сильных и у несильных, и вси пѣши на Русь приидоша.

И егда бысть в Нижнемъ в Новѣ градѣ царь князь великий, и оттоле поѣде на конех, шествие пути творя сквозь грады и села з братомъ своимъ со княземъ Владимиромъ и со всѣми князи, и с воеводы к царствующему граду Москвѣ. И встретаху его священники и мниси с народомъ, со кресты исходящи из градов и ис сель, стоящих по пути ему, с молитвами и похвалами, и с веселиемъ великимъ.

И прииде в великую обитель живоначалныя Троицы, в лавру Сергия чудотворца, и довольно игумена и з братьею напита ядениемъ и питиемъ, и милостыню вда. И ту всрѣти его, пришед с Москвы, брат его, князь Георгий Васильевич, с князи и з боляры. И поиде царь князь великий изо обители Сергиевы вкупѣ з братьею своею къ преславному граду Москвѣ.

О ВСРѢТЕНИИ ЦАРЯ И ВЕЛИКОГО КНЯЗЯ АРХИЕПИСКОПОВ ДВУ И ВСЕГО НАРОДА МОСКОВСКАГО И О КРАСОТѢ ОБОЛЧЕНИЯ ЕГО. ГЛАВА 93

Слышанъ же бысть на Москвѣ царский приход его, и *выѣхаша* посланнии от митрополита епископы 3, и встрѣтиша его от града Москвы за 12 версть в царскомъ селѣ его в Тонинскмъ со архимариты и игумены: Ростовский архиепископъ Никандръ и Тверский епископъ Иоакимъ, и Сава, епископъ Крутицкий, миръ и благословение носяще от преосвященнаго отца Макариа митрополита. И поклонився ему, и благословивше его, и скоро назад возвратившеся от него. Приближающися ему к посаду града, и пусти ведома впереди себе далеко с приставником воеводою казанскаго царя со знамениемъ его и с пленеными казанцы, полкъ великъ до 50000.

И по звоне весь великий град Москва изыдоша на поле за посад в срѣтение царя великаго князя: князи и велможи его, и *вси* старейшины града, богатии и убозии, юноши и дѣвы, и старцы со младенцы, и чернцы и черницы, и спроста — все множество безчисленное народа московскаго и с ними же вси

честью отпустил он в Орду, и был он спустя год убит ногайцами; младшего же брата, Кайбулу, взял с собою в Москву, дабы служил он ему в Москве, и дал ему в вотчину город Юрьев Поволжский.

Все же остальные воины пешими шли за ним из Казани к Василию-городу по Казанской земле, по нагорной стороне и по луговой, непроходимыми дорогами через высокие горы, и овраги, и болота, плутая по безлюдным местам. И многие умерли с голоду от недостатка пищи; некоторые же ели конину, и звериное мясо, и мертвечину. И коней пало бесчисленное множество, так что мало их довели до Руси: каждый князь или воевода вел тысячу или две тысячи коней, осталось же у них по десять или пять. Так же и у остальных: и у богатых, и у бедных. И все пешими возвратились на Русь.

Царь же великий князь, дойдя до Нижнего Новгорода, пошел оттуда на конях с братом своим, князем Владимиром, и со всеми князьями и воеводами сквозь города и села к царствующему городу Москве. И с большой радостью, с молитвами и похвалами встречали его вместе с народом священники и монахи, выходя с крестами из городов и из сел, стоящих у него на пути.

И пришел он в великую обитель живоначальной Троицы, в лавру Сергия-чудотворца, и вволю выделил для игумена и братии еды и питья и раздал милостыню. И здесь встретил его, придя из Москвы, брат его Георгий Васильевич с князьями и боярами. И пошел царь великий князь из Сергиевой обители вместе с братьями своими к преславному городу Москве.

О ВСТРЕЧЕ ЦАРЯ И ВЕЛИКОГО КНЯЗЯ ДВУМЯ АРХИЕПИСКОПАМИ И ВСЕМ МОСКОВСКИМ НАРОДОМ И О КРАСОТЕ ОБЛАЧЕНИЯ ЕГО. ГЛАВА 93

Когда же услышали в Москве о приходе царя, выехали навстречу ему три посланных митрополитом епископа: Ростовский архиепископ Никандр, Тверской епископ Иоаким и Савва, епископ Крутицкий, и встретили его с архимандритами и игуменами в двенадцати верстах от города Москвы, в царском его селе Тонинском, принеся ему мир и благословение от преосвященного отца митрополита Макария. И, поклонившись ему и благословив его, вскоре возвратились от него назад. Когда же стал он приближаться к городскому посаду, то послал далеко впереди себя ведомого воеводу-стражником казанского царя со знаменем его и с большим полком пленных казанцев — около пятидесяти тысяч.

И по колокольному звону весь большой город Москва вышел на поле за посад навстречу царю великому князю: князья его, и вельможи, и все старейшины города; богатые и бедные, юноши и девушки; старцы с младенцами и чернецы с черницами; попросту же сказать — все бесчисленное множество

купцы иноязычныя: турцы и армены, и нѣмцы, и литва, и многия странницы. И встрѣтиша за 10 верстъ, овни же за 5 верстъ, овни же за 3, ови же за едино поприще, оба полы пути стояще со единого и угнетающесе, и теснящесе. И видѣша самодержца своего идуща, яко пчелы мать свою, и возрадовашася зѣло, хваляще и славяще, и благодаряще его, и побѣдителя велика его нарицаючи, и многа лѣта ему восклицающе на долгъ великъ час, вси поклоняхуся ему до земли.

Онъ же посреди народа тихо путем прохожаше, на царстемъ коне своемъ ѣздя со многимъ величаниемъ и славою великою, на обѣ страны против поклонящесе народом, да вси людие видяще, насладятся велелѣпотныя славы его, сияющия на немъ, бѣше бо оболченъ во весь царский санъ, яко на свѣтлый день Воскресения Христа, Бога нашего, во златная и серебряная одежда: и златый вѣнецъ на главѣ его с великимъ жемчюгом и камениемъ драгимъ украшен, и царская порфира о плещу его, и ничтоже ино видѣти и у ногу его развѣ злата и серебра, и жемчюга, и каменія многоцѣннаго. И никто же такихъ вещей драгихъ нигдѣ же когда видѣ, удивляютъ бо сия умъ зрящихъ на нь.

За нимъ же яздыху братия его, князь Георгий и князь Владимир, такоже и тии в вѣнцахъ златыхъ и в порфирная, и златыя одѣяна, за ними же и кругъ ихъ — вси князи и воеводы, и благородныя боляре, и велможа идяху, по тому же в пресвѣтлая и драгая оболчены, и коемуждо на выяхъ ихъ повѣшены чепи и гривны златыя, яко забыти в той часъ всѣмъ людемъ, на такія красоты на царскія зрящимъ, вся домовная попеченія своя и недостатки.

Прилучиша же ся тогда и послы нѣкыя, с честию и з дары пришедше от далнихъ странъ* на болшую славу самодержцу нашему: вавилонскаго царя посоль,* сеитъ царства его, мужъ зѣло премудръ, и взятъ бысть изъ Казанскаго царства за 25 лѣтъ, удал, и нѣсть бывалъ от той земли преже сего на Руси посолъ; и послы нагайскаго,* и послы польскаго короля,* и послы дацкаго короля,* и послы свицкаго короля,* и посолъ волоскый,* и купцы Англискія земли.* И тии вси послы же и купцы тако же дивляхуся, глаголюще, яко: «Нѣсть мы видали ни в коихъ царствахъ, ни в своихъ, ни в чюжихъ, ни на коемъ же царѣ, ни на королѣхъ сицевыя красоты и силы, и славы великыя!»

Ови же народи московстии, возлѣзше на высокия храмины и на забрала, и на полатныя покровы, и оттуду зряху царя своего; ови же далече напредъ заскачише и от инѣхъ высотъ нѣкихъ, лепящесе, смотряху, да всяко возмогутъ его видѣти. Девицы же чертожныя и жены княжия и болярскія, имъ же нелѣзъ есть в такую в позорища великая, человеческого ради срама, из домов своихъ исходити и ис храминъ излазити не полезно есть, гдѣ седяху и живяху, яко птицы брегими въ клѣтцахъ, ови же сокровенне приницающе изъ дверей и из оконцевъ своихъ и в малыя скважницы глядаху, и наслаждахуся многого видѣнныя того чуднаго, доброты и славы блистающияся.

народа московского и среди него — все иноземные купцы, турки, и армяне, и немцы, и литовцы, и множество странников. И встречали его одни за десять верст, другие — за пять верст, иные же за три или за одно поприще от города, стоя одновременно по обе стороны пути, давя друг друга и тесня. И, видя, что идет их самодержец, сильно радовались они, словно пчелы, увидевшие матку свою, и кланялись ему до земли, восхваляя, и славя, и благодаря его, и победителем великим называя, и долгое время выкрикивали ему пожелания многих лет жизни.

Он же тихо продвигался среди народа, восседая на царском своем коне в величии и славе, и на обе стороны кланялся народу, дабы все люди, увидев его, насладились прекрасным сиянием его славы, ведь на нем надет был весь царский наряд, как в светлый день Воскресения Христа, Бога нашего: золотые и серебряные одежды, на голове — золотой венец, украшенный крупным жемчугом и драгоценными камнями, а на плечах — царская порфира, ноги же его невозможно было разглядеть из-за золота, и серебра, и жемчуга, и драгоценных камней. И никто никогда не видел таких дорогих вещей, которые поражают ум смотрящего на них!

За ним же ехали братья его, князь Георгий и князь Владимир, также в золотых венцах и в пурпурных и золотых одеждах, а за ними шло все их окружение — князья, и воеводы, и благородные бояре, и вельможи, тоже облаченные в пресветлые и дорогие одежды, навесив каждый на шею себе золотые цепи и гривны, так что забыли в тот час все люди, глядящие на такую царскую красоту, все свои домашние заботы и нужды.

Случилось тогда быть там и некоторым послам, с честью и с дарами пришедшим из дальних стран, чтобы еще более прославить самодержца нашего: послу вавилонского царя, сеицу царства его, смелому и мудрейшему человеку, взятому двадцать пять лет назад из Казанского царства, — прежде ведь никогда не бывало на Руси послов от той земли; и ногайским послам, и послам польского короля, и послам датского короля, и послам шведского короля, и валашскому послу, и купцам из Английской земли. И все те послы и купцы также дивились, говоря: «Не видали мы ни в каких царствах, ни в своих, ни в чужих, ни одного царя или короля в такой красоте и силе, и великой славе!»

Некоторые же жители московские, взобравшись на высокие дома и заборы и на крыши дворцов, смотрели оттуда на царя своего; другие же, забежав далеко вперед, облепляли какие-нибудь возвышения, лишь бы увидеть его. Девицы же, живущие во дворцах, и жены княжеские и боярские, которым не подобает выходить на такие многолюдные зрелища из домов своих и не пристало комнаты свои покидать на посрамление людям, тайком приникали к дверям и окнам в жилищах своих, где сидели они, как птицы, запертые в клетках, и подсматривали в узкие щелки, наслаждаясь чудным тем зрелищем — блеском славы и богатства.

ВСРЪТЕНИЕ ЦАРЯ И ВЕЛИКАГО КНЯЗЯ ПРЕОСВЯЩЕННЫМ
МИТРОПОЛИТОМ МАКАРИЕМЪ
И ПОУЧЕНИЕ ЕГО К НЕМУ. ГЛАВА 94

Входящу же ему в болшая врата граду, зовомыя Фроловския,* и всрѣте его ту, изшед, преосвященный митрополит Макарий со архиепископы и епископы, со архимариты и со игумены, и презвитеры, и з диаконы, и с клирики, и со всѣм священнымъ соборомъ, и со множеством великим народа московскаго, носяще честныя кресты и святыя чюдотворныя иконы, с кандилы и со благовонными фимияны, и со свѣщами горящими, яко воистинну царю побѣдителю почестъ носяще, и благодарственныя хвалы многи воздаваху ему. Онъ же, егда узрѣ собор святительский, и борзо скочи с коня своего и цѣлова честныя кресты и святыя иконы. И достойная поклонения святительскому собору давъ, и пѣшъ поиде за честными кресты и за освященнымъ соборомъ в великую церковь пресвятыя Богородицы, стелюшим по пути ему красныя ковры срацынския от врат градных и до дверей церковных и до полатных лѣствиць его.

И вшед, слуша в соборной церкви велициѣ святыя литургии, лице свое слезами моча и моляся, благодарствуя Бога, яко не тще быша труды его и подвижи, и восприях от Господа, его же по многа лѣта просил есть. И цѣлова руку со слезами Петра чюдотворца, такоже и мощи святителя и чюдотворца Ионы. И егда соверши преосвященный митрополит соборне Божественую литургию со всѣмъ освященнымъ соборомъ святительским, и сшед от олтаря, и вдасть самодержцу святую просфиру, и глагола ему слово духовно и учително, всему святительскому собору стоящу ту и честнымъ велможамъ царевымъ, и боляром великим, и воеводамъ.

И рече преосвященный митрополит: «О господине, духовный сыне мой, державный царю, не скорби, ни тужи, ни печалися, но радуйся паче и веселися, славя Бога, иже спасение и побѣду подадѣ тебѣ на противныя! И буди бо намъ всегда великая Божия благодать, яже у тебѣ нынѣ бысть; проси бо с вѣрою и взя, иский обрѣтесе, и удари — отверзесе. И то убо печалнымъ спомогай и нищимъ, и алчющимъ пища сподавай, и нагимъ — одежда, боляре же и велможи своя честны имѣй и обогащай их, да не будут скудны ничимъ же, и ко всѣмъ слугамъ своим, к малымъ же и к великимъ, любовь тиху показуй и потребная имъ подавай по апостольскому словеси, да с радостію тебѣ служат, а не въздыхающе; повинных же не скоро смертию осужай, но со испытаниемъ великимъ, аще будут достойни за дѣла своя казнь прияти смертную, но и то с милостію и с пощажениемъ, и отпущати и дважды, и трижды, да покаются и престанут от злб своих к тому не творити ихъ».

ВСТРЕЧА ЦАРЯ И ВЕЛИКОГО КНЯЗЯ
ПРЕОСВЯЩЕННЫМ МИТРОПОЛИТОМ МАКАРИЕМ
И НАСТАВЛЕНИЕ ЕГО КНЯЗЮ. ГЛАВА 94

Когда же входил он в большие городские ворота, называемые Фроловскими, встретил его, выйдя из них, преосвященный митрополит Макарий с архиепископами и епископами, с архимандритами и игуменами, с пресвитерами и с дьяконами, и с клириками, и со всем священным собором, и с великим множеством народа московского, неся честные кресты, и святые чудотворные иконы, и кадила с благовонным фимиамом, и горящие свечи, как и подобает оказывать почести истинному царю-победителю; и воздал он ему многие благодарственные хвалы. Тот же, когда увидел святительский собор, быстро соскочил с коня и поцеловал честные кресты и святые иконы. И, поклонившись, как подобает, святительскому собору, пошел он пешком за честными крестами и за священным собором в большую церковь пресвятой Богородицы по красным сарацинским коврам, которые стелили ему под ноги от городских ворот до церковных дверей и до дворцовых его лестниц.

И, войдя в соборную церковь, слушал он великую святую литургию, обливая слезами лицо свое и в молитвах благодаря Бога за то, что не тщетными были труды его и старания и получил он от Господа то, о чем просил его в течение многих лет. И целовал он со слезами руку Петра-чудотворца и мощи святителя и чудотворца Ионы. И когда отслужил преосвященный митрополит вместе со всем священным святительским собором Божественную литургию, спустился он с алтаря, и дал самодержцу святую просфору, и сказал ему в присутствии всего святительского собора и почтенных вельмож царских, и знатных бояр, и воевод духовное и поучительное слово.

И сказал преосвященный митрополит: «О господин, духовный сын мой, державный царь, не скорби, не тужи и не печалься, но лучше радуйся и веселись; прославляя Бога, подавшего тебе спасение и победу над врагами! И пусть всегда будет над нами великая Божья благодать, как теперь над тобой; ибо просил ты с верою — и получил, искал — и нашел, ударил — и открыли тебе. Ты же помогай страдающим и нищим и подавай пищу алчущим, а нагим — одежду, бояр же и вельмож своих содержи в чести и обогащай их, дабы ни в чем они не нуждались, и всем слугам своим, малым и большим, оказывай тихую любовь и подавай им необходимое по апостольскому слову, дабы служили они тебе, радуясь, а не вздыхая; виновных же не спеши осуждать на смерть, но сначала хорошо узнай, заслужили ли они за дела свои принять смертную казнь, но и тогда будь милостив и снисходителен и прощай до двух и до трех раз, дабы раскаялись они и перестали совершать злые свои дела».

О МИЛОСТЫНИ К НАРОДУ ЦАРЯ И ВЕЛИКОГО КНЯЗЯ И О СТРЪТЕНИИ ЦАРИЦЕЮ ЕГО. ГЛАВА 95

И поучень бысть надолзе от митрополита царь самодержецъ, и поклонся до земли отцу митрополиту на духовномъ поучении его со многим смирениемъ и страхомъ, яко от Божиих устъ наказание от него примь. И общася ему та творити и быти, якоже поучи его отецъ митрополит.

И многу того дне милостыню нищимъ и по монастыремъ чернцемъ, и по градскимъ церквамъ иереемъ вда, и всѣх осуженных на смерть и в темницах сѣдящих на волю испусти, и земския дани своя людемъ облегчи, и милостыню разосла по всей державе своей: и по градомъ, и по селомъ, и по монастыремъ по всем, по малым же и по великим, и по пустыням; и по всем церквам святымъ, гдѣ есть, свѣща и просвира отправляти, и да молятся прилѣжно Богу о тѣлесномъ здравии его и о душевномъ спасении игумени и попы.

И поиде благовѣрный царь из великия церкви соборныя на сѣни своя, во церковь пресвятыя Богородицы Благовѣщения и в той также помолися и молебны пѣвъ. Ис тоя же церкви поиде во царския полаты своя.

Царица же христолюбивая Анастасия *въсрѣтити* уготовася царя самодержца по царскому обычаю своему, на преддверие полатное изшед со благовѣрными женами, с княгини и з болярынями, и веселия полны, на землю проливающи слезы, яко печальная горлица, супруга своего видѣвъ давно разлучившимся от себе и паки прелетѣвшу к первому подружью своему. И вопль их и тоскование обою преста, и радостна быста зѣло, другъ друга видѣвше, или рещи, яко красная денница пресвѣтлое солнце, на вселенную с востока в полаты своя входяща, узрѣ и помраченный облакъ уныния и печали, *преже бывшие* и по немъ, свѣтлостию лица своего и веселым зрѣниемъ на ню прогоняя от нея, и невидимъ, яко дымъ, сотвори я.

О ПИРЪШЕСТВѢ И ВЕСЕЛИИ ЦАРЯ И ВЕЛИКАГО КНЯЗЯ З БОЛЯРЫ И ВОЕВОДЫ ЕГО И О ДАРОВАНИИ ЕГО К НИМ, И О МИЛОСТИ ЕГО КО ЦАРЮ КАЗАНСКОМУ. ГЛАВА 96

И тогда повелъ царь князь великий пиршеству велию по 40 дней сотворятися, посажая с собою перваго дни на пиру преосвященнаго отца своего митрополита Макария и весь с нимъ собор святительскій, и священники, и диаконы со всего града Москвы; и в прочии же дни вся опоясанныя воинством князи и воеводы, и боляре, и велможи.

И довольно царскимъ веселиемъ повеселися, учрежая и одаряя князи и воеводы, и вся благовѣрныя и до менших всѣх: овымъ грады в кормление дая, овымъ в вотчину сель прибавляше, овѣмъ же злата и сребра, и свѣтлая портища, и добрыя кони подаяше, кон чего достоинъ есть.

О МИЛОСТЫНЕ, КОТОРУЮ РАЗДАЛ НАРОДУ ЦАРЬ И ВЕЛИКИЙ КНЯЗЬ, И О ВСТРЕЧЕ ЕГО ЦАРИЦЕЮ. ГЛАВА 95

И когда закончил митрополит долгие свои наставления, поклонился царь-самодержец до земли отцу митрополиту за духовное его поучение с большим смирением и страхом, словно принял наказ из самих Божьих уст, и пообещал ему во всем поступать так, как учил его отец митрополит.

И раздал он в тот день большую милостыню нищим и чернецам в монастырях и нереям в городских церквах, и отпустил на свободу всех осужденных на смерть и сидящих в темницах, и облегчил людям земские подати, и разослал милостыню по всей своей державе: и по городам, и по селам, и по всем монастырям, и по малым и по большим, и по пустыням, по всем же святым церквам, где бы они ни были, разослал свечи и просфоры, чтобы молились прилежно Богу игумены и попы о телесном здоровье его и о душевном спасении.

И пошел благоверный царь из большой соборной церкви к себе на сени, в церковь Благовещения пресвятой Богородицы и в ней также молился и пел молебны. Из той же церкви пошел он в царские свои покои.

Царица же христоролюбивая Анастасия приготовилась встретить царя-самодержца, по царскому обычаю, у входа в палату с благоверными женами, княгинями и боярынями; и от радости проливали они слезы на землю, и была царица словно печальная горлица, увидевшая, что снова прилетел супруг ее, с которым давно была в разлуке, к ней, первой подруге своей. И перестали оба они плакать и тосковать и так обрадовались, увидев друг друга, как если бы прекрасная заря узрела, что входит в земные владения ее с востока пресветлое солнце, прогоняя темное облако уныния и печали, прежде омрачавшее ее, светлостью лица своего и веселым взглядом и делая его невидимым, словно дым.

О ПИРШЕСТВЕ И ВЕСЕЛИИ ЦАРЯ И ВЕЛИКОГО КНЯЗЯ С БОЯРАМИ И ВОЕВОДАМИ, И О ЕГО ДАРАХ ИМ, И О МИЛОСТИ ЕГО К КАЗАНСКОМУ ЦАРЮ. ГЛАВА 96

И тогда повелел царь великий князь в течение сорока дней устраивать пиры, в первый день посадив с собою на пир отца своего — преосвященного митрополита Макария и с ним весь святительский собор, и священников, и дьяконов со всего города Москвы; в другие же дни — всех князей, и воевод, окруженных воинами, и бояр, и вельмож.

И вдоволь повеселился он царским веселием, угощая и одаривая князей и воевод и всех благоверных людей до самых захудалых: одним города отдавая на кормление, другим прибавляя в вотчину села, третьим раздавая золото, и серебро, и нарядную одежду, и добрых коней, — что каждый заслуживал.

Веселящу же ся ему и быша в веселии велицѣ, и воспомяну о казанскомѣ царѣ, плененом имѣ и в заключении сѣдѣщемѣ, посла к нему самодержецъ нарѣчи: «Аще прокленет вѣру бахмичю и вѣрует в распятаго Сына Божия, въ Господа нашего Иисуса Христа, в рускую нашу святую вѣру, еже, русь, мы вѣруемъ, от грекъ приемше, то избавится ото одержания сего и приметъ от мене честь и славу велию, и будетъ, яко единого мы отца и матери рожденнии, ми брат любимый, а не яко плѣнникъ мой и сопостат; аще тако не хочет, то злѣ умрети имать в заточении нужнемъ, в горцей темнице, во узах тяжких и во оковѣх».

Косну же ся въ сердце казанскаго царя благостная искра Святаго Духа, и восхотѣ прияти нашу истинную вѣру православную и бысть христианин. Посланный же боляринъ, пришед от казанскаго царя, и вся реченная царемъ сказа своему царю самодержецу. Царь же князь великий повелѣ скоро его привести пред ся в полату пред вся велможи своя, на пришествие его сѣдѣщая с ним.

О СМирЕНИИ КАЗАНСКАГО ЦАРЯ И О ПРЕЛОЖЕНИИ ВѢРЫ ЕГО КО СВЯТОМУ КРЕЩЕНИЮ. ГЛАВА 97

Введену же бывшу со страхомъ и трепетом казанскому царю въ златую полату, и восташа противу его вси князи и воеводы московския, овии же встрѣтиша его на полатных лѣствицах, овии же на площади. И вшед царь в великую полату, и пад на колѣну свою, мил ся дѣя царю самодержцу и рабом его неизмѣннымъ называяся, подвизая на печалование к нему братию его, князя Георгия, князя Владимира и вся предсѣдѣщия князи и боляре, и воеводы его, в порфирная и золотая одѣянных, слезы горкия точка ото очию своею и моляся быти христианин и не погибнути в заключении горкия темницы от безчеснаго видѣния того, срама и студа исполнена: самъ себѣ прежде царь и господинъ бѣ, и самому ему служаху мнози уланове и князи, и мурзы, той, яко злодѣй осуженикъ, со страхомъ великимъ предстоя пред очима всѣх, по руцѣ от приставникъ держимъ, во одеждах худых, умилению и слезам достоит.

И вси князи и воеводы, веселящеся в полате, прослезившася о немъ и восплакашася, зрящи его худа стояща. И паки же воспросити его, токмо предо всѣми, повелѣ царь самодержецъ, аще истинно и нелестно вѣрует во Христа. Царь же крѣплящеся стоя и неложно обѣщавшеся вѣровати во Христа и креститися.

Когда же пировал он и был в большом веселье, вспомнил он о казанском царе, своем пленнике, сидящем в заключении. И послал к нему самодержец с такой речью: «Если проклянет он магометанскую веру и уверует в распятого Сына Божия, в Господа нашего Иисуса Христа, примет русскую нашу святую веру, в которую мы, русские, веруем, переняв ее от греков, то избавится он от заключения, и примет от меня большую честь и славу, и будет мне любимым братом, как если бы рожден был от одних со мною отца и матери, а не пленником моим и супостатом; если же не захочет он этого, то умрет страшной смертью в тяжком заточении, в горькой темнице, в тяжелых цепях и оковах».

И коснулась сердца казанского царя благодатная искра Святого Духа, и захотел он принять нашу истинную православную веру и быть христианином. Посланный же боярин, вернувшись от казанского царя, передал все сказанное своему царю-самодержцу. Царь же великий князь повелел быстро привести его к себе в палату, чтобы предстал он перед ним и перед всеми вельможами, собравшимися здесь по поводу его прихода.

О СМИРЕНИИ КАЗАНСКОГО ЦАРЯ И О ПЕРЕМЕНЕ ВЕРЫ ЕГО СВЯТЫМ КРЕЩЕНИЕМ. ГЛАВА 97

Когда же введен был казанский царь, испуганный и трепещущий, в золотую палату, поднялись ему навстречу все московские князья и воеводы, некоторые же встретили его еще на палатных лестницах, другие — на площади. И вошел царь в большую палату и упал на колени, прося милости у самодержца и рабом его себя называя, стремясь вызвать сострадание у братьев его, князя Георгия и князя Владимира, и у всех находившихся там князей его, бояр и воевод, в пурпур и золото разодетых, и проливал он из глаз своих слезы горькие, клянясь стать христианином, дабы не погибнуть в заключении в горькой темнице от позорного этого зрелища, полного срама и стыда: тот, кто сам себе был прежде царь и господин и кому самому служили многие уланы, и князья, и мурзы, теперь, словно злодей осужденный, стоит перед всеми в большом страхе, в плохой одежде, удерживаемый за руки стражниками, вызывающий жалость и слезы.

И все князья и воеводы, пировавшие в палате, прослезились о нем и заплакали, видя его в таком унижении. И повелел царь-самодержец снова спросить его, теперь уже перед всеми, действительно ли и искренне верует он в Христа. Царь же стоя подтвердил это и обещал без обмана веровать в Христа и креститься.

О КРЕЩЕНИИ КАЗАНСКОГО ЦАРЯ И О ЧЕСТИ И ЛЮБВИ К НЕМУ
ЦАРЯ И ВЕЛИКОГО КНЯЗЯ,
И О ЦАРЬ ШАГАЛЪЕ, И О ЦАРИЦЕ КАЗАНСКОЙ, И О СЫНЕ ЕЯ.
ГЛАВА 98

Царь же князь великий, слышавъ от казанскаго царя Едигера Касаевича истинное слово и обѣщание его, и рад бысть о семъ велми паче всея казанския побѣды: радость бо бываетъ всѣмъ апостоломъ на небесѣхъ о единомъ грѣшнице, кающемся на земли. И повелѣ сътовныя порты сняти с него и омыти его в бани от скверны, и облещи в ризы своя царския, и вѣнецъ возложити на главу его, и гривну златую обѣсити на выи ему, и перстня воздѣти на руку его. И състи ему велѣ близ себе и пировати, и веселитися с собою, но не из единехъ сосудовъ, яко еще бѣ не крещенъ. И не велѣ ему от мимошедшихъ скорбну быти и печалну, но радоватися паче и веселитися, яко быти сие изволение о немъ Божиими судбами.

И по пяти месяцѣхъ крестити его повелѣ во имя Отца и Сына и Святаго Духа. Крести же самъ преосвященный митрополитъ Макарий на Москвѣ рекѣ со епископы и со архимариты, и со игумены, и с презвитеры, и з дьяконы честно месяца марта въ 5 день, на память преподобнаго отца нашего Герасима. Прият же его от купѣли породныя самъ царь князь великий. И нареченно бысть имя его во святомъ крещении Симеон. Иже иногда бывъ лютый волкъ и хищник, и кровопийца, нынѣ же явился кроткое и незлобивое агня Христовы ограды живоносныя, паствы благая.

И толма возлюби самодержецъ, яко и братомъ его назва себѣ, и отецъ ему по духу бысть. И даде ему грады и земли во одержание и во отечество, и всю царскую казну его отдалъ ему же, еже в Казани вся, и до единыя мѣдницы. И привеле ему невѣсту от славна и от велика рода боярска, и обогати его златомъ и серебромъ, и многоцѣнными вещми драгими одари его, да живетъ безъ печали на Руси, служа самодержцу, и да не унываетъ, и не тужитъ по вѣре своей срацынской и по царствѣ Казанскомъ, и по странѣ земли отечества своего.

Царица же Казанская, преже плѣненная жена Сап-Кирѣя, царя казанскаго, преже бывши много добромъ нужна бысть крещению прияти и не крестися, и отдаде ю за царя Шигалея, аки замужъ за инаго царя ни за коего же не восхотѣ поити, аще не царь Шигалей поиметъ ю, якоже обѣщася ей и клятву даде, аще и смерть прияти ей от него, то бо есть царь великороденъ сый и отечествомъ болши всѣхъ царей, и старѣйший мѣстомъ и честнѣйший служащихъ самодержцу.

И вземъ ю за себя царь Шигалей, казанскую царицу, и не любляше красоты ея, хотѣ бо его в Казани былнемъ отравнымъ уморити, якоже преже сказася о ней. И живяше она, во отлученней у него и несвѣтлей храминѣ заключенна, аки в темницѣ, и спати с нею не схожася, и единъ рабъ его,

О КРЕЩЕНИИ КАЗАНСКОГО ЦАРЯ, И О ПОЧЕСТЯХ И ЛЮБВИ,
ОКАЗАННЫХ ЕМУ ЦАРЕМ И ВЕЛИКИМ КНЯЗЕМ,
И О ЦАРЕ ШИГАЛЕЕ, И О КАЗАНСКОЙ ЦАРИЦЕ, И О СЫНЕ ЕЕ.
ГЛАВА 98

Царь же великий князь, услышав от казанского царя Едигера Касаевича правдивое слово и обещание его, сильно обрадовался этому, больше, чем казанской победе, ибо и апостолы на небе радуются хотя бы одному грешнику, кающемуся на земле. И повелел он снять с него печальные одежды, и отмыть его от скверны в бане, и облечь в царские одежды, и венец возложить ему на голову, и гривну золотую повесить на шею, и перстни надеть ему на руки. И повелел ему сесть возле себя, и веселиться, и пировать вместе с собой, но не из тех же сосудов, ибо был он еще не крещен. И велел ему не скорбеть и не печалиться о случившемся, но радоваться и веселиться, ибо все это произошло с ним Божьими судьбами.

И спустя пять месяцев повелел он крестить его во имя Отца и Сына и Святого Духа. Крестил же его с честью в Москве-реке сам преосвященный митрополит Макарий с епископами, и архиепископами, и игуменами, и пресвитерами, и дьяконами месяца марта в пятый день, в день памяти преподобного отца нашего Герасима. Восприемником же от купели был сам царь великий князь. И дано было имя ему в святом крещении Симеон. И тот, кто некогда был лютым волком, и хищником, и кровопийцей, стал кротким и незлобивым ягненокм живоносным Христова стада, благой паствы.

И так полюбил его самодержец, что братом своим назвал его и стал ему отцом. И дал ему в вотчину города и земли и всю царскую казну, которую захватил в Казани, вернул ему до последнего медяка. И привел ему невесту из славного и знатного боярского рода, и обогатил его золотом и серебром, и одарил многоценными и дорогими вещами, дабы жил он без печали на Руси, служа самодержцу, и не унывал бы, и не тужил по вере своей сарацинской, и по царству Казанскому, и по родной своей земле.

Царицу же казанскую, ранее взятую в плен жену Сафа-Гирея, царя казанского, которую долго принуждали добровольно принять крещение, но она не крестилась, отдал он замуж за царя Шигалея, поскольку ни за какого другого царя, если бы царь Шигалей не взял ее, как обещал ей и поклялся, не захотела она идти, от него она готова была даже смерть принять. Ведь царь этот знатного рода, и по рождению своему выше всех других царей, и из всех, служащих самодержцу, — самый старый и честнейший.

И взял царь Шигалей в жены казанскую царицу, но не любил он ее, несмотря на ее красоту, ибо хотела она его в Казани умерить отравленным кушаньем, как рассказано было раньше. И жила она у него, запертая, в отдаленной и несветлой комнате, словно в темнице, и не сходилсЯ он с нею

варварин, з женою своею, старый, вѣрный *ему*, приставлен кормити и служити ей, да токмо не смѣяше ю живу уморити, слова ради к нему о ней самодержцева.

А царевича младаго, сына ея, Мамш-Кирея, повелѣнием самодержцевым крестиша. И наречено бысть имя его во святом крещении царь Александръ. И изученъ бысть русской грамоте гораздо, и препираше многих в бесѣде, от книг истязующихся с нимъ, никтоже може препрѣтися с нимъ.

О ВЗЯТИИ КАЗАНСКОМ И О ТРУДѢХ, И О СКОРБѢХ ЦАРЯ ВЕЛИКАГО КНЯЗЯ И ВОЕВОД, И ВОЙ ЕГО, И О НУЖЫ ЗЕМСКИХ ЛЮДЕЙ. ГЛАВА 99

Взять же столны и великий град Казань благовѣрный царь князь великий Иван Васильевич Владимирский, Московский, и Великоновгородский, и Псковский, и всея великия Росии великий самодержецъ христианский лѣта 7061-го году октября во 2 день, на память святых великомученик Киприана и Устины, в день недельный, въ 3 часа дни, много подвизася за свою богохранимую державу, за Рускую землю, за православныя люди, день и ночь сердцемъ боля и стояя душею, и сокрушаяся, и никогда же царских брашен сладких в сытость и в сладость насыщася до побежения казанцевъ. И печаль ему о Казани всегда веселие пресецаше, по всяк час слыша овцы своя, люди руския, от волкъ казанцевъ разганяемы и похищаемы, и снедаемы.

И скорбь велика обдержаше много лѣт все христіанство Русския земли, убогих и богатых, и воин, и воевод, князей и боляръ, и всѣх людей простых, изнемогаху бо земския люди простыя с частых податей и великих и не успѣваху, даючи царския оброки; воеводы же и воины, не опочиваючи, во бранѣх тружахуся, борющася с погаными за христіяны, и с коней своих не слазяще, и оружий своих не снимаючи, подворей своих и женъ, и милых своих малых дѣтей *не знающе*, гостем толко прихажуху на час, являющися домови к женам своим и к дѣтемъ.

И мнози тогда худоумные челоуѣцы или, прямо реши, безумныя и тщедушныя, негодоваху и роптаху на самодержца своего, яко самому ему землю свою губящу и паче злѣе ратных, и не щадящу, и не брегущу людей своих. Онъ же, предобрый в самодержцах, не похвалы тлѣнныя себѣ взыскуя, да славен будетъ в родѣх мужествомъ, якоже и Макидонский Александръ, до край земли дошед и смерти не убѣжа, или преже его бывый Ликиний царь, до четырех градов дошед и столпове тамо постави, и свое имя в писаниих. — Сей же не о такоуѣй славе подвизашася, но о своем царствии тружашася, общаго ради составления мирскаго, о благостоянии святых церквей и устроении земскомъ, и о тишинѣ всего православнаго христіанства, да не паки бы поработитися поганым, якоже при царѣ Батые бысть.

спать, и только благодаря заступничеству за нее самодержца приставлен был к ней один преданный ему старый варвар с женой, раб его, прислуживать ей и кормить ее, так чтобы только не умерла с голоду.

А царевича юного, сына ее Мамш-Кирея, по повелению самодержца окрестили. И дано было имя ему в святом крещении царь Александр. И хорошо овладел он русской грамотой, и побеждал в беседе многих, кто состязался с ним в книжных спорах, и никто не может его переспорить.

О ВЗЯТИИ КАЗАНИ, И О ТРУДАХ И ПЕЧАЛЯХ ЦАРЯ ВЕЛИКОГО КНЯЗЯ, И ВОЕВОД, И ВОИНОВ ЕГО, И О НУЖДАХ ЗЕМСКИХ ЛЮДЕЙ. ГЛАВА 99

Взял же стольный и великий город Казань благоверный царь великий князь Иван Васильевич Владимирский, и Московский, и Великоновгородский, и Псковский, и всей великой России великий самодержец христианский в год 7061 (1552) октября во второй день на память святых великомучеников Киприана и Устины, в воскресный день, в три часа дня, много потрудившись для своей богохранимой державы, для Русской земли, для православных людей, день и ночь болея сердцем, и стеная душой, и сокрушаясь, и никогда до победы над казанцами не наедался он досыта и всласть сладкими царскими кушаньями. И всегда печаль о Казани прерывала ему веселье, ибо ежечасно слышал он, что овцы его, люди русские, волками-казанцами разгоняются, и похищаются, и съедаются.

И много лет сильная скорбь владела всеми христианами Русской земли: бедными и богатыми, и воинами, и воеводами, князьями и боярами, и всеми простыми людьми, ибо изнемогли простые земские люди от частых и больших податей, не успевая платить царские оброки, воеводы же и воины без отдыха трудились на войне, сражаясь с погаными за христиан, с коней своих не слезая и не снимая оружия своего, не зная подворий своих, и жен, и милых своих малых детей, гостями только приходя на час к женам своим и детям.

И многие тогда глупые люди, или прямо сказать безумные и слабые духом, негодовали и роптали на самодержца своего, что сам он больше, чем войны, губит землю свою и не шадит и не бережет людей своих. Он же, добрейший из самодержцев, не тленных похвал себе искал, чтобы прославиться мужеством у потомков, как, например, Александр Македонский, дошедший до края земли и смерти не избежавший, или до него царь Ликиний, дошедший до четырех городов и поставивший там столпы, где записал свое имя. Этот же не о такой славе заботился, но для своего царства трудился ради общего мирского благополучия, ради благосостояния святых церквей и порядка земского, и тишины для всего православного христианства, дабы снова не поработиться поганым, как было при царе Батые.

И в день убо царская строяше, нощию же по церквам святым и по монастырем, близ града стоящим, яздяще и молящися къ челоуколюбцу Богу и ко пречистой Богородицы, обливаясь слезами, помиловати и ущедрити согрѣшившая рабы своя и до конца смирити, и покорити ему поганья казанцы со всею многою черемисою их.

Не презрѣ же Господь моление раба своего и увидѣ смирение и сокрушение сердца его, и вѣрное прошение его, и воздыхание с рыданиемъ услыша, и сотвори с нимъ по вѣре его великую свою милость, и даде ему милосердый Богъ желание сердца его, и вся подвиги и труды его благих исполни, и предаде его в руцѣ, яко малу и худу птицу, великое царство Казанское, на час его от прародителей его убреже ему.

И тако Казань державы царския до конца отпаде и великому царству Московскому работати и нехотя повинуся, и Руская земля совершеннаго мира от казанцевъ насладися.

О ХОЖЕНИИ Х КАЗАНИ ЦАРЯ И ВЕЛИКАГО КНЯЗЯ И О КОЛИЧЕСТВѢ ИЗБИЕННЫХЪ ПОГАННЫХЪ, И О ШЕСТВИИ ЕГО ВО ГРАД. ГЛАВА 100

Дважды бо бѣ самъ ходил х Казани со всѣми силами рускими, дважды же царя Шигалея посылал и великих воевод своих с нимъ, такоже со всѣми вои рускими. Всего же было хождения при нем х Казани в лѣте, в зимѣ седмью в девять лѣт: пятью бо ходиша до Казанскаго взятія, дважды же после взятія — нижняя черемисы плѣномъ и сѣчью до конца показнати за измѣнство их, что предавшеся и паки скоро измѣниша того же лѣта.

По 6 месяцев паки учиниша брань сице: воеводы бо казанския послаша воеводу свияжскаго Бориса Салтыкова не с великою силою на нѣкия улусы черемиския, еще не покаряющимся имъ, яко да и тѣх покорят и смирят. И за тѣх востаха вси людие, и паки возмятеса вся земля. И того воеводу жива яша, побивше вои его 20 000, и заведоша его в башкирския улусы и в далнюю черемису, за 700 верстѣ за Казань, и умучиша его тамо. И воевахуся пять лѣт не отступаючи от Казани и паки хотяще град свой воспряти, не дадущи гражаном руским на дѣла своя из града изходити. Токмо великою силою прогоняюще их и тако исхожаху на оружия своя, данележе исчезѣ вся черемиса за беззаконія своя, якоже и владѣлцы их — уланове и князи и мурзы, острiemъ меча вси поразишася.

И сосчиташа же сами себѣ изставшиися казанцы и черемиса всѣх побитых своих во взятѣ казанское и преже взятѣ, и по взятіи — и татар, и черемисы, во граде и в острогах, и во пленѣ сведеных, и от глада умерших, и от мраза, и всячески вездѣ погибших, вѣдомых ими и писаных, кромѣ

И днем он справлялся с царскими делами, ночью же ездил по святым церквам и по монастырям, стоящим возле города, и обливаясь слезами, молил человеколюбца Бога и пречистую Богородицу помиловать и пощадить согрешивших своих рабов и до конца смирить и подчинить ему поганых казанцев со всею многочисленной их черемисой.

И не отверг Господь моления раба своего, и увидел смирение и сокрушение сердца его и правоверное прошение его, и услышал вздохи его и рыдания, и послал ему по вере его великую свою милость, и дал ему милосердный Бог то, чего желало его сердце, и всем стараниям его и трудам ниспослал удачу и предал ему в руки, словно маленькую и бедную птицу, великое Казанское царство, сохранив его для него от прародителей его.

Так и перестала Казань окончательно быть независимым царством и против своей воли подчинилась великому царству Московскому, и Русская земля насладилась полным миром с казанцами.

О ПОХОДЕ НА КАЗАНЬ ЦАРЯ И ВЕЛИКОГО КНЯЗЯ, И О КОЛИЧЕСТВЕ УБИТЫХ ПОГАННЫХ, И О ШЕСТВИИ ЕГО В ГОРОД. ГЛАВА 100

Дважды ведь сам он ходил на Казань со всеми русскими силами, дважды же посылал царя Шигадея и с ним первых воевод своих также со всеми русскими воинами. Всего же при нем ходили на Казань летом и зимою за девять лет семь раз: пять раз ходили до казанского взятия, дважды же после взятия — окончательно расправиться, разорив ее и перебив, с низовой черемисой, которая сначала покорилась, а потом вскоре, в том же году, снова изменила.

Спустя шесть месяцев снова разгорелась война, а было это так: казанские воеводы послали свияжского воеводу Бориса Салтыкова с небольшой силой на некие черемисские улусы, которые еще не покорились, дабы и их покорили и смирили. И из-за тех восстали все люди, и снова пришла в смятение вся земля. И того воеводу живым взяли в плен, побив двадцать тысяч его воинов, и завели его в башкирские улусы и земли дальней черемисы за семьсот верст от Казани, и там замучили его. И пять лет воевали они, не отступая от Казани и желая снова вернуть себе город свой, не давая русским горожанам по своим делам выходить из города. Только с помощью большого числа воинов прогоняли их и тогда выходили на свою работу, пока не погибла вся черемиса за преступления свои и все правители их — уланы, князья и мурзы — не были поражены остриями мечей.

И сосчитали сами оставшиеся в живых казанцы и черемиса всех своих, убитых в Казанское взятие, и до взятия, и после взятия — и татар и черемису в городе, и в острогах, и уведенных в плен, и умерших с голода, и замерзших, и от других причин в разных местах погибших, о которых знали

невѣдомых и неписанных, 757270 человекъ. Мало же их живых остася во всей земли Казанской, развъ простых живых людей, худых и немощных, и убозѣх земледѣлецъ.

Въѣхавъ же великий самодержецъ благовѣрный царь князь великий Иванъ Васильевичъ во царствующий свой в преиенитый град Москву месяца ноября въ 1 день, на память святых безсребреникъ Козмы и Дамиана, и тако сѣд на престолѣ своем — великаго царства Рускаго, правя скипетръ державы своя, утер кровавый пот свой, покорив под себя жестокия и лукавыя казанцы и паче злѣйшую их черемису поганую, оставив себѣ славу великую превыше отецъ своих и память вѣчную в роды руския в вѣки.

ПОХВАЛА ЦАРЮ И ВЕЛИКОМУ КНЯЗЮ И ВСѢМЪ ВОЕВОДАМ ЕГО И ВОЕМЪ. ГЛАВА 101

Сицев бѣ той царь князь великий. И многа при себѣ памяти и похвалы достойна сотвори: грады новые созда и ветхия обнови, и церкви пречюдныя и прекрасныя воздвиже, и монастыря общежителныя иночествующимъ устрой. И от юны версты не любяше никакия потѣхи царския: ни птичья лова, ни песья, ни звериная борбы, ни гуселнаго звяцання, ни прегубницъ скрипѣния, ни мусикийскаго гласа, ни пискания свирѣлнаго, ни скомрах, видимых бѣсов, скакания и плясания. И всяко смѣхотворение от себе отрину, и глумники отгна, и вконецъ сих возненавидѣ. И токмо всегда о воинственномъ попечении упражняшеся и поучение о бранѣхъ творяше, и почиташе доброникники и храбрыя оружники, и о сих с воеводами прилежаще, и симъ во вся дни живота своего с мудрыми совѣтники своими поучашеся и подвизашеся, како бы очистити землю свою от поганых нашествия и от частаго плѣнення их; к сему же тщашеся и покушашеся, како бы всяку неправду и нечестие, и кривосудство, и посулы, и резеоимание, и разбой, и татбы изо всей земли своей извести, правду же и благочестие в людех насѣяти, возрастити. И того ради по всей области великия державы своя, по всѣмъ градомъ и по селом изыска, устави разумныя люди и вѣрныя сотники, и пятдесятники, и десятники на вѣре и к роте приведе во всѣх людех якоже Моисей во израилтянех,* да книждо блюдет числа своего, аки пастырь овцы своя, и рассмотряетъ в них, и изыскуетъ всякого зла и неправды, и да обличает виноватаго пред большими судьями, и, аще не престанет от злаго обычая своего, то да смерть примет о дѣле своемъ неизмолимо. И сим обычаем укрѣпи землю свою. Но ли еси не мощно злыя обычай, издавна застарѣвшаяся в человекѣхъ, искорени и истребити!

И бысть в царствии его велия тишина во всей земли Рустей, и укротися всяка бѣда и мятеж, и великий разбой, и хищения, и татба не

они и которые были записаны, и насчитали, кроме неизвестных и незаписанных, семьсот пятьдесят семь тысяч двести семьдесят человек. Мало осталось их в живых во всей Казанской земле — только простые люди, больные и немощные и бедные земледельцы.

Въехал же великий самодержец благоверный царь великий князь Иван Васильевич в царствующий свой прославленный город Москву месяца ноября в первый день, в день памяти святых бессребреников Козьмы и Дамиана, и сел на престол великого своего Русского царства, управляя державой своей, утер кровавый пот свой, покорив себе жестоких и лукавых казанцев и злейшую поганую черемису, оставив по себе русским людям великую славу, большую, чем предки его, и вечную память на века.

ПОХВАЛА ЦАРЮ И ВЕЛИКОМУ КНЯЗЮ И ВСЕМ ВОЕВОДАМ ЕГО И ВОИНАМ. ГЛАВА 101

Таков был тот царь великий князь. И еще при жизни своей совершил он много дел, достойных похвалы и памяти: города новые построил, а старые обновил, и воздвиг церкви чудесные и прекрасные, и монастыри общежительные устроил для иночествующих. И с юных лет не любил он никаких царских потех: ни охоты на птицу, ни собачьей, ни звериной борьбы, ни гусельного бречания, ни скрипения прегубниц, ни музыкального звука, ни пищания свирельного, ни скакания и плясок скоморохов, зримых бесов. И всякое балагурство от себя отринул и насмешников отогнал и окончательно их возненавидел. И жил лишь воинскими заботами и обучал ратному делу, и почитал добрых конников и храбрых стрелков, и заботился о них с воеводами, и всю жизнь свою советовался с мудрыми советниками своими, и стремился к тому, чтобы избавить землю свою от нашествия поганых и от частого разорения; кроме того, пытался он и старался всякую неправду, и бесчестье, и несправедный суд, и посулы, и подкупы, и разбой, и грабеж вывести по всей своей земле и насыать в людях и взрастить правду и благочестие. И для того по всей великой своей державе, по всем городам и селам, подыскав, расселил разумных людей и верных сотников, и пятидесятников, и десятников и заставил всех людей присягнуть ему на верность, как некогда Моисей израильтян, дабы каждый отвечал за свое число, как пастырь за овец своих, и наблюдал за ними, и вскрывал всякое зло и неправду, и обличал бы виновных перед старшими судьями, и, если бы такой человек не прекратил злых своих дел, чтобы неумолимо предавали его смерти за проступок его. И таким способом укрепил он землю свою. Можно ведь дурные застаревшие привычки искоренять у людей и истреблять!

И была в царствование его великая тишина по всей Русской земле, и улеглись всякие беды и мятежи, и прекратился сильный разбой, и хищения, и

имѣновашеся, яко при отцѣ его бысть, и частое варварское плѣнение преста, убо яша бо ся крѣпкия силы его пагании цари, и устрашишася меча его нечестивии короли, и военачалници нагайския, мурзы, усумнѣшася блещания копей его и щитов, и вострясошася, и побѣгоша нѣмцы с магистром ото искуснейших ратоборець, и сосѣче стремление люборатным казанцем, и смирение прекланяет выа черемиская! И стеснившаяся от супостат руския предѣлы на всѣ страны разшири, и продолжи их до край морских, и наполни безчисленными селенми людскими, и многи побѣды на супротивных постави, яко разнымъ точию именѣ воеводских бояться и трепетати. И зваху его во всѣх странах крѣпкимъ царем и непобѣдимым, и бояхуся погании языцы ратию приходити на Русь, слышаше же его жива еще, и страх его свѣдуше, якоже заточенные самоеди македонскимъ царем Александромъ за великия горы на край Чермнаго моря.* Колижды же прихожаху агаряне на землю нашу, но не яве, якоже при отцѣ его и прадѣде, яко во всей земли, неисходяще, в русских украинях живяху, но татем прихожаху и нѣчто украдомъ похишаху, и бѣгаху, яко звірие гоними. Воеводы же московския, гдѣ убо ощутивше варвар и на кою Украину пришедших, и тамо, собравшеся, прогоняху их и, яко мышей, давяху и побиваху: то бо есть от вѣка и от рожения дѣло варварское и ремество — кормитися войною.

Конецъ о взятии Казанскомъ.

воровство, которые были при его отце, и варварские набеги прекратились, ибо испугались крепкой силы его поганые цари и утрастились меча его нечестивые короли, и военачальники ногайские, мурзы, дрогнули перед блистанием копий его и щитов и затряслись и побежали немцы во главе с магистром от доблестных воинов, и пресек стремления воинственных казанцев, и заставил смиренно преклониться черемисов! И расширил он во все стороны русские границы, продолжил их до берегов морских, и наполнил их бесчисленными людскими селениями, и одержал много побед над врагами, так что боялись и трепетали они от одного имени его воевод. И звали его во всех странах могущественным и непобедимым царем, и боялись поганые народы приходить войной на Русь, слыша, что еще жив он, зная грозность его, как самоеды, заточенные македонским царем Александром за высокие горы на самом краю Красного моря. И много раз приходили агаряне на землю нашу, но не открыто, как при отце его и прадеде, когда безвыходно жили они по русским границам, но как разбойники приходили, и что-то воровски похищали, и убегали, словно гонимые звери. Воеводы же московские, когда узнавали, что к какой-то границе подошли варвары, собравшись, прогоняли их оттуда и, словно мышей, давили их и побивали, ведь это испокон веку, от рождения их, варварское дело и ремесло — кормиться войною.

Конец о взятии Казанском.

ТРОИЦКАЯ ПОВЕСТЬ О ВЗЯТИИ КАЗАНИ

СКАЗАНИЕ О ВЕЛИЦЕЙ МИЛОСТИ БОЖИИ, ЕЖЕ ВСЕМИЛОСТИВЫЙ БОГЪ СОТВОРИ НА РАБѢ СВОЕМЪ БЛАГОЧЕСТИВОМЪ ЦАРѢ И ВЕЛИКОМЪ КНЯЗЕ ИВАНЕ ВАСИЛЬЕВИЧЕ, КАКО СРАЧИНЪ ПОБЕДИ И КАЗАНЬ ВЗЯ

Приидѣте, отцы и братия, и услышите духовную повесть, еже сотвори всемилостивый Богъ, и помилова раба своего — благочестиваго и благороднаго царя и государя великого князя Ивана Васильевича всеа Русии, самодержца всея Руския земля. И прежде всѣх васъ молю, духовныи отцы и братия, да молитесь премилостиваго Бога, да дастъ ми разум Богъ на отвержение устом моим, да молитвами пречистыя Богородица и всѣх святых, и всѣх русских чудотворцов, и великого чудотворца нашего и помощника, и заступника преподобнаго игумена Сергия и ученика его преподобнаго Никона чудотворца, да и вашими — духовных отецъ и братия молитвами се уже начинаем писати.

Пишет бо в Божественном Писании, яко тайну цареву добро есть хранить, а дѣла Божия преславно есть проповѣдати;* аще кто тайны царевы не хранитъ, от земного царя смертию осужаетца, аще же дѣл Божиих и великия его милости не проповѣдуемъ, не токмо беду души своей наносимъ, но и вѣчным мукам себе предаем, се душевная беда еже вѣчно мучитися. Аз же, окаянный, сея душевныя бѣды убоявся и написал сию милость Божию, еже сотвори Богъ на православном государи нашем и на всѣх православных крестиянех, понеже азъ, грешный, таковых чудес Божиих ово слышати сподобихся от самого самодержца и благочестиваго царя нашего, ово же и своимма очима видѣхъ.

НАЧАЛО СВИЯСКОМУ ДѢЛУ

В лѣто 7059. Великий въ благочестии и великий в державныхъ, Богом почтенный царь и государь и великий князь Божиею милостию Иванъ Васильевичъ всеа Русии самодержецъ видѣвъ убо христианство пленено и многи крови християнския проливаемы, и многим церквам святым запускъ-ние. От кого убо сия бысть нестерпимыя бѣды? Глаголю же, яко сия бысть злая вся от безбожных казанскихъ срацын.

ТРОИЦКАЯ ПОВЕСТЬ О ВЗЯТИИ КАЗАНИ

СКАЗАНИЕ О ВЕЛИКОЙ МИЛОСТИ БОЖЬЕЙ, КАКУЮ ВСЕМИЛОСТИВЫЙ БОГ ОКАЗАЛ РАБУ СВОЕМУ БЛАГОЧЕСТИВОМУ ЦАРЮ И ВЕЛИКОМУ КНЯЗЮ ИВАНУ ВАСИЛЬЕВИЧУ ЗА ПОБЕДУ ЕГО НАД САРАЦИНАМИ И ВЗЯТИЕ КАЗАНИ

Придите, отцы и братия, и услышите духовную повесть о том, что сотворил всемилостивый Бог и как помиловал он раба своего — благочестивого и благородного царя и государя и великого князя Ивана Васильевича, самодержца всей Русской земли. Но прежде всех вас молю, духовные отцы и братия, молитесь всемилостивого Бога, дабы вразумил он уста мои, и вот молитвами пречистой Богородицы и всех святых, и всех русских чудотворцев и великого нашего чудотворца, заступника и помощника преподобного игумена Сергия и ученика его преподобного Никона Чудотворца, да и вашими, духовные отцы и братия, молитвами уже начинаем писать.

Написано ведь в Божественном Писании, что тайну цареву подобает хранить, а дела Божии преславно проповедовать: если кто тайну царскую не хранит, земным царем на смерть осуждается, если же дела Божии и великие его милости не проповедуем, то не только вред душе своей наносим, но и вечным мукам себя предаем, ибо душевная беда — вечно мучиться. Я же, окаянный, этой душевной беды утрашился и написал о той милости Божьей, какую оказал Бог православному государю нашему и всем православным христианам, поскольку я, грешный, о таких чудесах Божиих удостоился кое-что слышать от самого самодержца и благочестивого царя нашего, а кое-что и своими глазами видел.

НАЧАЛО СВИЯЖСКОГО ДЕЛА

В лето 7059 (1551). Великий в благочестии и великий среди державных, Богом почтенный царь и государь и великий князь Божию милостию Иван Васильевич всей Руси самодержец видел, что христианство пленено и много крови христианской проливается, и многие церкви святые пребывают в запустении. От кого же такие нестерпимые беды? Говорю, что все это зло от беззаконных казанских сарацин.

Не стерпѣ убо она благочестивая и Богомъ возлюбленная благочестиваго нашего царя душа в сицевыхъ бедахъ христіянству быти, и глаголетъ к себѣ сицевая: «Всемиловитый убо Богъ молитвами пречистыя матери его и всѣхъ святыхъ и нашихъ русскихъ чудотворцовъ молитвами устроилъ мя земли сей православной и всѣмъ людемъ своимъ царя, и пастыря, и вожа, и правителя, еже правити ми люди его въ православии непоколебимымъ быти и еже пасти ми ихъ отъ всѣхъ золь, находящихся на ны, и всякия нужи ихъ исполняти; а еже отъ Бога царь азъ имѣ бысть, онѣмъ убо имѣти страхъ мой на себѣ и во всѣмъ послушливомъ быти, и страхъ и трепетъ имѣти имѣ на сѣбе, яко отъ Бога ми власть надъ ними и царство приимшу, а не отъ челоувѣкъ».

Сия убо нашъ царь и государь и великий князь глаголетъ. Воистинну есть пастырь добрый, душу свою полагаетъ за овца! Въспросъ: «Отъ кого убо навыкль еси, благочестивый царю и государю великий княже Иванне? Хошемъ убо мы, нищии твои, разумѣти твоихъ царскихъ словесъ, яко тако хощеша». Отвѣтъ: «Разумѣйте убо моихъ словесъ силу, азъ убо вижу пленены, мечемъ иссѣцаемы христіянѣ. Аще азъ своимъ воинствомъ за нихъ не подвигнуся пострадати, како нарекуся пастырь добрый, иже душу свою полагаетъ за овца? Который ли отвѣтъ дамъ пастыремъ начальнику — Иисусу Христу, Богу моему, яко той положи душу свою за словесныя овца? Се убо разумѣйте вси, яко возлагаю упование мое на вседержителя Бога, Отца и Сына и Святаго Духа, и на пречистую Богородицу, и рать всѣхъ святыхъ, и рать воинства составляю, и на нечестивыхъ ополчаюся».

Посылаетъ убо благочестивый царь* и государь и великий князь Иванъ Васильевичъ, всеа Русии самодержецъ, царя Шигалѣя Шиговлѣяровича* и воеводъ къ Казани: боярина и воеводу князя Юрья Михайловича Булгакова* да боярина и воеводу князя Семена Ивановича Микулинскаго,* да боярина и дворетцкаго московскаго Данила Романовича* и иныхъ многихъ воеводъ и съ ними многихъ людей. И повелѣтъ царь и государь въ полцехъ быти воеводамъ: въ большомъ полку былъ князь Юрьи Михайловичъ Булгаковъ, да Данило Романовичъ, да въ передовомъ полку князь Петръ Андрѣевичъ Булгаковъ, да Иванъ Федоровичъ Карповъ, въ правой рукѣ Иванъ Петровичъ да князь Давыдъ Палетцкой; въ лѣвой рукѣ Григорей Морозовъ да князь Ондрѣй Васильевичъ Ногаевъ; въ сторожевомъ полку Иванъ Ивановичъ Хабаровъ да Долматъ Федоровичъ Карповъ. И повелѣтъ имѣ на Свяиге рецѣ городъ поставити.

Онемъ же пришедшимъ къ Казани, и по Волзе, и до Камы, и въ Каме на многіе версты вси пути у казанцевъ отѣяша и Божіею помощію городъ на Свяиге поставиша и въ немъ церковь во имя пречистыя Богородицы славнаго ея Рожества, и церковь великаго чудотворца Сергія. И видѣвшіе нечестивіи, яко таково утеснение николи имъ бываше никогда же, и начаша многіе приѣзжати къ воеводамъ и бити челомъ, чтобъ царь и государь князь великий ихъ пожаловалъ — далъ имъ царя Шигалѣя и велѣлъ бы имъ себѣ служити; воеводы же ихъ послаша

Не стерпела тогда благочестивая и Богом возлюбленная благочестивого нашего государя душа таких для христианства бед, и говорит он себе так: «Всемиловитый Бог молитвами пречистой его матери и всех святых, и наших русских чудотворцев молитвами сделал меня земли этой православной и всех подданных своих царем, и пастырем, и наставником, и покровителем для того, чтобы содержать мне народ его непоколебимым в православии и оберегать тех, кого пасу, ото всех бед, случающихся с ними, и удовлетворять всякие их нужды: они же — поскольку я им от Бога царь, должны меня бояться и во всем послушными быть, и страх и трепет иметь в душе, ибо Богом дана мне власть над ними и от него принял я царство, а не от людей».

Вот что говорит наш государь царь и великий князь. Воистину он пастырь добрый, душу свою отдает за овец! Вопрос: «У кого научился ты всему этому, благочестивый царь государь и великий князь Иван? Хотим ведь мы, смиренные твои, уразуметь смысл царских твоих речей, чего и сам ты желаешь». Ответ: «Уразумейте слов моих силу, ибо вижу я плененных и мечом посеченных христиан. И если я со своим воинством за них не решусь пострадать, как же назовусь пастырем добрым, который душу свою полагает за овец? Какой ответ дам первому из пастырей — Иисусу Христу, Богу моему, который сам положил душу свою за словесных овец? Так узнайте же все, что возлагаю я надежду мою на вседержителя Бога, Отца и Сына и Святого Духа и на пречистую Богородицу, и на рать всех святых, собирая войско, и на нечестивых выступаю в поход».

Посылает тогда благочестивый царь и государь и великий князь Иван Васильевич, всей Руси самодержец, царя Шигалея Шиговлеяровича и воевод к Казани: боярина и воеводу князя Юрия Михайловича Булгакова, да боярина и воеводу Семена Ивановича Микулинского, да боярина и дворецкого московского Данила Романовича и прочих многих воевод и с ними многих людей. И повелел царь и государь так распределиться по полкам воеводам: в большом полку находился князь Юрий Михайлович Булгаков и Данило Романович; в передовом полку — князь Петр Андреевич Булгаков и Иван Федорович Карпов; (в полку) правой руки — Иван Петрович и князь Давыд Палицкий; левой руки — Григорий Морозов и князь Андрей Васильевич Ногаев; в сторожевом полку — Иван Иванович Хабаров и Долмат Федорович Карпов. И повелел он им на реке Свияге поставить город.

Те же, придя к Казани, по Волге до Камы и на Каме на много верст перекрыли все пути казанцам и с Божьей помощью город на Свияге поставили и в нем церковь пречистой Богородицы в честь славного ее Рождества, а также церковь великого чудотворца Сергия. И когда увидели нечестивые такое притеснение, никогда раньше над ними не чинимое, то начали многие из них приезжать к воеводам и челом бить, чтобы царь и государь князь великий их пожаловал — дал бы им царя Шигалея и велел бы им служить себе; воеводы

к Москве государю бити челом. Царь же государь и великий князь Иван Васильевич слышал от нечестивых сия и царя им дав Шигалилѣя,* и многими ихъ своими царьскими жалованиями издоволи.

Слышав же в Казани крымские князи Кошак с товарищи, яко казанцы здаютца царю и государю великому князю, и в той час побѣгоша ис Казани в Крым. На рець же на Каме немногие люди московские ихъ побиша и Кошака с товарищи изымав, к Москве привели.* Воеводы же по государеву слову царя Шигалѣя на Казани посадиша, и казанского царя Аташа съ материю его со царицею Суюнбекѣ съимъ ис Казани взяли и къ государю к Москве послаша.*

И не по мнозе времени казанцы восхотѣша царя Шигалѣя убити. Он же, увѣдав мысль их, и многих казанских князей побил, и сам ис Казани и со царицею выѣхал на Свягу в новой городокъ. Казанцы же от таковых вельми ужасошася, яко царь Шигалѣй многихъ людей у них побил, а иных многихъ с собою вывел. И послаша о том бити челом ко благочестивому царю и государю нашему, чтоб государь их пожаловал: дал имъ в Казань своих бояр и правителей, кому их здержати и управлять. Благочестивый же государь нашъ царь и великий князь Иванъ Васильевич всея Русии, презрѣвъ их многие изъмъны и неправды, преклонился на милость, посла к им бояр своих и воевод в Казань на содержание земли Казанския: князя Симеона Ивановича Микулинского да Ивана Васильевича Шереметева,* да с ними Алексѣя Федоровича Адашева.* Они же придоша къ Казани.

Казанцы же сретоша их лестию и совещаша съ государя нашего воеводами, чтоб напередъ коши своя послали в город, а сами после выѣхали в город. Егда же коши пустили во град и детей боярских многих и людей боярских, и тако затвориша град и боляр во град не пустиша; а которых во граде затвориша, тѣх всѣх побиша, а коши вся пограбиша. Воеводы же государя нашего возвратишася от Казани в новой городокъ на Свягу оболщени и бесчестни. И скоро послаша къ государю царю и великому князю сказати зловѣрных казанцовъ злу неправду и леть.

Казанцы же взяша себѣ в Казань царя Едигеря из Нагай* и посадиша на царство в Казани.

Царь же и великий князь, слышав такую нечестивых агарян измъну, вельми опечалися, но на Бога всю надежду свою возложи и на пречистую его Богоматерь, и на великих чудотворцовъ, и нача мыслити, поговоря с своею братьею — со княземъ Юрьем Васильевичем и со князем Владимиром Андрѣевичем и з боляры, и с воеводами, чтоб послати ему воеводъ своих и многих людей х Казани перед собою, а самому бы итти за ними же къ Казани, хотя отомстити кровь христьянскую. И, задумавъ сице, нача творити.

же послали их в Москву государю бить челом. Царь же государь и великий князь Иван Васильевич, услышав это от нечестивых, дал им в царя Шигалея и многими царскими подарками щедро наградил.

Когда же крымские князья — Кучак с товарищами — услышали в Казани о том, что казанцы сдаются царю и государю великому князю, тотчас побежали они из Казани в Крым. На реке же Каме немногие люди московские их побили и, схватив Кучака с товарищами, привели их к Москве. Воеводы же по государеву слову посадили царя Шигалея в Казани, а казанского царя Аташа с матерью его — царицей Суюнбек, схватив, из Казани изгнали и отправили к государю в Москву.

И спустя немного времени захотели казанцы царя Шигалея убить. Он же, разгадав замысел их, многих казанских князей побил, а сам выехал из Казани с царицею на Свягу в новый городок. Казанцы же пришли в ужас от того, что царь Шигалей много людей у них погубил, а иных многих с собой увел. И послали они об этом бить челом к благочестивому царю и государю нашему, чтобы государь их пожаловал: дал им в Казань своих бояр и правителей, которые смогли бы над ними властвовать и управлять ими. Благочестивый же государь наш царь и великий князь всей Руси Иван Васильевич, презирая их многие измены и обманы, склонился к милости и отправил к ним в Казань для управления Казанской землей бояр своих и воевод: князя Семена Ивановича Микулинского, да Ивана Васильевича Шереметева, да с ними Алексея Федоровича Адашева. Они же пришли в Казань.

Казанцы же встретили их, затаив в душе злой умысел, и договорились с государевыми воеводами о том, чтобы те сначала послали в город свои обозы, а сами после бы въехали в город. Когда же обозы и многих детей боярских, и людей боярских пустили в город, тогда затворили они ворота и бояр в город не пустили; тех же, кого заперли в городе, всех побили, а обозы все разграбили. Воеводы же государя нашего возвратились из-под Казани в новый городок на Свягу, обманутые и обесчещенные. И вскоре послали к государю царю и великому князю сообщить о злом обмане и хитром лицемерии зловерных казанцев.

Казанцы же взяли себе в Казань царя Едигера из Ногайской орды и посадили на царство в Казани.

Царь же и великий князь, услышав о такой измене нечестивых агарян, сильно опечалился, но возложил всю надежду свою на Бога и на пречистую его Богоматерь, и на великих чудотворцев и, посоветовавшись со своими братьями — с князем Юрием Васильевичем и с князем Владимиром Андреевичем, с боярами и воеводами, начал думать о том, чтобы послать впереди себя воевод своих и многих людей к Казани, а самому идти за ними к Казани, желая отомстить за кровь христианскую. И, задумав это, начал совершать.

НАЧАЛО КАЗАНСКОМУ И КРЫМСКОМУ ДѢЛУ

В лѣто 7060-го благочестивый царь и великий князь Владимирский и Московский и Новгородский и всеа Русии самодержецъ Божнею милостию Иванъ Васильевичъ послал своих воевод хъ Казани: боярина своего князя Олександра Борисовича Горьбатого,* да боярина своего князя Петра Ивановича Шуйского,* да дворетцкого Московского и боярина Данила Романовича и инѣх многих воевод, а сам после стал помышляти хъ Казани.

Тоя же весны приде вѣсть ис поля, что царь крымской* идетъ на Рускую землю со многими людьми, и многие люди турского солтана с ними, и наряду с ними турского — пушки и пищали, и янычанѣ. И благочестивый царь и великий князь нача многими печальми уязвлятися и скорбѣти, что многихъ воевод и многих людей отпустил под Казань. И нача мыслити з братом своим со князем Владимиром Ондрѣвичем и з бояры и воеводами, и сказа имъ свою мысль: «Из, дѣ, и хотѣх итти на казанского царя за их великую измѣну и кровь христианскую и хотѣл есми пострадати и до крови, а ныне, де, идетъ на нас нашъ недругъ крымской царь и хочеть, безбожный, разорити православную вѣру. И яз хощу итти на Коломну против недруга своего и хощу сам пострадати за православную вѣру и за святыя церкви».

И слышав от благочестиваго царя и великого князя Ивана Васильевича таковыя его царския рѣчи и видѣвше таковое его хотѣние и ревность, еже желаше тако страдати о православии, и вси прославиша Бога и пречистую его мать и великихъ чудотворцовъ рускихъ, о еже от Бога дарование ревность и мысли благочестивому царю и великому князю, яко же кроткому Давиду на безбожнаго Голияда.* И глаголетъ ему князь Володимер Андрѣвичъ и вси бояре и воеводы: «Мы есмы вси должни и готовы за православленную вѣру и за святыя церкви и за тебя, государя, кровь свою пролияти и главы своя положить».

И здумавъ благочестивый царь и великий князь и потомъ во обитель великую к живоначальной Троицы и великого чудотворца Сергия поѣде. И приѣде во обитель и вниде в святую церковь, и ко образу святому живоначальной Троицы, юже сам онъ благочестивый царь украсилъ златом и бисеромъ и камениемъ многоценнымъ, припадаетъ и слезы многие изливаеъ, таковая глаголетъ.

Молитва: «О премилостивый Создателю нашъ, услыши молитву и моление грѣшнаго раба своего и не помяни грѣховъ моихъ, еже во юности согрѣших и в совершенномъ возрасте моемъ предъ тобою азъ согрѣших. И к тебѣ прибѣгаю, Творцу и Господу моему. Видждь, Владыко, воздыхание и слезы раба твоего и прости грехи моя и прими покаяние мое, яко же Давида, Иезекѣиля и Манасия, и разбойника, и ниневгитянь.* Помилуй мя по велицей твоей милости и даждь ми, Господи, одолѣние на сопротивныя враги наша, да не рекутъ беззаконнии: „Гдѣ есть Богъ ихъ?“, и да разумѣють, яко ты еси един Богъ нашъ и Господь

НАЧАЛО КАЗАНСКОМУ И КРЫМСКОМУ ДЕЛУ

В год 7060-й (1552) благочестивый царь и великий князь Владимирский и Московский и Новгородский и Божьей милостию всей Руси самодержец Иван Васильевич послал своих воевод к Казани: боярина своего князя Александра Борисовича Горбатого, и боярина своего Петра Ивановича Шуйского, и московского дворецкого боярина Даниила Романовича, и других многих воевод, а после сам начал собираться в поход к Казани.

Той же весной пришла весть из поля о том, что царь крымский идет на Русскую землю с большим войском и с ним много воинов турецкого султана и наряд турецкий с ним — пушки и пищали, и янычары. И начал благочестивый царь и великий князь многими печальми уязвляться и скорбеть о том, что многих воевод и многих воинов отпустил под Казань. И начал он совещаться с братом своим, с князем Владимиром Андреевичем, с боярами и воеводами и открыл им свой замысел: «Я ведь собирался идти на казанского царя за великую измену казанцев и пролитую христианскую кровь и хотел сам пострадать до крови, а ныне идет на нас наш недруг — крымский царь и хочет, безбожный, погубить православную веру. И хочу я идти к Коломне против недруга своего, и сам хочу пострадать за православную веру и за святые церкви».

И услышав от благочестивого царя и великого князя Ивана Васильевича такие его царские речи, и узнав о таком его желании и рвении пострадать за православие, все прославили Бога и пречистую его мать, и великих чудотворцев русских за то, что даровал Бог дерзновение и ум благочестивому царю и великому князю, так же как и кроткому Давиду для борьбы с безбожным Голиафом. И говорят ему князь Владимир Андреевич и все бояре и воеводы: «Мы все должны и готовы за православную веру и за святые церкви, и за тебя, государя, кровь свою пролить и головы свои сложить».

И, посоветавшись, поехал потом благочестивый царь и великий князь в обитель великую живоначальной Троицы и великого чудотворца Сергия. И приехав в обитель и войдя в святую церковь, припадает он к образу святому живоначальной Троицы, который сам он, благочестивый царь, украсил золотом и жемчугом, и драгоценными камнями, и, слезы многие проливая, так говорит.

Молитва: «О премилостивый Создатель наш, услышь молитву и моление грешного раба своего и не помяни грехов моих, совершенных пред тобою в юности моей и в зрелые годы. К тебе прибегаю, Творцу и Господу моему. Увидь, Владыка, стенания и слезы раба твоего и прости грехи мои, и прими покаяние мое, как и Давида, Иезекеиля, и Манасии, и разбойника, и ниневитян. Помилуй меня по великой милости твоей и дай мне, Господи, победу над врагами нашими, дабы не говорили язычники: „Где есть Бог их?“, и уразумели бы, что ты один Бог наш и Господь Иисус Христос, во славу Богу и Отцу и

Исусъ Христось, в славу Богу и Отцу и Святому Духу. Аминь. И развѣ тебѣ иного не знаем и твоею милостию побеждаемъ враги наша».

Прииде к чудотворнымъ мощемъ и великаго и дивнаго чудотворца Сергия и преклоняетъ главу свою ко святымъ мощемъ преподобнаго отца. И едва от многихъ слезъ возможе проглаголати. И моление приносить к дивному отцу, сицевая глаголя.

Молитва: «О преподобне и угодниче Христовъ, великий Сергие! Котораго от святыхъ в Русей земли тако Богъ прослави, яко же тебе! Ты пренепорочную владычицу Богородицу, со апостолы к тебѣ пришедшу, видѣ* и таковая от нея неизглаголанная радостная глаголы слышавъ! И избранника твоего своего нарече и посѣщения ради к тебѣ прииде, и прошения твоя еже о обители и о ученицехъ тебе молящуся услыша. И таковая к тебѣ обещания владычица Богородица изрече, еже неотступне ей быти ото обители твоя и до кончания вѣку, и вся изобильного потребная подаючи, и ученикомъ твоимъ ходатаица молебница къ сыну своему Христу Богу нашему обществуется. Ты прадѣда нашего великаго князя Дмитрия молитвою своею вооружи на безбожнаго Момая и безо всякаго сомнѣния дерзати ему повелѣ. И пророческий дар от Бога восприял еси, и сказавъ ему, яко: „Враги своя победиши и во своя с великими побѣдами и похвалами возвратишися”. Якоже того, тако и нас вооружи и огради своими молитвами на супротивныя враги наша.

И якоже услыша Богъ отца моего молящася твоихъ ради молитвъ, еже породити ему наслѣдника царству его, и дарова ему мене, еже быти ми наслѣднику царству его. И принесе мя отецъ мой и мати во святую сию церковь и породиста мя вторымъ нетлѣннымъ порождениемъ — водою и духомъ во имя Отца и Сына и Святаго Духа. И отецъ мой и мати моя по святомъ крещении принесоста мя ко святѣй рацѣ твоей и на святыхъ мощи твоя положиша мя, таковая глаголющи: „Се общание наше отдаемъ Богу и пречистой его владычице Богородице и тебѣ, святче Божий и угодниче Христовъ. И ныне великий угодниче Христовъ Сергие, буди нашему чаду помощникъ и молитвеникъ ко Господу Богу и пречистой Богородицы”.

Тѣмъ ныне и азъ, преданный тебѣ родителема моима, никакоже отступлю от твоя помощи: ты ми буди помощникъ, ты ми буди молитвеникъ ко Христу, Богу моему и ко пречистой Богородицы, матери его. И якоже прадѣды наши и отцы надѣяшася на милость Божию и на пречистую Богородицу, и на ваша молитвы и побѣждали враги своя, такоже и азъ, надѣяся на всеильнаго и всемилостиваго Бога и на рождѣшую его пречистую Богородицу, и на молитвы ваша, рускихъ чудотворцовъ, и дерзаю противу враговъ своихъ. О угодниче Христовъ великий Сергие преподобне, способствуй мнѣ и всему христоролюбивому воинству моему на супротивныя!»

И такова моления совершивъ и от настоятеля обители благословяетца, и от всего священническаго и иноческаго собора благословение приемлетъ и

Святому Духу. Аминь. И кроме тебя иного не знаем и твоею милостию побеждаем врагов наших».

Приходит он и к чудотворным мощам великого и дивного чудотворца Сергия и преклоняет голову свою к святым мощам преподобного отца. И едва смог он от многих слез говорить. И приносит он моление к дивному отцу, так говоря.

Молитва: «О преподобный угодник Христов великий Сергий! Кого из святых в Русской земле так еще Бог прославил, как тебя! Ты видел пренепорочную владычицу Богородицу, с апостолами к тебе пришедшую, и слышал от нее такие несказанные радостные речи! Нарекла она тебя своим избранником и пришла навестить тебя, услышав просьбы твои об учениках и об обители, с которыми ты взывал к ней. И дала владычица Богородица тебе обещание, что неотступно будет пребывать в обители твоей до скончания века, в изобилии подавая все необходимое, и за учеников твоих будет просить и молиться перед сыном своим Христом, Богом нашим. Ты вооружил молитвою своею прадеда нашего — великого князя Дмитрия на безбожного Мамаю и без всякого сомнения дерзая ему повелел. И получив от Бога пророческий дар, предсказал ему: „Врагов своих победишь и возвратишься домой с великой победой и славой”. Как его, так и нас вооружи на врагов наших и огради молитвами своими!

Услышал ведь Бог благодаря твоим молитвам мольбы отца моего о том, чтобы послал он ему наследника царству его, и даровал ему меня, унаследовавшего царство его. И принесли меня отец мой и мать в эту святую церковь и породили меня вторым нетленным рождением — водою и духом во имя Отца и Сына и Святого Духа. И после святого крещения принесли меня отец с матерью к святой раке твоей и на святые мощи твои положили меня, говоря так: „Отдаем обещанное Богу и пречистой владычице Богородице и тебе, святитель Божий и угодник Христов. Будь же отныне, угодник Христов великий Сергий, нашему чаду помощник и молись за него Господу Богу и пречистой Богородице!”

Вот почему ныне я, отданный тебе родителями моими, никак не могу отказаться от твоей помощи: будь же моим помощником, молись за меня Христу, Богу моему и пречистой Богородице, матери его. И так же, как прадеды наши и отцы надеялись на милость Божию и на пречистую Богородицу, и ваши молитвы и побеждали врагов своих, так же и я, надеясь на всемогущего и всемилостивого Бога и на родившую его пречистую Богородицу, и на ваши молитвы, русские чудотворцы, дерзаю (выступить) против врагов своих. О угодник Христов преподобный великий Сергий, помоги мне и всему христианскому воинству моему против врагов наших!»

И по совершении этих молений получает он благословение у настоятеля обители и у всего священнического и иноческого собора для себя и

всему христоролюбивому своему воинству. И братию учредивъ, и милостыню довольну дав, исходить от обителей и приходить во свой царствующий град Москву.

И не по мнозех днех благочестивый царь и великий князь Иван Васильевич всеа Руси самодержецъ поиде противу оного зловѣрнаго царя крымского. И приходить с своими братьями и боляры, и воеводами, и со многимъ своимъ христоролюбивымъ воинствомъ во святую великую соборную церковь пречистыя Богородица славнаго ея Успения и преклоняетъ колѣни и главу к земли пред пречистымъ образомъ Господа нашего Иисуса Христа со многими слезами и воздыхании сердечными, сицевая глаголя.

Молитва: «О, владыко премилостивый, Господи Иисусе Христе! Услыши молитву и слезы раба своего и послѣди милость свою свыше и дай помощь и укрѣпление на враги наша воинству православному и мене, раба своего, огради милостыню своею свыше. И якоже послал еси возлюбленнаго своего архистратига Михаила, небесныхъ силъ воеводу, вѣрному своему Аврааму на Ходологомора царя содомского, имѣюще с собою триста тысящъ, Авраамъ же трѣи сты и осмиюдесятъ своихъ домочадецъ, и твоєю, Господи, силою и помощію великаго архистратига Михаила сихъ побѣди;» и якоже Иисусу Наввину того же помощника послал еси архистратига Михаила: егда же и обступиша градъ Иерихон, в немже бѣше семьъ царей хананѣйскихъ и повелѣніемъ твоимъ, вседержителя Бога, от архистратига Михаила стѣны градныя до основания сами ся падоша, Иисусъ Наввинъ царей и всѣхъ людей во Иѣрихоне градѣ изсѣче;» такоже пособникъ бысть и Гедеону на мадианы той же архистратигъ Михаилъ, ихже бѣяша числомъ тысяща тысящъ, Гедеонъ же с трѣи сты своихъ вои онѣхъ побѣди, имѣя с собою в нощи фонари со свѣщами, и мадианы сами между собою изсѣкошася смятениемъ архангеловымъ;» такожде и при благочестивомъ цари Иезекѣи и обстояше Иеросалимъ градъ Сенанахиримъ царь Асирскій с вои своими и укаряше Бога Израилева, и помолися Иезекѣя Богу, и Божиимъ повелѣніемъ той же архистратигъ Михаилъ во едину ночьъ уби от полку асирска сто и осмѣдесять и пять тысящъ,* — тако и ныне, всемилостивый Господи Иисусе Христе сыне Божий, прослави имя свое на мнѣ, на рабѣ своемъ, и послѣди на помощь намъ возлюбленнаго своего архистратига Михаила, и разумѣютъ вси врази наши, яко и мы, вѣрнии раби твои, на тя надѣющеся, побѣждаемъ враги наша».

Также и приходить ко пречистыя Богородица образу, еже Лука евангелистъ написа,* и припадаетъ къ земли со многими слезами.

Молитва пресвятей Богородицы: «Ты, о, владычице, пречистая Богородица, мати сладкаго ми Господа и Бога и Спаса нашего Иисуса Христа, подвижнися на молитву к рождшемуся из тебе царю небесному с небесными силами и со пророки, и апостоли, и съ мученики, и со святители, и со преподобными, и с нашими помощники и заступники рускими святители с новыми чудотворцы:

всего своего христоролюбивого воинства. И угостив братию, и дав им большую милостыню, покидает он обитель и приходит в свой царствующий город Москву.

И по прошествии немногих дней благочестивый царь и великий князь Иван Васильевич всей Руси самодержец выступает против того зловерного крымского царя. И приходит он со своими братьями и боярами, и воеводами, и с многочисленным своим христоролюбивым воинством в святую великую соборную церковь пречистой Богородицы славного ее Успения и, преклонив колени и голову склонив до земли перед образом Господа нашего Иисуса Христа, так говорит, проливая слезы и сокрушаясь сердцем.

Молитва: «О премилостивый владыка Господь Иисус Христос! Услышь молитву и слезы раба твоего и пошли милость свою свыше, и дай помощь и стойкость против врагов наших православному воинству и меня, раба своего, огради свыше своею милостью. И как (некогда) послал ты любимого своего архистратига Михаила, воеводу небесных сил, на помощь верному своему Аврааму против царя содомского Ходологомора, с которым было триста тысяч воинов, и твоею, Господи, силою и с помощью великого архистратига Михаила победил их Авраам, хотя было с ним всего триста восемьдесят домочадцев; и так же, как послал ты того же помощника архистратига Михаила Иисусу Навину, когда обступил он град Иерихон, в котором было семь царей хананейских, и по твоему, вседержителя Бога, повелению архистратиг Михаил сделал так, что городские стены сами разрушились до основания и Иисус Навин перебил царей и всех людей в городе Иерихоне; и как был тот же архистратиг Михаил помощник Гедону против бесчисленного количества мадианитян, которых он победил с тремястами своих воинов, имевших при себе ночью фонари со свечами, тогда как мадианитяне, приведенные в смятение архангелом, сами друг друга поубивали; и так же как при благочестивом царе Езекии, когда окружил город Иерусалим ассирийский царь Сеннахирим со своими войсками и оскорблял Бога Израилева, по молитве Езекии тот же архистратиг Михаил Божьим повелением за одну ночь перебил сто восемьдесят пять тысяч человек из ассирийского войска, — так и теперь, всемилостивый Господь Иисус Христос, сын Божий, прославь имя свое через меня, раба твоего, и пошли на помощь нам любимого своего архистратига Михаила, дабы уразумели все враги наши, что и мы, верные рабы твои, надеющиеся на тебя, побеждаем врагов наших».

Так же приходит он и к образу пречистой Богородицы, который написал евангелист Лука, и припадает к земле, обливаясь слезами.

Молитва пресвятой Богородице: «О владычица пречистая Богородица, мать возлюбленного моего Господа Бога и Спаса нашего Иисуса Христа, подвигнись на молитву к рожденному тобой небесному царю вместе с небесными силами и с пророками, и с апостолами, и с мучениками, и со святителями, и с преподобными, и с нашими помощниками и заступниками — русскими

с великим святителем Петромъ* и Олексѣемъ,* и Ионою,* и Леонтиемъ,* и со угодникомъ твоимъ великимъ чудотворцомъ преподобнымъ Сергиемъ,* и Никономъ,* и с Кириломъ,* и Димитриемъ,* и со всѣми рускими чудотворцы, и со всѣми святыми! И умоли, Владычице, Господа нашего Иисуса Христа, да подасть намъ побѣду и помощь на супротивныя враги наша и одолѣние, да разумѣютъ вси врази наши, яко мы не своимъ храбрствомъ и силами побеждаемъ враговъ своихъ, но побеждаемъ помощію всеильнаго Бога — Отца и Сына и Святаго Духа и твоими еже ко Господу молитвами и заступлениемъ: се наша христіанская побѣда и храбрство еже уповати на всеильнаго Бога и на тебе, Владычице, крѣпкую помощницу христіанскому роду». И таковая изрекъ со многими слезами.

И приходитъ къ великому и дивному рускому заступнику и чудотворцу Петру и, припадая къ честнѣй его рацѣ, таковая глаголя.

Молитва: «О святче Божій и угодниче Христов! Не премолчи, вопія о насъ ко Господу, да твоими молитвами смиритъ Господь безбожнаго сего варвара, хвалящагося разорити достояние твое. Помяни, святителю Христовъ Петре, како еси оградилъ и укрепилъ молитвами своими прадѣда нашего на сопротивнаго и безбожнаго Мамая, — таковая и намъ ныне даруй еже ко Господу твоими молитвами». И таковая изрекъ со многими слезами и воздыханіи сердечными.

И по семъ приходитъ къ святѣйшему и смиренному отцу своему Макарию митрополиту всеа Руси и ко священному его собору — архиепископомъ и епископомъ, и всему церковному причтѣ и проситъ благословѣнія и молитвы себѣ и всему своему христіолюбивому воинству. Святѣйшій же вселенскій отецъ пресвященный Макарей митрополитъ всеа Руси со архиепископы и епископы, и со всѣмъ священнымъ соборомъ благословляютъ и молитвуютъ прилѣжно, и сие со слезами вопіютъ благочестивому царю: «О пресвѣтлый и великій царю! О пречестная и благоразсудная главо! О предобрый пастырю! Полагай душу свою за овца словесныя, ихже дарова тебѣ всемилостивый Богъ. Ты убо, о царю благочестивый, теплейшую ревностьъ имаша по Бозѣ и дерзаеши за благочестіе пострадати, всемогущій же Богъ молитвами пречистыя его матери и великихъ чудотворцовъ да дасть ти помощь и одолѣние на сопостаты и всему твоему христіолюбивому воинству».

И благословляетъ его крестомъ животворящимъ, рекъ сие: «Буди на тебѣ, на нашемъ государи, милость Божія и пречистые его матери, и великихъ чудотворцовъ Петра, Олексѣя и Ионы, и Леонтия, и преподобныхъ отецъ нашихъ Сергія и Варлама, Кирила и Никона, и всѣхъ святыхъ, и нашего смиренія, и всего священнаго собора молитва и благословеніе, и чтобы даровалъ Богъ тебѣ, государю нашему, желаемая получитьи и на свой престолъ всего рускаго царствія здраво и радостно съ побѣдою и одолѣніемъ возвратитися, и многолѣтну быти и со своею царицею великою княгинею Анастасіею и со своею

святителями и новыми чудотворцами: с великими святителями Петром и Алексеем, и Ионою, и Леонтием, и с угодником твоим великим чудотворцем преподобным Сергием, и с Никоном, и с Кириллом, и с Димитрием, и со всеми русскими чудотворцами, и со всеми святыми! И умоли, Владычица, Господа нашего Иисуса Христа, чтобы послал нам победу и помощь (в борьбе) с врагами нашими и победу над ними, дабы уразумели все враги наши, что мы не нашими храбростью и силами побеждаем врагов своих, но с помощью всеильного Бога — Отца и Сына и Святого Духа и твоими к Господу молитвами и заступничеством: ведь храбрость и победа христиан в том и состоит, чтобы уповать на всеильного Бога и на тебя, Владычица, твердую помощницу христианскому роду». Вот что проговорил он со многими слезами.

И приходит он к великому и дивному заступнику русских людей — чудотворцу Петру и, припадая к честной его раке, говорит так.

Молитва: «О святой Божий и угодник Христов! Не промолчи о нас, взывая к Господу, да твоими молитвами смирит Господь безбожного этого варвара, похваляющегося, что разорит достояние твое. Вспомни, святитель Христов Петр, как ты оградил и укрепил молитвами своими прадеда нашего в борьбе с противником его безбожным Мамаем, — то же и нам ныне пошли молитвами твоими к Господу». Вот что изрек он в скорби душевной, обливаясь слезами.

После этого приходит он к святейшему и смиренному отцу своему Макарию, митрополиту всей Руси, и к священному его собору — архиепископам и епископам, и ко всему церковному причту и просит благословения и молитвы для себя и всего своего христоролюбивого воинства. Святейший же вселенский отец преосвященный митрополит всей Руси Макарий с архиепископами и епископами и со всем священным собором прилежно молятся и благословляют его, и так со слезами взывают к благочестивому царю: «О пресветлый и великий царь! О пречестная и благоразумная глава! О предобрый пастырь! Полагай душу свою за словесных овец, которых даровал тебе всемилостивый Бог. Имеешь ты, о благочестивый царь, горячее устремление к Богу и готов пострадать за благочестие, да пошлет тебе и всему твоему христоролюбивому воинству всемогущий Бог по молитвам пречистой своей матери и великих чудотворцев помощь и победу над супостатами».

И благословляет его (митрополит) животворящим крестом, говоря так: «Да пребудет с тобой, нашим государем, милость Бога и пречистой его матери, и великих чудотворцев Петра, Алексея, Ионы и Леонтия и преподобных отцов наших Сергия и Варлама, Кирилла и Никона и всех святых, и нашего смирения, и всего священного собора молитва и благословение, чтобы даровал тебе, государю нашему, Бог добиться желаемого и с победою радостно и в здравии возвратиться на престол свой — царя всей Русской земли и много лет царствовать со своею царицею великой княгиней Анастасией, и с братьями

братъею, и з боляры, и со всѣм твоим христоролюбивым воинством, и со всѣми православными христианы. А мы, твои смиреннии богомольцы, вси соборне и особь по кѣлиям должни беспрестани Бога молити и пречистую его Богоматерь, и всѣх святых твоих. Аминь».

И тако благословляется от всѣх и с таким благословением и молитвою исходит из соборныя церкви и приходит во свои царьскіе полаты к супружницы своей и къ благочестивой царицы и великой княгине Анастасии и таковая глаголет к ней: «Аз, жено, надѣясь на Вседержителя и премилостиваго и всещедраго, и челолюбиваго Бога, дерзаю и хошу итти противу нечестивых варваръ, и хошу страдати за православную вѣру и за святыя церкви не токмо до крове, но и до послѣднаго издыханія: сладко бо умрети за православие, нѣсть се смерть еже пострадати за Христа, но се есть живот вѣчный. Сие страдание прияша мученицы и апостоли, и прежнии благочестивии цари и сродницы наши и за то от Бога прияша не токмо земное царство и славу, и храбрство на сопротивныя и страшнии врагом своим быша, и многолѣтне и славне на земли пожиша. И что много глаголю о тлѣнном семъ и вскорѣ минувшем царствии и славе земной, но дарова им Богъ за их благочестіе и за страдание, еже страдаша за православие, по отшествіи же от прелестнаго сего мира в земных мѣсто небесная, и в тлѣнных — нетлѣнная и бесконечную радость и веселіе еже у Господа своего быти и со ангелы предстояти, и со всѣми праведными веселитися, еже глаголетъ Божественое писание: ни око не видѣ, ни ухо не слыша, ни на сердце челолюбку не възде, яже уготова Богъ любящим его и святыя заповѣди его хранящим.

Тебѣ же, жено, повелѣваю никакоже о моем отшествіи скорбѣти, но пребывати повѣлеваю в постѣ и в подвизах духовных, и часто приходити ко святым церквам, и многіе молитвы творити за мя и за ся, и многую милостыню ко убогим творити, и многих бѣдных и в наших царских опалах разрешати повелевай, и в темницах заключимыя испущати повелѣвай, да сугубу мзду от Господа примемъ: аз за храбрство, а ты — за сия благая дѣла».

И сия слышавъ благочестивая царица от государя своего благочестиваго царя о отшествіи его, уязвися нестерпимую скорбию и не може от великия печали стояти, аще не бы благочестивый царь *свою супружницу* своимъ руками удержалъ, хотяше бо пасти на землю. И на много час безгласна бывши, и плакася горко, и едва возможь от великих слезъ удержатися и проглаголати государю благочестивому царю и великому князю Ивану: «Ты убо, благочестивый царь и государь мой, заповеди храниши Господа Бога и Спаса нашего Иисуса Христа, еже ты хотящу душу свою положить за православную вѣру и за православныя христианы, аз же како стерплю отшествіе своего государя или кто ми утолить горкую сию печаль, или кто ми принесетъ и возвѣстит от Бога милость велию на благочестивом моем государи, яко благочестивый царь и всея

своими, и с боярами, и со всем твоим христоролюбивым воинством, и со всеми православными христианами. Мы же, смиренные твои богомольцы, должны все вместе и каждый отдельно по своим кельям молиться Богу и пречистой его Богоматери и всем святым. Аминь».

И так, получив от всех благословение, выходит он с этим благословением и молитвою из соборной церкви и приходит в свои царские палаты к супруге своей благочестивой царице и великой княгине Анастасии и так говорит ей: «Я, жена, надеясь на Вседержителя, премилостивого, щедрейшего и человеколюбивого Бога, осмеливаюсь и хочу идти на нечестивых варваров и пострадать за православную веру и за святые церкви не только до крови, но и до последнего вздоха: сладко ведь умереть за православие, ибо не смерть это — пострадать за Христа, но жизнь вечная. Такое страдание приняли мученики и апостолы, и прежние благочестивые цари и наши сродники и получили за это от Бога не только земное царство и славу, но и храбрость перед противниками, и были они страшны врагам своим, и много лет славно на земле пожили. Но зачем много говорю я о тленном этом и быстро проходящем царстве и земной славе, ведь даровал им Бог за их благочестие и страдание, которое приняли они за православие, по отшествии от этого обольстительного мира вместо земных (благ) — небесные, вместо тленных — нетленные и бесконечную радость и веселие пребывать у Господа своего и вместе с ангелами предстоять перед ним и веселиться со всеми праведниками, как говорит Божественное Писание: «Ни глазу не увидеть, ни уху не услышать, ни сердцем человеку не почувствовать того, что уготовил Бог любящим его и соблюдающим святые его заповеди».

Тебе же, жена, повелеваю несколько не скорбеть о моем уходе, а пребывать в посте и подвигах духовных, и часто ходить по святым церквам, и усердно молиться за меня и за себя, и щедрую милостыню подавать убогим; многих же несчастных от нашей царской опалы прикажи освободить и в темницах заключенных выпустить на волю, дабы получили мы от Господа двойную награду: я — за храбрость, а ты — за эти благие дела».

И когда услышала благочестивая царица от государя своего благочестивого царя о его отшествии, охватила ее нестерпимая скорбь, и от этой сильной печали не могла она стоять, и если бы не удержал благочестивый царь супругу свою своими руками, упала бы она на землю. И долгое время оставалась она безгласна и горько плакала, и едва смогла удержаться от сильных слез и проговорить государю благочестивому царю и великому князю Ивану: «Ты ведь, благочестивый царь и государь мой, хранишь заповеди Господа Бога и Спаса нашего Иисуса Христа и хочешь душу свою положить за православную веру и за православных христиан, я же как вынесу разлуку со своим государем, и кто утолит горькую мою печаль и принесет мне весть о великой Божьей милости к благочестивому моему государю — о том, что благочестивый царь и всей

Русии самодержец от Вседержителя и всемилостиваго Бога милость получи и со всѣм своим христолюбивым воинствомъ брався с нечестивыми и одолѣ, и на свое царство здравъ возвратися?»

Молитва: «О всемилостивый Боже! Услыши слезы и рыдание рабы своя, даруй ми сие услышати государя своего здрава и о милости твоей хвалящагося, и о милости же радующагося видѣти. Не помяни, Владыко, многих грѣховъ наших, но сотвори с нами милость свою по велицей милости твоей и по многимъ щедротамъ твоимъ.

И ты, о премилостивая и прещедрая и крѣпкая помощница роду христьянскому, царица и владычица и мати небеснаго царя и Господа, пречистая Богородице, услыши молитву рабы своя, подвижнися на молитву ко ис тебѣ рождшемуся Христу, Богу нашему, да подасть побѣды на сопостаты государю моему и его здрава возвратит, и мнѣ его, Госпоже, видѣти сподоби, о милости твоей хвалящася, яко твоимъ, Владычице, заступлением и молитвами одолѣеть враги своя!»

Благочестивый же царь свою царицу утѣшивъ словесы и наказанием и целование давъ, и исходитъ от нея, и поиде на Коломну, а с ним братъ его князь Владимиръ Андрѣевич, и боляре, и воеводы, и люди многие. И прииде на Коломну, и вниде в церковь пречистыя Богородица славнаго ея Успения, и повелѣ молебны пѣти владыце Феодосию и всему собору. Сам же благочестивый царь и великий князь приходитъ ко образу пречистыя Богородицы, иже на Дону была с православным великим князем Дмитрием Ивановичем,* и тако припадаетъ и *молит* милосердаго Господа нашего Иисуса Христа и рожшую его Богоматерь со многими слезами и воздыханиемъ сердечными о пособлении и побѣде на сопротивныя агаряны. И довольне помолився, и благословение взяв от епископа Феодосия и от священнаго собора, и исходитъ из церкви.

И нача уряжати полки своя, и прииде к нему вѣсть ис поля, яко безбожный царь крымский идетъ со многими силами и уже ко украине приближается. И поиде благочестивый царь и великий князь с Коломны к велицей рецѣ Окѣ и хотяше возитися за Оку и тамо встрѣтити и битися з безъбожными агаряны. И посла в Касимов городокъ по царя по Шигалѣя и повелѣ вскоре ему к себѣ быти, повѣдая, яко царь крымской идет со многими людьми. И прииде в той час Шигалѣй къ царю государю и великому князю.

Царь же и великий князь нача повѣдати скорбь свою и всего православнаго христьянства, что недруг его крымской царь идетъ со многими людьми и с великимъ нарядомъ: «А яз, де, многихъ своих воевод и людей послал к Казани и о сем ми велика печаль належитъ, но уповаю на всемогущаго Бога и хощу противу недруга своего итти. Ты же, братъ нашъ, поиди с нами и постражи по православном христьянствѣ». Царь же Шигалѣй нача утѣшати

Руси самодержец, получив помощь от Вседержителя и всемилостивого Бога, со всем своим христолюбивым воинством сражался с нечестивыми и одолел их, и в свое царство здрав возвратился?»

Молитва: «О всемилостивый Боже! Услышь слезы и рыдание рабы своей, даруй мне услышать, что государь мой здрав и по милости твоей прославлен, и по милости же (твоей), радуясь, увидеть (его). Не помяни, Владыка, многих грехов наших, но пошли нам милость свою по великому своему милосердию и щедрости.

И ты, милосерднейшая, щедрейшая и верная помощница роду христианскому, царица и владычица, мать небесного царя и Господа, пречистая Богородица, услышь молитву рабы своей и подвигнись на молитву к рожденному тобою Христу, Богу нашему, чтобы послал он победу над супостатами государю моему и невредимым возвратил его и сподобил меня, Госпожа, увидеть его по милости твоей прославленным, ибо твоим, Владычица, заступничеством и молитвами одолеет он врагов своих!»

Благочестивый же царь, утешив свою царицу словами и наставлениями и дав прощальный поцелуй, выходит от нее и отправляется к Коломне с братом своим князем Владимиром Андреевичем, и боярами, и воеводами, и многими воинами. Придя же в Коломну, входит он в церковь пречистой Богородицы славного ее Успения и повелевает владыке Феодосию и всему собору петь молебны. Сам же благочестивый царь и великий князь подходит к образу пречистой Богородицы, тому, который был на Дону с православным великим князем Дмитрием Ивановичем, и, припав к нему, молит со многими слезами и сердечными воздыханиями милосердного Господа нашего Иисуса Христа и родившую его Богоматерь о помощи и победе над врагами агарянами. И вдоволь помолившись и получив благословение от епископа Феодосия и священного собора, выходит он из церкви.

Когда же начал он выстраивать свои полки, пришла к нему весть из поля о том, что идет на него безбожный царь крымский со многими силами и уже приближается к пограничным землям. И пошел благочестивый царь и великий князь из Коломны к великой реке Оке, желая переправиться через Оку и там встретиться и биться с безбожными агарянами. И послал он в городок Касимов за царем Шигалеем и повелел ему вскоре приехать к нему, сообщив, что царь крымский идет со многими людьми. И Шигалей тотчас же пришел к царю государю великому князю.

Царь же и великий князь начал ему рассказывать о своем и всего православного христианства несчастье — о том, что недруг его крымский царь идет со многими воинами и сильным нарядом: «Я же многих своих воевод и воинов послал к Казани, отчего и пребываю я в великой печали, но уповаю на всемогущего Бога и хочу выступить против недруга своего. Ты же, брат наш, пойдись с нами и пострадай за православное христианство». Царь же Шигалей

государя нашего царя и великого князя многими словесы. И возрѣвъ на христолюбивое воинство благочестиваго царя и видѣвъ множество безчислено людей, и удивися.

И глаголетъ царю и великому князю: «Аз убо у отца твоего у благочестиваго великого же князя Василя, а у своего государя воспитан и во многих ратехъ есмь со отца твоего силами и людми бых и николиже есмь видал толиких людей множество, якоже нынѣ вижу твою царскую силу. Но дерзай, государю, з Божиею помощию, а мы, холопи твои, готови за тебя, государя, головы свои полагати».

И прииде вѣсть къ царю государю великому князю, яко: «Царь крымской увѣдалъ тебя, государя царя и великого князя на Коломнѣ со многими людми и велми убоявся, и страх нападе нань, и вострепета, и восхотѣ вскорѣ возвратитися во Орду». Но рекоша ему князи и уланы: «Аще восхощеши срам свой покрыти, еже быти не бездѣлну во Орду свою прити, есть град великого князя Тула, а стоит у поля близко, а ныне еси к немуже приблизился, и мы тобѣ совѣтуемъ на той град итти и аще свѣдаетъ князь великий, и тебѣ мочно у него уйти и со всѣми своими людми, понеже от Коломны Тула далече разстояние имѣетъ и мѣста лѣсны и тѣсны и многими людми никако же мочно ускорити».

И возлюбѣ безбожный совѣтъ их и отпускаетъ к Тулѣ перед собою многие люди и наряд в лѣто 7063-го июня 21 день.* И приидоша на тульские мѣста многие безбожные агаряне во вторникъ и град облегли, а иные многие зловѣрные в разгону пошли. А на завтреѣ, июня 22 день, в среду, и царь крымской прииде к Тулѣ и повелѣ ко граду приступати многимъ людемъ. И начаша изо многих пушекъ бити и ис пищалей, и многими огненными стрелами и пушками. И начаша на град стреляти турецкого салтана янычанѣ, и во многих мѣстех во граде посад загорѣся.

Во граде же тогда бѣ царя и великого князя воевода князь Григорей Иванович Темкинъ и немногие люди с ним, понеже безвѣстно пришли безбожнии срацыны. И начаша во граде православнии християне с воплем великим и со слезами молити всемилостиваго Бога и пречистую Богородицу, християнскую заступницу, и великихъ чюдотворцов о помощи на поганыхъ и о избавлении града. И помощию всесильного Бога угасиша во граде огонь и толико с нечестивыми бишася, яко и от града отбиша, и граду нечестивии ничтоже зла сотвориша.

И слышавъ благочестивый царь и великий князь сия, яко нечестивый царь убояся и не поиде противу его и поиде к Тулѣ, и в той часъ благочестивый царь и великий князь посла к Тулѣ боярина своего и воеводу князя Петра Михайловича Щенятева и иныхъ многих воеводъ и повелѣ им вельми ускорити

начал утешать государя нашего царя и великого князя многими речами. И посмотрел он на христолюбивое воинство благочестивого царя и, видя бесчисленное множество людей, удивился.

И говорит он царю и великому князю: «Я ведь воспитан у отца твоего, а моего государя благочестивого великого князя Василия и во многих походах бывал с отца твоего силами и людьми, но никогда не видел такого множества людей, как вижу сейчас в твоём царском войске. Дерзай же, государь, с Божьей помощью, а мы, твои холопы, готовы за тебя, государь, и головы свои сложить!»

И пришла к царю государю великому князю весть: «Царь крымский, узнав о твоём, государя царя и великого князя, пребывании в Коломне со многими людьми, сильно испугался, напал на него страх и трепет, и вознамерился он было вскоре возвратиться в Орду. Но сказали ему князья и уланы: «Если хочешь ты скрыть свой позор и не с пустыми руками в Орду свою вернуться, (то знай), что есть у границы с полем город великого князя Тула, к которому ты сейчас приблизился, вот мы и советуем тебе пойти на тот город, а если узнает (об этом) великий князь, то ты сможешь уйти от него со всеми твоими людьми, поскольку Тула от Коломны находится на большом расстоянии и места (эти) лесисты и непроходимы, так что большое войско не сможет там быстро передвигаться».

И понравился безбожному совет их, и посылает он к Туле вперед себя большое войско и наряд в год 7063-й (1555) в 21 день июня. И пришло на тульскую землю множество безбожных агарян во вторник, и окружили они город, многие же другие зловерные отправились в разведку. А на следующий день — 22 июня, в среду, и царь крымский подошел к Туле и приказал многим воинам идти на штурм города. И начали они бить из многочисленных пушек и пищалей многими огненными стрелами и пушечными ядрами. И когда начали обстреливать город янычары турецкого султана, во многих местах загорелся городской посад.

В городе же тогда был лишь один великого князя воевода князь Григорий Иванович Темкин с немногими воинами, поскольку неожиданно подошли безбожные сарацины. И начали в городе православные христиане с громкими стенаниями и со слезами молить всемилостивого Бога и пречистую Богородицу, заступницу христиан, и великих чудотворцев о помощи против поганых и о спасении города. И с помощью всеильного Бога потушили в городе пожар, и так горожане бились с нечестивыми, что прогнали их с городских стен, и не смогли нечестивые причинить городу никакого вреда.

Когда же благочестивый царь и великий князь услышал о том, что нечестивый царь испугался и не выступил против него, а пошел к Туле, тотчас послал благочестивый царь и великий князь к Туле боярина своего и воеводу князя Петра Михайловича Щенятева и многих других воевод, повелев им как

к Тулѣ, а сам поиде къ Кошире граду и тамо хотяше реку возитися и к Тулѣ итти.

Воеводы же великого князя вборзѣ ускориша к Тулѣ. И еще им недошедшим града, и возвестиша им, яко многия люди крымския идут из загонов и многъ полон ведутъ. Они же вскорѣ их постигоша и помощию Божию и молитвами пречистыя Богородица, христианския заступница, и великих чудотворцов русских многих безбожных агарян побиша, и многие языки изымаша, и весь той полон православное христианство отполониша.

И прииде вскоре вѣсть к безбожному царю, яко многия воеводы московские приидоша и с ними многие люди. И из града православнии узрѣша вдали во многих поляхъ необычныя и великия пыли, от земля восходяща, и людей многих з градныя стены узрѣша, и разумѣша, яко православнаго царя нашего воеводы со многими людьми идут.

И возопиша во градѣ велиим гласом: «Боже милостивый, помози нам, яко православнии наши приближаются!» И устремишася, и изыдоша из града не токмо воеводы и многие люди, но и жены и малые дѣти, и многих противних под градом убиша, и много наряду и зелие, и пушки, на разорение граду привезенныя, взяша.

И в той час нечестивый царь в полѣ с срамом побѣже, зане близ бѣ поля, и толико скоро побѣже, яко царя и великого князя воеводы не могоша постигнути. Поганин же они срацины многия телѣги и вельбуды своя пометаша, а безбожный царь от града побѣже июня 23 день.

Воеводы же благочестиваго царя и великого князя того дни к Тулѣ пришли июня въ 23 день, а царь до них пошел за 3 часа. И вси православнии христиане людие прославиша всемилостиваго Бога, яко такому побѣду дарова Богъ над погаными. И в той часъ послаша вѣстника ко государю и многие языки. И прииде вѣстникъ ко царю и великому князю и сказа, яко поганых многих побиша и многи языки привелоша, и мног полон отполониша, а нечестивый царь скоро побѣже тою же дорогою.

И слышав благочестивый царь и великий князь и видѣх онѣх многих срацын приведеныхъ, и прослави всеильного Бога, яко таковую побѣду дарова ему Богъ молитвами пречистыя Богородица и великихъ чудотворцовъ русских. И повелѣ языков пытати. И сказаша языки, яко того ради царь поиде на Руское царство, сказали ему в Крыму царя и великого князя со всѣми силами его в Казани.

И поиде же благочестивый царь на Коломну, и прииде в соборную церковь пречистые Богородицы, и многие молитвы и благодарения воздая Богу и пречистой Богородицы о побѣде на поганья. И вскорѣ здумав з братом своим со князем Владимиром Ондѣевичем и со царем Шигалѣем и з боляры и поиде к Казани. И прииде в Муром месяца июля.

можно быстрее идти к Туле, сам же пошел к городу Кашире, где намеревался переправиться через реку и идти к Туле.

Воеводы же великого князя поспешили к Туле. И когда они еще не дошли до города, сообщили им, что возвращаются из набега многочисленные крымские воины и ведут с собой много пленных. Они же вскоре догнали их и с Божьей помощью и благодаря молитвам пречистой Богородицы, заступницы христиан, и великих русских чудотворцев побили много безбожных агарян, и захватили многих языков, и отбили всех пленных православных христиан.

И дошла вскоре до безбожного царя весть о том, что пришло много московских воевод и с ними много воинов. Из города же православные увидели вдаль поднимающуюся по всей степи небывалую густую пыль, и увидели они с городских стен многочисленных людей и поняли, что это идут воеводы православного нашего царя с многочисленными воинами.

И громко возопили в городе: «Боже милостивый, помоги нам, ведь наши православные приближаются!» И устремились из города не только воеводы с многочисленными воинами, но и женщины с малыми детьми, и поубивали они у городских стен многих врагов и захватили большое количество орудий, пороха и пушек, привезенных для захвата города.

Нечестивый же царь тотчас с позором побежал в поле, ибо стоял он недалеко от поля, и так быстро побежал, что царя и великого князя воеводы не могли его настичь. И побросали поганые те сарадины многочисленные свои телеги и верблюдов, а безбожный царь побежал от города июня в 23 день.

Воеводы же благочестивого царя и великого князя в тот же день, 23 июня, подошли к Туле, а царь ушел за три часа до их прихода. И все православные христиане прославили всемилостивого Бога за то, что даровал он такую победу над погаными. И тотчас послали к государю гонца и многих языков. Гонец же, придя к царю и великому князю, сообщил ему, что много поганых побили, и привели много языков, и освободили много пленников, а нечестивый царь быстро побежал назад тою же дорогою.

Благочестивый же царь и великий князь, услышав все это и увидев приведенных тех многочисленных сарацин, прославил всеильного Бога за то, что даровал ему Бог такую победу по молитвам пречистой Богородицы и великих русских чудотворцев. И приказал он допрашивать языков. И рассказали языки, что царь их потому пошел на русскую землю, что сказали ему в Крыму, будто царь и великий князь со всем своим воинством находится в Казани.

И пошел благочестивый царь к Коломне, и пришел в соборную церковь пречистой Богородицы, и многие молитвы с благодарностью воздал Богу и пречистой Богородице за победу над погаными. И вскоре, посовещавшись с братом своим князем Владимиром Андреевичем и с царем Шигалеем, и с боярами, пошел к Казани. И пришел в Муром в месяце июле.

И собрався со всѣм своим воинством, и посылаетъ царя Шигалѣя водою в судѣх, а с ним отпустил воеводу своего князя Петра Андрѣевича Булгакова* и с ним послал многих людей. Сам же благочестивый царь и великий князь Иванъ Васильевичъ поиде из Мурома полемъ, а князя Владимира Одрѣевича с собою взял. И иде полем до нова города Свяжского. И не доходя нова города Свяжского встрѣтили его воеводы князь Олександръ Борисович Горбатой да князь Петръ Иванович Шуйской да Данило Романович и иные многия воеводы и многия люди с ними. И многия люди горние черемисы встрѣтили государя и били челом о своей измѣне, государь же их пожаловал.

Прииде же благочестивый царь и государь и великий князь в новой городъ на Свягу и з братом своим со князем Владимиром Андрѣевичем и со всѣм воинствомъ месяца августа. И вниде в церковь причистыя Богородицы, и молитвы и благодарения возсылая къ Богу, также и причистей его Богоматери, христианской заступницы на поганья. Также и в церкви *преподобнаго* чудотворца Сергия помолился прилѣжно и изыде.

ПОВЕСТЬ КАКО БЛАГОЧЕСТИВЫЙ ЦАРЬ И ВЕЛИКИЙ КНЯЗЬ ИВАНЪ ВАСИЛЬЕВИЧ ВСЕА РУСИИ САМОДЕРЖЕЦЪ МИЛОСТИЮ ВСЕСИЛЬНАГО БОГА И ПОМОЩІЮ И МОЛИТВАМИ ПРЕЧИСТЫЯ БОГОРОДИЦА, ВОЕВОДЕ И ЗАСТУПНИЦЕ ХРИСТИЯНОМ, И ВЕЛИКИХ ЧЮДОТВОРЦОВЪ ВРАГОМ СВОИМ ОДОЛѢ И ГРАД КАЗАНЬ ВЗЯЛЪ

Благочестивый же царь и великий князь Иванъ Васильевич всеа Русии самодержецъ сниде из нова города Свяжского и поиде къ Казани со всѣм своим христоролюбивым воинствомъ. И нача возитися великую реку Волгу, ста на Цареве лугу и повелѣ наряд из судов имати и мосты мостити, и туры* плести. В то же время ис Казани къ государю приѣде Комай-мурза служити, а с ним семь человекъ. Повелѣ же государь ко граду туры катити и наряд.

И многие люди ко граду поидоша. Казанцы же из града противу изыдоша, и бысть брань велика, и многие люди от обоих падоша. Но Божию милостию и помощію одолѣша православнии, многих татар побиша, а иныхъ живых рукама яша. Туры же и пушки около града поставиша, и облегоша градъ христоролюбивое воинство многия люди около, яко никакоже мощно поганым ни во град, ни из града исходити.

Царь же и государь ста близ Отучевы мизгити на Нагайской дорозе и повелѣ у себя в стану поставити три церкви полотняные — всегда бо с ним тѣ три храмы вождаху: едина убо церковь во имя архистратига Михаила, вторая

И собрав все свое воинство, посылает он царя Шигалея водою в судах, а с ним отпускает воеводу своего князя Петра Андреевича Булгакова со многими воинами. Сам же благочестивый царь и великий князь Иван Васильевич пошел из Мурома полем, взяв с собой князя Владимира Андреевича. И шел он полем до нового города Свяжска. И встретили его на подходе к новому городу Свяжску воеводы — князь Александр Борисович Горбатый, князь Петр Иванович Шуйский и Данила Романович и многие иные воеводы с многочисленными воинами. И многие из горных черемисов встретили государя и били ему челом, каясь в своей измене, государь же простил их.

Пришел же благочестивый царь и государь и великий князь в новый город на Свягу с братом своим князем Владимиром Андреевичем и со всем воинством в августе месяце. И вошел он в церковь пречистой Богородицы, и молился, и благодарил Бога и пречистую его Богоматерь, заступницу за христиан в борьбе с погаными. Также прилежно помолился он и в церкви преподобного чудотворца Сергия и вышел.

ПОВЕСТЬ О ТОМ, КАК БЛАГОЧЕСТИВЫЙ ЦАРЬ И ВЕЛИКИЙ КНЯЗЬ ИВАН ВАСИЛЬЕВИЧ ВСЕЙ РУСИ САМОДЕРЖЕЦ БЛАГОДАРЯ МИЛОСТИ ВСЕСИЛЬНОГО БОГА И ПОМОЩИ И МОЛИТВАМ ПРЕЧИСТОЙ БОГОРОДИЦЫ, ПРЕДВОДИТЕЛЬНИЦЫ И ЗАСТУПНИЦЫ ХРИСТИАН, И ВЕЛИКИХ ЧУДОТВОРЦЕВ ОДОЛЕЛ ВРАГОВ СВОИХ И ВЗЯЛ ГОРОД КАЗАНЬ

Благочестивый же царь и великий князь Иван Васильевич всей Руси самодержец вышел из нового города Свяжска и пошел к Казани со всем своим христоробивым воинством. И начал он переправляться через великую реку Волгу, расположился на Царевом луге и приказал выгружать из судов наряд и строить мосты, и плести туры. В то же время приехал на службу к государю из Казани Комай-мурза и с ним семь человек. Государь же приказал катить к городу туры и орудия.

И отправилось к городу множество воинов. Казанцы же вышли им на встречу из города, и была большая битва, и много людей погибло с обеих сторон. Но благодаря Божьей милости и помощи одержали верх православные, побили они многих татар, иных же живыми захватили в плен. И, расставив вокруг стен туры и пушки, окружило город многочисленное христоробивое воинство, так что невозможно было поганым ни войти в город, ни выйти из него.

Царь же и государь встал вблизи Отучевой мечети на Ногайской дороге и повелел поставить у себя в стане три полотняные церкви — всегда ведь за ним возили те три храма: одна церковь во имя архистратига Михаила, вторая —

же Христова мученице Екатерина, третья — преподобный чудотворец Сергій. И повелъ царь и государь полки своя ставити около города.

И не по мнозе же времени начаша многие казанские люди, конные и пѣшие, из лѣса приходити на воеводския полки, которые на Арскомъ поле стоятъ, и немала бысть скорбь православным от них. И хотяху многие воеводы и князи, и боляре, и дѣти боярские с ними дѣло дѣлати, но отнюдь царь и государь без своего велѣния никакоже веляше с ними братися. Сего ради немала скорбь бысть воинству православному, что им государь воли не даяше: не разумѣша бо яко Господь Богъ вложи такову мысль православному царю нашему — яко егда приспѣеть подобно время и от Бога помощь будет, тогда христоролюбивая воинство, сынове русии, готови на брань, цѣли и неврежени ничимже, но аки львы от звѣрские ярости рищуше, ловь себѣ обрѣтше, и на нь устремляются, — тако и сии будут, егда помощь Божия придетъ и время тому приспѣеть.

Вборзе потом православный царь и государь и великий князь посылает на тѣх безбожных своих воевод и со многими людми. И приидоша полцы государевы на Арское поле против нечестивых. Нечестивии же они агаряне по своему разуму держакхуся близ лѣсу и не смѣяше от лесу отлучитися великия ради силы государевы. Православнии же умудришася на них и со едину страну множество пѣших с пищальми поставиша, и повелѣша немногим людем приближитися к нечестивым. Нечестивии же вси на них устремишася, православнии же вси призвавша всѣсильнаго Бога на помощь и крестною силою оградисхася, и на них вси устремишася. И всѣх иноплеменных вскорѣ потопиша и побиша, и на многие версты на лесу по них гнаша, и избиша, триста же и четырдесятъ живых рукама яша и къ государю царю и великому князю послаша. И сами воеводы и все православное воинство с великою побѣдою къ государю приѣхаша.

Видѣвъ же православный государь сиевую милость Божию на себѣ и на всем своем воинствѣ, и в той час скоро прииде во церковь великого Сергия и со многую радостию и слезами благодарныя пѣсни Господеви воздаваше и пречистой Богородицы, христьянскому забралу и помощницы, и великому чудотворцу Сергию. И тако свѣтлый пир сотвори, и своих воевод, и всѣх людей многими жаловании одари, и благоувѣтливыми своими царьскими словесы всѣх утѣшив. Из наряду же изо всего из пушек и ис пищалей изо огненных беспрестани по граду день и ночь биюще, яко за многия версты от града великий громъ той и трус слышашеся.

Но паки благочестивая она и богохранимая глава — царь и великий князь на милость обращаешася, не поминая онѣх зловѣрных и безбожных агарян, еже пред ним, государем, измѣнъ великих и еже христьянъ православных от нечестивых кровопролития, и хотя пред ними смиритися, вѣдый бо он, государь, в конец Божественое писание, яко Господь гордым противится, смиренным же

мученицы Христовой Екатерины, третья — преподобного чудотворца Сергия. И приказал царь и государь расставлять свои полки возле города.

И немного времени спустя начали нападать из леса на полки, стоявшие под началом воевод на Арском поле, многочисленные казанцы, конные и пешие, и доставляли они немало бед православным. И хотели многие воеводы, и князя, и бояре, и дети боярские вступить с ними в бой, но царь и государь без своего приказа не разрешил с ними биться. Воины же православные пребывали в немалом огорчении из-за того, что не давал им воли государь: не понимали ведь они, что замысел этот сам Господь Бог подсказал православному нашему царю — когда приспеет надлежащее время и придет помощь от Бога, тогда христоролюбивое воинство, сыны русские, приготовятся на брань, целые и невредимые, и будут они словно львы, рыщущие в звериной ярости и, обретя свою добычу, устремляющиеся на нее, — такими же и они будут, когда придет помощь Божия и приспеет для этого время.

Вскоре после этого православный царь и государь и великий князь против тех безбожных посылает своих воевод со многими воинами. И пришли государевы полки на Арское поле биться с нечестивыми. Нечестивые же те агаряне по своему разумению держались возле леса и не решались отходить от леса из-за великой силы государевой. Православные же догадались поставить с одной стороны множество пехотинцев с пищалами, а небольшому отряду было приказано приблизиться к нечестивым. И устремились к ним все нечестивые, православные же все, призвав на помощь Всесильного Бога и оградив себя крестною силою, устремились на них. И вскоре потопили и побили они всех иноплеменников и многие версты гнались за ними по лесу, и всех перебили, а триста сорок человек взяли живыми и послали к государю царю и великому князю. И с большою победою приехали воеводы и все православное воинство к государю.

Православный же государь, видя такое милосердие Божие к себе и всему своему воинству, тотчас же поспешил в церковь великого Сергия и с огромною радостью и слезами воздал благодарственными песнопениями Господу и пречистой Богородице, защитнице и помощнице христиан, и великому чудотворцу Сергию. И устроил он светлый пир, и одарил своих воевод и всех воинов богатыми дарами, и утешил всех ласковыми своими царскими речами. Из орудий же из всех — из пушек и из огнестрельных пищалей — беспрестанно день и ночь били по городу, так что были слышны этот сильный грохот и сотрясение за многие версты от города.

Но снова благочестивая эта и богохранимая глава — царь и великий князь склоняется к милосердию, не вспоминая о великих изменах ему, государю, тех зловерных и безбожных агарян и о пролитии нечестивыми крови православных христиан, и хочет пред ними выказать смирение, ибо хорошо знал он слова Божественного писания о том, что Господь гордых наказывает,

дает благодать. И посылает свое царское жалованное слово во град к нечестивым: «Аще град здадите ми, аз всѣх вас хошу жаловати и не поминаю ваших многих измѣн».

И повелѣ многи языки пред градом водити, чтобы нечестивыи, на них зря, смирилися и государю ся здали. Они же нечестивии избраша себѣ смерть неже живот, и государево словесе и благоутробия, еже на них восхотѣ показати, никакоже послушаша. И повелѣ православный царь онѣхъ языков нечестивых пред градом всѣх изсеши. Они же, видѣвше своих единопольныхъ изсѣчение из града и никакоже смиришася, ожѣсти бо сердца их Богъ за их неправду, якоже древле и фараона, вѣдый ихъ в конечную погибель, да прославится Господь, якоже о фараонѣ и о колесницах его,* — сице и о сих не покоряющихся благочестивому царю государю нашему великому князю.

По сем же посылаетъ государь своих воевод ко Арскому городку и на многне мѣста и с ними многих людей, и повелѣ имъ воевати, заповѣда же им тамо не закоснѣти, хотяше бо вскорѣ ко граду приступати. Того ради повелѣ им скоро возвратитися. Они же во Арске немало время укоснѣша воююще. И о сем печаль велия государю належаше, яко вѣсти на долѣ времени от них никакоже бысть. И другая скорбь бысть: яко дожди велицы быша и бури, и толикия бури, яко многия суды на Волзѣ со запасы потопиша; и иная скорбь — из града вѣсти никакоже бысть. И о сем о всѣмъ великая скорбь бысть, цареву сердце немало уязвляше. И не токмо же се, но и велице подвизѣ благочестивый царь живя, понеже dospѣхъ съ его царскихъ плещей никакоже схожаше, в ноши же без сна в молитвахъ пребывая, а во дни царския управы безпрестани управляше.

О ПОСЛАННЫХ ИЗО ОБИТЕЛИ ЖИВОНАЧАЛЬНЫЕ ТРОИЦЫ — СЕРГЕЕВА МОНАСТЫРЯ

В то же время прииде изю обители живоначальныя Троица — Сергиева монастыря посланный игуменом Гурием и братиею нѣкий чернецъ, именем Андреян Ангилон, со единым братом* ко благочестивому царю государю и великому князю Ивану Васильевичю, нося икону, на нейже написан образъ живоначальныя Троицы и пречистая Богородица со апостолами и преподобный чудотворецъ Сергий и Никон,* и просфиру, и святую воду.

Приемлет же сия благочестивый царь с великою радостію, святую икону и прочая, и таковая в тайнѣ тайну свѣдущему Богу моления от сердца приносить. «Слава тебѣ, — глаголаше, — Создателю мой, слава тобѣ, яко в сичевых дальнихъ странахъ посѣщаеши мене грѣшнаго! На сию бо твою икону зриаю, яко на самого истиннаго моего Бога зрю и милости и помощи прошу себѣ и всему воинству моему, твой бо есмь аз раб и людие твои. Ущедри,

смирненным же дарует благодать. И посылает он в город к нечестивым свое царское милостивое слово: «Если сдадите мне город, я всех вас жалую и не припомню вам многих ваших измен».

И приказал он водить перед городскими стенами многочисленных языков, чтобы нечестивые, увидев их, смирились и сдались государю. Но нечестивые эти выбрали не жизнь, а смерть и не послушали государева слова и не приняли его милосердия, которое хотел он им показать. И приказал православный царь тех языков нечестивых на виду у города всех перебить. Казанцы же, видя из города, как убивают их соплеменников, так и не смирились, ибо ожесточил Бог сердца их за их неправду, как в древности фараона, и привел их к окончательной гибели, чтобы прославился Господь, как (в древности) через фараона и колесницы его, — так и теперь через этих, не покорившихся благочестивому царю государю нашему великому князю.

После этого посылает государь своих воевод со многими воинами захватить Арский городок и многие другие места, но приказывает не задерживаться там, ибо хотел он вскоре начать штурм города. Поэтому и повелел им царь поскорее возвратиться. Они же, воюя, задержались под Арском на немалое время. И пребывал от этого государь в сильной печали, ведь не было от них долгое время никаких вестей. И другое было у него горе: из-за сильных дождей и бурь потопило на Волге много судов с припасами; и еще одна беда — никаких не было сведений из города. Из-за всего этого великой скорбью уязвлено было царево сердце. Но несмотря на все это жил благочестивый царь подвижнической жизнью: не снимались доспехи с царских его плеч, ночи проводил он без сна — в молитвах, днем же пребывал в постоянных царских своих делах.

О ПОСЛАНЦАХ ИЗ ОБИТЕЛИ ЖИВОНАЧАЛЬНОЙ ТРОИЦЫ — СЕРГИЕВА МОНАСТЫРЯ

В то же время пришел к благочестивому царю государю и великому князю Ивану Васильевичу из обители живоначальной Троицы — Сергиева монастыря некий чернец, именем Адриан Ангелов, с одним братом, посланный игуменом Гурием и братиею, и принес икону, на которой написаны были лики живоначальной Троицы и пречистой Богородицы с апостолами и преподобного чудотворца Сергия с Никоном, а также просфору и святую воду.

Благочестивый же царь с великой радостью принимает святую икону и прочее и мысленно произносит из глубины своего сердца моление к Богу, которому ведомо все тайное: «Слава тебе, — говорил он, — Создатель мой, слава тебе за то, что в столь дальних странах посещаешь ты меня! Ибо смотрю я на эту твою икону, словно на самого истинного моего Бога, и прошу себе и всему воинству моему милости и помощи, ведь я — раб твой, как и все люди

Владыко, помилуй, многомилостиве, подай победительная на враги! И якоже иногда прадеду нашему против нечестивых на брани бывшу, и уже брани хотящи быти, и приспѣ от преподобнаго Сергия, твоего угодника, таковая же приносяще; он же святаго хлѣба вкусив и воду святую пив, и руцѣ на небо простер, сичевая глаголаше: „Велико имя святаго Троица! Пресвятая госпоже Богородице, помогай намъ”. Тоя молитвами и *преподобнаго* Сергия и побѣди враги своя. Тако же и аз ныне вопию: „Велико имя святаго Троица! Пресвятая госпоже Богородице, помогай намъ!” И умоли, Владычице, рождышагося ис тебе Христа, Бога нашего, з безначальным его Отцем и с пресвятым благим и животворящим его Духом, да подасть нам победительная на враги.

И ты, о преподобне угодниче Христовъ великий Сергие, не премолчи со ученики своими, вопия о нас ко Господу, и ускори на помощь нашу! И якоже в начале святаго твоего храма и от святаго ти образа во граде Свяжском всемилостивый Богъ тебе прослави, своего угодника, многими чудеса, и многим челоувѣком исцѣление дарова, — тако и нынѣ нам молитвами твоими помогай; и якоже тамо нечестивым онѣмъ варваром являшеся, тако и нам, православным, явися и помози, нечестивым бо на нечистую их вѣру прогнание являшеся, нам же на враги победительная своим явлением даруй о Христе Иисусе, Господѣ нашем, ему же слава во вѣки вѣкомъ! Аминь».

И от того дни православному царю нашему вся радость и побѣда на враги от Господа даяшеся: в той убо день тайникъ у нихъ подкопом вырвало, и многихъ онѣхъ нечестивыхъ татар побило, а на завтрие из града татаринъ прибѣже, и потом полоняникъ из града прибѣжаше и многия вѣсти полезныя государю сказаша; пушками же со единыя страны града стѣну до основания разбиша и многихъ людей во граде побиша. Нѣкий же челоувѣкъ бѣ благочестиваго царя, именем Размыслъ, родом литвин, сѣй хитръ бѣ подкопы творити под градныя стѣны. Сему же повелѣша многия подкопы творити под градныя стѣны.* И потом приидоша изо Арска царя и великого князя воеводы и многую побѣду на нечестивыя показаша и мног полонъ русской отполониша, и многихъ языковъ приведоша.

И сию радостную побѣду видѣвъ благочестивый царь государь, и скоро ко святым храмом поиде и повелѣ молебная пѣния пѣти о побѣде, славу воздая всесильному Богу и пречистѣй Богородицы, и великим чудотворцом, яко их молитвами таковую побѣду дарова ему Богъ на сопротивных. Воевод же своих и все воинство словесы своими царьскими утѣшивъ, и многими похвалами похвали, и многими ихъ жаловании рекъся жаловати, и на многихъ пирех с ними веселяшеся.

Руский же полон повелѣ весь собрати и во свой станъ привести. И во своих царских шатрѣхъ на многия дни держаше и пищею многою и одеждею

твои. Будь же щедрым, Владыка, смилуйся милосердно над нами и пошли нам победу над врагами! Так же ведь было и при прадеде нашем, когда выступил он против нечестивых: перед самым началом сражения подоспели к нему посланцы от преподобного Сергия, угодника твоего, принесшие такие же дары: он же, вкусив святого хлеба и испив святой воды, простер к небу руки и проговорил: „Велико имя святой Троицы! О пресвятая госпожа Богородица, помогай нам!“ Ее-то молитвами и молитвами преподобного Сергия и победил он врагов своих. Так и я ныне зываю: „Велико имя святой Троицы! Пресвятая госпожа Богородица, помогай нам!“ И умоли, Владычица, рожденного тобою Христа, Бога нашего, с безначальным его Отцом и пресвятым благим и животворящим его Духом, чтобы даровали они нам победу над врагами.

И ты, преподобный угодник Христов великий Сергей, не промолчи с учениками твоими, но моли о нас Господа и поспеши к нам на помощь! И так же, как при открытии святого твоего храма в городе Свяжске прославил тебя всемилостивый Бог, угодника своего, многими чудесами, происходившими от святого образа твоего, и многим людям даровал ты исцеление — так и ныне помогай нам молитвами твоими; и так же, как являлся ты там нечестивым варварам, так и нам, православным, явися и помоги, ведь нечестивым ты являлся, чтобы изгнать нечестивую их веру, нам же своим явлением даруй победу над врагами во имя Христа Иисуса, Господа нашего, ему же слава во веки веков! Аминь».

И с того дня стали дароваться православному нашему царю Господом удачи и победы над врагами: в тот же день от взрыва в подкопе разрушился у них тайник, и много поубивало нечестивых тех татар, а назавтра из города прибежал татарин, а потом и пленник из города прибежал, и передали они государю много полезных сведений; пушками же с одной стороны до основания разрушена была городская стена и поубивало много людей в городе. Был у благочестивого царя некий человек, по имени Размысл, родом литовец, который умел искусно рыть подкопы под городские стены. Ему и приказано было рыть подкопы под стены города. А потом пришли из Арска царя и великого князя воеводы и поведали о большой победе над нечестивыми и о том, как освободили большое количество русских пленников, и привели они многих языков.

Благочестивый же царь государь, видя радостную эту победу, поспешил к святым храмам и повелел петь молебные песнопения в честь победы, воздавая славу всесильному Богу и пречистой Богородице, и великим чудотворцам, ибо по их молитвам даровал ему Бог такую победу над противником. Воевод же своих и все воинство утешил он своими царскими речами и прославил многими похвалами, и обещался пожаловать их многими дарами, и веселился с ними на многочисленных пирах.

Всех же русских пленников повелел он собрать и привести в свой стан. И содержали их много дней в царских его шатрах, и всех их накормил он вдоволь

всѣхъ довольно учредив, яко чадолубивый отецъ своихъ чадъ веселяше. Они же, нужницы, видѣвше на себѣ отъ благочестиваго царя таковое милосердие, яко отъ плѣна ихъ свободы и таковое имъ утѣшение даяше, и въ Рускую землю коегождо во своя повелѣ отвести, и о сей милости они многия слезы и моления ко Господу о благочестивомъ государи моляхуся, глаголюще.

Молитва: «О, милостивый и премилостивый владыко челоуѣколюбче Господи Исусе Христе сыне Божий! Помилуй и сохрани раба своего, государя нашего, и побѣдительная ему на сопротивныя даруй, и виждь его милосердие, еже намъ, нищимъ и горкимъ плененымъ, показа. И ты, Господи, воздаждь ему милость свою за насъ, нищихъ, и сохрани его и все его христоролюбивое воинство!» По семъ же канонъ Покрова пресвятей Богородицы.

Повелѣ благочестивый государь подъ градомъ единъ малъ подкопъ подъ татары зажещи, воеводамъ же около града и всему воинству в то время заповѣда никакже приступати ко граду. И в той день во вторый часъ дни или третій зажоша, и бысть велий страхъ нечестивымъ, на великую бо высоту великия бревна градныя стѣны и землю возношаша и многихъ нечестивыхъ побиваша. Воини же благочестиваго царя не могоша удержатися отъ великия ревности, еже Богъ вложи в сердца ихъ, и ко граду потекоша, и многихъ нечестивыхъ со стѣны согнаша, многия же люди и во градъ влѣзоша. И воеводы же стаха на градной стѣнѣ и ко государю вѣсть послаха, яко многия люди во градъ нечестивыхъ побиша.

Слышавъ же государь таковую помощь Божию, и в той часъ притече в церковь великаго чудотворца Сергия и повелѣ молебная благодарения Господеву всылати. Нача же думати съ своими бояры и воеводы, яко не вси людие ополчишася в то время ко граду, и в той часъ посла и повелѣ своихъ воеводъ и людей из града высылати. Они же никакже хотяхутъ из града выйти, но едва съ великою нужею из града людей выслаша. Съ стѣны же з градныя не слѣзоша, но туто на стѣнѣ ста воевода князь Михайло Ивановичъ Воротынской* да Алексѣй Даниловичъ Плещѣевъ.* И сѣдѣша на стѣнѣ два дни и двѣ нощи, ожидающе государева приступу ко граду.

ЧЮДО СВЯТЫХЪ АПОСТОЛЪ И СВЯТАГО НИКОЛЫ, КАКО ЯВИШАСЯ АПОСТОЛИ НАДЪ ГРАДОМЪ НА ВОЗДУСѢ И СВЯТЫЙ НИКОЛАЕ И БЛАГОСЛОВИША МѢСТО ОНО И ГРАДЪ, ДА ВЪСЕЛЯТСЯ ПРАВОСЛАВНИ ХРИСТИЯНѢ

Предъ взятіемъ же убо града Казани многая чюдеса показа всемилостивый Богъ угодники своими — великими апостолами двоюнадесяте и великимъ чудотворцомъ Николю, и великимъ чудотворцомъ преподобнымъ Сергиемъ. Нѣкий убо челоуѣкъ отъ боярскихъ людей раненъ у града за турами лежитъ

и одел, радуя их, словно чадолюбивый отец своих детей. Они же, страдальцы, видя такое милосердие к себе благочестивого царя, что освободил он их от плена и так утешил их, и приказал отвести каждого к себе на родину в Русскую землю, молились Господу со многими слезами и молитвами о благочестивом государе за такое его милосердие, говоря так.

Молитва: «О милосердный и премилостивый владыка человеколюбец Господь Иисус Христос, сын Божий! Помилуй и сохрани раба своего, государя нашего, и даруй ему победу над врагами, увидь его милосердие, которое проявил он к нам, нищим и горьким пленникам. Воздай же ему, Господи, милосердием своим за нас, нищих, и сохрани его и все его христолюбивое воинство!» После этого пели они канон Покрову пресвятой Богородицы.

Благочестивый же государь приказал зажечь под городом, под татарами, один небольшой подкоп, а воеводам и всему воинству, окружившему стены, повелел ни в коем случае не предпринимать никаких штурмов города. И зажгли в тот день во втором или в третьем часу дня подкоп, и напал на нечестивых сильный страх, ибо огромные бревна из городских стен вместе с землей подняло взрывом на большую высоту, и поубивали они многих нечестивых. Воины же благочестивого царя не могли сдержать боевого пыла, который вложил в сердца их Бог, и ринулись к городу, и согнали со стен множество нечестивых, а многие воины проникли и внутрь города. Воеводы же встали на городской стене и послали государю известие о том, что многие воины в городе побили нечестивых.

Государь же, услышав о такой помощи Божьей, в тот же час пришел в церковь великого чудотворца Сергия и повелел воссылать Господу благодарственные молебны. Сам же начал совещаться со своими боярами и воеводами, и решили они, что еще не все воины подготовлены к штурму города, поэтому тотчас же послал он приказ, чтобы воевод и воинов из города вывели. Те же никак не хотели выходить оттуда, и едва с большим трудом выслали воинов из города. Те же, кто находился на городской стене, не слезли с нее, а стояли тут воеводы князь Михаил Иванович Воротынский да Алексей Данилович Плещеев. И сидели они на стене два дня и две ночи, ожидая, когда государь начнет штурмовать город.

ЧУДО ЯВЛЕНИЯ СВЯТЫХ АПОСТОЛОВ И СВЯТОГО НИКОЛЫ В ВОЗДУХЕ НАД ГОРОДОМ И БЛАГОСЛОВЕНИЯ ИМИ МЕСТА ЭТОГО И ГОРОДА ДЛЯ ПОСЕЛЕНИЯ ЗДЕСЬ ПРАВОСЛАВНЫХ ХРИСТИАН

Перед взятием же города Казани много чудес показал всемилостивый Бог через угодников своих — двенадцать великих апостолов, великого чудотворца Николая и великого чудотворца преподобного Сергия. Некий человек из числа боярских воинов раненый лежал у городской стены за турами,

и раною изнемогая велми, и едва в сонъ тонок низведен бысть, и видить над градом свѣтъ великъ сияющъ и во свѣте оном на воздухе апостоли 12 стоящих во святительской одежи, велиим свѣтом сияя.* И поклонися предо апостоли, глаголя имъ: «Радуйтесе, ученицы и апостоли Господа нашего Исуса Христа!»

И отвѣщаша ему апостоли: «Радуйся и ты, угодниче святителю Христовъ Николае!» И нача святой Николае молити святых апостол, глаголя: «Ученицы Христови, молити Бога и благословите мѣсто сие и град, да вселятсе православнии християне здѣ и поживут». И отвѣщаша ему апостоли: «Не время таковому дѣлу, угодниче Христовъ Николае». И обратившесе вси на востокъ молитися. И глас прииде к нимъ от востока с небесе, глаголя: «Отнынѣ буди благословено мѣсто сие и да прославится о сем мѣсте имя Отца и Сына и Святаго Духа». И обратившесе вси апостоли и Николае, и благословиша мѣсто и град, и невидими быша.

Человѣкъ той больной, видѣвъ и слышавъ сия вся, и страхом велиим одержим, возбнувъ от видѣния и ту предстоящим повѣда, еже видѣ и яже слыша. Сам же причастився святых тайн Христа, Бога нашего, и преставися.

ЧЮДО ВТОРОЕ СВЯТАГО НИКОЛЫ, КАКО ЯВИСЯ НѢКОМУ ЧЕЛОВѢКУ И ПОВЕЛѢ ДА ПРИСТУПАЕТЪ КО ГРАДУ ЦАРЬ И ГОСУДАРЬ КНЯЗЬ ВЕЛИКИЙ

Ин же человѣкъ от детей боярскихъ царя и великого князя, видѣ во снѣ святаго Николу, к нему пришедша и возбуждающа его, глаголя ему: «Востани, человѣче, и рцы царю и великому князю, чтобы приступал ко граду на Покров пречистыя Богородицы или на завтрѣ Покрова, Богъ бо ему предаеть град сей и противных онѣх срацын. Азъ бо есмь Николае Мирликий чюдотворец, возвещаю ти».

Человѣкъ же той возбнувъ от видѣния и страхом одержимъ, и мняше сонъ зрѣти, а не истинно видѣние, и умолча, и не повѣда видѣния оного. Во вторую же ночь паки тому же христолюбивому мужу явися святой Николае и з запрещением рече ему: «Не мни, человѣче, яко сонъ видимое се, но истину глаголю ти: востани и исповѣж, яже ти преже возвестих». Он же воста и сказа, яже глагола ему святой Николае.

ЧЮДО ТРЕТѢ ПРЕПОДОБНАГО СЕРГИЯ ЧЮДОТВОРЦА

Ино хочу вамъ повѣдати, яже от преподобнаго отца нашего Сергия бысть: инни же благочестивии человѣцы видеша себе во снѣ во граде Казани и видеша старца в ветхихъ ризахъ чернеческихъ ходяща и браду велию густу, не

изнемогая от раны, и едва погрузился он в легкий сон, как увидел засиявший над городом яркий свет и в том свете парящих в воздухе двенадцать апостолов в святительских одеждах, сияющих ослепительным светом. И поклонился апостолам (святой Николай), говоря им: «Радуйтесь, ученики и апостолы Господа нашего Иисуса Христа!»

И отвечали ему апостолы: «Радуйся и ты, угодник Христов святитель Николай!» И начал святой Николай умолять святых апостолов, говоря: «Ученики Христовы, молитесь Бога и благословите место это и город, чтобы поселились здесь и начали обживать православные христиане». И отвечали ему апостолы: «Еще не время для такого дела, угодник Христов Николай». И повернулись все на восток для молитвы. И снизошел к ним с небес от востока глас, говоривший: «Отныне будет благословенно место это, дабы прославилось на этом месте имя Отца и Сына и Святого Духа». И повернулись все апостолы и Никола, и благословили место и город, и стали невидимы.

Человек же тот больной, увидев и услышав все это, охваченный сильным страхом, очнулся от видения и рассказал окружающим обо всем, что видел и слышал. Сам же причастился святых тайн Христа, Бога нашего, и преставился.

ВТОРОЕ ЧУДО О ЯВЛЕНИИ СВЯТОГО НИКОЛЫ НЕКОМУ ЧЕЛОВЕКУ С ПОВЕЛЕНИЕМ, ДАБЫ ЦАРЬ ГОСУДАРЬ КНЯЗЬ ВЕЛИКИЙ ПРИСТУПАЛ К ШТУРМУ ГОРОДА

Другой же воин царя и великого князя из детей боярских увидел во сне святого Николу, пришедшего к нему и будящего его со словами: «Вставай, человек, и передай царю и великому князю, чтобы начал он штурм города в день Покрова пречистой Богородицы или на следующее утро после него, ибо Бог отдает ему город этот и врагов его — сарацин. А сообщаю тебе об этом я, Николай Мирликийский чудотворец».

Человек же тот, очнувшись от видения, охвачен был страхом и решил, что все это он увидел во сне, а не наяву, поэтому умолчал он об этом видении и не поведал о нем никому. Но во вторую ночь снова явился тому же христоробивому мужу святой Николай и с угрозой сказал ему: «Не думай, человек, что видимое тобою — сон, но истинно говорю тебе: встань и сделай то, о чем я сообщил тебе прежде». Тот же встал и поведал о том, что сказал ему святой Николай.

ТРЕТЬЕ ЧУДО ПРЕПОДОБНОГО СЕРГИЯ ЧУДОТВОРЦА

Иное хочу поведать вам — о том, что сотворил преподобный отец наш Сергей: некоторые благочестивые люди видели себя во сне в городе Казани и там видели они старца с очень густой, но не очень длинной бородой в ветхих

велми долгу имуща, и храмины во градъ и град самому ему метушу. И нѣцыи свѣтлии предстояше, глаголаше ему: «Како, святыи Сергие, сам храмины метеши, повели убо иному измести». И рече им святыи, яко: «Сам убо аз изъщишу, заутра бо многие гости у меня здѣ будутъ». Се убо видѣние тии людие возвестиша.

По взятии же града многих нечестивых срацын полониша, и многия отъ онѣх нечестивыхъ извѣстнеѣ про святаго Сергия сказаша, яко они, варвари, по многие дни и нощи предъ взятием града такова старца видѣша, по граду ходяща и градъ очищающа. И рѣша нечестивии, яко: «Многажды намъ на него устремившеся и яти его хотящим, онъ же от нас невидим бысть».

И таковая вся благочестивому царю и великому князю возвестиша. Он же заповѣда никому же сихъ чюдесъ исповѣдати дондеже на нем милость Божия совершится. Сам же безпрестани втайнѣ Бога моляше, глаголя: «Ты, премилостивый Господи Исусе Христе сыне Божий, тайная свѣси и нас, раб своих, помилуй по велицей милости твоей, Владыко, царю небесный!»

И по сем же убо благочестивый царь и великий князь повелѣ всѣм готовымъ быти в полцѣхъ людем, хотя приступати ко граду. Отобра же множества воинства своего и тѣм повелѣ пѣшимъ приступати ко граду, а полки всѣ свои изъстави около города. В день же убо недѣльный повелѣ заутреню пѣти, воевод же всѣхъ отпущати по полком, и повелѣ всѣхъ огражати животворящим крестом и кропити святою водою. И повелѣ имъ готовомъ быти и своего царского приходу ждати. Своему же царскому полку у своего стану повелѣ стояти, сам же хотяше ѣхати дондеже пѣнния скончуются и Божия Богови отдавъ.

Егда же заутреню совершиша, и в той час повелѣ вскорѣ литургию начати, священнику уже готову стоящу. Литургии же начинаемѣй, страшно убо и умиленю достойно в то время благочестиваго царя бѣше видѣти во церкви вооруженна стояща, доспѣхъ убо на нем ничимъ же прикрыт, но тако свѣтяше. Сам же благочестивый царь на образъ Христа, Бога нашего, прилѣжно зряше и на рождшую его Богоматерь, и на угодника его великаго Сергия, ту бо противу его чудотворцеву образу стоящу, в сердцы же своемъ безпрестанныя молитвы возсылая, ото очию же его, яко река, слезы изливахуся. И сицевая Господеви глаголаше.

Молитва: «О Владыко, премилостивый Господи! Помилуй раб своих! Се бо время прииде милости твоя — се время подати крѣпость на сопротивныя рабомъ твоимъ. Помилуй, милостиве, помилуй, человекѡлюбче, даруй помощь на сопротивныя, послѣ милость твою свыше».

Молитва: «И ты, о пречистая владычице Богородице, умоли рождшагося ис тебе Христа, Бога нашего, да не помянетъ грѣховъ моихъ и беззаконий

монашеских одеждах, который ходил по городу и подметал в домах и на улицах. И некие светлые существа, окружавшие его, говорили ему: «Зачем, святой Сергей, сам метешь ты дома, повели же кому-нибудь другому вымести». Святой же отвечал им так: «Лучше сам я вычищу, ведь будет у меня здесь наутро много гостей». И рассказали люди об этом видении.

После взятия же города множество нечестивых сарацин попало в плен, и многие из этих нечестивых рассказали про святого Сергия — о том, что они, варвары, в течение многих дней и ночей перед взятием города видели такого старца, ходящего по городу и город очищающего. И рассказывали нечестивые: «Много раз устремлялись мы на него и хотели его схватить, но он становился для нас невидим».

И обо всем этом сообщили благочестивому царю и великому князю. Он же распорядился никому об этих чудесах не рассказывать до тех пор, пока не свершится на нем милость Божия. Сам же непрестанно мысленно молил Бога, говоря: «Премилостивый Господи Иисусе Христе сыне Божий, тебе ведомо все тайное, помилуй нас, рабов твоих, по великой твоей милости, Владыка, царь небесный!»

И повелел после этого благочестивый царь и великий князь приготовиться всем людям в полках, желая идти на штурм города. Отобрал он множество своих воинов и повелел им пешими идти на приступ к городу, а все свои полки расставил вокруг городских стен. В воскресный же день повелел он петь заутреню, воевод же всех распустил по полкам и приказал ограждать всех животворящим крестом и кропить святою водой. И повелел им быть готовыми и ждать своего царского прихода. Своему же царскому полку повелел стоять у своего стана, намереваясь сам ехать, как только окончится пение, отдав Божие Богу.

Когда же отслужили заутреню, повелел он сразу же начать литургию — священник уже стоял наготове. Когда же началась литургия, трепета и благоговения достойное зрелище представлял собою благочестивый царь, стоявший в церкви во всем вооружении, в сияющих, ничем не прикрытых доспехах. Сам же благочестивый царь прилежно взирал на образ Христа, Бога нашего, и на родившую его Богоматерь, и на угодника его великого Сергия, ибо стоял он перед его чудотворным образом, непрестанно в сердце своем повторяя молитвы и изливая из глаз реки слез. И так говорил он Господу.

Молитва: «О Владыка премилостивый Господь! Помилуй рабов своих! Ведь пришло уже время милости твоей — время послать рабам твоим мужество, чтобы одолели они врагов своих. Помилуй, милостивый, помилуй, человеколюбец, даруй помощь в борьбе с врагами, пошли милость свою свыше!»

Молитва: «И ты, о пречистая владычица Богородица, умоли рожденного тобою Христа, Бога нашего, чтобы не припомнил он мне грехи мои и беззакония,

моих, елико согрѣшил есмѣ предъ величествомъ славы его, но помилует мя великия ради милости твоея. Ты, Владычице, помощница ми буди и всему воинству нашему, и на тя надѣющесе, не посрамямся, но побѣждаемъ враговъ своихъ твоими молитвами и всѣхъ святыхъ и святителейъ рускихъ, нашихъ помощниковъ и молитвениковъ».

Внегда же приспѣ время чести святоѣ Еуангелие, солнцу же восходящу, и егда кончеваше дияконъ и возгласи послѣднюю строку во Евангелии: «И будетъ едино стадо и единъ пастырь»,* и абие яко сильный громъ возгремѣ, и велми земля дрогну. Благочестивый же царь и великий князь изъ церковныхъ дверейъ мало поступи и видя градную стѣну подкопомъ вырвану и страшно зрѣние: дымъ убо отъ земля яко тма являшесе, и на велику высоту восходящу великия и многія бревна, и онѣхъ нечестивыхъ на высоту возметаща и многія побиваше.

***И се внезапно второй подкопъ тако же сотвори, и вси людие Бога на помощь призываше, на нечестивыхъ устремишася. Благочестивый же царь и великий князь в церковь на молитву обратися и к слезамъ слезы изливая, яко да одолѣемъ до конца враговъ своихъ. И се прииде нѣкий ближникъ царевъ и глаголетъ ему: «Се, государь, велие время приспѣ тобѣ ѣхати, яко бой убо великъ во граде, и многія полки ожидаютъ тебя, государя». Царь же отвѣща ему: «Аще до кончания молитвы пождемъ, велию милость отъ Христа примемъ — велие бо оружие молитвенное на враги наша».*

И се вторая вѣсть прииде, царь же и великий князь слышавъ, изъ глубины воздохнувъ и слезы многія проливъ, глаголаше: «Не остави мене, Господи Боже мой, и не отступи отъ мене, вонми в помощь мою!»* И прииде ко образу великаго чудотворца Сергия, и приложися к нему, и целовавъ любезно. И рече: «Угодниче Христовъ, помогай намъ молитвами своими!» И причаствився святыя воды, и доры вкусивъ, и тако же и Богородицына хлѣба* вкусивъ.

И литургии скончаней бывши, благочестивый же царь исходитъ изъ церкви, весь якоже оѣненъ, молитвою вооруженъ. И обращься к своимъ богомольцемъ, рекъ: «Мене убо благословляйте, а вы безпрестани Бога молитесь, да вашими молитвами Господь поможетъ намъ на противныя враги наша». И съде на царской свой конь, вооружився крестомъ животворящимъ, сице рекъ: «Боже, в помощь мою вонми, Господи, помощи ми подыси!»* Суди, Господи, борющимся с нами и противящимся врагомъ нашимъ, и да будутъ яко прахъ предъ лицомъ вѣтру! О сродницы наши и заступницы русстии Борисе и Глѣбе, будите намъ в сий часъ заступницы и помощницы на противныя враги наша!»

Видѣвше вси людие, яко государь к нимъ приближися, и в той часъ отъ всѣхъ странъ на стѣну градную, яко на крылѣхъ, возлетѣша. И на всѣхъ стѣнахъ православнии стаща, Богу имъ помогающе, и нечестивыхъ нещадно съчаху. И

которые совершил я пред величием славы его, но помиловал бы меня великого ради твоего милосердия. Будь же, Владычица, помощницей мне и всему воинству нашему, а мы, надеющиеся на тебя, не посрамимся, но победим врагов своих твоими молитвами и молитвами всех святых и святителей русских, наших помощников и молитвенников».

Когда же на восходе солнца подошло время читать святое Евангелие и дьякон, заканчивая чтение, произнес последнюю строку из Евангелия: «И будет одно стадо и один пастырь», внезапно как будто загремел сильный гром и сильно задрожала земля. Благочестивый же царь и великий князь, выйдя немного из церковных дверей, увидел разрушенную подкопом городскую стену и страшное зрелище: от дыма, смешанного с землей, все покрылось тьмой, и на большую высоту взлетали многочисленные огромные бревна, поднимая вместе с собою на высоту нечестивых и многих убивая.

И тут внезапно взорвался и второй подкоп, и все воины, призывая на помощь Бога, устремились на нечестивых. Благочестивый же царь и великий князь, вернувшись в церковь на молитву, проливал обильные слезы, да одолеем до конца врагов своих. И вот приходит некто из царских приближенных и говорит ему: «Уже, государь, окончательно пришло время тебе ехать, ибо уже идет сильный бой в городе, и многие полки ожидают тебя, государя». Царь же отвечал ему: «Если дождемся мы окончания молитвы, то великую милость получим от Христа — мощное оружие молитвенное против врагов наших».

Когда же услышал царь и великий князь, что прибыл за ним второй гонец, вздохнул он из глубины души и, обливаясь слезами, проговорил: «Не оставь меня, Господи Боже мой, и не отступи от меня, приди мне на помощь!» И подошел он к образу великого чудотворца Сергия, и приложился к нему, и поцеловал его с любовью. И сказал: «Угодник Христов, помогай нам молитвами своими!» И причастился он святой водой, и вкусил доры, а также и Богородицына хлеба.

Когда же окончилась литургия, благочестивый царь вышел из церкви весь словно в сиянии, вооруженный молитвою. И обратившись к своим богомольцам, сказал он: «Благословите меня, а сами непрестанно молитесь Богу, чтобы вашими молитвами помог нам Бог одолеть врагов наших». И сев на царского своего коня, вооружился он животворящим крестом и сказал так: «Боже, услышь мой зов о помощи и подвигнись на помощь мне, Господи! Осуди, Господи, борющихся с нами и противящихся нам врагов наших, да уподобятся они пыли, противостоящей ветру! О предки наши и заступники русские Борис и Глеб, будьте нам в этот час заступниками и помощниками против врагов наших!»

Когда же увидели все воины, что приближается к ним государь, тотчас со всех сторон, словно на крыльях, взлетели они на городские стены. И заняли православные все стены, ибо помогал им Бог, и нещадно секли они нечестивых.

толико нечестивых съчаху, яко по удолиям крови течаху. И милостию и помощью всеильнаго Бога начаша православнии нечестивых одолѣвати. И уже православнии к цареву двору приближающуся и нечестивых нещадно съчаху.

Нечестивии же вси собравшеся на царев двор, и нечестивии, видѣвше свою конечную погибель, и друг другу глаголаше: «Бѣжим, бѣжим убо скоро от них, яко Бог по них побарает и многия наша уже умроша». И начаша из града с стѣны метатися, и многия к лѣсу на побѣжение устремишася.

*И в той час вѣсть припѣ ко благочестивому царю и великому князю, что за градом многия люди со града сметашася*** и побѣгоша, тамо же царя и великого князя воеводы на той странѣ и многих нечестивых побиша; инии же на иную страну побегоша. На тѣх же царь и государь вскоре посла дву бояринов и с ними своих дворян. И тамо они толико нечестивых побиша, яко от реки и до лесу на велицем лузѣ мертвии лѣжаху.

И уже великою милостию Божиею и помощью всеильнаго Бога нашего Иуса Христа и молитвами пречистыя владычица наша Богородица, и молитвами и *пособием* великого архистратига Михаила и всѣх святых, и всѣх русских чюдотворцов и наших заступников и помощников молитвами, благочестивый царь и государь нашъ великий князь со своим православным воинством брався с нечестивыми и одолѣ. И до конца нечестивых православнии избиша, и царя казанского *Едигара* Каса-Ахануловича изымаша, и знамена его взяша, и ко благочестивому царю нашему и великому князю его приведоша, и град Казань взяша, яко убо стада полон гоняхуть. Се же мы своима очима видѣхом, не ложно бо есть писание, но истинна.

Нечестивых же толико побиша, яко убо внутри града стѣн толико мертвых нечестивых онѣх казанских татар лежаше, яко и з градными стенами сравнятся трупие мертвых. Во градных же вратѣхъ и во градѣ яко грамады мертвии лежаху, за градом же — во рвѣх и по Казани рецѣ и за Казанию рекою — бесчислено множество мертвыхъ бысть.

И видѣв же благочестивый царь и великий князь Иван Васильевич всеа Руси таковое милосердие Божие на себѣ и на всем своем христоролюбивом воинствѣ, и руцѣ воздѣвъ ко Господу, благодарныя молитвы приношаше, сие глаголя: «Слава тебѣ, всемилостивый Господи Иусе Христе сыне Божий, давый нам побѣду на враги наша! Десница твоя прославися, Господи, в крѣпости, десная ти рука, Господи, сокруши враги наша. Что ти воздаммы, Господи, за вся благая, яже воздал еси нам? Слава тебѣ, премилостивый челоуѣколюбче Господи, яко не презрѣл еси моления раба своего! Слава тебѣ, Господи, яко малое воздыхание сердца моего и слезы услышал еси и прошения наша исполнил еси, и милость свою великую излиал еси на нас, и сопротивных наших до конца потребил еси.

И столько побили они нечестивых, что кровь их растеклась по оврагам. И с помощью всеильного Бога и по его милосердию начали православные одолевать нечестивых. И уже приближались православные к царскому дворцу, нещадно побивая нечестивых.

Нечестивые же все собрались на царском дворе и, видя свою окончательную гибель, говорили друг другу: «Бежим, бежим скорее от них, ведь сам Бог сражается вместе с ними, и много наших уже умерло». И начали они прыгать с городской стены, и многие бегом устремились к лесу.

И тотчас пришло известие к благочестивому царю и великому князю, что многие из горожан попрыгали с городских стен и пустились в бегство, но воеводы царя и великого князя, находившиеся на той стороне, многих нечестивых побили; часть же (казанцев) побежала на другую сторону. На тех царь и государь вскоре послал двух бояр со своими дворянами. И там они побили такое количество нечестивых, что мертвые лежали по всему огромному лугу от реки и до леса.

И благодаря великой милости Божьей и помощи всеильного Бога нашего Иисуса Христа и молитвам пречистой владычицы нашей Богородицы и молитвам и помощи великого архистратига Михаила и всех святых, и всех русских чудотворцев и наших заступников и помощников молитвам, благочестивый наш царь и государь и великий князь со своим православным воинством одержал верх в битве с нечестивыми. И перебили православные всех нечестивых, и взяли в плен царя казанского Едигера Каса-Ахануловича, и захватили его знамена, и привели его к благочестивому царю нашему и великому князю, и взяли город Казань, и гнали, словно стада, толпы пленников. Все это мы видели своими глазами, так что не лживое это описание, но истинное.

Нечестивых же побили так много, что (горы) мертвых тел казанских татар, лежавшие возле стен внутри города, сравнялись с городскими стенами. И в городских воротах, и в самом городе лежали огромные кучи мертвых, и за городом — во рвах, в реке Казани и за Казанью рекою — везде было бесчисленное множество мертвых.

Благочестивый же царь и великий князь всей Руси Иван Васильевич, видя такое милосердие Божие к себе и ко всему своему христоробивому воинству, воздев руки к Господу, приносил благодарственные молитвы, говоря так: «Слава тебе, всемилостивый Господи Иисусе Христе, сыне Божий, даровавший нам победу над врагами нашими! Десница твоя, Господи, прославилась своей крепостью и сокрушила, Господи, правая твоя рука врагов наших. Чем воздадим мы тебе, Господи, за все то благое, что сделал ты для нас? Слава тебе, милосерднейший человеколюбец Господи, за то, что не презрел молений раба своего! Слава тебе, Господи, за то, что услышал ты тихие воздыхания сердца моего и слезы и исполнил прошения наши, и излил на нас великое милосердие свое, и всех врагов наших истребил до конца.

О премилостивая владычице Богородице, слава тебѣ, яко твоими молитвами и заступлением побѣжени быша враги наша. О всемилостивая госпоже владычице Богородице, ты со всеми святыми да и с нашими заступники — новыми рускими чудотворцы умолила еси Господа нашего Иисуса Христа з безначальным его Отцем и животворящим Духом, да услыша Господь молитву твою и дал нам победительная на сопостаты, и покорил нам враги наша под ноги наша. И о всѣх сих прославляется святое имя Отца и Сына и Святаго Духа нынѣ и присно и въ вѣки вѣком. Аминь».

Повелѣ же благочестивый царь и великий князь священному собору приити съ честным крестом, в нем же бѣ животворящеѣ древо, на нем же распяты Господь нашъ Иисусъ Христосъ, и с святыми образы чудотворными и всему причту церковному на мѣсто, идѣже бѣ стояше знамя царское, и повелѣ молебная пѣния пѣти о побѣде, благодарения всесильному Богу воздающе. И в той часъ повелѣ животворящий крестъ поставити и церковь обложити Нерукотвореннаго образа же Господа Бога и Спаса нашего Иисуса Христа на том мѣсте, идѣже знамя его стояло, на знамени бо его царской образъ бѣ нерукотворенный Господа нашего Иисуса Христа.

Внутри града толику силну огню возгорѣвшуся, яко едва на третий день возмогоша угасити. Повелѣ же благочестивый царь и градъ чистити от множества мертвых онѣх нечестивых. По семъ же повелѣ протопопу своему, именем Андрѣю, мужу добродѣтельную сушу, собрати соборъ игуменов и священниковъ и дияконовъ и повелѣ церковь святии Нерукотвореннаго образа Господа нашего Иисуса Христа. Освятиша же церковь в лѣто 7061, мѣсяца октября въ 5 день в среду. И всячески и украси ю, якоже бо лѣпо, честными иконами и божественными книгами, и святым пѣнием.

И потом обложи церковь соборную внутри города Казани во имя пречистыя Богородица славнаго ея Благовѣщенья и свещав ю того же мѣсяца въ 9 день недельный. Предѣлы же у Пречистые устрои со обою страну: со едину страну стратотерпцы Христови Борис и Глѣб, а з другую муромские чудотворцы, и лѣпотнѣ украси якоже бѣ достояше.

Освати же убо и град благочестивый царь и государь нашъ великий князь Иванъ Васильевичъ и по стенам града з животворящими кресты и со всѣми иконами самъ хоужаше з братом своим со князем Владимиром Андрѣевичем и со священным собором, и з боляры своими, и со всѣмъ своим христоролюбивым воинством. И вся убо добръ и богоугодно благочестивый царь и государь устроив. Заповѣда же и воеводам своим во градѣ церкви ставити.

Град же убо взял благочестивый царь и государь в лѣто 7061-го, мѣсяца октября въ 2 день, на память священномученика Киприяна и Устинии, в день недельный, пятый часъ дни.

О премилостивая владычица Богородица, слава тебе, ибо твоими молитвами и заступничеством побеждены были враги наши. О всемилостивая госпожа владычица Богородица, умолила ты со всеми святыми и нашими заступниками — новыми русскими чудотворцами Господа нашего Иисуса Христа с безначальным его Отцом и животворящим Духом, чтобы услышал Господь молитву твою и даровал нам победу над супостатами, и покори́л нам под ноги врагов наших. И прославляется всем этим святое имя Отца и Сына и Святого Духа ныне и присно и во веки веков. Аминь».

И повелел благочестивый царь и великий князь, чтобы священный собор и весь причт церковный с честным крестом, содержащим кусочек животворящего древа, на котором распят был Господь наш Иисус Христос, и со святыми чудотворными иконами пришли к месту, где стояло царское знамя, и приказал в честь победы петь молебные песнопения, воссылая благодарности всесильному Богу. И повелел он тогда же поставить животворящий крест и заложить церковь в честь Нерукотворного образа Господа Бога и Спаса нашего Иисуса Христа на том месте, где стояло его знамя, ибо на знамени его царском был запечатлен нерукотворный образ Господа нашего Иисуса Христа.

Внутри же города разгорелся такой сильный огонь, что только на третий день едва смогли его погасить. И приказал благочестивый царь очистить город от множества мертвых тел нечестивых. После этого повелел он протопопу своему, по имени Андрей, человеку добродетельному, собрать собор игуменов и священников и дьяконов и повелел им освятить церковь в честь Нерукотворного образа Господа нашего Иисуса Христа. И осветили церковь в год 7061 месяца октября в 5 день, в среду. И была она всячески украшена, как тому подобает, честными иконами и божественными книгами, и святым пением.

А потом заложил он соборную церковь в самом городе Казани во имя пречистой Богородицы славного ее Благовещения и освятил ее в девятый, воскресный, день того же месяца. Приделы же к церкви пречистой Богородицы устроил с обеих сторон: с одной стороны (во имя) страстотерпцев Христовых Бориса и Глеба, с другой — в честь муромских чудотворцев, и чудесным образом украсил их, как и подобало.

И город освятил благочестивый царь и государь наш великий князь Иван Васильевич, сам пройдя с животворящими крестами и со всеми иконами по городским стенам вместе с братом своим князем Владимиром Андреевичем и со священным собором, и с боярами своими, и со всем своим христороубивым воинством. И обо всем благочестивый царь и государь хорошо и богоугодно распорядился. Повелел он и воеводам своим строить в городе церкви.

Город же взял благочестивый царь и государь в год 7061-й (1552) месяца октября во второй день — день памяти священномучеников Киприана и Устинии, в воскресенье, в пятом часу дня.

Кто же, сия слыша великое милосердие Божие, не удивится и не прославит Бога, яко идѣже кумирская капища, наипаче же бесовская жилища, быша, ту же нынѣ церкви христіяности провозсияша; идѣже нечестивии они скварами бесовскими и кровми скотнями землю и воздух оскверневаху, ту нынѣ о спасении христіянством Богови жертва приношашесе и безпрестанное славословие и молитвы Богови всылаху; и идѣже жилища имѣху они нечестивии срацини, ту нынѣ православнии христіяны вселишася и вселяются. Вся яже сия быша изволением Божиим и подвигом государя нашего благочестиваго царя и великаго князя Ивана Васильевича и его брата благовѣрнаго князя Владимира Андрѣевича и всего его христіолюбиваго воинства.

Еще же хошу вамъ повѣдати о православныхъ воинехъ благочестиваго государя нашего царя и великаго князя Ивана Васильевича всеа Русии самодержца: яко убо они, благочестивии воины, уже ко брани с нечестивыми приближающесе и первѣ убо они внутрь уготовившесе, како стати предъ страшнымъ и нетлѣннымъ небеснымъ царемъ — Господемъ нашимъ Исусъ Христомъ и отвѣтъ дати о согрѣшенныхъ своихъ, и приходящимъ ко святымъ церквамъ и исповѣдающимся чистымъ покаяниемъ ко отцемъ духовнымъ и причащающимся страшныхъ и трепетныхъ и ужасныхъ своихъ тайнъ — пречистому тѣлу и крови Господа нашего Исуса Христа, и такову получающу нетлѣнну надежду и оружие на супостаты непобедимое, и толико презрѣша смерть, яко не токмо боятися ея, но и радоватися неизреченною радостію, еже пострадати за православную вѣру и за своего православнаго царя и государя.

И тако кои же, друг друга укрѣпляя, глаголаше: «Аще не ныне умремъ, умремъ же всяко, аще ли ныне умремъ, от Господа примемъ нетлѣнное и бесконечное царство; аще мужескии храбрѣствовавъ на брани и живи будемъ, великую от Господа милость примемъ, а от нашего земнаго царя велию честь и славу воспримемъ, и всякое наше недостаточное онъ, благочестивый государь, намъ исполнить, и от челоувѣкъ в роды и роды славни будемъ».

О блаженнии и треблаженнии воины православнии! С таковою надежею уготовившесе на брань, и много они с нечестивыми бравшесе и ови убо от нихъ на брани с нечестивыми умирахуть, овии же послѣднѣхъ дышуще и во иносеский образъ обещиися желающе, и таковое свое прошение получиша, и ангельскимъ образомъ украсившесе, и с великою надежею и радостію ко Господу отъидоша; овии же от нихъ многи раны на тѣлесѣхъ имуще, отхождаху к своему государю и царю мужество и храбрство являше.

Мы же убо прекратимъ повѣсть сию и на предлежащеѣ возвратимся, и Господа и Бога и Спаса нашего Исуса Христа прославимъ, и сие глаголемъ: «Слава тебѣ, Господи, яко даровалъ еси намъ сиеца благочестиваго царя и государя и великаго князя Ивана Васильевича! Слава тебѣ, Господи, укрѣпивый раба своего государя нашего на сопротивныя! Слава тебѣ, Господи, покоривый

Кто же, услышав о таком великом милосердии Божии, не удивится и не прославит Бога, ведь там, где были языческие капища, а точнее — бесовские жилища, ныне воссияли христианские церкви; там, где нечестивые бесовскими жертвоприношениями и кровью животных оскверняли землю и воздух, ныне о спасении христиан Богу жертва стала приноситься и непрестанные славословия и молитвы стали возноситься Богу; там, где были жилища нечестивых тех сарацин, ныне поселились и поселяются православные христиане. И все это свершилось по изволению Божьему и благодаря подвигу государя нашего благочестивого царя и великого князя Ивана Васильевича и брата его благоверного князя Владимира Андреевича, и всего его христоролюбивого воинства.

Еще хочу вам поведать о православных воинах благочестивого государя нашего царя и великого князя Ивана Васильевича всей Руси самодержца: когда приближалось им, благочестивым воинам, время идти на брань, приготавливали они себя сначала духовно, чтобы предстать пред вечным и строгим небесным царем — Господом нашим Иисусом Христом и ответ дать о прегрешениях своих, поэтому приходили они ко святым церквам и исповедовались с искренним покаянием перед духовными отцами и причащались страшным и трепетным и ужасным тайнам — пречистому телу и крови Господа нашего Иисуса Христа, и такую получали они нетленную надежду и непобедимое оружие против супостатов, и настолько презирали смерть, что не только не боялись ее, но радовались несказанною радостью о том, что могут пострадать за православную веру и за своего православного царя и государя.

И так говорили некоторые из них, укрепляя (духом) друг друга: «Если теперь не умрем, все равно умрем когда-нибудь, если же умрем теперь, то получим от Господа нетленное и вечное царство; если будем мужественно и храбро сражаться и останемся живы, то получим от Господа великую милость, а от нашего земного царя — великую честь и славу, и даст нам благочестивый государь все, чего нам недостает, и будет слава о нас переходить из рода в род».

О блаженные и трижды блаженные воины православные! Укрепившись такую надеждою перед сражением, долго бились они с нечестивыми и одни из них умирали в бою с безбожными, другие при последнем вздохе хотели облечься в иноческий образ и получили исполнение своего желания, украсившись ангельским образом, и с большой надеждой и радостью отошли к Господу; некоторые же, имея многие раны на теле своем, возвращались к своему государю и царю, являя собой пример мужества и храбрости.

Мы же закончим повесть эту и к предыдущему возвратимся, и прославим Господа и Бога и Спаса нашего Иисуса Христа, и скажем так: «Слава тебе, Господи, за то, что даровал нам такого благочестивого царя и государя и великого князя Ивана Васильевича! Слава тебе, Господи, укрепивший раба своего, государя нашего, против врагов! Слава тебе, Господи, покоривший

под нозѣ врагов государю нашему, православному царю, и нынѣ и в предидушая лѣта!

О премилостивый Господи Иисусе Христе, сыне Божий, молитвами пречистыя ти матере и всѣх святых молитвами и молитвами великого чудотворца Сергия и Никона, помилуй и сохрани своюю благодатию государя нашего, православнаго царя и великого князя Ивана Васильевича всеа Русии самодержца и съ его благочестивою царицею Анастасиею и съ его сыном, царевичем Дмитрием, и съ его братьями, и со всѣмъ христолюбивым воинствомъ! И даруй ему, всемилостивый Господи, душевное спасение и тѣлесное здравие, и побѣду на сопротивныя, и яко твоею милостию страшен будетъ врагом своим, яко ты еси истинный Богъ нашъ Иисусъ Христосъ, сынъ Божий, и дая власть, емуже хочещи. И тебѣ славу всылаем со безначальным Отцем и с пресвятым и животворящим Духом нынѣ и в предидушая вѣки вѣкомъ! Аминь».

Взято Казанское царство в лѣто 7061 году октября въ 5 день.

врагов под ноги государю нашему, православному царю, теперь и в будущие годы!

О премилостивый Господи Иисусе Христе, сыне Божий, за молитвы пречистой твоей матери и молитвы всех святых, и молитвы великого чудотворца Сергия и Никона помилуй и сохрани своюю благодатию государя нашего, православного царя и великого князя Ивана Васильевича всей Руси самодержца с благочестивой его царицей Анастасией и с сыном его, царевичем Дмитрием, и с братьями его, и со всем христолюбивым воинством! И даруй ему, всемилостивый Господи, душевное спасение и телесное здравие, и победу над врагами, да будет он по твоей милости страшен врагам своим, ибо ты есть истинный Бог наш Иисус Христос, сын Божий, дающий власть, кому пожелаешь. И воссылаем тебе славу с безначальным Отцом и с пресвятым и животворящим Духом ныне и во все будущие века! Аминь».

Взято Казанское царство в год 7061 (1552) октября в 5 день.

ЧАШИ ГОСУДАРЕВЫ ЗАЗДРАВНЫЕ

ЧАША ГОСУДАРЕВА ЦАРЯ ИВАНА ВАСИЛЬЕВИЧА

ЧАША ГОСУДАРЕВА ЦАРЯ, ВЕЛИКАГО КНЯЗЯ ИВАНА ВАСИЛЬЕВИЧА ВСЕЯ РОССИИ

Дай Бог, здрав был царь государь наш князь великий Иван Васильевич, самодержецъ всея Росии, на многа лѣта, и съ его благовѣрною царицею великою княгиню Марьею, и своими Богомъ дарованными чады, а с нашими государи, царевичи Иоаном и Феодором,* и своими братьею, благовѣрными князи Георгеем и Владимиром,* и с бояры, и съ христоролюбивым воинством, и з доброты, и со вѣми православными христианы.

Подай же ему, Господи, государю, чего у Господа Бога желает благых, иже к ползѣ душевных и тѣлесных, по вся дни царства его на многа лѣта. Чтобы Господь Богъ избавил, и Пречистая Богородица, и великие чудотворцы царя государя великого князя и все православие от латынства, от бесерменства и от вѣхъ врагов, видимых и невидимых. А царя государя бы нашего рука высока была над вѣми супостаты, и царство бы его государево исполнилъ Богъ всякия благодати.

А кто ему, государю, добра хочет, тѣ бы все с государем здравы были и спасены на многие лѣта. А недоброхота бы государю и не было, — все бы государю благая и полезная мыслили. А хто про государево здравье чашу изопиеть, той бы здрав был и спасен, а у кого в дому — и домъ его всякая благодати.

Во многолѣтний живот и здравие, и во благоденство, благопоспѣшение, и еже на враги побѣда благочестивому и христоролюбивому царю, великому князю Ивану Васильевичу, самодержцю всеа Росии, сотвори, Господи, по милости твоей, и даруй многое благоденство царю нашему.

Благодать Божиа буди с тобою, царю святой православный, яко да утвердит тя, и сохранить, и воздвигнетъ к добродѣтелямъ дѣйственнымъ, купно хранению и исправлению вѣры, и укрѣпит и споспѣшит на сопротивныя наша. Святой царю, царствуй и здравствуй на многа лѣта.

ЧАШИ ГОСУДАРЕВЫ ЗАЗДРАВНЫЕ

ЧАША ГОСУДАРЕВА ЦАРЯ ИВАНА ВАСИЛЬЕВИЧА

ЧАША ГОСУДАРЕВА ЦАРЯ, ВЕЛИКОГО КНЯЗЯ ИВАНА ВАСИЛЬЕВИЧА ВСЕЯ РОССИИ

Дай Бог, чтобы здоров был царь государь наш князь великий Иван Васильевич, самодержец всея России, на многие лета, и с его благоверною царицею великою княгинею Марьею, и со своими Богом дарованными чадами, а нашими государями, царевичами Иоанном и Федором, и со своими братьями, благоверными князьями Георгием и Владимиром, и с боярами, и с христоробивым воинством, и с доброжелателями, и со всеми православными христианами.

Поддай же, Господи, ему, государю, чего от Господа Бога желает благого, идущего на пользу душе и телу, во все дни царства его на многие лета. Чтобы избавил Господь Бог, и Пречистая Богородица, и великие чудотворцы, царя государя великого князя и все православие от латинства, от мусульманства и от всех врагов, видимых и невидимых. А царя государя бы нашего рука высока была над всеми врагами, и царство бы его государево наполнил Бог всякой благодатью.

А кто ему, государю, добра хочет, те бы все с государем здоровы были и спасены на многие лета. А недоброжелателя бы у государя и не было, — все бы хотели государю блага и пользы. А кто за государево здравие чашу испьет, тот бы здоров был и спасен, а в чьем доме (испьют) — дом того наполнился бы всякой благодати.

Долголетнюю жизнь и здравие, и благоденствие, и успех, и победу над врагами сотвори, Господи, по милости твоей, благочестивому и христоробивому царю, великому князю Ивану Васильевичу, самодержцу всея России, и даруй многое благоденствие царю нашему.

Благодать Божия да будет с тобою, царь святой православный, и да утвердит она тебя, и сохранит, и побудит к добрым делам, одновременно и к хранению и к исправлению веры, и укрепит и поможет в борьбе с противниками нашими. Святой царь, царствуй и здравствуй на многие лета!

И глаголють единогласно: «Сотвори, Господи, по милости твоей, и даруй многое благоденство царю нашему».

ЧАША ГОСУДАРЕВА ЦАРЯ БОРИСА ФЕДОРОВИЧА

Подаючи государеву чашу, говорити:

Великие и превысочайшие, пресвѣтлые и преславные царские степени величества, благовѣрнаго и христоролюбиваго, Богомъ избраннаго и Богомъ почтеннаго, Богомъ преукрашеннаго, Богомъ дарованнаго, Богомъ венчаннаго, Богомъ помазаннаго великаго государя и великаго князя Бориса Федоровича всеа Русии самодержца и многих государствъ государя и обладателя, и его царского величества благовѣрные и христоролюбивые царицы и великие княгини Марьи, наши великие государыни, и их царскихъ детей, благовѣрнаго великаго государя царевича князя Федора Борисовича всеа Русии и благовѣрные царевны и великие княжны Ксении Борисовны, наших государей, Чаша.

Дай, Господи, благовѣрный, и христоролюбивый, и храбрый, и счастливый, и милостивый великий государь царь и великий князь Борис Федорович, всеа Русии самодержецъ и многих государствъ государь и обладатель, и с ним его царского величества благовѣрная и христоролюбивая царица и великая княгини Марья, наша великая государыни, и их царские дѣти, благовѣрный и великий государь царевичъ князь Федор Борисович всеа Русии и благовѣрная царевна, великая княжна Ксения Борисовна, наши государи, на своих преславныхъ великихъ государствахъ превысочайшаго Российскаго царствия здоровы были и счасны.

И всѣ б великие государи приносили честь и славу государьскому ихъ лицу по ихъ царскому чину и по достоянню. И чтобъ всеилный Господь Богъ великаго государя царя и великаго князя Бориса Федоровича, всеа Русии самодержца, и его царского величества сына, великаго государя царевича князя Федора Борисовича всеа Русии, царскую ихъ высокую и счастливую руку возвысилъ надо всѣми ихъ недруги, — царского величества имени к чести и к повышению, а преславнымъ ихъ великимъ государствамъ Российскаго царствия къ прибавлению, и к разширению, и к вѣчной славе, и к похвалѣ. И всѣ бы окрестные государи ихъ царского величества превысочайшей степени послушны были с рабскимъ послужениемъ, и от потрясания меча ихъ и от храбрьскаго подвига всѣ страны имяни ихъ трепетали. Царское б ихъ имя славно было по всей Вселенней.

А наипаче б всеилный Господь Богъ устроилъ ихъ царского величества бодроопаснымъ содержателствомъ святую нашу и непорочную христьянскую веру на Вселенней превыше всѣхъ, якоже под небесемъ сияетъ пресвѣтлое солнце. И святые б Божии церкви были тихи и немятежны.

И говорят все вместе: «Сотвори, Господи, по милости твоей, и даруй многое благоденствие царю нашему».

ЧАША ГОСУДАРЕВА ЦАРЯ БОРИСА ФЕДОРОВИЧА

Подавая государеву чашу, говорить:

Великой и превысочайшей, пресветлой и преславной царской степени величества, благоверного и христоролюбивого, Богом избранного и Богом почтенного, Богом преукрашенного, Богом дарованного, Богом (на царство) венчанного, Богом помазанного великого государя и великого князя Бориса Федоровича, всея Руси самодержца и многих государств государя и обладателя, и его царского величества благоверной и христоролюбивой царицы и великой княгини Марьи, нашей великой государыни, и их царских детей, благоверного великого государя царевича князя Федора Борисовича всея Руси и благоверной царевны и великой княжны Ксении Борисовны, наших государей, Чаша.

Дай, Господи, чтобы благоверный, и христоролюбивый, и храбрый, и счастливый, и милостивый великий государь царь и великий князь Борис Федорович, всея Руси самодержец и многих государств государь и обладатель, и с ним его царского величества благоверная и христоролюбивая царица и великая княгиня Марья, наша великая государыня, и их царские дети, благоверный и великий государь царевич князь Федор Борисович всея Руси и благоверная царевна, великая княжна Ксения Борисовна, наши государи, в своих преславных великих государствах превысочайшего Российского царства здоровы были и счастливы.

И все бы великие государи воздавали честь и славу государственному их лицу по их царскому чину и по достоинству. И чтобы всеильный Господь Бог великого государя царя и великого князя Бориса Федоровича, всея Руси самодержца, и его царского величества сына, великого государя царевича князя Федора Борисовича всея Руси, царскую их высокую и счастливую руку возвысил надо всеми их недругами, царского величества имени к чести и к возвышению, а преславным и великим государствам Российского царства к прибавлению, и к расширению, и к вечной славе, и к похвале. И все бы окрестные государи послушны были превысочайшей степени их царского величества с рабским услужением, и все бы страны перед именем их трепетали, страшась потрясения меча их и храброго подвига. И царское бы их имя славно было по всей Вселенной.

А еще бы устроил всеильный Господь Бог неусыпным попечением их царского величества святую нашу и непорочную христианскую веру превыше всех во Вселенной, подобно сияющему в небесах пресветлому солнцу. И святые бы Божии церкви были тихи и немятежны.

И чтоб прекраснѡцвѣтушая и младоомлажаемая вѣтвь царского их изращения, благородное сѣмя, в наслѣдие великого Россійскаго царствія было во вѣки, и на вѣки, и в некончаемая вѣки непремѣнно.

И царским бы их милостивымъ осмотрениемъ во всѣх ихъ великихъ государствахъ Россійскаго царствія все православное христьянство было в покое, и в тишинѣ, и въ благоденственномъ житиѣ навѣки неподвижно.

И чтобы прекрасноцветущая и омолаживающаяся потомством ветвь царского их происхождения, благородное семя, в наследие великому Российскому царству было вовеки, и навеки, и в нескончаемые веки без перемен.

И царским бы их милостивым управлением во всех их великих государствах Российского царства все православное христианство было в покое, и в тишине, и в благоденственном житии навеки покойно.

КОММЕНТАРИИ

УСЛОВНЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

- БАН* — Библиотека Российской академии наук (Санкт-Петербург)
ГИМ — Государственный Исторический музей (Москва)
ГТГ — Государственная Третьяковская галерея (Москва)
ИРЛИ — Институт русской литературы (Пушкинский Дом) Российской академии наук (Санкт-Петербург)
ММК — Музей Московского Кремля
ОИДР — Общество истории и древностей российских
ПДПИ — Памятники древней письменности и искусства
ПЛДР, 1—12 — Памятники литературы Древней Руси. XI—XVII вв. М., 1978—1994.
ППС — Православный Палестинский сборник
ПСРЛ — Полное собрание русских летописей
РГАДА — Российский государственный архив древних актов (Москва)
РГБ — Российская государственная библиотека (Москва)
РНБ — Российская национальная библиотека (Санкт-Петербург)
ТОДРЛ — Труды Отдела древнерусской литературы Института русской литературы (Пушкинский Дом) Российской академии наук (Санкт-Петербург)
ЧОИДР — Чтения в Обществе истории и древностей российских при (Чт. ОИДР) Московском университете

ПОВЕСТЬ О БОЛЕЗНИ И СМЕРТИ ВАСИЛИЯ III

В ночь на 4 декабря 1533 г. умер Василий III (р. 26 марта 1479 г.), великий князь московский и государь «всая Руси», сын Ивана III и византийской принцессы Софьи Палеолог. Василий III умер в зените своей государственной деятельности, добившись многого из того, что было задумано. Границы расширенного государства, в состав которого при нем вошли древние русские земли — Псков, Рязань, Смоленск (вслед за Новгородом и Тверью, введенными в состав Московской Руси Иваном III), были хорошо укреплены; на востоке — продолжалась настойчивая деятельность — военная и дипломатическая — по подчинению Казанского царства; на западе — укреплялись позиции Москвы в отношениях с княжеством Литовским и королевством Польским.

Церковь была подчинена воле великого князя, она стала послушным орудием укрепляющегося самодержавия. Василий III как рачительный хозяин настойчиво и неустанно строит здание централизованного государства, начатое его отцом, и как символы его деятельности вырастают в Кремле два строения: каменный великокняжеский дворец и Архангельский собор, который по воле Ивана III и Василия III становится усыпальницей всех московских князей. Решены, наконец, проблемы престолонаследия: растут сыновья Василия от второго брака с Еленой Глинской — Иван и Юрий. Атмосфера ликования и радости ощутима даже в текстах официальных летописей, описывающих эту пору свершений замыслов Василия III: сообщения о пирах Василия напоминают об эпических временах Владимира Киевского. Болезнь Василия III была внезапной, страдания мучительны и долги. Рассказ «Повести» о болезни и смерти Василия III звучит диссонансом к мажорным описаниям его деятельности в русских летописях.

«Повесть о болезни и смерти Василия III» хорошо известна в исторической науке: она неоднократно пересказывалась историками (см., напр., «Историю государства Российского» Н. М. Карамзина или «Историю России» С. М. Соловьева), ей посвящены специальные исследования А. Е. Преснякова, И. И. Смирнова, М. Н. Тихомирова, А. А. Зимина, С. А. Морозова, изучавших духовное завещание Василия III и обстоятельства политической борьбы 1530—1540-х гг. Значительно меньше внимания уделяли «Повести» историки литературы (как литературный памятник «Повесть» лишь кратко рассмотрена Я. С. Лурье в кн.: «Истоки русской беллетристики». Л., 1970, с. 437—438), хотя художественное значение «Повести» несомненно. Выразительные детали и драматизм повествования, острота самой ситуации, изображенной в «Повести», привлекли внимание такого мастера психологической прозы, как В. Ф. Панова: на материале «Повести» ею создана историческая повесть «Кто умирает» (Панова В. Ф. Лики на заре. М.; Л., 1969).

«Повесть о болезни и смерти Василия III» — один из интересных образцов изображения личности в средневековой русской литературе. Она была написана вскоре после смерти великого князя очевидцем событий, человеком, близким великому князю, создававшим эту хронику болезни и смерти Василия III, по-видимому, как подготовительный материал для будущего жития.¹ Это предположение поддерживается последующим использованием текста: «Повесть» была включена не только в летописные своды, но и в Великие Минеи-Четьи митрополита Макария.

Как оказалось возможным в литературной традиции первой половины XVI в. создание произведения, в котором так детально описывались болезнь великого князя, его поведение и мысли? Как согласовать изображение немощи, бессвязной речи умирающего Василия с утверждающейся в это время идеей обожествления власти и личности царя-самодержца? По-видимому, «Повесть» можно рассматривать как непосредственную литературную реализацию авторитетных в XVI в. представлений Иосифа Волоцкого о двойственной природе царя, восходящих к текстам византийца Агапита (VI в.): царь «властию» уподобляется Богу, а «естеством» — «подобен всем человеком» (в этом суждении нетрудно увидеть утилитарное использование учения о двойственной природе Христа — божественной и человеческой, что позволило далее идеологам самодержавия поставить знак равенства между царем и Богом).

Хроника болезни и смерти Василия III предваряется в «Повести» рассказом о его успешной военной деятельности в августе 1533 г. и превращается в итоге в повествование о бренности человеческой жизни (один из выразительных эпизодов «Повести» — описание поверженного немощью Василия на паперти Успенского собора Иосифо-Волоколамского монастыря, в котором идет служба с молением о его выздоровлении). Фабула «Повести» могла восприниматься современниками как конкретная иллюстрация к тексту «Прения жизни и смерти», а сам Василий III как бы продолжал — в сознании читателей — ряд легендарных героев, побежденных смертью, — Александра Македонского, царей Давида и Соломона и др. (см. коммент. к с. 50). История болезни и смерти Василия III, а может быть, и сама «Повесть», могли послужить толчком к созданию книжниками Иосифо-Волоколамского монастыря «Сказания о некоем человеке богобоязливем»,

¹ Аналогичные задачи ставил перед собой Иннокентий, автор «Рассказа о смерти Пафнутия Боровского» (см. наст. изд., т. 7, с. 254—285, 519).

написанного примерно в то же время — не позднее середины XVI в. («вчера тысячами пред ним стояли, а ныне во гробе един лежить...»).

Текст «Повести» дошел в 15 списках в составе различных летописей XVI в., в обоих списках августовских *ВМЧ* и в одном позднем житийном сборнике; особая редакция находится в «Степенной книге» (данные С. А. Морозова см.: Морозов С. А. Повесть о смерти Василия III и русские летописи // Теория и практика источниковедения и археографии отечественной истории. М., 1978. С. 61—77). Пять летописей (Воскресенская, Летописец начала царства, Никоновская, Александро-Невская, Царственная книга) содержат вторичные, сокращенные тексты «Повести», другие десять списков сохранили два варианта текста, восходящие к первоначальному виду. Восемь рукописей содержат текст Новгородского летописного свода 1539 г. (далее — *НС*), составленного в 1542—1548 гг., две рукописи — Софийская II летопись (*СИ*) и Постниковский летописец (*ПЛ*), самая старая рукопись с текстом «Повести», датируется 1550-ми гг.) — содержат текст, несколько отличающийся от *НС* и, возможно, восходящий к своду 1534 г. А. А. Шахматов (в последнее время — С. А. Морозов) считал текст *НС* первоначальным, но, по-видимому, оба варианта текста — и *НС* и *СИ* (*ПЛ*) — восходят к одному общему источнику (точка зрения А. А. Зимина), в каждом из них заметны следы целенаправленной обработки текста. Особенно очевидна «литературность» текста *НС*: его создатель стремится сгладить элементы непосредственной фиксации речей и действий исторических лиц, присущие начальному авторскому тексту, лучше сохранившемуся в ряде фрагментов *СИ* и *ПЛ*. Возможно, эта правка принадлежит не составителю *НС*, а деятелю профессиональной школы книжников из окружения митрополита Макария, так как именно этот текст был включен Макарием в августовские книги Успенских и Царских Миней, созданных в эти же годы; именно этот текст лег в основу и всех последующих официальных переделок «Повести» в XVI в.

«Повесть» публикуется по древнейшему списку *НС* — по списку конца XVI в.: *РНБ*, Ф. IV, № 238 (список Дубровского), л. 413—429 (текст издавался: *ПСРЛ*, т. IV, вып. 3. Л., 1929, с. 552—564); для исправления отдельных чтений используем текст *ПЛ* (*ПСРЛ*, т. XXXIV. М., 1978, с. 17—24); все исправления выделяются курсивом.

Стр. 20. *Волок Ламъский* — Волоколамск.

Поле — степные пространства к югу и юго-востоку от Московского государства.

Оспожин (Госпожин) *день* — день Успения Богородицы (15 августа).

...*царь Сап-Киртъ да Исламъ царевичь*... — «Сап-Киреем» русские летописи называют Сагнб-Гирея (см. коммент. к с. 292 наст. изд.). Поход крымских татар на Русь в августе 1533 г. возглавлял не Сагнб-Гирей, а его племянники: Сафа-Гирей и Ислам.

Юрий (1480—1536) и *Андрей* (1490—1537) — младшие братья Василия III, удельные князья Дмитровского и Старицкого княжеств.

...*на Коломну, на Берег, на Оку*... — Коломна, расположенная при слиянии Москвы-реки и Оки, преграждала путь татарам в междуречье Оки и Волги. Пограничная служба на Оке (на Берегу) — одна из постоянных военных забот московского правительства; в 1531 г. в Коломне на берегу Москвы-реки был построен каменный кремль, одно из самых мощных оборонительных сооружений Московской Руси XVI в.

...*Дмитрея Федоровича Бѣльскаго... Василья Васильевича Шуйскаго, да Михаила Семеновича Воронцова, да Ивана Васильевича Ляцкого... Семѣна Федоровича Бельскаго... Ивана Федоровича Овчину-Телепнева... Дмитрея Федоровича Палецкого*... — Д. Ф. Бельский и его два брата — С. Ф. и И. Ф. Бельские, а также В. В. Шуйский, М. С. Воронцов, И. В. Ляцкий, И. Ф. Телепнев-Овчина Оболенский — крупнейшие военачальники Василия III, не раз несшие «береговую службу»; для самого молодого Д. Ф. Палецкого — это один из первых походов.

Мещера — рязанские земли к северу от Оки (к востоку от Коломны).

Дѣти боярские — младшие члены боярских семей, служившие в войске и при дворе великого князя.

...*во своемъ селѣ Коломенскомъ*. — В княжеском селе к югу от Москвы, на реке Москве (теперь — в черте города).

Стр. 22. ...к Николе къ Зараскому на Осетръ... — Так назывался в XVI в. Зарайск (на реке Осетр, притоке Оки), возникший на месте погоста, где стояла церковь в честь Николы Зараского (потом Зарайского); город прикрывал подступы к Москве и Переяславу Рязанскому; в 1531 г. в городе был построен каменный кремль.

...въ 24 день августа, в среду, бысть на небеси в солнце знаменце... — Дата — 24 августа — противоречит указанию на день недели «в среду»: средой в 1533 г. было 20 августа (20 августа указано в *СИ* и *ПЛ*).

...на 1-мъ часу дни... от первого часа и до третьяго часа дни... на пятомъ часу дни... — Древнерусский счет часов зависел от времени восхода солица; «первый час дня» 24 августа — это 5 час 30 мин утра, «третий» — 7 час 30 мин, «пятый» — 9 час 30 мин *Ускуп* (ушукуй) — ладья, лодка новгородская.

...с великою княгиною... детьми... — Великая княгиня — вторая жена Василия III Елена Васильевна Глинская; Василий III женился на ней 21 января 1526 г. после развода (в ноябре 1525 г.) с бездетной Соломонией Сабуровой. Отец Елены Глинской — князь Василий Львович Слепой в 1508 г. вместе с многочисленной семьей князей Глинских перешел из подданства Литвы на службу к великому князю московскому. Один из летописцев XVI в. писал: великий князь «зело возлюбн» Елену «лепоты ради лица ея и благообразна възраста» и что оба таланта даровал ей Бог: красоту и разум. Дети Василия III Иван Васильевич (р. 26 августа 1530 г.), будущий московский царь Иван IV Грозный, и его брат Юрий (Георгий) Васильевич (р. 30 августа 1533 г.).

...къ живоначальнѣй Троици... чудотворцу Сергию... — Троице-Сергиев монастырь, основанный Сергием Радонежским в конце XIV в.; память Сергия — 25 сентября.

Озерцкое — село к северу от Москвы на пути в Дмитров.

Нохабное — на р. Нахабинке, впадающей в Истру.

Стр. 24. *Покров* — церковный праздник 1 октября.

И того же дни бысть пиръ ... у Иоанна у Юрьевича у Шигоны, у дворецкого тверскаго и волоцкого. — И. Ю. Шигона-Поджогин — сын боярский, любимец Василия III и его думный дворянин; неоднократно выполнял самые сложные поручения великого князя (именно он передал первой жене великого князя Соломонии Сабуровой требование постричься в монахини и руководил ее пострижением). Чин *дворецкого* в великокняжеской администрации был весьма значительным: областные дворецкие осуществляли высшие судебные функции на управляемой ими территории и контролировали владение землей, являясь наместниками князя. И. Ю. Шигона вместе с дворецким Большого двора князем И. И. Кубенским сосредоточивали в своих руках, по характеристике историка Н. Е. Носова, управление почти всем основным центральным приказным аппаратом Русского государства.

Михаил Львович Глинский — дядя великой княгини Елены, пользовался большим влиянием при дворе Василия III.

Николай Люев (правильно: Булев) — придворный врач Василия III, приехал на Русь из г. Любека около 1494 г.; один из образованнейших людей своего времени, занимался медициной, астрономией, известен как автор богословских и публицистических сочинений. О личности другого врача — Фефила (Феофила) — достоверных сведений почти нет (одни исследователи считают его греком, другие — немцем из г. Любека).

...с медом прѣснымъ... — Имеется в виду обычный пчелиный мед, а не хмельной напиток.

...горшки тридневныя и сѣмянники... — Детали процедуры, по-видимому, облегчившей князю пищеварение и дыхание, и ее инструментарий не вполне ясны (в одной из летописей — Софийской второй — сохранилось другое обозначение использованного средства: «горошки» (?)).

...дьяка своего введенного Григорья Никитина сына Меньшого Путятина. — Г. Н. Меньшик-Путятин — один из великокняжеских дьяков, известный дипломат, пользовался особым доверием Василия III (именно он писал под диктовку великого князя — по обычаю того времени — дошедшие до нас его письма Елене Глинской); термин «введенный» означает, что дьяк имеет особые полномочия.

...духовные дѣда его и отца его великого князя Иоанна... — Речь идет о духовных грамотах — завещаниях Василия II и Ивана III. *ПЛ* (и *СИ*) сообщают, что великий князь посылал

за духовными грамотами Ивана III и за своей собственной, которую он писал еще в 1510 г., до рождения наследника, и что теперь он распорядился эту грамоту сжечь. А. А. Шахматов считал это известие *СII* позднейшей вставкой.

Стр. 26. ...от пятницы в ночи противу Дмитриевы суботы... — Т. е. в ночь с пятницы 24 октября или субботу 25 октября, накануне Дмитриева дня.

...на 6-мъ часу ночи... — Для 26 октября это 21 час 30 мин.

Князь И. В. Шуйский — боярин и воевода Василия III.

...да князь... Шигона. — Шигона князем не был, по-видимому, это ошибка *НС*.

...пред чудотворцою памятью Варлаама Хутынского... — Облегчение болезни Василия III, произошедшее 5 ноября, по-видимому, проецируется автором «Повести» на сходную литературную ситуацию одного из посмертных чудес Варлаама Хутынского (1407 г.), излечившего князя Константина Дмитриевича (сына Дмитрия Донского), также тяжело заболевшего в пути.

Мисаил Сукин — инок Троице-Сергиева монастыря, происходил из старинного боярского рода Сукиных; из текста «Повести» ясно, что он пользовался особым доверием Василия III (по предположению С. А. Морозова, он и является автором «Повести о болезни и смерти Василия III»).

...по Михайла по Юрьевича. — Речь идет о М. Ю. Захарьине, который вместе с И. Ю. Шугоной был одним из самых близких и преданных Василию III людей. Летописи подробно рассказывают о военной и дипломатической деятельности М. Ю. Захарьина, энергичного сторонника укрепления централизованного государства, одного из виднейших политических деятелей 30-х гг. XVI в.; умер в начале 1539 г.

...заговейно... — В *ПЛ* — «Филиппово заговейно». Имеется в виду начало Филиппова поста 14 ноября.

...в Осифов монастырь к Пречистые молитися, Иосифа игумена гробу поклонитися. — Иосифо-Волоколамский Успенский монастырь (в 20 км от Волоколамска, на р. Струге), основанный в 1479 г. крупным церковным и политическим деятелем конца XV в. Иосифом Саниным (Волоцким), впоследствии игуменом монастыря, был оплотом великокняжеской власти и центром борьбы с реформационными течениями конца XV—начала XVI в.; главный храм монастыря — Успения Богородицы; Василий III приехал в монастырь 15 ноября.

Стр. 28. Каптана — зимняя повозка (крытый возок на полозьях).

Д. И. Шкурлятев (Курлятев-Оболенский) — известен как политический деятель более позднего времени — Ивана IV; Д. Ф. Палецкий — один из полководцев Василия III, впоследствии — Ивана IV; сопровождение ими больного Василия III объясняется, по-видимому, их молодостью и физической силой.

...дьякон качать октенью творити... — *Ектеня* («прошение») — часть церковной службы; «прошение» дьякона об общей молитве должно сопровождаться ответом хора.

...на Введение Пречистые... — 21 ноября.

Воробьево — подмосковное великокняжеское село к югу от Москвы (теперь — в черте города).

Даниил митрополит (1522—1539) — ученик и последователь Иосифа Волоцкого (о нем см. т. 9 наст. изд.); послушный исполнитель воли великого князя; поддержал развод Василия III с Соломонией Сабуровой и венчал его с Еленой Глинской.

Владыка Васьякъ Коломенской — Вассиан Топорков, племянник Иосифа Волоцкого и продолжатель его дела, единомышленник митрополита Даниила; с 1525 г. — епископ коломенский; «великий сохлебник» Василия III, не раз участвовал в его пирах.

Дософъ, владыка крутицкой — крутицкий епископ с 1508 г.; активный сторонник иосифлян и централизаторской политики Василия III и Елены Глинской.

Казначей Петр Иванович Головин — один из видных деятелей времени Василия III, управитель великокняжеской канцелярии — «казны» (1519—1533); в его ведении находилось и практическое руководство посольскими делами.

Стр. 28—30. ...против Нового монастыря... — Новый (Новодевичий) монастырь был основан Василием III на Девичьем поле в 1525 г. в честь присоединения к Москве Смоленска.

Стр. 30. *Городовые приказчики* (до начала XVI в. — городничие) — ведали строительством городских укреплений.

...на порож под Дорогомиловым, и введе... в ворота Боровицкие... — После неудачи с переправой у Воробьева великокняжеский поезд повернул на север, вверх по течению р. Москвы, где у переправы, в Дорогомилове, начиналась дорога, ведущая непосредственно к Кремлю. Боровицкие ворота (ворота у «бора») — западные ворота Кремля, построены итальянским архитектором Пьетро Антонио Солари (Петром Антонием Фрязиным) в 1440 г.; въезд Василия III в Москву состоялся 23 ноября.

М. В. Тучков (из рода Морозовых) — один из близких к Василию III политических деятелей, известный дипломат XVI в.

Стр. 32. *...Благовещения...* — В кремлевском соборе Благовещения, домовый церкви великого князя; придел *Василия Великого* — часть собора, посвященная отцу церкви Василию Великому (329—378).

Дары («святые тайны») — причастие.

...у Рождества... Богородици... — Церковь Рождества Богородицы была построена итальянцем Алевизом в 1514 г.

Дора (антидор) — часть просфоры (освященного белого круглого хлеба), предназначенная для раздачи молящимся в храме.

Стр. 34. *...князя Дмитръя Федоровича Бѣлского з братиею...* — Князя Бельские приходились Василию III двоюродными племянниками по женской линии: они внуки Анны Рязанской, сестры Ивана III. Фрагмент речи Василия III о князьях Бельских, так же как и его обращение к ним, отсутствуют в *СИ* и *ПЛ*. До сих пор в исследовательской литературе нет единого мнения о том, является этот текст поздней вставкой или, напротив, он первоначален и что Василий III намеревался поручить охрану престола не только М. Л. Глинскому, но и своим родственникам — Бельским.

А можно ли мнѣ мертваго жива сотворити, занеже, государь, мнѣ Богомъ не быти! — Ответ, приписанный здесь Николаю Булеву, вряд ли был возможен в реальной ситуации 1533 г. и, по-видимому, сочинен позже, с целью усилить в тексте мысль о трагической неизлечимости царской болезни; ср. текст *ПЛ* (и *СИ*), сохранивший приметы первоначального сообщения о диалоге царя и лекаря: «аще бы мощно, — тело бы свое раздробил тебя ради, государя, но моя мысль не имети, опричь Божьей помощи».

Стр. 36. *...игумен троицкый Асафъ... сына на руки дал...* — Иоасаф Скрипицын, игумен Троице-Сергиева монастыря, крестил в 1530 г. будущего царя Ивана IV. Василий III вспоминает, как он «вручил» новорожденного сына особому покровительству Сергия Радонежского и троицких иноков.

...от третьяго часа и до седмого... — Для 3 декабря — это промежуток времени от 17 час 30 мин до 21 час 30 мин.

Петр чудотворец — первый московский митрополит Петр (1308—1325), поддерживал московского князя Ивана Даниловича Калиту (1328—1341) в его борьбе за великое княжение Владимирское.

Стр. 38. *...баба его Огрофъна...* — Няня Ивана IV Аграфена Челядина.

Ельна Челядина — ближняя боярыня Елены Глинской.

...крестъ Паисиской... — По-видимому, речь идет о кресте Паисия Ярославова, игумена Троице-Сергиева монастыря (1478—1482), крестившего Василия III.

Тогда же великая княгини не хотяше итти от него, но отсла ея князь велики... — В *ПЛ* (и *СИ*) сохранился текст «Повести», описывающий не «этикетное» поведение Елены Глинской у постели умирающего Василия III: «И хоте ей наказывати о житье ея, но в кричанье не успе ю ни единого слова наказати. Она же не хотяше итти от него, а от вопля не преста, но отосла ея князь велики сильно...»

...в Кирилове монастыре. — Один из крупнейших монастырей к северо-востоку от Москвы, Кирилло-Белозерский, основан в 1397 г. иноком Кириллом.

Стр. 40. *Пречистые образ... чудотворьные Владимирские...* — Икона Владимирской Божьей матери была патрональной святыней Владимиро-Суздальской земли и Московского княжества.

...и по *Николе, чудотворца Гостуньского*. — Эту икону Василий III пожертвовал в 1507 г. в построенный им храм Николая Гостунского; она славилась целебной силой.

Крестовый дыяк — дыяк из домово́й царской церкви; в его обязанности входило читать в царских покоях, говорить псалмы, петь на клиросе.

Канон — церковное песнопение в похвалу святому или празднику.

Стр. 42. ...из-ыкосов... — Икос — род церковного песнопения.

Патрахиль — часть одежды священника; *перъманатка, ряска, манатия* — части обычного иноческого облачения; *скима ангельская* — одежда монаха, давшего обет самого сурового отречения от мира.

Къларь — инок, ведающий монастырскими припасами.

Стр. 44. ...сь середи на четверг, в 12 ноци, противу Варварина дни. — Василий III умер в ночь со среды на четверг в 2 ч 30 мин ночи, 4 декабря (в «Варварин день»).

...от Михайлова Чюда... — Т. е. из Чудовского монастыря, находившегося в Кремле.

Стряпчие великого князя — дворцовые служилые люди; *стряпчие погребные* (см. с. 46) — слуги, ведающие погребением.

Стр. 46. *Часы* — ежедневные молитвословия, распределенные по времени суток.

...повѣле во Архангѣльз ископати гроб подлѣ отца его... противу дверей Семиона Лѣтопроводца. — Строительство Архангельского собора в Кремле было завершено Алевизом Фрязиным весной 1508 г.; собор стал усыпальницей московских князей: в октябре 1508 г. в присутствии Василия III в соборе состоялась перезахоронение всех великих и удельных князей; могилы Ивана III и Василия III находятся «возле южной стены», около «дверей Семиона Лѣтопроводца». «Лѣтопроводец» — русское именование византийского аскета Симеона Столпника (356—459), память которого отмечается 1 сентября — в день, когда на Руси начинался новый год — новое «лето».

...пѣвчимъ большой станицы... — Станица обозначает и хор в целом, и особый разряд певчих.

Великую... княгиню Ельну несоша... а с нею шли бояре: князь Васильѣ Васильевичъ Шуйской... княгини Анна. — В перечне траурного сопровождения Елены Глинской в НС названы лица, которые сразу же после погребения Василия III вступили в ожесточенную борьбу за власть: глава группировки Шуйских — В. В. Шуйский, «единомысленник» М. Л. Глинского М. С. Воронцов, примирившийся с Василием III перед его смертью, сам М. Л. Глинский, претендующий на значительную роль в управлении государством, и И. Ф. Овчина-Телепнев Оболенский — фаворит Елены Глинской. Боярыни, сопровождающие великую княгиню, — это или жены и вдовы крупнейших сановников Василия III, или ее прямые родственницы и доверенные лица: племянница Василия III Анастасия, дочь его сестры Евдокии и крещеного казанского царевича Петра, жена князя Ф. М. Мстиславского, которого Василий III (по гипотезе А. А. Зимина) прочил — до рождения Ивана IV — в наследники престола; жена И. Д. Пенькова княгиня Мария Пенькова — младшая сестра Елены Глинской (ум. около 1535 г.) (Иван Хомяк Данилович Пеньков — боярин Василия III с 1524 г. и лицо к нему приближенное, с первых же дней правления Елены Глинской находился среди наиболее доверенных ее лиц, ум. в 1540 г.). Елена и Аграфена Челядины — вдовы двух крупнейших сановников Василия III в начале его правления, братьев Челядиных; Аграфена — сестра боярина И. Ф. Телепнева, няня Ивана IV — оказывала большое влияние на великую княгиню; после скоропостижной смерти Елены Глинской 3 апреля 1538 г. и боярской расправы с И. Ф. Телепневым (умер в темнице через неделю после ее смерти) была насильно пострижена в монахини. Феодосия Юрьева-Захарына — жена М. Ю. Захарына (см. коммент. на с. 566). Анна Глинская — мать великой княгини. В разных вариантах «Повестн» список лиц, сопровождавших Елену Глинскую, по-разному сокращался и неоднократно редактировался.

ХОЖДЕНИЕ НА ВОСТОК ГОСТЯ ВАСИЛИЯ ПОЗНЯКОВА С ТОВАРИЩИ

Василий Позняков — участник посольства, отправленного царем Иваном IV Грозным в 1558 г. из Москвы в Царьград, Александрию, Синай, Иерусалим для оказания материальной помощи («милостыни») Синайскому монастырю св. Екатерины, пострадавшему от турок. За этой помощью к московскому царю и митрополиту обратился в 1556 г. с официальной грамотой alexandрийский патриарх Иоаким. Посольство из Москвы на Восток (через Смоленск, Литву, Волошские земли), длившееся более двух с половиной лет, встретилось с трудностями и испытаниями: еще в Литве у него были отняты ценные меха и 300 рублей денег; в Царьграде скончался архидиакон Геннадий. В составе посольства остались светские лица: смоленский купец Василий Позняков с сыном, пскович Козьма Салтанов, смолянин Дорофей и другие. Кто из них вел записи и составил затем описание хождения к христианским святыням Востока, точно неизвестно. Еще в конце XVI в. оно было положено в основу Хождения Трифона Коробейникова, надолго вытеснившего память о действительном путешествии Познякова, сведения о котором сохраняются в Новгородской Второй летописи.

Ценность Хождения Василия Познякова заключается в насыщенности известиями и легендами, услышанными путниками при посещении монастырей и храмов христианского Востока. Некоторые легенды восходят к библейским сюжетам, например о пророке Илье, о деяниях пророка Моисея и др.; немало упоминается новозаветных лиц и событий. Значительное место в Хождении занимают апокрифические рассказы. Один из сюжетов — чудо с alexandрийским патриархом Иоакимом — вошел в качестве самостоятельного рассказа в состав русского Хронографа и в древнерусские сборники XVII—XVIII вв.

В настоящем издании привлечен список Хождения из сборника Копенгагенской Королевской библиотеки № 553-с, XVII в. (по микрофильму *РНБ*). В этом списке утрачен самый конец (восполнен по списку *РГБ*, собр. *ОИДР*, № 214), но зато отличается полнотой и ясностью изложения его начала. До сих пор памятник был известен по публикациям И. Е. Забелина (*ЧОИДР*, 1884, кн. 1) и Х. М. Лопарева (*ППС*, вып. 18. СПб., 1887). В 1962 г. в Древлехранилище Пушкинского Дома поступили сборники, в составе которых оказались еще два списка Хождения Василия Познякова, XVIII в., к сожалению, дефектные.

Стр. 48. *Хождение на Восток гостя Василия Познякова с товарищи* — условное название памятника, принятое в научной литературе (в древнерусском тексте отсутствует).

...льта 7067-го... — Начало посольства относится к 1558 г.

...при царевичехъ Иванне и Феодоре... — Иван (1554—1584) и Федор (1557—1598) — сыновья Ивана IV и Анастасии Романовны (ум. в 1560 г.).

...при святейшемъ папе и патриархе Макарии митрополите... — Митрополит московский Макарий (1482—1563), был митрополитом с 1542 г. до смерти. Папой величали епископов и патриархов православной церкви.

...при архиепископе новгородском Пимине... — Пимен Черный, архиепископ новгородский с 1552 по 1570 г.

...во Царьгородъ... — В Царьграде (русское название Константинополя) после турецкого завоевания столицы Византийской империи (в 1453 г.) находилась константинопольская патриархия.

...во Иерусалим и во Египет... — В Иерусалиме и Египте — центрах православного Востока — находились иерусалимский и alexandрийский патриархи, обменивавшиеся посольствами и подарками с московским царем и митрополитом.

...в Синайскую гору... — Синайская гора — центр православного Востока на Синайском полуострове в западной части Азии.

...новгородского архидьякона Генадия... — Геннадий, архидиакон новгородского Софийского собора.

...*гостя Василия Познякава... псковитина.* — Судя по летописным известиям в числе спутников архидиакона Геннадия фигурировали другие лица — гость Мустоха Андрей и Яков, названные в Новгородской Второй летописи (*ПСРЛ*, т. III. СПб., 1841, с. 159). Однако в официальных царских грамотах, адресованных церковным деятелям стран, лежащих на пути к восточным центрам православия (волошскому воеводе Александру, турецкому султану Селиму и др.), названы Геннадий и Василий Познякав с сыном.

...*в Раифе...* — Раифа — средневековое название современного города Тора в западной Азии, на восточном берегу Красного моря.

...*к папе и патриарху Иакиму александрийскому...* — Иоаким, патриарх александрийский (то ли с 1529 г., то ли с 1486 по 1565 г.). Известны грамоты, адресованные патриархом Иоакимом царю Ивану IV Грозному: в 1545 г. — ходатайство об освобождении из заточения афонского монаха Максима Грека; в 1556 г. — прошение об оказании помощи Синайскому монастырю (*РГАДА*, ф. 52, оп. 4, № 1, л. 126—134), в ответ на которое и было составлено посольство с участием Василия Познякава. С этим посольством патриарху Иоакиму была отправлена грамота (послание) царя Ивана IV. Это царское послание присоединено к началу двух опубликованных списков *Хождения Василия Познякава*; оно встречается и в самостоятельных списках в сборниках XVII и XVIII вв. (в публикуемом списке этой грамоты нет).

...*и вземъ у насъ пречестный образ и шубу.* — Иконы и меха составляли традиционные «поминки», т. е. дары московского царя и митрополита.

...*и велел толмачу говорити.* — Толмач — переводчик устной речи.

Стр. 50. ...*государю покоряшася многие царства иноверныхъ...* — К 1559 г. к Московской Руси были присоединены Казань, Астрахань и некоторые народности, населявшие Поволжье.

...*царь на сей печати на конѣ?* — Всадник в короне, поражающий копьем дракона, изображался на государственной печати царя Ивана IV Грозного.

...*В нашихъ де греческихъ книгахъ... многие царства.* — Пророчества, или предсказания о падении Турецкой империи с помощью царя «восточныхъ страны православной», были весьма популярны в греческой средневековой литературе. На Руси были известны их переводы и обработки.

...*царя Олександра Макидонского.* — Сравнение с царем Александром Македонским (356—323 гг. до н. э.) — крупнейшим полководцем и деятелем древнего мира — характерно для средневековой литературы.

...*како в вашей стране... совершаетца божественное пение?* — Имеется в виду богослужение.

...*церкви ружные...* — Ружные церкви — получавшие ругу — денежную помощь из казны.

...*жидове и бусормане... и армяны.* — Перечисленные народы с точки зрения ортодоксального православия относились к «иноверцам» и еретикам.

...*и торговать нѣ велить...* — При Иване IV Грозном существовал запрет на ведение торговли с евреями.

Стр. 52. ...*Савина монастыря.* — Монастырь св. Саввы Освященного близ Иерусалима (основан в VI в.).

...*царь греческий, имя ему Гаврилъ...* — Здесь и далее смешано представление о двух мамелюкских правителях в Египте, безуспешно сопротивлявшихся туркам: о султанах Кансу-Гури (погиб в битве под Алеппо в 1516 г.) и о его преемнике Туман-бее (был повешен в 1517 г. в Каире по приказу турецкого султана Селима I). Вместо *греческий* в двух других списках XVII в. читается царь *черкизский* (т. е. мамелюкский). В публикуемом списке далее встречается чтение *чертиской*. Черкизскими (черкесскими) царями называли мамелюков, представителей военной династии, владевшей Египтом и Сирией в XIII—XVI вв.

...*о преславном папе александрийском Иакимѣ и о его терпении.* — Рассказ о чуде с патриархом александрийским Иоакимом впервые стал известен в Москве от его посланцев, обратившихся в 1558 г. за помощью к московскому царю и патриарху. Рассказ о чуде помещен в Степенной книге под 1559 г. (*ПСРЛ*, т. XXI, ч. 2. СПб., 1913, с. 665—666, 670—671).

...в ваших книгах написано... не вредит их... — Мр. 16, 18: «Аще и что смертно испиють, не вредит их».

Стр. 54. ...к чудотворцу Николы... — Церковь св. Николая чудотворца в Каире.

...на девятой песни... — 9-я песнь канона, традиционного песнопения православного богослужения (здесь, скорее всего, канона св. Николаю), обычно была последней по счету.

...во всей своей святительской одежде... — Одежда — облачения восточных патриархов — отличалась великолепием; например, верхнюю одежду — саккос — шили из бархатных или шелковых орнаментированных тканей; головной убор — митру — украшали шитьем и драгоценными камнями.

...турки, арапы... всяких верь люди... — Вместе с народами здесь названы еретики с точки зрения ортодоксального православия — ариане, несториане, яковиты, тетродиты.

...паши и соньчаки... — Паша — высший чиновник в мусульманских странах; санджак — правитель округа в султанской Турции.

Стр. 56. ...яныченина... — Янычары — воины привилегированного пехотного войска султанской Турции.

...пресноки... — Опресноки — лепешки из пресного неквашеного теста.

...царь Сулиманъ турский... лѣта 7022 (1514)-го. — Завоевание Египта турецким султаном Селмом I на самом деле относится к 1516 г.

...и того царя Гаврила взявъ и велель его обесити. — На самом деле был повешен на вратах Каира Туман-бей.

...на патриаршестве 85 летъ... служил три лета. — Нами уже отмечалось, что по одним данным, Иоаким был патриархом александрийским с 1529 по 1565 г.; по другим — с 1486 по 1565 г.

...Старой Египетъ. — Так называли в Древней Руси Каир.

Стр. 58. ...святой страстотерпецъ Георгий... образъ Георгий... — Св. Георгий — каппадокиец, был знатным воином (III в.). За проповедь христианства был обезглавлен в Никомидии около 303 г. Легенды приписывали чудотворную силу иконе, написанной по молитвенному обещанию патриарха Иоакима.

...святыхъ мученикъ Сергия и Вахха, да... мученицы Варвары. — Перечисленные церкви находились в средневековом Каире. Сергий и Вахх были римляне, Варвара родом из Финкии. Все они были казнены за приобщение к христианской вере при императоре Максимиане в нач. IV в.

...в те врата въехала Богородица... — Имеется в виду бегство в Египет Марии и Иосифа с младенцем Христом от преследований царя Ирода (Мф. 2, 13—14).

...монастырь святого Арсения... Аркадия и Онурия... — Монастырь св. Арсения под Каиром был посвящен Арсеню Великому (354—449), который в молодости был воспитателем сыновей византийского императора Феодосия I (379—395) Аркадия и Гонория.

...и после отпуску... — Отпуск, или отпуст, — молитва, которую читают или поют при окончании церковной службы.

...в субботу о Дьмитрѣеве дни. — День почитания популярного в странах христианского Востока святого Димитрия Солунского — 26 октября. В 1558 г. он приходился на четверг, в 1559 г. — на пятницу, а в 1560 г. — на субботу.

Гентарь — мера веса (от греческого *κεντηνάριον*).

Пустыни — уединенные, не застроенные места.

...место, гдѣ Моисей провел израильския люди... — Согласно библейскому рассказу пророк Моисей вывел израильтян из Египта от преследований фараона, причем на пути к Синаю для путников расступались воды Красного моря, когда Моисей прикоснулся к ним своим жезлом, а фараон и его воины утонули (Исход. 14, 19—31).

Стр. 60. ...пророкъ Давидъ написа... — Давид — полулегендарный царь Израильско-Иудейского государства (XI в. до н. э.). Ему приписывается создание Псалтыри.

...«не бѣ в коленахъ ихъ боляй». — Цитата из Псалтыри (104, 37).

...«Почто еси вывел насъ в пустыню из Египта?» — Здесь и далее пересказ текста Библии (Исход. 17, 3; 14, 11—13 и др.).

...А люди фараоновы обратишася рыбою... толста на палец. — Известия о судьбе утонувших воинов-египтян, их коней и оружия выходят за рамки библейской легенды. Исследова-

телями отмечалось, что подобные предания о превращении фараона и его воинов в полурыб встречается у курганских цыган б. Тобольской губернии (может быть, потомков египетских цыган, о которых сообщается в Хождении Познякава).

...12 источниковъ. — О двенадцати источниках сообщается в Библии (Исход. 15, 27).

...Моисей же удари жезломъ в гору... река. — Об изведении Моисеем воды из скалы в Библии (Исход. 17, 6).

...пророк написа: «Дастъ имъ Богъ в безводныхъ реки». — Это перефразированная цитата из Псалтыри (104, 41).

Стр. 62. ...церковь Прѣображение Господа Бога... — По преданию, эта церковь построена на месте, где Бог явился Моисею. Преображение — церковный праздник в память об изменении своего вида Иисусом Христом на Фаворской горе (Мф. 17, 1—13).

...узоры, что камчатъми. — Имеются в виду узоры на шелковой ткани — камке.

...мощи святыхъ мученицы Екатырины. — Св. Екатерина, родом из Александрии, умерла около 307 г. Культ Екатерины возник не ранее VIII в., когда ее мощи были обнаружены и перевезены из Египта на гору Синай.

...покровомъ царя... с нами посланъ, бархатъ на золотѣ. — Покров — длинная пелена, возлагавшаяся на гроб с мощами святого. Его шили из шелковых и бархатных тканей, по краям украшали шитыми надписями, содержащими кроме похвалы святому имена вкладчиков-дарителей. В центре покрыва изображался либо святой (святая) в рост, либо крест на горе Голгофе. Судьба синайского покрыва русской работы XVI в. неизвестна.

...над Нѣопалимоу купиноу... стоящу, нѣопалиму. — Согласно библейской легенде (Исход. 3, 2) пророку Моисею Бог явился в виде горящего, но не сгорающего тернового куста. В христианской символике Неопалимой купиной обозначался иконографический тип Богоматери с младенцем Христом, изображавшейся в пламени.

...12 праздникоуъ. — Так называемые «дванадцатые праздники» — особо почитаемые христианской церковью события из земной жизни Христа (Рождество Христово, Крещение, Преображение, Вход в Иерусалим, Вознесение, Сошествие Св. Духа на апостолов, Воздвижение Креста) и из жизни Богородицы (Рождество Богородицы, Сретение, Введение во храм, Благовещение, Успение). Изображениями двенадцати праздников нередко украшали входные двери храмов.

...сапоги или попуци... чюлках. — Обычай снимать обувь перед входом в храм не был принят у христиан. Видимо, здесь сказывалось влияние обрядности мусульманской церкви, где омовение ног было обязательным для молящихся.

...престоль... — Возвышенное в виде стола, находящееся в алтаре христианского храма, для совершения на нем евхаристии — одного из важнейших таинств христианской церкви, во время которого хлеб и вино пресуществляются в тело и кровь Христовы.

...написано на полотнѣ Моисево деяние. — История пророка Моисея и связанных с ним событий, изложенная в Пятикнижии, в первых пяти книгах Ветхого завета (Библии), нередко воплощалась в иконах или в стенописях храмов. В данном случае изображение поразило русских путешественников тем, что оно было выполнено не на доске иконы, а на полотне. Это могла быть картина какого-либо западноевропейского художника, выполненная в технике масляной живописи.

...мощи святыхъ отецъ избвенныхъ в Синаи и в Раифѣ. — В IV и V вв. на Синае и в Раифе христианские монахи подвергались массовому избению со стороны сарацин (арабов) и варваров. Позднее они были отнесены к раннехристианским мученикам.

...а поникадилъ 50. — Паникадила — подвесные церковные светильники, состоявшие из многочисленных лампад.

...царь Устиян... — Византийский император Юстиниан I (527—565).

Стр. 64. ...церковь Василей Кѣсарийский... — Василий Кесарийский, иначе Василий Великий (329—378), один из авторитетных богословов раннего христианства; был епископом в Кесарии Каппадокийской; автор многих сочинений, посланий, проповедей.

...святый Илья пророк... вранове приношаху. — Илья пророк, согласно библейскому рассказу, был послан на землю во время трехлетней засухи. Он скрывался и постился в пустыне, куда ему доставлял пищу вброд (3 Цар. 17, 1—6).

...*церковь Елисей пророкъ... да... Марина*. — Елисей — один из библейских пророков, ученик пророка Ильи (3 Цар. 19, 19—21); мученица Марина умерла около 275 г.

...*Егда Богъ сниде к Моисею... гдѣ Моисей постился 40 дней*. — Здесь история Моисея излагается согласно библейскому рассказу (Исход. 24, 12—18), но с некоторыми дополнительными подробностями — о камне, закрывшем пророка с головой, о темнице, где он постился.

...*Моисей на столпе змию медяну возносилъ*. — Согласно библейскому рассказу (Числ. 21, 5—9), пророк Моисей создал медного змея и установил его на столбе для исцеления израильтян, пораженных укусами змей.

...*тот горнъ, где израильтяне главу тельчию слиали...* — О создании кумира — литого тельца — сообщается в библейском рассказе (Исход. 32, 8).

...*две церкви: 40 мученикъ, да... Антония Великого*. — Согласно житийной легенде в IV в. в Севастии Армянской сорок мучеников были осуждены за приверженность христианской религии и приговорены к жестокой казни (их раздели и оставили на ночь на льду замерзшего озера). Антоний Великий (ок. 251—356) — родом из Египта. Его считают отцом монашества. Смолоду до конца жизни он вел отшельническую жизнь, во время которой боролся с искушениями трудом и молитвой.

Стр. 66. ...*на праздникъ... Екатерины*. — Память св. Екатерины отмечалась 24 ноября.

...*бумагою хлопчатую...* — Хлопок или хлопчатобумажная ткань была необычной для русских путешественников, употреблявших ткани льняные или шерстяные.

...*где постился Иванъ Лествичникъ 40 лет...* — Иоанн Лествичник (ум. ок. 563 г.), автор «Лествицы райской», о трудностях иноческой жизни. Вел отшельническую жизнь, а последние несколько лет был игуменом Синайского монастыря.

...*пророкъ Давидъ написа: «Птица... насытишася зело»*. — Здесь цитируется текст Псалтыри (77, 27—29).

...*животворящее древо...* — Т. е. крест, на котором был распят Христос.

...*святыхъ безсребреникъ Козмы и Домьяна...* — Святые Козьма и Дамьян прославлялись как бескорыстные врачи-целители.

...*апостола Луки...* — Апостолу Луке приписывается авторство одного из Евангелий; кроме того, его считали автором иконописного изображения Богоматери с младенцем Христом.

...*ко Гробу Господню*. — Гробом Господним называлась пещера с гробницей Христа и сооружения над ней, многократно подвергавшиеся переделкам и перестройкам со времени завоевания Иерусалима крестоносцами и в последующий период. В числе этих сооружений церковь Воскресения, возведенная непосредственно над пещерой с Гробом Господним в XI в. и перестроенная в XII в.

...*на память святого пророка Наума*. — Память св. пророка Наума приходится на 1 декабря.

Стр. 68. ...*Корабли... деланы без железного гвоздя... к собе привлечетъ*. — Критика приведенного в тексте объяснения, почему не употребляли гвозди в кораблях, была высказана еще в VI в. византийским историком Прокопием Кесарийским. Возникновение легенды о магните в водах Красного моря он объяснял запретом на торговлю железом, которого не было у индов и эфиопов, чьи корабли достигали указанного моря.

...*пяти пядей...* — Пядь — старинная русская мера длины, равная расстоянию между концами растянутых пальцев, большого и указательного.

...*где Моисей насади 70 финиковъ... из горъ каменныхъ... вода... горька добре*. — Здесь и далее текст опирается на библейский рассказ о жаждавших в пустыне израильтянах, которым была горька вода в Мерре, пока они не достигли 70 финиковых деревьев и 12 источников (Исход. 15, 23 и 27; Числ. 33, 8—9).

...*до монастыря Ивана Роуфенского...* — Иоанн Раифский, или Раифенский, был местночтимым святым.

...*на Сионъ горъ...* — Сион — гора (холм) в Иерусалиме.

...*царица Елена*. — Елена (ум. в 327 г.) — мать императора Константина Великого (274—337). Ей приписывается обретение и украшение гроба Христа и креста, на котором он был распят.

...со Иосифомъ и с Никодимомъ... — Согласно евангельскому рассказу, Иосиф Аримафейский и Никодим были тайными учениками и последователями Христа. Они сняли с креста мертвого Христа и совершили над ним обряд погребения (Иоан. 19, 38—42; Лк. 23, 50—53).

Стр. 70. ...камень, что ангель отвалилъ... — Согласно евангельскому рассказу при воскресении Христа камень от его гроба отвалил ангел (Мф. 28, 2).

...престолъ болгарский... — Имеется в виду храм, освященный болгарской автокефальной церковью.

...путь всей земли... — Понятие «середина земли» по христианскому вероучению отводилось месту, где испытал страдания Христос. В Псалтыри говорится: «царь мой от века, устрояющий спасение посреди земли!» (73, 12).

...темница, где седел... Иисусъ Христосъ. — Согласно четвероевангелию Христа привели в дом первосвященника. «Темница» представляет собой апокрифическое дополнение легенды.

...латынское кандило. — Подсвечник (лампада) западноевропейской работы.

...столпъ от мрамора... часть во Цареградѣ... часть его в Римѣ... — Христианские реликвии нередко принадлежали нескольким владельцам.

...истече кровь... Христа на Одамову главу. — (Иоан. 19, 33—34). Пав на землю, кровь достигла черепа Адама, находившегося под крестом.

...то место зовутца Лобное. — Название Лобное место — второе название Голгофы (от лба — черепа Адама).

...Иверская земля... вера греческая, а языкъ у нихъ свой. — Иверской землей называли Грузию. Иверов, или грузин, как и болгар, автор Хождения упоминает как православных христиан, в противовес еретикам.

...гробъ Мельхиседековъ. — Мельхиседек был царем Салима, согласно рассказу Библии (Бытие. 14, 18).

Стр. 72. ...снятие со креста... обви плащеницею. — Описание снятия с креста известно по евангельскому рассказу. Обычай обвивать тело умершего пеленами соблюдался иудеями. В церковном обиходе плащаницей называют пелену с изображением положения Христа во гроб и его оплакивания.

...патриархъ... Герман. — Герман — патриарх иерусалимский в 1534—1579 гг.

...арнапиты... — Арванитами, или арианитами, греки называли албанцев (турки называли их арнаутами).

...4 золотыхъ угорскихъ... — Угорские (венгерские) золотые монеты имели хождение в средние века в странах Ближнего Востока, на Балканах и на Руси.

...фрязовъ... — Фрягами на Руси называли иностранцев западноевропейского происхождения.

Стр. 74. ...погани турцы спагли и санчаки... — Возможно, что вместо *спагли* в оригинале читалось с поганими.

...дадутъ старую трапезу. — Т. е. старую трапезную, как правило служившую не только столовой, но и монастырским храмом.

...не прочитая парѣмеи... — Паремени, или паремии, — отрывки из книг Ветхого завета, содержащие пророчества и поучения, которые читались на вечернем богослужении.

...хоруговъ... — Хоругвь — род церковного знамени с двусторонним изображением.

...игумѣн венецкой Внифантьей... — Бонифаций Стефан Красси Рагузинский, занимавший пост «стража Святой Земли» в 1550—1559 и 1563—1565 гг.

...пояшъ стихеру: «Днесъ адъ стоя въпиетъ». — Начало церковного песнопения.

Стр. 74—76. ...преже нашего патриарха... патриархъ же нашъ Герман... — Рассказчик называет патриарха иерусалимского Германа «нашим» в противовес «латынскому» игумену.

Стр. 76. ...петь божественную литургию. — Литургия, иначе обедня, — богослужение, совершаемое до обеда.

...чести апостолская Деяния. — Деяния апостолов — часть Священного писания. Она состоит из 28 глав, которые постепенно читаются во время богослужения.

...*церковь великая... утворена мусиею и подписана златом.* — Церковь Воскресения Христова была украшена мозаикой с применением золотого фона.

...*еретиковъ бесящихся, — великое ихъ неистовство... скакаше и плесаше аки скоромороси.* — Здесь проявляется нетерпимое отношение русских паломников к обрядности других вероисповеданий.

...*и празнують неделю въсю радующеся духовнѣ, а нѣ телеснѣ, не пьянствомъ.* — Отмеченный русскими паломниками «духовный» характер празднования пасхальной недели в Иерусалиме, видимо, объясняется тем, что рассказчики были египетскими лицами, лучше знавшими народные обычаи, а не церковный или монастырский быт.

Стр. 78. ...*Иякова, брата Господня.* — Иаков был одним из 12 апостолов, учеников Христа, он приходился Христу двоюродным братом.

...*Иванъ Предотеца...* — Иоанн Предтеча, или Креститель — предшественник и предвестник Христа.

...*церковь... Святая Святыхъ.* — Христианская церковь Святая Святых в Иерусалиме, построенная на месте храма, основанного царем Соломоном (3 Цар. 6 и 7), церковь оказалась в результате перестроек внутри мечети Омара.

...*Соломан со иудеи...* — Царь Соломон, полулегендарный царь израильский (1020—980 гг. до н. э.), сын царя Давида и Вирсавии. Его считали «царем мира», автором притч и книги Екклесиаст, вошедшей в состав Библии. История царя Соломона излагается в 3-й книге Царств и 2-й книге Паралипоменон.

...*«Разорю церковь сию и трѣми деньми созижду ю».* — Здесь приводится перефразированный евангельский текст (Мф. 26, 61).

...*заклач был... Захария...* — Об убийстве Захарии сообщается в Евангелии от Матфея (23, 34).

...*праведный Семионъ... твоих и Израиля».* — Симеон Богопримец — старец-священник, который принял младенца Христа в храм и произнес пророческие слова, процитированные здесь по евангельскому тексту (Лк. 2, 29—32). Этот сюжет называется Сретение.

...*к горе Елѣонстей...* — Елеонская (Масличная) гора под Иерусалимом.

Вифанія... — село за горой Елеонской.

...*Дети еврейския... осанна в вышнихъ...* — Здесь пересказан евангельский рассказ о въезде Христа в Иерусалим и о том, как встречал его народ (Мф. 21, 7—9; Мр. 11, 9—10).

...*ста камень... мяккъ, аки воскъ.* — Рассказ о следах на камне относится к числу неканоничных преданий.

...*Исусъ Христосъ изгна торжники.* — Рассказ об изгнании Христом торгующих из храма известен по евангельским текстам (Мр. 11, 15—17; Мф. 21, 12—14).

...*введена бысть пресвятая Богородица трю летъ суци.* — Этот сюжет — Введение во храм — почерпнут из так называемого Первоевангелия, рассказывающего о детстве Богородицы.

Стр. 80. ...*мерило праведное... скалвы...* — Мерило праведное, или весы, следует связывать с апокрифическими источниками; скалвы (шведск.) — коромысловые весы.

...*А варки... на земли.* — Это место остается неясным, оно не переведено.

...*розбиена до основания царемъ Титомъ римскимъ.* — Иерусалим был захвачен и разрушен во время Иудейской войны в 68—69 гг. сыном римского императора Веспасиана полководцем Титом. В память об этом событии в Риме воздвигнута триумфальная арка (арка Тита).

...*пророкъ Давидъ глаголетъ: «Боже... оскверниша церковь святую твою».* — Цитата из Псалтыри (78, 1).

...*домъ... Иакима и Анны.* — Иоаким и Анна — родители Богоматери.

...*виде святая Анна гнездо птиче...* — Согласно тексту апокрифического Первоевангелия, Анна увидела птичье гнездо на лавровом дереве, когда стала молиться.

...*ровъ Еремия пророка...* — Пророк Иеремия за пророчество о гибели Иерусалима от вавилонян был брошен в ров с иечистотами. Иеремии приписывается авторство библейской книги Иеремии и Плач по Иерусалиму.

...*домъ Пилатовъ*... — Понтий Пилат — правитель Палестины, во время правления которого, согласно евангельскому тексту, судили и распяли Христа.

...*домъ Аннинъ и Кайяфинъ*... — Анна и Канафа — первосвященники и духовные вожди иудеев, согласно евангельскому тексту, во время суда над Христом.

...*от Лиды*... — Лидда — библейский город по дороге из Иерусалима к Иоппии.

...*видѣ Давидъ Вирсавию во ограде мыющеся*. — Согласно библейскому рассказу (2 Цар. 11, 2), царь Давид с кровли своего дома увидел Вирсавию во время омовения. Он отослал ее мужа Урию в военный поход, а сам взял Вирсавию в жены.

Стр. 80—82. ...*рече Божественное Писание: «В дому Давидове страх велик... судятся всяка плѣмена земная и языцы»*. — Приведенный текст перефразирует один из псалмов Давида (Псалтырь. 121, 5).

Стр. 82. ...*патриарха иерусалимского Софрония*. — Замена имени Германа Софронием в данном списке (и в двух списках ИРЛИ) указывает, что текст Хождения Познякава при переписке подновлялся, так как Софроний был патриархом после Германа — с 1579 по 1607 г.

...*Удоль плачевна*... — Название ручья — Юдоль плачевная.

...*домъ Зеведеовъ, отца Иванны Богослова... окаяннаго Иуды*... — Зеведей — отец Иоанна Богослова и Иакова, двух из двенадцати апостолов, учеников Христа. Перед тайной вечерей Христос омыл ученикам ноги, не исключая Иуду, предавшего Христа.

...*Иванна Богослова возляже*... — Следует читать *Иван Богослов* в именительном падеже.

...*«Жено, се сын твой»... «Се мати твоя»*... — Здесь цитируется евангельский текст (Иоанн. 19, 26—27).

...*прииде Исусъ Христосъ по воскресении своем ко ученикомъ*... — Описывается сюжет Воскресения Христова (Мф. 28, 1—10).

...*ребра своя показа и Фому увѣривъ*. — Уверение Фомы — сюжет евангельского рассказа (Иоан. 11, 20, 24—29) о том, как воскресший Христос вложил руку усомнившегося в чуде апостола Фомы в раны от гвоздей и вернул ему веру.

...*сшествие Святого Духа*... — Сошествие Святого Духа на апостолов, согласно библейскому рассказу (Деяния апостолов. 2, 1—4), чудесное нисхождение на каждого из них огненного языка при шуме ветра, после чего все они стали говорить на разных языках, вещая «слово Божие».

...*первомученика Стефанна*. — Стефан, побитый камнями за проповедь учения Христа, согласно рассказу о нем в Деяниях Апостолов (главы 6 и 7), считается самым первым христианским мучеником.

...*отсек аггелъ... руцѣ жидовину*... — Апокрифический рассказ об усении Богоматери сообщает о нечестивце Авфонии, который пытался опрокинуть ложе усопшей. За это он был наказан: ангел отсек ему руки мечом.

Галилѣя Малая — одна из вершин горы Елеонской.

...*семнадцать монастырей стоитъ*. — Испр., в рук. *семь*. В двух других списках XVII в. читается *семнадцать монастырей*. В публикуемой рукописи перечислено 13 монастырей.

...*Богородицы... Одегитрия*. — Одигитрия (греч.) — Путеводительница. Это особый иконографический тип изображения Богоматери с младенцем.

...*великомученика Димитрия*... — Известен греческий святой Дмитрий Солунский (убит в 306 г.), прославленный как воин.

архистратига Михаила... — Архистратиг (архангел) Михаил — согласно библейскому преданию один из семи архангелов, вождь небесного воинства.

Стр. 82—84. ...*Старцы же Савина монастыря... приидоша в Московское царство*. — Монастырь Саввы Освященного находился за стенами города, вне Иерусалима. При царе Иване IV Грозном иерусалимскому монастырю Саввы Освященного была дана жалованная грамота, по которой его старцы могли приезжать на Русь для сбора средств на церковное строение.

Стр. 84. ...*Еуфимия Великого*. — Евфимий Великий (376—477) — отшельник, поселившийся в пещере под Иерусалимом. Позднее там возникла Евфимиева лавра.

...*святыя великомученицы Феклы... святого отца Харитона.* — Христианские святые родом из Малой Азии. Фекла считается ученицей апостола Павла; она прожила 90 лет, в течение которых подвергалась преследованиям за верность христианской религии. Харитон Исповедник (ум. ок. 350 г.), также испытавший гонения, способствовал основанию палестинских монастырей.

...*Воздвижение Честнаго Креста...* — Один из церковных праздников, связанный с идеей торжества христианской веры.

...*пещера, коли бежала Елисаветъ... ото Ирода царя.* — О бегстве матери Иоанна Предтечи Елизаветы с сыном-младенцем от преследований царя Ирода не сообщается в евангельском рассказе.

Стр. 86. ...*спали два пророка.* — Возможно, что здесь содержится намек на апокрифическое сказание о пророке Иеремии, в котором фигурирует длительный сон (66 или 70 лет) юноши Авимелеха под смоковным деревом.

...*сель Скудельниче... в погребение страннымъ...* — Село Скудельниче (Горшечниково) было куплено у горшечника на деньги, заплаченные Иуде за предательство, — таков евангельский рассказ (Мф. 27, 7 и 10). В этом селе хоронили паломников.

...*Егда преда Июда... Тогда завеса церковная раздрася надвое...* — По евангельскому рассказу во время распятия Христа был ряд знамений — разорвалась церковная завеса, померкло солнце и т. д.

...*а въ другой закромъ кости.* — Сохранение останков в так называемых костницах характерно для афонских и греческих монастырей.

...*домъ пустъ... праведнаго Нева...* — Иов праведный — библейский персонаж, является примером терпения и преданности Богу, несмотря на выпавшие на его долю лишения и несчастья (Книга Иова).

...*Содомское моръ.* — Мертвое море.

Стр. 86—88. ...*Силуямля купель... погружаются... и здрави бываютъ.* — Силоамский источник в Иерусалиме у горы Сион. Вода в нем считалась исцеляющей.

Стр. 88. ...*«Егда возврати Господь от Вавилона пленение... и дастъ ему Господь в той купели воду».* — Здесь рассказывается о том, как пророк Иеремия наполнил из источника израильтян, выведенных им из многолетнего вавилонского плена (Исход. 8, 6; Иоан. 9, 7—11).

...*с Семена дни...* — Семенов день — 1 сентября.

...*О селе Гепсимани.* — Гефсимания — сад и уединенное место на Елеонской горе, где согласно евангельскому рассказу находился Христос после тайной вечери и где он был схвачен перед казнью.

...*тѣмъ окномъ... взято тѣло Богородицыно из гроба...* — Здесь рассказчик опирается на известия апокрифического характера.

Стр. 88—90. ...*пещера велика, подписана была вся, а над дверьми написан Спасов образ.* — Живопись пещерных средневековых храмов была характерна для Греции, Афона, Сирии и Палестины.

Стр. 90. *Тамо Христось творяше молитву в тайнѣ.* — Имеется в виду Моление о чаше, когда Христос молился в Гефсиманском саду, чтобы его миновала «чаша сия» (Мр. 14, 35—36; Мф. 26, 39).

...*якоже рече Божественное Писание...* — Здесь и далее приводится в пересказе евангельский сюжет, согласно которому Христос объявил, что один из учеников предаст его (Мр. 14, 32—40; Мф. 26, 46).

...*на жребя въезде.* — Здесь копенгагенский список обрывается, окончание приводится по списку в сборнике XVII в. РГБ, собр. ОИДР, № 214.

...*гдѣ Христось стоялъ со ученики своими... токмо Отець единъ».* — Беседа Христа с учениками о конце света передана согласно евангельскому тексту (Мф. 24, 3 и 36) с некоторым отклонением: в Евангелии он сидел, а не стоял.

...*Вознесение Христово... с того камня вознесся Христось... на небеса...* — Согласно евангельскому тексту, Христос, пробывший на земле после воскресения из мертвых сорок дней, повел своих учеников на Елеонскую гору, откуда он вознесся на небо (Мр. 16, 19; Лк. 24, 50).

...поприць... — Количество верст не указано.

...церковъ Богоявление Христа Бога нашего... — При крещении Христа в реке Иордане, согласно евангельскому рассказу (Мф. 3, 13—17; Мр. 1, 9—11; Лк. 3, 21—22), было явление христианского Божества в трех лицах.

...отца Герасима, ему же левъ поробота... — Герасим — один из подвижников V в., ему в пустыне служил лев. Рассказ о Герасиме входит в состав Синайского патерика.

Стр. 92. ...Господь Лазаря воскреси. — Воскрешение Христом Лазаря, согласно евангельскому (Иоан. 11, 17—45) и апокрифическому преданию, представляет собой пример чудотворной силы Христа.

...Кана Галилѣйская... воду въ вино претвори. — Кана Галилѣйская — город в Палестине, в котором, согласно евангельскому рассказу (Иоан. 2, 1—11), Христос сотворил чудо превращения воды в вино.

...Вифсаида, отъ нея же святии апостоли Петръ Верховный и братъ его Андрей Первозванный. — Город на берегу Тивериадского озера, родина апостолов Петра, Андрея и Филиппа. Верховными считались апостолы Петр и Павел. Первозванным именовался апостол Андрей, которого первым призвал на Иордане Христос.

...и даша ему рыбы печени... предъ ними ястъ. — Евангельский рассказ о явлении апостолам воскресшего Христа, разделившего с ними трапезу (Лк. 24, 42—43).

...отъ Иерусалима 15 стадий, село Еммаусъ... о страстехъ своихъ. — Евангельский рассказ (Лк. 24, 13—27) сообщает, что село отстояло от Иерусалима на 60 стадий (стадий — греческая мера длины, около 240 шагов).

ПОВЕСТЬ О СПОРЕ ЖИЗНИ И СМЕРТИ

В европейских странах в период позднего средневековья получила широкое распространение тема спора человека со смертью. Так называемые «Пляски смерти» и диалоги человека со Смертью нашли отражение в творчестве и писателей, и художников, а также в народной сатире, в представлениях народных театров. Непосредственно с Запада эта тема была заимствована русской литературой. Первым произведением такого рода, попавшим на Русь, явился «Двоестовие живота и смерти, сиречь стязание животу с смертью». Это был дословный перевод немецкого стихотворного диалога, изданного в 1482—1492 гг. в Любеке печатником Бартоломеем Готаном и привезенного им в Новгород. Перевод был сделан, возможно, при участии того же Б. Готана при дворе архиепископа Геннадия. Вскоре после своего появления перевод начал перерабатываться и приобрел более понятное для русского читателя название «Прение живота со смертью». В середине XVI в. создается четвертая («распространенная») редакция «Прения», в которой уже трудно усмотреть черты немецкого оригинала. Эта редакция и публикуется в настоящем издании. Переработка выразилась прежде всего в изменении образов, выступающих в диалоге собеседников: неопределенный «живот» переделывается в удалого воина, разъезжающего по чистому полю и похваляющегося своей силой. Описание облика Смерти приобрело красочные черты, заимствованные из «Жития Василия Нового». Кстати, следует отметить оплошность составителя четвертой редакции, сохранившего употребление форм первого лица в тексте, взятом из «Жития», несмотря на то, что повествование в «Прении» ведется от третьего лица. Изложение реплик спорящих значительно отдалилось от буквальной передачи немецкого оригинала. Поскольку мысли, на которых строятся доводы спорящих, были знакомы начитанному книжнику из учительной литературы (слова о смерти, покаянии, Страшном суде и др.), то он без труда стал передавать их привычной фразеологией славяно-русской литературы, внося при этом новые оттенки в эмоциональную окраску спора и в характеристику его участников. Автор-редактор отошел от чисто диалогической формы к повествовательной, поместив в начале и конце повести описательный текст, заимствованный, главным образом, из «Жития Василия Нового». Перечень героев, которых победила Смерть, включенный в четвертую редакцию, был хорошо знаком русскому читателю по литературе и народному эпосу.

Автор-редактор проделал такую значительную работу, что произведение по форме изложения потеряло связь с оригиналом, в нем исчезли всякие признаки переводности, содержание его стало более доступным и понятным.

В течение второй половины XVI и XVII вв. «Прение живота и смерти» неоднократно подвергалось переделке за счет включения новых доводов в споре между воином и Смертью. Литературной средой, в которой это произведение бытовало в XVI в., были воинствующие церковники ортодоксального толка. «Прение живота и смерти» на всех этапах его литературной жизни в основном сохраняло идейную близость церковно-учительной литературе, а цель памятника заключалась в стремлении внушить читателю мысль о неизбежности смерти и необходимости покаяния. Однако напоминания о равенстве всех — в том числе и богатых и знатных — перед смертью, о равном возмездии на «том свете» давали своеобразный выход антифеодалным настроениям.

Текст «Прения...» печатается по списку конца XVI в.: РНБ, собр. Погодина, № 1301, л. 8 об., 9, 13—15 об., исправления внесены по списку: РГБ, собр. Волоколамское, № 520. Издание текстов всех редакций памятника см.: Повести о споре жизни и смерти. Исслед. и подгот. текстов Р. П. Дмитриевой. М.; Л., 1964.

Стр. 94. ...*Александръ, царь макидонский...* — Александр Македонский (356—323 гг. до н. э.), покоривший весь мир и дошедший в своих походах до неведомых земель, был популярен в Древней Руси благодаря «Александрии» — литературному памятнику, широко распространенному в древнерусской письменности (см. т. 9 наст. изд.).

Стр. 96. *А царь Давидъ...* — Давид — царь Израильско-Иудейского государства (X в. до н. э.), герой ветхозаветных преданий: юношей в поединке поразил великана Голиафа, одержал многочисленные победы в разных сражениях; ему приписывается составление псалмов, объединенных в библейской книге Псалтырь.

...*не мудрее ты царя Соломона...* — Соломон — сын Давида и Вирсавии, царь Израильско-Иудейского государства (ок. 965—928 гг. до н. э.), в ветхозаветных преданиях подчеркивается его мудрость. В древнерусской письменности широко бытовали легендарные рассказы о Соломоне (см.: Суды Соломона в наст. изд., т. 3, с. 172—191).

Акирь Премудрый во Алевитцкомъ царьствии... — Герой «Повести об Акире Премудром», отличавшийся мудростью (см. т. 3 наст. изд.).

...*аще бо въдал... храма своего.* — Мф. 24, 43.

...*В чем... и сужу...* — Ср. Исх. 5, 21.

ИЗ «ИЗМАРАГДА»

«Измарагдом» («смарagd» — по-гречески «изумруд») в древнерусской книжности именовался сборник устойчивого состава, включавший либо 88 глав (первая редакция «Измарагда»), либо 165 (вторая редакция). «Измарагд» предназначался для домашнего чтения и ставил своей целью наставлять в основных правилах морали и христианских добродетелях: статьи «Измарагда» осуждали сребролюбие, злону, пьянство, скупость, побуждали к чтению «Божественных» книг, к строгому соблюдению церковных обрядов. Верующих призывали жить в «страхе Божьем», грозили им Страшным судом и адскими муками за прегрешения и т. д.

Рассчитанный на домашнее чтение мирян, не искушенных в книжной премудрости и богословии, «Измарагд» излагает свои наставления простым языком, часто использует жанр нравоучительного сюжетного рассказа и притчи. «Измарагд» пользовался в Древней Руси большой популярностью. До настоящего времени сохранилось множество его списков XV—XVII вв.

В данной публикации представлены семь глав из второй редакции «Измарагда». В них отражены основные темы сборника: наставление о необходимости чтения книг (гл. 4), осуждение мирских радостей и народных празднеств (гл. 33), наставление о поведении в церкви (гл. 38),

наставленне о воспитании детей в «страхе Божьем» (гл. 53), осужденне пьянства (гл. 71), слово, в котором автор пытается объяснить причины неожиданной смерти, наступающей порой и добродетельных людей, осуждает своеволие (гл. 82); восходящее к византийской легенде сказание о воине (гл. 131) развивает апокрифическую тему о «мытарствах» — испытаниях, которым подвергаются души умерших.

По этим главам можно составить представление и о разнообразии литературных приемов, употребляемых в «Измарагде»: иногда это довольно бесцветные наставления, пересыпаемые цитатами из Священного писания и сочинений византийских проповедников (как в гл. 4, 53 и отчасти 71), а иногда — и довольно часто — сюжетные рассказы и притчи. Так, гл. 33 стремится отвратить читателя от пристрастия к мирским развлечениям с помощью сюжетного рассказа о том, как радуются бесы и сам сатана, глядя на поющих и пляшущих христиан. Идея гл. 38 — не следует покидать церкви до окончания службы — явилась сюжетообразующим мотивом в рассказе о чудесном спасении благочестивого юноши. В гл. 131 осуждение одного из грехов также облечено в форму устрашающего воображение рассказа о муках, претерпеваемых грешником после смерти. Это обилие в «Измарагде» иравоучительных, но в то же время занимательных рассказов, вероятно, немало способствовало его популярности.

В основу публикации положен список «Измарагда» XVI в. (БАН, 13.2.7), который был сопоставлен с несколькими списками конца XV—XVI вв. Слова, исправленные и дополненные на основе этих списков, выделены курсивом.

Стр. 100. *...Иоана Златоустаго...* — Именем Иоанна (344/354—407), авторитетнейшего византийского проповедника, прозванного за красноречие Златоустом, в 398—404 гг. — константинопольского патриарха, подписывалось в средневековой славянской книжности множество торжественных и учительных слов, в значительной своей части ему не принадлежащих или представлявших собой риторические упражнения, основанные на извлечениях из подлинных произведений Иоанна.

Стр. 102. *Слово... Нифонта...* — Эта глава является извлечением из византийского жития Нифонта Констанцкого, переведенного на Руси не позднее начала XII в.

...о русалияхъ... — Русалия — языческий праздник весны и, шире — всякое народное празднество и гуляние, которое церковь связывала с языческими обычаями и осуждала. В данном случае древнерусский книжник обозначил этим словом бытовую сценку на улице византийского города, изображенную в житии.

Стр. 104. *...со епархомъ.* — Епарх — в Византии — префект, глава городского управления. В подчинении епарха находились и силы для поддержания порядка, поэтому правомерно, что посланный к епарху мнимый преступник попадает в руки палача.

...в 4-х Царствих... — Имеются в виду библейские книги Царств, в одной из которых содержится рассказ об Офни и Финесе, порочных сыновьях священнослужителя Илия (1 Цар. Гл. 2 и 3).

Стр. 108. *«Праздный да не ясть».* — 2 фес. 3, 10.

Стр. 112. *...патрекиа...* — Патрикий — высокий титул в Византии.

...доидохома мытарства... — Согласно средневековым легендам, душа умершего, возносимая ангелами на небо, должна миновать «мытарей» (число их колебалось, обычно 12 или 21) — бесов, каждый из которых представлял какой-либо порок. Если этим же пороком страдал умерший и он не покаялся в нем, не замолил его добрыми делами, то душа попадала во власть бесов, которые низводили ее в преисподнюю (в ад).

...Иевъ рече... — Вероятно, это отзвук гл. 3 книги Иова.

ДОМОСТРОЙ

Один из важнейших памятников древнерусской светской литературы «Домострой» был создан как синтез нескольких жанров в эпоху становления русской государственности в первой половине царствования Ивана IV Грозного. По-видимому, этому предшествовал длительный период складывания текста на основе самых разных источников, в том числе и связанных с византийской традицией; сказались в нем и влияния деловых и хозяйственных сочинений конца XV в., в том числе и переводных (напр., польской книги М. Рея «Żywot człowieka poczłiwego» — «Жизнь добропорядочного человека»). Таким образом, в широком смысле «Домострой» впитал в себя общие идеи средневековья, не всегда имеющие строго национальную основу. Однако окончательный результат в подборе источников и в характере самого текста, в интонации повествования и в идеологических акцентах является чисто русским, несет на себе следы русской жизни в начале XVI в. Образная русская речь, множество ставших теперь диалектными слов, богатство традиционных художественно-образных формул, языковая близость к фольклорным текстам, но также и к текстам деловым — несомненно и доказывают участие многих лиц в создании этого памятника. Сборность его подтверждается также неоднократными повторениями, иногда даже в пределах одной и той же главы; одни и те же вещи именуется разными словами, относившимися к различным русским говорам. Но в том и состоит основная ценность «Домостроя» сегодня: с его помощью мы можем заглянуть в быт наших предков XV—XVI вв. и как бы присутствовать при их «разговорах».

Авторство одного лица в составлении окончательного текста памятника можно предполагать только в общем плане книги, в композиции ее частей, в выборе объектов описания, в логической структуре повествования, в языковой обработке старых текстов. В целом же совершенно ясно, что «Домострой» — не механическая компиляция, а полемически заостренное произведение, это «не описание практических устоев жизни, а дидактическое изложение ее теории» (А. Н. Пыпин). Дидактичность «Домостроя» четко задана указанием в самом тексте: жить следует так, «как в сѣи памяти писано». В соответствии со значением в древнерусском языке слова *память*, это одновременно и «воспоминание об отческих традициях», и «понимание» современной автору ситуации, и «напоминание-наставление» для будущих поколений.

Авторство окончательного текста «Домостроя» связывается с именем вполне определенного человека, известного сподвижника Ивана IV, его духовного наставника, — Сильвестра.

Сильвестр (начало XVI в. — до 1568 г.), выходец из новгородской зажиточной торгово-промышленной среды, был близок к новгородскому архиепископу Макарию, после избрания которого митрополитом переехал в Москву и с 1545 г. стал протопопом придворного Благовещенского собора в Кремле. Он участвовал в подготовке и проведении государственных и культурных реформ того времени, в том числе в составлении и редактировании таких важных памятников, как Судебник 1550 г. и Четьи-Миней. По своим политическим взглядам Сильвестр близок к нестяжателям, он выступал против обогащения церкви, отстаивал сильную государственную власть — единодержавие; это стало политической платформой для сближения с представителями возвышавшегося дворянства (в лице других приверженцев нового курса, таких как Алексей Адашев). «Остуда» Ивана IV к Сильвестру началась после боярского «мятежа» 1553 г., в котором Сильвестр занял уклончивую позицию; поскольку же он был связан с Владимиром Старицким, основным антагонистом Ивана IV, ему пришлось «добровольно» пострнчься в Кирилло-Белозерский монастырь (под именем Спиридона). Окончательная опала постигла Сильвестра весной 1560 г., после смерти царицы Анастасии, которая благоволила ему. Дальнейшие обстоятельства личной жизни Сильвестра мало известны и являются спорными, неизвестно даже время и место его смерти. Крупный политический деятель и писатель, в последние годы жизни он занимался только перепиской книг, некоторые из них сохранились.

«Домострой» «сильвестровской редакции» — основное произведение писателя; он отредактировал и отчасти дополнил ходивший в списках новгородский сборник аналогичного содержания (А. С. Орлов).

До наших дней сохранилось около сорока списков «Домостроя» в трех редакциях: 1) краткая по содержанию, близкая к предполагаемому новгородскому сборнику; она дополнена некоторыми частями, не использованными Сильвестром, — с перечнем яств по праздникам, с описанием свадебного чина и др.; 2) «Сильвестровская», которая, собственно, и называется «Домостроем», дополненная составленной лично Сильвестром 64-й главой («Послание и наказание к сыну Анфиму», так называемый «малый Домострой»); здесь устранены композиционно лишние статьи о праздниках и произведена правка основного текста; 3) смешанная, представленная всего тремя списками, она возникла позже в результате неумелого механического переписывания с текстов основных редакций.

Три основные части «Домостроя» излагают правила общежития в отношении «духовного строения» (религиозные наставления, главы 1—15), «мирского строения» (о семейных отношениях, главы 16—29) и «домового строения» (хозяйственные рекомендации, главы 30—63); 64-я глава отчасти повторяет основные мысли предыдущих частей, одновременно это как бы житейское, основанное на личном опыте автора обоснование «Домостроя»: Сильвестр на примерах показывает сыну, насколько эффективны и справедливы рекомендации «Домостроя», следуя которым можно добиться успеха в современном им обществе. Последняя глава описывает конечный результат тех действий, которые рекомендованы в «Домострое» и являются традиционными. Эту же главу можно воспринимать и как самостоятельное произведение: оно относится к древнерусскому жанру поучений отца сыну, распространенному уже с XII в. Большинство подробностей частной жизни Сильвестра нам известно как раз из текста этого послания.

Все части «Домостроя» отражают опыт семейной и хозяйственной жизни крупного домашнего хозяйства XV—XVI вв. Однако за этим стоит многовековой опыт частной жизни русских людей, оттесненных набегами язычников на крайний север славянского мира.

В «Сильвестровской» редакции на примере семейных отношений и описывается подобная модель государственного организма, увенчанного самодержавной властью «государя» (характерно и употребление слова *государь* одновременно в отношении и к государственному и к семейному владыке без различия их функций) и сложными отношениями к нему со стороны других членов «дома», основанными не только на силе, но еще и на законе и на чувстве долга. Идеологически такая модель была более характерной для московского, а не новгородского быта. Вообще нужно сказать, что, хотя «Домострой» и рисует «образцовый дом», этот «дом» не является хозяйством безликим и в понятии «усредненным»; его нельзя связать с любым хозяином Московской Руси, он был таким не для всякого мужика. Социальное расслоение в русском обществе достигло уже той степени, когда только действительный «государь» и мог стать «владыкой дому». Но тем и интересен «Домострой», который тщательно выписывает для нас средневековый быт в конкретно-историческом его проявлении: уже не в условиях общинного равенства или жизни в городской коммуне, но еще и — не гнет крепостничества. В яркой художественной форме «Домострой» рисует общественно-нравственный идеал в момент, когда «старина пошшаталась» (А. Н. Пыпин). Особый упор делая на чувстве долга и выделяя нравственные основы жизни, главным образом в отношении женщин, детей и слуг, «Домострой» ничего не говорит о культурной и интеллектуальной жизни общества и семьи, что естественно для церковного писателя того времени. Однако это обстоятельство не стало причиной осуждения «Домостроя» в XIX в. — в связи с изменением общего отношения к нормам не только семейной, но и общественной жизни. Славянофилы не находили положения и рекомендации «Домостроя» идеальными, западники ссылались на него как на образец крепостной зависимости; в XX в. «Домострой» определенно воспринимается как «теория семейного рабства и скопидомство» (А. С. Орлов).

Для своего же времени «Домострой» был авторитетным руководством и важным, регламентирующим жизнь текстом. В полном соответствии со средневековыми представлениями «Домострой» в законченном виде выстраивал иерархию основных организующих форм: государство — церковь — семья, с ведущим для такой иерархии принципом единения на основе воли, понимаемой как общественная польза. Таковы были требования истории, и в полном соблюдении принципа власти на всех социальных уровнях реформаторы XVI в. видели смысл своих государственных реформ и прочность государственной жизни. В этой жесткой иерархии и сам владыка оказывается

не вполне свободным, он и сам просто обязан учить и наставлять всех окрест себя. Если же он не исполняет такой своей функции, его самого накажут — Бог, государь, «суседи» — насмешкой, судом, штрафом. Смысл жизни государя, таким образом, и заключается в «руководстве домом». Семья как школа подготовки к жизни в обществе при отсутствии еще организованного государственного образования; не индивидуальные склонности и способности человека, а общегражданские, прагматичные сконцентрированные добродетели; не развитие моральных установлений, а утверждение традиций как всеобщей нормы для всех, — все это характерно для общественной атмосферы, породившей «Домострой».

Одновременно «Домострой» отражает и коренные взгляды русского народа, сохраненные в продолжение веков несмотря на чуждые влияния. Например, антиженский элемент церковных проповедей и мусульманских представлений эпохи «татарского ига», как можно судить по этому памятнику, привился не вполне: женщина — хозяйка дома в иерархии семейных отношений занимает свое особое место, права и обязанности хозяйина и хозяйки находятся как бы в дополняющем друг друга распределении, почти не пересекаясь, а это и определяет высокий социальный ранг хозяйки в частной жизни каждого дома. В большинстве глав «Домостроя» христианство вообще понимается не в каноническом смысле как «царство духа», а вполне практически, как всякая другая хозяйственная надобность — это чистый обряд, практическое суеверие, которое активно сопровождало все сферы русской жизни с языческих времен. Сокращенный пересказ текстов Писания, примененный в «Домострое», показывает границы той вольности, какую позволял себе автор. Сопоставление церковных учений средневековья с духовным регламентом «Домостроя» дает своеобразный масштаб для суждений о смысле самого «Домостроя» — это не вероучение, а практический минимум нравственной жизни, который не связан с богословской стороной религии. Важна идея живого примера, наглядного образца как формы воспитания в семье молодых ее членов и слуг. Таким способом в XVI в. создавалась искомая целостность всего воспитательного комплекса наставлений, призванная «выбивать автоматическую совесть» из воспитуемого (как выразился исследователь «Домостроя» в прошлом веке — П. Бракенгеймер). Характерно, например, четкое противопоставление прав и обязанностей каждого члена дома (а в сущности, и любой другой социальной иерархии) с неперменным указанием форм и степеней не только наказания за многие вины, но и поощрения за честную и усердную работу. Кроме всего прочего, «Домострой» не просто рисует идеальный тип хозяина-государя, он указывает и на отрицательные стороны бытия и быта (глава «О неправедном житии» и др.), то есть предостерегает от возможных ошибок и заблуждений.

Текст «Домостроя» публикуется по древнейшей (XVI в.) рукописи полной («сибирявостровской») редакции: РНБ, Q. XVII. 149 (так называемый «Коншинский список Домостроя»), л. 1—124; опущено только оглавление, идущее сразу же вслед за заглавием, в нем перечисляются названия глав, повторенные впоследствии в самом тексте. Сверка с другими списками этой редакции произведена по изданию: Орлов А. С. Домострой по Коншинскому списку и подобным. М., 1908, с. 4—142 (Чт. ОИДР, 1908, кн. II, с поправками в Чт. ОИДР, 1911, кн. I).

Стр. 118. *Как христианом вѣровати во святую Троицу...* — Троица у русских, согласно Никейскому собору — равенство Бога (Отца), Иисуса (Сына) и Духа Святого. Далее в тексте Домостроя встречаются обычные рассуждения об «образе и подобии» человека божеской сущности, что также важно в плане осмысления ранга Сына: сын подобен Отцу (ὁμοούσιος), как полагали ариане, или единосущен (ὁμοούσιος), как признали иерархи церкви на Никейском соборе в 325 г. В сущности, весь текст Домостроя обсуждает эту богословскую проблему на мирском уровне, далеко от философских споров средневековья, а сама проблема чрезвычайно важна как теоретически идеальная схема, которая накладывается на взаимоотношения отца и сына в быту — сын во всем должен быть подобен своему отцу в жизни.

Подобает убо всякому христианину вѣдати... — Первые главы Домостроя (см. главы 2—5 и 7) содержат выписки из «Столпца» Геннадия, патриарха Константинопольского (в греческом оригинале — сто стихотворных строк). В свою очередь и эти стихи основаны на цитатах из учительных «слов» Иоанна Златоуста. Первые стихи излагают христианский «Символ веры», и

сравнение с древнейшим славянским переводом этого греческого текста в Изборнике 1076 года помогает понять, насколько «бытовое христианство» Руси в XVI в. отошло уже от исходных позиций христианской веры (ср. соответствующие места по изданию: Изборник 1076 года. М., 1964, с. 207—209, 237—239, 214, 271—273, 241—244, 257—260, 266—267).

...*дора и просфира*... — Просвира — белый круглый хлеб из крутого теста, употребляется в православном богослужении; дора, точнее, антидор — часть просвиры.

...*с кутью... с кануном*... — Кутья и канун — кушанья при поминании умерших, особым образом приготовленные из круп.

Стр. 120. ...*«В чемъ ты застану, в томъ и сужу»*... — Распространенный в древнерусской литературе перифраз, составленный на основе многих текстов Писания, прежде всего — книг пророков и евангельской притчи о неправедном домоправителе: судить человека станет Бог по делам его.

Стр. 122. ...*«Вся владычество от Бога учинена суть»*... — Рим. 13, 1: «Ибо нет власти не от Бога, всякая власть установлена Богом».

...*всякому созданию Божию не лихъ буди*... — Подборка выражений из различных новозаветных текстов в сочетании с традиционными формулами древнеславянской книжности, ср.: 1 Кор. 4, 12—13 и др.

Стр. 124. *«Егда нѣкто имать братъ твой на тя...»* — Краткое переложение («напоминание») из Евангелия: «Если ты принесешь дар твой к жертвеннику и там вспомнишь, что брат твой имеет что-нибудь против тебя, оставь там дар твой пред жертвенником и прежде пойдди помирись с братом твоим, а потом вернись и принеси дар твой» (Мф. 5, 23—24).

...*«Лучше не грабити, неже милостыни даяти»*. — Лк. 11, 41: «Подавайте лучше милостыню из того, что у вас есть: тогда все будет в вас чисто».

...*и ичоческом яцаго*... — Испорченный текст с неясным пропуском.

Егда званъ будещи кимъ на бракъ... — Притча из Евангелия от Луки (14, 8—11) приводится по древнеславянскому переводу, в котором слово *брак* значит «пир»; здесь же добавления и комментарии, заимствованные из «Слов» Иоанна Златоуста по Измарагду, своего рода «преддомострой».

...*яко всякъ возносяйся смирится, а смиряйся вознесется*. — Перифраз многих выражений Писания, ср.: «низложил сильных с престолов и вознес смиренных» (Лк. 1, 52) и т. д.

Стр. 126. *Егда жидове съдоша ясти в пустыни и пити*... — Напоминание о библейских текстах, говорящих о неизбежности наказания идолопоклонникам: «...народ сел есть и пить и стал играть. Не станем блудодействовать, как некоторые из них блудодействовали, так что в один день погибло их двадцать три тысячи» (1 Кор. 10, 78).

...*заутреня и часы*... — Имеются в виду разные формы и время церковного богослужения.

Или не вѣсте, яко неправедницы царствия Божия не наследят... — Далее следует развернутая цитата из 1-го послания апостола Павла коринфянам (6, 9—10).

Стр. 130. ...*извѣщатиcя всегда во всякой совести*... — Это место и другие употребления слова «совесть» (о душевных совѣстех и т. п.) некоторые исследователи считают ошибочным написанием вместо слова *совѣтх*, однако именно таково значение этой древней славянской кальки с греческого слова *συνείδος*; «совесть» в Домострое понимается еще просто как совместное «сознание», ср. ниже уточнения к смыслу термина, как бы его раскрытие: «извѣщатиcя о грѣсехъ своихъ всегда», «и совѣтовати с нимъ часто о житии полезномъ» и т. д.

Како дѣтей своихъ воспитати... — Вся 15-я глава представляет собою переложение, с точными из нее выписками, 53-й главы Измарагда «Слово о притчи и о наказании дѣтей родителемъ» (во второй редакции это глава 17) (см. наст. т., с. 106—108), в основе которой также лежат «Слова» Иоанна Златоуста («Слово на пяток 5-ой недели после всехъ святыхъ» и т. п.).

Наказуй дѣти во юности... — Смягченная форма первоначального текста, также восходящего к поучениям Иоанна Златоуста; ее первоначальный вид сохранился в начале главы 17: «Казни сына своего отъ юности его...»

Стр. 134. ...*не смѣйся к нему, игры творя*... — Призыв избегать веселья и смеха во время игры с маленькими детьми отражает средневековые представления о смехе как о греховном деле, искажающем реальные отношения в миру, — сатанинская сила, связываемая с язычеством.

Как о дѣтѣхъ отца и матери любити и беречи... — Вся 18-я глава представляет собою переработку соответствующей главы из Измарагда.

...лютою смертию и градскою казнью да умрет... — «Гражданское», т. е. нецерковное, наказание смертной казнью — в отличие от «торговой казни», т. е. наказания плетью у позорного столба на рыночной площади.

...«Возмется нечестивый, да не видит славы Господня». — Краткое напоминание о библейском тексте: «Если нечестивый будет помилован, то не научится он правде, — будет злодействовать в земле правых, и не будет взирать на величие Господа» (Ис. 26, 10).

...всякие кощунны и сквернословие... — В других местах Домостроя представлена более строгая дифференциация: *срамословие* и *сквернословие*, которые различались в отношении к объектам порицания. *Кощунны* — срамословие над святыней, над общепринятым, над нравственностью, пустой смех и издевка; *сквернословие* — ругань и брань. О «скверноглаголании», противопоставленном кощунству, говорил в начале XVIII в. еще Иван Посошков, по-прежнему различая оскорбление Бога (христианский мотив) или оскорбление тем же словом человека (древний языческий мотив).

Стр. 136. *Похвала женамъ.* — Следует текст «Слова» Иоанна Златоуста «О добрых женах», во всей сложности его языка и символики; в данном случае «Слово» заимствовано из Измарагда, однако оно, и его непосредственный первоисточник (Притчи Соломоновы, 30, 1—31) были широко известны и часто использовались в древнерусских компиляциях.

Стр. 138. *Каковы люди держать...* — С комментарием и некоторыми текстовыми добавлениями излагается «Слово» Иоанна Златоуста «Како имети челядь» по тексту Измарагда. В этой и последующих главах использованы и другие «Слова» Иоанна Златоуста (напр., его «Слово о посте»), извлеченные из Златой Чепи или из того же Измарагда: «Аще кто слуг держит», «Каковы люди держати и како о них промышляти» и пр. — ничего специфически «русского» в этих наставлениях нет.

Стр. 142. *...всякие богомѣрские дѣла...* — Следует подборка цитат из главного источника Домостроя — «Слов» Иоанна Златоуста, находящихся в составе Измарагда.

Стр. 144. *...к сему ж чарование и волхование, и наузы...* — Перечисляются осуждаемые церковью астрологические и магические книги, с XV в. распространяемые «еретиками»: *наузы* — гадальные книги (в древнерусском языке это слово обозначало также и колдуна, и защищающий от нечистой силы амулет); *звездочетье* — астрология; *рафли* — книга истолкования сновидений и примет; *алмахи* — также астрологические книги («альманахи»); *вороноерай* — гадание по крикам ворона; *шестокрыль* — таблицы для гадания по знакам зодиака и по звездам; *усовники* — лечебные книги с рекомендациями против болезней с внутренним воспалением (*усовье* — колотье тела); *дна* — также болезни внутренних органов; затем перечисляются и некоторые магические средства: волшебные кости и камни, особенно *стрелки громные и топорики* — сплавленный молнией песок или камень метеоритного происхождения, с которых «сливали лечебную воду» для магических обрядов; *чарование, волхование, чернокнижие* и т. д. — разные именованья магических манипуляций на основании всех указанных орудий и источников.

...якоже чадолубивый отец скорбми спасаетъ... — Следует большой фрагмент из «Слова» Иоанна Златоуста по Измарагду; ставшее общим местом средневековой литературы перечисление Божьих наказаний («гнев Господень») за грешную жизнь и в случае неповиновения своим источником имеет послания апостолов.

...якоже и долготерпѣливаго Иова искушая... — В книге Иова рассказывается о многочисленных и страшных наказаниях праведника Иова, которого Бог испытывал в его верности себе.

...френьчюги... — «Тайным удом отгнание» — новое добавление к перечням бед, которое стало возможно в Новгороде: именно там с 1499 г. впервые появляются сообщения о болезни («а словет францозска») — сифлисе, незадолго перед тем завезенном в Европу.

Стр. 146. *...«Многими скорбми подобаетъ намъ внити в царство небесное»...* — Перифраз высказывания из Деяний апостолов (14, 22).

...«Уский и прискорбный путь...» — Краткое изложение евангельской мысли: «Входите тесными вратами, потому что широки врата и пространен путь, ведущие в погибель... потому что тесны врата и узок путь, ведущие в жизнь...» (Мф. 7, 14).

...«Нужно есть царство небесное...» — Краткое изложение мысли, несколько раз повторенной в Евангелии: как трудно имеющим богатство войти в царство Божие (Мр. 10, 23—25).

Стр. 152. *Межситки* — крупяные высевки, оставшиеся после провевания крупы.

...в скоромные дни скоромною начинкою... — Скоромной считалась пища, дозволенная в мясоед и в мясопустье, т. е. мясо, молоко, масло, яйца и т. д., в противоположность постной (нежирной) пище; по свидетельству иностранцев, посетивших Россию в XVI—XVII вв., скоромные дни составляли менее третьей части года.

Стр. 154. ...*обръськи камчатые и тафтяные*... — Тонкие шелковые ткани, но тафта — гладкая, а камка — узорная ткань.

...или *сагадакь*, или на седло... или *опашень зурфрянъ*... — Перечисляются различные предметы домашнего обихода и одежды: *сагадакь* — саадак, т. е. расшитый чехол для лука и стрел; *терликъ* — узкий нижний кафтан; *кортель* — женская нарядная одежда на меху; *каптуръ* — теплая меховая шапка с круглым верхом; *нагавицы* — ногавицы, нижнее белье; *опашень зурфрянъ* — верхняя длинная одежда со столь же длинными рукавами из шерстяной ткани.

Стр. 156. ...*саженье или мониста*... — Женские украшения из драгоценных камней или самоцветов, а также жемчуга; *саженье* — головное украшение, «ианизанное камьями».

Стр. 160. ...у *избы или у кьлы*... — В древнерусском быту так назывались разные типы жилых летних построек, не обязательно сельских или монастырских; различались разным числом комнат.

...а *толко аминя не отдадутъ*... — Т. е. не произнесут заключительного к молитве слова «аминь», указывающего на то, что молитва услышана и можно приступить к делу.

...«В *мале бе вьренъ*...» — Слова господина к верному рабу, известные из евангельских текстов: «...в малом ты был верен, над многими тебя поставлю» (Мф. 25, 21).

Стр. 170. *Мѣрники* — сосуды для измерения объема жидкостей.

Стр. 172. ...*кислыхъ штей*... — Кислые щи как разновидность кваса, который готовили из пшеничной и гречневой муки и ячменного солода путем брожения суслу; от обычного кваса отличались сильным кислым вкусом и были газированы; использовались как напиток, для маринада и для приготовления холодных супов.

Стр. 174. ...*елычемъ*... — Рассолом, специально подготовившимся для сохранения говядины или рыбы.

Кундумцы — изделия из пресного пшеничного теста в виде ушек с начинкой из грибов или сорочинского пшена (риса); жарили и подавали с крошечком из кислицы или шавеля.

Прутовая рыба — солено-сушеная рыба, которая хранилась в связках «прутах», а не в кулях, как обычно.

Хохолковые, хохоль, хохлики — народное название мелкого ерша, из которого готовилась особенно вкусная уха.

Яглы — общее название некоторых крупяных продуктов, получаемых из остролистных растений, например, — просо.

Левашники — пирожки из пресного сдобного теста (в пост — на растительном масле) с начинкой из протертой фруктовой массы или варенья.

Стр. 178. ...*борщу сеет*... — Борщевник — крупное, с опушенными стеблями, многолетнее травянистое растение из семейства зонтичных (*Heracleum*), молодые листья и побеги которого употребляли в пищу; это и есть исконно славянское блюдо «борщ».

Стр. 180. Арака — водка из ячменя или пшеницы.

Извары — специальные чаны для приготовления напитков, в том числе и вина.

Стр. 184. *Хльбъ решетной* — т. е. из муки, просеянной через решето, очень мелкой.

Сушь — сушки, т. е. сушеная мелкая рыба, в том числе и снеток.

Стр. 188. ...в *крошнях*... — Крошнями назывались плетенные из прутьев короба, предназначенные для хранения продуктов питания.

...и епаньчи, и кепеняки... — Следует перечень некоторых видов верхней одежды, конской сбруи и т. д.: *епанча* — накидка, широкий плащ, длинное верхнее платье без рукавов; *кебеняк* — верхняя мужская одежда для ненастной погоды; *медведно* — выделанные медвежьи шкуры, служащие полстью в санях и коврами в доме; *морхи* — кисти на переносье у лошади, часть сбруи; *лысина* — конский налобник; *похва* — подхвостник у лошади, также часть сбруи; *мехи дымчатые* — мешки, сшитые из мягких, выделанных на пару или в дыме шкур; *одрь* — рабочая повозка со скамьями; *коптана* — вид кареты; *калымага* — закрытый возок шатрового типа с кожаными шторами; *высытки* — сосуды, в которых взваривают, «сытят», меды; *уторы* — нарезка на клепках деревянной посуды для вставления дна.

Стр. 198. *Какъ дворовое тягло плотить...* — Перечисляются различные повинности, уплачиваемые с городского двора (*тягло*), с купеческого места на торгу (*позем*) и с сельского имения (*подать*).

Стр. 204. *«...не прельщайтеса — ни пьяница, ни блудникъ, ни прелюбодѣй...»* — 1 Кор. 6, 9.

Стр. 208. *«Любите враги ваша...»* — Следует свободная по композиции подборка из нескольких евангельских стихов, но не в точной цитате (Мф. 5, 39 и 44; Лк. 6, 27—30 и 35).

Стр. 210. *Господь бо гордымъ противится...* — Слова из посланий апостолов Иакова (4, 6) и Петра (Первое послание, 5, 5).

Стр. 212. *...и великихъ чудотворцевъ Николы, Петра...* — Перечисляются принятые в церковной традиции «покровители» Руси и царствующего града Москвы: святые Николай Мирликийский, московские митрополиты Петр и Алексий, также Сергей Радонежский и другие игумены главных русских монастырей — Кирилл Белозерский, Варлаам Хутынский (новгородский святой), Александр Невский.

Стр. 214. *«Не на лица судите, сынове человечести...»* — Как и обычно у Сильвестра, представлена сложная амальгама расхожих евангельских текстов, составленная, в частности, из отрывков: Иоан. (7, 24) и Мф. (7, 2) и др.

ЧИН СВАДЕБНЫЙ

Это оригинальный памятник древнерусской литературы, который составлен был и записан как «руководство» к проведению свадебного торжества — ритуального действия, во многом связанного с языческим бытом и запечатленного в образной словесной форме. Кроме множества остатков язычества, в поэтике «Чина» отражен также символический и образный мир средневекового общества. Текст памятника складывался постепенно и так же постепенно откладывались в нем следы разных периодов развития русской культуры.

Некоторые варианты чрезвычайно кратки и совершенно безлики в отношении к социальной среде или времени, когда происходили предполагаемые ритуалом события. Другие редакции наполнялись яркими подробностями и характеристиками, и тем самым «Чин» становился художественным произведением, по типу близким к народной сказке, да и по характеру совершенно народным — с анонимностью автора, с принципиальной возможностью дальнейшего восполнения текста, с характерным для средневековых народных произведений языком. В нем много следов и языковой древности, в том числе и в обозначении предметного мира, и в описании действий «героев» повествования.

«Чин» — это текст-ритуал, а не текст-размышление, здесь важно движение, действие, событие как своего рода обобщение символического акта породнения и магического воздействия на плодородие и богатство дома. Языческие обычаи в описании свадьбы явно преобладают над христианскими; даже священник в застолье оттеснен на задний план, туда, на край стола, «за миски» — явно указание на вторичность его присутствия в чисто языческом пире.

В тексте находим множество следов его древности. Здесь сохранились древние меры счета, органически вводящие нас в мир старинной сказки: *три девять, сорок сороков*; последовательно

проведено выделение всех четырех сторон света и попарность в противопоставлениях действующих лиц, золотые и красные одежды всех участников празднества как символ плодородия и богатства, но черно-белый фон самих молодых, как бы посвящаемых в многотрудную монастырскую жизнь; четкие противопоставления поезжан — посаженным, дружек — свахам, свах — священникам, уже неясный по основной функции своих действий тысяцкий и т. д. — древние, переходящие в простую игру состязания между «своими» и «чужими» родичами.

Одновременно «Чин» дает подробный перечень вещей, предметов, одежд, участвующих в ритуальном действии, составляющих его декоративный фон. Они представлены картинно и выпукло в своей имеющей некий смысл последовательности и иерархии и всегда очень точно обозначены словесно, потому что *именование*, название — такой же ритуальный акт, как и само венчание: оно проявляет сущность вещи и лица, их назначение в общем ходе событий, их тайный смысл, открывает для всех и тем самым делает жизненно важным, необходимым не только в быту, но и в бытии.

Вместе с тем «Чин» — памятник литературы, по этой причине он избегает не свойственных письменной литературе своего времени описаний некоторых, не вполне «литературных» элементов русской свадьбы. По свидетельству очевидцев, для которых русская свадьба была непривычным зрелищем, прежде всего для иностранцев, весь обряд брачного торжества (*брак* как пир) был переполнен такими подробностями, которые им казались безнравственными, а то и попросту бесстыдными. Об этом пишет в XVI в. Олеарий. Можно предполагать, что и другие подробности обряда опущены в литературном тексте, например тщательное перечисление свадебных блюд, которые не ограничивались только ритуальными сыром, пирогами, рушеным лебедем с фруктами да жареным петухом для утомленного жениха. Не приводятся здесь и тексты песен, сопровождавших свадьбу, их мы знаем по другим источникам. Однако и в этом кратком виде Чин — своего рода либретто свадебного ритуала, — оказывается интересным памятником средневекового русского быта и литературы.

По содержанию «Чин» близок к «Домострою», но в текст «Домостроя» «Чин» не включался, хотя списки «Чина» обычно сопровождают списки «Домостроя»: тематическая и идеологическая близость двух памятников осознавалась средневековым читателем.

Текст издается по рукописи: РГБ, ф. 205, № 340, л. 145—171. Варианты и исправления приводятся по изданию: Забелин И. Е. Домострой по списку имп. Общества истории и древностей российских. — Чт. ОИДР, 1881, кн. II. М., 1881, с. 170—193; поправки в изданиях: Чт. ОИДР, 1882, кн. I. М., 1882, с. XI—XIV; Русский филологический вестник, т. 75. Варшава, 1916, кн. 1—2, с. 41—47.

Стр. 216. ...и воспоминает праотець Авраама и Сарру, Иоакима и Анну, и царя Константина и Елену. — Перечисляются христианские покровители новобрачных: патриарх Авраам и жена его Сарра, родители Богородицы Иоаким и Анна — символы долголетней и счастливой супружеской жизни; Константин и его мать Елена первыми из римских императоров приняли христианство — символ верности Богу.

...говорит священник «О тебе радуется...» — Здесь и далее («Достойно...», «Все упование мое...», «Могущему вмѣстима вмещати...») приводятся первые слова («возгласы») соответствующих песнопений, составляющих чин церковного благословения, обручения и венчания (по Требнику; первые три — из канона Богородице). Эти четыре текстовые вставки определяют границы и освещают соответствующие моменты свадебного действия, которое разворачивается своим чередом — типичный пример наложения христианского церковного чина на традиционное народное действо.

Панагия — иконка с изображением Богородицы, которую носили на груди (греческое слово «панегия» и значит «Богородица»).

Волосникъ — вид шапочки, надеваемой замужней женщиной под платок.

Стр. 218. ...говорятъ каноны... — Т. е. исполняют подходящие к случаю церковные песнопения в честь данного праздника.

...в бобровом ожерелье... — Из бобрового меха пристяжной стоячий воротник к рубаше или верхней одежде (от слова *жерло* — т. е. горло).

...в каптыре... — Каптырь, или каптур — женский головной убор, представлявший собою круглую шапочку с пелериной, которая прикрывала шею и плечи; в отличие от спусков, которые также упоминаются в этом тексте, каптырь не из ткани, а из меха или стеганный на вате.

Стр. 220. Кика — головной убор замужней женщины, округлой формы; ниже перечисляются «приклады» к кике — *подзатыльник* и *подбрусник*, т. е. различные платки с вышивкой, род повойника.

Кумган — узкогорлый металлический сосуд с крышкой и с ручкой.

Шубы нагольные — т. е. не покрытые тканью, из одного меха.

...в золотом платье... — Т. е. в златотканом или вышитом золотом платье.

...ферези спущены... — Ферязь — верхняя домашняя одежда без пояса и воротника с длинными рукавами; впоследствии — обычная рабочая одежда, но в данном случае это еще архаичный праздничный наряд с торжественно спущенными длинными рукавами.

Шапка горлатная — т. е. шитая из очень тонкого меха, взятого с шен («горла») животного.

Коровай — ритуальный круглый хлеб, символизирующий солнечный круг.

...в скамье седячие бояре... — По старому русскому обычаю, лавка у стены, к которой ставился стол, почетнее, чем место на скамье, которая придвигалась к столу с противоположной (внешней) стороны.

Да устроиши мѣсто... — В древнерусском языке слово *мѣсто* могло обозначать любое пространственное вместилище; в данном случае «местом» именуется свадебное место новобрачных на пиру.

Стр. 222. *З девят.* — Остатки древнего счета по тройкам, в данном случае — двадцать семь; сохраняется как образец ритуального счета, представленного и в сказочных зачинах.

...пьязей серебряных золоченых малых. — В краткой (первоначальной, новгородской) редакции этого текста говорится о «нугородках золоченых» — серебряных новгородских рублях, которые по стоимости были в то время вдвое дороже рублей московских; в данном случае — намеренная архаизация текста в употреблении старых слов (*пьязья* вместо *деньга*).

Аргамакъ — восточный породистый конь, скакун; здесь также условный термин свадебного обряда (конь под седлом).

«*Аргамак тобѣ в Ордь, а золотые в Угрь*». — Скороговорка — присловье, обозначающее, очевидно, и пожелание иметь самых лучших коней и самое чистое золото: «золотой угорский» (венгерский) в те времена особенно ценился.

Стр. 226. ...*голову чесати...* — Расчесывание гребнем волос новобрачных имеет смысл очищения; после расчесывания сваха заплетает невесте волосы уже в две косы, как замужней женщине.

Стр. 228. *Романья* — французское сухое вино.

Стр. 232. *Четыги*, или чедыги — мягкие кожаные или матерчатые сапоги, на которые затем надевались башмаки.

Шапка черевья — т. е. шитая из меха, взятого на животе («череве») животного.

Дброги — очень тонкая восточная шелковая ткань и одежда из нее.

ОБ УМСТВОВАНИЯХ КОСОГО (из «Многословного послания»)

Текст «Об умствованиях Косого» («О Косого мудровании») сохранился в виде особых «вопросов», входящих в состав одного из двух противоеретических трактатов, направленных против русского еретика середины XVI в. — Феодосия Косого, проповедовавшего сперва в Московской (Белоозеро, Москва), а затем в Западной (Литовской) Руси. Оба противоеретических трактата —

«Послание многословное к вопрошившим... на зломудрие Косого» и «Истины показание к вопрошившим о новом учении...» — написаны автором или авторами, знакомыми с учением Косого по изложению (письменному и устному) неких «богобоязненных людей» из Литвы и «крылошан» из Старой Руссы. Автор «Истины...» прямо назван в древнейшей рукописи памятника (возможно, его автографе) — это старец Зиновий, инок новгородского Отенского монастыря, ученик Максима Грека. В «Многословном послании» имени автора нет, но ряд исследователей также считает этот памятник сочинением Зиновия Отенского.

Ересь Феодосия Косого, получившая распространение вначале и осужденная собором в середине 50-х гг. XVI в., представляла собой самое радикальное из всех еретических движений Древней Руси. Еретики отрицали не только церковную традицию после Библии (подобно новгородско-московской ереси конца XV—начала XVI в.), но также и всякую церковную иерархию и богоустановленность светских «властей». После бегства еретиков в Польско-Литовское государство Косой и его сподвижники примкнули к крайним представителям Реформации в Польше — антиринитариям (социнианам), и возглавленное ими движение «русских братьев», наряду с близким к нему движением «чешских братьев», оставило глубокий след в идейной жизни Западной Европы вплоть до XVII—XVIII вв.

«Послание многословное» было, по мнению большинства исследователей, более ранним из двух противоеретических трактатов Зиновия Отенского — оно написано, по-видимому, в конце 50-х—начале 60-х гг. XVI в.

Не имея возможности включить в «Библиотеку литературы Древней Руси» «Послание многословное» в его полном объеме, мы публикуем здесь введение («Сказание») к «Многословному посланию» и «Вопросы о Косого мудровании» (так они озаглавлены в пометках, сделанных в рукописи на полях), которые в «Послании» перемежаются с пространным опровержением «мудрований» Косого. Следует, однако, иметь в виду, что «Вопросы» отнюдь не представляют собой точного изложения учения Косого (едва ли даже существовавшего в письменном виде) — в ряде случаев они явно искажают его высказывания, придавая им особенно одиозный характер. Однако самый характер аргументации Косого «Вопросы», по-видимому, передавали верно: как и другие представители еретических и реформационных движений, Феодосий Косой широко привлекал тексты «Писания», и в особенности — Евангелия, Апостольские послания и Деяния, противопоставляя их «Преданию», то есть основной традиции, на которую опиралась господствующая церковь.

«Сказание» и «Вопросы» из «Многословного послания» публикуются по единственной древней рукописи (XVI в.; сохранилась также еще копия XIX в.) этого памятника: РНБ, Кир.-Бел. собрание, № 31/1108, л. 1—4 об., 12 (заголовок «Послания многословного»), 15—16, 57—58 об., 81—82, 120—122 об., 194—195, 225 об.—226, 245, 248 об.—249.

Стр. 240. *Раби нѣщи въ градѣ Москвѣ, украдише от стяжания господий своихъ, бѣжаша въ предѣлы Белозерска.* — О том, что Феодосий Косой и его сподвижники были «рабы» (холопы), бежавшие из Москвы на Белоозеро, упоминается неоднократно и в «Послании многословном» и в «Истины показании»; в последнем памятнике автор особенно подчеркивает это обстоятельство, настаивая на том, что раб, даже обретший свободу, не может быть учителем. Обвинение Косого в воровстве, содержащееся в «Послании многословном», фактически опровергается в «Истины показании», где собеседники автора, «клирошане» Спасова монастыря в Старой Руссе, объясняют, что Косой, бежав из Москвы, взял с собой только свое личное имущество — коня и одежду, и что уже после бегства, «в мнишестве же Косому много угрожая господин его». Зиновий Отенский отвечал на это, что «раб не имать свое ничтоже, но вся, яже имать у себе, господина его суть» («Истины показание к вопрошившим о новом учении. Сочинение инока Зиновия». Казань, 1863, с. 26—30).

...сѣвокупишася на Новоозерѣ Федосей, нарицаемый Косой, и Игнатей, и Васианъ, ученики Артемиевы... — Кириллов Новоозерский Воскресенский монастырь был основан в 1519 г. на небольшом Новоозере к юго-западу от Белого озера, западнее Кирилло-Белозерского и других крупных белозерских монастырей XV в. Видный церковный деятель XVI в. Артемий был первоначально монахом Псковско-Печерского монастыря, но с конца 30-х гг. XVI в. находился в белозерской

Порфирьевой пустыни. В 1551 г. Артемий был вызван в Москву и стал настоятелем Троице-Сергиева монастыря, но спустя полгода вернулся на Белоозеро; уже в 1553 г. был привлечен к следствию по делу о ереси Матвея Башкина; вместе с ним были схвачены и доставлены в Москву Игнатий и Вассиан. В 1554 г. Артемий был отлучен от церкви и сослан в Соловецкий монастырь, но вскоре бежал в Литву, где, однако, в отличие от Косого и его товарищей выступал в роли защитника ортодоксального православия и полемизировал с еретиками.

...от святого собора, иже в Москвѣ... — В 1554—1555 гг. в Москве происходили церковные соборы, осудившие Артемия и московского еретика Матвея Башкина; Феодосий Косой и его сподвижники были уже в это время «пойманы» и находились в заточении в одном из московских монастырей; в 1557 г. разбирается дело неких «новоозерских чернецов», учеников Артемия — чернеца Ионы и попа Оникея; материалы этих дел находились впоследствии в царском архиве (Опись Царского архива, ящики 189, 190, 222). Состоялся ли собор против самого Феодосия Косого — неизвестно; возможно, что Косой бежал уже во время следствия.

...разбѣгошася от Новоозера... — Известия об обстоятельствах бегства Косого противоречивы (в «Истины показани» говорится о том, что Косой бежал, когда был «блюдом в едином из монастырей московских»), но во всяком случае впоследствии и Косой, и Игнатий, и Вассиан оказались в Литовской Руси; Курбский упоминает ненавистных ему еретиков Феодосия и Игнатия, как живых, еще в грамоте 1575 г.

...Торопецъ, и Лука Великия... — Города бывшей Новгородской земли, где явно обнаруживались следы влияния ереси Косого. Об этом свидетельствует то обстоятельство, что «клирошане», с которыми спорил Зиновий Отенский в «Истины показани», происходили из близкой к Великим Лукам Старой Руссы; сам Зиновий также пребывал в новгородском Отенском монастыре.

Стр. 242. *Апостоль* — книга (часть Нового завета), содержащая деяния апостолов и апостольские послания.

...Великаго Василиа Постническую книгу... — Речь идет о сочинении византийского отца церкви IV в. Василия Кесарийского, очень популярном в древнерусской письменности и помещенном в Великих Минеях-Четьях за 1 января; в «Послании многословном» автор многократно ссылается на этот памятник.

...Златоустовъ Маргаритъ... — Сборник «слов» (букв. перевод греч. названия — «Жемчужина») Иоанна Златоуста, популярный в древнерусской письменности и помещенный в Великих Минеях-Четьях за 14 сентября.

...етера калугера (калогерь)... — По-гречески: некоего монаха, святого старца. Из дальнейшего текста ясно, что «некий монах» и является автором следующего далее памятника — «Послания многословного». Заслуживает внимания утверждение еретиков, что «калугер», подобно им, «ведает истину», т. е., очевидно, в каком-то отношении разделяет их взгляды, но боится об этом сказать откровенно. В связи с этим следует отметить, что Зиновий Отенский, вероятный автор «Многословного послания», был учеником Максима Грека и, по предположению ряда исследователей, его пребывание в Отенском монастыре было следствием ссылки в связи с делом Максима Грека в 1525 или 1531 г. (см. т. 9 наст. изд.). Следует отметить, однако, что в своем противоеретическом «Истины показани» Зиновий резко критикует и Максима Грека, и другого опального церковного деятеля — Вассиана Патрикеева.

...въскорбъ и неукрашено... — Такая уничижительная характеристика следующего далее «Послания многословного» делает весьма вероятным, что, хотя автор его, анонимный «калугер», назван во вступительном «Сказании» в третьем лице, вступление это принадлежит ему самому; другому автору было бы странно так отзываться о сочинении, предлагаемом им читателю; автору-монаху, напротив, подобала именно такая самоуничижительная скромность.

Черноризца Послание многословное... — Перед именем «черноризца» (монаха) в рукописи оставлен пробел; ряд исследователей считает, что здесь пропущено имя Зиновия Отенского.

Стр. 244. *...отъ начала при Владимирѣ.* — Владимир I Святославич (ум. в 1015 г.), киевский князь, при котором на Руси христианство было признано государственной религией.

Единая церковь въ Иерусалимѣ древняя, еаже о разрушении Христос рече... — Речь идет о храме Соломона, разрушенном в 70 г. императором Титом после победы в Иудейской войне.

- ...*«Не останеъ камень на камени»...* — Ср. Мф. 24, 2.
 ...*«Не сътвориши себѣ... всякого подобиа... и да не послужиши имъ».* — Исх. 20, 4—5.
 ...*«Идоли языкъ — сребро, золото... не възгласяють гортанемъ своимъ».* — Пс. 113, 12—13.
 ...*«Нечестиви же суть... животнымъ»...* *«От лѣса древо... требѣ есть тому помощь»...* — Прем. 13, 10—16.
 Стр. 244—246. ...*«Нынѣ же узрите... кланяющаяся имъ»...* *«Хоругвь имать... убойтеса ихъ убо»...* *«Храмы ихъ... являюще своя нечестиа человекомъ».* — Посл. Иер. 4—5, 13—14, 17—25.
 Стр. 246. ...*«Духомъ и истиною кланятися»...* — Ср. Иоан. 14, 17.
 ...*«октениямъ»...* — Ектенія — молитвенное прошение.
«Охтаикъ». — Октоих (греч. — осмигласник) — богослужебная книга, включающая в себя службы дней недели в восьми вариантах, связанных с «гласами», т. е. мелодиями.
 ...*«Уставъ»...* — Типик (типикон) — книга, содержащая указания, в какие дни и часы, при каких службах и в каком порядке исполняются тексты из богослужебных книг.
 ...*«Не могутъ сынове брачнии поститися... женихъ есть».* — Мр. 2, 19.
 ...*«Не входящая въ уста сквернить человека»...* — Ср. Мр. 7, 15; Мф. 15, 11.
 ...*«Вся чиста чистымъ»...* — Тит. 1, 15.
 ...*«Петру въ плащаницы всяко животнo показавъ»...* — Имеется в виду рассказ в Деяниях апостольских о спустившейся с неба к апостолу Петру «плащанице» (некий сосуд, большое полотно) с различными животными и птицами и о небесном гласе, приказавшем Петру есть всякую пищу (Деян. 10, 10—16).
 ...*«В чesомъ познають вы... любите друг друга».* — Ср. Иоан. 13, 34—35.
 ...*«Въ всякомъ языкѣ... приатъ ему есть».* — Повеление, отменяющее запрет общаться с иноплемениниками и устанавливающее равенство всех «языков» перед Богом, содержится в том же рассказе из Деяний апостолов (Деян. 10, 35—36). На этот библейский текст ссылались уже новгородско-московские еретики, с которыми полемизировал в конце XV в. Иосиф Волоцкий.
 ...*«Обрѣзание ничто же есть, и необрѣзание ничто же есть».* — Ср. Гал. 5, 6.
 Стр. 248. ...*«Жертва Богу — духъ съкрушенъ»...* — Пс. 50, 19.
 ...*«Духъ же рвчию глаголетъ... познавшимъ истину».* — 1 Тим. 4, 1—3. Этот текст привлекался и новгородско-московскими еретиками в их выступлениях против монашества.
 ...*«Честенъ бо бракъ, и ложе нескверно»...* — Евр. 13, 4.
 ...*«Яже Бог... ты не скверни».* — Деян. 10, 15.
 ...*«Фарисею слѣпый, очисти прежде внутреняя».* — Мф. 23, 26.
 ...*«а ницца псы... чада мы есмы»...* — Изложение учения еретиков здесь несомненно тенденциозно. Выступления против церковной благотворительности были характерны для реформационных движений, вполне вероятно при этом и ссылка на евангельскую заповедь: *«Нестъ добро отъяти хлѣба чадомъ, и поврѣци псомъ»* (Мр. 7, 27), но едва ли при этом еретики объявляли единственными «чадами», познавшими «истину», самих себя.
 ...*«Яко приношаху имѣнѣи и полагаху предъ ногама апостолъ».* — Ср. Деян. 4, 34—35.
 ...*«Не нарицайте себѣ отца... отецъ вашъ — Богъ».* — Мф. 23, 9.
 Стр. 250. ...*«Вси пророци до Иоанна»...* — Лк. 16, 16.
 ...*«Живи от мертвыхъ помощи възскають».* — Ср. Ис. 8, 19.
 ...*«Кто суть мати моя... и сестра, и мати ми есть».* — Мр. 13, 32—35.
 ...*«Възми крестъ свой и възсѣдъ мене гряди»...* — Мр. 10, 21.
 ...*«Горе вам, книжници, фарисеи, лицембри».* — Мф. 7, 13; Лк. 11, 44.
 ...*«притчу въ Евангелии о плевелохъ селныхъ»...* — Имеется в виду евангельская притча о Страшном Суде, когда грешники будут сожжены как плевелы во время жатвы (Мф. 13, 36—42).

КАЗАНСКАЯ ИСТОРИЯ

«Казанская история» — беллетризованный рассказ о трехсотлетней истории русско-ордынских отношений со времени нашествия на Русь хана Батыея (1237) и образования Золотой Орды (нач. 40-х гг. XIII в.) до завоевания Иваном Грозным в 1552 г. Казанского ханства — «осколка» Золотой Орды, образовавшегося на территории Волжско-Камской Болгарии в середине XV в.

Неизвестный автор «Казанской истории», согласно данным, содержащимся в тексте произведения, русский по происхождению, двадцать лет (с 1532 по 1551 г.) прожил в Казани как пленник, принявший мусульманство, и лишь во время взятия Казани вышел из города и поступил на службу к Ивану Грозному. Длительное пребывание автора повести в Казани (он не воспользовался возможностью покинуть город вместе с другими русскими пленниками задолго до взятия Казани), возможно, объясняется особым тайным заданием, которое он выполнял в Казани: «находясь при царском дворе, он мог оказывать услуги и русскому правительству» (Моисеева Г. Н. Автор «Казанской истории» // *ТОДРЛ*, т. IX. М.; Л., 1953, с. 279).

Победоносное завершение похода 1552 г. на Казань было крупнейшим успехом внешней политики правительства Ивана Грозного. В честь Казанской победы в Москве на Красной площади возводится храм Покрова на рву (собор Василия Блаженного), о победе рассказывают разные по жанру и идеологическим установкам историко-публицистические сочинения второй половины XVI в.: «Летописец начала царства царя и великого князя Ивана Васильевича» (1553 г.) и «Повесть о взятии Казани», созданная в стенах Троице-Сергиева монастыря (1553 г.), «Книга степенная царского родословия» (1560—1563) и «История о великом князе московском» А. М. Курбского (1573).

«Казанская история», созданная в 1564—1565 гг., выделяется своим художественным своеобразием. В ней использованы достижения едва ли не всех известных на Руси к XVI в. литературных жанров, причудливо переплетаются различные стили повествования. Однако весь этот пестрый в жанровом и стилистическом отношении материал объединен единым художественным замыслом — показать победу над Казанью как закономерный итог многовековой борьбы русского народа с его поработителями — золотоордынскими ханами и их преемниками — казанскими царями. При этом первостепенная роль в исторической победе отводится автором главе Русского государства — царю Ивану Грозному, возглавлявшему русское войско в казанском походе.

«Казанская история» — произведение остропублицистическое. Написанное в годы обостренных отношений Грозного с феодальной знатью, оно отразило — в трактате исторических событий — политическую борьбу 60-х гг. XVI в., в которой автор последовательно стоит на стороне Ивана Грозного. Это привело к намеренному искажению в «Казанской истории» целого ряда исторических фактов (что будет особо отмечено в последующем комментарии). Однако в произведении присутствует не только публицистический, но и чисто художественный вымысел. Автор «Казанской истории» постоянно стремится заинтересовать читателя, связать отдельные исторические события в единый сюжет (см.: Волкова Т. Ф. Работа автора «Казанской истории» над сюжетом повествования об осаде и взятии Казани // *ТОДРЛ*. Л., 1985, т. 39, с. 308—322). Это приводит к свободному обращению автора с многочисленными историческими (прежде всего летописными) источниками. Большой круг их выявили исследования Г. З. Кунцевича («История о Казанском царстве, или Казанский летописец. Опыт историко-литературного исследования». СПб., 1905) и Г. Н. Моисеевой («„Казанская история“ — новый этап в развитии исторического повествования Древней Руси». Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук. Л., 1951). «Басисловие» «Казанской истории» было отмечено уже первыми ее исследователями — историками XIX в. (С. М. Соловьевым, В. В. Вельяминовым-Зерновым, С. М. Шпилевским и др.), которые обращались к «Казанской истории» прежде всего как к историческому источнику по истории Казанского ханства.

Названные художественно-публицистические особенности «Казанской истории» осложняют ее комментирование. Практически каждая глава, описывая какое-то реальное историческое событие, художественно его трансформирует, зачастую компилируя фактические сведения разных источников, полный круг которых до конца еще не выявлен. Прокомментировать все эти

расхождения в данном издании не представляется возможным, поэтому мы ограничиваемся указанием лишь на наиболее существенные. В комментариях использованы помимо указанных работ Г. З. Кунцевича и Г. Н. Моисеевой следующие исследования по истории русско-ордынских отношений: Вельяминов-Зернов В. В. Исследования о Касимовских царях и царевичах. СПб., 1863, ч. I; Худяков М. Г. Очерки по истории Казанского ханства. Казань, 1923; Греков Б. Д., Якубовский А. Ю. Золотая Орда и ее падение. М.; Л., 1950; История Татарской АССР, т. I. Казань, 1955; Очерки истории СССР. Период феодализма. Конец XV—начало XVII в. М., 1955 и др.

«Казанская история» дошла до нас в большом количестве списков (более 200), однако значительная их часть передает текст позднейшей переработки повести, произведенной после 1592 г., когда вся вторая ее часть, наиболее тенденциозная (последние пятьдесят глав, рассказывающие о походе 1552 г.), была заменена компиляцией из «Степенной книги» и ряда летописных источников. Древнейшая редакция повести сохранилась лишь в восьми известных в настоящее время списках. Три из них (*РНБ*, Соловецкое собр., № 1501/42, сер. XVII в.; собр. Ф. И. Буслаева, Q. XVII, сер. XVII в. и *БАН*, собр. И. И. Срезневского, 24.5.9, перв. четв. XVII в.) были опубликованы Г. З. Кунцевичем (*ПСРЛ*, т. XIX. СПб., 1903); четвертый — древнейший (конца XVI в.) — Г. Н. Моисеевой (Казанская история. М.; Л., 1954). Мы публикуем текст «Казанской истории» по списку: *РНБ*, F IV. 578 (60-х гг. XVII в.), л. 133—286. Это наиболее полный список первоначальной редакции, сохранивший несколько глав в начале «Истории» и полный текст завершающей ее похвалы Ивану Грозному, отсутствующие в других списках. Исправления вносятся по древнейшему списку: *ИРЛИ*, собр. В. Н. Перетца, № 98, л. 2—265.

Стр. 252. *...на презлое царство срацынское...* — Основное население Казанского ханства исповедовало ислам. Уже в X в. главные города Волжско-Камской Болгарии, на территории которого оно возникло, были по преимуществу мусульманскими.

...продолжающихся в длину до онога Нова града Нижнего... а на полудень — до половецкихъ предѣл. — Основные земли Казанского ханства располагались в предкамских районах современного Татарстана: в районе р. Казанки по средней Меше (правый приток Камы) и по верхнему течению р. Ашита (приток Иляти, впадающей в Волгу), а также по правому берегу Волги (на западе — до р. Свягии, на юге — до современного г. Тетюши). Входили в состав ханства и земли, населенные другими народностями Среднего Поволжья. Западная граница ханства проходила по р. Суре. Северная была неопределенной: жившие на этой окраине ханства марийцы и удмурты в южных местах своего поселения подчинялись Казани, а в северных — Руси; на востоке владения ханства в Предкамье достигали р. Вятки, а возможно, и Камы (выше устья р. Белой); в Закамье захватывали башкирские земли вдоль Камы к западу от р. Белой; на юге граница Казанского ханства проходила по Каме, за которой находились Ногайские земли.

Стр. 252—254. *...вниз до Болгарскихъ рубежов... Живяху же за Камюю в части земли своєю болгарския князи и варвари, владующе поганымъ языкомъ черемискимъ...* — Речь идет о Волжско-Камской Болгарии, феодальном государстве, образовавшемся в районе впадения Камы в Волгу после прихода в эти места из Приазовья тюркоязычных болгарских племен (вторая половина VII в.), подчинивших себе местные племена — марийцев, чувашей, удмуртов, мордву, которые обобщенно назывались древнерусскими авторами «черемисой».

Стр. 254. *...до Батыя царя.* — Батый — Бату (1208—1255), монгольский хан, сын Джучи, внук Чингисхана. В 1243 г. основал в низовьях Волги Золотую Орду со столицей Сарай-Бату.

...царю казанскому Сат-Серюю. — Сафа-Гирей (1510—1549), представитель четвертого поколения крымской династии Гиреев, сын царевича Фатыха, внук хана Менгли-Гирея. Правил в Казани с перерывами в 1524—1531 и в 1535—1549 гг.

...по убиеници... Георгия Всеволодича Владимирскаго и со двема сыньми его и з братаничи... — Георгий Всеволодович (1188—1238), великий князь владимирский с 1212 г., сын Всеволода Большое Гнездо. Погиб в битве с монголо-татарами на р. Сить. Вместе с ним были убиты два его сына — Всеволод и Мстислав и племянники — Василек Ростовский, Всеволод и Владимир Святославичи.

...*Ярославъ Всеволодичь... со осмью сыньми своими...* — Ярослав Всеволодович (1191—1246), князь Переяславский. Неоднократно приглашался княжить в Новгород. Третий сын Всеволода Владимирского, брат Георгия Всеволодовича. После гибели последнего получил ярлык на великое княжение. Умер, вызванный в Каракорум к великому хану Гуюку, как считали современники, — от яда. Вслед за «Хронографом» автор «Казанской истории» говорит о восьми сыновьях Ярослава. Однако к 1238 г. в живых оставалось пять сыновей.

...*сына своего Александра.* — Александр Ярославич Невский (1220—1263), великий князь владимирский с 1252 г. Блестящие победы в 1240 г. над шведами и в 1242 г. над немцами сделали его имя символом храброго государя-полководца, что было закреплено в «Житии Александра Невского» (т. 5 наст. изд.).

...*митрополитом Антонием...* — На самом деле при взятии г. Владимира монголо-татарами в 1238 г. погиб епископ Митрофан.

Стр. 256. ...*Руская земля... предана бысть, яко Иерусалимъ в наказание Навходоносору, царю вавилонскому, яко да тѣмъ смирится.* — Иерусалим был завоеван царем Вавилонии Навуходоносором II (605—562 гг. до н. э.) четырежды в 597 и 587 гг. Особенно драматичным было завоевание города в 587 г., когда, подавляя вспыхнувшее восстание, вавилоняне по приказу Навуходоносора сожгли стены города, разрушили храмы, около 9000 человек были уведены в плен, а само Иудейское царство было ликвидировано. О пленении Иерусалима, как о наказании за грехи, говорится в Библии (4 Цар. 24).

...*выходы... даваху...* — Выход — дань, подать.

...*по царство тоя Златыя Орды царя Ахмата, сына Зелед-Салтанова...* — Ахмед (Ахмат), хан Большой Орды, образовавшейся во второй четверти XV в. в низовьях Волги в результате распада Золотой Орды. В годы правления Ахмеда произошло окончательное освобождение Руси от монголо-татарского ига (1480 г.). Зеледи (или Зелени)-Салтаном древнерусские авторы называли сына Тохтамыша Джелал-Эддина, занимавшего ханский престол в 1411—1413 гг. Отцом Ахмеда он назван ошибочно: сыном Джелал-Эддина был другой герой «Казанской истории» — Улу-Ахмет (Улу-Мухаммед), основатель Казанского ханства (см. коммент. к с. 270). Отцом же Ахмеда был Кичи-Мухаммед, внук Тимура-Кутлу.

...*Иоанна Васильевича Московскаго, иже взя и поработи под ся Великий Новъ град.* — Иван III Васильевич (1440—1505), сын Василия II Темного, великий князь московский с 1462 г. Успешно проводил политику централизации Русской земли: подчинил Москве великое княжество Тверское, Ростовское и Ярославское княжества. В 1478 г. начал войну с Новгородом, закончившуюся поражением феодальной республики.

...*призвавше от Пруския земли, от варяг, князя и самодержца...* — Здесь автор «Казанской истории», обвиняя в своеволии новгородцев, противопоставляет приглашенного ими Рюрика «законным» владыкам Руси, словно забывая о том, что к Рюрику возводит свой род великий князь московский. Родословная Рюрика возводилась к Прусу в «Сказании о князьях владимирских» (см.: т. 8 наст. изд.).

Стр. 258. ...*короля литовскаго держателя себѣ восхотѣша имѣти.* — Это же обвинение в контактах с королем Казимиром Ягеллоном (король Польши с 1447 г.) выдвигалось московской «Повестью о взятии Новгорода Иваном III» (см.: т. 7 наст. изд.).

...*яко Тита, римскаго царя, Еуспасиянова сына, разорити градъ Иерусалимъ...* — Еуспасиян (Веспасиан) — римский полководец, с 69 г. — император. Он и его сын Тит (император с 79 г.) вели войну с восставшей против Римской империи Иудеей в 67—70 гг. События этой войны, закончившейся взятием и разрушением Иерусалима, описаны сторонником Веспасиана и Тита Иосифом Флавием в «Истории Иудейской войны», созданной в 75—79 гг. и известной русским читателям по переводу с XII в. (см.: Мещерский Н. А. «История Иудейской войны» Иосифа Флавия в древнерусском переводе. М.: Изд-во АН СССР, 1958).

Стр. 260. *Царь Ахматъ восприимъ царство Златыя Орды по отце своемъ, Зелети-Салтанъ царѣ...* — Ханский престол в Большой Орде перешел к Ахмед-хану после сына Тохтамыша Сейид-Ахмета.

...ни мало убоятся страха царева... — Эпизод с «потоптанием» ханской басмы носит легендарный характер. Однако, действительно, Иван III в 1476 г. прекратил выплату дани Орде.

...базму — парсуну лица его... — Изображение людей вообще было запрещено у мусульман. По-видимому, эта деталь введена автором с чисто художественной целью.

...и прииде на Русь к рецѣ Угрѣ... — Речь идет об историческом походе на Русь Ахмед-хана осенью 1480 г., с которым связывается окончательное освобождение Руси из-под власти Золотой Орды. Река Угра — левый приток Оки, впадающий в нее возле Калуги.

...ноября въ 1 день... — Дата указана ошибочно. Войска Ахмед-хана, согласно летописным источникам, появились на Угре почти на месяц раньше — в начале октября.

...якоже и царь Тактамышъ лестию възьлѣ. — После поражения Мамай на Куликовом поле в 1380 г. в Золотой Орде воцарился Тохтамыш. В 1382 г., прндя на Русь, он обманом захватил Москву (см.: т. 6 наст. изд.).

Та бо река многа мѣста обходящи... защищаючи Рускую землю. — Угра была в XV в. пограничной рекой, разделявшей русские и литовские земли. Будучи в те времена довольно широкой и глубокой рекой с крутыми и обрывистыми берегами, Угра представляла серьезное естественное препятствие на пути военных отрядов и не раз останавливала врагов Руси.

И покушашеся многажды прелѣсти реку... и не можахе... — Сражение на переправе через Угру продолжалось четыре дня. Летописи подтверждают, что татарам не удалось преодолеть водную преграду и завязать бой на левом берегу. Это четырехдневное сражение фактически предредило судьбу войны.

И посылаетъ отай царя Златую Орду пленити служиваго своего царя Нурдовлета Городецаго... — Нут-Давлет, сын крымского хана Хаджи-Гирея (Ази-Гирея), после смерти отца, потерпев поражение в борьбе за власть от своего младшего брата Менгли-Гирея, бежал на Русь и в царствование Ивана III находился у него на службе как Касимовский (Городецкий) царевич (см. коммент. к с. 390). Умер около 1491 г. Сведения «Казанской истории» о его походе не подтверждаются историческими источниками. Однако, по мнению исследователей, этот факт вполне мог иметь место в действительности.

Стр. 262. И скоро в томъ часѣ царь от рѣки Угры назадъ обратися бѣжати... — В действительности бегство Ахмед-хана было обусловлено комплексом причин: союзник Орды польский король Казимир IV не пришел на помощь Ахмед-хану; союзник Ивана III Менгли-Гирей угрожал Ахмед-хану с тыла, со стороны Поля; окрестности Угры были разорены самими же ордынцами; не хватало продовольствия, и надвигалась зима, которая несла новые лишения. К отступлению от Угры Ахмед-хан готовился заранее, сначала отослав в Орду захваченный полон. Конное же войско татар покинуло район Угры поспешно, побросав обозы, накануне 7 ноября.

И приидоша нагаи, иже реченныя мангыты... — Мангыты — тюркоязычные кочевники крупного феодального рода Мангыт. Во второй половине XIII в. входили в состав Орды золотоордынского темника Ногая, по имени которого и стали позднее называться «ногаями».

...при... первомъ Владимирѣ православномъ. — Владимир I Святославич (ум. в 1015 г.), с 980 г. — великий князь киевский, сделавший христианство официальной религией русского государства.

Стр. 264. По смерти... Батыя, убиту ему бывшу от югорскаго короля Владислава... — Факт гибели Батыя от руки венгерского короля — вымышленный. Источником его является легендарная «Повесть об убении Батыя», включенная в «Хронограф». В действительности Батый нанес поражение в 1242 г. королю Венгрии Беле IV. В XV в. с именем Владислава III (1424—1444), короля Польши (с 1434 г.) и Венгрии (с 1440 г.), связан ряд побед над турками, что, возможно, и послужило толчком для соединения двух разных исторических событий.

...и наста иный царь... Саинъ именовем... — Саин — фигура легендарная. Историческим преемником Батыя был его брат хан Берке. В 1256 г. он убил сына Батыя Сартака и в 1257 г. стал золотоордынским ханом.

Стр. 266. ...царь Саинъ и возгради... градъ Казань... — Здесь автор излагает одну из многочисленных легенд о возникновении Казани. В действительности Казань — исконное болгарское поселение. Оно было основано в 1401—1402 гг., по-видимому, выходцами из Старой Казани

(Иски-Казань), в 45 верстах выше по течению р. Казанки, основанной в 1361 г. В русских летописях Казань упоминается под 1376, 1382 и 1398—1399 гг., в связи с военными походами русских в Волжскую Болгарию. Однако, по мнению ряда историков, Казань в этих летописных статьях упомянута ошибочно.

Стр. 268. *Тое же глаголють ростовскую чернь... вселившихся в Болгарскую землю и Орду...* — По известиям русских летописей, древний народ меря, обитавший в Ростовской земле, ушел в землю волжских болгар, не пожелав принять христианство. Автор отождествляет этот народ, уже исчезнувший, с «отяками» — удмуртами.

...Бѣлыя рѣки Воложки... — Река Белая — левый приток Камы, впадает в нее несколько выше устья р. Вятки.

...до великия Орды Нагайския. — Ногайская Орда — феодальное государство кочевников, в конце XIV—начале XV в. выделившееся из Золотой Орды. Занимало территорию от Северного Прикаспия и Волги до Иртыша.

Болшия болгары — на Дунае. — Имеются в виду славянские племена, предки современных болгар, жившие по берегам Дуная. Первое Болгарское царство пало в 1018 г. под ударами войск византийского императора Василия II Болгаробойцы.

Того же первые взя... Андрѣй Юрьевичъ Владимирский... — Андрей Юрьевич Боголюбский (ок. 1111—1174), сын Юрия Долгорукого. Поход его относится к 1164 г. Согласно летописным данным, русские заняли «славный город Бряхимов» и повоевали некоторые другие.

И бысть Казань столный градъ вмѣсто Бряхимова. — Столицей Волжской Булгарии в X—XV вв. был не Бряхимов, а город Булгар. Казань во времена Андрея Боголюбского еще не существовала.

...Василей Дмитриевичъ з братом своимъ со княземъ Юрьемъ Дмитриевичемъ... — Василий I Дмитриевич (1371—1425), великий князь московский с 1389 г., старший сын Дмитрия Донского. Присоединил к Москве Нижегородское и Муромское княжества, Вологду и Устюг. После разгрома Золотой Орды Тимуром в 1395 г. перестал платить татарам дань. С 1412 г. (после нашествия на Москву Едигея в 1408 г.) выплата дани была восстановлена. Юрий Дмитриевич Звенигородский (1374—1434), второй сын Дмитрия Ивановича Донского. Возглавлял успешные походы московских войск на новгородские земли в 1399—1400 гг., на татар в 1398—1414 гг. После смерти старшего брата боролся за престол с племянником — Василием II. В ходе борьбы дважды (1433 и 1434 гг.) занимал московский престол.

...Казань, Болгары, Жукотинъ, Керменчук и Златую Орду повоева... — В данном рассказе, включая Казань в число завоеванных русскими городов, автор опирается на летописи. Однако, по мнению С. М. Шпилевского, Казань, основанная в 1401—1402 гг., в летописях названа ошибочно вместо малоизвестного на Руси города Кашана, находившегося в низовьях Камы. Болгары — г. Булгар, столица государства волжских болгар, современное село Булгары-Успенское в Татарстане. Жукотин, Керменчук — города, расположенные в нижнем течении Камы, ближе к устью р. Вятки.

...по совѣту крымскаго царя Азигирея. — Ази-Гиреем автор называет крымского хана Хаджи-Гирея, основателя династии крымских Гиреев, ошибочно приписывая ему участие в событиях времени Василия I Дмитриевича: Хаджи-Гирей появился в Крыму только в 30-е гг. XV в. при сыне Василия I — Василии II Темном, где после продолжительной междоусобной борьбы в 1449 г. основал независимое от Золотой Орды Крымское ханство.

Бяше бо умирислз крымъскій царь Азигирей с... Васильемъ Дмитриевичем... — В действительности Василий Дмитриевич не совершал совместных походов на Золотую Орду с Хаджи-Гиреем. Сарайский хан Джелал-Эддин не был братом Хаджи-Гирея: первый был сыном Тохтамыша, второй — внуком Таш-Тимура, брата Тимура-Кутлу, современника и соперника Тохтамыша. Джелал-Эддин был убит в 1412 г., задолго до того, как Хаджи-Гирей стал крымским ханом. Борьба Хаджи-Гирея с Ордой относится к более позднему времени: в 1465 г. в правление Ивана III, благодаря параллельным действиям русского войска и войска Хаджи-Гирея, поход на Москву хана Большой Орды Сейид-Ахмета потерпел неудачу. Однако из источников неясно, насколько согласованными были действия русских и крымцев.

Стр. 270. ...на ...рець Яикъ, иже течет во Хвалимское море прямо бухаров. — Яик — р. Урал; Хвалимское море — Каспийское море; бухаров — имеются в виду земли, находящиеся между восточным побережьем Каспийского моря и бассейном р. Сырдарьи, входившие в XVI в. в состав Бухарского и подчиненного ему Хивинского ханств.

И в то же... время... гонимъ, прибѣжа... тоя же Болшия Орды Златья царь, Улус-Ахметъ имя ему... — Улу-Мухаммед (Улу-Ахмет) — сын Джелал-Эддина, внук Тохтамышша, стал золотоордынским ханом в 20-е гг. XV в. В 1436 г. в результате междоусобной борьбы лишился престола и бежал на Русь, обосновавшись со своей Ордой на юго-западной окраине Московского государства близ русско-крымской границы у г. Белева. ...по умертвию Зелед-Салтана... десять лѣтъ... — Т. е. в 1422 г. ...а по взятии Казанскомъ от князя Юрья тридесять лѣтъ... — Т. е. в 1425 г.: поход на Волжскую Болгарию в «Казанской истории» датируется 1395 г.

...от великаго Едичея... и мало от него смерти не приятъ. — Едигей (Идигу), эмир из племени мангыт, с 1399 по 1411 гг. фактически возглавлял Золотую Орду. В изгнании Улу-Мухаммеда из Сарая в 1436 г. принимал участие не сам Едигей (погибший в 1419 г.), а его сыновья, действовавшие в союзе с Гязь-Эддином, племянником Тимура-Кутлу, занявшим престол после Улу-Мухаммеда, и сын Тохтамышша Сейид-Ахмед.

...к великому князю Василию Васильевичю Московскому... — Василий II Васильевич Темный (1415—1462), великий князь московский с 1425 г., сын Василия I Дмитриевича. Во время феодальной войны в борьбе за великое княжение в 30—40-х гг. XV в. был ослеплен своим двоюродным братом Дмитрием Шемякой (см.: т. 6 наст. изд., с. 498—513).

...в шестое лѣто царства своего... — Бегство Улу-Мухаммеда на Русь произошло через восемь (или 9) лет после того, как он в 1427—1428 гг. воцарился в Золотой Орде.

От него же бо и на великое княжение посаженъ бысть... — Борьба за московский стол между Василием II и его дядей Юрием Дмитриевичем была перенесена в Орду. В 1431 г. хан Улу-Мухаммед оставил великое княжение за Василием Васильевичем.

Стр. 272. ...князя Дмитрея Галецкаго, по реченному Шемяку... — Дмитрий Юрьевич, князь Галицкий (ум. в 1453 г.), сын Юрия Дмитриевича, внук Дмитрия Донского. После смерти отца и ослепления в 1436 г. Василием II старшего брата боролся за великое княжение. В 1446 г. занял московский престол, однако, не получив поддержки, оставил Москву и обосновался в Новгороде, где и умер (по мнению современников, был отравлен).

Стр. 276. ...и засяде Казань пустую, Саиновъ юртъ. — Русские летописи намекают, что Улу-Мухаммед взял Казань силою и овладел городом лишь после убийства правившего там местного хана Ли-бея (Али). События эти относятся к 1438 г.

Стр. 278. *И умре в Казани и со юнѣйшимъ своим сыномъ съ Ягупомъ: оба ножемъ зарѣзаны от большаго сына своего Мамотьяка. А царствова на Казани 7 лѣтъ.* — Хан Улу-Мухаммед умер в 1445 г. Рассказ о его убийстве одним из сыновей носит, по-видимому, легендарный характер. Обстоятельства смерти Улу-Мухаммеда по другим источникам неизвестны. Царевич Ягуп (Якуб, Юсуф) в 1445 г. вместе со своими братьями Касимом и Махмутеком (Мамотьяком) участвовал в походе Улу-Мухаммеда на Русь, после чего еще несколько лет служил Василию II. Махмутек (уменьшительное от «Махмуд»), старший сын Улу-Мухаммеда, принимал активное участие в деятельности своего отца. Он осуществлял командование в Суздальской битве 7 июля 1445 г., в которой был взят в плен Василий II. Русские летописи часто упоминают Махмутека рядом с его отцом. По мнению В. В. Вельяминова-Зернова, основанному на ряде летописных известий, именно Махмутек (а не Улу-Мухаммед) захватил Казань уже после смерти отца и основал Казанское ханство.

...и державъ его у себе четырнатцать месяцъ... — Василий II был освобожден через 2 месяца.

Сынъ же... Василья Васильевича — Иоаннъ Васильевичъ... — Иван III.

...и многи грады полскаго короля отня держава своя, завладѣвшыя княземъ Геди-мономъ. — Гедимон — Гедимин (ум. в 1341 г.), великий князь литовский с 1316 г. Захватил ряд западнорусских земель. Опираясь на союз с Тверью (князь которой Дмитрий Михайлович был женат

на дочерн Гедимнна Марин), пытался отделить от русского государства Новгород и Псков. Убит при осаде одной из крепостей крестоносцев.

По взятии же Великого Нова града въ девятое лѣто, по тверскомъ во второе лѣто... — Т. е. в 1487 г.: Новгород потерял самостоятельность в 1478 г., а Тверь — в 1485 г.

...посла воеводъ своихъ на Казаньское царство... — Речь идет о походе 1487 г., результатом которого явилось установление протектората над Казанским ханством.

И срѣте ихъ казанский царь Алехамъ старый... — Алехам (Алегам, Ильган), хан Али, сын казанского хана Ибрагима, внук Махмутека. Правил в Казани с перерывами с 1479 по 1487 г., несколько раз уступая престол своему брату Мухаммед-Эмину. В 1487 г. был разбит на р. Свияге Иваном III. 18 мая русские начали осаду Казани, завершившуюся взятием города.

Стр. 280. *...и яша мать его и царицу его, и дву братьей его, и к Москвѣ ихъ сведоша.* — Али-хан был сыном первой жены Ибрагима — Фатимы. Вместе с ним в плен были взяты два его брата: Худай-Кул и Мелик-Тагир (Малекдар).

Другий же царевич оста живъ: того же изведе ис темницы и крести его, и даде за него дочь свою. — Царевич Худай-Кул (Кудалгу) получил при крещении имя Петр (1505). В 1506 г. женился на дочери Василия III Евдокии.

И посади на Казани... Махмет-Аминя Ибѣговича, приѣхавшаго ис Казани к Москвѣ... служити великому князю. — Хан Мухаммед-Эмин, сын хана Ибрагима от второй жены Нур-Султан, был воспитан при дворе Ивана III, куда он попал в 1479 г. десятилетним мальчиком после неудавшейся попытки русской группировки в Казани посадить его на ханский престол вместо брата Али. В 1485 г. занял ханский престол, но продержался на нем только несколько месяцев. Борьба между Али-ханом и Мухаммед-Эмином продолжалась до 1487 г. В 1487 г. после взятия Казани русскими войсками был снова возведен на престол Иваном III и процарствовал до 1518 г., лишь на несколько лет (с 1496 по 1502 г.) уступив престол своему брату Абдул-Латыфу. *...з братомъ своимъ Ибделятифомъ...* — Мать Абдул-Латыфа Нур-Султан после смерти хана Ибрагима (1478) вышла замуж за крымского хана Менгли-Гирея, и малолетний Абдул-Латыф вместе с нею переехал в Крым ко двору своего отчима. В 1496 г. был возведен на казанский престол вместо Мухаммед-Эмина, бежавшего в Москву от сибирского хана Мамука, временно захватившего власть в Казани. В 1502 г. Абдул-Латыф по приказу Ивана III был арестован и сослан на Белоозеро. Менгли-Гирей неоднократно возбуждал перед русским правительством вопрос об освобождении своего пасынка. Однако Абдул-Латыф был освобожден только через шесть лет — уже при Василии III — и получил в управление г. Юрьев-Польской.

И по лѣтахъ же живша и умроста на Москвѣ оба царевича: Авделети... а другой же... Петръ царевичъ... — Год смерти Абдул-Латыфа неизвестен. Царевич Петр (Худай-Кул) умер в 1523 г. (по другим данным — в 1509 г.).

Стр. 282. *Измени великому князю московскому... и присвѣе купцовъ русскихъ... и всю русь... в лѣта 7013... на Рождество Иоанна Предтечи.* — Речь идет об антирусском перевороте в Казани, произошедшем 24 июня 1505 г. В результате учиненного в этот день погрома все товары и имущество русских были разграблены, сами же они были убиты или обращены в рабство. После предпринятого вскоре казанского похода на Нижний Новгород Мухаммед-Эмину пришлось покориться Василию III, занявшему в 1503 г. великокняжеский стол после отца. Мир после событий 1505 г. не нарушался до 1518 г., но положение в Казани оставалось напряженным.

На той бо день съѣзжахуся в Казань изо всеа земли Руския богатяя купцы... — С конца XV в. ежегодно 24 июня в Казани открывалась большая ярмарка, на которую съезжались русские, астраханские, крымские, ногайские, сибирские, среднеазиатские, армянские купцы. Ярмарка проходила на песчаном волжском острове (протнв устья р. Казанки), носившем название Гостиного (Купеческого). Ограбления и убийства русских купцов в Казани в начале XVI в. привели к тому, что в 1523 г. Василий III запретил русским купцам ездить на казанскую ярмарку и вместо нее учредил ярмарку Макарьевскую (впоследствии — Нижегородскую).

Бысть же тогда Казань за великимъ княземъ семь на десять лѣт. — Т. е. с 1487 г. (воцарение Мухаммед-Эмина) по 1505 г.

Стр. 284. *...храбрый воевода московский князь Данило, прозвищемъ Щеня...* — Щеня Даниил Васильевич — князь, боярин. В 1489 г. возглавлял военный поход против вятчан, после которого к Руси была присоединена Вятка. В мае 1500 г. разбил на р. Ведрошь литовские войска гетмана Константина Острожского и взял его в плен вместе с 500 литовскими воинами. Победа на Ведроши над численно превосходившим русских противником была одной из наиболее блестящих в русско-литовской войне 1500—1503 гг.

...приказа... царство... Московское сыну своему Василию Ивановичю. — Василий III стал наследником престола после того, как Иван III изменил свое решение оставить престол внуку Дмитрию Ивановичу. Дмитрий был сыном старшего сына Ивана III от первого брака. Назначение наследником престола Василия нарушило принцип старшинства при наследовании.

Стр. 284—286. *...брата своего князя Дмитрея Углицкаго, Жилку по реклому...* — Дмитрий Иванович (1480—1538), второй сын Ивана III от второго брака, брат Василия III. Участник походов на Смоленск (1502), Казань (1506). Его неожиданный уход из Казани через три дня после удачного приступа (25 июня 1506 г.) привел к тому, что более во главе войск Василий III Дмитрия не ставил. Участвовал в походах на Смоленск (1513 и 1514 гг.).

Стр. 290. *И посла к Москвѣ послы своя...* — В 1512 г. Мухаммед-Эмин вызвал к себе в Казань из Москвы «человека своего верного» — М. А. Челяднина, которому объяснил причины, заставившие его в 1505 г. устроить русский погром. Переговоры привели к важным дипломатическим результатам: в феврале 1512 г. казанский посол Сеид Шах-Хусейн подписал в Москве от имени Казани договор об установлении вечного мира.

И Махметъ-Аминъ житие свое скончавъ, живъ червми снedenъ бысть, яко дѣтоубийца Иродъ... — Мухаммед-Эмин умер в 1518 г. Ирод — сын идумейского князя Антипатра, современник Марка Антония и Октавиана Августа. В 40 г. до н. э. царь всей Иудеи; в глазах населения был узурпатором (так как не являлся потомком царя Давида). Согласно Евангелию, узнав от волхвов о рождении «истинного царя» — Христа, приказал умертвить всех новорожденных в Вифлееме. О смерти Ирода автор повторил одну из средневековых легенд.

Стр. 290—292. *Тако же и царица та... борзо по немъ того же месяца с печали умре...* — Вдова Мухаммед-Эмина стала женой следующего казанского хана — московского ставленника Шах-Али (Шигалея). О ее смерти в русских летописях не упоминается.

Стр. 292. *...вдаде имъ на царство по прошеню ихъ служимаго своего царя Шигалея Шахъяровича Касимовскаго...* — Шах-Али (Шигалей) родился в России в 1505 г. и с шестилетнего возраста жил в Касимове. Его отцом был Касимовский хан Шейх-Аулиар, матерью — дочь ногайского князя Ибрагима Шаги-Салтан. После смерти отца в 1516 г. касимовский удел перешел к Шах-Али. После смерти Мухаммед-Эмина, последнего из династии Улу-Мухаммеда, встал вопрос о кандидате на казанский престол. Послы восточной партии, отправленные в Крым, чтобы пригласить хана оттуда и династически объединить Казань с Крымом, были перехвачены русскими пограничными отрядами. Московская группировка в Казани поддержала кандидатуру тринадцатилетнего касимовского хана Шах-Али. В марте 1519 г. Шах-Али был провозглашен в Москве казанским ханом, в апреле был торжественно возведен на казанский престол. Казанцы присягнули в верности как хану, так и союзу с Россией.

...и держа царство, три лѣта мирно владѣя Казанью. — Правление Шах-Али в Казани, согласно русским источникам, продолжалось два с небольшим года (по весну 1521 г.).

...ко царю Менди-Гирею... — Крымский хан Менгли-Гирей, сын основателя Крымского ханства Хаджи-Гирея, умер в 1515 г. В 1521 г., к которому относится посольство казанцев, крымским ханом был сын Менгли-Гирея — Мухаммед-Гирей.

...и оттуду приведоша царя... именемъ Сап-Кирея. — Сахыб (Сагиб, Саип)-Гирей, сын Менгли-Гирея. Занял в 1521 г. престол, опираясь на вооруженную помощь крымцев и поддержку Турции. В 1524 г., не чувствуя прочной основы своей власти, бежал в Турцию, уступив казанский престол своему племяннику Сафа-Гирею (см. коммент. к с. 254). В 1532—1551 гг. Сахыб-Гирей — крымский хан. Убит во время похода на Казань старшим сыном Сафа-Гирея Булюк-Гиреем.

Стр. 292—294. *Бѣ бо царь Шигалей по роду... от колѣна Тактамышева...* — Род Шах-Али происходил не от Тохтамыша, а от хана Тимура-Кутлу. Родословная хана Сахыб-Гирея восходила к брату Тимура-Кутлу, Таш-Тимуру.

Стр. 296. *И невѣрный варваръ паче нашихъ вѣрныхъ сотвори.* — Шах-Али идеализирован автором «Казанской истории». Из летописных источников известно, что Шах-Али принимал участие в заговоре против Василия III, за что попал в опалу и был сослан на Белоозеро, где провел несколько лет (с 1533 по 1536 г.). В 1536 г. был возвращен в Москву как претендент на казанский престол.

И потом молча долго князь великий, 11 лѣтъ не могши управитися с казанцы... — Т. е. с весны 1521 г. (воцарение Сахыб-Гирея) до 1532 г. (первое изгнание из Казани Сафа-Гирея).

...брань... имяше с полскимъ королемъ, з Жигимонтом... — Жигимонт — Сигизмунд I (1467—1548). Король польский и великий князь литовский с 1506 г. С 1507 г. вел неудачную войну с русским государством, в ходе которой Русь возвратила себе некоторые западные земли и г. Смоленск (1514 г.).

Стр. 298. *...златоструйный Тигръ...* — В данном случае речь идет о р. Тигр, которая, согласно Библии, являлась одной из четырех рек, орошавших рай (Быт. 2, 14).

Стр. 300. *Воеводам же начальнымъ бѣ имена: князь Иванъ Бѣльскій...* — Иван Федорович Бельский (ок. 1490—1542), князь, боярин. С 1522 г. — один из ближайших бояр царя Василия III. Участник походов на Казань 1524, 1530, 1532 гг. После смерти Василия III был брошен в темницу из-за побега брата Семена Федоровича в Лнтву, но в 1538 г. освобожден. После смерти Елены Глинской и И. Ф. Овчины-Оболенского — фактически правитель государства. В 1542 г. был свергнут Шуйскими и сослан на Белоозеро, где и умер насильственной смертью.

...Михайло Глинскій, сынъ Львовъ... — Михаил Львович Глинский (ум. в 1534 г.), князь, дядя царицы Елены Васильевны, жены Василия III. Пользовался большим влиянием в последние годы правления Василия. В 1534 г. организовал заговор против фаворита Елены И. Ф. Овчины-Оболенского, был схвачен и умер в заточении.

...князь Иван Оболенскій Овчина... — Иван Федорович Овчина-Телепнев-Оболенский (ум. в 1539 г.), князь, боярин с 1534 г. Играл большую роль в правительственных делах при Василии III; при Елене Глинской стал фактическим правителем государства. После смерти царицы по распоряжению захвативших власть Шуйских брошен в тюрьму, где и умер.

Стр. 304. *...малаго градца гуляя 80 городень и в них 7 пушекъ.* — Гуляй-город — древнерусское подвижное боевое сооружение, применявшееся при осаде городов. Имел вид многоярусной самоходной крепости, внутри которой помещалась команда, вооруженная орудиями и пищальями.

...и с того бою... в Крым утече... к брату своему Сап-Кирию... крымскому... И бѣ тамо... лѣто и шесть мѣсяць. — Свое первое изгнание (около четырех лет — до 1535 г.) Сафа-Гирей провел не в Крыму у Сахыб-Гирея, а в Ногайской Орде.

И царя на Казань прошаху — брата Шигалиева меншаго, царевича Геналея... — Касимовский царевич Джан-Али (Геналей) был приглашен на престол «московской партией» в Казани после изгнания Сафа-Гирея в 1531 г.

Стр. 306. *...царевича суца пятнадцати лѣтъ...* — Относительно даты рождения Джан-Али у историков нет единого мнения. М. С. Худяков указывает на 1516 г., Г. З. Кунцевич относит его к более раннему времени, так как уже в 1521 г. Джан-Али управлял касимовскими татарами.

...Даниилъ митрополитъ... — О нем см. коммент. к с. 28.

...лѣто едино тихо живше с нимъ... — Правление Джан-Али в Казани продолжалось около пяти лет (с 1531 по 1535 г.).

...и восташа, и убиша его без вины... — Одна из версий, объясняющая убийство Джан-Али казанцами, известна по переписке ногайского мурзы Юсуфа с дочерью Сююн-Бике (Сумбекой), ставшей женой хана Джан-Али. Узнав из письма дочери, что муж ее не любит, Юсуф отдал приказ убить Джан-Али, а Сююн-Бике вернуть домой (Моисеева Г. Н. Казанская царица Сююн-Бике и Сумбека «Казанской истории». — ТОДРЛ, т. XII, 1956, с. 175).

И паки же прияше царя Сап-Кирия... — Второе правление Сафа-Гирея в Казани продолжалось с осени 1535 по 1546 г.

...Георгій... простъ сый и несмыслень... — Георгий Васильевич (1533—1563), сын Василия III, брат Ивана IV, углицкий князь. Его характеристика автором «Казанской истории» совпадает со словами А. М. Курбского: «...был без ума, без памяти и бессловесен». Георгий поэтому не рассматривался как возможный наследник престола даже во время болезни Ивана Грозного в 1553 г.

Стр. 310. *О семъ же... великий салтанъ турский похвалная восписа ему...* — Во Львовской и Никоновской летописях содержится рассказ о том, как Иван IV получил письмо из Царьграда через купца Мустафу-Челобоя от турецкого султана Сулеймана, сына Сюлюма, в котором он поздравлял русского государя с принятием титула самодержца. Этот же легендарный факт приводит и автор «Казанской истории».

Стр. 312. *...агаряном, внуком Измаиловымъ...* — Так в средние века именовались восточные народы. Согласно Библии, они — потомки Измаила, сына Авраама и его наложницы Агари. Дети Агари — агаряне, потомки Измаила — измаилтяне.

Стр. 314. *...и тафши на главы своя украшаху...* — Тафня — шапочка татарского образца, надеваемая под шапку.

Стр. 318. *...Давыдски слезами своими постелю свою омакаше...* — Давид, согласно церковной традиции — автор Псалтири, в своих покаянных псалмах со слезами раскаивался в прегрешениях.

Стр. 320. *И воста в Казани... смятение велико, воздвигоша бо крामолу вси... на царя... Сат-Кирея...* — Речь идет о восстании 1546 г., в ходе которого Сафа-Гирей был во второй раз изгнан из Казани. Сафа-Гиреем были недовольны казанские феодалы (царь пытался передать крымцам некоторые наследственные права и привилегии казанской знати) и простые люди, терпевшие двойной гнет казанских и крымских феодалов.

И побѣжавъ... Сат-Кирей... къ зяицкому князю Исупу... — Ногайский мурза Юсуф был потомком эмира Едигея. Занимал двойственную позицию по отношению к русскому государству, то поддерживая с ним союзнические отношения, то выступая на стороне его врагов. Переписывался с Иваном Грозным, информируя его о событиях в Казани.

...и дщерь у него взя... — Речь идет о Сююи-Бике (Сумбеке). В действительности она стала женой Сафа-Гирея намного раньше: вскоре после того, как он вторично (в 1535 г.) захватил власть в Казани.

И возлюби ю зѣло, паче первыхъ женъ... — Из переписки Ивана Грозного с отцом и братьями Сююи-Бике явствует, что Сафа-Гирей взял ее насильно («в полон за себя взял, и многую ей соромоту учинил, как писати непригоже». — См.: Моисеева Г. Н. Казанская царица Сююи-Бике и Сумбека «Казанской истории», с. 175).

Стр. 326. *И вложи Богъ милосердие о царѣ... въ сердце... Чюры Нарыковича...* — Чура Нарыков — казанский вельможа. В 1545 г. считался одним из руководителей «московской партии» в Казани. Его внешнеполитическая ориентация была неустойчивой: в летописях упоминается о его набегах на Русь. В 1547 г. Чура был казнен ханом Сафа-Гиреем, вернувшимся на казанский престол, за участие в заговоре против крымской группировки.

Стр. 330. *...идоша казанцы в Нагаи... и молиша царя Сат-Кирея, да изыдетъ... на Казань царемъ...* — Возвращение Сафа-Гирея в Казань осуществилось благодаря военной помощи Юсуфа. Из грамоты братьев Сююи-Бике Ивану IV явствует, что, подойдя к стенам Казани, они намеревались перебить всех крымцев во главе с Сафа-Гиреем, перейти на сторону Шах-Али, выдав за него замуж Сююи-Бике. Но Шах-Али покинул Казань до прихода ногайско-крымского отряда. Простояв у Казани восемь дней, Сафа-Гирей вошел в город.

И царствова напослѣдок два лѣта, и злобаяянную свою душу изверже. — Сафа-Гирей умер в 1549 г.

...приказа царство... меньшей царице... — Сююи-Бике.

Стр. 332. *Царь же Шигалий из Казани на Коломну прибѣжав... И втай наедине возвѣсти ему... о себѣ...* — Летописи сообщают, что Шах-Али, бежав из Казани, с дороги послал великому князю грамоту об измене казанцев и воцарении Сафа-Гирея.

Царь же... повелѣ трех своих бояр... казни предати. Четвертый же... зелием опився уже после ихъ. — В летописях под 1546 г. сообщается о казни Иваном Грозным в июле трех князей: Ивана Кубенского, Федора и Василия Воронцовых и ссылке на Белоозеро И. Ф. Петрова. Причиной казней и опалы называется «извещение» дьяка Василия Захарова, что они «многие мзды в государстве его взимаху».

И на другое лето... посла... казанския земли воевати... князя Семиона Микулинскаго... и князя Василья Оболенскаго Сребренаго... — Поход князей Микулинского и Серебряного-Оболенского на Казань относится к 1545 г., т. е. еще ко времени второго правления Сафа-Гирея в Казани, до кратковременного царствования и бегства из Казани Шах-Али.

Стр. 336. *Подле же обою рѣкъ, Звияги и Волги...* — Свияга — правый приток Волги, течет почти параллельно ей, но в противоположном направлении, иногда приближаясь к руслу Волги на расстояние трех-четырех километров.

...двѣ бо черемисы в Казанской области, языки ихъ три, четвертый же языкъ — варварский и той владѣяше ими... — Горная черемиса — чуваша, населявшие гористый правый берег Волги; луговая черемиса — марийцы, жившие по левому, низменному берегу Волги; кокшайская и ветлужская черемиса — марийцы бассейна р. Кокшаги и р. Ветлуги; третий народ, здесь не названный автором, упоминают им в другом месте (см. на с. 268) — «остяки» — т. е. удмурты; «варварский народ» — татары.

Стр. 338. *...о поставлении Свияжского града.* — Свияжск (первоначально названный Иван-городом в честь Грозного) — крепость близ устья р. Свияги.

...яко и древле царю Константину... — По легендарному преданию основателю Константинополя (Царьграда) императору Константину I (285—337) место, где должен быть построен город, было указано в видении. См.: «Повесть о взятии Царьграда турками в 1453 г.» (т. 5 наст. изд.).

Стр. 340. *...везуще с собою готовый град деревяный...* — Детали будущего города были изготовлены в Угличском уезде под руководством дьяка Ивана Выродкова.

...на великих лодиях бѣлоозерскихъ... — «Белозеркой» (или дошаником) называлось судно, имевшее в длину от кормы до носа тринадцать сажень (приблизительно 27 метров).

...и приидоша... на рѣку Свиягу... месяца мая въ 16 день, в субботу седмую по Пасце. — В летописях называется другая дата — 24 мая, «в неделю Всех святых».

...июня въ 30 день. — По летописям — 21 июня.

...преподобнаго Сергия чудотворца. — Сергей Радонежский (1314—1392), основатель Троицкого монастыря (ныне Троице-Сергиева лавра в г. Сергиев Посад Московской обл.), поддержавший Дмитрия Донского в его борьбе с монголо-татарами.

Стр. 346. *...Сивилла Южская царица...* — Речь идет об упоминаемой в Библии (3 Цар. 10, 1—10) мудрой царице Савской (государство на юге Аравии), отождествленной автором «Казанской истории» с Сивиллой (пророчицей у древних римлян).

Стр. 348. *...мал градецъ пустъ... бѣсовское городище.* — Так называемое «Чертово городище» некогда находилось недалеко от современного г. Елабуги.

...и родися царевич от нея, именовъ Мамш-Кирей... — Царевич Утемыш-Гирей (Мамш-Кирей) родился в 1549 г. вскоре после смерти отца. Позднее был крещен и получил имя Александр. Умер на Руси в 1566 г.

Стр. 350. *Владяше же царица Сумбек... пять лѣтъ... Казанским царством... И брежаху Казань с нею уланове... в них же бѣ первый... Кошакъ.* — После смерти Сафа-Гирея власть в Казани захватила крымская группировка во главе с уланом Кучаком (Кошак). Она провозгласила ханом малолетнего сына Сафа-Гирея, а регентшей — его вдову, мать Утямыш, Сююн-Бике. Правление Сююн-Бике продолжалось с марта 1549 по август 1551 г.

Стр. 352. *О любви блудной со царицею Кошакъ...* — Этот сюжет «Казанской истории» не находит подтверждения в источниках. Автор представляет связь Сююн-Бике с уланом Кучаком как внезапно вспыхнувшую непреодолимую страсть. Возможно, это был политический шаг, вызванный необходимостью найти опору в крымском лагере, который мог стать враждебным: на престол был возведен не один из старших сыновей Сафа-Гирея, живших в Крыму, а сын Сююн-Бике (см.: Моисеева Г. Н. Казанская царица Сююн-Бике и Сумбека «Казанской истории», с. 174—187).

...взявъ брата своего, и жену свою, и два сына своя... — Летописи сообщают, что Кучак бежал из Казани один, оставив семью в городе.

Стр. 354. *...бѣжаща меж двою рѣкъ... Доном и Волгою...* — По летописным данным, Кучак был схвачен русскими при переправе через р. Вятку.

...И побѣ всѣхъ бѣжащихъ съ нимъ 5000... Самого же... Кощака... жива взяша... и съ нимъ 300... воинъ... — По летописям, Кучак захватил с собою всего 300 крымцев; вместе с ним в плен было взято еще 45 человек.

А жену его крестиша... — О судьбе жены Кучака в летописях сведений нет.

Стр. 370. *И воспечалися... салтанъ, яко все свое золото египетское погубль...* — К середине XVI в. турки установили господство над огромной территорией от Гибралтара до восточного побережья Средиземного моря. В состав Османской Порты как одна из провинций входил и Египет, присоединенный к ней в 1517 г. султаном Селимом I.

Стр. 378. *И совѣщавъ казанцемъ оболстити царя... воеводамъ московскимъ... и возвести на него измѣну велику...* — В действительности причины удаления Шах-Али из Казани были иными: Шах-Али не мог выполнять требований русского правительства, так как казанские феодалы ему не подчинялись; к помощи русских войск он прибегнуть не захотел, надеясь привлечь на свою сторону знать Казани. Не справившись с создавшимся положением, Шах-Али в феврале 1552 г. покинул Казань и уехал в Москву.

Стр. 384. *И измѣниша казанцы царю... великому князю...* — После ухода Шах-Али из Казани Грозный предпринял попытку присоединить Казань мирным путем: по соглашению с казанцами Иван IV объявлялся казанским ханом, а управление в городе передавал русским воеводам. Наместником в Казани был назначен князь Семен Микулинский. Но когда в сопровождении русских войск и казанских вельмож наместник приблизился к Казани, казанские князья Исмаил, Кебек и Алике Нарыков из свиты Микулинского поскакали в город и заявили, что русские будут избивать население. В городе вспыхнул мятеж, и Микулинский был вынужден вернуться в Свияжск.

Стр. 388. *...приведоша... на царство царя из Нагайския земли... Едигея Касаевича...* — Едигер (Ядигар) — Мухаммед — астраханский царевич, сын хана Касима, внук Сейид-Ахмета. В 1542 г. приехал на службу к Ивану IV, в 1550 г. участвовал во втором походе Грозного на Казань. В конце 1551 г. стал казанским царем.

И с нимъ прииде в Казань 10000 варваръ... — По словам «ногайского челоуѣка» Янгары-богатыря, приведенным в летописях, с Едигером в Казань пришли только 500 человек.

Стр. 390. *...во свою вотчину... в Касимовъ...* — Касимов — ранее Городец-Мещерский — главный город удельного татарского княжества, основанного в 50-е гг. XV в. Василием II Темным и служившего проводником московских влияний в Казанском ханстве. Находилось в северо-восточной части современной Рязанской обл. по р. Оке. Первым ханом был царевич Касим (ум. ок. 1469 г.), сын золотоордынского, позднее — казанского хана Улу-Мухаммеда (Улу-Ахмета). «Цари» и «царевичи» Касимовского княжества назначались из числа татарской знати, принявшей русское подданство. Просуществовало до 1681 г.

...и князя Владимира... — Владимир Андреевич Старицкий (1533—1569), двоюродный брат Ивана IV, один из последних русских удельных князей. После мятежа, поднятого в 1537 г. отцом — Андреем Ивановичем, три года провел в заключении. Позже был приближен царем Иваном, принимал участие в военных походах. После 1553 г., когда во время болезни Грозного прочился в цари (в случае смерти Ивана), попал в опалу. В 1569 г. казнен вместе с женой и детьми.

...яко Елезванъ, ефиопъский царь, на омиритского царя Дунаса жидовина... — Елезван (Элесбоа) и Дунас (Зу-Навас) упоминаются и в переписке Ивана Грозного. Элесбоа — негус Эфиопии, был союзником императора Юстиниана (VI в.) и воевал против царя Зу-Наваса. После одержанной победы принял монашество и жил аскетической подвижнической жизнью. Легенда входила в Великие Миней-Четьи.

...ревнуча... Святославу Игоревичю... — Святослав Игоревич (ок. 945—972), великий князь киевский. Прославился своими воинскими деяниями.

Стр. 392. *...со благородныхъ грек, побѣдившихъ древле Трои предивную и прегордаго царя... Скерска...* — Рассказ о взятии греками Трои (нач. XII в. до н. э.) был известен русскому читателю из «Хронографа», куда он попал из «Хроники Иоанна Малалы». Основой повествования о Троянской войне в «Хронике» был не текст «Илиады» Гомера, а перевод латинской переработки греческого романа I—II вв. н. э., приписывавшегося Диктису Критскому, мифическому участнику войны с Троей (см.: Творогов О. В. Древнерусские Хронографы. Л., 1975, с. 15). О победах греков над

Ксерксом (ум. в 465 г. до н. э.), сыном Дария I, царем Персии, русский читатель мог узнать из «Хронографа» или из «Истории Иудейской войны» Иосифа Флавия. Побед над персами греки добились под предводительством Фемистокла в двух морских сражениях: у острова Саламин (480 г. до н. э.) и у мыса Микале (479 г. до н. э.) и в битве сухопутных войск при Платеях (479 г. до н. э.).

Поревнова... великому князю Владимиру... како взя великий град Корсунь... — Имеется в виду великий князь киевский Владимир I Святославич (ум. в 1015 г.) и его успешный поход в 989 г. на Корсунь (Херсонес).

...позавидь Владимиру Манамаху... — Владимир Всеволодович Мономах (1053—1125). С 1113 г. — великий князь киевский. С 1093 г. вел ожесточенную борьбу с половцами, был организатором и участником удачных походов 1103, 1107, 1111 гг. Автор «Поучения» (см.: т. 1 наст. изд.), в тексте которого содержится рассказ о его походах. С Фракией, Халкедонией и Грецией войн не вел.

...на греческого царя Константина Монамаху... — Константин Мономах, император Византии с 1042 г., действительно вел войны с Русью. В 1043 г. был заключен союз между Византией и Русью, скрепленный браком родственницы Константина (возможно, даже дочери) со Всеволодом, сыном Ярослава Мудрого. Владимир Мономах, родившийся от этого брака в 1053 г., не мог вести войну с императором Константином, умершим в 1055 г.

Посылает к нему с великим смирением... — Рассказ о посольстве императора Константина с дарами (царским венцом, скипетром, багряницей и сердоликовой крабицей Августа) заимствован из «Сказания о князьях владимирских» (см.: т. 8 наст. изд.).

Стр. 398. *...празновав царь... пятидесятный день по Пасце... и всю ту неделю Пянтикостную...* — В 1552 г. Пятидесятница (Троица) приходилась на 5 июня. Пянтикостная неделя — первая неделя после Пятидесятницы.

...митрополиту Макарию. — Макарий — инок, позже — архимандрит Можайского Лужецкого монастыря. С 1526 г. — архиепископ Новгородский (не по избранию новгородцев, а волею великого князя Василия III). После низложения Шуйскими митрополита Иоасафа в 1524 г. был призван на митрополичий престол, который занимал 22 года. Венчал на царство Ивана Грозного в 1547 г. При нем и под его непосредственным началом были созданы Великие Минен-Четыи и Степенная книга царского родословия.

...миръ и любовное целование царице своей Анастасии... — Анастасия Романовна Захарьина-Юрьева (ум. в 1560 г.), первая жена Ивана IV Грозного, дочь окольничьего при Иване III Васильевиче Романа Юрьевича. Была обвенчана с царем в феврале 1547 г. Мать Ивана Ивановича и Федора Ивановича, последнего из Рюриковичей на русском престоле. К первой жене Иван Грозный относился с искренней нежностью, чему есть много исторических свидетельств.

Стр. 402. *...предо образомъ... Богородицы, юже евангелистъ Лука написа...* — Согласно преданию, Владимирская икона Богоматери, о которой здесь идет речь, была копией с иконы, написанной евангелистом Лукой. В XII в. икона была привезена из Византии в Киев, затем увезена князем Андреем Боголюбским во Владимир, а оттуда в 1382 г. — в Москву. В настоящее время находится в Третьяковской галерее.

...Петру и Алексѣю и Ионе... — См. коммент. к с. 522.

Стр. 404. *И отпуцаетъ его, яко ангель Божий Гедеона на царей мадиамскихъ и яко Самсонъ кроткаго Давида на силнаго исполина Голиада...* — В данном фрагменте автор «Казанской истории» проводит параллель между Иваном Грозным и библейскими героями-победителями. Так, Гедеон с тремястами воинов победил несметное войско Мидиана в Амалнка, которое было обращено в бегство звуками труб; Давид победил гиганта Голиафа, поразив его камнем из пращи. Одновременно митрополит Макарий уподобляется здесь вдохновителям этих побед, причем в обоих случаях автор допускает ошибки: Гедеон был послан на битву «гласом Бога», Давид вышел сразиться с Голиафом по призыву Самуила, а не Самсона.

Стр. 406. *...в первую неделю Петрова поста...* — Петров пост начинался в понедельник через неделю после Троицы.

...въ десятый час дни... — По современному счету времени это соответствует приблизительно 13 ч. 30 мин.

...нечестиваго царя крымскаго Девлет-Кирия пришедша... на Тулу... — Девлет-Гирей, крымский хан (1551—1577), племянник Сахыб-Гирея, сменивший его на крымском престоле. Был ставленником турецкого султана. В 1552 г. при военной поддержке Турции попытался помешать походу русских на Казань. Осада Тулы была предпринята им в 20-х числах июня.

...иже была на Дону с... князем Дмитреемъ... — См. коммент к с. 526.

Стр. 408. ...и два царевича Астроханския Орды... приидоша ту: Кайбула... Дербыш-Алей... — Царевич Кайбула (Хайбула) приехал на Русь в мае 1552 г., получил во владение г. Юрьев и женился на племяннице Шах-Али, дочери Джан-Али. Дервиш-Али (Дербыш-Али) выехал на Русь в конце 1551 г., получил от Ивана IV Звенигород, где и проживал безвыездно. В 1554 г. был посажен Грозным на астраханский престол вместо Ямгурчия.

...и ту... уряжает полки... — Приводимое далее распределение военачальников по полкам не совпадает с данными летописей. Г. Н. Моисеева установила, что автор «Казанской истории» поместил здесь не вымышленный разряд войск, а отразил расстановку воинских должностей за более поздний период (1564—1565), когда многие воеводы, участвовавшие во взятии Казани, были либо казнены, либо находились в ссылке. Так, например, не упоминаются воевода «большого полка» М. И. Воротынский (в 1562—1566 гг. находился в заточении на Белоозере), А. М. Курбский — воевода «правой руки» (в 1564 г. бежал в Литву), Немого-Оболенский, воевода «сторожевого полка» (казнен в 1565 г.). С другой стороны, в 60-е гг. Грозный приближает к себе новых воевод из среды опричников и приехавших на Русь татарских царевичей, что также нашло отражение в «Казанской истории», где упомянуты «начальные» воеводы казанского взятия из среды опричников — Темкин-Ростовский, Одоевский, Пронский, Трубецкой, а также ряд татарских царевичей, которые на самом деле в походе на Казань не участвовали.

...артоулному полку... — Ертаул (или ертоул) — передовой конный отряд для разведки.

Стр. 410. ...и черкасы... и мордвы... и нѣмецъ, и фряг, и ляховъ... — Черкасы — северокавказский народ; мордовские племена жили за Сурой и ее притоком р. Пьяной; под немцами здесь, по-видимому, подразумеваются шведы; фряги — итальянцы; ляхи — поляки.

...и пророчествова Иеремия: «От яждения бо, — рече, — громовъ колесниц его и от ступания коней и словъ его потрясется вся земля». — Источником данного высказывания действительно является входящая в состав Библии Книга Иеремии, но автор «Казанской истории» приводит слова пророка неточно. Ср.: «От шума устремления его, и от оружия ног его, и от гремяния колесниц его, и от звука колес его не обратишася отцы к сыну своим, опустивше руже своя».

Стр. 412. ...и за поле Куликово... — Куликово поле находится к юго-востоку от Тулы в междуречье Дона и его притока Непрядвы.

...по Мечю рѣку... — Меча — правый приток Дона южнее Куликова поля. Современное название — Красивая Меча.

Стр. 414. ...и в калантырь облекся... — Калантырь — доспехи из крупных металлических пластин, прикрывающих спину и грудь, с кольчужной сеткой от пояса до подола.

Стр. 416. ...и ста на Арскомъ поле... прямо граду за версту едину... — В действительности полк Грозного разместился на Царевом луге в достаточном удалении от Казани ...со всею матицею великою... — Матица — центральная часть войска.

И посель себе одѣлати градцемъ... — Рисунки «Царственной книги» изображают эти оборонительные укрепления в виде четырехугольных редутов из туров (башен) с выкопанными перед ними траншеями.

И постави правыя руки полкъ... противу дву Нагайскихъ вратъ... а сторожевыи полкъ... противъ Царевыхъ вратъ. — В действительности расположение русских полков вокруг Казани было иным.

И не хуже Антиоха явленаго, егда прииде Иерусалимъ плѣнити. — В 203 г. до н. э. Иерусалимом овладел Антиох Великий, царь Сирии. Однако вероятней, что речь идет об Антиохе Епифане. О его разграблении Иерусалима рассказано в Библии. О завоевании Иерусалима Антиохом

Епифаном говорит в «Истории Иудейской войны» Иосиф Флавий, приведя это завоевание как пример наказания жителей за грехи.

Стр. 424. *В ту же ночь сеитъ казанский сонъ же видѣ...* — Главой мусульманского духовенства в Казани в 1552 г. был Кулшериф-Молна (молла, мулла). Он считался вторым лицом в государстве после хана. Был убит при взятии Казани.

Стр. 426. *Той бо острог старый, Арескъ зовом...* — Городок Арск находился в верховьях р. Казанки примерно в шестидесяти верстах от Казани. Был центром Арского княжества, населенного удмуртами (арами).

Стр. 436. *...яко древле иногда от 5 хлѣбов 5000 народа иудейи напита?* — Автор «Казанской истории» ссылается на евангельский эпизод, рассказывающий о том, как Иисус Христос пятью хлебами и двумя рыбами накормил 5000 человек (Мф. 14, 17—21).

Стр. 438. *Бѣ бо царь Шигалей в ратножѣ дѣле зѣло прехитръ и храбрѣ...* — В «Летописце начала царства» Шах-Али охарактеризован иначе: «...царь... не могый скоро на конях ѣздити, разумичен же царь преизлишне, но не храбрѣ сый на ратях...» (ПСРЛ, т. XXIX. М., 1965, с. 82).

Стр. 440. *...посла... яко аггела своего ко Исусу Навину разорити стѣны Иерихонския...* — Согласно Библии, помощник и преемник Моисея Иисус Навин овладел городом Иерихоном благодаря чудесной помощи Бога: стены осажденного города рухнули от звуков труб и криков войска Иисуса Навина (Нав. 6, 19).

Стр. 442. *...учиниша... башни 4 фряским обычаемъ...* — В действительности во время осады Казани была сооружена (под руководством дьяка Ивана Выродкова) одна башня огромных размеров в близком расстоянии от городской стены.

...и вскоре другому дѣлу... касаются, его же преж того никто же на Руси видал. — Подкоп как военно-инженерный прием был известен на Руси задолго до взятия Казани. В Никоновской летописи под 1533 г. есть запись о взятии г. Стародуба литовцами с помощью подкопа. Устроение подкопов под казанскими стенами в летописях приписывается «немчину» Размыслу.

Стр. 444. *И вборзѣ хитрецы повельнное... в седмый день... скончаша...* — Согласно «Летописцу начала царства», сооружение подкопов длилось более месяца — с 31 августа по 2 октября.

Стр. 450. *...и напрасно вси вдруг исчезнуша... яко египтянѣ: онѣх бо море потопа...* — В Библии говорится о бегстве иудеев под предводительством Моисея от египетского фараона. По молитве Моисея, море, вставшее преградой на пути, расступилось, и иудеи перешли Красное море по дну. Но когда за ними устремились их преследователи, то волны сомкнулись над ними, и все египтяне утонули (Исх. 14, 22—28).

...царь... самъ ходя с ними... — Участие Ивана IV в посольстве в Казань — факт легендарный. Автор «Казанской истории» создал данный фрагмент по аналогии с эпизодом из «Александрин», в котором рассказано о том, как Александр Македонский явился на пир к Дарию в качестве посла (см. наст. изд., т. 8).

Стр. 454. *...праздникъ... Богородици, честнаго ея Покрова.* — Праздник Покрова (1 октября), установленный в честь «нетленной ризы», с помощью которой Богородица, по легенде, защищает народ во время бедствий, особенно почитался на Руси. Молитва к Богородице о покрове (защите) всегда свершалась перед выходом на войну. Не случайно поэтому, что день решающего штурма Казани был приурочен к празднику Покрова.

Стр. 458. *...и в прегубницы ударяющи...* — Прегубница — музыкальный инструмент. *И егда зажженно бысть огненное зелье в ровѣх... И прорви... стѣны градныя... и тайникъ подня...* — В «Казанской истории» упоминается лишь об одном взрыве подкопов накануне последнего штурма Казани 2 октября. В действительности за время осады было взорвано четыре подкопа: под тайником, откуда осажденные добывали воду (4 сентября), под тарасами (земляными сооружениями казанцев) — 30 сентября и два подкопа под городскими стенами (2 октября). *...прясло едино, а в другомъ же мѣсте — с полпрясла...* — Прясло — часть крепостной стены от башни до башни.

Стр. 458—460. ...чающи... содомский огонь, с небеси шедши, попалили их. — Жители двух библейских городов Содом и Гоморры за великие прегрешения были уничтожены Богом (за исключением семьи праведного Лота). В библейской Книге Бытия об этом событии сказано: «И Господь одожди на Содом и Гоморр жупел, и огонь... с небесе» (Втор. 29, 22—23).

Стр. 460. И вострубиша... в сурны... и удариша в накры... — Сурна — древний музыкальный инструмент, отличавшийся сильным пронзительным звуком. Накры — древнерусский музыкальный инструмент типа бубна.

Стр. 462. И ту, в Муралтьевых вратех, уязвиша... Симеона Никулинского... — О том, где именно находился во время штурма Казани С. Микулнский, сведений нет. В летописях он упоминается как воевода «передового» полка во время похода на Арскую крепость, но в числе воевод, участвовавших в последнем штурме Казани, не назван.

Брата же его, князя Дмитрия, ис пушки... убиша. — Согласно Разрядной книге, Д. Микулнский был воеводой в «полку левой руки», стоявшем на берегу Булака. Никаких сведений о его судьбе ни Разрядная книга, ни летописи не содержат.

Стр. 470. Тѣхъ же досталних 3000 окопившася храбрых казанцевъ... — А. М. Курбский называет другую цифру — 6000 человек.

...и прорвашася во врата Царевы за Казань рѣку... — Последний отряд казанцев покинул город со стороны Елбугинных ворот, находившихся в северной части крепости, непосредственно выходявшей на берег р. Казанки, через которую казанцы переправились вброд и, сражаясь с воинами полка «правой руки», отходили в леса за Казанкой. Царские врата находились в противоположной части города.

...стояху бо ту на поле два воеводы противъ Царевых врат — князь Петръ Щенятевъ... князь Иванъ Пронской Турунтай. — Князь Щенятев находился у Елбугинных ворот (как воевода «правой руки») вместе с князем Курбским; князь Пронский, находясь вместе с «передовым полком» на Арском поле, не принимал участия в сражении с последним отрядом казанцев.

И бѣвидети, яко высокоя горы, громады... побитых казанцевъ лежащихъ... — Сходное описание Казани, заваленной телами убитых воннов после взятия города, есть и в других исторических сочинениях.

И бысть съча та великая от утра, перваго часа дни, и до десятаго. — О продолжительности последнего штурма Казани точных сведений в летописях не имеется, есть лишь общие указания на длительность битвы.

Стр. 472. *О изымании казанского царя...* — Обстоятельства взятия в плен казанского царя Ядигара-Мухаммеда в разных источниках освещаются по-разному. По одной версии («Отрывок русской летописи». — ПСРЛ, т. VI, с. 313), наиболее близкой к рассказу «Казанской истории», воины князя Палецкого схватили царя, не опознав его, на городской стене близ Збойливых ворот и хотели убить его, но узнали «от неких татар», что перед ними казанский царь. По другой версии, принадлежавшей Курбскому, казанцы сами передали царя русским, после чего попытались выбраться из города.

Стр. 474. *...женъ красных и двѣць до 1000...* — Эта подробность подтверждается рассказом Курбского.

...и в повоях златых... — Повой (повойник) — женский головной убор.

Стр. 478. *...рязанския земли воевода Назарья Глѣбовъ...* — В Разрядной книге Н. С. Глебов — воевода в «передовом полку».

...въѣхавъ в столный град Казань в час 3 дня... — По современному времениисчислению около 9 часов утра.

...предидушу пред нимъ хоругви его — образу Спасову... — Хоругвь — войсковое знамя; образ Спасов — так называемый «Нерукотворный Спас» — особо почитаемый тип иконы Христа на убрусе (плате): согласно преданию, Христос сам «запечатлел» свой образ, прижав полотно к лицу. Хоругвь с изображенным на ней Спасом была главным боевым знаменем русского войска.

Стр. 482. *...нового архиепископа граду Казанскому перваго, Гуриа...* — Гурий Руготин (ум. в 1536 г.), известный церковный деятель. Был игуменом Иосифо-Волоколамского монастыря (1544—1551), до 1555 г. — игуменом Троице-Селижаровского монастыря. В феврале 1555 г. стал архиепископом казанским. В «Казанскую историю» включен подлинный текст наказа Гурию Ивана IV.

Стр. 486. *...тимпаны звяцаху, и органы восклицажу, и рожны вопияху...* — Тимпаны — древний музыкальный инструмент, род небольших литавр; орган — в древности — духовой музыкальный инструмент с резким звуком; рожны (рожки) — древний музыкальный мундштучный инструмент с сильным звуком.

Стр. 492. *Прилучиша же ся тогда и послы нбкия... от далних странъ...* — В данном фрагменте автор сводит вместе иностранных дипломатов, в действительности побывавших в Москве в разное время.

...авиловскаго царя посоль... — По-видимому, имеется в виду персидский посол, находившийся в Москве до 1557 г.

...послы нагайския... — Находились в Москве в момент возвращения Грозного (до 25 октября).

...послы польского короля... — В 1552 г. в Москве дважды были польские посланники, но первый из них уехал 10 марта, а второй прибыл в Москву лишь 24 ноября.

...послы дацкаго короля... — Были в Москве в 1559 г.

...послы свицкого короля... — Шведские послы были в Москве уже после 1552 г.: в 1557 г. Иван IV заключил мир в Москве с послами шведского короля Густава Вазы.

...посол волоский... — Послы волошского воеводы Александра прибыли в Москву, согласно летописи, в 1555 г.

...купцы Англиския земли. — Впервые английские купцы появились в Москве только в 1553 г. (Кунцевич Г. З. История о Казанском царстве..., с. 495—497).

Стр. 494. *...в больша врата граду, зовомья Фроловския...* — Фроловскими назывались до 1658 г. Спасские ворота Кремля.

Стр. 506. *...к роте приведе... якоже Моисей во израилтянх...* — Имеется в виду библейский эпизод — клятва израильтян перед Моисеем в том, что они будут неукоснительно соблюдать божественные заповеди и предписания (см. Исх. 19, 7—8).

Стр. 508. *...якоже заточены самоеды македонскимъ царем Александромъ за великия горы на край Чермнаго моря.* — Эти сведения о самоедах, вероятнее всего, восходят к рассказу «Повести временных лет» под 1096 г. (см.: т. 1 наст. изд., с. 266—267), где сказано, что самоеды, в числе других «нечистых» народов, были заточены Александром Македонским за непроходимыми горами. Однако возможно, что это сообщение имеет своим источником «Александрию», в которой рассказывается о заточении Александром «нечистых» народов, правда, самоеды среди них не названы (см.: т. 9 наст. изд.).

ТРОИЦКАЯ ПОВЕСТЬ О ВЗЯТИИ КАЗАНИ

Вслед за публикацией текста «Казанской истории» мы издаем в настоящем томе еще одно сочинение о взятии Казани, состоящее из двух частей — «Сказания» и «Повести», которые мы объединили под условным заглавием, указывающим на место их создания — Троице-Сергиеву лавру. Несмотря на определенную сюжетную автономию, подчеркнутую самостоятельными заглавиями, «Сказание» и «Повесть» составляют единое целое и по стилю, и по идейно-художественному замыслу. «Повесть» логически продолжает сюжетное повествование «Сказания».

На основании фактических данных, содержащихся в тексте Троицкого сочинения (здесь как о живом говорится о царевиче Дмитрие, умершем летом 1553 г., и в то же время не упоминается сын Грозного Иван, родившийся в марте 1554 г.), А. Н. Насонов датировал памятник временем не позднее лета 1553 г. (Насонов А. Н. Новые источники по истории Казанского взятия // Археографический ежегодник за 1960 г. М., 1962, с. 6).

Историко-литературную ценность Троицкого сочинения определяет прежде всего тот факт, что оно послужило одним из непосредственных источников «Казанской истории», на что впервые обратил внимание А. Н. Насонов. Из «Сказания» автор «Казанской истории» заимствовал текст речи митрополита Макария, произнесенной им во время благословения Ивана Грозного церковным собором перед выходом его в казанский поход, рассказ о прощании Грозного с царицей Анастасией, описание молебна в коломенском Успенском соборе, который царь посетил по прибытии в Коломну. Близок к троицкому тексту и рассказ «Казанской истории» о посещении Иваном Грозным московского Успенского собора. Из троицкой «Повести» позаимствован рассказ о приходе троицких чернецов под Казань, о «чудесах» апостолов, Николы и Сергия, о русских пленниках, освобожденных московскими воеводами, описание Казани, заваленной телами убитых воинов после взятия города.

Однако автор «Казанской истории» творчески переработал текст Троицкого сочинения, поместив заимствованный материал в совершенно иной художественный контекст. Сюжеты Троицкого сочинения и «Казанской истории» различны и несут разную художественную концепцию событий осады Казани. Сопоставление их позволяет заглянуть в «творческую лабораторию» двух писателей XVI в., выявить используемые ими приемы стилистической и сюжетной обработки одной и той же исторической фабулы, глубже понять идейно-художественный замысел автора «Казанской истории».

В жанровом отношении Троицкое сочинение соединяет в себе черты традиционной исторической повести и агнографического произведения. Создавая свою повесть в стенах знаменитой Троицкой обители, ее автор постоянно стремится подчеркнуть роль монастырских святых в успешном ходе осады Казани. Все повествование здесь пронизано идеей Божественного покровительства Ивану Грозному и непосредственной связи его победы над Казанью с помощью высших сил и прославленных русских святых, среди которых первостепенная роль отведена основателю Троицкого монастыря преподобному Сергию Радонежскому.

Историческую фабулу автор Троицкого сочинения позаимствовал из «Летописца начала царства царя и великого князя Ивана Васильевича», также созданного вскоре после взятия Казани, вероятно, весной 1553 г. Но если в «Летописце начала царства» Грозный изображается прежде всего как глава государства, а в военном походе — как военачальник, то в Троицком сочинении на первое место выдвигается царь-христианин, царь-праведник, исполнитель Божественных предначертаний. Троицкий автор последовательно устраняет из своего произведения все документальные подробности описываемых событий, абстрагируя повествование и тем самым перемещая внимание читателей с конкретных земных обстоятельств взятия Казани на вневременной высший смысл описываемых событий, на предначертанность их развития свыше и на роль Ивана Грозного — не столько талантливого военачальника, сколько смиренного и послушного «слуги Божьего», который слезами и молитвами снискал себе Божественное покровительство и помощь в победе над врагами.

Некоторые особенности текста Троицкого сочинения позволяют сделать предположение о его авторе. Им, по наблюдениям А. Н. Насонова, мог быть келарь Троице-Сергиева монастыря Адриан Ангелов, о прибытии которого под Казань в лагерь Ивана Грозного накануне штурма города рассказано в троицкой «Повести», а также упоминается в некоторых летописных памятниках — «Отрывке русской летописи» (*ПСРЛ*, т. 6) и одном кратком летописном рассказе (Кунцевич Г. З. Два рассказа о походах царя Ивана Васильевича Грозного на Казань в 1550 и 1552 годах // *ПДПИ*. 1898, т. 130, с. 23—35). Сообщение о пребывании троицкого келаря под Казанью вполне соотносится с указанием автора Троицкого сочинения на свою причастность к событиям осады Казани, которые он видел «своими очима», и на его личное знакомство с царем, от которого он «слышать сподобился» о некоторых подробностях взятия Казани. Делают реальной гипотезу об авторстве Адриана Ангелова и те сведения о его личности, которые донесли до нас монастырские записи, сохранившиеся в некоторых троицких рукописях. Из них явствует, что Адриан Ангелов в период своего келарства (1550, 1552, 1555—1561 гг.) вел активную хозяйственную деятельность: его заботами в монастыре были построены больница и каменная келарская, выкопан большой пруд с наведенными через него мостами, позолочены купола главного монастырского храма, отлит большой 30-пудовый колокол, переданный Троице-Сергиевым монастырем в Никольский собор Свяяжского

Успенно-Богородицкого монастыря. При нем на Троицком подворье в кремле была заложена церковь во имя преподобного Сергия. Иван Грозный с царицей и детьми неоднократно посещал монастырь во время келарства Адриана Ангелова (Краткий летописец Святотроицкия Сергиевы лавры. М., 1865, с. 4—5; Яблоков Я. Город Свяжск. Казань, 1907, с. 99).

Организаторская деятельность Адриана Ангелова распространялась и на литературные работы. По его распоряжению в скриптории монастыря переписывались рукописи, некоторые из которых (например, Четвы Миней за май и июль) сохранились до нашего времени. В составе Троицкого летописца сохранилась челобитная Адриана Ангелова Ивану Грозному, датированная 1561 г., в которой келарь ходатайствует о возведении троицкого игумена в сан архимандрита, оформляя свое прошение в этикетно-риторическую форму. Он просит царя «прославить» Троицкую обитель, напоминая о покровительстве ей самой Богородицы и духовных подвигах ее основателя Сергия Радонежского. По своему стилю и идеям эта челобитная очень близка Троицкому сочинению о взятии Казани.

В настоящее время известно два списка Троицкого сочинения, близких по времени и восходящих к общему протографу. Один из них (БАН, 32.8.3), датируемый 40-ми гг. XVII в., был опубликован А. Н. Насоновым (Насонов А. Н. Новые источники... С. 8—25). В данном издании текст Троицкого сочинения публикуется по второму, ранее не издававшемуся списку (РГАДА, собр. Оболенского, ф. 201, оп. 1, № 40), датируемому серединой XVII в. Несмотря на механическую утрату в списке Оболенского одного листа, текст протографа передан в нем более точно. Список содержит меньше описок, пропусков отдельных слов и фраз, в ряде случаев проясняет непонятные места списка, изданного А. Н. Насоновым, и гипотетически им исправленные. Текст утраченного листа и некоторые исправления вносятся в данное издание по списку БАН.

Стр. 510. *...тайну цареву добро есть хранить, а дѣла Божия преславно есть проповѣдати...* — ср.: Товнт. 12.7.

Стр. 512. *Посылает убо благочестивый царь...* — Поход на Свиягу с целью постройки города-крепости вблизи Казани происходил весной 1550 г.

...царя Шигалѣя Шиговльѣровича... — Шнгалей — касимовский царевич Шах-Али, трижды занимавший Казанский престол (см. о нем коммент. к с. 292).

...Юрья Михайловича Булгакова... — Ю. М. Булгаков (Голицын-Патрикеев) — московский боярин из рода Гедиминовичей, еще в XIV в. вошедших в состав великокняжеского двора, а во второй половине XV в. составивших самую влиятельную прослойку в Думе. Его дед Иван Булгак был потомком литовского князя Патрикия, в начале XV в. приехавшего на Русь и породнившегося с великим князем Васильем I через брак своего сына Юрия с его дочерью. Ю. М. Булгаков получил боярство в период малолетства Ивана Грозного, в 40-е гг. служил в Коломне, Кашире, в Нижнем Новгороде. В 1550 г. был тысяцким на свадьбе Владимира Андреевича Старицкого и А. А. Нагой. Его участие в строительстве Свияжска подтверждается летописями.

...да боярина и воеводу князя Семена Ивановича Микулинского... — С. И. Микулинский (Телятевский-Пунков) — потомок тверских князей Микулинских, еще в середине XVI в. имевших собственных вассалов на территории бывшего Микулинского уезда, старший сын Ивана Андреевича Пунко (Луговицы), боярин с 1550 г., был женат на дочери В. Г. Морозова; как воевода участвовал в казанских походах 1547, 1548, 1550, 1551, 1552 гг., ливонских походах 1558—1559 гг., был оставлен наместником в Казани после взятия ее русскими войсками. Умер в 1562 г.

...да боярина и дворетцкого московского Данила Романовича... — Д. Р. Захарьин (Юрьев-Кошкин), брат царицы Анастасии Романовны, шурин Ивана Грозного, происходил из могущественного старомосковского рода Кобылиных, служивших московским князьям еще с середины XIV в. Его дед — Ю. З. Кошкин был видным политическим деятелем времен Ивана III. Д. Р. Захарьин, посланный на строительство Свияжска, оставался там в ожидании нового похода на Казань, летом 1552 г. он ходил из Свияжска на горных черемисов и привел их к присяге Ивану Грозному, после взятия Казани в 1560 г. был направлен царем на подавление бунта луговых черемисов во главе с Мамич-Бердеем.

Стр. 514. *...и царя им дав Шигалия...* — Речь идет о третьем, последнем правлении в Казани царя Шигалея (1551—1552). Обстоятельства третьего воцарения в Казани Шах-Али подробно описаны в «Летописце начала царства»; другую, беллетризованную версию дает автор «Казанской истории» (см. главы 35—36, 42).

На рецѣ же на Камѣ немногие люди московские ихъ побиша и Коцка с товарищи изымав, к Москве привели. — Об улане Кучаке см. коммент. к с. 350, 352.

...и казанского царя Аташа съ материю его со царицею Сююнбекъ съимъ ис Казани взяли и къ государю к Москве послаша. — Аташ — Утемыш-Гирей (Мамшкирей), сын казанского царя Сафа-Гирея и Сююн-Бике, дочери ногайского мурзы Юсуфа, родился в 1549 г., в год смерти Сафа-Гирея; после крещения на Руси получил имя Александр (см. коммент. к с. 348; ср. описание этих событий в «Казанской истории», гл. 38—40).

...посла к ним бояр... Ивана Васильевича Шереметева... — И. В. Шереметев (Большой) — видный боярин эпохи Грозного, сын Василия Андреевича Шеремета, род которого, как и род Захарьных, восходил к Федору Кошке из московской династии Кобылиных. В малолетство Грозного И. В. Шереметев был советником Шуйских, принял активное участие в свержении И. Бельского, позднее входил в ближнюю думу царя, имел немалые военные заслуги, принимал участие в казанском походе 1545 г., в январе 1552 г. по поручению Ивана Грозного вел переговоры с казанцами, просившими отозвать Шигалея из Казани; в ходе штурма Казани в октябре 1552 г. вместе с А. М. Курбским окружил и уничтожил последнюю группу казанцев, пытавшихся бежать из города; зимой 1554 г. руководил военными действиями против взбунтовавшихся луговых черемисов. В период опричнины постригся в монахи в Кирилло-Белозерском монастыре.

...да с ними Алексѣя Федоровича Адашева. — А. Ф. Адашев — думный дворянин, окольничий, возглавивший первое правительство Ивана Грозного, позднее названное «избранной радой», в 50-е годы оказывал большое влияние на молодого Грозного, был инициатором реформ середины XVI в., укреплявших централизованную власть, возглавлял составление разрядных книг и летописей, в том числе и «Летописца начала царства» — источника Троицкого сочинения. В 1551 г. А. Адашев по поручению царя организовывал отправку из Казани в Москву царицы Сююн-Бике, затем принимал участие во взятии Казани. В 1560 г. он руководил военными действиями в Ливонии, но не сумел в полной мере воспользоваться победой над рыцарским войском, чем вызвал недовольство царя, попал в опалу и через год скончался в Юрьеве от «огненного недуга».

...царя Едигеря из Нагай... — См. коммент. к с. 98.

Стр. 516. *...боярина своего князя Олександра Борисовича Горьбатого...* — А. Б. Горбатый — боярин и воевода, видный деятель времен Ивана IV. Его род восходит к младшей ветви суздальских князей, родоначальником которой был второй сын суздальского князя Дмитрия Константиновича Семен. Фамилию свою род Горбатов вел от его внука — Ивана Васильевича. В разрядах А. Б. Горбатый упоминается с 1538 г. Он принимал участие в казанских походах 1549 и 1552 гг., особенно отличившись во время взятия Казани и получив затем должность ее первого наместника. Был казнен в первые дни опричнины в феврале 1565 г.

...да боярина своего князя Петра Ивановича Шуйского... — П. И. Шуйский — знаменитый воевода, видный боярин середины XVI в., сын И. В. Шуйского, известного правителя времен малолетства Грозного, потомок той ветви рода суздальских князей, которая восходит к Василию Курдяпе, сыну князя Дмитрия Константиновича. Весной 1552 г. П. И. Шуйский вместе с А. Б. Горбатым был послан в Свяжск, где усмирил волнения горных черемисов и привел их к присяге Ивану Грозному. После взятия Казани он был оставлен наместником в Свяжске, принимал участие в подавлении бунта арских людей в 1556 г.; в ходе Ливонской войны возглавлял осаду Дерпта (1558), Мариенбурга и Феллина (1559); в 1563 г. после взятия Полоцка был оставлен в городе для его укрепления. Погиб в 1564 г. в сражении с гетманом Радзивиллом на р. Уле.

...царь крымской... — Девлет-Гирей (см. коммент. к с. 406).

...якоже кроткому Давиду на безбожнаго Голияда. — См. коммент. к с. 404.

...прими покаяние мое, якоже Давида, Иезекиля и Манасия, и разбойника, и ниневитянъ. — Иван Грозный называет имена известных библейских героев: царя Давида, легендарного составителя Псалтири; пророка Иезекииля, жившего во времена царя Иосии;

иудейского царя Манассии, преемника Езекии, чье царствование было ознаменовано грехами и беззакониями, за которые он был наказан Богом — уведен пленником в Вавилон, но после покаяния прощен и возвращен в Иерусалим; одного из разбойников, распятых вместе с Христом, который, согласно Евангелию от Луки (23, 39—44), перед смертью раскаялся и, уверовав в Христа, получил искупление грехов; ниневитян — жителей Ниневии, столицы Ассирийского царства, отличавшихся испорченными нравами, но помилованных Господом после их искреннего раскаяния (Иона. 3, 4—10).

Стр. 518. *Ты пренепорочную владычицу Богородицу, со апостолы к тебѣ пришедшу, видѣ...* — Имеется в виду эпизод, описанный в «Житии Сергия Радонежского», когда после молитвы святого перед образом Богородицы она предстала перед ним вместе с апостолами Петром и Иоанном и сообщила о Божьей милости, которую вымолил для своего монастыря Сергей (см. т. 6 наст. изд.).

Стр. 520. *...И якоже послал ... архистратига Михаила ... вѣрному своему Аврааму на Ходологомора царя содомского... и твою, Господи, силою и помощию... архистратига Михаила сих побѣди...* — Речь идет о библейском эпизоде, рассказывающем о победе Авраама над противником царей Содомы и Гоморры Кедорлаомером, захватившим города Иорданской долины и взявшим в плен племянника Авраама Лота (Быт. 14, 5—24). В обоих списках Троицкого сочинения этот эпизод передан неточно, вероятно вследствие порчи первоначального текста.

...и якоже Исусу Наввину того же помощника послал еси ... егда же и обступилша град Иерихон ... Исус Наввин царей и всѣх людей во Иврихоне граде избѣче... — См. коммент. к с. 440.

...такоже пособникъ бысть и Гедеону на мадияны той же архистратиг Михаил... и мадиямы сами между собою избѣкошася смятением архангеловым... — Библейский герой Гедеон, сын Иоаса из г. Офры, 7-й судья израильский, согласно библейскому рассказу, был подвигнут ангелом Господним спасти свой народ от ига мадианитян: во главе трехсот безоружных воинов он окружил стан врагов и вызвал в нем такой сильный переполох звуками труб, треском разбитых кувшинов и светом свечей, что мадианитяне в темноте от страха поубивали друг друга (Суд. 7, 7—22).

...такожде и при благочестивом цари Иезекии и обстояше Иеросалим градъ Сеннахирим царь Асирский... архистратиг Михаил во едину ночь уби от полку асирска сто и восьмьдесятъ и пять тысячъ... — Речь идет о библейском эпизоде (4 Цар. 19), описывающем чудесную победу над ассирийским царем Сеннахеримом иудейского царя Езекиа, отказавшегося платить дань соседнему с Иудеей Ассирийскому царству.

...Такоже и приходитъ ко пречистыя Богородица образу, еже Лука евангелистъ написа... — См. коммент. к с. 402.

Стр. 522. *...с новыми чудотворцы: с великим святителем Петромъ...* — Петр — русский митрополит с 1305 по 1326 г.; деятельность его была тесно связана с политикой московского великого князя Ивана Калиты (деда Дмитрия Донского), направленной на усиление и рост Москвы. После смерти Петра митрополичья кафедра была переведена из Владимира в Москву, что имело большое значение для выдвижения Москвы на первое место среди других русских княжеств. Скончался Петр в 1326 г. и был погребен в заложенном им самим Успенском соборе. Он стал первым московским святым, канонизирован как общерусский святой в 1339 г., день памяти — 21 декабря.

...и Олексѣемъ... — Алексей (в миру Елевферий Бяконт) — продолжатель дела митрополита Петра, второй русский по национальности митрополит в Москве (с 1355 г.), основатель многих монастырей, опекун малолетнего князя Дмитрия (Донского), при котором практически выполнял функции регента-правителя. Умер в 1378 г. и был погребен в Чудовом монастыре. Канонизирован как общерусский святой в 1447 г. Дни памяти — 12 февраля и 20 мая.

...и Ионою... — Иона — первый русский митрополит, поставленный без санкции Константинополя в 1448 г., преемник митрополита Фотия, усердно помогал Ивану III в борьбе за объединение Руси. Умер в 1461 г. Почитание его было установлено в 1472 г., а общерусская канонизация — в 1547 г., день памяти — 15 июня.

...и *Леонтием...* — Леонтий — ростовский епископ, насаждавший в 60-х гг. XI в. христианство в отдаленной от Киева Ростовской земле, был убит местными язычниками около 1076 г. Канонизирован в 1194 г. как ростовский святой, общерусская канонизация относится к XIII в.

...и *со угодникомъ твоимъ великимъ чудотворцомъ преподобнымъ Сергиемъ...* — Сергей Радонежский (см. его Житие в 6 т. наст. изд., с. 254—411) — один из самых почитаемых московских святых; как общерусский святой канонизирован в 1447 г.

...и *Никоном...* — Никон — ученик Сергия Радонежского, принявший после его смерти игуменство в Троицком монастыре и отстроивший его заново после нашествия Едыгея в 1408 г. Умер в 1424 г. Канонизирован как общерусский святой в 1547 г., день памяти — 17 ноября.

...и *с Кирилом...* — Кирилл — Кирилл Белозерский, в миру Козма (1337—1427), ученик и подражатель Сергия Радонежского, основатель Кирилло-Белозерского Успенского монастыря; канонизирован в 1447 г., день памяти — 9 июня.

...и *Дмитрием...* — Дмитрий Прилуцкий, небесный покровитель г. Вологды, основатель Спасо-Прилуцкого монастыря — первого на Руси монастыря в честь праздника Всемиловитого Спаса и пресвятой Богородицы (так называемый «первый», или «медовый», Спас), установленного Андреем Боголюбским в 1164 г. Как и Кирилл Белозерский, Дмитрий Прилуцкий был продолжателем дела Сергия Радонежского, с которым ему довелось встречаться. Умер преп. Дмитрий в 1392 г. Одним из посмертных чудес его было явление Ивану Грозному во время казанского похода с обещанием своей помощи. Канонизирован в 1447 г.

Стр. 526. ...*Сам же благочестивый царь и великий князь приходитъ ко образу пречистыя Богородицы, иже на Дону была с православнымъ великимъ княземъ Дмитреемъ Ивановичем...* — В «Сказании о Мамаевом побоище» рассказывается о моленни Дмитрия Донского в Успенском соборе в кремле перед выходом в поход против Мамаея перед чудотворным образом Владимирской Богоматери, но о том, что князь брал ее в поход, ни в «Сказании», ни в других произведениях Куликовского цикла не упоминается (ср.: Казанская история. Наст. том, с. 406).

Стр. 528. ...и *отпускаетъ к Туль передъ собою многие люди и нарядъ в лето 7063-го июня 21 день.* — Здесь в обоих списках явно ошибочная дата: освобождение Тулы воеводами Грозного произошло накануне взятия Казани в 1552 г.

Стр. 532. ...*отпустил воеводу своего князя Петра Андрѣевича Булгакова...* — П. А. Булгаков (Куракин) — боярин, двоюродный брат Ю. М. Булгакова, сын Андрея Кураки — прямого потомка Ивана Булгака. В 70-е гг. попал в опалу и на десять лет был послан в Казань, после чего во времена второй опричнины был казнен.

Туры — стенобитные орудия, предназначавшиеся для штурма крепостей.

Стр. 536. ...*якоже о фараонѣ и о колесницахъ его...* — Поведению казанцев, не желающих покориться Грозному, автор находит параллель в Библии — в рассказе об обстоятельствах исхода евреев во главе с Моисеем из Египта (Исх. 7—14): жестокосердие фараона, не желавшего отпустить израильтян из Египта, обернулось гибелью его самого и всего его войска в водах Красного моря, расступившихся перед израильтянами и сошедшихся над головами египтян, на многочисленных колесницах преследовавших евреев. Христианские авторы часто обращались к этому библейскому эпизоду в назидание всем ожесточившимся грешникам.

...*чернецъ, именемъ Андреянъ Ангилонъ, со единымъ братомъ...* — Об Адриане Ангелове см. на с. 612—613 наст. тома.

...*нося икону, на нейже написан образъ живоначальныхъ Троица и пречистая Богородица со апостолами и преподобнымъ чудотворцемъ Сергиемъ и Никономъ...* — Иконографическая композиция «Сергиево видения», возникшая на основе одного из эпизодов «Жития Сергия Радонежского», включала изображенные на фоне палат фигуры Богоматери и апостолов (справа от зрителя) и Сергия с учеником Михеем (слева). Позднее вместо Михея рядом с Сергием стал изображаться его последователь и преемник Никон, культ которого развивается в XVI в. Икона, полученная Грозным под Казанью, до нас не дошла, однако отчасти представление о ней можно составить по сохранившейся иконе Евстафия Головкина, келаря Троице-Сергиева монастыря, написанной в 1588 г. по заказу царя Федора Иоанновича и позднее ставшей патрональной иконой русских войск, отправлявшихся на войну, вплоть до начала XX в. Таким образом, данный эпизод Троицкого сочинения

зафиксировал начальную стадию формирования многовековой традиции использования иконы «Сергиева видения» как патрональной во время важнейших военных предприятий русских самодержцев (см.: Волкова Т. Ф. Комментарий к одному фрагменту «Казанской истории» (Сюжет «Сергиева видения» в сочинениях XVI в. о взятии Казани) // *ТОДРЛ*. Т. 38, с. 179—184).

Стр. 538. *Нький же человекъ бѣ благочестиваго царя, именемъ Размыслъ, родомъ литвинъ... Сему же повелѣша многия подкопы творити подъ градныя стѣны.* — Автор Троицкого сочинения более точно, чем летописные источники, определяет происхождение специалиста по подкопам и миному делу в войске Грозного — Размысла: он назван не «немчином» (т. е. иностранцем), как в «Летописце начала царства», а «литвином», что соотносится с указанием Никоновской летописи под 1535 г. на появление такой военной новинки, как «подкопование», именно у «литовских людей» (Насонов А. Н. Новые источники... С. 7).

Стр. 540. *...но тутю на стѣнѣ ста воевода князь Михайло Ивановичъ Воротынскойой...* — М. И. Воротынский, известный полководец эпохи Грозного, относился к числу служилых князей, занимавших промежуточное положение между удельными князьями и боярством. Его род восходил к черниговскому князю Михаилу Всеволодовичу, а непосредственным предком, родоначальником фамилии был Ф. Ю. Воротынский. В казанской кампании 1552 г. М. И. Воротынский был воеводой большого полка, руководил осадными работами у Арской башни и Царевых ворот; после взятия города возглавил конную рать, отправившуюся из Казани берегом на Васильевск. С началом опричнины одним из первых попал в опалу и в 1562 г. был сослан в Кирилло-Белозерский монастырь, однако вскоре получил прощение и в 1565 г. был возвращен в Москву и избран в Думу. В 1672 г. он был назначен главнокомандующим армии, направленной против войск крымского хана, вторгшихся в русские земли, и одержал над ними победу, но был обвинен в измене и казнен 12 июля 1573 г.

...да Алексѣй Даниловичъ Плещеевъ. — А. Д. Плещеев-Басманов — видный боярин, один из лучших воевод XVI в., принадлежал к древнейшему роду, возвысившемуся в Москве еще в XIV в. и восходящему к черниговскому князю Федору Бяконту; отец его служил постельничим у Василия III. В малолетство Грозного Алексей Басманов участвовал в заговоре против И. Бельского на стороне Шуйских, позднее преуспел на военной службе: отличился под стенами Казани и в знаменитой Судбищенской битве с крымскими татарами 1555 г.; в первые дни Ливонской войны с небольшими военными силами овладел неприступной Нарвой, синскав расположение Ивана Грозного и став его главным советником. Позднее он выступает как один из организаторов и руководителей опричнины, однако после раскрытия «новгородской измены» в 1571 г. попадает в опалу. Согласно одной из версий, Алексей Басманов был убит по приказу Грозного собственным сыном — любимцем царя Федором Басмановым.

Стр. 542. *...и видитъ... на воздухе апостоли 12 стоящихъ во святительской одежи, велиимъ свѣтомъ сияя...* — Далее в обоих известных списках пропуск текста, что ясно из последующей фразы и что подтверждается соответствующим фрагментом «Казанской истории», заимствованным из троицкой «Повести» (см. с. 444 наст. тома).

Стр. 546. *«И будетъ едино стадо и единъ пастырь».* — Иоанн. 10, 16.

Не остави мене, Господи Боже мой, и не отступи от мене, воими в помощь мою! — Пс. 37, 22—23.

Боже, в помощь мою воими, Господи, помози ми подицися! — Пс. 69.2.

Богородицынъ хлеб — часть просфоры, поставляемой во время литургии на горнем месте за престолом; в монастырях над частью этой просфоры, отделенной в честь Богородицы, после службы и окончания братской трапезы совершался Чин возвышения панагии.

Стр. 546—548. *И се внезапно вторый подкопъ тако же сотвори... что за градомъ многия люди со града сметашася...* — Этот текст восстановлен по рукописи БАН, 32.8.3; в издаваемом списке он утрачен.

ЧАШИ ГОСУДАРЕВЫ ЗАЗДРАВНЫЕ

Чаша государева заздравная — это прежде всего обряд испития чаши (чарки, братины) за здоровье и благополучие государя — князя, царя. Так же изывалась и речь, произносившаяся при поднятии чаши (тост).

Обычай испивать заздравные чаши государевы был повсеместным на Руси. При царском дворе придавали большое значение этому ритуалу как выражению преданности самодержцу. Нарушение его считалось таким же преступлением, как оскорбление царского величия.

Как на светских пирах, так и за монастырской трапезой чаши следовали в определенной последовательности, не оставшейся, однако, неизменной. За монастырской трапезой государева чаша следовала после чаш во славу Христа и Богородицы, но ей могли предшествовать также чаши в честь праздника и в честь святого. Каждой из чаш за монастырской трапезой предшествовало пение тропарей, почему монастырские чаши назывались также трапезными и тропарными.

Текст чаши государевой не был раз и навсегда установленным. Это могла быть простая здравница, но чаще текст чаши включал и другие благопожелания. В церковном Уставе редакции 1401 г. (Иерусалимском) предлагался такой текст для произнесения на трапезе «о здравии цесарем или князем»: «В долголетний живот здравия, смирения, благопоспешения, и спасения, и на врагы победа благочестивому и христоролюбивому великому князю». Однако все дошедшие до нас тексты чаш государевых, созданных в XVI—XVII вв., гораздо многословнее. Сохранились тексты чаш царей Ивана Грозного, Бориса Годунова, Михаила Федоровича, Алексея Михайловича, Федора Алексеевича. Тексты эти представляют как исторический, так и литературный интерес.

С XVI в. обряд испития государевой чаши в монастырях усложнился. Был составлен «Чин и устав на трапезе за приливок о здравии благочестивому и христоролюбивому царю и великому князю всея Руси самодержцу», который включал молитву за царя («Владыко многомилостиве»), произносившуюся игуменом или иереем, пение «Многолетия» и собственно чашу — речь при поднятии «царской чаши». Этот текст в большинстве списков Чина представляет собой здравницу — пожелание здоровья царю на многие лета, но вместо нее мог быть и пространный текст с различными благопожеланиями. Подробнее о чашах государевых см.: Орлов А. С. Чаши государевы. М., 1913; Соколова Л. В. Чаши государевы заздравные // Грузинская и русская средневековые литературы. Тбилиси, 1992, с. 191—208. Там же см. публикацию: Чаша государева царя Федора Алексеевича.

В наст. изд. публикуются две чаши — Ивана Грозного и Бориса Годунова.

ЧАША ГОСУДАРЕВА ЦАРЯ ИВАНА ВАСИЛЬЕВИЧА

Текст этой чаши, обнаруженный М. Н. Мясниковым в рукописи конца XVI в., впервые был опубликован в 1827 г. в «Трудах и летописях ОИДР» и переиздан А. С. Орловым (см.: Орлов А. С. Чаши государевы, с. 34). Поскольку судьба рукописи неизвестна, в наст. изд. текст публикуется по изданию А. С. Орлова с изменением пунктуации.

Чаша царя Ивана Васильевича создана в 1561—1563 гг.: в ней упоминается вторая жена царя, Мария Темрюковна, на которой он женился в 1561 г., и его родной брат Георгий, умерший в 1563 г.

В тексте чаши обращает на себя внимание фрагмент, характерный только для чаши Ивана Грозного и представляющий собой своего рода «пропаганду» преданности царю (см. третий абзац).

Стр. 556. ...и своими Богомъ дарованными чады, а с нашими государи, царевици Иоаном и Феодором... — Сыновья Ивана Грозного от первой жены, Анастасии Романовны Захарьиной.

Владимир — двоюродный брат Ивана IV Владимир Андреевич Старицкий (см. коммент. к с. 390).

ЧАША ГОСУДАРЕВА ЦАРЯ БОРИСА ФЕДОРОВИЧА

После восшествия на трон Бориса Годунова была составлена рекомендация к написанию чаши нового царя, помещенная в Хронографе русской редакции (третьей редакции первого разряда). Она составлена на основе молитвы «Владыко многомилостиве», входившей с XVI в. в «Чин за призывок о здравии царем и князем». Сходство с молитвой обнаруживается не только в благопожеланиях, но и в особом подчеркивании богоизбранности царя, чего нет, например, в чаше Ивана Грозного. Вслед за этой рекомендацией к составлению текста чаши нового царя автор Хронографа помещает им самим созданную чашу царя Бориса Федоровича. Отличительной особенностью этого текста является то, что он содержит не только благопожелания, но и своеобразные наставления царю в форме пожеланий («...а на насъ бы на рабѣхъ его отъ пучины премудраго своего разума и обычая мудраго и милостивнаго нрава неоскудныя рѣки милосердия изливались выше прежняго, а къ воинскому бы чину призражие и храбрское устройство, и много милости бѣднымъ, и вдовамъ, и сиротамъ и всѣмъ милостиво покровение и крѣпкое защищение, а виннымъ пощада и долготерпѣние») (см.: Орлов А. С. Чаши государевы, с. 39—41).

В наст. изд. чаша государева царя Бориса Федоровича публикуется по рукописи РНБ, Соловецкое собр., № 852/962, XVII в., л. 492—494. Отличие этого текста от помещенного в Хронографе — в отсутствии приведенного фрагмента, содержащего «наставления» царю, и в стилистических особенностях: в публикуемом тексте синтаксис усложнен, характерен прием «нанизывания» синонимов, особенно в определениях, относящихся к царю.

СОДЕРЖАНИЕ

Д. С. Лихачев. Литература «государственного устройства» 5

	Стр. текста	Стр. коммент.
Повесть о болезни и смерти Василия III (<i>Подготовка текста, перевод и комментарии Н. С. Демковой</i>)	20	562
Хождение на Восток гостя Василия Познякова с товарищи (<i>Подготовка текста, перевод и комментарии О. А. Белобровой</i>)	48	569
Повесть о споре жизни и смерти (<i>Подготовка текста и комментарии Р. П. Дмитриевой, перевод Л. А. Дмитриева</i>)	94	578
Из «Измарагда» (<i>Подготовка текста, перевод и комментарии О. В. Творогова</i>)	100	579
Домострой (<i>Подготовка текста, перевод и комментарии В. В. Колесова</i>)	116	581
Чин свадебный (<i>Подготовка текста, перевод и комментарии В. В. Колесова</i>)	216	587
Об умствованиях Косого (Из «Многословного послания») (<i>Подготовка текста, перевод и комментарии Я. С. Лурье</i>)	240	589
Казанская история (<i>Подготовка текста и перевод Т. Ф. Волковой, комментарии Т. Ф. Волковой и И. А. Лобаковой</i>)	252	593
Тронцкая повесть о взятии Казани (<i>Подготовка текста, перевод и комментарии Т. Ф. Волковой</i>)	510	609
Чаши государевы заздравные (<i>Подготовка текста, перевод и комментарии Л. В. Соколовой</i>)	556	616
КОММЕНТАРИИ	562	